2964096 р.

~~9(47)~~
9.02(47)?

Vorsd.

13 - АВГ 1973
1676
9.02(47)
Э11 65
10 ОКТ 1964
12 2 МАЙ 1954

УЧЕБНИКЪ

ИСТОРІИ

ПРОФЕССОРА

АЛЕКСАНДРА ТРАЧЕВСКАГО

СЪ УКАЗАТЕЛЕМЪ И ХРОНОЛОГИЧЕСКОЮ ТАБЛИЦЕЮ.

НОВОЧЕРКАССКАЯ
Центральная библиотека
39929
1728

РУССКАЯ ИСТОРІЯ.

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ БИБЛІОТЕКИ НОВОЧЕРКАССКАГО
р. 2964096
Донская Государственная Публичная библиотека
(Для книг)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ КАРЛА РИККЕРА
Невскій проспектъ, 14.
1885

(1034)

„Составленіе учебника гораздо труднѣе сочиненія ученыхъ диссертацій. Замѣчая самъ нѣкоторые недостатки своей работы, авторъ увѣренъ, что люди болѣе свѣдущіе и опытные уловятъ въ ней еще болѣе промаховъ“. Повторяя эти строки изъ предисловія къ первой части своего учебника (Древняя Исторія), авторъ долженъ прибавить, что теперь онъ еще болѣе убѣдился въ ихъ справедливости. Принося благодарность критикѣ за указаніе промаховъ, онъ и на этотъ разъ ждетъ товарищескаго содѣйствія ученыхъ и педагоговъ, тѣмъ болѣе, что Русская Исторія писана при лично неблагопріятныхъ для него обстоятельствахъ.

При новомъ изданіи всѣ указанія будутъ приняты въ разсчетъ, тѣмъ болѣе, что они не касаются плана труда и характера изложенія, т.-е. основы дѣла, къ которой критика отнеслась вообще благосклонно. Но нельзя согласиться съ мнѣніемъ, что при спорныхъ вопросахъ должно указывать разногласія. Учебникъ—не ученый трактатъ: здѣсь должно или догматически излагать вопросъ, или вовсе не касаться его. Авторъ настаиваетъ на этомъ заявленіи особенно въ виду своей Русской Исторіи, зная, что нѣкоторыя мѣста въ ней вызовутъ еще болѣе строгій упрекъ въ указанномъ смыслѣ. Здѣсь есть важные вопросы, которыхъ обойти нельзя, хотя прежніе взгляды на нихъ поколеблены въ наукѣ: не видя новыхъ взглядовъ или не находя ихъ доказанными, авторъ держался научнаго преданія, во главѣ котораго стоятъ труды его незабвеннаго учителя, С. М. Соловьева.

По размѣрамъ Русская Исторія не выходитъ изъ предположенныхъ рамокъ: она даже менѣе Древней, если исключить обзоры западной и славянской исторіи—особенность, которою авторъ дорожитъ въ силу идеи, положенной въ основаніе труда, но которая не обязательна для преподавателя.

Авторъ считаетъ долгомъ заявить признательность министерству народнаго просвѣщенія и вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи за доступъ къ матеріаламъ, послужившимъ къ болѣе точному статистическому выводу относительно просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ въ настоящее время. Кандидату спб. университета, А. И. Лоренцу, онъ обязанъ помощью въ столь томительной работѣ, какъ составленіе Указателя, для котораго издатель не жалѣлъ мѣста, такъ какъ дѣло касалось исторіи родной страны.

С.-Петербургъ.
8-го февраля 1885 года.

I. Первобытные славяне и ихъ сосѣди. До 850 г.

---

§ 1. **Первобытные европейцы.** — *Геологія* (наука о корѣ земной) и *палеонтологія* (наука объ окаменѣлостяхъ) доказываютъ, что земной шаръ и природа образовались постепенно, въ теченіе четырехъ періодовъ. Во 2-мъ періодѣ Европа была еще подъ водой, за исключеніемъ Альпъ. Затѣмъ сначала осушился Западъ: тамъ уже жилъ человѣкъ, когда на мѣстѣ Россіи еще разстилался первобытный океанъ, изъ котораго выдвигался только Уральскій хребетъ. Въ 4-мъ періодѣ земля населилась людьми: его называютъ „періодомъ человѣка и его *культуры*" или вліянія на природу, которое привело прежде всего къ появленію домашнихъ растеній и животныхъ. *Доисторическая археологія* (наука о костяхъ и вещахъ первобытнаго человѣка) доказываетъ, что люди, заселявшіе юго-западъ и сѣверъ Европы въ началѣ 4-го періода, еще не знали металловъ: у нихъ все было каменное. То время и названо *каменнымъ* вѣкомъ, который раздѣляется на „старую" и „новую" эпоху: въ 1-й человѣкъ просто оббивалъ камень камнемъ, во 2-й лощилъ, полировалъ его. Древнѣйшій европеецъ былъ дикаремъ *старокаменной* эпохи. У него не было *цивилизаціи* или развитія, которое дается жизнью обществами: то были отдѣльныя семьи, которыя не имѣли постоянныхъ жилищъ, занимали пещеры и употребляли орудія изъ неотесаннаго камня и кости. Этотъ европеецъ принадлежалъ *желтой* породѣ (*Древн. Ист.* § 4); онъ прибылъ изъ Азіи, частью по берегамъ Средиземнаго моря, частью чрезъ Сибирь. Позже въ Европѣ настала *ново-каменная* эпоха. Тогда люди жили уже осѣдлымъ общежитіемъ, въ избахъ, которыя строили даже на озерахъ, на сваяхъ; они знали земледѣліе, ткали одежду изъ льна, ставили „долмены" (каменныя гробницы). Это былъ человѣкъ *бѣлой* породы, также прибывшій изъ Азіи. Онъ занялъ

юго-западъ Европы и вытѣснилъ желтаго внутрь материка, въ дремучія дебри и непроходимыя болота, а потомъ далѣе на с.-в.; но бѣлые не пошли тогда далѣе Стокгольма, за которымъ жили желтые, пришедшіе черезъ Сибирь и занимавшіе также восточное побережье Балтійскаго моря до Вислы. А русская равнина все еще была безлюдною пустыней. Ея позднѣйшее заселеніе доказывается отсутствіемъ старокаменной эпохи: недавнія раскопки нашихъ археологовъ открыли въ южной и средней Россіи и въ Польшѣ лощеныя каменныя орудія и долмены, притомъ лучшей работы. Около 2,000 л. до Р. Х. каменный вѣкъ въ Европѣ смѣнился *бронзовымъ*, за которымъ послѣдовалъ желѣзный, около 1,000 лѣтъ спустя.

§ 2. **Арійцы. Начало славянства.**—Породы желтая и бѣлая составляютъ главную часть человѣчества. Въ первой изъ нихъ важнѣйшую роль играютъ *монголы*, которые распадаются на *алтайцевъ* или татарское племя (татары, калмыки, китайцы, сибирскіе инородцы, киргизы, турки) и *уральцевъ* или финское племя (финны, мадьяры, мордва и другіе русскіе инородцы). Во главѣ бѣлой или кавказской породы стоятъ *арійцы* или индоевропейцы—самое молодое и самое развитое племя, которое вытѣсняетъ всѣ другіе отдѣлы человѣчества. Родиной арійцевъ, „благородныхъ", былъ Туркестанъ, откуда они разошлись по всему свѣту. Уже тамъ (3,000 л. до Р. Х.) они жили полуосѣдло, но употребляли еще каменныя лощеныя орудія: изъ бронзы дѣлали только украшенія. У нихъ были „рало" (соха) и телѣга; они сѣяли овесъ и ячмень, пекли хлѣбъ, пили медъ. Близкія семьи составляли *родъ*, подчиненный *князю*, „родителю", который былъ и жрецомъ, и судьей, и вождемъ. Главный *дева* (богъ, лат. deus), Индра, истреблялъ все вредное своими молніями и громомъ. Отцы семей приносили жертвы богамъ на алтарикѣ, причемъ пѣли молитвы, ставши на колѣна или поднявъ руки къ небу. Около 2,500 л. до Р. Х. арійцы стали выселяться изъ своей родины, тѣснимые монголами. Занявши Переднюю Азію, они перешли въ Европу, распадаясь на племена: греко-италики и кельты заняли прибрежья Средиземнаго м. и Атлантическаго ок., германцы—средину западной Европы, славяне и литовцы—балтійское поморье и восточную равнину. Такъ какъ послѣдніе позже всѣхъ покинули свою родину, то ихъ рѣчь особенно близка къ санскриту, языку индусовъ, отъ котораго произошли всѣ другія арійскія нарѣчія. Арійцы принесли ново-каменную эпоху въ Европу. Неизвѣстно, кто именно изъ

нихъ ввелъ ее въ восточной равнинѣ. Мы знаемъ только, что за 1500—500 л. до Р. Х. по югу Россіи, который греки называли *Скиѳіей* и *Сарматіей*, проходили кельты и германцы, а ок. 500 г. сюда прибыли литовцы и славяне. Литовцы остановились у Нѣмана и заняли болотистую землю, по сосѣдству съ финнами. *Славяне* же (которыхъ греки называли вендами) заняли среднюю Россію до верховьевъ Оки, гдѣ начиналась область финновъ, и до Камы и Волги, гдѣ утвердился другой монгольскій народъ—болгары. Тогда у славянъ уже были *желѣзныя* орудія. Они разводили хлѣбныя растенія, овощи и плоды, занимались „бортневымъ ухожьемъ" (пчеловодствомъ), строили теплыя *избы* („ист-ба" — „истопка") изъ обтесанныхъ бревенъ, украшая ихъ иногда рѣзьбой. Славяне носили холщевыя рубахи съ широкими портами и шерстяные кафтаны; у нихъ были бубенъ, рогъ и балалайка. Германцы и греки вели съ ними торговлю. Ок. Р. Х. славяне дошли на с.-з. до Новгорода, а на ю.-з. до Карпатъ, которые и назывались по имени славянскаго народа *карповъ* или хорватовъ. Во время переселенія народовъ (4—5 в. по Р. Х.) славяне стали выселяться изъ Карпатъ: одни пошли на с.-з. и заняли долины Тиссы, Эльбы, Одера, Вислы и Балтійское поморье, другіе устремились на ю., за Дунай, гдѣ они заняли *Мизію* (нын. Болгарію), отчасти же прошли до Греціи и острововъ Архипелага. На Балканскомъ полуостровѣ эти переселенцы, которыхъ греки впервые стали называть тогда „славянами", прославились своею воинственностью: на своихъ лодкахъ-однодеревкахъ они совершали морскіе походы до Малой Азіи и вели упорную борьбу съ Византіей; ихъ дружины нанимались также къ греческимъ императорамъ. Славяне попадали даже въ византійскіе сановники: императоръ Юстиніанъ I былъ славянинъ Управда. Тогда же пала Зап. римская имперія, и изъ ея владѣній образовалось нѣсколько варварскихъ государствъ. Франкское королевство простиралось отъ Атлантическаго ок. до Рейна, Ломбардское занимало всю Италію до Альпъ; Восточная римская имперія или Византія доходила отъ Архипелага до Нижняго Дуная; средина Европы, между Рейномъ, Эльбой и Дунаемъ, была занята германскими ордами, еще не образовавшими государствъ. Все же пространство къ с. и в. отъ германцевъ было занято славянскимъ племенемъ, которое уже распалось тогда на три отдѣла—на западныхъ, южныхъ и восточныхъ славянъ.

§ 3. **Южные и западные славяне.** — Южные славяне (къ нимъ принадлежатъ теперь сербы, болгары, черногорцы, сло-

венцы и хорваты) первые выступаютъ въ исторіи, въ лицѣ поселенцевъ за Дунаемъ, въ особенности въ Мизіи (§ 2). Затѣмъ, въ началѣ 7 в. византійцы, одолѣваемые аварами, призвали на помощь хорватовъ и сербовъ, жившихъ въ Карпатахъ. *Хорваты* заняли долины Савы и Дравы и восточные берега Адріатики; *сербы* поселились подлѣ нихъ, въ нынѣшней Сербіи, Босніи, Герцеговинѣ и Черногоріи. Тѣ и другіе признали себя подданными Византіи и жили мирно въ теченіе 2-хъ вѣковъ. Но у мизійскихъ славянъ произошелъ переворотъ: около 650 г. ихъ завоевали *болгары* — народъ монгольскаго племени, жившій на Камѣ и вытѣсненный оттуда другими кочевниками желтой породы. Болгары вполнѣ слились съ славянами, заимствовавъ ихъ языкъ и бытъ и давъ имъ свое имя. Это было первое славянское государство, которое существовало около 700 л., до нашествія турокъ. Столицей *болгарскаго княжества* была Прѣслава (близъ Варны), а крѣпостью—Доростолъ (Силистрія). Вскорѣ болгары стали грозой Византіи. Ихъ владѣнія простирались отъ Адріанополя до средняго Дуная и Трансильваніи; имъ подчинялась большая часть южн. славянъ. Но тогда-же противъ нихъ выступили германскіе франки со своимъ Карломъ Вел. Они завладѣли *хорватами* и до того угнетали ихъ, что тѣ возстали и основали независимое княжество (ок. 850). — Западные славяне (теперь поляки, чехи, мораване и словаки) занимали ок. Р. Х. долины Эльбы, Одера, Вислы и все Балтійское поморье. *Чехи, мораване* и *словаки* соприкасались съ хорватами. У Эльбы (слав. Лаба) жили *бодричи*; у Одера — *лютичи*. Отъ Одера до Литвы жили *ляхи* или поляки (иначе поморяне) подъ разными именами. Между лютичами и чехами жили *лужичане* и др. Западные славяне славились воинственностью, такъ какъ должны были бороться съ германцами; особенно отважны были жители балтійскаго поморья — морскіе разбойники и вмѣстѣ съ тѣмъ торговцы. Ихъ городъ *Волинъ*, на о. Рюгенѣ, долго славился въ преданіяхъ своимъ богатствомъ. Но они жестоко враждовали между собой, что дало возможность Карлу Вел. покорить бодричей и лютичей и распространить свои владѣнія до Одера. Изъ зап. славянъ важнѣе всѣхъ чехи и поляки. По преданію, чехи произошли отъ родоначальника *Чеха*. Они долго боролись съ монгольскими кочевниками, въ особенности съ *обрами* (авары), которые даже запрягали ихъ въ телѣги. Съ помощью франковъ, чехи истребили враговъ, такъ что у славянъ долго сохранялась пословица: „погибъ, какъ обръ“. Около 700 г. у нихъ образо-

валось государство, съ княземъ *Крокомъ* во главѣ. По смерти его, народъ выбралъ его младшую дочь, *Любушу*, которую называли за ея умъ „вѣщею“ (мудрою): ея справедливость воспѣта въ народной пѣснѣ „Любушинъ Судъ“; она построила столицу *Прагу*. Любуша избрала себѣ въ мужья крестьянина *Премысла*, и отъ нихъ пошелъ родъ *Премыславичей*. *Польша* была основана, по преданію, переселенцами изъ Чехіи, выведенными братомъ Чеха, *Ляхомъ*. Они поселились на р. Вартѣ, подъ названіемъ „полянъ“ (отсюда „поляки)“. Ляхъ нашелъ здѣсь гнѣздо бѣлыхъ орлятъ и основалъ столицу *Гнѣзно*. Затѣмъ, въ Гнѣзнѣ княжилъ какой-то *Попелъ*, надмѣнный и дурной правитель, женатый на нѣмкѣ. Народъ возсталъ и возвелъ на престолъ добраго крестьянина, *Пяста* (ок. 850). Попела же заточили въ башню, гдѣ мыши съѣли его со всею семьей. Родъ Пяста управлялъ польскимъ государствомъ ок. 500 л.

§ 4. **Восточные славяне.**—Восточные славяне занимали, въ первые вѣка нашей эры, сѣв.-восточную равнину Европы. Это была дикая страна, покрытая дремучими лѣсами и болотами. Сначала заселилась ю. часть ея, обратившаяся въ степь, покрытую высокой травой, подъ которой скрывался богатый черноземъ; лѣса сохранились только у рѣкъ, особенно у Днѣпра. Эта степь доходила до Кіева, Курска и Воронежа. По ней шелъ торговый путь къ Византіи. Далѣе къ с. равнина заселялась медленнѣе. Въ дебряхъ жители селились у рѣкъ, орошавшихъ вост. равнину, благодаря *Алаунской возвышенности*. Эти рѣки служили единственнымъ путемъ сообщенія, въ особенности зимой, когда жители спѣшили сбыть на югъ избытокъ отъ своихъ промысловъ. Лѣтомъ перетаскивали лодки изъ одной рѣки въ другую, черезъ безводныя пространства, „волоки“. Рѣки вост. равнины, спокойныя и глубокія, играли ту же роль, что моря на Западѣ: онѣ служили главнымъ орудіемъ народнаго развитія. Различіе природы вост. и зап. Европы отразилось на населеніи: западный европеецъ, обладатель горъ и морей, предпріимчивъ, отваженъ и независимъ; восточный—остороженъ, тихъ, малоподвиженъ; теряясь въ своей огромной равнинѣ, онъ ищетъ опоры въ сплоченіи; отсюда его стремленіе къ сильному самодержавію. Соотвѣтственно главнымъ воднымъ областямъ, вост. славяне распались на 4 группы. 1) Въ области оз. *Ильменя* и р. *Волхова* жили собственно *славяне*, называемые еще новгородцами, потому что у нихъ издревле былъ городъ *Новгородъ*. Вслѣдствіе плохой почвы, они занимались не земледѣліемъ, а промыслами

(ихъ даже называли „плотниками") и торговлей. Шайки удалой молодежи, „повольниковъ", снаряжали легкія лодочки, „ушкуи", и пускались бродить по рѣкамъ и лѣсамъ, торгуя, населяя и покоряя полудикій сѣв.-востокъ. Такъ Новгородъ распространилъ свои владѣнія до Бѣлаго м. и Оки; его колонисты основали *Ростовъ* и *Торжокъ*. Новгородцы торговали на востокѣ съ болгарами, хозарами и арабами, на западѣ—съ скандинавами: о нихъ упоминаютъ преданія этихъ народовъ. 2) къ ю.-з. отъ Ильменя, въ области *Западной Двины* и *Чудскаго* оз., поселилась другая вѣтвь вост. славянъ—*кривичи*, похожіе на новгородцевъ. У нихъ были города Изборскъ, Полоцкъ, Смоленскъ; впослѣдствіи ихъ главнымъ городомъ сталъ *Псковъ*. Кривичи заводили колоніи среди финновъ и литовцевъ и вели торговлю съ Европой и Византіей. Эти двѣ вѣтви вост. славянъ были самыми сильными и богатыми. 3) На ю.-з. было много мелкихъ группъ славянъ, сильно различавшихся между собой по быту. Они занимали область *Днѣпра*. У зап. берега Днѣпра жили *поляне*, мирные земледѣльцы. Для защиты отъ монгольскихъ кочевниковъ въ южн. степяхъ, они построили города Переяславль и *Кіевъ*. Поляне ходили по Днѣпру торговать съ Византіей; но ихъ обогащенію мѣшали, какъ кочевники, такъ и ихъ сосѣди—*древляне*, жившіе между Припетью и Днѣпромъ. Древляне (обитатели лѣсовъ) были грубыми звѣроловами. У нихъ былъ лишь одинъ городъ, бѣдный *Коростень*. Отъ нихъ много терпѣли также *волыняне*, жившіе по Бугу. Къ ю. отъ Днѣпра помѣщались *тиверцы* и *уличи* (угольные), многочисленные и богатые. На вост. берегу Днѣпра жили *сѣверяне*, которые вели торговлю и имѣли нѣсколько городовъ, между прочимъ богатый *Черниговъ*. По р. Сожѣ жили *радимичи*. 4) Область *верхней Волги* занимали *вятичи*. Ихъ средоточіемъ былъ новгородскій *Ростовъ*. Въ каждой изъ четырехъ вѣтвей вост. славянъ выработался особенный характеръ и говоръ: впослѣдствіи жителей Двинской области назвали *бѣлоруссами*, Днѣпровской—*малороссами*, Верхне-Волжской и Ильменской—*великоруссами*. Не смотря на эту внѣшнюю рознь, вост. славяне стремились къ одной цѣли—къ мирному распространенію путемъ торговли и колонизаціи. Въ ихъ кіевскомъ преданіи сохранилось воспоминаніе о всеславянской связи. Оно говоритъ, что *Русъ*, братъ Чеха и Ляха, пришелъ на Днѣпръ. Одинъ изъ его потомковъ, *Кій*, перевозившій народъ на плоту черезъ Днѣпръ, основалъ Кіевъ и поселился тутъ съ своими братьями, *Щекомъ* и *Хоривомъ*, и съ сестрою *Лыбедью*.

§ 5. **Сосѣди вост. славянъ.** а) **Монголы.** Восточные славяне были окружены попреимуществу монгольскими народами. На с. жили *финны* (нѣм. имя; славяне называли ихъ чудью и чухною), принадлежащіе къ уральцамъ (§ 2). Это — многочисленное племя, раздѣлявшееся на множество народцевъ: эсты, пермь, мурома, меря, мордва, черемисы и др. Они занимали с. Россіи до р. Москвы и Ильменя, а также берега Балт. м. до Нѣмана. Зап. и южн. финны, торговавшіе съ славянами и скандинавами, занимались земледѣліемъ и промыслами. Они поклонялись свѣтлому богу неба, *Юмалѣ*, въ видѣ каменныхъ идоловъ, съ чашкой въ сложенныхъ рукахъ; ему давали часть имѣнія покойника, которую зарывали въ священныхъ лѣсахъ и покрывали курганомъ. Въ Финляндіи сохранилась древняя поэзія, *Калевала*, гдѣ воспѣты финскіе богатыри-чародѣи, истребляющіе лопарей. Изъ раскопокъ въ Яросл. и Владим. губ. видно, что меря имѣла довольно развитую культуру: у нея были желѣзныя орудія (мечъ, топоръ, соха, серпъ, багры, стремена, гвозди, замки), а также сундучки, глиняная посуда, украшенія (кружева, запонки, золотые снурки) и византійскія шелковыя ткани (паволоки); на головѣ носили золотыя кички и подвязывали волоса на лбу ремнемъ съ серебряными бляхами. Финское царство *Біармія* (Пермь), которое доходило до Урала и устьевъ Сѣв. Двины и сохранялось до 13 в., славилось своимъ богатствомъ: до сихъ поръ находятъ дорогіе клады въ Пермск. губ. Болѣе сѣверные финны были полудикари каменнаго вѣка. Сосѣди вели съ ними нѣмую торговлю мѣхами: складывали товары въ извѣстномъ мѣстѣ и уходили, то же дѣлали финны; если купецъ былъ доволенъ промѣномъ, то бралъ финскій товаръ, а свой оставлялъ; если же нѣтъ, то увозилъ свое добро назадъ. Сѣв. финны поклонялись камнямъ, медвѣдямъ и вѣрили въ злыхъ духовъ, во главѣ которыхъ стоялъ ужасный *Керемѣть*. Для умилостивленія демоновъ прибѣгали къ заклинаніямъ и ворожбѣ: здѣсь было множество волхвовъ и кудесниковъ. Многіе финскіе народцы постепенно ославянились. Такъ исчезла мурома, оставивъ только свое имя г. *Мурому*. Отъ Біарміи начиналась *Великая Болгарія*, доходившая до Касп. м., которое называлось *Хвалынскимъ* по имени народца *хвалиссъ*. Въ 9 в. болгары сосредоточились на Камѣ. Они принадлежали къ болѣе развитымъ алтайцамъ (§ 2), славились своими металлическими и особенно кожевенными издѣліями, но больше всего занимались торговлей. Въ ихъ обширной столицѣ, *Великихъ Болгарахъ* (близъ Казани), сходились

купцы финскіе, славянскіе, персидскіе и арабскіе: арабы даже обратили ихъ въ исламъ и строили имъ мечети, школы и дворцы. Болгарами управлялъ грозный ханъ, въ присутствіи котораго даже родственники стояли безъ шапокъ. Ихъ царство сохранялось до татаръ (13 в.); ихъ потомки живутъ и теперь, близъ Казани, подъ именемъ *чувашей*. Югъ Россіи занимали различные выходцы изъ Азіи тоже монгольскаго племени. До 9 в. здѣсь жили полудикіе *обры*; ихъ смѣнили *хозары*, которые не угнетали вост. славянъ, ограничиваясь данью. Хозары образовали мирное государство у устьевъ Волги. Подлѣ Астрахани найдены остатки ихъ обширной столицы, *Итиля*, которая была узломъ ихъ торговли съ греками, славянами, евреями и арабами. Позже хозары распространились отъ Касп. м., которое называлось также *Хозарскимъ*, до Кубани, Терека, Крыма и Днѣпра. Среди нихъ было много мусульманъ, христіанъ и евреевъ. Во главѣ хозаръ стоялъ „каганъ"—духовный владыка еврейскаго закона. У него былъ свѣтскій помощникъ, „бегъ", начальникъ храбраго войска, которое удерживало славянъ отъ набѣговъ на Византію, за что греческіе императоры одаряли хозаръ и даже роднились съ каганами. Господство хозаръ подорвали *венгры* или *мадьяры* (§ 2), свирѣпые кочевники, подобные обрамъ (§ 3). Но, тѣснимые печенѣгами, они вскорѣ покорили хорватовъ (§ 3) и образовали, въ долинѣ Тиссы, государство Венгрію. *Печенѣги*, полудикіе кочевники, бродили по всей южной степи и долго тревожили вост. славянъ Ихъ богатство заключалось въ стадахъ; жили они въ кожаныхъ кибиткахъ на парѣ колесъ. Вѣчно на конѣ, вооруженные стрѣлами, копьями и арканами, печенѣги подстерегали, сидя по балкамъ, славянскихъ и хозарскихъ купцовъ, шедшихъ въ Византію, грабили и убивали ихъ. Иногда, собравшись большою шайкой и пользуясь днѣпровскими порогами, они подступали къ самому Кіеву. Византійцы подкупали ихъ для набѣговъ на вост. славянъ, хозаръ и болгаръ.

§ 6. б) **Литовцы и варяги.**—Только на с.-з. славяне соприкасались съ арійцами—съ литовцами и германцами. *Литовцы* распадались на много народцевъ: ливы, куры, латыши и друг. Они жили по Нѣману, среди трясинъ и лѣсовъ, и долго сохраняли первобытную дикость. Все ихъ богатство состояло изъ вѣниковъ, меду да коней, которые шли также въ пищу. Связью между ихъ родами служилъ духовный князь, *криве*: не только онъ самъ, но даже человѣкъ, посланный съ его палкой и шапкой,

пользовался безпрекословнымъ повиновеніемъ. За то криве долженъ былъ кончать свою жизнь самосожженіемъ. Литовцы боготворили дубравы, воду, огонь и животныхъ, приносили человѣческія жертвы, убивали престарѣлыхъ родителей; въ случаѣ народнаго бѣдствія умерщвляли женщинъ. Только на югѣ Литвы *ятвяги* уже составляли военную дружину и наводили ужасъ на славянъ; а на сѣверѣ литовцы торговали съ балтійскими славянами. Они дошли до береговъ моря, которымъ дали свои названія: *Балтика*—по лит. „бѣлый"; *Пруссія* —отъ лит. народца, „пруссовъ". Къ сосѣдямъ вост. славянъ должно отнести скандинавскихъ германцевъ, которыхъ славяне и греки называли *варягами*, а Балт. море — Варяжскимъ. Германцы заняли югъ Швеціи и Норвегіи задолго до Р. Х. и завели сношенія съ финнами; на вост. берегахъ Балт. м. находятъ бронзовыя и желѣзныя вещи скандинавскаго издѣлія, а въ финскомъ яз. сохранилось много скандинавскихъ словъ. Съ 8 в. скандинавы начинаютъ играть важную роль. Тогда у нихъ были отличные желѣзные мечи и поэтическая религія; они ставили памятники, украшенные „рунами" (змѣевидными письменами); ихъ „скальды" сочиняли чудныя „саги" (сказки), про удалыхъ „викинговъ" (родовые старшины), которые, съ своими дружинами, наводили ужасъ на весь Западъ, назвавшій ихъ „норманнами" (сѣв. людьми). Варяги завладѣли Англіей и основали государства въ Неаполѣ и Франціи. Въ Россію они проникали торговымъ „путемъ изъ варягъ въ греки": такъ называлась рѣчная система Волхова и Днѣпра, по которой норманны вели торговлю не только съ славянами, но и съ Византіей. Оттого въ ю. Швеціи находятъ арабскія и византійскія монеты, а въ Россіи англо-саксонскія деньги и скандинавскія вещи; въ скандинавскихъ же сагахъ встрѣчаются воспоминанія о *Гардарикѣ*, или „странѣ городовъ", какъ называли варяги новгородскую область. Варяговъ было много въ городахъ вост. славянъ; а Новгородъ до того былъ наполненъ ихъ купцами, что одна изъ его улицъ долго именовалась „варяжскою". У Финскаго зал. и Ладожск. оз. было уже нѣсколько варяжскихъ поселеній и два города — Старая Ладога и Старая Руса. Финны называли варяговъ *Русью* — имя, которое усвоили потомъ и славяне. Ок. половины 9 в. варяги такъ усилились здѣсь, что наложили дань на новгородцевъ, кривичей и финновъ.

§ 7. **Византійская эпоха.**—У вост. славянъ были еще сосѣди — *греки*, издавна основавшіе колоніи по берегамъ Чернаго

моря: Тиру (Аккерманъ), *Ольвію*, Ѳеодосію, Херсонесъ Таврическій или *Корсунь* (Севастополь), *Пантикапею* (Керчь), Фанагорію (Тамань), Танаисъ (Азовъ) и др. (*Древняя Ист.*, § 106). Въ 4 в. по Р. Х. римская имперія распалась на восточную и западную (*Древн. Ист*, § 277). Восточная называлась еще греческою или *византійскою*, благодаря новой столицѣ, Византіи или Константинополю. Тогда византійская имперія была хранительницей древней образованности, „классицизма", между тѣмъ какъ Римъ подвергся разгрому германскихъ варваровъ: тогда (500—900 г.) настала *византійская эпоха* въ европейской культурѣ. Греки собирали и списывали классиковъ и распространяли ихъ повсюду; особенно арабы много выписывали византійскихъ ученыхъ. Наиболѣе славился, какъ знатокъ древней письменности, патріархъ *Фотій*. Даже въ искусствѣ господствовалъ *византійскій стиль*, особенно въ зодчествѣ; это — храмъ, съ куполомъ, хорами и папертью для оглашенныхъ; образцомъ его былъ *соборъ св. Софіи* въ Константинополѣ. Живопись же и ваяніе пали въ Византіи, подъ вліяніемъ иконоборцевъ; византійцы любили только украшать стѣны храмовъ *мозаикой*, а книги *миніатюрами*. Византія была также первымъ городомъ въ Европѣ, и вост. славяне называли ее *Царьградомъ*. На ея заводахъ выдѣлывались шелковыя и золотыя ткани (паволоки), оружіе, предметы роскоши и искусства. Эти товары покупались во всей Европѣ и Азіи. Византійцы вели роскошную жизнь и увлекались зрѣлищами въ гипподромѣ: ихъ политическія партіи назывались „зеленою" и „голубою" по цвѣту возницъ на скачкахъ. Они любили также религіозные споры: у нихъ было множество сектъ; особенное значеніе пріобрѣли *аріане*, отвергавшіе божественность Христа. Въ Византіи возродилось самодержавіе римскихъ императоровъ, благодаря Константину Вел., которому духовенство служило опорой. Здѣсь же возникло *римское право*, основанное на идеѣ самодержавія. По закону, греческій монархъ наслѣдовалъ свою власть отъ римскихъ императоровъ; по Св. писанію, она была „Божіей милостью". Церковь вѣнчала и помазывала императора на царство; онъ носилъ почти церковное облаченіе съ царскими регаліями (корона, скипетръ и держава). Онъ былъ недоступенъ народу, отъ котораго его отдѣляло множество придворныхъ и чиновниковъ. Все это требовало огромныхъ средствъ, и народъ былъ угнетенъ крѣпостничествомъ да налогами, отъ которыхъ были избавлены духовенство и вельможи. Оттого, при внѣшнемъ блескѣ, государство было бѣдно и слабо: оно не могло само

защищаться. Его армія была полна наемниковъ. При самомъ блестящемъ императорѣ, *Юстиніанѣ I* (ок. 550 г.), въ Византіи вспыхнуло страшное возстаніе. Благодаря придворнымъ интригамъ, бунты умножались, и въ нихъ большую роль играла варяго-славянская гвардія. Императоры быстро смѣнялись на престолѣ и становились деспотами. Изъ нихъ *иконоборцы* казнили и ссылали многихъ за почитаніе иконъ, пока иконоборство не было уничтожено императрицей *Θеодорой* (ок. 850). При ея сынѣ, ничтожномъ *Михаилѣ III*, Византія подверглась нападенію варяговъ-руси и стала обращать славянъ въ христіанство. По этому поводу между константинопольскимъ патріархомъ *Фотіемъ* и папою *Николаемъ I* возникъ споръ, который привелъ къ раздѣленію христіанской церкви на *греко-восточную* и западную или *римско-католическую*. Съ принятіемъ христіанства, восточн. и южн. славяне подчинились византійскому, а западные — римскому вліянію.

§ 8. **Римско-католическій Западъ.** Варвары, разрушившіе Зап. римскую имперію (476), быстро принимали христіанство и нуждались въ духовномъ единствѣ, что привело къ возвышенію римскаго епископа или *папы*. Наконецъ они достигли и политическаго объединенія, образовавъ *франкское* королевство, съ *Карломъ Вел.* во главѣ. Папа возстановилъ для него титулъ римскаго императора; въ благодарность франки дали папѣ земли въ Италіи, и онъ сталъ свѣтскимъ государемъ. Съ тѣхъ поръ Европа совершенно распалась на восточную и западную, какъ въ политическомъ, такъ и въ церковномъ отношеніи. Папа не только пересталъ подчиняться константинопольскому патріарху, но объявилъ себя главой всего христіанства. Владѣя землями, онъ считалъ себя равнымъ римскому императору, какъ „духовный мечъ“ христіанства; держава Карла была названа „священною“ римскою имперіей. Только при помощи папы Карлъ могъ объединить Западъ и расширить свои владѣнія на в., между язычниками. Онъ крестилъ огнемъ и мечемъ многихъ балтійскихъ славянъ и аваровъ. По сосѣдству съ ними онъ устраивалъ „марки“ (украйны) и защищалъ ихъ „бургами“ (городками), заселенными нѣмецкою дружиной: такъ возникли марки *Бранденбургская* и *Австрійская* или „Восточная“. Карлъ установилъ самодержавіе на Западѣ: онъ издавалъ законы безъ участія народа и ввелъ подати вмѣсто добровольныхъ приношеній. Чтобы подавить независимость дружинниковъ, онъ отнималъ вотчины у непокорныхъ и раздавалъ ихъ своимъ приверженцамъ

въ *ленъ* или пожизненное владѣніе (помѣстье), какъ жалованье за военную службу. Рядомъ съ имперіей Карла, обнимавшей Германію, Францію и с. Италію, возникли другія государства по окраинамъ Запада, въ особенности германскія въ Англіи и Скандинавіи. Варвары старались заимствовать классицизмъ у разрушеннаго ими Рима. Карлъ выписывалъ изъ Италіи ученыхъ и мастеровъ и заводилъ классическія школы; латынь была языкомъ образованія; въ Англіи возникъ оксфордскій университетъ. Развивались и новые языки: въ 4 в. было переведено на нѣм. яз. Св. писаніе. Христіанство утвердилось почти по всему Западу и уже имѣло обширную литературу; но рядомъ монахи усердно занимались перепиской классиковъ. Въ 8 и 9 в. учителями Запада стали еще *арабы*, воспитавшіеся на классикахъ, добытыхъ изъ Византіи. Они построили въ Испаніи много школъ и университетовъ и обучали Европу классицизму, особенно философіи Аристотеля. Слабѣе другихъ странъ въ просвѣщеніи была Германія, въ особенности же Скандинавія, принявшая христіанство только въ 11—12 в.

§ 9. **Родовой бытъ, городъ, дружина, торговля у славянъ.**— Въ этотъ же періодъ славяне развились гораздо меньше. У нихъ въ началѣ 9 в. еще господствовалъ *родовой бытъ*. Они жили небольшими общинами, каждый со своимъ „родомъ", главой котораго былъ старшій лѣтами „старшина, староста" или князь (§ 2). Старшина распоряжался дѣлами всего рода, чинилъ судъ и расправу, приносилъ жертвы. Умиралъ онъ—его замѣняли братья: старшій братъ становился въ „отца мѣсто" для младшихъ. Когда родъ очень разростался, и трудно было опредѣлить старшинство, тогда выбирали или „сажали" князя. Тогда не было ничего личнаго: все принадлежало роду, который могъ изгнать и даже убить своего члена и его семью; существовало только родовое оскорбленіе; отсюда родовая или кровная месть. Общинное землевладѣніе даетъ понятіе объ общности имущества въ родовомъ быту, который еще лучше сохранился въ южно-славянской *задругѣ*—сожительствѣ родственниковъ, которые хозяйничаютъ сообща, подъ руководствомъ дѣда или „домоваго". Съ размноженіемъ населенія роды стали соединяться въ „племена" или „жупы" (у ю. славянъ). У „рода-племени" уже были „грады" или „городища" — огороженныя мѣста, куда прятали семьи и имущество въ случаѣ опасности. Имъ правилъ князь (жупанъ), избранный изъ старшаго рода, исполнитель воли племени, рѣшавшаго свои дѣла на „вѣчахъ" или сходкахъ старшинъ въ горо-

дищахъ. Но чѣмъ больше размножались роды, тѣмъ труднѣе становилось соблюдать родовую „лѣстницу“ старшинства, и это вело къ междоусобіямъ, которыми наполненъ родовой бытъ. Отсюда стремленіе къ объединенію и мирному общежитію, связанное съ развитіемъ торговли и промышленности. Въ мѣстахъ болѣе удобныхъ для общежитія городища превратились въ *города*: вокругъ первоначальной крѣпости, „кремля“, съ „вѣжей“ (башней), образовались „слободы“ или постоянныя „мѣста“, на которыхъ сидѣли *мѣщане* — люди, выдѣлившіеся изъ рода и соединенные не родствомъ, а занятіями. Въ городахъ сосредоточивались промышленность и торговля. Городская община управлялась *вѣчемъ*, которое избирало князя, имѣвшаго уже не родовое, а политическое значеніе. Города создавали колоніи, *пригороды*, и даже объединяли разныя племена, пріобрѣтая так. обр. большую *волость* или *область*. При раздѣленіи занятій, въ городѣ образовались люди, защищавшіе владѣнія города: это— *дружина*, семья бездомныхъ богатырей, дружно стоявшая за свою общину. У зап. и южн. славянъ дружины отличались воинственностью, подъ вліяніемъ борьбы съ германцами, греками, аварами и мадьярами. Вост. же славяне брались за оружіе только для защиты своего города или своего торговаго обоза. Они предпочитали платить дань хозарамъ и варягамъ. Ихъ князь напоминалъ родоваго старшину: онъ творилъ „правду“, т. е. судилъ по вѣчевымъ обычаямъ, ходилъ за промыслами, провожалъ караваны, самъ собиралъ дань или „полюдье“. Если городъ былъ имъ недоволенъ, онъ изгонялъ его съ дружиной и призывалъ другого. Ок. половины 9 в. дружинный бытъ былъ наиболѣе развитъ въ Новгородѣ и Кіевѣ—городахъ, служившихъ ключами къ пути „изъ варягъ въ греки“, въ особенности когда здѣсь появились воинственныя варяжскія дружины. Подъ ихъ охраной развилась торговля Приднѣпровья съ Византіей: славянскіе купцы, „гости“, пріобрѣли въ Царьградѣ стоянки и права. Не легко было достигнуть такого развитія. Первоначально обитателю восточной равнины приходилось расчищать первобытный боръ, шумѣвшій надъ болотами и наполненный дикимъ звѣремъ. Онъ жилъ въ хижинахъ, разбросанныхъ въ одиночку, какъ и теперь живутъ задруги въ Далмаціи, въ горныхъ трущобахъ. При малѣйшей опасности родъ перекочевывалъ въ другое мѣсто, унося съ собою скудное добро, которое было зарыто въ ямѣ, подлѣ шалаша. Но въ мѣстахъ болѣе удобныхъ славяне осѣлись и начали „промышлять“—превращать лѣсъ въ

пашни и луга, ходить за звѣремъ и пчелой, „кладя путики". По мѣрѣ того, какъ соединялись роды, являлись большіе „пути—дороги", шалаши смѣнялись избами, городища превращались въ города. Торговля славянъ приняла широкіе размѣры въ 9 в. Раскопки отъ Волги до Вислы открыли множество „кладовъ" изъ монетъ и вещей арабскихъ („куфическихъ"), скандинавскихъ, англо-саксонскихъ и греческихъ 8—12 в. Славянскіе купцы доходили до Багдада и Индіи. Они развозили мѣха, медъ, воскъ, орѣхи, мамонтову кость, моржевые клыки, кречетовъ и рабовъ; а къ себѣ привозили изъ Византіи паволоки, золотыя украшенія, кружева, цареградскій стручокъ, грецкій орѣхъ, мыло, губку, деревянное масло, вино, изъ Азіи—бисеръ, драгоцѣнные камни и полса, сафьянъ, индійскія и китайскія ткани, ковры, пряности, дамасскіе клинки для сабель и ножей, съ Запада—янтарь, бронзовыя и желѣзныя издѣлія, олово, свинецъ, фризскія сукна, селедку. У нихъ были иностранныя монеты: арабскіе „диргемы", византійскіе „золотники" и „шляги". Но больше мѣняли товаръ на товаръ; а такъ какъ главнымъ русскимъ товаромъ были мѣха, особенно куньи, то и деньги назывались *кунами*.

§ 10. **Нравы и обычаи славянъ.** — Мирный промысловый бытъ вост. славянъ отразился и въ ихъ правахъ. Они славились своимъ гостепріимствомъ: *гостемъ* одинаково называли и странника, и торговца. Все добро хозяина было къ его услугамъ; для него можно было даже украсть. Гость, наравнѣ съ мѣстнымъ княземъ, первый получалъ долги; за него заступался весь родъ. Оттого въ славянскихъ городахъ было много гостей: въ Кіевѣ и Новгородѣ знали про Біармію, Волинъ, Римъ и Багдадъ. Добродушіе славянина выразилось также въ попеченіи о родителяхъ и дѣтяхъ; оно же смягчало положеніе *женщины*, хотя она считалась существомъ безправнымъ, малолѣтнимъ. У славянъ существовалъ обычай „умыканія" или похищенія невѣстъ во время „игрищъ" или религіозныхъ празднествъ. Но родъ не любилъ уступать дѣвушку, эту полезную работницу въ домѣ: отсюда обычай платить за невѣсту выкупъ или *вѣно*. Семейная жизнь ставилась высоко у славянъ, не смотря на многоженство. Женщина пользовалась уваженіемъ, принимала участіе въ дѣлахъ и не сидѣла взаперти, а „матерая вдова" играла роль старшины. Славянки ходили въ походъ вмѣстѣ съ ратниками и управляли государствомъ, какъ „вѣщія" (§ 3). *Рабство* было смягчено: отработавъ извѣстный срокъ, рабъ становился свободнымъ и могъ сдѣлаться полноправнымъ членомъ семьи.

Славянинъ былъ опрятенъ, наряденъ и общителенъ. Онъ любилъ мыться въ банѣ, расчесывалъ свои свѣтлыя кудри и красилъ бороду, носилъ бѣлую рубаху, широкіе порты и кафтанъ на одно плечо. Всѣ любили украшенія—перстни, серьги, браслеты; славянки же особенно щеголяли ожерельями и цѣпями изъ монетъ, къ которымъ привѣшивалась коробочка съ талисманомъ и ножъ; но больше всего онѣ любили зеленыя бусы. Оружіе и хозяйственныя вещи были у славянъ тѣ же, что у мери (§ 5). Славянскій *воинъ* представлялъ также осѣдлый типъ: онъ дрался пѣшій, желѣзнымъ топоромъ, ножемъ, дротитикомъ и мечемъ и искусно стрѣлялъ изъ лука. Но, не имѣя правильнаго строя, славяне не любили открытаго боя: они были мастера дѣлать засады и отсиживаться въ городищахъ или подолгу лежать подъ водой съ камышинкой въ зубахъ. Славянинъ не объявлялъ войны, и съ нимъ невозможны были переговоры. На войнѣ онъ былъ свирѣпъ — жегъ и грабилъ, сажалъ врага на колъ, вырѣзывалъ у него ремни изъ спины. Особенно свирѣпы были южн. и зап. славяне. Древляне и вятичи, жившіе въ трущобахъ были тоже грубѣе полянъ и новгородцевъ. Вообще у славянъ было еще много грубыхъ чертъ, вслѣдствіе невѣжественности и родоваго быта.

§ 11. **Духи предковъ и природы**. — Религія славянъ соотвѣтствовала ихъ сельскому родовому быту. Главнымъ предметомъ поклоненія былъ *духъ предка*, этотъ безсмертный дѣдъ, котораго величали *Щуромъ* или Чуромъ (отсюда „пращуръ“), *Упыремъ* (вампиръ), а также *Оборотнемъ*, потому что онъ могъ переселяться въ любой предметъ. Женскій образъ этого духа различный. У южн. славянъ это *дивы* (у насъ диво-дивное) — злыя старухи-оборотни, летающія на оленяхъ, съ змѣями вмѣсто кнутовъ; въ Россіи это *вѣдьмы* и *русалки*. Вѣдьмы пріурочены къ Малороссіи (у нихъ шабашъ съ чертями на Лысой Горѣ, у Кіева), русалки—къ русской равнинѣ. Русалка—свѣтлая душа покойника, въ бѣлой одеждѣ, обвитой зелеными вѣтьвями; съ вешнимъ тепломъ она выходитъ изъ земли играть въ лѣсахъ и водахъ. Славяне почитали духа предка также подъ именемъ *Рода* и *Роженицы*: это мертвецы или привидѣнія, которымъ приносили жертвы отъ плодовъ земныхъ; ихъ вопрошали о судьбѣ гаданьемъ, такъ какъ они опредѣляли, что́ кому „на роду написано“. До сихъ поръ въ народѣ сохраняется воспоминаніе о духѣ предка, подъ видомъ дѣдушки „*Домоваго*“, живущаго въ избѣ, за печкой, куда ему ставятъ пищу. Домовой даже имѣетъ

человѣческій образъ, только мохнатъ. Онъ смотритъ за домомъ и всѣмъ помогаетъ. При переселеніи семьи въ новую избу, хозяйка ставитъ на печь горшокъ съ угольями и говоритъ: „милости просимъ, дѣдушка, на новоселье". Славяне вѣрили, что покойники на зиму улетали въ *рай*, а весною воскресали. При первомъ проблескѣ весны, они говорили: „родители изъ могилъ тепломъ дохнули" и шли на могилы, чтобы покормить ихъ. „Покойнички" являлись не только въ видѣ русалокъ, но еще въ видѣ „людковъ" (карликовъ) и разныхъ животныхъ. Всю эту „нежить" живые чествовали пирами, причемъ сами представляли оборотней, переряживаясь и бѣснуясь, особенно на перекресткахъ, гдѣ ставились сосуды съ прахомъ покойниковъ. Вѣра въ духа предка сплеталась съ вѣрой въ духовъ природы, которые жили въ каждомъ предметѣ. Духи предковъ блуждали огонькомъ, цвѣли цвѣтиками, прилетали ласточками. Славянинъ боготворилъ еще свою кормилицу, *Мать-Сыру-Землю*. Онъ прислушивался къ ропоту ключа, вытекавшаго изъ ея нѣдръ, къ шелесту листьевъ, къ звону въ ушахъ: все это были разныя „примѣты" – вѣщія рѣчи духовъ природы. Славянинъ не боялся ихъ: онъ не зналъ ни ада, ни мрачной судьбы. Въ его мирной фантазіи всюду царили добрые духи: онъ зналъ только *Кощея* да *Бабу-ягу*—олицетворенія мороза и зимы. Только у воинственныхъ западныхъ и южныхъ славянъ встрѣчаются намеки на злыхъ духовъ (Чернобогъ). Самыми живыми олицетвореніями сельскаго быта были Водяной, Лѣшій и Полевой. У дѣдушки *Водянаго* жена русалочка и много дѣтей-утопленничковъ. Онъ страшенъ только въ гнѣвѣ, и его легко задобрить жертвой — гусемъ. *Лѣшій* — веселый и добрый дѣдъ: онъ помогаетъ охотникамъ, пасетъ стада. *Полевой* или *Житный Дѣдъ* изображался послѣднимъ сжатымъ снопомъ. Славянинъ особенно любилъ поле и луга. Въ его глазахъ каждая травка и цвѣтокъ имѣли свой нравъ: они ходили по полю, превращались, пропадали, издавали голоса. Собираніе цѣлебныхъ и чудотворныхъ растеній сопровождалось извѣстными обрядами: подходили къ травкѣ вымывшись и съ добрымъ сердцемъ, кидали ей злато-серебро, брали ее въ шелки златотканные.

§ 12. **Празднества и обряды, боги и богатыри.** – Значеніемъ рода и природы въ религіи славянъ объясняются ихъ празднества и обряды, отчасти сохранившіеся до нашихъ дней. Празднества представляли теченіе жизни природы. Они начинались съ зимняго солнцестоянія, когда былъ праздникъ *Коляды*, слив-

шійся потомъ съ Рождествомъ. Тогда гасили старый огонь и зажигали „баднякъ“ — полѣно, изображавшее солнце; его головней окуривали ульи, а золой посыпали поле. Въ то же время обмолачивали Житнаго Дѣда и зерна раздавали мальчикамъ, которые ходили „колядовать“, осыпая зерномъ избы въ знакъ урожая. Празднество сопровождалось угощеніями (всѣ святки стоялъ столъ съ яствами для гостей), переряжеваньемъ и гаданьемъ, т.-е. бесѣдой съ покойничками. Второй праздникъ (въ мартѣ, когда начинался новый годъ) былъ весенній, который разбился потомъ, вслѣдствіе поста, на масляницу и Святую. Тогда жгли и топили Зиму (соломенное чучело), а Весна ѣхала въ саняхъ на колесѣ (солнце), въ видѣ разряженнаго мужика. Наставала „родительская недѣля“. При мѣсяцѣ пекли блины и „шли на горы“ (могилы), которыя поливали медомъ и уставляли яствами. Здѣсь „кумились“ яйцами и „окликали покойничковъ“ для ѣды. Молодежь пекла жаворонки и выходила на холмы звать Веснукрасну. Отсюда названіе *Красной Горки*. Когда солнце входило въ силу, наставали *Зеленыя Святки* (троицкая недѣля). Убирали зеленую березку лентами и лоскутками, въ честь воскресенья русалокъ, которыя жили, пока листъ не падетъ съ дерева. Молодежь, особенно дѣвушки, которыя зимой грустно „хоронили золото“, завивали вѣнки, мечтая о счастьѣ. „Вѣнъ“ значило „союзъ“: отсюда „брачный вѣнецъ“. То была пора игрищъ, горѣлокъ, причемъ умыкали невѣстъ; то было царство *Ярилы*—бога плодородія. Оно продолжалось до начала лѣтнихъ работъ, наканунѣ которыхъ справляли праздникъ *Купалья* или *Ивана Купалы*, пріуроченный ко дню Ивана Крестителя; тогда купались ночью, пировали, прыгали черезъ костры, собирали чудодѣйственныя травы. Затѣмъ наставала „страда“, полевыя работы, вплоть до появленія Житнаго Дѣда, котораго несли съ веселыми пѣснями чествовать въ красномъ углу избы. Когда опадалъ листъ съ дерева, наставали проводывъ могилу русалокъ: бабы развѣвали по вѣтру соломенное чучело; дѣвушки жалко причитали, припадая къ землѣ. Духи рода и природы составляли главную часть славянскаго язычества: боговъ было мало, и они не ясны. Древнѣйшимъ божествомъ былъ *Сварогъ*—небо со всѣми его явленіями; его дѣти, Сварожичи, представляютъ отдѣльныя небесныя явленія. *Дажь-Богъ*, „горящій“, изображалъ солнце: онъ выѣзжалъ изъ своего сіяющаго чертога, на золотыхъ коняхъ, къ своему брату, Мѣсяцу. Впрочемъ и онъ былъ уже почти забытъ. Послѣдніе славяне-язычники клялись не имъ, а Волосомъ и Пе-

Р. 2964036
Донская Государственная
Публичная библиотека
(Для книг)
Новочеркасская
Государственная библиотека
№ 39989
КНИГЪ

номъ. Игравшій на свирѣли *Волосъ* — богъ жатвы и скотоводства, а также торговли и богатства: его главный идолъ стоялъ въ Кіевѣ на рынкѣ. *Перунъ* — верховное божество, уже носившее воинственный, дружинный характеръ. Это богъ тучъ, грома и молніи или стрѣлъ. Народъ называлъ даже „перуновымъ камнемъ" наконечники стрѣлъ, оставшіеся отъ каменнаго вѣка. При клятвѣ передъ Волосомъ клали золото, передъ Перуномъ-оружіе. Также блѣдны и скудны были образы славянскихъ *богатырей* (героевъ) или полубоговъ. Изъ нихъ „старшіе" напоминаютъ Сварога: это могучія, безпредѣльныя существа. Таковы Святогоръ, Егорій Храбрый, уничтожающій чудовищъ подобно Геркулесу, Микула-Селяниновичъ—первый пахарь, къ которому упала съ неба „золотая сошка." „Младшіе" богатыри близки къ концу язычества и уже связываются съ историческими воспоминаніями: они тѣснились во дворѣ князя Владиміра и воевали съ врагами Руси—половцами, татарами и др. Таковы Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичъ и др. У славянина храмомъ были природа и домашній очагъ: онъ молился по рощамъ, на высотахъ, у воды. Идолопоклонство возникло лишь подъ конецъ язычества, въ особенности у западныхъ славянъ, которые ставили большихъ истукановъ страшнаго вида. У восточныхъ славянъ тогда же появились, кромѣ глиняныхъ походныхъ идольчиковъ, большія статуи Перуна въ Кіевѣ и Новгородѣ, а также *требища* (треба—жертва) или *капища* (копоть—дымъ), гдѣ ставили идола и камень или колоду для жертвоприношенія. Только у западныхъ славянъ встрѣчались храмы и жрецы; у остальныхъ были колдуны, которыхъ называли *волхвами* и *кудесниками*. Они изучали травы и занимались ворожбой да врачеваніемъ: оттого ихъ называли еще „вѣдунами" и „вѣщунами"; богослуженіе же совершали старшины, а за все племя—князь. Служба состояла въ жертвоприношеніи отъ плодовъ земныхъ; впослѣдствіи явились пѣснопѣнія, въ видѣ молитвъ на бездождье. Человѣческія жертвы были только у западныхъ славянъ; у восточныхъ они явились только при Перунѣ. При погребальномъ обрядѣ приносили въ жертву „тризну," третью часть имущества; при этомъ въ знакъ скорби голосили, царапали ножами лицо и руки, а затѣмъ устраивали игры и веселились, такъ какъ провожали покойника въ рай; съ нимъ клали даже хмѣльные напитки и балалайку. Сначала трупъ пускали въ лодкѣ на воду, потомъ зарывали его въ землю, наконецъ, стали сожигать. На мѣстѣ сожженія насыпали могилу и зарывали въ нее любимыя

вещи покойника—его собаку, коня, пищу и питье, а также одну изъ его женъ или рабынь. На могилѣ ставили горшокъ съ прахомъ. Иногда эти горшки ставили на перекресткахъ, на распутьяхъ, какъ на мѣстѣ сборищъ „нежити“.

II. Начало государства и христіанства у славянъ. Ок. 850—1050.

---

§ 13. **Романцы, германцы и Византія.** — Съ половины 9 в. до крестовыхъ походовъ (ок. 850—1050) на Западѣ падало политическое единство, но усиливалось христіанство. Монархія Карла Вел., слишкомъ быстро объединенная, распалась на двѣ главныя части: германское племя составило Нѣмецкую Имперію, а романское (народы, говорящіе языками, происшедшими отъ латинскаго) Французское королевство. Италія, тоже романская, частью осталась у нѣмцевъ, частью подчинилась папѣ. Испанія была на половину занята арабами, на половину образовала романскія государства. Въ то же время пало единодержавіе. Пользуясь борьбой между дѣтьми Карла, ленники (§ 8) образовали сильную аристократію, превратившись въ наслѣдственныхъ владѣтелей съ верховною властью. Они стали называться *вассалами* или *рыцарями*, а императоръ—*сюзереномъ*, что означало перваго среди равныхъ. Этотъ политическій порядокъ называется *феодализмомъ*. Въ Германіи главные вассалы или курфюрсты, присвоили себѣ даже право избирать императора. Но въ тоже время возвышалась духовная власть папы. Желая управлять всѣмъ христіанскимъ міромъ, онъ оспаривалъ права государей, исключая самого римско-нѣмецкаго императора. Папа *Григорій VII* одержалъ побѣду надъ императоромъ Генрихомъ IV, заставивъ его унизиться передъ собой. По мѣрѣ усиленія феодализма и папства, народъ окончательно превращался въ крѣпостнаго и страдалъ отъ тяжкихъ податей. Преобладаніе папства объясняется религіознымъ настроеніемъ Запада: тогда христіанство поглотило всѣ прежнія понятія; исчезли слѣды классицизма, даже ученые говорили искаженною или „кухонною“ латынью и еле понимали древнихъ авторовъ. Напротивъ, въ Византіи самодержавіе дошло

до крайнихъ размѣровъ: оно переходило въ восточный деспотизмъ, которому подражало и во внѣшней роскоши. Но внутри государство сильно страдало отъ недостатковъ управленія и интригъ: однажды было разомъ 5 императоровъ. Впрочемъ вступившая на престолъ, послѣ Михаила III (§ 7), Македонская династія нѣсколько обезопасила внѣшнее положеніе Византіи. Македонцы умѣли ловкой политикой возстановлять своихъ враговъ другъ противъ друга. Такъ *Никифоръ Фока* навелъ на болгаръ русскаго князя *Святослава,* а его преемникъ, искусный полководецъ *Цимисхій* разбилъ Святослава и погубилъ его посредствомъ печенѣговъ. Изъ македонцевъ замѣчателенъ еще *Константинъ Мономахъ* (Единоборецъ): при немъ произошло окончательное отдѣленіе восточной церкви отъ западной (1053). Въ умственномъ отношеніи въ Византіи произошло то же, что на Западѣ. И здѣсь палъ классицизмъ. Греческіе писатели стали заниматься исключительно религіозными вопросами. Изъ свѣтской литературы процвѣтали только хвастливые хронографы (лѣтописи).

§ 14. **Кириллъ и Меѳодій.**— Еще важнѣе этотъ періодъ въ исторіи славянъ, которые перешли тогда къ государственному быту. Это связано съ появленіемъ у нихъ христіанства. Первоначально оно проникло къ ближайшимъ къ Риму и Византіи славянамъ. Латинскіе проповѣдники принесли Евангеліе къ чехамъ и хорватамъ, а греческіе къ сербамъ и болгарамъ. Но его приняли лишь немногіе: народъ не понялъ его, потому что оно проповѣдовалось не на родномъ языкѣ. Настоящее введеніе христіанства у славянъ совершилось въ 9 в., благодаря братьямъ *Кириллу* и *Меѳодію,* которые поэтому и называются ихъ „первоучителями и просвѣтителями". Они родились отъ знатныхъ греческихъ родителей въ *Солунѣ* (Ѳессалоникѣ). Такъ какъ тамъ было много славянъ, то они даже говорили по-славянски. Кириллъ смолоду предался наукамъ и былъ взятъ во дворецъ, въ товарищи къ императору-ребенку. Его наставникомъ былъ патріархъ Фотій (§ 7). Но Кириллъ пожелалъ послѣдовать за своимъ братомъ въ монастырь, на Олимпъ. Тамъ они не долго спасались. Братья услыхали, что евреи и мусульмане совращаютъ хозаръ въ свою вѣру, и рѣшились обратить ихъ въ христіанство. Они не успѣли въ этомъ, за то посѣяли первыя сѣмена христіанства между вост. славянами, платившими тогда дань хозарамъ (ок. 860). Возвратившись въ Византію, братья задумали перевести св. писаніе на староболгарскій языкъ, который мы называемъ *Церковно-славянскимъ:* тогда это былъ разговорный языкъ

балканскихъ славянъ; теперь онъ существуетъ въ видѣ новоболгарскаго нарѣчія. Съ этою цѣлью Кириллъ изобрѣлъ славянскую азбуку, названную, въ честь его, *кириллицей*. Такъ какъ у славянъ были только намеки на буквы, въ видѣ, „чертъ" и „рѣзовъ" на кумирахъ, то онъ заимствовалъ начертаніе своихъ буквъ изъ греческаго письма (частью изъ еврейскаго и армянскаго): оттого *уставъ*, какъ называютъ древнѣйшее церковно-славянское письмо, очень похожъ на византійское письмо того времени. Кириллъ и Меѳодій перевели на болгарскій яз. самое необходимое для богослуженія и церковнаго устройства. Братьямъ помогалъ кружокъ товарищей и учениковъ изъ болгаръ и моравъ.

§ 15. **Христіанство и государства у южн. славянъ, моравъ и венгровъ.** — Меѳодій прежде всего крестилъ болгарскаго князя, *Михаила* (865), который былъ уже подготовленъ къ тому своею сестрой, воспитанною при византійскомъ дворѣ. Въ тоже время Михаилъ сталъ самодержавнымъ; онъ истребилъ много *бояръ* (вельможъ), которые ограничивали его власть и не хотѣли принимать христіанства. Сынъ его, *Симеонъ*, уже получилъ титулъ царя и окружилъ себя пышностью и деспотизмомъ византійскихъ императоровъ. Онъ былъ грозой своихъ сосѣдей, грековъ и сербовъ, но въ тоже время просвѣтителемъ своего народа. Симеонъ получилъ хорошее образованіе въ Византіи: его называли „полугрекомъ и книголюбцемъ". Онъ самъ переводилъ свящ. книги съ греческаго; вокругъ него работали помощники Кирилла и Меѳодія, основатели церковно-славянской письменности, — *Іоаннъ* экзархъ болгарскій, *Храбръ Черноризецъ* и др. Вскорѣ болгары усилились до того, что отложились отъ константинопольскаго патріарха: возмущенные притѣсненіями *фанаріотовъ* (греческаго духовенства), они образовали собственный патріархатъ. Но послѣ Симеона прекращается развитіе просвѣщенія въ Болгаріи, которое замѣнилось иночествомъ. Падало и православіе, подъ вліяніемъ сильной секты *попа Богомила*, распространявшаго восточное манихейство. Въ то же время византійцы призвали противъ болгаръ сначала венгровъ, потомъ русскаго князя Святослава. Затѣмъ императоръ Василій Болгаробоецъ нанесъ имъ страшное пораженіе, ослѣпилъ 15 т. ихъ воиновъ и присоединилъ Болгарію къ Византіи (1019). Греки владѣли болгарами болѣе 150 л. (до 1186). Въ одно время съ болгарами приняли христіанство изъ Византіи сербы и хорваты. Сербы сохранили восточное православіе; но хорваты, черезъ нѣсколько лѣтъ, перешли въ католичество. *Хорваты* сначала составляли блестящее государство; ихъ князья приняли ти-

тулъ царей; они владѣли даже итальянскими городами въ Далмаціи, изъ-за которыхъ удачно воевали съ Венеціей. Но ок. 900 г. хорватское царство исчезло, подъ ударами венгровъ. *Сербы* долго вели ожесточенныя войны съ греками и болгарами. Но такъ какъ у нихъ господствовали междоусобія среди многихъ жупановъ, то они подчинялись сначала Болгаріи, а послѣ ея паденія — Византіи. Наконецъ ок. 1050 г. имъ удалось образовать прочное государство, съ *Михаиломъ* во главѣ, который принялъ титулъ царя. Тогда же выдвинулись западные славяне. Сначала объединились славяне Моравіи и зап. Венгріи. Ихъ умный и рѣшительный князь, *Ростиславъ*, уничтожилъ гнетъ нѣмцевъ и латинскаго духовенства: онъ призвалъ Кирилла и Меѳодія (862), которые обратили въ православіе мораванъ. Нѣмецкое духовенство должно было бѣжать. Оно пожаловалось папѣ на братьевъ проповѣдниковъ. Папа призвалъ ихъ въ Римъ, но они оправдались, и Меѳодій, поставленный въ епископы, возвратился въ Моравію, а Кириллъ остался инокомъ въ Римѣ, гдѣ вскорѣ умеръ. Меѳодій еще лѣтъ 15 работалъ надъ просвѣщеніемъ мораванъ; но враги не переставали преслѣдовать его. Папа запретилъ ему служить на слав. яз.; а нѣмцы снова завладѣли моравами, взявши въ плѣнъ и ослѣпивъ Ростислава. Потерпѣвъ много обидъ отъ латинскаго духовенства, Меѳодій умеръ въ церкви, среди бесѣды со своей паствой. Моравія же дошла до высшаго процвѣтанія при племянникѣ Ростислава, *Святополкѣ*, которому добровольно подчинились чехи и даже славяне, жившіе въ Саксоніи. Но это большое царство, остановившее-было натискъ нѣмцевъ, пало по смерти Святополка (ок. 900), подъ напоромъ нѣмцевъ, призвавшихъ къ себѣ на помощь венгровъ или угровъ. Тогда венгры, съ Арпадомъ во главѣ, только-что были отброшены болгарами, противъ которыхъ призвала ихъ Византія съ юга Россіи (§ 5). Они уже не возвращались назадъ, а бросились на с. и разрушили державу Святополка, а за нимъ и хорватское царство. Венгры нарушили цѣльность славянства, разбили его на зап. и южн. вѣтви. Зап. вѣтвь, потерявъ связь съ Византіей, должна была подчиниться нѣмецкому и католическому вліянію. Тому же вліянію подпали венгры: они скоро стали осѣдлыми и приняли католичество при королѣ *Стефанѣ* (ок. 1000). Нѣмецкій феодализмъ (§ 13) проникъ и сюда и ослабилъ власть короля. Венгерскіе *магнаты* (аристократы), опираясь на католическое духовенство, закрѣпостили народъ. Благодаря тому же духовенству, да раздорамъ среди магнатовъ, нѣмцы захватили

торговлю и промышленность въ городахъ и обратили Венгрію въ вассальное королевство Нѣмецкой имперіи.

§ 16. **Христіанство и государство у чеховъ и поляковъ.** — Меѳодій успѣлъ присоединить къ православію и чеховъ. Онъ окрестилъ князя *Боривоя* и его жену *Людмилу*, прославившуюся своимъ благочестіемъ. Но вскорѣ у чеховъ возобладало вліяніе нѣмцевъ: при внукѣ Боривоя, *Вячеславѣ*, они обратились въ католицизмъ. И сюда проникъ нѣмецкій феодальный духъ: чешскіе *воеводы* (вельможи) постоянно интриговали противъ князя. Съ ихъ помощью, Вячеславъ, любимый народомъ за благочестіе, былъ убитъ собственнымъ братомъ, *Болеславомъ*. Народъ призналъ Вячеслава святымъ; его ликъ изображали на хоругвяхъ. Чехи почитаютъ его „патрономъ чешской земли" и до сихъ поръ называютъ свое государство „короной св. Вацлава". Болеславъ подавилъ могущество воеводъ и утвердилъ самодержавіе. Чехія стала сильнымъ государствомъ и присоединила къ себѣ мораванъ и словаковъ. У поляковъ христіанство явилось столѣтіемъ позже, чѣмъ у чеховъ, при князѣ *Мечиславѣ I* (965). И здѣсь оно послужило основой для самодержавія. Преемники Мечислава, три *Болеслава* — Храбрый, Смѣлый и Кривоустый — были сильными государями; Болеславъ Храбрый пріобрѣлъ даже королевскій титулъ. Въ эту блестящую „эпоху Болеславовъ" (1000—1139) Польша объединила ляшскіе народцы (§ 3): ея границы простирались до Эльбы, Балтики, Вислы, Карпатъ и Богеміи. Поляки даже пытались присоединить чеховъ, которые говорили однимъ языкомъ съ ними. Тогда же начались связи поляковъ съ русскими: многіе изъ ихъ королей роднились съ нашими князьями и ходили на Волынь и въ Кіевъ, вмѣшиваясь въ ихъ внутреннія дѣла; русскіе князья отвѣчали имъ тѣмъ же и ходили далеко на с., по Вислѣ. Впрочемъ черезъ эти связи въ Польшу проникало лишь слабое византійское вліяніе. Гораздо сильнѣе было вліяніе нѣмцевъ, благодаря католицизму. Въ Польшѣ было даже нѣмецкое духовенство, подчиненное магдебургскому архіепископу; а города были заняты нѣмцами да евреями. Польскіе короли подражали императорамъ въ устройствѣ своего двора и войска, призывали нѣмецкихъ чиновниковъ, женились на нѣмецкихъ княжнахъ. У Болеславовъ былъ пышный дворъ, во главѣ котораго стояли правители дворца и секретари — *воеводы* и *канцлеры*. Страною управляли королевскіе служители — *паны*, жившіе въ замкахъ, и имъ должны были подчиниться потомки родовыхъ старшинъ — *шляхта* или рыцарство. *Кметъ*

(крестьянинъ) былъ закрѣпощенъ за панами и шляхтой, которымъ король раздавалъ землю за военную службу. Короли также щедро одаряли духовенство, которое было ихъ главною опорой и усилилось до того, что архіепископъ гнѣзненскій или „примасъ“ сбросилъ съ себя зависимость отъ Магдебурга. Такъ образовалась свѣтская и духовная *аристократія*, подобная нѣмецкимъ феодаламъ. Подъ конецъ короли уже начали бороться съ нею, но неудачно. Въ то же время народъ сталъ возставать противъ пановъ и жечь ихъ добро. Возродилась и старая вражда между *Великою* и *Малою* Польшей, съ ихъ столицами Гнѣзномъ и Краковомъ. Польша стала распадаться, утратила Галицію, словаковъ и моравань; Поморье, хотя и принадлежало ей до Эльбы, но сохраняло своихъ князьковъ.

§ 17. **Начало государства у вост. славянъ. Первые русскіе князья.**—Позже всѣхъ образовалось государство у славянъ восточныхъ Началомъ его должно считать появленіе въ Новгородѣ и Кіевѣ варяжской дружины (§§ 6, 9). Варяги наложили дань на новгородцевъ, кривичей и финновъ; но эти племена, соединившись вмѣстѣ, прогнали ихъ за море. Тогда между союзниками пошли такія усобицы, что „возсталъ родъ на родъ“, и они рѣшили призвать къ себѣ князя для водворенія „правды“ (§ 9). Новгородскіе послы явились къ варягамъ-руси (§ 6), которыми правили три брата—*Рюрикъ, Синеусъ* и *Труворъ*, и сказали имъ: „земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ; придите княжить и владѣть нами.“ Русскіе князья пришли со своими дружинами (862). Вскорѣ младшіе братья умерли, а Рюрикъ утвердился въ Новгородѣ. Это былъ уже не родовой старшина, а государь, *великій князь*. Онъ роздалъ земли своимъ дружинникамъ или „мужамъ“, размежевывая ихъ веревкой на волости или „верви“. Во все свое княженіе Рюрикъ воевалъ съ сосѣдями и даже съ новгородцами, которые возстали подъ предводительствомъ *Вадима Храбраго*. При Рюрикѣ двое изъ „мужей“, обдѣленные землей, *Аскольдъ* и *Диръ*, ушли изъ Новгорода съ своими родами и заняли Кіевъ, гдѣ и остались княжить. Оттуда они совершили походъ подъ Царьградъ (865), на 200 большихъ лодкахъ съ парусами. Здѣсь *Русь* „нажила себѣ славное имя“: оно впервые было записано тогда въ хронографахъ. Возвратившись, она принесла съ собой еще первыя сѣмена христіанства: надъ могилой Аскольда была поставлена церковь. Между тѣмъ умеръ Рюрикъ, оставивъ новорожденнаго сына на рукахъ своего родственника, *Олега*, который и сталъ

княжить. Но Олегъ не долго сидѣлъ въ Новгородѣ. Собравъ свою дружину, онъ отправился на югъ покорять новыя земли. Уничтоживъ Аскольда и Дира посредствомъ хитрости, Олегъ сталъ княжить въ Кіевѣ. Онъ занялся покореніемъ окрестныхъ племенъ (древлянъ, сѣверянъ, волынянъ, угличей) и заставилъ ихъ, также какъ новгородцевъ и кривичей, платить дань. Олегъ построилъ много городовъ и *острожковъ*, особенно на югѣ, на границѣ со степью, гдѣ проходили тогда *угры*. Владѣнія Олега, или *Русь*, обнимала тогда всю водную систему отъ Балтики до Днѣпровскихъ пороговъ. Кіевъ сталъ ея столицей и былъ названъ „матерью городовъ русскихъ". Олегъ былъ первымъ „нарядникомъ" (устроителемъ) русской земли. Онъ явился подъ Царьградомъ съ обширными силами уже объединенной Руси, побѣдилъ грековъ и заключилъ съ ними выгодный договоръ (912). Преданіе назвало его „вѣщимъ" и сложило поэтическое сказаніе о его смерти. Его преемникъ, *Игорь*, былъ менѣе счастливъ. При немъ на югѣ появилось „идолище поганое" — *печенѣги*, которые разрушили хозарское царство и, расположившись отъ Дона до Дуная, стали тревожить кіевлянъ. Походы Игоря на Царьградъ были неудачны: его суда были истреблены „греческимъ огнемъ", который византійцы бросали изъ трубъ, и онъ заключилъ съ греками договоръ, менѣе выгодный, чѣмъ Олеговъ. Подвластныя Игорю племена платили ему мало дани, и его дружина была бѣдна. Она даже напималась на службу къ грекамъ, грабила берега Каспійскаго моря и по Курѣ заходила внутрь Закавказья. Наконецъ дружина побудила Игоря идти за большою данью; но древляне, угнетенные поборами, убили его. Сынъ Игоря, Святославъ, былъ еще ребенкомъ, когда умеръ отецъ. Правленіе перешло къ его матери, *Ольгѣ*. Ольга была псковитянка, варяжскаго рода, одаренная умомъ и твердой волей. По обычаю родовой мести, она должна была наказать древлянъ за смерть мужа; къ тому же надо было поддержать новую велико-княжескую власть. Ольга частью насмѣялась надъ знатнѣйшими мужами древлянъ, частью сожгла ихъ и закопала живыми въ землю; затѣмъ овладѣла Коростенемъ и обложила жителей тяжелой данью; часть древлянъ была принесена въ жертву, при тризнѣ на могилѣ Игоря. Ольга старалась ввести хорошее управленіе: установила *уставы* и *уроки* (повинности) и устроила *погосты* — мѣста, гдѣ останавливалась творить судъ и распредѣлять уроки; уѣзжая, она оставляла здѣсь княжаго прикащика, *тіуна*. Такъ погосты

сдѣлались средоточіемъ управленія. Ольга объѣздила всю русскую землю, оставивъ вездѣ по себѣ благодарную память: болѣе 100 лѣтъ спустя въ Псковѣ показывали ея хозяйскія сани. Во времена Ольги въ Кіевѣ уже было нѣсколько христіанъ, одинъ священникъ и церковь св. Ильи; часть Игоревой дружины присягала на крестѣ. Устроивъ свою землю, Ольга задумала креститься, и у самого греческаго патріарха. Она отправилась въ Царьградъ съ большою свитой и торговымъ караваномъ. Ее долго не пускали на берегъ; но она поступала такъ искусно, что не только приняла христіанство, но крестнымъ отцомъ былъ самъ императоръ. Вскорѣ по возвращеніи домой, Ольга передала правленіе своему сыну, Святославу.

§ 18. **Святославъ. Ярополкъ.** — Воспитанный варяжскою дружиной, *Святославъ* не походилъ на мирныхъ нарядниковъ, Олега и Ольгу. Это былъ витязь, грозный даже по виду. Онъ былъ средняго роста, широкоплечъ; голубые глаза его смотрѣли сурово изъ-подъ нависшихъ бровей; подъ приплюснутымъ носомъ торчали длинные усы; на его бритой головѣ красовался клокъ волосъ, въ знакъ его благороднаго происхожденія; въ правомъ ухѣ висѣла серьга съ жемчугомъ. Безстрашный воинъ, Святославъ не любилъ нападать врасплохъ; всегда посылалъ сказать врагамъ: „иду на васъ". „Какъ барсъ", онъ носился повсюду на своемъ боевомъ конѣ; спалъ на голой землѣ, положивъ подъ голову сѣдло; ѣлъ конину, изжаривъ ее на угольяхъ. Такъ какъ вост. славяне уже были покорены, то Святославъ ходилъ на финновъ и разорилъ Великіе Болгары и Итиль (§ 5). У Азовскаго м. онъ побилъ кочевниковъ, *ясовъ* и *косоговъ*, и взялъ ихъ городъ, *Тмутаракань* (греч. Фанагорія, § 7). Затѣмъ Святославъ отправился помогать грекамъ противъ болгаръ. (§ 15), которыхъ онъ тысячами сажалъ на колъ; покоривъ всю ихъ землю, онъ остался жить въ Переяславцѣ, у устьевъ Дуная. Между тѣмъ къ Кіеву подступили печенѣги, и Ольга, сидѣвшая тамъ съ внуками, послала звать сына домой. Святославъ вернулся и, не успѣвъ поздороваться съ своими, ударилъ на врага и загналъ его далеко въ степь. Тутъ Ольга умерла, и Святославъ снова отправился въ свой любимый Переяславецъ. Но Іоаннъ Цимисхій (§ 13) не желалъ его сосѣдства: онъ возбудилъ болгаръ къ возстанію и прислалъ свои корабли на Дунай. Святославъ заперся въ Доростолѣ (§ 3), и русскіе удивили враговъ своими отчаянными вылазками, но должны были сдаться отъ голода. Заключивъ миръ съ греками, Святославъ долженъ былъ вернуться домой; но у

днѣпровскихъ пороговъ его стерегли печенѣги. Они поразили русскихъ и убили Святослава. Отправляясь въ послѣдній разъ на Дунай, Святославъ раздѣлилъ свою землю между сыновьями: старшему, *Ярополку*, далъ Кіевъ, *Олегу*—древлянъ, а въ Новгородъ послалъ младшаго, *Владиміра*, мать котораго была рабыней. Это раздѣленіе вызвало междоусобія. Ярополкъ возсталъ на Олега и убилъ его, затѣмъ взялъ Новгородъ, откуда Владиміръ бѣжалъ къ варягамъ, и вступилъ въ союзъ съ полоцкимъ княземъ, *Рогвольдомъ*. Онъ уже собирался жениться на его дочери, *Рогнѣдѣ*, какъ явились послы изъ Новгорода просить ея руки для Владиміра. Рогнѣда отвѣчала, что не хочетъ быть женой сына рабыни. Тогда разгнѣванный Владиміръ бросился на Полоцкъ, убилъ всю семью Рогнѣды и насильно женился на ней. Рогнѣда ненавидѣла Владиміра, и онъ долженъ былъ отослать ее на родину съ сыномъ, *Изяславомъ*. Съ тѣхъ поръ Полоцкъ сталъ непримиримымъ врагомъ Кіева. Разгромивъ Полоцкъ, Владиміръ двинулся на Ярополка, который вышелъ къ брату для примиренія, но былъ убитъ (980). На Руси снова водворилось единодержавіе.

§ 19. **Владиміръ Святой.** — Насколько Ярополкъ, воспитанный Ольгой, былъ христіанинъ въ душѣ, настолько же Владиміръ былъ суровый язычникъ. Его дядя, *Добрыня*, внушилъ ему, что онъ утвердится, только опираясь на язычниковъ противъ христіанъ, которыхъ было уже тогда не мало въ Кіевѣ. Прежніе князья, еще помнившіе своихъ скандинавскихъ боговъ, были равнодушны къ славянскому язычеству: они держали его идоловъ только на княжемъ дворѣ. Владиміръ же поставилъ ихъ по городамъ; между прочимъ въ Кіевѣ красовался большой деревянный Перунъ съ серебряной головой и золотыми усами. Язычники стекались къ истуканамъ съ женами и дѣтьми и стали приносить человѣческія жертвы. Однажды жребій палъ на сына одного варяга-христіанина; но онъ объявилъ язычникамъ: „ваши боги не боги, а дерево, сдѣланное руками человѣческими, не дамъ своего сына бѣсамъ“. Толпа умертвила несчастнаго, вмѣстѣ съ сыномъ: то были первые и послѣдніе мученики христіанства на Руси. Владиміръ былъ язычникомъ и по жизни. У него было много женъ, въ томъ числѣ вдова брата. Онъ любилъ воинственные набѣги. Его окружала отважная дружина богатырей, воспѣтыхъ народомъ (§ 12). Это уже была не варяжская, а *славянская* дружина. Владиміръ, воспитанный славяниномъ Добрыней, не любилъ варяговъ. Утвердившись въ Кіевѣ, онъ отпу-

стилъ свою варяжскую дружину въ Византію и просилъ императора не пускать назадъ этого буйнаго народа. Владиміръ боролся съ печенѣгами, усмирилъ возставшихъ вятичей и радимичей (§ 4), ходилъ на камскихъ болгаръ. Но ему не легко было бороться съ этимъ богатымъ народомъ. Разсмотрѣвъ болгарскихъ плѣнниковъ, Добрыня сказалъ князю: „они всѣ въ сапогахъ; отъ такого народа не жди дани; поищемъ лучше лапотниковъ". И Владиміръ, заключивъ выгодный миръ съ болгарами, перенесся на Нѣманъ, гдѣ покорилъ полудикихъ ятвяговъ и дошелъ до Балтики. Затѣмъ онъ двинулся къ Карпатамъ: то было первое столкновеніе русскихъ съ зап. славянами. Владиміръ отнялъ у поляковъ червенскіе города или *Червонную* (Красную) *Русь* (нын. Галицію). Послѣ всѣхъ этихъ побѣдъ онъ предавался пирамъ со своею дружиной: турій рогъ съ хмѣльными напитками обходилъ пирующихъ съ утра до ночи; а народные пѣвцы воспѣвали славу князя и его богатырей. Между тѣмъ язычество все падало. Славянинъ былъ вѣротерпимъ и гостепріимно принималъ купцовъ всѣхъ исповѣданій. При Владимірѣ въ Кіевѣ были евреи, магометане и христіане (греки и даже нѣмцы). Выборъ одного изъ трехъ единобожныхъ „законовъ" обусловливался для русскихъ ихъ *географическимъ положеніемъ*, ихъ торговыми связями съ Византіей, которая притомъ, по своему умственному превосходству, имѣла на нихъ особенное вліяніе. Оттого уже при Ольгѣ встрѣчаются христіане среди нашихъ пословъ и купцовъ. Святославъ привезъ греческую монахиню въ жены своему сыну, Ярославу; а когда онъ былъ въ Болгаріи, его дружина переженилась на плѣнныхъ болгаркахъ. Затѣмъ русскіе столкнулись съ зап. славянами, которые были уже христіанами. Въ то же время слабѣли связи съ варяжествомъ, которое поддерживало язычество: Владиміръ прогналъ варяговъ въ Византію, и въ числѣ его женъ были гречанка, болгарка и чехиня; сверхъ того, онъ понялъ, что язычеству не устоять въ борьбѣ съ христіанствомъ. „Городскіе старцы" совѣтовали ему принять греческое православіе. Но тогда у русскихъ возгорѣлась война съ греками на Таврическомъ полуостр. (Крымъ), часть котораго была присоединена Святославомъ при покореніи хозаръ. Владиміръ осадилъ сильный Корсунь (§ 7) и далъ обѣтъ креститься, если онъ падетъ. Грекъ, измѣнникъ, помогъ Владиміру овладѣть крѣпостью, и тогда онъ отправилъ въ Константинополь пословъ съ предложеніемъ мира и съ требованіемъ руки греческой царевны *Анны*. Анна отвѣчала, что не можетъ выйти за язычника; тогда Владиміръ изъявилъ готовность

креститься. Царевна прибыла въ Корсунь съ своими священниками, которые и окрестили Владиміра, подъ именемъ Василія. Владиміръ возвратилъ грекамъ Корсунь и, вмѣсто дани, взялъ мощи св. Климента, иконы и церковную утварь, да нѣсколькихъ священниковъ, въ томъ числѣ перваго русскаго митрополита *Михаила*.

§ 20. **Христіанство при Владимірѣ и его смерть.** Возвратившись въ Кіевъ, Владиміръ крестилъ свою семью и приближенныхъ; затѣмъ велѣлъ истребить идоловъ, а Перуна привязать къ хвосту лошади и стащить въ Днѣпръ. Княжьи приставники колотили истукана палками, приговаривая: „много ты ѣлъ и пилъ, Перунище, будетъ съ тебя!“ Толпа рыдала, но не заступалась за идола; а среди нея ходилъ, въ сопровожденіи самого князя, митрополитъ съ попами и проповѣдовалъ слово Божіе. На другой день, по приказу князя, на берегу Днѣпра собралась огромная толпа, чтобы принять крещеніе; всѣ вошли въ рѣку; матери держали на рукахъ младенцевъ. Такъ *крестилась Русь* (988). Владиміръ былъ ревностнымъ христіаниномъ. Онъ принялся строить храмы на мѣстахъ прежнихъ требищъ, а на мѣстѣ, гдѣ пали наши первомученики (§ 19), соорудилъ каменную церковь Богородицы, въ которой помѣстилъ всю корсунскую святыню. На ея содержаніе князь опредѣлилъ десятую часть своихъ доходовъ: оттого она названа *Десятинною*. Для распространенія христіанства на Руси Владиміръ разослалъ по городамъ своихъ 12 сыновей съ дружинами и попами. Такъ образовались первыя епархіи, подчиненныя *кіевскому митрополиту*, который поставлялся греческимъ патріархомъ изъ грековъ или болгаръ. Чтобы создать образованныхъ священниковъ, Владиміръ бралъ мальчиковъ изъ лучшихъ семействъ и отдавалъ ихъ въ школы къ ужасу рыдавшихъ матерей. Христіанство распространялось медленно, по великому водному пути изъ Кіева въ Новгородъ. Новгородцы оказали особенное сопротивленіе: подстрѣкаемые волхвомъ, прозваннымъ за краснорѣчіе Соловьемъ, они разрушили домъ Добрыни, присланнаго крестить ихъ, и убили его жену. Съ помощью тысяцкаго *Путяты*, Добрыня разбилъ новгородцевъ и сжегъ часть города; язычниковъ насильно потащили къ Волхову креститься. Долго потомъ новгородцамъ дѣлали такой упрекъ: „васъ Путята крестилъ мечемъ, а Добрыня огнемъ“. Но христіанство глубоко вкоренялось въ сердцахъ новообращенныхъ. Самъ Владиміръ сталъ ревнителемъ книжнаго ученія, бросилъ охоту и сдѣлался до того кротокъ, что даже боялся казнить разбойниковъ. Когда епископы представляли ему, что

въ Греціи ихъ наказываютъ смертью, онъ отвѣчалъ: „боюсь грѣха". Владиміръ сталъ хорошимъ семьяниномъ, и хотя попрежнему любилъ пиры, но ими сопровождались уже не кровавые набѣги, а церковныя празднества. На дворѣ милостиваго князя толпились, кромѣ дружины, бѣдняки, которымъ раздавали деньги и одежду, а кто не могъ придти по старости или болѣзни, тому развозили на повозкахъ медъ и съѣстные припасы. Церковь назвала Владиміра „Равноапостольнымъ", а народная поэзія — „Краснымъ Солнышкомъ". Христіанство произвело переворотъ и въ политикѣ Владиміра: онъ заботился о внутреннемъ порядкѣ и безопасности и велъ лишь оборонительныя войны, особенно съ *печенѣгами*. Владиміръ устроилъ, на границѣ со степью, линію *острожковъ*, соединенныхъ валомъ и частоколомъ, и заселилъ ихъ *станицами* (отрядами) стойкихъ „верхнихъ воевъ", т.-е. сѣверныхъ людей, преимущественно новгородцевъ. Конецъ жизни Владиміра былъ омраченъ распрями въ его семьѣ. Старшими сыновьями Владиміра были *Святополкъ*, занимавшій Туровскую область, и *Ярославъ*, сидѣвшій въ Новгородѣ; но любимымъ его сыномъ былъ кроткій и благочестивый *Борисъ* (отъ Анны), которому онъ назначилъ Ростовъ. Всѣ думали, что Владиміръ хочетъ отдать Борису „старшій", „великокняжескій" столъ кіевскій; но Святополкъ рѣшился завладѣть насильно Кіевомъ, съ помощью *Болеслава Храбраго* (§ 16), на дочери котораго онъ былъ женатъ. Влидиміръ узналъ объ этомъ и посадилъ сына въ тюрьму. Затѣмъ ему пришлось бороться съ Ярославомъ. Это былъ достойный сынъ Рогнѣды, твердый и умный, хотя некрасивый и хромой. Его поддерживала жена, Ингигерда, надмѣнная дочь шведскаго короля. За Ярослава стояла вся „верхняя земля": какъ главные представители язычества и варяжества, новгородцы ненавидѣли кіевлянъ, перебивавшихъ у нихъ первое мѣсто, и Владиміра, который увеличилъ дани и бралъ съ нихъ много воиновъ для защиты ю. Руси. Ярославъ призвалъ свѣжихъ варяговъ изъ-за моря и отказалъ отцу въ дани. Владиміръ сталъ собирать войско противъ сына, но заболѣлъ и умеръ (1015).

§ 21. **Святополкъ I Окаянный и Мстиславъ Тмутараканскій.** Узнавъ о смерти отца, злой и хитрый *Святополкъ I* немедленно явился въ Кіевъ, между тѣмъ какъ Борисъ былъ тогда въ походѣ противъ печенѣговъ. Онъ ласкалъ кіевлянъ и раздавалъ имъ подарки, а тайно послалъ своихъ мужей убить Бориса. Кіевляне холодно отвѣчали на его милости и ждали Бориса, но тотъ, узнавъ о смерти отца, сказалъ: „не подниму руки на стар-

шаго брата; онъ мнѣ вмѣсто отца". Убійцы застали Бориса у р. Альты и пронзили его копьями въ то время, какъ онъ пѣлъ заутреню. Затѣмъ Святополкъ коварно умертвилъ другого брата, *Глѣба*, который правилъ Муромскою областью. Борисъ и Глѣбъ причислены къ лику святыхъ; по выраженію современниковъ, „ихъ кровью благословилась земля"; Святополка же народъ назвалъ *Окаяннымъ*. Проповѣдники долго указывали князьямъ на эти примѣры святости съ одной стороны и злодѣйства съ другой. Святополкъ думалъ погубить и остальныхъ своихъ братьевъ, но встрѣтилъ сильнаго противника въ лицѣ Ярослава. Получивъ изъ Кіева вѣсть отъ своей сестры, *Предславы*, о злодѣйствахъ Святополка, новгородскій князь созвалъ вѣче и, утирая слезы, просилъ у народа помощи. Собралась большая рать и двинулась внизъ по Днѣпру. У *Любеча* Святополкъ, застигнутый врасплохъ, былъ разбитъ и бѣжалъ въ Польшу; но вскорѣ онъ вернулся съ большимъ войскомъ, которымъ предводительствовалъ самъ Болеславъ Храбрый. Ярославъ, разбитый наголову, долженъ былъ бѣжать изъ Кіева, гдѣ поляки стали буйствовать, какъ завоеватели. Кіевляне возстали, и Болеславъ поспѣшилъ возвратиться домой, но по дорогѣ взялъ назадъ Червонную Русь (§ 19). Между тѣмъ Ярославъ, вернувшись въ Новгородъ, собирался бѣжать за море; но новгородцы остановили его, наняли варяговъ и пошли къ Кіеву. Святополкъ бросился въ степи и привелъ печенѣговъ; но у р. Альты былъ разбитъ и, весь израненый, поскакалъ на западъ и на дорогѣ умеръ. Тогда Ярославъ I „утеръ потъ со своею дружиной" и сѣлъ княжить въ Кіевѣ. Но у него былъ опасный соперникъ, братъ *Мстиславъ* Тмутараканскій, которому досталась самая далекая и дикая страна, населенная свирѣпыми кочевниками. Къ нимъ подходилъ и князь, напоминавшій своего удалого дѣда, богатырь съ краснымъ лицомъ и грозными глазами. Онъ любилъ битвы, слылъ непобѣдимымъ; мирное время проводилъ въ пирахъ со своею дружиной, для которой ничего не жалѣлъ. Мстиславъ разрушилъ царство крымскихъ хозаръ и взялъ въ плѣнъ самого кагана. Потомъ онъ сталъ ходить на прикубанскихъ косоговъ, князь которыхъ, Редедя, великанъ и силачъ, былъ зарѣзанъ имъ на поединкѣ. Мстиславъ требовалъ, чтобы Ярославъ подѣлилъ съ нимъ землю. Ярославъ не согласился; тогда Мстиславъ собралъ войско изъ косоговъ и хозаръ и захватилъ *Черниговъ*. Ярославъ вызвалъ изъ-за моря варяговъ, но былъ разбитъ и вторично бѣжалъ въ Новгородъ. Однако Мстиславъ не хотѣлъ нарушить

права старшинства. Онъ послалъ сказать брату: „ты старшій, садись въ своемъ Кіевѣ, а за мной пусть останется эта сторона“, т.-е. къ в. отъ Днѣпра. Ярославъ согласился. Съ тѣхъ поръ прекратились усобицы. Чрезъ 10 л. погибъ на охотѣ Мстиславъ, вѣрный союзникъ Ярослава, не оставивши наслѣдниковъ, и Ярославъ сталъ единодержавнымъ.

§ 22. **Ярославъ I.** Втеченіе 20-лѣтн. княженія, Ярославъ I почти не переставалъ воевать. Онъ прошелъ въ глубину Литвы и наложилъ на нее дань „лыкомъ и вѣниками“; затѣмъ пріобрѣлъ Чудское оз. и построилъ тамъ *Юрьевъ* (нын. Дерптъ), въ честь своего христіанскаго имени, а на Волгѣ основалъ *Ярославль*. Изъ этихъ крѣпостей русскіе ходили до ю. Финляндіи и *Желѣзныхъ Воротъ* (Устьсысольскъ). Ярославъ ограждалъ Русь отъ набѣговъ дикарей постройкой укрѣпленій и заселеніемъ пустынь и покончилъ съ печенѣгами, жестоко разбивъ ихъ подъ стѣнами Кіева. При немъ былъ заключенъ вѣчный миръ съ греками, послѣ неудачнаго похода подъ Царьградъ, и Ярославъ женилъ своего любимаго сына, Всеволода, на дочери Константина Мономаха (§ 13). Ярославъ особенно любилъ сношенія съ Западомъ: его сыновья были женаты на королевнахъ англійской, греческой и польской; его дочери были за королями венгерскимъ, французскимъ и норвежскимъ. Ярославъ пріютилъ у себя изгнаннаго норвежскаго короля со всѣмъ его семействомъ, дѣтей англійскаго короля, венгерскихъ принцевъ и другихъ знатныхъ выходцевъ, особенно шведовъ, желавшихъ послужить Ингигердѣ. (§ 20). Оттого слава Россіи прошла тогда по всей Европѣ „даже до Рима“, и Червонная Русь была возвращена съ помощью нѣмецкаго императора. Ярославъ относится къ числу „нарядниковъ“ русской земли. Онъ уже принадлежалъ къ поколѣнію „ученому покнижному“. Владиміръ только слушалъ чтеніе, а Ярославъ самъ читалъ и зачитывался по ночамъ, даже переписывалъ книги. На княжемъ дворѣ образовалось цѣлое общество, которое читало, переводило съ греческаго и переписывало болгарскія книги. Такъ возникло первое *книгохранилище* на Руси, при храмѣ св. Софіи; а въ Новгородѣ было основано училище на 300 мальчиковъ. Ярославъ былъ очень благочестивъ: онъ даже вырылъ кости двухъ своихъ дядей-язычниковъ и окрестилъ ихъ. Повсюду, даже въ деревняхъ, строилъ онъ церкви и монастыри и обезпечивалъ ихъ содержаніе изъ собственной казны. Особенно Кіевъ и Новгородъ украсились храмами, во главѣ которыхъ стояла *церковь Св. Софіи* въ Кіевѣ,

получившая значеніе всероссійскаго собора. Тогда же русская церковь стала *независимою* отъ Византіи: воспользовавшись войной съ греками, Ярославъ приказалъ собору своихъ епископовъ избрать митрополита, помимо константинопольскаго патріарха. Выборъ палъ на русскаго священника, Илларіона, извѣстнаго своею ученостью и строгостью жизни. Тогда же была издана *Русская Правда* (§ 26), за что Ярослава назвали Правосудомъ. Ярославъ умеръ въ 1054 г. Прахъ его и теперь покоится, во мраморномъ гробу, въ Софійск. соборѣ. Ярославъ завѣщалъ дѣтямъ жить дружно и *слушаться, какъ отца, старшаго брата*, Изяслава, которому онъ отдалъ кіевскій столъ.

§ 23. **Полоцкъ и Новгородъ.**—Предсмертныя слова Ярослава были первымъ на Руси закономъ о престолонаслѣдіи. Но не легко было исполнить ихъ, такъ какъ Ярославъ подѣлилъ Русь между сыновьями, изъ которыхъ каждый былъ независимымъ въ своемъ удѣлѣ и могъ не слушаться старшаго брата. Уже при Ярославѣ двѣ области, Полоцкъ и Новгородъ, составляли какъ бы особыя государства. Со времени изгнанія Рогнѣды съ Изяславомъ изъ Кіева (§ 18), *полоцкіе* князья, Рогвольдовичи, стали независимыми государями и даже врагами остальной Руси. Изъ нихъ особенно прославился внукъ Изяслава, *Всеславъ*. О немъ много говорится въ преданіяхъ, какъ о колдунѣ, который обращался, по ночамъ, то синею мглой, то сѣрымъ волкомъ. Онъ былъ „безпощаденъ на кровопролитіе", но любилъ также „судить и рядить народъ и города". По смерти Ярослава, Всеславъ началъ „расшибать славу" его и однажды разграбилъ Новгородъ. Ярославичи соединились и напали на него у р. *Немезы* (у Минска): здѣсь „снопы стлали головами, вѣяли душу отъ тѣла". Ярославичи справились съ Всеславомъ лишь обманомъ: заманивши къ себѣ, они заточили его въ кіевскую тюрьму. Новгородъ также сталъ тогда какъ бы особымъ государствомъ. Обязанный ему кіевскимъ столомъ, Ярославъ даровалъ ему *льготную грамоту*, которая освобождала его отъ дани Кіеву и давала ему право избирать себѣ всѣ власти. Такъ образовался „Господинъ Великій Новгородъ"—родъ республики, въ которой избранный князь или его посадникъ были какъ бы президентами. При жизни Ярослава, благодарные новгородцы выбирали себѣ въ князья его сыновей. Самъ Ярославъ любилъ навѣщать ихъ и защищалъ отъ полочанъ; а Ингигерда подолгу заживалась въ Новгородѣ, гдѣ и умерла. При смерти Ярослава, тамъ кня-

жилъ его старшій сынъ, *Изяславъ*. Онъ поспѣшилъ въ Кіевъ, а въ Новгородѣ оставилъ своимъ посадникомъ *Остроміра*.

§ 24. **Варяжество и государство на Руси.**—Смертью Ярослава оканчивается первый періодъ русской исторіи (862—1054). За это время важнѣе всего было появленіе варяжества и христіанства. Варяги не могли разстроить вост. славянъ: они пришли къ нимъ не цѣлымъ племенемъ, а дружиной, и не были образованнѣе ихъ. Оттого варяги вступали въ браки съ туземцами и вскорѣ *ославянились*, подобно камскимъ болгарамъ за Дунаемъ (§ 3). Святославъ уже носилъ славянское имя, и въ его войнахъ пало потомство первой варяжской дружины. Владиміръ считалъ себя славяниномъ и врядъ-ли говорилъ по-скандинавски. При Ярославѣ прекращается приливъ варяжскихъ дружинниковъ, такъ какъ тогда, съ принятіемъ христіанства, утвердился порядокъ въ самой Скандинавіи и окончились походы викинговъ (§ 6). Только на с. варяжество сохранялось долѣе: въ Новгородѣ были большіе торговые дворы норманновъ до 13 в., когда нѣмецкая ганза отбила у нихъ торговлю. Оттого варяжество оставило мало слѣдовъ въ бытѣ русскихъ: можно указать лишь на нѣсколько словъ, перешедшихъ отъ него въ нашъ языкъ—*гридь*, *кнутъ*, *ларь*, *лавка*, *стягъ*, *стулъ*, *тіунъ*, *ябедникъ* (слѣдователь), *якорь*. Но варяжество имѣло великое значеніе для восточ. славянъ, способствуя водворенію у нихъ порядка или *государства*, которому оно сообщило и свое имя—Русь. Тутъ варяги совершили тоже самое, что болгары среди ю. славянъ, франки среди галловъ, англы среди бриттовъ: они подорвали родовой бытъ, соединивши роды и племена въ одинъ *русскій* народъ и поставивъ надъ нимъ одинъ княжескій родъ, съ великимъ княземъ во главѣ. Но слѣды родоваго быта оставались долго, и даже въ самой великокняжеской семьѣ; лишь постепенно исчезали родовые старшины, а вмѣстѣ съ ними и вѣча или общинное правленіе. Прежде старшины сами собирались на вѣче; теперь князья стали созывать вѣча, притомъ не изъ однихъ „городскихъ старцевъ", а изъ всей общины; и чѣмъ дальше, тѣмъ рѣже созывались вѣча. Сначала у общины сохранялось свое войско, которое и сражалось отдѣльно отъ княжеской дружины, притомъ только обороняло свою землю и не ходило съ княземъ за границу; потомъ земская рать слилась съ дружиной, подъ начальствомъ князя и его воеводъ. Къ концу перваго періода нашей исторіи далеко раздвинулись *границы Руси*, которая обнимала сначала только полосу отъ Новгорода до Кіева. Онѣ

доходили до днѣпровскихъ пороговъ, Азовскаго м., Кавказа, камскихъ болгаръ, Печоры, Балтійскаго м. и Карпатъ. Вся эта Русь несла государственныя повинности, вызванныя объединеніемъ народа, изъ которыхъ главною была *дань*. Сначала, какъ и на Западѣ, при разобщенности областей и за недостаткомъ служителей, князь лично ходилъ за нею по своимъ людямъ; это *полюдье* было внутреннимъ походомъ, тѣмъ болѣе что не привыкшій къ государственнымъ повинностямъ народъ сопротивлялся. Князь ѣздилъ со своею дружиной и съ цѣлымъ караваномъ телѣгъ, такъ какъ дани собирались не деньгами, а припасами (натурой). Возвратившись съ полюдья, которое происходило зимой, онъ весной и лѣтомъ продавалъ лишнее изъ собраннаго, обыкновенно сплавляя товаръ Днѣпромъ, а самъ отправлялся въ походы. Впослѣдствіи ближайшія земли сами доставляли дань въ Кіевъ, что́ называлось *повозомъ*. Сначала, какъ и на Западѣ, дани были неопредѣленными „дарами", и примѣръ Игоря доказываетъ, какъ иногда ими истощали населеніе. Поэтому введеніе наряда состояло прежде всего въ „уставахъ", въ опредѣленіи „уроковъ" или повинностей. Затѣмъ князья, при полюдьѣ, начали установлять „правду", т.-е. судить народъ, и это было вторымъ источникомъ ихъ доходовъ: въ пользу князя шли *виры* или штрафы съ виновныхъ. Кромѣ дани и суда, князь имѣлъ военную власть: всякій обязанъ былъ идти съ нимъ въ походъ по его призыву. Полюдье и повозы, не говоря уже о военной повинности, служили къ объединенію племенъ, наравнѣ съ городами, которые любили строить князья, особенно на югѣ, куда они переселяли „верховой" народъ. Великій князь, съ его дворомъ и дружиной, съ его стольнымъ Кіевомъ, съ его родственниками по всѣмъ областямъ, сталъ видимымъ узломъ Руси. На полюдьѣ онъ расчищалъ дороги, ставилъ мосты, заводилъ погосты, строилъ города. Все это не только ослабляло родовой бытъ, но и сглаживало областныя особенности, сливало мелкія племена славянъ и финновъ въ одну Русь: подъ конецъ области носятъ уже не племенное названіе (древлянская и др.), а городскія (ростовская и др.).

§ 25. **Дружина и земщина.**—Объединеніе вост. славянъ было борьбой государства съ родовымъ бытомъ; поэтому князь съ своею дружиной жили особнякомъ, какъ верхній слой народа, чему сначала способствовало и ихъ иностранное происхожденіе. Дружина была многочисленна. Она сидѣла по городамъ гарнизономъ и составляла дворъ каждаго князя, занимавшаго отдѣль-

ный столъ. Больше всего толпилась она при главномъ, кіевскомъ дворѣ: здѣсь у князя была своя дружина, у княгини — своя. Князья соперничали между собой въ многочисленности и богатствѣ дружины; они одѣвали и кормили ее, давали ей оружіе и жалованье, пировали и совѣщались съ нею. „Серебромъ и златомъ не добуду дружины, а дружиною добуду серебра и злата", говорилъ Владиміръ. Дружина составляла постоянное войско князя, вооруженное мечами, копьями, стрѣлами, щитами и бронями, и ходила подъ „стягами" (знаменами), „по трубнымъ звукамъ". Она руководила и „воями" или „полкомъ" — земской ратью, которую распускали послѣ похода, отдавая ей часть добычи. Князь выбиралъ изъ дружинниковъ *воеводу* или *тысяцкаго* въ вожди воямъ, которому подчинялись земскіе сотскіе и десятскіе. Дружинники руководили и третьимъ отрядомъ войска—*наемниками:* на с. это была варяжская пѣхота, на ю. печенѣжская конница. Дружинниковъ же князь разсылалъ по городамъ и волостямъ, какъ своихъ *посадниковъ* (намѣстниковъ), *тіуновъ* (судей и сборщиковъ податей), и тысяцкихъ, которые „кормились" отъ своихъ должностей, т.-е. получали часть дани и виръ. *Дружинники получали жалованье, а не земли:* дружинники сами пренебрегали бѣдною землей, которую они не могли обрабатывать за недостаткомъ рабочихъ рукъ. Дружинники раздѣлялись на старшихъ и младшихъ. Старшіе, *бояры*, были „думцами" и помощниками князя въ управленіи: ихъ-то „сажалъ" онъ по городамъ и волостямъ. Младшіе, *боярскія дѣти*, или *гридь* (тѣлохранители), находились подлѣ князя; и ихъ комната во дворцѣ, гдѣ они толпились, называлась „гридницею". Самые младшіе, *отроки*, были прислугой князя и даже бояръ. Въ дружину могъ поступать всякій, и даже не русскій: такъ она искореняла родовой бытъ, основанный на крови, не образуя въ то же время феодализма, который стѣснялъ самодержавіе на Западѣ и сразу закрѣпостилъ народъ. Дружинники назывались еще „мужами", въ отличіе отъ массы населенія — *мужиковъ*, *людей* (простолюдинъ), или *земщины*. Земщина раздѣлялась на горожанъ и сельчанъ, впрочемъ только по занятіямъ: права у тѣхъ и другихъ были одинаковыя, хотя вообще сельчане уже считались ниже горожанъ и иногда назывались презрительнымъ именемъ „смердовъ". Дружина и земщина были свободными людьми. Но подлѣ нихъ видимъ людей подчиненныхъ имъ, безправныхъ. Нерѣдко свободный человѣкъ изъ нужды поступалъ въ наймы къ другому, что называлось *наймитствомъ* или *за-*

купничествомъ: за вину господинъ могъ побить его, но за побои безъ вины платилъ ему штрафъ. Также сильно было развито *холопство* (рабство). Холопъ былъ собственностью господина, который могъ продать и даже убить его; впрочемъ русскіе хорошо обращались съ своими рабами. Главнымъ источникомъ холопства были плѣнъ и обширная торговля рабами. Иногда свободный человѣкъ обращался въ холопа, напр., неисправный должникъ. Сильно развились *города*, которые, наравнѣ съ дружиной, разрушали родовой бытъ. Впрочемъ горожане не совсѣмъ покинули земледѣліе, такъ какъ промышленность еще была слаба. Больше всего было развито *плотничество*, особенно на с., затѣмъ гончарное и кожевенное производство; приготовлялся и грубый холстъ. Быстрѣе развивалась *торговля*, благодаря объединенію русскихъ и ихъ далекимъ походамъ, тѣмъ болѣе, что князья не брали пошлинъ и никому не запрещали торговать. Предметы ввоза и вывоза были прежніе (§ 9). Особенно усилился вывозъ *рабовъ*, вслѣдствіе покоренія многихъ инородцевъ и связей съ варягами, которые привозили рабовъ изъ Европы. Явился также особенный спросъ на дорогіе *мѣха*, такъ какъ тогда на Востокѣ вошли въ моду женскія горностаевыя и собольи шубки. Отъ торговли сильно обогащался Кіевъ и Новгородъ. Черное м. стало называться „русскимъ"; Балтійское же начало подчиняться, по торговлѣ, новгородцамъ, которые первенствовали на большихъ ярмаркахъ въ Ливоніи, откуда ихъ товары шли до Эльбы и Стокгольма.

§ 26. **Законы, судъ и церковь.**—Съ образованіемъ государства потребовались правила общежитія или писаные *законы*, которые вездѣ замѣняютъ первоначальный обычай. У насъ прежде всего явились законы международные, въ видѣ *договоровъ* съ *греками:* договоръ Олега, (§ 17), внесенный въ лѣтопись, одинъ изъ самыхъ древнихъ письменныхъ памятниковъ въ Европѣ. Съ принятіемъ христіанства возникли законы для русскаго народа. Сначала они были *греческіе*, принесенные византійскимъ духовенствомъ. Владиміръ, на основаніи „Номоканона" (греч. церковн. законы), издалъ *уставъ о церковныхъ судахъ*, по которому семейныя и наслѣдственныя дѣла перешли изъ вѣдѣнія вѣча и родовыхъ старшинъ къ церкви. Но русскихъ возмущали греческіе законы (особенно смертная казнь и тѣлесное наказаніе); и они часто рѣшали дѣла самосудомъ. Оттого Ярославъ сократилъ власть церковныхъ судовъ, а главное, издалъ свѣтскіе законы, названные, въ отличіе отъ греческихъ, *Рус-*

скою Правдой. Ея древнѣйшій списокъ относится къ концу 13 вѣка и представляетъ какъ бы юридическій сборникъ законовъ отъ Ярослава до Мономаха. Основою Русской Правды послужило обычное право, жившее въ народѣ по преданію. Оттого ея главнымъ отличіемъ служитъ замѣна тѣлесныхъ наказаній *вирами* (§ 24). Допускались только, какъ уступка обычаю родовой мести, ударъ за ударъ и смерть за смерть; но и тутъ дозволялось мстить смертью только ближайшимъ родственникамъ. Воръ также наказывался вирой, а поджигатель и конокрадъ изгонялись, имущество же ихъ отдавалось на разграбленіе. Если виновный не могъ заплатить виру, ее вносила *вервь*, т.-е. округъ, къ которому принадлежалъ преступникъ, что́ называлось „дикою вирой". Опредѣлялось и наслѣдство: каждый располагалъ своимъ имуществомъ, какъ хотѣлъ, по „ряду", завѣщанію. Судъ происходилъ на дворѣ князя или его намѣстника. Челобитчикъ или истецъ представлялъ свидѣтелей. Если обвиняли въ убійствѣ, а свидѣтелей не было, то отвѣтчикъ подвергался *испытанію желѣзомъ* или *водой*: онъ долженъ былъ простоять или продержать два пальца на раскаленномъ желѣзѣ, во время присяги, или же войдти въ рѣку до извѣстной глубины, причемъ замѣчали, испугался онъ или нѣтъ. Допускалось и *поле* или поединокъ между тяжущимися. Къ государственному наряду должно отнести и христіанство, которое сразу стало у насъ *государственной религіей:* оттого сразу же явилось прочное *церковное устройство* или іерархія. Во главѣ русской церкви сталъ кіевскій митрополитъ, который уже съ Илларіона (§ 22) сталъ русскимъ и независимымъ отъ Византіи. Митрополиту подчинялись 6 *епископовъ*; изъ нихъ ближайшіе къ Кіеву пріѣзжали совѣщаться съ митрополитомъ и князьями. Церковь сразу стала въ зависимое положеніе отъ государства, тѣмъ болѣе, что она содержалась на его счетъ. Приношенія прихожанъ были недостаточны: случалось, что въ церквахъ не служили за недостаткомъ просвиръ. Правда, церковь получала еще виры; но судебную власть давалъ ей также князь, отъ котораго зависѣли и ея размѣры. Сверхъ того, на Русь пришло духовенство греческое, которое, въ противоположность латинскому, было послушнымъ орудіемъ самодержавія. Его первою задачей было укоренить *понятіе о власти византійскаго императора* въ сознаніи народа, только-что слагавшагося изъ отдѣльныхъ родовъ-племенъ. Оттого оно приняло прямое участіе въ правленіи: князь совѣщался съ епископами, которые руководили и его

„думцами“. Онъ далъ имъ обширную *судебную* и отчасти *полицейскую* власть: духовенство завѣдывало больницами и богадѣльнями, надзирало за торговыми мѣрами и вѣсами. Кромѣ того, былъ обширный классъ людей, который исключительно подчинялся церкви: это—*изгои*, люди безпріютные, стоявшіе внѣ общины. Сюда относились: освободившійся холопъ, наймитъ, банкротъ, безграмотный поповичъ; изгоемъ считался также князь, отецъ котораго не занималъ кіевскаго стола.

§ 27. **Христіанство и нравы.**—Слабѣе было *нравственное* вліяніе христіанства. Оно утвердилось только по пути отъ Кіева до Новгорода. Первымъ епископамъ Ростова пришлось бѣжать; тамъ волхвы, при Ярославѣ, истребили много старухъ во время голода, утверждая, что онѣ прячутъ въ своемъ тѣлѣ хлѣбъ. Преданіе о Всеславѣ (§ 23) доказываетъ, какъ сильно было язычество на другомъ концѣ сѣвера. Въ крещеныхъ областяхъ сохранялись языческіе обычаи и обряды, и встрѣча съ попомъ, какъ съ врагомъ, считалась зловѣщею. У великихъ князей было еще по два имени—мірское (языческое) и христіанское. Еще болѣе гнѣздилось язычество въ нравахъ, которые отличались грубостью и необузданностью. Больше всего почитали *физическую силу*, которую прославляли въ пѣсняхъ и сказкахъ. Нажитое насиліемъ добро проживалось на чувственныя удовольствія. Владиміръ самъ сказалъ, что „Руси есть веселіе пити“, и его пиры славились обиліемъ блюдъ и напитковъ. По прежнему смотрѣли на *женщину*, какъ на малолѣтка. Женихъ все еще покупалъ невѣсту; отчасти сохранялось даже умыканіе, въ особенности же многоженство; за оскорбленіе женщины платили только полвиры. Но, подъ вліяніемъ христіанства, уже начиналось *смягченіе нравовъ*. „Христолюбивая“ церковь принимала подъ свой покровъ бездомныхъ нищихъ, калѣкъ и паломниковъ (странниковъ), а также изгоевъ. Она внушала, что человѣкъ—разумное существо, и наказывала даже за грубую брань. Въ понятіяхъ русскаго „хитрость“ становилась уже выше физической силы, и названіе „вѣщій“ было высшею похвалой. Церковь особенно вліяла на *семью*, которая была подчинена ей даже по закону и освободилась отъ грубой родовой власти. Она искореняла многоженство и слѣдила, чтобы родители не устраивали насильственныхъ браковъ между своими дѣтьми. Она доставила „матерой вдовѣ“ наслѣдственныя права, такъ что она могла завѣщать имущество даже дочери, помимо сыновей. Тогда русская женщина не была замкнута, и жена участвовала вездѣ съ мужемъ—на работѣ, на

пиру, иногда даже въ битвѣ. А княгини управляли государствомъ, владѣли городами, снаряжали своихъ пословъ. Христіанство уже становилось идеаломъ (образцомъ) жизни: русскіе сознали, что нужно быть *благочестивыми*. Первыми образцами благочестія были Владиміръ, Борисъ и Глѣбъ. Тогда же зародилось *монашество*, и хотя оно было посвящено внѣшнему благочестію, тѣмъ не менѣе „подвижники" были герои нравственной силы, въ противоположность героямъ физической силы или богатырямъ. Они сами налагали на себя лишенія, вмѣсто того, чтобы грабить другихъ для удовлетворенія своихъ страстей. Оттого у насъ не имѣли значенія первые, богатые монастыри, которые появились подъ Кіевомъ тотчасъ по принятіи христіанства. Народъ говорилъ про нихъ: „эти монастыри не таковы, какъ тѣ, что поставлены слезами, постомъ, молитвою, бдѣніемъ". Онъ искалъ *отшельниковъ*, которые совсѣмъ отошли бы отъ „міра" и истязали бы себя, какъ подвижники Востока. Первымъ изъ нихъ былъ простой любечанинъ, Антипъ. Онъ пошелъ на Аѳонскую гору въ Греціи, славившуюся своимъ монашествомъ, гдѣ его посвятили въ иноки, подъ именемъ *Антонія*. Возвратившись въ отечество, Антоній поселился въ пещерѣ, подъ Кіевомъ, и предался подвижничеству... Къ нему сталъ стекаться народъ. Однажды пришелъ изъ Курска молодой *Ѳеодосій*, сынъ богачей, рано лишившійся отца. Его мать, женщина тщеславная и грубая, была проникнута языческими предразсудками; Ѳеодосій же съ малолѣтства сталъ задумываться, самъ нашелъ себѣ учителя и началъ читать божественное. Ему опротивѣло богатство; онъ сталъ одѣваться, ѣсть и работать, какъ рабы его дома. Мать била его за униженіе рода. Юноша бѣжалъ съ паломниками, шедшими въ Іерусалимъ; но мать изловила его на дорогѣ, избила и нѣсколько времени продержала въ оковахъ. Тогда Ѳеодосій сталъ помогать попу печь просвиры; но мать била его и за это. Ѳеодосій снова бѣжалъ не подалеку къ одному попу; но мать вытащила его и оттуда. Ѳеодосій началъ раздавать одежды нищимъ, а самъ ходилъ въ лохмотьяхъ, подъ которыми тайкомъ носилъ „вериги" (цѣпи); мать по крови узнала о цѣпяхъ и, сорвавъ ихъ, избила подвижника. Тутъ Ѳеодосій бѣжалъ уже въ Кіевъ, приставъ къ купеческому обозу. Ему не понравились богатые княжескіе монастыри, и онъ обратился къ Антонію, который постригъ его въ иноки. Черезъ 4 года отыскала его неугомонная мать; но на этотъ разъ она сама приняла монашество.

§ 28. **Письменность и народная поэзія.**—Третье вліяніе христіанства (послѣ государственнаго и нравственнаго) было *просвѣтительное*. Съ нимъ связано начало книжнаго образованія или письменности на Руси. Тогда письменность ограничивалась *списываньемъ* чужаго, такъ какъ немногія школы (въ нихъ обучались дѣти князей наравнѣ съ крестьянами) служили лишь для приготовленія поповъ: въ нихъ научались чтенію, письму и церковному пѣнію, да зазубривали Евангеліе и Апостолъ; а кто зналъ Часословъ и Псалтырь, тотъ слылъ „книжнымъ" (ученымъ) человѣкомъ. Къ счастью, свящ. книги явились у насъ не на чуждомъ языкѣ, какъ въ латинской церкви, а въ переводѣ на болгарскій яз., который русскіе понимали безъ изученія. *Болгарское* вліяніе было первенствующимъ въ началѣ русской исторіи: наши первые епископы, священники, дьяконы, пѣвчіе, переписчики, переводчики съ греческаго были болгары; переписывались сначала произведенія болгарской письменности (§ 15). Но вскорѣ у насъ появились и собственные *переводы* съ *греческаго*, благодаря русскимъ инокамъ, жившимъ на Аѳонѣ. Они вырабатывали книжный (литературный) русскій языкъ, въ которомъ уже было мало норманнскихъ словъ, а вскорѣ стали исчезать и греческіе обороты. Появились и собственные *грамотѣи* (писатели). До насъ дошли сочиненія митрополита *Иларіона*, въ которыхъ защищается христіанство противъ евреевъ и прославляются Владиміръ съ Ярославомъ. Эти первыя русскія сочиненія отличаются ясностью изложенія и хорошимъ языкомъ. Хотя ученость была тогда церковная, но были уже взятые у болгаръ переводы византійскихъ сборниковъ общаго содержанія, преимущественно историческаго, почему они и названы *хронографами* (§ 13). Подготовлялось и начало собственнаго *лѣтописанія*, въ видѣ замѣтокъ о важныхъ для церкви событіяхъ, которыя заносились въ пасхальныя таблицы или святцы; сохранился даже отрывокъ настоящей русской лѣтописи, составленной *Іоакимомъ*, епископомъ новгородскимъ. До насъ дошло также нѣсколько *документовъ* или правительственныхъ бумагъ—договоры съ Византіей Олега, Игоря и Святослава, церковные уставы Владиміра и Ярослава и Русская Правда, въ языкѣ которой уже много русскаго. Этимъ, т. е. прозою, исчерпывалась наша письменность. Поэзія была только устная или народная. Въ ней много языческихъ суевѣрій, иногда совсѣмъ непонятныхъ, тѣмъ болѣе, что духовенство подвергало ее запрещеніямъ наряду съ „бѣсовскими игрищами". Къ народной поэзіи относятся *пѣсни*,

отчасти живущія и теперь въ устахъ народа. Среди нихъ есть пѣсни *языческія*, сложенныя до христіанства, обрядовыя, (въ особенности свадебныя), бытовыя (колыбельныя, хороводныя) и посвященныя временамъ года (веснянки, зимнянки). *Богатырскія* пѣсни, также сохраняющія слѣды язычества (Диво, Змѣй Горынычъ, Морской царь и др.), особенно развились на югѣ. Здѣсь ихъ главные герои (§ 12), защищающіе русскую землю, какъ отъ внѣшнихъ, такъ и отъ внутреннихъ враговъ (Соловей Разбойникъ). Тогда же зарождался третій отдѣлъ пѣсенъ, *историческій*. На Руси уже былъ народный пѣвецъ, *Баянъ*; онъ пѣлъ „про стараго Ярослава", „про Мстислава Тмутараканскаго", про первыя усобицы между князьями. Къ тому же времени относятся историческія *преданія*, записанныя въ лѣтописи (Кій, смерть Олега и др.), и *сказки*, въ которыхъ сохранились слѣды язычества (Жаръ-птица, Баба-яга, Кощей безсмертный, мечъ-кладенецъ, драчунъ-дубинка и проч.). Были и сказки о звѣряхъ или *животный эпосъ*, слѣды котораго остались въ пословицахъ („отольются волку овечьи слезки" и др.). Уцѣлѣло еще нѣсколько мелкихъ осколковъ эпоса, въ видѣ пословицъ, притчъ, загадокъ, заговоровъ, заклинаній („чортъ возьми!"). *Пословицы* наиболѣе развиты и важны, какъ первобытная народная мудрость. Древнѣйшія изъ нихъ языческія, частью совсѣмъ непонятныя: въ нихъ отражаются звѣроловство, пастушество и родовой бытъ. Затѣмъ въ пословицахъ рисуется паденіе язычества („взялъ боженьку за ноженьку, да о полъ"), христіанскія понятія („безъ Бога не до порога" и др.), даже мѣста изъ св. писанія („много званыхъ, да мало избранныхъ"). Изъ историческихъ пословицъ къ этому періоду относится много вымершихъ („погибоша, аки обрѣ" и др.). Съ принятіемъ христіанства и народная поэзія нѣсколько измѣнилась. Илья Муромецъ 30 л. сидѣлъ сиднемъ, не владѣя ни руками, ни ногами, но тотчасъ же вылечился, какъ только напоилъ двухъ жаждущихъ странниковъ. Алеша Поповичъ побѣдилъ прожорливаго и грязнаго Тугарина Змѣевича, съ помощью Бога, наславшаго дождь, отъ котораго промокли крылья Тугарина. Стали даже появляться особые духовные стихи или пѣсни, которыя пѣлись *каликами перехожими*—нищими слѣпцами, странниками Божіими; важнѣйшіе изъ нихъ— о *Голубиной книгѣ* и о *Страшномъ Судѣ*, гдѣ заключена дума народа о началѣ и концѣ міра.

§ 29. **Искусство и внѣшній бытъ.**—Четвертое вліяніе христіанства было *художественное*. Вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства,

на Руси появились греческіе каменьщики, зодчіе и живописцы. Они сосредоточились подлѣ великаго князя. *Кіевъ* сталъ однимъ изъ самыхъ большихъ и лучшихъ городовъ въ Европѣ; западные лѣтописцы сравниваютъ его съ Царьградомъ. Онъ такъ быстро разростался, что уже Ярославъ построилъ новыя, обширныя *каменныя стѣны* со многими воротами, изъ которыхъ главные назывались *Золотыми*, какъ въ Византіи, и надъ ними была церковь. Зодчество развилось при Ярославѣ, который строилъ стѣны, крѣпостцы, *терема* (каменные дома или дворцы) и поставилъ два монастыря въ Кіевѣ. Главнымъ памятникомъ его строительства былъ *храмъ св. Софіи* въ Кіевѣ (§ 22), болѣе 20 саж. вышины, съ 5 куполами, изъ которыхъ 4 освѣщали обширные хоры, тянувшіеся вокругъ всего храма, опираясь на толстые каменные столбы съ 2-хъ этажн. *пролетами* (арками). Храмъ былъ украшенъ внутри *мусіей* (мозаикой) и *стѣнописью* (фресками), а лѣстницы на хоры, шедшія снаружи, были расписаны картинами свѣтскаго содержанія (княжеская охота, народныя гулянья и проч.). Храмъ св. Софіи, сколокъ съ константинопольскаго собора (§ 7),—одно изъ самыхъ замѣчательныхъ и древнихъ произведеній византійскаго искусства въ Европѣ. Этотъ старѣйшій памятникъ русскаго зодчества такъ сохранился, что его возстановили теперь, отчасти даже съ стѣнописью, которая была заштукатурена, что́ и сберегло ее. Отъ временъ Ярослава сохранились еще обломки Золотыхъ Воротъ и пещеры Антонія и Ѳеодосія. Отъ Владиміра уцѣлѣли только основаніе Десятинной церкви да нѣсколько украшеній и буквъ съ ея надписей. Внѣ Кіева строились все деревянныя, хрупкія церкви; тогда нерѣдко падали крыши даже въ каменныхъ церквахъ отъ неумѣнья дѣлать своды. Только въ Новгородѣ былъ храмъ *св. Софіи*, соперничавшій съ кіевскимъ и построенный при дѣтяхъ Ярослава. Началомъ *ваянія* на Руси можно считать мраморныя гробницы Владиміра и Анны, на подобіе греческихъ саркофаговъ. Подъ иностраннымъ же вліяніемъ явились нѣкоторые успѣхи во внѣшнемъ (матеріальномъ) быту. Въ каменныхъ *теремахъ* жили только князья да немногіе изъ ихъ мужей. Обыкновеннымъ жильемъ или *хоромами* была изба (теплый покой) и при ней *клѣти* (лѣтнія пристройки). Передъ ними были сѣни и крыльца со столбами, а вокругъ тянулся заборъ, ограждавшій дворъ. Службы состояли изъ бань, медушъ (кладовыя для меда) и голубятенъ. Уже тогда проявилась страсть русскихъ къ пестрымъ *узорамъ*. На крышахъ были рѣзные коньки и расписные и зо-

лоченые гребни, на княжихъ теремахъ—рѣзные карнизы; терема были расписаны внутри и снаружи разноцвѣтными узорами, которыми особенно щеголяли наличники оконъ. Мебель состояла изъ *бесѣдъ* (лавокъ), *столовъ* (стулья; отсюда „княжескій столъ“ или „престолъ“), одровъ. Лавки покрывались коврами. Посуда была деревянная и лишь отчасти желѣзная и глиняная. За столомъ употреблялись ножи и деревянныя (иногда серебряныя) ложки; вилокъ еще не было. Ѣли, кромѣ хлѣба и овощей, всякое мясо, не исключая конины, но особенно любили свиней и гусей; мясо варили и пекли на угольяхъ; жарить еще не умѣли. Ѣли также рыбу и сыры, лакомились киселемъ съ сытой. Пили вино, меды и квасъ. Для ѣзды употребляли сѣдла съ уздой, *возы* (телѣги), *кола* (дроги) и сани. Изъ развлеченій въ большомъ почетѣ была *охота* съ собаками, соколами и ястребами. Одежда оставалась прежняя, только становилась богаче; распространилось употребленіе цвѣтныхъ сафьянныхъ сапогъ, *клобуковъ* (мѣховыя шапки, съ бархатнымъ верхомъ, которыхъ не снимали даже въ церкви), *убрусовъ* (платки), а также шерстяныхъ и шелковыхъ матерій. На рубаху надѣвали *свиту* или *кожухъ*, съ рукавами, ниже колѣнъ, а сверху разныхъ покроевъ *корзна* или *епанчи* (плащъ, надѣваемый на лѣвое плечо), которыми особенно щеголяли. Богачи дѣлали свиты изъ паволоки, особенно красной (багряница); подолъ и рукава обшивали золотомъ или узоромъ; воротникъ ставили блестящій, атласный; грудь украшали иногда золотыми петлицами, какъ на нынѣшнихъ венгеркахъ. Корзна дѣлали изъ такой дорогой ткани, какъ *оксамитъ*—золотая и серебряная парча съ шелковыми узорами. Русскіе бросали языческій обычай брить голову и бороду; подъ византійскимъ вліяніемъ, они запустили длинные волосы и бороды, которые сначала подстригали. Обширныя сношенія привели къ замѣнѣ мѣновой торговли денежною. Русскіе стали дѣлать собственныя монеты. Сначала онѣ были кожаныя: *куны* (мордочки куницъ), а также *рѣзани* (отрѣзки) и *ногаты*—лапки и ушки (отсюда „полушка“) бѣлокъ съ серебрянымъ гвоздикомъ, бывшія въ употребленіи также въ Италіи, Франціи и на Востокѣ. Потомъ явилась *гривна*—необдѣланный кусокъ золота или серебра извѣстнаго вѣса (гривна сначала была единицею вѣса, въ родѣ фунта). Подлѣ этой крупной монеты возникла, при Ярославѣ, мелкая—*сребренники* съ изображеніемъ и именемъ князя; они чеканились по византійскому образцу.

§ 30. **Значеніе періода.**—Первый періодъ русской исторіи

обнимаетъ два вѣка—съ половины 9 до половины 11. Тогда на католическомъ Западѣ, у романцевъ и германцевъ, пало политическое единство, подъ вліяніемъ феодализма и папства. Стремленіе къ нему проявлялось только въ образованіи государствъ по народностямъ, но и они не имѣли еще опредѣленныхъ границъ, изъ-за которыхъ шла безпрерывная борьба. Внутри же каждаго государства вмѣсто самодержавныхъ королей были безсильные сюзерены. Но зато явилось умственное единство, въ смыслѣ господства христіанства, при которомъ слабо сохранялись слѣды классицизма или свѣтскихъ познаній и искусствъ. Оно выразилось и въ могуществѣ папы, который имѣлъ больше власти надъ католиками, чѣмъ мѣстные государи. Въ Византіи, у грековъ, не произошло такой перемѣны, какъ у католиковъ. Здѣсь продолжалось политическое единство и совершилось полное умственное объединеніе: исчезли послѣдніе слѣды классицизма, подъ вліяніемъ христіанской церкви. Въ Византіи единство достигло даже крайнихъ размѣровъ, стѣсняя всякое стремленіе къ новизнѣ, къ перемѣнѣ: отсюда застой политическій и умственный, т. е. внутренняя слабость и паденіе, при внѣшней силѣ и блескѣ. Въ одномъ было сходство между греками, романцами и германцами: вездѣ народъ былъ одинаково порабощенъ. У славянъ также происходило политическое объединеніе: образовались государства по главнымъ народностямъ, и внутри каждаго государства было единодержавіе; но власть государя была ограничена. У зап. славянъ ее ограничивали папы и сильная аристократія, которая такъ развилась подъ вліяніемъ нѣмцевъ, что народъ уже страдалъ отъ ея гнета. На Руси же, гдѣ феодализмъ не развился, а покорное духовенство поддерживало князей, государственная власть была ограничена земщиной съ ея вѣчами, и порабощенія народа еще не было. Не могло быть и такихъ жестокихъ междоусобій, какъ на Западѣ: тогда на Руси происходили только временныя, не важныя смуты, которыя доказывали, что племена еще не слились и что родовой бытъ еще не исчезъ. Но умственное объединеніе у славянъ было слабо, особенно у восточныхъ. Христіанство пришло къ нимъ, но было принято еще внѣшнимъ образомъ и не вездѣ. Подлѣ него сильно сохранялось язычество въ понятіяхъ и нравахъ. Но это язычество было не просвѣщенное, классическое, какъ на Западѣ, а первобытное, лишенное письменности. Оттого какъ ни мало оно потеряло силы, но все утраченное было утрачено навсегда. Сла-

вянское язычество не могло возродиться, какъ случилось потомъ съ классицизмомъ.

III. Удѣльныя усобицы. Ок. 1050—1250.

§ 31. **Романцы, германцы и греки.**—Время отъ половины 11 до половины 13 в. называется на Зап. *средними вѣками* въ тѣсномъ смыслѣ. Тогда было полное господство всего, что отличаетъ эти вѣка, т.-е. феодализма, папства и религіозности. Такъ какъ религіозность ярче всего выражалась въ войнахъ съ сельджукскими турками изъ-за Гроба Господня, наполняющихъ это время, то средніе вѣка называются еще *эпохой крестовыхъ походовъ*. Крестовые походы были неудачны. Они способствовали только разрушенію арабской имперіи (халифата) и образованности въ Азіи. Этимъ воспользовались *монголы*, съ своимъ *Чингисханомъ* (Темучинъ): они уничтожили багдадскій халифатъ, завоевали Россію и прошли на зап. до Силезіи. Крестоносцы, состоявшіе изъ католиковъ, вознаграждали себя за неудачи насчетъ Византіи, лежавшей на дорогѣ къ Іерусалиму. Крестовые походы были столько же борьбою христіанства съ исламомъ, сколько *борьбой латинянъ съ греками*, католичества съ восточнымъ православіемъ. Тогда въ Византіи продолжалось внутреннее паденіе (§ 13). Послѣ Македонской династіи долго происходили междоусобія, пока не воцарились *Комнены*, искусные политики и покровители просвѣщенія. Но положеніе Комненовъ было тяжело, такъ какъ у Византіи явилось тогда два новыхъ врага—норманны, отнявшіе у нея Неаполь, и сельджуки, захватившіе Малую Азію. Борьба съ турками была такъ тяжела, что Алексѣй Комненъ принужденъ былъ просить помощи у Запада, который помогъ, но за это самъ захватилъ Царьградъ. Рыцари истребили много народу и произведеній искусства, подчинили патріарха папѣ—и Византія стала столицей *Латинской имперіи* (1204). Но эта имперія вскорѣ погибла вслѣдствіе бунта, поднятаго Михаиломъ *Палеологомъ*, который основалъ послѣднюю византійскую династію. Крестовые походы принесли пользу только папству, какъ вождю религіознаго движенія католиковъ. То была истинно папская эпоха, породившая *Александра III* и *Инокентія III*, похожихъ на Григорія VII (§ 13). Папа сталъ властителемъ Запада и духовнымъ самодержцемъ, такъ какъ ис-

чезли вселенскіе соборы, ограничивавшіе его власть. Онъ измѣнялъ догматы и уничтожилъ „чашу“, т.-е. ввелъ причащеніе подъ видомъ одного хлѣба. У папы явилось новое орудіе—монашество, которое изъ частнаго обычая превратилось въ церковное учрежденіе. Тогда возникли главные „нищенствующіе“ ордена — францисканскій и бенедиктинскій. Явились и монахи-рыцари, цѣлью которыхъ было распространять католичество мечемъ. Одинъ изъ нихъ, *Тевтонскій* (нѣмецкій) *орденъ*, поселился у устьевъ Вислы, призванный поляками для борьбы съ языческими пруссами. Съ помощью такихъ орудій, папа успѣшно боролся повсюду съ государями, поддерживая мятежную аристократію. Такъ какъ, сверхъ того, государи отвлечены были крестовыми походами, то никогда *феодализмъ* съ его усобицами не развивался до такой степени. Особенно свирѣпствовалъ онъ въ Германіи, гдѣ былъ глава свѣтской власти, императоръ, и царствовала гордая династія *Гогенштауфеновъ*, все время боровшихся съ папствомъ. Папы поднимали противъ Гогенштауфеновъ вассаловъ, съ могущественными Гвельфами во главѣ. Жестокія усобицы раздирали Германію, которая разбилась на нѣсколько государствъ — Баварію, Саксонію, Бранденбургъ и др. Папство восторжествовало: послѣдній изъ Гогенштауфеновъ погибъ на эшафотѣ въ Италіи.

§ 32. **Просвѣщеніе Запада.** — Въ умственномъ отношеніи это время на Западѣ было выше предшествовавшаго періода. Его называютъ „первымъ возрожденіемъ“ наукъ и искусствъ. Снова показалось вліяніе классицизма въ Италіи, въ Англіи, въ особенности же во Франціи, куда онъ приходилъ отъ испанскихъ арабовъ. Начала развиваться грамотность среди мірянъ; появилась даже частная переписка, чему помогла писчая бумага, замѣнившая дорогой пергаментъ. Бенедиктинскіе монахи стали составлять списки классиковъ и учили по нимъ въ своихъ школахъ. Латынь ученыхъ улучшилась, и ей учились даже священники и рыцари. Ученые знали даже по-гречески; а въ Италіи были греческія церковныя книги и живописцы. Въ Салерно, Болоньѣ, Парижѣ, Оксфордѣ и Кембриджѣ возникли обширные университеты, гдѣ начинали преподавать римское право, математику и медицину. Правда, преобладала *схоластика* (богословіе), но и въ ней тогда проявлялись слѣды классицизма. Схоластики знали не одного Платона, но и Аристотеля, всѣ сочиненія котораго явились тогда на Западѣ черезъ арабовъ, не смотря на запрещенія папъ. Среди нихъ были такіе смѣлые умы, какъ

Абеляръ, возвѣстившій, что богословіе и наука — двѣ вещи разныя; а въ концѣ періода жилъ *Альбертъ*, названный *Великимъ*, лучшій ученикъ Аристотеля и арабовъ, отецъ свѣтскихъ наукъ. Свѣтское направленіе выразилось также въ развитіи новыхъ языковъ и народной поэзіи. Во главѣ ихъ стояло *провансальское* нарѣчіе ю. Франціи (потомъ вымершее), на которомъ явилась рыцарская поэзія *трубадуровъ;* у нѣмцевъ возникла подобная же поэзія *миннезенгеровъ*. Веселая свѣтская поэзія проникнута сатирой на духовенство и ханжество. Тогда же настала вторая эпоха *ересей*. Еретики, вопреки папству, превратившему религію во внѣшній обрядъ, сами изучали Библію, искали теплой вѣры и старались жить, какъ христіане апостольскихъ временъ. Во главѣ ихъ стояли *вальденсы* ю. Франціи: они приближались къ богомиламъ (§ 15), отвергали папство и требовали Библію на народномъ языкѣ. Часть вальденсовъ называлась *альбигойцами*, которые составляли цѣлое государство: у нихъ были свои соборы, земли и свѣтская власть. Ересямъ соотвѣтствовало искусство. Тогда явился *готическій стиль* въ зодчествѣ, созданный *городами*, этими врагами рыцарства и духовенства, которые зарождались тогда; готическіе соборы сооружали горожане, помимо церкви, на свои деньги, собственными артелями каменьщиковъ. Въ ваяніи и живописи готическихъ храмовъ замѣчается изученіе природы и оживленіе. Города же создали сатирическіе разсказы — грубыя народныя произведенія, въ которыхъ осмѣивались папство и феодалы; во главѣ ихъ стоитъ сказка о Кумушкѣ-Лисѣ, обошедшая всю Европу. Тогда, въ послѣдній разъ, появилось оживленіе и въ умственномъ быту грековъ. Царствованіе Комненовъ было одною изъ лучшихъ эпохъ византійской письменности.

§ 33. **Южные славяне.** — Съ паденіемъ болгарскаго царства (§ 15) почти всѣ южн. славяне подчинились Византіи, но лишь временно. Въ 1186 г. *Асѣнь I* возстановилъ *болгарское царство*, съ новою столицей, *Терново*, и съ независимымъ патріархатомъ; но вскорѣ оно было ослаблено внутренними усобицами и борьбой съ сосѣдями. Одно время Болгарія даже подчинялась сербамъ, къ которымъ переходила первая роль среди южн. славянъ. *Сербы* стали возвышаться въ одно время съ возстановленіемъ болгарскаго царства, благодаря *Стефану Неманю*. Немань, при которомъ началась также сербская письменность, низвергъ византійское иго и присоединилъ сербовъ, населявшихъ православную (ю.-в.) часть Босніи и Герцеговины, а также ны-

нѣшнюю Черногорію. Но положеніе Сербіи было затруднительно, вслѣдствіе междоусобій и нападеній сосѣдей—болгаръ, грековъ, въ особенности же венгровъ. *Венгры* усилились, благодаря хорошему правленію (льготная хартія), дарованному имъ св. Стефаномъ (§ 15), и задумали подчинить себѣ славянъ. Отсюда ихъ борьба съ сербами, греками и венеціанцами: у послѣднихъ они отняли *Далмацію*, а *хорваты* добровольно подчинились имъ, когда у нихъ вымерла своя древняя династія и настали междоусобія. Венгры привлекали къ себѣ славянъ умною политикой: они оставили имъ самоуправленіе, призывали ихъ депутатовъ на свой сеймъ и были вѣротерпимы. Вмѣстѣ съ хорватами, къ Венгріи присоединилась принадлежавшая имъ католическая (с.-з.) часть Босніи и Герцеговины, а также *словенцы*. Такъ, границы Венгріи дошли, на Адріатикѣ, почти до Черногоріи. Здѣсь сохранила независимость только одна славянская земля—*Дубровникъ* (Рагуза), который сталъ тогда, на подобіе Венеціи, аристократическою республикой. Эта республика, сохранившаяся до 1808 г., когда она была присоединена къ Австріи, процвѣтала тогда: у нея были конторы въ Венгріи, Болгаріи, Византіи, Египтѣ и Англіи, а въ Палермо—цѣлый „славянскій“ кварталъ.

§ 34. **Западные славяне.** — Въ исторіи зап. славянъ этотъ періодъ былъ временемъ политическаго упадка. Чехія едва успѣла возвыситься при Болеславѣ (§ 16) и особенно при *Бретиславѣ I*, который завоевалъ-было всю Польшу, какъ распалась, по смерти этого князя. Бретиславъ умеръ въ одно время съ нашимъ Ярославомъ (1055), и въ Чехіи, также какъ на Руси, начались *удѣльныя усобицы*. Тоже случилось въ Польшѣ, ок. 100 л. спустя, по смерти *Болеслава Кривоустаго* (1139). Усобицы продолжались у русскихъ и чеховъ лѣтъ 200, у поляковъ лѣтъ 150, т.-е. именно въ средневѣковую эпоху на Западѣ, наполненную также безпорядками. Въ Чехіи паны и духовенство достигли почти верховныхъ правъ, такъ какъ князья ослабляли другъ друга усобицами и заискивали у нихъ: они получили много земель въ вотчинное (наслѣдственное) владѣніе, а также крестьянъ, и право суда надъ ними. Эта знать ограничила власть князей *сеймами*, закрѣпощала народъ и удручала его налогами. Такъ какъ и князья, и знать обращались за помощью къ Германіи, то тогда утвердилось *нѣмецкое вліяніе у чеховъ*. Чешскіе князья получили отъ императора королевскій титулъ, а также званіе „чашника Нѣм. имперіи“, съ которымъ было связано право избранія императора: такъ, чешскій государь сталъ

„богемскимъ курфюрстомъ“ (§ 13), т.-е. вассаломъ Германіи. Тогда же у чеховъ завелись нѣмецкіе обычаи и даже сталъ проникать нѣмецкій языкъ. Наконецъ, стала развиваться *городская* жизнь, съ преобладаніемъ евреевъ, итальянцевъ, въ особенности же нѣмцевъ: въ Прагѣ даже завели нѣмецкіе суды съ нѣмецкими законами. Но, вмѣстѣ съ нѣмецкимъ вліяніемъ, проникало западное просвѣщеніе: было искоренено язычество: возникла латинская письменность, съ первымъ чешскимъ историкомъ во главѣ, *Козьмою Пражскимъ*. Росло населеніе, причемъ въ новыхъ селахъ было личное землевладѣліе, а въ старыхъ сохранялось общинное. Въ Польшѣ, по смерти Кривоустаго, удѣлы дробились безъ конца, вслѣдствіе размноженія Пястовъ, и усобицы возрастали. Самодержавіе исчезло, и королевскій титулъ опять замѣнился княжескимъ. Панство и особенно шляхта становились независимыми, наравнѣ съ духовенствомъ, которое подчинялось только папѣ; кметъ обратился въ *хлопа* (почти раба). Смутами пользовались враги, особенно нѣмцы, которыхъ князья сами призывали къ себѣ на помощь. Силезія совсѣмъ онѣмечилась. Князь Мазовіи, *Конрадъ*, далъ Тевтонскому ордену (§ 31) землю, которую назвали *Пруссіей*, по имени туземцевъ. На с.-з. нѣмцы захватили послѣднихъ полабскихъ славянъ (нын. Саксонія) и наложили дань на поморскихъ князей. Союзъ ихъ городовъ, *ганза*, овладѣлъ торговлей всей Балтики; а къ концу періода господство на этомъ морѣ временно перешло къ датскому герою, *Вольдемару II Побѣдителю*, который завоевалъ берега отъ Голштиніи до Эстляндіи, превратилъ ганзу въ своего вассала и назывался „королемъ вендовъ“ (славянъ). Наконецъ, явились *татары*, которые 50 л. опустошали Польшу, даже сожгли Краковъ. Но, вмѣстѣ съ нѣмецкимъ вліяніемъ, въ Польшу проникала зап. культура. Было призвано изъ Германіи много ремесленниковъ и даже земледѣльцевъ. Возникло много городовъ, населенныхъ нѣмцами и евреями. Стали строить каменныя зданія, причемъ соперничали два стиля—романскій и византійскій. Началось и просвѣщеніе, но только церковное: оно было въ рукахъ францисканцевъ и доминиканцевъ. Изъ свѣтской письменности была только лѣтопись (Кадлубекъ). Но все это было латинское; притомъ всѣ успѣхи касались только высшаго сословія. Такъ какъ школы были латинскія, то народъ не могъ пріобрѣтать познаній: онъ оставался язычникомъ и забитымъ рабомъ; а при татарахъ онъ одичалъ, разбѣжался по лѣсамъ.

§ 35. **Причины удѣльныхъ усобицъ на Руси.** — И у насъ,

какъ у другихъ славянъ, господствовали тогда внутренніе раздоры, названные *удѣльными усобицами*. Естественная причина усобицъ заключалась въ обширности Руси, состоявшей изъ частей, непохожихъ другъ на друга по природѣ и населенію. Такъ, въ днѣпровской рѣчной системѣ (§ 4) безплодная *Смоленская* область была бѣдна и существовала только торговлей, пользуясь верховьями Днѣпра, Волги и Западной Двины. Напротивъ, *Кіевская*, плодородная и богатая, стала главною областью на Руси и держала въ подчиненіи у себя двѣ сосѣднія бѣдныя области, *Туровскую* (Припятьскую) и *Переяславскую*. У Днѣпра, по его притокамъ, Деснѣ и Сейму, тянулась земля *Черниговo-Сѣверская*, которая уходила въ воронежскія степи, соединявшія ее съ *Тмутараканью*. Она была менѣе связана съ Кіевомъ и отчасти примыкала къ Окѣ, т.-е. къ волжской системѣ. Здѣсь были важные города, *Муромъ* и *Рязань*, которые позднѣе образовали самостоятельную область. Точно также выдѣлилась *Волынская* область, которая была посредницей между Русью, Галиціей и Польшей, потому что захватывала притоки Днѣпра, Днѣстра и Вислы. Впрочемъ, Волынь слабо связывала Галичъ съ Кіевомъ: *Галицкая* область была отрѣзаннымъ ломтемъ въ нашей исторіи того времени, точно также, какъ и *Полоцкая*. Болѣе была связана съ Кіевомъ *Новгородско-Псковская* область, благодаря пути „изъ варягъ въ греки"; но по природѣ она была не похожа на Кіевскую и жила особою жизнію съ своимъ сильнымъ вѣчемъ. Въ волжской системѣ важнѣе Мурома и Рязани была *Суздальско-Ростовская* область. Эта родина великоруссовъ была бѣдна и проросла дремучими лѣсами: тамъ города часто называются „Залѣсскими". Она должна была кормиться торговлей и начала раздвигаться по Волгѣ, драться съ болгарами и съ своей метрополіей, Новгородомъ. Она была тогда также самостоятельна и далека отъ Кіева, какъ Полоцкъ, Галичъ и Тмутаракань. Всѣ эти несхожія между собой области стремились составить особыя государства, особенно подъ вліяніемъ своихъ *городовъ съ вѣчами*, которые тогда окрѣпли и начали играть важную роль. Онѣ-то и составили *удѣлы* или княжества, число которыхъ доходило до 14. Главными изъ нихъ оставались 6 ближайшихъ къ пути изъ варягъ въ греки—Кіевское, Смоленское, Черниговское, Волынское, Галицкое и Новгородское. Второю причиной удѣльныхъ усобицъ былъ *родовой бытъ*. Въ этомъ быту власть принадлежала старшему въ родѣ; по его смерти, она переходила къ его братьямъ, а не къ старшему сыну, т.-е. *дядя считался старше*

племянника. Такъ, послѣ Ярослава оставалось 5 сыновей — Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, Вячеславъ и Игорь; шестой, самый старшій, Владиміръ, умеръ при жизни отца, оставивъ сына, Ростислава. По родовымъ понятіямъ, великимъ (кіевскимъ) княземъ становился не Ростиславъ, а Изяславъ. Только по смерти всѣхъ дядей, великое княженіе доставалось старшему изъ племянниковъ, и именно тому, отецъ котораго раньше другихъ занималъ кіевскій престолъ. Дѣти же князя, умершаго, не дождавшись очереди сидѣть въ Кіевѣ, становились изгоями (§ 26), удѣлы которыхъ дѣлились между остальными членами княжескаго рода. Лишь въ видѣ исключенія за изгоемъ оставлялся удѣлъ его отца, но въ такомъ случаѣ эта земля становилась отдѣльнымъ княжествомъ: таковъ былъ *Полоцкъ*, гдѣ постоянно княжили Всеславичи, и *Галичъ*, гдѣ княжило потомство упомянутаго Ростислава. При родовомъ бытѣ, князья постоянно передвигались съ низшаго престола на высшій, что называлось *лѣствичнымъ восхожденіемъ.* Князья самыхъ отдаленныхъ „племенъ" (такъ называли тогда княжескія линіи) именовали себя „братьями", не обозначая степеней родства, а великій князь назывался „отцомъ" всѣхъ родичей. Великій князь долженъ былъ „имѣть весь родъ, какъ душу свою". Онъ заботился о правахъ всякаго родича и наказывалъ ихъ нарушителей, а также руководилъ раздачей удѣловъ. Младшіе же князья обязывались „ходить въ его послушаніи, быть въ его волѣ, смотрѣть на него, ѣздить подлѣ его стремени". Они являлись на войну по первому его призыву и обращались къ нему съ глубокимъ почтеніемъ, но не считали себя его подданными. Въ своихъ удѣлахъ они были независимыми государями; да и въ общихъ дѣлахъ слушались старшаго только пока считали его правымъ, иначе—даже выступали войной противъ него. Вотъ почему великій князь не предпринималъ ничего важнаго безъ совѣта съ удѣльными: отсюда *съѣзды князей* и частыя общія думы о землѣ русской. Оттого и волости старшій раздавалъ съ согласія младшихъ, что называлось „дѣлать рядъ". Все это было построено на такихъ шаткихъ, первобытныхъ основаніяхъ, что привело къ 200-лѣтнимъ междоусобіямъ. Въ родовыхъ отношеніяхъ все зависѣло отъ родственной любви. Но чѣмъ дальше, тѣмъ больше отдалялись другъ отъ друга „племена" княжескія, и каждый считалъ несправедливымъ просто то, что было невыгодно ему, и наоборотъ. Отсюда войны между князьями уже изъ-за личныхъ интересовъ, лишь прикрываемыхъ родовыми правами. Чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе было

доказать, что такой-то князь дѣйствительно старше такого-то: на Руси не было генеалогическихъ таблицъ, какъ у феодаловъ, и русскій языкъ отсталъ отъ западныхъ въ опредѣленіи степеней родства. Но въ родовомъ быту князей были и полезныя стороны. Вслѣдствіе того, что князья постоянно передвигались со всѣмъ своимъ дворомъ, распространялись повсюду, до отдаленныхъ концовъ Руси, первыя *сѣмена гражданственности*. Тѣ города, гдѣ жили князья, развивались. Въ нихъ увеличивалось населеніе, заводились торговля и промыслы; они старались подражать Кіеву. Такъ какъ родовой бытъ не дозволялъ князьямъ обращать свои удѣлы въ вотчины, то Русь, политически раздробившись на удѣлы, сохраняла *народное единство*. Каждый князь считалъ свою землю частью цѣлаго, котораго онъ не упускалъ изъ виду, вѣчно мечтая о старшихъ удѣлахъ, въ особенности о Кіевѣ. Въ свою очередь, народъ въ каждомъ удѣлѣ видѣлъ смѣну лицъ, бывавшихъ въ разныхъ концахъ Руси, и прислушивался къ ихъ разсказамъ объ общемъ отечествѣ.

§ 36. **Племянники и дяди.**—Послѣ Ярослава, Русь распалась на 5 областей. Двѣ изъ нихъ составляли независимыя владѣнія—*Полоцкъ*, гдѣ княжилъ племянникъ Ярославичей, Всеславъ (§ 23), и *Новгородъ* (со Псковомъ), гдѣ проживалъ другой племянникъ, *Ростиславъ* Владиміровичъ (§ 35). Молодой и даровитый Ростиславъ былъ красивъ и статенъ, храбръ, привѣтливъ и добръ къ бѣднякамъ; а ему, какъ изгою, приходилось сидѣть безъ дѣла и безъ правъ. Онъ рѣшился подражать Мстиславу тмутараканскому, который побилъ своего старшаго брата (§ 21). Въ такомъ же положеніи находился дѣятельный и способный Всеславъ, также изгой. Изгои племянники готовились выступить противъ своихъ дядей—Ярославичей. Изъ послѣднихъ оставались въ живыхъ только трое старшихъ, и наслѣдіе Ярослава раздѣлилось на 3 части. 1) Великое княжество *Кіевское*, къ которому присоединились Туровъ, Смоленскъ, Волынь и Галичъ. Здѣсь княжилъ старшій сынъ Ярослава *Изяславъ I* (§ 35), человѣкъ злой и подозрительный, бездарный и малодушный. Онъ не отличался находчивостью въ несчастіяхъ; а никто изъ князей не испытывалъ столько бѣдствій, какъ онъ. 2) Княжество *Черниговское*, очень обширное: къ нему принадлежали, кромѣ самого Чернигова, Сѣверская область, Муромъ съ Рязанью и Тмутаракань. Имъ управлялъ второй сынъ Ярослава, *Святославъ*—князь умный, бойкій, воинственный, умѣвшій пользоваться всякимъ случаемъ для своихъ выгодъ и внушить къ себѣ всеобщее уваженіе. Самъ

Святославъ сидѣлъ въ Черниговѣ, а въ Тмутаракань послалъ своего молодого сына, *Глѣба*. Вещественнымъ памятникомъ княженія Глѣба здѣсь остался „тмутараканскій камень“ — плита съ надписью объ измѣреніи по льду Керченскаго пролива. 3) Княжество *Переяславское*, къ которому были присоединены Ростовъ и Суздаль. Здѣсь княжилъ третій братъ, *Всеволодъ*. Это былъ любимый сынъ Ярослава. Онъ не отличался воинственностью, любилъ дѣйствовать мирными договорами и деньгами, чтобы не проливать крови своихъ подданныхъ. Въ военныхъ дѣлахъ ему помогалъ сынъ, храбрый *Владиміръ Мономахъ*. Но зато Всеволодъ былъ богобоязливъ, уважалъ духовенство и одарялъ нищихъ. Онъ жилъ просто и воздержно, окружилъ себя монахами и заказывалъ имъ переводы книгъ. Онъ самъ зналъ 5 языковъ, въ томъ числѣ греческій, которому научился отъ своей жены, греческой княжны. Лѣтъ 10 братья жили въ мирѣ и любви, какъ завѣщалъ имъ отецъ. Но вотъ, по преданію, показалась кровавая звѣзда на небѣ; Волховъ пошелъ вверхъ; изъ рѣки сѣти выволокли страшнаго урода. Народъ чуялъ бѣду—и начались кровопролитія. Разомъ съ двухъ концовъ появилась тревога на Руси—съ с.-з. и съ ю.-в.

§ 37. **Изгои и половцы.**— Изгои начали междоусобія. Имъ хотѣлось силой добыть себѣ если не Кіевъ, то новые и лучшіе удѣлы. Ростислава манила къ себѣ далекая Тмутаракань, съ ея привольными степями, гдѣ можно было отличиться подвигами въ борьбѣ съ кавказскими кочевниками и набрать храброе войско для войны съ дядями. Онъ бросился туда съ толпой новгородской вольницы и со множествомъ недовольныхъ, бѣжавшихъ изъ разныхъ княжествъ. Ростиславъ легко выгналъ юнаго Глѣба, укрѣпился въ Тмутаракани и началъ быстро покорять сосѣднихъ дикарей. Онъ уже становился богатымъ и могущественнымъ. Дяди собирались воевать съ нимъ; но ихъ избавилъ отъ опаснаго изгоя грекъ, правитель Корсуня. Страшась могущества такого сосѣда, какъ Ростиславъ, онъ вкрался къ нему въ довѣріе и отравилъ его на одной пирушкѣ, выпустивъ въ круговую чару ядъ, хранившійся у него подъ ногтемъ. У Ростислава осталось двое дѣтей, *Володарь* и *Василько*, которыхъ пріютили у себя сыновья Изяслава. Подросши, они также ходили на Тмутаракань, но неудачно: она осталась за Святославичами. Не успѣли Ярославичи отдѣлаться отъ одного изгоя, какъ поднялся другой—Всеславъ. Его освободила изъ кіевской тюрьмы (§ 23) новая бѣда, которая пришла на Русь съ ю.-в. То были страш-

ные кочевники, смѣнившіе печенѣговъ—торки, берендеи, половцы, принадлежавшіе къ алтайцамъ (§ 2), какъ всѣ степняки, посѣщавшіе ю. Русь. *Торки*, потѣснившіе печенѣговъ, вскорѣ исчезли, частью истребленные половцами, частью поселенные русскими князьями на ю. границахъ (г. Торческъ). Потомки торковъ и берендеевъ встрѣчались еще долго, подъ именемъ *Черныхъ Клобуковъ*, ходившихъ въ большихъ бараньихъ шапкахъ. *Половцы* распадались на множество родовыхъ ордъ и были полудикарями. Памятникомъ ихъ быта остались *каменныя бабы*, разсѣянныя во множествѣ на ю.-в. Россіи и отчасти въ Сибири: это—огромныя, грубыя изображенія женщины, съ чашей на колѣнахъ. Половцы истребили печенѣговъ и утвердились на Дону; они построили тутъ шалаши на лѣто и юрты для зимовки и начали дѣлать набѣги на Русь. Ярославичи выступили противъ нихъ, но были жестоко разбиты на р. *Альтѣ*. Изяславъ прискакалъ въ Кіевъ, а слѣдомъ за нимъ разсыпались половцы по кіевской землѣ и начали грабить и мучить жителей. Кіевляне собрались на вѣче и сказали Изяславу: „князь, дай намъ оружіе и лошадей; пойдемъ опять драться съ ними". Запуганный Изяславъ отказалъ. Тогда народъ бросился разбивать тюрьмы, гдѣ сидѣло много кіевлянъ, давно заточенныхъ княземъ. Освободили также Всеслава и объявили этого удальца великимъ княземъ. Изяславъ бѣжалъ въ Польшу, къ своему племяннику, *Болеславу Смѣлому*.

§ 38. **Братья-соперники. Всеволодъ I и Святославичи.**— Вскорѣ Изяславъ возвратился съ польской ратью. По преданію, Всеславъ, „дотронувшись только копьемъ до золотаго стола кіевскаго, обернулся волкомъ и побѣжалъ ночью въ Полоцкъ". Оставшись безъ князя, кіевляне рѣшили: „или пусть Изяславъ вступитъ въ Кіевъ безъ поляковъ, или пусть Святославъ съ Всеволодомъ придутъ къ намъ княжить; иначе мы сожжемъ Кіевъ и уйдемъ съ семьями въ Царьградъ". Изяславъ согласился и снова сталъ княжить въ Кіевѣ, но, вопреки уговору, разставилъ поляковъ по городамъ и началъ притѣснять кіевлянъ, и даже Антонія (§ 27), за приверженность къ Всеславу. Многіе кіевляне бѣжали къ Святославу черниговскому, который тогда храбро сражался съ половцами, привлекалъ къ себѣ милостивымъ обхожденіемъ и тихонько ночью, увезъ Антонія и спряталъ его у себя въ Черниговѣ. Въ то же время Святославъ успѣлъ привязать къ себѣ Всеволода—и они пошли на старшаго брата. Изяславъ снова бѣжалъ къ полякамъ съ большими со-

кровищами. *Святославъ* сталъ великимъ княземъ кіевскимъ, а свой удѣлъ отдалъ брату. Вскорѣ онъ умеръ, и въ Кіевѣ сѣлъ *Всеволодъ*, но не надолго. Изяславъ все это время искалъ помощи на Западѣ. Онъ обращался то къ Генриху IV, то къ его врагу, папѣ Григорію VII (§ 31). Генрихъ отправилъ посольство въ Кіевъ, которое возвратилось только съ богатыми дарами, изумившими Западъ. Папа также послалъ грамоту въ Кіевъ, а главное, побудилъ Болеслава помочь Изяславу. Такъ Изяславъ возвратился на родину опять съ помощью поляковъ, которымъ отдалъ за это Галичъ. Всеволодъ безъ боя уступилъ ему Кіевъ и возвратился въ Черниговъ. Изяславъ княжилъ въ третій разъ всего года два. Загорѣлась новая усобица. Племянники, Святославичи, напали на дядю, Всеволода, получившаго ихъ отцовскій удѣлъ. Изяславъ пошелъ помочь брату и палъ въ битвѣ. Великимъ княземъ сталъ послѣдній Ярославичъ, *Всеволодъ I*. Почти вся Русь соединилась подъ его властью; половину ея, Черниговскую землю, онъ отдалъ сыну своему, Владиміру Мономаху. Но на Руси все еще было неспокойно. *Святославичи*, въ особенности *Олегъ*, напоминавшій отца отвагой и настойчивостью, продолжали искать своего наслѣдія. Они сильны были и сознаніемъ права: Всеволодъ несправедливо представлялъ ихъ изгоями, основываясь на томъ, что ихъ отецъ насильно, не по праву, владѣлъ Кіевомъ; онъ самъ помогъ Святославу изгнать Изяслава и признавалъ его великимъ княземъ до самой его смерти. Лѣтъ 15 княжилъ Всеволодъ въ Кіевѣ, и почти не проходило года чтобы Святославичи не нападали на него. Племянники не пренебрегали никакими средствами: они постоянно сходились въ Тмутаракани и нанимали тамъ всякихъ кочевниковъ, въ особенности же половцевъ. Правда, иногда Всеволоду удавалось перекупить половцевъ, и они отражали тогда князей-племянниковъ. Но большею частью послѣднихъ побивалъ мужественный и умный Владиміръ Мономахъ (§ 36). Въ то-же время этотъ замѣчательный князь дрался съ половцами, которые сами по себѣ часто вторгались въ предѣлы Руси. Онъ поразилъ ихъ 12 разъ, и повсюду на Руси стали съ любовью произносить имя этого защитника отъ нехристей. Напротивъ, отецъ его утратилъ любовь народа. Онъ состарѣлся и подчинился дружинѣ, приведенной имъ изъ Чернигова и Переяславля, которая отстранила дружину кіевскую, служившую Изяславу, и начала угнетать кіевлянъ. Всеволодъ умеръ въ 1093 г. Такъ Ярославичи вла-

дѣли Русью 40 л. Затѣмъ настала очередь *внуковъ Ярослава*, которая продолжалась 32 г. (1093—1125).

§ 39. **Внуки-соперники. Давидъ и Василько.**—Вотъ главные изъ внуковъ Ярослава: Святополкъ Изяславичъ, Владиміръ Всеволодовичъ, Олегъ Святославичъ, Давидъ Игоревичъ. Изъ нихъ Давидъ былъ изгоемъ, а Олегъ считался изгоемъ, хотя и несправедливо; къ тому же тогда онъ былъ заточенъ на о. Родосѣ греками, которымъ его выдали хозары. Слѣдовательно право на кіевскій столъ принадлежало только Святополку и Мономаху. Кіевляне хотѣли, чтобы у нихъ княжилъ прославленный Мономахъ, тѣмъ болѣе, что Святополкъ, жившій постоянно въ Новгородѣ, былъ незнакомъ имъ. Но Мономахъ самъ призвалъ въ Кіевъ Святополка, какъ старшаго въ родѣ. Русь раздѣлилась теперь на 3 части (не считая Полоцка и Новгорода): Святополку II принадлежали Кіевъ, Туровъ и Галичъ; Мономаху — Переяславль, Черниговъ, Смоленскъ, Муромъ съ Рязанью и Суздаль; Давидъ владѣлъ удѣломъ своего отца, Волынью. Олегу же, который успѣлъ возвратиться съ Родоса, ничего не дали, опасаясь его предпріимчиваго нрава. Безземельный Олегъ притаился въ Тмутаракани, откуда бросился добывать свои отчины, по примѣру Мстислава и Ростислава. Онъ и по характеру напоминалъ какъ этихъ князей, такъ и своего безпокойнаго отца, Святослава. У него былъ „смыслъ буйный, слова величавыя". Олегъ не признавалъ ни христіанскихъ заповѣдей, ни родовыхъ обычаевъ, ничего, кромѣ своей воли и выгоды. Онъ всю жизнь провелъ въ борьбѣ, „ища своего хлѣба". Для этого онъ пускался на всякія хитрости, убивалъ и обманывалъ родныхъ, наводилъ на Русь половцевъ. Ему удалось-таки пріобрѣсти Черниговъ и даже Смоленскъ съ Муромомъ. Успѣхи Олега объясняются тѣмъ, что великій князь былъ человѣкъ безхарактерный, трусливый и алчный: онъ самъ занимался торговлей, стѣсняя купцовъ, и дружилъ съ евреями, дома которыхъ народъ разграбилъ послѣ его смерти. Оттого 20-лѣтнее княженіе Святополка наполнено смутами и тревогой. Олегъ 4 года кряду мучилъ Святополка и его вѣрнаго союзника, Мономаха, своими набѣгами. Наконецъ, союзники предложили ему полюбовно рѣшить споръ. Для этого съѣхались въ Черниговской области, въ *Любечь* (1097), Святополкъ съ Мономахомъ, Олегъ, Давидъ Игоревичъ и Василько Ростиславичъ (§ 37). *Давидъ* напоминалъ Святополка корыстолюбіемъ, но былъ энергичнѣе его: онъ не остановился бы ни передъ какимъ злодѣяніемъ изъ-за своихъ выгодъ и былъ неспо-

собенъ раскаяваться. *Василько,* напротивъ, былъ даровитъ, благороденъ и „высокоуменъ“ (честолюбивъ). Занимая часть Волыни, рядомъ съ Давидомъ, Василько тревожилъ отсюда Польшу и Венгрію. У него уже сложился обширный планъ—завоевать ляховъ, чтобы отомстить имъ за походы Болеславовъ подъ Кіевъ, и переселить дунайскихъ болгаръ въ свою малолюдную область. Онъ надѣялся исполнить это при помощи половцевъ, а потомъ мечталъ броситься на этихъ хищниковъ, чтобы „либо славу себѣ найти, либо голову свою сложить за Русскую землю“. Василько хотѣлъ стать стражемъ отечества: „думалъ я, говоритъ онъ, скажу братьямъ: дайте мнѣ дружину свою младшую, а сами пейте, да веселитесь!“ Любецкій съѣздъ, эта *первая попытка рѣшать мирно междоусобія*, вполнѣ удался. Князья-соперники сидѣли на одномъ коврѣ и цѣловали одинъ крестъ, громко восклицая: „Если кто изъ насъ возстанетъ на кого-нибудь, то всѣ мы поднимемся на него, и съ нами крестъ честной и вся земля русская!“ На съѣздѣ рѣшили всѣмъ владѣть своими отчинами, т.-е. Святополку—Кіевомъ, Мономаху—Переяславлемъ, Смоленскомъ и Ростовомъ, Олегу—Черниговомъ, а Давиду и Васильку, съ его братомъ Володаремъ,—Волынью пополамъ. Всѣ были довольны; только въ корыстную душу Давида закралось подозрѣніе. Давиду, желавшему имѣть *всю* Волынь, показалось, что двое такихъ талантливыхъ князей, какъ Василько и Мономахъ, уже сговариваются погубить всѣхъ остальныхъ родичей. Тутъ же, въ Любечѣ, Давидъ сообщилъ свои опасенія Святополку въ такомъ видѣ, какъ будто заговоръ уже существуетъ и открытъ. Трусливый Святополкъ повѣрилъ, обманомъ схватилъ Василька, когда тотъ возвращался изъ Любеча черезъ Кіевъ, и выдалъ его Давиду. Несчастный былъ ослѣпленъ самымъ звѣрскимъ образомъ. Мономахъ заплакалъ, когда узналъ объ этомъ, и воскликнулъ: „Такого зла еще не было на Руси! Между насъ бросили ножъ“. Онъ склонилъ Олега загладить это преступленіе. Они заставили Святополка собственноручно выгнать изъ Волыни Давида и освободить Василька, который томился въ тюрьмѣ у своего палача. Затѣмъ князья устроили новый съѣздъ, гдѣ рѣшили Васильку съ Володаремъ оставаться въ своихъ старыхъ удѣлахъ, а часть Волыни, принадлежавшую Давиду, отдать Святополку. Давида помѣстили въ одну ничтожную волость, гдѣ онъ и умеръ.

§ 40. **Половцы и Мономахъ.**—Послѣ новаго съѣзда, Святополкъ II княжилъ еще 13 лѣтъ, и то было хорошее время на Руси. Удѣльныя усобицы прекратились, и князья стали на стражѣ

русской земли противъ степняковъ, у которыхъ явился отважный вождь, *Бонякъ*, кровожадный и изворотливый, какъ тигръ. Часто подъ стѣнами украинскихъ городковъ раздавался, по ночамъ, волчій вой: то вылъ Бонякъ, гадая о битвѣ, а на зарѣ пылалъ деревянный городокъ, облитый кровью своихъ жителей. Какъ сильны были тогда половцы и какъ ослабѣла Русь, видно изъ того, что Святополкъ самъ женился на дочери одного половецкаго хана, а Мономахъ женилъ своего сына, Юрія Долгорукаго, на половецкой княжнѣ и заключилъ съ половцами 19 мировъ, причемъ много ушло изъ его казны платья, денегъ и скота. Но ничто не помогало. Тесть Святополка погибъ въ одномъ набѣгѣ на земли своего зятя. Бонякъ однажды чуть не пробился въ самый Кіевъ, истребивши окрестныя деревушки и обители, въ томъ числѣ Печерскій монастырь. Положеніе дѣлъ измѣнилось, какъ только замирились русскіе князья между собой. Они стали ходить на половцевъ, въ ихъ собственныя кочевья; и уже степняки начали просить мира и покупать его у русскихъ. Душею борьбы съ половцами былъ Мономахъ. Онъ побуждалъ своихъ вялыхъ товарищей къ набѣгамъ въ степь и сочинялъ искусные военные планы. Въ 1111 г. ему удалось соединить ихъ для похода, слава котораго разнеслась до Царьграда, Праги и даже Рима. Русскіе прошли *за Донъ:* до такой глубины степей доходилъ только храбрый Святославъ. Половцы потерпѣли неслыханное пораженіе, потеряли до 20 однихъ хановъ. Вся Русь твердила, что это—подвигъ Мономаха, что половцы падали кучами именно передъ его полкомъ: головы ихъ сѣкла невидимая рука ангела Божія. Повсюду ходили восторженные разсказы объ этомъ героѣ, который „пилъ Донъ золотымъ шлемомъ". Озаренный лучами славы и народной любви, вступилъ Мономахъ на кіевскій престолъ, черезъ годъ послѣ похода, когда умеръ Святополкъ. Онъ занялъ престолъ не по праву: Святославичи были старше его. Оттого Мономахъ нѣсколько разъ отказывалъ кіевлянамъ, которые призывали его къ себѣ, и согласился только тогда, когда они погрозили погубить свой городъ. Мономахъ былъ великимъ княземъ 12 л. Это время было продолженіемъ его полезной дѣятельности, хотя ему было тогда уже за 60 л. Онъ утвердилъ за собою значеніе *образцоваго князя древней Руси*, „страдальца (труженика) за русскую землю". Мономахъ былъ ласковъ и гостепріименъ, справедливъ и милостивъ: его называли „нищелюбцемъ" и „жалостливымъ". Онъ плакалъ на молитвѣ, плакалъ, когда видѣлъ человѣка въ несчастіи, не жа-

лѣлъ своей казны для бѣдняковъ и прощалъ обиды, нанесенныя ему лично. Мономахъ пишетъ: „лишатъ тебя чего-нибудь — не мсти; бранятъ тебя — молись“. Въ своемъ *Поученіи* онъ говоритъ дѣтямъ: „Путешествуя по своимъ землямъ, не давайте своей дружинѣ никого притѣснять. Не проходите мимо человѣка безъ привѣта, скажите каждому доброе слово. Но больше всего не забывайте убогихъ, кормите ихъ, одаряйте сироту, оправдывайте вдовицу, не давайте сильнымъ погубить слабаго, простаго смерда. Не убивайте ни праваго, ни виноватаго, никакой души христіанской. Особенно не имѣйте гордости ни въ сердцѣ, ни въ душѣ своей, но говорите: всѣ мы смертны. Молитесь въ церкви и дома и верхомъ на конѣ“. Мономахъ часто спалъ на голой землѣ и ходилъ „въ сиротскихъ одеждахъ“; но только для того, чтобы охранить себя отъ изнѣженности. Онъ почиталъ монаховъ, какъ образованныхъ людей; но въ немъ не было ничего монашескаго: по его словамъ, „покаяніемъ, слезами, милостынею должно побѣждать врага, а не одиночествомъ, не чернечествомъ, не голодомъ“. Работайте, „творите мужеское дѣло“, да учитесь — вотъ его внушеніе дѣтямъ. Мономахъ былъ отличный хозяинъ, встававшій съ зарею: оттого хотя онъ старался брать меньше податей и постоянно раздавалъ милостыни, казна его была полна. Мономахъ почти не сидѣлъ дома. Не перечесть его походовъ, а также путешествій, которыя были тогда тяжелы: однихъ большихъ поѣздокъ сдѣлалъ онъ 83, а жилъ-то всего 73 года! Два раза была разбита у него голова, ушиблены руки и ноги. Въ мирное время онъ ходилъ на охоту: „я, говоритъ онъ, дикихъ коней вязалъ въ пущахъ своими руками; меня туры, олени и лоси поднимали на рога; кабанъ сорвалъ у меня мечъ, медвѣдь укусилъ за колѣно“. Мономахъ не былъ изъ числа геніевъ, создающихъ новое. Онъ придерживался всего стараго и строго почиталъ родовые счеты: это былъ *лучшій представитель того времени*. Княженіе Мономаха было отрадною эпохой въ исторіи кіевской Руси. Усобицы прекратились, тѣмъ болѣе, что другія линіи Ярославова потомства вымирали. Среди этого спокойствія, Мономахъ исправлялъ суды и добавлялъ „Русскую Правду“; а его храбрые сыновья ходили на половцевъ, на Донъ, да еще на Чудь, на волжскихъ болгаръ и ляховъ. Русь вспомнила и походы въ Грецію. Мать Владиміра была дочь византійскаго императора, *Константина Мономаха;* а дочь его была за греческимъ цесаревичемъ: это вовлекло его въ византійскіе споры за престолъ. Но дѣло вскорѣ кончилось миромъ, и Комнены (§ 31)

прислали Владиміру драгоцѣнныя дары, въ томъ числѣ вѣнецъ и бармы его дѣда, греческаго Мономаха. Когда въ Россіи установилось царское достоинство, этимъ вѣнцомъ, названнымъ „шапкой Мономаха", стали вѣнчаться на царство. Мономахъ умеръ въ 1125 г., По словамъ лѣтописи, „святители, народъ и люди плакали о немъ, какъ дѣти плачутъ по отцѣ или по матери". Въ пѣсняхъ сохранилась благодарная память о немъ, смѣшивающая его съ Владиміромъ Св. Въ вихрѣ послѣдующихъ усобицъ твердо держалось одно только — пристрастіе русскихъ къ „племени Владиміра": его многіе зовутъ къ себѣ княжить; противъ него никто „не можетъ поднять руки".

§ 41. **Мстиславъ Великій. Разгаръ усобицъ.**—Потомство Мономаха около полвѣка занимало кіевскій престолъ (1125—1171), съ небольшими перерывами, и владѣло почти всею Русью, за исключеніемъ земель Святославичей черниговскихъ, Ростиславичей галицкихъ и Всеславичей полоцкихъ. Даже свободный Новгородъ придерживался Мономаховичей. Привязанность кіевлянъ къ племени Мономаха разрушала родовые счеты, ставила на ихъ мѣсто избирательное начало и подготовляла наслѣдственность въ одной семьѣ. Сначала кіевскій столъ занялъ старшій сынъ Мономаха, *Мстиславъ*, не смотря на то, что были живы болѣе старшіе въ родѣ—Святославичи съ своими дѣтьми, а также дѣти Святополка. Неутомимый и предпріимчивый Мстиславъ „наслѣдовалъ потъ своего великаго отца" и былъ прозванъ *Великимъ*. Онъ удачно боролся съ половцами, не безъ выгоды вмѣшивался въ распри между Святославичами и покончилъ съ заклятыми врагами Ярославова потомства — полоцкими князьями. При помощи самихъ полочанъ, Мстиславъ схватилъ трехъ Всеславичей, посадилъ ихъ, вмѣстѣ съ семьями, въ три лодки и спустилъ въ Царьградъ, гдѣ они служили императору и отличались въ битвахъ съ арабами. Пріобрѣтеніе Полоцка вовлекло Мстислава въ борьбу съ Литвой, а Новгородъ, гдѣ сидѣлъ его сынъ, заставлялъ его воевать съ Чудью. Это былъ послѣдній князь, державшій въ повиновеніи своихъ родичей, строго оберегавшій единство Руси. Послѣ него Мономаховичи уже не прочно держались въ Кіевѣ: тогда насталъ *разгаръ удѣльныхъ усобицъ*. Каждый князь стремился овладѣть кіевскимъ престоломъ, опираясь или просто на свою силу, или на *договоры и союзы* съ другими князьями. Эти союзы происходили часто и измѣнялись по обстоятельствамъ, какъ между иностранными державами. Иногда противъ сильнаго и бойкаго князя подымалось разомъ болѣе десятка князей. Союзы

и договоры замѣнили прежніе способы занятія престоловъ — и родовую „лѣствицу восхожденія“ или завѣщаніе Ярослава, и съѣзды князей, введенные Мономахомъ. Они доказывали разложеніе родоваго быта и служили выходомъ къ новой порѣ государственнаго развитія. Но сначала каждая линія Ярославичей старалась стать независимою, *каждая область стремилась обособиться.* Усобицы между князьями дошли до того, что нерѣдко ближайшіе родственники забывали свои родовые интересы и боролись между собой. Нигдѣ борьба не была такъ жестока, какъ въ самомъ потомствѣ Мономаха. Оттого иногда удавалось проскользнуть въ Кіевъ черниговскимъ князьямъ, потомкамъ Олега Святославича, которые сохраняли свои семейныя черты— даровитость, пылкость и предпріимчивость. Одинъ изъ нихъ, хитрый и упорный *Всеволодъ II Ольговичъ*, даже умеръ на кіевскомъ престолѣ, ловко подымая враговъ другъ противъ друга— Ольговичей противъ Мономаховичей и Давидовичей, а среди самихъ Мономаховичей—дядей противъ племянниковъ. Но безконечная *борьба Ольговичей* съ своими двоюродными братьями, *Мономаховичами*, блѣднѣетъ передъ усобицами въ родѣ Мономаховомъ, гдѣ постоянно спорили то двоюродные братья между собой, то племянники съ дядями. Главнымъ образомъ враждовали между собой и чередовались на великокняжескомъ престолѣ двѣ линіи, происходившія отъ сыновей Мономаха—отъ старшаго, *Мстислава* Великаго, и младшаго, *Юрія* Суздальскаго, по прозванію *Долгорукаго.* Борьба между этими линіями и записана болѣе подробно въ лѣтописяхъ.

§ 42. **Ольговичи и Мономаховичи.**—Разгаръ удѣльныхъ усобицъ начался по смерти Всеволода II (1146). Тогда въ Кіевѣ сѣлъ братъ его, *Игорь Ольговичъ*, при помощи другого своего брата, Святослава. Но кіевляне только и думали, что о потомствѣ Мономаха. Они составили грозное вѣче, сѣвши на коней, потомъ разграбили дворы княжихъ мужей и послали сказать племяннику Игоря, *Изяславу II* Мстиславичу: „Иди, князь добрый! Мы всѣ за тебя; не хотимъ Ольговичей; гдѣ увидимъ твои знамена, тамъ и будемъ“. Изяславъ пришелъ, кіевскіе полки передались ему — и онъ сталъ великимъ княземъ, выгнавъ Игоря. Слабый на ноги Игорь былъ схваченъ въ болотѣ, гдѣ завязъ его конь, и заключенъ въ темницу. Никто не жалѣлъ объ немъ, кромѣ его родного брата, добраго толстяка *Святослава*, который сталъ изыскивать средства къ его освобожденію. Тотчасъ съ поля битвы, гдѣ былъ плѣненъ Игорь, Святославъ приска-

калъ въ Черниговъ, принадлежавшій его двоюроднымъ братьямъ, сыновьямъ Давида Святославича. „Хотите-ли сдержать клятву, которую вы дали мнѣ и Игорю, 5 дней тому назадъ?“ спросилъ онъ у *Давидовичей*. Тѣ отвѣчали, что хотятъ. Тогда Святославъ оставилъ у нихъ одного изъ своихъ бояръ, а самъ бросился въ свой удѣлъ, Новгородъ Сѣверскій, чтобы изготовиться къ освобожденію Игоря. Едва успѣлъ онъ уѣхать, какъ его бояринъ, оставленный въ Черниговѣ, прислалъ сказать ему: „Давидовичи измѣняютъ тебѣ, хотятъ схватить тебя: не ѣзди къ нимъ, когда пошлютъ за тобой“. Оказалось, что Давидовичи изъ личныхъ интересовъ измѣнили своему роду и соединились съ Изяславомъ. Они мечтали получить много выгодъ отъ этого храбраго и любимаго кіевлянами великаго князя. Вслѣдъ затѣмъ новые союзники открыто потребовали у Святослава отказаться отъ своего несчастнаго брата. „Возьмите у меня все, только отпустите мнѣ Игоря“, отвѣчалъ Святославъ, заливаясь слезами. Онъ, въ свою очередь, долженъ былъ заручиться какимъ-нибудь союзомъ и послалъ въ Суздаль сказать своему двоюродному брату, *Юрію Долгорукому:* „Помилосердуй, пойди въ Кіевъ, сыщи мнѣ брата“. А Юрій давно уже мечталъ промѣнять свою непривѣтливую сторону на богатый и красивый Кіевъ. Къ тому же онъ не могъ равнодушно переносить великую, по родовымъ счетамъ, обиду: племянникъ его, Изяславъ, занялъ великокняжескій столъ, забывая права дяди. Юрій уже не разъ пробирался къ Кіеву, занимая Переяславль то набѣгомъ, то обмѣномъ на другія области; но все неудачно, лишь на короткое время. Онъ тотчасъ же прислалъ Святославу на помощь своего сына, *Ивана* — и началась жестокая распря въ потомствѣ Мономаха.

§ 43. **Давидовичи и Ольговичи**.—То была самая любопытная борьба въ теченіи всего удѣльнаго періода. Она наполнена подвигами военной доблести и дипломатическаго искусства, проявленіями большихъ дарованій съ обѣихъ сторонъ. Она захватывала огромное пространство, касаясь не только востока, но и запада Европы. Въ ней участвовала почти вся Русь и много иноплеменниковъ. За Юрія стояли, кромѣ Ольговичей, Давидовичей и галицкаго князя, половцы, а также впервые появившіеся тогда отряды южно-русской вольницы—*бродниковъ*, тогдашнихъ казаковъ; за Изяслава—Черные Клобуки, финны, венгры, поляки, чехи и нѣмцы. Кровь лилась по всей ю. Руси. Были забыты правила нравственности, святость договоровъ и цѣлованіе креста. Союзники переходили съ одной стороны на другую. Тогда была

въ ходу поговорка: „миръ стоитъ до рати и рать до мира“. Съ самаго начала, кромѣ Ивана Юрьевича, къ Святославу пришелъ помощникъ изъ молдавскаго города Берлада, куда, также какъ въ Тмутаракань, стекались всякіе бездомные выходцы: это обдѣленный родичами галицкій князь *Иванъ*, по прозванью *Берладникъ*. Онъ прибылъ къ Святославу показать свою удаль; а вслѣдъ за нимъ явились и половецкіе ханы, родственники Святослава по женѣ. Но еще лучше изготовились Давидовичи съ Изяславомъ. Они совсѣмъ ожесточились и говорили: „мы начали злое дѣло; такъ ужъ довершимъ братоубійство! Пойдемъ, искоренимъ Святослава, а волость его возьмемъ себѣ“. Они жестоко опустошали владѣнія Ольговичей, не щадя даже церковныхъ сосудовъ и колоколовъ. Въ одномъ городѣ Давидовичи захватили домъ Святослава и нашли здѣсь множество бочекъ меду и вина въ погребахъ, желѣзо и мѣдь въ кладовыхъ, до 1000 скирдовъ хлѣба, нѣсколько тысячъ коней и 700 рабовъ. Выѣхалъ къ врагамъ духовникъ Святослава и сказалъ отъ его имени: „Жестокіе родичи! Довольны-ли вы вашими злодѣйствами? Разорили вы волость мою, взяли имущество и стада, истребили огнемъ хлѣбъ и запасы. Или вы хотите еще умертвить меня?“ Отъ Святослава потребовали отступиться отъ Игоря. „Нѣтъ, отвѣчалъ онъ: покуда душа моя въ тѣлѣ, не измѣню единокровному“. Святославъ сидѣлъ въ своемъ Новгородѣ Сѣверскомъ и все поджидалъ Юрія, но тщетно: Изяславъ уже отправилъ степью гонца къ рязанскому князю—и тотъ вторгнулся въ Суздальскую область и задержалъ Юрія. А между тѣмъ враги подошли къ Новгороду Сѣверскому. Святославъ захватилъ свою семью и жену несчастнаго Игоря и бѣжалъ въ „лѣсную землю“. Давидовичи бросились въ погоню за нимъ, всего съ 3000 всадниковъ, и уже догнали; но онъ вдругъ обернулся и разбилъ ихъ, а самъ бѣжалъ къ вятичамъ. Давидовичи послали ему свое проклятіе: „Убейте его, объявили они вятичамъ — и получите въ награду его имущество“. Но судьба преслѣдовала несчастнаго Ольговича. Ивану Берладнику не сидѣлось долго за однимъ дѣломъ: взялъ онъ у Святослава за свою службу 200 гривенъ серебра да 6 фунт. золота — и попалъ въ Грецію, гдѣ былъ отравленъ. При Святославѣ остался одинъ вѣрный союзникъ—Иванъ Юрьевичъ, и на немъ сосредоточилась его любовь. Вдругъ онъ заболѣлъ. Святославъ забылъ все, остановилъ войну и все молился, не отходя отъ постели больнаго. Иванъ умеръ—и Святославъ горевалъ до отчаянія, такъ что самъ отецъ покойнаго, Юрій,

прислалъ утѣшать его, обѣщая дать ему другаго своего сына. Въ то самое время Святослава сразила другая вѣсть: Игорь заболѣлъ въ тюрьмѣ и постригся въ монахи передъ смертью; но кіявляне убили его на молитвѣ, выволокли трупъ веревками и бросили на рынкѣ. Но съ этихъ поръ насталъ переворотъ въ судьбѣ Святослава. Второй сынъ Юрія, *Андрей*, отогналъ рязанскаго князя отъ Суздаля—и Юрій перешелъ въ наступленіе. Вскорѣ враги не только были лишены всѣхъ своихъ завоеваній, но Давидовичи чуть не утратили своего Чернигова. Въ такой бѣдѣ они вдругъ измѣнили политику—заключили союзъ съ Святославомъ и Юріемъ противъ Изяслава. Радуясь счастливому обороту дѣлъ, Юрій призвалъ къ себѣ Святослава на свиданіе и пиръ (1147). Друзья съѣхались на границѣ своихъ владѣній, гдѣ было разбросано нѣсколько жалкихъ деревушекъ, среди которыхъ возвышался, на крутомъ берегу рѣчки, деревянный городокъ, окруженный дремучимъ лѣсомъ, по имени *Москва* *).

§ 44. **Борьба между Мономаховичами. Сѣверная Русь и Великоруссы.**—Умерщвленіе Игоря ожесточило Святослава Ольговича. Въ то же время Юрій Долгорукій былъ оскорбленъ Изяславомъ II, который вытѣснилъ одного изъ его сыновей, княжившаго въ Новгородѣ, и началъ опустошать оттуда западные предѣлы суздальскаго княжества. „Племянникъ, воскликнулъ Юрій, осрамилъ меня, волость мою повоевалъ и пожогъ; либо стыдъ этотъ съ себя сложу, за землю свою отомщу и честь свою добуду, либо голову сложу". Эта *борьба между Мономаховичами* была упорнѣе борьбы Ольговичей съ Изяславомъ. Она длилась болѣе 5 л., съ перемѣннымъ счастьемъ: нѣсколько разъ Юрій I садился въ Кіевѣ и былъ снова изгоняемъ въ свой Суздаль. Но вообще перевѣсъ былъ на сторонѣ Изяслава: Юрій окончательно утвердился на великокняжескомъ столѣ только по его смерти. Это объясняется характерами соперниковъ. Юрій—представитель *сѣверной* Руси. Онъ былъ разсчетливъ и остороженъ, суровъ и властолюбивъ; онъ опасался битвъ и любилъ побѣждать терпѣніемъ, выжиданіемъ, военными хитростями; его выручалъ только

*) Позднѣйшіе лѣтописцы сохранили такое преданіе о началѣ Москвы. Князь Юрій пріѣхалъ однажды на это мѣсто, застроенное селами богатаго боярина, Степана *Кучки*. Оно очень понравилось ему. Между тѣмъ гордый баринъ чѣмъ-то оскорбилъ Юрія и тотъ убилъ его, дочь его, красавицу Улиту, выдалъ замужъ за своего сына, Андрея, а среди селъ основалъ городокъ. Сначала, говорятъ, этотъ городокъ назывался „Кучково", а потомъ уже Москвой, по имени рѣки.

сынъ, Андрей, который совершалъ чудеса храбрости и много разъ подвергалъ свою жизнь опасности. Изяславъ же—представитель *южной* Руси. Натура храбрая, горячая и предпріимчивая, онъ всѣмъ былъ обязанъ себѣ и признавалъ однѣ личныя заслуги, презирая старое родовое право. Его любимою поговоркой было: „не идетъ мѣсто къ головѣ, а голова къ мѣсту". Изяславъ изобрѣталъ ловкіе военные маневры, устраивалъ для рѣчныхъ битвъ мудреныя лодки съ покрышками для гребцовъ, заключалъ искусные союзы. Онъ ничего не жалѣлъ для дружины, былъ ласковъ съ народомъ, красно говорилъ на вѣчахъ, нерѣдко созывалъ къ себѣ на обѣдъ всѣхъ горожанъ, отъ мала до велика. Изяславъ напоминалъ кіевлянамъ своего дѣда, Мономаха, и они любили его. Къ тому же они, малороссы, знали, что, въ лицѣ Юрія, идутъ на нихъ великоруссы. Противоположность между этими племенами выразилась наглядно при кончинѣ соперниковъ. Когда умеръ Изяславъ (1154), плакала вся Русь и даже Черные Клобуки. Кіевляне называли его своимъ „добрымъ господиномъ", славнымъ „царемъ", а больше всего „отцомъ". Черезъ 3 г. умеръ на великокняжескомъ столѣ суровый Юрій, правленіе котораго было тяжело для народа. Кіевляне разграбили его терема и дворецъ за Днѣпромъ, прозванный „Раемъ", и избили его суздальскую дружину; тѣло князя похоронили за городомъ. Тѣмъ не менѣе значеніе Юрія Долгорукаго важно: онъ положилъ *основаніе сѣверной Руси;* при немъ *великоруссы* выступаютъ на историческое поприще. Въ началѣ нашей исторіи (§ 5) с.-в. Россіи (губ. Моск., Тверск., Владим., Яросл., Костр.) былъ занятъ финскими племенами, въ особенности *мерею.* Но сюда постоянно стремилось славянское переселеніе, особенно со времени принятія христіанства Русью. Въ 12 в. финны почти утратили свою народность, вмѣстѣ съ язычествомъ, и *ѳславянились:* это доказывается и лѣтописями, и раскопками могилъ въ томъ краѣ. Тогда, кромѣ древняго Ростова и Бѣлоозера, здѣсь былъ уже цѣлый рядъ русскихъ городовъ — Суздаль, Угличъ, Владиміръ, Ярославль и др. Но русская народность никогда еще не пріобрѣтала такой силы и значенія, какъ при Юріи Долгорукомъ, до котораго тамъ не было князей со времени Бориса (§ 21). Этотъ князь построилъ много новыхъ городовъ (Москва, Юрьевъ Польскій, Переяславль Залѣсскій), увеличилъ число церквей и священниковъ, проложилъ дороги въ дремучихъ лѣсахъ, осушилъ болота. Юрій былъ хозяинъ и устроитель края, въ которомъ онъ провелъ почти всю свою жизнь. Впрочемъ,

Юрій не можетъ считаться полнымъ представителемъ с. Руси. Онъ не предвидѣлъ ея великой будущности и все еще называлъ одну ю. Русь „землею русской". Онъ переносилъ на свой сѣверъ южныя названія (Переяславль, рр. Лыбедь и Трубежъ). Его тянуло на югъ, и онъ не успокоился, пока не сталъ кіевскимъ княземъ. Не Юрій, а сынъ его, *Андрей*, по прозванію *Боголюбскій*, былъ истиннымъ *представителемъ сѣверной Россіи, великоруссовъ*.

§ 45. **Андрей Боголюбскій. Подготовка самодержавія.**—Андрей родился въ Суздальско-Ростовской области и прожилъ тамъ безвыѣздно до 30 л. Онъ не видалъ другихъ русскихъ князей. Ему чужды были споры разныхъ линій Рюрикова потомства изъ-за „лѣствичнаго восхожденія". Юрій I спокойно княжилъ въ старыхъ городахъ, Ростовѣ и Суздалѣ, а Андрей столь же мирно управлялъ своимъ удѣломъ, даннымъ ему отцомъ—молодымъ пригородомъ, *Владиміромъ на Клязьмѣ*, основаннымъ Мономахомъ. Никто изъ князей не заявлялъ притязаній на эту непривѣтливую страну, закинутую среди финновъ. Андрей признавалъ только силу: для него тотъ былъ старше всѣхъ, кто могущественнѣе всѣхъ. Онъ зналъ только *одного государя* да подданныхъ, въ число которыхъ должны входить и его ближайшіе родственники. Прелести юга не могли очаровать эту сѣверную, разсудочную натуру: для нея столицей былъ тотъ городъ, въ которомъ сосредоточена власть. Презирая родовое старшинство, Андрей стремился къ *наслѣдственному самодержавію* „милостію Божіей". Въ личности Андрея была, правда, отчаянная храбрость, необходимая для такого переворота, какой произвелъ онъ; но отвага затмѣвалась въ немъ хитростью и непреклонностью политика, за что его называли „вторымъ Соломономъ". Андрей отличался еще набожностью. Онъ содержалъ много монаховъ, сооружалъ церкви и монастыри, приходилъ въ церковь по ночамъ, зажигалъ свѣчи передъ иконами и предавался слезной молитвѣ, раздавалъ милостыню, помогалъ больнымъ. Андрей даже воевалъ съ нехристями, сосѣдними болгарами, при участіи духовенства, которое шло съ образами передъ ратью и пріобщало ее св. тайнъ. Страна соотвѣтствовала своему князю. Въ Ростово-Суздальской области не было такихъ ограниченій княжеской власти, какъ на югѣ. 1) Здѣсь не было соперничества между многими князьями, и народъ привыкалъ повиноваться одному князю и его потомству. 2) При отсутствіи соперничества, на с.-в. князья мало нуждались въ дружинѣ; слѣдовательно, дружина или боярство не могли

пріобрѣсти значенія и стѣснять власть князя. 3) На ю. города привыкли управляться сами собой, посредствомъ своихъ вѣчъ, и держали себя гордо, а подъ конецъ начали даже избирать себѣ князей. На с.-в. былъ только одинъ маститый городъ, Ростовъ Великій, передъ которымъ даже старый Суздаль казался юнымъ; остальные же города были молодыми и слабыми, и они возникали не сами собой, а благодаря князьямъ. Новые города подчинялись старымъ, какъ ихъ „пригороды"; у нихъ не было своего вѣча; ими даже управляли посадники или тіуны старыхъ городовъ. Они тянули къ князьямъ и помогали имъ укрощать строптивость старыхъ городовъ. Князья, въ свою очередь, благоволили къ новымъ городамъ: Юрій жилъ не въ Ростовѣ, а въ Суздалѣ; Андрей же поселился въ ничтожномъ Владимірѣ Кляземскомъ, который только-что началъ отстраиваться при немъ. 4) На ю. не могло сосредоточиться въ однѣхъ рукахъ необходимое для власти богатство, особенно земельное: князьямъ не было разсчета увеличивать и улучшать свои удѣлы. На сѣверѣ же, гдѣ не было передвиженія со стола на столъ, князь старался передать своимъ дѣтямъ пріумноженное наслѣдство. Юрій неусыпно заботился о благосостояніи своей области, и Андрей былъ уже самымъ богатымъ изъ всѣхъ русскихъ князей. Это дало ему возможность раздавить Кіевъ, это гнѣздо старыхъ порядковъ.

§ 46. **Паденіе Кіева.** — Андрей до того ненавидѣлъ Кіевъ, что не могъ ужиться даже подлѣ него, когда Юрій, овладѣвъ Кіевомъ, посадилъ его въ одномъ изъ ближайшихъ городовъ: онъ бѣжалъ на родину безъ позволенія отца. При этомъ онъ захватилъ съ собой чудотворную икону Божіей Матери, писанную, по преданію, евангелистомъ Лукой. Когда ее везли въ Суздаль, она остановилась на дорогѣ, близъ Владиміра. Андрей построилъ здѣсь церковь для нея *) и основалъ село *Боголюбово*, которое стало его любимымъ мѣстопребываніемъ. Затѣмъ онъ поселился во Владимірѣ. Здѣсь-то услыхалъ онъ о смерти своего отца и объ избіеніи суздальцевъ кіевлянами. Андрей еще больше возненавидѣлъ Кіевъ, но лишь 15 л. спустя удалось ему воспользоваться удѣльными усобицами на югѣ, составить союзъ изъ 11 князей и *взять Кіевъ* (1169), котораго до тѣхъ поръ никто не бралъ силою. Мщеніе суздальцевъ было примѣрное: 3 дня

*) Впослѣдствіи Андрей перенесъ эту икону во Владиміръ, и она стала одною изъ знаменитѣйшихъ нашихъ святынь, подъ именемъ *Владимірской Божіей Матери*. Въ память побѣды надъ болгарами, которую приписывали этой иконѣ, Андрей установилъ празднество, которое совершается и теперь.

они жгли городъ и даже Печерскій монастырь; мужчинъ избивали, женщинъ и дѣтей брали въ плѣнъ; были похищены иконы, книги, даже колокола. Но важнѣе былъ политическій ударъ, нанесенный тогда матери городовъ русскихъ: Андрей даже не удостоилъ Кіева своего посѣщенія и остался на с., назначивъ кіевскимъ княземъ самаго младшаго изъ своихъ братьевъ. Такъ какъ Андрей былъ главнымъ княземъ не только по своему могуществу, но и по родовому праву, то онъ и сталъ великимъ княземъ, но *не кіевскимъ*, а *владимірскимъ* или *ростовско-суздальскимъ*. Такъ 1169 годъ ознаменованъ великимъ переворотомъ въ нашей исторіи: южная и сѣверная Русь перемѣнились ролями; Владиміръ-Кляземскій сталъ столицей „земли русской", въ смыслѣ всей Россіи, а Кіевъ превратился въ одинъ изъ удѣльныхъ городовъ. Остальные южно-русскіе города Андрей роздалъ потомкамъ Мстислава Вел., изъ которыхъ образовались князья смоленскіе, волынскіе и галицкіе. *Смоленскіе* князья выдавались своею даровитостью и энергіей, такъ что ихъ можно назвать распорядителями юга и послѣдними представителями старой Руси. Изъ нихъ особенно прославились: племянникъ Изяслава II, *Мстиславъ*, прозванный *Храбрымъ*, и сынъ его, *Мстиславъ Удалой*. Но и эти замѣчательные дѣятели древней Руси находились въ зависимости отъ могущественныхъ князей суздальскихъ. А матерь русскихъ городовъ, забытый и опозоренный Кіевъ, съ каждымъ годомъ падалъ все болѣе и болѣе. Могущественные суздальскіе князья не заботились о немъ, и онъ сталъ игрушкой послѣднихъ удѣльныхъ усобицъ, безполезно терзавшихъ ю. Русь. До татаръ, въ теченіе 70 л. (1169—1240), въ немъ было до 20 князей, изгонявшихъ другъ друга. При нашествіи татаръ въ Кіевѣ сидѣлъ уже не князь, а намѣстникъ отдаленнаго потомка Мстислава Вел., *Данила Романовича Галицкаго*. Быстрая смѣна князей окончательно погубила Кіевъ. Въ пылу борьбы, князья не думали о благосостояніи города и спѣшили дробить кіевское княжество между своими дѣтьми. Народъ не успѣвалъ привязаться къ нимъ, и они держались только союзами съ Черными Клобуками, въ особенности же съ суздальскими князьями: южнорусскіе князья все болѣе и болѣе становились подручниками сѣв. Руси. Вмѣстѣ съ паденіемъ Кіева падала и вся „Русь", какъ называли тогда по преимуществу кіевскую землю или ю.-з. Россію. Она до того ослабѣла отъ усобицъ, что не могла справиться даже съ *половцами*, которыхъ подстрекала ея соперница, с.-в. Россія. Половцы грабили ее съ небывалой дерзостью. Эти

бѣдствія такъ врѣзались въ памяти народа, что онъ оставилъ намъ ихъ поэтическое описаніе въ „Словѣ о полку Игоревомъ". Оно разсказываетъ о походѣ (1185) князя новгородъ-сѣверскаго, *Игоря Святославича*, внука знаменитаго Олега черниговскаго (§ 39).

§ 47. **Андрей I Боголюбскій и Мстиславъ Храбрый.** — Между тѣмъ на с.-в. Россіи разцвѣтала новая историческая жизнь. Андрей I Боголюбскій не любилъ ничего стараго, мѣшавшаго его замыслу утвердить самодержавіе. Онъ прогналъ старыхъ бояръ и даже собственныхъ братьевъ и племянниковъ. Вскорѣ бѣжалъ и старый епископъ ростовскій, преслѣдуемый великимъ княземъ, который замѣнилъ его своимъ приверженцемъ, *Ѳеодоромъ*. Андрею даже хотѣлось имѣть собственнаго митрополита во Владимірѣ, чтобы еще болѣе придать этому городу значеніе русской столицы; но патріархъ константинопольскій не дозволилъ Ѳеодору даже называться владимірскимъ епископомъ. Впрочемъ, Ѳеодоръ жилъ во Владимірѣ, хотя и числился епископомъ ростовскимъ. Подобно своему покровителю, онъ самовольно и жестоко управлялъ своей епархіей и знать не хотѣлъ своего начальника, кіевскаго митрополита. Андрею хотѣлось, чтобы вездѣ на княжескихъ престолахъ сидѣли назначенные имъ и покорные ему князья. Особенно слѣдилъ онъ за важнѣйшимъ тогда городомъ, Новгородомъ. Тотчасъ послѣ разгромленія Кіева, тѣ же союзные князья двинулись туда. Но они были разбиты, благодаря храбрости одного Мстиславича, оборонявшаго Новгородъ, и, по преданію, заступничеству иконы Божіей Матери *). Новгородцы взяли въ плѣнъ такъ много суздальцевъ, что продавали ихъ въ неволю по 20 коп. за человѣка. Вскорѣ подобная же неудача постигла Андрея и въ Кіевѣ. Сначала онъ распоряжался здѣсь, какъ властитель, назначалъ и изгонялъ князей по своей волѣ. Но ю. Русь, наконецъ, возстала, въ лицѣ даровитыхъ смоленскихъ князей (§ 46). Вождемъ юга или, какъ говорилъ Андрей, „зачинщикомъ всего" выступилъ *Мстиславъ Храбрый*, отважный и гордый князь, который „не боялся никого, кромѣ Бога". Андрей требовалъ, чтобы онъ „ходилъ въ его волѣ", а иначе „казалъ ему путь вонъ изъ русской земли". Мстиславъ остригъ голову и бороду послу Андрея, принесшему такіе при-

*) Эта икона, подъ именемъ *Знаменской*, стала одною изъ первыхъ русскихъ святынь. Новгородцы установили въ честь ея праздникъ, который соблюдается до нашихъ дней. И теперь поется у насъ въ церкви тропарь, составленный при осадѣ Новгорода.

казы, и воскликнулъ: „Скажи своему князю, что если онъ прислалъ къ намъ съ такими рѣчами, не какъ къ князьямъ, а какъ къ *подручникамъ и простымъ людямъ*, то пусть Богъ насъ разсудитъ". Андрей даже „опалъ въ лицѣ" отъ ярости. Онъ собралъ большое воинство (болѣе 20 князей) и приказалъ: „схватите Мстислава и приведите ко мнѣ". Но Мстиславъ съ своею небольшою ратью разбилъ враговъ. Упорный Андрей замышлялъ новое нападеніе на югъ, но внезапная смерть прекратила его неугомонную дѣятельность. Онъ палъ жертвой заговора приближенныхъ, вызваннаго его суровымъ правленіемъ. Во главѣ заговора стояли его родственники по женѣ, *Кучковичи*, одного изъ которыхъ онъ казнилъ. Андрей былъ убитъ въ своемъ Боголюбовѣ (1174). Убійцы начали грабить княжескій дворъ; къ нимъ присоединились горожане. Во всей волости народъ избивалъ княжескихъ слугъ и правителей и грабилъ ихъ добро. А трупъ Андрея „бросили въ огородъ собакамъ", какъ выражались его враги. Лишь на 6-й день схоронили его сжалившіеся попы; тутъ только народъ опомнился и зарыдалъ.

§ 48. **Всеволодъ III Большое Гнѣздо.** — Новый порядокъ вещей продолжалъ утверждаться послѣ Андрея I; но сначала ему пришлось выдержать борьбу со стариной, тѣмъ болѣе, что у Андрея остался только малолѣтній сынъ. Представителями старины были древніе города, *Ростовъ и Суздаль*. Они ненавидѣли Владиміръ, недавно заселенный ремесленниками, которыхъ привлекалъ Андрей общественными постройками. Ростовцы и суздальцы съ презрѣніемъ смотрѣли на свой „пригородъ" и говорили про его жителей: „это — наши холопы, каменьщики". Особенно негодовали бояре, или старая дружина, у которой владимірцы, съ своимъ княземъ, отняли прежнюю власть. Они возстановили племянниковъ Андрея противъ его братьевъ, которые, по родовымъ счетамъ, были прямыми наслѣдниками владимірскаго престола. Вскорѣ братья побѣдили племянниковъ; даже сами ростовцы начали выдавать зачинщиковъ смуты, своихъ бояръ. Окончательнымъ торжествомъ новаго начала было вступленіе на владимірскій престолъ послѣдняго изъ братьевъ Андрея, *Всеволода III:* владимірцы цѣловали крестъ ему „и его дѣтямъ", т.-е. на Руси впервые признавалось *престолонаслѣдіе* по прямой линіи. Всеволодъ былъ способнѣе своего брата утвердить самодержавіе: Андрея погубилъ горячій, крутой нравъ; Всеволодъ же отличался мягкостью и ровностью характера. Онъ спасалъ плѣнниковъ и преступниковъ отъ ярости собственныхъ под-

данныхъ, былъ сдержанъ и умѣренъ, не выказывалъ своей власти такъ сурово, какъ Андрей. Не было у него и такой пылкой храбрости, какъ у брата: онъ любилъ сражаться за окопами да рытвинами и нападалъ только при вѣрномъ успѣхѣ. Этотъ способъ войны вообще былъ свойственъ великоруссамъ, которые отлично *оборонялись*, между тѣмъ какъ малороссы умѣли и нападать. Подданные любили Всеволода и гордились имъ, называли его „Великимъ"; а умная, осторожная политика доставляла ему вліяніе почти на всѣ русскія области. Всеволодъ искусно пользовался раздорами между князьями, даже ловко самъ ссорилъ ихъ. Онъ почти повелѣвалъ Рязанью, Смоленскомъ и Кіевомъ; его слушались упрямые Ольговичи черниговскіе; къ его покровительству прибѣгалъ даже отдаленный Галичъ. Въ „Словѣ о полку Игоревѣ" сказано про него: „ты можешь расплескать Волгу веслами и выпить Донъ шлемами". Утвержденію самодержавія помогала и многочисленность семьи Всеволода, котораго прозвали *Большимъ Гнѣздомъ:* на с. не могло быть недостатка въ князьяхъ; и всѣ правители ростовско-суздальской, а потомъ и московской земли принадлежали къ потомству „Большаго Гнѣзда". Наконецъ, важно и то, что Всеволодъ княжилъ долго, 37 л., и умеръ спокойно (1212). Во все это время на с. не было усобицъ: народъ мирно переходилъ отъ стараго быта къ новому. Только подъ конецъ зашевелилась смута. *Новгородъ*, сначала подчинявшійся вліянію Всеволода, подобно другимъ городамъ Руси, понялъ, что дѣло касается его независимости, и рѣшился отстаивать свою старину.

§ 49. **Господинъ Великій Новгородъ.**—Новгородъ былъ лучшимъ образцомъ древнихъ городовъ; а по паденіи Кіева онъ сталъ *представителемъ стараго порядка вещей*. Этотъ порядокъ состоялъ въ томъ, что интересы земщины считались общимъ дѣломъ для всѣхъ: отсюда названіе *община*. Община свободно избирала себѣ правителей, слѣдила за ихъ службой, наказывала и изгоняла ихъ въ случаѣ ихъ негодности или высокомѣрія. Такъ было въ Новгородѣ съ самаго начала. Льготная грамота Ярослава (§ 23) утвердила самоуправленіе новгородцевъ. Въ ней одно только ново — говорится о правѣ новгородцевъ избирать себѣ князя. Въ Новгородѣ, который первый на Руси пожелалъ подавить родовыя усобицы, конечно, должна была утвердиться княжеская власть; но здѣсь князь не нарушалъ первобытнаго самоуправленія. Новгородцы избирали князя на вечѣ „по всей волѣ своей" и предлагали ему „рядъ". Такъ, они тре-

бовали, чтобы князь назначалъ своихъ служителей изъ нихъ, а не изъ своей пришлой дружины; ни князь, ни его „дворяне“ (дружинники) не могли пріобрѣтать земель; даже торговать дозволялось имъ только на имя какого-нибудь новгородца. Князя ограничивали даже въ охотѣ и сѣнокосахъ. Онъ почти не имѣлъ судебной власти и не могъ наказывать безъ вины. Князь получалъ на свое содержаніе особую подать, которая называлась „даромъ“. Если онъ не исполнялъ ряда, земщина говорила: „ты собѣ, а мы собѣ“—и ему „указывали путь“. Если изгнанный князь грозилъ новгородцамъ насильно водворить собственнаго преемника, то они говорили: „коли у твоего сына двѣ головы, то присылай его“. Правленіе принадлежало не князю, а вѣчу и посаднику. Нигдѣ *вѣче* не достигало такого развитія, какъ въ Новгородѣ. Это было постоянное учрежденіе, которое рѣшало всѣ государственныя дѣла и было высшимъ судомъ, приговаривавшимъ къ смерти. По общеславянскому обычаю, дѣла рѣшались единогласно, а кто противился общему приговору, того нерѣдко топили въ Волховѣ, а имѣнье его грабили. Вѣче собирали князья или посадники, а иногда просто кто зазвонитъ въ вѣчевой колоколъ. Для подготовки дѣлъ къ вѣчу состоялъ *совѣтъ* изъ важнѣйшихъ горожанъ и изъ отставныхъ служителей. Главнымъ изъ служителей общины былъ *посадникъ*, который выбирался изъ лучшихъ семействъ, получалъ жалованье и сохранялъ должность, пока былъ любъ народу. Посадникъ былъ важнѣе князя, который не могъ дѣлать распоряженій безъ него. Онъ руководилъ совѣтомъ, собиралъ дани, отправлялъ пословъ отъ имени „Господина Великаго Новгорода“. Его имя писалось въ началѣ грамотъ, вмѣстѣ съ именами владыки и тысяцкаго. Ниже посадника былъ *тысяцкій;* его должность была военная; ему подчинялись *сотскіе*, которые первоначально начальствовали военными сотнями, а потомъ стали гражданскими служителями. *Судовъ* было нѣсколько—у вѣча, у князя, у владыки, у посадника и у тысяцкаго. Въ княжемъ судѣ засѣдали выборные изъ новгородцевъ; князь только подписывалъ ихъ приговоры. Послѣ посадника высшею властью пользовался *владыка,* архіепископъ. Его не назначалъ кіевскій митрополитъ, а избирало вѣче. Владыка имѣлъ большой дворъ, свой судъ, свой полкъ, своихъ пословъ; на грамотахъ его имя стояло впереди всѣхъ. Владыкѣ придавала значеніе религіозность новгородцевъ. Они строили много церквей и монастырей; многіе поступали въ монахи и шли проповѣдниками въ далекіе края; отсюда вышли знаменитые со-

ловецкіе просвѣтители; нигдѣ не было столько житій святыхъ и преданій о чудесахъ. Новгородъ особенно процвѣталъ въ 12 и началѣ 13 в., т.-е. въ разгаръ удѣльныхъ усобицъ въ остальной Россіи. Тогда самый городъ былъ такъ обширенъ, что раздѣлялся на 5 *концовъ*. Ему подчинялось много пригородовъ, во главѣ которыхъ стояли богатые *Псковъ* и *Торжокъ;* а „земля св. Софіи", какъ называлась новгородская область обнимала всю с. Россію до Волги и Камы. Ближайшія земли раздѣлялись на 5 *пятинъ;* дальнѣйшія назывались „волостями", къ которымъ причислялась даже за-уральская Югра. Новгородъ былъ высоко чтимъ по всей Руси: кіевскіе князья женились на его боярыняхъ и боярышняхъ. Его знали тогда и на Западѣ: по своему богатству и торговлѣ, онъ соперничалъ съ первыми городами Европы. Но Новгородъ ослабляли внутренніе раздоры. Граждане раздѣлялись на два враждебныхъ лагеря — на *лучшихъ* и *меньшихъ* людей. Лучшіе или „бояре" имѣли много земель и богатствъ и обыкновенно попадали въ посадники или тысяцкіе; а меньшіе или „черные" люди были голодными бѣдняками и если не превращались въ повольниковъ, то производили смуты. Часто вѣче кончалось кровопролитіемъ, а не то составлялось два вѣча, и между ними происходила свалка на мосту. Этими-то волненіями рѣшились воспользоваться суздальцы, которые не могли терпѣть подлѣ себя такое гнѣздо старины, помогавшее ростовцамъ во время волненій въ Суздальской землѣ, по смерти Андрея I. Всеволодъ, въ концѣ своего княженія, задумалъ сокрушить новгородцевъ; но къ нимъ на помощь приспѣли два знаменитыхъ Мстислава (§ 46).

§ 50. **Мстиславъ Храбрый и Мстиславъ Удалой.**—Мстиславъ Храбрый и сынъ его, Мстиславъ Удалой — послѣдніе и лучшіе представители ю. Руси и стараго порядка вещей. *Мстиславъ Храбрый* былъ призванъ новгородцами, вскорѣ послѣ того, какъ разбилъ рать Андрея близъ Кіева (§ 47). Онъ принесъ имъ много пользы, отстаивая ихъ независимость. Новгородцы причитали надъ его трупомъ: „зашло наше солнце, и остались мы беззащитными", и похоронили его въ той гробницѣ, гдѣ покоился прахъ перваго изъ умершихъ у нихъ князей, построившаго Св. Софію: эта гробница стала предметомъ народнаго поклоненія. Лѣтописецъ говоритъ о Храбромъ: „онъ всегда стремился къ великимъ дѣламъ; и не было земли на Руси, которая не любила бы его и не желала бы назвать его своимъ княземъ". *Мстиславъ Удалой* прославился еще больше своего отца. Отвага была

его отличительной чертой; война была его жизнью; съ нимъ маленькій отрядъ бросался на цѣлое войско. Но Удалой воевалъ только въ крайнемъ случаѣ, снарядивъ предварительно нѣсколько посольствъ къ врагу съ мирными предложеніями. Честной крестъ, защита земли русской да „правда", подъ которой онъ разумѣлъ старый порядокъ, — вотъ что было его „стягомъ". А такъ какъ тогда, въ переходную эпоху, старинѣ повсюду наносились удары, то его боевая пылкость постоянно находила пищу. Удалой выступаетъ въ исторіи уже не молодымъ. Долго безвѣстно сидѣлъ онъ въ своемъ удѣлѣ, *Торопцѣ*, гдѣ женился на дочери выкрещеннаго половецкаго хана, Котяна, и уже успѣлъ выдать дочь свою замужъ за сына Всеволода III. Между тѣмъ Всеволодъ пресѣкъ волжскій путь новгородцамъ и не пропускалъ къ нимъ хлѣба. Въ ихъ безплодной землѣ произошелъ страшный голодъ: отцы продавали дѣтей въ рабство изъ-за куска хлѣба. Всеволодъ еще сѣялъ раздоры между новгородцами. „Лучшіе" желали поправить свою торговлю дружбой съ Суздалемъ; разбогатѣвшій пригородъ, *Торжокъ*, враждовалъ съ своимъ матерымъ городомъ, и суздальцы хотѣли поставить его на мѣсто Новгорода. Но тутъ явился Удалой, никѣмъ не призванный. Онъ взялъ Торжокъ и послалъ сказать новгородцамъ: „пришелъ я къ вамъ, услыхавши, что вы терпите насилія отъ суздальцевъ: жаль мнѣ стало своей отчины. Не быть Торжку Новгородомъ, а Новгороду Торжкомъ!" Новгородцы отвѣчали: „Иди, князь, на столъ!" Затѣмъ Удалой выступилъ противъ Всеволода; но тотъ согласился на всѣ его условія. Тогда онъ повоевалъ Чудь и все, награбленное въ ней, отдалъ новгородцамъ да дружинѣ. Тутъ узналъ Удалой, что неугомонные Ольговичи выгнали изъ Кіева его родственниковъ, Мономаховичей. Онъ просилъ помощи у новгородцевъ. „Куда ты, князь, взглянешь очами, туда мы обратимся своими головами", отвѣчали они. Не успѣлъ Мстиславъ возстановить правду на югѣ, какъ съ запада пришла вѣсть о гибели земли русской: венгры захватили Галичъ, а поляки напали на волынскаго князя, Данила Романовича. Удалой прогналъ чужеземцевъ и, посадивъ Данила на Волыни и въ Галичѣ, выдалъ замужъ за него свою дочь. Еще не успѣвши окончить этого дѣла, онъ снова помчался въ Новгородъ.

§ 51. **Мстиславъ Удалой, Юрій II и татары.** — Тогда на с. произошли важныя событія. Умеръ Всеволодъ III, и въ Суздальской землѣ поднялась такая же смута, какъ по смерти Андрея. Теперь борьба шла между братьями. Всеволодъ завѣщалъ вла-

димірскій столъ не старшему сыну, *Константину,* а младшему, *Юрію II.* Константинъ возсталъ на брата, въ союзѣ съ новгородцами, которыхъ Юрій притѣснялъ, подобно своему отцу. Мстиславъ снова внезапно явился въ Новгородъ и сказалъ: „либо возвращу мужей новгородскихъ и новгородскія волости, либо голову свою повалю за Великій Новгородъ. И во многомъ Богъ, и въ маломъ Богъ и правда!“ Быстро двинулся онъ на Владиміръ и по дорогѣ соединился съ Константиномъ. У р. *Липицы* онъ увидѣлъ рать суздальскую. Юрій, у котораго было гораздо больше войска, уже праздновалъ побѣду шумнымъ пиромъ, приговаривая: „мы ихъ сѣдлами закидаемъ“. Но онъ былъ разбитъ на-голову. Честь побѣды принадлежала Удалому: онъ три раза пробивался сквозь ряды непріятельскіе, кругомъ нанося удары своимъ топоромъ, который былъ привязанъ у него къ рукѣ веревкой. Послѣ липецкой битвы, Мстиславъ опять появился въ Галичѣ, снова занятомъ венграми и поляками. Онъ вторично освободилъ его и не только милостиво поступилъ съ плѣнными, но даже простилъ бояръ, бывшихъ въ заговорѣ съ чужеземцами. Галичане называли Удалого „своимъ свѣтикомъ, сильнымъ соколомъ“ и выбрали его своимъ княземъ. Всѣ радовались и пировали, какъ вдругъ прискакалъ Котянъ. Онъ извѣстилъ о нашествіи съ Востока невѣдомаго врага: то были *татары.* „Сегодня они отняли нашу землю, завтра возьмутъ вашу“, сказалъ Котянъ и звалъ русскихъ на помощь. Мстиславъ наскоро устроилъ княжескій съѣздъ. Собралось много князей, но Юрія II не было. Рѣшили не допускать татаръ въ предѣлы Руси и двинулись въ половецкія степи. Удалымъ овладѣлъ горячечный пылъ. Онъ избилъ татарскихъ пословъ и спѣшилъ впередъ, не поджидая остальныхъ князей. У р. *Калки* его маленькій отрядъ попалъ въ засаду (1224). Мстиславъ былъ разбитъ и бѣжалъ впервые въ своей жизни. Ему удалось ускакать въ Галичъ. Съ тѣхъ поръ счастье и слава покинули его. Онъ поддался внушеніямъ коварныхъ и мятежныхъ бояръ галицкихъ, которые поссорили его съ Даниломъ Романовичемъ и свели съ королемъ венгерскимъ, Андреемъ. Мстиславъ отдалъ свою дочь замужъ за Андрея, а въ приданое пошло Галицкое княжество. Вскорѣ онъ понялъ интриги бояръ, раскаялся и сказалъ Данилѣ: „Сынъ мой! согрѣшилъ я, не далъ тебѣ Галича“. Затѣмъ ослабѣвшій духомъ и тѣломъ Удалой поѣхалъ въ Кіевъ, но на дорогѣ умеръ. Передъ смертью онъ успѣлъ постричься въ монахи.

§ 52. **Мелкія княжества.** — Кромѣ Новгорода и княжествъ Кіевскаго и Суздальскаго, въ періодъ борьбы за удѣлы было много другихъ областей или мелкихъ княжествъ (§ 35). Изъ нихъ княжество *Туровское* постоянно принадлежало потомству Изяслава I, но не имѣло никакого значенія. Княж. *Переяславское* было тѣсно соединено съ кіевскимъ и раздѣляло его судьбу. *Смоленское* княжество подчинялось потомкамъ Мстислава Вел., Ростиславичамъ. Оно тянуло къ Кіеву, вмѣшивалось въ его дѣла и защищало его. Старый порядокъ вещей сохранялся здѣсь строго: въ Смоленскѣ было сильное вѣче, которое нерѣдко горячо спорило съ своими князьями. Столь же глубоко укоренился старый порядокъ въ *Черниговской* области. Здѣсь извѣстные Ольговичи весьма правильно подвигались по „лѣствичному восхожденію"; оттого они упорно стремились въ Кіевъ, на который имѣли право по родовымъ счетамъ. При нашествіи татаръ на черниговскомъ престолѣ сидѣлъ правнукъ Олега, *Мстиславъ*. Онъ палъ въ битвѣ при Калкѣ и оставилъ престолъ сыну своему, *Михаилу*. Княжество *Сѣверское* отдѣлилось отъ Черниговскаго тотчасъ по смерти Святослава Ярославича: тогда извѣстный Олегъ сѣлъ въ Новгородѣ Сѣверскомъ, который уже не выходилъ изъ его потомства. Впрочемъ, Сѣверское княжество постоянно было въ тѣсныхъ связяхъ съ Черниговскимъ, и нерѣдко князья передвигались изъ одного въ другое. За 100 л. до битвы при Калкѣ, тотчасъ по смерти Владиміра Мономаха, братъ Олега, *Ярославъ Святославичъ*, поссорился съ своими родственниками и ушелъ въ Муромъ, гдѣ не было отдѣльнаго князя со времени Глѣба (§ 21). Онъ основалъ самостоятельное владѣніе, которое послѣ его смерти распалось на два княжества *Муромское* и *Рязанское*. Потомки Ярослава Святославича удержали за собой эти земли до нашествія татаръ; но они находились въ такихъ близкихъ связяхъ съ могущественными суздальскими князьями, что ихъ можно было назвать подручниками с. Руси. О *Полоцкомъ* княжествѣ мало извѣстно, за отсутствіемъ мѣстныхъ лѣтописей. На немъ словно лежало проклятіе. Русскіе и послѣ чародѣя Всеслава долго считали его какимъ-то дьявольскимъ гнѣздомъ. Толковали, будто тамъ мертвецы ѣздятъ по городу на коняхъ, такъ что ихъ-то не видно, только копыта сверкаютъ, и кого ударятъ эти копыта, тотъ умираетъ. Ненависть русскихъ къ Полоцку доходила до того, что Мстиславъ Вел. выгналъ все потомство Всеслава въ Грецію (§ 41). Правда, Всеславичи возвратились, но начали рѣзаться между собой. Существуетъ преданіе,

будто нѣкоторые изъ нихъ, спасаясь отъ преслѣдованій Мстислава, удалились въ литовскіе лѣса — и отъ нихъ произошли литовскіе князья. *Волынская* область сначала управлялась различными князьями Рюрикова рода, согласно съ „лѣствичнымъ восхожденіемъ". Но съ Мономаха она утвердилась за его потомствомъ. Здѣсь княжилъ Изяславъ II: Волынь-то и дала ему перевѣсъ въ борьбѣ съ Юріемъ Долгорукимъ за кіевскій столъ. Внукъ Изяслава, *Романъ,* владѣлъ въ одно время и Волынью и Галичемъ.

§ 53. **Галичина или Червонная Русь.**—*Галицкое* княжество (§§ 19, 21, 22)—одно изъ самыхъ своеобразныхъ и важныхъ явленій въ нашей исторіи. Оно, подобно Полоцку, было отдѣльною землей, связанною съ Русью только князьями (§ 35). Но здѣсь Рюриковичи подчинялись другимъ условіямъ, чѣмъ на Руси. Въ Галичѣ было сильное вѣче, которое судило не только ихъ правленіе, но даже частную жизнь. Но чего не было нигдѣ на Руси — *боярство* развилось въ Галичѣ до крайнихъ размѣровъ, подъ вліяніемъ польскаго панства и венгерскаго магнатства. Здѣсь бояре управляли даже вѣчемъ, не говоря уже про князей. Они судили князей и однажды повѣсили двухъ изъ нихъ. Разъ одинъ бояринъ даже „вокняжился", только ненадолго. Галицкіе бояре были свирѣпы, коварны и сребролюбивы: они вѣчно ссорились и даже дрались между собой; ихъ подкупали то поляки, то венгры. Галицкая область отдѣлилась отъ Руси, какъ самостоятельное княжество, когда ею овладѣли правнуки Ярослава I, *Василько* и *Володарь* (§§ 37, 39). Сынъ Володаря, *Владимірко,* изгнавъ своего племянника, Ивана Берладника (§ 43), сталъ единодержавнымъ въ Галичинѣ. Его можно считать основателемъ *Галицкаго княжества* или *Галиціи,* какъ называлась тогда Червонная Русь, оттого что онъ сдѣлалъ *Галичъ* своимъ стольнымъ городомъ. Владимиркѣ было трудно утвердить свое княжество, окруженное сильными сосѣдями — венграми, поляками и кіевскою Русью; но это былъ ловкій дипломатъ, „многоглаголивый лицемѣръ". Когда было нужно, онъ притворялся умирающимъ и кроткимъ, а по минованіи бѣды становился дѣятельнымъ и свирѣпымъ, смѣялся надъ крестнымъ цѣлованіемъ и называлъ глупцами легковѣрныхъ. Ему наслѣдовалъ сынъ, *Ярославъ Осмомыслъ,* также ловкій и сильный князь, женатый на дочери Юрія Долгорукаго; въ „Словѣ о полку Игоревѣ" восторженно описывается его внѣшнее могущество. Но внутри страны распоряжались бояре. Они нанесли много жестокихъ обидъ Осмомыслу, изгнали

его сына и призвали *Романа* волынскаго. Романъ напоминалъ Удалого; его назвали „Великимъ". Лѣтописецъ говоритъ о немъ: „онъ бросался на враговъ, какъ левъ; пролеталъ по ихъ землѣ, какъ орелъ; гнѣвенъ былъ, какъ рысь; губителенъ, какъ крокодилъ; храбръ же, какъ туръ". Романъ часто билъ половцевъ, ятвяговъ и литовцевъ: послѣднихъ запрягалъ въ плуги, заставлялъ пахать и расчищать лѣса. Тогда сложилась поговорка: „Романе, лихомъ живеши, литвою ореши". „Не передавивши пчелъ, не съѣшь меду", сказалъ Романъ, прибывъ въ Галичъ, и бросился на бояръ, призвавшихъ его: четвертовалъ ихъ, зарывалъ живыми въ землю. Сила Романа чувствовалась далеко: онъ навремя подавилъ междоусобія въ южной Руси и распоряжался кіевскимъ престоломъ. Романъ погибъ въ битвѣ съ поляками. Его молодая вдова, съ двумя малютками, изъ которыхъ старшему, Данилѣ, было 4 г., испытала жизнь, полную приключеній. Ночью, черезъ проломъ въ стѣнѣ, она бѣжала отъ мятежныхъ бояръ и скиталась то въ Польшѣ, то въ Венгріи. Лишь 25 л. спустя, *Данилъ* удалось утвердиться на галицкомъ престолѣ. Уже тогда онъ прославился геройствомъ: храбро дрался при Калкѣ, не замѣчая опасной раны въ груди. Данило оказался однимъ изъ знаменитѣйшихъ князей древней Руси; его слава прошла отъ Суздаля до Рима.

§ 54. **Нѣмцы.**—Передъ нашествіемъ татаръ у русскихъ возникли новые враги — *нѣмцы*. Наши предки еще до Рюрика находились въ сношеніяхъ съ чудскими *эстами* и литовскими *ливами*, жившими по берегамъ Балтики, отъ Финскаго залива до Нѣмана. Ярославъ I построилъ здѣсь Юрьевъ (§ 22), переименованный нѣмцами въ *Дерптъ*. Послѣ него наши князья дѣлали походы въ эту страну изъ Новгорода и Полоцка. Нѣкоторыя изъ жившихъ тамъ языческихъ племенъ подчинились имъ и платили дань. Но они сохраняли свое язычество: наши князья отличались вѣротерпимостью, а проповѣдники стремились на с. в. Туземцы, жившіе у самыхъ береговъ моря и Зап. Двины, начинали уже богатѣть: они торговали далеко, даже съ поселеніемъ *Визби* на о. Готландѣ. Вдругъ буря занесла нѣмецкихъ купцовъ изъ Бремена въ устье Двины (1150). Вскорѣ за ними прибылъ сюда священникъ *Мейнгардъ* для крещенія язычниковъ; онъ построилъ церковь и крѣпкій замокъ и былъ назначенъ епископомъ. Одинъ изъ первыхъ его преемниковъ былъ упорный *Альбертъ*, утвердившій здѣсь нѣмецкое господство. Онъ основалъ братство духовныхъ рыцарей-полумонаховъ, полувоиновъ и

назвалъ его *Орденомъ меченосцевъ* или *ливонскихъ рыцарей*. Рыцари носили бѣлый плащъ и на немъ вышивали красный мечъ съ крестомъ. Папа далъ имъ право владѣть землями новообращенныхъ. Начальникъ ихъ назывался „магистромъ". Столицей рыцарей стала *Рига*, построенная Альбертомъ (1200). Рыцари начали распространять христіанство огнемъ и мечемъ. Язычники крестились, но тайкомъ лазили въ Двину, чтобы „смыть съ себя крещеніе и отправить его въ Германію". Несчастные просили помощи у полоцкихъ князей, да послѣдніе должны были защищать и себя: ихъ волости въ Ливоніи были захвачены меченосцами. Но полочане, а также и новгородцы, занятые тогда борьбой съ Суздалемъ, не обращали вниманія на западъ. Нѣмцы безпрепятственно распространяли свои владѣнія. Впрочемъ, ливонскіе рыцари все-таки были слабы, потому что не умѣли привязать къ себѣ туземцевъ; они мучили и угнетали ихъ, даже мѣняли на собакъ; по смерти крестьянина, они отбирали его имущество и почти ничего не оставляли его вдовѣ и сиротамъ. Оттого туземцы были заклятыми врагами рыцарей и нападали на нихъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Къ тому же они упорно сохраняли свои языческія суевѣрія и говорили жестокимъ проповѣдникамъ: „убѣждайте насъ словами, а не палками". Сверхъ того, у нѣмцевъ были раздоры. Епископъ и магистръ враждовали между собой: каждому хотѣлось властвовать одному. У епископа были свои земли и рыцари, у магистра — свои. По этимъ причинамъ ливонскіе нѣмцы вскорѣ до того ослабѣли, что не могли существовать безъ посторонней помощи. Эта помощь пришла съ Запада: тогда въ Мазовіи появились рыцари Тевтонскаго ордена (§ 34), съ которыми и соединились меченосцы (1237). Такъ, нѣмцы прочно засѣли по всей Балтикѣ, почти отъ Невы до Вислы. Соединившись, они стали еще больше тѣснить туземцевъ, въ особенности пруссовъ. Несчастные бѣжали въ литовскіе лѣса — и это движеніе выдвинуло на историческое поприще *Литву*, которая жила до тѣхъ поръ въ дикости и неизвѣстности. При появленіи татаръ, въ Литвѣ образуется сильное княжество, т. е. новый и жестокій врагъ древней Руси.

§ 55. **Государственный нарядъ.**—Время удѣльныхъ усобицъ было *вторымъ періодомъ русской исторіи* не только въ политическомъ, но и въ бытовомъ отношеніи. Тогда русскій бытъ отчасти обогатился новыми чертами, отчасти развилъ старыя. Государственный „нарядъ" былъ еще не вполнѣ опредѣленъ: даже

не установился *титулъ* государя. Въ разговорѣ князей величали „великими самовластцами, господинами“ и даже „царями“. Но въ бумагахъ титулъ „великій“ употреблялся на югѣ рѣдко: онъ утвердился на сѣверѣ, съ Всеволода III. „Великій князь *всея Руси*“ въ первый разъ встрѣчается при именахъ Монамаха и Юрія I. Не ясно было и право *наслѣдованія областей*. Многіе не признавали „лѣствичнаго восхожденія“. Иногда столы завѣщались; иногда вѣче призывало къ себѣ въ князья не того, кому слѣдовало княжить по родовому обычаю. Князья видѣли, что здѣсь источникъ бѣдствій на Руси, и прибѣгали къ *съѣздамъ;* но съѣзды были простымъ семейнымъ совѣтомъ, лишеннымъ обязательной силы, и происходили лишь въ крайнихъ случаяхъ. Вообще же каждый князь былъ совершенно независимъ въ своей волости. Онъ считалъ себя обязаннымъ слѣдовать за великимъ княземъ только въ случаѣ общей опасности, да и то не всегда. Иногда, напротивъ, удѣльный князь самъ призывалъ половцевъ или поляковъ противъ великаго. Гораздо болѣе была опредѣлена *власть князя* или отношенія его къ подданнымъ. Сначала, въ разгаръ усобицъ, она падала: граждане не только въ Новгородѣ, но и въ Кіевѣ, привыкали мѣнять князей по желанію, рядиться съ ними, судить ихъ за дурное управленіе. Но потомъ власть князя стала сильнѣе и тверже, чѣмъ въ 1-мъ періодѣ, преимущественно въ с.-в. Руси. Дворъ князя былъ обставленъ пышнѣе прежняго: появилось много придворныхъ чиновъ — спальники, конюшіи, меченоши, сѣдельники. Установилось исключительное *право на престолъ* потомковъ Рюрика: нигдѣ и никто не думаетъ о князьяхъ изъ другого рода. Народъ считаетъ ихъ власть необходимою: безъ нихъ онъ плохо дерется на войнѣ и плохо управляетъ своими внутренними дѣлами. Презрительное слово „смердъ“ (§ 25) стало означать *все* населеніе или подданныхъ, за исключеніемъ духовенства. Употреблялось также не менѣе презрительное названіе *черныхъ людей* (отсюда „чернь“). При такой власти князя, все управленіе принадлежало ему. Вѣче хотя и сохранялось, но утратило свое значеніе: оно служило только для объявленія воли князя и лишь изрѣдка пользовалось властью, когда князь занималъ престолъ по „ряду“ съ гражданами. Такъ какъ, съ паденіемъ вѣча, всѣ дѣла скопились въ рукахъ князя, а онъ не могъ услѣдить за всѣми своими служителями, то управленіе было дурно. Тогда-то названіе должности, *ябедникъ* (§ 24), приняло позорный смыслъ, сохранившійся до сихъ поръ. Самъ Мономахъ совѣтуетъ дѣтямъ осте-

регаться собственныхъ тіуновъ и посадниковъ. О томъ же свидѣтельствуютъ поученія епископовъ и лѣтописи, а также мятежи въ разныхъ мѣстахъ, особенно въ Кіевѣ. Замѣтно улучшеніе только въ *войскѣ*. Русь могла выставить до 150 т. ратниковъ, помимо наемниковъ. Полкъ состоялъ изъ пѣхоты и конницы и дѣлился на стрѣльцовъ и копейщиковъ. Воины носили островерхіе щиты и шлемы съ *личиною* (забрало) и желѣзною сѣткой для шеи. Въ бою полкъ раздѣлялся на *чело* и два *крыла*; кромѣ того были *передъ* (авангардъ) и *сторожы* (развѣдчики). Дѣлали укрѣпленные частоколомъ *станы* (лагери) и засѣки. Рѣчныя битвы и военныя хитрости усовершенствовались сравнительно съ прежними; но метательныхъ снарядовъ почти не знали; поэтому рѣдко брали укрѣпленіе *копьемъ* (приступомъ); обыкновенно вымаривали его голодомъ и бились у воротъ при вылазкахъ. Битвы стали ожесточеннѣе, и народъ сражался храбрѣе; но уже рѣдко встрѣчались богатыри и отчаянные храбрецы, безъ пользы щеголявшіе презрѣніемъ къ жизни. *Суды* не измѣнились. Закономъ служила „Русская Правда", которую, впрочемъ, многіе князья нѣсколько измѣняли, въ особенности Мономахъ. Такъ, кровавая месть была совсѣмъ замѣнена вирами; былъ введенъ законъ о *рѣзахъ* (ростѣ), вслѣдствіе бунта кіевлянъ противъ евреевъ-ростовщиковъ; кто бралъ больше 20%, тотъ лишался своего капитала.

§ 56. **Князь.**—При рожденіи князю давали два имени — одно „княжье", свѣтское (то славянское, то варяжское), другое церковное, по греческимъ святцамъ. Тутъ же давали ему волость или городъ. Когда ребенку было года 3, совершали *постригъ*, т.-е. первую стрижку волосъ, причемъ сажали дитя на коня. Затѣмъ его сдавали на руки *кормильцу*; княженъ брали родственники къ себѣ на воспитаніе. Въ бракъ вступали рано — князья лѣтъ 14, а княжны даже 8. За невѣстой давали приданое. Обыкновенно князья брачились въ кругу Рюриковичей, но иногда роднились и съ иностранными дворами; изрѣдка вступали въ бракъ съ боярышнями и отдавали своихъ дочерей за бояръ. Княгини имѣли свои города, села и казну. Если нужно было, князь занималъ престолъ очень рано, даже 5-ти л., причемъ совершался обрядъ *сажанія на столъ*. Князь вставалъ на зарѣ и шелъ въ церковь; потомъ завтракалъ и занимался судебными дѣлами, или „думалъ" съ дружиной. Въ полдень — обѣдъ и сонъ; вечеромъ — ужинъ, музыка, пѣсни и пиръ, на который приглашали дружину, а иногда и поповъ. Изрѣдка

устраивались пиры для всѣхъ гражданъ, которые отвѣчали тѣмъже. На пирахъ не жалѣли вина и меда: тогда говорили „пить“ вмѣсто пировать. Любимымъ развлеченіемъ князя была охота, при которой употреблялось много собакъ и ястребовъ. Нерѣдко уѣзжали на охоту далеко и надолго, и тогда князья брали съ собой княгинь и дружину. Князь носилъ цвѣтной кафтанъ съ золотою обшивкой, а сверху цвѣтной плащъ, застегивавшійся на плечѣ запонкой. У него былъ золотой поясъ и высокіе цвѣтные сапоги съ острыми носками; въ сапоги затыкались шаровары. На головѣ онъ носилъ высокую шапку съ цвѣтнымъ верхомъ, опушенную мѣхомъ и съ наушниками. На княгинѣ было длинное платье съ широкими рукавами; золотые поясъ и башмаки; съ головы спускалось покрывало, завязанное у подбородка. У князя было уже большое состояніе — не казенная, а его *частная собственность*. У него было много земель, частью доставшихся ему черезъ заселеніе имъ пустыхъ мѣстностей, частью купленныхъ имъ или отобранныхъ у провинившихся бояръ и у выгнанныхъ родичей. Въ этихъ земляхъ князья устраивали свои богатые *дворы*, которые они называли своею „жизнью“: это были кладовыя для имущества, за которымъ смотрѣла ихъ *челядь* или холопы (примѣръ см. въ § 43). Стада все еще составляли главное богатство князя. Среди усобицъ трудно было образовываться кроткимъ и выдержаннымъ характерамъ. Мало помогало даже просвѣщеніе, котораго не лишены были князья: всѣ они, и даже княгини, были грамотны. Но и тогда встрѣчались возвышенные и благородные характеры, въ родѣ двухъ *Мстиславовъ*, и жилъ образцовый князь, *Владиміръ Мономахъ*.

§ 57. **Дружина и „люди“.** — Общество по прежнему раздѣлялось на дружину и „людей“ (§ 25). Дружина и ея отношенія къ князю сохранились въ прежнемъ видѣ. Только на сѣверѣ, со времени Андрея, явилось новое названіе для третьяго класса дружины или слугъ князя — *дворяне* или *дворъ*. Дружина окончательно потеряла возможность образовать изъ себя особое аристократическое сословіе. Это зависѣло отъ двухъ причинъ. 1) Дружина стала какъ-бы кочевая, вслѣдствіе частыхъ переходовъ князей со стола на столъ; да еще она получила право *отъѣзжать* — переходить отъ одного князя къ другому. Князья наперерывъ другъ передъ другомъ старались переманивать ее къ себѣ, нуждаясь въ ней при безпрерывныхъ усобицахъ. Переходя съ мѣста на мѣсто, дружина нигдѣ не могла утвердиться и обзавестись большими земельными владѣніями; 2) Родъ Рю-

рика до того размножился, что всѣ важныя должности переходили въ руки младшихъ, безпрестольныхъ князей: дружинникамъ доставались лишь незначительныя, мало выгодныя мѣста. Политическое положеніе земщины мало измѣнилось. Замѣтно только матеріальное развитіе *городовъ*. Они укрѣплялись лучше прежняго; изрѣдка встрѣчаются даже каменныя стѣны. Обыкновенно было двое стѣнъ: внутреннія — *дѣтинецъ* (кремль), и внѣшнія — *острогъ*. Промыслы развились и обособились (плотницкій и гончарный концы въ Новгородѣ): каждый имѣлъ своего старосту. Торговля расширилась. У новгородцевъ и смольнянъ были уже договоры съ нѣмцами (рижскими), которымъ были даны большія льготы. Пользуясь спокойствіемъ Балтійскаго моря, гдѣ прекратились разбои скандинавовъ, перешедшихъ въ государственный бытъ, новгородскіе купцы ходили на з. до Даніи. Ихъ много проживало въ Кіевѣ, гдѣ у нихъ была своя церковь, и въ Суздальской области. Кіевляне ходили съ товарами до Александріи и Кавказа, а въ Кіевѣ проживали греческіе, итальянскіе и „латинскіе“ (нѣмецкіе) купцы, которые иногда доходили до Суздаля. Въ Кіевѣ имѣлъ свою контору отдаленный Регенсбургъ. Около 1200 г. венеціанцы старались утвердиться на берегахъ Чернаго и Азовскаго м. При такой торговлѣ появились богачи, имѣвшіе даже свои села съ челядью. Но, тѣмъ не менѣе, города все еще были мало населены, на что постоянно жаловались князья, стараясь переселять къ себѣ плѣнныхъ, особенно Черныхъ Клобуковъ, цѣлыми толпами. Тогда вообще мало возвысилось число городовъ (ихъ было болѣе 300) и жителей, мало расширились предѣлы Руси. Причиной тому были усобицы: въ теченіе 1055—1228 годовъ, было 80 л. съ усобицами и 93 мирныхъ, т.-е. войны были почти черезъ годъ и продолжались иногда лѣтъ по 15 и болѣе кряду. А чего стоили набѣги половцевъ, изъ которыхъ самыхъ важныхъ насчитывалось до 40! Однажды половцы сразу увели изъ Руси болѣе 10 т. плѣнныхъ, не говоря объ убитыхъ. А на с.-з. Русь безпокоили частые набѣги литвы и чуди. Сверхъ того, ее часто посѣщали пожары, голодъ, моръ. Отъ голода больше всѣхъ страдалъ Новгородъ, особенно во время борьбы съ Суздалемъ. Касательно *границъ* Руси должно замѣтить, что хотя мы пріобрѣли тогда нѣсколько земель на с.-в. у слабыхъ финновъ, зато потеряли Тмутаракань на югѣ и прибалтійскія области на западѣ.

§ 58. **Церковь.**—Въ религіозномъ быту появились важныя новыя черты. Число церквей значительно увеличилось. Вмѣсто

5 епархій стало 15. Всѣ онѣ по прежнему подчинялись кіевскому митрополиту; но сами *митрополиты снова подпали вліянію константинопольскаго патріарха* и опять были изъ грековъ: князья до того были заняты усобицами, что забыли отстаивать независимость русской церкви отъ притязаній Византіи; да и само духовенство стояло за Византію, по укоренившемуся предразсудку. Предпріимчивый Изяславъ II хотѣлъ-было послѣдовать примѣру Ярослава I (§ 26), но неудачно. Онъ поставилъ, помимо патріарха, русскаго митрополита, ученаго схимника *Климента*, но большинство епископовъ возстало, и ихъ сторону принялъ, изъ вражды къ Изяславу, Юрій I. Новый митрополитъ, грекъ, проклялъ Изяслава, а затѣмъ Андрею Боголюбскому пришлось испытать властолюбіе Византіи: извѣстна неудача, постигшая владимірскаго епископа *Ѳеодора*, который пытался сбросить съ себя зависимость отъ кіевскаго митрополита (§ 47). А чтобы не повторялись подобныя попытки, митрополитъ отрѣзалъ Ѳеодору языкъ и правую руку и выкололъ глаза. Но во всемъ остальномъ положеніе духовенства не измѣнилось. Оно было главнымъ совѣтникомъ князей и ихъ помощникомъ въ управленіи страной; примиряло воюющихъ и отправляло посольскую должность; составляло высшій классъ общества наравнѣ съ дружиной. Оно обладало все такою-же обширною судебной властью и судило по греческому Номоканону. Богатства духовенства увеличились: возникла церковная недвижимая собственность—села и города, населенные челядью и изгоями. Но, при всемъ своемъ богатствѣ и вліяніи, *церковь* по прежнему не думала присвоивать себѣ власть, а, напротивъ, *поддерживала князей*, проповѣдуя византійскую идею самодержавія. По прежнему ея права и обязанности опредѣлялись властью князя: тогда церковные уставы Владиміра и Ярослава (§ 26) развивались по отдѣльнымъ княжествамъ, въ видѣ *жалованныхъ грамотъ*, даруемыхъ князьями епископамъ и церквамъ. По прежнему епископы избирались князьями, причемъ участіе народа постепенно ослабѣвало.

§ 59. **Нравы и понятія.**—Въ нравахъ и понятіяхъ общества еще господствовали первобытныя черты. Христіанство все еще *медленно распространялось*, хотя наружно оно достигло тогда до Олонца и Вологды, до Камы, Вятки и Кубани. На окраинахъ, особенно на с.-в., язычники до того сохраняли свою силу, что избивали проповѣдниковъ до самаго Ростова. Въ Поволжьѣ, въ областяхъ ростовской, суздальской и новгородской, было множе-

ство *волхвовъ*, отличавшихся большою дерзостью. Новгородцы по прежнему ходили еще колдовать въ Чудь. Разъ они такъ повѣрили волхву, что хотѣли убить епископа. Тогда епископъ вышелъ съ крестомъ и воскликнулъ: „кто за Христа, иди ко кресту!“ Къ нему подошли только князь съ дружиной. Затѣмъ князь спросилъ у волхва: „знаешь-ли, что̀ будетъ завтра?“ Волхвъ отвѣчалъ: „все знаю“. „А что будетъ нынче?“ — спросилъ князь. „Нынче я сотворю великія чудеса“, — отвѣчалъ волхвъ. Тутъ князь разрубилъ волхва топоромъ, и народъ успокоился. Еще сохранялись въ чистотѣ *языческія вѣрованія, обряды и понятія*. Тамъ и сямъ приносили жертвы древнимъ божествамъ и ставили идоловъ, имѣли по двѣ жены и вѣнчались по языческимъ обрядамъ. Моровую язву считали ударами нежити (§ 11), летающей по воздуху. Женщины особенно „чародѣйствовали отравою и другими бѣсовскими кознями“. Въ *нравахъ* сохранялась прежняя грубость (§ 27). Мужчины пьянствовали, бранились и развлекались кровавыми кулачными боями. Столь-же груба была женщина: ненависть къ злымъ женамъ служила любимымъ предметомъ письменности того времени. Безнравственность проникала даже въ монастыри, гдѣ завелась частная собственность; ссора, зависть и алчность проявлялись особенно при избраніи игумена, которое принадлежало самой братіи. Иногда въ обителяхъ задавались пиры, на которые приглашали мірянъ, мужчинъ и женщинъ: тутъ гремѣли трубы и гусли, кривлялись комедіанты и скоморохи. Словомъ, уже вырабатывался типъ монаха-тунеядца и бражника. У бояръ и князей часто встрѣчалось только наружное благочестіе, а рядомъ съ нимъ — нарушеніе клятвы, убійства, преслѣдованія и ограбленіе монаховъ. Владимірко галицкій сказалъ на упреки въ измѣнѣ крестоцѣлованія: „что мнѣ сдѣлаетъ этотъ маленькій крестикъ?“ и пошелъ къ вечернѣ. Чѣмъ далѣе на с.-в., тѣмъ грубѣе, непривѣтливѣе нравы князей. Война все еще отличалась лютостью. Истязали пословъ, убивали плѣнныхъ, опустошали мирныя села, переводили цѣлые города съ мѣста на мѣсто. Впрочемъ, язычество проявлялось у насъ въ нравахъ не сильнѣе, чѣмъ на Западѣ, куда христіанство было принесено гораздо раньше. И среди этого грубаго общества уже образовался слой людей съ новыми нравами и понятіями. Правда, пониманіе христіанства все еще было внѣшнее: на первомъ планѣ стояло обрядовое благочестіе. Рядомъ съ византійскими *святыми* и *мощами*, явились собственные, и во главѣ ихъ *Борисъ* и *Глѣбъ*. Тѣла братьевъ-мучениковъ лежали до тѣхъ поръ внѣ церкви,

въ Вышгородѣ, пока не вышло пламя изъ-подъ ногъ одного иноземца, ставшаго на ихъ могилу: тогда они были вырыты и положены въ богатыя раки, въ особой церкви. У этихъ мощей стали совершаться чудеса, слава которыхъ разнеслась по всей Руси, и отовсюду стали стекаться богомольцы въ Вышгородъ. Храмы Бориса и Глѣба возникли почти по всѣмъ русскимъ городамъ и даже въ Византіи. Значеніе мощей видно также изъ того, что Изяславъ II, чтобы подавить сопротивленіе епископовъ, поставляя Климента въ митрополиты (§ 58), благословилъ его головою св. Климента (§ 19). Столь же важное значеніе придавалось *постамъ*. При Боголюбскомъ суздальскій епископъ *Леонъ* постановилъ, что нельзя ѣсть мясо въ большіе праздники, если они случатся въ среду и пятницу. Онъ упорно сопротивлялся Андрею, который просилъ у него разрѣшенія ѣсть мясо въ эти дни, и былъ выгнанъ. Пошелъ великій соблазнъ по всей Руси: князья и духовенство раздѣлились въ мнѣніяхъ. Наконецъ, былъ созванъ соборъ въ Кіевѣ, на который съѣхалось до 150 іерарховъ. Внѣшній взглядъ на благочестіе выражался и въ прежнемъ почитаніи *монашества*, какъ идеала жизни, причемъ монахъ представлялся прежде всего подвижникомъ. Но внѣшнее пониманіе христіанства было нравственною силой: умерщвленіе плоти во имя идеи—первый и естественный выходъ изъ воззрѣній чувственнаго язычества. Сверхъ того, тогда возникло и болѣе глубокое пониманіе христіанскаго идеала. Признали, что можно спасаться въ міру, и что хорошій человѣкъ долженъ быть *праведникомъ*, „ходить по правдѣ", т.-е. жить честно, не обижать ближняго. Женщина больше прежняго считалась другомъ и равною мужчинѣ: она работала, совѣщалась и пировала съ нимъ, какъ свободная, не затворница. Всѣ осуждали кровопролитіе и алчность: убіеніе Бориса и Глѣба и ослѣпленіе Василька произвели потрясающее впечатлѣніе на народъ. Въ средѣ грубыхъ служителей власти видимъ тысяцкаго *Яна Вышатича* съ женой, которые жили, какъ праведники, и были отрадой св. Ѳеодосія. У князей было сознаніе христіанскаго идеала и нерѣдко раскаяніе, которое выражалось въ стремленіи къ монашеству. Прежде, рядомъ съ Ярославомъ, жившимъ уже въ концѣ 1-го періода, народнымъ героемъ былъ князь-богатырь, Святославъ; теперь же идеаломъ князя сталъ труженикъ и ревнитель просвѣщенія, Мономахъ.

§ 60. **Монашество и Кіево-Печерская лавра.**—Болѣе глубокое пониманіе христіанства выразилось въ судьбѣ нашего мона-

шества, которая напоминаетъ судьбу монашества внѣ Россіи. Въ началѣ христіанства на Востокѣ появилось *созерцательное*, мечтательное *отшельничество*, задачей котораго было удаленіе отъ міра для спасенія собственной души. Черезъ нѣсколько вѣковъ, образовалось въ Европѣ собственно *монашество*, т.-е. *практическое*, дѣятельное сословіе, составляющее общежитія, и не въ пустынѣ, а среди народа. У насъ эта перемѣна совершилась въ одно поколѣніе: Антоній былъ представителемъ нашего отшельничества (§ 27), *Ѳеодосій—основатель нашего монашества.* Конечно, это монашество еще высоко цѣнило подвижничество: иноки молились до изнеможенія и всячески умерщвляли свою плоть. Но рядомъ съ подвижничествомъ, наши монахи стали посвящать себя служенію народу, борьбѣ съ невѣжествомъ и язычествомъ. Они занялись *церковнымъ ученіемъ*, въ которомъ заключалось тогда все образованіе общества. Монастырь сталъ школой, кабинетомъ писателя, библіотекой и переплетной. Онъ былъ и *благотворительнымъ* учрежденіемъ: здѣсь были богадѣльни и „страннопріемницы" (гостинницы), „лѣчецъ" (врачъ) и повивальная бабка. Запасшись нравственнымъ закаломъ и ученостью, монахи шли въ міръ, поучая народъ, исправляя неправду, руководя властью. Они распространяли христіанство даже цѣной собственной жизни среди финскихъ болотъ и дебрей, среди дикарей Кавказа. А за ними шелъ народъ—и монастыри становились первыми *колонизаторами* славянства среди монгольскаго племени, пріобрѣтали государственное значеніе, объединяя Русь и расширяя ея границы. Наконецъ, подчиняясь князьямъ политически, монахи сохраняли нравственную власть надъ ними: они подавали примѣръ *стойкости убѣжденій и любви къ правдѣ.* Антоній упорно отстаивалъ Всеслава полоцкаго противъ Изяслава I. Когда Изяславъ былъ изгнанъ Святославомъ (§ 38) и всѣ признали, со страха, это насиліе, одинъ Ѳеодосій поминалъ за обѣдней его, а не похитителя престола, и даже писалъ Святославу обличительныя посланія. Обиженный въ судѣ шелъ жаловаться Ѳеодосію—и его дѣло вновь разсматривалось. Въ поученіяхъ монаховъ часто указывались злоупотребленія тіуновъ и намѣстниковъ. При такомъ значеніи монашества, понятно его широкое распространеніе во 2-мъ періодѣ нашей исторіи. Тогда возникло много обителей, какъ въ старыхъ городахъ, такъ и въ глуши; появились и *женскія.* Въ монастыри шли люди изъ всѣхъ слоевъ общества: были даже бояре, такъ что иногда князья ссорились съ ино-

ками изъ-за своихъ слугъ; сами князья, княжны и вдовыя княгини начали постригаться. Всѣ знали, подъ именемъ *Святоши*, Николая черниговскаго, который провелъ всю жизнь въ обители, самъ стряпалъ на братію, кололъ дрова, носилъ воду. Другіе князья, оставаясь въ міру, всячески выражали свое почитаніе монастырей. Они слѣзали съ коней передъ обителью, смиренно ожидая, пока ихъ пустятъ; у себя на пиру, при появленіи инока, останавливали пѣсни и музыку и благоговѣйно выслушивали жесткое слово поученія; передъ важнымъ дѣломъ ходили въ обитель посовѣтоваться и принять благословеніе отъ подвижниковъ. Князья раздавали монастырямъ *земли съ челядью*, а за ними и народъ сталъ дѣлать щедрые вклады на поминъ души. Всѣ эти обители были дочерьми великой матери нашихъ монастырей—*Печерской лавры*. Она была созданіемъ первыхъ русскихъ подвижниковъ, *печерянъ* (пещерниковъ), Антонія и Ѳеодосія. Ихъ слава привлекла столько подражателей, что имъ негдѣ было помѣщаться. Антоній выпросилъ у Изяслава гору надъ пещерами, гдѣ его иноки построили монастырь, прозванный народомъ Печерскою лаврою (1050). Игуменомъ Антоній поставилъ Ѳеодосія, при которомъ лавра быстро достигла цвѣтущаго состоянія. Ѳеодосій строго держалъ братію въ трудахъ, постѣ и молитвѣ; у него иноки списывали и переплетали книги, вили веревки, пряли, плели клобуки, мололи хлѣбъ; это была цѣлая фабрика разныхъ производствъ для себя и на продажу. Ѳеодосій ввелъ *студійскій уставъ*, заимствованный имъ изъ византійскаго монастыря Ѳеодора Студита, отличавшагося строгостью жизни. Онъ навѣщалъ также кіевлянъ и князей съ благочестивою цѣлью, а по ночамъ ходилъ въ „жидовскую“ улицу спорить о вѣрѣ. Ѳеодосій и Антоній умерли почти въ одно время въ своихъ старыхъ пещерахъ. А лавра быстро богатѣла отъ щедрыхъ вкладовъ: одна княгиня завѣщала ей все, „до послѣдняго повойника“, чтобы только трупъ ея положили тамъ. Народъ сталъ стекаться со всей Руси на богомолье къ мощамъ печерскихъ подвижниковъ; создалось много разсказовъ о подвижничествѣ и чудесахъ печерянъ, собранныхъ потомъ подъ именемъ *Патерика* (отечника) *печерскаго*. Лавра стала разсадникомъ монашества на Руси и средоточіемъ умственной жизни русскихъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ. Отсюда вышли главные проповѣдники и 50 епископовъ; оттого епископы, которые прежде были изъ грековъ и болгаръ, теперь стали русскіе. Первымъ изъ нихъ былъ *Лука Жидята* въ Новгородѣ.

§ 61. **Просвѣщеніе.**—Такъ, подъ вліяніемъ христіанства, возникли новыя понятія и слой идеалистовъ — людей, занятыхъ не житейскими, личными, а отвлеченными вопросами: этотъ слой называютъ головой или „умомъ“ общества, *интеллигенціей*. Второю причиной появленія образованности были *сношенія съ иностранцами*. Тогда Русь находилась въ живомъ общеніи съ другими народами. Князья роднились съ западными дворами: духовенство даже начинало возставать противъ этого обычая. Но оно внушало народу, что можно ѣсть съ католиками, не оскверняясь. Мономахъ увѣщевалъ дѣтей особенно быть гостепріимными относительно иностранцевъ и учиться чужимъ языкамъ. Онъ самъ былъ женатъ на дочери англійскаго короля, своего сына женилъ на шведкѣ, одну дочь отдалъ за венгерскаго короля, другую за греческаго царевича. Оттого наша лѣтопись знала о событіяхъ на Западѣ; въ ней записано о крестовыхъ походахъ. Тогда возникла еще страсть къ *путешествіямъ*: княжны и бояре, не говоря уже про купцовъ, ѣздили въ Византію; въ особенности же стремились въ Іерусалимъ. Страсть къ *паломничеству* или хожденію къ св. мѣстамъ до того усилилась, что духовенство начало проповѣдывать противъ нея и даже налагать епитеміи за паломническіе обѣты. Наконецъ, завязались сношенія у Руси съ Польшей и Венгріей, а это проводило къ намъ вліяніе западной литературы и латинскаго яз. Вотъ слѣдствія указанныхъ причинъ. 1) *Грамотность сильно развилась*. Она уже считалась признакомъ благовоспитанности: всѣ князья и княгини были грамотны. Появилось много школъ при церквахъ, монастыряхъ и епископскихъ дворахъ, и даже на окраинахъ. Конечно, учили только чтенію и письму; но были и такія школы, въ которыхъ преподавали греческій яз. для приготовленія образованнаго духовенства, что доказывается множествомъ переводовъ съ греческаго. 2) Возникла *любознательность*, вкусъ къ чтенію и собиранію книгъ, особенно у князей. Святославъ Ярославичъ черниговскій наполнилъ свои клѣти книгами, изъ которыхъ дошли до насъ два важныхъ сборника. Его братъ, Всеволодъ, выучился пяти иностраннымъ языкамъ у себя дома, просто изъ жажды знанія. Мономахъ самъ былъ писателемъ и завѣщалъ своимъ дѣтямъ: „не забывайте, что знаете добраго, а чего не знаете, тому учитесь“. Мелкій князь, *Романъ* смоленскій, завелъ родъ высшаго училища съ лат. языкомъ и потратилъ все свое имущество на просвѣщеніе, такъ что смольняне похоронили его на свой счетъ. Князья сами списывали книги и

ласково принимали русскихъ ученыхъ, а съ иностранными спорили то на греч., то на лат. языкѣ. Нерѣдко, одаряя монастыри землями, они требовали, чтобы доходы съ этого имущества шли на устройство школъ. Вмѣсто знахарей, у нихъ появились лекаря, именно люди съ таинственными знаніями Востока—арабы да армяне. Можно сказать, что тогда князья стояли во главѣ просвѣщенія, соперничая съ духовенствомъ. 3) Устроилось *книжное дѣло*. Тогда книги появились во множествѣ, такъ что завелись *библіотеки* у князей, у духовенства и при монастыряхъ, и онѣ были значительны: у одного князя было болѣе 1000 книгъ, тогда какъ, болѣе 200 л. спустя, въ первой на Западѣ библіотекѣ Карла V французскаго было только 900 томовъ. Но книгъ было много только сравнительно съ 1-мъ періодомъ: онѣ не могли быть слишкомъ распространены уже потому, что книжное дѣло было затруднительно. Работа *списателей* (переписчиковъ) была не легкая: письмо, называвшееся *уставомъ* (преобладаніе угловатыхъ, прямолинейныхъ буквъ надъ круглыми), требовало большаго искусства и усидчивости. Переписчики затѣйливо украшали начальныя буквы, употребляли разныя чернила (при началѣ новаго періода обыкновенно красныя: отсюда „красная строка"), „выводили" каждую букву, какъ печатную. Древнѣйшія граматы сплошь написаны „киноварью" (смѣсь сѣры съ ртутью), иногда съ позолотой. Это скорѣе былъ рисунокъ, чѣмъ письмо. Такъ какъ, сверхъ того, переписывали все священное, то эта работа почиталась святою: наступить на исписанный листокъ было такимъ же святотатствомъ, какъ раскрошить просвиру; списатель, съ благоговѣніемъ помолившись, принимался за работу и обозначалъ свое имя и время написанія въ концѣ рукописи, тогда какъ не было въ обычаѣ обозначать имя автора. Списываніемъ занимались даже князья и княжны. Владѣлецъ книги дорожилъ ею, какъ рѣдкостью. Да и дѣйствительно она часто существовала въ одномъ только экземплярѣ: оттого до насъ дошли не всѣ книги, бывшія тогда въ обращеніи. Книги цѣнились высоко, тѣмъ болѣе, что ихъ украшали дорогими переплетами, иногда даже заказанными въ Византіи и похожими на оклады Евангелій. Дорогъ былъ и матеріалъ, на которомъ писались книги—*харатья* или пергаментъ, а потомъ плотная хлопчатая бумага. Немудрено, что какой-нибудь молитвенникъ стоилъ до 80 р. с. 4) На Руси появились первыя *ереси*, что доказываетъ, что народъ читалъ книги не механически. Онѣ возникли подъ иностраннымъ вліяніемъ. Монахъ Адріанъ занесъ къ намъ

ученіе *богомиловъ* (§ 15); но оно скоро прекратилось, такъ какъ Адріана заключили въ темницу, а его главныхъ учениковъ сослали. Затѣмъ какой-то *Мартинъ* изъ Византіи распространялъ ересь въ особой книгѣ и привлекъ много кіевлянъ, не исключая поповъ; по этому поводу былъ созванъ соборъ въ Кіевѣ, который отправилъ еретика въ Царьградъ, гдѣ его сожгли. Наконецъ, явилось ученіе о постѣ русскаго епископа Леона (§ 59), которое значительно распространилось подъ именемъ *леонтиніанской* ереси. 5) У образованныхъ людей замѣчались не только религіозныя, но и *политическія* сужденія. Въ письменности того времени часто встрѣчаются упреки князьямъ несправедливымъ, жестокимъ и клятвопреступнымъ; еще чаще нареканія на ихъ служителей. Въ „Словѣ Даніила Заточника" сказано: „не имѣй себѣ двора близъ княжа двора, не держи села близъ княжа села, потому что тіунъ его, какъ огонь". Лѣтописцы и поученія постоянно порицаютъ тіуновъ и посадниковъ, которые не хуже половцевъ разоряли цѣлыя области.

§ 62. **Церковная письменность.**—Письменность 2-го періода, сравнительно съ 1-мъ, можно назвать обширною. Но все-таки сочиненій было немного; и тогда не читали, а заучивали книги отъ доски до доски. Попрежнему письменность состояла главнымъ образомъ изъ *списыванія* болгарскихъ книгъ и изъ *переводовъ* съ греческаго. Важнѣйшимъ по древности памятникомъ списыванья служитъ *Остромірово Евангеліе*, написанное (1056) по заказу посадника Остроміра (§ 23): рукопись хранится въ публ. библ. въ Петербургѣ. Въ переводахъ замѣчается извѣстная самостоятельность: переводили уже не одно церковное, а все, что было лучшаго въ византійской литературѣ, и русскій *книжный яз.* все освобождался отъ греч. вліянія. Чѣмъ ближе къ концу 2-го періода, тѣмъ больше самостоятельности въ нашей письменности, особенно въ южной. Зарождалась національная литература, притомъ не лишенная убѣжденій и характера: явился знаменитый обычай *печалованія*, т.-е. заступничества за невинныхъ, который господствовалъ у нашего духовенства въ теченіи всей древней исторіи. Митрополитъ *Никифоръ*, въ своемъ посланіи къ Мономаху, считаетъ долгомъ подать совѣтъ даже этому образцовому правителю. Письменность обогатилась тогда и нѣкоторыми *новыми понятіями*, какъ видно изъ отвѣтовъ на житейскіе вопросы, съ которыми обращались къ писателямъ. Такъ, на вопросъ: „можно ли носить одежду изъ шкуры звѣря, не употребляемаго въ пищу"? отвѣчали: „да, ходи хоть въ мед-

вѣжинѣ"! Сверхъ того, іерархи-писатели запрещали паломничество, совѣтовали мягко обращаться съ рабами, не убивать и не уродовать прибѣгающихъ къ волхвамъ, не продавать въ рабство. Наконецъ, они смѣло возставали противъ усобицъ и вообще стояли за единство русской земли. Письменность 2-го періода была по преимуществу *церковная:* если и встрѣчаются сочиненія свѣтскаго содержанія, то они проникнуты религіозной точкой зрѣнія; въ нихъ земная жизнь представляется „тлѣномъ и суетой", а монашество — „ангельскимъ житіемъ", иночество— „ангельскимъ чиномъ". Господствующимъ родомъ письменности были *поученія* или наставленія. Ихъ задача—объяснять православіе и бороться съ язычествомъ, а также съ латинствомъ, котораго тогда также опасались, какъ въ 1-мъ періодѣ—іудейства. Болѣе всего говорятъ они о милосердіи, братскомъ равенствѣ и смиреніи, которыя трогали сердца нашихъ предковъ по своей близости къ гостепріимству родоваго быта и къ добродушію славянина. Поученія печалуются о „сиротахъ" и „страдальникахъ" и обличаютъ богатыхъ и сильныхъ. Поученій было множество, въ формѣ посланій и проповѣдей. *Посланія* писались іерархами къ лицамъ разныхъ званій; есть даже посланіе къ папѣ. Иногда іерархи вели между собой эту литературную переписку, что напоминаетъ нынѣшнія открытыя письма между учеными. Часто посланіе составляло отвѣтъ на вопросы, предложенные книжнику; иногда же оно вытекало изъ потребности іерарха дать наставленіе своимъ духовнымъ дѣтямъ. Изъ отвѣтныхъ посланій весьма важно *посланіе митр. Іоанна къ Іакову Мниху*, которое называли „церковнымъ правиломъ", такъ какъ оно долго служило руководствомъ для духовенства. *Проповѣди* распадаются на сѣверныя и южныя. Образцомъ первыхъ служитъ поученіе *Луки Жидяты* (§ 60). Въ немъ всѣ примѣры взяты изъ русскихъ нравовъ; языкъ разговорный, слогъ краткій и простой, содержаніе нравственное. Здѣсь отразились свойства новгородца—человѣка торговаго, который не любитъ разглагольствованій и догматическихъ тонкостей. Напротивъ, въ *южной проповѣди* есть поэзія, живость, разнообразіе; но она посвящена догматикѣ и страдаетъ риторствомъ. Въ ней нѣтъ ничего народнаго: всюду общее содержаніе изъ Библіи, символизмъ, олицетворенія, доходящія до разговоровъ между идеями. Здѣсь очевидно византійское вліяніе. Оттого южн. проповѣдь привлекала немногихъ: самъ представитель ея, „второй Златоустъ", еп. *Кириллъ Туровскій*, жалуется, что къ нему „приходило все

меньше и меньше слушателей". Отъ 2-го періода остался одинъ образчикъ свѣтскаго поученія. Это—*поученіе Владиміра Мономаха*, составленное по примѣру Василія Великаго (§ 40). Оно служитъ началомъ ряда „Домостроевъ" — сочиненій, въ которыхъ заключаются правила житейской мудрости. Къ ихъ разряду относится, въ концѣ періода, *Слово отца къ сыну*, которое говоритъ: „будь пониженъ главою; устремляй глаза въ землю; имѣй сомкнутыя уста; не стыдись преклонять главу предъ каждымъ". Во 2-мъ періодѣ церковная письменность обогатилась новымъ родомъ произведеній—*житіями святыхъ*. Это — церковная повѣсть, въ которой подробно разсказывается жизнь угодниковъ и описываются ихъ чудеса. Житія переводились съ греческаго, но уже явились и русскія, во главѣ которыхъ стоятъ житія Бориса, Глѣба и Ѳеодосія, составленныя печерскимъ инокомъ, Несторомъ, и послужившія основаніемъ *Патерику печерскому* (§ 60). Они отличаются хорошимъ языкомъ и яснымъ изложеніемъ.

§ 63. **Свѣтская письменность и народная поэзія.** — Въ письменности главное отличіе 2-го періода отъ 1-го составляетъ возникновеніе *свѣтскаго* отдѣла. Появилось не мало *сборниковъ*, которые были какъ бы журналами того времени. Въ нихъ встрѣчается много краткихъ статей наполовину церковнаго, наполовину свѣтскаго содержанія: встрѣчаются разсказы о троянской войнѣ и Александрѣ Македонскомъ, повѣсти изъ „Тысячи и одной ночи", даже заимствованія изъ Платона и Аристотеля. Сборники были частью переписанные съ болгарскаго, частью переводные съ греческаго; русскія добавленія состояли изъ народныхъ поговорокъ и притчъ. Сборники носили разныя названія — „Пчела" (сборникъ притчей и поученій), „Златая цѣпь" (отрывки изъ отцовъ церкви) „Патерикъ" или „Прологъ" (житія святыхъ), „Палея" (разсказы изъ Ветхаго Завѣта, часто подложные), „Хронографъ", „Златой бисеръ", „Купель Душевная" и др. Сохранилось два *Изборника Святослава* черниговскаго (1073 и 1076), составляющіе списки съ Изборника болгарскаго царя Симеона (§ 15). На статьи сборниковъ походило *Моленіе Даніила заточника*. Это — посланіе какого-то заточеннаго молодаго человѣка къ своему князю. Собственно „Моленіе" есть сборникъ статей, въ видѣ притчъ и народныхъ пословицъ; но онъ связанъ сатирическимъ тономъ, который направленъ особенно противъ приближенныхъ князя и противъ злыхъ женъ. Какъ чисто-народный сборникъ, даже съ пословичными риѳмами,

„Моленіе“ имѣло множество списковъ съ добавленіями переписчиковъ. О немъ создалось даже преданіе, будто Даніилъ закаталъ его въ воскъ и бросилъ въ озеро, гдѣ его проглотила рыба, которую поймали для князя. Вмѣстѣ съ паломничествомъ возникли „Хожденія“ или путешествія къ св. мѣстамъ. Изъ нихъ сохранилось *Хожденіе или Паломникъ игумена Даніила* (ок. 1100)—религіозное и простодушное сочиненіе, изъ котораго видно, что наши паломники ходили въ Іерусалимъ цѣлыми „дружинами“, артелями. Въ немъ нѣтъ духа нетерпимости относительно католиковъ, владѣвшихъ тогда Гробомъ Господнимъ. Къ свѣтской письменности 2-го періода относится первый памятникъ искусственной, книжной поэзіи—*Слово о полку Игоревѣ* *), которое послужило образцомъ позднѣйшимъ произведеніямъ подобнаго рода. Въ немъ разсказывается походъ сѣверскихъ князей противъ половцевъ (§ 46). Оно написано княжескимъ пѣвцомъ, который заимствовалъ у болѣе древняго пѣвца, Баяна (§ 28), поэтическіе пріемы, языческіе образы и первобытныя пословицы. Въ сравненіяхъ и богатыхъ картинахъ много народной поэзіи, что доказывается сходствомъ „Слова“ съ украинскими пѣснями. „Слово“ отчасти напоминаетъ *сказанія* (разсказы), встрѣчающіяся въ лѣтописяхъ и составленныя очевидцами событій: таковы разсказы о Борисѣ и Глѣбѣ, объ ослѣпленіи Василька и др. *Народная поэзія* обогатилась новою чертой: пѣсня стала говорить про дѣйствительныя событія или быль. Отсюда названіе этихъ пѣсенъ—*былины*. Это какъ бы лѣтопись, разсказанная въ поэтической формѣ. „Слово о полку Игоревѣ“, близкое къ былинамъ, описываетъ событія согласно съ лѣтописью и даже короче. Герои былинъ—*Василій Буслаевъ*, новгородскій бояринъ *Ставръ* и купецъ *Садко*—лица историческія: ихъ имена находятся въ лѣтописи. Буслаевъ—поэтическое олицетвореніе отважныхъ „повольниковъ“ (§ 4), которые грабили во всю свою жизнь, а потомъ спасали душу въ Іерусалимѣ или монастырѣ; Садко и Ставръ—олицетвореніе новгородскаго богатства, спасаемаго благочестіемъ.

§ 64. **Лѣтопись.**—Въ это время началась и *лѣтопись*. Отцомъ ея былъ печерскій монахъ, *Несторъ*, поступившій въ лавру 17-ти л., вскорѣ по смерти Ѳеодосія, и неизвѣстно когда умершій. Онъ былъ человѣкъ любознательный, зналъ не только св. писаніе, но также болгарскія книги и переводы греческихъ хронографовъ, любилъ разспрашивать людей бывалыхъ, зналъ много

*) Его единственный списокъ, сдѣланный ок. 1400 г., сгорѣлъ въ 1812 г., но онъ былъ напечатанъ въ 1800.

ходившихъ въ народѣ преданій, пѣсенъ, пословицъ. Печеряне, помимо своихъ замѣтокъ въ святцахъ (§ 28), могли сообщить ему много свѣдѣній о прошломъ: они были первыми „дьяками“ (секретарями) князей и поддерживали сношенія съ епископами и проповѣдниками, расходившимися изъ лавры по всей Руси. Мономахъ, самъ писатель, почтившій Нестора саномъ епископа, могъ сообщить ему и древнѣйшіе документы (§ 28). Несторъ, уже написавшій хорошія житія Бориса и Глѣба и Ѳеодосія (§ 63), составилъ *Повѣсть временныхъ лѣтъ* или *Временникъ*. Вначалѣ онъ заимствуетъ изъ греческаго хронографа *Георгія Амартола* и изъ болгарскихъ книгъ; но съ Ярослава его работа становится самостоятельнѣе, достовѣрнѣе и идетъ хронологическимъ путемъ, подобно всѣмъ древнимъ лѣтописямъ. Несторъ правдивъ и краткъ; у него есть только наклонность къ поэтичности и даже драматизму, свойственная южнымъ литературамъ. Если онъ ничего не зналъ о какомъ-нибудь годѣ, то оставлялъ годовую помѣтку пустою; если заносилъ что-нибудь сомнительное, то прибавлялъ „какъ сказываютъ“. Лѣтопись Нестора носитъ *дѣловой*, свѣтскій характеръ, какъ по содержанію, такъ и по языку—церковно-славянскому, но уже съ вліяніемъ древнерусскаго; она по преимуществу *княжеская* или политическая. Несторъ стоитъ за единство Руси, негодуетъ на усобицы и осуждаетъ дурное управленіе. Но онъ не объясняетъ бѣдствій и успѣховъ, указывая на нихъ только какъ на гнѣвъ или милость Божію; явленія природы для него — чудесныя знаменія или дьявольское навожденіе. Трудъ Нестора доходитъ до 1110 г. Вслѣдъ затѣмъ онъ былъ переписанъ игуменомъ *Сильвестромъ*; потомъ появилось много другихъ списковъ, причемъ каждый списатель добавлялъ и продолжалъ Нестора. Такъ составилось нѣсколько *лѣтописныхъ сборниковъ*, дошедшихъ до насъ подъ разными названіями. Самый древній изъ нихъ, *Лаврентьевскій*, явился не раньше конца 14 в. Эти сборники, продолжавшіеся до половины 17 в., сохраняютъ главныя черты Несторовой лѣтописи, но различаются литературными особенностями, которыя доказываютъ существованіе отдѣльныхъ лѣтописей. Изъ нихъ новгородская (Іоакимовская) и волынская лѣтопись возникли еще въ 11 в., раньше кіевской; но начало ихъ утрачено, и потому древнѣйшею считается кіевская, къ которой приставлялись впослѣдствіи извѣстія изъ черниговской, полоцкой, и, вѣроятно, другихъ ю. лѣтописей. Южныя лѣтописи, *кіевская* и *волынская*, напоминаютъ южн. письменность: онѣ подробны, поэтичны; волынская

особенно подходитъ къ „Слову о Полку Игоревѣ“ и знаетъ Гомера. *Новгородская* лѣтопись, подобно проповѣди Луки Жидяты, кратка и суха, отличается чисто дѣловымъ характеромъ. *Суздальская* многоглаголива, лишена и сѣверной дѣльности, и южной поэтичности. Это напыщенная работа, наполненная церковными поученіями и слѣдами придворной оффиціальности: въ ней господствуетъ идея самодержавія и ненависть къ Новгороду. Чѣмъ позже, тѣмъ болѣе преобладаетъ суздальская лѣтопись, а кіевская прекращается въ концѣ 12 в., вмѣстѣ съ паденіемъ Кіева. Притомъ, чѣмъ позже лѣтописный списокъ, тѣмъ болѣе въ немъ заимствованій изъ византійскихъ хронографовъ. Ко 2-му періоду относится и первая изъ дошедшихъ до насъ подлинныхъ грамотъ: это—*грамота Мстислава* Вел. новгородскому *Юрьеву монастырю* (ок. 1130).

§ 65. **Искусство и внѣшній бытъ.**—Искусство также подвинулось впередъ во 2-мъ періодѣ. Впрочемъ на первомъ планѣ все еще стояло *зодчество*, наиболѣе соотвѣтствующее религіознымъ цѣлямъ. Храмы уже были не рѣдкость; притомъ все увеличивалось число каменныхъ. Боголюбскій построилъ даже церковь во Владимірѣ изъ бѣлаго камня, привезеннаго изъ Болгаріи. По большей части церкви были небольшихъ размѣровъ, и строили ихъ весьма быстро: оттого рѣдкая могла простоять болѣе 50 л. Зодчіе все еще были греки на югѣ и нѣмцы на сѣверѣ, впрочемъ изрѣдка встрѣчаются и русскіе—*Милонѣгъ* и друг. Форма храма сохранялась византійская, но въ мелочахъ встрѣчается вліяніе романскаго стиля. Особенно на с.-в. замѣтно это вліяніе, связанное еще съ вліяніемъ восточнымъ (персидскимъ). Это—*суздальскій стиль*, образовавшійся къ концу 12 в. Его отличіе отъ византійскаго состоитъ въ одноглавіи храмовъ и въ изобиліи *прилѣпковъ* (барельефовъ) или *обронныхъ* (скульптурныхъ) украшеній, которыя удобно было дѣлать изъ мягкаго бѣлаго камня. Эти украшенія, называемыя „русскимъ орнаментомъ“, составляютъ первую своеобразную черту въ исторіи нашего искусства; они принадлежатъ русскимъ мастерамъ, изъ которыхъ извѣстенъ „хитрецъ“ *Авдій* въ Галичѣ, рѣзавшій узоры на камнѣ. Здѣсь выразилось пристрастіе нашихъ предковъ къ вычурнымъ и пестро-раскрашеннымъ узорамъ, которыми покрывалась церковь, особенно ея наружныя стѣны. Узорами украшали дугообразныя арки входныхъ дверей; изъ нихъ дѣлали пояса вокругъ всего храма, состоявшіе изъ столбиковъ съ арками, между которыми помѣщалось множество лѣпныхъ растеній, жи-

вотныхъ и даже человѣчковъ и чудовищъ. Лучшимъ образцомъ суздальскаго стиля служитъ *Дмитріевскій соборъ* Всеволода III, во Владимірѣ, сохранившійся лучше всѣхъ. Полъ въ церквахъ по прежнему составлялся изъ мозаики или же изъ *кафлей* (изразцы). Стѣны украшались фресками, изрѣдка мозаикой изъ разноцвѣтныхъ стеклышекъ. Въ храмахъ находятъ иногда княжескія гробницы. Нѣкоторыя церкви были съ золоченными главами и покрывались снаружи оловомъ, а внутри украшались богатыми серебряными паникадилами, да шитыми золотомъ и жемчугомъ парчами. Иконы обкладывались золотыми и серебряными ризами, драгоцѣнными камнями, жемчугомъ, финифтью. *Ваяніе* состояло исключительно изъ прилѣпковъ. *Живопись* встрѣчается уже часто; но иконописцы, среди которыхъ прославился *Алимпій Печерскій* (ученикъ грековъ), по прежнему отличались бѣдностью вымысла, наивностью рисунка, отсутствіемъ тѣней и перспективы: они не смѣли отступать отъ византійскихъ подлинниковъ. Но зато суздальскій стиль проявлялся въ расписываніи церковныхъ стѣнъ, въ особенности же въ украшеніи рукописей, къ которому относятся и появившіяся тогда *миніатюры* (картинки). Образцомъ нашихъ первыхъ миніатюръ служитъ изображеніе князя и его семьи въ *Изборникѣ Святослава* (§ 63). Суздальскій стиль проявился также въ узорахъ на полотенцахъ и рубашкахъ. Во внѣшнемъ бытѣ было сдѣлано мало успѣховъ. Правда, города чаще прежняго обносились каменными стѣнами, ворота которыхъ иногда богато украшались. Часто стали строиться и *каменные дома;* появилось много русскихъ каменьщиковъ, среди которыхъ славились ростовцы. Встрѣчаются и *мосты* разборные черезъ большія рѣки, а также тюрьмы-погреба, въ которыя спускались по лѣстницѣ. Но по большей части жилища даже въ городахъ состояли по прежнему изъ деревянныхъ избъ, которыя зачастую подвергались *пожарамъ*. Оттого населеніе не дорожило недвижимостью, часто переходило съ мѣста на мѣсто. Переселеніямъ препятствовалъ только *недостатокъ путей сообщенія*. Нерѣдко передъ походомъ случалось прорубать лѣсныя дебри и перекидывать мосты черезъ болота и рѣки, которыхъ тогда еще было великое изобиліе. Теперь многія рѣки стали рѣчками, а рѣчки совсѣмъ пересохли: оттого мы видимъ иногда древній городъ не при рѣкѣ, тогда какъ знаемъ, что въ старину всѣ поселенія были при водахъ, а города обыкновенно строились на двухъ рѣчкахъ. Вода была и во 2-мъ періодѣ главнымъ путемъ сообщенія. Жизнь все еще была очень проста. Каждая семья

сама приготовляла почти все, что было нужно для ея скудныхъ потребностей. Для хлѣба употреблялись еще ручныя *мельницы*, а предметы роскоши привозились готовые изъ-за границы, преимущественно изъ Византіи. Отсюда-то появились нѣкоторыя прибавки въ нарядѣ—у мущинъ золотыя *цѣпи*. У князей бывало весьма дорогое и затѣйливое платье, которое они вѣшали иногда, какъ цѣнный вкладъ, въ церквахъ на память о себѣ. Подлѣ доморощенныхъ рукавицъ появились *перстатыя* (перчатки).

§ 66. **Значеніе періода.**—Второй періодъ нашей исторіи обнимаетъ два вѣка—отъ половины 11 до половины 13. Это время одинаково важно, какъ для западной, такъ и для вост. Европы. Какъ тамъ, такъ и здѣсь зародыши государственнаго строя боролись съ остатками первобытной разрозненности. Но на зап. каждый феодалъ, владѣя наслѣдственно землей и людьми, былъ самъ государемъ и старался расширить свои владѣнія. Отсюда вѣчныя войны вассаловъ между собою и противъ своего сюзерена. Эти усобицы были тѣмъ ожесточеннѣе, что папство, достигшее высшаго развитія, стремилось уничтожить свѣтскую власть и поддерживало феодализмъ. У насъ князья также боролись между собой и съ великимъ княземъ; но они не были прикованы къ одному мѣсту наслѣдственностью. Феодалы были чужды другъ другу и сидѣли по своимъ землямъ, запирая ихъ отъ сосѣдей внутренними таможнями и другими заставами. Князья же были родственники и постоянно передвигались, стремясь къ Кіеву. Феодалъ, сидя на одномъ мѣстѣ, развилъ деспотическую власть надъ покореннымъ населеніемъ. Князь же, судьба котораго, въ періодъ вѣчной борьбы и передвиженій, зависѣла отъ призванія, отъ сочувствія населенія, не могъ стать самодержцемъ: онъ былъ скорѣе служителемъ своего княжества, гдѣ земщина собиралась на вѣче и многимъ сама заправляла; здѣсь не могло произойти закрѣпощенія народа. Духовенство же не только не поддерживало удѣльныхъ князей, но осуждало усобицы и стояло за единство Руси. Слѣдствіемъ всѣхъ этихъ условій было то, что западному монархизму было труднѣе утвердиться, чѣмъ нашему самодержавію. Монархизмъ только начинался къ концу періода, и то не вездѣ; онъ долженъ былъ выждать освобожденія части населенія, городовъ, изъ крѣпостной зависимости феодаловъ, чтобы въ союзѣ съ ними отнять права у послѣднихъ. При этомъ онъ долженъ былъ сдѣлать уступки феодаламъ, сохранивъ за ними нѣкоторыя привилегіи, образовавшія изъ нихъ аристократію. Въ Россіи же видимъ только двѣ силы—незакрѣпощенный

народъ и государственную власть. Оттого уже въ 1-мъ періодѣ замѣчается *единодержавіе*, т. е. объединеніе всѣхъ русскихъ подъ одною, хотя и сильно ограниченною властью. Во 2-мъ періодѣ оно не погибло отъ усобицъ. Эти самыя усобицы, съ ихъ передвиженіями князей, затрогивавшія всю Русь, развивали сознаніе національнаго единства. У насъ стоило перепутаться линіямъ князей и утомиться народу отъ смутъ — и *самодержавіе* утвердилось. Уже около половины 12 в. оно ясно выступаетъ въ Суздалѣ; и не прошло поколѣнія, какъ этотъ ничтожный, лишенный преданій Суздаль уничтожаетъ маститый Кіевъ и тѣснитъ Новгородъ, съ ихъ вѣковыми преданіями, противными самодержавію. Въ то же время исчезаютъ народцы — древляне, поляне и т. д. Вездѣ одинъ *русскій народъ*, лишь съ крупными подраздѣленіями на великоруссовъ и малороссовъ. На Западѣ политическое единство не достигло такихъ успѣховъ. Тамъ мы не можемъ указать такого рѣшительнаго явленія, какъ у насъ паденіе Кіева. Это явленіе служитъ гранью двухъ періодовъ нашей исторіи. У зап. славянъ также господствовали усобицы; но ихъ слѣдствія походили на западныя, а не на русскія. Византія представляетъ особенный міръ. Тамъ политическое единство уже достигло крайней степени, стѣсняющей жизнь: оттого развитіе остановилось, а застой — погибель народовъ. Уже во 2-мъ періодѣ нашей исторіи Византія начала терять свои области и однажды сама подчинилась Западу. Въ умственномъ быту Западъ опередилъ Россію. Тамъ уже было много свѣтскаго, классическаго, въ наукѣ, искусствѣ и литературѣ. У насъ также видны слѣды свѣтскости даже въ искусствѣ, но весьма слабые. Но, кромѣ этого различія, вообще тогда было много *сходства между Россіей и Западомъ* въ существенномъ, и между ними было дѣятельное общеніе. Развитіе начиналось многостороннее, богатое. Россія какъ будто хотѣла идти нога въ ногу съ Западомъ. Но принеслась новая буря изъ Азіи, татарщина — и успѣхи Россіи были задержаны.

IV. Татары и Москва. Ок. 1250—1450.

§ 67. **Романцы и германцы.** — Въ половинѣ 13 в. прекратились средніе вѣка въ тѣсномъ смыслѣ и началась переходная эпоха или *подготовка новой исторіи*, продолжавшаяся до конца

15 в. Тогда падали силы средневѣковыя—папство и феодализмъ, и возвышались силы новаго времени—монархизмъ и низшіе классы. *Папство* падало оттого, что люди стали болѣе образованы и поняли его властолюбіе, тѣмъ болѣе, что оно испортилось подъ вліяніемъ богатствъ и всеобщей покорности. Въ то же время свѣтскіе государи настолько усилились, что духовенство ихъ странъ стало подчиняться имъ, а не Риму. Уже въ 14 в. папы попали въ 70-лѣтнее „плѣненіе вавилонское" къ французскимъ королямъ. *Феодализмъ* падалъ подъ вліяніемъ крестовыхъ походовъ: на Востокѣ рыцари испортились, привыкли къ изнѣженной жизни, а между тѣмъ походы разорили ихъ, и они частью продавали свои земли королямъ, частью превратились въ разбойниковъ, грабившихъ купцовъ. Въ то же время изъ забитой массы народа выдвинулось *среднее сословіе* или *города*—купцы и ремесленники, богатѣвшіе отъ крестовыхъ походовъ, развившихъ торговлю съ Востокомъ. Государи вступали въ союзъ съ городами и стали постепенно превращаться изъ сюзереновъ (§ 13) въ „королей" или „монарховъ". Они давали льготы городамъ, защищали ихъ оружіемъ противъ феодаловъ, отмѣняли крѣпостное право. Благодаря ихъ помощи, города стали процвѣтать и составлять сильные союзы противъ феодаловъ, съ нѣмецкой *Ганзой* во главѣ (§ 34). Вторая половина 14 в. была уже эпохой открытой и жестокой борьбы съ феодалами, которая называется *городскими войнами*. Она привела къ погибели феодализма и къ утвержденію монархизма въ слѣдующемъ періодѣ. Это политическое развитіе совершалось не вездѣ одинаково: сильнѣе всего шло оно на крайнемъ западѣ Европы, въ Англіи и Франціи, слабѣе всего въ Германіи. Во *Франціи* уже къ половинѣ 15 в. утвердился почти полный монархизмъ съ національнымъ и земельнымъ единствомъ: управлялъ только король да его слуги—„юристы", люди низкаго происхожденія, замѣнившіе духовенство и вассаловъ и распространявшіе самодержавную идею *римскаго права*. Въ *Англіи* развитіе пошло еще дальше. Вслѣдствіе особеннаго островнаго положенія, тамъ монархизмъ утвердился уже въ предшествовавшемъ періодѣ, и феодалы должны были вступить въ союзъ съ среднимъ сословіемъ для борьбы съ нимъ. Оттого въ описываемый періодъ англичане выработали *конституцію* или парламентское правленіе, т.-е. ограниченіе монархизма участіемъ народа въ правленіи. Тамъ образовалась свѣтская власть не слабѣе, чѣмъ во Франціи, съ національнымъ и земельнымъ единствомъ, но подѣленная между

королемъ и народомъ. Въ *Скандинавіи* феодализмъ, поддерживаемый удѣльными усобицами королей, былъ особенно силенъ, и тамъ не развились ни города, ни образованность. Оттого новый врагъ Скандинавіи, Россія, остановила распространеніе шведскаго владычества въ Финляндіи и датскаго въ Эстляндіи. Столь же мало развилась политически *Германія*. Въ ней по прежнему господствовалъ феодализмъ, и императоры не имѣли значенія, а народъ былъ угнетенъ аристократіей. Здѣсь монархизмъ выработался только на восточной украйнѣ, въ *Австріи* (§ 8): въ концѣ 13 в. Рудольфъ габсбургскій сдѣлалъ наслѣдственными эрцгерцогство Австрію, Штирію и Каринтію и тѣмъ утвердилъ господство *австрійскихъ Габсбурговъ*, тѣсно связанныхъ съ исторіей зап. славянъ.

§ 68. **Просвѣщеніе Запада.**—Умственная жизнь Запада за это время раздѣляется на двѣ эпохи—*папскую и классическую*. Папская *реакція* (противодѣйствіе развитію, прогрессу) занимаетъ первое столѣтіе, отъ половины 13-го до половины 14 в. Въ умственномъ быту папство сохраняло свое владычество въ ту пору, когда уже началось его политическое паденіе. Пользуясь инквизиціей и нищенскими орденами, оно уже въ разгаръ крестовыхъ походовъ начало жестокое преслѣдованіе образованности и классицизма истребленіемъ альбигойцевъ. Затѣмъ папство убило „первое Возрожденіе“ (§ 32) — и на Западѣ насталъ умственный мракъ, напоминавшій 10 и 11 вѣка (§ 13). Подъ вліяніемъ преслѣдованій, ереси вдались въ сумасбродство и ханжество: по всей Европѣ распространилась хлыстовщина (флягелянты). Испортилась и схоластика (§ 32); школа Абеляра разсѣялась и замолкла; ея свободные умы почти всѣ пострадали. Схоластика превратилась въ орудіе папства, благодаря „ангельскому доктору“, *Ѳомѣ Аквинскому*, который совершенно исказилъ Аристотеля. Ѳомизмъ-то и составляетъ ту жалкую пародію на науку, которую мы разумѣемъ подъ именемъ схоластики. Онъ воцарился и въ университетахъ, не исключая итальянскихъ. Классицизмъ былъ вытѣсненъ изъ преподаванія; снова воцарилась кухонная латынь; и въ знаменитой библіотекѣ Карла V (§ 61) не было ничего, кромѣ схоластическихъ рукописей. Эллинизмъ совсѣмъ былъ забытъ на Западѣ, тѣмъ болѣе, что послѣ раздѣленія церквей греческая рукопись считалась у католиковъ ересью, наряду съ арабскою. Даже грамотность пріостановилась: во Франціи стали встрѣчаться члены королевской семьи, не умѣвшіе писать, чего не было прежде. Поэзія трубадуровъ вда-

лась въ церковность и пала; исчезъ самый языкъ провансальскій, поглощенный французскимъ, который не произвелъ еще ничего важнаго. Англійскій языкъ только начинался, и интеллигенція говорила по-французски, а писала по-латыни. Нѣмецкій языкъ остановился въ своемъ развитіи, такъ какъ поэзія миннезенгеровъ пала, и онъ попалъ въ руки мистическихъ богослововъ да сухихъ юристовъ. Искусство также служило только церкви, не исключая живописи, которая тогда начинала подниматься. Самымъ почетнымъ живописцемъ былъ „ангельскій" *да-Фіезоле*, доминиканецъ, который обливался слезами, рисуя Распятіе. А забитый папствомъ народъ сталъ особенно вѣрить сатанѣ — и повсюду пошли сожженія вѣдьмъ. Отуманенный еще *черною смертью* (чумой), которая (около 1350) унесла въ могилу въ 6 л. четверть населенія Запада (25 милл.), народъ сталъ совершать дикіе „танцы смерти", въ честь дьявола, и вымещать свое горе на евреяхъ, которыхъ массами истребляли нѣмцы — самая невѣжественная тогда нація на Западѣ. Съ половины 14 в. настаетъ второе, истинное *Возрожденіе классицизма*. Впрочемъ, оно дѣйствовало сначала только въ Италіи; полное его развитіе, а также распространеніе по Западу, относится къ слѣдующему періоду. Благодаря *Петраркѣ*, вторая половина 14 в. стала въ Италіи эпохой открытія классиковъ и благоговѣйной страсти къ древности, а первая половина 15 в. — эпохой классическихъ библіотекъ и переводовъ. Тогда было отыскано и отчасти изучено все важнѣйшее, что дошло до насъ отъ античной образованности, и не только латинской, но и эллинской; тогда явились первыя каѳедры эллинизма на Западѣ. Возрожденіе отразилось повсюду, отъ искусствъ и наукъ до мелочей жизни. Создалась новая интеллигенція, направленіе которой называлось *гуманизмомъ*, т.-е. дѣломъ „человѣчнымъ", свѣтскимъ, въ отличіе отъ „божественнаго" познанія или схоластики. Масса новыхъ воззрѣній и разностороннихъ знаній, которыми была богата классическая образованность, овладѣла умами — и среди интеллигенціи возродилась жизнь просвѣщеннаго язычества. Вмѣстѣ съ свѣтскимъ взглядомъ на міръ и съ открытіемъ настоящаго *Аристотеля*, возникло естествовѣдѣніе, а съ нимъ и его спутники — *изобрѣтенія* и *открытія*. Явился порохъ, помогавшій королямъ уничтожить феодализмъ; явился компасъ, помогшій португальцамъ открыть западъ Африки и морской путь въ Индію. Къ концу періода явился и вѣнецъ изобрѣтеній — *книгопечатаніе*, которое сдѣлало знаніе общимъ достояніемъ и создало общественное мнѣніе.

§ 69. **Византія и турки.**—Въ Византіи продолжался застой, политическій и умственный, и она падала съ каждымъ днемъ. *Палеологи* (§ 31) управляли также дурно, какъ ихъ предшественники. Народъ нищалъ и тупѣлъ, тѣмъ болѣе, что и здѣсь развился *феодализмъ,* завѣщанный Латинскою имперіей. Оттого тогда уже слагался типъ новаго грека, противоположный знаменитымъ эллинамъ,—существо забитое, невѣжественное, двоедушное и сребролюбивое. Былъ забытъ и языкъ древнихъ эллиновъ: его замѣнилъ *ново-греческій* или „ромайкосъ". Этому помогала сама византійская интеллигенція, состоявшая изъ духовенства, которое преслѣдовало эллинизмъ, какъ источникъ язычества. Въ Византіи уже рѣдко кто понималъ Гомера, и тогда погибло много остатковъ древнѣйшей поэзіи, непонятныхъ для невѣжественныхъ переписчиковъ. Лишь къ концу періода стали встрѣчаться болѣе образованные византійцы, которые принесли эллинизмъ въ Италію. Тогда же возобновлялись сношенія Византіи съ Западомъ, но они не могли принести пользы грекамъ. Гордая и нетерпимая Византія сама обратилась къ Риму и пожелала возсоединенія церквей; но это привело, на флорентійскомъ соборѣ (1439), къ *Уніи*, т.-е. къ попыткѣ папства подчинить себѣ восточное православіе, а слѣдовательно къ еще большей ненависти между греками и латинами. Унизительная роль Византіи объясняется ея несостоятельностью, въ виду новаго и самаго грознаго врага. То были *османскіе* или оттоманскіе *турки.* Тѣснимые татарами, они вышли изъ своихъ закаспійскихъ кочевокъ и уничтожили остатки сельджукской державы (§ 31). Ихъ вождь, *Мурадъ*, завоевалъ Малую Азію и вторгнулся въ Европу, благодаря своимъ непобѣдимымъ *янычарамъ,* т.-е. „новому войску", состоявшему изъ омусулманенныхъ христіанскихъ мальчиковъ. Бездарные Палеологи, окруженные придворными интригами и феодальными усобицами, и не думали о борьбѣ съ турками. Мурадъ встрѣтилъ сопротивленіе только со стороны сербовъ и болгаръ, которыхъ онъ побѣдилъ (1389) на *Косовомъ Полѣ*, хотя самъ палъ, вмѣстѣ съ сербскимъ царемъ, *Лазаремъ*. Сынъ Мурада, *Баязетъ Молнія*, уже осадилъ Византію, но ее спасла орда татаръ, нахлынувшая изъ аральскихъ степей на Малую Азію, подъ предводительствомъ *Тамерлана*, потомка Чингисъ-Хана (§ 31). Тамерланъ уже успѣлъ захватить Индостанъ и разрушить господство татаръ въ Россіи. Онъ разбилъ Баязета, но вскорѣ умеръ — и татары исчезли безслѣдно, а турки продолжали наступать на Византію. Опять не греки боролись съ осман-

ліями, а славяне да венгерцы. Воевода трансильванскій, *Гуніадъ*, въ союзѣ съ польскимъ королемъ *Владиславомъ*, далъ имъ рѣшительную битву подъ *Варной*, но былъ разбитъ (1444). Тогда султанъ *Магометъ II* покончилъ съ Византіей, хотя она долго сопротивлялась, благодаря храброму императору *Константину*, который погибъ на стѣнахъ своей павшей столицы (1453).

§ 70. **Южные славяне и румыны.**—Византія сама помогла туркамъ своею политикой относительно славянъ. Греческіе императоры опасались свѣжихъ силъ славянскихъ и старались разлагать ихъ: они не давали славянамъ греческаго просвѣщенія и стремились подчинить ихъ фанаріотамъ (§ 15) и своему патріарху. Въ то же время феодализмъ переходилъ изъ Византіи къ славянамъ, ослабляя ихъ смутами. Наконецъ, Византія старалась задобрить османліевъ, къ которымъ выказывала довѣріе, пожертвовавъ имъ славянскія земли. Вотъ почему *Болгарія* постоянно падала, послѣ своего краткаго процвѣтанія (§ 33), и около 1400 г. стала легкою добычей турокъ. Османліи продолжали дѣло Византіи: они подчинили болгаръ константинопольскому патріарху; болгары изнывали подъ гнетомъ ихъ чиновниковъ и фанаріотовъ, которые старались истребить слѣды ихъ національности — славянскія книги и богослуженіе, даже самый болгарскій языкъ. Процвѣтаніе *Сербіи* (§ 33) также было кратковременно. Послѣ Неманя страну раздирали усобицы, такъ какъ сохранялись еще сильные *жупаны* и *властели* (бояре), какъ пережитокъ родоваго быта. Но около 1350 г. настала лучшая пора въ исторіи сербовъ: воцарился энергическій *Стефанъ Душанъ*, по прозванію *Сильный*. Душанъ достигъ самодержавія, уничтоживъ боярство: по образцу Византіи, онъ окружилъ себя пышностью и множествомъ чиновниковъ изъ народа, которыхъ назначалъ и „банами“ или „воеводами“ (начальниками провинцій) на мѣсто удѣльныхъ жупановъ. Душанъ устроилъ независимое сербское патріаршество и издалъ *Законникъ*—главный законодательный памятникъ южн. славянъ. Изъ Законника видно, что тогда въ Сербіи уже исчезъ родовой бытъ и даже общинная собственность: землевладѣніе состояло изъ *баштинъ* или полной частной собственности, на которую всякій имѣлъ право. Здѣсь, какъ и во всемъ, *люди* (масса народа) были сравнены въ правахъ съ властелями: крѣпостнаго права не существовало. Только духовенство, которое поддерживало царскую власть, пользовалось свободою отъ повинностей и богатѣло. Средняго сословія не было: городская жизнь не развивалась, и торговля находилась въ рукахъ „гостей“ или „латы-

нянъ", т.-е. иностранцевъ. Нравы отличались первобытною грубостью: свирѣпствовали дерзкія убійства и открытый разбой; воровъ ослѣпляли, душегубовъ вѣшали, поджигателей и фальшивыхъ монетчиковъ сожигали. Устроивши свое царство, Душанъ такъ усилился, что побивалъ венгровъ и даже грековъ. Ему принадлежали Македонія, Өессалія, Эпиръ и Албанія; болгарскій царь сталъ его вассаломъ; Душанъ принялъ даже титулъ „императора сербовъ, грековъ и болгаръ". Но послѣ Душана настало быстрое паденіе Сербіи. Бояре снова подняли голову, подъ вліяніемъ византійскаго феодализма; народъ не поддерживалъ царей противъ крамолы, потому что они предавались византійскому деспотизму. Въ то же время греки и венгры выставляли Сербію орудіемъ своихъ интригъ въ борьбѣ съ турками. Оттого въ 1459 г. Сербія была обращена въ турецкую область, а затѣмъ турки захватили и часть Босніи и Герцеговины, принадлежавшую сербамъ (§ 33). Изъ южн. славянъ одни *черногорцы* сохранили независимость, благодаря своимъ неприступнымъ ущельямъ. У нихъ еще при Душанѣ образовалось собственное, *Зетское княжество* (по имени р. Зеты), которое управлялось своими „господарями" изъ рода *Черноевичей*, родственнаго Неманичамъ. Этотъ родъ, который завелъ первую у южн. славянъ типографію, гдѣ былъ напечатанъ (1491) кириллицей „Осмогласникъ", успѣшно боролся съ турками до самаго своего прекращенія (1516). Послѣ него господарство перешло, по избранію, къ „владыкѣ" *Рувиму* и его наслѣдникамъ, т.-е. водворилась өеократія.—Тогда господство турокъ коснулось и *румынъ*, судьба которыхъ связана съ славянами, по ихъ географическому положенію. Румыны гордятся своимъ происхожденіемъ отъ римскихъ колонистовъ, поселенныхъ императоромъ Траяномъ (100 л. по Р. Х.) въ нын. Трансильваніи, Валахіи, Молдавіи и Бессарабіи. Это — романская нація, но съ примѣсью венгровъ, грековъ, турокъ, въ особенности же славянъ, что отразилось и въ румынскомъ языкѣ латинскаго корня. Много румынъ перешло и за Дунай, вмѣстѣ съ болгарами, гдѣ они живутъ разсѣянно и теперь, подъ именемъ *куцовлаховъ* и *цинцаръ*. Главное же ядро націи долго жило независимо въ горахъ Трансильваніи, укрываясь тамъ отъ набѣговъ кочевниковъ, приходившихъ съ в., а также отъ папскихъ притязаній: оно исповѣдовало *греческое православіе*. Испугавшись татаръ Батыя (§ 78), румыны вышли оттуда (1240), предводимые фамиліей *Басараба*, и основали княжество *Валахію*. Другая партія основала вскорѣ княжество *Молдавію* (съ Бессара-

біей), среди кумановъ и ногаевъ. Но ок. 1400 г. Валахія, а за нею и Молдавія, стали вассалами турокъ. Государство у румынъ было, какъ въ Польшѣ, аристократическое. Господарь или воевода избирался *боярами*, которымъ принадлежала почти вся земля. Остальной народъ состоялъ изъ рабовъ и крѣпостныхъ, да было немного арендаторовъ боярскихъ земель. Средняго, городскаго сословія вовсе не было.

§ 71. **Чехи.**—Въ исторіи западныхъ славянъ часть этого періода была лучшею порой. Около 1250 г. у *чеховъ* прекратились усобицы, и они хорошо воспользовались „великимъ междоусобіемъ" въ Германіи, наставшимъ послѣ погибели Гогенштауфеновъ. Ихъ даровитый король, *Оттокаръ II*, возстановилъ монархизмъ, поддержалъ города и такъ увеличилъ казну, что на Зап. его называли „Золотымъ Королемъ"; славяне же звали его „Желѣзнымъ" за его побѣды. Оттокаръ отнялъ у нѣмцевъ почти всю Австрійскую марку и, помогая полякамъ, ходилъ на пруссовъ, гдѣ построилъ *Королевецъ* (Кёнигсбергъ). Нѣмцы предложили ему императорскую корону; но онъ отказался — и тогда былъ избранъ *Рудольфъ Габсбургскій*, который уничтожилъ его. Съ тѣхъ поръ началось паденіе чеховъ. Около 1300 г. вымеръ родъ Премыславичей, и на ихъ престолѣ утвердились нѣмецкіе Габсбурги: *королевство Богемія стало провинціей Нѣмецкой имперіи*. Папство нигдѣ не имѣло такого сильнаго вліянія, какъ здѣсь; нѣмецкій яз. сталъ господствовать не только въ казенныхъ бумагахъ, но даже въ литературѣ и частной жизни высшихъ классовъ. Но, подъ зап. вліяніемъ, страна богатѣла и просвѣщалась. Габсбурги даже покровительствовали ей, стараясь опираться на чеховъ въ своей борьбѣ съ имперскими феодалами. Особенно много сдѣлалъ для чеховъ императоръ *Карлъ IV*, основавшій въ Прагѣ университетъ (1348), котораго еще не было въ Германіи. Нѣмцы должны были обучаться въ Прагѣ, куда пріѣзжали за наукой и изъ другихъ странъ Европы. Кромѣ того, чехи имѣли вліяніе на поляковъ и были руководителями и учителями всѣхъ западныхъ славянъ. Оттого съ Карла IV у нихъ зародилось сознаніе своей народности, *началось національное движеніе*. Въ Прагѣ было возстановлено славянское богослуженіе. Возникли проповѣди на слав. яз., и онѣ были направлены противъ папства, подъ вліяніемъ сочиненій англійскаго богослова, *Виклефа*. Появилась стихотворная *Далимилова хроника*, проникнутая ненавистью къ нѣмцамъ, и подобныя же сочиненія философа, *Ѳомы Щитнаго*. Чехи стали вспоминать свое

первоначальное, восточное христіанство, съ его роднымъ языкомъ и съ причастіемъ подъ обоими видами. Выразителемъ національнаго возрожденія явился сынъ крестьянина, *Янъ Гусъ*, профессоръ пражскаго университета. За него сталъ народъ, требуя искорененія всего нѣмецкаго, католическаго и феодальнаго: онъ началъ причащаться у него изъ *чаши*. Нѣмцы и папа прокляли „ересь" Гуса и сожгли его на констанцкомъ соборѣ (1415). Тогда поднялся весь чешскій народъ — и начались *гуситскія войны* съ Нѣмецкою имперіей. Онѣ длились 15 л., причемъ погибла $^1/_3$ населенія Чехіи и были истреблены 100-тысячныя арміи, присланныя многими католическими державами. Но гуситы распались на 2 партіи — умѣренныхъ или *чашниковъ*, которые готовы были примириться только съ сохраненіемъ причастія подъ двумя видами, и на крайнихъ или *таборитовъ*, которые отвергали не только папство, но и всѣ обряды, жили по ветхозавѣтному и даже имѣли общее имущество. Чашники сложили оружіе, когда табориты еще ходили на нѣмцевъ до Баваріи и Бранденбурга. Наконецъ, замирились и табориты; только часть ихъ сохраняетъ свое ученіе до сихъ поръ, подъ именемъ *чешскихъ и моравскихъ братьевъ и гернгутеровъ*, отвергающихъ всякое пролитіе крови. Чашники сохранялись не долго: большинство ихъ обратилось въ протестантизмъ, остальные возвратились въ католичество. Гуситское движеніе доставило чехамъ нѣкоторую самостоятельность. Высшія сословія начали говорить по-чешски. Вскорѣ чехи возстановили свое старое избирательное право, и королями у нихъ становились уже не нѣмецкіе императоры, а частью польскіе короли, частью собственные правители. Изъ послѣднихъ самымъ замѣчательнымъ былъ *Юрій Подѣбрадъ*, избранный въ 1458 г. Это былъ умный и стойкій патріотъ, утвердившій въ Чехіи конституціонную монархію, на подобіе англійской. Его царствованіе было лучшею порой въ исторіи чеховъ. Юрія почитали иноземные государи, а нѣмцы хотѣли сдѣлать его своимъ императоромъ.

§ 72. **Послѣдніе Пясты.**—Описываемый періодъ весьма важенъ въ исторіи Польши. Здѣсь вторая половина 13 в. была еще наполнена послѣдними усобицами; но 14 в. былъ одною изъ лучшихъ эпохъ, ознаменованною внутренними преобразованіями при *Владиславѣ Локоткѣ* и его сынѣ, *Казимірѣ III Великомъ*. Тогда Польша снова стала единымъ государствомъ и возвратила свой королевскій титулъ. Она освободилась отъ подчиненія папству, пользуясь его паденіемъ, и пріобрѣла Червон-

ную Русь. Тогда же возвысилась королевская власть. Казиміръ (ок. 1350) занимался внутренними преобразованіями, стараясь утвердить самодержавіе. Онъ подчинилъ себѣ духовенство и уничтожилъ старыхъ, удѣльныхъ воеводъ, поставивъ на ихъ мѣсто собственныхъ служителей—старостъ; вотчинная полиція и суды пановъ были замѣнены королевскими чиновниками и судами. Было издано писанное законодательство: одинъ законъ и одна монета съ національнымъ орломъ господствовали по всей Польшѣ. Даже нѣмцы, въ городахъ, получившіе выгодное *магдебургское право* и судившіеся въ Магдебургѣ, должны были теперь судиться въ королевскихъ судахъ. Казиміръ далъ селамъ и городамъ льготы и самоуправленіе, защищалъ крѣпостныхъ, позволяя имъ свободно переходить отъ дурнаго помѣщика къ хорошему: его прозвали „королемъ хлоповъ". Казиміръ принималъ евреевъ, которыхъ выгоняли изъ другихъ странъ, и защищалъ галицкихъ русскихъ, не тронувъ даже ихъ стараго правленія, такъ что при немъ восточное православіе развивалось, а не падало въ Галиціи. Онъ особенно любилъ нѣмцевъ, черезъ которыхъ приходила въ Польшу западная культура: при дворѣ и у пановъ одѣвались и говорили по-нѣмецки. Оттого въ Польшѣ возникло много ремеслъ, и она стала средоточіемъ торговли сѣверо-запада Европы съ юго-востокомъ, богатѣя отъ „складочнаго права". Появилось много новыхъ городовъ со стѣнами, которыя могли сопротивляться даже европейскому войску. Даже частныя лица стали строить каменныя зданія, такъ что говорили: „Казиміръ превратилъ Польшу изъ деревянной въ каменную". Нѣмцы принесли готическій стиль (§ 32), живопись, рѣзьбу, золоченье, образцы которыхъ сохранились въ миніатюрахъ, королевскихъ печатяхъ и церковныхъ поминаньяхъ. Казиміръ положилъ также основаніе наукѣ въ Польшѣ: онъ устроилъ *краковскій университетъ* (1364), въ который стекались даже нѣмцы и чехи. Отсюда-то выходили юристы, которые поддерживали самодержавіе Казиміра и замѣщали духовенство и пановъ въ управленіи государствомъ. Но самодержавіе Казиміра было не прочно, потому что въ началѣ періода аристократія слишкомъ утвердилась, подъ вліяніемъ усобицъ. Паны, обладавшіе наслѣдственными землями, становились гордыми, подражая нѣмецкимъ феодаламъ, у которыхъ они заимствовали гербы и титулы. По смерти Казиміра, они стали еще сильнѣе, такъ какъ родъ Пястовъ прекратился, а призванный изъ Венгріи *Людовикъ* получилъ корону по договору, расширявшему права пановъ. Умирая,

Людовикъ далъ права даже шляхтѣ за признаніе короны за его дочерью, *Ядвигой:* у поляковъ женщина не имѣла права наслѣдства даже въ частномъ быту. Въ 1386 г. паны заставили Ядвигу выйти замужъ за *Ягелла* литовскаго.

§ 73. **Великое княжество Литовское.** — Тогда Литва была уже сильнымъ великимъ княжествомъ. Переходъ отъ родоваго быта къ государственному совершился здѣсь изъ потребности противостоять сильнымъ сосѣдямъ, русскимъ и нѣмцамъ. Среди множества родовыхъ князьковъ у литовцевъ выдвинулись четыре главныхъ, и подлѣ нихъ образовалось сильное боярство, съ наслѣдственными землями, обязанное военною службой. Паденіе ю. Руси развязало руки литовцамъ. Одинъ изъ ихъ князей, *Миндовгъ*, уже построилъ себѣ столицу, *Новогродокъ*, на русской землѣ, а его родственники сидѣли въ Смоленскѣ, Полоцкѣ и Витебскѣ (ок. 1250). Лютый, какъ волкъ, и хитрый, какъ лисица, Миндовгъ перебилъ своихъ родственниковъ и сталъ *великимъ княземъ* всей Литвы. Но нѣкоторыя изъ его жертвъ успѣли бѣжать и привели противъ него нѣмцевъ (§ 54), и Данила Романовича (§ 53). Миндовгъ отдѣлался отъ рыцарей тѣмъ, что крестился у нихъ, хотя продолжалъ приносить жертвы своимъ идоламъ. Затѣмъ онъ примирился съ русскими, выдавъ свою дочь за *Шварна Даниловича*. Заручившись союзомъ съ русскими, Миндовгъ отрекся отъ христіанства, разбилъ нѣмецкихъ рыцарей и сжегъ ихъ плѣнниковъ въ честь своимъ идоламъ. Онъ уже считалъ себя выше всѣхъ на свѣтѣ, какъ вдругъ палъ жертвой заговора своего родственника. Но приближенные Миндовга призвали сына его, *Войшелка*. При жизни отца, Войшелкъ былъ назначенъ княземъ Новогродка. Здѣсь онъ старался превзойти Миндовга жестокостью и преданностью язычеству; потомъ вдругъ обратился въ христіанство, постригся въ монахи, поѣхалъ на Аѳонъ. Послѣ убіенія Миндовга, Войшелкъ явился въ Литвѣ и былъ признанъ княземъ. Онъ сбросилъ съ себя монашескую одежду и снова превратился въ свирѣпаго язычника; но, насытившись кровью, ушелъ въ монастырь, а Литву отдалъ Шварну. Шварнъ вскорѣ умеръ бездѣтнымъ. Ему хотѣлъ наслѣдовать въ Литвѣ братъ, *Левъ Даниловичъ*; но литовцы призвали Войшелка, и онъ еще разъ перемѣнилъ схиму на княжескій вѣнецъ. Левъ не хотѣлъ уступать; но одинъ родственникъ примирилъ противниковъ за пирушкой. Послѣ пира Войшелкъ поѣхалъ ночевать въ монастырь. Къ нему пришелъ подгулявшій Левъ, чтобы еще выпить. Новые друзья сильно подкутили, пос-

сорились, и Левъ убилъ Войшелка. Но убійцѣ не удалось владѣть Литвой: литовцы выбрали себѣ въ князья одного изъ своихъ—*Гедимина* (1315). Гедимина должно считать основателемъ могущественнаго *великаго княжества Литовскаго,* съ которымъ долго боролись русскіе. Можно сказать, что какъ московскіе князья „собрали" с.-в. Русь, такъ Гедиминъ съ преемниками собрали слабую ю. Русь. Въ 1320 г. онъ, въ одинъ походъ, захватилъ *Волынь,* затѣмъ взялъ *Кіевъ* и др. города ю. Руси. Гедиминъ вездѣ оставилъ прежніе порядки, только посадилъ своихъ намѣстниковъ; онъ даже женился на какой-то русской княжнѣ, Ольгѣ, отъ которой родилось 2 сына, *Ольгердъ* и *Кейстутъ.* Связь съ Русью имѣла большое значеніе для Литвы. Необразованные язычники, литовцы, подчинились *русскому вліянію,* заимствовавъ у Руси правительственные порядки, а также многіе обычаи, отчасти даже языкъ. Ольгердъ наслѣдовалъ отцу и поселился въ *Вильнѣ,* которая стала съ тѣхъ поръ столицей Литвы. Онъ первый изъ литовцевъ сталъ упорно воевать съ Москвою, чтобы остановить ея быстрые успѣхи. Можно сказать, что тогда воскресла старая *борьба между Русью сѣверною и южною,* причемъ Ольгердъ былъ достойнымъ представителемъ послѣдней. Онъ отличался умомъ, терпѣніемъ, желѣзною волей, говорилъ на разныхъ языкахъ, день и ночь проводилъ въ работѣ. Ольгердъ былъ остороженъ и нападалъ только въ случаѣ вѣрнаго успѣха: для борьбы съ Москвою онъ вступилъ въ союзъ съ татарами. Ольгердъ забралъ послѣднія южно-русскія области — княжества *Черниговское* и *Сѣверское.* Такъ, Литва еще болѣе сливалась съ Русью. Родственники Ольгерда владѣли землями и княжествами на Руси, совсѣмъ обрусѣли, приняли восточное православіе; даже при дворѣ великокняжескомъ, при Ягеллѣ Ольгердовичѣ, господствовали обычаи и яз. Руси. Нѣсколько разъ билъ Ольгердъ московскіе полки и однажды едва не взялъ самой Москвы, которую спасло только то, что литовцы постоянно должны были воевать съ нѣм. рыцарями, и по большей части неудачно. Почти во всѣхъ походахъ Ольгерда сопровождалъ Кейстутъ, почитавшій его, какъ отца. По смерти Ольгерда, онъ призналъ великимъ княземъ сына его, *Ягелло,* который также участвовалъ въ походахъ отца и дрался рядомъ съ своимъ товарищемъ, *Витовтомъ,* сыномъ Кейстута. Ягелло былъ грубъ, лѣнивъ, скрытенъ и трусливъ. Онъ ничего не дѣлалъ и подчинялся любимцамъ, во главѣ которыхъ стоялъ бывшій рабъ, свирѣпый *Войдылло.* По совѣту Войдыллы, Яггело осоюзился съ

нѣмцами и отнялъ земли у своихъ родственниковъ, которые разбѣжались изъ Литвы и отчасти поступили на службу къ московскому князю. Одинъ старый Кейстутъ, владѣвшій *Жмудью*, гдѣ хранились первобытные литовскіе нравы, предупредилъ своего племянника: онъ внезапно напалъ на Вильно, повѣсилъ Войдылло, а Ягелла сослалъ въ Витебскъ. Но вскорѣ Ягелло удавилъ его у себя на пиру. Витовта же, друга своего дѣтства, онъ посадилъ въ тюрьму. Но Витовтъ, спасенный своею женой, бѣжалъ къ нѣмцамъ и даже принялъ католичество. Онъ привелъ рыцарей въ Литву, въ то самое время, когда союзники Ягелла, татары, были поражены москвичами. Литва погибала, но вдругъ обстоятельства приняли другой оборотъ. Ягелло далъ Витовту много земель—и тотъ перемѣнилъ католичество на православіе и началъ, вмѣстѣ съ Ягелломъ, громить нѣмецкій орденъ. Вслѣдъ затѣмъ произошло событіе, которое должно было совсѣмъ погубить этотъ орденъ: *великое княжество литовское соединилось съ польскимъ королевствомъ* посредствомъ брака Ягелла съ Ядвигой. Это соединеніе было необходимо: оттого династія Ягеллоновъ правила обоими государствами ок. 200 л. Польша и Литва только вмѣстѣ могли справиться съ такими врагами, какъ нѣмецкій орденъ, татары и Москва. Ихъ соединеніе тотчасъ же рѣшило 100-лѣтнюю борьбу нѣмцевъ съ славянствомъ у устьевъ Вислы: на полѣ *Грюнвальда* (1410) рыцари были разбиты и оставили 40 т. труповъ. Съ тѣхъ поръ Тевтонскій орденъ сталъ падать и не смѣлъ трогать Польшу. Надѣясь на свою соединенную силу, поляки и литовцы выступили даже противъ татаръ; но ханъ Едигей нанесъ имъ сильное пораженіе при *Ворсклѣ*. Тогда соединеніе Польши съ Литвой было еще не прочно. Литва только при Ягеллѣ приняла католицизмъ и сочувствовала восточному православію: многіе литовскіе бояре или „князья“ имѣли земли въ Подоліи и на Волыни и роднились съ русскими. Въ Литвѣ не было шляхты, которая тогда усиливалась въ Польшѣ, и литовскіе князья опасались поляковъ, которые презрительно смотрѣли на нихъ съ высоты своего зап. образованія. Оттого тотчасъ по воцареніи Ягелла въ Польшѣ, даровитый и честолюбивый Витовтъ сталъ независимымъ великимъ княземъ литовскимъ и даже враждовалъ съ своимъ двоюроднымъ братомъ. Но нужда, безсиліе и общіе враги заставляли эти два государства соединяться плотнѣе; въ 1413 г. была заключена *унія въ Городлѣ*, по которой по смерти Ягелла и Витовта Польша и Литва должны были имѣть одного государя;

литовскіе князья получили права польскихъ пановъ; польское правленіе было введено въ Литвѣ. Но и послѣ городельской уніи Витовтъ старался стать независимымъ и даже пріобрѣсти титулъ литовскаго короля съ помощью нѣмецкаго императора.

§ 74. **Татары.** — Въ 1224 г. подвиги Удалаго были остановлены (§ 51) еще не виданными на Руси полудикарями — *татарами* или, какъ они сами называли себя, *монголами*. Татары жили въ степи Коби и въ Алтайскихъ горахъ родовымъ бытомъ, распадаясь на множество *ордъ*, которыя управлялись старшинами или *ханами*. У нихъ постоянно происходили усобицы изъ-за стадъ, которыя составляли все ихъ имущество. Татары ѣли свой скотъ, пили его молоко (кумысъ), жили въ круглыхъ юртахъ, сплетенныхъ изъ хворосту и покрытыхъ войлокомъ, иногда прикрѣпленныхъ къ телѣгамъ (кибитка). Они были безобразны и грязны: ѣли руками; платье носили, пока оно не износится; за обѣдомъ, кто посильнѣе, тотъ хваталъ самые большіе и жирные куски, а старики и хилые ѣли, что̀ останется. Татары уважали женщинъ: женихъ покупалъ себѣ невѣстъ за дорогую цѣну; ханши участвовали въ правленіи; во время церемоній ханъ сидѣлъ на золотомъ тронѣ, окруженный женами справа и слѣва. У татаръ сохранялись первобытныя хорошія черты. Они не знали замковъ за отсутствіемъ воровъ, были строги въ домашней жизни, сообщительны, помогали другъ другу въ нуждѣ, рѣдко бранились, не дрались. Хотя они были не прочь выпить, но только для угощенія пріятеля; вообще же были воздержны и выносливы: не ѣвши два дня, татаринъ пѣлъ, какъ сытый. Но такимъ татаринъ былъ только съ своими: съ чужими же онъ былъ свирѣпъ, коваренъ, жаденъ. Татары покланялись идоламъ, которые были у нихъ не изображеніемъ божества, а самымъ божествомъ (фетишизмъ), также какъ молнія считалась живымъ существомъ — огненнымъ зміемъ. Начиналось и поклоненіе природѣ, особенно огню, какъ очистительному божеству: оттого иностранныхъ пословъ проводили между костровъ. Загробная жизнь представлялась продолженіемъ земной. Общественныя жертвы приносились грязными *шаманами*, которые почитались также колдунами и предсказателями. Но татары были вѣротерпимы: у нихъ жили языческіе жрецы, магометанскіе муллы и христіанскіе проповѣдники; иногда въ семьѣ хановъ встрѣчались христіане. Съ двухъ лѣтъ татаринъ учился сидѣть на конѣ и бить изъ лука птицъ да крысъ; женщины также отлично ѣздили верхомъ, носили луки и стрѣлы; мирное время мужчины проводили

на охотѣ. Татары постоянно носили лукъ, колчанъ со стрѣлами, топоръ и арканъ; у богатыхъ были, сверхъ того, кривыя сабли, шлемы и брони или панцыри; иногда вся лошадь убиралась въ кожаный панцырь. Войско раздѣлялось на десятки, сотни и тысячи; отрядъ въ 10 т. назывался *тьмой*, сторожевой отрядъ — *карауломъ*. Дисциплина у татаръ была самая строгая: если хоть одинъ изъ десятка дрался храбро, а остальные бѣжали, то ихъ казнили. Но всѣмъ бѣжать дозволялось; даже было правиломъ— какъ только непріятель выдерживалъ первый натискъ, тотчасъ всѣмъ скакать врассыпную. Военное искусство татаръ было значительно по тому времени. Впереди шелъ авангардъ развѣдчиковъ. Встрѣтится рѣка — переправляются на *бурдюгахъ* — кожаныхъ мѣшкахъ, наполненныхъ пожитками и привязанныхъ къ хвосту лошади. На порожнихъ коней сажали чучелъ, чтобы казалось побольше войска. Рукопашнаго боя татары не любили. Часто они нарочно обращались въ бѣгство, чтобы завлечь непріятеля въ засаду. Они искусно дѣлали подкопы, отводили или напускали воду, строили укрѣпленные лагери, мастерски и упорно осаждали города. Татары начинали съ окрестныхъ селъ, которыя забирали, а плѣнныхъ гнали къ городу, нагрузивъ ихъ травой, землей, дровами, камнями. Затѣмъ ставили метательныя машины и бросали на крыши домовъ греческій огонь и жиръ убитыхъ людей. Взявъ городъ, они избивали всѣхъ жителей, кромѣ мастеровыхъ. Татары не были опасны, пока коснѣли въ родовомъ быту. Но время отъ времени нѣкоторыя ихъ части соединялись подъ властью одного вождя, *великаго хана*. Тогда образовывалось какъ бы кочующее государство, которое устремлялось на завоеванія. Такъ случилось незадолго до Р. Х., когда татары наложили дань на Китай. Лѣтъ 300 спустя послѣ Р. Х., они появились къ Европѣ, сначала подъ видомъ гунновъ, потомъ другихъ кочевниковъ и, наконецъ, половцевъ. Ок. 1150 г. въ монгольскомъ племени произошелъ новый переворотъ. Одинъ родовой князекъ, *Темучинъ*, соединилъ многія орды, сваривши ихъ хановъ въ котлахъ. Почти всѣ татары подчинились Темучину и образовали сильное государство. Темучинъ принялъ титулъ *Чингисъ-хана*, „великаго князя", и издалъ *Ясу*—книгу законовъ, которая вводила строгій порядокъ и единство между ордами. Чингисъ-ханъ рѣшилъ, что какъ солнце одно на небѣ, такъ долженъ быть и одинъ владыка на всей землѣ. Прежде всего онъ наложилъ дань на китайцевъ, потомъ бросился на *Ховарезмъ* (Бухара),—одно изъ самыхъ богатыхъ царствъ Востока,

бывшее притомъ средоточіемъ арабскаго просвѣщенія. Разрушивъ Ховарезмъ, Чингисъ-ханъ послалъ своихъ сыновей завоевывать Персію до самаго Инда, а одинъ отрядъ, подъ начальствомъ *Субудая-багадура* (богатыря), отправилъ на сѣверъ. Субудай опустошилъ Грузію и черезъ Дербентскіе Ворота проникнулъ въ южно-русскую степь.

§ 75. **Нашествіе татаръ на Европу.**—При этомъ первомъ нападеніи татаръ русскіе потерпѣли безпримѣрное пораженіе (1224) при р. *Калкѣ* (теп. Калміусъ въ Екатеринос. губ.). Сначала былъ уничтоженъ передовой отрядъ Удалого (§ 51), потомъ была разсѣяна остальная русская сила, въ томъ числѣ богатырь *Александръ Поповичъ* съ своими 70 товарищами. Почти всѣ князья, участвовавшіе въ бою, были перебиты, а кто попалъ въ плѣнъ, тотъ былъ раздавленъ досками, на которыхъ татары усѣлись обѣдать. Затѣмъ врагъ двинулся на ближайшіе русскіе города. Жители выходили съ крестами и хлѣбомъ-солью, но всѣ были перебиты. Вдругъ татары повернули назадъ и пропали въ глубинѣ азіатскихъ степей: „не знаемъ, говоритъ лѣтописецъ, откуда приходили на насъ эти злые татары и куда они дѣвались“. Русскіе начали поправляться. Они забыли и думать о свирѣпыхъ кочевникахъ, какъ вдругъ, черезъ 13 л., снова явились татары, и Русь должна была надолго подчиниться *монгольскому игу*. По разрушеніи Ховарезма, Чингисъ-ханъ возвратился домой, чтобы родина видѣла его во всемъ величіи. Здѣсь онъ вскорѣ умеръ, раздѣливъ свое царство между сыновьями: старшему, *Джучи*, достался *Кипчакъ*, какъ называли татары степи къ с.-з. отъ Каспія или ю. Россію. Но чтобы сохранить единство, Чингисъ-ханъ завѣщалъ своимъ дѣтямъ повиноваться „великому хану“, котораго выберетъ народъ. Былъ избранъ младшій, *Угедей*. Около 10 л. братья повиновались ему и вмѣстѣ совершали походы. Татары захватили Китай, которымъ владѣли ок. 100 л., впрочемъ совершенно подчинившись его культурѣ. Затѣмъ они подчинили себѣ всю Переднюю Азію, и Угедей сидѣлъ въ своей столицѣ, *Каракорумѣ* (у Байкала), уже какъ пышный восточный султанъ, окруженный тысячью китайскихъ церемоній и толпой мандариновъ, магометанскихъ ученыхъ, художниковъ и ремесленниковъ. Угедей уже задумалъ образовать всемірную державу: онъ повелѣлъ своему племяннику, *Батыю* (сыну уже умершаго Джучи), двинуться изъ Кипчака далѣе на западъ. Батый поднялся съ 300 т. татаръ и прежде всего разсѣялъ волжскихъ болгаръ, бѣжавшихъ толпами къ Юрію II

(§ 51), который охотно поселилъ ихъ въ своихъ безлюдныхъ земляхъ. Затѣмъ татары вторгнулись въ *Рязанское* княжество, требуя десятины отъ всякаго имущества. Князья рязанскіе и муромскіе отвѣчали: „когда никого изъ насъ не останется, тогда все будетъ ваше“, и послали къ Юрію II за помощью. Но Юрій не тронулся, думая, что татары не доберутся до его болотъ и лѣсовъ. Рязань была выжжена, а ея князья перебиты. Затѣмъ татары разрушили Суздаль, Ростовъ, Ярославль, Москву и самый Владиміръ, гдѣ избили семейство великаго князя. Юрій II собиралъ въ это время войска у Волги, на берегахъ р. *Сити*. Здѣсь онъ сразился съ Батыемъ (1238). Татары одолѣли только своей многочисленностью; самъ Юрій и нѣкоторые изъ его родственниковъ пали на полѣ битвы. Батый двинулся на Новгородъ, но, испугавшись болотъ, повернулъ къ ю.-в., въ степь. На дорогѣ его задержалъ *Козельскъ*, павшій лишь послѣ замѣчательнаго сопротивленія: татары называли потомъ Козельскъ „злымъ городомъ“. Въ слѣдующемъ году татары снова двинулись на Русь, но уже на южную. Половцы съ своимъ Котяномъ (§ 51) бѣжали въ Венгрію, гдѣ имъ дали землю. Слѣдуя за ними, Батый дошелъ до *Чернигова*, сжегъ его и перебилъ жителей, пощадивъ только епископа. Въ 1240 г. татары обложили *Кіевъ*, который управлялся тысяцкимъ Данилы Романовича (§ 46), *Дмитріемъ*. Татары нѣсколько дней не могли взять города, хотя у нихъ были *пороки* (стѣнобитныя орудія), и ихъ самихъ была такая тьма, что кіевляне не могли слышать собственнаго разговора отъ скрыпа ихъ телѣгъ, ржанья коней и рева верблюдовъ. Послѣднимъ убѣжищемъ осажденныхъ были крыши церквей; но онѣ рухнули подъ ихъ тяжестью. Батый почтилъ храбрость Дмитрія, раненаго на стѣнахъ: истребивши кіевлянъ, онъ сохранилъ ему жизнь и возилъ его за собой съ почетомъ. Послѣ Кіева татары начали опустошать *Волынь* и *Галичъ*. Жалко стало Дмитрію этихъ русскихъ земель—и онъ уговорилъ Батыя убраться въ Венгрію, куда скрылся Данило Романовичъ. Татары вступили въ предѣлы зап. Европы, раздѣлившись на двѣ орды. Одна пошла на Венгрію и въ одно лѣто обратила ее въ безлюдную пустыню; отсюда она дѣлала набѣги на Иллирію и Далмацію, гдѣ ее остановили хорваты (§ 34). Другая орда разрушила Краковъ и дошла до Одера въ Силезіи. Но зап. Европу было труднѣе завоевать, чѣмъ Россію. Побѣда надъ нѣмецкими рыцарями при *Лигницѣ* такъ дорого досталась татарамъ, что они повернули назадъ, пронеслись, какъ ураганъ, по Богеміи и Моравіи

и ушли въ Россію. У устьевъ Волги, близъ нын. Царева, Батый основалъ свою резиденцію, *Сарай*, которая стала столицей *Кипчацкой* или *Золотой Орды*. Въ лицѣ Батыя династія Джучи образовала въ Россіи независимое монгольское царство, отложившееся отъ Каракорума. То же сдѣлали его родственники въ Китаѣ и Персіи.

§ 76. **Судьба и бытъ татаръ на Руси.**—Кипчацкая орда была сильнѣйшимъ изъ царствъ, на которыя распалась держава Чингисъ-хана. Въ Персіи и Китаѣ татары продержались всего лѣтъ 100, а въ Россіи—болѣе 200. Быть можетъ, здѣсь они царствовали бы еще дольше, еслибы ихъ не ослабляли постоянныя междоусобія, которыя происходили отъ двухъ причинъ: 1) Въ Сараѣ господствовали *придворныя интриги*, свойственныя деспотическимъ правительствамъ. Вскорѣ по смерти Батыя, между Джучидами начались кровавыя распри за престолъ. По прекращеніи династіи Джучи, въ концѣ 14 в., борьба за ханство приняла особенно обширные размѣры. 2) *Кипчацкая Орда была слишкомъ велика* Она простиралась отъ Туркестана до низовьевъ Дуная. На в. она смѣшивалась съ ховарезмійцами, на з.—съ остатками половцевъ и другихъ степняковъ, кочевавшихъ до нея на ю. Россіи. Въ разныхъ, отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстахъ вырабатывался своеобразный бытъ. Въ наше время татаринъ кавказскій, казанскій и крымскій—три различные типа даже по языку. Оттого уже въ концѣ 13 в. зап. улусы отпали отъ Сарая, подъ начальствомъ *Ногая*. Впрочемъ, это былъ только намекъ на распаденіе Кипчацкой Орды: по смерти Ногая, ногайскіе татары снова соединились съ сарайскими, и этимъ объясняется высшая степень силы Кипчацкой Орды, которой она достигла при ханѣ *Узбекѣ*. Но по смерти Узбека возобновилась кровавая борьба за ханство (1340). Тогда началось паденіе Орды. Она объединялась лишь временно, да и то не обладала прежнимъ могуществомъ. Такъ было при *Мамаѣ;* но Димитрій Донской разбилъ его, а въ Сараѣ его низложили съ престола (1380). При его преемникѣ, *Тохтамышѣ*, Орду поразило новое бѣдствіе: изъ степей Азіи принесся новый ураганъ, въ лицѣ монгола-же *Тамерлана*, который смялъ Тохматыша (ок. 1450). Вслѣдъ затѣмъ отъ Кипчацкой Орды совсѣмъ отпали сѣв. и зап. татары, которые создали два независимыхъ царства — *Казань* и *Крымъ*. Первое основалъ *Улу-Махметъ*, бывшій ханомъ въ Сараѣ, но изгнанный оттуда; начало крымскаго царства приписываютъ потомку Тохматыша, *Ази-Гирею*. Эти царства значительно пере-

жили Сарайское. Послѣднее было разрушено Иваномъ III въ 1480 г., при помощи крымскихъ Гиреевъ, заклятыхъ враговъ Сарая. Казанское царство пало два поколѣнія спустя (1552), при Иванѣ Грозномъ. Тогда же было разрушено *Астраханское* царство, возникшее-было на развалинахъ сарайской Орды. Крымское царство исчезло позже всѣхъ: его послѣдній ханъ, *Шагинъ-Гирей*, былъ уничтоженъ при Екатеринѣ II (1783). У татаръ постоянно сохранялось родовое *дворянство*, подраздѣленное на много степеней. Оно пользовалось большими льготами, отличалось гербами и почетными титулами. Къ нему причислялись и князья покоренныхъ націй. Но дворянство имѣло власть только надъ низшимъ классомъ и было холопомъ передъ ханомъ. Ханъ выбиралъ женъ себѣ и своимъ приближеннымъ изъ всѣхъ дѣвицъ Орды, созываемыхъ на показъ въ опредѣленные сроки. Онъ бралъ изъ имущества подданныхъ все, что́ ни понравится ему; назначалъ каждому мѣстожительство; казнилъ и наказывалъ, кого хотѣлъ, безъ суда. Особенно любилъ онъ *тѣлесныя наказанія*, кнутъ или плети, которыхъ не избѣгали ни его жены, ни первые сановники. У татаръ сохранялись неизмѣнно одни и тѣ же законы — *Яса* (§ 74), которая предписывала рабское повиновеніе. Въ *управленіи* татары многое заимствовали у китайцевъ. Главною обязанностью служителей былъ *сборъ денегъ*. Татары сохраняли первоначальную грубость нравовъ, но также и вѣротерпимость, несмотря даже на проникновеніе къ нимъ *ислама*: въ Сараѣ христіане составляли особый кварталъ, и былъ даже сарайскій епископъ. Татары требовали, чтобы князья покоренныхъ *ѣздили на поклонъ къ хану* и привозили богатые дары. Иныхъ изъ этихъ князей ханы плѣняли или убивали, у другихъ брали сыновей или братьевъ въ заложники. Когда даже простой татаринъ пріѣзжалъ къ побѣжденнымъ, онъ велъ себя, какъ господинъ — все бралъ, всѣхъ билъ. Покоренные должны были еще *выходить на войну*, по первому призыву хана, и платить дани. Подати были безчисленны и тяжки: въ нихъ-то проявлялось, главнымъ образомъ, монгольское иго. Обыкновенною данью или *ясакомъ* была десятина со всего, даже съ юношей и дѣвицъ, которыхъ обращали въ рабовъ. Затѣмъ брали пошлину со всякихъ промысловъ и занятій и требовали подводъ и корма для служителей хана, даровъ, поминокъ и проч. Татарскія подати были тѣмъ невыносимѣе, что сборщики дѣйствовали безотчетно; они и назывались *баскаками*, т. е. „притѣснителями". Жители прятали, что́ у нихъ было, въ землю, а сами бѣжали въ лѣса;

но баскакъ настигалъ ихъ съ толпой свирѣпыхъ татаръ и вымучивалъ у нихъ дани: у нищихъ брали дѣтей. Малѣйшее ослушаніе приводило къ погибели цѣлыхъ деревень и городовъ: баскакъ жаловался въ Ордѣ—и оттуда присылались отряды съ приказаніемъ все опустошать. Сборъ податей былъ тѣмъ болѣе тяжелъ, что нерѣдко онъ отдавался на *откупъ* азіатскимъ купцамъ. Чтобы знать, съ кого брать, при покореніи страны прежде всего присылались изъ Сарая *численники*, которые производили первое опустошеніе: они переписывали всѣхъ людей, начиная съ 10-лѣтняго возраста, кромѣ женщинъ. Русскіе впервые вздохнули свободно, когда ихъ князьямъ разрѣшено было самимъ доставлять дань въ Сарай.

§ 77. **Слѣдствія татарщины на Руси.** — Татары не могли имѣть прямаго *бытоваго* вліянія на Россію по тремъ причинамъ. 1) Они стояли гораздо ниже русскихъ по образованію и развитію, а только высшій бытъ дѣйствуетъ на низшій. 2) Татары были вѣротерпимы, уважали христіанство и даже щадили духовенство: они не подрывали основы русскаго быта, съ которою была связана письменность и вообще просвѣщеніе нашихъ предковъ. 3) Татары жили особнякомъ въ своей Ордѣ, не разсѣялись среди русскихъ и не вступали въ бракъ съ ними: ихъ нравы и обычаи могли имѣть лишь отдаленное вліяніе на бытъ русскихъ. Оттого къ русскимъ не перешло ни одного татарскаго обычая и ни одной пѣсни степняковъ. Напротивъ, наши пѣсни, также какъ пословицы („незваный гость хуже татарина“ и др.) и вся наша письменность того времени, дышатъ ненавистью къ „поганой татарщинѣ“, къ „злой татарвѣ“, насланной Богомъ на Русь, какъ тяжкое испытаніе за ея грѣхи; а это свидѣтельствуетъ о неприкосновенности русской народности, о цѣльности ея быта. *Теремъ* и *кнутъ* перешли къ намъ не отъ татаръ: женщина пользовалась у татаръ сравнительною свободой и извѣстнымъ почетомъ, а наши раннія пѣсни доказываютъ, что теремная жизнь существовала до татаръ; тѣлесныя наказанія перешли къ намъ изъ Византіи и были закрѣплены западнымъ феодальнымъ вліяніемъ; слово же „кнутъ“ скандинавское (§ 24). Въ нашъ языкъ вошло весьма мало татарскихъ словъ — *алтынъ*, *алый*, *арбузъ*, *аршинъ*, *базаръ*, *балыкъ*, *деньга*, *кабакъ*, *казакъ*, *казна*, *караулъ*, *карій*, *кирпичъ*, *колпакъ*, *сундукъ*, *тюфякъ*, *халатъ*, *чемоданъ*, *чепракъ*, *ярлыкъ* и немногія др. Нѣкоторыя уже давно вышли изъ употребленія—*калита* (кошель), *улусъ* (удѣлъ), *шерть* (присяга) и др. Въ бытовомъ отношеніи татары могли имѣть

только косвенное, а именно *отрицательное* вліяніе. Опустошенія, производимыя баскаками, разрушали хозяйство жителей и загоняли ихъ въ трущобы. Съ другой стороны, русскіе князья должны были заботиться прежде всего о собраніи силъ для сверженія ига, а не о просвѣщеніи народа. Вслѣдствіе этихъ двухъ причинъ явился застой въ развитіи русскихъ. Успѣхи просвѣщенія остановились. *Удѣльный періодъ образованнѣе монгольскаго.* Точно также должны были огрубѣть нравы, но не вслѣдствіе подражанія татарамъ. Гораздо важнѣе прямыя, *политическія* слѣдствія татарщины. 1) Въ *управленіе*, особенно финансовое, вошло много восточнаго. Сверхъ того, закрѣпилось, развилось все, что было восточнаго въ перешедшихъ къ намъ византійскихъ законахъ. 2) Нашествіе татаръ окончательно *разорвало связь между с.-в. и ю.-в. Русью*, которая уже начала нарушаться передъ тѣмъ. Татарщина тяготѣла главнымъ образомъ надъ Владиміромъ, Москвой и сосѣдними съ ними княжествами. Юго-западъ Россіи былъ свободенъ отъ нея. Тамъ начало усиливаться независимое *Галицкое* княжество и возникло вел. княжество *Литовское*, развитіе котораго не могла остановить ю. Русь, гдѣ Кіевъ былъ окончательно разрушенъ татарами. 3) Татары *ускоряли дѣло политическаго и земельнаго объединенія*, начавшагося на Руси передъ ними. Они помогли усиленію князей суздальско-владимірскихъ, власть которыхъ начинаетъ сосредоточиваться въ *Москвѣ*, подальше отъ Волги, занятой Ордой. Русскіе, готовясь къ борьбѣ съ татарами, должны были объединяться, сосредоточивать свои силы вокругъ одного узла. Этимъ узломъ стала Москва, которая безъ татаръ не могла бы возвыситься такъ быстро. Русскіе не одолѣли татаръ, если бы Москва не поглотила постепенно другихъ с.-в. княжествъ. Въ этомъ политическомъ поглощеніи слабыхъ сильнымъ смыслъ 3-го періода русской исторіи.

§ 78. **Борьба за первенство въ с.-в. Руси.**—Въ с.-в. Руси первая половина татарщины (1238—1328) была порой *борьбы за первенство* или *послѣднимъ періодомъ борьбы за удѣлы.* Но этотъ періодъ отличенъ отъ прежняго. 1) Теперь борьба за удѣлы распространялась не на всю Русь, а лишь на *Суздальскую землю*, гдѣ утвердились послѣдніе *пережитки родоваго быта.* Здѣсь образовалось много княжескихъ линій, изъ которыхъ каждая старалась добиться великаго княженія: были князья московскіе, тверскіе, ростовскіе, ярославскіе, суздальскіе, костромскіе, нижегородскіе, углицкіе, бѣлозерскіе, городецкіе, переяславскіе, старо-

дубскіе и происшедшіе отъ нихъ пожарскіе. Можно сказать— что ни городъ, то княжеская линія. Единство Суздальской земли выражалось только въ томъ, что всѣ эти линіи выходили изъ „Большаго Гнѣзда"—отъ Всеволода III. Эти княжества были по большей части ничтожны, и они дробились все болѣе и болѣе съ каждымъ поколѣніемъ. Гдѣ дробленіе было сильнѣе, тамъ раньше исчезла родовая независимость: такъ князья бѣлозерскіе и ярославскіе быстро превратились въ бояръ болѣе могущественнаго князя московскаго. Самыми сильными изъ княжествъ Суздальской земли были *тверское* и *московское:* борьба между ними была особенно ожесточенна, и ею окончился послѣдній періодъ удѣльныхъ усобицъ. 2) Хотя сохранялся обычай дѣлить волости между родственниками, но вообще *родовой бытъ совсѣмъ падалъ.* Уже въ концѣ 2-го періода (§ 55) слабѣло понятіе о „лѣствичномъ восхожденіи"; теперь же окончательно всѣ права заключаются просто въ стремленіи каждой княжеской линіи къ первенству. Судьбу княжествъ иногда рѣшаетъ капризъ или личный разсчетъ владѣтеля. Такъ правнукъ Всеволода III отдалъ Ярославль одному смоленскому князю въ приданое за своей дочерью—примѣръ небывалый прежде. 3) Подъ конецъ 2-го періода, когда ослабѣли родовыя преданія, споры рѣшались мечомъ, физической силой. Теперь же эта сила находилась на Волгѣ, у татаръ: князья, спорившіе между собой изъ-за первенства, стали ѣздить въ Сарай, чтобы хитростью и подобострастіемъ, а чаще всего подкупомъ, выхлопотать себѣ *ярлыкъ* на великое княженіе, т.-е. бумагу, утверждающую за ними главный столъ. Конечно, это унижало Русь и усиливало Орду, которой давали поводъ вмѣшиваться въ наши внутреннія дѣла; но это было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ усобицъ древней Руси. 4) Во 2-мъ періодѣ могущественный *Новгородъ,* отдаленный отъ средоточія борьбы, Кіева, почти не принималъ участія въ усобицахъ: онъ жилъ-себѣ мирно, богатѣлъ и сохранялъ свою свободу. Теперь же онъ былъ вовлеченъ въ борьбу, вслѣдствіе ея близости. Обыкновенно онъ становился за слабѣйшихъ, младшихъ князей противъ сильнѣйшихъ, которые всегда выказывали поползновеніе захватить его земли. Это разстроило мирную жизнь Новгорода, подорвало его торговлю и подготовило поглощеніе его сильнѣйшимъ княжествомъ, московскимъ. 5) Во 2-мъ періодѣ борьба сосредоточивалась вокругъ одного мѣста, Кіева; теперь же столица колеблется, переносится. Хотя великокняжескій столъ считается *владимірскимъ,* но значеніе Владиміра все падаетъ: сначала съ

нимъ соперничаютъ *Кострома* и особенно *Тверь*, потомъ его преодолѣваетъ *Москва*.

§ 79. **Юрій II и Ярославъ II. Невскій въ Новгородѣ.**—Усобицы въ с.-в. Руси начались по смерти Всеволода III (§ 48). Онѣ остановились на время при его сынѣ, *Юріи II*, который спокойно княжилъ 20 л. и могъ расширить предѣлы Руси: онъ побилъ камскихъ болгаръ и основалъ *Нижній Новгородъ*. Но его успѣхи были остановлены татарами (1238), въ битвѣ съ которыми онъ и палъ (§ 75). Братъ Юрія, *Ярославъ II Всеволодовичъ*, сталъ великимъ княземъ владимірскимъ. Это былъ первый русскій князь, принявшій униженіе и смерть отъ татаръ. Онъ, а за нимъ и всѣ его родственники, поѣхали на поклонъ къ хану и должны были исполнить тамъ позорный обычай прохожденія между огней (§ 74). Сверхъ того, Батый послалъ Ярослава къ великому хану въ Каракорумъ. Здѣсь русскому князю оказали больше почета, чѣмъ государямъ другихъ покоренныхъ народовъ: мать великаго хана накормила и напоила его изъ собственныхъ рукъ. Но Ярославъ умеръ тотчасъ же послѣ этого обѣда, и тѣло его страшно посинѣло. Въ Суздальской землѣ настали междоусобія. Особенно важно было соперничество между сыновьями Ярослава, *Александромъ* и *Андреемъ*. Даровитый Александръ—одинъ изъ самыхъ популярныхъ князей древней Руси: въ народной памяти его жизнь окружена преданіями; церковь причислила его къ лику святыхъ; исторія почтила его названіемъ *Невскаго* за военные подвиги. Послѣ Владиміра Св. и Мономаха, ничье имя изъ отдаленныхъ временъ не врѣзалось такъ глубоко въ памяти народа. Александра Невскаго можно назвать представителемъ своего времени. У него была блестящая, внушительная наружность: онъ былъ высокъ и красивъ и „гремѣлъ передъ народомъ, какъ труба"—такъ силенъ былъ его голосъ. Александръ, искусный полководецъ, обладалъ также дипломатическимъ умомъ и сдержанностью: онъ умѣлъ примѣняться къ обстоятельствамъ. Александръ походилъ на своего отца и дѣда суровымъ, крутымъ нравомъ: онъ требовалъ отъ всѣхъ строгаго повиновенія и не уживался съ новгородцами, привыкшими къ свободѣ и мягкому обращенію. А между тѣмъ ему суждено было провести всю свою юность въ Новгородѣ. Новгородцы хотя ссорились съ нимъ за его суровое правленіе, иногда даже изгоняли его, но постоянно выбирали въ свои князья, потому что онъ былъ необходимъ для нихъ, какъ хорошій полководецъ. Никогда еще Новгородъ не находился въ

такой опасности. Его тѣснили разомъ три сильныхъ врага. 1) *Нѣмцы* нападали на его зап. предѣлы не только съ національнымъ, но и съ религіознымъ фанатизмомъ. Упорные паписты, они считали православныхъ хуже язычниковъ. Они помогали языческимъ подданнымъ Новгорода противъ православныхъ, производили междоусобія и всякія злодѣянія въ Новгор. землѣ, называли новгородцевъ „мятежниками папы". Въ описываемое время нѣмцы стали особенно назойливы, потому что усилились, вслѣдствіе соединенія двухъ рыцарско-религіозныхъ орденовъ (§ 54). 2) *Литовцы* нападали на Новгор. землю съ ю.-з. Они усилились теперь, потому что къ нимъ бѣжало изъ Ливоніи много соплеменныхъ имъ пруссовъ, угнетаемыхъ нѣмцами. У нихъ уже было нѣсколько сильныхъ князей; они овладѣли Полоцкимъ княжествомъ и нападали на Смоленскъ. Невскій былъ женатъ на дочери послѣдняго полоцкаго князя. 3) *Шведы* начали играть тогда европейскую роль. Прежде они были заняты внутренними междоусобіями, борьбой за престолъ двухъ королевскихъ семей. Теперь же, пользуясь этой борьбой, выдвинулся даровитый вельможа, *Биргеръ*, который основалъ новую династію. Биргеръ построилъ столицу Швеціи, *Стокгольмъ*, и ввелъ хорошее управленіе. Но ему нужна была слава, чтобы утвердить свою династію. Сверхъ того, ему нужно было благословеніе папы, такъ какъ шведы были преданные католики. Биргеръ думалъ достигнуть этихъ цѣлей завоеваніемъ Финляндіи; папа давно проповѣдывалъ крестовый походъ противъ жившихъ тамъ язычниковъ. Но новгородцы еще раньше распространили свои владѣнія въ Финляндіи: здѣсь-то они и столкнулись со шведами. Въ 1240 г. Александръ, княжившій тогда въ Новгородѣ, получилъ гордое извѣстіе отъ Биргера изъ Финляндіи: „Если можешь, сопротивляйся! Знай, что я уже здѣсь и плѣню землю твою". Преданіе говоритъ, что въ то же время прискакалъ къ Александру крещеный финнъ, сторожившій границу у устьевъ Невы, человѣкъ очень набожный. Онъ разсказалъ, что послѣ безсонной ночи, на зарѣ, стоялъ онъ на берегу моря и всматривался въ туманную даль. Вдругъ проходитъ лодка. Посреди нея стоятъ свв. Борисъ и Глѣбъ, и первый говоритъ второму: „Брате Глѣбе! вели грести, поможемъ сроднику нашему, Александру Ярославичу". Александръ сказалъ стражнику: „Смотри же, никому не говори объ этомъ". Не дожидаясь сбора новгородской рати, онъ бросился съ своей небольшой дружиной и засталъ шведовъ врасплохъ, на *берегу Невы*, гдѣ они отдыхали

въ своихъ шатрахъ. Русскіе дрались примѣрно: одинъ молодецъ подскочилъ къ златоверхому шатру Биргера и подрубилъ его. Самъ Александръ Невскій подавалъ примѣръ доблести: онъ добрался до Биргера и своимъ копьемъ „возложилъ ему печать на лицо". Много шведовъ пало на полѣ битвы; уцѣлѣвшіе ушли въ море ночью до разсвѣта. Послѣ этой побѣды Александръ пуще прежняго сталъ притѣснять новгородцевъ; они возмутились — и онъ уѣхалъ отъ нихъ. А между тѣмъ нѣмецкіе рыцари взяли ихъ пригородъ, Псковъ, и стали грабить ихъ предѣлы: они убивали купцовъ въ 30 верстахъ отъ Новгорода. Новгородцы послали къ великому князю Ярославу, во Владиміръ, съ просьбой опять дать имъ Александра. Герой прибылъ къ нимъ съ ратью, очистилъ ихъ землю отъ врага и выгналъ нѣмцевъ изъ Пскова. Много набралъ онъ плѣнниковъ и обращался съ ними милостиво. Затѣмъ Александръ быстро двинулся во владѣнія самихъ рыцарей и сразился съ ними на льду Псковскаго озера, почему эта битва и называется *Ледовымъ побоищемъ*. Дѣло было весной. Ледъ ломался тамъ и сямъ, и холодная вода пронимала ожесточенныхъ враговъ; во многихъ мѣстахъ не было видно льду подъ кровью. Нѣмцы были разбиты на-голову: высокомѣрные рыцари униженно шли пѣшкомъ за конемъ побѣдителя, когда онъ въѣзжалъ въ Псковъ, окруженный ликующимъ народомъ, оглушаемый радостными кликами и звономъ колоколовъ. Невская битва и Ледовое побоище остановили напоръ нѣмецкаго племени на в., а также замыслы папы обратить Русь въ католичество. Съ этихъ поръ папы взялись за другое средство для достиженія своихъ властолюбивыхъ замысловъ: изъ Рима явилось посольство къ Александру съ тщетными просьбами признать папство. Послѣ Ледоваго побоища Александръ успѣлъ нѣсколько разъ побить литовцевъ и загналъ ихъ въ ихъ первобытные лѣса. Такъ онъ оградилъ отъ враговъ и успокоилъ зап. предѣлы Руси, когда смерть отца вызвала его на востокъ.

§ 80. **Новая политика и Александръ.** — Ярославъ Всеволодовичъ ѣздилъ кланяться сарайскому хану и погибъ въ Каракорумѣ; дѣти его также должны были ѣхать въ Орду, чтобы получить собственное наслѣдіе изъ рукъ хана. Съ новыми временами на Руси у ея князей должна была образоваться *новая политика*. Нельзя было горячиться, выказывать свое презрѣніе и ненависть къ татарамъ; нужно было унижаться передъ ними, заискивать въ Сараѣ. Кто пойметъ новую потребность, тотъ уцѣлѣетъ и утвердится. Смѣтливый Александръ, о которомъ уже

много говорили даже въ Сараѣ, понялъ это. Съ него начинается новая политика владимірскихъ и потомъ московскихъ князей, которая возвеличила ихъ. *Они сдѣлали хановъ орудіемъ своего возвышенія.* Кланяясь и откупаясь въ Ордѣ, они получали помощь отъ татаръ для того, чтобы уничтожать соперниковъ и подавлять власть вѣча. Знаменитый побѣдитель шведовъ, нѣмцевъ и литовцевъ немедленно отправился къ хану, вмѣстѣ съ своимъ братомъ Андреемъ, и первый выгодно съѣздилъ въ Орду, т.-е. доказалъ, что тамъ можно не погибать, а извлекать себѣ пользу. Братья нашли хана гдѣ-то на Волгѣ: онъ рѣдко жилъ подолгу въ Сараѣ, любилъ кочевать. Батый принялъ князей въ роскошномъ шатрѣ, какъ властитель, и нарочно велѣлъ братьямъ ѣхать къ великому хану, значенія котораго самъ не признавалъ. Мучительно было это путешествіе, среди холода и голода. Въ Каракорумѣ князья сдѣлали много земныхъ поклоновъ и возвратились домой съ ханскими ярлыками. Но старшій, владимірскій, столъ достался младшему брату, Андрею, а Александръ получилъ Кіевъ. Александръ обидѣлся и поѣхалъ не въ Кіевъ, а въ Новгородъ, замышляя воспользоваться недальновидностью брата: Андрей II не понималъ нужды въ новой политикѣ, тяготился татарскимъ игомъ и женился на дочери Данила Галицкаго, который знать не хотѣлъ татаръ. Года черезъ три по возвращеніи изъ Орды, Александръ вдругъ снова прибылъ туда безъ призыва. Онъ жаловался на брата, который будто бы что-то затѣваетъ противъ татаръ. Сынъ Батыя далъ ему ярлыкъ на владимірскій столъ и, чтобы привести его въ исполненіе, послалъ толпы татаръ въ Суздал. землю. Завидѣвъ татаръ, Андрей воскликнулъ: „что это, Господи! Когда же мы перестанемъ ссориться и наводить татаръ другъ на друга! Лучше мнѣ бѣжать въ чужую землю, чѣмъ дружиться съ татарами и служить имъ“. Онъ дѣйствительно бѣжалъ съ женою въ Швецію; но потомъ примирился съ братомъ, и, возвратившись домой, получилъ отъ него въ удѣлъ Суздаль. Александръ сталъ великимъ княземъ и княжилъ 10 л. (1253—1263). Онъ много потрудился за русскую землю. Время было тяжелое. У татаръ произошелъ переворотъ. Они приняли *магометанство* и начали покидать простыя привычки кочевой жизни, которыя удовлетворяются дешево. Они стали обзаводиться осѣдлымъ хозяйствомъ и принялись строить на Волгѣ богатую столицу, *Кипчакъ.* Все это требовало разомъ много денегъ, и явились *бесермены* — изворотливые хивинскіе купцы, предложившіе хану огромную сумму, если онъ отдастъ

имъ русскіе *выходы* (дани). Ханъ отправилъ ихъ на Русь съ баскаками, для составленія точной переписи, и съ *темниками*, которые должны были вести русскую рать на помощь татарамъ по первому вызову. Это значило, что татары хотятъ вмѣшиваться во внутреннее управленіе Русью и употреблять въ свою пользу даже кровь русскую. Къ тому же до сихъ поръ сами князья возили выходы въ Орду, и народъ почти не видалъ татаръ; а теперь Орда пришла къ нему домой, и она такъ собирала дань, что у насъ явилось новое бранное слово—*бусурманъ*. Русскіе не выдержали. Во Владимірѣ, Суздалѣ, Ростовѣ и др. городахъ по старому зазвонили на вѣче и, не слушая увѣщаній князя, перебили татаръ. Особенно волновался Новгородъ, который не имѣлъ понятія о татарахъ и еще ни разу не платилъ имъ выхода. Но тутъ подоспѣлъ Александръ: онъ уговорилъ новгородцевъ заплатить дань татарамъ, а зачинщиковъ волненія жестоко наказалъ: кому обрѣзалъ носъ, кому выкололъ глаза. Во все это страдное время Александръ часто ѣздилъ въ Орду хлопотать за свой народъ и однажды прожилъ тамъ цѣлый годъ, унижаясь передъ поработителями. Онъ и умеръ на пути изъ Орды. Тѣло его привезли во Владиміръ. Здѣсь митрополитъ воскликнулъ: „Дѣти мои милыя! зашло солнце земли русской!“

§ 81. **Борьба Москвы съ Тверью.** — У Невскаго осталось нѣсколько сыновей. Но у него еще было два брата, изъ которыхъ старшій, по родовому праву, сталъ великимъ княземъ, подъ именемъ *Ярослава III*. Ярославъ не любилъ Владиміра и жилъ по большей части въ *Твери*, гдѣ и похороненъ: отъ него пошли тверскіе князья. Ярославъ старался сдѣлать Тверь столицей, но не успѣлъ. Братъ его, *Василій* костромской, старался точно также возвысить свой удѣлъ и сдѣлать столицей Руси свою *Кострому*. Но оба брата княжили недолго и не достигли цѣли. Падающее стольное значеніе Владиміра должно было перейти къ *Москвѣ*, какъ замѣтно было уже при племянникѣ Ярослава и Василія, *Даніилѣ*. Даніилъ былъ младшимъ сыномъ Невскаго. Оставшись ребенкомъ послѣ отца, онъ незамѣтно проживалъ въ Москвѣ, которая была тогда ничтожнымъ пригородомъ Владиміра. Но по мѣрѣ того, какъ Даніилъ выросталъ, обстоятельства слагались въ пользу его скромнаго удѣла. Именно его старшіе братья, *Димитрій I и Андрей III*, около 20 л. боролись между собой изъ-за великаго княженія. Даніилъ ловко вмѣшивался въ борьбу братьевъ; а по смерти старшаго, Димитрія, самъ сталъ

оспаривать великое княженіе у Андрея. Даніилу не удалось стать великимъ княземъ; но зато онъ искусно, исподоволь, расширялъ свой удѣлъ. Его племянникъ, князь *Переяславскій*, умирая бездѣтнымъ, завѣщалъ ему свою волость; самъ онъ захватилъ въ плѣнъ *рязанскаго* князя и распоряжался его удѣломъ. Даніилъ умеръ въ 1303 г., оставивъ двухъ сыновей, *Юрія* и *Ивана*. Благодаря ему Москва уже такъ усилилась, что старшій сынъ его, *Юрій*, надѣялся получить великое княженіе, когда умеръ Андрей III. Но у него явился сильный соперникъ въ лицѣ двоюроднаго дяди, *Михаила тверскаго*, сына Ярослава III. По обыкновенію, оба поѣхали въ Орду. Тверь была тогда богаче и сильнѣе Москвы, и Михаилъ получилъ ханскій ярлыкъ. Но борьба продолжалась, и такъ какъ силы были равныя, то соперники продолжали ѣздить въ Орду и жаловаться другъ на друга. Впрочемъ въ политикѣ тверскимъ князьямъ не совладать было съ московскими. Юрій разъ 2 г. пробылъ въ Ордѣ, привлекъ хана *Узбека* на свою сторону и даже женился на его сестрѣ, *Кончакѣ*. Ханъ далъ ему отрядъ татаръ—и онъ двинулся на своего дядю, но былъ разбитъ. Кончака попала въ плѣнъ и вскорѣ умерла: говорятъ, ее отравили. Ханъ позвалъ Михаила въ Орду. Дѣти и бояре великаго князя уговаривали его не ѣхать, а послать кого-нибудь изъ сыновей. Но онъ сказалъ: „Не васъ, дѣти мои, требуетъ ханъ къ себѣ: онъ хочетъ головы моей. Если я не послушаюсь, татары возьмутъ мою землю, перебьютъ много христіанъ—и все-таки мнѣ не избѣжать смерти. Такъ ужъ лучше положить свою душу за многія души!“ Михаилъ нашелъ хана у устьевъ Дона. Былъ наряженъ судъ, который обвинилъ его въ утайкѣ ясака и въ отравленіи Кончаки. Михаилу надѣли на шею тяжелую колоду и поставили его на рынкѣ. Это наказаніе перешло въ Россію, подъ именемъ *правежа:* у насъ неисправныхъ должниковъ выставляли на рынкѣ и били по ногамъ. Послѣ этого Юрій, который также прибылъ тогда въ Орду, послалъ убійцъ, которые покончили съ тверскимъ княземъ. Но у Михаила остался пылкій сынъ, *Димитрій*, по прозванію *Грозныя Очи*. Онъ поѣхалъ въ Орду, и винилъ Юрія въ утайкѣ ясака. Замѣтивъ, что Юрій, привезшій много денегъ, оправдается, Димитрій поразилъ его мечемъ въ присутствіи хана. Ханъ казнилъ убійцу, но великимъ княземъ назначилъ брата его, *Александра Михайловича*. Впрочемъ, не довѣряя ему, онъ послалъ въ Тверь важнаго посла, *Чолхана*, съ отрядомъ. Татары начали хозяйничать въ Твери и угнетать народъ, который, наконецъ, пере-

билъ ихъ. Братъ Юрія, *Иванъ Даниловичъ,* воспользовался этимъ случаемъ и поспѣшилъ въ Орду: ханъ назначилъ его начальникомъ войска, посланнаго для наказанія Александра. Тверская область была такъ опустошена, что лѣтъ 50 послѣ того не могла поправиться. Александръ успѣлъ бѣжать въ Псковъ, который не выдавалъ его. Иванъ поднялъ всю Суздальскую и Новгородскую землю и пошелъ на Псковъ; митрополитъ наложилъ проклятіе на псковичей. Тогда Александръ сказалъ народу: „Братцы мои! Пусть не лежитъ на васъ изъ-за меня проклятіе! Я уѣду, а вы цѣлуйте крестъ не выдавать моей княгини". Онъ бѣжалъ въ Литву, а Иванъ примирился съ псковичами. Вскорѣ Александръ возвратился въ Псковъ, гдѣ прожилъ лѣтъ 10, но наконецъ соскучился по своей родинѣ и принесъ Узбеку такую повинную: „Господинъ самовластный! Пришелъ принять отъ тебя либо жизнь, либо смерть; какъ Богъ тебѣ на душу положитъ; я готовъ на все". Узбекъ простилъ его и даже далъ ярлыкъ на тверское княженіе. Иванъ Даниловичъ встревожился, снова поскакалъ въ Орду и больше прежняго оклеветалъ своего соперника. Какъ только онъ возвратился въ Москву, Александра позвали въ Орду. Тверской князь послалъ впередъ сына своего, *Ѳеодора,* развѣдать, зачѣмъ его зовутъ. Ѳеодора задержали, но онъ успѣлъ извѣстить отца, что его ждетъ казнь. Тѣмъ не менѣе Александръ поѣхалъ, чтобы хоть спасти сына. На Волгѣ долго дулъ противный вѣтеръ, говоритъ преданіе. Ѳеодоръ встрѣтилъ отца со слезами. Прошелъ мѣсяцъ. Наконецъ, Александру сказали, что его казнятъ черезъ 3 дня. Всѣ эти дни князь молился. Насталъ день казни. Александръ разъѣзжалъ верхомъ и все спрашивалъ, когда же будутъ казнить его. Наконецъ, ему сказали, что черезъ часъ. Онъ пошелъ въ свою палатку, обнялъ сына и своихъ бояръ, причастился. Пришли палачи и убили князя вмѣстѣ съ его сыномъ. Тѣла убитыхъ бояре привезли въ Тверь и похоронили рядомъ съ тѣлами двухъ другихъ тверскихъ князей, также погибшихъ въ Ордѣ. Тверь ослабѣла. *Настало господство Москвы,* началомъ котораго должно считать 1328 г., когда Иванъ Даниловичъ получилъ ярлыкъ на великое княженіе и началъ рядъ *московскихъ князей.*

§ 82. **Юго-зап. Русь при татарахъ. Данило.** — Въ то время, какъ въ с.-в. Руси борьба за первенство привела къ возвышенію Москвы и утвержденію самодержавія, на ю.-з. происходило совсѣмъ другое. Здѣсь не могло быть *земельнаго* объединенія по слѣдующимъ причинамъ. 1) *Кіевъ палъ окончательно.* Одинъ

итальянецъ, проѣзжавшій тамъ лѣтъ 5 спустя послѣ татарскаго разгрома, пишетъ: „Этотъ городъ обратился почти въ ничто; въ немъ врядъ-ли осталось 200 домовъ, жителей которыхъ татары держатъ въ величайшемъ рабствѣ". За Днѣпромъ, на Волыни и въ Галиціи, остались подобные же слѣды опустошенія. Такъ во Владимірѣ-Волынскомъ жители были истреблены всѣ до одного; почти такая же участь постигла Галичъ Долго потомъ многіе города были пустыми. Отъ нихъ несло смрадомъ гніющихъ труповъ; церкви были набиты грудами тѣлъ. Какъ только палъ Кіевъ, средоточіе ю.-з Руси передвинулось далѣе на западъ, въ Галицію: въ Карпатахъ было безопаснѣе отъ татаръ. Но князья галицкіе, которымъ не доставало почета, связаннаго съ кіевскимъ столомъ, и которые забрались слишкомъ далеко, не могли объединить ю.-з. Русь. 2) Подлѣ единственнаго сильнаго княжества на ю.-з., Галича, образовались, тотчасъ послѣ нашествія татаръ, двѣ могущественныхъ державы—*литовская* и *польская*, которыя поглотили сначала Галичъ и связанную съ нимъ Волынь, а потомъ и остальную ю.-з. Русь, не исключая Кіева. 3) Это тѣмъ понятнѣе, что въ Галичѣ не могло развиться *политическаго* единства, подобнаго московскому самодержавію. Тамъ не было вблизи татарскихъ хановъ, которыхъ князья могли бы вовлечь въ свои интересы деньгами и покорностью. Въ то же время въ Галичѣ было сильно боярство (§ 53). Наконецъ, въ ю. Руси упорно держались мелкіе князья, которые нападали на Галичъ и мѣшали ему усиливаться, а галицкій князь былъ слишкомъ слабъ для того, чтобы подавить ихъ. По этимъ причинамъ Червонная Русь, въ одно поколѣніе поднявшаяся очень высоко, тотчасъ послѣ того пала. Процвѣтаніе галицкаго княжества соединено съ именемъ *Данилы Романовича* (§ 53). Удивительны изворотливость и мужество этого послѣдняго изъ лучшихъ князей ю. Руси. Данило разомъ справлялся съ татарами и венграми, съ поляками и Литвой, а также со своими неукротимыми соперниками—черниговскими князьями. Сверхъ того, онъ искусно велъ постоянную борьбу съ крамольными боярами, которая возобновилась тотчасъ послѣ нашествія татаръ. Данило возвращался тогда изъ Венгріи, куда ѣздилъ сватать своего сына. Онъ пріѣхалъ на пустое пепелище, не нашелъ даже своей семьи, которая бѣжала въ Польшу отъ татаръ. Повсюду его встрѣчали развалины и трупы, а въ уцѣлѣвшіе города его не пускали: тамъ бояре завладѣли властью, и къ нимъ пристали внѣшніе враги—князь черниговскій и его союзники, венгры. Великій ма-

стеръ на выгодные союзы, Данило разбилъ всѣхъ ихъ, съ помощью литовцевъ и поляковъ. Когда Данило утвердился въ своемъ княжествѣ, татары вдругъ потребовали отъ него покорности. Чувствуя свою слабость, Данило поѣхалъ на поклонъ къ Батыю, который пожурилъ его за опозданіе,—впрочемъ обошелся мягко и утвердилъ за нимъ его земли. Но тяжело было вниманіе хана. Современный лѣтописецъ говоритъ съ негодованіемъ: „О злая честь татарская! Данило Романовичъ, князь великій, владѣлецъ Русской земли, Кіева, Волыни, Галича и другихъ странъ, нынѣ стоитъ на колѣняхъ, называется холопомъ, облагается данью, за жизнь трепещетъ и угрозъ страшится!“ Оттого Данило рѣшилъ посвятить свою жизнь сверженію татарскаго ига. Для этого онъ началъ строить города: самъ основалъ *Холмъ*, его любимое мѣстопребываніе; сынъ его, Левъ, построилъ *Львовъ* (нѣм. Лембергъ). Данило призывалъ полезныхъ людей—ремесленниковъ и торговцевъ: тутъ были нѣмцы, поляки, евреи, армяне, въ особенности же мастера, бѣжавшіе изъ Орды. Съ помощью ихъ Данило отлично укрѣпилъ многіе города. Затѣмъ онъ сталъ расширять предѣлы своего княжества и заводить союзы. Данило подчинилъ себѣ дикихъ *ятвяговъ* (въ нын. Гродн. губ.) и отнялъ часть земель у Литвы. Потомъ онъ женилъ Шварна на дочери Миндовга (§ 73), а другого сына, Романа—на вдовѣ нѣмецкаго императора и породнился также съ королями венгерскимъ и польскимъ. Впрочемъ это только вовлекало Галичъ въ дѣла Запада, который не думалъ помогать ему. Замѣтивъ это, Данило рѣшился испробовать еще одно средство: онъ объявилъ папѣ, что желаетъ отдаться подъ его покровительство, если онъ подниметъ крестовый походъ противъ татаръ. Папа обрадовался случаю начать распространеніе католицизма среди русскихъ, о чемъ давно мечтали въ Римѣ: онъ началъ присылать въ Галичъ пословъ, монаховъ и множество льстивыхъ буллъ, въ которыхъ называлъ Данила „королемъ“; вскорѣ явился и папскій епископъ, назначенный главой духовенства въ ю. Руси. Папа издалъ даже буллу о крестовомъ походѣ и короновалъ Данила королевскимъ вѣнцомъ. Но тогда же явились татары, понявшіе, наконецъ, политику Данилы, и велѣли ему „разметать“ собственныя укрѣпленія. Никто изъ союзниковъ не присылалъ помощи, а литовцы даже напали на Галичъ; пришлось повиноваться. Вскорѣ Данило умеръ, не исполнивъ своихъ широкихъ замысловъ. Почти въ одно время умерли лучшіе князья той поры—Данило Галицкій и Александръ Невскій. Оба они

были дѣятельны и даровиты. У обоихъ было одно дѣло: на западѣ Александръ боролся съ нѣмцами и со шведами, а Данило съ литовцами; на востокѣ же оба одинаково страдали отъ татаръ. Но эти князья различны по характеру, а потому и по своей политикѣ. Данило былъ добродушенъ и правдивъ и открыто боролся съ татарами. Политика Александра привела къ усиленію Москвы, а Галичъ палъ. Впрочемъ паденіе Червонной Руси зависѣло не отъ однихъ татаръ. Галичъ губило его географическое положеніе: оторванный отъ средоточія Руси, онъ былъ окруженъ Литвой и Польшей, которыя начали усиливаться съ нашествія татаръ. Эти государства должны были расширяться на счетъ ю.-з. Руси, потому что она все слабѣла, а на сильный Западъ нельзя было двигаться. Галицкое княжество стало добычей сосѣднихъ государствъ. Послѣ Данилы въ немъ княжили его слабые потомки, да и тѣ ссорились между собой. Въ 1320 г. Гедиминъ присоединилъ къ себѣ Волынь или вост. половину Галицкаго княжества (§ 74); въ 1340 г. Казиміръ Вел. завоевалъ Галичъ (§ 72), который съ тѣхъ поръ уже никогда не соединялся съ остальной Русью. Это — нынѣшняя Галиція, перешедшая къ Австріи послѣ раздѣла Польши (1772).

§ 83. **Причины усиленія Москвы.**—Съ начала 14 в. настаетъ *господство Москвы на Руси* (§ 81). Послѣ 1147 г., когда впервые упоминается ея имя въ лѣтописи (§ 43), объ ней почти ничего не было слышно. При Даніилѣ во всемъ московскомъ княжествѣ не было ни одного города, кромѣ самой Москвы; но въ 1300—1310 гг. къ нему были присоединены насиліемъ или куплей *Переяславль*, *Можайскъ* и *Коломна*; а съ 1328 г. Москва стала стольнымъ городомъ. Около половины 15 в. московское княжество занимало уже губ. Моск., Калуж., Тульск., часть Ряз., Владим., Нижегород., Вятск., Костром., Волог., Яросл. и Тверскую. Вотъ причины быстраго усиленія Москвы: 1) Окончательное *паденіе родоваго быта*. Такъ какъ „лѣствичное восхожденіе“ было отброшено, то всякій, даже самый ничтожный, князь могъ стать великимъ: всякія права на великое княженіе исчезли. 2) Эти права замѣнились милостью сарайскаго хана: самый ничтожный князь могъ стать великимъ, если умѣлъ ладить съ Ордой. 3) На с.-в., вопреки обычаямъ кіевской Руси, *великое княженіе не было связано съ извѣстнымъ городомъ*. Всякій князь, становясь великимъ, не покидалъ своего роднаго гнѣзда: онъ не переѣзжалъ во Владиміръ, а присоединялъ его къ своей отчинѣ. Владиміръ утратилъ значеніе стольнаго города:

съ нимъ соперничали то Тверь, то Кострома и наконецъ Москва. 4) *Слабость сосѣднихъ* съ Москвою *княжествъ* и *вѣча* въ Новгородѣ и Псковѣ, зависѣвшая отъ внутреннихъ раздоровъ. Эти раздоры господствовали повсюду, и съ ними было связано дробленіе земель. Въ Москвѣ же долго не было усобицъ въ княжеской семьѣ, да и семья эта была меньше другихъ; къ тому же московскіе князья рано установили *престолонаслѣдіе* по прямой линіи, что устраняло дробленіе земель. 5) *Духовенство* и *бояре* поддерживали московскихъ князей, какъ только тѣ начали возвышаться. Они понимали, что выгоднѣе, да и почетнѣе служить сильнымъ, чѣмъ слабымъ князьямъ. Они желали еще прекращенія усобицъ, при которыхъ имъ приходилось много терять и трудиться: особенно теряло духовенство, имѣнія котораго были разбросаны въ разныхъ княжествахъ, враждебныхъ другъ другу. Бояре тѣмъ легче сосредоточивались въ Москвѣ, что имѣли право *отъѣзда* (§ 57) или вольнаго перехода отъ одного князя къ другому, не теряя при этомъ своихъ отчинъ. 6) *Естественныя условія* были въ пользу Москвы. Она лежала близко къ средоточію с.-в. Руси. Ее ограждали кругомъ другія княжества отъ нападенія внѣшнихъ враговъ. Такъ какъ, сверхъ того, въ сосѣднихъ княжествахъ были усобицы, а въ Москвѣ тихо, то сюда переселялись со всѣхъ сторонъ. Съ увеличеніемъ населенія возрастали доходы моск. князя, который могъ давать переселенцамъ льготы, покупать цѣлыя княжества у бѣдныхъ князей и населять свои земли *ордынцами*—плѣнными, выкупленными въ Ордѣ. Москва обогащалась еще оттого, что была *узломъ торговаго пути изъ Европы въ Азію*. Черезъ нее доставлялся хлѣбъ съ Волги къ Ильменю. Черезъ нее новгородцы ходили въ Рязань, эту самую богатую изъ областей с.-в. Руси: здѣсь новгородцы покупали медъ и воскъ, которыми снабжали всю Европу. Но природа Москвы была бѣдна, что служило въ пользу населенію въ нравственномъ смыслѣ: здѣсь нужно было трудиться, сдерживать себя, быть скопидомомъ; здѣсь вырабатывались желѣзные характеры, смѣтливые, практическіе люди. Лучшими представителями этого типа были *московскіе князья*—все народъ терпѣливый, скупой, осторожный и изворотливый. Не имѣя сначала ни правъ, ни денегъ, они должны были полагаться только на себя, должны были создать новую политику, основанную на самоуниженіи передъ ханами и на самодержавіи передъ подданными. Этотъ типъ начинается съ Ивана I Даниловича.

§ 84. **Иванъ I Калита.** — Иванъ I (§ 81) извѣстенъ подъ именемъ *Калиты* — „денежнаго мѣшка". Онъ всю свою жизнь заботился о накопленіи денегъ. Главнымъ источникомъ его доходовъ былъ введенный имъ обычай *самому собирать выходъ*, не допуская откупщиковъ, причемъ онъ удерживалъ значительную часть дани. Это доставляло также случай Ивану самому ѣздить въ Орду съ выходами, причемъ онъ льстилъ хану и представлялъ ему своихъ дѣтей, какъ вѣрныхъ слугъ. Оттого татары были всегда за него и поддерживали его въ борьбѣ съ внутренними врагами. „Перестали (говоритъ лѣтопись) поганые воевать русскую землю; отдохнули и опочили христіане отъ великой истомы и многой тягости, и отъ насилія татарскаго; и съ этихъ поръ наступила тишина по всей землѣ". Эта тишина объясняется еще тѣмъ, что у Ивана былъ строгій порядокъ: онъ искоренилъ разбои бдительною стражей. Въ Москву переходили люди изъ слабыхъ, опустошаемыхъ Ордой княжествъ, откуда и бояре отъѣзжали къ Ивану; являлись даже иноземцы, особенно крещеные татары, и во главѣ ихъ мурза (князь) *Четъ*. За Кремлемъ возникли села и посадъ, обнесенный деревянной стѣной. Въ самомъ Кремлѣ были построены Успенскій и Архангельскій соборы, храмъ Спаса на Бору, отъ котораго сохранились стѣны, и церковь Ивана, на мѣстѣ которой воздвигли потомъ колокольню Ивана Вел. Москва стала узломъ русской торговли; недалеко, при устьѣ Мологи, завелась *моложская ярмарка*, имѣвшая тогда такое же значеніе, какъ теперь нижегородская. Ивана уже боялись остальные князья: тверскіе угождали ему и даже прислали въ Москву, въ знакъ покорности, свой вѣчевой колоколъ; ростовскіе и суздальскіе стали его подручниками. Кромѣ того, Иванъ покупалъ или выгодно промѣнивалъ города и села. Но Калитѣ хотѣлось захватить всю Русь. Съ этою цѣлью онъ отдалъ одну свою дочь за ярославскаго, другую за ростовскаго князя и сталъ распоряжаться въ земляхъ своихъ зятьевъ. Особенно пострадалъ Ростовъ. Посланный туда московскій бояринъ грабилъ жителей и, для примѣра, повѣсилъ за ноги главнаго боярина. Иванъ уже замышлялъ овладѣть и Новгородомъ. Вопреки грамотамъ, запрещавшимъ князьямъ покупать земли въ Новгор. области, онъ устраивалъ тамъ *слободы*, заселяя ихъ своими людьми. Затѣмъ Иванъ вздумалъ, безъ всякаго повода, наложить родъ дани на новгородцевъ, которые такъ усердно помогали ему въ борьбѣ съ Тверью. Новгородцы собирали много „закамскаго" серебра въ *Заволочьѣ* (у сѣв. Двины и въ Перми), и въ *Югрѣ* (Сибирь). Иванъ потребовалъ себѣ

это серебро и, среди мира, началъ занимать новгородскіе города. Но новгородцы примирились съ Псковомъ и Тверью, выбрали себѣ въ князья сына Гедимина литовскаго, хорошо укрѣпились— и осторожный Иванъ замолчалъ. Рядомъ съ политическимъ возвышеніемъ Москвы, при Иванѣ I шло и нравственное. Послѣ паденія Кіева, митрополиты Руси только назывались кіевскими, а жили уже въ другихъ городахъ, именно тамъ, гдѣ князь былъ посильнѣе. По большей части они пребывали во Владимірѣ. *Митрополитъ Петръ* также жилъ сначала во Владимірѣ, но потомъ перешелъ въ Тверь, когда усилился Михаилъ Ярославичъ (§ 81). Этотъ іерархъ былъ родомъ изъ Волыни и ѣздилъ для посвященія въ Константинополь. Человѣкъ опытный, Петръ повелъ такую же политику, какъ московскіе князья. Онъ съѣздилъ въ Орду и получилъ отъ Узбека свободу духовенства отъ дани и отъ обидъ татарскихъ. Замѣтивъ возвышеніе Москвы, онъ переѣхалъ туда, незадолго передъ тѣмъ, какъ Иванъ получилъ великое княженіе. Петръ помогалъ Калитѣ строить церкви въ Москвѣ и такъ пророчествовалъ ему: „Богъ поставитъ тебя выше всѣхъ князей и распространитъ городъ сей больше всѣхъ городовъ; и будетъ родъ твой обладать мѣстомъ симъ во вѣки, и руки его лягутъ на плечи враговъ вашихъ“. Петръ остался въ памяти народа святымъ покровителемъ Москвы. *Перенесеніе мѣстопребыванія митрополита въ Москву* — одно изъ важнѣйшихъ событій въ исторіи Россіи: оно давало ей видъ столицы „всея Руси“. Это способствовало также возрастанію Москвы: въ нее отовсюду стекались лица, имѣвшія нужду до митрополита, какъ въ средоточіе церковнаго управленія. Иванъ I умеръ въ 1341 г., послѣ 13 л. великаго княженія. Въ лѣтописи онъ названъ первымъ *собирателемъ Русской земли;* потомкамъ, онъ представлялся основателемъ тишины и порядка на Руси. Дѣйствительно, послѣдующіе великіе князья походили на Калиту и подражали ему въ своей политикѣ.

§ 85. **Семенъ Гордый и Иванъ II. Борьба двухъ Димитріевъ.** — Старшій сынъ Калиты, *Семенъ*, продолжалъ дѣло отца. Если ему не удалось расширить предѣлы Москвы, зато онъ усилилъ самодержавіе Семенъ даже съ братьями своими обращался, какъ съ подданными: они называли его уже не отцомъ или старшимъ братомъ, а „господиномъ великимъ княземъ“. Оттого Семенъ получилъ прозвище *Гордаго.* Въ лѣтописяхъ сказано, что „всѣ русскіе князья даны были подъ руки Семену“, и тогда московскій князь впервые принялъ титулъ „великаго князя *всея Руси*“.

Семенъ дѣлалъ, что хотѣлъ, даже съ такимъ сильнымъ сосѣдомъ, какъ тверской князь: онъ прогналъ свою жену, дочь этого князя, просто потому, что ему иногда казалось, будто она—мертвецъ. Затѣмъ онъ вдругъ сталъ требовать дани съ новгородцевъ и послалъ къ нимъ своихъ бояръ, которые начали жестоко притѣснять жителей. Испуганные новгородцы согласились платить дань. Но Семенъ потребовалъ отъ нихъ небывалаго униженія,—чтобы ихъ знатнѣйшіе граждане пришли къ нему босые и пали на колѣна. Такая сила Семена объясняется покровительствомъ татаръ, которыхъ онъ задаривалъ, и ослабленіемъ сосѣдей Москвы. Тогда во всѣхъ княжествахъ были междоусобія; въ Новгородѣ боролись между собой боярскія партіи; Литва подвергалась нападеніямъ нѣмецкихъ рыцарей. А въ Москвѣ было тихо: родственники Семена трепетали передъ нимъ; татары не дѣлали набѣговъ. Семенъ умеръ отъ заразы еще молодымъ, не оставивъ дѣтей. Ему наслѣдовалъ братъ его, *Иванъ II*, князь тихій и скромный, но неспособный къ правленію. За него управлялъ митрополитъ *Алексѣй*, родственникъ бояръ *Плещеевыхъ*. Ивана не слушались мелкіе князья, и даже татары позволяли себѣ притѣснять москвичей. А въ самой Москвѣ произошли волненія отъ бояръ, которые усилились при слабомъ княженіи. Особенно опасенъ былъ бояринъ *Алексѣй Петровичъ*, по прозванью *Хвостъ*. Онъ былъ тысяцкимъ, т.-е. самымъ важнымъ лицомъ въ городѣ: тысяцкій избирался на вѣчѣ, предводительствовалъ земскою ратью и былъ почти независимъ отъ князя и бояръ. Хвостъ еще при Семенѣ выказывалъ столько властолюбія, что князь выгналъ его. При Иванѣ онъ опять сталъ тысяцкимъ, и, опираясь на привязанныхъ къ нему горожанъ, началъ притѣснять бояръ и гордо велъ себя съ княземъ. Однажды, послѣ заутрени, нашли его убитымъ на площади. Народъ волновался, крича, что это бояре убили Хвоста, точно также, какъ встарину Кучковичи зарѣзали Боголюбскаго. Нѣкоторые изъ бояръ бѣжали; но вскорѣ возвратились, съ помощью великаго князя. Иванъ II княжилъ недолго. У него остался 9-лѣтній сынъ, *Димитрій*. Пользуясь его малолѣтствомъ, одинъ его родственникъ, младшій изъ князей суздальскихъ, тоже *Димитрій*, съѣздилъ въ Орду и получилъ ярлыкъ на великое княженіе. Онъ поселился во Владимірѣ. Но Москва не думала уступать. Здѣсь, за малолѣтствомъ Димитрія Ивановича, управляли *бояре*. У нихъ уже были большія *вотчины*, да и должности ихъ стали почти наслѣдственными. Они стеклись въ Москву со всѣхъ другихъ княжествъ и привыкли

считать себя самыми важными боярами на Руси. Точно также стоялъ за Москву митрополитъ *Алексѣй*, а его уважали въ Ордѣ и даже считали чародѣемъ, послѣ того, какъ ему удалось вылечить одну ханшу. Наконецъ, къ Москвѣ былъ приверженъ преподобный *Сергій*, который основалъ при Семенѣ самый важный монастырь въ моск. области, *Троицко-Сергіевскую лавру*. Сергій постоянно дѣйствовалъ въ пользу московскихъ князей и слушался приказаній митрополита Алексѣя. Московскіе бояре пріѣхали съ маленькимъ Димитріемъ въ Орду, чтобы отбить великое княженіе у князя суздальскаго. Они застали въ Ордѣ страшные безпорядки. Ханы убивали другъ друга, и, наконецъ, Орда распалась на два ханства. Москвичи повели дѣло такъ искусно, что оба хана разомъ дали Димитрію Ивановичу ярлыки на великое княженіе. Суздальскій князь испугался, призналъ власть соперника и даже выдалъ за него свою дочь. Вскорѣ Димитрій Ивановичъ сталъ совершеннолѣтнимъ и началъ подражать своему дѣду и дядѣ. По словамъ лѣтописи, онъ „всѣхъ князей приводилъ подъ свою волю и началъ посягать на тѣхъ, которые не повиновались его волѣ". Въ то же время была отмѣнена опасная должность тысяцкаго. Когда сынъ послѣдняго тысяцкаго, *Вельяминова*, *Иванъ*, бѣжалъ въ Тверь и былъ выданъ, ему отрубили голову: то была первая всенародная казнь въ Москвѣ.

§ 86. **Покореніе Твери и Рязани Москвою.** — Но Тверь все еще была сильна. Въ ней княжилъ тогда сынъ Александра Михайловича (§ 81), мужественный и неутомимый *Михаилъ*, который вступилъ въ союзъ съ предпріимчивымъ *Ольгердомъ* (§ 73), выдавъ за него замужъ свою сестру. Онъ до того вѣрилъ въ свои силы, что когда ѣздилъ въ Орду, то только покупалъ тамъ ярлыки на великое княженіе, но не бралъ войскъ, которыя предлагали ему татары. Въ началѣ надежды Михаила оправдались: Ольгердъ дѣлалъ такіе быстрые набѣги на москвичей, что тѣ не успѣвали приготовиться къ борьбѣ. Война началась не по винѣ Михаила. Димитрій самъ вмѣшался въ его споры съ княземъ кашинскимъ и приказалъ митрополиту Алексѣю пригласить его въ Москву для полюбовнаго рѣшенія дѣла. Михаилъ повѣрилъ слову архипастыря и пріѣхалъ. Его заключили въ тюрьму; но вскорѣ выпустили, когда въ Москву пріѣхали послы Мамая. Михаилъ воскликнулъ: „Я больше всего любилъ митрополита и вѣрилъ ему; а онъ такъ посрамилъ меня и наругался надо мной!" Съ этой минуты онъ поклялся мстить Москвѣ до самой своей

смерти. Онъ бросился въ Литву — и Ольгердъ внезапно явился подъ Москвой. Димитрій съ боярами отсидѣлись въ Кремлѣ; но литовцы пожгли всѣ сосѣдніе посады и села: съ нашествія Батыя Москва не испытывала такихъ бѣдствій. Но вслѣдъ затѣмъ Ольгердъ былъ занятъ войной съ нѣмцами, и Димитрій, уже успѣвшій снова задобрить Мамая и дарами, и личнымъ поклономъ въ Сараѣ, рѣшился покончить съ Михаиломъ. Онъ собралъ большую рать. Тутъ были всѣ подручные князья Москвы (т.-е весь с.-в. Руси), а также новгородцы и князья смоленскіе и южные, которыхъ тѣснили литовцы. Русскій народъ благословлялъ эту рать, потому, что считалъ Михаила другомъ враговъ Руси — литовцевъ и татаръ. Михаилъ покорился безъ боя и сталъ подручнымъ княземъ Москвы (1375). Народъ не ошибся, считая Москву защитницей Руси отъ татаръ. Въ договорѣ между Димитріемъ и Михаиломъ было сказано, что Тверь обязуется помогать московскому князю, если онъ захочетъ идти противъ Орды. Въ то же время была подавлена и *Рязань*, самая могущественная область послѣ Москвы и Твери. Она была особенно сильна личностями своихъ князей, которые находились постоянно подъ ударами татаръ и выработали мужественный характеръ. При Димитріѣ Ивановичѣ княжилъ самый знаменитый изъ рязанскихъ князей, *Олегъ Ивановичъ*. Подобно тверскимъ князьямъ, онъ, такъ же какъ и его предки, питалъ непримиримую ненависть къ Москвѣ: его прадѣдъ былъ задушенъ Юріемъ Даниловичемъ. Народъ раздѣлялъ чувства своего князя. Рязанцы называли москвичей „трусами, на которыхъ нужно идти не съ оружіемъ, а съ ремнями да веревками, чтобы вязать ихъ“. Москвичи не оставались въ долгу у рязанцевъ: они называли ихъ „полоумными людищами“. Олегъ воспользовался борьбой Димитрія съ Михаиломъ тверскимъ, чтобы возстать противъ могущества Москвы; но неудача тверичей погубила его. Воевода Димитрія разбилъ его на голову (1372), чему очень былъ радъ родственникъ Олега, князь пронскій, который тотчасъ же захватилъ Рязань. Впрочемъ, потомъ Олегъ снова утвердился въ Рязани, но уже какъ подручникъ московскаго князя.

§ 87. **Димитрій Донской и татары.** — На Руси стало спокойно; не тревожила ее и Литва, гдѣ, по смерти Ольгерда, свирѣпствовали смуты (§ 73). Этимъ затишьемъ воспользовалась Русь, чтобы начать *наступательную* войну съ татарами. Русскіе, чувствуя свою силу и замѣчая раздоры въ Ордѣ, уже не боялись своихъ поработителей: они съ бранью произносили

имя какого-то темника, *Мамая*, который насиліемъ воцарился тогда въ Сараѣ. По городамъ вспыхивали бунты противъ ханскихъ пословъ, и народъ избивалъ татаръ. Нѣкоторые князья пускались внизъ по Волгѣ, съ своими ратями, и истребляли отдѣльные отряды врага. Димитрій-московскій однажды разбилъ даже значительное татарское полчище. Тогда Мамай собралъ всѣ силы татаръ, нанялъ хивинцевъ и другихъ зауральскихъ кочевниковъ, вступилъ въ союзъ съ Ягелломъ литовскимъ и съ Олегомъ рязанскимъ и пошелъ вверхъ по Дону. Димитрій выступилъ на встрѣчу ему. Съ нимъ были всѣ русскіе князья, кромѣ рязанскаго и тверскаго, и воинство со всѣхъ русскихъ земель, потому что всѣмъ желалось сразиться съ бусурманами. Собралось до 200 т., и всѣ были одушевлены надеждой, такъ какъ св. Сергій благословилъ Димитрія и предсказалъ ему побѣду. Русскіе встрѣтились съ татарами на *Куликовомъ полѣ*, между Дономъ и его притокомъ, рѣчкой Непрядвой (1380). На протяженіи 10 в. враги сцѣпились другъ съ другомъ въ рукопашномъ бою. Сначала татары одолѣли и погнали русскихъ, какъ вдругъ на нихъ напали сзади свѣжія русскія войска, бывшія въ засадѣ, подъ начальствомъ двоюроднаго брата великаго князя, *Владиміра Андреевича* серпуховскаго, и выходца изъ Волыни, по прозванью *Боброкъ*. Татары потерпѣли полное пораженіе, побросали весь обозъ; едва ускакалъ самъ тучный Мамай. Онъ такъ испугался, что бѣжалъ далеко въ степи; но тамъ столкнулся съ *Тохтамышемъ* (§ 76). Мамай былъ разбитъ соперникомъ и бѣжалъ въ Крымъ, гдѣ вскорѣ его отравили генуэзцы. Тохтамышъ, между тѣмъ, быстро пошелъ къ Москвѣ. Димитрій не успѣлъ собрать войска и удалился въ Кострому. Москвичи затворились въ Кремлѣ, который татары взяли только хитростью. Никогда еще Москва не подвергалась такому опустошенію: въ ней не осталось живой души; сгорѣло и множество книгъ, снесенныхъ со всего города. Народу погибло не менѣе 25 т., не считая сгорѣвшихъ и утонувшихъ. Но вскорѣ подоспѣлъ Владиміръ Андреевичъ и разбилъ одинъ изъ татарскихъ отрядовъ. Тохтамышъ испугался и поспѣшно ушелъ за Волгу. Его нашествіе было временнымъ несчастьемъ, да и оно произошло отъ неосторожности русскихъ. Въ сущности *Россія освободилась отъ татаръ на Куликовомъ полѣ*. Оттого народъ такъ высоко цѣнилъ эту побѣду и воспѣлъ ее въ „Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ“. Димитрій же, котораго назвали *Донскимъ*, пріобрѣлъ самое громкое имя въ исторіи с. Руси, послѣ Невскаго. Такая

народная оцѣнка особенно важна, въ виду того, что вообще княженіе Димитрія было временемъ тяжелыхъ испытаній. Русь подвергалась тогда нашествіямъ татаръ и литовцевъ; москвичи постоянно дрались съ тверичами, рязанцами, смольнянами и новгородцами; свирѣпствовала *черная смерть* (§ 68); Тохтамышъ снова заставилъ русскихъ унижаться передъ татарами и платить имъ дань. Но народъ понялъ, что, при всемъ томъ, княженіе Донскаго было зарей лучшаго будущаго. Сила татаръ была надломлена. Объединеніе Россіи много подвинулось впередъ, и Димитрій оставилъ завѣщаніе, въ которомъ *впервые установилась на Руси правильная наслѣдственность власти.* Въ немъ было сказано, что Димитрій оставляетъ великое княженіе своему старшему сыну, Василію, а Владиміръ Андреевичъ, дядя (т.-е. старшій въ родѣ), обязался считать Василія своимъ старшимъ братомъ: слѣдовательно *племянникъ былъ поставленъ выше дяди.* То была полная отмѣна родоваго быта. Оттого-то Димитрій обращался, какъ съ подданными, не только съ знатнѣйшими боярами, но и съ своими ближайшими родственниками. Владиміръ Андреевичъ, котораго народъ очень любилъ и называлъ также „Донскимъ“ и еще „Храбрымъ“, служилъ Димитрію честно и грозно, безъ ослушанія, „билъ ему челомъ“, дорожилъ „его пожалованіемъ“. До сихъ поръ лѣтопись употребляла такія слова только относительно подданныхъ и холоповъ.

§ 88. **Василій I и Василій II Темный.** — *Василій I* напоминалъ первыхъ московскихъ князей своей осторожностью и хитростью. Онъ тихо, безъ шума, пріобрѣлъ *Нижній* и *Суздаль*, отчасти воспользовавшись измѣной тамошнихъ бояръ; льстилъ ханамъ и платилъ имъ дань. Но Василій уже не столько интересовался Ордой, сколько Литвой, которая все усиливалась и забирала русскія области. Чтобы остановить грознаго врага, онъ даже женился на *Софьѣ Витовтовнѣ;* но и это не помогло. По смерти Василія I, Витовтъ едва не подчинилъ себѣ всей Руси. Тогда въ Москвѣ правила его дочь, за малолѣтствомъ сына своего, *Василія II.* Дядя ребенка, *Юрій Димитріевичъ,* не хотѣлъ признать его великимъ княземъ. Къ тому же Софья оскорбила Юрія тѣмъ, что на свадьбѣ сорвала съ его сына, *Василія Косаго*, какъ съ вора, золотой поясъ, усыпанный драгоцѣнными каменьями. Наступили небывалыя въ Москвѣ смуты. Юрію удалось разбить своего племянника и захватить Москву, гдѣ онъ вскорѣ и умеръ. Василій Косой хотѣлъ наслѣдовать ему, но былъ разбитъ Василіемъ II и ослѣпленъ. Мстителемъ за него

явился его братъ, *Димитрій Шемяка* галицкій. Соединившись съ тверскимъ княземъ, онъ схватилъ Василія II въ Троицкой лаврѣ и, въ свою очередь, ослѣпилъ его: съ тѣхъ поръ Василія Васильевича стали звать *Темнымъ*. Но вскорѣ, опасаясь народнаго волненія, Шемяка выпустилъ несчастнаго изъ тюрьмы. Москвичи не любили Шемяку, который угнеталъ ихъ, съ помощью своихъ галицкихъ бояръ, и былъ до того пристрастенъ, что вошло въ пословицу называть всякую несправедливость „шемякинымъ судомъ". Шемяка вскорѣ былъ прогнанъ, и снова воцарился Василій II. Шемяка удалился въ свой Галичъ, но продолжалъ вредить Василію, который, наконецъ, пошелъ противъ него и присоединилъ Галичъ къ Москвѣ. Шемяка бѣжалъ въ Новгородъ, но погибъ тамъ отъ отравы, подосланной изъ Москвы. Тогда прекратилась смута въ Москвѣ. Василій II прокняжилъ еще лѣтъ 10, спокойно продолжая дѣло своихъ предковъ Онъ заставилъ бѣжать послѣднихъ суздальскихъ князей. Рязанскій самъ отдалъ ему на воспитаніе своего сына, и его княжествомъ стали управлять московскіе намѣстники. Тверской князь, помогавшій Шемякѣ, призналъ себя подданнымъ Василія и выдалъ свою дочь, *Марію*, за сына Василія, *Ивана*. Новгородъ, помогавшій Шемякѣ, долженъ былъ не только заплатить Василію большую дань, но и отмѣнить свои вѣчевые законы: онъ сталъ писать грамоты отъ имени великаго князя и употреблять его печать. Даже колоніи Новгорода почувствовали руку Василія: *Псковъ* сталъ выбирать себѣ въ князья московскихъ намѣстниковъ, а *Вятка* прямо подчинилась Москвѣ. Усилилась и церковная власть Москвы. Тогда русскій митрополитъ, жившій въ Кіевѣ, вступилъ въ „унію" (§ 69), подъ покровительствомъ Литвы. Москва воспользовалась этимъ и, отвергнувъ унію, отвергла и кіевскаго митрополита. Русскіе епископы, не спрашиваясь константинопольскаго патріарха, выбрали собственнаго митрополита Іону (1448). Съ этихъ поръ *русская церковь стала независимою отъ Византіи*. Русскіе митрополиты жили въ Москвѣ. Сюда же, при Василіи I, была перенесена икона Владимірской Божіей Матери (§ 46), имѣвшая большое значеніе въ глазахъ с. Руси. Такъ, Василій Темный, умирая (1462), оставилъ уже могущественное государство своему сыну, Ивану III.

§ 89. **Земля и населеніе.**—Третій періодъ русской исторіи (1250—1450) отличается отъ 2-го во многихъ отношеніяхъ. Русь измѣнилась уже количественно. Благодаря непрерывной колонизаціи, ея *этнографическія границы* расширились на с.-в.,

среди финскихъ инородцевъ. Но въ *политическомъ* смыслѣ Русь сильно уменьшилась: весь ю.-з. подчинился Литвѣ и Польшѣ; за это не могли вознаградить ничтожныя пріобрѣтенія на счетъ шведовъ и ливонскихъ рыцарей. Сверхъ того, въ началѣ періода татары непосредственно управляли ближайшими къ нимъ частями Руси. *Населеніе* Россіи *возросло*, какъ доказываетъ многолюдность городовъ и до 200 т. воиновъ, выведенныхъ Донскимъ противъ Мамая, а также много слободъ, особенно въ с. Руси, которая очень слабо была населена до татаръ. Но увеличеніе населенія задерживали татарскіе погромы, войны съ литовцами, нѣмцами и шведами, а также внутреннія усобицы. Сверхъ того, вслѣдствіе невѣжества, необработанности природы и разбросанности населенія, Русь постигали различныя временныя бѣдствія— наводненія, пожары, въ особенности же голодъ и моровая язва. *Голодъ* мѣстный былъ обычнымъ явленіемъ, уже вслѣдствіе недостатка путей сообщенія: въ одномъ мѣстѣ гнилъ избытокъ запасовъ, когда въ другомъ нечего было ѣсть. Но нерѣдко встрѣчается почти повсемѣстный голодъ отъ физическихъ причинъ. Часто въ лѣтописяхъ говорится: стояла мгла; зной былъ ужасный; рѣки высыхали; лѣса, болота и земли горѣли, такъ что дымъ стлался по воздуху; едва можно было видѣть другъ друга вблизи, отъ дыма издыхали рыба и птица; нето хлѣбъ поѣдала мышь или „крылатый червь“ (саранча). Лѣтописецъ прибавлялъ, что скорбь была великая; только и слышно было, что плачъ и рыданія по улицамъ и торжищамъ; многіе падали отъ голоду мертвые, многіе бѣжали въ Литву, къ нѣмцамъ, евреямъ и басурманамъ, или отдавались въ рабство богачамъ. Столь же жестоко свирѣпствовалъ *моръ*, особенно во второй половинѣ 14 в. Человѣкъ или харкалъ кровью, или получалъ нарывъ и костоломъ, корчился и умиралъ въ 3 дня; обыкновенно вымирала вся семья, а нерѣдко цѣлыя села и даже города. Изъ многолюднаго Смоленска вышло только 5 человѣкъ, и они затворили за собой ворота мертваго города. Нѣкоторыя мѣста по нѣскольку разъ вновь заселялись и опять опустошались моромъ. Къ числу бѣдствій должно отнести *разбои*, которые свирѣпствовали особенно на Волгѣ, вслѣдствіе недостатка хорошаго управленія; сѣверо-востокъ больше всего потерпѣлъ отъ новгородскихъ повольниковъ. Вслѣдствіе всего этого, Русь въ этотъ періодъ была вообще страною *бѣдной* и *малонаселенной*. Главнымъ занятіемъ жителей было по-прежнему *земледѣліе*.

§ 90. **Начало самодержавія.**—Татары имѣли прямое вліяніе

на политику русскихъ и задерживали ихъ бытовое развитіе (§ 77). Поэтому въ 3-мъ періодѣ на Руси произошло болѣе перемѣнъ въ политикѣ, чѣмъ въ быту. Тогда произошло *усиленіе самодержавія*. Даже младшіе князья стали слугами или „подручниками“ великаго князя. Если не по закону, то на дѣлѣ, установилось *престолонаслѣдіе по прямой линіи*. Власть сосредоточилась въ Москвѣ, хотя не по праву, а по обстоятельствамъ: Тверь и Рязань, самыя сильныя области, уже очутились въ подручныхъ отношеніяхъ къ ней, а менѣе важные князья стали называться *удѣльными* и *помѣстными*. Съ Калиты московскій князь уже называется „самодержцемъ“, Божіей милостью великимъ княземъ „всея Руси“, „господаремъ“ или „государемъ“. Отношенія между великимъ и удѣльными князьями опредѣлялись *договорными грамотами и духовными завѣщаніями*, которыхъ осталось много отъ того времени. Удѣльные были независимы въ своихъ областяхъ, но подчинялись великому: они называли его „господиномъ“, „служили“ ему безъ ослушанія, „честно и грозно“, и „били челомъ“; они обязаны были ходить на войну по его первому призыву. Измѣнился и бытъ князя. Князь ходилъ на войну лишь въ крайнемъ случаѣ, больше сидѣлъ дома и старался интригами или деньгами „придобывать“ побольше земель и разнаго добра—одеждъ, драгоцѣнныхъ камней, золотыхъ вещей, сундуковъ, мѣховъ, посуды и т. д. Князь велъ скромный и скучный образъ жизни: даже охота сдѣлалась болѣе простою, дешевой и рѣдкой. Пиры сохранились, особенно брачные или *каша*, но также въ болѣе скромныхъ размѣрахъ: все ограничивалось попойкой. Князья женились 14 л. на невѣстахъ своего рода или на литовскихъ и татарскихъ княжнахъ, изрѣдка и на боярскихъ дочеряхъ. Передъ смертью постригались въ монахи. Придворныя должности были: болѣе почетныя (боярскія) - стольники, чашники, кравчіе; менѣе важныя (нерѣдко поручаемыя холопамъ)—дворскіе или дворецкіе, управлявшіе княжимъ дворомъ, казначеи, ключники и дьяки; послѣдніе употреблялись, какъ послы. Княжая казна была обильна. Она состояла изъ множества пошлинъ—судебныхъ, торговыхъ и др. (за взвѣшиваніе товара, за клеймленіе лошадей, за браки, за соль, медъ, рыбу и проч.). Кромѣ того, были большіе доходы съ земель: помимо оброковъ, у князей были соляныя варницы, садоводство, табуны лошадей и стада скота, рыболовство, ловля бобровъ, которые водились даже близъ Москвы, ловчій и сокольничій „пути“ (§ 9). Князья посылали свои „ватаги“ за звѣремъ, рыбой и птицей до Бѣлаго

м. Правители волостей и городовъ, *волостели* и *намѣстники*, пользовались отъ казны кормленіемъ и „путями"; имъ давали ежедневное содержаніе—сначала натурой, потомъ деньгами. Сохранялись *тіуны* и *писцы* (для описи земель). Было множество сборщиковъ податей, *данщиковъ:* бобровники, бортники, ямщики и др.

§ 91. **Бояре и тяглые люди.**—Волостели и намѣстники, а также тысяцкіе и „думцы" (§ 25) князя принадлежали къ боярскому сословію, которое теперь совсѣмъ не походило на южную дружину. Бояре сохранили только одно изъ прежнихъ правъ—право отъѣзда (§ 57) съ сохраненіемъ вотчинъ. Они пользовались имъ для того, чтобы со всѣхъ сторонъ стекаться въ Москву (§ 83): сколько тутъ было Рюриковичей, Гедиминовичей, даже татарскихъ мурзъ, не говоря уже о простыхъ боярахъ! Въ Москвѣ было выгоднѣе всего служить: здѣсь кромѣ „кормленья" получали не только много вотчинъ, но и небывалыхъ прежде *помѣстій*, которыя давались имъ въ пользованіе, покуда они числились на службѣ. Оттого моск. бояре такъ разбогатѣли, что удѣльные князья старались породниться съ ними. Но при начавшемся самодержавіи, они не были опасны, тѣмъ болѣе, что у нихъ не было общаго, сословнаго интереса: наѣхавши во множествѣ изъ разныхъ мѣстъ, *бояре поддерживали моск. князя*, старались выслужиться передъ нимъ, ссорились изъ-за его милостей. Самые важные изъ нихъ назывались *большими*; низшіе, ѣздившіе при князѣ въ походахъ—*окольничими*. За боярами слѣдовали *дѣти боярскія*, съ такими же правами, только не участвовавшія въ думѣ князя. Еще ниже стояли *слуги* князя, которые частью посылались на кормленье, частью завѣдывали работами на княжихъ земляхъ. На эту должность назначались иногда и княжіе холопы. Бояре не несли государственныхъ „тягостей" (налоговъ), а только служили: оттого ихъ называли *служилыми людьми*. Весь остальной народъ называли *тяглыми людьми* и податными. Тяглые раздѣлялись на горожанъ и крестьянъ. *Горожане* утратили свои прежнія права, особенно въ с.-в. Руси, гдѣ ими управляли служители великаго князя. Ихъ называли „крамольниками", если они иногда, по старой памяти, собирали гдѣ-нибудь вѣче. Старыя вѣча уцѣлѣли только въ Полоцкѣ, Псковѣ и особенно въ Новгородѣ. Въ Новгородѣ князья еще заключали ряды съ горожанами, обязываясь держать ихъ „въ старинѣ, по пошлинѣ (по обычаю), безъ обиды". Великій князь не могъ ставить посадниковъ и тысяцкихъ и обязывался

не слушать доносовъ; ни онъ, ни его бояре не должны были держать своихъ селъ на новгор. землѣ. Новгородъ платилъ князю только „черный боръ“ или выходъ въ Орду. Но съ Калиты московскіе князья стараются установить дани; тогда же появляются княжескіе *намѣстники* подлѣ посадниковъ; а въ „рядахъ „новгородцы обязываются держать княженіе честно и даже „грозно“. Въ ю.-з. городахъ появилось *магдебургское право* (§ 72), близкое къ вѣчевому: оно предоставляло горожанамъ самоуправленіе, а также давало имъ льготы отъ торговыхъ пошлинъ. Литовское правительство покровительствовало горожанамъ, безъ различія вѣръ и народностей. Оно сохранило вѣчевой бытъ за Полоцкомъ и давало льготы нѣмцамъ, евреямъ и армянамъ; оно наказывало за обиду еврею также, какъ за обиду шляхтичу. Но даже въ с.-в. Руси города продолжали богатѣть отъ развитія *промысловъ*, которыхъ было уже много, и *торговли*, которой покровительствовали князья. Особенно процвѣтали города, не тронутые татарами—Новгородъ, Псковъ, Смоленскъ, Полоцкъ и Вологда. А Кіевъ, Москва и Нижній Новгородъ, хотя и страдали отъ татаръ, были важными торговыми узлами, по своему географическому положенію. По обширности торговли, все еще выше всѣхъ стоялъ Новгородъ, денежные обороты котораго доходили до Кіева, Нижняго, Любека и Стокгольма. Въ Смоленскѣ и Полоцкѣ жили торговцы изъ Риги, Мекленбурга и Мюнстера. Въ Кіевѣ сходились купцы изъ Польши, Австріи, Царьграда и Италіи. Галиція и Подолія торговали съ Венгріей и Молдавіей. Русскихъ купцовъ встрѣчали тогда въ Крыму и Греціи. *Хаджибей* (нын. Одесса) былъ литовско-русскою гаванью, чрезъ которую шла подольская пшеница въ Константинополь. Въ Москвѣ видимъ купцовъ изъ Персіи, Арменіи и Литвы. На развитіе торговли указываетъ и измѣненіе монеты. Вмѣсто „кунъ“ (§ 29), она начинаетъ называться татарскимъ именемъ—*деньги*; вмѣсто гривенъ является счетъ *рублями*. Впрочемъ, рубль былъ не монета, а кусокъ серебра опредѣленнаго вѣса (ок. полфунта), и стоилъ онъ ок. 10 р. Изъ этого „рубленаго“ серебра чеканились деньги. *Деньга* (ок. 10 к.) была мелкою монетой; въ рублѣ было 100 денегъ. Была еще средняя монета—*алтынъ*, состоявшій изъ шести денегъ (по татар. „алты“—шесть). При такой торговлѣ, лучшіе города имѣли значительное населеніе: около 1400 г. въ Новгородѣ умерло отъ мору 80 т. Обширны были и владѣнія такихъ городовъ. Они раздѣлялись на *уѣзды* (уѣздъ, разъѣздъ—размежеваніе), которые распадались на *волости*, во-

лости—на *станы*, станы—на *околицы*. Такъ какъ многіе города пользовались отъ князей льготами, то тяжести падали, главнымъ образомъ, на ту часть тяглыхъ, которая называлась *черными* и *численными* (сосчитанными) людьми, а также *крестьянами* и *сиротами*. Кромѣ множества податей, они должны были все дѣлать для князя и его служителей—ставить имъ дворы, кормить и возить ихъ, выходить по ихъ приказу на охоту и проч. Положеніе черныхъ было тѣмъ тяжелѣе, что они постепенно теряли право на землю, которою прежде владѣли, отчасти какъ частною, отчасти какъ общинною собственностью. Это произошло отъ постоянныхъ переселеній земледѣльцевъ, отъ сильной колонизаціи сѣверо-востока. Такъ какъ народу было мало, а земли много, то каждый землевладѣлецъ (князь, бояринъ, архіерей, монастырь) старался переманивать къ себѣ крестьянъ изъ чужихъ земель, давая имъ льготы. Такъ образовались *половники* и *третники*, платившіе землевладѣльцу $^1/_2$ или $^1/_3$ произведеній своего труда, а также *наймиты*, работавшіе по найму. Такъ черные свободно переходили отъ одного землевладѣльца къ другому. Они дорожили этимъ правомъ, потому что имъ выгодно было часто покидать плохую почву, которая скоро истощалась на с.-в., и получать новыя льготы отъ новаго землевладѣльца. Впрочемъ уже въ то время появлялись намеки на крѣпостное право. Нѣкоторые монастыри запрещали переходъ крестьянамъ, жившимъ на ихъ земляхъ; многіе получали отъ князей право суда надъ крестьянами; кое-гдѣ крестьяне даже платили „оброкъ“ и работали на землевладѣльца. Наконецъ, съ появленіемъ помѣстій появляется и имя *помѣщика*. Въ то же время усиливалась разрозненность и неподвижность сословій: прежде мужикъ могъ стать мужемъ, войти въ дружину; теперь тяглый не могъ вступить въ разрядъ служилыхъ людей. Подлѣ черныхъ существовали попрежнему *холопы* или „купленные“, а также *закладни*, которые закладывались за богатаго, чтобы избѣжать повинностей.

§ 92. **Казачество.**—Къ концу 3-го періода образовался еще одинъ важный отдѣлъ русскаго населенія. Это—*казачество*, упоминаемое въ лѣтописяхъ впервые при Василіи Темномъ. Оно было слѣдствіемъ двухъ причинъ—внутренней и внѣшней. Быстрое усиленіе самодержавія, къ которому еще не привыкъ народъ, и бѣдность государства поддерживали древнюю привычку „разбрестись розно“. Татары также заставляли народъ разбѣгаться да еще придавали нравственную силу бѣглецамъ, выходъ кото-

рыхъ изъ русскаго строя освящался идеей борьбы съ невѣрными. Казаки—это сбродъ всякихъ выходцевъ изъ Руси, среди которыхъ было особенно много холоповъ. Эти нищіе бѣжали на южныя окраины (Украйны), въ степи, гдѣ терялись границы Руси. Тамъ имъ было привольно жить: полный просторъ, а добра можно было добыть силой у татаръ, въ крайнемъ же случаѣ и у своихъ. Бѣглецы составляли общины, управляемыя сходкой или *кругомъ*, который выбиралъ *атамана*. Имъ постоянно приходилось бороться съ бусурманами, отъ которыхъ они получили и свое названіе: у татаръ „казаками" назывались простые воины, которые подчинялись „уланамъ". Такъ какъ съ казаками ничего нельзя было сдѣлать, и такъ какъ они приносили пользу своей борьбой съ татарами и колонизаціей степей, то правительство прощало имъ побѣгъ и принимало ихъ въ свою службу съ обязательствомъ жить въ пограничныхъ городахъ и сторожить границы. Такъ среди казачества образовался осѣдлый отдѣлъ, который назывался казаками *городовыми* или „сторожевыми". Городовые казаки возникли преимущественно на *Дону*, и больше изъ рязанцевъ. Но съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ татары слабѣли, казачество распространялось по всѣмъ южн. окраинамъ, въ особенности же на низовьяхъ *Днѣпра*. Новые пришельцы, съ характеромъ еще не установившимся, кочевымъ, уходили подальше въ степь и не признавали надъ собой никакого правительства. Они назывались *вольными* или „степными" казаками. Это былъ опасный, отчаянный народъ, грабившій все, что ни попадалось подъ руку. Они одинаково охотно дрались какъ съ „татарвой", такъ и съ своимъ братомъ—городовымъ казакомъ. Первоначально особенно отважна и многочисленна была донская вольница, которая господствовала на водахъ Волги, не давая проходу какъ азіатскимъ караванамъ, такъ и русскимъ купцамъ и царскимъ посламъ. Впослѣдствіи историческое значеніе перешло къ казачеству днѣпровской Украйны.

§ 93. **Церковь.**—Въ 3-мъ періодѣ русская церковь *распалась на сѣверо-восточную и юго-западную*. Когда палъ Кіевъ, митрополиты стали „тянуть" къ возвышавшейся Суздальской землѣ. Они часто ѣздили туда, потому что тамъ скоплялось много дѣлъ. Наконецъ, митрополитъ *Максимъ* совсѣмъ переселился во Владиміръ (ок. 1300), а преемникъ его, *Петръ*, переѣхалъ въ Москву. Съ этихъ поръ моск. митрополитъ старался стать церковнымъ главою всей Россіи и часто ѣздилъ на югъ. Но про-

тивъ этого возстала Литва. Церковныя дѣла при второмъ преемникѣ Петра, *Алексѣѣ*, хорошо объясняютъ отношенія между Москвой, Литвой и Византіей, а также между властью князя и митрополита на Руси. Въ 1354 г. Иванъ II просилъ патріарха назначить митрополитомъ Алексѣя. Въ Константинополѣ-же, еще до пріѣзда послѣдняго, поставили грека, Романа. Но, чтобы не обидѣть Ивана, поставили и Алексѣя. Тогда впервые „сотворился мятежъ во святительствѣ“: оба митрополита требовали повиновенія отъ епископовъ и брали съ нихъ дани. Алексѣй появился въ Кіевѣ, а Романъ въ Твери. Но Романъ вскорѣ умеръ, и Алексѣй возсоединилъ русскую церковь. Алексѣю хотѣлось сдѣлать своимъ преемникомъ Сергія, основателя Троицкой Лавры; но новому князю, Димитрію Донскому, понравился попъ *Митяй*, рослый, красивый мущина, умѣвшій красно говорить, но крайне честолюбивый и дерзкій. По смерти Алексѣя, Митяй присвоилъ себѣ власть митрополита и поѣхалъ за посвященіемъ въ Царьградъ, но тамъ умеръ. Его свита выхлопотала у патріарха поставленіе нѣкоего Пимена; но Димитрій, подозрѣвая его въ отравленіи Митяя, снялъ съ него бѣлый клобукъ и заточилъ его. Потомъ Димитрій призналъ Пимена митрополитомъ; но въ Кіевѣ, по просьбѣ Литвы, патріархъ поставилъ другаго митрополита. Такъ церкви, то соединялись, то распадались. Окончательное распаденіе совершилось при митрополитѣ *Исидорѣ*, который былъ послѣднимъ грекомъ на митрополичьемъ престолѣ Россіи и ставленникомъ Византіи. Исидоръ былъ митрополитомъ „всей“ Руси; но онъ поѣхалъ на флорентійскій соборъ (§ 69) противъ желанія Василія Темнаго. Послѣдній предупреждалъ Исидора „не приносить оттуда ничего новаго и чужаго“. Но тотъ возвратился съ званіемъ папскаго легата, съ католическимъ крестомъ и съ причастіемъ безъ чаши, а за обѣдней сталъ поминать папу, вмѣсто патріарховъ, и читать о происхожденіи Духа Св. отъ Отца „и Сына“. Онъ требовалъ на этихъ основаніяхъ *уніи* или соединенія восточнаго православія съ западнымъ. Василій назвалъ Исидора „еретикомъ и волкомъ“ и посадилъ подъ стражу, а собору велѣлъ судить его. Исидоръ бѣжалъ, а въ Москвѣ былъ поставленъ въ митрополиты русскій епископъ, *Іона*, и поставленъ соборомъ русскихъ епископовъ, помимо патріарха (§ 88). Вслѣдъ затѣмъ Константинополь былъ взятъ турками. Въ ю.-з. Руси тогда же была объявлена унія и былъ поставленъ свой епископъ, а русское духовенство получило льготную грамоту отъ польскаго короля. Въ Москвѣ же былъ созванъ

соборъ изъ епископовъ сѣв. Руси, который положилъ стоять за „московскую“ церковь и самимъ избирать митрополита всея Руси, „по повелѣнію господина великаго князя, русскаго самодержца“.

§ 94. **Духовенство.**—Значеніе духовенства возвысилось. Сохраняя большія права, оно стало болѣе *обширнымъ и плотнымъ сословіемъ.* Это доказывается появленіемъ книги церковныхъ законовъ: былъ выписанъ изъ Болгаріи (1282) полный переводъ византійскаго Номоканона, подъ именемъ *Кормчей Книги* („кормити“—управлять), и дополненъ русскими законами о церкви. Вліяніе духовенства увеличилось и матеріально. *Число епархій возрасло до 18*—одна изъ нихъ въ *Сараѣ*, гдѣ было много русскихъ плѣнныхъ. Съ расширеніемъ власти моск. князя увеличивалось и государственное значеніе іерарховъ, которые участвовали во всѣхъ важныхъ дѣлахъ, какъ совѣтники, секретари, примирители и дипломаты: слово *дьякъ* (какъ западное „клеркъ“) показываетъ, что сначала правительственное письмоводство было въ рукахъ духовенства. Какъ единственное образованное сословіе, духовенство владѣло еще всѣмъ просвѣщеніемъ и служило примѣромъ хорошаго управленія волостями. Оно стало также *замкнутымъ* сословіемъ: правительство запретило ставить въ духовный санъ тяглыхъ и служилыхъ людей, чтобы не было ущерба казнѣ и службѣ; а права, данныя князьями духовному лицу, переходили и на его родственниковъ, если они не выдѣлялись изъ семьи. Наконецъ, духовенство *богатѣло* съ увеличеніемъ народонаселенія: оно уже владѣло большими землями и отчасти съ крѣпостными крестьянами; у владыкъ были цѣлые города и волости, князья завѣщали имъ села на поминъ души. Церковныя имѣнія были тѣмъ богаче, что народъ стекался сюда охотно, подобно тому, какъ на Западѣ говорили: „подъ посохомъ хорошо живется“. Эти имѣнія управлялись умнѣе свѣтскихъ и пользовались большими льготами, которыя были узаконены *жалованными грамотами* князей и *ярлыками* хановъ. Грамоты (ихъ насчитывается болѣе 200 въ этомъ періодѣ) освобождали церковныя земли отъ княжаго суда (кромѣ уголовщины), отъ нѣкоторыхъ даней, отъ торговыхъ пошлинъ, отъ содержанія княжихъ „ѣздоковъ“ (гонцовъ). Особенно велика была власть *митрополита.* Патріархъ приказывалъ великому князю показывать ему „благоговѣніе, послушаніе и благое повиновеніе“, и тотъ выѣзжалъ за нѣсколько верстъ навстрѣчу своему митрополиту. У митрополита былъ, какъ у князя, свой придворный штатъ—

бояре, отроки и слуги, которые шли передъ нимъ. Въ свои имѣнія онъ назначалъ, какъ князь, волостелей и десятниковъ; его подписи и печати были на княжихъ грамотахъ, договорахъ и духовныхъ завѣщаніяхъ, а на этихъ печатяхъ читаемъ: „Божіей милостью". При всей своей силѣ и при крайней религіозности народа, русское духовенство не отступало отъ византійскихъ преданій *относительно свѣтской власти*. Митрополитъ, какъ тѣнь, слѣдовалъ за нею, проклиналъ непокорныхъ Москвѣ князей, объяснялъ новгородцамъ негодность вѣчеваго порядка. Онъ предоставлялъ церковные выборы на волю великаго князя и уступалъ ему многое изъ своей судебной власти. Онъ заставлялъ владыку новгородскаго повиноваться Москвѣ, и помогалъ заключить его въ тюрьму. Онъ доказывалъ псковичамъ, что ихъ Псковъ — отчина великаго князя московскаго. Монашество попрежнему помогало развитію Руси заселеніемъ пустынь, распространеніемъ христіанства и просвѣщеніемъ народа. Монахи по преимуществу смѣло *печаловались о народѣ* (§ 62), а также помогали бѣднымъ, угнетеннымъ и странникамъ. Они углублялись въ дебри, жили сначала гдѣ-нибудь въ дуплѣ или на болотномъ островкѣ, потомъ строили обитель, которая служила богадѣльней, гостиницей и торговымъ домомъ для промышленниковъ. Монахи подвергались здѣсь нападеніямъ звѣрей, разбойниковъ, язычниковъ и даже окрестныхъ крестьянъ, которые боялись, какъ бы они не захватили ихъ земель. Съ распространеніемъ владѣній Москвы и съ ослабленіемъ татарскаго ига, во второй половинѣ 3-го періода, *число монастырей все возрастало*. Явилось болѣе 180 новыхъ или возстановленныхъ обителей, отчасти независимыхъ, отчасти митрополичьихъ и княжихъ. Впрочемъ, по большей части это были „монастырьки" съ 3—6 иноками, но иногда встрѣчались и монастыри съ 300 монаховъ и съ „приписными" обителями, которыя управлялись ими. Сначала каждый инокъ жилъ отдѣльно, своимъ хозяйствомъ; но съ конца 14 в. стало развиваться *общежитіе*, и монахамъ запрещалось имѣть частную собственность, даже съѣсть кусокъ хлѣба не за общей трапезой. Народъ шелъ въ монастыри не только ради спасенія души, но и по корыстнымъ побужденіямъ. Здѣсь не только избавлялись отъ государственныхъ повинностей, но и жили безопаснѣе отъ татаръ и московскихъ служителей. Распространенію монастырей способствовала ихъ *независимость и полная свобода ихъ основанія*: не требовалось никакихъ разрѣшеній отъ правительства. Устроившись, монахи просили у князя жалованную грамоту.

Князья еще охотнѣе и щедрѣе давали имъ льготы, чѣмъ свѣтскому духовенству; но они и здѣсь соблюдали свою власть: инокамъ было хорошо, только когда они поддерживали ихъ. Когда св. Григорій вологодскій пришелъ обличать Шемяку, тотъ велѣлъ сбросить его съ помоста. Монашество такъ развилось въ 3-мъ періодѣ, что въ с.-в. Руси появился свой царь монастырей, имѣвшій такое же значеніе, какъ Печерская Лавра для юго-запада. Это — *Троицко-Сергіевская Лавра* близъ Москвы (§ 85). Ее основалъ св. *Сергій радонежскій* († 1391), сынъ ростовскаго боярина, бѣжавшаго въ Радонежъ отъ насилій московскихъ правителей. Сергій уже въ дѣтствѣ сталъ воздерженъ въ пищѣ, а по смерти родителей скрылся въ дебри, въ „мѣсто трудное, голодное и бѣдное", гдѣ 3 г. не видалъ никого, кромѣ медвѣдей да бобровъ. Къ нему стали стекаться иноки, которымъ Сергій служилъ, какъ рабъ. Вскорѣ онъ сталъ помощникомъ правителей: при Донскомъ онъ ходилъ посломъ въ Нижній, чтобы заставить его повиноваться Москвѣ, примирилъ Москву съ Рязанью и строго побуждалъ Димитрія къ битвѣ съ татарами. Но Сергій отклонялъ отъ себя почести и милости властителей: его жалкую одежду и деревянные церковные сосуды показываютъ въ Лаврѣ и теперь. Послѣдователи Сергія основали много другихъ обителей. Главнымъ изъ нихъ былъ *св. Кириллъ*, изъ бояръ Вельяминовыхъ. Онъ ушелъ въ пустыню Бѣлоозера и спасался тамъ въ подземельѣ, а когда собралась братія, основалъ *Бѣлозерскій монастырь*, самый важный въ с. Руси, послѣ Троицкой Лавры. Благодаря такимъ обителямъ, христіанство распространялось на с. успѣшнѣе прежняго. Особенно прославился св. *Стефанъ пермскій*. Сынъ причетника въ Устюгѣ Великомъ, Стефанъ дома прочелъ много священнаго, потомъ постригся въ Ростовѣ, гдѣ было много книгъ. Здѣсь онъ выучился по-гречески и по-зырянски и изобрѣлъ азбуку для зырянскаго нарѣчія, на которое перевелъ часть св. Писанія (переводъ утраченъ). Затѣмъ Стефанъ отправился на р. Вычегду и, не смотря на сопротивленіе волхвовъ, обратилъ въ христіанство многихъ пермяковъ, такъ что образовалась новая епархія.

§ 95. **Нравы, понятія, просвѣщеніе.**—Монастыри были единственнымъ убѣжищемъ нравственности, гдѣ встрѣчались такіе идеалисты, какъ Сергій и Кириллъ. Тогда *нравы пали*, сравнительно съ удѣльнымъ періодомъ. Правительство стало болѣе грубымъ и двоедушнымъ. Преступниковъ стали клеймить, имъ обрѣзывали носы и уши, отсѣкали руки, выкалывали глаза. Утвер-

дились тѣлесныя наказанія, кнутъ; возникла и *смертная казнь* (§ 82). Княжіе люди грабили и буйствовали, такъ что важною льготой было запрещеніе имъ дѣлать „наѣзды"; начались взятки и „шемякинъ судъ" (§ 88) даже въ Новгородѣ. Войны сопровождались клятвопреступленіями и ужасами: плѣнныхъ травили собаками, давили между бревнами; выжигали имъ глаза; дѣтей сажали на колъ, или подымали на копья; въ походахъ точно также грабили и истязали своихъ. Всѣ сословія одинаково предавались *чувственности* и *своекорыстію:* грабили даже имѣнія духовенства, котораго вообще не уважали; замѣчательна придворная исторія съ краденымъ поясомъ (§ 88). Грубость въ выраженіяхъ доходила до того, что впервые явилось *наказаніе за оскорбленіе словомъ.* Кромѣ кулачныхъ, развелись *дрекольные бои*, причемъ платье убитыхъ побѣдители брали себѣ. Любили и судебныя тяжбы рѣшать *полемъ* (§ 26), даже женщины. Часто самовольно разводились съ женами, вступали въ 4-й бракъ, имѣли по нѣскольку женъ. *Женщина* же только формально сохраняла старыя права: имѣла свою собственность (мужъ покупалъ землю у своей жены), распоряжалась своимъ *приданымъ* (тогда появилось это слово), получала долю наслѣдства послѣ мужа и т. д. Но на дѣлѣ она болѣе походила на невольницу, чѣмъ прежде: ее даже заключили въ *теремъ* (какъ на Западѣ въ разгаръ феодализма), чтобы избавить отъ плѣна татарскаго, а отчасти въ силу грубаго византійскаго взгляда на женщину. Но, думая спасти чистоту женщины затворничествомъ, общество только портило ее, а само грубѣло, лишенное ея мягкаго вліянія. Даже *духовенство* пало нравственно. Іерархи были тщеславны, спѣсивы и жестоки съ подчиненными и раболѣпны передъ князьями; они брали мзду при поставленіи въ духовный санъ. Русскіе странники изумлялись простотѣ константинопольскаго патріарха: „не нашъ бо обычай имѣетъ!" — восклицали они. Священники вѣнчали женатыхъ, пьянствовали, занимались ростовщичествомъ, злоупотребляли вѣрой народа въ чудеса, мощи и иконы. То же видимъ у *монаховъ*, въ богатыхъ обителяхъ и въ многолюдныхъ городахъ. Противъ пороковъ духовенства уже возставали соборы и іерархи въ своихъ посланіяхъ („Поученіе попамъ" митроп. Кирилла и „Завѣтъ мнихамъ"). Безнравственностью духовенства объясняется отчасти нравственное вліяніе ереси стригольниковъ. Паденіе нравовъ объясняется: 1) мрачною, неподатливою природой с.-в. Руси; 2) вліяніемъ татаръ, особенно въ смыслѣ опустошеній; 3) внутренними усобицами,

основанными только на правѣ сильнаго, такъ какъ прежнія правила, замѣнявшія законъ и просвѣщеніе, исчезли вмѣстѣ съ родовыми понятіями. Нравамъ соотвѣтствовали понятія. Старые предразсудки и суевѣрія продолжали господствовать въ умахъ; новыхъ понятій не прибавилось, такъ какъ *просвѣщеніе* скорѣе *пошло назадъ*, чѣмъ подвинулось. Нѣтъ извѣстій объ устройствѣ новыхъ училищъ; а старыя были разрушены татарами, которые погубили и много памятниковъ письменности. Самая грамотность встрѣчается рѣдко: даже князья и бояре были почти безграмотны на сѣверѣ; только на югѣ сохранялась старая образованность. Духовенство и монахи были не только единственными писателями, но и почти единственными читателями; да и о нихъ греки говорили, что они „не книжны". Духовенство само поддерживало народные предразсудки: въ посланіи епископа Василія (14 в.) доказывается, что на Западѣ адъ — „на дышущемъ морѣ червь неусыпающій, скрежетъ зубный и рѣка молненная Моргъ". Недоставало даже богослужебныхъ книгъ, не знали, какъ совершать таинство; въ церковныхъ книгахъ было много языческаго (молитва о *трясавицахъ*). Поученія іерарховъ, правила соборовъ относятся къ самымъ первоначальнымъ понятіямъ о церкви и благочиніи; но и они достигали только самаго внѣшняго пониманія христіанства. Идеалы народа были прежніе: его любимымъ чтеніемъ была повѣсть о „Варлаамѣ и Іосафатѣ" со „стихомъ" о прелестяхъ житія въ пустынѣ. Съ упорствомъ придерживались внѣшнихъ отличій православія. Іерей, сопровождавшій Исидора на флорентійскій соборъ, до того возмутился присѣданіемъ „по-фряжски" своего митрополита передъ иконами, что осмѣлился выговаривать ему и, наконецъ, бѣжалъ домой; псковичи допрашивали владыку, можно-ли употреблять въ пищу нѣмецкіе хлѣбъ и вино? Народъ погружался въ древнее язычество: „вѣнчались вокругъ ракитова куста", сожигали колдуновъ и вѣдьмъ, вѣрили всякимъ знаменіямъ—встрѣчѣ, чоху, птичьему „граю" и полету, въ особенности же *наузамъ* (ладонки, навязываемыя на шею). *Трясавицы* (лихорадки) считались дочерьми Ирода, отъ которыхъ можно избавиться, только нацарапавъ на яблокѣ волшебныя слова. Такое соединеніе христіанства съ язычествомъ называлось тогда *двоевѣріемъ*, которому предавались даже духовенство и книжники. Кіевляне, при солнечномъ затмѣніи, ждали свѣтопреставленія, рыдали, цѣловались, прощаясь на вѣки. Іерархи тоже писали, что приходитъ конецъ міра, ибо скоро должно было исполниться 7 т. л. отъ сотво-

ренія міра. Такое невѣжество усиливало даже физическія бѣдствія: моръ поддерживался похоронами людей среди населенія, у церкви. А леченіе было таково, что Василій Темный сталъ зажигать у себя на тѣлѣ трутъ отъ сухотки, что̀ привело его къ смерти отъ воспаленія ранъ. Умственное движеніе проявилось въ первой обширной ереси. То были *стригольники*, послѣдователи растриженнаго дьякона *Карпа*, явившіеся во Псковѣ при Донскомъ. Они возставали особенно противъ духовенства, за его порочность и алчность, а также противъ обряда погребенія, такъ что ихъ считали невѣрующими въ загробную жизнь. По ихъ мнѣнію, міряне сами могутъ учить вѣрѣ народъ и обходиться безъ духовенства. Они отличались примѣрною нравственностью, безкорыстіемъ и знаніемъ св. Писанія. Ересь распространилась изъ Пскова въ Новгородъ; но тамъ Карпъ былъ утопленъ, вмѣстѣ съ своими двумя учениками (1375). Ересь однако не исчезла: іерархи боролись съ нею до конца періода.

§ 96. **Церковная письменность.**—Бѣдна была наша письменность въ 3-мъ періодѣ; однако же находились люди, иногда даже не духовные, которымъ хотѣлось подѣлиться своими знаніями съ „сыновьями рустіими“, и книжное дѣло было по прежнему въ почетѣ: при нашествіи Тохтамыша, въ Москву свезли отовсюду много книгъ на сохраненіе; высшею похвалой было „большой философъ“ (книжникъ). Иноки трудились надъ книжнымъ дѣломъ и даже усовершенствовали почеркъ: съ конца 14 в. явился *полууставъ* (§ 61), въ которомъ преобладали болѣе круглыя, легкія буквы; тогда же начали употреблять болѣе дешевую и удобную *тряпичную* бумагу. „Доброписцы“ списывали старое, дѣлали новые переводы съ греческаго, составляли сборники изъ мелочей византійской письменности. Впрочемъ, переводами занимались преимущественно на Аѳонѣ, въ одномъ русскомъ и въ одномъ сербскомъ монастырѣ. Эта письменность ниже прежней по своему характеру: ея главное отличіе —холодная *витіеватость*, заимствованная у византійскихъ и южно-славянскихъ книжниковъ. Содержаніе все еще было по преимуществу религіозное, въ особенности *поучительное*, въ формѣ словъ (проповѣдей), посланій и житій святыхъ. Чаще всего прибѣгали къ посланіямъ: обыкновенно ихъ писали наши іерархи; но встрѣчаются также безъименныя и переводныя. Важнѣйшія изъ сохранившихся посланій принадлежатъ *Кириллу Бѣлозерскому*, писавшему Василію I и другимъ князьямъ о кротости и

миролюбіи. Изъ проповѣдей важно *Слово Христолюбца* противъ двоевѣрія, поясняющее нашу миѳологію. Посланія и слова были направлены противъ безнравственности и языческихъ суевѣрій, между прочимъ, противъ „поля“ и „плесканія ручнаго, скаканія ногами и басенъ“; пьянство тоже составляло любимый предметъ поученій, съ Ѳеодосія Печерскаго до самого конца древней Россіи. *Житія Святыхъ* стали тогда любимымъ чтеніемъ народа, благодаря своему аскетизму и сказочнымъ описаніямъ. За *Печерскимъ патерикомъ* (§ 60), куда вошли житія всѣхъ печерскихъ угодниковъ, послѣдовали патерики *Синайскій* (или Лимонарь, т.-е. Цвѣтникъ) и *Скитскій* или египетскій. Житія были сначала краткія, потомъ витіеватыя. Въ полномъ житіи помѣщались, кромѣ біографіи, служба и акаѳистъ (похвала) святому, а также описаніе его чудесъ. Житія даютъ мало матеріала для историка: они не изображали дѣйствительности, а сочинялись по византійскимъ и южно-славянскимъ образцамъ, примѣняясь къ вкусу читателей. Тогда появилось множество житій, что́ особенно отличаетъ письменность этого періода, сравнительно съ удѣльнымъ. Описывали жизнь многихъ іерарховъ (митроп. Петра и Алексѣя), не говоря уже о подвижникахъ (Сергія, Стефана Пермск., Кирилла Бѣлозер. и др.). Въ числѣ сочинителей встрѣчаются и русскіе; но больше занимались этимъ южн. славяне, ученики греческихъ риторовъ. *Пахомій Сербъ* былъ призванъ новгородцами съ Аѳона собственно для этой цѣли: онъ сочинилъ много житій, за что ему платили деньгами и соболями; потомъ онъ былъ призванъ за тѣмъ же въ Москву. Изъ Сербіи же и Болгаріи приходили, близкіе по своему сказочному характеру къ житіямъ, *апокриѳы* или „тайныя“ книги. Это—религіозныя повѣсти изъ Ветх. и Нов. Завѣта, не принятыя вселенскими соборами и потому названныя еще *отреченными* (запрещенными) книгами. Апокриѳы явились у насъ рано (слѣды у Нестора и въ Палеѣ § 63); но ихъ господство относится къ 3-му періоду, а древнѣйшіе списки къ его началу. Къ нимъ относятся: Завѣты Адама, Моисея и 12-ти патріарховъ, Енохъ, Сиѳова молитва, Евангелія Варнавы и Ѳомы, Дѣянія Павла и др. Написанные живо, поэтично, апокриѳы выводили русскихъ изъ области церковно-догматической, доставляя пищу ихъ уму и фантазіи, снабжая ихъ разнообразными свѣтскими познаніями. Они входили даже въ устную поэзію народа, которая, въ свою очередь, отразилась въ нихъ. Особенно любили тогда *Хожденіе*

Богородицы по мукамъ, въ сопровожденіи Архангела Михаила, что́ напоминаетъ Адъ Данте.

§ 97. **Свѣтская письменность.** — Третій періодъ бѣденъ и относительно свѣтскихъ познаній или науки. Они заключались по-прежнему въ *сборникахъ* (§ 63), расположенныхъ по предметамъ (о мудрости, о дружбѣ и т. д.). Самыми важными сборниками были *Златая Цѣпь* и особенно *Пчела,* состоявшая изъ переводовъ византійскихъ компиляторовъ, пользовавшихся какъ Евангеліемъ и Апостоломъ, такъ и классиками. Въ концѣ періода возникъ особый родъ сборниковъ—*азбуковники* или алфавиты (словари), цѣлью которыхъ было объяснить непонятныя слова въ свящ. книгахъ; они старались объяснять и самые предметы, и для этого вставляли свѣдѣнія изъ всѣхъ наукъ. Еще важнѣе *хожденія,* составляющія отличіе свѣтской письменности этого періода. Ихъ распространеніе связано со страстью паломничества, развившеюся тогда, наравнѣ съ монашествомъ, подъ вліяніемъ тяжелой жизни и ожиданія конца міра. Хожденія писались съ поучительною цѣлью: оттого они наполнялись витіеватыми размышленіями и вѣрили во всякія розказни монаховъ Аѳона, Царьграда и Іерусалима. Но хожденія были также источникомъ свѣжихъ свѣтскихъ знаній, затрогивавшихъ умъ путемъ сравненія нашего быта съ образованнымъ Западомъ. Тогда мы познакомились съ католическою Европой: связи Византіи съ Римомъ, по поводу турокъ, и южной Руси съ Литвой и Польшей приводили русскихъ на соборы въ Констанцъ и во Флоренцію. Съ другой стороны, торговыя сношенія увлекали насъ далеко на Востокъ, до Индіи. Оттого сохранились, кромѣ обычныхъ хожденій къ св. мѣстамъ, замѣчательное *Хожденіе Аѳонасія Никитина* въ Индію и путевыя записки іеромонаха *Симеона,* провожавшаго митроп. Исидора во Флоренцію. При описаніи Запада вездѣ встрѣчаются чувство изумленія и сознаніе своей нищеты умственной и матеріальной передъ чудесами цивилизаціи. Важнѣйшимъ памятникомъ свѣтской письменности по-прежнему остается *лѣтопись,* хотя и въ ней замѣтно паденіе. Сосредоточившись на сѣверѣ, она стала сухою, краткою и напыщенною; въ ней нѣтъ ни связи, ни живыхъ лицъ. Суздальско-московская лѣтопись была *правительственною:* самъ лѣтописецъ говоритъ (ок. 1400), что ему „повелѣли написать первые наши властодержцы“. Оттого московскіе князья опирались на свою лѣтопись для доказательства своихъ правъ въ Ордѣ, Новгородѣ и Твери. Оттого же лѣтописецъ боится объяснять дѣла, молчитъ,

даже когда знаетъ, и только замѣтитъ тогда: „много нѣчто нестроеніе бысть“. Онъ уже рѣдко поучаетъ князей, больше восхваляетъ ихъ и проявляетъ патріотизмъ: москвичи у него правые, герои, а новгородцы — „непокорные вѣчники-крамольники“. Но лѣтопись дополняютъ *грамоты*, число которыхъ все увеличивалось, и онѣ становились все разнообразнѣе: сначала были грамоты *договорныя* (между князьями) и *правыя* (оправданія частныхъ лицъ судомъ), потомъ размножились *уставныя* (установленіе суда въ разныхъ мѣстахъ) и *жалованныя* (льготы разнымъ сословіямъ и лицамъ). Подлѣ грамотъ возрастало число юридическихъ бумагъ (актовъ)—купчія, данныя, записи, духовныя, заемныя и др. Въ сузд.-моск. лѣтописи видны слѣды лѣтописцевъ Владиміра, Ростова, Переяславля, Твери, Рязани, Нижняго. Всѣ эти мѣстныя лѣтописи вошли въ большіе сборники, которые составлялись въ Москвѣ, и съ Калиты въ нихъ преобладаютъ московскія извѣстія. Были также лѣтописцы въ Новгородѣ и Псковѣ, ненавидѣвшіе Москву, хотя враждебные другъ другу. Продолжалась и южн. лѣтопись, болѣе напоминавшая старую, чѣмъ московскую: она знаетъ Гомера и старается бросить счетъ по лѣтамъ, чтобы перейти въ свободный разсказъ. Такъ какъ на югѣ и при литовцахъ сохранялся русскій языкъ, какъ письменный и даже правительственный, то на немъ появлялись даже литовскія лѣтописи, начиная съ Гедимина. 3-й періодъ важенъ для внѣшней исторіи лѣтописнаго дѣла. Къ нему относятся древнѣйшіе списки или *изводы* (редакціи) нашихъ лѣтописей—*Лаврентьевскій* (переведенъ на многіе иностр. языки) и *Ипатьевскій*. Первый написанъ Лаврентіемъ (доведенъ до 1305 г.); второй составленъ въ костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ (ок. 1400). Ок. 1400 г. начало года переносится въ лѣтописяхъ съ марта на *сентябрь* и, вмѣсто пергамента, употребляется бумага хлопчатая и тряпичная. На с., подлѣ правительственной лѣтописи, мнѣнія частныхъ людей выражались въ лѣтописяхъ *монастырскихъ*, въ переводахъ византійскихъ *хронографовъ*, къ которымъ прибавляли русскія извѣстія, и въ отдѣльныхъ сказаніяхъ. *Сказанія* (свѣтскіе разсказы) составляютъ отличіе этого періода нашей письменности. Содержаніе ихъ—дѣйствительныя событія, касающіяся борьбы съ нѣмцами, шведами и литовцами, въ особенности же съ татарами. Сказанія—неудачныя подражанія „Слову о полку Игоревѣ“ (§ 63). Они витіеваты, наполнены молитвами и сравненіями съ героями древности, иногда даже написаны библейскими фразами; ихъ направленіе хвастливо-

патріотическое и поучительное. Сказанія прославляютъ литовскаго князя *Довмонта*, защитника псковичей отъ нѣмцевъ, *Михаила* и *Александра* тверскихъ и *Михаила* черниговскаго, погибшихъ въ Ордѣ; они описываютъ битву при Калкѣ, гибель Батыя, нашествіе Тохтамыша и Тамерлана. Тутъ рязанскій богатырь, *Коловратъ*, побиваетъ кучи татарскихъ исполиновъ; а венгерскій король побѣждаетъ татаръ, перемѣнивши католичество на православіе, и когда онъ плакалъ на высокомъ столбѣ, среди своего города, осажденнаго Батыемъ, „слезы текли изъ глазъ его, какъ быстрины рѣчныя, и гдѣ падали на мраморъ, проходили насквозь, такъ что и теперь видны скважины на мраморѣ". Самыя важныя сказанія относятся къ *Александру Невскому* и *Куликовской битвѣ*. Александръ уподобляется Александру Макед., Самсону, Ахиллесу, Соломону и Іосифу Прекрасному; также восхваляется Донской, который „аки фениксъ въ древесѣхъ процвѣте". До насъ дошли еще „Повѣсть о Митяѣ" (§ 93) и „Рукописаніе Магнуша" или завѣщаніе шведскаго короля, который раскаивается въ своихъ войнахъ съ православною Русью и приписываетъ имъ всѣ свои бѣдствія. Къ этому періоду относится начало *историческихъ пѣсенъ*, въ которыхъ воспѣваются подвиги русскихъ въ борьбѣ съ татарами. Таковы пѣсни о татарскомъ баскакѣ. *Щелканъ* (Чолханъ, § 81), о „русской полоняночкѣ" и др. Хотя пѣсни и превратились изъ языческо-богатырскихъ въ историческія, онѣ сохраняли старый складъ и поэтическіе пріемы. Иногда онѣ даже берутъ старую былину и примѣняютъ ее къ новымъ обстоятельствамъ: такъ Илья Муромецъ побиваетъ Калина, татарскаго царя.

§ 98. **Искусство и домашній бытъ.**—Искусство дѣлало медленные успѣхи, да и то преимущественно въ старыхъ южныхъ городахъ да въ Новгородѣ и Псковѣ. Успѣхъ замѣтенъ въ томъ, что увеличивалось число русскихъ художниковъ, хотя за ними осталось нѣмецкое названіе *мастеровъ* (Meister). Особенно много явилось русскихъ иконописцевъ, которые составляли даже *дружины* (артели), подъ руководствомъ „старѣйшинъ" изъ грековъ. Среди нихъ прославился, въ 14 в., *Андрей Рублевъ*. Зодчество тихо развивалось по городамъ, да и то не въ с.-в. Руси, гдѣ даже Москва состояла все изъ плохихъ деревянныхъ домовъ и только при Донскомъ явился *каменный Кремль* съ желѣзными воротами. Въ остальныхъ городахъ крѣпости были дубовыя и дѣлались иногда недѣли въ двѣ. Церкви также строились изъ дерева и часто это были *обыденныя* (сколоченныя въ одинъ день)

часовни и божницы. Только въ Новгородѣ и Псковѣ было много каменныхъ храмовъ, а также каменные остроги и монастырскія стѣны, а у владыки даже каменныя палаты. Впрочемъ и эти постройки часто разваливались, иногда при концѣ дѣла, такъ что каменьщики едва успѣвали разбѣжаться. Суздальскій стиль (§ 65) развивался: *узорочье* овладѣвало даже крышей церкви, которую покрывали разноцвѣтной *чешуей* изъ олова. Стали дѣлать золотыя *маковницы* (главы), мѣдныя и золотыя двери, полъ изъ краснаго мрамора. Иностранцы лили *колокола,* а при Василіи I завели *пушки.* Они же поставили (ок. 1400) первые *часы* съ боемъ въ Москвѣ, на княжемъ дворѣ, а затѣмъ и въ Новгородѣ, и рѣзали княжія *печати,* которыя навѣшивались при грамотахъ, начиная съ Калиты. Во Псковѣ появилась даже бревенчатая *мостовая* на рынкѣ. Здѣсь же и въ Новгородѣ видимъ большіе деревянные *мосты.* А южн. города походили на европейскіе. Говорили, что и у нѣмцевъ не видать такого города, какъ Владиміръ-Волынскій. Въ Холмѣ была высокая башня для обстрѣливанія окрестностей и церкви, украшенныя статуями, подобно католическимъ храмамъ. Но зато московскій путешественникъ дивился у нѣмцевъ и грековъ, какъ чудесамъ, водопроводамъ, садамъ, каменнымъ домамъ, и особенно поражало его то, что эти дома не разваливались. Чудомъ казалась ему и чистота города: метлы сами метутъ; встанешь рано, а уже выметено. *Домашній бытъ* былъ также простъ, какъ прежде. Даже князья жили въ небольшихъ деревянныхъ хоромахъ и спали на соломѣ. Вещей у нихъ было немного, и они дорожили каждымъ сосудомъ и кожухомъ, поименовывая ихъ въ завѣщаніяхъ: отсюда значеніе того богатаго пояса въ княжей семьѣ, съ которымъ связана цѣлая исторія (§ 88). У народа же было почти пусто въ избахъ: жители сносили, что получше, въ церкви, какъ мѣста, болѣе безопасныя отъ пожаровъ, грабежей и нашествія татаръ. Одежда оставалась прежняя, какъ можно судить по *изображенію Василія Дмитріевича и Софьи Витовтовны,* вышитому на сакосѣ, который хранится въ синодальной ризницѣ.

§ 99. **Значеніе періода.** — Главная черта 3-го періода — *разница въ исторіи вост. и зап. Европы.* До сихъ поръ между ними было много общаго, хотя въ основѣ лежали сѣмена различія: въ политикѣ—слабость феодализма на Руси, въ быту—связь съ Византіей, а не съ Римомъ. Эти сѣмена, развиваясь, должны были увеличивать различіе, но медленно; сверхъ того, въ быту оно сглаживалось бы вліяніемъ западной образован-

ности. Татарщина, напротивъ, помогла усиленію различія, которое выразилось въ слѣдующихъ чертахъ. 1) Въ *политикѣ*. На Западѣ монархизмъ, продолжая борьбу съ первобытной разрозненностью, сдѣлалъ гораздо менѣе успѣховъ, чѣмъ въ Россіи. Сверхъ того, тамъ уже началось расчлененіе общественное и политическое. Въ борьбѣ съ феодализмомъ короли опирались на города, которымъ давали даже политическія права: такъ образовалось сильное и богатое *среднее сословіе*, которое въ Англіи не только уничтожило феодализмъ, но достигло парламента, т.-е. раздѣленія власти между королемъ и народомъ. Въ Россіи же не было никакого расчлененія: все дѣло было въ развитіи политической сплоченности, и тутъ Русь пошла дальше Запада. Къ концу періода самодержавіе уже установилось въ Москвѣ: ему оставалось подавить самыхъ ничтожныхъ противниковъ и выработать лишь нѣкоторыя мелочи формы. Тогда же земельное и народное сплоченіе пріобрѣло особенную силу: явился терминъ—*собираніе Русской земли*. Слѣдовательно это была уже народная потребность, а не темный инстинктъ, въ видѣ каприза или алчности князей. Впрочемъ, подъ вліяніемъ татаръ, отвлекшихъ вниманіе Россіи на востокъ, тутъ произошло замѣчательное явленіе: часть Русской земли отпала; ю. Русь перешла къ Польшѣ и Литвѣ. Но это помогало сплоченію въ будущемъ, и если Россія 3-го періода была меньше Россіи 2-го и даже 1-го періодовъ, то это значило только, что она сократилась для большей плотности. Сосредоточиваясь на с.-в., она могла составить крѣпкое ядро: именно тогда явилось сознаніе необходимости собрать *русскую* землю, т.-е. все, что когда-либо принадлежало Россіи, что населено русскими. И то, что Москва успѣла пріобрѣсти къ концу періода, было гораздо большимъ успѣхомъ земельнаго сплоченія, чѣмъ гдѣ-либо на Зап. 2) Въ развитіи *быта* Западъ ушелъ далеко отъ Россіи, особенно съ половины 14 в. Тамъ начиналось Возрожденіе, хотя покуда только у романцевъ, въ Италіи. Въ Россіи же видимъ не только умственный застой, но шагъ назадъ. Отсюда-то начинается существенное различіе въ судьбѣ вост. и зап. Европы Причины отсталости въ быту Россіи ясны: 1) жгучая потребность въ политическомъ сплоченіи, вслѣдствіе географическихъ и этнографическихъ условій, поглотившая всѣ силы народа; 2) отпаденіе ю. Руси, связанной съ Западомъ; 3) прекращеніе связей даже съ Византіей; 4) Русь московская, узелъ Россіи, замкнулась въ дикихъ лѣсахъ сѣверо-востока съ такимъ азіатскимъ сосѣдомъ, какъ татары. Но что эта умствен-

ная отсталось была временная, и что Россіи суждено было развиваться какъ европейской, а не какъ азіатской націи—за это ручалось самое отдѣленіе ю. Руси, которая вслѣдствіе того вошла въ самую тѣсную связь съ Западомъ. Въ ю. Руси шла подготовка умственнаго развитія, которое стало переходить потомъ оттуда въ Москву. Эта подготовка шла и съ другой стороны. Новгородъ почти уже сливался съ Москвой, а онъ подчинялся зап. вліянію: въ немъ уже видимъ первую серьезную ересь.

V. Самодержавіе и смута. Ок. 1450—1650.

§ 100. **Романцы и германцы.**—На Западѣ повсемѣстная борьба съ рыцарями (§ 69) привела, во второй половинѣ 15 в., къ погибели феодализма и къ *утвержденію монархизма.* Къ концу среднихъ вѣковъ монархизмъ особенно упрочился на крайнемъ западѣ—въ Англіи (Генрихъ VII Тюдоръ), во Франціи (Людовикъ XI) и въ Испаніи (Фердинандъ Католическій). Въ Германіи же попрежнему господствовалъ феодализмъ, хотя императоры старались подавить его. Съ тѣхъ поръ до конца періода въ Испаніи монархизмъ держался твердо, во Франціи же и Англіи онъ подвергался колебаніямъ. Во Франціи остатки феодализма дѣлали послѣднія попытки къ низверженію самодержавія, и ея исторія за это время наполнена междоусобіями, извѣстными подъ именемъ религіозныхъ войнъ и фронды (возстаніе вельможъ). Борьба окончилась полною побѣдой монархизма, въ лицѣ кардинала *Ришелье.* Въ Англіи самодержавіе Тюдоровъ и Стюартовъ было такъ тяжело, что народъ возсталъ на защиту своего парламента (§ 99), который короли хотѣли уничтожить. Произошла сильная революція, которая восторжествовала, благодаря *Кромвелю*; и Карлъ I Стюартъ былъ казненъ. Въ Германіи, послѣ жестокаго междоусобія (30-лѣтняя война), императоры, Габсбурги, не могли уничтожить вельможъ, но они усилились, какъ *австрійскіе* государи; а на с. Германіи появилось, къ концу періода, сильное самодержавное государство—курфюршество *Бранденбургское* (нын. Пруссія). Утвержденіе монархизма сопровождалось смутами. Вездѣ были жестокія междоусобія; во многихъ мѣстахъ появились самозванцы. Въ Испаніи была цѣлая эпоха самозванства (три лже-Себастіана).

Эти смуты были связаны не только съ остатками феодализма, но и съ расколомъ въ католичествѣ. Съ половины 15 в. насталъ разгаръ классицизма или *Возрожденіе наукъ и искусствъ*, которое распространилось изъ Италіи по всей Европѣ. Слѣдствіемъ Возрожденія было развитіе свѣтскихъ наукъ—математики, естествознанія, философіи. Тогда появились такіе знаменитые отцы современнаго просвѣщенія, какъ Эразмъ, Рейхлинъ, Беконъ, Декартъ, Галилей, Коперникъ, Парацельсъ, а рядомъ съ ними такіе великіе политическіе мыслители, свободно разсуждавшіе о государствѣ и власти, какъ Макіавель. *Открытія и изобрѣтенія*, начавшіяся въ предшествовавшемъ періодѣ, увѣнчались открытіемъ Новаго Свѣта (Колумбъ, Кортецъ, Магелланъ), усовершенствованіемъ книгопечатанія и введеніемъ болѣе вѣрнаго, грегоріанскаго календаря или *новаго стиля* (1582). Въ искусствѣ также возобладало свѣтское направленіе. Скульптура и особенно *живопись* достигли небывалаго развитія, подражая природѣ, дѣйствительности. Они развились сначала (15—16 в.) въ Италіи и Германіи (Рафаэль, Корреджіо, Тиціанъ, Дюреръ, Гольбейны и др.), потомъ (17 в.) въ Испаніи (Мурильо, Веласкезъ). Но важнѣе всего было вліяніе Возрожденія въ религіозномъ отношеніи. Сбросивъ гнетъ папства, люди стали свободно обсуждать его недостатки и отвергли его, убѣдившись въ его противорѣчіи съ Евангеліемъ. Множество народа перешло въ *протестантизмъ*, отвергавшій папство (лютеране, реформаты, кальвинисты). Затѣмъ началась жестокая борьба протестантизма съ католичествомъ, которая наполняетъ всю 2-ю половину періода, начиная съ половины 16 в., когда для поддержанія папства явился знаменитый орденъ *іезуитовъ*. Особенно ужасна была борьба въ Германіи. Послѣ междоусобій 16-го в., она возобновилась подъ видомъ варварской *Тридцатилѣтней войны*, занявшей почти всю первую половину 17 в. Къ концу періода с. Германія, Скандинавія, Англія, Нидерланды и нѣмецкая Швейцарія стали протестанскими странами. Протестантизмъ побѣдилъ здѣсь съ помощью королей; поэтому протестантская церковь стала вѣрною слугой монархизма. Въ остальныхъ странахъ возобладало католичество, и также при помощи королей: оттого и здѣсь церковь помогала утвержденію монархизма.

§ 101. **Турки, южные славяне и румыны.**—Османліи тогда были сильнѣе европейцевъ своимъ единствомъ. У нихъ было самодержавіе, постоянная армія и одна религія. Коранъ замѣнялъ имъ законы, и приказы султана утверждалъ „муфти“, глава ре-

лигіи. Исламъ же требовалъ „священной войны“, истребленія „гяуровъ“ (невѣрныхъ); но какъ только *райя* (христіанинъ) принималъ исламъ, онъ пользовался всѣми правами. Тогда устроилась турецкая имперія. Въ глазахъ мусульманина это былъ громадный шатеръ. Входъ въ него, *Порта* (османская или „оттоманская“), составляла правительство; внутри его—*диванъ,* т. е. засѣдающіе на софѣ думцы султана. Шатеръ поддерживаютъ 4 „столба“, во главѣ ихъ *великій визирь*, которому помогаетъ духовенство—улемы и имамы; провинціями управляютъ *паши* и беги. „Высокая“ Порта распространяетъ исламъ огнемъ и мечемъ, съ помощью своихъ непобѣдимыхъ *янычаръ* (§ 69), которымъ даже запрещалось жениться, чтобы у нихъ былъ одинъ только интересъ—проливать кровь за луну и Коранъ. При *Сулейманѣ Великолѣпномъ* (ок. 1550) Порта достигла высшаго процвѣтанія. Ей повиновались Крымъ, Грузія, Передняя Азія до Багдада и Египетъ; у нея заискивали царьки Индіи; ея флоты грабили все Средиз. м. до Гибралтара. Сулейманъ ставилъ воеводъ въ Валахіи и Молдавіи, ходилъ за Днѣстръ опустошать ю. Польшу, захватилъ Венгрію и едва не взялъ Вѣну. Но послѣ него началось ослабленіе Порты. Персія усилилась и вступила въ союзъ съ Европой; нѣмецкіе императоры нападали на Венгрію; Италія съ Испаніей уничтожили турецкій флотъ при *Лепанто* (1571). Османліи утратили воинственный пылъ. Султаны изнѣжились въ гаремѣ, подъ вліяніемъ женщинъ и евнуховъ: продажность, убійства, придворныя революціи стали ихъ жизнью. Измѣнились и янычары: ихъ набирали уже изъ турокъ; они обзавелись семьями и занимались торговлей; вмѣсто войны, они умерщвляли своихъ начальниковъ и бунтовали противъ султановъ. Положеніе покоренныхъ становилось все тяжеле. Особенно страдали ближайшіе къ Портѣ, южн. славяне, причемъ у болгаръ главными палачами были друзья османліевъ—фанаріоты съ константиноп. патріархомъ, а у сербовъ турецкіе паши. Турки вырѣзывали у славянъ бояръ и поповъ, а крестьянъ ссылали десятками тысячъ въ Азію. У нихъ отняли оружіе и коней; имъ приказали носить особое платье; съ нихъ брали въ казну десятину (до нашихъ дней натурой) и еще *харачъ*—особую подать за свободу отъ воинской повинности, а каждыя 5 лѣтъ производили наборъ мальчиковъ. Сверхъ того, крестьянинъ несъ *беглукъ* (барщину), такъ какъ вся земля была роздана бегамъ-помѣщикамъ. Райя содержалъ также все управленіе—пашу съ кадіями (судьями) и епископа-фанаріота; а эти лица

покупали свои мѣста въ Портѣ и спѣшили вознаградить себя за убытокъ. Наконецъ, почти ежегодно турки совершали походы въ Венгрію и Польшу черезъ Болгарію и Сербію, которыя опустошались при этомъ безпощадно. Вотъ отчего стало развиваться *гайдучество:* гайдуки—удалая райя, бѣжавшая въ горы отъ турецкаго ига и ведшая партизанскую войну съ османліями; изъ нихъ отчасти образовались черногорцы. Съ другой стороны, болгары стали приходить на Русь за милостыней и съ мольбами о защитѣ; а съ конца 17 в. начались сношенія Москвы съ сербами и черногорцами. Бѣдственно было и положеніе *румынъ.* Турки брали съ нихъ дани и водили ихъ войска противъ поляковъ и венгровъ; они продавали ихъ престолы всякимъ проходимцамъ, безграмотнымъ деспотамъ, которыхъ убивали бояре. Но бояре истребляли также другъ друга, стремясь къ престолу, причемъ кто опирался на Порту или Венгрію, кто на Польшу и потомъ Москву. Въ тоже время шла борьба между Валахіей и Молдавіей, которыя хотѣли поглотить другъ друга. О цивилизаціи не могло быть рѣчи. Долго у румынъ не было ничего своего: даже правительственныя бумаги писались по-болгарски; богослуженіе также совершалось на болгар. и отчасти греч. яз. Лишь съ начала 17 в. стало проникать къ румынамъ венгро-польское просвѣщеніе и появились лѣтописи. Но истиннымъ просвѣтителемъ своей націи былъ *Сербанъ II Кантакузенъ*, мечтавшій даже объ изгнаніи турокъ, въ союзѣ съ Вѣной и Москвой. Онъ издалъ (1688) переводъ Библіи на рум. яз., ввелъ рум. богослуженіе, основалъ типографію и первую гимназію въ Букарештѣ, призвавъ нѣмецкихъ и греческихъ учителей. Онъ же устроилъ первую суконную фабрику и развелъ кукурузу, которая стала главнымъ пропитаніемъ народа.

§ 102. **Чехи и поляки.**—Въ этотъ періодъ чехи, подобно южн. славянамъ, лишились независимости. Ихъ погубили *нѣмцы* и собственные *паны.* Паны уже возставали противъ Подѣбрада (§ 71), который старался отнять у нихъ власть: они присоединились къ папѣ, который проклиналъ его, какъ „еретика“ (гусита). По смерти Подѣбрада, паны выбирали польскихъ королей, внуковъ Ягелла, при которыхъ они еще болѣе усилились, подражая польскимъ панамъ, угнетали горожанъ и закрѣпощали крестьянъ. Съ 1526 г. на чешскомъ престолѣ водворились *Габсбурги.* Они хотѣли ввести монархизмъ и католичество въ странѣ, гдѣ $^{9}/_{10}$ населенія исповѣдывали протестантизмъ и отчасти гуситство. За исключеніемъ пановъ-католиковъ, чехи ок.

100 л. отстаивали свою народность: они были тогда весьма образованы, имѣли много школъ и національную литературу. Когда вспыхнула 30-лѣтняя война, чехи стали за протестантовъ, но были разбиты на *Бѣлой Горѣ*, у Праги (1620). Это пораженіе считается могилой чешской націи. Чеховъ осталось 800 т. изъ 3 милл., да и то нищихъ: крестьяне сами запрягались въ плуги. Книги чешскія были сожжены почти всѣ; чешскіе профессора въ университетѣ замѣнены нѣмецкими. Множество опустѣвшихъ земель было отдано нѣмецкой знати, которая приводила съ собой колонистовъ изъ Германіи. Крѣпостничество усилилось, такъ какъ сеймъ былъ уничтоженъ, и страной управлялъ нѣмецкій намѣстникъ. Явилась масса *іезуитовъ*, которымъ были поручены школы. Они завели строгую *цензуру* — и чешская литература прекратилась. Самый чешскій яз. сталъ уступать мѣсто нѣмецкому.—Въ Польшѣ, какъ и на Западѣ, видимъ стремленіе къ утвержденію монархизма, но лишь на короткое время, при дѣтяхъ Ягелла (§ 73), *Казимірѣ IV* и *Янѣ Альбрехтѣ*, которымъ помогало Возрожденіе. Тогда поляки ѣздили учиться въ итальянскіе университеты, а итальянскіе ученые пріѣзжали въ Польшу. Наука становилась свѣтскою и ускользала изъ рукъ духовенства. *Длугошъ* писалъ свою исторію не какъ монахъ, а подражая Ливію. Особенно изучалось *римское право*, и молодые юристы стали поддерживать монархизмъ и занимать правительственныя мѣста. Съ помощью ихъ и шляхты дѣти Ягелла смирили пановъ и даже сами назначали епископовъ. Польша окрѣпла. Нѣмецкій орденъ былъ подорванъ: по Торунскому миру (1466) Зап. Пруссія и Померанія присоединились къ Польшѣ, которая пріобрѣла чрезъ это устья Вислы и Нѣмана и стала сплавлять хлѣбъ за-границу, что послужило главнымъ источникомъ ея обогащенія. Въ то же время потомство Ягеллы воцарилось въ Чехіи и Венгріи, и поляки стали вмѣшиваться въ дѣла румыновъ, защищая ихъ отъ турокъ. Польша простиралась тогда отъ Балтійскаго до Чернаго м. и отъ Днѣпра до Дуная; никогда потомъ не достигала она такихъ размѣровъ. Но внутреннія связи огромнаго государства были слабы. Южн. Русь и Литва стремились къ самостоятельности: при Альбрехтѣ, въ Литвѣ былъ даже свой великій князь, братъ его, *Александръ*. Но опаснѣе всего была *шляхта*, на которую опирался польскій монархизмъ. Шляхта—та же аристократія: она была врагомъ пановъ только потому, что желала присвоить ихъ права. Короли должны были уступать ей эти права, такъ какъ не имѣли постояннаго войска,

этой опоры монархизма на Западѣ: въ Польшѣ продолжало существовать средневѣковое *посполитое рушенье*, т. е. народное ополченіе, состоявшее изъ шляхты. Въ награду за войну короли раздавали шляхтѣ свои земли въ вотчинное владѣніе, предоставляя ей въ нихъ полную власть надъ крестьянами. Шляхта получила даже право безпошлиннаго сплава своего хлѣба за-границу, что подрывало развитіе горожанъ. Затѣмъ шляхта пріобрѣла политическую власть: она стала собираться на *сеймики* для обсужденія своихъ дѣлъ, а около 1500 г. верховная власть перешла отъ короля къ *сейму*, который состоялъ не только изъ *сената* (паны и епископы), но и изъ *посольской избы*, гдѣ засѣдала шляхта. Сеймъ избиралъ и королей: такъ въ Польшѣ утвердилась *избирательная монархія*. Правда, на дѣлѣ она оставалась наслѣдственною; но за это короли все увеличивали права шляхты, которыя были распространены также на Литву и ю. Русь. Оттого Польша ослабѣла къ концу 15 в., когда усилились ея новые враги: тогда начались опустошительные набѣги *крымцевъ* (крымск. татаръ) на ю. Русь, а *Москва* перешла въ наступленіе (§ 106). Вслѣдъ затѣмъ въ Польшѣ сильно распространился протестантизмъ, особенно при *Сигизмундѣ II Августѣ*, когда онъ былъ признанъ сеймомъ. Вмѣстѣ съ нимъ развивалась западная образованность. Явились поэты и ученые по всѣмъ отраслямъ наукъ, кромѣ политическихъ, и во главѣ ихъ знаменитый *Коперникъ*. Хорошая латынь распространялась среди шляхты, даже между слугами и женщинами; были въ модѣ также языки итальянскій и нѣмецкій. Но протестантизмъ увеличивалъ смуту, съ помощью которой шляхта еще болѣе усилилась. Она захватила королевскія имѣнія и церковныя мѣста; даже паны переходили въ ея ряды. Шляхта стала своевольна и изнѣженна: она „срывала сеймы“ и не хотѣла воевать. Король уже откупался отъ татаръ. Габсбурги захватили престолы Богеміи и Венгріи. Нѣмецкій орденъ, избравъ *Альбрехта Бранденбургскаго*, перешелъ въ протестантизмъ (1525) и сталъ *герцогствомъ прусскимъ*, лишь по имени признавая себя вассаломъ Польши. Точно также магистръ ливонскаго ордена, *Кетлеръ*, сталъ *герцогомъ курляндскимъ* (1559), отдавъ Ливонію Польшѣ, а пріобрѣтеніе Ливоніи означало войну съ Москвой, которая уже захватила Смоленскъ, Полоцкъ и Нарву, т. е. достигла Балтійскаго м. Это заставило Литву и Польшу возобновить связь, которая была только династическая. Но *люблинская унія* (1569) не помогла дѣлу: управленіе постарому оставалось раздѣльное; сверхъ того,

Польша обидѣла литовцевъ, отнявъ у нихъ Кіевъ, Подолію и Волынь и навязавъ имъ Ливонію, т. е. борьбу съ Москвой и Швеціей. При такихъ обстоятельствахъ прекратилась династія Ягеллоновъ (1572), и настало безкоролевье, среди котораго католики боролись съ протестантами. Католики побѣдили, съ помощью явившихся тогда *іезуитовъ*. Они выбрали *Стефана Баторія* трансильванскаго, который долженъ былъ утвердить привилегіи шляхты. Умный и талантливый Баторій устроилъ хорошее войско и вынудилъ деньги у шляхты. Онъ оградилъ ю. Русь отъ татаръ, записавши въ „реестры" вольное малороссійское казачество: то были *запорожцы*, состоявшіе изъ малороссовъ и бѣглыхъ польскихъ холоповъ. Затѣмъ Баторій ударилъ всѣми силами на Москву. Между тѣмъ какъ шведы отняли Нарву у Ивана Грознаго, онъ выгналъ русскихъ изъ остальной Ливоніи и возвратилъ Полоцкъ. Но когда Баторій хотѣлъ, послѣ побѣды, утвердить монархизмъ, шляхта возстала, и онъ умеръ, говорятъ, отъ яда. Въ короли былъ избранъ сынъ шведскаго короля, *Сигизмундъ III*, воспитанный іезуитами, которые и управляли страной, въ союзѣ съ шляхтой. Тогда шляхта пріобрѣла право составлять *конфедераціи* или вооруженныя общества, а также liberum veto, по которому каждый шляхтичъ могъ срывать сеймъ, крикнувъ „не позволяю!" Положеніе народа стало невыносимо: прежде польскіе холопы бѣжали въ ю. Русь цѣлыми округами; теперь и тамъ господствовалъ шляхтичъ-помѣщикъ. Но сама властительная шляхта подчинялась іезуитамъ, которые воспитывали въ ней католическій фанатизмъ. Тогда столица была перенесена изъ протестантскаго и панскаго Кракова въ *Варшаву*— гнѣздо іезуитскаго фанатизма и шляхты. Литература пала, такъ какъ іезуиты уничтожали книги и школы 16-го в. Іезуиты задумали даже окатоличить русскихъ посредствомъ уніи, а для обращенія Москвы выставили Лжедимитрія. Когда малороссы отказались признать унію, ихъ стали принуждать жестокими насиліями. Отсюда возстанія и войны съ запорожцами въ теченіе всей первой половины 17 в., а также стремленіе ю. Россіи къ соединенію съ Москвой. Въ Москвѣ же погибло много поляковъ, вмѣстѣ съ самозванцемъ, и Польша принуждена была вести съ нею тяжелыя войны. Іезуиты замышляли еще уничтожить протестантизмъ въ Швеціи, посадивъ на ея престолъ своего Сигизмунда, но шведы горячо стали за своего короля, *Карла IX*, и его знаменитаго сына, *Густава-Адольфа*. Отсюда жестокая 60-лѣтняя война между Польшей и Швеціей, которая

ослабила оба государства и дала возможность усилиться Москвѣ. Всѣ эти бѣдствія продолжались при сынѣ Сигизмунда, *Владиславѣ IV*. Сверхъ того, усилилось волненіе казаковъ; польскій сеймъ присудилъ „обратить ихъ въ хлоповъ"; но вскорѣ возгорѣлись ужасныя *казацкія войны* (1648).

§ 103. **Иванъ III. Паденіе Твери и Новгорода.** — Василій Темный (§ 88) оставилъ сыну своему, *Ивану III*, готовыя средства для развитія самодержавія и объединенія Руси. Московское государство уже могло выдержать борьбу съ послѣдними пережитками первобытной разрозненности. Эта борьба наполняетъ цѣлый періодъ, такъ что его должно назвать *смутнымъ временемъ*, хотя этимъ именемъ обозначается собственно разгаръ смутъ при самозванцахъ. Ивану III помогали счастливыя обстоятельства, сопровождавшія его долгое (43 г.) княженіе, и его личныя свойства. Этотъ красивый, высокій, но сутуловатый и худой человѣкъ былъ одаренъ смѣтливостью и желѣзной волей. Разсчетливый, осторожный и настойчивый, онъ умѣлъ долго сдерживаться, но никогда не покидалъ разъ задуманнаго дѣла и не стѣснялся въ выборѣ средствъ. Оттого при немъ *собираніе русской земли* шло хотя тихо, но безостановочно, и онъ уже думалъ о присоединеніи ю. Руси. Тогда-то пало самое сильное изъ сѣв. княжествъ, *Тверь*. Послѣдній тверской князь, *Михаилъ Борисовичъ*, предвидя свою погибель отъ усиленія Москвы, породнился съ *Казиміромъ* литовскимъ. За это Иванъ объявилъ ему войну. Тверскіе бояре покинули своего князя и начали отъѣзжать въ Москву. Самъ Михаилъ испугался и бѣжалъ въ Литву. Тверь безъ выстрѣла была присоединена къ Москвѣ (1485). Послѣ этого уже не могли удержаться слабыя удѣльныя княжества, тѣмъ болѣе, что тамъ сидѣли родственники и даже родные братья Ивана. Какъ ни угождали ему эти ничтожные князья, Иванъ всегда находилъ предлогъ отнять у нихъ землю. Такъ, отдавъ свою родственницу замужъ за верейскаго князя, онъ вдругъ потребовалъ назадъ ея приданое и объявилъ, что засадитъ ихъ обоихъ въ тюрьму: молодые бѣжали со страха въ Литву, а *Верея* была присоединена къ Москвѣ. Другіе удѣльные князья изъ страха отказывали Ивану свои земли, особенно если умирали бездѣтными: такъ перешли къ Москвѣ часть *Рязани* и *Дмитровъ*. А кто сопротивлялся, того постигала участь брата Ивана, Андрея углицкаго, который былъ внезапно схваченъ, когда пріѣхалъ погостить въ Москву, и вмѣстѣ съ своими сыновьями посаженъ въ тюрьму, а *Угличъ* былъ присоединенъ

къ Москвѣ. Ивану удалось захватить даже *Новгородъ*, гдѣ борьба партій достигла крайнихъ размѣровъ (§ 49). „Меньшіе“ люди, тѣснимые „лучшими“, надѣялись улучшить свое положеніе, подчинившись могущественному московскому князю, который льстилъ имъ, желая опереться на нихъ въ борьбѣ съ Новгородомъ. „Лучшіе“, наоборотъ, дорожили выгодной для нихъ стариной, и къ нимъ присоединялся всякій, кто дорожилъ древнею вѣчевою свободой. Во главѣ этой партіи стояли *Борецкіе*—двое молодыхъ сыновей недавно умершаго посадника, въ особенности же мать ихъ, *Марѳа*, женщина умная, предпріимчивая и съ желѣзною волей. Марѳа славилась также своимъ богатствомъ даже въ богатомъ Новгородѣ: ея роскошный домъ назывался „чюднымъ“, и здѣсь-то собирались вожди *вѣчевой партіи*. Марѳа имѣла большое вліяніе на нихъ и заправляла черезъ нихъ дѣлами Новгорода. Вѣчевая партія понимала, что въ с. Руси никто не поможетъ ей: мелкіе князья, которые, бывало, ходили съ новгородцами противъ Москвы, бѣжали, вмѣстѣ съ своими боярами, въ Литву, которая была тогда самымъ опаснымъ врагомъ Москвы. Туда же должны были обратиться за помощью и Борецкіе. Казиміръ обрадовался: подобно своимъ предшественникамъ, онъ самъ мечталъ о присоединеніи Новгорода. Заручившись его помощью, новгородцы перестали платить пошлины Москвѣ (§§ 85, 98) и начали оскорблять пословъ Ивана, доказывая, что „Великій Новгородъ—не отчина великаго князя, а самъ себѣ государь и извѣка вольная земля“. Иванъ собралъ всѣ свои силы и нанесъ новгородцамъ рѣшительное пораженіе у р. *Шелони*. Одного сына Марѳы взяли въ плѣнъ и отрубили ему голову. Казиміръ не помогъ Новгороду: ему помѣшали ливонскіе рыцари. Осторожный Иванъ оставилъ Новгороду вѣчевое правленіе, только отнялъ часть земель и взялъ большой откупъ. Но онъ уже производилъ въ немъ судъ и расправу, ссылалъ сильныхъ гражданъ въ свои владѣнія, пріѣзжалъ, какъ государь—и новгородцы устраивали ему пиры и несли дары. Вскорѣ ничтожный случай привелъ дѣло къ концу. Пріѣхали въ Москву, по дѣламъ, новгородскіе послы и почему-то повеличали Ивана „государемъ“, тогда какъ прежде всегда называли московскаго князя „господиномъ“. Новгородцы объяснили, что это—ошибка, что они не желаютъ никакихъ измѣненій въ своемъ правленіи. Но Иванъ настаивалъ на томъ, что теперь онъ уже сталъ ихъ государемъ. На ихъ возраженія онъ отвѣчалъ: „хотимъ такого же государства въ Великомъ Новгородѣ, какое у насъ въ Москвѣ:

не быть въ Новгородѣ вѣчевому колоколу и посаднику, а быть намѣстнику великаго князя". Въ то же время московское войско стало опустошать новгородскія земли и обложило самый Новгородъ. Новгородцы покорились, присягнули на подданство великому князю и выдали свой колоколъ, а также Марѳу съ сыномъ. Остальные вожди вѣчевой партіи были разосланы въ заточеніе по разнымъ городамъ (1478). Теперь на всемъ сѣв. только часть Рязани и Псковъ не были еще присоединены къ Москвѣ.

§ 104. **Софья, самодержавіе и Западъ.**—Кромѣ собиранія с.-в. Руси, Иванъ больше всѣхъ моск. князей сдѣлалъ для утвержденія самодержавія. Этому способствовала его женитьба на греческой царевнѣ, имѣющая историческое значеніе. Первая жена Ивана, *Марія* тверская (§ 88), вскорѣ умерла, оставивъ сына, *Ивана Молодаго,* и суевѣрный народъ приписалъ смерть ея ворожеѣ. Тогда проживала въ Римѣ сирота, *Софья Палеологъ,* племянница послѣдняго византійскаго императора (§ 69). За нее сватались западные принцы, но она не хотѣла соединять свою судьбу съ католикомъ. Папа предложилъ ей бракъ съ московскимъ княземъ, зная, что Ивану будетъ лестно жениться на принцессѣ изъ императорскаго дома; самъ же онъ надѣялся, черезъ этотъ бракъ, ввести унію въ Москвѣ: оттого, вмѣстѣ съ невѣстой, прибылъ къ Ивану папскій легатъ, который ходилъ въ красной одеждѣ кардинала и въ перчаткахъ, что возмущало русскихъ. Бракъ состоялся (1472); но легатъ, который вздумалъ было спорить съ русскими книжниками о вѣрѣ, долженъ былъ удалиться ни съ чѣмъ. Вскорѣ и папа разгнѣвался на Софью, которая строго держалась православія и не думала быть орудіемъ Рима. Не въ религіи, а въ политикѣ почувствовалось вліяніе Софьи. Тогда прямо, по византійски, былъ поставленъ вопросъ о самодержавіи—и началась борьба старины съ новой властью, длившаяся полтора вѣка. Современники назвали то время *началомъ смуты.* Бояре говорили: „какъ пришла сюда Софья, то наша земля замѣшалася; великій князь обычаи перемѣнилъ; онъ пересталъ совѣтоваться съ нами, а всѣ дѣла дѣлаетъ, запершись у себя самъ-третей со своею княгиней да съ наперсникомъ". Они называли Софью колдуньей и приписывали ей смуты въ княжеской семьѣ. Дѣйствительно, когда умеръ Иванъ Молодой, оставивъ сына *Дмитрія,* у Ивана III уже былъ сынъ отъ Софьи, *Василій.* Враги Софьи очернили Василія и уговорили Ивана III посадить его въ тюрьму, а своимъ наслѣд-

никомъ объявить внука, Дмитрія. Но вскорѣ Софья возстановила свое вліяніе на мужа. Ея враги подверглись страшной казни. Дмитрій былъ заключенъ въ тюрьму, а Василій объявленъ наслѣдникомъ. Ненависть бояръ къ Софьѣ объясняется тѣмъ, что эта гордая и лукавая гречанка способствовала *установленію самодержавія* въ Москвѣ. Она внушила Ивану обращаться съ боярами и князьями, какъ съ подданными, и окружить себя пышностью и почти церковною обрядностью византійскихъ императоровъ. Придворные обычаи и порядки Царьграда перешли въ Москву. Византійскій *двуглавый орелъ* сталъ московскимъ гербомъ. Появились греческіе придворные чины, подъ именемъ *постельничаго*, *конюшаго*, *ясельничаго* и *окольничаго*. Ивана стали называть „царемъ", били ему челомъ въ землю; при дворѣ совершались пышныя церемоніи. Иванъ сталъ недоступенъ, суровъ и гнѣвенъ. Онъ строго наказывалъ бояръ за малѣйшую провинность и не дозволялъ имъ отъѣзжать изъ Москвы: онъ уже казнилъ ихъ и лишалъ имущества. Казни начали постигать даже иностранцевъ, посѣщавшихъ Москву. Наконецъ, Иванъ III установилъ *престолонаслѣдіе*, назначивъ своимъ преемникомъ Василія и завѣщавъ, чтобы ему наслѣдовалъ тоже сынъ, а не братъ. Государство принимало стройный видъ. Бояре, лишившись права отъѣзда, перестали смутничать и исполняли свои обязанности. Подъ строгимъ надзоромъ князя, они стали завѣдывать дѣлами, которыя впервые были раздѣлены по своему содержанію, разсортированы. Иванъ III однимъ боярамъ „приказывалъ вершить" одни дѣла, другимъ—другія: такъ образовались *приказы* – родъ министерствъ. Явился порядокъ и въ сельскомъ управленіи. Вся земля была раздѣлена на *сохи*, а сохи на *чети*, т. е. на такія пространства, на которыхъ можно было посѣять $^1/_4$ бочки сѣмянъ. Посады и города, занимавшіеся торговлей или промыслами, считались не по четямъ, а *по дворамъ*. Всѣ должны были платить опредѣленную подать, и для этого *писцы* ѣздили по странѣ, составляя *писцовыя книги* (народную перепись). И судное дѣло приняло болѣе правильный видъ. Было издано (1497) лучшее, хотя еще скудное и отрывочное, собраніе законовъ – *Судебникъ*, дополнявшій Русскую Правду (§ 26). Здѣсь было опредѣлено, что судьями могутъ быть бояре и окольничіи, намѣстники и волостели; имъ давался процентъ съ дѣлъ или судебная пошлина, но уже запрещалось брать *посулы* (взятки). „Поле" допускалось лишь въ опредѣленныхъ случаяхъ; вводилась пытка; наказаніе чаще всего состояло въ смертной казни. Иванъ III былъ богаче

всѣхъ прежнихъ князей. У него было много новыхъ земель, и онъ *прекратилъ выходъ въ Орду*. Иванъ много получалъ съ богатаго Новгорода и со всѣхъ подданныхъ, которые становились зажиточнѣе прежняго. Кромѣ податей, онъ собиралъ много разныхъ *мытъ*—пошлинъ съ внутренней торговли. Тогда же появились на Руси *горные промыслы*: иностранные мастера открыли серебряную и мѣдную руду, близъ Печоры, и начали чеканить монеты изъ русскаго серебра. Жизнь становилась шире и разнообразнѣе, развивались умственныя потребности, и московская Русь впервые почувствовала необходимость войти въ связи съ Западомъ. Тогда *начались сношенія русскихъ съ иностранными державами*—съ Австріей, Даніей, Римомъ, Венеціей, Турціей и Греціей. Иванъ III любилъ призывать иностранныхъ мастеровъ изъ Германіи, Италіи и Греціи: тутъ были литейщики (они вылили Царь-пушку), каменьщики, зодчіе и врачи. Возникло небывалое въ Москвѣ умственное движеніе, которое охватывало значительный кругъ людей, послужившій истиннымъ *началомъ русской интеллигенціи* (§ 61): уже не одни рѣдкіе церковные книжники, но многія лица разныхъ классовъ задумывались надъ отвлеченными вопросами. Конечно, умственное движеніе должно было сосредоточиваться въ области религіи, за отсутствіемъ свѣтскихъ знаній. Это—*ереси*, которыя играли ту же роль и на Западѣ. Первая обширная ересь на Руси, стригольники, явилась въ концѣ 14 в. (§ 95); но гораздо важнѣе была ересь временъ Ивана III — *жидовство*, бывшее отчасти развитіемъ стригольничьяго движенія. Оно затронуло всѣ лучшіе умы, вызвало горячую борьбу и пріобрѣло даже политическое значеніе, когда перешло въ Москву; оно привело къ сознанію потребности въ умственныхъ и нравственныхъ преобразованіяхъ.

§ 105. **Геннадій, Іосифъ Санинъ и Нилъ Сорскій.**—„Жидовство“ быстро распространилось въ высшемъ обществѣ Москвы: ему сочувствовали многіе бояре и вдова Ивана Молодаго; самъ Иванъ III не трогалъ еретиковъ. Но въ Новгородѣ оказался упорный защитникъ православія—архіепископъ *Геннадій*, человѣкъ умный, книжный и настойчивый. Долго его усилія оставались тщетными: еретики, пользуясь вліяніемъ при дворѣ, даже произвели своего единомышленника въ митрополиты. Но Геннадій смѣло изобличалъ самого митрополита, осуждалъ даже излишнюю мягкость Ивана III и писалъ грозныя посланія іерархамъ. Наконецъ и епископы стали требовать преслѣдованія еретиковъ. Чувствуя всю тяжесть борьбы, Геннадій призвалъ къ себѣ на

помощь другаго замѣчательнаго человѣка, *Іосифа Санина*. Сынъ моск. дворянина, Іосифъ съ молоду удалился въ монастырь, гдѣ прославился подвижничествомъ. Онъ былъ такъ неумолимъ къ себѣ, что основалъ собственную строжайшую обитель, въ лѣсной глуши *Волоколамска*. Здѣсь, кромѣ иноческихъ подвиговъ, Іосифъ занимался свящ. книгами и сталъ первымъ начетчикомъ на Руси. Онъ началъ писать горячія посланія духовенству и обличенія противъ еретиковъ; его сочиненія были собраны потомъ въ одну книгу, подъ названіемъ *Просвѣтитель*. Сверхъ того, Іосифъ получилъ доступъ къ Ивану III, который очень уважалъ его за ученость и святость жизни. Софья, ненавидѣвшая жену Ивана Молодаго, помогала ему. Подъ вліяніемъ Геннадія и Іосифа, еретики потеряли умственное вліяніе: поставленный ими митрополитъ отрекся отъ престола, а Иванъ III созвалъ соборъ для суда надъ еретиками (1504). Ихъ вожди частью были сожжены, частью заключены по тюрьмамъ и монастырямъ. Но самая ересь продолжала существовать, хотя тайно и въ слабыхъ размѣрахъ: до сихъ поръ встрѣчаются ея послѣдователи, которые съ негодованіемъ произносятъ имя *осифлянъ* (приверженцевъ Іосифа). Жидовство возбудило умственную дѣятельность общества. Геннадій сталъ требовать учрежденія училищъ для духовенства и перевелъ недостающія книги св. писанія съ лат. и еврейскаго, при помощи придворнаго переводчика и одного доминиканца, принявшаго православіе. Соборъ 1504 г. принялъ мѣры къ исправленію духовенства. Тогда же, подлѣ крупныхъ личностей Геннадія и Іосифа, выдвинулся *Нилъ Сорскій*. Это былъ крестьянинъ, смолоду поступившій въ Кириловъ-Бѣлоз. монастырь, но вскорѣ ушедшій на Аѳонъ. Нилъ возвратился ученымъ человѣкомъ, съ знаніемъ греч. языка и съ высокимъ идеаломъ монашества. Онъ основалъ, близъ Кирилова-Бѣлоз. монастыря, на р. *Сорѣ*, *скитъ* — нѣчто среднее между общежительнымъ монастыремъ и уединенной пещерой: въ скиту живутъ 2—3 монаха, каждый въ отдѣльной кельѣ; но они помогаютъ другъ другу. Нилъ придавалъ значеніе не внѣшнему аскетизму, а внутреннему — удаленію отъ мірскихъ помысловъ, чтенію св. Писанія, молитвѣ: онъ требовалъ полнаго нищенства и возмущался тѣмъ, что монастыри владѣютъ землями и крестьянами. Какъ человѣкъ, уважаемый всѣми и самимъ Иваномъ III, онъ былъ призванъ на соборъ 1504 г., гдѣ первый поднялъ вопросъ о томъ, должны ли монастыри владѣть селами? Уже митроп. *Кипріанъ*, при Донскомъ, писалъ: „святыми отцами не предано, чтобы инокамъ

держать села и людей; древніе отцы богатства не копили; пагуба чернецамъ селами владѣть и туда часто ходить". Но тогда только возникло сомнѣніе у одного іерарха насчетъ церковныхъ имуществъ; теперь же Нилъ прямо поставилъ этотъ вопросъ. Иванъ III, съ политической точки зрѣнія, сочувствовалъ Нилу: онъ самъ думалъ объ отнятіи монастырскихъ имуществъ. Но Іосифъ Санинъ и большинство отстояли право монастырей на владѣніе селами. Съ тѣхъ поръ Іосифъ и Нилъ стали заклятыми врагами. Нилъ упрекалъ Іосифа въ жестокостяхъ съ еретиками; Іосифъ называлъ самого Нила еретикомъ. Нилъ возставалъ противъ ложнаго благочестія, противъ ханжества, противъ монаховъ-попрошаекъ и ихъ чудесъ, очищалъ житія святыхъ отъ позднѣйшихъ вставокъ; Іосифъ уличалъ его въ невѣріи. Эта борьба, вызвавшая много литературныхъ произведеній, была прекращена смертью Нила, вскорѣ послѣ собора 1504 г. Около того же времени умеръ Геннадій, покинувшій свою должность, такъ какъ врагамъ удалось обвинить его во взяткахъ. Іосифъ пережилъ своихъ знаменитыхъ современниковъ и самого Ивана III.

§ 106. **Прекращеніе татарскаго ига и наступленіе противъ Литвы.** — При такомъ умственномъ движеніи и при такой силѣ государства немыслимо было чужеземное иго, хотя бы самое слабое. Внѣшняя политика должна была преслѣдовать болѣе широкія цѣли, чѣмъ прежде; она сосредоточивалась на двухъ задачахъ уже не мѣстнаго, московскаго значенія: это — тогдашній восточный вопросъ, уничтоженіе татарщины, и вопросъ западно-европейскій, борьба съ Польшей. Тогда татары распались на 3 самостоятельныя Орды (§ 76). Ханамъ Золотой Орды хотѣлось вновь подчинить себѣ непокорныхъ подручниковъ: отсюда ихъ борьба съ Казанью и Крымомъ, которые искали содѣйствія Москвы. Въ самой Золотой Ордѣ свирѣпствовали усобицы, вслѣдствіе борьбы разныхъ искателей престола. Видя ослабленіе татаръ, Иванъ III не обращалъ на нихъ вниманія. Ханъ Золотой Орды, *Ахматъ*, рѣшился наказать его за это. Понадѣявшись на союзъ съ Казиміромъ, распалявшимъ его ненависть къ Москвѣ, онъ началъ опустошать русскія области, требуя, чтобы Иванъ присылалъ ему выходы, кланялся его изображенію и выслушивалъ его грамоты, стоя на колѣняхъ. Осторожный и боязливый Иванъ не зналъ, какъ поступить. Но убѣжденія Софьи и ростовскаго архіеп. *Вассіана Рыло*, упрекавшаго его въ трусости, а также негодованіе народа заставили его собрать большое войско и выступить противъ Ахмата на р. *Угру* (1480). Дѣло не дошло

до боя: противники боялись другъ друга и долго стояли на разныхъ берегахъ рѣки; наконецъ, татары испугались морозовъ и ушли. Въ Сараѣ Ахматъ былъ вскорѣ убитъ. Сыновей его преслѣдовала ожесточенная вражда крымскихъ Гиреевъ. *Менгли-Гирей*, задумавшій разрушить Сарай и сбросить съ себя зависимость отъ Порты, наложившей на него дань, сталъ вѣрнымъ союзникомъ Ивана III. Русскія войска соединились съ крымцами и напали на Золотую Орду. Сыновья Ахмата были перебиты; Сарай былъ разрушенъ. Такъ *окончилось* существованіе Золотой Орды, а съ нею и *татарское иго* въ Россіи. Въ то же время ослабѣло и новое царство *Казанское*, гдѣ кипѣла борьба за престолъ между двумя братьями. Одинъ изъ нихъ, *Махметъ-Аминь*, попросилъ помощи у Ивана и назвалъ его своимъ „отцомъ"; свергнувъ своего соперника, онъ сталъ подручникомъ Москвы. При Иванѣ III западный вопросъ уже сталъ важнѣе восточнаго. Литва, соединившись съ Польшей и захвативъ всю ю.-з. Русь, стала опасною сосѣдкой. Она старалась остановить развитіе Москвы и соединялась со всѣми ея врагами. Съ своей стороны, московскіе князья теперь впервые высказали мысль, что всѣ русскія области должны составлять одно государство: въ сношеніяхъ съ иностранцами Иванъ III сталъ называть себя *государемъ всея Руси*. Такъ ок. 1500 г. с.-в. Русь перешла въ *наступательное* положеніе относительно Запада. Иванъ III вступилъ въ постоянные союзы съ врагами Польши—Крымомъ, Венгріей и Молдавіей, даже женилъ Ивана Молодаго на *Еленѣ*, дочери молдавскаго господаря. Сверхъ того, ему помогали мелкіе князья русскихъ земель, принадлежавшихъ Литвѣ: многіе изъ нихъ, въ особенности же потомки князей черниговскихъ, открыто переходили на его сторону. Оттого литовцы съ поляками перестали побивать москвичей. *Александръ* литовскій потерпѣлъ столько ущерба отъ московской рати, что заключилъ постыдный миръ и просилъ руки дочери Ивана (§ 102). Но вскорѣ война вспыхнула съ новою силой. Александръ, не смотря на помощь ливонскихъ рыцарей, былъ побѣжденъ: при р. *Ведрошѣ*, близъ Дорогобужа, его войско потерпѣло рѣшительное пораженіе (1499); самъ гетманъ, князь *Константинъ Острожскій*, попалъ въ плѣнъ. Было заключено перемиріе, по которому Москва получила *Сѣверскую область*.

§ 107. **Василій III, Вассіанъ и Максимъ Грекъ.** — Чѣмъ болѣе усиливалась Москва, тѣмъ капризнѣе и суровѣе становился Иванъ III. Сегодня онъ назначалъ наслѣдникомъ внука,

Дмитрія, а сына заточалъ въ тюрьму, завтра — наоборотъ. Неизвѣстныя прежде пытки, смертная казнь и кнутъ стали обычнымъ явленіемъ. Нерѣдко сожигали въ клѣткахъ даже потомковъ князей; мучили и грабили даже иностранцевъ, особенно врачей, если имъ не удавалось леченье. Наконецъ, стали казнить жидовствующихъ, и въ то же время внезапно умерла въ тюрьмѣ ихъ покровительница, Елена. Ивана стали называть Грознымъ; женщины падали въ обморокъ отъ одного сердитаго взгляда велицкаго князя; придворные трепетали за свою жизнь и не знали, какъ развлекать своего господина. Софья также становилась все болѣе недоступной. Наконецъ, черезъ 2 г. послѣ ея смерти, умеръ Иванъ III, передавъ престолъ сыну, *Василію III* (1505). Это былъ послѣдній „собиратель русской земли", т.-е. с.-в. Руси, потому что ю.-з. Русь надо было завоевывать, а не собирать. Василій мирно присоединилъ къ Москвѣ послѣднія области — Псковъ и остальную часть Рязани. Во *Псковѣ* онъ внезапно назначилъ своего намѣстника, князя *Репню-Оболенскаго*, который „былъ лютъ до людей". Псковичи называли его *Найденомъ*, потому что онъ явился къ нимъ „не будучи прошенъ и объявленъ"; его просто нашли неожиданно на загородномъ дворѣ. Псковичи стали жаловаться на намѣстника. Но Василій обвинилъ за это псковичей въ томъ, что они „государское имя презирали", и пошелъ на нихъ съ большимъ войскомъ (1510), требуя выдачи вѣчеваго колокола. Никогда не было такой скорби у псковичей: они плакали цѣлыя сутки, бросаясь другъ другу въ объятія. До 300 лучшихъ семействъ было переселено въ Москву, а на ихъ мѣсто прислали москвичей. Деревни выселенныхъ Василій отдалъ своимъ боярамъ, а въ Псковъ прислалъ на постой своихъ намѣстниковъ, дьяковъ и пищальниковъ. Затѣмъ Василій покончилъ съ *Рязанью*. Уже Иванъ III распоряжался ею по произволу, въ малолѣтство *Ивана Ивановича*. Теперь этотъ князь выросъ, а Рязанью продолжали управлять москвичи. Ив. Ив. возсталъ-было, но его посадили въ тюрьму, откуда онъ бѣжалъ въ Литву, а Рязань была присоединена къ Москвѣ. Такъ какъ рязанцы отличались храбрымъ и буйнымъ характеромъ, то ихъ цѣлыми толпами переселяли въ предѣлы моск. государства. Василій шелъ по стопамъ отца и въ *развитіи самодержавія*. Онъ былъ высокомѣрнѣе и неумолимѣе своего отца. Иванъ хоть изрѣдка совѣщался съ боярами; Василій же окончательно заперся въ своемъ дворцѣ, съ дворецкимъ *Шигоной Поджогинымъ* и нѣсколькими дьяками, такъ что боярская

дума существовала только по имени. Вообще боярство клонилось къ упадку. Надъ нимъ возвышались ничтожные люди — боярскія дѣти и дьяки, которые всѣмъ были обязаны государю. Василій давалъ своимъ любимцамъ не вотчины, а помѣстья, какъ жалованье за службу, и отнималъ ихъ при малѣйшемъ нерадѣніи. Этихъ помѣщиковъ было уже до 3 т. Бояре, которыхъ было немного, не могли и думать о сопротивленіи. Къ тому же у нихъ не было вождей. Самые сильные и умные изъ нихъ, князья *Патрикѣевы* (изъ Гедиминовичей), были уничтожены еще при Иванѣ III. Они ненавидѣли Софью, какъ главнаго врага боярства, и за это были пострижены въ монахи. Старшій Патрикѣевъ скоро умеръ. Сынъ его, князь Василій, въ монашествѣ *Вассіанъ Косой*, былъ переведенъ изъ Кирилова-Бѣлоз. монастыря въ Москву. Онъ славился умомъ, начитанностью и желѣзною волей. Вассіанъ продолжалъ дѣло своего отца и своего учителя, Нила Сорскаго: онъ горячо боролся съ жившими еще друзьями Софьи, особенно съ Іосифомъ Санинымъ. Казалось, возобновлялась борьба партій временъ Ивана III, тѣмъ болѣе, что еще былъ живъ, томившійся въ тюрьмѣ, племянникъ Василія III, Дмитрій. За Вассіана стояли нѣкоторые бояре, въ томъ числѣ *Семенъ Курбскій*, и у него явился хорошій помощникъ — *Максимъ Грекъ*. Это былъ весьма ученый и развитой монахъ съ Аѳона, который учился въ Парижѣ и путешествовалъ по Италіи. Василій III самъ выписалъ его для исправленія старыхъ церковныхъ книгъ и для перевода новыхъ. Максимъ исправилъ много ошибокъ въ церковныхъ книгахъ, сдѣлалъ много переводовъ и написалъ умныя сочиненія противъ предразсудковъ и суевѣрій русскаго народа. Понятно, что Максимъ подружился съ Вассіаномъ, и они вздумали возобновить умственное движеніе временъ Ивана III, поднявъ вопросъ Нила о непристойности монастырямъ владѣть селами. Но ихъ постигла неудача, связанная съ развитіемъ самодержавія. Друзья не нравились Василію III своей ненавистью къ „осифлянамъ", которые успѣли угодить ему; но окончательно погубилъ ихъ случай. Не имѣя дѣтей, Василій рѣшился развестись съ своей женой и жениться на другой. Митрополитъ (изъ осифлянъ), а за нимъ все духовенство и бояре, одобрили замыселъ государя; но Вассіанъ Косой и Максимъ Грекъ горячо возстали противъ этого нарушенія церковныхъ уставовъ. Василій достигъ развода и женился на *Еленѣ*, дочери литовскаго выходца, князя *Глинскаго*. Максимъ былъ обвиненъ въ порчѣ церковныхъ книгъ, а Вассіанъ въ со-

ставленіи еретическихъ сочиненій, и оба были заточены въ монастыри. Такъ были уничтожены послѣдніе слѣды партіи, опасной для самодержавія; въ то же время Дмитрій умеръ въ темницѣ отъ мученій. Тогда-то Василій пріобрѣлъ власть, которой не было ни у одного монарха въ мірѣ, по словамъ нѣмецкаго посла, *Герберштейна*. По малѣйшему подозрѣнію подвергались опалѣ самые приближенные люди, свергались съ престоловъ епископы и даже митрополитъ. Всѣ подданные стали смотрѣть на себя, какъ на „холоповъ" князя, а его называли „ключникомъ и постельникомъ Божіимъ". Они служили ему безпрекословно и безъ жалованья: одинъ дьякъ, котораго отправляли посломъ въ Вѣну, сказалъ, что ему не на что ѣхать; у него отобрали имущество, а самого бросили въ тюрьму, гдѣ онъ и умеръ. Но при Василіи было меньше казней, чѣмъ прежде. Его политика была утонченнѣе. На словахъ и по внѣшности, онъ сохранялъ старые нравы и обычаи; но въ сущности тихо и искусно отмѣнялъ ихъ, пользуясь всякимъ случаемъ. Во внѣшней политикѣ Василій шелъ по слѣдамъ своего отца: и у него видимъ *стремленіе къ Западу*, которое развивалось Еленой, воспитанной въ польско-литовскихъ понятіяхъ. Онъ поддерживалъ почти постоянныя сношенія съ Вѣной и даже съ папами, такъ что католики считаютъ его время лучшею для нихъ порой въ древней Россіи. Василія связывала съ Западомъ и главная опасность, которая сосредоточивалась въ *Литвѣ*, тѣмъ болѣе, что крымцы измѣнили политику: видя усиленіе Москвы, они отстали отъ нея и вступили въ союзъ съ Литвой. Соотвѣтственно измѣнилась и политика Москвы: старый врагъ нѣмцевъ, она стала теперь союзницей бранденбургскихъ курфюрстовъ и тевтонскихъ рыцарей. Москва и Литва ждали только случая, чтобы возобновить войну, и нашли его, въ лицѣ дяди Елены, *Михаила Глинскаго*. Этотъ князь, извѣстный въ Европѣ, гдѣ онъ много путешествовалъ, славился богатствомъ, знатностью и военнымъ дарованіемъ, а еще болѣе умомъ, образованностью и привѣтливостью истиннаго европейца. Глинскій былъ другомъ и правою рукой польскаго короля, который потомъ пренебрегъ имъ, замѣтивъ зависть остальныхъ пановъ. Глинскій передался къ Василію III и взволновалъ ю. Русь противъ поляковъ. Василій послалъ ему войско на помощь. Война длилась 15 л. Однажды князь *Константинъ Острожскій* отомстилъ русскимъ за Ведрошъ (§ 106), нанеся имъ жестокое пораженіе у *Орши* (1514). Но окончательный перевѣсъ остался опять за Москвою: она пріобрѣла *Смоленскъ*. Глинскій

же не получилъ ничего. Онъ вздумалъ—было измѣнить Василію и опять перейти къ полякамъ, но его успѣли схватить и посадили въ тюрьму. Впослѣдствіи заступничество племянницы спасло его, и онъ даже сталъ другомъ Василія.

§ 108. **Первый царь и его воспитаніе.** — Василій оставилъ двухъ сыновей, Ивана и Юрія. Старшему, *Ивану IV*, было всего 3 г. Въ первый разъ въ исторіи Москвы настало правленіе женщины (1533—1538). Елена Глинская оказалась безстрашной и суровой, но неспособной къ правленію. Она отдала власть своему другу, князю *Ивану-Овчинѣ-Телепневу-Оболенскому*, человѣку кровожадному и рѣшительному. Телепневъ спѣшилъ уничтожить всѣхъ непріятныхъ ему людей, а сестра его, кормилица великаго князя, шпіонила во дворцѣ. Много бояръ и дѣтей боярскихъ было казнено, заточено, бито кнутомъ. Двое дядей Ивана IV были брошены въ тюрьму, гдѣ одного задушили, другаго уморили голодомъ. Та же судьба постигла Михаила Глинскаго, когда онъ высказался противъ этихъ жестокостей. Наконецъ, Елена была отравлена, а Телепнева уморили голодомъ. Настало правленіе бояръ, которое продолжалось ок. 9 л. (1538—1547). Самыми сильными боярскими семьями были *Шуйскіе* (Рюриковичи) и *Бѣльскіе* (Гедиминовичи). Между ними завязалась борьба за власть. Соперники попеременно то овладѣвали правленіемъ, то бросали другъ друга въ тюрьму. Года 2 управлялъ *Иванъ Бѣльскій*, оставившій хорошее воспоминаніе о себѣ. Онъ не преслѣдовалъ своихъ враговъ; освободилъ заточенныхъ при Василіи III, разбилъ крымцевъ. Но Шуйскіе задушили Бѣльскаго, а его приверженцевъ бросили въ тюрьму. Между тѣмъ, Иванъ IV подросталъ, и въ немъ начали проявляться чувства: ему понравились дяди матери, Глинскіе, а еще больше бояринъ *Воронцовъ*. Опасаясь вліянія Воронцова, Шуйскіе хотѣли убить его, и только по слезамъ государя ограничились ссылкой. Но вскорѣ Иванъ, ободряемый Глинскими, внезапно бросилъ одного изъ Шуйскихъ на растерзаніе псамъ, остальныхъ сослалъ. Ему было тогда 13 л., и съ тѣхъ поръ въ немъ стали развиваться кровожадныя наклонности: въ слѣдующіе 3 года погибло много жертвъ его свирѣпости, въ томъ числѣ самые близкіе къ нему люди; былъ казненъ, безъ всякой вины, и Воронцовъ. Въ то же время Иванъ, котораго ничему не учили, сталъ предаваться буйству и развлеченіямъ: сегодня онъ разъѣзжалъ по монастырямъ, завтра охотился; но больше всего любилъ мучить животныхъ да скакать по Москвѣ, съ толпой от-

чаянныхъ сверстниковъ, и давить и бить народъ. Мальчикъ наблюдалъ еще кровавую борьбу наглыхъ и буйныхъ бояръ. „Помню—говоритъ Иванъ—какъ, бывало, мы съ братомъ играемъ по-дѣтски, а князь Иванъ Шуйскій сидитъ на лавкѣ, опершись локтемъ на постель отца нашего, да еще ногу на нее положитъ, а съ нами повластелински обращается, какъ съ рабами. Ни въ одеждѣ, ни въ пищѣ не было намъ воли. А сколько-то казны отца нашего и дѣда они перебрали!“ Въ 1547 г. Иванъ короновался, но не великимъ княземъ, а *царемъ*. Царями называли византійскаго императора, да хана Золотой Орды; къ московскимъ князьямъ примѣняли этотъ титулъ только случайно, въ разговорѣ. Иванъ же принялъ его оффиціально и требовалъ признанія его со стороны иностранныхъ державъ. Онъ основывалъ свои права на происхожденіи по женской линіи отъ византійскихъ императоровъ. Кромѣ того, тогда составилось преданіе о томъ, что Мономахъ завѣщалъ хранить царскій вѣнецъ и бармы (§ 40), пока не явится на Руси князь, достойный царскаго титула. Наконецъ, Иванъ принялъ литовскую сказку о томъ, будто какой-то братъ римскаго императора, Августа, прибылъ въ Литву, и его потомкомъ былъ Рюрикъ. Вслѣдъ за коронованіемъ Иванъ женился на *Анастасіи Романовнѣ*, дочери окольничяго Романа Юрьевича *Захарьина-Кошкина*. Онъ по-прежнему буйствовалъ, а управляли Глинскіе — бабка его, *Анна*, съ сыновьями. Глинскіе дали волю своимъ людямъ, которые мучили народъ и были тѣмъ ненавистнѣе москвичамъ, что ихъ набрали изъ другихъ областей. Народъ роптал. Вдругъ вспыхнулъ пожаръ, въ которомъ погибли тысячи людей. Пронесся слухъ, что „княжна Анна со своими дѣтьми и со своими людьми вынимала сердца человѣческія и клала ихъ въ воду, да тою водою, ѣздячи по Москвѣ, кропила, и отъ того Москва выгорѣла“. Разъяренная толпа бросилась къ царю требовать выдачи Глинскихъ. Иванъ, жившій тогда въ подмосковномъ селѣ Воробьевѣ, пришелъ въ ужасъ, и тутъ явился передъ нимъ священникъ придворнаго Благовѣщенскаго собора, *Сильвестръ*, съ горячею укоризной за пороки и бездѣйствіе. Иванъ покаялся и обѣщалъ слѣдовать совѣтамъ человѣка, который показался ему святымъ. Между тѣмъ, толпу разогнали силой, причемъ было много убитыхъ. Главнымъ свойствомъ Ивана была впечатлительность, развитая обстоятельствами до нервности. Онъ жилъ не по внушеніямъ ума, а по случайнымъ впечатлѣніямъ, которыя порождали въ его болѣзненномъ воображеніи фантастическія

представленія. Оттого въ его жизни было нѣсколько душевныхъ переворотовъ. До 1547 г. онъ былъ дурнымъ юношей; съ 1547 по 1560—хорошимъ правителемъ; а съ 1560 по 1584 —грознымъ деспотомъ.

§ 109. **Добрая пора. Сильвестръ и Адашевъ.** — Подъ вліяніемъ Сильвестра настала добрая пора, одна изъ самыхъ свѣтлыхъ въ древней Россіи. Сильвестръ собралъ у престола „избранную думу", какъ выразился просвѣщенный *Андрей Курбскій*, внукъ Семена (§ 107), принадлежавшій къ ней. Тутъ были и князья (Курбскій, Воротынскій, Серебряный, Одоевскій, Шереметевъ), и темные люди. Особенно выдавались дарованіями послѣдніе, и во главѣ ихъ *Алексѣй Адашевъ*. Онъ случайно попалъ ко двору, въ одну изъ самыхъ низшихъ должностей. По словамъ Курбскаго, онъ „былъ невѣроятенъ среди грубыхъ людей и уподоблялся какъ-бы ангелу". Его умъ, въ особенности же доброта и честность, вошли въ пословицу. Сильвестръ выбралъ Адашева своимъ главнымъ помощникомъ и сдѣлалъ его окольничимъ. Царь подчинялся совѣтамъ этихъ двухъ друзей даже въ своихъ домашнихъ дѣлахъ. По ихъ внушенію, онъ созвалъ (1547) *земскій соборъ* или земскую думу, т.-е. выборныхъ людей со всей Руси, какъ-бы всероссійское вѣче. Иванъ вышелъ на Красную площадь и всенародно раскаялся въ своихъ порокахъ, просилъ забыть прошлое и обѣщалъ посвятить свою жизнь правдѣ и защитѣ народа. Передъ лицомъ народа онъ поручилъ Адашеву принимать и разсматривать челобитныя, „чтобы сильные и славные не насиловали бѣдняковъ и не губили ничтожныхъ". Затѣмъ была устроена коммиссія для составленія лучшихъ законовъ и былъ созванъ церковный соборъ для исправленія церкви. Занялись и внѣшними дѣлами. Прежде всего нужно было оградить Россію отъ набѣговъ крымцевъ и казанцевъ, которые привыкли грабить ее въ смутное время, послѣдовавшее за смертью Василія III. Иванъ взялъ *Казань* послѣ отчаяннаго сопротивленія (1552), что открывало намъ путь къ Каспійскому м. Это событіе доставило Ивану великую славу даже за границей. Но роль Казани перешла къ *Астрахани*, которая начала нападать на Русь, въ союзѣ съ крымцами, а также съ ногайцами, жившими между Волгой и Дономъ. Иванъ IV легко присоединилъ къ Москвѣ Астрахань (1556); а противъ крымцевъ успѣшно дѣйствовали малороссійскіе казаки, изъ которыхъ многіе поступали на службу къ славившемуся повсюду царю. Но Ивана больше всего занималъ *Западъ*, потому что

стремленіе къ просвѣщенію усиливалось въ Россіи съ каждымъ днемъ. Но для этого нужно было имѣть берега Балтійскаго м. Отсюда задушевная мысль Ивана—пріобрѣсти *Ливонію*. Ливонскіе рыцари сами подавали поводъ къ нападенію на нихъ, не пуская къ намъ зап. ученыхъ и мастеровъ. Иванъ жестоко опустошилъ ихъ землю и забралъ до 20 городовъ. Но въ это время уже насталъ новый переломъ въ царствованіи Ивана.

§ 110. **Подготовка бѣдствій. Курбскій.** — Иванъ сталъ тяготиться опекой „избранной думы", особенно подъ вліяніемъ Захарьиныхъ, которые сами желали управлять. „Избранные", съ своей стороны, принуждены были заручиться поддержкой бояръ внѣ ихъ круга, между которыми были люди непріятные царю. Обстоятельства усиливали разладъ. Однажды Иванъ заболѣлъ горячкой и потребовалъ, чтобы бояре присягнули его сыну, младенцу *Дмитрію*. Бояре собрались въ сосѣдней комнатѣ, и царь слышалъ, какъ многіе отказывались присягать, шумѣли, бранили Захарьиныхъ. Роптавшіе, и громче всѣхъ отецъ Адашева, заявляли, что наслѣдникомъ престола долженъ быть двоюродный братъ царя, *Владиміръ Андреевичъ*, и ихъ сторону явно держалъ Сильвестръ. Оправившись отъ болѣзни, Иванъ началъ странствовать по монастырямъ. „Избранные", опасаясь внушеній своихъ враговъ, осифлянъ, направляли его къ Троицкой Лаврѣ, гдѣ жилъ ихъ пріятель, Максимъ Грекъ. Максимъ посовѣтовалъ Ивану не ѣздить по монастырямъ, а заниматься дѣлами. Но это не понравилось царю, и онъ поѣхалъ дальше. Въ одномъ монастырѣ, закоренѣлый осифлянинъ, монахъ *Вассіанъ*, сказалъ ему: „Если хочешь быть настоящимъ самодержцемъ, не держи подлѣ себя никого мудрѣе тебя самого; ты всѣхъ лучше". Вскорѣ Иванъ разошелся съ „избранными" и во взглядахъ на внѣшнія дѣла: онъ предался мысли покорить Ливонію, а тѣ требовали прежде покончить съ Крымомъ. Наконецъ, враги „избранныхъ" убѣдили суевѣрнаго царя, что Сильвестръ чародѣй, околдовавшій его нечистою силой; и Сильвестръ самъ поспѣшилъ удалиться въ монастырь, а Адашевъ уѣхалъ въ Ливонію, къ арміи. Въ 1560 г. умерла болѣзненная Анастасія. Иванъ былъ глубоко потрясенъ, а окружающіе нашептывали, что царицу извели враги чарами. Царь сослалъ Сильвестра въ Соловки, а Адашева заточилъ въ тюрьму, въ Дерптѣ, гдѣ онъ вскорѣ умеръ; затѣмъ женился на злой и грубой дочери черкесскаго князька, *Маріи*. Тогда настала пора бѣдствій, какихъ еще не испытывала Русь. Прежде всего были умерщвлены друзья Адашева со

своими женами и малютками. Многіе были сосланы. Замѣтивъ, что остальные старались ускользнуть въ Польшу, Иванъ сталъ брать съ нихъ *записи* о неотъѣздѣ, которыя укрѣплялись *поручными кабалами*, т.-е. имущественнымъ поручительствомъ со стороны людей разныхъ званій; иногда даже встрѣчались поручители за поручителей. Тѣмъ не менѣе многіе бѣжали, и не только бояре, но даже дѣти боярскія и мѣщане Самымъ важнымъ, по своимъ послѣдствіямъ, былъ *отъѣздъ* въ Литву князя *Курбскаго*. Этотъ замѣчательный по уму и образованію человѣкъ, не довольствовался тѣмъ, что мстилъ Ивану за своихъ друзей оружіемъ, предводительствуя польскими войсками: онъ написалъ ему злыя укоризны. Царь вздумалъ оправдываться, и возникла *переписка*, которая, вмѣстѣ съ сочиненіемъ Курбскаго о современныхъ ему событіяхъ, составляетъ главный источникъ для исторіи Ивана IV. Курбскій отрицаетъ самодержавіе, стоитъ за старые порядки, за *участіе бояръ въ правленіи* и за ихъ право отъѣзда; онъ порицаетъ угнетенія и безчеловѣчіе царя. Иванъ упрекаетъ бояръ въ неповиновеніи и въ коварныхъ замыслахъ; не отрицая своего безчеловѣчья, онъ доказываетъ, что оно необходимо, какъ казнь преступниковъ; онъ оправдывается тѣмъ, что его царство переполнено крамольниками, посягающими даже на его жизнь. Изъ этой переписки видно, какъ душевное разстройство овладѣвало Иваномъ. Наконецъ, ему показалось, что вся русская земля—его тюрьма, а весь народъ—его тюремщикъ и палачъ. Иванъ объявилъ себя нѣмцемъ и рѣшился уйти изъ этой ужасной земли, скрыться отъ этого лютаго народа.

§ 111. **Опричнина и пора казней.**—Въ концѣ 1564 г. царь внезапно выѣхалъ въ свою любимую *Александровскую Слободу*, со всѣмъ своимъ семействомъ, съ пожитками и любимцами. Черезъ мѣсяцъ пришли отъ него 2 грамоты. Въ одной онъ жаловался на мятежныхъ бояръ и ихъ друзей духовныхъ, которые будто бы сговорились погубить государство; въ другой говорилъ купцамъ и простонародью, что на нихъ не гнѣвается и не тронетъ ихъ; вообще же онъ не желаетъ править и поселится тамъ, гдѣ ему Богъ на душу положитъ. Народъ пришелъ въ ужасъ, оставшись безъ царя, тѣмъ болѣе, что тогда была въ разгарѣ война съ поляками и крымцами. Онъ просилъ Ивана не оставлять правленія и казнить, сколько угодно, измѣнниковъ. Иванъ согласился, но съ условіемъ, что онъ устроитъ *опричнину*, т. е. отдѣльное отъ остальной Руси правленіе („опричь“ — кромѣ,

особо), чтобы лучше выводить крамолу изъ русской земли. Такъ въ русскомъ царствѣ образовалось враждебное ему царство, царь котораго былъ прозванъ трепещущимъ народомъ *Грознымъ*. Опричнина устроилась въ Александр. Слободѣ, окруженной валомъ и глубокимъ рвомъ и охраняемой отрядами стрѣльцовъ, которые никого не впускали и не выпускали безъ вѣдома царя. Она состояла изъ лицъ (до 6 т.), выбранныхъ самимъ царемъ, преимущественно изъ служилыхъ людей, т. е. изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Во главѣ ихъ стояли любимцы Ивана—*Малюта Скуратовъ*, *Басмановы* и *Аѳанасій Вяземскій*. Отличительнымъ знакомъ опричниковъ были собачья голова и метла, привязанныя къ сѣдлу: они защищали царя, какъ вѣрные псы, и выметали крамолу изъ Руси. Ихъ обязанностью было доносить о каждомъ словѣ, въ которомъ можно было подозрѣвать обиду для опричнины, а также бить и грабить земскихъ людей, съ которыми они не должны были ни пить, ни ѣсть. При вступленіи въ опричнину давали клятву повиноваться всѣмъ обрядамъ Александр. Слободы и, если нужно, не щадить никого, не исключая собственныхъ семей. Для содержанія опричнины были опредѣлены извѣстные города и села, а также часть Москвы: всѣ, кто не попалъ въ опричнину, немедленно изгонялись вонъ изъ этихъ земель. Появленіе опричниковъ приводило жителей въ трепетъ. Для нихъ не было ничего святого: однажды они растерзали мощи чудотворца. Стоило опричнику сказать слово—и у оклеветаннаго безъ суда отнималось имущество, а нерѣдко и самая жизнь. Чѣмъ свирѣпѣе и дѣятельнѣе былъ опричникъ, тѣмъ болѣе нравился онъ царю. Въ противоположность опричнинѣ, вся Русь была названа *земщиной*. У нея было отдѣльное, старое правленіе, съ боярскою думой во главѣ; но она была въ опалѣ у опричнины. Жизнь въ Александр. Слободѣ шла по уставу, написанному самимъ Грознымъ. 300 главныхъ опричниковъ носили монашескія шапочки и черныя рясы, сверхъ раззолоченыхъ кафтановъ, подъ которыми были длинные ножи. Съ полуночи шли въ церковь, гдѣ молились почти до обѣда: самъ Иванъ съ сыновьями звонилъ въ колокола и до изнеможенія клалъ земные поклоны. За обѣдомъ царь читалъ Житія Святыхъ, и никто не смѣлъ проронить слова. Затѣмъ начинались пытки и казни: несчастныхъ приводили сотнями. Вечеромъ Грозный слушалъ въ постели сказки нищихъ слѣпцовъ. Но часто бывали шумныя пиршества, особенно по поводу свадебъ, которыхъ много играли при дворѣ: Иванъ самъ былъ 5 разъ женатъ, жалуясь

духовенству, что его женъ все отравляли враги. Въ послѣдній разъ онъ женился на *Маріи Нагой*, всего за 4 года до смерти, и уже собирался развестись съ нею, чтобы вступить въ бракъ съ родственницей Елизаветы англійской. Такая жизнь истощала Грознаго: уже въ началѣ опричнины онъ исхудалъ, какъ щепка; у него выпали волосы даже изъ бороды; взглядъ его сталъ дикъ и лихорадоченъ. Не счесть всѣхъ жертвъ опричнины, а лѣтописцы говорятъ только о знати. Казни были такъ ужасны, что митрополитъ *Филиппъ* не выдержалъ: этотъ благородный іерархъ, причисленный при Алексѣѣ къ лику святыхъ, открыто потребовалъ, чтобы Иванъ бросилъ опричнину, какъ безбожное дѣло. Его лишили сана, возили по городу и били метлами, а народъ плакалъ. Затѣмъ Филиппа посадили, въ кандалахъ, въ монастырь, гдѣ его задушилъ Малюта Скуратовъ. Тогда же Владиміръ Андреевичъ съ своей женой были призваны въ Слободу и умерщвлены, а потомъ были утоплены мать Владиміра и вдова царскаго брата, обѣ монахини. Наконецъ, Грозный сталъ подозрѣвать въ измѣнѣ собственную опричнину—и полетѣли головы Басманова и Вяземскаго: по приказанію царя, Басмановъ былъ убитъ собственнымъ сыномъ. Особенно тяжелъ былъ 1570 г., когда Иванъ пошелъ мстить Твери, Пскову и Новгороду за то, что ихъ предки когда-то сопротивлялись Москвѣ, какъ вычиталъ онъ въ лѣтописяхъ. Во время этого похода опричники получили приказъ бить и грабить все, что ни попадется по дорогѣ. Ужасны разсказы лѣтописцевъ о 5-недѣльномъ пребываніи царя въ Новгородѣ, о которомъ ему былъ сдѣланъ ложный доносъ, будто онъ хочетъ поддаться Польшѣ. Городъ былъ окруженъ стрѣльцами, чтобы никого не выпускать. Собрали монаховъ и поповъ, заковали ихъ въ кандалы и нѣсколько дней били съ утра до ночи, потомъ взяли ихъ имѣнія и опустошили церкви до послѣдняго сосуда. Купцовъ „поджаривали“ и бросали въ Волховъ, вмѣстѣ съ семьями, а стрѣльцы ѣздили на лодкахъ, убивая тѣхъ, которые всплывали. Затѣмъ царь сталъ ѣздить по окрестностямъ и разослалъ опричниковъ кругомъ, верстъ на 250, грабить, жечь, а людей истреблять. Годъ спустя, уцѣлѣвшіе новгородцы пошли къ обѣднѣ; вдругъ имъ показалось, что Грозный возвратился, и они разбѣжались, не зная куда, а за ними и весь городъ. Послѣ этого погрома погибло вѣковое торговое значеніе Новгорода: край до того обнищалъ, что нѣсколько лѣтъ былъ голодъ; люди ѣли другъ друга и мертвечину. Подобная же участь постигла Тверь. Псковъ отдѣлался однимъ ограбленіемъ. Его

спасъ юродивый *Никола*, который подалъ Ивану кусокъ мяса, а былъ постъ. „Я христіанинъ и не ѣмъ мяса въ постъ“, сказалъ Грозный. „Ты хуже дѣлаешь, возразилъ юродивый: ты ѣшь человѣчье мясо“. Иванъ задумался и быстро удалился. Возвращаясь въ Москву, онъ ѣхалъ съ лукомъ за спиною, а на шеѣ коня болталась собачья голова; подлѣ ѣхалъ шутъ на быкѣ. Вслѣдъ затѣмъ царь сдѣлалъ „великимъ княземъ всея Руси“ крещенаго татарскаго хана, *Симеона Бекбулатовича*, а себя назвалъ только „московскимъ княземъ“. Какъ подданный, онъ писалъ Симеону унизительныя прошенія. Наконецъ, Грозный, всегда ходившій съ желѣзнымъ костылемъ, ударилъ имъ по головѣ ни за что старшаго сына своего, *Ивана*, и тотъ умеръ на 5-й день. Иванъ долго мучился раскаяніемъ и собирался постричься въ монахи; потомъ успокоился и снова принялся за казни. Но онъ уже былъ слабъ и года черезъ 3 умеръ отъ тяжкой болѣзни (1584). Ему было тогда около 54 л.; царствовалъ онъ самодержавно 37 л.

§ 112. **Внутренняя политика.**—Разрушительно было время Грознаго; но Россія до того окрѣпла передъ тѣмъ, что не могла возвратиться къ татарщинѣ. У народа уже былъ неистребимый запасъ умственныхъ силъ: оттого тогда мы встрѣчаемъ, какъ умственное движеніе, такъ и хорошія правительственныя мѣры. Послѣдними особенно отличалась, конечно, добрая пора (§ 109). Тогда появился первый *земскій соборъ* на Руси, и часть правленія была передана самому народу: чтобы ограничить произволъ воеводъ, волостелей и намѣстниковъ, стали давать горожанамъ и крестьянамъ право самимъ выбирать себѣ правителей. Тогда же сокращено было рабство: отмѣнили много случаевъ, когда свободный человѣкъ обращался въ холопа. Первый земскій соборъ ознаменованъ улучшеніемъ суда и церкви. Въ 1550 г. былъ изданъ новый *Судебникъ*, взамѣнъ устарѣвшаго Судебника Ивана III (§ 104). Онъ старается оградить всѣхъ отъ произвола власти, а главное — стремится сократить ее, настаивая на томъ, чтобы народъ самъ выбиралъ себѣ *излюбленныхъ старостъ* и *цѣловальниковъ*, цѣловавшихъ крестъ (присягавшихъ) своимъ выборщикамъ; а для уголовщины или *разбойныхъ дѣлъ* народу предоставлялось выбирать особыхъ старостъ, которые назывались *губными*. Такъ и здѣсь мы видимъ своего рода опричнину и земщину, т. е. два управленія—„государево“ и „земское“ или выборное. Народъ любилъ свое излюбленное земское правленіе. Земскій судъ былъ даровой: при немъ не платилось

царю судебныхъ пошлинъ. Онъ былъ и справедливѣе государева суда: при немъ не было „поля“, которое замѣнялось *обыскомъ*, спросомъ общины насчетъ личности подсудимаго. Улучшая судъ и управленіе, облегчая низшіе классы, Иванъ IV старался улучшить и боярство отмѣной вреднаго обычая *мѣстничества*, этого пережитка родоваго быта. Мѣстничество состояло въ вѣчныхъ спорахъ бояръ изъ-за „мѣстъ“, потому что всякій боялся „унизить“ честь своего рода. Получая должность, бояринъ справлялся прежде всего, кто у него начальникъ, и не подчинялся ли какой-нибудь предокъ этого начальника какому-нибудь его предку? Справки наводились по *разряднымъ* книгамъ, которыя велись для этого, какъ правительствомъ, такъ и боярами: въ нихъ записывали всѣ служебныя назначенія и всѣ случаи мѣстничества. Эти понятія были такъ укоренены, что противъ нихъ не дѣйствовали никакія казни: здѣсь сопротивленіе царской волѣ считалось законнымъ, гдѣ бы ни случился споръ—въ походѣ, приказѣ или при дворѣ. Даже за царскимъ столомъ часто происходили безпорядки, даже между боярынями: каждый доказывалъ, что онъ долженъ сидѣть ближе къ царю, на болѣе почетномъ мѣстѣ. Нерѣдко приходилось силой перетаскивать упрямца съ одного мѣста на другое; но тогда онъ кричалъ, что ему наносятъ кровную обиду, и уходилъ. Чаще всего *мѣстничались воеводы въ походахъ*, что вредило ратному дѣлу: воеводы обыкновенно больше воевали между собой, чѣмъ съ непріятелемъ. Иванъ сначала хотѣлъ совсѣмъ отмѣнить мѣстничество; но среди бояръ поднялось такое смятеніе, что царь ограничился опредѣленіемъ, кому „быть безъ мѣстъ“, т.-е. сокращеніемъ случаевъ мѣстничества. Такъ въ походахъ дозволено было мѣстничаться только самымъ высшимъ чинамъ. Иванъ улучшилъ ратное дѣло еще тѣмъ, что завелъ постоянное войско, *стрѣльцовъ*. Иногда заботы правительства объ улучшеніяхъ доходили до мелочей. Такъ была введена для торговъ новая хлѣбная мѣра—*осмина*. Мѣдный образецъ ея былъ разосланъ въ отдаленныя мѣста, чтобы по нему дѣлали деревянныя мѣры; велѣно было штрафовать тѣхъ, которые стали бы мѣрить старыми мѣрами. Много было сдѣлано и въ церковномъ быту, который требовалъ серьезныхъ преобразованій. Тогда бѣлое духовенство подчинялось *владыкѣ* (епископу), который былъ царемъ въ маломъ видѣ. У владыки были свои служилые люди, которымъ онъ раздавалъ помѣстья, и свои судьи, свои земли, въ которыхъ онъ собиралъ подати и пошлины. Владыка велъ роскошную жизнь, а низшее

духовенство было забито, бѣдно и безграмотно. Церковныя книги переводились такъ, что въ нихъ трудно было доискаться смысла, который окончательно искажался ошибками переписчиковъ. Не лучше былъ бытъ чернаго духовенства. Подлѣ монастырей развелась масса *пустынь*, заводимыхъ тунеядцами и преступниками. У мо-ь наховъ былъ свой деспотъ—отецъ *игуменъ* (настоятель) или архимандритъ, управлявшій черезъ своихъ родственниковъ или *племянниковъ*. Онъ употреблялъ на себя богатую монастырскую казну, а братія нерѣдко разбѣгалась съ голоду и бродила по Руси, собирая подаяніе и воруя, подъ личиной юродивыхъ и пророковъ. *Церковный соборъ* 1551 г. выступилъ противъ зла, издавъ постановленія, извѣстныя подъ именемъ *Стоглава* (они раздѣлялись на 100 главъ). Стоглавъ далъ право попамъ выбирать изъ своей среды *поповскихъ старостъ и десятскихъ*, которые ограничивали власть владычныхъ „десятильниковъ" и "намѣстниковъ". Стоглавъ обязалъ владыкъ заводить богадѣльни и училища и смотрѣть за книгами, чтобы не соблазнять народъ апокрифами. Онъ предписалъ также надзирать за иконописцами, которые писали Богъ знаетъ что, вмѣсто ликовъ святыхъ: владыки должны были издавать *подлинники* или образцы, отъ которыхъ они не смѣли отступать. Стоглавъ запретилъ устройство мелкихъ пустынь и затронулъ старый вопросъ о церковныхъ имуществахъ. Впервые было ограничено право владыкъ и монастырей владѣть вотчинами: имъ запрещено было покупать вотчины безъ царскаго разрѣшенія и вовсе не дозволялось брать земли на поминъ души.

§ 113. **Сибирь, Ливонія и Польша.**—Во внѣшней политикѣ, также какъ и во внутренней, все лучшее относится къ доброй порѣ. Тогда были успѣхи (§ 109), потомъ послѣдовали неудачи. Впрочемъ важно, что въ добрую пору Иванъ воевалъ на востокѣ, а въ пору казней на западѣ. На востокѣ Россія могла брать верхъ, потому что превосходила его образованіемъ. Тамъ дѣла шли хорошо даже позднѣе, когда силы царя были отвлечены на западъ. Русскіе люди сами, безъ помощи правительства, расправлялись съ заволжскими туземцами и продолжали завоеванія, начатыя покореніемъ Казани и Астрахани. Вождемъ ихъ были Строгановы и Ермакъ—люди простые, не боярскаго рода. *Строгановы*—образецъ смѣтливаго, предпріимчиваго и упорнаго русскаго переселенца. Эти богатые промышленники, вмѣсто того, чтобы проводить жизнь дома въ довольствѣ, употребляли свой достатокъ на самыя опасныя предпріятія, устремляясь къ

полудикимъ племенамъ. Строгановы выпросили у Ивана большое пространство земли на р. Камѣ и стали выводить туда русскихъ поселенцевъ, устроили обширное хлѣбопашество и соляныя варницы. Основавъ цѣлое промышленное государство у подошвы Урала, они обратили вниманіе на земли по ту сторону горъ, тѣмъ болѣе, что жившіе тамъ *татары*, съ ихъ предпріимчивымъ ханомъ, *Кучумомъ*, выказывали намѣреніе безпокоить ихъ владѣнія. Строгановы исполнили и эту новую задачу безъ помощи правительства, выхлопотавъ только у царя право строить крѣпостцы по р. Тоболу и его притокамъ, добывать желѣзо, лить пушки и нанимать ратныхъ людей. На Зап. это явленіе возникло позже, подъ видомъ индійской компаніи англичанъ. Запасшись огнестрѣльнымъ оружіемъ, котораго не знали за Ураломъ, Строгановы скоро нашли и армію, обратившись къ казакамъ (§ 92). Въ то время особенно славилась донская вольница. Иванъ IV не разъ посылалъ войска противъ нея и жестоко казнилъ пойманныхъ казаковъ, но не могъ искоренить ея. Особенно славилась удальствомъ и разбоемъ шайка атамана *Ермака Тимофеевича*, которая пробралась даже до Камы. Ее-то Строгановы пригласили на службу, обѣщая царское помилованіе. Ермакъ согласился и совершилъ тоже самое, чѣмъ прославились немного раньше Кортецъ и Пизарро въ Америкѣ. Собравъ свою шайку и прихвативъ съ собой еще плѣнныхъ нѣмцевъ, литовцевъ и другой сбродъ, служившій у Строгановыхъ (всего 850 чел.), онъ пошелъ за Уралъ усмирять татаръ. Быстро расправился онъ съ Кучумомъ, который бѣжалъ, покинувъ богатства, собранныя имъ съ туземцевъ, и свою столицу, *Сибирь*, лежавшую на берегу Иртыша (1584). Ермакъ послалъ къ Ивану своего помощника, атамана *Кольцо*, съ сибирскими сокровищами. Царь простилъ казакамъ старые разбои и принялъ ихъ на свою службу съ большимъ жалованьемъ, а въ Сибирь отправилъ своихъ воеводъ. На западѣ дѣла шли плохо въ теченіе почти 25 л. Пріобрѣтеніе *Ливоніи* было остановлено союзомъ нѣмецкихъ рыцарей съ поляками: въ виду погибели, грозившей съ востока, магистръ ливонскаго ордена, *Кетлеръ*, даже сталъ вассаломъ польскаго короля и уступилъ ему Ливонію, а себѣ оставилъ только Курляндію съ титуломъ *герцога*. Такъ ливонская война перешла въ польскую. Сначала русскіе взяли даже *Полоцкъ*, но съ такимъ урономъ, что Иванъ растерялся: онъ созвалъ *соборъ* для рѣшенія вопроса о войнѣ и мирѣ, чего никогда не случалось. На этомъ соборѣ были не только ратные и служилые

люди, но и купцы. Рѣшили продолжать войну. Иванъ сдѣлалъ новыя обширныя приготовленія, собралъ большой *нарядъ* (артиллерію) и принялъ любопытную политику въ огражденіе себя отъ непріязни Даніи и Швеціи, которыя устремились тогда на востокъ. Пользуясь паденіемъ ливонскаго ордена, шведы отняли у него Ревель, а датчане о. Эзель, гдѣ поселился ихъ королевичъ, *Магнусъ*. Иванъ предложилъ Магнусу титулъ короля Ливоніи, если только онъ станетъ такимъ же подручникомъ у Россіи, какъ Кетлеръ у Польши: онъ надѣялся выставить Данію противъ *Швеціи*, которая тогда уже объявила войну Москвѣ. Магнусъ согласился и сталъ даже женихомъ царской племянницы. Но всѣ приготовленія Ивана были тщетны. Война продолжалась несчастливо. Шведы постоянно нападали въ одно время съ литовцами, поляками и нѣмцами. Кромѣ того, крымцы стали тогда вассалами Порты и съ ея помощью дошли-было до Астрахани и разъ сожгли Москву. Но хуже всего было появленіе *Баторія* (§ 102), который дисциплинировалъ шляхту и набралъ хорошую пѣхоту изъ венгровъ и нѣмцевъ, съ хорошими пушками и ружьями,—словомъ, выступилъ во всеоружіи образованнаго Запада. Баторій быстро дошелъ до Пскова, между тѣмъ какъ шведы отбили у русскихъ всѣ города финляндской границы. Иванъ обратился къ папѣ съ просьбой примирить его съ врагами. Папа прислалъ въ Москву іезуита, *Антонія Поссевина*, который началъ съ совращенія царя въ латинство. Встрѣтивъ отпоръ, іезуитъ сталъ держать сторону Баторія въ переговорахъ, которые привели къ перемирію у *Запольскаго Яма*. Иванъ уступилъ Баторію всѣ свои завоеванія въ Ливоніи и Полоцкъ, а шведамъ отдалъ завоеванные ими города. Грозный хотѣлъ возобновить борьбу за Ливонію, но понялъ, что съ Западомъ нельзя воевать безъ помощи какой-нибудь западной же державы: отсюда его упорное желаніе вступить въ союзъ съ *Елизаветой англійской*. Онъ обрадовался, когда англійскіе купцы, отыскивая новыя земли на с., зашли въ устье Сѣв. Двины, обласкалъ ихъ и предложилъ Елизаветѣ за союзъ торговую монополію въ Россіи, что самъ же считалъ „тяжелѣе дани". Въ то же время Иванъ сватался то за Елизавету, то за ея родственницу и просилъ у нея убѣжища, въ случаѣ если „мятежные" подданные выгонятъ его изъ царства. Елизавета ограничилась любезностями.

§ 114. **Ѳедоръ I и бояре.**—Грозный оставилъ двухъ сыновей—*Ѳедора* отъ Анастасіи и *Дмитрія* отъ Нагой. Но Дмитрій

былъ ребёнокъ, а Ѳедоръ былъ малъ ростомъ, блѣденъ, опухлый, ходилъ нетвердо и вѣчно ухмылялся, особенно, когда сидѣлъ на престолѣ и любовался скипетромъ и державнымъ яблокомъ. Какъ въ малолѣтствѣ Ивана IV, началась борьба между боярами, изъ которыхъ одни хотѣли захватить власть именемъ Ѳедора, другіе—именемъ Дмитрія. Во главѣ послѣднихъ стоялъ ловкій, но коварный *Богданъ Бѣльскій*. Но бояре противной стороны тотчасъ же сослали его въ Нижній, а царевича Дмитрія отправили въ завѣщанный ему отцомъ *Угличъ*, вмѣстѣ съ матерью и Нагими. Затѣмъ они собрали своихъ приверженцевъ, подъ видомъ земской думы, которая рѣшила царствовать Ѳедору. Но неизвѣстно было, кто именно будетъ управлять его именемъ, такъ какъ нѣсколько боярскихъ семей были близки къ нему. Самыми знатными изъ нихъ были Гедиминовичи *Мстиславскіе* и Рюриковичи *Шуйскіе*, а самыми близкими къ престолу — родственники Ѳедора, *Романовы-Юрьевы* *) и *Годуновы*. Бояринъ Никита Романовичъ доводился царю дядей по матери, а Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ былъ братъ жены царя, Ирины. Сначала власть перешла къ *Никитѣ Романовичу*. Но онъ былъ очень старъ и вскорѣ былъ пораженъ параличемъ, а затѣмъ умеръ. Уже во время его болѣзни власть сосредоточилась въ рукахъ *Бориса Годунова*, которому вполнѣ подчинялась царица Ирина, имѣвшая большое вліяніе на Ѳедора. Но главы знатнѣйшихъ фамилій, *Иванъ Мстиславскій* и *Иванъ Шуйскій*, считались соправителями Годунова и стѣсняли его. Борисъ быстро расправился съ недалекимъ и вялымъ Мстиславскимъ: по какому-то доносу, его постригли въ монахи, а его друзей сослали. Труднѣе было одолѣть Шуйскихъ, которые всегда отличались мужествомъ и дарованіями; Иванъ Шуйскій умѣлъ еще привязать къ себѣ московскихъ купцовъ и мѣщанъ, а также смѣлаго и упорнаго митрополита *Діонисія*. Шуйскіе составили искусный замыселъ развести царя съ Ириной и женить его на дочери

*) Они назывались сначала *Кобылиными-Кошкиными* и вели свое происхожденіе отъ знатной литовской фамиліи. Такъ какъ въ древности былъ обычай сохранять имена, то произошли сложныя фамиліи, за которыми тѣмъ труднѣе слѣдить, что прозвища, бывшія также въ большомъ ходу, въ свою очередь обращались въ фамиліи. Такъ внуки *Ѳедора Кошки*, породнившагося съ тверскими князьями при Василіи I, назывались еще Гольтяевымъ и Беззубцевымъ; а дѣти и внуки *Захара* Кошкина, засѣдавшіе въ думѣ при Ив. III и Вас. III, назывались *Захарьиными-Кошкиными*. При Грозномъ является *Романъ Юрьевичъ*, отецъ царицы Анастасіи (§ 108): отсюда *Романовы-Захарьины-Юрьевы* или *Романовы-Юрьевы*, а потомъ просто *Романовы*.

Мстиславскаго. Но Борисъ, у котораго было множество шпіоновъ, узналъ все. Онъ подговорилъ слугъ Шуйскаго донести, будто ихъ господинъ хочетъ извести царя, и внезапно сослалъ соперника и его товарищей въ отдаленные города, гдѣ они были казнены втихомолку; Діонисія заточили въ далекій монастырь, а на его мѣсто поставили архіеп. ростовскаго, *Іова*, покорное орудіе Годунова, Борисъ сталъ единымъ правителемъ государства (1587) съ титуломъ „конюшаго, ближняго великаго боярина и намѣстника царствъ казанскаго и астраханскаго". Онъ самовластно управлялъ Россіей, именемъ царя, 11 л., до смерти Ѳедора.

§ 115. **Борисъ Годуновъ-правитель.** — Родоначальникомъ Годуновыхъ былъ мурза *Четъ* (§ 84), внукъ котораго получилъ прозвище *Годуна*. Цари одарили Годуновыхъ вотчинами, гдѣ татарскіе выходцы жили мирными помѣщиками, отличаясь благочестіемъ. Ихъ государственная роль создана случаемъ—женитьбой Ѳедора на Иринѣ, а также умомъ Бориса, который, чтобы болѣе приблизиться къ Грозному, женился на дочери Малюты Скуратова. Иванъ IV полюбилъ изворотливаго Бориса, хотя новый наперсникъ разъ чуть не умеръ отъ его желѣзнаго костыля. По смерти Грознаго, Борису было 32 г. Онъ былъ красивъ, уменъ, предпріимчивъ, краснорѣчивъ и умѣлъ превосходно владѣть собой. Это было олицетворенное коварство и лицемѣріе: смотря по обстоятельствамъ, Борисъ сегодня былъ добръ, милостивъ и обворожителенъ, завтра—свирѣпъ и кровожаденъ. Окруживъ себя массой шпіоновъ и обладая проницательностью, онъ все зналъ во-время, а при своей желѣзной волѣ могъ выжидать цѣлые годы, вырабатывая свои замыслы до мелочей. Въ этихъ замыслахъ не было ничего новаго: Борису не хватало геніальности и образованія. Но даровитый правитель глубже понималъ дѣло своихъ предшественниковъ. Тѣ увлекались отрицательной стороной дѣла—истребленіемъ пережитковъ, мѣшавшихъ объединенію Руси и установленію самодержавія, причемъ иногда доходили до имъ же вредной опричнины. Борисъ же развивалъ положительную сторону, и въ этомъ смыслѣ былъ отдаленнымъ, хотя и мелкимъ, предтечею Петра Великаго. Онъ занимался не истребленіемъ бояръ, а *возвышеніемъ низшихъ классовъ*. Его любимымъ дѣломъ было возстановленіе павшихъ городовъ (Курскъ, Воронежъ) и постройка новыхъ (Архангельскъ, Саратовъ, Царицынъ, Цивильскъ, Царевококшайскъ, Ливны и др.), а также заселеніе пустынныхъ мѣстъ, въ особенности на

ю. Украйнѣ. Борисъ былъ разумный *колонизаторъ*: онъ не насильно сгонялъ народъ въ пустыни, а привлекалъ его льготами и денежной поддержкой. Такъ онъ устроилъ прочную цѣпь сторожевыхъ станицъ изъ *черкассъ* (малороссовъ), которымъ давалъ помѣстья, деньги, сукна, хлѣбъ, а также свинецъ и селитру для пороха. То же стремленіе къ развитію положительной стороны дѣла проявилось въ пристрастіи Бориса къ *миру и просвѣщенію*. Годуновъ, по самой своей природѣ, былъ политикъ, а не воинъ: плохой полководецъ, онъ не любилъ битвъ; осторожный лицемѣръ, онъ боялся прямаго образа дѣйствій. Ему хотѣлось достигать всего искусною дипломатіей: онъ желалъ не воевать съ Западомъ, а устрашать его внутренней силой, хорошимъ устройствомъ Руси. Но Борисъ понималъ, что для этого необходимо заимствовать у Запада его науку и развитіе: у него стремленіе къ европейскому просвѣщенію было сознательнѣе, чѣмъ у Ивана III и Грознаго. Сдѣлавшись царемъ, Годуновъ задумалъ-было основать цѣлую *систему школъ*, въ которыхъ учителями были бы иностранцы. Невѣжественное духовенство не допустило его до этого; но онъ настоялъ на томъ, чтобы хоть посылать молодыхъ людей учиться *за границу*. Борисъ всячески выказывалъ свое пристрастіе къ иностранцамъ: давалъ льготы и привилегіи ихъ купцамъ; содержалъ ихъ ученыхъ, особенно врачей, какъ первыхъ бояръ; дорожилъ своимъ *нѣмецкимъ отрядомъ* болѣе, чѣмъ всею русскою арміей; завелъ при дворѣ много обычаевъ и отчасти обстановку Запада. Подражая ему, бояре также начали измѣнять свой бытъ на европейскій ладъ, заводили понемногу даже обычай *брить бороды*. Кромѣ иностранцевъ, Годуновъ старался лично привязать къ себѣ низшіе классы. Никто до него не выказывалъ столько заботливости о бѣднотѣ: не проходило дня безъ того, чтобы онъ не благотворилъ. Случится ли гдѣ пожаръ, грабежъ, моръ—отъ Бориса тотчасъ присылались деньги, кормъ, платья, врачи; самъ онъ часто ѣздилъ по областямъ и вездѣ кормилъ, поилъ, ласкалъ народъ. Но *народъ не любилъ Бориса*. Онъ вѣрилъ всякому дурному слову про него; при всякой внезапной смерти виднаго лица проносилась молва, что это—дѣло рукъ Бориса; даже когда ослѣпъ Симеонъ Бекбулатовичъ (§ 111), всѣ заговорили, что онъ подсунулъ несчастному какого-то зелья. Что ни дѣлалъ Борисъ, чтобы снискать любовь и довѣріе народа, народъ считалъ его злодѣемъ и чародѣемъ. Правда, невѣжественная толпа не могла понимать этого нарушителя ея вѣковыхъ предразсуд-

ковъ. какъ позже она не понимала Петра Великаго. Но у народа есть нравственное чутье: онъ благоговѣлъ передъ Петромъ за величіе его души и чуялъ, что въ лицѣ Годунова исторія поставила передъ нимъ мелкаго и лживаго честолюбца, способнаго на ехидныя злодѣянія, къ которымъ подталкивало его смутное время, когда на московскомъ престолѣ угасалъ родъ Рюрика. Народъ видѣлъ, что у этого выскочки не было великодушія генія, чтобы основать царственное значеніе своей семьи на правдѣ, на самоотверженной преданности общественному дѣлу. Годуновъ былъ интриганомъ и эгоистомъ, когда пресмыкался у престола; онъ остался такимъ, когда овладѣлъ имъ. Въ этомъ смыслѣ онъ былъ потомокъ смѣтливаго татарина, а не предшественникъ Петра Великаго.

§ 116. **Крѣпостничество и патріаршество.**—Подозрительность народа часто оправдывалась и относительно мелкихъ преступленій Годунова. Но важнѣе всего основное противорѣчіе въ дѣятельности Бориса. Годуновъ старался подкупить низшій классъ грошовыми подачками на бѣдность; но гораздо важнѣе вредныя для народа мѣры, которыми онъ подкупалъ высшія сословія. Здѣсь на первомъ планѣ стоитъ введеніе *крѣпостнаго права*. Эта мѣра вытекла изъ отсутствія постояннаго войска, бывшаго отчасти слѣдствіемъ неправильнаго употребленія казны, хотя она была богата, по свидѣтельству всѣхъ иностранцевъ. Военную повинность возложили на *служилыхъ людей*, т. е. неимущихъ дворянъ, и на дѣтей боярскихъ, которымъ давали за это *помѣстья*. Такъ все богатство служилыхъ стало заключаться въ земледѣліи, да они и не могли заниматься торговлей и промыслами, такъ какъ были обязаны являться, по первому призыву, „конно, людно и оружно“, т. е. съ собственными, и на свой счетъ содержимыми, конями, отрядами и оружіемъ. Оттого помѣстья въ томъ только случаѣ могли прокормить служилаго, если были населены зелледѣльцами, притомъ работающими правильно и неустанно. Но этихъ условій не могло быть, пока крестьяне имѣли право свободнаго перехода, тѣмъ болѣе, что богатые землевладѣльцы, бояре, легко переманивали ихъ къ себѣ отъ служилыхъ разными льготами. Уже при Грозномъ было обращено вниманіе на это: въ Судебникѣ былъ ограниченъ свободный переходъ крестьянъ однимъ *Юрьевымъ днемъ*, осенью, по окончаніи полевыхъ работъ. Послѣ этого опасность остаться служилымъ безъ крестьянъ увеличилась: народъ стремился къ переселенію въ Сибирь и на южныя украйны, а также мас-

сами переходилъ на льготныя церковныя земли. Борисъ рѣшился помочь бѣдѣ уничтоженіемъ Юрьева дня (отсюда поговорка: „вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!“). Неизвѣстно, когда именно это случилось, такъ какъ самаго документа не дошло до насъ; но самый ранній сохранившійся указъ о крѣпостныхъ относится къ 1597 г. Такъ крестьяне были прикрѣплены къ землѣ, на которой жили тогда, или *закрѣпощены*. Эта мѣра дѣйствовала гибельно на благосостояніе главной массы населенія, которая была принесена въ жертву немногочисленному классу военныхъ: доказательствомъ тому служитъ немедленное появленіе бѣглыхъ и соотвѣтственное развитіе казачества и разбойничества. Но ближайшая цѣль, обезпеченіе государства арміей, была достигнута, а также служилые были привлечены къ Годунову. Желая привлечь и духовенство, Борисъ покровительствовалъ, вопреки послѣднимъ соборамъ, церковному землевладѣнію, давалъ владыкамъ и монастырямъ свободу отъ разныхъ повинностей. Онъ думалъ еще болѣе привязать къ себѣ духовенство, возвысивъ главу русской церкви въ санъ *патріарха*, не соображая, сколько вреда могло произойти отсюда въ будущемъ. Годуновъ видѣлъ только одно: патріаршество, склоняя къ нему духовенство, еще доставитъ ему новый блескъ, какъ царю государства, въ которомъ глава церкви имѣетъ значеніе какого-то восточнаго папы. А соперничества новой власти онъ не боялся: патріархомъ сталъ *Іовъ* (§ 114). Это случилось (1589) слѣдующимъ образомъ. Тогда пріѣхалъ на Русь собирать милостыню бѣдный, угнетенный турками константинопольскій патріархъ, *Іеремія*. Годуновъ далъ ему щедрую милостыню—и онъ посвятилъ Іова изъ митрополита въ патріархи. Въ то же время 4 архіепископа были повышены въ санъ митрополита.

§ 117. **Борисъ-царь.** — Эгоистичная и преступная натура Годунова особенно обнаружилась въ мелкихъ средствахъ, къ которымъ онъ прибѣгалъ для утвержденія своей власти. Припомнимъ судьбу Бѣльскаго, Нагихъ, Шуйскихъ, митрополита Діонисія, а также быстрое обогащеніе Бориса, какъ только онъ захватилъ власть при Ѳедорѣ. Но еще важнѣе мѣры, которыя онъ принималъ, чтобы отдѣлаться отъ лицъ, имѣвшихъ больше правъ на престолъ, чѣмъ онъ. Въ то время, когда царевичъ Дмитрій былъ заточенъ въ Угличѣ, случилось слѣдующее происшествіе. Въ Ригѣ проживала родственница царя Ѳедора, вдова короля Магнуса (§ 113), *Марія Владиміровна*, съ своей маленькой дочерью, *Евфиміей*. Годуновъ уговорилъ ее переселиться въ Москву,

обѣщая ей горы золота. Марія пріѣхала, но вскорѣ ее разлучили съ дочерью и постригли въ монахини; немного лѣтъ спустя, внезапно умерла малютка Евфимія. Но самымъ важнымъ дѣломъ, которое навсегда врѣзалось въ памяти народа, была *судьба царевича Дмитрія.* Этотъ ребенокъ представлялъ дѣйствительную опасность Годунову, такъ какъ у Ѳедора не было дѣтей, и, говорятъ, Нагіе воспитывали его такъ, что онъ лѣпилъ изъ снѣга человѣчковъ, называлъ ихъ боярами и Борисомъ и снималъ имъ палкой головы. Въ 1591 г. Годуновъ прислалъ въ Угличъ трехъ изъ своихъ приближенныхъ помогать царицѣ Маріи въ хозяйствѣ. Вслѣдъ затѣмъ царевича нашли въ собственной комнатѣ съ перерѣзаннымъ горломъ. Угличане пришли въ ярость и тутъ же умертвили людей Бориса. Годуновъ назначилъ слѣдствіе, которымъ руководили *Василій Шуйскій* и окольничій *Клешнинъ,* бывшій, говорятъ, душею заговора, погубившаго царевича. Крайне недобросовѣстное слѣдствіе признало, что Дмитрій самъ зарѣзался въ припадкѣ падучей болѣзни, а угличане были жестоко наказаны за убійство клевретовъ Годунова. Царица Марія была пострижена въ монахини за то, что прямо и упорно обвиняла въ убійствѣ ея сына людей, подосланныхъ Годуновымъ; семьи же этихъ людей были одарены вотчинами и деньгами. Народъ упорно вѣрилъ, что погибель царевича — дѣло рукъ Бориса. Вслѣдъ затѣмъ у царя Ѳедора родилась дочь; она вскорѣ умерла — и въ народѣ опять заговорили, что это новая жертва Годунова. Вскорѣ умеръ и болѣзненный царь Ѳедоръ, не оставивъ завѣщанія. Власть переходила къ вдовствующей царицѣ; но Ирина вдругъ постриглась въ монахини. Тогда внезапно былъ устроенъ *земскій соборъ,* состоявшій изъ духовенства и служилыхъ людей, который избралъ Бориса въ цари. Годуновъ два раза отказывался; но патріархъ пришелъ въ Новодѣвичій монастырь съ крестнымъ ходомъ умолять царицу Ирину, чтобы она благословила и уговорила брата. Привалила и толпа народа, такъ какъ пригрозили тѣмъ, кто не явится. Всѣ стояли на колѣняхъ и просили Годунова, пока онъ не согласился принять шапку Мономаха (1598). При вѣнчаніи на царство Борисъ сказалъ всенародно: „Богъ свидѣтель, что въ моемъ царствѣ не будетъ нищихъ и бѣдныхъ!“ Затѣмъ, взявшись за воротъ своей рубашки, онъ прибавилъ: „и послѣднюю рубашку раздѣлю со всѣми!“ Кровавой цѣной Борисъ пріобрѣлъ всего 5 л. спокойнаго царствованія и 2 г. тревогъ, погубившихъ его. Это краткое царствованіе было безславно. Все важное въ политикѣ Годуновъ совер-

шилъ правителемъ. Годуновъ-царь думалъ только о своей безопасности, вѣчно дрожа отъ мысли, что его изобличатъ, всюду видя мстителей. Сначала онъ попробовалъ оградить себя мѣрами кротости: цѣлый годъ не бралъ податей, помогалъ нищимъ, выпускалъ заточенныхъ, возвращалъ опальныхъ; даже сдѣлалъ своимъ другомъ энергическаго Богдана Бѣльскаго, а Романовыхъ ласкалъ, какъ родныхъ. Но народъ продолжалъ выказывать недовѣріе; а въ 1600 г. вдругъ пронесся слухъ, что зарѣзали подставнаго ребенка, а царевичъ живъ, спасенъ и скрывается гдѣ-то тамъ, за литовской границей. Борисъ пришелъ въ ужасъ и сбросилъ маску. Страна покрылась доносщиками, которымъ платили изъ имѣній оклеветанныхъ; даже родные доносили другъ на друга; мужчины наушничали царю, женщины — царицѣ. Съ литовской границы привозили въ оковахъ кучи людей: Борисъ разставилъ тамъ караулъ и, не смѣя объявить, кого онъ ищетъ, приказалъ хватать всякаго проѣзжаго. Такъ какъ Годуновъ особенно боялся бояръ, то посыпались доносы холоповъ на господъ, будто бы желавшихъ извести царскую семью чарами. Пошли жестокія пытки, казни и ссылки въ Сибирь. Богданъ Бѣльскій вдругъ превратился въ преступника и былъ сосланъ въ южн. Украйну. Особенно пострадали дѣти Никиты Романовича, *Романовы*. Ихъ пытали, со всѣми ихъ родственниками и холопами, но, ничего не допытавшись, сослали въ разные концы Россіи. Самый умный и упорный изъ 5 братьевъ Романовыхъ, *Ѳедоръ Никитичъ*, былъ постриженъ въ монахи, подъ именемъ *Филарета*, и сосланъ въ далекій монастырь, а жену его постригли въ монахини, подъ именемъ *Марѳы*, и сослали въ Заонежье. Сынъ же ихъ, маленькій *Михаилъ*, былъ сосланъ вмѣстѣ съ своей теткой, на Бѣлоозеро. Только этотъ ребенокъ да его отецъ уцѣлѣли: остальные Романовы вскорѣ умерли отъ истязаній приставовъ, сопровождавшихъ ихъ въ заточеніе. Чѣмъ больше лилась кровь, тѣмъ кровожаднѣе и подозрительнѣе становился Борисъ. Онъ уже сталъ почти невидимъ: его дворецъ превратился въ замкнутую тюрьму, отъ которой прогоняли просителей палками и пинками. Но туда доходили упорные слухи о спасенномъ царевичѣ Дмитріи, который скоро придетъ разсчитаться съ похитителемъ престола. Кругомъ стали совершаться мрачныя знаменія: тамъ и сямъ свирѣпствовали небывалыя бури; гдѣ исчезали птицы, гдѣ рыба; появилась комета, смутившая суевѣрный народъ. Наконецъ, вслѣдствіе неурожая, насталъ страшный голодъ, съ своимъ спутникомъ, моровой язвой. Въ одной Москвѣ

умерло съ голода болѣе 100 т. Проѣзжему опасно было останавливаться на постоялыхъ дворахъ: того и гляди, изжарятъ и съѣдятъ. Народъ бѣжалъ толпами, куда глаза глядятъ, а больше всего въ Сѣверскую Украйну (губ. Орл., Кур., Черниг.). Образовалось много разбойничьихъ шаекъ, которыя доходили до Москвы, да и въ самой Москвѣ не рѣшались выходить изъ дому ночью, опасаясь кистеня. Одна шайка, предводимая *Хлопкой Косолапомъ*, едва не одолѣла царскаго отряда подъ Москвой и убила его начальника. Народъ волновался, роптал на царствованіе, котораго не благословляетъ Господь; и изъ устъ въ уста перелетало имя царевича Дмитрія. Борисъ мучился тяжелыми предчувствіями, даже началъ совѣщаться съ вѣдунами и ворожеями. Тутъ ему донесли, что царевичъ Дмитрій вступилъ въ предѣлы Руси, сопровождаемый благословеніями народа (1604).

§ 118. **Гришка Отрепьевъ и гибель Годуновыхъ.**—Незадолго до смерти Ѳедора I, въ Москвѣ появился сынъ галицкаго служилаго, *Юрій Отрепьевъ*, человѣкъ молодой, но бывалый; онъ зналъ грамоту, выказывалъ смѣтливость и твердую волю. Юрій проживалъ то у того, то у другаго изъ бояръ, которыхъ опасался Борисъ; а когда они подверглись опалѣ, постригся въ монахи, подъ именемъ *Григорія*, въ Чудовомъ монастырѣ, и вскорѣ сталъ писцомъ самого патріарха Іова. Но онъ позволялъ себѣ дерзкія выходки: говорятъ, однажды хвастался даже, что будетъ царемъ въ Москвѣ. Затѣмъ Григорій исчезъ и, послѣ долгихъ скитаній, пробрался въ Литву, гдѣ поучился немного въ школѣ, съѣздилъ къ казакамъ на Украйну и поступилъ шляхтичемъ на службу къ польскому пану, князю *Адаму Вишневецкому*. Здѣсь Отрепьевъ объявилъ, что онъ царевичъ Дмитрій, спасенный отъ убійцъ, подосланныхъ Борисомъ. Паны начали носить на рукахъ Григорія, который, вдобавокъ, перешелъ въ католичество; одинъ изъ нихъ, *Юрій Мнишекъ*, согласился даже отдать за него свою дочь, *Марину*, впрочемъ, когда онъ утвердится на моск. престолѣ. Паны представили Отрепьева *Сигизмунду III*, который, послѣ таинственнаго разговора съ нимъ, не сталъ открыто за него, но далъ ему содержаніе и разрѣшилъ панамъ помогать ему. Паны собрали ему маленькій отрядъ изъ праздныхъ людей, особенно изъ бѣглыхъ русскихъ, которымъ хотѣлось возвратиться въ отечество, а самъ Отрепьевъ разослалъ по Россіи подметныя грамоты, чтобы возбуждать народъ къ возстанію противъ Бориса. Грамоты подѣйствовали на русскую Украйну, населенную бѣглецами изъ внутреннихъ земель, въ

особенности же на *донскихъ* и *сѣверскихъ* казаковъ, которыхъ притѣснялъ Борисъ. Вскорѣ въ самой Москвѣ бояре стали пить за здоровье царевича; а нѣкоторые воеводы уже поговаривали, что трудно будетъ биться съ „природнымъ государемъ". Борисъ обнародовалъ всю исторію „самозванца *Лжедимитрія*", а патріархъ Іовъ велѣлъ проклинать по церквамъ „Гришку Отрепьева". Но народъ подсмѣивался надъ этимъ именемъ и толковалъ, что Борисъ самъ сочинилъ всю эту исторію. Когда Лжедимитрій явился со своимъ отрядомъ въ южные предѣлы моск. государства, сѣверскіе города стали сдаваться ему безъ боя, кромѣ Новгорода Сѣверскаго, гдѣ распоряжался мужественный воевода, *Петръ Басмановъ*. Подъ стѣнами этого города самозванецъ разбилъ гораздо болѣе многочисленное войско Годунова, подъ начальствомъ князя *Мстиславскаго*, которое не хотѣло драться противъ „царевича". Борисъ заболѣлъ и скоропостижно умеръ послѣ сытнаго обѣда; но его нѣмецкіе доктора распустили слухъ, что онъ отравился (1605). Пораженная Москва притихла. Бориса схоронили по-царски и безропотно присягнули сыну его, 16-лѣтнему *Ѳедору*, дебелому, красивому юношѣ, получившему прекрасное воспитаніе. Къ войску послали самаго надежнаго человѣка, Петра Басманова. Но Басмановъ, пріѣхавъ къ арміи, увидѣлъ, что она уже настроена въ пользу Лжедимитрія, и рѣшился измѣнить Годуновымъ, чтобы „быть въ чести" у самозванца. Въ войскѣ первые зашумѣли въ пользу Лжедимитрія рязанскіе дворяне, *Ляпуновы*, которыхъ поддержали люди украинскихъ городовъ, а затѣмъ и вся армія. Между тѣмъ въ Москвѣ народъ волновался отъ грамотъ и посланцевъ самозванца. Годуновы сидѣли, запершись въ кремлевскихъ палатахъ, охраняемые немногими стрѣльцами, имѣвшими зловѣщій видъ. Наконецъ двое дворянъ открыто привезли грамоту отъ „Дмитрія Ивановича". Толпа заставила прочитать ее на Красной площади; потомъ вытребовали Василія Шуйскаго, и онъ заявилъ, что царевичъ былъ спасенъ, а вмѣсто него похоронили поповскаго сына. Въ народѣ раздалось дружное: „Буди здравъ, царь Дмитрій Ивановичъ!" — и онъ бросился въ Кремль „искоренять Годуновыхъ". Ихъ перевезли, на водовозныхъ клячахъ, въ ихъ старый боярскій домъ и отдали подъ стражу стрѣльцамъ, перешедшимъ на сторону народа; а ихъ родственниковъ и друзей разсажали по тюрьмамъ. Къ Лжедимитрію послали повинную грамоту, во главѣ которой стояло имя патріарха Іова. Въ отвѣтъ на нее прибыли изъ стана самозванца двое бояръ. По ихъ приказанію, Ѳедоръ

и его мать были удавлены, его сестру, Ксенію, постригли въ монахини, Іова сослали въ далекій монастырь; родственниковъ и друзей Годуновыхъ (до 25 семействъ) отправили въ пограничные города. Дней 10 спустя, Лжедимитрій съ торжествомъ въѣхалъ въ Москву.

§ 119. **Лжедимитрій I.** — Самозванецъ былъ статенъ, но некрасивъ; у него были рыжіе волосы и толстый носъ, но лобъ и глаза обличали умъ и проницательность. Толпа умилилась, когда увидѣла, какъ онъ горько плакалъ надъ гробомъ Грознаго; она довѣрчиво прислушивалась къ горячимъ словамъ Богдана Бѣльскаго, который ручался, что это истинный царевичъ; всякія сомнѣнія исчезли, когда царица Марѳа, послѣ таинственнаго свиданія съ Лжедимитріемъ въ шатрѣ подъ Москвой, всенародно приласкала его, какъ своего сына. Народъ радовался, видя милости, изливавшіяся на жертвы Годунова—на Нагихъ и Романовыхъ, изъ которыхъ Филаретъ (§ 117) былъ сдѣланъ митрополитомъ ростовскимъ. Лжедимитрій не преслѣдовалъ и враговъ: онъ не тронулъ одного владыку, который открыто молился за Бориса и проклиналъ „Гришку Отрепьева". Еще великодушнѣе поступилъ онъ съ Василіемъ Шуйскимъ, который сталъ разглашать, что хотя царевичъ Дмитрій и живъ, но этотъ не царевичъ, а самозванецъ. Лжедимитрій отдалъ Шуйскаго на судъ самого народа и несмотря на присужденіе къ смерти, сохранилъ ему не только жизнь, но даже имѣніе и боярскій санъ. Самозванецъ всегда оставался вѣренъ своимъ словамъ: „Есть два способа царствовать—милосердіемъ и щедростью или суровостью и казнями; я избралъ первый; я далъ обѣтъ Богу не проливать крови подданныхъ и исполню его". Все его 11-мѣсячное правленіе было проникнуто этимъ духомъ. Лжедимитрій ненавидѣлъ доносы и доходилъ до крайности въ своей довѣрчивости. Одъ запросто толкался въ толпѣ и самъ работалъ въ мастерскихъ. Онъ старался облегчать всѣхъ: служилые стали получать хорошее жалованье; было запрещено потомственное холопство, а бѣглый крестьянинъ становился свободнымъ черезъ 5 л. Правительство приняло новый видъ. Дума стала *сенатомъ*, въ которомъ Лжедимитрій присутствовалъ ежедневно, поражая бояръ своимъ умомъ и познаніями. Судъ сталъ безплатнымъ; строго запрещалось брать взятки и грубо обращаться съ народомъ. Торговля и промыслы были объявлены свободными и безпошлинными, чего не было тогда нигдѣ на Западѣ. Всякому дозволялось безъ паспортовъ и разрѣшеній пріѣзжать въ Московское царство и

выѣзжать изъ него. Тогда на Руси впервые явилась полная *свобода исповѣданій*. „Я не хочу никого стѣснять“, говаривалъ Лжедимитрій: „пусть мои владѣнія будутъ свободны во всѣхъ отношеніяхъ; и пусть вездѣ разнесется добрая слава о моемъ царствованіи“. Самая жизнь Лжедимитрія была какъ бы укоромъ скучному, обрядовому быту низенькихъ, душныхъ кремлевскихъ палатъ. Онъ любилъ непринужденность, шутки, дамское общество; говорилъ, что желаетъ, чтобы весь народъ веселился. Онъ даже устроилъ себѣ два высокихъ деревянныхъ дворца, блиставшихъ европейскими украшеніями и удобствами. Здѣсь впервые начала играть *музыка* за обѣдомъ, а по вечерамъ устраивались то *танцы* и пѣсни, то игра въ карты и шахматы. Особенно много было женщинъ при дворѣ, въ томъ числѣ Ксенія Годунова. Послѣ обѣда цари, бывало, ложились спать, а Лжедимитрій ходилъ пѣшкомъ по городу. Часто онъ занимался и охотой, самъ ходилъ на медвѣдей: прежде травили ручныхъ звѣрей. Все это было проявленіемъ *европейскаго вліянія* на Руси. Лжедимитрій открывалъ собою *эпоху преобразованій* въ русской исторіи, о которой думалъ Годуновъ и которая достигла развитія при Петрѣ I. Но Лжедимитрій не былъ рабомъ Запада: его внѣшняя политика была основана на *русскихъ выгодахъ*. Пана былъ увѣренъ, что наконецъ-то Москва обратится въ католичество, а Сигизмундъ III разсчитывалъ превратить Русь въ своего вассала; но оба ошиблись. Лжедимитрій сталъ вести себя съ ними съ достоинствомъ и даже принялъ титулъ *цезаря* (императора). Онъ объявилъ, что не уступитъ ни пяди русской земли, и сталъ стѣснять іезуитовъ и поддерживать львовское русское братство, цѣлью котораго было охранять православіе отъ папизма. Но Лжедимитрій старался дружить со всею Европой, надѣясь устроить крестовый *походъ для изгнанія турокъ*. Особенно же его сочувствіе склонялось къ Генриху IV французскому, т.-е. къ лучшему государю того времени. Народъ любилъ самозванца. Когда появлялись злоумышленники, Лжедимитрій отдавалъ ихъ на судъ ему, и онъ разрывалъ ихъ на части. Но тѣмъ болѣе ненавидѣли его бояре, которые опасались, что, опираясь на массу, онъ отниметъ у нихъ значеніе. Нѣкоторые изъ нихъ сами мечтали о царскомъ вѣнцѣ, особенно властолюбивый и жестокій *Василій Шуйскій*, великодушно пощаженный Лжедимитріемъ. Онъ составилъ кружокъ заговорщиковъ, которые старались поселить въ народѣ недовѣріе къ самозванцу, пользуясь пристрастіемъ послѣдняго ко всему иноземному. Лжедимитрій завелъ во дворцѣ

стражу изъ нѣмцевъ и французовъ, окружилъ себя поляками, рѣдко посѣщалъ церковь, не ходилъ въ баню, не соблюдалъ постовъ, одѣвался по-иноземному, нарочно часто ѣлъ телятину, что считалось въ Москвѣ неприличнымъ. А когда онъ женился на Маринѣ Мнишекъ, празднествамъ не было конца. Все это смущало толпу, особенно когда съ Мариной наѣхало множество поляковъ, которые бражничали и обижали москвичей, врываясь въ ихъ дома. Впрочемъ, народъ прощалъ эти увлеченія молодому царю. Заговорщикамъ оставалось прибѣгнуть къ хитрости. Весной 1606 г. Шуйскій повелъ ихъ на Красную площадь и закричалъ, что поляки хотятъ убить царя. Толпа бросилась на поляковъ, а заговорщики тѣмъ временемъ устремились ко дворцу, во главѣ преступниковъ, которыхъ они выпустили изъ тюремъ. Увидя ихъ въ окно, самозванецъ бросился внизъ, надѣясь выйти къ народу подъ защиту, но оступился и упалъ; тутъ его пристрѣлили. Между тѣмъ распустили слухъ, что Лжедимитрій самъ признался въ самозванствѣ; тогда же Марѳа объявила, что это не ея сынъ. Толпа разсвирѣпѣла и начала кричать противъ „злаго еретика". Тѣло Лжедимитрія выволокли на Красную площадь, надѣли на лицо безобразную маску, всунули въ губы волынку, потомъ бросили его въ яму, предназначенную для преступниковъ; но, вотъ, пронесся слухъ, что покойникъ встаетъ изъ могилы и ходитъ по городу; тогда трупъ несчастнаго былъ сожженъ; пепломъ зарядили пушку и выстрѣлили на ю.-з. Но бояре, дорожившіе поддержкой поляковъ, спасли Мнишковъ съ Мариной, сославъ ихъ въ Ярославль.

§ 120. **Василій Шуйскій и Болотниковъ.**—Россія опять осталась безъ царя. Но бояре собрали толпу на Красной площади и „выкрикнули" царемъ *Василія Шуйскаго*, который въ молодости служилъ Грозному, а потомъ старался угодить всякому, кто занималъ моск. престолъ. Этотъ изможденный, сгорбленный старикъ, подслѣповатый, съ большимъ ртомъ и рѣденькой бородкой, отличался хитростью, корыстолюбіемъ и жестокостью; онъ былъ невѣжественъ и ненавидѣлъ все иноземное. Народъ не терпѣлъ Шуйскаго, который и былъ избранъ не земскимъ соборомъ, а московскими боярами, ставшими за него, какъ за потомка Невскаго и какъ за человѣка настолько бездарнаго, что они надѣялись управлять его именемъ. Къ тому же бояре взяли *запись* съ Шуйскаго въ томъ, что онъ ничего не будетъ дѣлать безъ ихъ совѣта. Бояръ поддерживала толпа московскихъ суевѣровъ и приверженцевъ старины, которые воображали, что

Шуйскій хочетъ спасти Россію отъ дьявола и отъ иноземцевъ, съ помощью которыхъ Лжедимитрій замышлялъ будто бы уничтожить православіе. Но внѣ Москвы были недовольны воцареніемъ Василія и сожалѣли о Лжедимитріи. Когда Шуйскій и новый патріархъ *Гермогенъ*, горячій врагъ всего иноземнаго и неправославнаго, разослали грамоты о томъ, что „Гришка Отрепьевъ" былъ чернокнижникъ, народъ вознегодовалъ на очерненіе памяти „царя Димитрія" и говорилъ, что самъ Шуйскій тайкомъ, „воровски" занялъ престолъ. Еще хуже было впечатлѣніе, произведенное грамотой царицы Марѳы, которая вчера только признала Лжедимитрія своимъ сыномъ, а теперь говорила, что это злодѣй, сынъ же дѣйствительно убитъ въ Угличѣ. Даже москвичи чуть не побили каменьями Шуйскаго, когда онъ объявилъ царевича Димитрія святымъ и торжественно перенесъ его мощи изъ Углича въ Москву: они помнили, какъ самъ же онъ доказывалъ на слѣдствіи, что царевичъ зарѣзался въ припадкѣ падучей болѣзни и потому былъ недостоинъ даже погребенія, какъ самоубійца. Въ то же время, всего мѣсяца 2 спустя послѣ воцаренія Василія, разнесся слухъ, что на югѣ появился новый самозванецъ—и на Руси насталъ *разгаръ смутъ*, продолжавшійся 7 л. (1606—1613). Смута началась съ того, что одинъ изъ приверженцевъ Лжедимитрія бѣжалъ въ Литву и по дорогѣ разглашалъ, будто царевичъ снова спасся. Москвичи начали вѣрить этому, потому что трупъ Лжедимитрія лежалъ на Красной площади съ маской на лицѣ. Вслѣдъ затѣмъ въ Сѣверской Украйнѣ явился какой-то человѣкъ, собиравшій рать для „царя Димитрія", который будто бы поджидалъ въ Литвѣ. То былъ *Иванъ Болотниковъ*, отчаянный головорѣзъ, бывшій холопъ, котораго турки взяли въ плѣнъ еще мальчикомъ. Онъ теперь только возвратился въ Россію черезъ Польшу и, не видавъ въ глаза ни царевича, ни Лжедимитрія, повѣрилъ въ подлинность неизвѣстнаго человѣка, котораго принято называть *Лжедимитріемъ II*. По призыву Болотникова, вдругъ вся Русь возстала за „Димитрія царя" противъ Шуйскаго. Бѣдняки и холопы избивали богачей и помѣщиковъ, мѣщане и мужики — своихъ воеводъ и намѣстниковъ. Множество ратныхъ людей собралось къ Болотникову, и во главѣ ихъ рѣшительный, горячій и грубый дворянинъ, *Прокопій Ляпуновъ*, возмутившій рязанское населеніе. Болотниковъ нѣсколько разъ разбилъ войско Шуйскаго и уже былъ недалеко отъ Москвы, какъ вдругъ счастье измѣнило ему: самъ Лжедимитрій не являлся, и русскіе, подозрѣвая обманъ,

частью оставались въ нерѣшительности, частью же (въ томъ числѣ Ляпуновъ) поспѣшили съ повинной къ Шуйскому. Въ то же время у Василія явился прекрасный полководецъ—его племянникъ, *Михаилъ Скопинъ-Шуйскій*. Онъ разбилъ Болотникова, который былъ сначала лишенъ зрѣнія, потомъ утопленъ. Но вслѣдъ затѣмъ показался самъ Лжедимитрій II.

§ 121. **Тушинскій воръ.**—До сихъ поръ не рѣшено, кто былъ Лжедимитрій II. Одни считаютъ его литвиномъ, другіе—евреемъ, малороссійскимъ учителемъ и даже сыномъ князя Курбскаго. Несомнѣнно, что онъ былъ подосланъ изъ Литвы польскими панами, во главѣ которыхъ стояли родственники Юрія Мнишка и Марины. Этотъ грубый, некрасивый, бездарный и необразованный человѣкъ явился въ началѣ 1608 г., съ польскимъ отрядомъ, въ Сѣверской области. Малороссійскіе и донскіе казаки, которые желали смуты и не знали, какъ отдѣлаться отъ Шуйскаго [1]), тотчасъ же примкнули къ самозванцу. Города и войска царя Василія стали переходить на его сторону. Во главѣ силъ, собравшихся вокругъ Лжедимитрія II, находились донской атаманъ *Заруцкій* и отважный литовскій наѣздникъ *Лисовскій*. Послѣдній командовалъ толпами прибѣжавшихъ изъ Польши преступниковъ, нищихъ и должниковъ, которые совершали такіе ужасы, что одно имя „лисовчиковъ“ приводило русскихъ въ трепетъ. Подлѣ Лжедимитрія II было еще много пановъ съ ихъ свитой, которые помыкали имъ, какъ своимъ орудіемъ, и до того притѣсняли его, что онъ запилъ съ горя. Вскорѣ появился здѣсь и Мнишекъ съ дочерью. Шуйскій отправилъ его въ Польшу, вмѣстѣ съ поляками, захваченными послѣ убіенія Лжедимитрія I, думая задобрить этимъ Сигизмунда. Но Мнишекъ увѣдомилъ самозванца о своемъ путешествіи и просилъ освободить его отъ московской стражи, сопровождавшей его; польскій удалецъ, *Янъ Сапѣга*, съ своими отчаянными „гусарами“, отбилъ Мнишка съ дочерью и привезъ ихъ къ самозванцу. Марина плакала, мучилась, не желая признать Лжедимитрія II своимъ мужемъ; но отецъ принудилъ ее, за что получилъ отъ самозванца 300 т. руб. Послѣ признанія Марины русскіе окончательно увѣровали въ Лжедимитрія II, и онъ расположился укрѣпленнымъ лагеремъ въ 8 в. отъ Москвы,

[1]) Передъ Лжедимитріемъ II въ разныхъ мѣстахъ, особенно же у казаковъ, возникало *до 10 самозванцевъ*, которые тотчасъ же исчезали. Тутъ были и Лжедимитріи, и никогда не существовавшія дѣти сыновей Грознаго, Ивана и Ѳедора.

въ селѣ *Тушинѣ*, почему враги и прозвали его *тушинскимъ воромъ*. Много народу приставало къ самозванцу, кто искренно, кто изъ ненависти къ Шуйскому, кто изъ страха. Большинство же привлекала привольная жизнь въ Тушинѣ. Здѣсь былъ не военный лагерь, а скорѣе разгульная казацкая кочевка. Тушинцы, которые и сами не знали своего числа (ихъ было болѣе 100 т.), распадались на множество шаекъ, каждая съ своимъ выборнымъ атаманомъ. Подлѣ лагеря устроился поселокъ торгашей, привозившихъ всякіе товары. Сосѣдніе крестьяне курили вино и варили меды, привозили хлѣбъ, масло, молоко, пригоняли скотъ. Шайки рыскали далеко, подбирая все, что плохо лежало. Всѣ соперничали въ бражничествѣ и буйствѣ. Особенно отличались веселостью и сварливостью поляки да казаки, которые любили играть въ карты и кости, причемъ нерѣдко происходила потасовка. Лагерь оживлялся присутствіемъ женщинъ, которыхъ набралось множество: однѣ приходили сами повеселиться, другихъ прогоняли насильно изъ окрестныхъ селъ. У многихъ тушинцевъ водились деньжонки: они не разъ переходили на сторону Шуйскаго и снова возвращались, получая жалованье и въ Москвѣ, и въ Тушинѣ; этихъ людей называли *перелетами*. Шайки тушинцевъ ходили далеко отъ Москвы; а самые отважные атаманы, Сапѣга и Лисовскій, бросились на богатую Троицко-Серг. лавру. Но вскорѣ положеніе тушинцевъ измѣнилось по ихъ собственной винѣ. Они грабили и мучили людей, которые нерѣдко убивали себя и топились, чтобы избавиться отъ нихъ. Особенно отличались поляки, которые выказывали притомъ презрѣніе ко всему русскому и оскверняли святыни. Оттого, всего 3 мѣсяца спустя послѣ устройства лагеря, народъ сталъ бить и топить тушинцевъ; села и города снова переходили на сторону Шуйскаго; сѣверскіе города, болѣе удаленные отъ Тушина, пересылались между собой грамотами насчетъ того, какъ бы истребить „воровское“ гнѣздо. Въ самомъ Тушинѣ завелись смуты. Перебѣжавшіе изъ Москвы спѣсивые бояре хотѣли играть первую роль, которой не уступали имъ поляки; а казаки своевольничали и знать не хотѣли никакого начальства. Всякій жилъ для себя и всѣ забыли про самозванца; а польскіе паны даже обзывали его воромъ и грозили ему смертью, такъ что онъ прятался отъ нихъ. Марина мучилась все время, и, не зная, какъ отдѣлаться отъ ложнаго мужа, писала укоризны отцу, который, взявъ деньги съ Лжедимитрія, тотчасъ же уѣхалъ въ Польшу. Наконецъ, Сапѣга съ Лисов-

скимъ встрѣтили упорное сопротивленіе со стороны Троицкой лавры и принуждены были снять осаду.

§ 122. **Скопинъ-Шуйскій. Гибель Тушина и царя Василія.**— Но столь же слабъ былъ царь Василій, котораго никто не хотѣлъ отстаивать. Въ крайности онъ обратился къ *шведамъ* за помощью противъ собственныхъ подданныхъ и уступилъ имъ русскія земли у Финскаго залива. Шведы дали ему отрядъ хорошаго войска, которое присоединилось къ русской рати, двинувшейся на Тушино съ с.-з. Этою арміей начальствовалъ Михаилъ *Скопинъ-Шуйскій*, одна изъ самыхъ привлекательныхъ личностей въ русской исторіи. Скопинъ, которому было тогда всего 24 г., былъ рослый, статный красавецъ, съ привѣтливыми манерами; иностранцы единодушно хвалятъ его за учтивость и проницательный умъ, а русскіе любили его, какъ роднаго, и гордились имъ. Скопинъ уже успѣлъ обнаружить блестящія дарованія, какъ полководецъ и государственный человѣкъ. Лжедимитрій I приблизилъ его къ себѣ. Соединившись со шведами, онъ поразилъ тушинцевъ и, очистивъ путь отъ нихъ, съ торжествомъ вступилъ въ Москву. Народъ падалъ передъ нимъ на колѣни; тамъ и сямъ уже поговаривали открыто, что ему, а не Василію, слѣдуетъ сидѣть на престолѣ. Василій, устрашаемый еще ворожеями, сталъ опасаться Скопина; но всего болѣе ненавидѣлъ юнаго героя братъ царя, *Димитрій Шуйскій*, ничтожный человѣкъ, который надѣялся царствовать послѣ бездѣтнаго Василія. Черезъ нѣсколько недѣль по вступленіи Скопина въ Москву, родственникъ царя, князь Воротынскій, пригласилъ его крестить сына: на пиру Скопинъ внезапно заболѣлъ и на другой день умеръ на рукахъ любимой жены и матери. Говорятъ, что его отравила жена Димитрія Шуйскаго, дочь Малюты Скуратова, и что преступленіе совершено съ вѣдома царя Василія. Между тѣмъ тушинцамъ былъ нанесенъ послѣдній ударъ польскимъ королемъ, хотя онъ выступилъ противъ ихъ врага, Василія. Сигизмундъ не могъ смотрѣть равнодушно на союзъ Шуйскаго съ заклятымъ врагомъ Польши, Швеціей. Онъ надѣялся еще, пользуясь смутой, овладѣть моск. престоломъ: его послы увѣряли, что бояре изъ ненависти къ Шуйскому готовы провозгласить царемъ королевича *Владислава*, какъ только войска Сигизмунда появятся въ предѣлахъ Россіи. Сигизмундъ перешелъ границу и разбилъ войско Василія, предводимое Димитріемъ Шуйскимъ. Это рѣшило участь Тушина. Какъ только здѣсь узнали, что Сигизмундъ подвигается къ Москвѣ, поднялось страш-

ное смятеніе. Самозванецъ бѣжалъ въ Калугу, переодѣвшись мужикомъ. Марина осталась-было, но видя, что тушинцы хотятъ передаться Сигизмунду, переодѣлась гусаромъ и бѣжала туда же, съ отрядомъ казаковъ, подъ начальствомъ преданнаго ей *Заруцкаго*. На дорогѣ ее схватили; но она угрожала битвой и вообще вела себя мужественно и гордо, не переставая именоваться „царицей всея Руси". Людямъ, совѣтовавшимъ ей возвратиться въ Польшу, она отвѣчала, что обязана защищать свое царское достоинство. Тушинцы, между тѣмъ, сами сожгли Тушино и присоединились къ Сигизмунду. Тутъ были и русскіе бояре, съ митрополитомъ Филаретомъ во главѣ, котораго воры захватили въ Ростовѣ и насильно держали въ своемъ лагерѣ; они только выговорили у Сигизмунда сохраненіе православія и боярскихъ льготъ, особенно крѣпостнаго права. Такъ новая бѣда шла на царя Василія. Ненавидѣвшій его народъ пришелъ въ ярость. Руководимый безстрашнымъ Ляпуновымъ, онъ собрался на сходку и низложилъ Василія за то, что онъ „не по правдѣ, не по выбору всей земли русской сѣлъ на престолъ и былъ несчастенъ на царствѣ" (1610). Затѣмъ заставили царя принять схиму. Во время постриженія, Василія держали за руки и одинъ бояринъ произносилъ за него согласіе, а онъ кричалъ: „не хочу, не хочу!" Правленіе, до выбора новаго царя, было передано *боярской думѣ*.

§ 123. **Поляки и русское ополченіе.**—Нужно было рѣшить вопросъ, кого изъ двухъ враговъ брать въ цари—польскаго короля или Лжедимитрія II? Низшій классъ сочувствовалъ самозванцу, зная, что онъ, опасаясь бояръ, станетъ ласкать народъ. Бояре же, съ *Ѳедоромъ Мстиславскимъ* и патріархомъ *Гермогеномъ*, склонялись къ Сигизмунду, который только-что обязался русскимъ тушинцамъ сохранить православіе и льготы знати. Но они хотѣли воцарить не самого Сигизмунда, который не могъ отлучиться изъ Польши и былъ опасенъ по своему могуществу, а королевича *Владислава*, отъ котораго потребовали, чтобы онъ немедленно перешелъ въ православіе, не пускалъ католическаго духовенства, не уступалъ полякамъ русскихъ земель и не раздавалъ имъ ни помѣстій, ни должностей. Начальникъ польскихъ войскъ, стоявшихъ подъ Москвой, гетманъ *Жолкѣвскій*, человѣкъ умный и образованный, понялъ, что иначе иностранцу и нельзя утвердиться на русскомъ престолѣ; онъ согласился на условія бояръ и былъ впущенъ въ Москву. Жолкѣвскій принялъ отъ москвичей присягу Владиславу и отправилъ отъ ихъ имени

посольство къ Сигизмунду съ просьбой прислать королевича; чтобы удалить изъ Москвы опасныхъ лицъ, онъ отправилъ послами Филарета и кн. Голицына. Жолкѣвскій строго смотрѣлъ за поляками и заступался за москвичей, чѣмъ привлекъ къ себѣ даже такого горячаго патріота, какъ Ляпуновъ. Въ то же время онъ успѣлъ расправиться съ самозванцемъ, войско котораго перешло на его сторону. Лжедимитрій II запилъ больше прежняго и сталъ такъ своевольничать, что свои же убили его. Отъ него остался сынъ, котораго Марина съ Заруцкимъ провозгласили наслѣдникомъ русскаго престола. Между тѣмъ въ Москвѣ дѣло Владислава вдругъ пріостановилось. Жолкѣвскій отправился, по требованію Сигизмунда, подъ Смоленскъ, захвативъ съ собой царя Василія; а въ Москвѣ остался *Гонсѣвскій*. Пріѣхавъ къ королю, Жолкѣвскій понялъ, что дѣло Владислава проиграно. Поляки собирались заправлять Русью, а іезуиты— обращать ее въ католичество. Сигизмундъ объявилъ, что самъ будетъ царемъ, требовалъ Смоленска, отправилъ въ цѣпяхъ въ Польшу Филарета и Голицына. Затѣмъ онъ разгромилъ Смоленскъ и устроилъ торжественный въѣздъ въ Варшаву, причемъ царь Василій игралъ унизительную роль, послѣ которой онъ вскорѣ умеръ. Гонсѣвскому былъ посланъ приказъ раздавать земли и должности полякамъ, а съ москвичами обращаться, какъ съ мятежниками. Главныхъ бояръ обидѣли тѣмъ, что стали возвышать тушинцевъ, людей незнатныхъ, и посадили въ думу расторопнаго мужика, *Ѳедьку Андронова*. Гонсѣвскій началъ распоряжаться, какъ въ завоеванномъ городѣ: часть казны онъ взялъ себѣ, часть отправилъ Сигизмунду. Себялюбивая дума признала Сигизмунда царемъ и посылала ему унизительныя письма. Но народъ роптал и готовился къ мщенію. Въ его духѣ заговорили два важныхъ лица, патріархъ и Ляпуновъ. Гермогенъ доказывалъ, что поляки, какъ и всѣ иноземцы и „латыняне“— заклятые враги Руси и православія. Страстный Ляпуновъ, который сначала горячо стоялъ за Владислава, обѣщавшаго быть чисто-русскимъ царемъ, жаждалъ мести за обманъ. Въ одно время полетѣли по Руси *увѣщательныя грамоты* изъ Москвы отъ Гермогена и изъ Рязани отъ Ляпунова. Они требовали, чтобы вся русская земля соединилась и шла къ Москвѣ выручать православіе и избирать себѣ царя. По городамъ и селамъ звонили въ колокола, собирали народъ, списывали грамоты и разсылали ихъ дальше. Всякій несъ пожертвованія, а способные носить оружіе вооружались, чѣмъ ни попало, и шли отрядами

къ Москвѣ. Такъ составилось, весной 1611 г., *первое* русское *ополченіе* (до 100 т.). Національное чувство проснулось даже въ казакахъ съ ихъ Заруцкимъ. Не зная, куда дѣваться по смерти самозванца, они приставали къ ополченію, руководимому Ляпуновымъ.

§. 124. **Ляпуновъ и Заруцкій; троицкіе люди.**—Какъ только подошло ополченіе, москвичи возстали противъ поляковъ. Такъ какъ они были безоружны, то поляки избили ихъ до 7 т.; но все-таки должны были бѣжать и заперлись въ Кремлѣ. Отсюда они грабили городъ и обогащались до того, что стрѣляли жемчугомъ, вмѣсто дроби; въ то же время бражничали и тиранили русскихъ плѣнниковъ, въ особенности женщинъ. Больше всего страданій принялъ упорный Гермогенъ. Поляки и ихъ друзья, бояре, требовали, чтобы онъ приказалъ ополченію разойтись; но патріархъ въ глаза проклиналъ ихъ и благословлялъ ополченцевъ. Несчастнаго заточили въ келью, мучили и уморили голодомъ. Подъ стѣнами Москвы русскимъ патріотамъ также не счастливилось. Они учредили временное правительство: такъ какъ ополченіе состояло изъ земщины и казаковъ, то въ правители были избраны *Ляпуновъ* – земскій человѣкъ и *Заруцкій* съ *Трубецкимъ*—вожди казаковъ. Даровитый и прямой Ляпуновъ сталъ играть первую роль; а это не нравилось властолюбивому и необузданному Заруцкому. Ляпуновъ началъ управлять безпристрастно, необыкновенно строго и не обращалъ вниманія на бояръ, которыхъ заставлялъ долго ждать себя передъ избой. Особенно допекалъ онъ своевольныхъ казаковъ: жестоко наказывалъ ихъ за разбои, топилъ ихъ цѣлыми десятками и попрекалъ службой въ Тушинѣ. Гонсѣвскій подослалъ казакамъ ложное письмо Ляпунова, въ которомъ тотъ будто-бы требовалъ, чтобы ихъ вездѣ топили, какъ разбойниковъ. Казаки повѣрили и убили Ляпунова, а съ нимъ и много земскихъ людей и дворянъ. Затѣмъ они стали грабить и бить народъ вокругъ Москвы, а Заруцкій провозгласилъ царемъ сына Марины. Теперь казаки стали въ глазахъ русскихъ такими же „ворами“, какъ поляки; и когда Русь вновь ополчилась, то уже разомъ и противъ тѣхъ, и противъ другихъ. Такъ окончилось неудачей первое ополченіе. Но уже поднималось другое, болѣе счастливое ополченіе, по призыву чернецовъ. *Троицко-Сергіева лавра* снискала тогда всероссійскую славу, благодаря своему архимандриту *Діонисію*. Сынъ зажиточнаго мѣщанина, Діонисій увлекся чтеніемъ свящ. книгъ, и когда внезапно умерла его молодая жена, постригся.

Красавецъ, веселый, краснорѣчивый и достаточный человѣкъ, Діонисій пожертвовалъ всѣмъ для своего призванія и сталъ образцовымъ монахомъ. Понимая монашество, какъ служеніе ближнему, онъ отлучался изъ монастыря для добрыхъ дѣлъ и часто навѣщалъ Москву, гдѣ подружился съ Гермогеномъ. Все время осады Москвы тушинцами Діонисій провелъ съ своимъ другомъ, поддерживая его въ патріотическомъ подвигѣ. Затѣмъ его сдѣлали архимандритомъ Троицкой лавры, когда подъ Москвой все обратилось въ какой-то адъ, наполненный трупами и голодающими, которые бродили, какъ тѣни. Одна лавра, отбившая набѣги Сапѣги и Лисовскаго, стояла твердыней, въ которой было много здоровыхъ и сильныхъ людей, много запасовъ и казны. „Что у насъ ни есть хлѣба ржанаго и пшеницы и квасовъ въ погребѣ—все отдадимъ раненымъ людямъ, а сами будемъ ѣсть хлѣбъ овсяной; и безъ квасу, съ одной водой, не умремъ!“ сказалъ Діонисій и поднялъ всю свою обитель на ноги. Монахи, подвергая свою жизнь опасности, разъѣзжали далеко по окрестностямъ, подбирали умирающихъ, строили въ лаврѣ больницы, богадѣльни и трапезныя. Впереди всѣхъ всюду поспѣвалъ одушевленный и кроткій Діонисій. Онъ, сверхъ того, рѣшился взять на себя всероссійскую роль, когда умолкъ голосъ его друга и главы народа въ безгосударное время, Гермогена. Въ его кельѣ быстрые писцы начали писать увѣщательныя и ободрительныя грамоты въ духѣ патріарха, а монастырскіе служки скакали съ ними во всѣ концы Россіи. На грамотахъ значилось, подлѣ имени Діонисія, имя его вѣрнаго сподвижника, *Авраамія Палицына*, знатнаго малоросса, который добровольно постригся и подражалъ своему другу и учителю, Діонисію. Авраамій былъ человѣкъ практическій: онъ завѣдывалъ хозяйствомъ лавры, въ качествѣ келаря, и былъ добавленіемъ восторженнаго идеалиста Діонисія.

§ 125. **Очищеніе Руси; Мининъ и Пожарскій.** — Вскорѣ по смерти Ляпунова, одна изъ троицкихъ грамотъ достигла *Нижняго-Новгорода*. Когда ее читали въ соборѣ, народъ рыдалъ и приходилъ въ отчаяніе; но тутъ выступилъ изъ толпы одинъ мѣщанинъ и сказалъ: „Православные! не пожалѣемъ жизни за Московское государство! Продадимъ дворы свои, заложимъ женъ и дѣтей. И какая хвала будетъ намъ всѣмъ отъ русской земли, что отъ такого малаго города, какъ нашъ, произойдетъ такое великое дѣло!“ То былъ выборный земскій староста, мясникъ *Козьма Мининъ*, по прозванью *Сухорукъ*. Толпа откликнулась

на призывъ своего старосты. Тогда Мининъ предложилъ выбрать начальника ополченія или ратнаго дѣла и указалъ на князя *Дмитрія Пожарскаго*, который также былъ извѣстенъ въ Нижнемъ: его имѣніе находилось неподалеку, и онъ часто наѣзжалъ въ городъ. Родъ Пожарскихъ шелъ отъ Рюриковичей, но „захудалъ", т.-е. былъ бѣденъ и не важенъ. Князь Дмитрій также занималъ сначала одинъ изъ невидныхъ военныхъ постовъ и не отличался дарованіями. Но онъ никому не измѣнялъ: вѣрно служилъ Шуйскому, не согласился съ Ляпуновымъ возвести на престолъ Скопина и не признавалъ тушинскаго вора, за что едва не былъ убитъ собственными войсками. Когда поляки овладѣли Москвой, Пожарскій присталъ къ Ляпунову, но вскорѣ былъ раненъ и привезенъ въ свое имѣніе для излеченія. Онъ еще не совсѣмъ оправился, когда нижегородцы предложили ему быть воеводой ополченія. Пожарскій согласился, но совѣтовалъ избрать Минина казначеемъ для сбора денегъ и раздачи ихъ ратникамъ. Опасаясь, чтобы нижегородцы не отстали отъ дѣла, когда остынетъ первый пылъ, Мининъ заставилъ ихъ составить „приговоръ", въ которомъ они обязывались повиноваться ему и Пожарскому, и затѣмъ сталъ дѣйствовать строго и рѣшительно. Онъ потребовалъ отъ каждаго $^1/_5$ имущества на содержаніе ратниковъ: кто не давалъ, у того онъ бралъ силой, а самого утайщика, вмѣстѣ съ семьей, продавалъ въ кабалу. Впрочемъ, по большей части давали больше, чѣмъ слѣдовало. Между тѣмъ, Пожарскій разсылалъ воззванія, подписываясь на нихъ и за себя, и за безграмотнаго Минина. Вскорѣ собрались и деньги, и много ратниковъ. Весной 1612 г. *второе ополченіе* двинулось къ Москвѣ. Тяжело подымалось оно. Приходилось внезапно дѣлать большіе запасы и поджидать ратниковъ изъ болѣе отдаленныхъ земель. Кое-какъ дотянулись до Ярославля, гдѣ совсѣмъ пріостановились. Здѣсь услышали о новыхъ врагахъ: шведы требовали, чтобы выбрали въ цари ихъ королевича, и собрались идти на Москву. Ходкѣвичъ шелъ къ столицѣ съ свѣжимъ войскомъ и съ запасами для поляковъ, осажденныхъ въ Кремлѣ. А казаки образовали что-то въ родѣ тушинскаго лагеря: они признали *третьяго самозванца*, въ Псковѣ, и принялись по-старому грабить своихъ же; злодѣи даже чуть не погубили Пожарскаго, подославъ въ Ярославль тайныхъ убійцъ. Но изъ Троицкой лавры все приходили грамоты, убѣждавшія ополченцевъ спѣшить, чтобы опередить Ходкѣвича. Самъ Авраамій явился въ Ярославль и уже не отставалъ отъ ополченія Пожарскій сталъ,

подъ Москвой, отдѣльно отъ казаковъ Трубецкаго, которые тотчасъ же завели ссоры съ ополченцами, требуя жалованья. Между тѣмъ подошелъ Ходкѣвичъ. Тогда только, тронутые грамотами Діонисія и рѣчами Авраамія, казаки соединились съ ополченцами, и Ходкѣвичъ былъ отброшенъ отъ Москвы послѣ двухъ жаркихъ стычекъ, причемъ честь рѣшительнаго удара принадлежала Минину, племянникъ котораго былъ убитъ на его глазахъ. Общая защита и побѣда окончательно примирила земскихъ людей съ казаками, тѣмъ болѣе, что Пожарскій, человѣкъ мягкій и скромный, самъ уступилъ первое мѣсто Трубецкому, который былъ старше его званіемъ. Казаки даже первые пошли на приступъ къ Кремлю. Поляки не могли долго сопротивляться: они были голодны, ѣли ремни, трупы и даже другъ друга. Зная кровожадность казаковъ, они вступили въ переговоры съ однимъ Пожарскимъ, и тотъ обѣщалъ сохранить имъ жизнь. Поляки сначала выпустили изъ Кремля забранныхъ ими бояръ и боярынь, въ томъ числѣ Ивана Романова съ его племянникомъ, Михаиломъ Ѳедоровичемъ. Казаки бросились-было терзать ихъ, но были остановлены ополченцами, которые окружили несчастныхъ и бережно отвели въ свой станъ. Такъ же спасены были поляки, сдавшіеся Пожарскому: они были разосланы по городамъ, гдѣ ихъ хорошо содержали. Русскіе ликовали: Москва была освобождена; исчезли всѣ враги—и поляки, и „воры".

§ 126. **Избраніе Михаила Романова.**—Послѣ 8 л. неслыханной смуты, русскій народъ долженъ былъ начать съ того, до чего дошелъ передъ ней—возстановлять единство Руси и самодержавіе. Такъ какъ прямая линія Рюриковичей вымерла, то приходилось повторить опытъ, бывшій въ началѣ нашей исторіи—призвать кого-нибудь для государственнаго наряда. Русскимъ не было нужды снова призывать чужихъ изъ-за моря, какъ дѣлали поляки незадолго передъ тѣмъ: у нихъ самодержавіе уже установилось такъ прочно, что смута была случайнымъ явленіемъ; они знали, что кого ни посади на престолъ изъ своихъ, она прекратится. Русскіе понимали, что каждый изъ нихъ, такъ сказать, рожденный самодержецъ и не испортитъ дѣла, притомъ легкаго, установившагося. Вотъ почему, очистивъ землю отъ враговъ, они прежде всего занялись избраніемъ себѣ *царя* изъ *своихъ*. Дѣло облегчалось тѣмъ, что народъ былъ подготовленъ къ нему исторіей: издавна существовали земскіе соборы, которыхъ было особенно много недавно, при Грозномъ. Русь быстро была извѣщена грамотами, и *выборные отъ всѣхъ сословій*, не

исключая крестьянъ, съѣхались въ Москву, всего черезъ 3 мѣсяца послѣ изгнанія поляковъ изъ Кремля. Споровъ было немного. Лишь въ началѣ робко произносились тамъ и сямъ имена Голицына, Шуйскаго, Трубецкаго, Пожарскаго. Но когда келарь Авраамій и бояринъ Морозовъ спросили съ Лобнаго мѣста: кому быть царемъ на Руси? толпа грянула, не давъ имъ докончить своей рѣчи: „Михаилу Ѳедоровичу Романову!“ (февр. 1613). Тогда внѣшнее положеніе человѣка значило больше всего въ глазахъ народа; но опасно было взять кого-нибудь изъ родовитыхъ княжескихъ фамилій: недавній опытъ доказалъ, что другія подобныя же семьи будутъ завидовать и интриговать. Да среди нихъ и не было выдающейся личности, въ родѣ Скопина. Въ такихъ случаяхъ вниманіе народа останавливается на болѣе скромныхъ семьяхъ высшаго сословія, почему-либо извѣстныхъ ему. Таковы были *Романовы* (§ 114), люди темные среди старой знати, не блиставшіе ни богатствомъ, ни дарованіями, но также не запятнанные дурною славой. Къ тому же Романовы принадлежали къ вымершей царской семьѣ по царицѣ Анастасіи, которая доводилась двоюродною бабкой Михаилу Ѳедоровичу: при избраніи послѣдняго старый царскій родъ какъ бы переходилъ только въ побочную, женскую линію. Сверхъ того, была нравственная связь между Романовыми и народомъ. Измученный угнетеніемъ и смутой, народъ представлялъ себѣ Романовыхъ въ привлекательномъ видѣ, какъ олицетвореніе своихъ страданій. Онъ зналъ, сколько претерпѣли они при Годуновѣ, и видѣлъ, какъ страдали Филаретъ въ польскомъ плѣну, а его жена въ монастырѣ, въ разлукѣ съ ребенкомъ, который чуть не погибъ подъ ножами поляковъ. Въ воображеніи народа носились кроткіе образы Анастасіи, смирявшей звѣрскіе порывы Грознаго, и Никиты Романовича, печалованіе котораго за несчастныхъ передъ Иваномъ IV даже воспѣто въ пѣсняхъ. Послѣ избранія отправили за новымъ царемъ знатное посольство съ грамотой земскаго собора. Михаилъ, которому было 16 л., пребывалъ тогда, съ своей матерью, инокиней Марѳой, въ *Костромѣ*, въ монастырѣ, куда онъ скрылся послѣ освобожденія изъ Кремля. Какъ ни скромно жилъ онъ здѣсь, но въ окрестностяхъ, особенно въ селѣ Романовыхъ, *Домнинѣ*, знали о его мѣстопребываніи. Слухи привели сюда и шайку поляковъ, которая хотѣла умертвить Михаила, прослышавъ объ его избраніи на царство. Злодѣи не знали, гдѣ именно находится ихъ жертва, и требовали отъ попавшагося имъ домнинскаго крестьянина, *Ивана Су-*

санина, чтобы онъ показалъ имъ дорогу. Тотъ отказался и былъ за это замученъ до смерти. Это было лучшимъ отвѣтомъ на сомнѣнія Марбы, которая сначала не хотѣла давать своего сына, упрекая русскихъ, передъ лицомъ соборнаго посольства, въ измѣнѣ своимъ царямъ—Борису, Лжедимитрію и Шуйскому. Но посольство объяснило ей, что то были не цари, а самозванцы; ея же сынъ—настоящій царь, такъ какъ онъ—избранникъ русской земли. Тогда Михаилъ съ матерью согласились. Но они долго ѣхали, посылая по пути грамоты въ Москву, въ которыхъ требовали поставить имъ золотую палату, собрать побольше запасовъ во дворцѣ и возвратить дворцовыя села, а боярамъ собраться встрѣтить царя. На увѣдомленіе, что еще мало собрано и казна бѣдна, они отвѣчали новымъ требованіемъ, причемъ Михаилъ писалъ: „учинились мы царемъ по вашему прошенью, а не своимъ хотѣньемъ". Наконецъ, все было исполнено, и въ іюлѣ произошло вѣнчаніе Михаила на царство.

§ 127. **Истребленіе „воровъ".**—Тогда оставалось въ живыхъ еще нѣсколько дѣятелей смутнаго времени. Въ Москвѣ проживали Мининъ и Пожарскій. *Мининъ* былъ возведенъ Михаиломъ въ званіе думнаго дворянина; но онъ умеръ черезъ 3 г., оставивъ сына, съ которымъ прекратился этотъ доблестный родъ. *Пожарскій* пережилъ Минина 25-ю г.; но незавидна была его участь. Хотя ему пожаловали боярство, однако онъ не былъ въ почетѣ: ему были даны маленькія вотчины, и на службѣ онъ занималъ не важныя мѣста. Вѣроятно, причиной были его неблестящія способности, которыя ослаблялись еще „чернымъ недугомъ" (меланхоліей). Въ польскомъ плѣну томился царскій отецъ, *Филаретъ Никитичъ*. До сихъ поръ вся жизнь этого образованнаго (зналъ даже по-латыни), вѣжливаго и ласковаго человѣка, когда-то перваго щеголя и красавца на Москвѣ, была страданіемъ. Въ польскомъ плѣну онъ твердо отстаивалъ пользу Россіи и ободрялъ своихъ товарищей даже „принять смерть за отечество". Филаретъ осуждалъ русскихъ за избраніе его сына. Лѣтъ 6 спустя, онъ былъ вымѣненъ на плѣнныхъ поляковъ, сталъ патріархомъ и болѣе, чѣмъ сынъ, управлялъ Россіей въ теченіе 14 л., до самой своей смерти. На краю Руси укрывались *Марина* съ своимъ сыномъ и *Заруцкій*. Они держались сначала въ Коломнѣ, откуда подсылали убійцъ, чтобы уничтожить Пожарскаго; потомъ бѣжали на югъ отъ преслѣдованій царскаго отряда. Бѣглецы укрѣпились въ Астрахани. Къ нимъ стекались всѣ худшіе соки смутнаго времени; но главную

ихъ силу составляли „черкасы“, которые, ненавидя великоруссовъ, слышать не хотѣли о сѣверномъ царѣ. Кромѣ того, Марина вошла въ сношенія съ персидскимъ шахомъ, съ ногайскими татарами и турками и разослала призывныя письма къ волжскимъ и донскимъ казакамъ. Между тѣмъ явилось царское войско, и астраханцы приняли его съ радостью. Марина съ Заруцкимъ бросались въ разныя стороны, ища спасенія — сначала вверхъ по Волгѣ, потомъ въ море; наконецъ они очутились на одномъ островѣ р. Яика, прикрытые густымъ лѣсомъ. Тутъ ихъ схватили. Заруцкаго замучили, сына Марины, 4-лѣтняго ребенка, повѣсили, а ее самое бросили въ тюрьму, гдѣ она и умерла съ тоски. Въ памяти народа „Маринка“ осталась кровожадной вѣдьмой; пѣсни называютъ ее „безбожницей и еретицей“. Долгое царствованіе Михаила (32 г.) было посвящено борьбѣ съ вредными послѣдствіями смутнаго времени — искорененію внутреннихъ безпорядковъ и войнѣ съ Польшей. Въ то самое время, когда покончили съ послѣдними тушинскими вождями, пришлось усмирять „воровъ“ или *казаковъ*, какъ назывались тогда шайки разбойниковъ, состоявшія не столько изъ дѣйствительныхъ казаковъ, сколько изъ бѣглыхъ боярскихъ холоповъ и частью изъ стрѣльцовъ. Этихъ кровожадныхъ шаекъ, осквернявшихъ даже церкви, было множество, и нѣкоторыя изъ нихъ доходили до 10 т. Онѣ не давали правительству собирать подати и наконецъ стали стекаться къ Москвѣ, чтобы осадить самого царя. Но царское войско истребило ихъ, въ теченіе 3 л. Тогда же избавились отъ *Лисовскаго* (§ 121), который оставался на Руси, какъ кровавое напоминаніе объ ужасной порѣ. Онъ прославился тогда по всей Европѣ быстротой и внезапностью своихъ набѣговъ. Какъ злой духъ, носился Лисовскій по русской землѣ, словно выростая изъ нея тамъ, гдѣ его не ожидали. Подъ „лисовчиками“, состоявшими изъ литовцевъ, поляковъ и русскихъ „воровъ“, падали лошади; но они пересаживались на свѣжихъ коней и мчались дальше, появляясь сегодня подъ Смоленскомъ и Орломъ, завтра—подъ Суздалемъ и Рязанью. Пожарскій долго гонялся за ними, пока усталость не свалила его въ постель. Только случай избавилъ Россію отъ лихаго наѣздника: Лисовскій однажды упалъ съ лошади и умеръ отъ ушиба.

§ 128. **Польскія войны.**—Лисовчики были какъ бы передовымъ отрядомъ поляковъ, которые еще долго видѣли въ своемъ Владиславѣ московскаго царя. Черезъ 3 г. по воцареніи Ми-

хапла, гетманъ *Ходкѣвичъ* вступилъ въ наши предѣлы съ королевичемъ Владиславомъ. Борьба съ Польшей была крайне тяжела для Россіи, истощенной смутами. Денегъ въ казнѣ не было, а чрезвычайные налоги трудно было собирать съ обнищалаго народа. Служилые разбѣгались или же старались поскорѣе вернуться домой, чтобы поправлять разстроенное смутами хозяйство. Вооруженіе было самое жалкое. Крѣпости состояли изъ полуразрушенныхъ башенъ и бойницъ, изъ осыпавшихся валовъ и едва замѣтныхъ рвовъ. Оттого были посланы на Западъ иностранцы, прижившіеся въ Москвѣ, закупать орудія, мушкеты (фитильныя ружья), сабли и порохъ; призывали за большое жалованье чужеземцевъ, умѣющихъ лить ядра, укрѣплять города, стрѣлять изъ пушекъ; нанимали и всякихъ европейскихъ солдатъ, только не католиковъ и съ условіемъ оставлять Россіи свое оружіе по истеченіи срока найма. Старались преобразовать и собственную армію. Поручили наемнымъ иноземцамъ обучать ее иностранному строю, чего никогда не было. Обратили особенное вниманіе на *стрѣльцовъ*, напоминавшихъ иностранное войско, стараясь образовать изъ нихъ ядро постоянной арміи. Сюда набирали охочихъ людей, умѣющихъ стрѣлять; имъ давали хорошее содержаніе и много льготъ, въ томъ числѣ свободу отъ суда и право выбирать себѣ начальника или „голову". Наконецъ, царь не разъ созывалъ земскій соборъ, т. е. взывалъ къ патріотизму всѣхъ сословій. Тяжесть борьбы съ Польшей объясняется еще невыгоднымъ положеніемъ нашей иностранной политики. У Михаила не было никакихъ союзниковъ, кромѣ турокъ; но они обыкновенно опаздывали съ своими нападеніями на поляковъ; къ тому же ихъ нужно было вѣчно задаривать соболями, да и то они легко обращались изъ союзниковъ во враговъ, такъ какъ донскіе казаки начали нападать тогда на ихъ азовскія владѣнія. У Польши же было много союзниковъ: помимо малороссійскихъ казаковъ и крымцевъ, ей помогала Австрія, какъ глава католицизма, который началъ тогда 30-лѣтнюю войну съ протестантами (§ 100). Михаилу пришлось выдержать двѣ войны съ Польшей, и обѣ неудачныя. Въ первый разъ Ходкѣвичъ съ Владиславомъ легко дошли до *Тушина*, куда прибыли и черкасы съ своимъ гетманомъ, *Конашевичемъ Сагайдачнымъ*, воспѣтымъ въ украинскихъ пѣсняхъ. Но на Руси повторились сцены временъ втораго ополченія: прислушиваясь къ грамотамъ Михаила, купцы отдавали послѣднюю копѣйку, служилые стремились къ Москвѣ спасать царя. Врагъ былъ оттѣсненъ отъ

столицы, послѣ неудачнаго жестокаго приступа. Это заставило поляковъ согласиться на миръ, хотя и крайне тяжелый для Россіи: ей только возвратили плѣнниковъ, въ томъ числѣ Филарета; она же уступала Польшѣ земли *Смоленскую*, *Черниговскую* и *Сѣверскую*, и даже Владиславъ не отказался отъ титула моск. царя. Россія должна была смыть этотъ позоръ новою кровью, тѣмъ болѣе, что поляки продолжали не именовать Михаила царемъ въ своихъ грамотахъ и даже грозили выпустить на Русь новаго самозванца. Лѣтъ 15 спустя, когда Польша замутилась по смерти Сигизмунда, русскіе вторгнулись въ ея предѣлы. У нихъ была уже порядочная армія, и ими предводительствовалъ даровитый и уже извѣстный бояринъ *Шеинъ*, который бранилъ бояръ, умѣющихъ только „сидѣть за печами", и даже неприлично держалъ себя въ присутствіи царя. Но этотъ походъ погубилъ гордаго полководца. Шеинъ отлично повелъ осаду *Смоленска*, какъ вдругъ узнали о нашествіи крымцевъ, поднятыхъ поляками. Воины бросились домой защищать свои семьи отъ татаръ, а тутъ подошелъ Владиславъ. Шеинъ сдался на условіи бросить обозъ и пушки и преклонить знамена передъ шатромъ короля. Враги его зашевелились — и несчастному отрубили голову, какъ измѣннику, а его сынъ умеръ на дорогѣ въ ссылку. Затѣмъ послѣдовалъ миръ (1634) на р. *Поляновкѣ* (близъ Вязьмы), по которому прежнія завоеванія остались за поляками, и имъ была уплачена контрибуція; Владиславъ же отказался отъ моск. престола и призналъ царемъ Михаила. Ссоры между Россіей и Польшей не прекращались и послѣ того, но онѣ ограничивались мелкими непріятностями: такъ одно время поляки выставляли шляхтича Лубу сыномъ Лжедимитрія и величали его царевичемъ.

§ 129. **Швеція, Австрія и азовское сидѣніе.**—Въ одно время съ польскими войнами шла борьба съ Швеціей, также завѣщанная эпохою смутъ. Тогда Новгородъ покорился шведамъ, которые требовали даже назначить ихъ королевича моск. царемъ. Когда выбрали Михаила, они выступили противъ Россіи. Швеція была тогда главой протестантизма и сильнѣйшею державой въ Европѣ. Ею правилъ геніальный полководецъ *Густавъ Адольфъ*, который самъ явился въ Россію и гналъ наши войска, опустошая все на своемъ пути. Но *Псковъ* оказалъ непреодолимое сопротивленіе; а новгородскіе охотники, выбѣгая изъ лѣсовъ, жестоко мстили шведамъ за порабощеніе. Въ то время уже подготовлялась 30-лѣтняя война, и Польша собиралась напасть на

Швецію. Все это заставило Густава Адольфа согласиться на миръ въ селѣ *Столбовѣ*, подлѣ Ладоги (1617). Шведы больше всего опасались появленія русскихъ на морѣ. Густавъ Адольфъ клялся, что не дастъ имъ перейти „черезъ этотъ ручеекъ" (Ботнич. заливъ), и получилъ по Столбовскому миру *приморскую полосу* (Ивангородъ, Ямъ, Копорье, Корелу). Русскіе могли утѣшаться лишь тѣмъ, что пріобрѣли друзей на сѣверѣ: вступившись за протестантизмъ въ 30-лѣтней войнѣ, Густавъ Адольфъ долженъ былъ бороться съ католическою Польшей и дорожилъ союзомъ съ Москвой. Такъ, случайно мы въ первый разъ были нѣкоторое время въ дружбѣ съ нашимъ вѣчнымъ врагомъ, Швеціей. Также случайно и временно находились мы тогда въ натянутыхъ отношеніяхъ съ нашей вѣчной союзницей, *Австріей*, у которой были общіе съ нами враги—поляки и турки. Какъ глава католичества, Австрія принуждена была тогда вступить въ союзъ съ Польшей и дѣлала намъ дипломатическія непріятности, особенно взявшись посредничать между нами и поляками. Такое поведеніе Австріи вызвало столь же неестественныя отношенія между Москвой и турками. Чтобы вредить ей, Михаилъ старался льстить Портѣ: оттого остался безплоднымъ блистательный подвигъ русскихъ на южн. окраинѣ. Тогда *донскіе казаки* поставили цѣлью своей жизни борьбу съ исламомъ, въ лицѣ турокъ, точно также, какъ ихъ днѣпровскіе товарищи посвятили себя истребленію крымцевъ. Они пускались даже на маленькихъ лодкахъ въ море и истребляли мусульманскія суда. Наконецъ, съ помощью черкасъ и астраханскихъ татаръ, донцы овладѣли важною крѣпостью, *Азовомъ*. Зная, что имъ не удержаться здѣсь (ихъ было менѣе 5 т.), они послали сказать Михаилу, что отдаютъ ему крѣпость. Между тѣмъ, 200 т. турокъ и крымцевъ, съ сотней пушекъ, осадили Азовъ. Около полугода длилась осада. Мусульмане почти разрушили стѣны Азова и 24 раза бросались на приступъ; но были отбиты. Казаки молодецки *отсидѣлись* въ Азовѣ. Но Михаилъ, посовѣтовавшись съ земскимъ соборомъ, увидѣлъ истощеніе своей страны и послалъ соболей султану и хану, а казакамъ велѣлъ покинуть Азовъ. Обиженные донцы чуть-было не ушли на Яикъ. Подвигъ донцовъ доставилъ Руси только славу и былъ воспѣтъ народомъ, подъ именемъ *Азовскаго сидѣнія*.

§ 130. **Далекій Западъ и иностранцы въ Москвѣ.** — При Михаилѣ возстановились сношенія съ *далекимъ Западомъ*, прерванныя татарщиной. Тогда и мы искали Запада, и Западъ

искалъ насъ. Въ самомъ началѣ царствованія, во время войны съ Швеціей, русскіе просили помощи у морскихъ державъ— Франціи, Англіи и Голландіи. Представители Англіи тотчасъ же явились въ Москву съ предложеніемъ дружескихъ услугъ въ дѣлѣ примиренія съ Густавомъ Адольфомъ. Глава ихъ, англійскій купецъ *Джонъ Мерикъ*, уже прежде посѣщавшій Россію для торга, просилъ у царя за свои услуги безпошлинной торговли въ его государствѣ и свободнаго проѣзда въ Персію. Михаилъ разрѣшилъ англичанамъ только безпошлинную торговлю, да и на это роптали наши купцы, которые не были въ силахъ соперничать съ богатыми и ловкими иностранцами. Англичане сдержали свое слово, выступивши нашими защитниками въ переговорахъ со шведами. А потомъ, во время польской войны, ихъ король, Іаковъ I, даже далъ Михаилу значительную сумму денегъ: это былъ нашъ *первый иностранный заемъ*, который вскорѣ былъ уплоченъ. За это англичане снова просили свободнаго пути въ Персію. Но царь вторично отказалъ имъ, также какъ и голландцамъ, датчанамъ, французамъ и голштинцамъ, которые добивались того же. Михаилъ, въ свою очередь, просилъ помощи у Франціи противъ поляковъ, и хотя союза не состоялось, однако Москва впервые увидѣла въ своихъ стѣнахъ французскаго посланника. Тогда же появился у насъ первый шведскій резидентъ, такъ какъ послѣ Столбовскаго мира шведы жили въ большой дружбѣ съ нами. А съ Даніей едва не завелись родственныя связи, причемъ Михаилъ, зазвавши въ Москву ея королевича, хотѣлъ насильно женить его на своей дочери и изловилъ его, когда тотъ бѣжалъ. Филаретъ хотѣлъ-было женить самого Михаила на датской или шведской принцессѣ; но Марфа воспрепятствовала этому. Зато ничто не мѣшало призыву *иностранныхъ ремесленниковъ и солдатъ*. Мы уже видѣли, какъ Михаилъ нанималъ войска за-границей. Въ то же время въ Россіи проживало довольно много иностранцевъ-тружениковъ, которые устраивали у насъ *заводы*—желѣзные, мѣдные, стеклянные и др., причемъ они обязывались ничего не скрывать изъ своего ремесла и обучать ему русскихъ. Подлѣ самого царя было много свѣдущихъ иностранцевъ—лекарей, аптекарей, алхимиковъ, органщиковъ. Михаилъ особенно не жалѣлъ денегъ для „географусовъ“, лишь бы они были „научены астрологіи и небеснаго круга и землемѣрію и инымъ подобнымъ мудростямъ“. Онъ чувствовалъ также пристрастіе къ часовщикамъ: за обѣдомъ подлѣ него всегда стояло двое *часовъ*.

§ 131. **Двоевластіе; правленіе Филарета.** — Чтобы понять внутреннее управленіе того времени, должно сказать, что Михаилъ, весьма тихій и неспособный по природѣ, былъ воспитанъ отшельникомъ, благодаря своей набожной и суровой матери, которой онъ подчинялся, какъ ребенокъ. Онъ все сидѣлъ дома, а если и выѣзжалъ, то только въ церковь да въ монастыри. Умственныя развлеченія были недоступны Михаилу: онъ едва умѣлъ читать. Оттого имъ овладѣвала „кручина" (меланхолія). Дѣлами управляли сначала бояре *Салтыковы*, большіе друзья Марѳы. Люди злые, невѣжественные и корыстолюбивые, они приносили много вреда и народу, и самому царю. Вліяніе матери исчезло, когда возвратился изъ плѣна отецъ, *Филаретъ Никитичъ*, сдѣланный тотчасъ же патріархомъ. Онъ отличался умомъ, опытностью, знаніемъ людей и желѣзною волей. Онъ захватилъ власть въ свои руки: грамоты писались отъ имени Михаила и Филарета; иностранные послы представлялись обоимъ правителямъ вмѣстѣ; а въ церквахъ поминались рядомъ имена обоихъ „великихъ государей". Это время даже называли *двоевластіемъ*. Филаретъ немедленно сослалъ Салтыковыхъ и замѣстилъ ихъ любимцевъ новыми, лучшими слугами. Россія благословляла своего дѣльнаго патріарха, который дорожилъ полезными людьми и былъ милостивъ къ нимъ: онъ былъ единственнымъ защитникомъ Шеина. Россія чувствовала, какъ, съ появленіемъ Филарета, стала замѣтна наверху сильная и опытная рука, которая приводила въ порядокъ государство, дошедшее до плачевнаго состоянія. Народъ обнищалъ и одичалъ во время смутъ, разбѣгался и прятался, чтобы не платить податей. Воеводы и приказные, не чувствуя надъ собой верховнаго надзора, были все Салтыковы. Всюду свирѣпствовало разбойничество, а на зап. границѣ кипѣлъ неравный бой съ Польшей. Филаретъ началъ съ ознакомленія съ Россіей: онъ разослалъ *писцовъ* и *дозорщиковъ*, которые должны были составить народную перепись; тогда-то явилась сносная карта Россіи—исправленное изданіе *Большаго Чертежа русской земли*, составленнаго при Годуновѣ. Затѣмъ Филаретъ сталъ созывать *земскіе соборы*, на которыхъ самъ народъ объяснялъ свои нужды. Всему правленію была придана стройность развитіемъ системы *приказовъ*. Филаретъ много сдѣлалъ также для укрѣпленія и заселенія нашихъ окраинъ, особенно южной, откуда вѣчно нападали на насъ крымцы: онъ привлекалъ сюда населеніе льготами, строилъ города, и такіе важные, какъ *Тамбовъ*, заводилъ сторожевыя *линіи*.

То же дѣлалось въ *Сибири*, гдѣ піонеры (передовые) нашей гражданственности, казаки, продолжали пробираться все дальше и дальше черезъ дебри, промежъ дикарей, и присоединили къ Россіи еще до 70 т. кв. миль. Тогда же завелся обычай *ссылать въ Сибирь* преступниковъ. Филаретъ заботился и о просвѣщеніи страны, насколько могъ: онъ призывалъ изъ-за границы не только мастеровъ, но и ученыхъ, которые окружали престолъ. Филаретъ возобновилъ *книгопечатаніе*, погибшее въ смутное время, и велѣлъ извѣстному Діонисію троицкому исправить церковныя книги. Наконецъ, онъ основалъ *греко-латинское училище* по зап. образцу, при которомъ естественно было появленіе переводовъ свѣтскихъ книгъ, въ родѣ космографіи. Темнымъ пятномъ въ дѣятельности Филарета были *финансы*: денегъ требовалось много, а плательщиковъ податей было мало. Филаретъ прибѣгалъ ко всякимъ средствамъ для увеличенія казны. Явилось множество налоговъ съ предметовъ самыхъ необходимыхъ; было даже *пролубное*, т. е. сборъ за водопой скота и за мытье бѣлья въ рѣчкѣ. Казна становилась *монополистомъ*, захватывая въ свои руки торговлю такими жизненными предметами, какъ соль. Наконецъ, развилась *откупная система*: даже подати отдавались на откупъ. Такъ какъ винные откупа приносили большой доходъ, то казна старалась повсюду увеличивать число питейныхъ домовъ.

§ 132. **Земля и населеніе.**—Въ 4-мъ періодѣ нашей исторіи (ок. 1450—1650) внѣшній видъ Россіи сильно измѣнился. Ея *границы значительно расширились*, хотя нѣкоторыя земли захватывались ею лишь временно. Ок. 1650 г. границы Россіи простирались: на с. до Ладожскаго оз., Соловецкаго о. и устьевъ Печоры, на в.—до Лены, на ю.—до Курска, Смоленска и Пскова. Къ землямъ 3-го періода были присоединены: Сибирь, Казань, Астрахань, нижній Донъ, Псковъ и Новгородъ. Благодаря завоеваніямъ за *Камнемъ* (Уральскимъ хребтомъ), къ концу періода прибавилось ок. 500 т. кв. в. Но это быстрое расширеніе границъ заставляло разбрасываться силы народа, тѣмъ болѣе, что оно шло на безлюдный востокъ, а на западѣ приходилось отдавать Польшѣ и Швеціи лучшіе, населенные города и земли. Правительство даже насильно отправляло въ Сибирь на поселеніе семьи „пашенныхъ людей". Въ то же время бѣдняки и недовольные сами убѣгали въ лѣса, въ ю. и в. пустыни: тогда въ лѣтописяхъ и челобитьяхъ было обычнымъ выраженіе „разбрестись розно". Возможность разбрестись развивала безхарактерность: всякій старался убѣжать, а не бороться. Съ другой сто-

роны, люди были дороги, какъ рѣдкая рабочая сила, и за ними гонялись служилые и правительство: отсюда закрѣпощеніе крестьянъ. Такъ, соразмѣрно съ обширностью границъ, Россія представлялась тогда *менѣе населенной, чѣмъ прежде.* Народъ сознавалъ это: большая семья считалась Божьимъ благословеніемъ; бездѣтные были во всеобщемъ презрѣніи. Но и само по себѣ народонаселеніе не могло возрастать въ ту тяжелую пору: сначала нужно было покончить съ Ордой, потомъ закипѣла безпрерывная борьба съ крымцами; тогда же шла борьба за существованіе съ остзейскими нѣмцами, съ польско-литовскимъ государствомъ и съ Швеціей, достигшими своего высшаго развитія. Впрочемъ, хотя войны стали обширнѣе, зато онѣ были менѣе опустошительны, чѣмъ прежде: русскіе вездѣ перешли въ *наступленіе*, и врагъ уже почти не вторгался въ наши владѣнія. Велики были и внутреннія бѣдствія, задерживавшія ростъ населенія, въ особенности опричнина и смутное время. Моск. государство во все теченіе 17 в. не могло достигнуть такой силы, какою оно пользовалось передъ смутой. Города были большими деревнями, а деревни состояли изъ 1—4 дворовъ. Много людей погибало еще отъ дурнаго правленія, отъ разбоевъ и отъ грубости нравовъ: пирушки и кулачные бои обыкновенно кончались случаями смертоубійства. Россію продолжали посѣщать моръ и голодъ, хотя они не были такъ повсемѣстны, какъ прежде. Въ лѣтописяхъ продолжаются подобныя извѣстія: „пришла мышь малая изъ лѣсовъ тучами“ и не оставила ни былинки. Попрежнему почти не было средствъ противъ болѣзней: только начали принимать мѣры противъ распространенія заразы. Начиная съ Василія III, стали оцѣплять мѣста мора, ставить заставы со сторожами для осмотра пріѣзжающихъ; иногда даже сожигали умершихъ со всѣмъ ихъ имуществомъ.

§ 133. **Самодержавіе.** — Въ 4-мъ періодѣ происходила послѣдняя борьба новаго порядка съ старымъ, которая привела къ смутамъ. Она окончилась побѣдой самодержавія, которое не переставало развиваться. Иванъ III дома уже назывался *царемъ* и даже императоромъ и учредилъ обрядъ вѣнчанія на царство, а также ввелъ новые придворные чины. Престолъ онъ считалъ своею личною собственностью, всѣхъ русскихъ и даже своихъ дѣтей — своими холопами; совѣщался онъ не съ боярами, а съ любимцемъ татариномъ. Благодаря Софьѣ, Иванъ устроилъ придворную жизнь, какъ церковный обрядъ, и отдѣлился отъ народа. Такъ какъ тогда же почти исчезли мелкіе князья, то явилось

затрудненіе относительно браковъ въ царской семьѣ. Иванъ сталъ искать невѣстъ и жениховъ на Западѣ; но тутъ помѣшало различіе религій, и онъ принужденъ былъ, съ отвращеніемъ, женить сына на боярышнѣ, причемъ было собрано на смотръ до 1500 дѣвицъ. Впослѣдствіи старались отдавать царевенъ за крещеныхъ татарскихъ царевичей, лишь бы избѣжать родства съ собственными холопами. Иванъ ставилъ себя только ниже крымскаго хана, помня свое подчиненное положеніе передъ Ордой; съ нѣмецкимъ императоромъ онъ держалъ себя на равной ногѣ, а Литву унижалъ — писалъ грамоты туда не по-латыни, а по-русски (ему отвѣчали по-бѣлорусски). Съ Швеціей же и Ливоніей Иванъ гнушался даже входить въ прямыя сношенія: онѣ должны были обращаться къ его пограничнымъ намѣстникамъ. Такъ же гордо и упрямо вели себя наши послы заграницей. Тогда выработались строгія правила *посольскаго чина*. Посолъ былъ безчувственнымъ орудіемъ обряда величанія своего государя, ради котораго онъ переносилъ всякія мученія. При Василіи III говорили, когда не понимали дѣла: „то вѣдаетъ Богъ да великій князь". Княжескіе служители гордились этою божественностью своего господина; они говорили иностранцу: „мы, братъ, служимъ своему государю не повашему". Василій окружилъ себя тѣлохранителями, которые, впрочемъ, жили за рѣкой, потому что пьянствовали и не давали проходу жителямъ; ихъ мѣстожительство называлось *Наливай-городъ*. Василій совсѣмъ не совѣщался съ боярами, которые даже возроптали за это; но боярину Беклемишеву отрубили голову, а дьяку Жареному подрѣзали языкъ и били его кнутомъ. Одинъ бояринъ отказался ѣхать посломъ (правительство не давало посламъ денегъ на издержки): его заточили на вѣки въ тюрьму, а имѣніе взяли въ казну. Тогда на бумагахъ, подаваемыхъ государю, люди незнатные стали подписываться уничижительными именами, напр., „холопъ Ивашка". Бояре ссорились изъ-за чести быть за столомъ государя, получить изъ его рукъ хлѣбъ и особенно соль: хлѣбъ означалъ благоволеніе, соль — любовь. Еще строже сталъ посольскій чинъ, особенно дома. Когда пріѣзжалъ новый посолъ, приказывали запирать лавки и сгоняли народъ на дорогу, чтобы Москва показалась гостю многолюдной и могучей. Посолъ слѣзалъ съ коня далеко отъ лѣстницы дворца, съ которой сходило множество придворныхъ, одинъ другаго пышнѣе. Во дворцѣ Василій принималъ посла, сидя на престолѣ, окруженный необыкновенною пышностью, и давалъ ему цѣловать свою

руку. Посидѣвши молча, князь приглашалъ посла къ обѣду и торжественно удалялся. За обѣдомъ подлѣ князя оставалось настолько мѣста, насколько онъ могъ обнять, разведя руки. Посолъ сидѣлъ за особымъ столомъ, и князь изъ своихъ рукъ посылалъ ему кушанья, причемъ посолъ долженъ былъ вставать и кланяться. Лишь изрѣдка князь оказывалъ послу особую честь и пилъ за здоровье его государя. При Иванѣ IV самодержавіе становится „грознымъ". Это—первый русскій *царь*, и онъ сознательно посвятилъ свою жизнь идеѣ царскаго могущества, которое казалось ему божественнымъ опредѣленіемъ. Въ его титулѣ цѣлая молитва и гордое перечисленіе 26-ти подчиненныхъ ему государствъ; въ его грамотахъ много пышныхъ фразъ, взятыхъ изъ бумагъ восточныхъ властителей. Все выдающееся, сильное было въ его глазахъ грѣховнымъ и осуждалось на погибель. Онъ то давалъ боярамъ дурныя земли на сѣверѣ, вмѣсто ихъ хорошихъ, то просто отнималъ у нихъ вотчины или захватывалъ ихъ по смерти владѣтеля, не смотря на завѣщаніе. Самые знатные стали подписываться въ бумагахъ царю: „холопъ Васька" и т. д. Надъ ними возвысились люди безправные, обязанные всѣмъ милости царя. Между тѣмъ какъ царь пренебрегалъ совѣтами бояръ, явились „думные" *дворяне*. Въ особенности же возвысились *дьяки* и *подъячіе*, выходившіе изъ посадскихъ, а чаще всего изъ поповичей, какъ грамотныхъ людей. Они сидѣли въ приказахъ и въ намѣстничествахъ и заправляли воеводами. Грозный обращался даже съ иностранными послами, какъ съ холопами или преступниками: посла окружали стражей; москвичамъ запрещалось даже проходить мимо его двора; чуть только рѣчи его не нравились царю, онъ не принималъ его или же не пускалъ домой. *Земскіе соборы не ограничивали самодержавія:* имъ приказывали только помогать царю въ затруднительномъ положеніи. Соборы Годунова при Ѳедорѣ состояли изъ духовенства, которое, по своему сану, отказывалось говорить, и изъ бояръ, которыхъ назначалъ самъ царь. Чаще всего созывались соборы при Михаилѣ; но никогда самодержавіе не было такъ сильно, какъ при немъ. Михаилъ объявилъ: „сдѣлана наша печать новая, больше прежней, для того, что на ней прибавлено—*самодержецъ*". Даже желаніе увидѣть царя стало преступленіемъ. Одинъ попъ выдумалъ какую-то военную машину, но требовалъ лично переговорить о ней съ царемъ: его посадили, въ цѣпяхъ, въ монастырь, какъ смутника. Заточили также князя Хворостинина за слово „деспотъ", которое сочли унизительнымъ

для царя: оно значитъ по-гречески только владыка, а не царь и самодержецъ. Тогда самодержавіе подавляло все не только величіемъ своей власти, но и своимъ богатствомъ.

§ 134. **Боярство.**—Такое развитіе самодержавія могло быть только при отсутствіи всякой силы въ обществѣ. Тогда знать и духовенство не имѣли значенія на Руси. Бояре лишились даже права отъѣзда, особенно при Грозномъ (§ 110). У нихъ не было и матеріальной силы: ихъ небольшія вотчины все уменьшались отъ дробленія, вслѣдствіе отсутствія майората (право старшаго сына на земли) и отъ обычая завѣщать земли монастырямъ на поминъ души. Боярамъ приходилось выпрашивать себѣ помѣстья у государя, который былъ необыкновенно богатъ именно землями. Бояре и сами себя ослабляли, враждуя между собой и прибѣгая къ помощи самодержавія для достиженія личныхъ выгодъ. Они старались выслужиться передъ государемъ; новые усиливались „заѣзжать" старыхъ при дворѣ, „утянуть" изъ ихъ родовой чести. *Мѣстничество* (§ 112) лучше всего доказывало ничтожество нашей знати: и чѣмъ болѣе становилась она холопомъ, тѣмъ сильнѣе одолѣвала ее родовая „боярская спѣсь". При Михаилѣ уже мѣстничались не только воеводы въ полкахъ и по городамъ, но и „неродословные, меньшіе" люди, подъячіе и царедворцы, до послѣдняго рынды. И здѣсь ничего не жалѣли: лишались мѣстъ, не щадили денегъ и здоровья (проигравшаго споръ иногда били батогами и сажали въ тюрьму). Такую жалкую знать не могъ выручить даже наплывъ въ Москву *князей*, потомковъ Рюрика и Гедимина, въ концѣ 3-го періода. Бѣдные и обособленные, они встрѣчали еще ненависть въ боярахъ, п. ч. „заѣхали" ихъ. Уже при Иванѣ III князья превратились въ простыхъ бояръ, но еще составляли высшій разрядъ боярства. Таковы были: Патрикѣевы, Ряполовскіе, Оболенскіе, Холмскіе, Глинскіе, Шуйскіе, Бѣльскіе, Горбатые, Курбскіе. Пользуясь высшими мѣстами въ управленіи, они даже пытались противодѣйствовать самодержавію, въ лицѣ Софьи и Василія III, но проиграли; а затѣмъ явился Грозный, „опалившійся" противъ боярства. При немъ имѣли нѣкоторое значеніе лишь Мстиславскіе, Глинскіе да Романовы-Захарьины-Юрьевы (§ 114), и то только въ силу своего родства съ царемъ по бракамъ. Смута нанесла новый ударъ боярству, которое возстановило противъ себя народъ связями съ самозванцемъ и съ поляками. Тогда въ думѣ распоряжался „торговый мужикъ" (§ 123); а Русь спасли отъ враговъ народное ополченіе да казаки. Въ то же время

знатныя семьи вымирали также, какъ въ Польшѣ и на Западѣ. Оттого быстро смѣняются имена вліятельныхъ бояръ, и число ихъ все падаетъ. При Иванѣ III выдавались Ховрины, Кобылины-Кошкины, Воронцовы, Тучковы, Морозовы, Головины; затѣмъ они исчезаютъ, кромѣ Кобылиныхъ-Кошкиныхъ, обратившихся въ Романовыхъ-Юрьевыхъ; въ смутное время вымерли Шуйскіе и Мстиславскіе, сошли со сцены Годуновы; при Михаилѣ вначалѣ уже заправляли незнакомые прежде Салтыковы. Боярство, при своей малочисленности, могло бы пріобрѣсти политическое значеніе, еслибы умѣло слить свои интересы съ народными, подобно англійской аристократіи въ средніе вѣка. Но оно возстановило противъ себя всѣ классы общества. Служилые ненавидѣли боярство за то, что права его были выше ихъ, а оно не несло повинностей наравнѣ съ ними, да еще переманивало отъ нихъ крестьянъ. Народъ не терпѣлъ бояръ за то, что изъ нихъ выбирались угнетавшіе его воеводы: онъ былъ за царей, которые сдерживали ихъ алчность. Оттого никто не сочувствовалъ записи, данной Шуйскимъ для ограниченія самодержавія (§ 120): она обезпечивала только привилегіи боярства.

§ 135. **Духовенство.**—Духовенство также не могло ограничивать самодержавіе. Вначалѣ бѣдное и невѣжественное, оно могло утвердиться только съ помощью моск. государя: оно жило его милостями и старалось возвышать его власть. Духовенству больше не на кого было опираться. Съ паденіемъ Византіи исчезла его послѣдняя поддержка внѣ Россіи: константинопольскій патріархъ, угнетенный турками, самъ обращался въ слугу царя; а съ Ивана III моск. государи стали играть выгодную для нихъ роль защитниковъ православія у всѣхъ славянъ и грековъ. Съ тѣхъ поръ начались постоянныя *сношенія съ восточными церквами* и помощь имъ изъ царской казны. Это возвышало религіозное значеніе царей, въ ущербъ русскимъ митрополитамъ. Не было у духовенства опоры и внутри Россіи. По своему невѣжеству и безнравственности, описаннымъ въ Стоглавѣ (§ 112), оно не имѣло вліянія на народъ; а съ боярами оно было во враждѣ, поддерживая царя противъ нихъ. Между тѣмъ какъ на Западѣ аристократы посвящали одного изъ своихъ сыновей церковному поприщу, у насъ рѣдко служилый поступалъ въ духовенство, да это и запрещалось правительствомъ, которое не терпѣло убыли въ войскахъ. Наше духовенство представляло *замкнутую касту*, тѣмъ болѣе, что его бѣлая часть была брачная, т. е. сама собою пополнялась. Его сила подры-

валась еще соперничествомъ между двумя митрополитами—московскимъ и кіевскимъ. Къ концу періода подготовляется расколъ и начинается наплывъ иностранныхъ ученыхъ, т. е. разрываются послѣднія связи духовенства съ народомъ: оно утрачиваетъ нравственное и учительное вліяніе, превращается въ слугу царей, наравнѣ съ дьяками и помѣщиками. Оттого не имѣли успѣха рѣдкія попытки владыкъ придать значеніе духовной власти. Такова была борьба митрополита *Геронтія* съ Иваномъ III. Иванъ хотѣлъ отнять у него землю, но владыка воспротивился, указывая на свою владѣтельную грамоту; государь разорвалъ эту грамоту. Потомъ между ними произошелъ споръ по церковному вопросу, и Геронтій уѣхалъ изъ Кремля, оставивъ свой посохъ въ Успенскомъ соборѣ. Такъ какъ почти все духовенство стало за митрополита, государь поѣхалъ къ нему извиниться и обѣщалъ слушаться его. Но вскорѣ Геронтій, по болѣзни, отлучился на время изъ Кремля; Иванъ тотчасъ же назначилъ ему преемника, а его держалъ въ монастырѣ. Геронтій нѣсколько разъ уходилъ въ Москву, но его хватали и возвращали въ заточеніе. При Иванѣ III попы и игумены не были избавлены отъ *торговой казни* (битье кнутомъ на торгу). Грозный отнялъ у духовенства даже право печалованія своею расправой съ митрополитомъ Филиппомъ (§ 111). Онъ самъ назначалъ владыкъ и вручалъ посохъ митрополиту, а его дьяки захватили церковные суды. Одного новгородскаго владыку Грозный велѣлъ зашить въ медвѣжью шкуру и затравить собаками. Преемникъ этого владыки уже такъ писалъ царю: „пишу тебѣ не потому, чтобъ хотѣлъ учить и наставлять твое остроуміе и благородную премудрость; но какъ ученикъ учителю, какъ рабъ государю“; затѣмъ власть Ивана уподобляется „власти царя небеснаго“ и говорится, что „царь выше солнца“. Учрежденіе патріаршества возвысило только внѣшнее значеніе духовенства: оно было дѣломъ свѣтской власти. Для самодержавія было выгодно возвысить покорную церковь; къ тому же это унижало кіевскаго митрополита, нравственно подчиняло польскую Русь Москвѣ да еще устраняло насмѣшки іезуитовъ надъ зависимостью нашей церкви отъ султанскаго раба. Русскій патріархъ получилъ 5-е мѣсто въ восточной церкви; 4 архіерея стали митрополитами и 6 епископовъ—архіепископами. Первый же патріархъ, Іовъ, былъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ Годунова. Полное подчиненіе церкви государству выразилось и въ *исчезновеніи* первоначальной *вѣротерпимости*. Государство при-

ступило къ обращенію иновѣрцевъ, какъ къ сбору даней и войскъ, посредствомъ внѣшнихъ мѣръ, причемъ іерархи становились какъ бы духовными воеводами. Это ясно изъ приказовъ казанскому архіерею: ему поручалось всячески привлекать татаръ къ крещенію, „звать ихъ къ себѣ обѣдать почаще, поить ихъ у себя за столомъ квасомъ, а послѣ стола медомъ"; если провинившійся татаринъ убѣжитъ къ владыкѣ и захочетъ креститься, то „назадъ его воеводамъ никакъ не отдавать, а покоить у себя". При такихъ мѣрахъ было крещено нѣсколько тысячъ мусульманъ и язычниковъ; увлекаемые выгодами, пріѣзжали въ Москву даже черкесскіе князьки. Но на дѣлѣ *новокрещены* сохраняли старую религію, да еще иновѣрцы стали „ругаться православной вѣрѣ" и строить мечети даже тамъ, гдѣ ихъ никогда не было. Ѳедоръ приказалъ поселить новокрещенъ въ особой слободѣ и подчинить ее боярскому сыну, который долженъ былъ некрѣпкихъ въ вѣрѣ „въ тюрьму сажать, въ желѣза, въ цѣпи и бить". Воеводы должны были „всѣ мечети посместь и въ конецъ ихъ извести" и не дозволять русскимъ жить у татаръ и нѣмцевъ, которые совращали ихъ въ свою вѣру. Распространеніе христіанства нравственными мѣрами происходило только на немногихъ окраинахъ, не входившихъ въ составъ епархій: то былъ слабый отголосокъ великой колонизаторской роли монастырей. Таковъ былъ, при Грозномъ, подвижникъ стараго закала, новгородецъ *Трифонъ*. Смолоду странствовалъ онъ по лѣсамъ, ища уединенія для молитвы, и добрелъ до Бѣлаго м. Тамъ долго жилъ онъ, какъ звѣрь бездомный, и проповѣдовалъ. Лопари, настраиваемые колдунами, били, истязали и выгоняли его; но онъ возвращался и все поучалъ. Трифонъ обратилъ многихъ лопарей и отыскалъ какого-то попа въ Колѣ, который крестилъ ихъ.

§ 136. **Служилые и крестьяне.**—Если боярство и духовенство не могли ограничивать самодержавіе, то еще менѣе могло играть такую роль *служилое сословіе*, которое соотвѣтствовало рыцарямъ на Зап. и шляхтѣ въ Польшѣ. Оно съ самаго начала было слугой престола, который и создалъ его. Годуновъ въ борьбѣ съ боярствомъ не видѣлъ другаго средства, какъ опереться на служилыхъ (рядомъ съ духовенствомъ): отсюда закрѣпленіе крестьянъ, по поводу котораго бояре ворчали, что царь „по наговору Бориса, не слушая совѣта старѣйшихъ бояръ, выходъ крестьянамъ заказалъ". Служилые не могли уклоняться отъ воинской повинности: они жили разбросано по своимъ деревнямъ,

лишенные сословнаго интереса; ихъ брали насильно, какъ рекрутъ. Служилые были бѣдны и зависѣли отъ царскаго жалованья, которое состояло въ *помѣстьяхъ*. Но земля имѣла цѣнность, только когда при ней были рабочія руки; а крестьяне не любили садиться у помѣщика: ихъ переманивали бояре въ свои вотчины, въ особенности же монастыри и церкви, пользовавшіяся *тарханами* (льготами отъ повинностей). Отсюда возникъ вопросъ о монастырскихъ имуществахъ, и именно въ описываемый періодъ, когда требовалось крайнее напряженіе военныхъ силъ страны. Попробовали-было уничтожить тарханы, но не достигли цѣли. Тогда прибѣгли къ *закрѣпощенію крестьянъ* (§ 116) за помѣщиками, отчасти по примѣру Литвы, гдѣ уже началось пожалованье людьми и явился законъ, наказывавшій помѣщика за уменьшеніе барщинъ и оброковъ ко вреду другихъ землевладѣльцевъ. Такъ создалось помѣщичье или *господское* сословіе, высшее относительно толпы, но безправное въ политическомъ смыслѣ. Закрѣпощеніе утвердилось не сразу. Въ теченіе всего 17 в. встрѣчаемъ множество жалобъ помѣщиковъ на бѣгство крестьянъ; и правительство не переставало приказывать „сыскивать бѣглыхъ всякими сысками накрѣпко". Къ концу періода побѣги усиливаются, вслѣдствіе угнетенія крестьянъ помѣщиками. Между самими помѣщиками завязалась жестокая борьба изъ-за „пашеннаго мужика"; за нимъ гонялись, какъ за звѣремъ на охотѣ, сманивали его, насильно отнимали другъ у друга. Но все-таки крестьянскій вопросъ былъ рѣшенъ. Оттого правительство строго относилось къ обязанностямъ служилыхъ, поступая съ ними, какъ съ своими слугами. Съ *холопствомъ* происходило то же, что съ крестьянствомъ. Сначала оно ослабѣвало: господа освобождали рабовъ передъ своей смертью; сынъ послѣ четырехъ закабаленій становился свободнымъ; въ Судебникѣ Ивана III уменьшено число случаевъ обращенія въ холопство и т. д. Но при Ѳедорѣ, рядомъ съ прикрѣпленіемъ крестьянъ, произошло обращеніе вольныхъ слугъ, служившихъ по найму, въ холоповъ, если они прослужили съ полгода, „потому что господинъ такого добровольнаго холопа кормилъ, одѣвалъ и обувалъ".

§ 137. **Горожане и иностранцы.**—Горожане также не могли ограничивать самодержавіе: они были бѣдны и не представляли сословнаго единства. Въ 4-мъ періодѣ слово „вѣче" стало означать просто совѣщаніе хотя бы двухъ лицъ, а затѣмъ—бунтъ. Независимость сохранялась дольше всего на западѣ, особенно

въ городахъ польской Руси. Послѣдніе процвѣтали: въ нихъ распространялось магдебургское право; литовскіе князья защищали ихъ отъ притѣсненій своихъ намѣстниковъ, снабжали ихъ жалованными грамотами. Новгородъ же палъ уже въ началѣ періода, подъ ударами Москвы и внутреннихъ раздоровъ. Съ тѣхъ поръ, хотя число городовъ прибавлялось, значеніе горожанъ не возвысилось. Новые города строились правительствомъ, и по окраинамъ, въ военныхъ видахъ, особенно на з. и ю. (Курскъ, Воронежъ, Кромы, Бѣлгородъ, Саратовъ, Царицынъ, Яицкъ, Архангельскъ и др.). Все это были ничтожныя поселенія, не имѣвшія торговаго значенія; только Нижній выдвигался, какъ узелъ восточной торговли, потому что Василій III положилъ основаніе *макарьевской ярмаркѣ*, запретивъ купцамъ ѣздить на казанскую. Съ горожанъ брали много даней, а главное, ихъ угнетали воеводы и приказные дьяки. Оттого и они разбѣгались, или же старались закладываться—подъ именемъ *сосѣдей*, *подсосѣдниковъ*, *захребетниковъ*—за богатыхъ и знатныхъ или за монастыри, чтобы освободиться отъ городскаго тягла; грамотные же стремились въ подъячіе. Правительство запретило эти переходы посадскихъ, т.-е. *закрѣпило* ихъ по городамъ. Въ то же время горожане потеряли послѣднее значеніе, которое давала имъ военная повинность: съ образованіемъ помѣщичьяго войска, они перестали высылать на войну свои полки. Лучшимъ временемъ для городовъ была, повидимому, эпоха Грознаго, который ввелъ выборное начало въ городской и сельскій „міръ“ (§ 112) и призвалъ московскихъ горожанъ на земскій соборъ. Но „міры“ отчасти не приняли этой свободы, отчасти выбирали такихъ старостъ, что иногда просили замѣны ихъ царскимъ намѣстникомъ. Сверхъ того, выборныя лица пріобрѣтали лишь власть царскихъ служителей для выгодъ правительства; горожане же не получали отъ этого ни облегченій, ни политическаго значенія. Смуты выдвинули-было всю русскую земщину; но она ограничилась изгнаніемъ враговъ и возстановленіемъ самодержавія, не выговоривъ ничего въ свою пользу. Оттого хотя горожанъ призывали, при Михаилѣ, на земскіе соборы, но только для того, чтобы убѣдить ихъ въ неизбѣжности великихъ жертвъ. При такомъ положеніи горожанъ, торговля и промышленность развивались слабо. Болѣе подвинулась *торговля*, особенно съ Востокомъ, послѣ завоеванія Казани и Астрахани. Узломъ ея становилась *Москва*, которая привлекала иностранныхъ гостей и дешевизною жизни: туда свозилась масса

всякихъ продуктовъ, и мясо продавали не на вѣсъ, а на глазомѣръ. А изъ Москвы наши купцы ходили до Астрахани, Кафы, Азова, Константинополя, Вильны и Архангельска, а иногда въ Любекъ и Антверпенъ. Они заѣзжали даже въ Англію и имѣли свою церковь въ Копенгагенѣ. Англичане, съ своей стороны, основали, при Грозномъ, особую компанію для торговли съ Россіей; у голландцевъ же, которымъ принадлежало первенство въ нашей торговлѣ, было свое подворье въ Новгородѣ. Послѣ Новгорода, Пскова, Москвы и Нижняго, главными узлами торговли становились Ярославль, Вологда, съ ея льномъ и морскою солью, и Холмогоры, съ ихъ мѣхами и тюленьимъ жиромъ. Но *путей сообщенія* почти не было; порты были только на Касп. и Бѣломъ м.; отъ Архангельска до Астрахани тащились около 2 мѣсяцевъ. По дорогѣ мѣшало множество разбойниковъ и *внутреннихъ таможенъ*, число которыхъ все возрастало. А на ю. купцамъ не было прохода отъ донскихъ казаковъ и черкасъ: здѣсь они ходили большими караванами; а больше ѣздили изъ Москвы въ Кафу и Азовъ черезъ Литву. Съ лопарями же и въ Сибири шелъ первобытный нѣмой торгъ (§ 5). Торговля была угнетена еще множествомъ государевыхъ монополій (не дозволялось даже продавать мѣха персіянамъ, чтобы не обезцѣнить царскихъ подарковъ шаху), откуповъ, пошлинъ, въ особенности же алчностью воеводъ и приказныхъ да „волокитою“ продажныхъ судовъ. Оттого и *процентъ* оставался высокимъ (20%). Посадскимъ вредилъ также усилившійся, при Михаилѣ, наплывъ *иностранныхъ купцовъ*, такъ какъ правительство даровало имъ право безпошлинной торговли. *Промышленность* развивалась еще медленнѣе. Распространялись волжское рыболовство и соляной промыселъ у Астрахани и на Камѣ; жители сами ломали соль, платя только пошлину правительству. Много занимались также выдѣлкой поташа; но селитру казна дѣлала сама, причемъ населеніе обязано было привозить къ ея заводамъ золу и дрова. Всѣ почти ремесла составляли *кустарный* (домашній) промыселъ и исполнялись какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ, между которыми по прежнему было мало различія; городъ былъ огороженной деревней, и посадскіе занимались хлѣбопашествомъ. Кустарнымъ способомъ производились и желѣзныя издѣлія, которыми уже славилась Тула въ 16 в., благодаря найденной тамъ желѣзной рудѣ. Появились тогда и *заводы*, но они были дѣломъ иностранцевъ, и во главѣ ихъ былъ знаменитый *тульскій заводъ*, устроенный голландцемъ Виніусомъ (1632). *Иностранцы* становятся важною

составною частью нашей исторіи. Они старались не пускать къ себѣ русскихъ ни для торговли, ни для ученья: одинъ русскій попробовалъ самъ повезти мѣха въ Голландію; но у него и на рубль не купили. Сами же иностранцы стали во множествѣ наѣзжать въ Россію, въ качествѣ купцовъ, или селиться въ ней, въ качествѣ промышленниковъ. Особенно много прибывало послѣднихъ: русскіе возставали только противъ чужихъ купцовъ, съ которыхъ правительство не брало даже обычнаго подворнаго налога; промышленниковъ же они уважали, такъ какъ могли поучиться у нихъ. Правительство вызывало изъ Германіи, Голландіи, Швеціи и Англіи особенно *рудознатцевъ*, а также оружейниковъ, литейщиковъ, стекольщиковъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ и даже часовщиковъ; изъ Италіи приходили художники. Особенно много было *нѣмцевъ*. Въ Москвѣ уже роптали, что они все забираютъ въ свои руки, а попы жаловались на опустѣніе приходовъ подъ ихъ вліяніемъ. Тамъ было, при Михаилѣ (§ 130), до тысячи протестантскихъ семействъ, одаренныхъ льготами и даже правомъ строить свои „кирки". Они составляли уже отдѣльную *Нѣмецкую Слободу* или *Кукуй-городокъ*, на ручьѣ Кукуѣ. Тогда же появились въ Москвѣ иностранные *резиденты* (постоянные посланники). Съ Василія III начинается рядъ *сказаній иностранцевъ* или сочиненій о Россіи, написанныхъ чужеземцами. Они драгоцѣнны, какъ свѣдѣнія людей, стоявшихъ выше насъ по образованію и писавшихъ свободно, критически. Первымъ изъ нихъ былъ *Герберштейнъ*, посолъ нѣмецкаго императора, посѣтившій Москву при Василіи III. При Михаилѣ голштинецъ *Олеарій* описалъ 2 своихъ путешествія въ Россію (1634 и 1636).

§ 138. **Управленіе.**—Такъ какъ всѣ сословія были безсильны и безправны, и кругомъ господствовало невѣжество, то трудно было управлять такимъ обширнымъ государствомъ, какъ Россія. Лѣтописи, документы и сказанія иностранцевъ одинаково доказываютъ, что управленіе было неудовлетворительно. Въ лѣтописяхъ временъ Грознаго говорится: „многіе города и волости пустыми учинили намѣстники и волостели, и много злокозненыхъ дѣлъ учинили, сдѣлались гонителями и разорителями". Доходило уже до того, что нерѣдко населеніе избивало своихъ гонителей. Оттого въ Судебникѣ Ивана IV впервые положено *наказаніе за злоупотребленіе властью:* судьямъ штрафъ, дьякамъ тюрьма, подъячимъ кнутъ. Въ управленіи явилось одно только нововведеніе - *приказы*, хотя неизвѣстно, когда именно возникли

они: впервые упоминается о нихъ въ грамотѣ 1512 г. Съ Грознаго встрѣчаемъ имена приказовъ: Посольскій, Разрядный, Помѣстный, Казанскій, Разбойный, Дворцовый, Холопій. Но предметы ихъ вѣдомства были перепутаны, такъ что трудно было находить дѣла; а это развивало знаменитую *волокиту,* не смотря на то, что приказнымъ было чѣмъ жить: въ „вѣдѣніе" приказа приписывались цѣлые города или разряды тяглыхъ. Приказы связаны съ появленіемъ новаго рода царскихъ служителей—съ *дьяками* и *подъячими:* главными приказами прямо завѣдывали дьяки; другіе же, хотя отдавались боярамъ и окольничимъ, но послѣдними управляли тоже дьяки, какъ царское око и какъ знатоки дѣла. Такъ какъ областные правители подчинялись своимъ дьякамъ, а также приказамъ, отъ которыхъ зависѣло самое ихъ назначеніе и смѣна, то управленіе Россіей перешло въ руки дьяковъ. Приказные, люди еле-грамотные, не могли понимать сущности дѣлъ, да имъ нужно было еще сдѣлаться необходимыми: оттого они изобрѣли мудреную бумажную процедуру и крючкотворство. Приказные придирались къ областнымъ правителямъ, чтобы чаще смѣнять ихъ или получать съ нихъ откупы. Эти правители принуждены были удвоить взятки, чтобы удовлетворять приказныхъ; а такъ какъ ихъ стали смѣнять ежегодно, то они доводили ограбленіе народа до крайности. При такихъ порядкахъ, не прошло и двухъ поколѣній, какъ народъ сталъ обращаться въ Москву съ такими просьбами: „государь бы пожаловалъ, намѣстника и тіуновъ отставилъ и велѣлъ бы управу чинить *во всякихъ земскихъ дѣлахъ выборнымъ* лучшимъ людямъ, кого мы излюбимъ". При этомъ челобитчики обязывались сами собирать и привозить въ Москву сумму, соотвѣтственную законнымъ поборамъ намѣстника, въ видѣ „намѣстничьяго откупа": оттого жалованныя грамоты, удовлетворявшія просителей, назывались *откупными.* Такъ, при Грозномъ, возникло *выборное начало* въ областномъ управленіи (§ 112). Но оно было введено лишь временно и случайно, только тамъ, гдѣ населеніе просило объ этомъ. Сверхъ того, населеніе давало лишь небольшую „подмогу" своимъ выборнымъ, которые должны были посвящать все свое время управленію да еще собирать откупъ и везти его въ Москву къ сроку, отвѣчая за просрочку и за каждую копѣйку. Оттого въ нѣкоторыхъ волостяхъ не находилось охотниковъ на такую службу; или же брался за дѣло какой-нибудь пройдоха съ цѣлью нажиться. Впрочемъ, вообще народъ дорожилъ своимъ выборнымъ правомъ и начиналъ привыкать къ нему, тѣмъ бо-

лѣе, что оно значительно распространилось при Годуновѣ и во время смуты. Но при Михаилѣ правительство стало возвращаться къ прежнему порядку; народъ жаловался, что безъ спросу насажали намѣстниковъ и приказныхъ тамъ, гдѣ прежде были свои старосты и выборные судьи, и соглашался увеличить оброкъ, если только освободятъ его отъ этихъ притѣснителей. При Грозномъ появились *воеводы* въ пограничныхъ городахъ: они должны были заботиться о ратномъ дѣлѣ и сидѣть въ „острогѣ" (крѣпости); а подлѣ нихъ намѣстникъ завѣдывалъ „городомъ" или гражданскою частью. Впослѣдствіи въ рукахъ воеводъ сосредоточились обѣ власти. Послѣ смуты, въ областномъ правленіи видимъ уже почти вездѣ не намѣстниковъ, волостелей и тіуновъ, но воеводъ и приказныхъ. Съ измѣненіемъ названія не измѣнилась сущность дѣла. Къ концу періода увеличиваются жалобы на то, что воеводы „чинили насильства, убытки и продажи великія, брали посулы, поминки и кормы многіе". Они заставляли народъ все дѣлать на себя и даже грабили церкви, такъ что не было обѣденъ и въ храмовые праздники. Въ челобитныхъ посадскіе часто грозили „разбрестись розно", если не смѣнятъ воеводы.

§ 139. **Казна и войско.**—Управленію соотвѣтствовали финансы. Они были въ печальномъ положеніи, хотя народъ былъ отягощенъ непосильными налогами. Государь смотрѣлъ на страну, какъ на свою вотчину: поэтому была только *царская*, а не государственная, *казна*, и ее старались наполнять, не заботясь о завтрашнемъ днѣ. Оттого страна была бѣдна и все управленіе было нищенское, а казна была богата: царь считался однимъ изъ богатѣйшихъ государей Европы. Богатство казны тѣмъ болѣе возрастало, что московскіе государи отличались скопидомствомъ и скупостью. Уже у Ивана III была большая казна, п. ч. выходы въ Орду почти прекратились, а онъ все собиралъ ихъ, причемъ если требовалось 70, онъ умѣлъ брать 700. Онъ не пренебрегалъ ничѣмъ для увеличенія своей казны: если узнавалъ, что есть на Востокѣ дорогой коверъ или рѣдкая жемчужина, наказывалъ посламъ искать ихъ и пріобрѣсти подешевле; даже бралъ себѣ шкуры при выдачѣ корма посламъ баранами. Не говоря уже про недвижимость, особенно про земли, у него скопилась масса одной *рухляди*—дорогихъ одеждъ, мѣховъ и хозяйственныхъ запасовъ. Вскорѣ это огромное имущество потребовало особаго вѣдомства для своего управленія: явился *Дворцовый приказъ*. Главнымъ средствомъ наполнять казну были,

кромѣ доходовъ съ земель, отдаваемыхъ на *оброки* съ торговъ, *дани* и *пошлины*. Московская обычная дань, съ сохи у крестьянъ и со двора у посадскихъ, возрасла при Ѳедорѣ до $1^1/_2$ мил. р. Кромѣ того, было много случайныхъ податей, вводимыхъ при каждой новой потребности въ управленіи. Такъ, при Грозномъ понадобились пищали—и явились *пищальныя деньги*. Отдаленныя волости не могли поставлять посошныхъ людей (ратниковъ)—и съ нихъ стали брать *посошныя деньги*. Подготовлялась новая война—Грозный занималъ на нее деньги у своихъ подданныхъ, которыя не возвращались, если даже война не состоялась. Судныя и особенно торговыя пошлины трудно перечислить: при продажѣ брали со всего—съ рубля, съ воза и саней, съ куска мяса, съ соли, съ птицы и рыбы, съ лука, орѣховъ, золы, рогожъ; брали за провозъ, за остановку, за складъ и взвѣшиваніе. Казна пользовалась еще многими *монополіями*, и именно относительно предметовъ первой важности (пиво, медъ, хмѣль и т. д.). Нѣкоторые источники доходовъ (торговыя пошлины) отдавались на *откупа*, которые все развивались. Наконецъ, изыскивались мелкіе и неуловимые доходы. Такъ, при смѣнѣ намѣстника старались подольше не присылать новаго, собирая однакожъ въ казну кормъ намѣстничій. Все это вѣковое дѣло накопленія казны рушилось въ смутное время; казна опустѣла, и спѣшили собирать возможно больше съ обнищалаго населенія. Разсылали самыхъ рѣшительныхъ людей сборщиками, и все понукали ихъ, а сборщикъ такъ оправдывался: „я посадскимъ людямъ не норовилъ и сроковъ (отсрочекъ) не даю; я правилъ на нихъ твои государевы всякіе доходы нещадно, побивалъ на смерть". Чтобы поскорѣе обогатить Москву, насильно переводили въ нее богачей изъ другихъ городовъ. Откупная система достигла своего высшаго развитія. Чего никогда не бывало—отдавали на откупъ даже квасъ, брагу, ботвинью, мыло, овесъ, деготь, извозчиковъ. Мучительна была и военная повинность. Даже въ мирное время была *береговая* и сторожевая служба: каждую весну собирались полки на берега Оки стеречь крымцевъ, а отчасти и казаковъ. При отсутствіи постоянной арміи, самымъ труднымъ дѣломъ было начало войны. Отправляли важнаго придворнаго собирать служилыхъ по спискамъ и отводить къ воеводѣ. Поспоривши изъ-за мѣстъ съ воеводою, придворный ѣхалъ по служилымъ, отмѣчая въ спискѣ „ести„ и „нѣти". Много помѣщиковъ объявлялось въ *нѣтяхъ*, т.-е. скрывалось, нето бѣжало съ дороги. Сыскавъ нѣтчика, били его кнутомъ и отправляли въ полкъ;

если не отыскивался, держали въ тюрьмѣ его дѣтей, приказчиковъ и крестьянъ, пока не сыщется. По окончаніи похода, распускали ратныхъ людей *по полямъ*. Служилые должны были снаряжаться на свой счетъ, только мелкопомѣстнымъ давали денежное жалованье, а иногда земли нерадивыхъ богачей. По смерти служилаго, помѣстье дѣлилось между его сыновьями, часть давалась вдовѣ и дочерямъ; когда дѣвушки выростали, ихъ доля переходила къ государю. Кормъ въ походѣ давался или деньгами, или припасами; но обыкновенно рать сама себя кормила, грабя своихъ по дорогѣ. Кромѣ служилыхъ, производился *наборъ* въ рать съ *сохъ* и *дворовъ*. Были также и *приходцы*, охочіе люди—поселенные въ Россіи татары, казаки и стрѣльцы. *Стрѣльцы* набирались изъ охочихъ „добрыхъ и рѣзвыхъ„ людей, которые умѣли бы стрѣлять изъ пищалей, и состояли въ вѣдѣніи *Стрѣлецкаго приказа*. Такому же порядку подчинялись *казаки московскіе*, которые жили на границахъ съ ю.-в. степями (въ Тулѣ, Рязани, Смоленскѣ, Черниговѣ и др.). Изъ нихъ составлялись *станицы*, которыя исполняли „польскую (полевую) службу“, частью разъѣзжали по степи, частью стояли въ извѣстныхъ мѣстахъ „на сторожахъ“, наблюдая за татарами и за казацкою вольницей. Эта вольница, преимущественно *донская*, была стѣснена завоеваніемъ Волги Грознымъ и ударилась-было въ Сибирь. Потомъ донцы снова усилились—и Годуновъ готовился расправиться съ ними, какъ настала смута, когда они распоряжались Русью „грубѣе Литвы и нѣмцевъ“. Наконецъ, появились *иностранные* отряды. Сначала, при Грозномъ, это были выходцы изъ Литвы, потомъ голландцы, шведы, нѣмцы, даже шотландцы, греки и турки; все это были охочіе наемники. При Михаилѣ являются еще полки русскихъ ратниковъ, обученныхъ *иноземному строю*. Московская рать (уже при Иванѣ III до 200 т.), состоя больше изъ служилыхъ, была преимущественно *конная*. Пѣхоту составляли только стрѣльцы. да иностранцы. Былъ и *нарядъ* (§ 113), состоявшій въ завѣдываніи иноземцевъ; при немъ состояли *пушкари*, которыхъ набирали въ городахъ также, какъ и *пищальниковъ*, по способностямъ. Московское войско все еще было плохое: воеводы мѣстничались; служилые уѣзжали изъ войска въ окрестности на грабежъ; при взятіи непріятельскаго лагеря происходила всеобщая потасовка. Въ битвѣ ратники выказывали быстроту, но у нихъ не было стойкости и храбрости. При началѣ боя они какъ бы говорили врагамъ своимъ видомъ: „бѣгите, нето мы побѣжимъ“. Вообще, больше вымаривали врага

голодомъ и опустошеніемъ, чѣмъ бились съ нимъ. Лагерей не укрѣпляли, предпочитая отступать при малѣйшей опасности. Пушки были плохія, часто разрывались и вредили своимъ.

§ 140. **Нравы.**—При описанныхъ порядкахъ, при отсутствіи просвѣщенія и подъ вліяніемъ смуты, нравственный уровень былъ низокъ во всѣхъ слояхъ общества. Грубость и жестокость *нравовъ правительства* достигли крайней степени въ лицѣ Грознаго и не исчезли съ нимъ. *Пытка* стала обычнымъ дѣломъ даже при ничтожномъ проступкѣ: тутъ выпытывали „всю подноготную", вбивая деревянныя гвозди подъ ногти и т. д. Кнутомъ стали бить людей всякаго чина; преступникамъ рубили головы, урѣзывали языки, даже сожигали ихъ живьемъ; фальшивымъ монетчикамъ заливали горло растопленнымъ металломъ. Особенно усилились казни послѣ смуты. Примѣръ правительства дѣйствовалъ на общество. Сильный человѣкъ считалъ слабаго своею добычей. Помѣщики были истинными пашами въ своихъ земляхъ; бояре и ихъ слуги дѣлали разбойничьи наѣзды на города, села и монастыри. Случалось, что знатный задиралъ бѣднаго медвѣдями. Даже били и грабили иноземныхъ пословъ. Нето зазовутъ своего брата, пріятеля, на пирушку и изобьютъ его до полусмерти да оберутъ. Наконецъ, дрались между собой, пропившись и проигравшись въ *зернь* (карты), кости или шахматы. Чревоугодіе богачей достигало крайнихъ предѣловъ въ нелѣпомъ пережиткѣ язычества—въ *братчинахъ* или пирахъ вскладчину. Во главѣ забавъ стояли, рядомъ съ медвѣдями, *скоморохи*. Бездомные тунеядцы, они составляли ватаги въ 50—100 человѣкъ, грабили крестьянъ и забавляли помѣщиковъ непристойными плясками и грязными пѣснями; въ городахъ безъ нихъ не обходились кабаки, куда ежедневно валили посадскіе съ 3 часовъ, выспавшись послѣ грузнаго обѣда. Крестьянину дозволялось пить только по праздникамъ, да и въ эти дни онъ работалъ, послѣ обѣдни. Отъ нищеты и гнета онъ часто бѣжалъ въ разбойники: язва *разбойничества* достигла, послѣ смуты, небывалыхъ размѣровъ. Падало и значеніе *женщины*. Бездѣтныхъ или рождавшихъ дѣвочекъ преслѣдовали, и онѣ прибѣгали къ знахаркамъ, которыя обманывали ихъ чарами и зельями. Мужья бросали однѣхъ женъ и женились на другихъ; даже продавали и воровали женъ. Со скуки и отъ побоевъ, женщина пьянствовала и тиранила домашнихъ. Въ *Домостроѣ* (§ 144) нарисованъ такой идеалъ жены. Она занимается кухней и рукодѣльемъ, безмолвствуетъ, отвѣчая только, когда спросятъ, или осторожно спрашивая совѣтовъ, за

которые низко бьетъ челомъ и тотчасъ все разсказываетъ мужу. Жена всему учится у мужа и даже ходитъ въ церковь, насколько онъ посовѣтуетъ; она не смѣетъ ничего ни съѣсть, ни выпить безъ него. Полезно наказывать жену: при большой винѣ мужъ долженъ „вѣжливенько постегать ее плеткой, держа за руку“ и прося не сердиться за „ученіе“. Домострой представляетъ и идеалъ мужчины-боярина. Это—матеріализмъ, скопидомство, для котораго слѣдуетъ даже кривить душой, всѣмъ угождать. Рядомъ выставляется внѣшнее благочестіе. Хорошій хозяинъ не пропускаетъ церковныхъ службъ; на молитвѣ стоитъ чинно, не озираясь; крестъ, образа, мощи цѣлуетъ, духъ въ себѣ удержавъ, губъ не разѣвая; просвиры не кусаетъ зубами, а ломаетъ мелкими кусочками и ѣстъ губами, а ртомъ не чавкаетъ; обученіе дѣтей состоитъ у него въ томъ, чтобы „раны на нихъ возлагать, казнить ихъ отъ юности, не ослабѣвая; бія младенца, бить его жезломъ“. Въ такомъ обществѣ человѣкъ, искавшій правды, казался уродомъ. Таковы были *юродивые*—своего рода сподвижники, только жившіе въ міру. Люди также невѣжественные и нищіе, они иногда правдивымъ словомъ обличали пороки общества и даже властей. Толпа считала этихъ нашихъ Діогеновъ пророками, святыми и задумывалась надъ ихъ иносказательными, подчасъ нелѣпыми рѣчами. Особенно прославились *Никола* во Псковѣ (§ 111) и *Василій Блаженный* въ Москвѣ. Юродивые болѣе походили на подвижниковъ, чѣмъ *монахи*: монастыри были притонами безобразій, въ особенности тѣ, въ которыхъ постригались бояре. Не лучше было бѣлое *духовенство*. Попы и дьяконы часто были совсѣмъ безграмотны, а вдали являлись даже самозванцы, безъ владычныхъ грамотъ. Они ссорились между собой за лишній грошъ всенародно, въ церкви, а владыки обзывали ихъ „собаками, ворами, измѣнниками“. Духовенство занималось всякими прибыльными дѣлами, даже отдавало деньги въ ростъ. Эта печальная картина лучше всего обрисована церковными соборами, начиная съ Ивана III: но ни соборы, ни усилія такихъ лицъ, какъ Геннадій, Іосифъ и Нилъ Сорскій, не могли поправить дѣла.

§ 141. **Понятія.**—Грубость нравовъ свидѣтельствуетъ о слабомъ умственномъ развитіи, которое объясняется тѣмъ, что грамотность все еще была рѣдкостью: многіе бояре и даже князья были безграмотны; старики даже отвращали молодежь отъ ученья, опасаясь, что она „въ книгахъ зайдется“ (зачитается), нето ударится въ ересь. Народъ сохранялъ почти всѣ *языческія суевѣ-*

рія и даже *обряды*, что громко засвидѣтельствовано церковнымъ соборомъ 1551 г. (§ 112): даже духовныя лица рѣдко говорили проповѣди изъ боязни сказать что-нибудь еретическое. *Волхвы*, колдуны, ворожеи сохранили прежнее значеніе: ихъ ставили выше поповъ; въ лѣтописяхъ опричнина и значеніе Годунова приписываются волхвамъ. Правительство раздѣляло эти суевѣрія: при дворѣ содержались колдуньи; въ концѣ періода пронесся слухъ, что въ Литвѣ вѣдунья наговариваетъ на хмѣль—и запретили покупать хмѣль, подъ страхомъ смертной казни. А табакъ постоянно считался дьявольскимъ зельемъ, и за его нюханье отрѣзывали носы. Гдѣ не доставало волхвовъ, тамъ ходили пророки и пророчицы, босые, нагіе, грязные, съ распущенными волосами: они тряслись всѣмъ тѣломъ и увѣряли, что имъ являлась св. Пятница и св. Апостолы; и имъ повиновались безпрекословно. Народъ предавался *чернокнижію* или гаданіямъ и оракуламъ, длинное перечисленіе которыхъ находимъ въ церковныхъ уставахъ (Аристотелевы Врата, Алманахъ, Звѣздочетье, Вороноград, Рафли, Землемѣріе, Громникъ, Птичьи Чары, Сонникъ и др.). Онъ свято исполнялъ древнія „бѣсовскія потѣхи", пріурочивъ языческія празднества къ христіанскимъ. Отсюда первобытная *строгость обычая*, который охраняли до того, что держали, какъ въ плѣну, иностранныхъ пословъ и однажды самого византійскаго патріарха, опасаясь ихъ вреднаго вліянія. Духовенство не дозволило Годунову вызвать иностранныхъ ученыхъ и завести школы. *Христіанство* все еще *понималось внѣшнимъ образомъ*. „Лютеръ, Кальвинъ, латынецъ" были бранными словами; переходя въ православіе, западные христіане должны были перекрещиваться. Христіанство представлялось скорѣе признакомъ народности, чѣмъ религіей: „православный" значило „русскій"; народъ одинаково называлъ „ересью", какъ критику церковнаго ученія, такъ отступленіе отъ воззрѣній и обычаевъ старины. Цѣнилась только *обрядовая* сторона, да и ту толковали нелѣпымъ образомъ. При Иванѣ III чуть не взбунтовались изъ-за спора о томъ, *по-солонь* (по солнцу) или наоборотъ должно ходить вокругъ церкви, при ея освященіи, о чемъ ничего не нашли въ книгахъ. Тогда же одни увѣряли, что въ припѣвѣ "алл., слава тебѣ Боже!" нужно двоить (сугубить), другіе—троить аллилуя; одни утверждали, что нужно креститься двумя пальцами, какъ благословляютъ попы, другіе стояли за 3 пальца. Соборъ 1551 г. сталъ за *сугубое аллилуя* и *двуперстное сложеніе*. Самымъ народнымъ событіемъ при Василіи III было пе-

ренесеніе старыхъ иконъ изъ Москвы во Владиміръ, послѣ ихъ подновленія, а подновлялъ самъ митрополитъ. Старыя понятія выражались и въ толкованіи свящ. книгъ. Вообразивъ, что халдеи—слуги Навуходоносора, жарившіе трехъ отроковъ, стали бѣгать, на Рождество, съ огнемъ по улицамъ и поджигать бороды прохожимъ: *халдей и халдейка* стали бранью, которая употребляется и теперь.

§ 142. **Просвѣщеніе.**—Но рядомъ съ старыми понятіями, видимъ *новыя* больше прежняго. Они развивались, благодаря *Западу*, вліяніе котораго постепенно вытѣсняло вліяніе Византіи, начиная съ Софьи, воспитанной въ Италіи. Впрочемъ *итальянское* вліяніе быстро смѣнилось *нѣмецкимъ*, особенно благодаря связямъ съ Польшей. Обычаи Запада отразились прежде всего во дворцѣ. При Иванѣ III княгиня явилась подлѣ князя даже при пріемѣ пословъ; тогда же началась выписка, изъ Италіи и Германіи, свѣдущихъ людей. Грозный посылалъ русскихъ юношей въ Царьградъ и на Аѳонъ учиться погречески, а Годуновъ отправлялъ ихъ уже на Западъ. При Михаилѣ задумывались не объ однихъ мастерствахъ, но и о *наукѣ*. Былъ выписанъ *Олеарій*, въ качествѣ „остралома (астронома), географуса и землемѣра". Филаретъ основалъ (1633) первое училище, названное „патріаршимъ" или *греко-латинскимъ* (§ 131). Въ то же время лучшіе люди становились поклонниками Запада: они или бѣжали изъ Руси, или осуждали ея предразсудки; масса же преслѣдовала ихъ, какъ еретиковъ и злодѣевъ. О полякахъ говорили: „одно лѣто побываютъ (наши) съ ними на службѣ, и у насъ на другое лѣто не останется и половины лучшихъ людей, а бѣдныхъ людей не останется ни одинъ человѣкъ". Въ смуту князь *Иванъ Хворостининъ* подружился съ поляками, и въ его письмахъ „объявились многія непригожія и хульныя слова о православной вѣрѣ, св. угодникахъ и о людяхъ моск. государства". Онъ собирался, наконецъ, уйти въ Польшу или Римъ. „На Москвѣ, говорилъ онъ, людей нѣтъ, все людъ глупый, жить не съ кѣмъ; моск. люди сѣютъ землю рожью, а живутъ все ложью, государь —деспотъ русскій". Масса не довѣряла свѣтскимъ книгамъ, вводимымъ самими царями. Когда появились „козмографіи", она кричала, что и безъ нихъ понимаетъ движеніе планетъ, такъ какъ „ангелы тварь (зодіакъ) водятъ". Тѣмъ не менѣе свѣтскій взглядъ проникалъ даже въ *лѣтописи* (§ 144). Но главнымъ проявленіемъ новыхъ понятій были *ереси*. Во главѣ ихъ стояло *жидовство* (§ 104), занесенное изъ Кіева и Новгорода ученымъ

евреемъ, *Схаріей*. Оно отвергало Троицу, Христа, святыхъ, иконы, монашество и многіе обряды. Еретики были ученые и краснорѣчивые: православные увлекались ими, въ особенности духовенство и знать. Жидовство вызвало умственное движеніе и выдвинуло крупныя личности (§§ 105, 107), среди которыхъ *Максимъ Грекъ* наиболѣе важенъ для нашего просвѣщенія. Человѣкъ честный, воспитанникъ Запада, знатокъ многихъ иностранныхъ языковъ, онъ возставалъ противъ нетерпимости относительно жидовства, а также и противъ суевѣрій и предразсудковъ, въ особенности противъ гаданій посредствомъ „звѣздодвижнаго колеса счастья". Но важнѣе всего, что ему поручили *исправленіе богуслужебныхъ книгъ*, искаженныхъ невѣжественными переписчиками и переводчиками. Старина воспользовалась столкновеніемъ Максима съ властью: его заточили въ монастырь и даже лишили чтенія и письма. Но умственное движеніе продолжалось и при Грозномъ. *Руганія* (порицаніе старины) особенно развивались въ Новгородѣ и Псковѣ да у „заволжскихъ старцевъ", какъ называли иноковъ Бѣлозерья. Къ нимъ относилась ересь боярскаго сына, *Башкина*. Башкинъ „что было кабалъ, все изодралъ", т.-е. отпустилъ на волю своихъ рабовъ; затѣмъ просилъ поповъ „пользовать его душевно" и закидывалъ ихъ вопросами; но тѣ донесли на него. На соборѣ выяснилось, что башкинцы признаютъ только разумъ и ученіе Христа, а Ветх. Зав. и Житія св. считаютъ баснями; бранятъ всѣхъ, особенно духовенство, за неисполненіе заповѣдей; осуждаютъ рабство и казни; называютъ иконы идолами, а причастіе простымъ хлѣбомъ и виномъ; ѣздятъ въ Нѣм. Слободу и восхваляютъ ея вѣру. Башкинцевъ заточили по далекимъ монастырямъ; но многіе бѣжали въ Литву. Ихъ ученіе продолжало жить на Руси среди немногихъ грамотѣевъ. Между тѣмъ на соборѣ 1551 г. снова подымался вопросъ объ *исправленіи книгъ*, а при Михаилѣ это дѣло было поручено Діонисію (§ 131). Но противъ добряка Діонисія возсталъ грязный и еле-грамотный монахъ, *Логинъ*, который тиранилъ всѣхъ въ Троицкой лаврѣ, отличаясь сильнымъ кулакомъ и „громогласіемъ". Онъ объявилъ Діонисія еретикомъ за то, что тотъ выкинулъ въ одной книгѣ лишнее слово „огонь". За доносъ стала царская мать: толпѣ сказали, что Діонисій хочетъ „огонь въ мірѣ вывести"—и народъ выходилъ на старика съ дрекольемъ и мучилъ его. Но на помощь просвѣщенію пришло *книгопечатаніе*. Его завелъ Грозный, видѣвшій, что иначе новыя церкви останутся безъ книгъ.

Сначала онъ выписалъ нѣмцевъ, но ихъ не пустили; тогда нашлись собственные мастера, учившіеся у нѣмцевъ, *Ѳедоровъ* и *Тимофеевъ*. Царь построилъ домъ для типографіи, и въ 1564 г. вышелъ въ свѣтъ *Апостолъ*—первая русская книга, переполненная ошибками. На другой же годъ Ѳедоровъ и Тимофеевъ должны были бѣжать, обвиненные въ ереси, а типографія была сожжена толпой; но ихъ дѣло продолжалось въ Москвѣ: при Грозномъ было напечатано нѣсколько десятковъ книгъ, все богослужебныхъ. Развивалось и *библіотечное* дѣло: въ нѣкоторыхъ монастыряхъ было болѣе 1000 книгъ.

§ 143. **Характеръ письменности с.-в. Руси. Публицистика.**— Письменность 4-го періода представляетъ два разныхъ типа: ее должно разсматривать отдѣльно въ с.-в. и ю.-з. Руси. Даже на с.-в. она значительно развилась, подъ вліяніемъ Запада и отчасти смутъ, заставлявшихъ думать и спорить. Отсюда *полемическій* характеръ письменности и ея стремленіе къ *свѣтскости*. Сами обстоятельства выводили новое направленіе изъ церковной области: борьба старины и новизны, по поводу жидовства, была связана съ дворцомъ и поднимала такіе политико-общественные вопросы, какъ о церковныхъ имуществахъ. Новое направленіе развивалось постепенно. *Геннадій* былъ еще церковнымъ писателемъ и поборникомъ старины; и власть еще не знала, какъ смотрѣть на его борьбу съ еретичествомъ. *Максимъ Грекъ* уже боролся со стариной, какъ съ притономъ невѣжества, и при немъ власть высказалась: сама, по нуждѣ, призывая новыхъ людей, она преслѣдовала ихъ за критику и охраняла старину. Ученики Максима продолжали умственное движеніе, и оно уже вызвало насиліе со стороны старины и власти: митрополитъ „уморилъ злою смертью“ *Силуана*, ученика Максима. Другой ученикъ Максима былъ князь Курбскій. Съ конца 16 в. политическій характеръ новаго направленія сталъ проникать во всю письменность: возникла *публицистика*, въ видѣ политической полемики, съ участіемъ самой власти. Это — *переписка Грознаго съ Курбскимъ*. Авторы сходятся только въ одномъ: оба учатся до сѣдыхъ волосъ и оба заражены *педантизмомъ* или ученымъ чванствомъ. Оба стремятся также къ западному просвѣщенію. Грозный сказалъ однажды англичанину: „русскіе мои всѣ воры“. На замѣчаніе, что и онъ русскій, царь возразилъ: „я не русскій, предки мои были германцы“ (онъ вообразилъ, что „бояре“ значитъ „бавары“). Въ остальномъ противники противоположны другъ другу. Грозный ненавидѣлъ Россію и терзалъ ее; Курб-

скій, сбѣжавъ поневолѣ, тосковалъ по „землѣ святорусской“, защищалъ православіе и старался исцѣлить Русь отъ бѣдствій, причиненныхъ „лѣностью и нерадѣніемъ властителей нашихъ“ да невѣжествомъ духовенства, которое „больше въ болгарскихъ басняхъ или лучше въ бабьихъ бредняхъ упражняется“. Онъ требовалъ исправить переводы и узнать „философскія искусства“, т.-е. свѣтскую науку, за которою должно съѣздить на Западъ. Грозный считалъ свою власть божественнымъ преданіемъ. Въ отвѣтъ на мнѣніе Курбскаго, что онъ „растлѣнъ умомъ“, царь возразилъ только: „я хотѣлъ владѣть вами, а вы не хотѣли быть подъ моей властью, за что и заслуживали мои опалы: кто же растлѣнны — вы или я?“ Грозный и на всю жизнь смотрѣлъ съ византійской точки зрѣнія, словно аскетъ: отсюда злая иронія и укоризны русскимъ за безнравственность, которыми наполнены его *Рѣчи и Вопросы* на Стоглавомъ соборѣ и *Посланіе въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь*. Грозный — начетчикъ-самоучка, воспитанный въ душномъ моск. теремѣ. Курбскій же—ученикъ Максима Грека и Сильвестра съ Адашевымъ, 20 л. прожившій въ Литвѣ, гдѣ онъ искусился „не только въ грамматическихъ и риторскихъ, но и въ діалектическихъ и философскихъ ученіяхъ“. Его идеалъ — дѣятельность на пользу отечества, особенно путемъ просвѣщенія. Далекій отъ нетерпимости, онъ признавалъ самодержавіе, но просвѣщенное, подчиненное закону и совѣтамъ лучшихъ гражданъ; отстаивая русскую народность и православіе, онъ восхвалялъ католиковъ за ихъ образованность, порицалъ осифлянъ, сравнивалъ Вассіана Косаго съ Іоанномъ Крестителемъ, превозносилъ башкинцевъ. Курбскій оставилъ рядъ политическихъ и религіозныхъ сочиненій. Его *Исторія Флорент. собора* направлена противъ папистовъ, а цѣль *Исторіи князя вел. московскаго*—показать поучительный примѣръ „презлыхъ и лукавыхъ мужей“. У Курбскаго краткая, стройная и искренняя рѣчь, только испещренная полонизмами и латинизмами. У Грознаго же порывистость, нескладность, неумѣстная ученость, длинныя церковныя и историческія выдержки: Курбскій назвалъ его письма „широковѣщательнымъ и многошумящимъ писаніемъ“, которое стыдно показать за-границей. Грозный и говорилъ столь же красно, но лишь тамъ, гдѣ молчали: съ іезуитомъ Поссевиномъ онъ не рѣшился вступить въ споръ. Но у него была казуистика, живость, мѣткіе народные обороты и иронія, иногда „кусательная“. Новое направленіе еще явственнѣе выступаетъ въ 17 в. Въ 16 в. еще было предпочтеніе церковности и Ви-

зантіи: Максимъ Грекъ считалъ древнюю философію „суесловіемъ и латинскимъ ухищреніемъ“, а одинъ ученый монахъ называлъ Аристотеля и Платона „мошкарниками, комедійниками“; самъ Курбскій, хотя уважалъ философовъ, но считалъ болѣе надежными отцовъ вост. церкви. Съ началомъ же 17-го в. русская мысль рѣшительнѣе обращается къ *Западу* и къ *свѣтской наукѣ:* поворотъ совершился окончательно во второй половинѣ вѣка, подъ вліяніемъ южно-русской письменности.

§ 144. **Свѣтская проза.**—Замѣтно развитіе и въ лѣтописномъ дѣлѣ. Появились новые сборники: *Софійскій Временникъ*, *Царственная книга*, *Воскресенскій* списокъ (до 1560). Лѣтопись переходитъ въ города, нерѣдко даже въ свѣтскія руки. Въ ней, на-ряду съ религіозностью, возникаетъ гражданскій патріотизмъ, сначала, конечно, въ видѣ національной нетерпимости: лѣтописи стоятъ за „отечество“, за свою „землю и государство“. У нихъ проскользаютъ иронія и политическія разномыслія. О паденіи Новгорода одинъ говоритъ сжато и заявляетъ: „написалъ бы я что-нибудь и еще, но не могу отъ сильной кручины“; другой же называетъ новгородцевъ „отступниками, измѣнниками“. Нѣкоторыя лѣтописи возставали противъ опричнины и казней Грознаго; однѣ бранили Годунова, другія восхваляли его. Только Лжедимитрія всѣ ненавидятъ одинаково, какъ друга поляковъ и чернокнижника. Въ виду разнообразія воззрѣній, съ Грознаго стали выдавать изъ дворца витіеватыя черновыя для *правительственной лѣтописи* (Никоновск. списокъ, до 1630), на которую ссылались князья и бояре въ своихъ спорахъ о землѣ и мѣстничествѣ. Кромѣ лѣтописей, появились *статейные списки* или отчеты (депеши) нашихъ пословъ, которые описывали все, что видѣли и слышали. Изъ нихъ (съ прибавкой свѣдѣній изъ голландскихъ газетъ) возникли, при Михаилѣ, *куранты*; ихъ составляли въ посольскомъ приказѣ для дворца и держали въ строгой тайнѣ. Начались и *историческія сочиненія*. Первою попыткой перейти къ нимъ отъ лѣтописи была „Исторія московскаго великаго князя“ *Курбскаго*, которая уже связана политическою мыслью. *Степенная книга* представляетъ подборъ событій съ религіозною цѣлью; она ведетъ нашу исторію (отъ Владиміра до Грознаго) по 17 „степенямъ“, т.-е. по государямъ въ нисходящей линіи; ее составляли разныя лица, но больше Макарій, (§ 146), внесшій въ нее много житій св. Въ *сказаніяхъ* (особенно много о Грозномъ и о смутѣ), какъ и въ лѣтописяхъ, проявились разные политическіе взгляды и критика. Въ сказаніи „О

царѣ Турецкомъ Магметѣ“ говорится: „Если бы къ той истинной вѣрѣ христіанской да правда турецкая была, то съ русскими людьми бесѣдовали бы ангелы“. „Объ осадѣ Троицкаго монастыря и о мятежахъ“ *Авр. Палицына* указываетъ на дурное правленіе Годунова. Кромѣ исторіи, явились сочиненія по другимъ наукамъ. Возникли „Вожди по жизни“, во главѣ которыхъ стоитъ сухо изложенный *Домострой попа Сильвестра* — эта доморощенная житейская мудрость, основанная на древнемъ благочестіи (§ 140). Сильно развились *сборники*, важные для физіологіи“ (естествознанія) — Златоструи, Измарагды (изумруды), Маргариты (жемчуги) и др. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше преобладаютъ въ нихъ статьи по естествознанію, особенно по зоологіи. Съ 16 в. здѣсь идутъ уже не византійскіе, а западные источники, во главѣ ихъ переведенный съ латинскаго *Луцидарій* (Просвѣтитель). Подлѣ физіологіи выдвинулась астрологія, подъ вліяніемъ западныхъ альманаховъ (календарей) съ предсказаніями (§ 141). При Василіи III явился и придворный „математикъ“ изъ нѣмцевъ. Съ помощью астрологіи дѣлали нѣкоторыя вычисленія. Такъ соборъ 1492 г. поручилъ митрополиту составить *пасхальныя таблицы* на 1000 л.: тогда ждали кончины міра, съ истеченіемъ 7 т. л. отъ его сотворенія. При Михаилѣ появился первый учебникъ *космографіи* (географіи), переводъ Меркатора. Тогда же была исправлена первая карта Россіи, *Большой чертежъ земли русской*, составленный еще при Ѳедорѣ. При ней былъ изданъ текстъ, *Книга Большой Чертежъ*, важная по исчезнувшимъ именамъ мѣстностей. Развились и путешествія, притомъ не съ одною религіозною цѣлью. Самое любопытное изъ нихъ—„Хожденіе за три моря“ купца *Никитина* (при Иванѣ III). Поѣхалъ Никитинъ съ товаромъ по Волгѣ; но его ограбили въ Астрахани; остался только дорогой жеребецъ, котораго онъ и рѣшилъ свести въ Индію; 4 г. бѣдствовалъ нашъ купецъ въ Индіи и обстоятельно описалъ все испытанное. По царскому заказу была составлена первая азбука—*Славянскій Букварь*, гдѣ церковныя изреченія пересыпаны грамматическими правилами.

§ 145. **Поэзія.**—Поэзія обогатилась новыми произведеніями. Никогда *историческія пѣсни* великоруссовъ не были такъ разнообразны и содержательны. Ихъ главное содержаніе—страшный образъ Грознаго. Въ пѣснѣ „о свадьбѣ Грознаго“ умирающая царица слезно проситъ царя „не быть ярымъ, а быть милостивымъ, и не жениться въ „проклятой“ Литвѣ или у „поганыхъ“

крымцевъ на чародѣйкѣ, сестрѣ Мастрюка Темрюковича. Но Грозный тотчасъ же поступаетъ напротивъ, и дворомъ овладѣли иноземцы. Впрочемъ вскорѣ „дѣтина деревенскій“, Вася Хромоногій, убилъ Мастрюка въ единоборствѣ, а Грозный долженъ былъ пристрѣлить Темрюковну и вновь жениться „въ каменной Москвѣ на св. Руси“. Въ пѣсняхъ рисуются и Малюта Скуратовъ, и большой бояринъ, Никита Романовичъ, а также всѣ ужасы царствованія Грознаго. Но онѣ считаютъ Ивана IV также „прозрительнымъ“ (мудрымъ) и могучимъ основателемъ славы Россіи. Какъ народные герои, воспѣваются донскіе атаманы — Ермакъ и Мишка Черкашенинъ, громившій Азовъ. Много пѣсенъ посвящено смутѣ. Онѣ проникнуты узкимъ патріотизмомъ и ненавистью къ боярамъ. Здѣсь Лжедимитрій еретикъ, Гришка Разстрига; Скопинъ-Шуйскій — „оберегатель міра крещенаго и всей земли святорусской“, другъ бѣдняковъ, изведенный боярами и оплакиваемый даже „свейскими нѣмцами“. Въ концѣ періода вполнѣ сложились и были записаны *стихи* или *духовныя пѣсни* (§ 28): здѣсь смѣсь язычества (Егорій Храбрый) съ христіанствомъ (Страшный судъ, Алексѣй Божій человѣкъ), апокрифовъ съ житіями св. Тогда же началась повѣствовательная поэзія: сначала это были *духовныя сказанія или притчи* (о благочестивомъ рабѣ, о витязѣ и смерти и др.); потомъ ихъ стала вытѣснять *повѣсть* или книжная *сказка*, такъ какъ и воображеніе уже требовало свѣтской пищи. Наши повѣсти взяты частью изъ апокрифовъ, но больше изъ западныхъ сказокъ, и все умножались почти до конца 18 в. Ихъ часто переписывали, причемъ дѣлали собственныя вставки: въ такихъ сказкахъ, какъ Бова-королевичъ, Полканъ-богатырь, Петръ-Златые Ключи, только имена иностранныя, а содержаніе все русское. Въ сказкахъ самые разнообразные предметы: Троянская война, Александръ Великій, крестовые походы, многое изъ „Тысячи и одной ночи“ и проч. Наиболѣе славились древнѣйшія сказки — объ *Акирѣ Премудромъ* и *Исторія Варлаама и Іосифа*; послѣднюю почитали за притчи, которыя породили даже духовный стихъ „Разговоръ царевича Іосафа съ пустыней“. Тогда особенно полюбили также близкіе къ сказкамъ *апокрифы*, особенно разсказы о *Саломонѣ*, *Китоврасѣ* (центаврѣ) и *Пятницѣ*. Пятница — олицетвореніе постничества, слитое съ св. Параскевой, которую житіе называетъ „нарѣченною Пятницей“, п. ч. такъ наименовали ее родители, постившіеся по пятницамъ. У насъ и теперь церкви во имя Параскевы народъ называетъ „пятницкими“. Зачатки

драмы видны въ хороводныхъ пѣсняхъ и нѣкоторыхъ обычаяхъ: покупка невѣсты при свадьбѣ, халдеи, ряженые, проводы масляницы и др. Было и 3 церковныхъ обряда, напоминавшихъ зап. мистеріи, но быстро исчезнувшихъ. 1) *Чинъ пещнаго дѣйства*—представленіе 3 отроковъ въ печи, которое совершалось въ Успенск. соборѣ, подъ Рождество. 2) *Страшный судъ*: передъ масляницей, у Успенскаго собора, патріархъ обмывалъ картину Страшнаго суда и кропилъ святой водой царя и народъ. 3) *Шествіе на осляти*: въ Вербное воскресенье, патріархъ въѣзжалъ съ Красной площади въ Кремль на ослѣ, котораго царь велъ подъ уздцы. Этотъ обрядъ возникъ и исчезъ вмѣстѣ съ патріаршествомъ.

§ 146. **Церковная письменность.**—По мѣрѣ развитія свѣтскаго направленія, падала церковная письменность. Въ 4-мъ періодѣ она не представляетъ ничего особеннаго. Въ ней попрежнему преобладали *посланія*, которыя разсылались далеко и возмѣщали недостатокъ проповѣдниковъ. Ихъ содержаніе старое, только усиливается полемика противъ латинянъ и еретиковъ. Они отличаются напыщенностью и невразумительностью. Искренни и просты только посланія тяжелыхъ временъ: таково посланіе *Вассіана* на Угру (106) и грамоты *Гермогена* (123). Духъ нашихъ обличителей сказался въ ихъ негодованіи на правительство за послабленія. Геннадій приводилъ въ примѣръ „испанскаго короля, очистившаго свою землю отъ еретиковъ“ посредствомъ инквизиціи. Но больше всего старались *собрать* старое достояніе. Благодаря Геннадію, въ Новгородѣ явился *Синодальный списокъ Библіи* (1499)—первое полное собраніе книгъ св. Писанія на славянскомъ языкѣ. Затѣмъ старались частью исправлять этотъ списокъ, частью переводить отцовъ церкви. Курбскій даже составилъ широкій планъ устройства цѣлаго общества переводчиковъ, но таковыхъ не оказалось. Въ 16 в. былъ законченъ сводъ *Житій Святыхъ*, которыя особенно развились тогда, какъ переходъ отъ церковной догмы къ свѣтскому повѣствованію. Въ Новгородѣ явился обширный трудъ митрополита Макарія—Великія *Четіи Минеи*. Издатель только собиралъ наличныя житія, выбиралъ лучшіе списки да переводилъ болгарскія и устарѣлыя слова; но зато онъ не жалѣлъ „серебра и всякихъ почестей“ при собираніи рукописей и привлеченіи переписчиковъ и начетчиковъ. Макарій задумалъ издать даже полную духовную энциклопедію, „всѣ книги чтомыя“. Послѣ 12-лѣтнихъ усилій, явилось (1553) 12 „великихъ книгъ“, по одной на каждый

мѣсяцъ. Тутъ было все: Евангеліе и Апостолъ, Златоустъ и Григорій Богословъ, Златоструй и Маргаритъ, хожденія и документы; но больше всего житія. Эти житія явились ко времени: тогда самъ Макарій, вмѣстѣ съ соборомъ, причислилъ къ лику святыхъ многихъ нашихъ князей, епископовъ и отшельниковъ, о которыхъ ходили преданія въ народѣ.

§ 147. **Искусство и внѣшній бытъ.** — Искусство и внѣшній бытъ 4-го періода развились менѣе письменности; но и здѣсь очевидны успѣхи, подъ *вліяніемъ Запада.* Это вліяніе замѣтно уже въ томъ, что лучшіе города были въ ю. Руси и Литвѣ: здѣсь были бревенчатыя мостовыя, каменные дома; всюду ограды, колодцы, относительный порядокъ. Такіе же были Новгородъ, Псковъ, отчасти Смоленскъ. Но далѣе на с.-в. шла первобытная бѣдность, за исключеніемъ Москвы, которая выписывала мастеровъ изъ Новгорода и изъ-за границы. Приливъ *иностранныхъ мастеровъ* въ Москву начался съ Софьи, которая выписала изъ Италіи *Фіоравенти,* прозваннаго Аристотелемъ за его искусство. Но его же судьба доказываетъ всю неразвитость русскихъ. *Муроль* (архитекторъ) по призванію, Фіоравенти долженъ былъ также лить пушки и колокола, строить мосты, чеканить монету. Народъ стекался смотрѣть, какъ онъ „чудно" поднимаетъ камни наверхъ колесомъ. Когда онъ окончилъ Успенскій соборъ, у Ивана III цѣлую недѣлю пировали съ радости. Грозный особенно дорожилъ иностранцами. Онъ приказывалъ новгородцамъ продавать плѣнныхъ нѣмцевъ не въ Литву, а въ моск. города; а нѣмецкихъ мастеровъ они должны были доставлять въ Москву и получали за это награду. Тогда искали только каменщиковъ да „рудознатцевъ"; а при Михаилѣ уже выписывали *живописцевъ, органщиковъ* и *садовниковъ.* Сначала русскіе называли иностранцевъ скотами за разведеніе съѣдобныхъ травъ; а Михаилъ истратилъ много денегъ на выписку *салата, спаржи* и *цвѣтовъ,* въ особенности махровыхъ розъ. Тогда же быстро распространилось употребленіе выписнаго *табаку.* Сама Москва принимала новый видъ, благодаря иностранцамъ. Возникли мостовыя, каменныя зданія, заборы, заставы, сторожа. Михаилъ завелъ даже *пожарную команду* изъ стрѣльцовъ и сторожей. Явились *каменные монастыри* и теплыя церкви. Особенно украсился *Кремль.* При Иванѣ III *фрязины* (итальянцы) обнесли его толстыми стѣнами со многими воротами и *стрѣльницами* (башнями), а подъ ними были ходы и погреба для царскаго добра. Внутри Кремля красовались *соборы Успенскій* (1480), *Архан-*

гельскій и *Благовѣщенскій* да колокольня *Ивана Великаго*. Иванъ III построилъ еще въ Кремлѣ *Грановитую Палату* (большой каменный домъ для парадныхъ пріемовъ) и каменный дворецъ. Къ концу періода уже жилось хорошо въ этомъ дворцѣ, хотя стѣны у него были толстыя, а покои маленькіе и низкіе. Въ немъ были даже *кресла* и *органъ*, хотя все еще преобладали иконы, лари, сундуки, короба и коробочки, набитые одеждами и украшеніями, переходившими по наслѣдству. По покрою, *одежда* была прежняя, но она все болѣе и болѣе увѣшивалась нашивками изъ золота, серебра и драгоцѣнныхъ камней. Дворецъ былъ переполненъ также *поставцами* (этажерками) съ блюдами (гусинымъ, лебяжьимъ и др.), мисами, разсольниками, судками и судочками, мускусницами и *шандалами* (подсвѣчники, даже стѣнные); но больше всего было кубковъ, бокаловъ, чарокъ, кружекъ и чашъ затѣйливыхъ видовъ — все это раззолоченное, украшенное узорами и фигурами. *Обѣдъ* при дворѣ былъ главнымъ дѣломъ, послѣ обѣдни и молебна. Тутъ была масса жирныхъ блюдъ, во главѣ ихъ — жареный лебедь въ сметанѣ; запивали ихъ не только своими медами, но и *греческими винами*, особенно мальвазіей. Обѣдъ длился часа 4, и послѣ него всѣ укладывались „отдыхать". Затѣмъ шелъ подобный же ужинъ. На конюшняхъ было множество коней: чинъ не дозволялъ царю ходить пѣшкомъ. Все новое въ бытѣ дворца переходило въ дома бояръ, владыкъ и богатыхъ купцовъ. Но остальная Москва была по-прежнему жалкою деревней. Она состояла изъ деревянныхъ избушекъ, продававшихся на рынкѣ. Избушки терялись среди обширныхъ дворовъ, садовъ, цѣлыхъ пустырей, луговъ и полей. Часто встрѣчались мостики, чтобы не утонуть въ грязи. По концамъ улицъ ставились *рогатки* вмѣсто воротъ; но охранявшіе ихъ стрѣльцы и сторожа, вмѣсто охраны жителей, били ихъ, грабили и таскали въ тюрьму; имъ помогали боярскіе холопы, вѣчно голодные. При тушеніи пожаровъ не столько заливали огонь, сколько ломали дома. Во избѣжаніе заразы прекращали сношенія съ цѣлыми областями и жгли людей, приходившихъ изъ заразныхъ мѣстъ. Въ остальной Россіи бытъ былъ прежній. По словамъ Олеарія, въ избѣ у мужика не было ничего, кромѣ иконъ. Пускались въ путь лишь зимой: лѣтомъ не было проѣзду отъ грязи, мошекъ и первобытныхъ лѣсовъ. Лишь кое-гдѣ завелись, съ Ивана III, казенные *ямы* (почта) и *дороги*, заимствованные у татаръ. По нимъ царскій гонецъ доѣзжалъ изъ Москвы въ Новгородъ въ 3 дня. Изъ искусствъ *живопись*

была наиболѣе распространена; но она наименѣе развивалась. Она ограничивалась иконами, а церковь запрещала отступленія отъ старины. Стоглавъ увидѣлъ ересь въ стремленіи писать иконы „по своимъ замышленіямъ“ и велѣлъ слѣдовать византійцамъ да Рублеву (§ 98). Тогда же появились *подлинники* (§ 112): они были „лицевые“ (одни рисунки) и „толковые“ (съ текстомъ). Кромѣ иконъ, писали еще *миніатюры*, и не только въ церковныхъ книгахъ, но и при повѣстяхъ, откуда онѣ перешли въ лубочныя изданія. Началомъ *ваянія* можно считать литыхъ звѣрей и узоры на сосудахъ; кубки и ковши часто даже имѣли видъ вола, пѣтуха, лодки, рога, а на крышкахъ изображались города, птицы и проч. Сюда же должно отнести узоры и фигуры на металлическихъ украшеніяхъ, иконные оклады и переплеты. При Иванѣ III возникли царскія *печати* съ двуглавымъ орломъ на одной сторонѣ и съ всадникомъ, поражающимъ дракона, на другой.

§ 148. **Языкъ древней Руси.** — Стремленіе къ разрыву со стариной, подъ вліяніемъ Запада, отразилось и въ языкѣ. Даже въ *разговорной* рѣчи видно измѣненіе. Сначала господствовалъ ю.-з. говоръ (кіевское и новгородское нарѣчія), близкій къ древне-болгарскому яз. и связанный съ византійскимъ вліяніемъ. Потомъ выдвигается с.-в. говоръ или моск. нарѣчіе. Здѣсь не было связи съ Западомъ, но произошелъ разрывъ съ Византіей и подготовлялась самобытная „русская“ рѣчь: моск. нарѣчіе легло въ основаніе нынѣшняго литературнаго языка. Разрывъ со стариной еще яснѣе въ исторіи нашего *книжнаго* языка. Этотъ языкъ былъ сначала *славяно-русскій*, т.-е. смѣсь церковно-славянскаго съ русскимъ. Развитіе его состояло въ усиленіи свѣтскаго, народно-русскаго начала: это ясно уже изъ того, что всегда русское начало преобладало въ свѣтской письменности, а славянское въ церковной. Но вездѣ русское начало постепенно беретъ верхъ. Его слѣды ничтожны въ Остром. Еванг. и въ Изборникахъ Святослава; но они уже явны въ „Словѣ о Полку Игоревѣ“ и особенно въ рукописяхъ 14-го в. А съ 15 в. образуется *нынѣшній церковно-славянскій языкъ*, на которомъ лежитъ яркая печать русской рѣчи, въ отличіе отъ древне-болгарскаго или нашего первобытнаго книжнаго языка. Новый церк.-слав. яз. получилъ научное опредѣленіе въ славянской грамматикѣ *Смотрицкаго* (1619), хотя его лучшій образецъ явился позже, у Димитрія Ростов. (§ 192). Гораздо раньше, съ 15 в., возникли *азбуковники* (§ 97), гдѣ прямо отдѣляются „русскія“

слова отъ „славянскихъ“ и „болгарскихъ“. Въ 16 в. уже разсуждали о томъ, что одинъ изъ двухъ языковъ произошелъ отъ другаго; а въ концѣ 17-го в. явился первый опытъ перевода Псалтыри съ еврейскаго не на славянскій, а на „нашъ простой, обыклый языкъ“; тогда же явилась и первая „русская“ грамматика, хотя изданная иностранцемъ въ Англіи. Разрыву съ „славянскимъ“ яз. служило и *западное вліяніе*, шедшее особенно черезъ Польшу. Оно проявилось въ видѣ полонизмовъ и латинизмовъ (отчасти и германизмовъ), въ концѣ древней Руси, и прежде всего на ю.-з. Затѣмъ и въ моск. письменности запестрѣли такія слова: алебарда, ассистенція, банкетъ, бестія, декретъ, докторъ, екзекуція, квестія, корректура, миля и др. Иногда тутъ же ставили переводъ: „композиторъ — складачъ, друкую — вытискиваю“ и т. д. Западное вліяніе проникло въ самый почеркъ. Уже въ концѣ древней Руси (въ старопечатныхъ книгахъ) видно стремленіе передѣлать нѣкоторыя буквы церковной кириллицы на латинскій ладъ.

§ 149. **Поляки, іезуиты и унія въ юго-зап. Руси.** —Главнымъ отличіемъ велико-русской культуры 4-го періода служитъ освобожденіе отъ церковной исключительности, подъ вліяніемъ *западнаго просвѣщенія*. Но это вліяніе шло не прямо, а черезъ *Польшу*, которая дѣйствовала прежде всего на подчиненную ей *юго-зап. Русь*. Культура этой Руси достигла высокаго развитія во второй половинѣ періода. Здѣсь все было выше, чѣмъ на с.-в. — торговля, ремесла, внѣшній видъ города; а въ умственномъ отношеніи *Кіевъ* сталъ вторично матерью земли русской, но именно потому, что онъ сталъ духовнымъ сыномъ Запада. Съ 15 в., когда началось Возрожденіе (§ 100), малороссы и бѣлоруссы стали учиться въ университетахъ Кракова, Праги, Парижа и Италіи или отдавали дѣтей въ польскія, а потомъ и въ собственныя школы. Западное просвѣщеніе одинаково усваивали, какъ ополяченные русскіе, такъ и тѣ, которые *боролись съ поляками* за свою народность и православіе. Эта борьба составляетъ содержаніе исторіи ю.-з. Руси послѣ татарщины, и только въ связи съ нею понятно просвѣщеніе этой страны. Русь стала провинціей польско-литовскаго государства, когда тамъ господствовала пышная *знать*, которая считала народъ „быдломъ“ (скотомъ) и, сверхъ того, стала фанатической подъ вліяніемъ іезуитовъ. Къ этому присоединялась *національная* ненависть поляковъ къ русскому племени, тѣмъ болѣе, что они вели тогда безпрерывныя войны съ Москвой. Полякъ презиралъ сво-

ихъ русскихъ подданныхъ и какъ человѣкъ *болѣе просвѣщенный*. Русскіе сами шли въ польскія школы, за неимѣніемъ собственныхъ, и старались походить на своихъ учителей даже одеждой и внѣшними привычками; русская знать даже говорила по-польски, гнушаясь своимъ „мужицкимъ“ языкомъ. Польское вліяніе проникло даже въ говоръ массы: въ ополяченіи и состоитъ главное отличіе малорусскаго нарѣчія отъ великорусскаго. Ненависть поляковъ къ русскимъ проявлялась всюду. Если они сами заводили города на Руси, присылая своихъ колонистовъ (нѣмцевъ и евреевъ), то давали имъ льготное магдебургское право; города же съ русскимъ населеніемъ были до того угнетены, что пустѣли и превращались въ помѣщичьи села. Еще хуже была участь русскаго мужика. Сами польскіе писатели говорятъ, что нигдѣ въ мірѣ человѣкъ не тиранилъ человѣка до такой степени. По закону, помѣщикъ имѣлъ право убить своего крестьянина; а за убійство свободнаго мужика онъ подвергался только штрафу. Онъ предоставлялъ свои права евреямъ *арендаторамъ*, которые платили ему извѣстную сумму впередъ и безотчетно распоряжались въ селѣ. Кромѣ барщинъ, доходившихъ до того, что мужикъ работалъ на барина почти всѣ 7 дней въ недѣлю, съ него брали множество податей: каждый волъ и каждый улей были обложены налогомъ. Но печальнѣе всего было религіозное положеніе польской Руси. Здѣсь, съ конца 16 в., т.-е. съ появленіемъ *іезуитовъ*, обнаружилось стремленіе искоренить православіе. Была уничтожена православная галицкая митрополія, которую подчинили львовскому (католич.) архіепископу. Затѣмъ частью закрывали православные монастыри и церкви, частью отбирали у нихъ земли. Но хуже всего была *отдача церквей* православныхъ въ *аренду* евреямъ, наравнѣ съ „корчмами“ (кабаками). Въ то же время іезуиты сооружали роскошные костелы и монастыри на средства, которыя они получали, какъ отъ поляковъ, такъ и изъ Рима. Польское духовенство отличалось высокомѣріемъ и пышностью; *ксендзъ* (священникъ) смотрѣлъ на попа, какъ его пріятель, панъ, на презрѣннаго мужика. Іезуиты были образованы, говорили по-латыни, завели много латинскихъ школъ, даже въ маленькихъ мѣстечкахъ, устроили типографіи, гдѣ печатались ихъ восхваленія папства и опроверженія *схизмы* (ереси), какъ называли они православіе. Особенно прославились проповѣдями и сочиненіями противъ православія *Петръ Скарга* и *Антоній Поссевинъ* (§ 113). Послѣ неудачной попытки обратить въ католичество Грознаго, Поссе-

винъ первый заговорилъ о новомъ средствѣ для истребленія православія—объ *уніи* (соединеніе). Вздумали обмануть русскихъ—навязать имъ папство и католическій катехизисъ, оставивши одну внѣшность, обряды и церк.-слав. яз. Планъ уніи былъ изложенъ Скаргою (1577) въ сочиненіи „О единствѣ церкви Божіей и о греческомъ отъ сего единства отступленіи". Главнымъ дѣятелемъ въ его исполненіи былъ епископъ луцкій, *Терлецкій*—человѣкъ предпріимчивый, но тщеславный и алчный: рѣдкій панъ былъ такимъ палачемъ для крестьянъ, какъ онъ. Подбивши другихъ русскихъ епископовъ и самого кіевскаго митрополита, трусливаго *Рагозу*, Терлецкій явился въ Римъ съ заявленіемъ, что церковь польской Руси принимаетъ унію (1595). Устроители уніи не замѣчали, что въ ихъ отечествѣ уже подготовилось упорное противодѣйствіе папству: когда папа Григорій XIII ввелъ новый, болѣе правильный календарь (§ 100), русскихъ пришлось силой принуждать къ перемѣнѣ праздничныхъ дней; но поднялась такая буря, что Баторій велѣлъ оставить старый стиль для православныхъ.

§ 150. **Константинъ Острожскій и Курбскій.** — Оторванные отъ русскаго государства, малороссы и бѣлоруссы должны были полагаться на собственныя силы. Самыя угнетенія закаляли ихъ волю и заставляли задумываться о средствахъ къ спасенію, и прежде всего объ образованіи, такъ какъ безъ него нельзя было и мечтать объ отпорѣ ученымъ іезуитамъ. Оттого борьба православныхъ съ католиками началась съ *умственныхъ средствъ* и съ знати. Русскіе вельможи воспользовались своимъ *патронатомъ* — старымъ правомъ наслѣдственно покровительствовать церквамъ и монастырямъ. Среди нихъ „начальными людьми" (вождями народа) оказались *князья Острожскіе*, происходившіе отъ Данилы галицкаго и обладавшіе царскимъ богатствомъ: имъ принадлежало до сотни городовъ и нѣсколько тысячъ селъ. Они отличались мужествомъ и военной доблестью: польскіе короли поручали имъ важнѣйшіе государственные посты. Острожскіе еще болѣе дѣйствовали на народъ нравственно своей стойкой защитой православія. Даже тотъ *Константинъ Острожскій*, который билъ москвичей (§ 107), строилъ церкви и заводилъ при нихъ школы Но истиннымъ столпомъ православія былъ его сынъ, *Константинъ Константиновичъ*, который полвѣка игралъ одну изъ первыхъ ролей среди литовскаго и даже польскаго панства и занималъ главный постъ въ польской Руси — кіевское воеводство. Подобно своему отцу, онъ вѣрно служилъ королю и, по своему

быту, походилъ на польскихъ пановъ, съ которыми водилъ дружбу; въ его семьѣ господствовалъ польскій языкъ; пріятель Острожскаго, извѣстный кн. *Курбскій*, даже упрекалъ его въ пристрастіи ко всему польскому. Но Острожскій былъ русская душа. Онъ понялъ, что политическая борьба съ поработителями Руси еще невозможна, и сталъ во главѣ культурнаго возрожденія своего народа. Острожскій принялъ къ себѣ Ѳедорова и Тимофеева (§ 142), которые устроили ему *въ Острогѣ первую типографію* въ польской Руси: отсюда-то стали выходить русскія книги противъ іезуитовъ, въ особенности памфлеты Курбскаго. Затѣмъ появилось нѣсколько русскихъ *школъ*, во главѣ которыхъ стояло высшее училище въ Острогѣ. Особенно оживился Острожскій, когда затѣялась унія. Онъ издалъ нѣсколько посланій къ русскому народу, въ которыхъ называлъ Терлецкаго и Рагозу „волками“ и „супостатами“, и приглашалъ польскихъ протестантовъ выступить противъ „папежниковъ“. Наконецъ, онъ извѣстилъ о бѣдѣ восточныхъ патріарховъ. Тѣ прислали уполномоченныхъ, изъ которыхъ Острожскій устроилъ *соборъ въ Брестѣ* (1596), присоединивши къ нимъ русское духовенство, еще не увлекшееся уніей: соборъ лишилъ сана духовныхъ, принявшихъ унію. Въ то же самое время, и въ томъ же Брестѣ, король и іезуиты устроили свой соборъ—изъ русскихъ епископовъ, перешедшихъ въ унію. Этотъ соборъ утвердилъ унію и проклялъ соборъ Острожскаго; а вслѣдъ затѣмъ, по смерти Рагозы, митрополитомъ кіевскимъ назначилъ уніата. Послѣ этого Острожскій, удручаемый годами, ослабѣлъ и уже сталъ внушать народу терпѣніе. Русская знать плохо поддерживала его и переходила въ католицизмъ. А когда умеръ Острожскій, даже его дѣти стали католиками, также какъ и сынъ Курбскаго. Такъ туземная знать, въ польской Руси, первая кинувшись въ борьбу, вскорѣ устала; но на смѣну ей выступило среднее сословіе.

§ 151. **Братства и кіевская коллегія.**—„Мѣщане“ (горожане) повели умственную борьбу иначе. Они начали составлять *братства*—древній видъ общежитія, который особенно развивался тамъ, гдѣ были сильныя вѣча или общины магдебургскаго права. Первоначально братства были праздничныя, для пирушки вскладчину; потомъ „братчики“ стали устраиваться при церквахъ, по приходамъ, и собирать деньги для поддержанія церквей и для *благотворенія*: ихъ называли уже „братствами любви, милосердія“. Дѣла велись въ строгомъ порядкѣ; братчики собирались на сходки и слушались своихъ выборныхъ старшинъ.

Ихъ утверждали восточные патріархи, которые даже дали имъ *право надзирать за духовенствомъ и судить его.* Самымъ могущественнымъ братствомъ было *львовское,* въ Галиціи (1439); подлѣ него славилось почти столь же древнее *виленское.* Эти-то братства создали *русскую юго-западную письменность,* устраивая типографіи (во Львовѣ, Вильнѣ, Могилевѣ) и училища—не только приходскія школы грамотности, но и среднія заведенія, по образцу польскихъ „коллегій". Болѣе даровитыхъ юношей даже посылали въ европейскіе университеты. Братства подоспѣли во́-время: тогда іезуиты открыли крестовый походъ противъ православія. Обративши русскую знать въ латинство, они стали приневоливать крестьянъ къ уніатству. Объ ихъ дѣйствіяхъ можно судить по примѣру уніатскаго епископа въ Полоцкѣ, *Іосафата Кунцевича.* Этотъ фанатикъ совсѣмъ забылся, когда въ Полоцкъ былъ назначенъ православнымъ епископомъ ученый Мелетій *Смотрицкій,* за котораго стало почти все населеніе. Дѣло дошло до того, что терпѣливый и забитый народъ растерзалъ на улицѣ Кунцевича, котораго папа объявилъ святымъ мученикомъ. Іезуиты приступили къ полному искорененію православнаго духовенства: митрополитъ и всѣ епископы въ польской Руси были уже уніаты; некому было посвящать поповъ, и ихъ мѣста переходили къ уніатскимъ священникамъ. Но въ 1620 г. русскіе упросили проѣзжавшаго черезъ Кіевъ іерусалимскаго патріарха посвятить имъ *православнаго митрополита* и нѣсколькихъ епископовъ. Это дѣло также связано съ братствами. Іерусалимскій патріархъ, вмѣстѣ съ назначеніемъ православныхъ іерарховъ, утвердилъ основанное тогда богатою малороссіянкой, Гугулевичевной, *кіевское братство.* При этомъ братствѣ была школа, въ которую принимали всякихъ православныхъ дѣтей, отъ бояръ до послѣдняго нищаго. Она стала средоточіемъ русскаго образованія въ ю.-з. Руси, благодаря *Петру Могилѣ.* Могила сначала воспитывался у своихъ родственниковъ, польскихъ пановъ, потомъ путешествовалъ и учился въ Парижѣ; возвратившись, онъ поступилъ сначала въ польскіе офицеры, потомъ въ монахи кіевской лавры. Вскорѣ его выбрали въ архимандриты лавры и въ старшины кіевскаго братства, причемъ мѣщане обязались содержать всѣ заведенія братства, а казаки — защищать ихъ оружіемъ. Впослѣдствіи Могила сталъ кіевскимъ митрополитомъ. Онъ написалъ много богословскихъ сочиненій, которыя долго употреблялись по всей Россіи; его „Катехизисъ" былъ переведенъ на европейскіе яз. и снискалъ похвалы на Западѣ, а у насъ по-

служилъ образцомъ для всѣхъ позднѣйшихъ катехизисовъ. Могила писалъ и полемическія сочиненія противъ католичества, которыя вызывали бури въ польскомъ лагерѣ. Но болѣе всего онъ заботился о распространеніи образованія въ польской Руси. Желавшихъ поступить въ попы онъ обучалъ въ Кіевѣ на свой счетъ и самъ экзаменовалъ ихъ. А между тѣмъ подростало новое поколѣніе истинно-ученыхъ пастырей, благодаря преобразованію школы кіевскаго братства. Могила превратилъ ее въ *кіевскую коллегію*, по образцу краковской, и его должно считать отцомъ нашихъ университетовъ. Могила называлъ коллегію своимъ „единственнымъ залогомъ" на землѣ. Онъ побудилъ запорожскихъ казаковъ поклясться защищать ее цѣною собственной крови; завѣщалъ ей все свое имущество; подвергалъ свою жизнь опасности, защищая ее, какъ отъ нападокъ поляковъ, такъ и отъ невѣжества самихъ русскихъ. Могила завелъ при ней монастырь, гдѣ жили наставники, бывшіе также проповѣдниками и главными писателями; лучшихъ изъ нихъ онъ отправлялъ, на свой счетъ, въ зап. университеты. Для бѣдныхъ студентовъ Могила устроилъ особое помѣщеніе при коллегіи—*бурсу*, гдѣ они содержались на его счетъ; а для подготовки въ коллегію завелъ низшее училище. Система преподаванія въ коллегіи была *схоластическая*, какъ во всей Европѣ, въ особенности же у іезуитовъ. Почти всѣ предметы велись на лат. яз., на которомъ студенты были обязаны говорить даже внѣ классовъ. Но изучались также языки греч. и церковно-слав. Постоянно устраивались диспуты, какъ классные, такъ и публичные, чтобы пріучаться къ ораторской защитѣ православія. Часто говорились студентами проповѣди; писалось много сочиненій, которыя печатались въ собственной *типографіи*, при коллегіи. Здѣсь же возникли зародыши русской книжной поэзіи, лирики и драмы. Такъ образовалась южно-русская литература, которою жила вся Россія до Петра. Зародившійся здѣсь русскій книжный языкъ сначала былъ грубою смѣсью славянскаго и малороссійскаго нарѣчій; но вскорѣ полонизмы стали исчезать, и подготовился ломоносовскій языкъ.

§ 152. **Малороссійскіе казаки.** — Петръ Могила умеръ за годъ до возстанія казаковъ, которые рѣшились отстоять саблей то, что другіе старались утвердить умственными средствами. Эти казаки, показавшіеся на низовьяхъ Днѣпра почти въ одно время съ донцами (§ 92), назывались то *малороссійскими*, то *черкасами* (по ихъ главному притону въ г. Черкассахъ) и *украинцами*. Сначала это были мирные рыболовы; но подъ натискомъ

мусульманъ они превратились въ отважныхъ воиновъ. Польское правительство дало имъ особое устройство со многими льготами: имъ назначали особыхъ, любимыхъ ими, *гетмановъ*. Казачество было раздѣлено на 6 полковъ, по 1000 чел.; каждый полкъ подчинялся своему „асаулу“ и „сотникамъ“ и стоялъ въ извѣстномъ городѣ, нося его имя (черкасскій, переяславскій). Съ тѣхъ поръ украинцы стали называться казаками *городовыми* или *реестровыми:* всѣ они были занесены въ „реестры“ или правительственные списки. Но около половины 16 в. подлѣ нихъ возникло особое казачество—*запорожцы*. Ниже пороговъ, Днѣпръ широко разливается и образуетъ много островковъ, покрытыхъ лугами и густымъ камышемъ. Первый изъ нихъ, высокій и длинный о. *Хортица,* былъ колыбелью запорожцевъ: здѣсь образовалась ихъ *Сѣчь* (засѣка, укрѣпленіе), вскорѣ перешедшая на сосѣдній островокъ, который и теперь носитъ это имя. Здѣсь было привольно жить среди дикаго уединенія. Южный, чарующій климатъ, множество рыбы и всякой дичи, отличныя пастбища, дремучіе лѣса—все призывало къ патріархальному быту. Но набѣги мусульманъ обратили этотъ мирный уголокъ въ станъ отчаянныхъ головорѣзовъ, искавшихъ „лыцарской славы“ и называвшихъ себя также казаками. То были гулящіе люди и бѣглецы изъ польской Руси; и чѣмъ болѣе поляки угнетали русскихъ, тѣмъ быстрѣе разросталась община запорожцевъ или *кошъ,* раздѣленный на *курени*. Запорожцы свободно избирали себѣ „кошеваго“ и „куренныхъ атамановъ“. Сначала у нихъ, какъ въ лагерѣ, не допускались женщины и семьи; но потомъ это правило сохранилось только для самой Сѣчи, а на другихъ островахъ и на сосѣднихъ берегахъ появились цвѣтущіе хутора со множествомъ семействъ. Рыцарская слава запорожцевъ разнеслась далеко. Городовые казаки и даже удалые польскіе паны проводили по нѣскольку лѣтъ въ Сѣчѣ, чтобы пріобрѣсти военный опытъ и имя. Сначала запорожцы дрались только съ крымцами; но потомъ такъ усилились, что стали нападать на Турцію и даже предпринимали морскіе походы, на своихъ *чайкахъ* (лодки); однажды они захватили Молдавію. Польское правительство сначала дорожило запорожцами, нанимая ихъ для походовъ противъ турокъ и Москвы. Но съ конца 16 в., когда въ Польшѣ утвердилось господство іезуитовъ и шляхты, отношенія измѣнились. Русскій народъ массами бѣжалъ въ Сѣчь, принося съ собой жажду мести полякамъ. Такъ какъ между Сѣчью и украинскими городами были постоянныя дружественныя сно-

шенія, то начали волноваться и реестровые казаки. Правительство спѣшило отнять у нихъ льготы и сократить ихъ число; но это окончательно раздражило казаковъ, и отряды запорожцевъ стали проходить по Украйнѣ, съ огнемъ и мечемъ, истребляя пановъ, ксендзовъ и „жидовъ". Особенно прославился *Наливайко*, которому, говорятъ, тайно помогалъ Острожскій: онъ прошелъ до Бѣлоруссіи (1595), подвергая враговъ страшнымъ истязаніямъ. Но отрядъ Наливайки былъ разсѣянъ польскими войсками; самъ онъ былъ замученъ въ Варшавѣ. Такъ же кончались другіе набѣги запорожцевъ; но, наконецъ, и городовые казаки слились съ ними въ одномъ страшномъ возстаніи, подъ руководствомъ предпріимчиваго *Павлюка* (1618). Это уже было цѣлое войско, которое дало сраженіе польской арміи, но было разбито. Павлюку съ товарищами отрубили головы въ Варшавѣ, и началась польская месть на Украйнѣ: дѣтей варили въ котлахъ; женщинъ давили досками и посыпали порохомъ, который поджигали. Но казнимые говорили въ глаза своимъ палачамъ: „Если вы хотите казнить виновныхъ, то повѣсьте разомъ всю правую и всю лѣвую сторону Днѣпра". Изъ года въ годъ появлялись въ Сѣчѣ новые Павлюки, и къ нимъ присоединялся весь русскій людъ на Украйнѣ. Но это не было правильное войско: казакамъ не доставало денегъ и вооруженія; были и раздоры между запорожцами и реестровыми. Оттого, хотя казаки не разъ побивали правительственныя войска, и въ большихъ сраженіяхъ, однако вообще перевѣсъ былъ на сторонѣ поляковъ. Казаки уже начинали искать спасенія внѣ Украйны: ихъ разбитые вожди стали бѣгать въ Москву; цѣлые отряды нанимались на службу къ французскому королю.

§ 153. **Письменность юго-зап. Руси.**—Національныя и просвѣтительныя стремленія создали богатую письменность ю.-з. Руси. Возникнувъ съ конца 16 в., когда вліяніе Византіи и южн. славянъ смѣнилось вліяніемъ западнымъ и *польскимъ*, она принадлежитъ собственно *17-му в.*, въ особенности же его второй половинѣ. Здѣсь у богослововъ надъ догматикой преобладаетъ *полемика*, и они пользуются какъ отцами зап. церкви, такъ и свѣтскими писателями, причемъ вдаются въ собственныя разсужденія. Рядомъ развиваются *свѣтскія науки* — философія и исторія, „физіологія" и астрономія. Содержаніе дѣлается жизненнѣе и разнообразнѣе; возникаютъ новые роды литературы. Самое изложеніе становится образнымъ и одушевленнымъ; впрочемъ, оно страдало *риторствомъ* и *педантизмомъ*, которые

господствовали тогда и на Западѣ, особенно въ Польшѣ. Писатель хвастался остроуміемъ и свѣдѣніями, особенно изъ классической миѳологіи: отсюда аллегоріи, афоризмы (изреченія), аналогіи (сравненія) и антитезы (противопоставленія). Особенно жалки стихотворенія, съ ихъ тяжелымъ *силлабическимъ* складомъ. А страсть къ стихоплетству все развивалась, вмѣстѣ съ риторствомъ: стихи вставлялись даже въ проповѣди. Языкъ богатъ, но нестроенъ, вслѣдствіе наплыва полонизмовъ и латинизмовъ; важнѣйшія сочиненія даже написаны на польск. и лат. яз. Отличіемъ южно-русск. письменности служитъ еще то, что она вся печатная: русское книгопечатаніе развилось прежде всего на ю.-з. Наши первыя *старопечатныя книги* изданы въ Вильнѣ: это — переводы свящ. книгъ съ лат. на бѣлорусскій, сдѣланные *Скориной;* а въ 1581 г. была издана Острожскимъ *первая славянская печатная Библія.* Въ южно-русской прозѣ на первомъ планѣ стояла *религіозная полемика:* по словамъ одного изъ авторовъ, тогда были „времена, полныя брани", и „всего полезнѣе былъ мечъ духовный". Тутъ писатель вставлялъ стихи и разговоры, прилагалъ гравюры, осыпалъ противника грубою бранью. Сначала полемика направлялась только противъ католичества; во главѣ ея стоялъ *Смотрицкій* (§ 151), авторъ „Ѳриноса (плача) восточной церкви". Потомъ начали бороться еще съ евреями, магометанами и язычниками. Тутъ прославился *Голятовскій* своими изданіями: „Мессія Праведный", „Алкоранъ Магометовъ" и „Боги поганые". Полемикѣ служила и *проповѣдь.* Въ кіевской коллегіи возникла даже наука *гомилетика* (гомилія — проповѣдь). Студенты старались прежде всего пріобрѣсти имя „казнодѣя", что выставляли на своихъ сочиненіяхъ. Города и монастыри тщеславились столько же хорошимъ казнодѣемъ, сколько большимъ хоромъ пѣвчихъ или дьякономъ съ голосомъ-трубой. Явились и учебники казнодѣйства: въ нихъ указывалось, какъ дѣлать „наррацію, конклюзію, 7 циркумстанцій или околичностей" и т. д. Особенное вниманіе обращалось на толкованіе имени, причемъ игра словъ доходила до такихъ примѣровъ: „Упроси о мирѣ, Міръ Ликійскій чудотворе; сотвори наибольшее чудо, да въ мірѣ миръ будетъ; самое имя твое проситъ мира, ибо въ мірѣ весьма неполезно безъ мира". Во главѣ казнодѣевъ стоялъ Лазарь *Барановичъ:* въ его проповѣдяхъ было много разсказовъ о чудесахъ. Тогда были распространены *сборники чудесъ* — „Зерцала, Звѣзды, Вѣнцы" и т. п. Важнѣйшими изъ нихъ были нѣм. и итал. сборники 13 в. — „Разговоры о

чудесахъ" Цезарія *Гейстербаха* и „Золотая легенда" *Якова де-Ворагине*. Въ подражаніе имъ, Голятовскій издалъ „Небо новое" и „Скарбницу", гдѣ главы названы „божественными росами" (роса любви, роса устрашенія враговъ и т. д.). Для свѣтскихъ наукъ служилъ богатый сборникъ 13 в. (въ родѣ нашихъ Златоструевъ) — „Великое зерцало" *Викентія изъ Бове*. Главнымъ источникомъ назиданій было „Подражаніе Христу" *Ѳомы Кемпійскаго*, которое не разъ было переведено тогда на славянскіе яз.; тогда же явился переводъ басенъ *Эзопа* и *Дѣлъ Римскихъ*— средневѣковаго сборника нравоучительныхъ повѣстей. Юго-западной Руси принадлежитъ и начало филологіи. Прежде всего появились печатные *буквари* и *азбуковники* (§ 97), которые истолковывали „рѣченія изъ славянскаго яз. на простой русскій діалектъ". Затѣмъ явилась славянская *грамматика Смотрицкаго* (1619), которая долго служила учебникомъ по всей Руси. Тѣ же прозаики писали *вирши* (стихи). Здѣсь *лирика* очень слаба: это жалкая „версификація" (стихоплетство), состоящая изъ предисловій, посвященій и эпилоговъ къ богословскимъ книгамъ да изъ панегириковъ на гербы знатныхъ лицъ. Важнѣе зачатки *драмы*, въ формѣ „дѣйствъ" и „вертеповъ", занесенныхъ изъ Польши. *Дѣйства*—западныя мистеріи, ихъ сочиняли обязательно только учителя піитики, а разыгрывали студенты на каникулахъ. Болѣе развился *вертепъ* (ясли): это— ящикъ съ картонными куклами, которыя изображали Богородицу, Христа, ангеловъ, пастуховъ, Ирода и дьявола, избіеніе младенцевъ и рожденіе Спасителя. Кіевскіе студенты ходили съ вертепами, на Рождество, по селамъ и городамъ, распѣвая вирши и колядки. Эта книжная поэзія была стѣснена школьной риторикой и тяжелымъ силлабическимъ стихомъ съ неизбѣжнымъ „краесогласіемъ" (риѳмой). Піиты заботились не о содержаніи, а о причудахъ формы: тутъ были акростихи, анаграммы, стихи, читающіеся одинаково и справа, и слѣва и т. под. Совсѣмъ не то народная поэзія Малороссіи—*украинскія пѣсни*, напоминающія „Слово о полку Игоревѣ". Онѣ исполнены глубины чувства и живости образовъ. Сверхъ того, это по преимуществу историческій эпосъ, сложенный подъ прямымъ впечатлѣніемъ событій: все это пѣсни казачества, которыя посвящены преимущественно 17-му в. Идея украинскихъ пѣсенъ— воспѣваніе „лыцарства" казаковъ; ихъ характеръ—глубокая любовь къ Украйнѣ и безъисходная тоска, которая омрачаетъ даже шутливыя пѣсни (малороссійскій юморъ). Ихъ стихосложеніе

тоническое. Ихъ поютъ и теперь, но нищіе слѣпцы; тогда же поэтами были сами казаки, подыгрывавшіе себѣ на „бандурѣ“ или „кобзѣ“ (родъ балалайки). Народный эпосъ Малороссіи собственно называется *думами*, которыя различаются по эпохамъ. 1) *Турецко-татарскій* отдѣлъ состоитъ изъ „плачей“ или „невольническихъ“ пѣсенъ; ихъ главный мотивъ—плѣнъ и смерть казака въ борьбѣ съ „погаными“; герои—Вишневецкій, Свирговскій и др. 2) *Польскій* отдѣлъ, обнимающій казацкія войны съ Польшей и „нечестіемъ“ (уніей); герои—Богданъ Хмѣльницкій, Наливайко, Сагайдачный. 3) *Русскій* отдѣлъ, отъ присоединенія Малороссіи къ Москвѣ до уничтоженія Сѣчи; герои—Юрій Хмѣльницкій, Дорошенко, Выговскій, въ особенности же Мазепа, какъ измѣнникъ, и Палій. Собственно *пѣсни* составляютъ лирику. Онѣ воспѣваютъ природу (косарскія, гребецкія, веснянки, колядки и проч.), занятія (казацкія, бурлацкія, чумацкія), житейскія дѣла (колыбельныя, свадебныя и др.). Встрѣчаются и пѣсни назидательныя, въ родѣ духовныхъ стиховъ, иногда въ разговорахъ.

§ 154. **Значеніе періода и древней Россіи.** — *Четвертый* періодъ нашей исторіи составляетъ *конецъ древней Россіи.* Россія, какъ обширная равнина, особенно нуждалась въ *объединеніи:* преслѣдованіе, въ теченіе 8 вѣковъ, одной этой задачи привело ее къ однообразію, которое составляетъ ея главное отличіе отъ Запада. Другое слѣдствіе географическихъ условій, сосѣдство Азіи и Византіи, также разрывало связи между вост. и зап. Европой. *Византійское вліяніе* было прочно: оно соотвѣтствовало главной задачѣ русскихъ, представляя единство умственное и политическое (православіе и самодержавіе). Уже въ 1-мъ періодѣ зачатки самодержавія были сильнѣе на в., чѣмъ на з. Европы. Усобицы 2-го періода, бывшія и на Зап., у насъ раньше окончились торжествомъ власти и даже косвенно помогали національному объединенію (§ 35). Въ 3-мъ періодѣ Россія уже далеко оставила за собой Зап. въ этомъ отношеніи: земельное и національное объединеніе дошло до сознательнаго „собиранія *русской* земли“, причемъ отпаденіе ю.-з. Руси было временною случайностью, которая даже содѣйствовала утвержденію русскихъ на с.-в. (§ 99). Въ 4-мъ періодѣ было побѣждено послѣднее препятствіе къ единству—смута. На Зап. смута состояла въ борьбѣ монархизма съ остатками феодализма, а также умственной и національной независимости съ авторитетомъ религіи и папства. У насъ борьба была почти исключи-

тельно политическая. Она шла между сильнымъ самодержавіемъ и слабою оппозиціей, въ видѣ придворныхъ партій и боярскихъ споровъ; тѣмъ не менѣе дѣло доходило до опричнины, которой не было на Зап. Національныя стремленія обнаружились лишь въ краткій періодъ собственно „смутнаго времени", когда пришлось отстаивать русскую народность отъ посягательствъ поляковъ. Этотъ періодъ, когда Русь, повидимому, разлагалась, завершился *окончательнымъ политическимъ объединеніемъ*: съ воцареніемъ Михаила самодержавіе перестало быть вопросомъ. Въ теченіе всего 4-го періода развивалось также объединеніе *земельное и національное*. На в. Россія перешла даже за Уралъ, на с. она утвердилась на Бѣломъ м., а на ю. коснулась Азова. Только на з. не была „собрана" русская земля; ее трудно было вырвать у Польши, представительницы европейской цивилизаціи среди славянъ. Но здѣсь Москва уже перешла въ наступленіе; сверхъ того, борьба малороссовъ съ поляками подготовляла сліяніе ю. Руси съ сѣверною. Но преслѣдованіе, въ теченіе 8 вѣковъ, одной и трудной задачи вело народъ къ *отсталости*. На Зап. развитіе монархизма сопровождалось освобожденіемъ горожанъ и отчасти крестьянъ отъ феодальнаго ига, а также стройною системой управленія; въ Россіи же политическое объединеніе было связано съ закрѣпощеніемъ крестьянъ и безправностью остальныхъ сословій; а система управленія не сложилась, какъ видно изъ приказовъ. Земскіе соборы были случайностью: они не оставили политическаго слѣда. Еще болѣе отстала Русь, особенно московская, отъ Европы въ культурѣ. Зап. пережилъ богатый періодъ Возрожденія, приведшій къ блестящему развитію свѣтскихъ искусствъ и литературы, а также къ зачаткамъ точныхъ и опытныхъ наукъ. На с.-в. же только начиналось умственное движеніе, въ видѣ первой типографіи, первой школы и перваго учителя (Максимъ Грекъ); но тутъ не было даже азбуки зап. наукъ и искусствъ. Важнѣе всего было *сознаніе необходимости учиться у Запада*. Оно проявлялось упорно и въ интеллигенціи, и у правительства. Грозный, Годуновъ, Лжедимитрій были какъ бы его воплощеніемъ. Къ концу древней Россіи Москва сносилась дипломатически съ далекимъ Зап.; въ ней самой утвердилась цѣлая колонія иностранцевъ. А въ ю. Руси образовался собственный очагъ зап. образованія, которое потомъ перешло въ Москву и положило начало *новой*, европейской *Россіи*. Основное отличіе новой Россіи—разрывъ съ византійствомъ и связь съ Западомъ—оказалось

въ концѣ 4-го періода, даже въ языкѣ. По смерти Михаила все носитъ на себѣ новый отпечатокъ. Вторая половина 17 в. болѣе походитъ на эпоху Петра, чѣмъ на 4-й періодъ. Она сливается съ этою эпохой: во всѣхъ сторонахъ жизни сѣмена одной даютъ плодъ въ другой. Новая исторія Россіи начинается ок. 1650 г.; царствованія Алексѣя, Ѳедора и Софьи — ея первая, вводная глава.

VI. Преобразованія и Западъ (ок. 1650—1800 г.).

---

§ 155. **Романцы и германцы.** — Послѣ Вестфальскаго мира (1648), прекратившаго 30-лѣтнюю войну (§ 100), въ теченіе столѣтія, на Зап. господствовалъ *абсолютизмъ*, во главѣ котораго стояла Франція, въ особенности при Людовикѣ XIV. Онъ искоренялъ пережитки феодализма, обращая привилегированныя сословія въ подданныхъ монарха, и придавалъ внѣшнюю силу государствамъ. Онъ не могъ утвердиться только въ Германіи, гдѣ сохранялось множество курфюрстовъ и фюрстовъ, которые не признавали власти нѣмецкаго императора, избираемаго обыкновенно изъ австрійскихъ Габсбурговъ. Оттого французскіе Бурбоны вели успѣшныя войны съ Габсбургами, утвердили свои отрасли на престолахъ Испаніи и Неаполя и завладѣли многими землями Нѣмецкой имперіи; въ вознагражденіе австрійскіе Габсбурги получили, по Утрехтскому миру (1714), Миланъ и Испанскіе Нидерланды (Бельгію). Успѣхи Бурбоновъ были остановлены сначала Англіей, поразившей Людовика XIV въ войнѣ за испанское наслѣдство, потомъ бранденбургскими курфюрстами, которые стали возвышаться, пользуясь ослабленіемъ Габсбурговъ и развивши у себя строгій абсолютизмъ. Въ 1700 г. эти курфюрсты стали уже *прусскими королями;* а съ 1740 г. король Фридрихъ II началъ отнимать земли у Габсбурговъ и у поляковъ, причемъ, въ Семилѣтнюю войну (1756—1763), побѣдоносно боролся разомъ съ Австріей, Франціей и Россіей. Пруссія отняла также Померанію у *Швеціи*, которая стала-было первою державой при Карлѣ XII (1700—1718), но потомъ пала отъ раздоровъ могущественной феодальной аристократіи и отъ усиленія Россіи и Пруссіи. Крайнее развитіе абсолютизма во Франціи доставило этой странѣ лишь временное

преобладаніе на Зап.; всѣ подражали ей даже въ модахъ и обычаяхъ придворной жизни. Но оно истощило страну матеріально и умственно, вслѣдствіе войнъ, придворной расточительности, подавленія мысли и угнетенія низшихъ классовъ. Оттого послѣ Людовика XIV начало развиваться недовольство народа, которое привело къ революціи при Людовикѣ XVI (1789). Къ концу періода первыми державами въ Европѣ были уже не Франція, а Англія, Россія и Пруссія. Особенно могущественна была Англія, которая вела главную борьбу съ революціей и потомъ съ Наполеономъ. Здѣсь абсолютизмъ былъ уничтоженъ, въ лицѣ Стюартовъ, еще въ 17 в., благодаря двумъ революціямъ (ок. 1650 и въ 1688): ганноверская династія (съ 1714 г.), строго придерживается конституціи. Въ теченіе 18 в. Англія стала самою богатою страной и центромъ торговли, который находился сначала (въ 16 в.) въ Испаніи, потомъ въ Голландіи и отчасти во Франціи (въ 17 и началѣ 18 в.). Она пріобрѣла Гибралтаръ и много колоній. Ея колоніи въ сѣв. Америкѣ такъ усилились, что отложились отъ нея и образовали государство Соединенныхъ Штатовъ (1778). Англія стала также центромъ промышленности, благодаря изобрѣтенію машинъ, въ особенности ткацкаго станка и паровика. Эпоха абсолютизма ознаменована, въ идеальной культурѣ, упадкомъ художественности: въ литературѣ господствовалъ французскій *псевдо-классицизмъ* (теорія Буало, авторы—Корнель, Расинъ), подавлявшій вдохновеніе, самобытность мысли и извращавшій драму древняго міра. Но зато развились точныя науки, математика и естествознаніе. Во второй половинѣ 18 в. возникло *просвѣщеніе*, какъ назвали новое направленіе умовъ, которое подвергало критикѣ старыя воззрѣнія, разрушило много предразсудковъ и привело къ уничтоженію ордена іезуитовъ (1773). „Просвѣщеніе“ зародилось въ Англіи, но было распространено всюду французами (Вольтеръ, Руссо, Монтескье), въ особенности „энциклопедистами“ (издателями „Энциклопедіи“)—Дидро, д'Аламберомъ, Гельвесіусомъ и др.

§ 156. **Турки, южные славяне и румыны.** — Несмотря на внутренній упадокъ Порты (§ 101), османліи сохраняли внѣшнее значеніе въ 17 в., особенно благодаря поддержкѣ Бурбоновъ, которые поднимали ихъ противъ Габсбурговъ. Въ 1683 г. они даже осадили Вѣну, въ союзѣ съ венгерцами; но нѣмцы прогнали ихъ, съ помощью поляковъ, и принудили къ первому невыгодному миру въ Карловцѣ (1699): турки уступили Австріи Трансильванію и земли между Дунаемъ и Тиссой; тогда же

Венгрія превратилась изъ избирательнаго государства въ наслѣдіе Габсбурговъ. Затѣмъ противъ османліевъ выступила Россія, которая постепенно уничтожила ихъ единодержавіе на Черномъ морѣ, покорила ихъ вассаловъ—крымцевъ (1783) и стала покровительствовать южн. славянамъ и румынамъ. Въ то же время Порта разлагалась внутренно. Янычары, въ союзѣ съ улемами, избивали султановъ и министровъ; а народъ бѣдствовалъ какъ отъ ихъ буйства, такъ и отъ деспотизма султановъ. Особенно тяжело было положеніе южн. славянъ. Ихъ попрежнему (§ 101) вѣшали и сажали на колъ; крестьянъ гоняли изъ Бѣлграда въ Константинополь косить сѣно на султанскихъ лугахъ. Турки особенно вымещали на славянахъ такія свои пораженія, какъ въ 1683 г.: тогда славяне тысячами бѣжали изъ Сербіи и Босніи въ Австрію. Но тамъ ихъ притѣсняли нѣмцы и мадьяры, и многіе изъ нихъ переселились въ ю. Россію (колонія *Новая Сербія)*. Только черногорцы сохраняли независимость, отражая частыя нападенія турокъ. По прекращеніи старой династіи (§ 70), они выбрали господаремъ *Даніила Нѣгоша*, который осоюзился съ Петромъ Вел. и сталъ дѣйствовать наступательно противъ Порты. Вліяніе Россіи становилось уже такъ сильно, что между черногорцами и герцеговинцами имѣлъ успѣхъ самозванецъ *Степанъ Малый*, выдававшій себя за императора Петра III. *Петръ I Св.*, издавшій черногорскій „Законникъ", постоянно билъ османліевъ, въ союзѣ съ Россіей. *Румыны* находились въ прежнемъ печальномъ положеніи, пока была слаба Россія, съ которою они заключили первый союзъ при Сербанѣ II валашскомъ (§ 101). Неудачный прутскій походъ Петра I (1711) погубилъ нашихъ союзниковъ, Бранкована валашскаго и Кантемира молдавскаго. Съ тѣхъ поръ румыны утратили право избранія своихъ господарей: Порта стала назначать послѣднихъ изъ фанаріотовъ за деньги, причемъ смѣняла ихъ почти ежегодно и умерщвляла. Это были алчные и жестокіе деспоты, которые совершали свои злодѣянія во тьмѣ, не допуская проникнуть въ свою страну изъ Европы ни одного луча просвѣщенія: книгъ почти не было, особенно румынскихъ; дворъ, а за нимъ и бояре, говорили по-гречески до 1820-хъ г. Россія начала серьезно вступаться за румынъ, какъ за своихъ единовѣрцевъ, уже съ 1737 г., когда она успѣшно воевала съ Портой. Побѣды Екатерины II привели къ кайнарджійскому миру (1774), по которому турки допустили ходатайство Россіи за румынъ и обязались уважать христіанство. Валашскимъ княземъ былъ на-

значенъ тогда другъ Россіи, образованный *Александръ Ипсиланти*, который устроилъ гимназію, много школъ и благотворительныхъ заведеній. Ясскій миръ (1791) еще болѣе помогъ румынамъ: вліяніе Россіи усилилось насчетъ фанаріотовъ, и началась болѣе тѣсная связь между Валахіей и Молдавіей.

§ 157. **Чехи и поляки.**—Чеховъ тогда не существовало, въ смыслѣ національности. Они раздѣляли судьбу Австріи, войны которой съ Франціей и Пруссіей ложились на нихъ своею главною тяжестью. Впрочемъ сначала императоры льстили имъ за это: короновались, какъ чешскіе короли, возстановили чешскій сеймъ, и въ Богеміи чешскій яз. былъ языкомъ школъ и правительства. Но съ воцаренія Маріи-Терезіи (1740) началось по всей Австріи утвержденіе однообразнаго абсолютизма на нѣмецкой основѣ: въ Богеміи въ школахъ и правительствѣ латынь и чешскій яз. отступали передъ языкомъ нѣмецкимъ; Іосифъ II даже не короновался чешскою короной. Но зато Богемія развивалась умственно и матеріально, особенно при другѣ „просвѣщенія", Іосифѣ II. Были изгнаны іезуиты; возродились гуситскія и протестантскія секты; процвѣталъ пражскій университетъ; явился видный славянскій филологъ, *Добровскій*. Развивались также торговля и промышленность, крѣпостные получили личную свободу, и почти совсѣмъ была отмѣнена барщина. Но чешскіе паны роптали на отмѣну старины, а въ Венгріи магнаты начинали даже возставать при смерти Іосифа II. Послѣ Владислава IV (§ 102), началось паденіе Польши. Ее истощили казацкія войны, окончившіяся присоединеніемъ ю. Россіи къ Москвѣ. Пользуясь ими, шведы пріобрѣли отъ Польши Ливонію, москвичи — Смоленскъ, Черниговъ, Кіевъ. И Польша не возобновляла войнъ съ Москвой въ теченіе цѣлаго столѣтія. Въ ней свирѣпствовала борьба партій шляхетской и королевской, изъ которыхъ первая опиралась на Австрію, вторая—на Францію. Перевѣсъ всегда оставался на сторонѣ шляхты, и потому напрасны были побѣды надъ турками доблестнаго *Яна Собѣскаго*: послѣ него поляки выбрали не его сына, а *Августа II саксонскаго* († 1733), притомъ съ помощью Россіи, вліяніе которой смѣнило тогда вліяніе Франціи въ Польшѣ. Августъ подражалъ Людовику XIV, но отличался только физическою силой (его прозвали Сильнымъ) да веселою жизнью. Карлъ XII выгналъ его изъ Польши, Петръ I возвратилъ его, но предписалъ Польшѣ условія на „нѣмомъ" сеймѣ. Въ то же время шляхта распоряжалась государствомъ съ помощью іезуитовъ, которые

сожигали не ими писанныя книги и обратили свои коллегіи съ виленскимъ университетомъ въ гнѣзда невѣжества и фанатизма. Народъ истязалъ вѣдьмъ, топилъ колдуновъ; въ городахъ не дозволялось селиться иновѣрцамъ, полезнымъ мастерамъ. Паны Радзивилы, Потоцкіе, Браницкіе, Чарторижскіе утопали въ роскоши и, заодно съ шляхтой, угнетали крестьянъ и *диссидентовъ* или исповѣдниковъ греческой вѣры и протестантизма. По смерти Августа II, былъ избранъ, съ помощью Россіи и Чарторижскихъ, сынъ его, *Августъ III*, который жилъ въ Саксоніи, предаваясь забавамъ и меценатству (картинная галлерея въ Дрезденѣ), между тѣмъ какъ въ Польшѣ продолжалась борьба партій да хозяйничанье то русскихъ, то прусскихъ войскъ. По смерти Августа III (1763), Чарторижскіе, съ помощью русскихъ войскъ, поставили на престолъ своего родственника, *Станислава Понятовскаго*. Вскорѣ началось волненіе диссидентовъ, а на Украйнѣ жестокое возстаніе противъ поляковъ. Екатерина II заставила сеймъ дать права диссидентамъ, но поляки стали устраивать конфедераціи противъ Россіи съ помощью французовъ. Въ 1772 г. произошелъ *первый раздѣлъ* Польши между Россіей, Пруссіей и Австріей, а въ 1795 — ея окончательная погибель, въ смыслѣ независимаго государства.

§ 158. **Царь Алексѣй, бояринъ Морозовъ и патріархъ Никонъ.**—Въ концѣ царствованія Михаила (§ 131) выдвинулся дядька наслѣдника престола, Алексѣя, бояринъ *Борисъ Морозовъ*, которому царь поручилъ, умирая (1645), своего 16-ти л. сына. Умный и опытный Морозовъ привлекалъ малорос. ученыхъ въ Москву и подчинялся зап. вліянію, даже совѣщался въ дѣлахъ съ Виніусомъ (§ 137). Но онъ думалъ только о себѣ; ссылалъ, какъ чародѣевъ, лицъ, приближавшихся къ царю, и потворствовалъ своей роднѣ. Царь *Алексѣй* былъ кротокъ и ласковъ: его называли „тишайшимъ“, а самъ онъ считалъ себя „недостойнымъ и во псы, не только въ цари“. Жилъ онъ трезво и развлекался только разсказами старцевъ, шахматами да разглядываніемъ узоровъ, а подъ конецъ театромъ. Онъ любилъ природу и былъ образцомъ благочестія; въ посты ѣлъ одинъ ржаной хлѣбъ, съ 4 час. утра клалъ поклоны въ церкви, въ собственной столовой кормилъ нищихъ. Такъ же строго соблюдалъ онъ свое царское достоинство, не дозволяя иностранцамъ „умалять честь государства“ (понижать его титулъ). Алексѣй былъ уменъ, выбиралъ способныхъ помощниковъ и „смирялъ“ (бивалъ собственноручно) нерадивыхъ. Онъ почиталъ Западъ,

былъ начетчикъ и оставилъ много витіеватыхъ писемъ и стиховъ, а также описаніе своихъ походовъ, въ которыхъ участвовалъ лично. Но по безхарактерности, Алексѣй подчинялся любимцамъ, въ особенности Морозову, съ которымъ не разлучался съ 3-хъ-л. возраста. Морозовъ устроилъ бракъ царя съ *Марьей Ильиничной*, дочерью своего бѣднаго подчиненнаго, *Милославскаго*, а самъ женился на ея сестрѣ. Затѣмъ онъ роздалъ важныя мѣста Милославскимъ и ихъ друзьямъ, которые брали взятки и заточали невинныхъ людей, чтобы освобождать ихъ за выкупъ. Чтобы наполнить обкраденную казну, Морозовъ изобрѣталъ тяжелые налоги и повысилъ *пошлину на соль*. Это возмутило народъ, не терпѣвшій временщика еще за льготы иностраннымъ купцамъ и за склонность къ зап. обычаямъ, въ особенности же къ „богомерзкому зелью", которое было разрѣшено впрочемъ изъ разсчета: табакъ былъ монополіей казны. Голодъ, скотскій падежъ, пожаръ Москвы довершили бѣдствія народа— и онъ взбунтовался въ столицѣ, требуя казни Морозова и его друзей. Ему выдали неважныхъ лицъ, которыя были побиты палками, причемъ разбивали кабаки, грабили дома бояръ и богачей. Алексѣй поилъ и кормилъ толпу, поставилъ угодныхъ ей правителей и со слезами просилъ не трогать его „втораго отца". Толпа сжалилась — и Морозовъ уцѣлѣлъ, хотя уже не имѣлъ прежняго значенія. Тогда же назначили двухъ дьяковъ сидѣть съ боярами за составленіемъ новаго *Уложенія* (свода законовъ), которое было утверждено на *земскомъ соборѣ* (1648). Моск. бунтъ былъ лишь началомъ волненій, которыми наполнено царствованіе Алексѣя. Самое важное изъ нихъ было не столько политическое, сколько бытовое. Это — расколъ, который связанъ съ именемъ *Никона*. По своему вліянію на царя, Никонъ занималъ первое мѣсто послѣ Морозова и выступилъ впередъ, когда пало могущество послѣдняго. Крестьянскій сынъ, Никонъ, много вытерпѣлъ отъ мачихи, которая однажды чуть не сожгла его въ печкѣ. Даровитый мальчикъ выучился грамотѣ и бѣжалъ въ монастырь, потомъ былъ священникомъ въ Москвѣ и, наконецъ, удалился въ самый уединенный и строгій скитъ, на Бѣломъ м., гдѣ было всего 12 братьевъ, которые жили въ избушкахъ, раскинутыхъ по маленькому острову, питались подаяніемъ рыбаковъ и проводили цѣлыя ночи въ молитвѣ. Слава иноческихъ подвиговъ и начитанность Никона дошли до свѣдѣнія Алексѣя, и онъ былъ сдѣланъ игуменомъ одного монастыря въ Москвѣ. Здѣсь царь сблизился съ Никономъ: онъ называлъ его „солнцемъ сіяю-

щимъ, особеннымъ своимъ другомъ душевнымъ и тѣлеснымъ". Никонъ пользовался своимъ вліяніемъ согласно съ древнимъ обычаемъ печалованія: царь самъ велѣлъ ему принимать челобитныя. Вскорѣ Никонъ былъ выбранъ въ патріархи (1652); но онъ долго отказывался, пока царь, вмѣстѣ съ боярами и толпой народа, не стали кланяться ему въ ноги, обливаясь слезами. Еще до этого Никонъ уговорилъ царя перенести мощи Филиппа изъ Соловковъ въ Москву и сочинилъ ему прошеніе къ святому, гдѣ сказано: „Преклоняю санъ свой царскій за прадѣда моего (§ 111), противъ тебя согрѣшившаго". Упорный, горячій и заносчивый Никонъ сгоралъ честолюбіемъ и теперь достигъ цѣли —сталъ почти царемъ: Алексѣй велѣлъ писать его въ грамотахъ „великимъ государемъ". Въ отсутствіе царя, Никонъ управлялъ государствомъ, да и при немъ все зависѣло отъ него. Оттого Никонъ высказалъ на русскомъ церковномъ соборѣ ученіе о патріаршей власти, весьма схожее съ ученіемъ папства (§ 13): „Два великихъ дара даны людямъ отъ Бога — священство и царство. Оба происходятъ отъ одного и того же начала и украшаютъ человѣческое житіе. Ничто не даетъ столько успѣха царству, какъ почтеніе къ святителямъ". Никонъ поддерживалъ это ученіе своею почти папскою жизнью. Истинное служеніе патріаршему величію совершалось въ Воскресенскомъ монастырѣ, построенномъ Никономъ въ прелестной мѣстности близъ Москвы. Его назвали *Новымъ Іерусалимомъ*, потому что онъ былъ построенъ по плану настоящаго Іерусалима, за которымъ нарочно посылали въ Палестину; окрестности были названы Назаретомъ, Іорданомъ и т. д. Царь одарилъ его деревнями и пригородами съ крестьянами и холопами. Здѣсь патріархъ жилъ, какъ царь, окруженный большимъ штатомъ, недоступный даже для духовенства, которое трепетало передъ нимъ: онъ былъ высокомѣренъ съ боярами, а подчиненныхъ билъ плетьми, сажалъ на цѣпь, морилъ голодомъ. Вскорѣ у Никона явилось много враговъ: даже царица и Милославскіе стали ненавидѣть его за подчиненіе ему царя. Стоило присоединиться къ нимъ народу, чтобы погибъ высокомѣрный святитель: это и случилось, по поводу исправленія церковныхъ книгъ и обычаевъ.

§ 159. **Исправленіе церковныхъ книгъ.**—Въ русской церкви выработались *мѣстныя особенности*, не касавшіяся сущности православія, но важныя въ глазахъ невѣжественной толпы. Начетчики говорили: „Намъ всѣмъ, православнымъ христіанамъ, подобаетъ умирати за единъ *азъ*, его же окаянный врагъ вы-

бросилъ изъ символа тамъ, идѣже глаголется о Іисусѣ Христѣ: *рожденна, а не сотворенна;* велика зѣло сила въ семъ *изъ* сокровенна". Подобные вопросы пріобрѣли особенное значеніе съ введеніемъ книгопечатанія: ошибки и произвольныя особенности были внесены въ богослужебныя книги и получили освященіе печатнаго слова. Двуперстное сложеніе и сугубое аллилуя были утверждены даже Стоглавомъ (§ 141), и самъ Никонъ сначала крестился двумя перстами. Вскорѣ замѣтили ошибку и вздумали исправлять книги; но до Никона это дѣло велось такъ плохо, что вышла новая бѣда. *Справщики* (исправители), люди еле грамотные, собирали по городамъ и монастырямъ пергаменные списки переводовъ съ греческаго и, при противорѣчіяхъ, брали, что имъ казалось болѣе правильнымъ. Отсюда проистекали новыя нелѣпости: писали, напр., „алекторъ" (пѣтухъ) вмѣсто „плектронъ" (янтарь), считали имена праздниковъ именами святыхъ („молитвами Богородицы и ея честного Успенія") и т. д. Точно также дѣлалъ *Филаретъ* (§ 131); но онъ по крайней мѣрѣ сознавалъ недостатки дѣла и основалъ греко-слав. школу, въ которой былъ ученый грекъ, монахъ *Сатановскій*. Между тѣмъ восточные іерархи указывали на отступленія русской церкви отъ древняго православія, а аѳонскіе монахи даже сожгли московскія богослужебныя книги. Малороссійскіе ученые, призванные въ греко-слав. школу, Сатановскій и его товарищъ, *Славинецкій*, твердили то же самое, и ихъ ревностно поддерживалъ приближенный царя, постельничій Ртищевъ. Тутъ Никонъ вступилъ на патріаршій престолъ — и началось настоящее *исправленіе книгъ*. Послали къ восточнымъ іерархамъ за справками, а константинопольскій патріархъ созвалъ соборъ, благословившій москвичей на доброе дѣло. Въ то же время снова собирали списки переводовъ и посылали къ аѳонскимъ монахамъ, которые дали до 500 древнѣйшихъ рукописей. Никонъ отставилъ прежнихъ справщиковъ и поручилъ дѣло Славинецкому и его ученымъ товарищамъ. Соборъ 1654-го г. не только призналъ необходимымъ исправить церковныя книги, но и высказался противъ неправильныхъ старыхъ обычаевъ: онъ объявилъ проклятіе тѣмъ, кто молится двумя перстами. Вслѣдъ затѣмъ, Никонъ издалъ новыя, исправленныя книги для богослуженія (§ 193).

§ 160. **Дѣло Никона.** — Противъ Никона поднялась буря. Двуперстники кричали, что проклинать двуперстіе значило проклинать предковъ и многихъ святыхъ, которые такъ крестились. Монахи роптали: „Намъ, чернецамъ коснымъ, непереимчивымъ

и грамотѣ ненавычнымъ, сколько ни учиться по новымъ книгамъ, а не навыкнуть". Напрасно Никонъ созывалъ новые соборы, подтверждавшіе рѣшеніе перваго: волненіе увеличивалось, тѣмъ болѣе, что на сторону народа стали многіе попы, даже одинъ епископъ и такая вліятельная обитель, какъ Соловецкій монастырь, гдѣ избили плетьми одного инока, рѣшившагося пѣть по новымъ книгамъ. Духовенство противодѣйствовало отчасти и изъ ненависти къ патріарху, этому „лютому звѣрю, къ жилищу котораго страшно приближаться". Оно доказывало, что, по выкладкамъ Апокалипсиса, Никонъ — самъ Антихристъ; что онъ вводитъ „польскія, латинскія, еретическія *новшества* (новизны)". Негодовали также старые справщики, и во главѣ ихъ невѣжественный, упрямый *Никита Пустосвятъ*. Воскресли и старые предразсудки: снова заговорили объ аллилуя, объ осмиконечномъ и четвероконечномъ крестѣ; кричали, что кто пишетъ Іисусъ вмѣсто *Исусъ*, тотъ еретикъ. Тогда же царь сталъ охладѣвать къ патріарху. Онъ уже свыкся съ властью, процарствовавши 14 л., а походы укрѣпили его характеръ и отдаляли его отъ любимца. Враги Никона внушали царю, что патріархъ „возлюбилъ стоять высоко, ѣздить широко". Одинъ бояринъ выучилъ свою собаку благословлять и назвалъ ее „Никономъ". А непреклонный патріархъ сталъ порицать власть. Онъ называлъ Уложеніе „проклятою книгой", а Алексѣя „Ровоамомъ"; совѣтовалъ духовенству „наплевать на законъ"; во введеніи царскихъ праздниковъ видѣлъ самовеличаніе власти, уподобляющей себя Богу. Наконецъ, Никонъ разоблачился всенародно, велѣлъ подать себѣ монашеское одѣяніе и объявилъ, что онъ уже не патріархъ. Толпа зарыдала съ испугу и закричала, что не пуститъ святителя. Никонъ сѣлъ на послѣдней ступенькѣ амвона, въ ожиданіи царскаго слова. Онъ думалъ устрашить своимъ поступкомъ царя также, какъ народъ; но, вмѣсто царя, пришли бояре, осыпая патріарха упреками. Тогда Никонъ уѣхалъ въ свой Іерусалимъ, гдѣ предался хозяйству, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, надоѣдалъ царю жалобами и дерзостями: однажды онъ написалъ Алексѣю посланіе, въ которомъ грозилъ ему и Москвѣ участью Навуходоносора и Содома. Никонъ наѣзжалъ въ Москву, гдѣ кормилъ нищихъ и обмывалъ имъ ноги, причемъ внушалъ, что его хотятъ отравить, и причислялъ себя къ „собранному у Господа лику злопострадавшихъ обличенія ради неподобныхъ дѣлъ царскихъ". Когда бояре приходили къ Никону, чтобы усовѣстить его, онъ стучалъ посохомъ, называлъ ихъ „ворами,

нехристями и собаками“ и молился: „приложи. Господи, зла славнымъ земли!“ Однажды Никонъ явился даже внезапно въ Успенскій соборъ и сѣлъ на патріаршее мѣсто; но ему приказали удалиться. Онъ уѣхалъ, захвативши съ собой патріаршій посохъ, и, садясь въ телѣгу. отрясъ прахъ съ своихъ ногъ Стоявшій подлѣ стрѣлецъ сказалъ: „Ничего, мы этотъ прахъ подметемъ!“ Такъ тянулось дѣло лѣтъ 8. Наконецъ, Алексѣй созвалъ соборъ (1666), съ участіемъ восточныхъ патріарховъ. На соборѣ Никонъ называлъ царя лжецомъ, а патріарховъ „султанскими невольниками и бродягами, ходящими всюду за милостыней“. Соборъ лишилъ Никона патріаршества и заточилъ его въ Бѣлозерскій монастырь. Царь послалъ ему подарки и просилъ благословенія; но онъ отвѣчалъ: „будемъ ждать суда Божія!“ Заточеніе Никона было тяжкое, тѣмъ болѣе, что были доносы объ его переговорахъ съ донцами: ему не позволяли писать, плохо кормили, грубили ему. На 6-й годъ старикъ сталъ болѣть, томиться и попросилъ прощенія у царя. Его тотчасъ же облегчили, но не дали свободы. Когда, по смерти Алексѣя, сынъ его попросилъ у Никона письменнаго разрѣшенія грѣховъ отцу, тотъ отказалъ. Вскорѣ Никонъ умеръ; царь настоялъ, чтобы его отпѣвали патріархомъ, и цѣловалъ руки покойника.

§ 161. **Расколъ-старообрядство. Аввакумъ.** - Дѣло Никона, какъ представителя притязаній духовной власти. было проиграно и прошло безслѣдно. Но связанное съ Никономъ исправленіе церковныхъ книгъ оставило слѣдъ, который еще не изгладился: оно произвело расколъ, именуемый *старообрядствомъ*. Русскіе по большей части и слышать не хотѣли объ измѣненіи „прародительскаго и св. чудотворцевъ преданія“. Трегубая аллилуя, четверо-конечный крестъ, треперстное сложеніе, слово „Іисусъ“, служеніе литургіи на 7 просвирахъ, уничтоженіе нелѣпыхъ ошибокъ въ старыхъ книгахъ, а кстати бритье бороды и усовъ и т. п., — все это казалось имъ „латинскимъ и антихристовымъ преданіемъ“. Находилось много фанатиковъ, которые всю жизнь боролись съ новшествами или *никоніанствомъ* (такъ называли они православіе) и проливали кровь за старину, считая себя мучениками за правду. Повсюду появлялись расколоучители, во главѣ которыхъ стояли протопопы *Никита Пустосвятъ* и *Аввакумъ*. Аввакумъ, испытавшій много горя въ дѣтствѣ, посвятилъ себя защитѣ правды и бѣдныхъ, въ качествѣ сельскаго священника. Начальники мучили его за это (одинъ даже отгрызъ ему пальцы) и выгнали. Съ сумой и новорожденнымъ ребенкомъ

пришли Аввакумъ съ женой въ Москву. Здѣсь Аввакума сдѣлали справщикомъ и протопопомъ. Но когда, при Никонѣ, пришлось исправлять дѣло этихъ первыхъ справщиковъ, они возстали, съ Аввакумомъ во главѣ, и положили начало расколу. Никонъ посадилъ Аввакума на цѣпь въ погребъ, полный мышей, и морилъ его голодомъ, затѣмъ сослалъ на Амуръ. Тамъ Аввакума били батогами и цѣпями и гнали, съ семьей, по голымъ утесамъ. „Протопопица (говоритъ онъ въ своемъ жизнеописаніи) бѣдная бредетъ, бредетъ да и повалится. На меня, бѣдная, пѣняетъ, говоря: „долго-ли муки сея, протопопъ, будетъ?“ И я говорю: „Марковна! до самой смерти“. Она, вздохня, отвѣчала: „Добро, Петровичъ; ино еще побредемъ“. Черезъ 10 л. вдругъ велѣли Аввакуму возвратиться въ Москву, гдѣ самъ царь и бояре ласкали его и давали ему денегъ, чтобы онъ молчалъ. Но Аввакумъ мучился, видя паденіе „старой вѣры“, и снова началъ „обличать ересь“, состязуясь даже съ патріархами на соборѣ (1666). Аввакума прокляли и сослали въ Пустозерье. Тогда же сослали другихъ расколоучителей, что только распространяло расколъ по окраинамъ. Въ *Соловецкомъ монастырѣ*, гдѣ было до сотни пушекъ и много народа, въ томъ числѣ бѣглые донцы, вспыхнулъ цѣлый бунтъ: монахи перестали даже молиться за царя. Правительство сразу приняло крутыя мѣры. Соборъ 1660-го г. проклялъ раскольниковъ и издалъ противъ нихъ книгу Полоцкаго, *Жезлъ Правленія*; имъ рѣзали языки, ихъ ссылали вдаль. Въ Соловки послали войска, которыя взяли монастырь лишь послѣ 10-лѣтней осады. Но соловецкимъ бунтовщикамъ подражали во многихъ мѣстахъ: ихъ имена и грамоты до сихъ поръ святыня старообрядцевъ. Въ отвѣтъ, правительство возстановило древнее наказаніе — *сожженіе*: сожженъ былъ и Аввакумъ, который, по преданію, даже изъ огня показывалъ два пальца. Но фанатики вообразили, что сожженіе ведетъ въ царствіе небесное, и стали сами сожигать себя тысячами, при приближеніи царскихъ войскъ.

§ 162. **Мелкіе бунты.** — Возстаніе невѣжества въ религіи поддерживалось волненіемъ *политическимъ*. Московскій бунтъ (§ 158) отразился въ другихъ городахъ, и волненія почти не прекращались при Алексѣѣ: въ этомъ смыслѣ это царствованіе было завершеніемъ періода смуты. Но то не была борьба съ самодержавіемъ, которое, въ глазахъ народа, было такою же святынею, какъ православіе: если бы бунтовщики овладѣли властью, они сами тотчасъ же поставили бы царя. Народъ былъ

увѣренъ, что именемъ Алексѣя управляютъ разные Морозовы и что царя даже вовсе нѣтъ: онъ бѣжалъ въ Литву отъ тиранства собственныхъ бояръ. Главною причиной бунтовъ было *дурное управленіе* страной, плохіе исполнители закона. Сверхъ того, упорныя войны съ Польшей заставляли правительство награждать бояръ, воеводъ и служилыхъ раздачей земель съ населеніемъ: тогда *множество крестьянъ превращалось изъ свободныхъ въ крѣпостныхъ*. Обнищалые крестьяне и холопы, эта *голытьба* (голь) или „голутвенные" люди, бѣжали массами и становились разбойниками. *Разбойничество*, которому было приволье среди безпредѣльныхъ пустырей и дремучихъ лѣсовъ, достигало небывалыхъ размѣровъ. Это былъ какъ бы политическій расколъ, разгорѣвшійся въ одно время съ религіознымъ и обыкновенно сливавшійся съ нимъ: голытьба была раскольница. Русь распалась на двѣ части—государственную и разбойничью. Послѣдняя выступала оружно и стройно противъ царскихъ ратей и нерѣдко побивала ихъ; если попадалась, она держала себя гордо, не просила помилованія; но и сама не давала пощады. Она не только истребляла кучами помѣщиковъ и властителей, но и грабила зажиточныхъ обывателей, особенно торгашей. Второю причиной бунтовъ были *нравы* грубаго *общества*, не хотѣвшаго знать никакихъ стѣсненій своимъ страстямъ. Народъ сочувствовалъ разбойничеству не только изъ потребности протестовать противъ дурнаго управленія, но и по пристрастію къ насилію: тогда еще высоко почитали богатырство, воспѣтое въ древности; и смертельные кулачные бои были любимою забавой. Въ разбойничествѣ видѣли что-то почетное и привлекательное. Въ него поступали и тѣ, кому хорошо жилось: купцы, ѣздившіе торговать на Донъ, приставали къ нему изъ страсти испытать приключенія привольной жизни. Подавляемый безпредѣльнымъ Горемъ-Злосчастіемъ (§ 195), народъ-страдалецъ видѣлъ въ разбойничествѣ чудный выходъ: онъ мечталъ о немъ, какъ о дивномъ тридевятомъ царствѣ. Это была его утопія — и онъ приголубливалъ ее въ своихъ пѣсняхъ, прославляя „атамановъ-разбойничковъ", „смирителей-лиходѣевъ". *Гиль* (мятежъ) подымалась по разнымъ мѣстамъ, сначала особенно на сѣверѣ. Вообще она была ничтожна: „гильщиковъ" и „кликуновъ" легко усмиряли жестокими казнями. Но волненія въ *Новгородѣ* и *Псковѣ* (1650) были уже серьезны. Здѣсь народъ придрался къ слуху, будто бояре продались нѣмцамъ и отправляютъ имъ русскія деньги и хлѣбъ. Онъ выбралъ собственное правленіе, избилъ Никона, ко-

торый былъ тогда митрополитомъ въ Новгородѣ и вышелъ проклинать толпу, и сталъ драться съ царскою ратью. При этомъ крѣпостные частью избивали и грабили своихъ помѣщиковъ, частью разбѣгались. Алексѣй созвалъ земскій соборъ, который присудилъ простить мятежниковъ, и гиль затихла. Но лѣтъ 10 спустя, положеніе народа стало еще хуже. Долгія войны съ Польшей и Швеціей потребовали много жертвъ; а правительство, не имѣя даже чѣмъ содержать войска, приняло неудачную мѣру. Вообразивъ, что цѣна монеты зависитъ отъ того, что на ней написано, стали выпускать мѣдную монету, требуя, чтобы ее брали, какъ серебряную, и дѣлая свои уплаты по этому счету. Народъ сталъ прятать серебро, и оно все возвышалось въ цѣнѣ, а мѣдныя деньги все падали, тѣмъ болѣе, что явилось множество „воровскихъ“ (поддѣльныхъ) денегъ (болѣе 20 т. было казнено за это). Все это привело къ страшной дороговизнѣ; но мѣдныя деньги отмѣнили только тогда, когда за 1 серебр. рубль стали давать 15 мѣдныхъ. Оттого снова начали возникать волненія; тамъ и сямъ появлялись даже самозванцы, но эта старая затѣя уже потеряла силу. Наконецъ, вспыхнулъ второй бунтъ въ *Москвѣ*. Толпа попрежнему стала требовать выдачи людей, которые „воруютъ именемъ царя“, въ особенности царскаго тестя. Однажды она вторглась во дворъ и при объясненіяхъ хватала царя за пуговицы кафтана. Алексѣй обѣщалъ разслѣдовать дѣло; но бунтовщики угомонились только тогда, когда царь протянулъ руку и кто-то изъ толпы хлопнулъ по ней. Однако не произошло никакихъ облегченій — и вскорѣ толпа собралась снова и начала грабить бояръ; но стрѣльцы разсѣяли ее. Много народу было казнено, или же заклеймлено буквой *б* (бунтовщикъ) и сослано частью въ Сибирь, частью на Терекъ. Царь сталъ недовѣрчивъ и окружилъ себя стрѣльцами. Возникло жестокое вѣдомство — *Приказъ Тайныхъ Дѣлъ*, ставшій средоточіемъ доносовъ и пытокъ. Но въ то же время вспыхнулъ самый грозный изъ мятежей той эпохи.

§ 163. **Бунтъ Разина.**—Этотъ бунтъ возникъ на „тихомъ“ *Дону*, гдѣ была вольная „сиротская“ дорога: отсюда не выдавали бѣглыхъ. Здѣсь издавна гнѣздилась *казацкая* вольница (§ 92), которая признавала власть царя только по имени. Городовые или *старые* казаки успѣли разбогатѣть и жили смирно, называя *воровскими* казаками голытьбу, которая начала тогда массами прибывать къ нимъ. Старые не могли прокормить голытьбу, которой царь присылалъ скудное жалованье, и на Дону

„сталъ голодъ большой“, и не знали, какъ достать себѣ „зипуна“. Тогда были на Дону три брата, казаки *Разины*. Одинъ изъ нихъ ходилъ, по царскому приказу, на поляковъ и былъ казненъ невинно. Его братъ, *Степанъ*, рѣшился отомстить. Это былъ сильный парень, лѣтъ подъ 40, который любилъ богатырскія пѣсни и очаровывалъ массы своей отвагой и горячимъ словомъ. Бѣшеный и своенравный, Разинъ сегодня шелъ въ Соловки, горячо молился и постился, завтра — бражничалъ и предавался язычеству. Такъ какъ ему все удавалось, то народъ считалъ его колдуномъ. Разинъ собралъ голытьбу и засѣлъ съ нею на холмахъ, у Камышина, которые и теперь называются *Буграми Стеньки Разина*. Отсюда онъ бросался на русскихъ купцовъ и воеводъ, отнимая у нихъ товары и пушки. Стрѣльцы же и простой народъ видѣли только ласку отъ Разина и переходили на его сторону, называли его „батюшкой“. Усилившись, Разинъ явился на Волгѣ и на Касп. морѣ и разбилъ войско шаха. Голытьба стала ходить въ шелку и бархатѣ, и къ ней прибывалъ народъ съ Терека и Кубани, съ Волги и Днѣпра. Алексѣй предложилъ прощеніе Разину, если онъ выдастъ пушки и распуститъ свой отрядъ. Разинъ согласился и возвратился домой, гдѣ устроилъ, на одномъ островѣ, укрѣпленный городокъ *Кагальникъ*. Голытьба снова стала стекаться къ нему и разсказывать про положеніе народа на Руси; въ то же время „старые“ задумали отдѣлаться отъ нея и начали переговариваться съ Москвой. Разинъ вдругъ объявилъ, что „пора идти выводить воеводъ и бояръ“: такъ начался „бунтъ Стеньки“. „Есауломъ“ Разина сталъ *Васька Усъ*, который долго былъ извѣстенъ истребленіемъ помѣщиковъ на Руси. Разинъ взялъ *Царицынъ* и *Астрахань*, гдѣ жители встрѣтили его, какъ избавителя отъ воеводъ; высланные противъ него отряды стрѣльцовъ также приставали къ нему. Разинъ пьянствовалъ, замучивалъ царскихъ слугъ и истреблялъ казенныя бумаги, приговаривая: „вотъ такъ сожгу всѣ дѣла на Верху (во дворцѣ)!“. Изъ Астрахани Разинъ двинулся вверхъ по Волгѣ, на 200 *стругахъ* (лодкахъ): у него было до 10 т. войска и много знаменъ — конскихъ хвостовъ на шестахъ. Онъ объявилъ, что уничтожитъ всякую власть и „царскихъ богомольцевъ“ (духовенство) и вездѣ введетъ „вольное казачество“; и народъ встрѣчалъ его любовно, какъ „смирителя всѣхъ лиходѣевъ“; города по Волгѣ сдавались. Разинъ поддерживалъ старообрядцевъ, поднималъ инородцевъ, даже сносился съ крымской Ордой и съ персидскимъ шахомъ. Бунтъ разлился

до Оки, Камы и Урала; наперсники Разина появились до Бѣлаго моря и до самой Москвы. Но подъ *Симбирскомъ* Разинъ встрѣтился съ царскимъ войскомъ, обученнымъ по-европейски: онъ былъ израненъ, а его рать разсѣялась. Онъ бросился въ Кагальникъ; но „старые“ схватили его обманомъ, а Кагальникъ разрушили. Разина сначала подержали на цѣпи, на церковной паперти, чтобы выкурить его колдовство, потомъ отправили въ Москву. Ужасно было четвертованіе Разина; но онъ не издалъ стона (1671). Патріархъ предалъ его имя проклятію. Изъ приверженцевъ Разина было замучено и перевѣшано до 100 тыс. Бунтъ Разина указывалъ на необходимость преобразованій, которыя и начались при Алексѣѣ. Но „казацкая вольность“ была несбыточной мечтой: именно тогда пало болѣе могущественное казачество—малороссійское.

§ 164. **Присоединеніе Малороссіи къ Москвѣ.**—Положеніе малорос. казаковъ стало невыносимо (§ 152), и у нихъ явился серьезный вождь. *Богданъ Хмѣльницкій,* сынъ богатаго сотника, получилъ образованіе у іезуитовъ въ Галиціи. Юношей онъ выказалъ храбрость въ битвѣ поляковъ съ турками, гдѣ палъ его отецъ, а онъ самъ былъ взятъ въ плѣнъ и 2 г. прожилъ въ Константинополѣ. По возвращеніи домой, онъ былъ сдѣланъ сотникомъ и примѣрно служилъ своему королю: онъ получилъ золотую саблю въ походѣ противъ Москвы. Но вскорѣ Богданъ сталъ врагомъ поляковъ, жалуясь королю на ихъ угнетенія. Паны начали притѣснять его за это; одинъ изъ нихъ разграбилъ хуторъ Богдана, засѣкъ его маленькаго сына и взялъ въ плѣнъ его жену. Затѣмъ Хмѣльницкаго бросили въ тюрьму; но онъ бѣжалъ въ Сѣчь—и начались *казацкія войны* (1648—1653). На призывъ умнаго и всѣмъ извѣстнаго Богдана, котораго народъ называлъ „батькой“, поднялась Украйна, и онъ былъ объявленъ гетманомъ всего малорос. воинства. Въ то же время Хмѣльницкій съѣздилъ въ Крымъ и поднялъ ногаевъ противъ Польши; а съ с. шведы напали на поляковъ. Но важнѣе всего было то, что на Украйнѣ „всѣ крестьяне пошли въ казаки“: они составляли отряды *гайдамаковъ*, которые грабили и истязали помѣщиковъ, ксендзовъ и евреевъ; трупы бросали собакамъ, даже вырывая ихъ изъ могилъ. Многіе гайдамаки приставали къ казакамъ, которые поступали точно также: особенною лютостью отличался полковникъ Богдана, *Нечай*. При такомъ одушевленіи народа, казацкія войны сначала шли счастливо для малороссовъ, про которыхъ надмѣнные поляки говорили: „на этихъ подлыхъ

хлоповъ не стоитъ тратить пуль; мы разгонимъ ихъ плетьми". Хмѣльницкій нанесъ жестокія пораженія полякамъ при *Желтыхъ Водахъ* и подъ *Корсуномъ* и взялъ дань съ Львова. Къ нему являлись посольства отъ царя, султана, хана, господарей румынскихъ и короля шведскаго. У него было нѣсколько бочекъ серебра, болѣе сотни коней, десятки сундуковъ съ дорогимъ платьемъ. У Богдана закружилась голова: онъ то бражничалъ, то постился; сегодня шелъ къ ворожеямъ, завтра — въ церковь; былъ то ласковъ, то надмѣненъ; и все пѣлъ онъ свои собственныя казацкія думы, то грустныя и кроткія, то буйныя и воинственныя. Богданъ не зналъ, что дѣлать дальше; наконецъ, началъ переговоры съ королемъ, который и самъ думалъ, съ его помощью, освободиться отъ ига аристократіи; но паны хотѣли „мстить своимъ холопамъ до своей кончины" и предложили Богдану много выгодъ, если онъ откажется отъ *черни*. Хмѣльницкій рвалъ на себѣ волосы, пилъ по цѣлымъ ночамъ и объявилъ „волю рады" (вѣча): „Выбью изъ польской неволи народъ русскій весь; стану воевать за вѣру православную нашу, и я чернь не выдамъ ляхамъ!" Теперь за нимъ пошли всѣ украинцы, такъ что слово „казакъ" означало уже вообще „русскаго"; прибыло и много донцовъ, а также крымцевъ и турокъ. Подъ *Зборовомъ* (1649) Хмѣльницкій уже взялъ-было въ плѣнъ короля, какъ вдругъ измѣнили татары, подкупленные поляками. Богданъ поспѣшилъ заключить выгодный миръ, но съ условіемъ усмирить чернь. Никто не думалъ исполнять такія условія, и началась 2-я война, неудачная для казаковъ, вслѣдствіе измѣны крымцевъ. Побѣдители просверливали буравами глаза попамъ, сажали на колъ и запрягали въ плуги православныхъ, ставили коней въ церкви. Богданъ принужденъ былъ заключить миръ подъ *Бѣлою Церковью*, отмѣнявшій выгодныя условія Зборовскаго договора. Украинцы называли Богдана измѣнникомъ и покушались на его жизнь. Тогда онъ обратился къ Москвѣ, съ которою велъ переговоры уже лѣтъ 6, но получалъ уклончивые отвѣты, такъ какъ Алексѣй опасался войны съ поляками. Богданъ предложилъ царю „принять казаковъ подъ свою высокую руку", грозя, въ противномъ случаѣ, подчиниться султану. Тогда же много малороссовъ перебралось въ наши владѣнія съ праваго берега Днѣпра, полагая основаніе Харькову, Сумамъ, Ахтыркѣ и др.; а въ Орлѣ, Могилевѣ, Смоленскѣ народъ собирался идти на поляковъ. Видя, что уже опасно отказывать казакамъ, Алексѣй созвалъ соборъ, который приговорилъ при-

нять ихъ въ подданство и воевать съ Польшей. Въ *Переяславль* отправили посольство принять присягу отъ казаковъ (1654). Богданъ созвалъ казацкій кругъ и предложилъ выборъ между султаномъ, ханомъ, королемъ и царемъ. Казаки крикнули: „хотимъ подъ царя восточнаго православнаго!“ Богданъ настаивалъ, чтобы царь присягнулъ „не нарушать вольностей казаковъ“. Но ему отвѣчали: „никогда этого не бывало и впередъ не будетъ; тебѣ и говорить объ этомъ непристойно“. Казаки со слезами присягнули присоединиться къ Москвѣ, подъ именемъ *Малой Россіи* (нын. губ. Полтав., Кіевск., Черниг., большая часть Волынской и Подол.). Они сохранили право имѣть собственное войско (60 т. реестровыхъ) и избирать себѣ гетмана, а также имѣть свой судъ и управленіе и принимать иностранныхъ пословъ. Изъ моск. властей допускались только приказные и воевода въ Кіевѣ для наблюденія за сборомъ дани. Присоединеніе Малороссіи предрѣшило перевѣсъ Россіи надъ Польшей и побѣду христіанства надъ мусульманствомъ въ Европѣ; но вначалѣ оно доставило много бѣдствій Москвѣ, вовлекши ее въ борьбу съ Польшей и Турціей, которая не прекращалась до смерти Алексѣя. Сверхъ того, Украйна долго находилась въ броженіи. Въ ней образовалось 2 сословія—*значные* казаки (знать) и *посполитые* (гультяи или чернь). Значные получали польское образованіе и походили на шляхту, съ которою даже роднились. Изъ нихъ выбиралась *старшина* (казацкія власти); они не платили податей и стремились обратить безземельныхъ гультяевъ въ своихъ холоповъ. Въ церкви также ополяченная іерархія угнетала низшее, чисто-русское духовенство. Знать ненавидѣла Москву, гдѣ всѣ сословія были безправны, и склонялась къ шляхетской Польшѣ; чернь же ненавидѣла Польшу и надѣялась на льготы со стороны самодержавія мужицкой Москвы. Знать господствовала къ з. отъ Днѣпра, чернь — въ вост. Украйнѣ, заселенной гультяями съ праваго берега. Къ черни присоединялись города, богатству которыхъ завидовала знать, и Сѣчь Запорожская (§ 152), это гнѣздо казацкаго гультяйства. Были и внѣшнія причины смутъ: зап. Украйна оставалась польскою, и въ ней была своя гетманская столица, *Чигиринъ;* въ вост. Украйнѣ, въ *Батуринѣ*, сидѣлъ свой гетманъ, подчиненный Москвѣ; Кіевъ же, митрополичья столица, потерялъ объединительное значеніе. Властвующія державы поддерживали броженіе. Польша гнушалась значными не меньше, чѣмъ чернью, и не давала имъ шляхетскихъ привилегій. Москва же смотрѣла на Украйну, какъ на завоеван-

ную страну, и вызывала негодованіе знати, а также іерархіи, замѣтившей, что она хочетъ подчинить кіевскаго митрополита своему патріарху. Оттого *москаль* и *хохолъ* вскорѣ стали бранными словами. Положеніе черни также не улучшилось; но ей легче было сносить обиды отъ православныхъ, чѣмъ отъ католиковъ: она всегда тянула къ Москвѣ, которая поэтому распространяла свою власть на югѣ, несмотря на свою слабость. Но у малорос. интеллигенціи возникъ идеалъ *независимой Украйны*, свободной какъ отъ польскихъ, такъ и отъ моск. вліяній. Для этого нужно было изворачиваться между Москвой, Польшей, Турціей и даже Швеціей: уже Хмѣльницкій заключилъ со шведами, воевавшими съ Москвой, договоръ о раздѣлѣ Польши. Но эта дипломатическая путаница только увеличивала смуты, которыя такъ терзали Украйну, что вторая половина 17 в. названа въ ея пѣсняхъ „руиной".

§ 165. **Войны съ Польшей, Швеціей и Турціей.**—Малороссійскія смуты сливаются съ польскими войнами Алексѣя, которыя начались тотчасъ по присоединеніи Малороссіи. Царь созвалъ соборъ и самъ пошелъ въ походъ, выславши впередъ Иверскую икону. Сначала москвичи взяли Смоленскъ и Вильну, пользуясь помощью Хмѣльницкаго и шведовъ. Но потомъ Алексѣй, испугавшись усиленія шведовъ, объявилъ имъ войну, которая принесла ему рядъ пораженій, хотя и окончилась миромъ на условіяхъ, бывшихъ до войны. Тогда же началась вторая польская война, въ которой русскіе потерпѣли много жестокихъ пораженій. Алексѣй выходилъ къ народу въ печальномъ одѣяніи, укрѣплялъ Москву и собирался въ Ярославль. Главною причиной неудачъ были смуты на Украйнѣ, по смерти Богдана. Гетманомъ былъ выбранъ *Выговскій*, ловкій полякъ, давно взятый въ плѣнъ казаками. Онъ былъ войсковымъ писаремъ (главой казацкой дипломатіи) при Богданѣ и больше его получилъ земель и соболей отъ Алексѣя, теперь же соединился съ значными и передался къ полякамъ, которые обязались, по *гадяцкому договору*, создать изъ обѣихъ Украйнъ независимое „великое княжество русское украинское". Но гультяи выгнали Выговскаго въ Польшу, и „черная рада" поставила гетманомъ запорожца *Брюховецкаго*. Брюховецкій съѣздилъ въ Москву и получилъ чинъ боярина; а затѣмъ пріѣхали на Украйну моск. воеводы. Москва оправилась и вынудила у Польши перемиріе въ *Андрусовѣ* (1667): поляки уступили русскимъ Смоленскъ и Сѣверскую землю, признали за ними вост. Украйну по Днѣпръ и даже уступили Кіевъ, хотя

только на 2 г. Но это было ударомъ для малороссовъ: царь оставлялъ зап. Украйну на произволъ поляковъ. Такъ какъ и поступки воеводъ были невыносимы, то малороссы стали вырѣзывать москалей, заставили Брюховецкаго измѣнить царю, призывали даже донцовъ съ „господиномъ Стенькой“ „выживать Москву, порадѣть о золотой вольности“. Но царское войско разбило Брюховецкаго, и онъ поддался султану. Тоже сдѣлалъ тогда гетманъ зап. Украйны и Сѣчи, *Дорошенко*, который 13 л. такъ твердо стоялъ за независимость Малороссіи, что народъ прославилъ его въ своихъ пѣсняхъ: онъ подчинился Портѣ и выступилъ противъ Польши и Москвы во главѣ турокъ и крымцевъ. Казаки убили Брюховецкаго и провозгласили Дорошенка гетманомъ обѣихъ Украйнъ. Но вскорѣ Дорошенко сдался, разбитый войсками царя Ѳедора; его сдѣлали воеводой на сѣверѣ. Но въ турецкой войнѣ Москву постигла неудача: Ѳедоръ обязался платить дань крымцамъ и призналъ за ними право назначать гетмана зап. Украйны (1680). Въ вост. же Украйнѣ гетманствовалъ тогда сподручникъ Москвы, *Самойловичъ*.

§ 166. **Кавказъ, Сибирь и Западъ.**—При всѣхъ неудачахъ и смутахъ, Россія при Алексѣѣ далеко расширила свои предѣлы. *Кавказъ* уже втягивался въ ея дѣла. Въ горахъ было много народцевъ съ родовыми князьками—обломковъ арійскихъ и монгольскихъ племенъ, шедшихъ изъ-за Каспія въ Европу. Ихъ называли на Руси „горскими“ черкасами: отсюда слово *черкесъ*. Близъ Дербента находилось болѣе сильное владѣніе *шевкала* (шамхала) *тарковскаго*. Съ с. къ горцамъ примыкали кочевые *калмыки* и татары, съ *кумыками* во главѣ. Къ ю. отъ кавказ. хребта были разсѣяны мелкія владѣнія *грузинъ*—у Чернаго м. царства кахетинское и имеретинское, внутри—ханство тифлисское, у Каспія—сильное ханство шемахинское. Народцы Кавказа враждовали между собой, и этимъ пользовались сильные сосѣди—русскіе, турки и персіяне. У хребта Москва уже имѣла линіи *гребенскихъ казаковъ*; на Терекѣ сидѣли ея воеводы; въ трущобахъ Дагестана былъ русскій городокъ. За хребтомъ господствовало вліяніе ислама. Ханъ шемахинскій былъ вассаломъ шаха, а ханъ тифлисскій принялъ даже магометанство и, съ помощью персіянъ, громилъ царей Кахетіи и Имеретіи. Эти цари, тѣснимые также турками, просили уже Михаила принять ихъ въ свое подданство. Въ то же время Москва помогала гребенскимъ казакамъ въ ихъ борьбѣ съ Шемахой и Тарками, опиравшимися на Персію.—Во время польскихъ войнъ, когда *Зап. Сибирь* была

предоставлена „казакамъ“, тамъ поднялись потомки Кучума (§ 113); они вели за собой калмыковъ, прикочевавшихъ тогда въ *Барабинскую степь* (верховья Иртыша и Тобола), башкирцевъ и др. инородцевъ, вооруженныхъ стрѣлами. Побѣда осталась за горстью казаковъ, владѣвшихъ „огненнымъ боемъ“: инородцы снова стали платить ясакъ въ царскую казну мѣхами. Казаки пробрались тогда и въ *Вост. Сибирь*. Они основывали *остроги* (Енисейскъ, Красноярскъ, Иркутскъ и др.), куда прибывали изъ Россіи „пашенные крестьяне“, а царь присылалъ ратныхъ людей и воеводу. Казаки шли все дальше, пугали туземцевъ деревянными пушками, брали ясакъ и заложниковъ съ бурятъ, тунгузовъ и якутовъ, мѣняли на мѣха металлическія бездѣлушки, особенно водку. Ок. 1645 г. *Поярковъ* съ 133 товарищами поплыли изъ Якутска по Ленѣ и Алдану, переволоклись въ притокъ Амура, прошли Амуромъ въ Охотское м., оттуда опять по притоку Алдана и по Ленѣ возвратились домой. Въ 1648 г. *Дежневъ* съ 25 товарищами открыли Беринговъ прол., послѣ многихъ мученій. Затѣмъ казаки захватили *Албазинъ;* но тутъ ихъ остановили китайскіе панцырники съ винтовками и пушками, что вызвало первое посольство изъ Москвы въ Пекинъ. Покинутые правительствомъ, казаки должны были бросить Албазинъ. При Алексѣѣ Россія вступила въ дипломатическія сношенія со всѣмъ Западомъ: наши послы ѣздили изъ Архангельска до Венеціи, на голландскихъ судахъ; а въ Голландіи сидѣлъ нашъ „резидентъ“. Съ политическою цѣлью ѣздили особенно въ Вѣну и Венецію изъ-за *восточнаго вопроса*. Тогда писатели юго-зап. Руси проповѣдовали, что Москва должна уничтожить турокъ и освободить Гробъ Господень; а сербъ *Юрій Крижаничъ* (§ 191) говорилъ Алексѣю: „Тебѣ одному выпалъ жребій промышлять обо всемъ народѣ славянскомъ, пособить задунайцамъ, ляхамъ и чехамъ сбросить съ шеи нѣмецкое и турецкое иго“. Царь ограничился тѣмъ, что просилъ папу соединить Западъ для изгнанія мусульманъ изъ Европы. Но турецкіе христіане уже вѣрили, что даже по исламскимъ гаданіямъ „пришло время Цареграду быть за русскимъ государемъ“. Мелкія государства уже благоговѣли предъ могуществомъ Москвы. Царь Кахетіи едва рѣшился „съ великимъ страхомъ“ облобызать Алексѣя; великій герцогъ Флоренціи со слезами цѣловалъ грамату царя. Уважали Москву и великія державы. Только папа требовалъ цѣлованія ноги, а богдыханъ называлъ царя своимъ холопомъ; но за это наши послы не брали у нихъ граматъ.

§ 167. **Кружокъ преобразователей.** — Подъ вліяніемъ Запада, при Алексѣѣ началась *подготовка преобразованій*, благодаря кружку передовыхъ людей. Тогда сынъ бѣднаго помѣщика, *Нащокинъ* выдвинулся наравнѣ съ европ. дипломатами и сталъ начальникомъ Посольскаго Приказа съ титуломъ „оберегателя царственной большой печати“ (канцлера). Нащокинъ походилъ на зап. человѣка: его друзья были иностранцы; онъ поручилъ польскимъ плѣнникамъ воспитаніе своего сына. Честный Нащокинъ стоялъ за „государственное дѣло“, преслѣдовалъ дьяковъ за „воровство и нерадѣніе“, противорѣчилъ самому царю. Алексѣй любилъ его за это, тѣмъ болѣе, что Нащокинъ былъ преданъ самодержавію и православію, ненавидѣлъ республики и казаковъ. Одинъ царь защищалъ Нащокина, котораго всѣ ненавидѣли не за однѣ новизны: это былъ человѣкъ высокомѣрный, честолюбивый и желчный. Нащокинъ старался поставить свой Приказъ на европейскую ногу: завелъ *почты* для сношеній съ Зап. и *куранты* (§ 144) для двора. Онъ же построилъ на Окѣ первый русскій корабль, *Орелъ*, сожженный Разинымъ, и ботъ, сохранившійся у Милославскихъ. Враги преобразованій успѣли, наконецъ, удалить Нащокина отъ двора, и онъ пошелъ въ монахи. Но Посол. Приказъ перешелъ не къ нимъ, а къ *Артамону Матвѣеву*, который еще болѣе походилъ на иностранца, чѣмъ Нащокинъ. Сынъ приказнаго дьяка, способный и начитанный Матвѣевъ началъ службу въ иностранномъ полку и полюбилъ Нѣмецкую Слободу (§ 137), гдѣ взялъ себѣ жену, а съ нею и западные обычаи. Въ его домѣ была иностранная мебель, картины, часы. Здѣсь гости собирались для бесѣдъ, а не для попоекъ, и не исключались дамы, среди которыхъ красовалась умная и привѣтливая воспитанница хозяина, *Наталья Кириловна Нарышкина*. Здѣсь же часто бывалъ *Годфридъ*, устроившій изъ крѣпостныхъ и подъячихъ Матвѣева труппу, которая изображала „комидійныя дѣйства“ и балетъ. А въ Посол. Приказѣ занимались переводами зап. книгъ. Всѣ любили Матвѣева за скромность и ровный характеръ; а царь скучалъ безъ него и называлъ его своимъ другомъ. Столь же близокъ былъ къ Алексѣю постельничій, добрякъ *Ртищевъ*, который раздавалъ бѣднымъ деньги и земли, строилъ богадѣльни, облегчалъ участь крѣпостныхъ; малороссы просили царя сдѣлать „ласковаго и правдиваго“ постельничаго ихъ „княземъ“. Ртищевъ помогалъ Никону въ исправленіи книгъ и устроилъ на свой счетъ *Ученое Братство* изъ 30 малорос. монаховъ, а при немъ высшее учи-

лище; занятый днемъ во дворцѣ, онъ проводилъ ночи въ бесѣдахъ съ учеными монахами. Подлѣ этихъ, свѣтскихъ, преобразователей выдвинулся *Симеонъ*, прозванный, по мѣсту рожденія, *Полоцкимъ*. Онъ учился въ кіевской коллегіи и за-границей, гдѣ пріобрѣлъ католическіе взгляды. Зная полатыни и попольски, Полоцкій отовсюду собиралъ свѣдѣнія и издавалъ всевозможные сборники, отъ проповѣдей до одъ и драмъ. Для русскихъ тогда требовался такой энциклопедистъ и борзописецъ, какъ первый учитель, создавшій читателей; ктому же Полоцкій излагалъ занимательно и легко, хотя витіевато и все виршами. Полоцкій посвятилъ себя борьбѣ съ невѣжествомъ. Онъ умолялъ царя заводить школы и особенно поощрять изученіе иностранныхъ языковъ; въ проповѣдяхъ нападалъ на невѣжество духовенства и раскольниковъ, которые обвиняли его за это въ еретичествѣ, но не могли повредить ему: ловкій царедворецъ, онъ умѣлъ угождать Алексѣю. Подъ вліяніемъ Полоцкаго, бояре начали обучать своихъ дѣтей языкамъ, и въ Москвѣ появились польскія книги; а для переводовъ были призваны изъ Кіева монахи, во главѣ ихъ *Славинецкій* (§ 159). Серьезный ученый, кабинетный труженикъ, Славинецкій не любилъ честолюбиваго, поверхностнаго Полоцкаго и умеръ бѣднымъ іеромонахомъ. Онъ зналъ, кромѣ лат. и польскаго, языки греческій и еврейскій, былъ знакомъ и съ Св. Писаніемъ и съ свѣтскими науками. Славинецкій училъ въ школахъ, говорилъ проповѣди, переводилъ и сдѣлалъ исправленіе книгъ; но у него не было дара изложенія. Царь самъ былъ близокъ къ кружку новыхъ людей и поручилъ воспитаніе своихъ дѣтей Полоцкому. Незадолго до смерти, Алексѣй совсѣмъ становился зап. человѣкомъ. Тогда умерла Марья Милославская (§ 158), женщина стараго закала, и онъ женился на Натальѣ Нарышкиной. Народъ впервые увидѣлъ царицу на улицѣ, въ открытомъ экипажѣ; а во дворцѣ появилась труппа Матвѣева и съ нею пляска и музыка. 30 мая 1672 г. царица родила сына, Петра—и утвердилось вліяніе новыхъ людей. Но вскорѣ Алексѣй умеръ (1676).

§ 168. **Ѳедоръ. Милославскіе и Нарышкины.** — У Алексѣя осталось большое семейство, которое распадалось на 2 враждебныхъ лагеря, вслѣдствіе двухъ браковъ царя. Сначала возобладали Милославскіе, такъ какъ царемъ сталъ старшій сынъ Алексѣя, отъ царицы Марьи, *Ѳедоръ*. Но Ѳедору было всего 14 л.; онъ былъ болѣзненъ и бездаренъ, хотя отличался добротой, зналъ попольски и немного полатыни, сочинялъ вирши. Именемъ Ѳе-

дора управляла его образованная и даровитая сестра, *Софья*. Она видѣла, что царь скоро умретъ бездѣтнымъ, а ея слѣдующій единокровный братъ, *Иванъ*, былъ подслѣповатъ и „скорбенъ главой"; слѣдовательно правленіе должно было перейти къ *Петру*, т.-е. къ Нарышкинымъ. Софья рѣшилась не уступать власти и стала во главѣ Милославскихъ. Началась *борьба двухъ направленій:* Милославскіе—это древняя Россія, въ которой если и было какое-нибудь образованіе, то устарѣлое, подготовительное, *польское* (южно-русское); Нарышкины — это новая Россія, съ стремленіемъ къ кореннымъ преобразованіямъ, съ просвѣщеніемъ западнымъ, *нѣмецкимъ*. Первую партію составляли родовитые бояре и грубые стрѣльцы; душой второй партіи былъ *Матвѣевъ*, а за нимъ новое войско, обученное поевропейски, и Нѣмецкая Слобода. При Ѳедорѣ господствовала старина. Матвѣева обвинили въ чернокнижіи и сослали въ Сибирь; сослали и братьевъ царицы Натальи, которая жила, съ своимъ сыномъ, также въ неволѣ, въ подмосковномъ селѣ *Преображенскомъ*, гдѣ ее дурно содержали. Однако преобразованія были такъ нужны, что продолжались и тогда. Самъ Ѳедоръ больше всего заботился о просвѣщеніи: онъ любилъ читать, посѣщалъ типографію и основалъ первый русскій университетъ —*Славяно-греко-латинскую Академію*. Академія пользовалась доходами богатыхъ областей и самосудомъ; учителямъ давались льготы и пенсіи; ученики получали важныя должности. Но моск. академія, созданная по мысли Полоцкаго, была сколкомъ съ кіевской коллегіи (§ 151). Она была центромъ устарѣвшаго просвѣщенія и столпомъ православія: она сожигала не только книги, но и людей, по подозрѣнію въ еретичествѣ. Ѳедоръ уничтожилъ четвертованіе, замѣнялъ кнутъ штрафами. Въ то же время сокращали число воеводъ и приказовъ, уменьшали налоги, созывали депутатовъ отъ городовъ и селъ „для уравненія людей всякаго чина въ платежѣ податей". Наконецъ, созвали, для ратныхъ преобразованій, соборъ служилыхъ, который потребовалъ *отмѣны мѣстничества*. Ѳедоръ сжегъ Разрядныя книги (§ 112), при многихъ свидѣтеляхъ; въ видѣ уступки чванству бояръ, составили *Родословную* книгу, на которую не дозволялось однако ссылаться по службѣ. Сверхъ того, однимъ боярамъ дозволялось ѣздить четверней и даже шестерней, другимъ только на одной лошади или верхомъ; но эти почести были росписаны уже по „разряду" или *чину*, т. е. по должности, а не по роду. Всѣ эти мѣры удалось провести въ теченіе 6 л., наполненныхъ смутами на Украйнѣ и тяжкою вой-

ною съ Турціей (§ 165). Онѣ связаны съ людьми новаго направленія и не родовитыми — съ *Языковымъ* и *Лихачевымъ*, которые отличались обходительностью и даровитостью. Лишь подъ конецъ выдвинулся другъ Софьи, знатный и умный бояринъ, *Василій Голицынъ*, но и онъ былъ образованъ и пристрастенъ къ Западу; ему особенно нравились вѣжливые французы и вкрадчивые іезуиты. Жены Ѳедора принадлежали къ этой же средѣ. *Грушецкая* была незнатная, но образованная полька; при ней при дворѣ стали брить бороды, стричь волосы, носить польское платье, даже говорить попольски. Вторая царица, *Апраксина*, была родственница Языкова и крестница Матвѣева, котораго она возвратила изъ ссылки; при ней царь примирился съ мачихой.

§ 169. **Софья и Нарышкины.**—По смерти Ѳедора (1682), снова началась борьба между Милославскими и Нарышкиными. Грубый приверженецъ старины, патріархъ Іоакимъ собралъ бояръ; но они не рѣшались стать за Милославскихъ, въ виду неспособности Ивана: они уже замѣтили даровитость Петра и радовались, что покуда могутъ управлять за нихъ его ловкіе и и обходительные приверженцы. За Милославскихъ открыто стоялъ одинъ *Хованскій*, который чванился своимъ происхожденіемъ отъ Гедимина, но самъ прославился только пораженіями въ войнахъ, невѣжествомъ да вздорною болтовней: Алексѣй называлъ его дуракомъ, а народъ—Тараруемъ. Когда Верхъ (дворъ) высказался за Петра, Іоакимъ спросилъ на площади: кому быть царемъ, Петру или Ивану? Толпа стала за Петра, и напрасно озлобленная Софья кричала передъ нею, что Ѳедора отравили и что сестры его остались жалкими сиротами. Настало господство Нарышкиныхъ. Наталья сдѣлалась правительницей; ея родня стала презрительно обращаться съ боярами; Матвѣевъ получилъ прежнее значеніе. Милославскимъ угрожали гоненія, а Софьѣ—монастырь. Но *Софья* была не старинной боярышней, а представительницей эпохи подготовки преобразованій. Умная и бойкая, она много читала попольски и бесѣдовала съ образованными людьми, а просвѣщеннаго Голицына сдѣлала своимъ другомъ. Софья не отходила отъ Ѳедора и подъ конецъ пользовалась почетомъ правительницы. При смерти брата, ей было 25 л.; она была крѣпка, полна и красива. Привыкшая къ власти, пылкая и безстрашная Софья рѣшилась бороться и осоюзилась съ старою Русью, въ особенности со стрѣльцами. Когда-то новое войско (§§ 112, 139), *стрѣльцы* стали тогда раскольниками и врагами новизны, такъ какъ должны были уступить первое

мѣсто иностраннымъ полкамъ. Они обратились въ полицейскихъ и пожарныхъ, но пользовались льготами, какъ постоянное войско подлѣ царя: не платили податей, ходили въ цвѣтныхъ раззолоченныхъ кафтанахъ, въ сафьянныхъ сапогахъ и бархатныхъ шапкахъ съ собольей опушкой. Стрѣльцы жили своими домами въ *Стрѣлецкой Слободѣ*, торговали и управлялись собственнымъ „кругомъ"; только „полковники" назначались имъ отъ правительства. Полковники истязали своихъ подчиненныхъ, обращали ихъ въ своихъ батраковъ. Оттого стрѣльцы волновались. Тутъ Софья съ Хованскимъ стали раздавать имъ деньги, увѣряя, что Нарышкины хотятъ отдать Москву иностранцамъ. Въ маѣ 1682 г. вспыхнулъ *первый стрѣлецкій бунтъ*. Были убиты нѣкоторые изъ Нарышкиныхъ, Матвѣевъ, Языковъ, нѣсколько иностранцевъ: между стрѣльцами ходилъ списокъ „измѣнниковъ". Иванъ и Петръ были оба объявлены царями, а Софья—правительницей. Софья отдала стрѣльцамъ имущество убитыхъ, угощала ихъ во дворцѣ, назначила ихъ начальникомъ Хованскаго, котораго они любили, какъ своего „батюшку". Но борьбой съ ними же началось *правленіе Софьи*. Стрѣльцы хотѣли сами властвовать съ помощью толпы: во время бунта они разгромили Холопій приказъ, изорвали кабальныя грамоты, объявляли холопамъ и слугамъ „полную волю"; они подстрекали также раскольниковъ. Тяглые люди не тронулись; но раскольники соединились со стрѣльцами, сгорая желаніемъ отомстить за то, что ихъ „жгли и пытали". Съ *Никитой Пустосвятомъ* во главѣ (§ 160), они вошли въ Кремль, предшествуемые „отцами"—начетчиками въ старинныхъ клобукахъ со свѣчами, старымъ крестомъ и соловецкими тетрадками въ рукахъ. Ихъ пустили въ Грановитую Палату для преній съ патріархомъ; тутъ же, на царскихъ мѣстахъ, сидѣла Софья съ сестрами. Никита сталъ ругать патріарха и замахнулся на него. Когда Софья остановила его, послышалось: „вамъ, государыня, давно пора въ монастырь". Софья жаловалась стрѣльцамъ на обиду, выкативъ имъ бочки вина—и въ то время, какъ раскольники кричали народу: „побѣдихомъ!" стрѣльцы убили нѣсколько „отцовъ", а Никитѣ была отрублена голова. Затѣмъ Софья взялась за самихъ стрѣльцовъ, тѣмъ болѣе, что пошли слухи о желаніи Хованскаго захватить власть. Она выѣхала въ Троицкую Лавру, снабженную пушками, собрала тамъ служилыхъ и казнила Хованскаго съ сыномъ. Замѣтивъ, что и москвичи противъ нихъ, стрѣльцы повинились. Такъ началось правленіе Софьи, служившее продолженіемъ царствованія Ѳедора.

Тогда ограничили смертную казнь, отмѣнили окапываніе въ землю мужеубійцъ и т. под. Были призваны греки *Лихуды* преподавать свѣтскія науки людямъ всѣхъ званій. Софья окружила себя учеными, среди которыхъ выдавался ученикъ Полоцкаго, игуменъ *Сильвестръ Медвѣдевъ*. Голицынъ завѣдовалъ иностранною политикой, которая отличалась смѣтливостью. Когда стѣсненные турками поляки обратились къ Софьѣ за помощью, она заключила съ ними „вѣчный" миръ, за что пріобрѣла *Кіевъ* въ вѣчное владѣніе; Янъ Собѣскій заплакалъ, подписывая этотъ договоръ (1686). Вслѣдъ затѣмъ поляки съ австрійцами напали на турокъ, а Голицынъ двинулся на Крымъ съ небывалой на Руси арміей. Но 2 *крымскихъ похода* оказались неудачными, благодаря выжженой татарами степи, по которой двигались войска. Много повредили и смуты въ Малороссіи. Самойловичъ (§ 165) испугался усиленія Москвы, которая тогда же подчинила кіевскаго митрополита своему патріарху, и негодовалъ за ея союзъ съ поляками. Онъ тайно помогалъ хану и былъ сосланъ въ Сибирь; на его мѣсто былъ выбранъ, по указанію Голицына, *Иванъ Мазепа*. Но русскіе впервые совершили *наступательное* движеніе противъ татаръ и безъ боя дошли до Перекопа.

§ 170. **Развитіе и воцареніе Петра.**—Правленіе Софьи было прервано мятежемъ, связаннымъ съ именемъ 17-лѣтняго *Петра*. Петра развили обстоятельства: на глазахъ ребенка текла кровь близкихъ ему людей новаго направленія подъ ударами исчадій старины. Въ немъ воплотился русскій умъ конца 17-го в., умъ критическій и любознательный: мальчикъ распрашивалъ обо всемъ, что ни попадалось ему на глаза. Петръ былъ *самоучкой:* старая Россія могла дать ему только грамотность, въ лицѣ жалкаго дьяка, *Зотова*, да лубочныхъ картинъ. Послѣ дьяка, Петра оставили на произволъ судьбы, какъ опальнаго, и онъ бросился въ Кукуй-Городокъ (§ 137), гдѣ жилъ его первый дядька, любимецъ царя Алексѣя, шотландецъ *Менезіусъ*. Въ Кукуѣ Петръ привыкъ къ общительности и нашелъ какъ ученыхъ, такъ и мастеровыхъ. Онъ выбралъ себѣ учителями голландца *Тиммермана*, шотландца *Гордона* и швейцарца *Лефорта:* отъ нихъ онъ пріобрѣлъ свѣдѣнія по геометріи, фортификаціи и кораблестроенію. У нѣмцевъ же, которые были тогда наименѣе образованнымъ народомъ, онъ научился ремесламъ, а также трудолюбію и добросовѣстности. Самыя игры Петра въ Преображенскомъ приняли серьезный видъ: онъ игралъ въ солдатики, при-

чемъ обучалъ охочихъ людей, особенно придворныхъ конюховъ, европейскому строю; эти *потѣшные* полки стали ядромъ новой русской арміи. Мальчикъ забавлялся еще, въ Измайловѣ на озерѣ, дѣдовскимъ ботомъ (§ 167) и устроилъ флотилійку на Переяславскомъ оз. Въ 1689 г. мать женила Петра на красивой и кроткой боярышнѣ, *Евдокіи Лопухиной*—женщинѣ стараго закала, невѣжественной, скучной, враждебной иностранцамъ; Петръ скоро охладѣлъ къ ней, несмотря на рожденіе сына, *Алексѣя*. Софья понимала, что Петръ будетъ самъ править, и въ ея глазахъ Преображенское было берлогой, гдѣ сидѣла „медвѣдица". Она спѣшила вѣнчаться на царство и уже подписывалась „самодержицею". Въ Преображенскомъ же считали Софью „зазорнымъ лицомъ", Медвѣдева—„.Лѣшимъ медвѣдемъ", а Голицына — продавшимся хану. У Софьи не было людей, кромѣ стрѣльцовъ, и ихъ опять стали одарять и спаивать. Петра извѣстили о близости мятежа. Ночью, въ слезахъ, ускакалъ онъ къ Троицѣ, призывая всѣхъ къ себѣ на защиту (1689). Тотчасъ явились иностранцы и служилые, затѣмъ бояре, много стрѣльцовъ и самъ Іоакимъ, котораго Софья хотѣла замѣнить Медвѣдевымъ. Медвѣдевъ былъ казненъ; трехъ стрѣльцовъ сослали въ Сибирь, а Голицына на Бѣлоозеро; Софью заточили въ Новодѣвичій монастырь, подъ Москвой. Петръ сталъ единодержавнымъ: его братъ пользовался только титуломъ *Ивана V* (II, какъ царь) и почестями. Впрочемъ, Петръ еще 5 л. занимался самовоспитаніемъ, а управляли Нарышкины. Онъ проходилъ тогда службу, съ „бомбардира", и давалъ потѣшныя сраженія, въ которыхъ выступали цѣлые *солдатскіе* полки (Семеновскій и Преображенскій); а въ качествѣ „шкипера", онъ построилъ верфь въ Архангельскѣ, положилъ тамъ основаніе флоту, провожалъ иностранныя суда далеко, до Мурманскаго берега. Въ то же время Петръ пировалъ и колобродилъ. Попойки назывались у него службой у Ивашки Хмѣльницкаго, которою заправлялъ „сумасброднѣйшій и всепьянѣйшій соборъ" со „всешутѣйшимъ патріархомъ или княземъ-папою". Часто совершались по Москвѣ шумные ходы ряженыхъ или трещали любимые царемъ фейерверки. Тутъ сказывался недостатокъ воспитанія у Петра въ отвращеніи къ музыкѣ, въ пристрастіи къ вину, въ порывахъ бѣшенства: царь билъ палкой своихъ любимцевъ, давалъ имъ пощечины, топталъ ихъ ногами, бросался на нихъ со шпагой; многіе не могли выносить безъ трепета его грознаго взгляда. Отсюда частыя болѣзни этого гиганта по сло-

женію, а также обезображеніе этого красавца: у него тряслась голова, и лицо морщилось отъ судорогъ. Петръ раздѣлялъ свои пиры и труды съ „компаніей“: уже образовался кружокъ новыхъ, незнатныхъ людей. Здѣсь первенствовали образованные русскіе да обрусѣвшіе иностранцы. Но главнымъ другомъ царя былъ *Лефортъ*. Онъ не обладалъ спеціальностью, но былъ начитанъ, краснорѣчивъ и обходителенъ; никто не умѣлъ такъ укрощать и веселить Петра разсказами про Западъ. Лефортъ одѣлъ Петра въ иноземное платье и настаивалъ на его поѣздкѣ за-границу, не вмѣшивался въ правленіе; но ему принадлежала мысль объ азовскихъ походахъ.

§ 171. **Петръ подъ Азовомъ и за-границей; его идея.** — Съ азовскихъ походовъ началось правленіе Петра. Ему было уже 23 г., и тогда умерла его мать. Петру выгодно было начать свое правленіе защитой православія и местью за неудачи Голицына. Мусульмане сами вызывали на борьбу, вмѣшиваясь въ смуты на Украйнѣ при Мазепѣ (§ 169). Красивый, вкрадчивый *Мазепа* зналъ польскій, лат. и нѣм. языки и провелъ юность при польскомъ дворѣ, гдѣ былъ сдѣланъ шляхтичемъ. Возвратившись домой, на Волынь, онъ обидѣлъ одного пана, который привязалъ его къ лошади и пустилъ въ лѣсъ. Мазепа пошелъ въ казаки, къ Дорошенку, гдѣ сталъ генеральнымъ писаремъ; но вскорѣ попалъ въ плѣнъ къ москвичамъ. Здѣсь онъ ловко очернилъ Дорошенка и такъ очаровалъ сначала Матвѣева, потомъ Голицына, что его сдѣлали гетманомъ. Угождая Москвѣ, онъ 20 л. удержался на этомъ постѣ, несмотря на всеобщую ненависть. Значные посылали на него доносы въ Москву изъ зависти; но Петръ такъ полюбилъ его, что отдавалъ ему на казнь доносщиковъ, и даже такихъ, какъ старшины *Искра* и *Кочубей*. Чернь ненавидѣла Мазепу за его барство: окруженный моск. стрѣльцами, онъ угнеталъ ее и даже ввелъ *панщину* (барщину). Народъ волновался, особенно въ Сѣчи: запорожцы призвали, наконецъ, татаръ, чтобы освободить Украйну и отъ Мазепы съ москалями, и отъ поляковъ. Мазепа убѣждалъ русскихъ немедленно двинуться на Крымъ. Но Петръ опасался степи, помня примѣръ Голицына; къ тому же онъ искалъ моря и слыхалъ объ „азовскомъ сидѣньѣ“ донцовъ (§ 129). Первый азовскій походъ (1695) былъ неудаченъ: ничего не было готово, и командовалъ еще не самъ Петръ, а Лефортъ. Понявши, что Азовъ можно взять только съ моря, Петръ въ одну зиму построилъ въ Воронежѣ цѣлую флотилію, самъ работая топоромъ

среди вьюгъ и слякоти. Весной турецкій флотъ былъ отогнанъ, и Азовъ палъ. Въ Москвѣ пировали и плакали отъ радости; въ Варшавѣ говорили печально: „какой отважный человѣкъ! Что отъ него будетъ, когда онъ такъ выполируетъ москалей?“ Между тѣмъ Петръ приказалъ помѣщикамъ и купцамъ немедленно построить новый *флотъ у Воронежа* и рыть каналъ между Волгой и Дономъ, составляя для этого „кумпанства“ (общества): у ослушниковъ отбирали имѣніе. Компаніи выписывали мастеровъ изъ Европы; но Европа присылала, за дорогую плату и съ задержками, худшихъ людей. Петръ рѣшился *уничтожить зависимость Россіи отъ иностранцевъ, передѣлавъ ее на европейскій ладъ*,—вотъ его основная идея, возникшая среди азовскихъ походовъ. Онъ тотчасъ же послалъ 50 придворныхъ учиться въ морскія страны, затѣмъ рѣшился и самъ ѣхать въ Европу. Старая Россія поняла, что готовится ея погибель. Она роптала: „царь не живетъ въ своихъ государскихъ чертогахъ; онъ окружилъ себя людьми новыми и непородными, проматываетъ казну съ безстыжими иноземцами, не соблюдаетъ царскаго чина и степенства, служитъ съ низшаго чина, обращаетъ потоки не въ ту сторону, куда Богъ обратилъ ихъ“. Полковникъ *Цыклеръ* съ друзьями уговаривали стрѣльцовъ убить Петра и возстановить Софью; но стрѣльцы донесли — и заговорщики были казнены. Затѣмъ Петръ отправился за-границу, оставивши въ Москвѣ боярское правленіе (1697). Чтобы ему не мѣшали учиться, онъ поѣхалъ, какъ „урядникъ Петръ Михайловъ“ въ свитѣ „посла“ Лефорта. Въ Берлинѣ Петръ ознакомился съ артиллеріей, въ Голландіи и Англіи — съ корабельнымъ дѣломъ. На верфи въ *Сардамѣ* онъ долго жилъ плотникомъ въ лачугѣ кузнеца: „мы, говорилъ онъ, не знатные господа, а простые люди“. Петръ осматривалъ фабрики, мастерскія, богадѣльни, дороги; знакомился съ математикой и естествознаніемъ; увлекался анатоміей и пробовалъ гравировать. Онъ работалъ и по ночамъ, и въ дорогѣ: ему не успѣвали показывать все интересовавшее его. Вездѣ онъ присматривалъ хорошихъ мастеровъ и заподряжалъ ихъ для Россіи. Въ Европѣ сначала смотрѣли на царя „варварской Московіи“, какъ на диво: за нимъ ходили толпы, которыя такъ надоѣдали ему, что однажды онъ далъ пощечину какому-то ротозѣю. Но потомъ оцѣнили геніальность царя-работника и только сожалѣли объ его невоспитанности: Петръ ѣлъ грязно, пилъ много, дѣлалъ дикія выходки, особенно отъ смущенія; онъ закрывалъ лицо руками, бесѣдуя съ знатными дамами и, какъ

ученикъ, собиралъ письменныя свидѣтельства о своихъ успѣхахъ. Изъ Лондона Петръ поѣхалъ въ Венецію черезъ Вѣну, гдѣ узналъ о новомъ *стрѣлецкомъ бунтѣ* (1698). Стрѣльцы не пошли за Цыклеромъ только изъ страха предъ Петромъ; но они чувствовали, что имъ „все равно пропадать“: Петръ унижалъ ихъ и заставлялъ много работать вдали отъ Москвы. Вдругъ до нихъ дошелъ слухъ, что Софья зоветъ ихъ въ Москву, обѣщая принять правленіе, такъ какъ „про царя ничего не слышно“. Они двинулись, надѣясь поднять донцовъ и раскольниковъ; но ихъ встрѣтили солдаты съ пушками. Стрѣльцы бѣжали; многіе были казнены, остальныхъ разсажали по тюрьмамъ. Тутъ нагрянулъ царь—и начались неслыханныя пытки, которымъ подвергали даже стрѣльчихъ. Патріархъ приходилъ съ иконой молить о пощадѣ, но Петръ закричалъ на него: „убирайся скорѣе!“ 12 дней происходили казни, и Петръ самъ рубилъ головы. Многіе были повѣшены передъ окнами Софьи, съ челобитными въ рукахъ. Софью, противъ которой не нашлось уликъ, постригли въ монахини въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ она умерла черезъ 5 л. Тогда же Петръ постригъ свою жену и выслалъ Лопухиныхъ изъ Москвы. Онъ преслѣдовалъ Евдокію и въ монастырѣ, и возненавидѣлъ ея сына, Алексѣя, котораго помѣстилъ у своей сестры.

§ 172. **Значеніе и характеръ преобразованій Петра.** — Тогда Петръ весь дрожалъ по ночамъ, какъ въ лихорадкѣ: онъ рѣшился на великій шагъ, который считалъ долгомъ своей совѣсти. Прогоняя патріарха, Петръ сказалъ: „я исполняю свою обязанность и дѣлаю богоугодное дѣло“. Это дѣло—*преобразованіе Россіи по западному образцу,* подготовленное предшественниками. Получивши отъ старой Руси грубость и необузданность нрава, Петръ повелъ его запальчиво, впадая въ крайности, не разбирая средствъ. Привыкнувъ за-границей къ цивилизованной жизни, онъ, какъ юноша, идеализовалъ все западное, и никто не могъ внушить ему критическаго взгляда на пороки Европы. Петръ рѣшился *рабски заимствовать* оттуда все полезное и насильственно перенести въ Россію. Потрясеніе страны было тѣмъ сильнѣе, что преобразователь рѣшился коснуться не одной политики, но и *быта*, т.-е. всѣхъ сторонъ жизни. Оно носитъ особенно рѣзкій характеръ, оттого что Петръ ставилъ вопросъ лично, страстно: въ его глазахъ стрѣлецкій бунтъ—это „растетъ сѣмя Милославскихъ“, борода, длинный кафтанъ—это заговоръ противъ его жизни Петръ не могъ понять объясненій донцовъ,

по поводу новаго платья: „мы носимъ платье, какъ кому изъ насъ которое понравится — черкесское, калмыцкое, стародревнее русское; а къ нѣмецкому платью у насъ охоты нѣтъ“. Неумолимость Петра объясняется еще его глубокою вѣрой въ свое дѣло. Когда въ Англіи ему замѣтили, по поводу договора о ввозѣ табаку въ Россію, что русскіе не примутъ этого зелья, онъ сказалъ съ яростью: „я ихъ передѣлаю на свой ладъ, когда вернусь домой!“ Вернувшись, Петръ въ первую же ночь подписалъ приговоръ стрѣльцамъ и бородѣ, и прежде чѣмъ собственноручно рубить головы стрѣльцамъ, онъ собственноручно обрѣзалъ бороды вельможамъ, поздравлявшимъ его съ пріѣздомъ. Преобразованія не прекращались во все царствованіе Петра, и чѣмъ дальше, тѣмъ они были обширнѣе. Недаромъ во главѣ бытовыхъ реформъ стояли уничтоженіе *бороды* и введеніе *нѣмецкаго платья*. Эта внѣшность была въ глазахъ старой Руси такою же святыней, какъ двуперстное сложеніе и сугубое аллилуя. Съ другой стороны, Петръ только развивалъ то, что уже дѣлала сама жизнь: брадобритіе началось еще при Годуновѣ (§ 115); Ѳедоръ велѣлъ придворнымъ и приказнымъ носить короткіе кафтаны. Политическія преобразованія Петра были заимствованы у Бранденбурга, страны ближайшей къ намъ и наименѣе развитой: тамъ процвѣтали тогда *абсолютизмъ*, *бюрократія* (чиновничество) и *централизація*, которыя и легли въ основаніе учрежденій Петра. Петру принадлежитъ одна только собственная черта: на Зап. господствовалъ тогда идеалъ монарха въ лицѣ Людовика XIV, который говорилъ: „государство — это я“. Петръ же считалъ себя, подобно Фридриху II, жившему позже, первымъ слугою государства. *Государственная польза* — вотъ его цѣль, и въ этомъ смыслѣ онъ былъ единственнымъ въ Россіи патріотомъ и честнымъ труженикомъ. У Петра были мозолистыя руки, которыя съ изумленіемъ разсматривали при зап. дворахъ; онъ плохо ѣлъ и спалъ; больной, онъ трясся, въ своей кибитчонкѣ, по гадкимъ дорогамъ, изъ конца въ конецъ Россіи, и жилъ въ тѣсныхъ комнаткахъ, гдѣ простые люди толпились рядомъ со знатью. Петръ служилъ, какъ послѣдній подданный, и только свое офицерское жалованье тратилъ по произволу, казну же считалъ государственнымъ достояніемъ. Онъ былъ грозенъ и жестокъ только относительно людей, лишенныхъ *общественнаго духа*, который онъ старался воспитать у русскихъ. Лучшимъ объясненіемъ идеи преобразователя служитъ основаніе новой столицы. Петръ до того стремился къ Балтійскому м.,

какъ къ связи съ Западомъ, что лишь только завоевалъ, у устьевъ Невы, одно древне-русское поселеніе, тотчасъ же переименовалъ его въ *Петербургъ* (1703) и заложилъ Петропавловскую крѣпость, а на ближайшемъ островѣ — крѣпость *Кронштадтъ*. Затѣмъ было приказано знати строиться въ Петербургѣ; ежегодно сгонялось туда до 50 т. рабочихъ, и по всей Россіи остановлены были каменныя постройки. Народъ ненавидѣлъ это „нѣмецкое" болото, а Петръ называлъ его своимъ „парадизомъ" (раемъ) и „святою землей". Петербургъ развивался и послѣ Петра: онъ былъ необходимъ. Древняя Русь, съ ея двумя направленіями, имѣла столицы въ областяхъ Днѣпра и Волги; новая Русь требовала приморской столицы, и именно близкой къ Западу. Въ Петербургъ уже при Петрѣ приходило до 250 иностранныхъ судовъ. Тамъ пріютилось все новое и иностранное, въ Москвѣ же — все старое, національное и враждебное преобразованіямъ. По смерти Екатерины I партія старины взяла верхъ — и дворъ переселился въ Москву; при Аннѣ одолѣло иностранное вліяніе — и дворъ перешелъ въ Петербургъ, который уже остался съ тѣхъ поръ столицей. Только общество еще долго противоставляло Москву и Петербургъ другъ другу. Въ наше время обѣ столицы сливаются, благодаря желѣзнымъ дорогамъ и развитію интеллигенціи: теперь въ Москвѣ много иностраннаго, а въ Петербургѣ — русскаго.

§ 173. **Старина и царевичъ Алексѣй.** — При Петрѣ Москва стояла во главѣ старины, которая упорно сопротивлялась преобразователю. Почти всѣ были недовольны. Знать была обижена возвышеніемъ иностранцевъ и худородныхъ людей, а также тяжелою службой. Духовенство озлобилось за отобраніе у него доходовъ и за принужденіе къ ученію. Купцы роптали на налоги, вынося на себѣ денежную тяжесть реформъ и войнъ. Негодовали и крестьяне, которые отдавали на войну послѣднюю копѣйку и всю свою молодежь, да работали, какъ на каторгѣ: тогда чуть не вся масса народа уходила въ расколъ, если не явно, то тайно. Всюду бранили Петра, и фанатики въ лицо ему. Слышалось: „это — міроѣдъ, который дня не живетъ безъ того, чтобы крови не пить; это — сынъ нѣмки, а нашъ царь, когда былъ у нѣмцевъ, закованъ въ бочку съ гвоздями и въ море пущенъ; это — бусурманъ, онъ отъ церквей колокола снимаетъ, въ среду и пятницу мясо ѣстъ". Раскольники *Талицкій* и *Левинъ* открыто доказывали, что Петръ — Антихристъ, и ихъ поддерживало духовенство, въ томъ числѣ одинъ архіерей; ихъ казнили,

а народъ назвалъ ихъ „мучениками святыми“. Наконецъ, вспыхнули мятежи, особенно на степныхъ окраинахъ. Бунтовали астраханцы, подымались инородцы отъ Перми до Терека, а также яицкіе и гребенскіе казаки; но Петръ легко справился съ ними, такъ какъ у нихъ не было ни вождей, ни согласія. Наконецъ, взволновался *Донъ* (1708), гдѣ умножалась голытьба (§ 163) отъ притока *сходцевъ* (бѣглыхъ) изнутри Россіи и выросло много „верховыхъ казачьихъ городковъ“, въ глуши, по вольнымъ притокамъ рѣки. Петръ послалъ за поимкой бѣглыхъ; но они возстали, съ *Булавинымъ* во главѣ. Къ донцамъ примкнули запорожцы и крестьяне, которымъ они говорили: „мы стали за старую вѣру и за всю чернь; идемъ перевести бояръ, подъячихъ и иноземцевъ“. Когда у Булавина собралось до 15 т. и онъ разбилъ одинъ царскій отрядъ съ пушками, къ нему пристали Донецъ, Хоперъ, Бузулукъ, Медвѣдица. Онъ взялъ Черкаскъ, а его другъ, *Некрасовъ*, дошелъ до Саратова. Но и Булавинъ былъ побитъ царскими войсками, которымъ помогли старые казаки, какъ при Разинѣ. Онъ застрѣлился, а Некрасовъ съ 2 т. раскольниковъ бѣжалъ на Кубань, откуда *некрасовцы* перешли потомъ въ Турцію. Волненія ожесточили Петра. Возникли сыскныя учрежденія — *Преображенскій Приказъ* (1702) въ Москвѣ и *Тайная Канцелярія* (1718) въ Петербургѣ, гдѣ, по доносамъ, били людей батогами, рѣзали и жгли по застѣнкамъ. Имена ихъ начальниковъ, *Ромодановскаго* и *Ушакова*, наводили ужасъ. Ромодановскій, державшій у себя дома ручнаго медвѣдя, хвалился Петру: „мы всегда въ кровяхъ омываемся“. Къ борьбѣ со стариной относится и дѣло царевича Алексѣя. Алексѣй былъ вялъ, бездаренъ и грубъ: онъ билъ своихъ учителей и друзей. Но виновникомъ его несчастій былъ самъ Петръ, пренебрегшій его воспитаніемъ. Сначала мальчикъ зналъ только кружокъ матери — друзей старины, въ особенности протопоповъ; у тетки, жившей въ Москвѣ, его обучалъ полуграмотный попъ стараго закала. Когда Алексѣю было 13 л., Петръ вдругъ вспомнилъ о немъ и вздумалъ сразу сдѣлать изъ него достойнаго преемника. Сынъ „лучше желалъ имѣть въ рукахъ четки, чѣмъ пистолеты“; а отецъ таскалъ его по походамъ, заставлялъ строить корабли и править Москвой. Сынъ все исполнялъ безропотно, но лишь изъ страха, что бѣсило дѣятельнаго отца. Петръ сталъ бить Алексѣя за „бездѣлье“ и женилъ его на родственницѣ нѣм. императора. Алексѣй возненавидѣлъ нѣмку и отца. Окруженный „бородачами“, онъ предавался, въ Преображенскомъ, ханжеству и

пьянству и грозилъ истребить все новое, опираясь на „чернь“ и духовенство. Петръ предложилъ сыну монашество; тотъ согласился, но внезапно былъ вызванъ къ отцу, который былъ заграницей. Тогда Алексѣй бѣжалъ къ тестю, который скрылъ его въ Неаполѣ. Царевича обѣщаніями выманили въ Петербургъ и заставили отречься отъ престола. Но вслѣдъ затѣмъ Петру показалось, что бѣгство сына было дѣломъ заговора. „Ой, бородачи! Многому злу корень старцы и попы“, воскликнулъ онъ и сталъ пытать Алексѣя. Затѣмъ дѣло было передано сенату, который осудилъ царевича на смерть (1718); а въ народѣ пошли толки, что царевичъ спасся и идетъ на отца; появлялись даже самозванцы.

§ 174. **Сотрудники Петра.**—Петра поддерживалъ ничтожный кружокъ его *птенцовъ* — людей, которыхъ онъ бралъ снизу и самъ обучалъ; *даровитые* и расторопные, они служили усердно, тѣмъ болѣе, что „отъ царя никуда нельзя было уйти“. Въ выборѣ птенцовъ Петръ руководился *національнымъ* интересомъ, отстраняя иностранцевъ, по мѣрѣ того какъ русскіе усваивали ихъ познанія: при немъ иностранцы занимали низшія мѣста. Но дѣти старой Руси, птенцы отличались *безнравственностью,* въ особенности плутовствомъ и жестокостью: Петра особенно возмущало въ нихъ отсутствіе общественнаго духа. Лучшимъ образцомъ птенцовъ и главою новой партіи былъ *Меншиковъ*, крестьянскій мальчикъ, сначала продавецъ пирожковъ для потѣшныхъ, потомъ лакей Лефорта и наконецъ свѣтлѣйшій князь. Смѣтливый, энергичный и изворотливый, Меншиковъ даже внѣшнимъ видомъ напоминалъ иностранца: онъ былъ худощавъ и строенъ, щеголеватъ и развязенъ; его дома превосходили дворцы царя вкусомъ и блескомъ; у него была даже своя музыкальная капелла. За границей Меншиковъ соперничалъ съ Петромъ въ любознательности и трудолюбіи, выучился по нѣмецки и по голландски, усвоилъ придворныя манеры. Образцовый исполнитель, онъ строилъ корабли, одерживалъ побѣды, создавалъ Петербургъ, правилъ сенатомъ и многими губерніями. Все онъ дѣлалъ безропотно и весело, и никто не умѣлъ такъ развлекать царя пирами. Петръ называлъ его „дитею сердца своего“, водилъ его рядомъ съ собою въ тріумфахъ, сдѣлалъ его фельдмаршаломъ, губернаторомъ Эстоніи и т. д. Но Меншиковъ бѣсилъ царя образцовой жадностью: обладатель милліоновъ и сотенъ тысячъ крестьянъ, онъ обкрадывалъ народъ и казну и добивался то малороссійскаго гетманства, то курляндскаго герцог-

ства и даже польскаго престола. Петръ говорилъ: „если не исправится, то быть ему безъ головы“; но ограничивался своею дубинкой и большими штрафами. Послѣ Меншикова, главными птенцами были Толстой и Ягужинскій. Изобрѣтательный и беззастѣнчивый *Толстой* готовъ былъ на все, не исключая яда и ножа, и хотя бы для отца роднаго. Онъ былъ близокъ къ Софьѣ и во-время перекинулся къ Петру. Царь зорко слѣдилъ за нимъ и употреблялъ его только въ такихъ дѣлахъ, какъ переговоры въ Портѣ или поимка Алексѣя. Бойкій, вкрадчивый красавецъ, *Ягужинскій* заслужилъ отъ Петра названіе его „праваго глаза“; но онъ былъ запальчивъ до бѣшенства и пробалтывался; иностранцы прославляли его „прямодушіе и откровенность“. На второмъ планѣ стояли: канцлеръ *Головкинъ*, хитрый дипломатъ *Шафировъ* и тяжелый на подъемъ фельдмаршалъ *Шереметевъ*. Изъ иностранцевъ только трое занимали высшія мѣста: дипломатъ *Остерманъ* (§ 197), полководецъ *Минихъ* (§ 200) и ученый Брюсъ. Шотландецъ, рожденный въ Россіи, *Брюсъ* былъ полезный и честный человѣкъ: онъ устроилъ артиллерію, участвовалъ въ сраженіяхъ, занимался физикой, астрономіей и географіей. Народъ считалъ его чернокнижникомъ; „Брюсовъ календарь“ и теперь что-то въ родѣ оракула; Сухарева башня въ Москвѣ, гдѣ была школа и обсерваторія Брюса, слыла сборищемъ людей, продавшихъ себя черту (Петра и его птенцовъ). Были новые люди и среди духовенства, только не московскаго. *Ѳеофанъ Прокоповичъ*—рѣдкій примѣръ іерарха-политика, проводника свѣтскихъ и смѣлыхъ идей. Сынъ бѣднаго кіевлянина, Ѳеофанъ обучался сначала въ могилянской коллегіи, потомъ у польскихъ іезуитовъ и въ Римѣ. Возвратившись въ Кіевъ, онъ сталъ живо, просто преподавать разныя науки въ коллегіи и говорить подобныя же проповѣди, за которыя его вызвали въ Петербургъ. Ѳеофанъ умѣлъ льстить и предупреждать желанія Петра и очаровалъ его пониманіемъ его цѣлей. Онъ сталъ говорить и писать въ защиту преобразованій, завелъ у себя школу и хорошую библіотеку. „Слова и рѣчи“ Ѳеофана, изданныя при Екатеринѣ II, скорѣе живая газета, чѣмъ проповѣди: здѣсь проповѣдовалось подчиненіе церкви государству, вѣротерпимость, даже разводъ и жестоко опровергались признаки старины. Народъ и духовенство считали Ѳеофана еретикомъ; но Петръ поручилъ ему управленіе церковью, какъ вице-президенту синода. Соперникъ Ѳеофана, *Стефанъ Яворскій*, также малороссъ и кіевскій ученикъ, былъ на 23 г. старше: онъ прославился ученостью и

проповѣдями, когда начиналась дѣятельность Петра, который перезвалъ его въ Москву и сдѣлалъ „блюстителемъ патріаршаго престола“. Кроткій и преданный церкви схимникъ, Стефанъ однако работалъ усердно для новаго дѣла и защищалъ царя противъ раскольниковъ. Но, замѣтивъ вражду Петра къ церкви, онъ сталъ обличать его за жестокость. Тогда же разгорѣлось дѣло Алексѣя и появился Ѳеофанъ. Стефанъ всенародно молился за царевича и уличалъ соперника въ протестантствѣ; но Петръ не трогалъ старика. Другъ Стефана, *Димитрій Ростовскій*— рѣдкій обращикъ просвѣщеннаго благочестія. Казачій сынъ и ученикъ могилянской коллегіи, Димитрій 17-ти л. постригся въ монахи, чтобы поучать народъ, и скоро такъ прославился проповѣдями, что Петръ вызвалъ его въ Москву, гдѣ онъ подружился съ Яворскимъ и потомъ сталъ митрополитомъ въ Ростовѣ. Увидѣвъ невѣжество великоруссовъ, Димитрій сталъ писать поученія духовенству и завелъ первую семинарію, которую содержалъ на свой счетъ. Онъ искренно защищалъ стремленія Петра и издалъ обличеніе противъ раскола. Послѣ Димитрія, причисленнаго къ лику святыхъ, не осталось ничего, кромѣ богатаго собранія книгъ. Изъ великорусскихъ іерарховъ одинъ *Митрофанъ* воронежскій понималъ Петра. Человѣкъ не ученый, но умный и добрый, онъ посвятилъ себя благотворенію и поученіямъ въ духѣ новаго направленія. Митрофанъ особенно любилъ флотъ, возросшій на его глазахъ, и посылалъ всѣ свои доходы царю „на ратныхъ“. Петръ плакалъ по смерти святителя и самъ несъ его гробъ. Митрофанъ причисленъ къ лику святыхъ уже при Николаѣ I. Петру приходилось обращаться и къ *старымъ русскимъ*, какъ называли иностранцы друзей старины. Эти лѣнивые домосѣды тоже служили вѣрно и усердно, но лишь изъ страха или уваженія къ царю. Здѣсь были все люди родовитые, во главѣ ихъ рюриковичи Долгорукіе и гедиминовичи Голицыны. *Яковъ Долгорукій*, способный и умный, славился прямодушіемъ и заслужилъ всеобщее уваженіе: онъ одинъ осмѣливался возражать Петру и даже не исполнялъ его приказовъ, данныхъ сгоряча. Изъ *Голицыныхъ* на виду были двое братьевъ, Димитрій и Михаилъ. Гордый и грубый *Димитрій* не отличался способностями, а образованіе его было старое: онъ любилъ кіевскихъ чернецовъ и явно выказывалъ вражду къ иностранцамъ. *Михаилъ* же славился рыцарскою любезностью больше всѣхъ птенцовъ: въ награду за одинъ важный подвигъ, онъ попросилъ прощенія своему врагу, Репнину. О немъ съ восторгомъ отзывались

даже иностранцы, хотя онъ не жаловалъ ихъ, отчасти слѣдуя старшему брату, передъ которымъ не смѣлъ даже садиться, по древнему обычаю. Михаилъ былъ замѣчательно храбръ и сообразителенъ: это первый, послѣ Меншикова, генералъ Петра. По годамъ, *Апраксинъ* былъ Несторомъ среди сотрудниковъ Петра; но по способностямъ онъ стоялъ позади всѣхъ. Онъ прямо и зло порицалъ преобразованія. Петръ, знавшій личную преданность ворчливаго старика, наказалъ его только тѣмъ, что сдѣлалъ его адмираломъ, т.-е. главой самаго ненавистнаго старинѣ дѣла.

§ 175. **Сѣверная война.** — Среди преобразованій и борьбы со стариной шла великая *сѣверная война* (1700—1721). Ближайшимъ толчкомъ къ ней были неудачныя попытки Петра утвердиться на Черномъ м.: царь рѣшился овладѣть другимъ моремъ, принадлежавшимъ Швеціи, если найдутся союзники. Ливонскій дворянинъ, *Паткуль*, обиженный шведами, доставилъ ему союзниковъ, поляковъ и датчанъ, желавшихъ возвратить берега, отнятые у нихъ Швеціей. Петръ дѣйствовалъ съ рѣдкою проницательностью и хладнокровіемъ. Понимая свое ничтожество передъ шведами, у которыхъ явился тогда *Карлъ XII* (§ 155), онъ смотрѣлъ на начало кампаніи, какъ на свою школу, и вручилъ войска иностраннымъ генераламъ, подлѣ которыхъ поставилъ учиться Шереметева и Меншикова. Онъ приказалъ избѣгать сраженій и утомлять врага отступленіями; самъ же собиралъ военныя силы. Его полудикая, голодная и оборванная армія кое-какъ забирала у шведовъ пограничныя крѣпости, вымаривая голодомъ ничтожные гарнизоны, какъ вдругъ явился самъ Карлъ, только-что раздавившій Данію. Онъ разбилъ русскихъ подъ *Нарвой* (1700) и забралъ ихъ единственную артиллерію. Петръ не смутился, такъ какъ ожидалъ этого; но тогда у него еще ничего не было собрано. Его выручилъ самъ Карлъ, увлекшійся погоней за Августомъ польскимъ до глубины Саксоніи. Наконецъ, Карлъ принудилъ Августа къ позорному миру: ему даже былъ выданъ Паткуль, котораго онъ колесовалъ. Петръ геніально воспользовался этимъ временемъ: укрѣпилъ свои пограничные города, причемъ работали даже попы и женщины, отлилъ 300 пушекъ изъ колоколовъ, завелъ 2 верфи у Ладожскаго оз. и построилъ военные корабли. Въ 1701 г. русскіе, и съ русскимъ генераломъ, Шереметевымъ, уже одержали *первую побѣду* надъ шведами, хотя благодаря своему численному превосходству. Затѣмъ Шереметевъ опустошилъ весь Остзейскій край, а самъ

царь завоевалъ Ингрію (бывшая новгород. пятина) и основалъ Петербургъ. Тогда только Карлъ пошелъ на Москву; онъ такъ презиралъ русскихъ, что даже не дождался другой арміи, стоявшей въ Ливоніи съ Левенгауптомъ. Русскіе отступали, все опустошая передъ нимъ; жители прятались или били врага изъ засадъ; ударили морозы, такіе, что птицы замерзали на лету. Карлъ не рѣшился идти дальше Могилева. Получивъ тамъ извѣстіе о готовности Мазепы передаться къ нему, онъ повернулъ на Украйну. Левенгауптъ, спѣшившій на соединеніе съ нимъ, потерпѣлъ, у *Лѣснаго* (1708), такое же пораженіе, какъ русскіе подъ Нарвой. Такъ какъ здѣсь у Петра было меньше войска, чѣмъ у непріятеля, то онъ назвалъ эту битву „первою солдатскою пробой". Карла также постигла неудача на Украйнѣ: Мазепа передался изъ страха и по плохому разсчету; но за нимъ пошли только 2 т. казаковъ, да волновались запорожцы. Петръ немедленно разрушилъ Батуринъ и Сѣчь, далъ льготы малороссамъ и деньги запорожцамъ, велѣлъ казакамъ выбрать новаго гетмана, *Скоропадскаго,* а кіевскому духовенству проклясть „измѣнника". Затѣмъ онъ зашелъ впередъ Карла и сталъ искусно отступать къ крѣпкой Полтавѣ, уничтожая отдѣльные отряды врага. Подъ *Полтавой* Петръ далъ Карлу большое сраженіе (27 іюня 1709). Русскіе, хорошо укрѣпленные и вдвое больше числомъ, одержали легкую побѣду; въ бою участвовала одна первая линія, такъ какъ усталые шведы скоро побѣжали; Карла, раненаго еще наканунѣ, носили по полю на носилкахъ. У Петра были пробиты шляпа и сѣдло. Онъ сказалъ: „нынѣ уже совершенно положенъ камень въ основаніе Петербурга". Петръ обласкалъ плѣнныхъ генераловъ и, поднимая кубокъ вина, воскликнулъ: „пью за здоровье васъ, моихъ учителей!" Карлъ бѣжалъ въ Турцію, вмѣстѣ съ Мазепой, который вскорѣ тамъ умеръ. Малороссія стала *кіевскою губерніей*, подчиненною моск. полковникамъ и малороссійской коллегіи въ Москвѣ.

§ 176. **Прутскій походъ; значеніе войнъ Петра.** — И послѣ Полтавы у Петра не было ни славолюбія, ни самонадѣянности. Онъ не любилъ войнъ, мѣшавшихъ его преобразованіямъ, и спѣшилъ покончить со шведами, какъ вдругъ Турція, безъ поводовъ, объявила ему войну. Петръ отправился на югъ (1711 г.) больной и печальный. Преувеличивая силы турецкихъ христіанъ, онъ предпринялъ быстрое наступленіе за Дунай, даже безъ провіанта; но турки окружили его у *Прута*, съ помощью татаръ. Русскихъ было въ 5 разъ меньше. Только золото да ропотъ

янычаръ, много потерявшихъ въ первыхъ стычкахъ, спасли царя отъ плѣна, и онъ получилъ легкій миръ: Россія только возвращала Азовъ. Съ юга Петръ снова перенесся на сѣверъ. Онъ взялъ всю ю.-з. Финляндію, съ о. Аланда опустошалъ берега Швеціи и одержалъ первую морскую побѣду у мыса *Гангуда*. Его войска носились отъ Данцига до Копенгагена, примиряя союзниковъ и поправляя ихъ ошибки. Царь уже принималъ мѣры относительно будущаго: онъ выдалъ одну изъ своихъ племянницъ, *Анну Ивановну*, за герцога курляндскаго, другую, *Екатерину*—за герцога мекленбургскаго. Петръ уже почти постоянно былъ боленъ, все лечился на водахъ въ Спа и Карлсбадѣ; но онъ сражался лично отъ Або до Голштиніи и ѣздилъ въ Берлинъ, Ганноверъ, Голландію, даже Парижъ, чтобы добиться лучшаго мира. Этотъ миръ, *ништадтскій* (1721 г.), доставилъ Россіи часть Кореліи (до Выборга), Ингрію, Эстляндію и Лифляндію. Петръ цѣлую недѣлю пѣлъ пѣсни и плясалъ по столамъ; сенатъ поднесъ ему титулы *Великаго, Отца отечества и Императора всероссійскаго*. Канцлеръ сказалъ при этомъ: „мы произведены изъ небытія въ бытіе“. Сѣверная война обнаружила силу народа, выходившаго изъ варварства. Съ союзниками, которые только мѣшали имъ, русскіе побѣдили лучшихъ воиновъ Запада; притомъ Карлъ получилъ готовыя средства отъ своихъ предшественниковъ, а Петръ почти все долженъ былъ создавать самъ. Русскіе пріобрѣли *Балтійское м.*, къ которому стремились съ Ивана Грознаго (§ 109). Они уже распоряжались въ Курляндіи, Польшѣ, Мекленбургѣ, Даніи, Голландіи и Австріи. Англія такъ испугалась за свой Ганноверъ и за свое морское первенство, что вступила въ союзъ съ Швеціей. Въ Польшѣ патріоты уже дрались съ русскими за независимость своего государства. Западъ долженъ былъ признать Россію *европейскою державой*, притомъ одною изъ великихъ, появленіе которой произвело переворотъ въ политикѣ. Россія смѣнила на с.-в. Швецію, также какъ на з. тогда Англія смѣнила Францію, вслѣдствіе войны за испанское наслѣдство (§ 155). Измѣнилось и положеніе с. Германіи: возвышеніе Россіи подрывало значеніе Даніи, поставивъ ей голштинскій вопросъ, и создавало сильную Пруссію, которая пользовалась разстройствомъ Швеціи и Польши. Возвышеніе Россіи останавливало также движеніе нѣмцевъ на в. и турокъ на с.: Петръ уже шелъ за Дунай, распоряжался въ Польшѣ и владѣлъ остзейскими нѣмцами, права которыхъ онъ утвердилъ жалованными грамотами, чтобы привязать ихъ

къ новому отечеству. *Славянскій* вопросъ уже былъ поставленъ ясно: черногорскій владыка самъ пріѣзжалъ за дарами въ Россію; а Петръ посылалъ турецкимъ славянамъ церковную утварь, учебники и даже учителей.

§ 177. **Востокъ и смерть Петра.**—Въ разгаръ празднествъ по поводу Ништадтскаго мира, Петръ приступилъ къ исполненію своей завѣтной мечты—сдѣлать Россію, черезъ Балтійское м., посредницей въ торговлѣ между Европой и Азіей. Онъ давно готовился къ соединенію Балтійскаго м. съ Каспійскимъ посредствомъ канала, отправлялъ пословъ въ Китай, посылалъ отряды строить крѣпости близъ Хивы и налаживать торговый путь въ Индію. Съ другой стороны, онъ подымалъ Кабарду противъ турецкихъ вассаловъ, кубанцевъ, а лезгинъ и грузинъ — противъ Персіи, и переговаривался съ армянами, которые просились въ русское подданство; даже развѣдывалъ, какъ бы подорвать торговлю Смирны и Алеппа. Наконецъ, вниманіе царя остановилось на Персіи, которую хотѣли захватить турки, пользуясь ея междоусобіями. Въ 1722 г. русская армія уже двинулась за Кавказъ, вмѣстѣ съ Петромъ, который сопровождалъ ее до Дербента; а въ 1723 г. шахъ уступилъ Россіи, безъ битвъ, *Дербентъ*, *Баку*, *Гилянь*, *Мазандеранъ* и *Астрабатъ*, куда стали переселяться, по призыву царя, армяне и грузины. Пріобрѣтеніе Каспійскаго м. было послѣднимъ подвигомъ Петра. Его болѣзни усиливались; онъ становился задумчивъ, призывалъ то доктора, то священника. Кругомъ было мрачно. Народъ былъ истощенъ, казна пуста. Любимцы царя—*Монсъ* и шутъ *Балакиревъ*—обманывали его: первый былъ казненъ, втораго били батогами. Меншиковъ до того проворовался, что его лишили должности президента военной коллегіи. Петра мучилъ и вопросъ о преемникѣ. Евдокія была монахиней, и отъ нея осталось двое внучатъ—*Петръ* и *Наталья*. Второю женой царя была дочь бѣднаго лифляндца, Марта Скавронская—сирота, служившая у пастора Глюка въ Маріенбургѣ, когда этотъ городъ былъ взятъ русскими. Плѣнница служила потомъ у Меншикова, гдѣ узналъ ее Петръ. Она перешла въ православіе, подъ именемъ *Екатерины Алексѣевны*, и быстро овладѣла русскимъ языкомъ. Хотя еле-грамотная, Екатерина очаровывала всѣхъ своею находчивостью и привѣтливостью. Красивая, здоровая, веселая, она умѣла поддерживать свѣтлое настроеніе въ Петрѣ, входила въ его планы, слѣдовала за нимъ въ походы. Петръ привязался, какъ къ ней, такъ и къ дочерямъ отъ нея—*Аннѣ* и *Елизаветѣ*, на-

поминавшимъ мать живостью и смѣтливостью; Анна была женой Карла-Фридриха голштинскаго. Изъ племянницъ *Анна Ивановна* была бездѣтна; но у Екатерины была дочь, *Анна Леопольдовна*, вышедшая потомъ за герцога Антона брауншвейгскаго, отъ котораго былъ у нея сынъ, *Иванъ*. Петръ опасался вліянія старины при внукѣ и устранилъ его *Уставомъ о престолонаслѣдіи;* причемъ объявилъ, что назначеніе преемника „должно быть всегда въ волѣ правительствующаго государя". Ѳеофанъ оправдывалъ эту мѣру въ сочиненіи *Правда воли монаршей*. Затѣмъ Петръ короновалъ Екатерину въ Москвѣ—обрядъ, который впервые совершался всенародно надъ царицей. Между тѣмъ припадки увеличивались, такъ что Петръ кричалъ отъ боли; но, едва оправляясь, онъ усиленно работалъ и далеко ѣздилъ по дѣламъ. Однажды, зимой, царь увидѣлъ на Невѣ ботъ съ солдатами, сѣвшій на мель, и цѣлую ночь самъ спасалъ людей, по-поясъ въ водѣ. Затѣмъ онъ слегъ и вскорѣ потребовалъ бумаги. Онъ успѣлъ написать только: „отдайте все", какъ его застигла смерть (янв. 1725 г.).

§ 178. **Земля и населеніе.**—Чтобы понять значеніе Петра, нужно разсмотрѣть бытъ Россіи въ 1645—1725 гг. Никогда еще границы Россіи не расширялись такъ далеко: онѣ дошли до Охотскаго м., Амура, ю. береговъ Каспія, Азова, Сѣчи, Днѣпра, Зап. Двины, Рижскаго и Финскаго заливовъ. Но отношенія населенія къ землѣ, по количеству, оставались неблагопріятны. Москва даже была при Алексѣѣ менѣе многолюдна, чѣмъ до смутъ. Тогда свирѣпствовали *войны*, и до Петра русскіе терпѣли пораженія: ихъ били сзади, „какъ мертвыхъ", и массами забирали въ плѣнъ; у турокъ всѣ гребцы были русскіе; ими были переполнены города и села Порты. Этотъ періодъ наполненъ также *бунтами*, и такими, какъ разинскій и булавинскій. Не прекращались *разбои*: до смерти Петра разбойники разъѣзжали всюду „со всякимъ оружіемъ", брали города, чеканили свою монету. Во главѣ шаекъ бывали князья; богатые помѣщики грабили бѣдныхъ. Много народу губили *воеводы*. Такъ, воспользовавшись приказомъ не топить печей въ теплое время, во избѣжаніе пожара, они изъ-за взятокъ „печатали избы и бани съ весны", и народъ умиралъ отъ стужи. Вслѣдствіе гоненій, *раскольники* гибли массами отъ однихъ самосожженій. Попрежнему свирѣпствовали болѣзни, неурожаи и вредныя животныя, а также народъ погибалъ отъ пьянства и грубыхъ забавъ. На младенцевъ смотрѣли, какъ на щенятъ: матери часто истреб-

ляли собственныхъ дѣтей. *Нищенство* продолжало быть язвой даже въ Москвѣ. Петръ наложилъ штрафъ на подающихъ милостыню и велѣлъ забирать нищихъ и наказывать; но съ нищими не могли справиться, такъ какъ они составляли цѣлыя разбойничьи шайки. Лишь съ Ѳедора правительство взялось за мѣры *человѣколюбія*. Петръ заводилъ богадѣльни у церквей, куда могли класть дѣтей тайно; онъ предписалъ монастырямъ заботиться о бѣдныхъ и раненыхъ; въ Москвѣ завелъ *гошпиталь*, гдѣ учились медицинѣ. Онъ устроилъ полицію; запрещалъ убивать дѣтей и рано хоронить, а также носить ножи; завелъ *аптеки* въ Москвѣ; началъ мостить улицы камнемъ; давалъ планы построекъ противъ пожаровъ и т. д. Но все это былъ только примѣръ. Благодаря Петру же, введшему народную перепись, мы имѣемъ первую, хотя и неточную, цифру населенія Россіи: по *первой ревизіи* (1719 г.) оказалось до 6 милл. податныхъ; сюда не вошла масса бѣглыхъ по окраинамъ.

§ 179. **Самодержавіе.** — Самодержавіе, безусловно возстановленное послѣ смутъ самимъ народомъ, стало учрежденіемъ твердымъ и строгимъ, не смотря на личности правителей. Его охраненіе стало обязанностью народа уже по закону: Уложеніе Алексѣя ввело „слово и дѣло“, причемъ доносить должны были даже жена и дѣти, подъ страхомъ смертной казни. Алексѣй, „тишайшій“, какъ человѣкъ, былъ суровъ, какъ государь: когда сынъ Нащокина, увлеченный новизной, бѣжалъ за-границу, онъ нашелъ его поступокъ естественнымъ, но не жалѣлъ денегъ, чтобы изловить юношу для казни или „извести“ его на мѣстѣ. Кремль сталъ крѣпостью, въ которую входили лишь съ разрѣшенія; дворецъ былъ оцѣпленъ стрѣльцами. Царь выѣзжалъ, окруженный стражей, въ закрытомъ возкѣ, и народъ разбѣгался въ ужасѣ или падалъ ницъ; однажды Алексѣй самъ убилъ просителя, приблизившагося къ возку. Бояре значили не больше холоповъ. Вмѣсто думы, царь работалъ въ *Приказѣ тайныхъ дѣлъ*, и только съ дьякомъ да подъячими. Высшіе чины на Верху являлись „на смотръ“ каждое утро и у вечерни, причемъ царь раздавалъ порученія и подачки со своего стола; опоздавшаго купали въ прудѣ, но зато приглашали на обѣдъ. Вздумалъ Алексѣй пустить себѣ кровь—и придворные должны были сдѣлать то же. На смотринахъ невѣстъ избранная царемъ дѣвица упала въ обморокъ — и ее сослали въ Сибирь со всею семьей. Алексѣй считалъ себя вотчинникомъ всей Руси; онъ запрещалъ продажу винограда и золотыхъ вещей, чтобы самому покупать

дешевле. Царь считался даже главой церкви: духовенство утверждало, что только приличіе возбраняетъ ему совершать богослуженіе. Въ минуту бѣдствій, Алексѣй затягивалъ переговоры съ шведами, добиваясь, чтобы ихъ послы были во дворцѣ безъ шапокъ. Впрочемъ онъ уже участвовалъ въ походахъ и охотѣ; а царица съ царевнами присутствовали въ театрѣ. При Петрѣ самодержавіе стало болѣе сознательно и смѣло. Царь разъѣзжалъ безъ стражи и перемѣнилъ церковное облаченіе на *военный мундиръ*. Онъ отдавалъ престолъ, кому хотѣлъ, и касался завѣтныхъ привычекъ народа, а также по-старому приказывалъ говѣть и ходить въ церковь, гдѣ „стоять съ безмолвіемъ". У Петра явился только новый взглядъ на назначеніе самодержавія. Отдѣляя свой кошелекъ отъ казны, онъ считалъ себя не вотчинникомъ Руси, а работящимъ отцомъ народа: „нашъ народъ, по его словамъ, яко дѣти, которыя никогда за азбуку не примутся, когда отъ мастера не приневолены бываютъ". Петръ ввелъ *новую присягу* (сохранилась до нашихъ дней), гдѣ говорится объ отечествѣ, государствѣ и гражданинѣ, а не объ одномъ господинѣ и его холопѣ. Онъ запретилъ подписываться уничижительными именами, падать на колѣна, зимой снимать шапки передъ дворцомъ. Петръ покровительствовалъ выборному началу и сдалъ сенату текущія дѣла, не участвуя въ ихъ рѣшеніи. Бытъ его совсѣмъ новый, хотя бѣдный; дворъ же Екатерины былъ слѣпкомъ съ роскошныхъ дворовъ Германіи, подражавшихъ Людовику XIV.

§ 180. **Дворянство.**—Подъ вліяніемъ смутнаго времени, боярство потеряло значеніе: при Алексѣѣ и Ѳедорѣ уже выдвигались выскочки, худородные люди. Уничтоженіе мѣстничества нанесло послѣдній ударъ родовому началу. Передъ Петромъ боярство было лишь привилегированною частью служилыхъ, или господскаго сословія (§ 136), тѣмъ болѣе, что ему раздавали помѣстья за службу. Оттого придворные чины считались военными: связанныя съ ними гражданскія должности были лишь придаткомъ къ „службѣ" или ратному дѣлу. Собственно служилые, т.-е. дворяне или помѣщики, находились передъ Петромъ въ прежнемъ положеніи: это была военная каста, но служившая только въ военное время. Нужно было отдѣлить военное дѣло отъ гражданскаго, уничтожить кастичность и ввести постоянное войско: Петръ сдѣлалъ это, по указанію нѣмецкаго философа, Лейбница, росписью чиновъ или *табелью о рангахъ* (1722 г.), отчасти сохранившеюся доселѣ. По табели, всѣ слу-

жилые и бояре получали общее названіе *дворянства* или шляхетства (слово „дворянинъ“ утвердилось, когда исчезли бояре и окольничіе, которыхъ оно обижало) и раздѣлялись на 14 ранговъ (классовъ), каждый съ своимъ названіемъ (коллежскій регистраторъ, титулярный совѣтникъ и проч.). Каждому рангу соотвѣтствовалъ *чинъ* (должность), причемъ должности были раздѣлены на военныя и гражданскія: военному „генералу“ соотвѣтствовалъ „дѣйствительный тайный совѣтникъ“ и т. д.; при этомъ, какъ, напр., генералъ „отъ кавалеріи“ былъ дѣйствительно кавалеристъ, такъ тайный совѣтникъ дѣйствительно служилъ въ тайномъ совѣтѣ. Такъ образовалось *чиновничество*, которое было лишено политическихъ правъ, служило царю за жалованье и совершенно отдѣлялось отъ народа. Зато каждый подданный (кромѣ крѣпостныхъ), получившій за службу первый офицерскій чинъ или VIII классъ по гражданскому вѣдомству, становился дворяниномъ. Такъ *родовая знать превратилась въ служебную*. Дворянинъ былъ обязанъ всю жизнь состоять на службѣ, подъ страхомъ лишенія имущества: служившій въ арміи даже въ мирное время могъ попасть къ себѣ въ деревню только по отпуску отъ начальства. Петръ сдѣлалъ дворянство правящимъ сословіемъ, освободилъ его отъ податей, устроилъ для него, по примѣру Запада, два ордена—мужской (Андрея Первозваннаго) и женскій (Екатерины). Онъ запрещалъ дворянамъ жениться, пока не выучатся грамматикѣ, ариѳметикѣ и геометріи. Онъ хотѣлъ даже предохранить это сословіе отъ обѣднѣнія, заведя *майоратъ* (§ 134). Но это созданіе земельной аристократіи Запада не привилось: майоратъ былъ отмѣненъ при Аннѣ, по просьбѣ самого дворянства.

§ 181. **Управленіе.** — Передъ Петромъ управленіе только начинало слагаться и представляло хаосъ. Число приказовъ увеличилось до 40; въ томъ числѣ 5 завѣдывали царскимъ хозяйствомъ. Царская дума составлялась изъ бояръ, назначавшихся по произволу; царь самъ сидѣлъ въ думѣ и первый объявлялъ свою мысль, а бояре молчали, „брады свои уставя“. Все дѣлалъ царь съ своимъ приказомъ тайныхъ дѣлъ да съ своими безродными любимцами. Земскіе соборы потеряли значеніе: они созывались все рѣже и должны были прекратиться вмѣстѣ съ введеніемъ постояннаго войска и постоянныхъ доходовъ казны; на нихъ не бывало представителей отъ крестьянъ, а горожанъ часто призывали только изъ Москвы. Постепенно исчезало выборное начало и въ провинціальномъ управленіи. Оно сохранялось лишь

въ самомъ низу, и только въ помощь воеводамъ: это—земскіе старосты въ земской избѣ, которая заботилась о сборѣ податей и избирала окладчиковъ и цѣловальниковъ. Но воевода могъ засѣчь этихъ выборныхъ. А если они „лаялись", онъ доносилъ, что народъ „забунтовался"; тогда приходили стрѣльцы, и воевода могъ казнить, кого хотѣлъ. Уже Алексѣй и Ѳедоръ сознавали вредъ воеводъ, старались ограничить ихъ судебную власть и поборы. Но требовалось коренное преобразованіе всего управленія. Петръ совершилъ его на слѣдующихъ основаніяхъ. 1) Устройство *учрежденій* или *правительственной системы*, вмѣсто вершенія дѣлъ лично царемъ-вотчинникомъ; притомъ строгое подчиненіе мѣстнаго управленія высшему, или *централизація*. Отсюда „правительственныя мѣста", къ которымъ народъ привыкалъ уже потому, что царь вѣчно былъ въ отлучкѣ. Петръ объявилъ, что эти мѣста—та же царская власть, или законъ, и запретилъ подавать себѣ просьбы, помимо ихъ. 2) *Коллегіальное* начало, для того, чтобы коллеги (товарищи) наблюдали другъ за другомъ; ктому же въ каждомъ учрежденіи было столько дѣлъ, что оно распадалось на отдѣленія или столы. 3) *Выборное* начало, чтобы заинтересовать народъ въ государственномъ дѣлѣ и ослабить произволъ мѣстнаго чиновничества. Петръ взялъ за образецъ для реформы управленія Германію, гдѣ эти основанія соединялись съ самодержавіемъ. По совѣту Лейбница, онъ ввелъ *коллегіи* (1717) вмѣсто приказовъ. Ихъ было 10; въ каждой былъ президентъ, члены и ассессоры; дѣла рѣшались большинствомъ голосовъ. Коллегіи были подчинены *сенату*, который замѣнилъ боярскую думу (1711). Петръ назвалъ его „управительнымъ" и велѣлъ повиноваться ему, „какъ намъ самому", потому что у него „все въ рукахъ". Сенатъ разсылалъ указы всѣмъ властямъ и даже раздавалъ чины; при немъ находились коммиссары отъ губерній, которые возили его указы съ особой почтой. Сенаторовъ было до 20—все тайные совѣтники да президенты коллегій; дѣла рѣшали единогласно. Сенатомъ и коллегіями руководилъ *Кабинетъ* или собственная канцелярія Петра; у кабинетъ-секретаря, *Макарова*, заискивали такія лица, какъ Меншиковъ. Россія получила новое правительственное (административное или политическое) дѣленіе на 12 *губерній*, которыя распадались на 43 *провинціи* (1708). Воеводъ замѣнили *губернаторы*, а въ пограничныхъ губерніяхъ—генералъ-губернаторы; ихъ помощники назывались вице-губернаторами; *воеводами* же стали именоваться правители провинцій;

въ крѣпостяхъ были комменданты. Петръ строго подчинилъ губернаторовъ коллегіямъ и сенату и ограничилъ ихъ выборнымъ началомъ: дворяне выбирали *ландратовъ*, безъ которыхъ губернаторъ не могъ рѣшать никакихъ дѣлъ; судъ былъ порученъ особымъ *ландрихтерамъ*, которые подчинялись прямо сенату; а въ городахъ были особые *надворные* и *нижніе* суды.

§ 182. **Войско и казна.** — По словамъ самого Петра, реформы въ управленіи клонились къ улучшенію войска и финансовъ. Въ войскѣ уже при Алексѣѣ начались перемѣны: выдвигались стрѣльцы, какъ войско постоянное и сравнительно новое; затѣмъ ихъ стала замѣнять европейская армія—*солдаты*. Солдаты набирались изъ голытьбы; у нихъ были шпаги и мушкеты; иностранцы обучали ихъ западному строю. Подлѣ нихъ находилась, обученная по-иностранному, конница—*рейтары*, а на ю. границѣ—*драгуны*. Но и это войско было крайне плохо: Петръ называлъ его „варварскимъ и смѣху достойнымъ". Для исправленія его онъ издалъ (1716) *воинскій уставъ*, обязательный и теперь, и сообщилъ арміи европейскій видъ. Къ 1725 г. регулярныхъ войскъ было болѣе 200 т., иррегулярныхъ (казаки и инородцы) болѣе 100 т.; флотъ состоялъ изъ 48 линейныхъ кораблей и 800 мелкихъ судовъ, съ 30 т. экипажа и 2 т. орудій. Войска были постоянныя и на жалованьѣ. Брали въ солдаты людей всѣхъ состояній, а съ тяглыхъ иногда дѣлали наборъ по нѣскольку разъ въ годъ. Неспособные къ службѣ давали деньги или лошадей. Служба была равная для всѣхъ: дворяне начинали съ рядоваго. Она была тяжела; солдаты часто разбѣгались отъ голода. „Артеріей и жизнью войны", по словамъ Петра, были деньги, которыхъ требовали и преобразованія; а разстройство финансовъ не прекращалось съ смутнаго времени. Передъ Петромъ господствовалъ правежъ за недоимки; но тяглый, не имѣя гроша, „отстаивался", и тогда приказывали „отписывать на великаго государя его дворы, лавки и имѣнія". По невѣжеству, правительство изобрѣтало вредныя или дѣтскія финансовыя мѣры: брали, напр., съ иностранцевъ пошлину серебряными ефимками, считая ихъ по полтинѣ, затѣмъ клеймили ихъ и пускали въ обращеніе по рублю; нето пускали мѣдныя деньги вмѣсто серебряныхъ (§ 162). Впрочемъ задавались мыслью и о полезномъ переложеніи мелкихъ налоговъ на крупную подать, а также сокращали откупа, какъ „злодѣйство"; при Ѳедорѣ думали даже объ уравненіи всѣхъ относительно податей (§ 168). Петръ не думалъ объ уравненіи, щадя дворянъ; но

онъ ввелъ крупную *подушную подать* съ крестьянъ (1719), взимая ее съ каждаго мужчины. Онъ надѣялся устранить злоупотребленія, бывшія при подворномъ сборѣ, съ помощью заведенныхъ тогда (1702) *метрическихъ книгъ* при церквахъ (о рожденіи и смерти прихожанъ); за утайку „душъ" тяглымъ грозила смерть, а дворянамъ—отобраніе деревень. Но рядомъ съ прямою податью оставалось много косвенныхъ налоговъ. Брали со всего, даже съ бороды и стараго платья: съ крестьянъ по 2 коп. съ бороды, при въѣздѣ въ городъ. Иногда даже вычитали $^1/_{10}$ изъ жалованья чиновниковъ или платили имъ казенными товарами. Множество сборовъ было на откупѣ, да еще казна пользовалась монополіями: она продавала даже соль и гробы, вдвое и вчетверо выше рыночной цѣны. Вообще все управленіе было *фискальное* (лат. fiscus—казна). Петръ учредилъ даже, для изысканія доходовъ, должность *прибыльщика*, передъ которымъ все трепетало, такъ какъ онъ слѣдилъ за каждою казенной копѣйкой. Прибыльщиками были дворовые—народъ пронырливый и сродный къ шпіонству. Самымъ ловкимъ изъ нихъ былъ *Курбатовъ*, ѣздившій на Западъ, гдѣ также господствовалъ фискальный характеръ: онъ заимствовалъ оттуда *орленую* (гербовую) бумагу. Оттого доходы быстро возрастали, когда народъ бѣднѣлъ: въ 1710 было $3^1/_2$ милл., въ 1725 г.—10 милл. рублей.

§ 183. **Торговля и промыслы. Иностранцы.**—Петръ понималъ, что казна можетъ быть богата только при богатствѣ народа, и неусыпно заботился о развитіи торговли и промысловъ. По примѣру Запада, онъ руководился *регламентаціей*, т. е. назначалъ дѣятельность народу указами и уставами, что оправдывалось дѣтскимъ состояніемъ общества. Петру приходилось почти все дѣлать сначала, такъ какъ матеріальное благосостояніе Россіи не могло еще поправиться послѣ смутъ. Онъ приказалъ купцамъ составлять компаніи и старался развить внѣшнюю торговлю. Чтобы побудить нашихъ купцовъ ѣздить на Западъ, Петръ печаталъ *прейсъ-куранты*—росписаніе цѣнъ въ городахъ Европы; русскіе дипломаты вездѣ добивались льготъ для своихъ купцовъ. Для избѣжанія тяжкаго сухаго пути Петръ прорылъ *Ладожскій* и *Вышневолоцкій* каналы и думалъ о соединеніи Чернаго м. съ Каспійскимъ и Бѣлаго съ Балтійскимъ. Исправили и монету. У насъ считали на рубли, алтыны и деньги, а на дѣлѣ ходили только плохія серебряныя копѣйки да денежки (полукопѣйки); такъ какъ и денежекъ было мало, то рубили копѣйки на 2 и 3 части; мѣстами даже торговали „кожаными и иными жеребь-

ями". Петръ сталъ чеканить золотые *червонцы*, серебряные *рубли, полтинники, четвертаки и гривенники*, мѣдныя *денежки, полушки и полуполушки*. До Петра серебряной монеты не было и на полмилліона, при немъ—болѣе 5 милл. Въ промышленности при Петрѣ стали уже выдвигаться русскіе предприниматели, и явилось до 250 *заводовъ* и *фабрикъ*, хотя больше казенныхъ: Петръ радовался, какъ дитя, когда сдѣлалъ себѣ, къ празднику, кафтанъ изъ русскаго сукна (1705); солдаты его, подъ конецъ, были одѣты во все русское, и ружья у нихъ были отчасти тульскія; а наши *холсты* и *юфть* уже стали продаваться за-границей. Петръ особенно увлекался горнымъ дѣломъ, для котораго учредилъ особую *берьъ-коллегію*. Здѣсь работали иностранцы—*Виніусъ*, сынъ пріятеля Морозова (§ 137), и *Геннинъ*, которому помогалъ способный *Татищевъ*. Они нашли серебро, мѣдь, желѣзо, селитру, отлили много пушекъ, устроили нѣсколько заводовъ въ Олонецкой губ. и Уральскихъ горахъ. Геннинъ работалъ особенно въ *Екатеринбургѣ*, основанномъ въ честь Екатерины. Такъ же энергично вели горное дѣло *Строгановы* и *Демидовы*. Не менѣе занимало Петра кораблестроеніе, для котораго были заведены мастерскія при многихъ верфяхъ; нужные для него лѣса были объявлены „заповѣдными". Когда казенные заводы упрочивались, Петръ передавалъ ихъ частнымъ лицамъ; нето приказывалъ послѣднимъ строить такіе же заводы, давалъ имъ за это льготы, деньги, машины, даже земли съ крестьянами. Но зато если фабриканты дѣлали товары хуже *пробъ* (казенныхъ обращиковъ), ихъ ссылали въ каторгу. Въ то же время явились, какъ на Западѣ, указы, чтобы ливреи дѣлать только изъ русскаго сукна, шелковыя матеріи покупать только на русскихъ фабрикахъ и т. д.; а иностранные товары тѣхъ сортовъ, которые уже производились въ Россіи, были обложены такою пошлиной, что не могли соперничать съ нашими. Было издано также много указовъ о томъ, какъ сохранять лѣса, разводить шленскихъ овецъ, косить хлѣбъ, приготовлять льняное и конопляное масло и т. д. Развилось производство напитковъ и табаку; былъ заведенъ холмогорскій скотъ. Въ промышленности особенно требовалось участіе *иностранцевъ*—и Нѣмецкая Слобода процвѣтала, щеголяя красивыми домиками и часовнями, огородами и садами. Петръ призывалъ изъ Европы не только „полезныхъ художниковъ", но и купцовъ: имъ даны были всевозможныя льготы, даже дозволено было вступать въ бракъ съ православными; ихъ вѣдала особая коллегія, которая „судила

ихъ и наказывала не по обычаю русскому, а милостиво, по законамъ божескимъ и по римскому праву". Но Петръ велѣлъ испытывать пришлецовъ и вѣжливо выпроваживать негодныхъ. Онъ старался, чтобы русскіе поскорѣе стали обходиться безъ этихъ дорогихъ учителей: оттого при каждомъ нововведеніи онъ посылалъ даровитыхъ русскихъ учиться новому дѣлу за-границей.

§ 184. **Горожане.**—Въ связи съ попеченіями о торговлѣ и промыслахъ, Петръ особенно заботился о среднемъ сословіи. Онъ засталъ его въ худшемъ положеніи, чѣмъ прежде (§ 137), такъ какъ при Алексѣѣ были возстановлены воеводы, что̀ вызвало даже бунты (§ 162). Тогда же *посадскіе* были окончательно *прикрѣплены къ государственному тяглу:* было запрещено закладничество. Посадскіе были бѣдны и не бросали земледѣлія, такъ какъ промыслы и торги не прокармливали ихъ, а финансовое тягло все возростало. Особенно тяжелъ былъ почти постоянный налогъ для жалованья войскамъ, какъ натурой, такъ и деньгами. Посадскіе несли еще разорительныя службы въ *вѣрныхъ* (присяжныхъ) при всякихъ сборахъ и при полицейскихъ розыскахъ: особенно тяжелы были должности головъ и цѣловальниковъ на кружечныхъ дворахъ, при продажѣ казеннаго вина; они должны были доставлять назначенную сумму, и недоимку „доправляли" съ нихъ черезъ правежъ. Оттого даже въ лучшихъ городахъ, Новгородѣ и Псковѣ, расходы превышали доходъ. Но здѣсь же появился первый опытъ реформъ. *Нащокинъ* передалъ часть воеводской власти выборнымъ и заставилъ богачей дѣлать ссуды бѣднякамъ. Онъ издалъ также *торговый уставъ*, который замѣнялъ мелкія пошлины рублевою и „оборонялъ купцовъ отъ иностранцевъ и отъ воеводскихъ налогъ". Петръ развилъ мысль Нащокина, желая „собрать разсыпанную храмину купечества". Онъ ввелъ (1721) систему городовыхъ *магистратовъ* или *ратушъ*, напоминавшую Магдебургское Право. Ратуши, состоявшія изъ выборныхъ ратмановъ и бургомистровъ, управляли судебными и хозяйственными дѣлами городовъ; онѣ даже постановляли смертные приговоры и судили воеводъ, вмѣшивавшихся въ дѣла посадскихъ. Городовые магистраты подчинялись *главному магистрату* въ Петербургѣ, который подчинялся сенату и состоялъ изъ членовъ столичной ратуши. Главный магистратъ и *коммерцъ-коллегія* дѣлали городскія переписи, заводили ярмарки, биржи, цухтгаузы (смирительные дома), гошпитали, школы и т. д. Горожане были раздѣлены на 2 *гильдіи*, причемъ каждое ремесло составляло особый *цехъ*, съ собствен-

ными альдерманами (старшинами). Третій разрядъ горожанъ (чернорабочіе и наемники) также избиралъ своихъ десятскихъ.

§ 185. **Духовенство и расколъ.**—Особенно важнымъ перемѣнамъ подверглось духовенство. Передъ Петромъ его положеніе было хуже прежняго (§ 138), потому что никто не стоялъ за него. Бояре соперничали съ властолюбивыми іерархами; служилый считалъ попа „послѣднѣйшимъ рабомъ“ и таскалъ его за бороду. Мужикъ, который самъ избиралъ, кормилъ и изгонялъ нелюбаго попа, презиралъ его за безграмотность и пьянство; онъ ненавидѣлъ владыкъ и монастыри, которые угнетали своихъ крѣпостныхъ, не платили податей, да еще вымаливали себѣ *ругу* (царское жалованье). Когда раскольники шли спорить въ Кремль (§ 169), толпа, увлеченная ихъ постническимъ видомъ, восклицала: „не толсты брюха-то у нихъ; не какъ у нынѣшнихъ учителей новаго завѣта!“ Расколъ означалъ, что старина, масса отшатнулась отъ духовенства; но оно само было врагомъ новизны, по своему невѣжеству. Такое-то духовенство вздумало выставить притязанія на власть среди народа, привыкшаго къ самодержавію: оно вообразило, что стало сильнѣе съ введеніемъ патріаршества, а самодержавіе ослабѣло отъ смутъ. Но оно проиграло дѣло также, какъ при Иванѣ III (§ 135), послѣ котораго великій князь сталъ царемъ, и передъ нимъ восточные патріархи держали себя также холопски, какъ бояре. Самодержавію помогло и то, что исправленіе книгъ было дѣломъ патріарха: расколъ вначалѣ былъ „церковнымъ мятежемъ“; остальная же масса считала свѣтскія притязанія духовенства соблазномъ. Никонъ палъ — и уже Алексѣй писалъ такіе указы: „вѣдомо намъ учинилось, что у васъ въ монастырѣ есть деньги многія и мы указали взять у васъ на жалованье ратнымъ“. Тогда же правительство взяло въ свои руки расколъ, что́ сообщило ему политическій оттѣнокъ: раскольники уже Алексѣя называли „мучителемъ“. Даже Софья приказывала „разметать и растоптать“ прахъ старовѣровъ; уже тогда раскольники, даже безъ преслѣдованій, предавали себя „крещенію огнемъ“. Петръ окончательно превратилъ духовенство въ государственное учрежденіе, служащее фискальнымъ цѣлямъ и благотворенію. Онъ началъ съ *отмѣны патріаршества*, которое становилось оплотомъ старины: патріархи Іоакимъ и Адріанъ горячо обороняли бороду. По смерти Адріана (1700), Петръ назначилъ „блюстителемъ патріаршаго престола“ Яворскаго, и то только для духовныхъ дѣлъ; судъ же и управленіе церковью

были переданы въ *монастырскій приказъ*. Въ 1721 г. патріаршество было замѣнено *синодомъ* или духовною коллегіей изъ 10 членовъ, по назначенію царя. Синодъ долженъ былъ искоренять ереси, издавать церковныя книги и заводить школы при епископскихъ домахъ для приготовленія священниковъ; но управленіе и хозяйство церкви остались за монастырскимъ приказомъ. Затѣмъ велѣно было собирать въ этотъ приказъ доходы съ монастырскихъ вотчинъ *), а монахамъ и монахинямъ давать хлѣбъ и деньги на содержаніе, съ условіемъ, чтобы они занимались обученіемъ и добрыми дѣлами. Петръ сократилъ число монашествующей братіи и запретилъ поступать въ нее безъ царскаго указа. Было издано также много указовъ для улучшенія быта бѣлаго духовенства. Ѳеофанъ составилъ *Духовный регламентъ*, опредѣлявшій обязанности духовенства, причемъ ограничивалась внѣшняя сторона религіи. Согласно съ своимъ свѣтскимъ взглядомъ на вещи, Петръ сначала говорилъ: „Господь далъ царямъ власть надъ народами, но надъ совѣстію людей властенъ одинъ Христосъ". Узнавъ, что раскольники „честны и прилежны", онъ сказалъ: „пусть вѣруютъ, чему хотятъ; а быть имъ мучениками за глупость ни они той чести недостойны, ни государство пользы имѣть не будетъ". Петръ хотѣлъ только, чтобы они помогали его государскому дѣлу; а раскольники приносили пользу уже тѣмъ, что съ конца 17 в., подъ вліяніемъ гоненій, началась ихъ *колонизаторская роль*. Одѣтые въ рясы и клобуки, они уходили въ пустыни, воздѣлывали окрестную страну, просвѣщали инородцевъ. Въ 1690-хъ гг., въ олонецкихъ лѣсахъ, по р. Выгу, дьячекъ *Никулинъ* и княжескій потомокъ, *Денисовъ*, основали *Выговскій монастырь*, который сталъ главой старовѣрства. Здѣсь было много оружія; зимой сюда тянулись вереницы раскольниковъ съ юга, пробиравшихся по лѣснымъ тропочкамъ и на лыжахъ по Онѣжскому оз.; монахи изъ Соловковъ приносили съ собой церковный чинъ. Въ 1702 г. Петръ вздумалъ проѣхать изъ Архангельска въ Петербургъ прямо и попалъ на Выгъ. Раскольники приготовились къ самосожженію; но онъ сказалъ: „пускай живутъ!" и тихо прошелъ мимо. Зато вскорѣ были построены на Выгѣ желѣзные заводы, и раскольникамъ велѣли работать на нихъ; царь даже защищалъ ихъ отъ фанатичнаго митрополита новгородскаго. Потомъ Петръ замѣтилъ, что масса народа уходитъ въ расколъ, уклоняясь отъ

*) За монастырями числилось тогда 130 т. крестьянскихъ дворовъ; у одной Троицкой Лавры было до 60 т. крѣпостныхъ.

тягла; а раскольники начали называть его Антихристомъ за преобразованія. Царь рѣшилъ обратить ихъ въ православіе, но увѣщаніями, и поручилъ это дѣло бывшему раскольнику, нижегородскому епископу *Питириму*. Въ 1716 г. уже велѣно было переписать раскольниковъ и собирать съ нихъ двойную подать. Въ то же время Питиримъ требовалъ жестокихъ мѣръ, такъ какъ въ его епархіи, въ лѣсахъ по луговой сторонѣ Волги, особенно по р. *Керженцу*, утвердился другой центръ старовѣрства. Петръ согласился — и стали рвать ноздри раскольникамъ, стали бить ихъ кнутомъ и ссылать на каторгу въ Петербургъ. Питиримъ же напечаталъ свои пренія съ ними или *Пращицу*; а возраженія керженскихъ старцевъ ходили въ рукописи по всей Руси, какъ святыня. Съ учрежденіемъ синода преслѣдованія приняли правильный характеръ. Но расколъ все развивался: при Петрѣ онъ охватилъ цѣлые приходы въ самой Москвѣ. Уже тогда расколъ развѣтвился на много „толковъ" или „согласій" (болѣе 20), во главѣ которыхъ стояли *поповщина* и *безпоповщина*. Поповщина (послѣдователи Аввакума, § 161) принимала разстригъ и священниковъ, или посвященныхъ до Никона, или перешедшихъ изъ православія. Безпоповщина вовсе не признавала священства, а также отвергала бракъ. Она распалась на много мелкихъ сектъ, названныхъ по именамъ основателей (андреевщина, волосатовщина и др.). Это—самые фанатичные сектанты: здѣсь были „морильщики", замаривавшіе себя голодомъ, „рогожники или рубищники", ходившіе почти нагишомъ, и др. Возникла еще „христовщина", которая поклонялась Христу и Христородицѣ, въ видѣ мужика и бабы, приходившихъ въ изступленіе; ее называли еще хлыстовщиной, потому что сектанты бичевали себя „святыми кнутиками".

§ 186. **Крестьяне.** — Преобразованія не коснулись только крестьянъ, которымъ стало даже хуже. Положеніе *крѣпостныхъ* видно изъ челобитныхъ „о свободѣ" и изъ бунтовъ, передъ Петромъ, по поводу слуховъ объ „отставленіи отъ крестьянства": эти слухи возникали оттого, что у лучшихъ людей наверху, особенно у Ртищева, замѣчались первые проблески идеи отмѣны крѣпостничества. Въ *черныхъ селахъ* помѣщика замѣняли воевода да свой же братъ, разбогатѣвшій тяглый: уѣздные крестьяне, тянувшіе вмѣстѣ съ городомъ, жаловались, что они „оскудѣли и обнищали отъ посадскихъ", которые сваливали на нихъ всю тяготу. Вдали же, напр. въ Сибири, съ крестьянъ бралъ всякій проходимецъ, показавши клочекъ бумаги подъ видомъ указа.

Оттого продолжались старыя явленія — бѣгство крестьянина, чтобъ „избыть тягла“ непосильнаго, да погоня за пашеннымъ мужикомъ. Въ Уложеніи Алексѣя помѣстили цѣлую главу о бѣгствѣ съ 34 статьями: за него полагалась даже смертная казнь. Воеводамъ даже дозволялось отпускать служилыхъ во время войны, въ случаѣ „людскаго побѣга“. Служилый дѣйствительно не могъ жить безъ крестьянъ даже при Петрѣ: ему давали ничтожное жалованье, такъ какъ казна ни разу не получила податей сполна и должна была прощать недоимки тамъ, гдѣ нечего было взять. У дворянина возникло правило: „не давай мужику обрости; но стриги его, какъ овцу, до гола“. При Петрѣ возрасло число крѣпостныхъ: образовались *заводскіе* крестьяне; владѣли крѣпостными даже *однодворцы* — оскудѣвшіе дворяне, которые сами пахали землю, подобно польской шляхтѣ. Остальные крестьяне пострадали еще отъ введенія подушной подати, которую прежде платили только кабальные холопы. Эта подать была тѣмъ тяжеле, что ревизіи были рѣдки, и приходилось подолгу платить за умершихъ или лишившихся способности работать. Прибавимъ вѣчные наборы рекрутъ и рабочихъ при Петрѣ: чего стоило крестьянамъ строить корабли, рыть каналы, создавать Петербургъ изъ болота, возить камень и песокъ для замощенія Москвы! Петръ не могъ снять тяготы съ мужика. Самъ труженикъ, онъ только сознавалъ ее и старался хоть чѣмъ-нибудь смягчить участь крѣпостнаго. Онъ негодовалъ при мысли, что „продаютъ крестьянъ врознь, какъ скотовъ, что̀ во всемъ свѣтѣ не водится“, и велѣлъ „оную продажу пресѣчь, а ежели невозможно, то хоть продавать цѣлыми семьями“. Приказано было отнимать помѣстья у „безпутныхъ разорителей“. Наказывали помѣщиковъ за „неистовства“; одного сослали въ Сибирь за засѣченіе крестьянина.

§ 187. **Нравы правительства.** — При Петрѣ оффиціальная (правительственная) Россія стала совсѣмъ другая; но бытовая мало измѣнилась. Здѣсь разница съ прежнимъ замѣчалась только тамъ, гдѣ Петръ дѣйствовалъ лично. Россія была бѣдна *людьми* больше даже, чѣмъ казной. Не хватало ни солдатъ, ни рабочихъ; еще менѣе было людей, въ смыслѣ честныхъ и просвѣщенныхъ гражданъ. Петръ искалъ ихъ, но вмѣсто „человѣка“ тогда явился *чиновникъ*, который былъ никто иной, какъ старый приказный, только выбритый и затянутый въ иноземный мундиръ. Чиновникъ былъ представителемъ общественныхъ нравовъ древней Руси: Меньшиковы были взяты изъ глубины народа.

Основнымъ порокомъ чиновничества было „безсоюзство, разности и свары“, т.-е. *отсутствіе общественнаго духа.* „Господа сенаты“ (сенаторы) не подписывали ворохи бумагъ изъ-за ссоръ; и у нихъ были вѣчныя „личности“ со всѣми другими властями. Синодъ ссорился съ сенатомъ и монастырскимъ приказомъ, коллегіи – съ синодомъ, сенатомъ и губернаторами, а больше всего другъ съ другомъ, и т. д. „Дѣла всѣ становятся; какъ слѣпые бродимъ“, жаловались сами птенцы Петра. Господствовало также *нерадѣніе* — плодъ лѣни и помѣщичьей халатности. Сенаторы смотрѣли на сенатъ, какъ на свои хоромы: пріѣзжали, когда хотѣли, привозили съ собой пріятелей, „занимались бездѣльными разговорами и шутками“. Они только отписывались. Петръ внушалъ имъ: „зѣло дивлюсь, что пишете—*послано,* а то позабыли, что дошло-ли?“ По губерніямъ не велось протоколовъ, не доставлялось годовыхъ вѣдомостей въ сенатъ: Петръ говорилъ про губернаторовъ, что они „зѣло раку послѣдуютъ“. Третьимъ порокомъ, отъ котораго не былъ свободенъ самъ Петръ, была *грубость,* съ ея крайнимъ проявленіемъ—жестокостью. Въ застѣнкахъ Преображенскаго приказа сохранялись старыя пытки—оттягиваніе членовъ, капанье холодной водой на выбритое темя, поджариваніе на угольяхъ и проч.; и ихъ повторяли до трехъ разъ, давая поджить ранамъ. Остались и ужасныя казни—четвертованіе, колесованіе, сажаніе на колъ и т. д. Особенно были въ ходу кнутъ, клеймленіе и вырываніе ноздрей. Притомъ надолго оставляли висѣть повѣшенныхъ и торчать на столбахъ головы и руки; вѣшали на воротахъ домовъ. Болѣе всего была распространена *безчестность*—всякія плутни: даже въ сенатѣ составляли подложные акты, подписывали бумаги заднимъ числомъ и т. под. Не менѣе процвѣтало *грабительство,* особенно въ видѣ взяточничества и казнокрадства. На взятки по-прежнему смотрѣли, какъ на кормленіе. Петръ самъ отвѣчалъ на просьбу сенатскихъ канцеляристовъ о прибавкѣ: „вмѣсто жалованья, вѣдать въ ихъ столѣ иноземческія и Строгановы дѣла“. За взятку отпускали даже въ походѣ подрядныя подводы, т.-е. лишали солдатъ провіанта. Не лучше были выборные: бургомистры скупали товары, чтобы продавать ихъ купцамъ за высокую цѣну. Попы утаивали за взятку ревизскія души. Самъ глава прибыльщиковъ, Курбатовъ, попалъ подъ судъ по крупнымъ начетамъ. Примѣромъ казнокрадства вдали служитъ сибирскій губернаторъ *Гагаринъ,* котораго повѣсили. Петръ принималъ мѣры для исправленія правительственныхъ нравовъ. Онъ издавалъ много указовъ,

въ которыхъ училъ даже, какъ вести себя въ присутствіи; билъ кнутомъ губернаторовъ; жегъ языки сенаторамъ и бралъ съ нихъ по 50 р. за каждый пропущенный день; однажды синоду перестали платить жалованье, пока онъ не очистилъ завалявшихся дѣлъ. Петръ хотѣлъ поручить народу надзоръ за исполненіемъ законовъ: было обѣщано донощику, хотя бы онъ былъ мужикъ, „все богатство и чинъ грабителя народа и повредителя государственныхъ интересовъ". Но изъ этого вышла только масса вздорныхъ подметныхъ писемъ, и Петръ уничтожилъ „слово и дѣло", велѣлъ жечь доносы, а донощиковъ колесовать. Затѣмъ онъ завелъ казенныхъ донощиковъ, *фискаловъ*. Эта система чиновничества надъ чиновничествомъ возникла вмѣстѣ съ сенатомъ, и во главѣ ея стоялъ сенатскій *генералъ-прокуроръ*, которому подчинялись оберъ-фискалъ и губернскіе фискалы. Выслѣдивъ плута „какой бы высокой онъ степени ни былъ", фискалъ доносилъ сенату и получалъ половину штрафа. Кромѣ развитія духа шпіонства въ обществѣ, фискалы брали взятки и „жили, какъ сущіе тунеядцы, въ своихъ деревняхъ". Порядочные же люди пренебрегали этою должностью: „чинъ фискала, по словамъ Петра, ненавидимъ". Были и другія подобныя должности—при сенатѣ генеральный ревизоръ, при синодѣ оберъ-прокуроръ; синодскіе „инквизиторы" слѣдили за духовенствомъ. Петръ боролся даже съ жестокостью: во многихъ случаяхъ онъ замѣнялъ кнутъ штрафомъ и смерть каторгой или службой; была ограничена пытка и *уничтоженъ правежъ*.

§ 188. **Нравы общества.**—Нравы правительства были отраженіемъ нравовъ общества. Посошковъ вѣрно сказалъ: „нашъ монархъ тянетъ на гору самъ-десять, да подъ гору тянетъ милліонъ". Нравы общества всего менѣе измѣнились противъ прежняго (§ 140). При Петрѣ было такое же *отсутствіе общественнаго духа*, какъ при Нащокинѣ, который говорилъ: „у насъ любятъ дѣло или ненавидятъ, смотря не по дѣлу, а по человѣку, который его сдѣлалъ". Всякій сваливалъ государственную тяготу на другаго: сильный „жилъ въ льготѣ"; даже „лучшій" мужикъ сваливалъ налоги на „средняго и молодшаго". Но и о себѣ заботились „только на часъ"; какъ чиновники „ждали третьяго указа по старому Уложенію", такъ и частныя лица затягивали дѣла и часто соглашались лучше нищенствовать, чѣмъ работать. Помѣщики посылали въ городъ на выборы своихъ прикащиковъ и заставляли поповъ разомъ пѣть и читать, чтобы поскорѣе „отхватать обѣдню". Школы у нихъ были пусты за бѣг

ствомъ учениковъ, хотя ихъ наказывали за это, какъ дезертировъ: иностранцы говорили, что „москвитяне все дѣлаютъ по принужденію и въ угоду царю, а умри онъ — прощай наука!“ За отсутствіемъ дѣла, жизнь была *физическимъ* прозябаніемъ. Пьянство доходило до того, что на забавахъ у Петра „пили штрафъ“ или Великаго Орла—кубокъ вина, сшибавшій съ ногъ и пьяницу. Иностранцы даже новыхъ людей называли объѣдалами, такъ какъ они, обѣдая у нихъ, отсылали вкусныя блюда домой и уходили съ карманами, набитыми сластями. На пирушкѣ у Ромодановскаго одинъ сенаторъ поссорился съ хозяиномъ; старики вцѣпились другъ другу въ волосы и съ полчаса дрались кулаками, а гости спокойно смотрѣли. По монастырямъ пили безъ просыпу съ мірянами, которые жили тамъ цѣлыми семьями. Школьниковъ отдавали въ солдаты за буйство въ пьяномъ видѣ; за-границей они бражничали еще больше, зная, что тамъ дерутъ только по суду. На Западѣ послѣ нашихъ пословъ чистили и заново меблировали квартиру. Въ провинціи иной одичалый помѣщикъ становился страшенъ сосѣдямъ, „яко левъ“, и никто взять его не могъ, „а на службѣ былъ хуже козла“. Мужики такъ привыкали къ истязаніямъ, что жалобщикъ требовалъ пытки и для себя, и для отвѣтчика — „слался на кожу свою и его“. Солдаты дрались между собой оружіемъ и тиранили крестьянъ. Съ непріятелемъ обращались такъ, что Шереметевъ доносилъ изъ Ливоніи: „больше того чинить разоренія нельзя, и всего описать невозможно“. При взятіи Нарвы, Петръ закололъ собственнаго солдата, чтобы остановить грабежъ, причемъ крикнулъ побѣжденнымъ, указывая на свою шпагу: „не бойтесь! Это не шведская, а русская кровь“. Женщина по-прежнему была расписанной куклой, обвѣшанной побрякушками. Такъ какъ дородность считалась красотой, то русскія принимали утучняющія снадобья и спали по цѣлымъ днямъ: отсюда ихъ вялая походка въ перевалку, „какъ уточка“, и медленный танецъ. Даже Полоцкій считалъ женщину зломъ и совѣтовалъ держать ее, какъ раба или звѣря. Старый Морозовъ билъ свою молодую жену плетью въ палецъ толщиной. Одна русская плакала оттого, что мужъ, нѣмецъ, не колотилъ ее, т.-е. не любилъ. Часто мужья „избывали женъ“—отравляли ихъ или постригали въ монахини. По Уложенію Алексѣя, ихъ не наказывали за это; а жена убьетъ мужа—ее „окапывали въ землю“ по шею, и всякій ругался надъ нею, пока она не умретъ. Невѣсту продавали, какъ вещь, чрезъ посредство свахи, причемъ подмѣнивали здоровыхъ на уродовъ;

„во всемъ мірѣ не было такого обмана на дѣвицъ“. Женщина тупѣла и предавалась гаданіямъ да чародѣйству. Но съ Алексѣя начинается смягченіе нравовъ сверху. Явились проблески человѣколюбія; у Ртищева даже шевелилось сомнѣніе въ справедливости крѣпостничества. Это направленіе поддерживали южные ученые: Славинецкій (§ 167) требовалъ, чтобы правительство устраивало богадѣльни, а общество составило бы „всепріятелище“ или братство милосердія, какъ мужское, такъ и женское. Рядъ благотворительныхъ мѣръ Петра былъ исполненіемъ этой программы. Съ Алексѣя женщина стала свободнѣе во дворцѣ; его дочери учились у южныхъ ученыхъ, выходили изъ дворца, смотрѣли комедіи. Софья была уже совсѣмъ новою женщиной, и по своему быту, и по положенію. Петръ запретилъ вѣнчать безъ взаимнаго согласія жениха и невѣсты. Чтобы уничтожить теремное заключеніе и домосѣдство, Петръ завелъ публичный театръ, куда загонялъ народъ насильно, и *ассамблеи* или „вольныя собранія“. Въ указѣ было сказано: „ассамблея составляется не для одной забавы, но и для дѣла, ибо тутъ можно другъ друга видѣть и обо всемъ переговорить, также слышать, что́ гдѣ дѣлается; хозяинъ можетъ и не быть дома; вставанья, провожанья и другія церемоніи запрещаются“. Петръ часто устраивалъ танцы, гулянья, фейерверки. По флагу, петербуржцы должны были являться на казенныхъ лодкахъ и принимать участіе въ прогулкѣ двора по Невѣ.

§ 189. **Старыя понятія.** Умственное состояніе общества соотвѣтствовало нравственному, вслѣдствіе *невѣжества*. Попрежнему не шли дальше умѣнья читать и писать, учась у полуграмотнаго пьяницы-дьяка или попа. Высокою школой считалась та, въ которой, кромѣ Часослова и Псалтыря, читали статьи изъ азбуковниковъ (§ 97) Розга господствовала такъ, что даже Полоцкій проповѣдовалъ: „не щадите, родители, жезловъ вашихъ; угощайте дѣтей вашихъ не душевреднымъ лобзаніемъ, а нравоисправительнымъ біеніемъ“. Учитель смотрѣлъ на школу, какъ на свое помѣстье: мальчики работали на него, а въ праздники приходили на поклонъ. Помѣщичьи сынки уразумѣвали грамоту на 26-мъ г. и позже, лишь по требованію службы: тогда люди считались недорослями даже послѣ женитьбы, если были живы старшіе родственники. Даже многіе птенцы Петра писали съ трудомъ. Духовенство не только часто было безграмотно, но въ глуши становилось въ тупикъ, если говорили „тѣло или тайны Христовы“ вмѣсто „запасъ“, что тогда означало

„зѣло гнусный сосудецъ, который попъ держалъ у себя дома между клопами, тараканами и сверчками". Передъ Петромъ даже вожди просвѣщенія считали *науку* лишь *средствомъ вырабатывать дѣльцовъ,* т. е. чиновниковъ. Страшась войны съ Польшей, Алексѣй чуть не вызвалъ ея, упорно требуя сожженія польскихъ книгъ, осуждавшихъ его, и казни ихъ авторовъ. Его послы не могли понять возраженія польскихъ пановъ: „пусть вашъ государь велитъ у себя печатать о Польшѣ, что угодно: мы этого въ безчестье себѣ не поставимъ". Король согласился, наконецъ, лишь на тайное сожженіе, во избѣжаніе „позора отъ всѣхъ окрестныхъ государствъ". Но послы настояли на явномъ сожженіи. Поляки кричали: „Лучше бы король миръ разорвалъ съ Москвой или города уступилъ, чѣмъ такое великое безчестье положено на насъ!" Тогда же сожгли въ Москвѣ *Кульмана* — мистика, который придерживался нѣмецкаго философа Бема. Также *нетерпимы* были даже передовые люди къ „естествословцамъ". Полоцкій признавалъ только „свободныя художества" (грамматику, риторику, философію) и называлъ „буйствомъ предъ Богомъ" объяснять природу „естественными причинами". Онъ сходился здѣсь со стрѣльцами, которые кричали про медика: „это чернокнижникъ! Мы нашли въ его домѣ сушеныхъ змѣй; и за это надо казнить его смертью". Полоцкій называлъ въ своихъ сочиненіяхъ Никиту Пустосвята „окаяннымъ, свиньей, смраднымъ козлищемъ, псомъ лающимъ, которому нужно заградить уста жезломъ". Передъ Петромъ москвичи считали „совращенными съ праваго пути" Ртищева и Морозова. Такъ смотрѣлъ на малороссійскихъ ученыхъ самъ Никонъ, который пользовался ихъ трудами: даже при Петрѣ ихъ обзывали „обливанниками и ляшенками (полячишками)"; а малороссійскіе и греческіе грамотѣи считали еретиками западныхъ ученыхъ. Изъ пережитковъ особенно держалась *вѣра въ нечистаго.* Мертвецъ считался духомъ: даже Алексѣй, пришедши ночью къ гробу патріарха, трепеталъ при мысли, что „тотчасъ, вскоча, тебя ударитъ". Полоцкій говоритъ: „случится человѣку, выходя изъ дому, споткнуться, онъ возвращается и не дѣлаетъ своего дѣла; встрѣтится камень, песъ, ребенокъ — топчатъ камень, колотятъ пса, даютъ оплеухи ребенку". Главнымъ вмѣстилищемъ нечистой силы все еще считалась женщина, которая и сама вѣрила этому: передъ Петромъ нерѣдко сожигали колдуній. Прочно держалось *внѣшнее пониманіе христіанства.* Полоцкій гремѣлъ противъ хороводовъ и рѣлей (качель); онъ запрещалъ въ праздники даже

читать и бесѣдовать. На религію смотрѣли матеріально: по Полоцкому, Адамъ и Ева 5 час. пробыли въ раю; у Христа было 5 т. язвъ на тѣлѣ и т. д. Въ этомъ смыслѣ важна *хлѣбопоклонная ересь*. Однажды, при Софьѣ, Полоцкій поспорилъ съ Славинецкимъ о томъ, когда совершается пресуществленіе? Онъ утверждалъ, какъ католики, что при словахъ: „пріидите, ядите"; Славинецкій же доказывалъ, что позже. Если принять толкованіе Славинецкаго, то Полоцкій „поклонялся хлѣбу", а не тѣлу Христову. Патріархъ сталъ за Славинецкаго, какъ за эллиниста: Полоцкій же, какъ латинистъ, считался почти еретикомъ. По смерти Полоцкаго, за его мнѣніе стала Софья съ своими приверженцами, а за Славинецкаго греки Лихуды и восточные патріархи. Особенный соборъ призналъ ученіе Полоцкаго *хлѣбопоклонною ересью*, чему помогло паденіе Софьи. Этотъ же соборъ высказался противъ просвѣщенія, осудивши книги юго-зап. ученыхъ, какъ „душетлительную отраву латинскаго зломудрія и новшества".

§ 190. **Новыя понятія.**—Наряду со старыми понятіями возникали новыя, подъ вліяніемъ иностранцевъ. Въ церковной сферѣ проявилось броженіе умовъ, вызванное хлѣбопоклонною ересью: за эту ересь стояли жившіе въ Москвѣ поляки и іезуиты, которые явились съ помощью Вас. Голицына и завели школу, но были изгнаны при Петрѣ. Въ Москвѣ дьяконъ *Артемьевъ*, бывшій въ Венеціи, служилъ по-іезуитски, порицалъ за угнетеніе раскольниковъ, называлъ патріарховъ „потеряхами", ибо они потеряли истинную вѣру; у него образовался значительный кружокъ. Замѣчалось также вліяніе *лютеранъ* и *кальвинистовъ*, отвергавшихъ внѣшнюю сторону религіи. При Петрѣ лекарь *Тверитиновъ* образовалъ цѣлую секту въ этомъ смыслѣ, къ которой принадлежали и купцы, и чиновники, помогавшіе другъ другу побратски. Ихъ отдали въ слуги архіереямъ. Тогда же въ Москвѣ образовался кружокъ иконоборцевъ, во главѣ котораго стояла начетница, жена приказнаго, *Настасья Зима*. Подобное же направленіе было въ безпоповщинѣ; и вообще расколъ производилъ умственное движеніе, развивалъ потребность читать и разсуждать; его начетники были выше православныхъ. Но люди, затронутые зап. просвѣщеніемъ, понимали невѣжество раскольниковъ. Полоцкій и Славинецкій, Димитрій и Ѳеофанъ изумлялись дерзости людей, которые брались поучать другихъ, сами еле читая по складамъ. Уже при Алексѣѣ народъ жаловался, что новые люди „всѣхъ укоряютъ и ни во что ставятъ благо-

честивыхъ протопоповъ". Тогда въ Перми проповѣдникъ поносилъ поповъ за невѣжество, служа отголоскомъ собора, на которомъ осуждали Стоглавъ и Филарета за то же. Самъ Алексѣй уже не считалъ голубей св. Духомъ, кормилъ ими кречетовъ. Полоцкій и Славинецкій проповѣдовали противъ ханжества и ложнаго пониманія иконъ и постовъ. Петръ ненавидѣлъ „лицемѣріе и квасъ фарисейскій" и называлъ монаховъ „тунеядцами да плутами". Онъ издавалъ указы противъ увлеченія обрядностью; сокращалъ число церквей, акаѳистовъ, чудотворныхъ иконъ, крестныхъ ходовъ; отбиралъ привѣски у образовъ; забиралъ въ полицію кликушъ и бѣсноватыхъ. У него избраніе князь-папы было пародіей не на одно папство, но и на архіерейство. Петръ отмѣнилъ перекрещиваніе католиковъ и лютеранъ и разрѣшилъ браки съ иновѣрцами. Новыя понятія связаны съ *просвѣщеніемъ*, которымъ начали увлекаться уже передъ Петромъ. При Алексѣѣ наши послы называли китайцевъ „варварами" и хвастались полякамъ, что ихъ царь „навыченъ наукамъ премудрымъ философскимъ многимъ". Иные юноши до слезъ жаждали обученія и бѣжали за-границу или временно принимали католичество, чтобы попасть въ польскія школы. Бояре приглашали въ домашніе учителя иностранцевъ или обнищалыхъ шляхтичей изъ юго-зап. Руси; передовые люди заводили библіотеки съ книгами польск., лат. и нѣмецкими; одинъ мужикъ сдѣлалъ крылья, собираясь „летать, какъ журавль". Соборъ и іерархія требовали обученія дѣтей; о томъ же умоляли „царя и могучихъ людей" Полоцкій и Славинецкій. При Алексѣѣ прибылъ въ Москву одинъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ людей того времени, сербъ *Юрій Крижаничъ*. Онъ учился въ Вѣнѣ и Италіи не только богословію, но и свѣтскимъ наукамъ, зналъ языки нѣм., итал., лат. и греч. Горячій славянскій патріотъ (§ 166), Крижаничъ хотѣлъ просвѣтить Россію и написалъ, съ этою цѣлью, нѣсколько сочиненій на изобрѣтенномъ имъ общеславянскомъ нарѣчіи. Главное изъ нихъ — *Разговоры о владѣтельствѣ* или политическія думы объ идеалѣ государства. Здѣсь мѣткая критика пороковъ Россіи, по сравненію съ Западомъ, даже совѣтъ поучиться у турокъ: передъ нами матеріальное и умственное убожество страны, начиная съ негоднаго войска, кончая неудобнымъ платьемъ, грязными бородищами, нечесаными волосами. Корень всему то, что русскіе все дѣлаютъ только изъ-подъ палки и всего боятся: нигдѣ на свѣтѣ нѣтъ такого „людодерства". Для исправленія зла Крижаничъ предлагалъ рядъ преобразованій, начиная съ ограниче-

нія власти „сеймомъ“; но выше всего онъ ставилъ просвѣщеніе, совѣтуя учить даже дѣвочекъ. Крижаничъ указывалъ на зап. образованіе, но предостерегалъ русскихъ отъ „чужебѣсія“, негодуя особенно на нѣмцевъ, сосущихъ кровь славянъ. Черезъ годъ Крижанича сослали въ Тобольскъ, гдѣ онъ пробылъ до смерти Алексѣя; но его сочиненія хранились въ дворцовой библіотекѣ. Подобныя же мысли высказывалъ дьякъ посольскаго приказа, *Котошихинъ*, бѣжавшій въ Швецію отъ московскаго невѣжества (1664). Въ своемъ сочиненіи *О Россіи въ царствованіе Алексѣя* онъ рисуетъ бытъ всѣхъ сословій мрачными красками, особенно указывая на невѣжество даже при дворѣ.

§ 191. **Просвѣщеніе.** — Правительство, отчасти даже частныя лица отзывались на призывъ къ просвѣщенію. При Алексѣѣ начали приглашать въ Москву *малороссійскихъ* ученыхъ и грековъ, во главѣ которыхъ стояли Полоцкій и Славинецкій. Прежде всего они появились въ *училищѣ Ртищева*, потомъ у Никона справщиками и въ *московской академіи* Ѳедора (§§ 167, 168), которая называлась также Заиконоспасскою школой по монастырю, гдѣ она помѣщалась. Въ академіи первыми учителями были греки, братья *Лихуды* (§ 169), и она называлась сначала *еллино-греческою*. Потомъ, когда Лихуды перешли въ подобное же училище въ Новгородѣ, она стала, при Яворскомъ, *латинскою* школой, по образцу кіевской; въ ней воспитывались потомъ и свѣтскіе люди, въ томъ числѣ писатели (Ломоносовъ); отсюда брали учениковъ въ гимназію при академіи наукъ. Друзья старины видѣли еретиковъ не только въ малороссійскихъ, но даже въ греч. преподавателяхъ, учившихся тогда въ Италіи; а между тѣмъ уже и эти учителя не удовлетворяли жаждѣ знанія. То были духовныя лица, богословы и схоластики, и моск. академія была блюстительницей православія; а на Западѣ уже процвѣтала свѣтская и реальная наука: южно-русское просвѣщеніе было лишь подготовительною школой, также быстро устарѣвшею, какъ стрѣльцы. Уже съ конца царствованія Алексѣя обнаружилось стремленіе къ западному, *нѣмецкому* образованію, но болѣе во внѣшнемъ бытѣ двора. Петръ же былъ сознательнымъ представителемъ этого начала. Онъ говорилъ, что „все худшее видимъ въ темныхъ ученіемъ временахъ“; а науки, по его мнѣнію, родившись въ древней Греціи, пребывали тогда „въ Англіи, Франціи и Германіи“, откуда должны перейти къ намъ. Петръ ежедневно училъ своихъ дочерей по-французски и посылалъ молодыхъ людей на Зап. учиться горному дѣлу, кораблестроенію,

медицинѣ, фабричному производству, коллегіальному дѣлу, инженерному искусству, а въ Астрахань и Персію—обучаться турецк., персид. и араб. языкамъ. Онъ сносился съ французскою академіей: посылалъ археологическія находки и неизвѣстныя рукописи для разбора. По приказу Петра, было издано много переводовъ по механикѣ, математикѣ, исторіи и военному дѣлу; онъ училъ, какъ переводить — „не высокими словами словенскими, но простымъ рускимъ языкомъ", и совѣтовалъ вымарывать „негодные разсказы", которыми „нѣмцы обыкли наполнять свои книги". Петръ самъ писалъ весьма точно, ясно и сжато. Развилось *типографское* дѣло, хотя скоропись была еще въ большомъ ходу: при Петрѣ было много „доброписцевъ". Была заведена русская типографія въ Амстердамѣ, которая печатала и русскія книги, и опроверженія клеветъ на Россію; а въ Россіи, гдѣ Петръ хорошо платилъ авторамъ, печатались грамматики, лексиконы, календари, письмовники и учебники по разнымъ предметамъ; даже стали посылать книги и учителей въ Сербію. Въ 1700 г. начало гражданскаго года перенесено съ 1-го сент. на *1-е января* и велѣно считать не отъ сотворенія міра, а отъ Р. Х. Въ 1703 г. стали печатать *Русскія Вѣдомости*—первую газету для публики, и Петръ сначала самъ отмѣчалъ, что переводить для нея и держалъ корректуру, а въ 1708-мъ славянское письмо было замѣнено новоизобрѣтенною русскою или *гражданскою азбукой*. Петръ строго требовалъ обученія юношества: иначе дѣтей духовенства бралъ въ солдаты, а дворянскихъ насильно отдавалъ въ школы. Для крестьянъ велѣно было объяснять буквари въ церквахъ: крестьянинъ Посошковъ совѣтовалъ даже ввести между ними грамотность насильственно. Петръ дорожилъ и старымъ просвѣщеніемъ: онъ сдѣлалъ синодальную библіотеку драгоцѣннымъ складомъ древнихъ рукописей и требовалъ напечатать ея каталогъ. Онъ заботился о кіевской коллегіи, переименованной въ „академію", и привлекалъ малорос. ученыхъ; а моск. академія, вмѣстѣ съ синодомъ, завѣдывала всѣмъ обученіемъ и переводами. Но рядомъ возникла цѣлая система *новыхъ школъ*. Въ столицахъ онѣ назначались преимущественно для дворянъ и назывались, по предметамъ, математическими, латинскими, нѣмецкими; кромѣ того, было нѣсколько спеціальныхъ училищъ — морская академія, школы навигацкая, инженерная и артиллерійская, школа для подъячихъ. Особенно процвѣтала моск. *математическая школа*, куда приходили „охотники всякихъ чиновъ", даже зажиточные взрослые люди и приказные; въ ней

было до 700 учащихся. Изъ математическихъ школъ посылали учителей въ губерніи, которымъ давали помѣщеніе въ монастыряхъ и архіерейскихъ домахъ: они обучали даромъ дѣтей всякаго чина грамотѣ, цифири и геометріи. Въ каждой епархіи заводились *духовныя училища*, гдѣ 2 г. занимались богословіемъ, а 6 – свѣтскими науками, отчасти греческимъ и даже еврейскимъ яз.; при училищахъ состояли библіотеки. Во главѣ образованія Петръ хотѣлъ поставить *академію наукъ*. По указу 1724 г., она должна была служить „къ распложенію художествъ и наукъ"; но ученые должны были и двигать науку, и „молодыхъ людей публично обучать": академія должна была замѣнять разомъ и ученое учрежденіе, и университетъ, и гимназію. Петръ завелъ также *музеи* естественный и археологическій и основалъ *медицинскую контору*, которая вѣдала врачей и аптеки и основала медицинскую школу; открылись и первыя минеральныя воды въ Россіи (олонецкія). Собственные геодезисты ѣздили по Россіи и составляли ея карту. Характеръ просвѣщенія при Петрѣ былъ *практическій*, реальный. Петра мало интересовали богословіе, риторика и философія: онъ стремился къ такимъ школамъ, изъ которыхъ „люди происходили бы во всякія потребы", были бы годны для службы, промысловъ и торговли, могли бы приносить непосредственную пользу.

§ 192. **Церковная письменность.**—Согласно съ новымъ направленіемъ умовъ, въ письменности церковное начало продолжало уступать мѣсто свѣтскому; но оно оживилось, подъ вліяніемъ раскола и малорос. ученыхъ. На первый планъ выдвинулось *исправленіе церковныхъ книгъ* (§ 159), сдѣланное (1655) даровитымъ *Славинецкимъ*, который учился въ Кіевѣ и Венеціи, былъ сосланъ въ Соловки и вызванъ оттуда Никономъ: тексты Славинецкаго до сихъ поръ употребляются у насъ и у православныхъ славянъ. Послѣ богослужебныхъ книгъ, впервые издали и *Библію* (1663) на слав. яз.; но это была почти перепечатка острожскаго изданія (§ 153), полнаго ошибокъ; тогда же перевели Псалтырь на народный *русскій* яз. Затѣмъ исправляли переводы *отеческихъ* писаній и отчасти переводили ихъ вновь, по примѣру Курбскаго: и эта работа лежала главнымъ образомъ на Славинецкомъ, отчасти же на Лихудахъ и ихъ ученикахъ. Продолжалось и дѣло собиранія житій святыхъ: Димитрій ростовскій напечаталъ *Малыя Четьи-Минеи*—сокращеніе Макарьевскихъ Четій (§ 146) и многихъ русскихъ и иностранныхъ патериковъ; этотъ трудъ, проникнутый искреннимъ благочестіемъ, и теперь

составляетъ любимое чтеніе народа; онъ представляетъ также лучшій обращикъ новаго церк.-слав. яз. (§ 148). Возникла и богословская литература, вызванная необходимостью защищать православіе противъ зап. ученій и противъ раскола. Во главѣ догматическихъ сочиненій стоитъ *Вѣнецъ вѣры* Полоцкаго — первое моск. богословіе, въ вопросахъ и отвѣтахъ, куда вошло многое изъ зап. богослововъ, а также свѣдѣнія изъ астрономіи и географіи. Важнѣе церковная полемика. Явилось нѣсколько книгъ противъ протестантовъ, въ особенности же противъ католицизма, по поводу хлѣбопоклонной ереси. Но больше всего приходилось бороться съ расколомъ, который самъ нападалъ въ лицѣ своихъ начетчиковъ; одинъ Аввакумъ написалъ болѣе 30 сочиненій; особенно важны *Челобитныя* старовѣровъ. Главными сочиненіями противъ раскола были: *Жезлъ правленія* Полоцкаго, *Розыскъ* Димитрія и *Опроверженіе Соловецкой Челобитной* Крижанича. За исключеніемъ дѣльнаго „Розыска", всѣ они поверхностны и не уступаютъ раскольничьимъ сочиненіямъ въ грубой брани. Полемическій характеръ проникъ и въ *проповѣдь*, которая перешла тогда въ Москву изъ ю.-з. Руси. Первымъ проповѣдникомъ былъ Славинецкій, который говорилъ о просвѣщеніи, о школахъ, доказывалъ невѣжество раскольниковъ, приводилъ свѣдѣнія изъ свѣтскихъ наукъ; но его проповѣди витіеваты и тяжелы. Проще и живѣе были слова Полоцкаго, изданныя подъ именемъ *Обѣда душевнаго* и *Вечери душевной:* здѣсь много новыхъ мыслей и обличеніе невѣжественнаго быта; Полоцкій пользовался и апокрифами, и классиками, и іезуитами. Но лучшимъ проповѣдникомъ былъ Димитрій рост. Онъ только для начетчиковъ придерживался малорос. витіеватости и символизма; людямъ же „безкнижнымъ" говорилъ просто, примѣняясь къ ихъ жизни; онъ также стоялъ за ученіе и обличалъ пороки всѣхъ сословій. Явился умный проповѣдникъ въ Перми, боровшійся съ невѣжами, которые поносили его даже за введеніе обычая говорить проповѣди. Почти вся эта церковная письменность процвѣтала передъ Петромъ. Петръ мало интересовался ею; онъ заботился только о практической ея сторонѣ — о проповѣди; синодъ указывалъ даже, какъ проповѣднику держать себя на каѳедрѣ. При немъ славились проповѣдями Яворскій и Прокоповичъ. *Яворскій* витіеватъ, напоминаетъ Барановича (§ 153); онъ жестикулировалъ, подскакивалъ, плакалъ и хохоталъ; онъ рѣдко касался политики, и лишь для того, чтобы осуждать преобразованія. *Прокоповичъ* — типъ просвѣщеннаго проповѣдника новаго

времени. Онъ выражался просто, прекраснымъ разговорнымъ языкомъ, и благородно держалъ себя на каѳедрѣ. Его задача — объяснять и защищать дѣло Петра, прославлять науку: его слова — статьи умной газеты и нерѣдко ѣдкая сатира противъ невѣждъ и ханжей. Сатира и литературное изящество замѣтны и въ *Духовномъ регламентѣ* Прокоповича. Друзья старины уличали Ѳеофана и его кружокъ въ ерстичествѣ. Во главѣ ихъ былъ Яворскій, книга котораго, *Камень Вѣры*, написанная противъ протестантства, стала потомъ орудіемъ борьбы противъ преобразованій.

§ 193. **Свѣтская проза.** — Уже при Алексѣѣ свѣтская письменность начала оттѣснять церковную на задній планъ. Жажда ученія проявилась въ переводахъ учебниковъ и сборниковъ по исторіи, географіи, педагогіи, математикѣ, грамматикѣ и естествознанію; причемъ книги „строились" въ двухъ экземплярахъ — одинъ для дворца, другой для посольскаго приказа. Здѣсь главными тружениками были кіевскіе ученые—Славинецкій и Сатановскій: они перевели, въ отрывкахъ, Ѳукидида, Плинія Младшаго, анатомію, географію и большой сборникъ *О градѣ царскомъ*, составленный на основаніи 120 философовъ, богослововъ, историковъ, естественниковъ и поэтовъ. Славинецкій составилъ еще 2 лексикона — одинъ для объясненія словъ въ церковныхъ книгахъ, другой греко-славянскій. По *грамматикѣ* руководствомъ служилъ трудъ *Смотрицкаго* (§ 153). „Граматично изказаніе" Крижанича было первымъ опытомъ сравнительной грамматики слав. нарѣчій. По ариѳметикѣ было руководство уже при Алексѣѣ, потомъ англійскіе учителя навигацкой школы издали Эвклида; но главнымъ учебникомъ была *Ариѳметика Магницкаго* (1703). При Петрѣ было издано еще множество учебниковъ, а также отрывки изъ Эразма, Гуго Гроція, Пуффендорфа и др. главныхъ писателей новаго времени. *Путешествія* продолжались и при Алексѣѣ: сибирскій воевода *Байковъ* описалъ свое посольство въ Китай (§ 166). При Петрѣ вели дневники лица, которыхъ онъ отправлялъ на Зап. съ научною цѣлью: Шереметевъ, Толстой и др. указывали все лучшее, чѣмъ отличалась европейская жизнь отъ нашей. Особенно развилась *исторія*. Никонъ составилъ важный сборникъ лѣтописей (§ 144), съ помощью рукописей, припасенныхъ для исправленія книгъ: здѣсь есть важныя и древнія свѣдѣнія изъ рукописей утраченныхъ. Затѣмъ составленіе лѣтописныхъ сборниковъ прекращается; выступаютъ записки современниковъ и историческія сочиненія. Вы-

даются *записки* о стрѣлецкомъ бунтѣ *Медвѣдева* и сына *Матвѣева:* оба автора смотрятъ противоположно на событіе. Первою попыткой *автобіографіи* было „Житіе“ Аввакума (§ 161). Петръ понялъ, что исторія немыслима безъ запаса матеріаловъ: онъ приказалъ списывать всѣ лѣтописи, хронографы и проч. и поручилъ составленіе исторіи Прокоповичу. Образцомъ *публицистики* служатъ, кромѣ сочиненій Крижанича и Котошихина (§ 190), труды зажиточнаго крестьянина *Посошкова.* Посошковъ— самоучка; онъ много ѣздилъ по дѣламъ и зналъ людей всѣхъ сословій; сначала раскольникъ, онъ сталъ потомъ горячимъ защитникомъ идей Петра. Его книга „О скудости и богатствѣ“, написанная изъ „презельной любви къ отечеству“, есть всестороннее указаніе недостатковъ Россіи и мѣръ къ ихъ исправленію. Она свидѣтельствуетъ о государственномъ умѣ автора, „простеца“. Посошковъ требуетъ ограничить власть помѣщика, замѣнить подушную подать земельнымъ и всесословнымъ сборомъ, ввести генеральное межеваніе и обязательное обученіе крестьянъ грамотѣ. Онъ требуетъ также образованія отъ духовенства и честной торговли отъ купцовъ; правду въ судьяхъ и чиновникахъ онъ считаетъ основаніемъ народнаго богатства. Первый опытъ публицистической полемики съ иностранцами представляютъ *Разсужденія о причинахъ войны съ Карломъ XII*, написанныя отчасти самимъ Петромъ въ свое оправданіе.

§ 194. **Поэзія.** — Народная поэзія слабѣла: старыя *пѣсни* (§ 145) сохранялись, но мало создавалось новыхъ. Отъ временъ Алексѣя дошли пѣсни о польскихъ войнахъ и о Разинѣ: передъ войнами изображается соборъ, но кто говоритъ на немъ неугодныя царю рѣчи, того казнятъ смертью; Разинъ оказывается такимъ богатыремъ, что самъ матерой казакъ, Илья Муромецъ, служитъ у него есауломъ. Тогда же началась раскольничья поэзія пѣснью объ осадѣ Соловковъ. Есть пѣсни о Петрѣ и его птенцахъ, частью хвалебныя, частью раскольничьи. *Повѣсть* (§ 145) или рыцарскій романъ, уже павшій тогда на Зап., развивался у насъ, подъ польскимъ вліяніемъ: онъ сталъ любимымъ чтеніемъ и въ селѣ, и во дворцѣ, гдѣ его называли „потѣшною книгой“. Возникали даже попытки русской повѣсти, въ родѣ „Исторіи о Фролѣ Скобѣевѣ и дочери Нащокина“. Замѣчательна поучительная *Повѣсть о Горѣ-Злосчастіи*, которое такъ преслѣдовало загулявшаго добраго молодца, что довело его до монастыря; мысль здѣсь та же, что въ Домостроѣ и церковныхъ поученіяхъ. Явились и сатирическіе разсказы, преимущественно

о пьянствѣ: „Повѣсть о высокоумномъ Хмѣлѣ“, повѣсть „О бражникѣ“ и др. Вмѣстѣ съ малорос. учеными въ Москвѣ явились вирши (§ 153) или *силлабическая поэзія:* она и здѣсь состояла изъ посвященій и предисловій къ книгамъ; даже арпѳметика Магницкаго отчасти написана такими стихами. Главнымъ стихотворцемъ былъ Полоцкій, писавшій стихи даже наканунѣ своей смерти и издавшій Псалтырь и календарь въ стихахъ: для него стихи были орудіемъ народнаго просвѣщенія. Вирши служили еще *панегириками*, одами и „плачами“ на разные случаи изъ жизни двора и вельможъ. При Петрѣ панегирики развивались: нужно было прославлять преобразованія въ глазахъ толпы. Ихъ составляли по поводу частыхъ „тріумфовъ“, украшенныхъ апоѳеозами и аллегорическими изображеніями. Изъ Малороссіи же была занесена въ Москву *драма*. Царь Алексѣй соорудилъ „комедійную хоромину“ во дворцѣ, гдѣ играла труппа Готфрида (§ 167); вслѣдъ затѣмъ образовали театральную школу въ Нѣмецкой Слободѣ изъ дѣтей мѣщанъ и подъячихъ. Сначала давали *духовныя* драмы, особенно Полоцкаго и Димитрія; онѣ были даже обязательны въ моск. академіи и въ семинаріяхъ. Потомъ явились свѣтскія представленія изъ классической миѳологіи и даже балетъ. Театръ былъ упраздненъ при Ѳедорѣ. Петръ снова выписалъ труппу изъ Германіи и отдавалъ подъячихъ ей въ обученіе. Онъ сдѣлалъ театръ изъ придворной забавы орудіемъ общественнаго образованія: „комедійный домъ“ былъ построенъ на площади, для всѣхъ чиновъ, и въ немъ давались свѣтскія драмы (о Баязетѣ, Цезарѣ, изъ Мольера); главныя лица — цари, герои и шутъ. Въ моск. академіи играли *драмы-панегирики:* здѣсь разъяснялись преобразованія и обличались русскіе пороки, особенно невѣжество и косность, а также дѣлались политическіе намеки. Образцомъ этой драмы служитъ „трагедокомедія“ Прокоповича *Владиміръ*, проникнутая сатирой на духовенство и смѣлыми новыми мыслями. Въ антрактахъ давались *интермедіи* — короткія народныя сцены, живыя, правдивыя и ѣдкія: здѣсь осмѣивались друзья старины, попы и подъячіе.

§ 195. **Искусство и внѣшній бытъ.**—Искусство и особенно внѣшній бытъ подверглись сильному измѣненію, подъ прямымъ *вліяніемъ Запада.* Иностранныхъ мастеровъ было уже много при Алексѣѣ; а при Петрѣ появляются и ихъ русскіе ученики. Бытъ дворца и высшаго класса, сохранявшій еще моск. отпечатокъ при Алексѣѣ, уже былъ блестящъ при Софьѣ: въ домѣ Вас. Голицына потолокъ и окна были покрыты рисунками и золо-

тыми и серебряными изображеніями солнца съ мѣсяцемъ; на стѣнахъ висѣли портреты и зеркала; кровати были усѣяны художественною рѣзьбой; было много часовъ, креселъ, затѣйливыхъ шкатулокъ и чернилицъ. Съ Петра изученіе придворнаго быта сливается съ изученіемъ успѣховъ общежитія на Зап. Петербургъ, съ его каменными домами, сразу сталъ европейскимъ городомъ. Только Москва хранила старый видъ большаго православнаго села; въ ней было до 2 т. церквей (по церкви на каждые 5 домовъ) и много монастырей по концамъ, съ башнями и пушками; Кремль, съ его пестрою массой церквей и зданій, лѣпившихся безъ порядка, также былъ большимъ монастыремъ-крѣпостью. Провинція и бытъ низшихъ классовъ оставались жалкими, несмотря на всѣ указы Петра, какъ нужно жить почеловѣчески. Только въ высшемъ кругу и въ столицахъ исполняли даже такіе строгіе указы, какъ о перемѣнѣ *одежды*, хотя царь вѣшалъ въ городахъ „чучелы" (образцы нѣмецкаго платья) и требовалъ, чтобы по нимъ одѣвались „всякихъ чиновъ люди", кромѣ духовенства и крестьянъ; та же судьба постигла указъ о постройкѣ *каменныхъ* домовъ. Точно также лишь придворною сферой ограничивались заботы о развитіи искусства. Выписанный изъ Италіи архитекторъ *Растрелли* построилъ нѣсколько прекрасныхъ зданій въ столицахъ. Были куплены *статуи* въ Римѣ и Венеціи для украшенія дворцовъ. Развивалось серебряное мастерство: былъ даже приказъ золотаго и серебряннаго дѣла. *Живопись* не переставала развиваться. При Алексѣѣ были въ ходу, при историческихъ сочиненіяхъ, „парсуны" (портреты) и гербы государей, писанные иконописцами. Петръ нанималъ во Франціи историческихъ живописцевъ и устроилъ въ Петербургѣ живописную школу. Распространялись лубочныя картины при сказкахъ и притчахъ; картина „Воинъ Аника и Смерть", изображавшая „преніе живота со смертью" (притча о витязѣ и смерти, § 145), соотвѣтствовала „Пляскѣ мертвыхъ" на Западѣ.

§ 196. **Екатерина I.** — По смерти Петра, цѣлое поколѣніе (1725—1762) длился періодъ колебаній, связанныхъ съ участіемъ гвардіи и иностранныхъ пословъ, съ быстрымъ возвышеніемъ и паденіемъ правящихъ лицъ. То были *дворцовые перевороты*, безъ участія народа, отдѣленнаго отъ высшаго сословія зап. образованіемъ. Въ нихъ выражалась борьба старой Руси съ петровскимъ духомъ обновленія, причемъ идея *европейскаго прогресса* постепенно одолѣвала московскую косность: царство-

ваніе Елизаветы было уже переходомъ къ преобразованіямъ Екатерины II, въ духѣ Петра. Борьба открылась у гроба преобразователя. Столпы старины (Голицыны и Долгорукіе) желали возвести на престолъ 9-лѣтняго Петра Алексѣевича ((§ 177); птенцы Петра (Меншиковъ, Толстой, Ягужинскій, Ѳеофанъ) и иностранцы (Остерманъ и герцогъ голштинскій) стояли за вдову Петра I. Новые люди были даровитѣе и энергичнѣе старыхъ, и за нихъ стояла гвардія. Меншиковъ овладѣлъ казной, окружилъ дворецъ гвардейцами—и „синодъ, сенатъ и генералитетъ" (высшіе духовные, гражданскіе и военные чины) объявили *Екатерину I* самодержицею, на основаніи ея коронованія Петромъ. Екатерина заявила, что будетъ продолжать дѣло Петра, и тотчасъ же намекнула, что послѣ нея должна царствовать ея дочь, Анна, а за нею, въ случаѣ ея бездѣтности, Елизавета. Друзья старины начали роптать, надѣясь на массу, которая гнушалась женскимъ правленіемъ и презирала Екатерину, какъ нѣмку-плѣнницу; были даже покушенія на жизнь императрицы. Особенно опасенъ становился сенатъ, гдѣ было много родовитыхъ людей. Чтобы уничтожить его значеніе, въ 1726 г. его лишили титула „правительствующаго" и учредили *Верховный тайный совѣтъ* для рѣшенія „важныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ государственныхъ дѣлъ", подъ предсѣдательствомъ самой государыни. За исключеніемъ обрусѣвшаго Остермана, въ совѣтъ вошли все русскіе птенцы Петра—Меншиковъ, Толстой, Апраксинъ, Головкинъ и Дм. Голицынъ. Обиженный сенатъ разсѣивалъ дурные слухи о новыхъ диктаторахъ—и народъ сталъ говорить съ ненавистью о *верховникахъ*. Дѣйствительно верховники занимались интригами и соперничали между собой. Апраксинъ плакалъ на одномъ придворномъ праздникѣ, приговаривая: „Петра Великаго нѣтъ болѣе! Дѣла идутъ такъ плохо, что надо плакать, а не радоваться". Особенно негодовали верховники на Меншикова, который почти одинъ правилъ Россіей: онъ докладывалъ императрицѣ о дѣлахъ и сообщалъ совѣту только то, что́ было ему угодно. Толстой даже устроилъ заговоръ противъ *временщика* (такъ называли любимцевъ главы государства). Меншикову удалось сослать его въ Соловки; но его положеніе становилось опаснымъ. Соперники изъ птенцовъ Петра могли соединиться съ друзьями старины: Остерманъ уже намекалъ, что, по смерти Екатерины, нельзя обойти Петра Алексѣевича; ктому же при Аннѣ Меншикова отстранилъ бы герцогъ голштинскій, который уже начиналъ распоряжаться. Если за временщика

стояла гвардія, то былъ другой фельдмаршалъ, равный ему по достоинству и любимый украинскою арміей—Мих. Голицынъ, который могъ стать вождемъ „старыхъ русскихъ". Меншиковъ рѣшился соединиться съ партіей старины. Онъ устроилъ такъ, что по смерти Екатерины (1727) оказалось такое завѣщаніе: Петръ Алексѣевичъ женится на дочери Меншикова и наслѣдуетъ престолъ; въ его малолѣтство управляетъ Верх. тайн. совѣтъ (т. е. Меншиковъ); при бездѣтности Петра, ему наслѣдуютъ Анна и Елизавета Петровны.

§ 197. **Петръ II, Остерманъ, Долгорукіе.**—Съ воцареніемъ *Петра II* настало господство Меншикова. Онъ перевезъ императора въ свой домъ и обручилъ его съ своею дочерью, *Марьей*, хотя 12-лѣтнему жениху не нравилась скучная 16-лѣтняя невѣста. Въ календарѣ, на ряду съ именами царской фамиліи, появились имена членовъ семейства „свѣтлѣйшаго". Меншиковъ еще затѣвалъ женить своего сына на сестрѣ императора, *Натальѣ*. Онъ рѣдко бывалъ въ Верх. тайн. совѣтѣ, отдавалъ ему приказы, а дѣла носили ему на домъ. Меншиковъ отправилъ Анну Петровну съ мужемъ въ Голштинію, а опаснаго Ягужинскаго—на Украйну. Остерманъ, котораго онъ считалъ своимъ человѣкомъ, сталъ воспитателемъ Петра II. Чтобы привлечь къ себѣ друзей старины, Меншиковъ поставилъ подлѣ императора бездарныхъ Долгорукихъ и придирался къ Ѳеофану, въ угоду великорусскимъ владыкамъ. Онъ разрѣшилъ сеймы лифляндскому дворянству, а малороссамъ обѣщалъ соблюдать „пункты Хмѣльницкаго", даже возстановилъ гетманство въ лицѣ своего пріятеля, *Апостола*, хотя поставилъ подлѣ него сенатора, отъ котораго все зависѣло. Но черезъ 4 мѣсяца временщикъ палъ. Всѣ ненавидѣли его за властолюбіе; онъ ошибся въ самыхъ близкихъ людяхъ. *Остерманъ* не хотѣлъ быть его орудіемъ. Сынъ бѣднаго пастора, самый дѣльный и образованный изъ иностранцевъ Петра I, вице-канцлеръ Остерманъ былъ основателемъ *русской дипломатіи*. Притворный, вкрадчивый дипломатъ, онъ удержался при всѣхъ переворотахъ, заболѣвая въ критическія минуты и тайно сохраняя связи съ павшими. Остерманъ былъ необходимъ по своему уму и трудолюбію: часто онъ одинъ втихомолку управлялъ всѣми дѣлами; при дворѣ его называли „оракуломъ". Твердо держа знамя просвѣщенія и прогресса, онъ сдѣлалъ много добра Россіи, которую считалъ своимъ отечествомъ. Остерманъ хотѣлъ дѣльно воспитать Петра II и покорить его своей волѣ; онъ привлекъ къ своему плану серьез-

ную Наталью, которая имѣла вліяніе на брата. Петръ уважалъ ихъ, но мало слушался; а по смерти чахоточной сестры совсѣмъ пересталъ учиться. Его друзьями стали Долгорукіе—князь *Алексѣй*, племянникъ Якова (§ 174), и сынъ его *Иванъ*. Это были грубые, невѣжественные и бездарные люди; 20-лѣтній Иванъ былъ образцомъ кутилы высшаго круга того времени. Долгорукіе задумали овладѣть Петромъ, развивая въ немъ самоволіе, лѣность и страсть къ забавамъ. Они постоянно возили его на прогулки, особенно на охоту, и устраивали пирушки, въ которыхъ принимали участіе красивыя сестры князя Ивана. Имъ помогала тетка царя, 17-лѣтняя красавица, *Елизавета Петровна*, которая всюду приносила съ собой шумное веселье. Весь этотъ кружокъ не терпѣлъ Меншикова за его опекунство и высокомѣріе. Въ этомъ сходился съ нимъ и Остерманъ, который также сталъ потакать Петру и возстановлять его противъ временщика. Мальчикъ началъ дѣлать сцены Меншикову и кричать: „я покажу, кто императоръ—я или онъ!“ Затѣмъ онъ внезапно переѣхалъ во дворецъ, а Меншикова сослали въ Березовъ, гдѣ онъ вскорѣ умеръ. Власть перешла къ Долгорукимъ: настали времена *фаворитизма* („быть въ фаворѣ“ значило быть временщикомъ). Подъ предлогомъ коронаціи, дворъ переѣхалъ въ Москву, гдѣ Петръ совсѣмъ предался забавамъ. Кромѣ Остермана, никто ничего не дѣлалъ: „все въ страшномъ разстройствѣ“, говорятъ иностранцы; посланники собирались уѣхать, считая свое присутствіе въ Москвѣ „несогласнымъ съ достоинствомъ ихъ государей“. Долгорукіе величались такъ, что посланники по цѣлымъ часамъ ждали въ передней, пока они пили кофе. Сестра князя Ивана, грубая *Екатерина*, была объявлена невѣстой царя, и Иванъ сталъ все позволять себѣ, рыская по Москвѣ съ отрядомъ драгунъ и врываясь въ дома. Но Петръ II внезапно умеръ отъ простуды (1730). Иванъ Долгорукій составилъ, отъ его имени, подложное завѣщаніе въ пользу своей сестры.

§ 198. **Воцареніе Анны Ивановны.**—При кончинѣ Петра II находились верховники, все „старые русскіе“, такъ какъ Остерманъ заболѣлъ. Они отвергли планъ Долгорукихъ, которому воспротивился бы народъ. Желая захватить власть, они, по совѣту Дм. Голицына, обратили вниманіе на *Анну Ивановну* (§ 177), менѣе всѣхъ имѣвшую право на престолъ: пріѣзжая изъ Митавы, всегда съ просьбами, она заискивала у всѣхъ, была ласкова. Голицынъ предложилъ еще обезпечить власть вельможе-

ства *ограниченіемъ самодержавія*, по примѣру шведской аристократіи. „Россія, сказалъ онъ, много претерпѣла отъ самодержавія и отъ иностранцевъ; надобно намъ себѣ полегчить, воли себѣ прибавить". Къ Аннѣ послали такіе „пункты" или „кондиціи": безъ согласія 8 верховниковъ не выходить замужъ, не назначать себѣ преемника, не начинать войны, не заключать мира; войскамъ быть подъ вѣдѣніемъ Верх. тайн. совѣта; у шляхетства живота, имѣнія и чести безъ суда не отнимать; государственные доходы не расходовать; „а буде чего по сему обѣщанію не исполню, то лишена буду короны россійской". Такъ какъ тутъ всѣ выгоды въ пользу однихъ верховниковъ, то они утаили дѣло отъ синода, сената и генералитета. Но тѣ узнали, и началось волненіе. Дворянство не хотѣло „восьми государей вмѣсто одного" и желало обезпечить себя противъ нихъ. Птенцы Петра негодовали: въ числѣ верховниковъ изъ нихъ было только 2 (Остерманъ и Головкинъ), остальные же—все родовитые (4 Долгорукихъ и 2 Голицына). Особенно стали за самодержавіе Ѳеофанъ, Ягужинскій, Татищевъ и Антіохъ Кантемиръ. Волынскій такъ выражалъ мнѣніе шляхетства: „на главныхъ всегда будутъ недоимки; а мы, средніе, одни будемъ оставаться въ платежахъ и во всѣхъ тягостяхъ". Ягужинскій успѣлъ предупредить Анну, не смотря на заставы вокругъ Москвы, устроенныя верховниками; за это его арестовали. Остальные (до 500 чел.) замышляли перебить диктаторовъ, но боялись войскъ: нѣкоторые не ночевали дома и ходили переодѣтыми, подъ чужими именами. Пришло согласіе Анны—и верховники объявили обо всемъ чинамъ. Тутъ вождемъ дворянства выступилъ князь *Черкасскій*, первый богачъ того времени, но человѣкъ мало образованный, бездарный и лѣнивый; о немъ говорили: „Остерманъ—душа, а Черкасскій—тѣло". Черкасскій заявилъ, что дворянство хочетъ, съ своей стороны, поразмыслить о новомъ государственномъ устройствѣ. Стали поступать разные планы ограниченія самодержавія; указывали даже на примѣръ Англіи. Вообще требовали расширить Верх. совѣтъ и выбирать въ него шляхетству и генералитету; нѣкоторые желали такихъ же выборовъ въ сенатъ, въ губернаторы и въ президенты коллегій. Между тѣмъ, пріѣхала Анна и обласкала солдатъ, которые обѣщали переломать ноги верховникамъ, когда тѣ предложили имъ присягнуть государынѣ „и Верховному совѣту". Долгорукіе поселились подлѣ покоевъ Анны и никого не пускали къ ней безъ себя. Но дворянство явилось къ ней толпой, съ Черкасскимъ во

главѣ, и просило разсмотрѣть планы, поданные верховникамъ. Тутъ гвардейскіе офицеры пали на колѣна передъ Анной и крикнули: „не хотимъ, чтобы государынѣ предписывались законы; она должна быть такою же самодержицею, какъ всѣ прежніе государи; прикажите—и мы принесемъ къ вашимъ ногамъ головы вашихъ злодѣевъ!“ Испуганное шляхетство присоединилось къ этому голосу и просило уничтожить, какъ „кондиціи“, такъ и самый Верх. совѣтъ. Анна разорвала кондиціи и упразднила совѣтъ. Голицынъ сказалъ: „трапеза была уготована, но приглашенные оказались недостойными; пострадаю за отечество; но тѣ, которые заставляютъ меня плакать, будутъ плакать долѣе моего“.

§ 199. **Анна и Биронъ**.—Аннѣ было 37 л. Она много испытала въ Митавѣ, гдѣ долго жила вдовой. Изъ толпы жениховъ, которыхъ привлекала Курляндія, ей нравился рыцарственный сынъ Августа II, *Морицъ саксонскій*; но этому браку помѣшалъ Меншиковъ, которому самому хотѣлось сдѣлаться герцогомъ курляндскимъ. Высокая, смуглая, мало-образованная Анна располнѣла, стала болѣть и всѣхъ подозрѣвать, и искала развлеченій. Она довѣряла только веселому, красивому сыну своего конюха, *Бирону*, который не кончилъ курса въ университетѣ по неспособности и сидѣлъ въ тюрьмѣ за дурную жизнь. Биронъ хотѣлъ сначала попасть въ высшее общество въ Россіи, но его оттолкнули; тогда онъ сталъ первымъ лицомъ при дворѣ въ Митавѣ и потомъ занялъ такое же мѣсто въ Москвѣ, въ качествѣ оберъ-камергера. Биронъ сталъ во главѣ нѣмецкой партіи, на которую рѣшилась опереться Анна, возненавидѣвшая русскихъ за попытку ограничить самодержавіе. Вскорѣ дворъ переселился въ Петербургъ—и по словамъ пословъ, „не было и помина о партіи старыхъ русскихъ“. Послѣднихъ оставили только въ сенатѣ, который былъ лишенъ значенія учрежденіемъ *Кабинета* съ „кабинетъ-министрами“. Кабинетъ состоялъ изъ Остермана и изъ двухъ ничтожныхъ русскихъ—Черкасскаго да вялаго и одряхлѣвшаго Головкина. При дворѣ оставили еще столь же ничтожныхъ *Салтыковыхъ*, и то потому, что они были родственниками Анны. Голицыныхъ еле терпѣли, и Михаилъ скоро умеръ. Долгорукихъ сослали въ Березовъ, Ягужинскаго отправили посломъ въ Берлинъ, гдѣ онъ вскорѣ умеръ. Впослѣдствіи сочинили небывалый заговоръ, и Дм. Голицынъ попалъ въ Сибирь, Ивана Долгорукова четвертовали, а нѣкоторымъ изъ его родственниковъ отрубили головы; били батогами и ссылали въ

Сибирь даже людей, водившихъ знакомство съ ними въ ссылкѣ. Власть сосредоточилась въ рукахъ Бирона, а управленіе—въ рукахъ Остермана, за исключеніемъ военныхъ дѣлъ, которыя принадлежали Миниху. Грубый себялюбецъ, не разбиравшій средствъ, Биронъ сталъ жаденъ, властолюбивъ, жестокъ и выказывалъ презрѣніе къ народу, который обогащалъ его. Однажды его карета сломалась отъ дурной дороги—и онъ крикнулъ на сенаторовъ: „вотъ, велю всѣхъ васъ положить, вмѣсто бревенъ, для исправленія мостовъ!“ Такъ выражался человѣкъ, о которомъ говорили: „говоря о лошадяхъ или съ лошадьми, онъ разсуждалъ, какъ человѣкъ; говоря же о людяхъ или съ людьми, разсуждалъ, какъ лошадь“. Лошадь была единственною привязанностью Бирона: каждое утро проводилъ онъ въ манежѣ или въ конюшнѣ; тогда возникли дорогіе казенные конскіе заводы.

§ 200. **Бироновщина и Волынскій.**—Биронъ умѣлъ изобрѣтать развлеченія. Тогда русскій дворъ превосходилъ роскошью даже французскій. При немъ чередовались балы, маскарады, иллюминаціи, комедіи; и каждый разъ гости должны были являться въ новомъ платьѣ яркаго цвѣта. Придворный, тратившій на свой туалетъ не болѣе 3 т. р. въ годъ, былъ почти незамѣтенъ. Въ большомъ ходу была также карточная игра. Дворецъ былъ наполненъ шутами и „говорливыми“ приживалками. Но болѣе всего любила мужественная Анна верховую ѣзду, охоту, звѣринцы, волчью и медвѣжью травлю да смотры войскъ. Дворянство разорялось при дворѣ, да еще подвергалось конфискаціи имущества. На духовныхъ, ненавидимыхъ Бирономъ, было воздвигнуто гоненіе: многіе архіереи были казнены. Крестьянинъ несъ небывалыя тяжести, даже когда не было войны. Вообразивъ, что онъ не платитъ по нежеланію, Биронъ устроилъ *Доимочный приказъ* для сбора недоимокъ за многіе годы. Приказъ дѣйствовалъ экзекуціями: разсылались команды, которыя держали губернаторовъ въ цѣпяхъ, пока ихъ губерніи не выплачивали всего. Солдаты съ губернаторскими сборщиками накидывались на села и все забирали у крестьянъ. Народъ разбѣгался, а его преслѣдовали и избивали. Затѣмъ начались войны—и народъ отягощали непосильными наборами. Малороссы были обижены тѣмъ, что по смерти Апостола (§ 197), не назначали гетмана. Башкирцы бунтовали отъ притѣсненій, особенно при постройкѣ *Орской крѣпости* и *Оренбурга;* ихъ поддерживали *киргизы*, которые только-что вступили тогда въ наше поддан-

ство. Въ *Сибири* господствовало такое безначаліе, что ее раздѣлили на *Восточную* и *Западную;* но должны были обезглавить перваго же иркутскаго губернатора за вопіющія насилія. Опасаясь всеобщаго бунта, Биронъ развилъ *шпіонство*: одна женщина получила 100 душъ за доносъ на мужа. Губернаторамъ приказано было вымучивать *пыткой* признанія въ небывалыхъ заговорахъ. Былъ возстановленъ *правежъ* и Преображенскій приказъ (§ 173), подъ именемъ *Канцеляріи розыскныхъ дѣлъ*, которую поручили кровожадному Ушакову. Конецъ царствованія ознаменовался особою потѣхой. При дворѣ, среди множества забавниковъ, рядомъ съ солдатомъ *Балакиревымъ*, былъ родовитый шутъ, князь *Голицынъ*. Его свадьба съ придворною калмычкой праздновалась въ 1740 г., въ *Ледяномъ Домѣ*, на устройство котораго пошла огромная сумма. А другимъ родовитымъ русскимъ, Долгорукимъ, рубили тогда головы; нѣкоторыхъ сотрудниковъ Петра I преслѣдовали только за то, что они были русскіе. Народъ назвалъ это время *бироновщиной* и волновался: послы боялись, не было бы съ нѣмцами того же, что съ поляками при Лжедимитріи. Появились самозванцы; за одного, назвавшагося Алексѣемъ Петровичемъ, стали даже солдаты. И наверху, подлѣ фаворита, послышались патріотическіе голоса. Ѳеофанъ восклицалъ, умирая: „Голова моя, головушка! Разума упившись, куда приклонишься?“ *Кантемиръ* отказался отъ большихъ выгодъ и покинулъ Россію, чтобы клеймить ее своею желчною сатирой. Княжна *Юсупова* порицала Бирона, и ее за это сѣкли кошками и сослали въ Сибирь. *Артемій Волынскій* прямо выступилъ противъ фаворита. Волынскій былъ даровитъ, трудолюбивъ и энергиченъ; онъ многое перенялъ отъ нѣмцевъ, хотя ненавидѣлъ ихъ, и былъ знакомъ съ зап. литературой по переводамъ; иногда онъ предугадывалъ планы Петра I, который любилъ его за смѣтливость. Но, какъ русскій бояринъ, Волынскій былъ грубъ, тщеславенъ и запальчивъ, а на мѣстѣ губернатора Астрахани и Казани прославился взятками и казнокрадствомъ. Онъ сталъ особенно заносчивъ и неуживчивъ, когда попалъ въ кабинетъ-министры: однажды онъ избилъ придворнаго поэта, Тредьяковскаго, и такъ интриговалъ, что его назвали „смутникомъ“. Биронъ возвысилъ Волынскаго, чтобы ослабить значеніе опаснаго Остермана, а тотъ сталъ душой *новой русской партіи*—людей не родовитыхъ и не богатыхъ, но образованныхъ и желавшихъ развитія Россіи; эти люди собирались по ночамъ, читали запрещенныя книги, негодовали на Бирона.

Волынскій сталъ подавать Аннѣ умные планы „для поправленія внутреннихъ государственныхъ дѣлъ“, причемъ чернилъ нѣмцевъ, особенно Остермана. Въ кабинетѣ онъ разоблачалъ Бирона, который, наконецъ, сказалъ Аннѣ: „либо ему быть, либо мнѣ!“ Анна уступила со слезами. Волынскій былъ четвертованъ, послѣ жестокихъ истязаній (1740); дѣтей его сослали въ Сибирь—сына солдатомъ, дочерей монахинями; изъ близкихъ къ нему людей однихъ обезглавили, другихъ сослали на каторгу. Екатерина II велѣла вырѣзать на памятникѣ Волынскаго: „казненъ невинно“ и въ своемъ завѣщаніи увѣщевала потомковъ воздерживаться „отъ такихъ беззаконныхъ примѣровъ“.

§ 201. **Минихъ, Польша и Турція.**—Къ концу царствованія народъ много страдалъ еще отъ войнъ, приносившихъ мало пользы, хотя наше войско и дипломатія представляли лучшій видъ, благодаря Миниху и Остерману. Фельдмаршалъ и президентъ военной коллегіи, *Минихъ*, посвятилъ Россіи свое спеціальное образованіе, свой военный талантъ, трудолюбіе и рѣдкую энергію, которая не покидала его до старости. Петръ I говорилъ: „труды моего Миниха дѣлаютъ меня здоровымъ“. Минихъ работалъ и послѣ Петра, преобразуя войско на европейскій ладъ. Но онъ былъ честолюбивъ, хвастался своими заслугами, добивался титула украинскаго герцога или молдавскаго господаря. Рыцарски вѣжливый въ обращеніи, онъ шелъ на самыя грубыя средства изъ корыстныхъ цѣлей. Минихъ довелъ нашу армію до того, что ее хвалили на Западѣ за дисциплину и стойкость. Онъ считалъ душой войска просвѣщенныхъ офицеровъ и устроилъ кадетскій корпусъ, гдѣ обращалось вниманіе на общее образованіе. Труды Миниха возвысили политическое значеніе Россіи, павшее по смерти Петра I до того, что только *союзъ съ Австріей*, бывшій любимою мыслью Петра и Остермана, спасъ Екатерину I отъ сильной коалиціи, устроенной Англіей. Этотъ союзъ былъ тѣмъ болѣе важенъ, что тогда на первомъ планѣ въ нашей политикѣ стояли, связанные между собой, вопросы *польскій* и *восточный*. Чтобы сосредоточиться на этихъ вопросахъ, при Петрѣ II заключили выгодный договоръ съ Китаемъ (Кяхта-граница), а при Аннѣ уступили Персіи завоеванія Петра I (§ 177), бывшія кладбищемъ нашего войска. Вслѣдъ затѣмъ (1733), Анна энергично вмѣшалась въ дѣла Польши, гдѣ возгорѣлась борьба за престолъ, по смерти Августа II (§ 157). Поляки выбрали *Лещинскаго*, тестя франц. ко-

роля, который собирался помогать зятю войсками и возстановлялъ Турцію и Швецію противъ австро-русскаго союза. Но подъ Варшавой явились русскія войска—и меньшинство выбрало *Августа III*, который обѣщалъ уступить намъ Курляндію. Лещинскій бѣжалъ въ Данцигъ, откуда Минихъ вытѣснилъ его послѣ тяжелой осады. Когда потомъ умеръ послѣдній Кетлеръ (§ 102), Польша уже не препятствовала русскимъ войскамъ принудить курляндскій сеймъ къ выбору *Бирона въ герцоги*. Но русскіе должны были помогать Австріи, которой Франція объявила войну за Польшу. Наши войска прошли до Рейна, и „изъ дальнихъ мѣстъ многіе пріѣзжали смотрѣть ихъ", изумляясь ихъ европейскому виду. Впрочемъ, враги примирились безъ битвъ, и русскіе поспѣшили домой: уже начиналась *турецкая война* (1735—1740). Гордая своею арміей и ободренная переходомъ къ ней запорожцевъ изъ татарскаго подданства, Россія хотѣла смыть позоръ прутскаго похода и воспользоваться дорого купленнымъ союзомъ съ Персіей. Русскіе взяли Азовъ, Очаковъ и Хотинъ, доходили до Бахчисарая, жестоко разбили турокъ при *Ставучанахъ* и собирались переправиться черезъ Дунай; молдаване признали Анну своею государыней, а сербы просили ея покровительства. Но эти подвиги остались безплодными, по винѣ союзниковъ. Персія почти не воевала съ Портой, а австрійцы двинулись поздно, были побиты и поспѣшили заключить постыдный миръ съ султаномъ: они даже вредили намъ, опасаясь нашего вліянія на ихъ славянъ и на Балк. полуостровъ. Россія должна была примириться, истомленная тяжкими походами и штурмами, которые стоили ей 100 т. солдатъ и много денегъ: за нею остался одинъ *Азовъ*, да и то съ обязательствомъ срыть крѣпость.

§ 202. **Иванъ VI и Анна Леопольдовна.** — Успѣхи рѣшительнаго Миниха и его вліяніе на войска внушали страхъ Бирону, который опасался также хитраго и дѣльнаго Остермана; а Анна все чаще подвергалась припадкамъ болѣзни. Фаворитъ готовился къ бѣдѣ: бѣжать онъ не могъ, такъ какъ его ненавидѣли въ Курляндіи, Пруссіи и Австріи. Онъ старался то выдать свою дочь за герцога Антона брауншвейгскаго, то женить своего сына на племянницѣ императрицы, *Аннѣ Леопольдовнѣ* (дочери Екатерины Ивановны мекленбургской, § 176). Но императрица, по внушенію Остермана, выдала племянницу за Антона, отъ котораго у нея родился сынъ *Иванъ* (1740),

объявленный наслѣдникомъ. Чтобы уничтожить Остермана, Биронъ выдвигалъ дѣльцовъ изъ русскихъ—сначала Волынскаго, потомъ Бестужева-Рюмина. Даровитый, изворотливый и трудолюбивый *Бестужевъ* былъ замѣченъ Петромъ I, у котораго онъ отлично исполнялъ дипломатическія порученія. Но это былъ интриганъ, готовый служить кому-угодно. Онъ ввелъ Бирона ко двору Анны въ Митавѣ и потомъ доносилъ ему на его враговъ. Фаворитъ сдѣлалъ его кабинетъ-министромъ на мѣсто Волынскаго. Когда съ Анной сдѣлался предсмертный припадокъ (окт. 1740), Бестужевъ первый заявилъ, что, кромѣ Бирона, „некому быть регентомъ"; затѣмъ онъ сочинилъ челобитную, „якобы вся нація герцога регентомъ желаетъ", и Анна, умирая, подписала бумагу о „полной власти" *регента* Бирона при императорѣ *Иванѣ VI*. Родители Ивана не могли протестовать. Антонъ былъ бездаренъ, труслив и не имѣлъ связей въ чужой странѣ. Анна Леопольдовна была добра, но необразована и забита матерью; не убранная, повязавши голову платкомъ, сидѣла она дома съ своей фрейлиной и скучала. Она называла министровъ „проклятыми" за свой бракъ и жаловалась на свою судьбу красивому, ловкому саксонскому посланнику, *Линару*. Анна ненавидѣла Бирона, который уже собирался выслать „брауншвейгскую фамилію" изъ Россіи; но трепетала передъ нимъ. Она обрадовалась, когда Минихъ предложилъ ей освобожденіе. Этотъ отважный честолюбецъ, самъ желавшій править Россіей, видѣлъ всеобщее недовольство. На улицахъ собирались мрачныя толпы; по казармамъ роптали гвардейцы. 8-го ноября Минихъ поужиналъ у регента, а ночью арестовалъ его, вытащивъ изъ-подъ кровати. Биронъ съ родней былъ сосланъ въ Пелымъ, Бестужевъ—въ свою деревню. Анна была объявлена правительницей, а Минихъ—первымъ министромъ. Антонъ и Остерманъ остались на заднемъ планѣ. Миниху хотѣлось совсѣмъ уничтожить своего соперника, Остермана; но онъ не имѣлъ личнаго вліянія на Анну, которая скучала съ нимъ, какъ и со всѣми; ктому же онъ заболѣлъ. Остерманъ сталъ внушать, что онъ ничего не понимаетъ въ дѣлахъ, а Антонъ—что онъ хочетъ быть „верховнымъ визиремъ". Минихъ погрозилъ отставкой, но ее приняли (мартъ 1741), и Остерманъ сталъ, по словамъ посланниковъ, „настоящимъ царемъ всероссійскимъ". Но возвышался новый фаворитъ, Линаръ; Антонъ также хотѣлъ играть первую роль и мучилъ свою жену; Минихъ старался опять войти въ придвор-

ныя интриги; а дѣлами никто не занимался. Къ тому же иностранная политика запутывалась, вслѣдствіе усиленія Пруссіи, которая вступила въ борьбу съ Австріей за первенство въ Германіи (§ 155). Остерманъ хотѣлъ поддержать австр. императрицу, Марію-Терезію; за это Франція, помогавшая Фридриху II, побудила *Швецію* объявить намъ войну. Въ Россіи народъ негодовалъ, и такъ какъ наверху при паденіи одного нѣмца возникалъ другой, то въ немъ разгоралось *національное* чувство. Народъ говорилъ, указывая на окна царевны Елизаветы Петровны: „Петръ Вел. въ росс. имперіи заслужилъ; орелъ леталъ да соблюдалъ все дѣтямъ своимъ, а его дочь оставлена". Всѣмъ нравилось, что Елизавета избѣгла браковъ съ иностранцами и постоянно жила въ Россіи. Ходили слухи, что иноземные временщики преслѣдовали ее. Дѣйствительно, при ней состоялъ урядникъ, который слѣдовалъ за ней даже по городу; ей давали небольшія средства. У нея было мало придворныхъ—медикъ Лестокъ, Алексѣй Разумовскій, Петръ Шуваловъ и Михайла Воронцовъ, женатый на ея родственницѣ. Веселый, пріятный и всевѣдущій французъ, *Лестокъ,* вызванный въ Россію Петромъ I, былъ другомъ царевны и французскаго посла, *Шетарди.* Елизавета превратилась изъ шаловливой красавицы въ печальную, но ласковую женщину величественнаго вида, высокую, стройную и полную. Она рѣдко являлась народу, возбуждая въ немъ умиленіе и любовь; но часто видѣли ее въ домикѣ у казармъ, гдѣ она крестила дѣтей у гвардейцевъ и угощала родителей крестниковъ. Гвардейцы уже приставали къ ней со словами: „матушка! мы всѣ готовы и только ждемъ твоихъ приказаній". Въ то же время Шетарди, желая отвлечь Россію отъ союза съ Австріей, помогалъ Елизаветѣ деньгами и побудилъ шведовъ объявить, что они воюютъ „для освобожденія русскаго народа отъ несноснаго ига иностранцевъ". Ночью 25 ноября 1741 г. Елизавета помолилась, клянясь никогда не подписывать смертныхъ приговоровъ, надѣла кирасу и повела гренадеровъ во дворецъ: была арестована вся брауншвейгская фамилія, а также Остерманъ и Минихъ. Утромъ народъ ликовалъ по улицамъ; особенно радовались гренадеры, среди которыхъ даже рядовые получили потомственное дворянство и деревни съ крестьянами. Люди, страдавшіе при Аннѣ Ивановнѣ, были осыпаны милостями; а Анну Леопольдовну съ мужемъ отправили въ Холмогоры, гдѣ она вскорѣ умерла; Остермана сослали въ Березовъ, Миниха—

въ Пелымъ, на мѣсто Бирона, котораго перевели въ Ярославль. Императора Ивана заключили въ Шлиссельбургъ, гдѣ онъ провелъ всѣ свои 24 г. въ полупомѣшательствѣ. Его вспомнилъ, при Екатеринѣ II, офицеръ *Мировичъ*, который вздумалъ освободить несчастнаго; но стража умертвила Ивана, а Мировичу отрубили голову.

§ 203. **Елизавета и ея сотрудники.**—Елизавета отличалась здравымъ смысломъ и пониманіемъ людей; но не наслѣдовала дарованій отца; образованіе ея ограничивалось языками. Елизавета была протестомъ противъ старины только своею живостью, любовью къ обществу и развлеченіямъ. Она до того была далека отъ политики, что когда умеръ Петръ II, ее едва отыскали гдѣ-то за городомъ. Въ ея обществѣ были весельчаки французы. *Вліяніе Франціи*, овладѣвшее тогда всѣмъ Западомъ, отразилось въ вѣжливости манеръ и мягкости нрава Елизаветы, которая отличалась и природною добротой. Съ нею бытъ Версаля воцарился при русскомъ дворѣ. Пышность, блескъ, празднества, которыя начались при Аннѣ Ивановнѣ, но въ грубомъ видѣ, достигли крайнихъ предѣловъ, отличаясь парижскимъ изяществомъ; тогда изобрѣли у насъ и роговую музыку; императрица сама отлично танцовала, и въ ея гардеробѣ было 15 т. шелковыхъ платьевъ. Но Елизавета интересовалась дѣлами: она устроила во дворцѣ чрезвычайный совѣтъ, въ которомъ часто присутствовала. Елизавета, которую народъ называлъ своею „матушкой", по душѣ осталась русскою: она усвоила правило отца—все дѣлать для Россіи и съ помощью русскихъ. Въ домашнемъ быту это была русская помѣщица: по вечерамъ ее окружали простыя бабы да старикъ истопникъ, которые сказывали ей сказки и тѣшили народными прибаутками. Елизавета была очень набожна: отъ баловъ она переходила къ утомительнымъ церковнымъ службамъ, отъ охоты—къ разъѣздамъ по монастырямъ; она благоговѣла передъ духовенствомъ и часто жила въ Москвѣ. Во главѣ правленія стояли все русскіе, и когда на второстепенное мѣсто предлагали иностранца, Елизавета спрашивала: „развѣ нѣтъ русскаго?" Наша внѣшняя политика отличалась національнымъ направленіемъ, а внутри царствовало стремленіе развивать *мысли Петра* о *преобразованіи* и *просвѣщеніи Россіи* съ помощью зап. образованія; только нѣмецкая культура смѣнилась болѣе высокою, французскою. При Елизаветѣ возникли новая русская литература и высшее обученіе; а ея войны подготовляли успѣхи

Екатерины II, ослабляя Пруссію и воспитывая полководцевъ. Русскіе чувствовали, что кончилась 15-лѣтняя эпоха дворцовыхъ переворотовъ, бездѣйствія и иноземнаго фаворитизма. Въ проповѣдяхъ, рѣчахъ академиковъ и рукописныхъ листкахъ заговорили: „Промыслъ спалъ; государственное управленіе дремало; уничтожались дѣла Петра I; коронами играли, какъ мячами. Теперь же возстаньте сыны отечества, вѣрные россы!“ А когда умерла Елизавета, народъ со слезами вспоминалъ ея 20-лѣтнее царствованіе. Елизавета прежде всего объявила, что останется дѣвицей, а преемникомъ назначаетъ своего племянника, сына Анны Петровны, котораго тотчасъ же выписала изъ Голштиніи и обратила въ православіе, подъ именемъ *Петра Ѳедоровича.* Черезъ 2 г. онъ былъ обвѣнчанъ съ принцессой цербстской, принявшею православіе, подъ именемъ *Екатерины Алексѣевны.* Затѣмъ Елизавета предалась мирной и веселой жизни, вручивъ управленіе сотрудникамъ. Изъ нихъ наименѣе значенія имѣлъ фаворитъ, *Алексѣй Разумовскій,* простой малорос. казакъ, который попалъ за голосъ въ придворные пѣвчіе и сталъ графомъ и фельдмаршаломъ. Это былъ невѣжественный, бездарный и лѣнивый, но добрый и безобидный человѣкъ: онъ не зазнавался и не вмѣшивался въ дѣла. Управленіе страной лежало на братьяхъ *Шуваловыхъ,* дѣтяхъ небогатаго капитана, сослуживца Петра I. Старшій, *Петръ Ивановичъ,* руководилъ почти всѣми внутренними дѣлами. Онъ былъ уменъ, распорядителенъ и обладалъ большими свѣдѣніями, особенно по математикѣ; но это былъ образецъ взяточничества, двуличности и грубости; онъ даже пользовался добродушіемъ и вялостью своего брата. *Иванъ Ивановичъ,* напротивъ, — типъ русскаго человѣка, взросшаго подъ французъ. вліяніемъ. Сначала его воспитывала деревня съ ея крѣпостничествомъ и часословомъ дьячка: отсюда его барство, лѣнь и безхарактерность. Но Ив. Ив. былъ даровитъ и любознателенъ. Попавши въ Москву, онъ узналъ языки, перечиталъ много книгъ, сталъ гуманнымъ и прямодушнымъ не только въ людяхъ, но и въ своей семьѣ. Онъ вездѣ былъ примирителемъ, и его любили за „благородное учтивство“; съ нимъ дружилъ даже его соперникъ по фавору у Елизаветы, Разумовскій. Онъ посвятилъ себя народному просвѣщенію и литературѣ. Иностранныя дѣла были поручены *Бестужеву,* который успѣлъ сдружиться съ Лестокомъ и былъ назначенъ канцлеромъ. Вицеканцлеромъ сталъ Мих. *Воронцовъ.* Истиннымъ царскимъ окомъ

былъ неподкупный и энергичный Яковъ *Шаховской*: онъ всю жизнь боролся съ лѣнью и своекорыстіемъ чиновничества, сначала какъ оберъ-прокуроръ синода, потомъ какъ генералъ-прокуроръ сената. Плохи были только полководцы, также все русскіе: они отличались невѣжествомъ и недостаткомъ опыта, къ которому не допускали ихъ иностранцы при Аннѣ Ивановнѣ.

§ 204. **Внутреннія дѣла.**—Елизавета съ самаго начала вступила на путь Петра I, *уничтоживши кабинетъ* и возстановивъ прежнее значеніе *сената*, который былъ пополненъ русскими членами. Сенатъ зорко слѣдилъ за коллегіями, штрафовалъ ихъ за лѣность, отмѣнялъ ихъ приговоры. Вмѣстѣ съ ними онъ усиленно работалъ, стараясь ввести порядокъ въ управленіе и ограничить злоупотребленія областныхъ властей; но больше всего онъ занимался исполненіемъ плановъ Петра Шувалова, которые отличались широтой замысла: Шуваловъ предлагалъ даже завести при сенатѣ контору, въ которую „позволить подавать всякаго званія людямъ проекты о внутреннихъ государственныхъ пользахъ". Задачей Шувалова было увеличеніе доходовъ истощенной казны, не столько обременяя народъ новыми тягостями, сколько развивая производительныя силы страны. *Недоимки были прощены.* Хотя подати были возвышены, вслѣдствіе войнъ и малочисленности населенія, но онѣ взимались правильнѣе, такъ какъ былъ возстановленъ планъ Петра I производить *ревизіи.* Облегченіемъ для народа была новая система *воинской повинности*: Россію раздѣлили на 5 полосъ, по которымъ производился наборъ, т.-е. брали солдатъ лишь съ $^1/_5$ населенія, притомъ по 1 человѣку со 100. Дорожа рабочими руками, народъ не казнили и постепенно устраняли пытки; бѣглыхъ оставляли работать на новыхъ мѣстахъ. Оттого сильно заселялись ю.-в. окраины, возникла *Оренбургская губернія*; а на юго-западъ привлекали иностранцевъ, особенно поляковъ и австрійскихъ сербовъ: здѣсь возникла цѣлая *Новая Сербія.* Милостиво относились даже къ частымъ бунтамъ крестьянъ, особенно монастырскихъ, и приготовляли отобраніе церковныхъ имуществъ въ казну; въ связи съ этимъ расширяли систему благотворительныхъ учрежденій. Промыслы развивались, благодаря льготамъ. Народъ не страдалъ отъ недостатка *соли* съ открытіемъ *эльтонскаго* производства. На в. началась сильная разработка рудъ; торговля съ среднею Азіей доходила до Ташкента. Этому содѣйствовали казенные *банки*, которые выдавали, всего за 6%, деньги купцамъ и помѣщикамъ, часто даже безъ залоговъ. Особая *коммиссія о ком-*

мерціи помогала среднему классу: она охраняла купцовъ отъ воеводъ, передавала казенные заводы въ частныя руки. Къ тому же служило генеральное *межеваніе*, устранявшее споры между землевладѣльцами. Еще важнѣе была *отмѣна внутреннихъ таможенъ* и съ ними 17-ти мелочныхъ сборовъ, которымъ подвергались товары при перевозѣ изъ одного села въ другое. Получила облегченія и Малороссія. Были сложены недоимки; великороссіянамъ запретили имѣть крѣпостными малороссовъ; назначили гетманомъ брата фаворита, Кириллу Разумовскаго. Ив. Шуваловъ вводилъ цѣлую систему просвѣщенія. Онъ основалъ первый русскій *университетъ въ Москвѣ* (1755 г.) и *академію художествъ* въ Петербургѣ (1757 г.) и создалъ планъ средняго и низшаго образованія: при университетѣ устроили 2 гимназіи; народныя школы были открыты даже въ Оренбургѣ и на Украинской линіи. Стараясь замѣнить иностранныхъ учителей русскими, помогали молодежи, даже купцамъ, ѣздить учиться заграницу. Улучшая бытъ духовенства, заставляли его поучать; всюду разсылали Катихизисъ и вновь исправленное изданіе Библіи. Возникали *гуманность* и *смягченіе нравовъ*, и прежде всего наверху: заводились богадѣльни, инвалидный домъ; въ 1754 г., раньше чѣмъ на Зап., *отмѣнили смертную казнь* (кромѣ политическихъ преступленій). Явилась литература съ достойнымъ языкомъ. Сознательность дошла уже до того, что сатира *Сумарокова* казнила недостатки интеллигенціи, а *Ломоносовъ* оказался европейскимъ двигателемъ науки, и явился отецъ русской исторіи, *Татищевъ;* тогда же возникла первая русская газета, *Московскія Вѣдомости* (1756 г.), и первый журналъ, *Ежемѣсячныя Сочиненія*, а также русскій *театръ*.

§ 205. **Иностранная политика и молодой дворъ.** — Елизавета и въ иностранной политикѣ шла по стопамъ отца. Шетарди не могъ уговорить ее купить помощь шведовъ для своего воцаренія уступкою петровскихъ завоеваній. Ставши императрицей, она энергично продолжала войну съ Швеціей: русскіе опустошили Финляндію безъ выстрѣла, шведская армія сдалась; по миру въ *Або* (1743 г.) мы получили еще часть Финляндіи, до р. *Кюменя*. Но затѣмъ возникъ сложный *германскій вопросъ*, соединенный съ сильными интригами посланниковъ. Тогда Фридрихъ II началъ *войну за австрійское наслѣдство* (1740 г.), которая привела къ паденію Австріи; но сначала многіе, въ особенности Франція, попрежнему боялись могущества Габсбурговъ и помогали Пруссіи. Также смотрѣла сначала Елизавета,

которая ненавидѣла австрійцевъ, этихъ друзей брауншвейгской фамиліи, и называла Марію-Терезію „нищею королевой". Но Бестужевъ понялъ Фридриха и стоялъ за развитіе плана Остермана: онъ не только желалъ поддерживать союзъ съ Австріей, но требовалъ *остановить успѣхи Пруссіи*, какъ главнаго врага Россіи „по близости сосѣдства и по ея великой умножаемой силѣ"; онъ доказывалъ, что и основная идея Петра I была — *соблюдать равновѣсіе въ Германіи* между Австріей и Пруссіей. То же твердили даже соперники Бестужева. Елизавета колебалась, подъ вліяніемъ Шетарди и особенно Лестока, бывшаго на жалованьѣ у Версаля; но Бестужевъ перехватилъ депеши Шетарди, полныя дурныхъ отзывовъ о личности императрицы — и Шетарди долженъ былъ уѣхать, а Лестока сослали. Въ 1746 г. заключили союзъ съ Австріей, и испуганный Фридрихъ поспѣшилъ примириться съ нею. Когда, въ 1756 г., Фридрихъ началъ новую, *Семилѣтнюю*, войну съ Маріей-Терезіей, противъ него были всѣ, кромѣ Англіи. Во главѣ союзниковъ стояла Елизавета: она говорила, что „продастъ половину своего платья и бриллiянты" для уничтоженія Фридриха, который осыпалъ ее насмѣшками. У Пруссіи была одна только опора въ Петербургѣ—молодой дворъ, который выдвигался вслѣдствіе болѣзни Елизаветы. Фридрихъ считалъ своимъ орудіемъ наслѣдницу престола, отецъ которой состоялъ у него на службѣ, но онъ не ошибся только въ *Петрѣ Ѳедоровичѣ*. Болѣзненный и дурно воспитанный, Петръ былъ своенравенъ и предавался страннымъ забавамъ. Онъ собирался отдать шведамъ завоеванія Петра I, чтобы снискать ихъ помощь для своей Голштиніи, которую такъ любилъ, что окружилъ себя голштинцами, выказывая презрѣніе къ русскимъ офицерамъ и попамъ. Петръ благоговѣлъ еще предъ Фридрихомъ II: онъ зналъ имена прусскихъ полковниковъ за цѣлое столѣтіе. Петръ не терпѣлъ своей жены, дѣлалъ ей сцены, говорилъ: „она страшна, какъ дьяволъ, и способна на все". Онъ подружился съ некрасивой и недалекой *Елизаветой Воронцовой*, родственницей вице-канцлера. *Екатерина* была противоположностью своего мужа. Весьма живая женщина, небольшаго роста, обворожительная по наружности и манерамъ, она быстро развивалась, много наблюдая и учась такъ усердно, что даже ѣздила верхомъ съ книгой въ карманѣ. Она читала Платона, Цицерона, Монтескье, Вольтера, книги по исторіи и географіи и сдѣлалась одною изъ представительницъ „просвѣщенія" (§ 155): послы называли ее „философомъ". Развитію способствовала и

тяжелая жизнь среди придворныхъ интригъ: Екатерина притворялась, угождала императрицѣ, танцовала, наряжалась. Сознавъ свое умственное превосходство и окружающее невѣжество, Екатерина стала горда и рѣшительна. „Умру, или буду царствовать здѣсь!“ сказала она—и стала выказывать любовь ко всему русскому, скоро выучилась говорить по-русски. Подлѣ Екатерины рано составился кружокъ приверженцевъ, къ которому примыкалъ ея фаворитъ—блестящій польскій посолъ, Станиславъ *Понятовскій*. Сюда же присоединился Бестужевъ, когда Елизавета стала болѣть: онъ не терпѣлъ Петра за его дружбу съ Фридрихомъ. Замѣтивъ вліяніе Екатерины, Елизавета стала подозрѣвать ее въ дурныхъ замыслахъ, тѣмъ болѣе, что молодой дворъ не желалъ участія Россіи въ Семил. войнѣ. Вопреки друзьямъ Екатерины, Елизавета двинула войска, и они одержали побѣду у *Гросъ-Гнерсдорфа* (1757 г.), но вдругъ отступили: у нихъ не было запасовъ; а начальникъ, Апраксинъ, тучный, бездарный баринъ, былъ пріятель Бестужева и не любилъ войны. За это отступленіе, которое несправедливо приписывали тайному приказу Бестужева, въ особенности же за сношенія съ Екатериной, канцлеръ былъ арестованъ и сосланъ въ деревню, а его мѣсто отдали Воронцову. Тогда же арестовали нѣсколькихъ близкихъ къ Екатеринѣ лицъ. Елизавета допрашивала Екатерину и говорила ей: „вы считаете себя умнѣе всѣхъ и вмѣшиваетесь въ дѣла“. Но Екатеринѣ удалось растрогать Елизавету слезами и просьбой отпустить ее къ родителямъ. Между тѣмъ войска снова двинулись, съ новымъ неспособнымъ начальникомъ. У *Цорндорфа* (1758 г.) они выдержали жестокую битву съ Фридрихомъ, узнавшимъ тогда, что русскаго солдата „нужно не только убить, но еще свалить“. Хотя обѣ стороны ночевали на полѣ битвы, но русскіе были очень ослаблены и утромъ отступили. Тогда назначили *Салтыкова*—добраго маленькаго старичка, котораго называли „курочкой“; это былъ простой, неученый, но умный генералъ, любимецъ солдатъ. Онъ разбилъ самого короля у *Кунерсдорфа* (1759 г.). Фридрихъ воскликнулъ: „жестокое несчастіе! все потеряно!“ и собирался умертвить себя. Затѣмъ русскіе явились въ *Берлинъ* и взяли съ него контрибуцію; а молодой, ученый и даровитый *Румянцевъ* взялъ сильную крѣпость Кольбергъ. Фридриха спасла смерть Елизаветы (25 дек. 1761 г.). Послѣдніе годы императрицы были тяжелы. Она сама болѣла, даже не подписывала бумагъ; болѣли и просились въ отставку ея сотрудники. Россія истощилась отъ войнъ: ввели

даже лотерею. Незадолго до смерти, Елизавета издала печальный указъ, въ которомъ сознавалась, что внутреннее управленіе разстроено.

§ 206. **Петръ III.** — Воцареніе Петра III всѣхъ огорчило, тѣмъ болѣе, что въ Петербургѣ появились Минихъ, Биронъ, Лестокъ—все иностранцы, а Бестужевъ оставался въ ссылкѣ; тогда же Шаховской и Алексѣй Разумовскій вышли въ отставку, а Петръ Шуваловъ умеръ. У дѣлъ оставались только Воронцовъ и Иванъ Шуваловъ, да и тѣ тяготились, не имѣя вліянія. Власть перешла отчасти къ Миниху, сохранившему живость и отвагу, но больше всего къ голштинскимъ родственникамъ царя, особенно къ его дядѣ, принцу *Георгу*. Но дѣлами занимались сначала прежніе русскіе дѣльцы, и они были развитіемъ преобразованій. Особенно замѣчалась гуманность. Противъ бунтовъ крестьянъ принимали такія мѣры, какъ запрещеніе фабрикантамъ покупать деревни и подчиненіе церковныхъ имуществъ сенату и *коллегіи экономіи*. Раскольникамъ объявили свободу вѣроисповѣданія, потому что въ Россіи терпимы даже язычество, а это—„христіане". Дозволили вывозъ заграницу хлѣба и скота съ половинной пошлиной. *Уничтожили тайную канцелярію* розыскныхъ дѣлъ, а дѣла ея положили „за печатью къ вѣчному забвенію въ архивъ"; кто скажетъ „слово и дѣло", того велѣно наказывать, „какъ озорника и безчинника"; слѣдствія по оскорбленію царскаго величества Петръ взялся производить самъ, „дабы показать примѣръ, какъ надлежитъ кротостію, а не кровопролитіемъ узнавать истину". Явился манифестъ о *вольности дворянской*: дворяне освобождались отъ обязательной службы и могли ѣздить за границу, даже поступать въ иностранную службу. Но вскорѣ пошли мелкіе указы, часто отмѣнявшіе другъ друга. Для наполненія казны портили монету и завели *банкъ*, бумагами котораго платили расходы, „какъ наличными деньгами", что смутило народъ по новизнѣ дѣла. Деньги же требовались особенно на внѣшнюю политику, противную интересамъ Россіи. Фридрихъ уже собирался уступить намъ Вост. Пруссію, о которой думала Елизавета; а Петръ даромъ не только примирился съ нимъ, но присоединилъ русскій отрядъ къ его арміи; кто изъ русскихъ осмѣливался сказать слово противъ Пруссіи, тотъ попадалъ въ „дураки и злонамѣренные". Наконецъ, ради голштинскихъ интересовъ, русская армія двинулась противъ Даніи. Это возмутило всѣхъ русскихъ. Особенно негодовали войска и духовенство: Петръ называлъ гвардейцевъ янычарами, а самъ

завелъ *голштинскую гвардію*; русскихъ же мучилъ экзерциціями по прусскому образцу и одѣлъ ихъ въ прусскіе мундиры; онъ носилъ прусскіе ордена преимущественно предъ русскими. Черное духовенство негодовало на отобраніе земель, а бѣлое—на наборъ его сыновей въ военную службу. Духовенство пользовалось для возстановленія толпы такими поступками Петра, какъ приказъ, чтобы въ церквахъ были только иконы Спасителя и Богородицы и чтобы домовыя церкви были запечатаны, а попы обрили бороды. Негодовали и придворные, стѣсняемые страннымъ образомъ жизни Петра.

§ 207. **Воцареніе Екатерины II.**—Недовольные русскіе не могли думать ни о несчастномъ Иванѣ (§ 202), ни о 7-лѣтнемъ сынѣ Петра III, Павлѣ; они надѣялись на Екатерину, которая удвоила усилія для обвороженія русскихъ. Она соблюдала посты, служила панихиды по Елизаветѣ и вызывала сожалѣніе: съ нею обращалась презрительно даже Воронцова, а мужъ грозилъ монастыремъ. Между тѣмъ у нея уже былъ обширный кругъ приверженцевъ: за нее стояли и гетманъ Разумовскій, и умный, энергичный архіепископъ новгородскій *Димитрій Сѣченовъ*, и купецъ Волковъ (§ 226); заискивали даже люди близкіе къ Петру. Но главными участниками переворота были лица, связанныя съ гвардіей—братья Орловы и Дашкова. Воспитанникъ кадетскаго корпуса, *Григорій Орловъ*, былъ красивый, веселый и отважный силачъ; онъ мастерски устраивалъ пиры для товарищей и готовъ былъ на самое дерзкое дѣло въ пользу угнетенной императрицы. На него походилъ, по отважности и грубой силѣ, младшій братъ, *Алексѣй*. Сестра Воронцовой, *Екатерина Дашкова*, напоминала императрицу высокимъ образованіемъ и даровитостью, но была слишкомъ горяча и тщеславна. Она воспитывалась у своего дяди, канцлера Воронцова, зачитываясь литературой „просвѣщенія". Екатерина пожелала познакомиться съ такою рѣдкою женщиной—и онѣ подружились. Мужъ Дашковой былъ гвардеецъ, и ее окружали молодые офицеры, жаждавшіе переворота; она была близка также съ другимъ своимъ дядей, Панинымъ. *Никита Панинъ* былъ человѣкъ апатичный и разсчетливый, но образованный и опытный дипломатъ, другъ и ученикъ Бестужева. При Елизаветѣ, Иванъ Шуваловъ, опасаясь соперничества Панина въ фаворитизмѣ, отправилъ его посланникомъ въ Швецію, гдѣ онъ получилъ пристрастіе къ аристократической конституціи. Потомъ Елизавета назначила Панина воспитателемъ Павла; тутъ онъ сблизился съ

Екатериной. Въ іюнѣ 1762 г. въ гвардіи уже стояли за императрицу до 10 т. солдатъ и 40 офицеровъ, въ томъ числѣ 17-лѣтній унтеръ-офицеръ, Потемкинъ. Ночью на 28-е, когда Петръ уѣхалъ въ Ораніенбаумъ съ своею свитой, Екатерина была разбужена въ Петергофѣ словами Алексѣя Орлова: „одинъ изъ нашихъ арестованъ. Пора! Все готово". Она тотчасъ же поѣхала въ Петербургъ; на разсвѣтѣ здѣсь встрѣтилъ ее Григ. Орловъ съ гвардейцами, которые цѣловали у нея руки и платье. Екатерина отправилась въ Казанскій соборъ, гдѣ принялъ ее Сѣченовъ, во главѣ духовенства; отсюда она прибыла во дворецъ, гдѣ Панинъ собралъ синодъ и сенатъ. Всѣ присягнули ей. Такъ мирно произошелъ переворотъ. Вечеромъ того же дня Екатерина поѣхала верхомъ къ Петергофу, во главѣ ликующаго войска; на ней былъ гвардейскій мундиръ временъ Петра I, черезъ плечо русская голубая лента, на головѣ обвитая вѣтвями шляпа, изъ подъ которой выбивались красивые волосы. Петръ III растерялся. Напрасно Минихъ ободрялъ его, совѣтуя броситься къ нашей арміи, стоявшей въ Помераніи, на пути въ Данію: онъ отрекся отъ престола. Его отвезли въ Ропшу, дворецъ близъ Петергофа, гдѣ онъ умеръ, недѣлю спустя. Близкіе къ нему люди были подвергнуты лишь краткому аресту и временному удаленію въ провинцію; а Минихъ получилъ должность, которой тщетно добивался у Петра. Участники переворота были награждены деньгами, деревнями, пенсіями, чинами; Гр. Орловъ сдѣланъ камергеромъ. Екатерина объявила, что, „принадлежа сама государству, считаетъ все, принадлежащее ей, собственностью государства", и отдала въ казну собственныя комнатныя деньги. Она часто засѣдала въ сенатѣ и тотчасъ же отмѣнила указъ о банковыхъ билетахъ, а также всѣ нововведенія Петра III по войскамъ. Сверхъ того, были уменьшены налоги и отмѣнены нѣкоторые откупа; для привлеченія духовенства была уничтожена коллегія экономіи.

§ 208. **Законодательство и экономическія мѣры.** — Положеніе Екатерины было не прочно, вслѣдствіе ея иностраннаго происхожденія и переворота, сопровождавшаго ея вступленіе на престолъ. Поэтому она старалась привлечь къ себѣ подданныхъ дѣльнымъ управленіемъ, добротой и національною политикой. Ея умъ, энергія и образованность соотвѣтствовали этой задачѣ. Она отличалась гуманностью; возставала противъ пытокъ, смертной казни и крѣпостнаго права; заботилась о благотворительности и просвѣщеніи народа. Екатерина объявила, что пойдетъ по сто-

памъ Петра I, и частью возстановила, частью развила его преобразованія. Эта нѣмка была такою патріоткой, что ставила на высшія мѣста только русскихъ и даже не иначе называла губернаторовъ, какъ „правителями намѣстничествъ“. Она строго слѣдила за интересами и честью Россіи, имѣла большое вліяніе на Европу, особенно на Германію, и стремилась къ преобладанію въ Константинополѣ, Китаѣ и на Средиземномъ м. Екатерина сама вникала во все и много работала: часто присутствовала въ сенатѣ; писала указы, депеши, манифесты, инструкціи полководцамъ; ѣздила по Россіи съ правительственною цѣлью. Въ то же время она слѣдила за зап. литературой и переписывалась съ вождями европейской мысли. Недостатками Екатерины были: честолюбіе, слишкомъ высокое мнѣніе о своей власти и щегольство пышною внѣшностью, что тяжело отражалось на финансахъ и на экономическомъ положеніи народа. Сильно развился также фаворитизмъ. Впрочемъ личныя вліянія многихъ „людей въ случаѣ“ (въ милости) были слабы: болѣе прочное значеніе имѣли сначала Григ. Орловъ, потомъ Потемкинъ и отчасти Зубовъ. Сверхъ того, въ теченіе 20 л., большое вліяніе имѣлъ Никита Панинъ; Екатерина не долюбливала его, но считала глубокимъ политикомъ и ввѣрила ему иностранныя дѣла. Подлѣ этихъ лицъ видимъ рядъ менѣе важныхъ, но способныхъ и усердныхъ гражданскихъ дѣятелей; а Суворовъ и Румянцевъ прославляли наше оружіе. Роль Ѳеофана игралъ, при Екатеринѣ, образованный митрополитъ моск. Платонъ, помогавшій царицѣ своимъ нравственнымъ вліяніемъ на народъ. Изъ второстепенныхъ дѣятелей выдѣлялся новгородскій губернаторъ *Сиверсъ*. Большая часть царствованія Екатерины (27 л.) отличалась энергическимъ характеромъ, за который ее называли въ Европѣ „безстрашною“; внутри государства шли важныя преобразованія, внѣ—Россія вмѣшивалась во всѣ главныя дѣла Запада. Особенно любопытно первое 10-лѣтіе, полное событій, плановъ и тревогъ. Екатерина, еще будучи вел. княгиней, возмущалась недостатками русскаго правленія и задумывала цивилизовать Россію по европейскому образцу. Петръ I дѣйствовалъ, какъ практикъ (тогда и на Западѣ не было теорій), Екатерина же руководилась философіей эпохи „просвѣщенія“. Кромѣ того, Петръ поступалъ слишкомъ рѣзко, отрицая старину вполнѣ; Екатерина же поступала осторожно, стараясь примѣнять зап. теоріи къ русскимъ условіямъ, и сначала подготовляла общество къ принятію новаго. Первымъ опытомъ Екатерины была *коммиссія для*

составленія новаго уложенія (1764). Начиная съ Петра I, не переставали думать о сводѣ законовъ, не разъ даже призывали для этого выборныхъ отъ дворянъ; но они оказывались негодными. Екатерина захотѣла, чтобы весь народъ начерталъ свои законы, и составила коммиссію изъ депутатовъ отъ сената, синода и коллегій, отъ дворянъ, купцовъ, свободныхъ крестьянъ, казаковъ и солдатъ. Чтобы помочь этимъ непросвѣщеннымъ людямъ, она сама сочинила *Наказъ*, который былъ изложеніемъ ея взгляда на правленіе. Такъ какъ Наказъ былъ составленъ на основаніи сочиненій зап. философовъ (Монтескье и Беккарія), то коммиссія не поняла его. Такъ, Екатерина была противъ крѣпостнаго права, а дворяне, даже купцы и казаки, думали расширить его; если дворяне требовали нѣкоторыхъ льготъ, то только для себя или даже въ ущербъ другимъ сословіямъ. Вскорѣ коммиссія разошлась, ничего не сдѣлавши. Но она познакомила царицу съ народомъ и его нуждами; она указала, напр., на необходимость исправить правосудіе и искоренить взяточничество. Сверхъ того, выказавъ довѣріе обществу и не найдя въ немъ достаточно развитія, Екатерина стала смѣлѣе дѣйствовать самостоятельно. Прежде всего она занялась *матеріальною* стороной правленія: переворотъ 28 іюня, реформы, войны, придворный блескъ и царская щедрость — все это требовало много денегъ, а финансы находились въ жалкомъ положеніи и народъ былъ бѣденъ. Екатерина осуществила мысль Петра III — отобрала *въ казну церковныя имущества* (1764): около милліона монастырскихъ крестьянъ поступили въ вѣдѣніе *коллегіи экономіи*, которая стала взимать съ нихъ по $1^1/_2$ р. съ души въ годъ. „Экономическіе“ крестьяне вскорѣ оправились; духовенству же было положено жалованье отъ казны. Но вскорѣ турецкая война потребовала новаго усиленія средствъ — и явились *ассигнаціи* (т.-е. ассигновки на полученіе денегъ) или бумажныя деньги (1769), для вымѣна которыхъ на „звонкую монету“ былъ устроенъ „ассигнаціонный банкъ“. Крупною финансовою мѣрой было еще широкое развитіе *виннаго откупа*. Для улучшенія сельскаго хозяйства было принято много полезныхъ мѣръ (введеніе картофеля) и устроено *Вольное Экономическое Общество*. Екатерина призывала *колонистовъ* съ Зап., привлекая ихъ льготами и даже ссужая ихъ деньгами изъ казны. Заботясь о народномъ здоровьѣ, она учредила *Медицинскую Коллегію*, которая образовала много врачей и устраивала больницы и гошпитали по провинціямъ. Екатерина ввела даже *оспопрививаніе*, начавъ

съ себя и своего сына (1768). Въ Москвѣ и Петербургѣ были устроены *воспитательные дома*, чтобы не погибали несчастные сироты (1763).

§ 209. **Администрація, сословія, просвѣщеніе.**—Въ первыя 10 л. Екатерина заботилась о болѣе легкихъ и необходимыхъ матеріальныхъ мѣрахъ; затѣмъ она занялась крупными и трудными вопросами, которые касались всего строя общества и управленія. Въ 1775 г. явилась важная административная реформа, подъ именемъ *Учрежденій для управленія губерній*. Россія была раздѣлена на 50 „губерній", которыя распадались на „уѣзды". Столицами управляли „генералъ-губернаторы", губерніями—гражданскіе губернаторы (военная власть была отдѣлена). Имъ подчинялись новыя правительственныя мѣста—губернскія и уѣздныя. Къ губернскимъ относились: „губернское правленіе" (мѣсто административное, полицейское), „казенная палата" (мѣсто финансовое) и два судебныхъ учрежденія — „палаты уголовная и гражданская". Въ уѣздѣ этимъ учрежденіямъ соотвѣтствовали: нижній земскій судъ, уѣздное казначейство и уѣздный судъ. Для рѣшенія дѣлъ купечества были „губернскіе магистраты", которымъ подчинялись уѣздные или городовые магистраты. Для правильнаго разграниченія губерній было введено всеобщее *размежеваніе земель*, о которомъ напрасно мечтали Петръ I и Елизавета. Административное преобразованіе распространялось и на *Малороссію*, которая тогда вполнѣ слилась съ Россіей: она образовала двѣ губерніи (кіевскую и малорусскую); титулъ гетмана былъ уничтоженъ (1764). Наши войска разорили *Сѣчь*, такъ какъ запорожцы составляли разбойничьи шайки гайдамаковъ; многіе изъ запорожцевъ стали непримиримыми врагами Россіи и даже бѣжали къ туркамъ; остальныхъ переселили на о. Фанагорію, гдѣ они образовали постоянное войско *черноморскихъ казаковъ*. Въ 1785 г. явились общественныя преобразованія. *Жалованная грамота дворянству* доставила много льготъ этому сословію: дворяне стали сами управлять своими дѣлами, составляя „дворянскія собранія", на которыхъ избирали собственныхъ судей и „предводителей дворянства" (губернскихъ и уѣздныхъ). Среднее сословіе получило новое устройство, по *Городовому положенію*. Оно было раздѣлено на купцовъ, мѣщанъ и цеховыхъ или ремесленниковъ. Купцы и мѣщане получили право собственнаго суда и управленія: для этого они выбирали собственную *Думу*, руководимую „городскимъ головой". Купцы платили подати каждый по своему достатку: поэтому они были

раздѣлены на 3 *гильдіи*, по капиталу. Только для крестьянъ не было ничего сдѣлано. Ихъ положеніе даже ухудшилось: тогда сильно развилось крѣпостное право. Екатерина задумала цѣлую систему народнаго образованія, началомъ которой были *Воспитательные дома*, гдѣ не только кормили, но и учили дѣтей. *Бецкій*, посвятившій себя дѣлу просвѣщенія, составилъ *Учрежденія, касающіяся до воспитанія*. Здѣсь предполагалось устроить для всѣхъ, безъ различія сословій, „малыя" училища въ уѣздныхъ городахъ и „главныя" (гимназіи) — въ губернскихъ. Сверхъ того, хотѣли основать 4 университета; но успѣли открыть лишь нѣсколько главныхъ училищъ да учительскую семинарію въ Петербургѣ. Важнѣйшими учебными заведеніями оставались, помимо воспит. домовъ, *кадетскіе корпуса* (артиллер. и инжен.) да *Смольный монастырь* (для дворянскихъ дочерей). Подлѣ Академіи Наукъ возникло новое ученое учрежденіе, *Россійская академія*, для развитія русскаго языка. Примѣръ и сочиненія самой Екатерины способствовали развитію просвѣщенія въ Россіи, и въ ея время мы видимъ умственное оживленіе, которое отразилось въ литературѣ. Образованію общества помогали также *масоны*, и во главѣ ихъ *Новиковъ*, устроившій „Дружеское ученое Общество" (1781).

§ 210. **Внутреннія волненія.** — Не смотря на благородныя стремленія Екатерины и на рядъ важныхъ мѣръ во внутренней политикѣ, ея царствованіе было тревожно. Народу было тяжело, какъ отъ большихъ войнъ, такъ и отъ расточительности двора и отъ дорогихъ преобразованій, которыя доставляли выгоду только дворянству да отчасти купцамъ. Переворотъ 28 іюня, выдвинувшій новыхъ любимцевъ, увеличивалъ недовольство и дѣлалъ имя Петра III заманчивымъ. Мелкіе заговоры и самозванства, съ именемъ Петра III и въ пользу Павла, неладившаго съ матерью, почти не прекращались во все царствованіе Екатерины. Они возникали то въ гвардіи, то среди народа. Самозванцы являлись то близъ Петербурга, то въ Астрахани и даже Черногоріи (Степанъ Малый); была даже попытка возвести на престолъ Ивана Антоновича (§ 202). Важнѣе было недовольство разныхъ сословій. Духовенство не могло примириться съ отобраніемъ церковныхъ имуществъ: архіеп. рост., *Арсеній Мацѣевичъ*, даже протестовалъ противъ этой мѣры, за что подвергся ссылкѣ. Старое дворянство, сосредоточенное въ Москвѣ, роптало по поводу предпочтенія ему новыхъ любимцевъ. Но опаснѣе всего было недовольство массы. Крѣпостные сначала

возставали, надѣясь, что гуманная царица освободитъ ихъ; но когда положеніе ихъ стало ухудшаться, особенно подъ вліяніемъ войнъ, они начали роптать. Были недовольны также казаки, приволье которыхъ стѣснялось требованіями государства, и инородцы, которыхъ угнетали чиновники. Роптали и раскольники: хотя Екатерина дала имъ мелкія льготы, они все-таки считались какими-то не-русскими, и съ нихъ продолжали брать двойную подать. Развитію духа анархіи способствовали и физическія бѣдствія, въ особенности *чума*, занесенная войсками изъ Турціи, которая привела москвичей къ бунту (1771), причемъ былъ убитъ архіеп. Амвросій. Болѣе общимъ и грознымъ характеромъ отличался бунтъ, названный *пугачевщиной*, по имени его вождя, Емельяна *Пугачева*. Пугачевъ принадлежалъ къ донской голытьбѣ, жилъ грабежемъ и приключеніями, не разъ попадалъ въ тюрьму. Прослышавши, что яицкіе казаки взбунтовались отъ притѣсненій чиновниковъ, онъ явился къ нимъ и объявилъ себя Петромъ III, дарующимъ свободу крѣпостнымъ и права раскольникамъ. Вокругъ Пугачева быстро возростало общество недовольныхъ: вскорѣ все Поволжье пристало къ нему — казаки, крѣпостные, раскольники и инородцы. Крѣпостные даже въ Москвѣ прославляли Пугачева и ждали его прибытія, какъ спасенія. Первое войско, высланное противъ самозванца, отступило. Храбрый *Бибиковъ* поправилъ-было дѣло, заставилъ бѣжать Пугачева, но внезапно умеръ, вѣроятно, отъ отравы. Пугачевъ оживился и взялъ Казань, Саратовъ, Пензу. Но тогда правительство выслало большой отрядъ, въ которомъ былъ *Суворовъ*. Пугачевъ потерпѣлъ много пораженій, былъ выданъ своими сообщниками и жестоко казненъ въ Москвѣ (1774). Пугачевщина оставила за собой опустошенія и потоки крови; но не было никакого политическаго слѣда. Она указывала на плохое соціальное положеніе Россіи и была послѣднимъ проявленіемъ казацкой вольности, продолжая дѣло Разина и Булавина (§§ 163, 173).

§ 211. **Германія и польскій вопросъ.**—Внѣшняя политика Екатерины была блестяща и удачна: она отличалась гордымъ сознаніемъ національныхъ интересовъ и смѣтливостью. Здѣсь также, какъ въ военныхъ дѣлахъ, Екатерина любила брать на себя починъ, дѣйствовать наступательно. Она считалась однимъ изъ лучшихъ дипломатовъ своего времени и умѣла обойти даже Фридриха II, который тогда одряхлѣлъ и сталъ крайне остороженъ. Тогда въ нашей политикѣ было 3 вопроса—нѣмецкій,

турецкій и польскій. Подражая Петру I, Екатерина старалась *поддерживать равновѣсіе въ Германіи*, т.-е. не давать усиливаться ни Австріи, ни Пруссіи. При ея воцареніи, Пруссія была истощена войнами, и Фридрихъ заискивалъ у Россіи, намекая на раздѣлъ Польши; Австрія же, важная для насъ по турецкому вопросу, вовсе не думала помогать намъ въ борьбѣ съ Портой. Поэтому Екатерина заключила союзъ съ Пруссіей — и тотчасъ же выдвинулся *польскій* вопросъ. Польша уже до того ослабѣла отъ внутренней неурядицы (§ 157), что служила приманкой для сосѣднихъ сильныхъ державъ, особенно для Пруссіи и Россіи, у которыхъ просили помощи диссиденты протестантской и греч. вѣры. Россія втягивалась въ дѣла Польши еще по двумъ причинамъ. 1) Она нуждалась въ Курляндіи для довершенія мысли Петра о Балтійскомъ м. Когда Биронъ попалъ въ Сибирь, Августъ III отдалъ Курляндію своему сыну. Екатерина возстановила Бирона съ помощью штыковъ; но Польша ждала только случая, чтобы закрѣпить за собой свое старое владѣніе. 2) Западная Украйна точно также стремилась къ сліянію съ Россіей, какъ восточная при царѣ Алексѣѣ: поляки и евреи угнетали казаковъ, а іезуиты старались обратить ихъ въ унію. Вскорѣ по воцареніи Екатерины, тамъ вспыхнуло жестокое возстаніе гайдамаковъ, съ *Желѣзнякомъ* и *Гонтой* во главѣ, что требовало вмѣшательства Россіи. При такихъ условіяхъ, польскій вопросъ разгорѣлся, не смотря на то, что Екатерина, съ помощью *Чарторижскихъ*, возвела на польскій престолъ Понятовскаго (§ 205), подъ именемъ *Августа IV* (1763). Православный епископъ Бѣлоруссіи, *Георгій Конисскій*, обратился къ царицѣ съ просьбой о защитѣ диссидентовъ. Екатерина составила православную конфедерацію въ Слуцкѣ, а Фридрихъ II—протестантскую въ Торнѣ. Затѣмъ наши войска явились въ Варшавѣ, и нашъ посланникъ, *Репнинъ*, заставилъ сеймъ уравнять диссидентовъ въ правахъ съ католиками; вожди нашихъ враговъ, краковскій епископъ Солтыкъ и панъ Ржевускій, были высланы въ Россію. Но поляки составили большую національную *конфедерацію въ Барѣ*, которой помогали Австрія и особенно Франція. Послѣдняя подняла Турцію противъ Россіи и прислала полякамъ генерала Дюмурье. Австрія также угрожала войной Екатеринѣ; но Фридрихъ примирилъ ихъ, предложивъ раздѣлить часть Польши между тремя сосѣдними державами. По *первому раздѣлу* (1772), Россія получила *Бѣлоруссію* (губ. Витебск. и Могилев.).

§ 212. **Войны съ Турціей и Швеціей.**—Этотъ успѣхъ былъ тѣмъ важнѣе, что Россія тогда же вела тяжелую *войну съ Портой* (1768—1774), которая была еще сильна, владѣла крымскою Ордой и находилась въ союзѣ съ Польшей, Франціей и Швеціей. Мы могли выставить лишь небольшую и полуголодную армію, которая однако снискала уваженіе Европы славными побѣдами у *Ларги* и подъ *Кагуломъ:* въ послѣдней битвѣ у насъ не было и 20 т. противъ 150 т. турокъ, да еще въ тылу у насъ стояли 80 т. татаръ. Тогда же появилась русская эскадра въ Архипелагѣ, которая уничтожила турецкій флотъ въ *Чесменской* гавани. Въ то же время Екатерина обнаруживала намѣреніе совсѣмъ уничтожить магометанское господство въ Европѣ: она поднимала противъ турокъ румынъ, славянъ и грековъ. По миру въ *Кучукъ-Кайнарджи* Россія получила право ходатайствовать въ Портѣ за румынъ и балк. славянъ. Сверхъ того, Турція уступила намъ Азовъ и Керчь, т.-е. *Азовское м.*, а также признала за нашими купеческими судами право ходить изъ Чернаго м. въ Средиземное, что̀ означало близкое превращеніе Чернаго м. въ русское озеро: въ 1783 г. былъ основанъ *черноморскій флотъ*, когда наши моряки основались въ Севастопол. бухтѣ, а въ Херсонѣ былъ построенъ первый военный корабль. Наконецъ, Порта принуждена была признать независимость крымскихъ татаръ, что̀ подготовляло ихъ подчиненіе Россіи. Историческія прозвища указываютъ героевъ первой турецкой войны: *Румянцевъ* сталъ Задунайскимъ, *Долгорукій*—Крымскимъ, Алекс. *Орловъ*—Чесменскимъ. Впрочемъ, морскія побѣды были одержаны подчиненными Орлова—*Спиридовымъ* и *Грейгомъ*. Турецкая война такъ подняла значеніе Россіи, что въ 1780 г. Екатерина выступила съ смѣлымъ проектомъ униженія Англіи въ ея собственной сферѣ — на морѣ. Тогда Англія распоряжалась на водахъ: она захватывала купеческія суда другихъ державъ, подъ предлогомъ, что они провозятъ военную контрабанду къ ея мятежнымъ колонистамъ въ Америкѣ. Екатерина объявила, что никто и нигдѣ не долженъ трогать купеческихъ судовъ нейтральныхъ государствъ, если они не занимаются военною контрабандой. Нарушитель этого правила подвергался нападенію русской военной эскадры, назначенной къ поддержанію этого *вооруженнаго нейтралитета*. Къ этой эскадрѣ вскорѣ присоединились флоты Франціи, Испаніи, Австріи и итал. государствъ. Вслѣдъ затѣмъ Екатерина, среди мира, *присоединила Крымъ* (1783), не обращая вниманія на мнѣніе Европы. Устройствомъ

новой земли занялся *Потемкинъ*, получившій за это названіе Таврическаго. Тогда же Екатерина составила *греческій проектъ* или планъ изгнанія турокъ изъ Европы и раздѣла Порты: она хотѣла возстановить Визант. имперію, съ своимъ внукомъ, *Константиномъ Павловичемъ*, во главѣ. Съ этою цѣлью прусскій союзъ былъ смѣненъ *австрійскимъ* (1781). Въ Вѣнѣ воцарился тогда честолюбивый Іосифъ II, который стремился расширить предѣлы Австріи насчетъ Порты и Германіи. Онъ самъ предложилъ союзъ Екатеринѣ и пріѣхалъ къ ней на свиданіе въ Могилевъ. Австрійскій союзъ былъ весьма кстати, такъ какъ Турція, желая возвратить Крымъ, объявила намъ войну, подъ пустыми предлогами: она требовала, напр., чтобы признали ея подданнымъ *грузинскаго царя*, *Ираклія*, который добровольно подчинился тогда Россіи, чтобъ избѣжать турецкаго ига. *Вторая турецкая война* (1787—1791) представляла большую опасность. Россія не была готова къ ней, а Іосифъ II неохотно и плохо воевалъ съ турками. За Порту же собирались вступиться Пруссія и Польша; а *Густавъ III* шведскій двинулъ войска въ Финляндію. Нашъ главнокомандующій, Потемкинъ, палъ духомъ и умеръ въ походѣ. Тѣмъ не менѣе, Россія пріобрѣла новую славу, благодаря самоотверженности солдатъ, даровитости вождей и патріотизму народа, который жертвовалъ много денегъ и составлялъ ополченія. Тогда выдвинулся *Суворовъ*, который одержалъ блестящія побѣды при *Фокшанахъ* и *Рымникѣ* и взялъ крѣпость *Измаилъ*. Онъ былъ признанъ повсюду первымъ полководцемъ своего времени и получилъ прозвище Рымникскаго. Въ Финляндіи мы только оборонялись, но такъ упорно, что по *верельскому* миру (1790) сохранили прежнія границы. Затѣмъ послѣдовалъ *ясскій* миръ: Порта признала за нами Крымъ и весь с. берегъ Чернаго м. и уступила крѣпость Очаковъ.

§ 213. **Паденіе Польши.**—Едва Екатерина вышла изъ затрудненій, помѣшавшихъ ея смѣлому плану рѣшенія вост. вопроса, какъ снова выдвинулся вопросъ польскій. Первый раздѣлъ ослабилъ Рѣчь Посполитую: усиливъ въ ней анархію, онъ сдѣлалъ необходимымъ иностранное вмѣшательство. Это понимали польскіе патріоты, во главѣ которыхъ стояли *Игнатій Потоцкій* и *Малаховскій*. Чтобы устранить неурядицу, они убѣдили сеймъ ввести государственное преобразованіе, извѣстное подъ именемъ *майской конституціи 1791 г.*: шляхту ограничили уничтоженіемъ veto (§ 102), а королевскую власть усилили, объявивъ ее наслѣдственною. Новая конституція не нрави-

лась всѣмъ державамъ, участвовавшимъ въ раздѣлѣ Польши; но Пруссія съ Австріей были заняты тогда борьбой съ французскою революціей—и польскій вопросъ пришлось рѣшать Россіи, уже замирившейся съ Турціей и Швеціей. Поляки понимали это, а среди нихъ была огромная шляхетская партія, ненавидѣвшая майскую конституцію. Эта партія, съ Феликсомъ Потоцкимъ и *Браницкимъ* во главѣ, составила *тарговицкую* конфедерацію противъ патріотовъ и призвала на помощь Екатерину. Въ Польшѣ тотчасъ же появилась большая русская армія, съ которою не могло бороться ничтожное войско патріотовъ, подъ начальствомъ *Косцюшка*, прославившагося въ Америкѣ. Къ тому же за Россію стала Пруссія. Подъ предлогомъ, что польскіе патріоты—якобинцы, желающіе внести революцію въ сосѣднія страны, Екатерина и Фридрихъ-Вильгельмъ II произвели *второй раздѣлъ* Польши (1793): Россія получила *Зап. Украйну* и часть Литвы. Въ слѣдующемъ же году, въ Варшавѣ и Краковѣ, патріоты составили общество для возстановленія Польши; во главѣ его стояли Игнатій Потоцкій и Косцюшко, котораго провозгласили диктаторомъ. Въ Варшавѣ и Вильнѣ внезапно было перерѣзано много русскихъ солдатъ — и началась война Россіи и Пруссіи съ умирающею Польшей. Пруссаки дѣйствовали слабо, боязливо и вскорѣ отстали. Русскіе же, съ Суворовымъ во главѣ, уничтожили послѣднія силы поляковъ при *Мацѣевицахъ:* Косцюшко попалъ въ плѣнъ и былъ отправленъ въ Петербургъ, откуда уѣхалъ, при Павлѣ I, въ Америку, гдѣ и умеръ. Затѣмъ Суворовъ взялъ приступомъ Варшаву. Августъ IV былъ отправленъ въ Петербургъ, гдѣ и умеръ при Павлѣ I; Биронъ сложилъ съ себя санъ курляндскаго герцога; *Литва* и *Курляндія* были присоединены къ Россіи; остальное отошло къ Пруссіи и Австріи. Такъ совершился *третій раздѣлъ* Польши (1795) или гибель Рѣчи Посполитой.

§ 214. **Конецъ царствованія Екатерины.**—Во второй половинѣ царствованія Екатерины положеніе Россіи становилось все болѣе и болѣе тяжелымъ. Вліяніе бездарнаго, лѣниваго и грубаго Григ. Орлова смѣнилось опаснымъ вліяніемъ *Потемкина*. Новый фаворитъ былъ способнѣе прежняго; но онъ былъ лишенъ государственнаго таланта и руководился только честолюбіемъ. Деспотъ и эгоистъ, онъ смолоду мечталъ о первой роли, а теперь сталъ увлекаться фантастическими планами и развивалъ тщеславіе Екатерины: подъ его вліяніемъ создался греческій проектъ и усилилась пышность при дворѣ. Такъ какъ тогда

же происходили самыя важныя преобразованія, то финансы пришли въ крайнее разстройство, которое поддерживалось огромными выпусками ассигнацій; и Екатерина уже думала не объ отмѣнѣ крѣпостнаго права, а объ его расширеніи. Все это развивало недовольство въ истощенной странѣ. Передъ смертью Екатерины вспыхнуло возстаніе донцовъ, а въ Москвѣ былъ открытъ дворянскій заговоръ. Такъ какъ заговоры часто имѣли въ виду Павла, то отношенія матери къ сыну и наслѣднику престола становились все натянутѣе: она выказывала ему непріязнь и отстранила его отъ воспитанія его собственныхъ дѣтей. Съ лѣтами Екатерина становилась боязлива, подозрительна и раздражительна до слезливости. Запуганная франц. революціей, она вездѣ видѣла опасности: запретила въ Россіи сочиненія своего прежняго друга, Вольтера; заключила въ тюрьму Княжнина за трагедію „Вадимъ"; сослала въ Вятку Радищева за его протестъ противъ крѣпостничества; преслѣдовала масоновъ и посадила въ крѣпость Новикова. Наконецъ, Екатерина рѣшилась поддержать Австрію и Пруссію въ ихъ неудачной борьбѣ съ французъ. революціей, которая угрожала монархизму повсюду и поднимала противъ насъ Турцію, Швецію и поляковъ. Она послала эскадру для соединенія съ англ. флотомъ и велѣла Суворову готовиться въ походъ. Но тогда уже выступилъ грозный Наполеонъ. Сверхъ того, *персидскій* шахъ захватилъ Грузію и вызвалъ насъ на войну, хотя и побѣдоносную, но требовавшую много лишеній. Среди этихъ тревогъ умерла Екатерина, отъ удара, 67 л. отъ роду (1796). Народъ сохранилъ благодарную память о ней, не смотря на тяжелый конецъ ея царствованія. За нею слѣдовало болѣе тяжелое время Павла I и борьба съ Наполеономъ, связанная съ финансовымъ банкротствомъ; при ней же Россія пріобрѣла много славы и видѣла развитіе преобразованій Петра I. Екатерина, иностранка, стала даже популярнѣе Петра. Петръ жилъ въ то время, когда его европейскія идеи могли быть поняты лишь немногими; въ эпоху же Екатерины эти идеи стали потребностью націи. Онѣ привели къ улучшенію управленія и суда, къ развитію матеріальнаго быта и къ повышенію умственнаго уровня общества. За этими выгодами цивилизаціи и за блескомъ славы не сразу можно было различить существенные недостатки—расточительность, чиновничество, казнокрадство и грубость нравовъ да тяжелое положеніе массы.

§ 215. **Павелъ I.** — Павелъ I старался поступать противо-

положно Екатеринѣ и подражалъ Петру III; сверхъ того, онъ не отличался дарованіями. По природѣ, Павелъ былъ добръ, даже чувствителенъ и рыцарски благороденъ. Онъ глубоко уважалъ за доброту свою супругу, *Марію Ѳедоровну*, которая прославилась благотворительностью. Приверженцы Екатерины были только удалены отъ двора: Суворовъ сидѣлъ въ деревнѣ, въ отставкѣ; Алексѣй Орловъ (Григорій умеръ, при Екатеринѣ, въ сумасшествіи) и братья Зубовы спокойно проживали за-границей; послѣдніе даже возвратились потомъ ко двору. Павелъ сожалѣлъ объ участи Польши, возвратилъ 11 т. поляковъ изъ Сибири и осыпалъ милостями Косцюшко. Онъ заключилъ миръ съ Персіей и объявилъ, что не будетъ воевать съ Франціей, такъ какъ долженъ заняться внутренними дѣлами, разстроенными матерью. Но плохое воспитаніе и постоянныя униженія сдѣлали Павла раздражительнымъ до болѣзненности и подозрительнымъ: онъ жилъ минутными впечатлѣніями; его милости и гнѣвъ были безпричинны; въ пылу негодованія онъ наказывалъ тѣлесно даже дворянъ и духовенство. Никто не могъ угодить ему, тѣмъ болѣе, что онъ былъ слишкомъ высокаго понятія о своей власти и думалъ, что весь міръ обязанъ повиноваться ему. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше Павелъ чуждался всѣхъ и замыкался въ своемъ дворцѣ, окруженный любимцами, во главѣ которыхъ стояли: ничтожный *Кутайсовъ*, ставшій изъ камердинеровъ начальникомъ полиціи, жестокій формалистъ *Аракчеевъ*, холодный и вѣроломный эстляндецъ *Паленъ* и тщеславный представитель „старо-русской“ партіи, *Растопчинъ*. Подлѣ нихъ имѣли значеніе старые дѣятели — Никита Панинъ, канцлеръ Безбородко, Репнинъ и трое братьевъ Зубовыхъ. Но приближеннымъ было особенно тяжело: они ежеминутно могли подвергнуться гнѣву царя. Тяжело было также гвардейцамъ и столичникамъ, бывшимъ на глазахъ у Павла. Для остальной же Россіи Павелъ сначала издалъ нѣсколько полезныхъ мѣръ. *Учрежденіемъ объ императорской фамиліи* (1797) было упрочено престолонаслѣдіе по прямой мужской линіи и опредѣлены права членовъ династіи. Барщина была ограничена 3 днями въ недѣлю. Раскольникамъ дозволили даже содержать свои церкви, если они принимали нашихъ священниковъ: объ этомъ особенно хлопоталъ умный и гуманный митроп. Платонъ, который добился также основанія *духовныхъ академій* въ Петербургѣ и Казани. Павелъ старался возвысить честь дворянства и отмѣнилъ тѣлесныя наказанія для духовенства, которому давалъ еще ордена. Онъ возвратилъ при-

вилегіи остзейскимъ дворянамъ и основалъ для нихъ *университетъ въ Дерптѣ*. Были возстановлены права донскихъ и украинскихъ казаковъ, не исключая гетманства, которое было дано, впрочемъ, члену царской фамиліи. Но всѣ эти мѣры были плодомъ случайныхъ впечатлѣній или постороннихъ внушеній: въ нихъ не было системы. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше запутывались внутреннія дѣла. Павелъ началъ страшиться франц. революціи, подъ вліяніемъ Пруссіи и Австріи, желавшихъ вовлечь его въ войну съ Франціей. Онъ принялъ рядъ стѣснительныхъ мѣръ: запретили выѣздъ молодежи за-границу и привозъ иностранныхъ книгъ и даже нотъ; ввели строгую цензуру; закрыли частныя типографіи. Та же непослѣдовательность отразилась въ иностранныхъ дѣлахъ. Сначала Павелъ осуждалъ свою мать за воинственность, а потомъ увлекся паступательною политикой, страшась революціи и преувеличивая могущество Россіи. Тогда въ Парижѣ управляла уже директорія, подавлявшая якобинство; а Павелъ вызывалъ ее на борьбу, задумавъ возстановить монархизмъ во Франціи. Россія стала гнѣздомъ эмигрантовъ, изгнанныхъ революціей, которые составляли корпусъ на Украйнѣ; представитель Бурбоновъ, Людовикъ XVIII, жилъ въ Митавѣ на русскія деньги. Въ то же время рыцари-монахи, іоанниты, пожаловались царю на генерала директоріи, *Наполеона Бонапарта*, который захватилъ ихъ о. *Мальту*. Думая угодить папству, какъ оплоту противъ революціи, Павелъ не только взялъ рыцарей подъ свою защиту, но и принялъ титулъ „великаго магистра" мальтійскаго ордена. Онъ давалъ рыцарямъ большія суммы, возилъ ихъ въ золотыхъ каретахъ, самъ облекся въ знаки ордена, которые внесъ въ государств. гербъ и раздавалъ русскимъ принцессамъ, гвардейцамъ и іерархамъ; онъ думалъ даже соединить въ орденѣ всю знать, всѣхъ монархистовъ Европы и выступить съ ними противъ революціи, а ихъ дѣтей воспитывать въ огромномъ заведеніи, въ Петербургѣ, подъ руководствомъ рыцарей. Наконецъ, Павелъ заключилъ союзъ съ Австріей, Англіей и Турціей и выслалъ въ Италію, противъ французовъ, войско, съ *Суворовымъ* во главѣ (1799). Такъ какъ австрійцы только мѣшали намъ нелѣпыми и завистливыми распоряженіями своего военнаго совѣта, то эта блестящая кампанія была исключительно дѣломъ русскихъ, и Суворовъ вполнѣ заслужилъ прозвище Италійскаго. Суворовъ разбилъ французовъ при Аддѣ, Требіи и *Нови* и въ нѣсколько недѣль освободилъ отъ нихъ всю с. Италію. Въ это самое время австрійцы бѣжали предъ Массеной изъ Швей-

царіи, покидая небольшой корпусъ *Римскаго-Корсакова*, присланный имъ на помощь. Чтобы спасти Корсакова, Суворовъ совершилъ знаменитый *переходъ черезъ Альпы* (С.-Готардъ) и разбилъ Массену въ *Муттенской долинѣ;* но, вслѣдствіе вѣроломства австрійцевъ, онъ долженъ былъ возвратиться въ Россію, гдѣ вскорѣ умеръ (1800). Павелъ справедливо негодовалъ на Австрію, а также на англичанъ, которые оскорбляли нашъ корпусъ, данный имъ для изгнанія французовъ изъ Голландіи, и вредили, изъ зависти, нашей эскадрѣ, побѣдоносно дѣйствовавшей въ Архипелагѣ и на Средиз. м. Онъ разорвалъ съ своими союзниками и возобновилъ *вооруженный нейтралитетъ*, съ участіемъ Пруссіи, желавшей погубить Австрію. Въ то же время Бонапартъ сталъ управлять Франціей, въ качествѣ перваго консула. Онъ началъ льстить Павлу и возвратилъ ордену Мальту, которую не могъ защитить отъ англичанъ. Произошелъ *союзъ между Павломъ и Бонапартомъ* противъ Англіи, и оренбургскіе казаки получили приказъ двинуться въ Индію. Въ то же время Павелъ, отозвавшій войска Екатерины изъ Грузіи, рѣшился послать туда новый корпусъ, по просьбѣ самого населенія: *Лазаревъ* присоединилъ Грузію къ Россіи (1801); но это грозило борьбой съ Персіей и Турціей. Истощенная Россія страшилась новыхъ войнъ. Дворянство негодовало на запрещеніе записывать сыновей на службу съ дѣтскаго возраста. Войско роптало на вѣчныя экзерциціи, на неудобную прусскую обмундировку и на предпочтеніе гатчинской гвардіи. Чиновники тяготились множествомъ противорѣчивыхъ указовъ. Въ особенности же были недовольны придворные за сокращеніе ихъ доходовъ да приближенные люди, выносившіе частыя вспышки гнѣва царя. Во главѣ недовольныхъ стояли Панинъ (племянникъ Никиты), Платонъ Зубовъ, Паленъ, Беннигсенъ. Все это ускорило смерть Павла, которая послѣдовала въ мартѣ 1801 г.

§ 216. **Земля и населеніе. Внѣшній бытъ.**—Въ періодъ отъ смерти Петра I до смерти Павла сильно расширились предѣлы русскаго государства – сначала на в., потомъ на з. Въ Сибири инородцы болѣе и болѣе становились нашими подданными, и къ Россіи перешли *Алеутскіе* остр. (1767). На Уралѣ образовалась *Оренбургская губ.* (1744) изъ башкиръ, киргизовъ, калмыковъ и др. инородцевъ. На ю. и з. мы пріобрѣли цѣлыя государства — *Крымъ*, *Грузію* и часть *Польши:* одинъ первый раздѣлъ Польши доставилъ намъ ок. 2 т. кв. м. и 2 милл. душъ. Но тѣмъ больше чувствовался недостатокъ населенія. Ревизія

1741 г. дала цифру въ $6^1/_2$ милл. душъ, подлежащихъ рекрутской повинности; въ Петербургѣ въ 1767 г. насчитывалось всего 67 т. жителей. Россія попрежнему страдала отъ недостатка рабочихъ рукъ; попрежнему всѣ гонялись за мужикомъ: казна и частные промышленники перебивали рабочихъ другъ у друга. Оттого крѣпостное право не ослабѣвало, а усиливалось даже при такихъ государяхъ, какъ Екатерина II, которая въ принципѣ была противъ него. Сверхъ того, правительство не трогало „сходцевъ", селившихся въ пустынныхъ мѣстахъ, миловала и даже одаряла льготами бѣглыхъ и раскольниковъ, укрывавшихся въ Польшѣ и Молдавіи. Оно приманивало всякихъ иностранцевъ (кромѣ евреевъ), которые шли сначала изъ Германіи, потомъ и изъ слав. земель, подчиненныхъ Турціи. Екатерина II устроила для завѣдыванія ими *Канцелярію опекунства иностранныхъ;* освобождала ихъ отъ налоговъ и рекрутчины; даже отдавала имъ въ крѣпостные магометанъ, которыхъ они обращали въ христіанство. Тогда прибыло однихъ нѣмцевъ (изъ Пфальца) болѣе 25 т.: они поселились преимущественно въ Сарат. губ. (Сарепта). Благодаря подобнымъ мѣрамъ, въ связи съ завоеваніями, населеніе Россіи возросло, при смерти Екатерины, до 40 милл. Рѣдкость населенія зависѣла отъ старыхъ бѣдствій. *Войны* становились все обширнѣе и тяжелѣе: одна вторая турецкая война, при Екатеринѣ, поглотила ок. полмилліона солдатъ. Онѣ требовали содержанія значительной арміи и въ мирное время, а солдаты мучили своихъ, какъ враговъ, и Сиверсъ уже предлагалъ Екатеринѣ строить для нихъ особыя казармы. Мысль о военныхъ поселеніяхъ, по римскому образцу, прилагалась только къ окраинамъ—въ Сибири, по Камѣ, Уралу и Кубани. Когда войска шли въ походъ, внутри страны, лишенной охраны, развивалось *разбойничество*, причемъ крестьяне мѣстами поддерживали его и били войска, а иногда помѣщики становились атаманами шаекъ. Даже при Екатеринѣ II разбойники двигались отрядами, съ пушками, а въ Петербургѣ нельзя было ходить ночью безъ конвоя. Много жертвъ уносили *бунты*, происходившіе отъ нищеты да отъ притѣсненія властей и господъ. Инородцы постоянно волновались: въ 1754 г. всѣ башкирцы ушли даже къ своимъ врагамъ, киргизамъ. При Екатеринѣ были мѣстныя возмущенія донскихъ и яицкихъ казаковъ, которыя перешли, наконецъ, въ пугачевщину. Попрежнему вредили населенію *пожары*, *болѣзни* и *скотскіе падежи:* чума 1770 г. истребила около $^1/_4$ населенія Москвы и окрестныхъ селъ (до

100 т.). Народъ страдалъ еще отъ недостатка хлѣба и соли, а также отъ пьянства; при Екатеринѣ во многихъ мѣстахъ ѣли хлѣбъ съ мякиной и коноплей, а число кабаковъ такъ размножилось, что винный откупъ доставлялъ казнѣ $^1/_3$ всѣхъ доходовъ. Средства собщенія были печальны: при Елизаветѣ почта ходила только между Петербургомъ, Москвой и Кіевомъ, и между первыми двумя городами въ 13 дней. Правительство принимало мѣры для улучшенія матеріальнаго быта народа; но онѣ были ничтожны: въ Москвѣ только при Аннѣ завели фонари изъ конопляннаго масла; въ Петербургѣ сенатъ съ трудомъ разрѣшилъ гостинницы (при Елизаветѣ) съ биліардами, кофе, и „чекулатомъ". Только при Екатеринѣ II видимъ болѣе замѣтный успѣхъ. Въ провинціи явились лекаря, больницы, полиція и школы; было введено оспопрививаніе; были заведены казенные магазины для удешевленія цѣны хлѣба; элтонская соль стала соперничать съ пермскою; Сибирь, куда прежде привозили хлѣбъ изъ Россіи, стала сама прокармливаться; города улучшались, такъ какъ приказано было строить только каменные дома; появлялись водопроводы и общественныя постройки; развились почты и поправилось невыносимое положеніе ямщиковъ. Внѣшній бытъ столицъ и высшаго общества сталъ напоминать Западъ и даже щеголять роскошью. Возникло много новыхъ городовъ, хотя и плохихъ: при введеніи учрежденія о губерніяхъ до 200 селъ было обращено въ уѣздные города.

§ 217. **Самодержавіе. Дворяне и купцы.**—Величіе Петра I утвердило самодержавіе въ глазахъ народа; но по смерти Петра ему долго вредилъ недостатокъ даровитыхъ правителей и фаворитизмъ, связанный съ уничтоженіемъ родовой знати. Иногда оно дѣлало излишнія распоряженія. Однажды, I-го апрѣля, Екатерина I, ради шутки, произвела переполохъ въ Петербургѣ страшнымъ набатомъ. 11-лѣтній Петръ II распоряжался страной по дѣтскому капризу. Елизавета указывала, какъ одѣваться: кружева не шире трехъ пальцевъ, шелковыя платья по классамъ. Петръ III и Павелъ I издавали противорѣчивые указы. Самодержавію вредило еще отсутствіе закона о престолонаслѣдіи до Павла. Елизавета и Екатерина II сами сознавали глубокіе недостатки въ управленіи; а верховники (§ 198) и Панинъ (при воцареніи Екатерины II) думали объ измѣненіи формы правленія. Но эти попытки были неудачны, такъ какъ ихъ авторы заботились не о благѣ народа, а о собственныхъ интересахъ: они хотѣли аристократическаго правленія, на подобіе

Швеціи и Польши. Екатерина II, подобно Петру, думала поправить дѣла тѣмъ, что призывала народъ помогать ей въ управленіи. Въ этомъ смыслѣ важны ея Наказъ, законодательная коммиссія и внутреннія преобразованія. Екатерина развила *выборное начало;* даже судьи отъ дворянъ и купечества были выборные. Рядомъ съ этимъ развивались *сословія*, т.-е. верхніе слои народа высвобождались изъ-подъ вліянія чиновниковъ. Они были обязаны своимъ значеніемъ самой же власти. Петръ I старался создать сословія. Онъ особенно заботился о *дворянствѣ*, которому далъ нѣкоторыя привилегіи (§ 180); но оно еще далеко не было свободно. Анна, учредившая кадетскій корпусъ и банкъ для „шляхетства", приказала дворянамъ обучать своихъ дѣтей, которыя обязывались, по достиженіи 20-л. возраста, служить въ военной или гражданской службѣ. Петръ III, манифестомъ о „вольности дворянской", освободилъ дворянъ отъ службы, такъ какъ образовался цѣлый классъ чиновниковъ, а въ военную службу шли охотно, благодаря корпусамъ, дававшимъ офиц. чинъ. Но полную самостоятельность дворянство получило при Екатеринѣ II. По Жалованной грамотѣ (§ 209), дворяне наслѣдственно владѣли своими правами и освобождались отъ всякихъ повинностей и отъ тѣлеснаго наказанія; имъ былъ присвоенъ титулъ „ваше благородіе", и низшіе классы должны были оказывать имъ почтеніе; они одни могли владѣть крестьянами, и наслѣдственно, а поступая на службу, сразу получали офиц. чинъ. Важнѣе всего, что дворяне освобождались отъ подчиненія чиновникамъ: они сами управляли своими дѣлами и даже судились собственными судьями. Правительство не переставало заботиться о развитіи средняго сословія. Екатерина I образовала коммиссію о коммерціи, которая много помогла купечеству. Елизавета устроила банкъ для купцовъ и старалась поднять падающіе цехи Петра I; Екатерина II заводила торговыя компаніи. Казна постепенно отказывалась отъ монополій. Особенно старались размножить фабрики и заводы. Въ Сибири дозволялось строить ихъ безъ разрѣшенія. Заводы одарялись крѣпостнымъ правомъ и другими привилегіями: Анна запрещала вывозъ сырья и одѣвала армію въ русское сукно; Елизавета давала чины фабрикантамъ, передавала казенные заводы въ частныя руки и отмѣнила внутреннія таможни. Екатерина II расширила выборныя права купечества (§ 180) и старалась поднять его въ глазахъ народа. Предпріимчивость русскихъ замѣтно росла со времени Елизаветы, когда возникли новые и

изящные товары (изъ металла, горныхъ камней и фарфора); а при Екатеринѣ появился въ Средиз. м. первый купеческій корабль изъ Россіи.

§ 218. **Духовенство и крестьяне.**—Но положеніе духовенства и крестьянъ было незавидно. Правительство продолжало стѣснять духовенство, въ духѣ Петра I, которому тутъ особенно подражали Анна и Екатерина II. Только при набожной Елизаветѣ духовенство начало выставлять старыя притязанія, но не могло пріобрѣсти ничего существеннаго. А при Екатеринѣ II оно лишилось послѣдняго политическаго значенія: съ отобраніемъ церковныхъ имуществъ въ казну, оно стало получать лишь треть прежнихъ доходовъ, да и то какъ жалованье, размѣръ котораго зависѣлъ отъ правительства. Духовенство роптало, издавало подметныя письма; но мы видѣли, какъ былъ наказанъ Арсеній (§ 210), и никто не сталъ за него. Въ борьбѣ съ правительствомъ духовенство представляло старое начало. Оно было невѣжественно, не посылало дѣтей въ школы, вопреки многимъ указамъ, пьянствовало и нищенствовало. Іерархи же мечтали о патріаршествѣ и старались разыгрывать роль Никона: они возставали противъ преобразованій и ихъ вождей. Только при Екатеринѣ II мелькаютъ просвѣщенные іерархи. Положеніе крестьянъ все ухудшалось, потому что ихъ трудъ составлялъ почти единственный капиталъ въ странѣ, не развитой экономически. Такъ какъ они почти одни содержали правительство и были угнетаемы, то за ними числились огромныя недоимки, которыя жестоко взыскивались и доводили ихъ до разоренія при Аннѣ (§ 199). Отсюда частью бѣгство крестьянъ, частью бунты и даже стачки фабричныхъ. Особенно тяжело было положеніе крѣпостныхъ, и именно заводскихъ и монастырскихъ: у Демидовыхъ, напр., возставали цѣлыя волости. Нерѣдко крѣпостные приставали къ разбойникамъ и избивали своихъ помѣщиковъ. При воцареніи Петра III и Екатерины II было особенно много бунтовъ, вслѣдствіе слуховъ о волѣ; но они были усмирены пушками, и было объявлено, что жалующихся на своихъ помѣщиковъ будутъ наказывать кнутомъ. Екатерина II сначала думала объ отмѣнѣ крѣпостнаго права и заявила эту мысль въ первомъ проектѣ Наказа; но должна была вычеркнуть ее по настоянію сената. Интеллигенція внушала ей, въ лицѣ писателя Сумарокова, что „крестьянская свобода пагубна, а почему—того толковать не надлежитъ“. Въ коммиссіи объ уложеніи купцы и заводчики, казаки и духовенство требовали себѣ крѣпостныхъ, и

всѣ владѣли ими на имя дворянъ. Впослѣдствіи Екатерина сама стала „дарить“ много крестьянъ въ награду сановникамъ и своимъ любимцамъ и ввела крѣпостничество на Украйнѣ: помѣщики даже продавали крестьянъ поодиночкѣ, безъ семьи, отдавали ихъ въ солдаты, ссылали въ Сибирь и на каторгу. Екатерина только указала подвергать помѣщиковъ опекѣ и даже ссылкѣ въ Сибирь за вопіющія истязанія крестьянъ. Опредѣленіе барщины при Павлѣ (§ 215) могло имѣть лишь мимолетное значеніе.

§ 219. **Управленіе.**—Въ высшемъ управленіи происходили колебанія, отчасти отъ неопытности, отчастія отъ недовѣрія къ сотрудникамъ. Почти всѣ государи сознавали неудовлетворительность государственнаго наряда, который подвергся сильной критикѣ со стороны Елизаветы и Екатерины II. Многіе видѣли необходимость полной реформы: отсюда попытки частью измѣнять центральное управленіе, частью вводить выборное начало въ провинціи. Но выборное начало не прививалось, вслѣдствіе неразвитости общества, а наверху шла борьба между началами единоличнымъ и коллегіальнымъ. Уже при Петрѣ I видимъ сенатъ почти съ царскою властью и рядомъ кабинетъ императора, отъ котораго все зависѣло (§ 181). При Екатеринѣ I роль кабинета сталъ играть верховный тайный совѣтъ, учрежденный для противовѣса сенату. Когда этотъ совѣтъ задумалъ ограничить самодержавіе, Анна уничтожила его и возстановила значеніе сената, но въ 1731 г. былъ учрежденъ кабинетъ съ „кабинетъ-министрами“ для противодѣйствія сенату. Елизавета возвратилась къ мысли Петра I: отмѣнивши кабинетъ, она дала большія права сенату, который сталъ строго слѣдить за коллегіями, за губернаторами и воеводами. Хотя во дворцѣ былъ еще чрезвычайный совѣтъ, при самой царицѣ, однако сенатъ никогда еще не имѣлъ такой обширной власти, такъ какъ Елизавета мало занималась дѣлами. Сенатъ снова становился силой, а Панинъ хотѣлъ даже поставить подлѣ самодержавія постоянный совѣтъ. Поэтому Екатерина II ослабила значеніе сената. Она разбила его на 6 департаментовъ, что́ требовалось и обиліемъ дѣлъ; два изъ нихъ были переведены въ Москву. Подлѣ сената явился кабинетъ для личныхъ дѣлъ царицы, къ которымъ были причислены пріемъ прошеній и сборъ доходовъ съ сибирскихъ пріисковъ и мѣховъ. Сверхъ того, Екатерина созывала конференціи изъ немногихъ надежныхъ лицъ, гдѣ и рѣшала важнѣйшія дѣла, посылая сенату лишь указы для исполненія.

Въ сущности сенатъ обратился въ высшую судебную инстанцію —и централизація высшаго управленія закрѣпилась. Областное управленіе не измѣнялось до Екатерины II. Принимались только мелкія мѣры противъ крайнихъ злоупотребленій мѣстныхъ властей, особенно воеводъ, которыхъ само правительство называло „волками“: такъ при Аннѣ стали назначать воеводъ только на 2 г., для опыта, а при Елизаветѣ на 5 л. Сенату постоянно, но напрасно, предписывалось искоренять взятки и обычай тянуть судебныя дѣла, которыя иногда продолжались по 15 л. Екатерина II болѣе серьезно преобразовала областное управленіе. Введенные Петромъ I губернаторы стали походить на прежнихъ воеводъ: они не могли справиться съ дѣлами, по обширности губерній, а коллегіи и сенатъ плохо слѣдили за ними. Вскорѣ къ нимъ прибавили „товарищей“. Екатерина же удвоила число провинціальныхъ властей и поставила подлѣ нихъ цѣлую систему учрежденій, притомъ отчасти съ выборнымъ началомъ. Статскіе чины получили право на пенсію по выслугѣ 35 л. Тогда же было введено размежеваніе земель: эта мѣра, вмѣстѣ съ ревизіей, дала хотя приблизительное понятіе о размѣрахъ Россіи и ея населенія. Только благодаря новой административной системѣ, внесшей извѣстный порядокъ и быстроту въ наши внутреннія дѣла, Екатерина могла совершить такъ много крупныхъ дѣлъ и снискать славу въ Европѣ.

§ 220. **Казна и войско.**—Казна постоянно находилась въ печальномъ положеніи даже въ мирное время, и на нее были направлены главныя заботы правительства. Старались сокращать расходы управленія, причемъ болѣе всего страдали мелкіе чиновники и развивалось взяточничество: то уменьшали число чиновниковъ, то вычитали изъ ихъ окладовъ; при Аннѣ и Елизаветѣ платили жалованье сибирскими товарами и казенными полотнами да приказывали „довольствоваться постарому отъ дѣлъ“. Нерѣдко портили монету, перечеканивая ее въ болѣе легкую. При всемъ томъ, въ случаѣ войны, царствовало безденежье. Въ Семилѣтнюю войну сильно возвысили цѣну на соль и вино, составлявшія монополію правительства: соль вдругъ стали продавать, вмѣсто $3^1/_4$ коп., по 35 к. за пудъ. Тогда же старались развивать употребленіе вина и ввели лотерею, противъ которой сначала возставалъ П. Шуваловъ; и все-таки Елизавета уже собиралась продавать свой дорогой гардеробъ. Такъ какъ подушныя подати доставляли немного (въ 1741 г. $5^1/_2$ милл. р.), и ихъ нельзя было возвышать безопасно, то при Петрѣ III

создали государственный *банкъ* (1762), билеты котораго (на 5 милл.) должны были ходить, „какъ самыя наличныя деньги". Но при воцареніи Екатерины не было денегъ даже на уплату жалованья нѣкоторымъ вѣдомствамъ. Отсюда отобраніе церковныхъ имуществъ, затѣмъ учрежденіе ассигнаціоннаго банка (§ 208) и небывалое расширеніе виннаго откупа, согласно съ экономическими теоріями Запада того времени (меркантилизмъ). При введеніи ассигнацій было объявлено, что цѣль ихъ – лишь облегчить денежныя сношенія и что ихъ будетъ „не болѣе, чѣмъ сколько капитала наличнаго въ банкѣ". Но потомъ число ассигнацій все возрастало и дошло до 100 милл. слишкомъ, тогда какъ весь годовой доходъ казны равнялся 25 милл. Отсюда сильное паденіе бумажнаго рубля передъ серебрянымъ — зло, которое вполнѣ созрѣло при Александрѣ I. Въ то же время Екатерина дѣлала займы за-границей за большіе проценты; а пьянство развилось такъ, что откупъ доставлялъ треть государственныхъ доходовъ. Павелъ избѣжалъ банкротства только потому, что недолго царствовалъ. При немъ иностранный долгъ дошелъ до 46 милл., а ассигнацій ходило на 157 милл., и 100 бумажныхъ рублей уже равнялись 68 серебрянымъ; при всемъ томъ доходы не покрывали расходовъ даже въ мирное время. При печальномъ положеніи финансовъ тяжело было положеніе войска, особливо если взять въ разсчетъ грубость, невѣжество и корыстолюбіе начальниковъ. Въ мирное время, до Анны, оно было совсѣмъ запущено: его почти не существовало. Затѣмъ стали улучшать положеніе офицеровъ и даже устраивать для нихъ учебныя заведенія. Но солдаты долго представляли жалкій видъ. Они служили безсрочно, были голодны и полунаги и подвергались истязаніямъ за ничтожные проступки. На войнѣ ихъ грабило интендантство, и они гибли массами отъ нелѣпыхъ распоряженій бездарностей, отъ болѣзней и голода: первая турецкая война, при Екатеринѣ, поглотила $^1/_{10}$ рабочаго мужскаго населенія Великороссіи, не считая казаковъ и инородцевъ. Оттого солдаты убѣгали десятками тысячъ, и при Екатеринѣ II былъ сильный ропотъ на рекрутчину. Семилѣтняя война была для насъ такою же полезною школой, какъ шведская при Петрѣ I. Она обнаружила всю первобытность нашего военнаго дѣла и указала на примѣръ Фридриха II. Тогда сталъ выдвигаться первый русскій полководецъ въ европейскомъ смыслѣ, теоретически образованный *Румянцевъ*, за которымъ послѣдовалъ талантливый *Суворовъ*. Съ тѣхъ поръ начали задумываться и о

преобразованіи арміи; а при Екатеринѣ уже прославился нашъ военный *флотъ*, какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ. Тогда же явился особый знакъ военной доблести, *орденъ Св Георгія*, который приличенъ арміи, гордой своими заслугами.

§ 221. **Церковь, расколъ, католичество.**—Въ церкви не происходило важныхъ перемѣнъ: она управлялась по регламенту Петра I (§ 185). Даже въ синодѣ засѣдали попрежнему малороссы до самой Екатерины II, когда стали выдвигаться образованные великорусскіе іерархи. За исключеніемъ царствованія Елизаветы, постоянно развивались мѣры Петра, клонившіяся къ ослабленію вліянія духовенства и внѣшней стороны религіи. При Екатеринѣ II не только духовенство стало слугою свѣтской власти, но даже опредѣлено было, сколько ему взимать за требы. Христіанство распространялось медленно, и то только на в., среди язычниковъ. Невѣжественное духовенство не могло вліять нравственно на иновѣрцевъ и прибѣгало къ насиліямъ. „Новокрещены“ обращались только наружно, изъ выгодъ, и нерѣдко вновь отпадали отъ православія, вслѣдствіе притѣсненія властей. Расколъ развивался по тѣмъ же причинамъ, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше преслѣдовали его. Съ раскольниковъ брали двойной окладъ и большіе штрафы за уклоненіе отъ исповѣди и причащенія; ихъ отдавали на заводы и ссылали; ихъ мучили не только чиновники, но и духовныя власти, приставленныя для обращенія ихъ въ православіе. Только Петръ III дозволилъ имъ свободно исповѣдывать свою вѣру, подобно магометанамъ и идолопоклонникамъ; но при Екатеринѣ синодъ объявилъ, что самодержавіе требуетъ единовѣрія подданныхъ съ государемъ. Раскольники оставались опальными, и священникамъ поручалось изыскивать „потаенныхъ“ изъ нихъ. Они не переставали частью сожигаться, частью бить и грабить власти. Многіе бѣжали на окраины, къ гребенскимъ, донскимъ и яицкимъ казакамъ, и въ Сибирь, даже въ Польшу и Турцію. Въ то же время увеличивалось число раскольничьихъ толковъ и возникали новыя секты. У безпоповцевъ появились согласія поморское, спасово, бѣгунское и др. При Елизаветѣ развилась хлыстовщина (§ 185): бичуя себя и вертясь, хлысты доходили до такого изступленія, что бились обухами и рѣзались ножами. Они называли свои общины „кораблями“; въ каждомъ кораблѣ былъ свой „пророкъ“, которому повиновались, не щадя жизни; было также много Христовъ и Богородицъ. Хлысты признавали только „откровеніе“ и ненавидѣли книги. Они то впадали въ развратъ, то предавались аске-

тизму. Отсюда произошло *скопчество*, при Екатеринѣ, основанное хлыстомъ, прапорщикомъ Селивановымъ, котораго сослали за это въ Сибирь. Хлысты и скопцы особенно чтутъ память Петра III. При Екатеринѣ же образовалась раціоналистическая секта *духоборцевъ*, которая признаетъ только собственныя изреченія, въ особенности же слова своего главнаго учителя, Побирохина. Духоборцы отвергаютъ будущую жизнь, священство, обряды и иконы; церковь для нихъ—собраніе хорошихъ людей, хотя бы то были турки или евреи; у нихъ не существуетъ ни сословнаго, ни половаго первенства. Духоборцы не признаютъ властей, не присягаютъ, не идутъ на войну; они нерѣдко возставали и были ссылаемы. Въ 1780-хъ годахъ изъ духоборцевъ выдѣлились *молокане*, благодаря зятю Побирохина, Уклеину. Они признаютъ Евангеліе и начальное христіанство, которое, по ихъ мнѣнію, испорчено соборами и отцами церкви; у нихъ есть пресвитеры и даже епископъ. Въ остальномъ молокане—тѣ же духоборцы. У тѣхъ и другихъ постепенно образовались разные толки. Съ присоединеніемъ польскихъ земель возникъ *католическій* вопросъ. Тамъ было до 200 іезуитовъ съ 6 коллегіями, со многими „миссіями и резиденціями". Они стали льстить Екатеринѣ и Потемкину, тѣмъ болѣе, что тогда папа уничтожилъ ихъ орденъ; Екатерина, не любившая притязаній папства, признала іезуитовъ, но для русскихъ католиковъ учредила особую митрополію въ Могилевѣ, съ врагомъ іезуитовъ, *Сестренцевичемъ*, во главѣ; притомъ подчинила эту митрополію сенату и запретила ей сноситься съ Римомъ. Въ подобное же положеніе поставили уніатовъ, которые также образовали особую церковь, съ своимъ архіепископомъ въ Полоцкѣ. Вскорѣ папство примирилось съ іезуитами и задумало черезъ нихъ обратить Россію въ католичество. Чтобы попасть въ Петербургъ, іезуиты вошли въ связи съ академіей, куда стали возить свои ученые труды; а папа прислалъ нунція. Но Екатерина поняла интригу, унизила нунція и стала стѣснять іезуитовъ. При Павлѣ надежды папства оживились: оно старалось обратить Россію еще съ помощью мальтійскаго ордена. Павла очаровалъ нѣмецкій іезуитъ, *Груберъ*, который поселился во дворцѣ, такъ какъ умѣлъ угодить всѣмъ и убѣдить въ необходимости іезуитовъ для искорененія революціонныхъ идей. Вскорѣ пострадали враги іезуитовъ, въ особенности Сестренцевичъ; а іезуиты стали управлять католическою церковью въ Россіи, захватили ея богатые капиталы и получили разрѣшеніе основывать коллегіи и

резиденціи. Въ Петербургѣ образовалась главная, роскошная коллегія, которая старалась привлекать къ себѣ дѣтей не только польской, но и русской знати.

§ 222. **Нравы.**—Въ нравственномъ отношеніи успѣхи были слабы. Смягченіе нравовъ замѣтно только наверху. Екатерина I ограничила кулачные бои; Петръ II запретилъ вывѣшивать тѣла казненныхъ на столбахъ и уничтожилъ Преображенскій приказъ. Только при Аннѣ было много шутовъ, устраивались унизительныя потѣхи (§ 200), нещадно били кошками лакеевъ, за быструю ѣзду господъ, и кадетъ за мелкіе проступки; четвертовали Волынскаго, возстановили правежъ и Преобр. приказъ, подъ видомъ канцеляріи сыскныхъ дѣлъ. Но зато вслѣдъ затѣмъ особенно сказалось смягченіе нравовъ, благодаря франц. вліянію. Елизавета устранила шутовъ и отмѣнила (хотя не закономъ, а на дѣлѣ) смертную казнь и пытку. Она запретила наказывать малолѣтнихъ, преслѣдовать раскольниковъ, насильно крестить инородцевъ, бить кнутомъ за описки въ императорскомъ титулѣ и за ложное сказываніе слова и дѣла; было запрещено даже держать медвѣдей въ столицахъ. Екатерина уже отличалась сознательною гуманностью. Она мечтала объ освобожденіи крестьянъ и запретила слово „холопъ“ въ прошеніяхъ; она говорила, что лучше отпустить 10 виновныхъ, чѣмъ наказать одного невиннаго, и что слова и даже письма не могутъ составлять оскорбленія величества; она твердила о равенствѣ всѣхъ гражданъ передъ закономъ. Даже у Павла, въ свѣтлыя минуты, проявлялась гуманность, а Петръ III снискалъ себѣ благодарную память у сектантовъ, точно также, какъ Марія Ѳедоровна осталась образцомъ монаршей благотворительности. Смягченныя черты встрѣчаемъ и въ высшемъ обществѣ, близкомъ ко двору. Иностранцы называли цесаревну Наталью (§ 197) „идеаломъ честныхъ людей“; еще болѣе высока героиня по страданіямъ изъ-за чувства долга, Наталья Шереметьева, которая послѣдовала въ Сибирь за Ив. Долгорукимъ (§ 197) и умерла въ монастырѣ, оставивъ симпатичныя записки. При Елизаветѣ, вмѣстѣ съ франц. рѣчью, явилась парижская благовоспитанность въ манерахъ, исчезло „ты“, возникли такіе европейскіе типы, по внѣшности, какъ Ив. Шуваловъ. А чувство собственнаго достоинства возрасло до того, что Ломоносовъ обидѣлся на того же Шувалова при малѣйшемъ признакѣ барства и написалъ ему: „у самого Господа Бога дуракомъ не буду“. При Екатеринѣ благовоспитанность уже дошла до того, что Орловы выдѣлялись своею грубостью, а Па-

нину сдѣлалось дурно при чтеніи описанія казни Волынскаго. Одинъ старый генералъ сказалъ при дворѣ: „какія недотыки нынѣ люди стали! Нельзя выбранить; а, бывало, палочьемъ дуютъ, дуютъ, да и слова сказать не смѣешь“. Впослѣдствіи говорили про гордыхъ сослуживцевъ Екатерины, что они „екатеринствуютъ“. Но все это было преимущественно внѣшнимъ лоскомъ. У себя дома, въ обращеніи съ семьей и особенно съ крѣпостными, вельможа сохранялъ азіятскія черты; его пріемныя комнаты и верхнее платье блестѣли, а спальни, дѣтскія и бѣлье были грязны и безпорядочны. Европейскій дипломатъ по манерамъ, Волынскій, избилъ писателя Тредьяковскаго. Ломоносовъ часто бывалъ пьянъ, причемъ расправлялся кулаками и грязно бранилъ академиковъ. При Екатеринѣ и Павлѣ царедворцы не гнушались и болѣе крупными дѣлами, руководясь злобой, дикой пылкостью, въ особенности же корыстолюбіемъ. То была жалкая интеллигенція, которая не подвигала правительства по пути прогресса, а задерживала развитіе страны. Она грубо спорила съ Екатериной изъ-за крѣпостнаго права и заставила ее измѣнить первую редакцію Наказа въ ретроградномъ смыслѣ. И все-таки Панинъ видѣлъ въ Наказѣ „аксіомы, способныя разрушить стѣны“; а сенатъ рѣшилъ, чтобы онъ былъ разосланъ только въ высшія учрежденія и лежалъ бы тамъ, какъ зерцало, которое могутъ читать только высшіе чины. Самый дворъ перенималъ отъ Европы не однѣ хорошія черты. Съ Анны развились роскошь, расточительность, легкомысліе и фаворитизмъ; при Елизаветѣ стала быстро распространяться карточная игра. Все это раззоряло дворянъ — и въ нихъ развивались алчность, казнокрадство, исканіе теплыхъ мѣстечекъ, а также эксплоатація крестьянъ, губившая деревни, между тѣмъ какъ господа проживались въ столицахъ. Въ провинціи господствовало кулачное право: не только чиновный обходился съ нечиновнымъ, какъ съ своимъ слугой, но старшій чинъ билъ младшаго, а военные угнетали статскихъ, такъ что послѣдніе, для самозащиты, старались называться соотвѣтственными, по табели о рангахъ, военными чинами. Здѣсь дворянъ особенно портило крѣпостное право, пріучавшее къ праздности и деспотизму. При Екатеринѣ II прославилась *Салтычиха*, которая обливала своихъ дворовыхъ кипяткомъ, припекала имъ уши раскаленными щипцами и въ 6 л. засѣкла до 100 душъ. Такъ какъ все богатство состояло въ крестьянахъ (даже взятки давались „душками“ на свозъ), то мелкопомѣстные нищенствовали,

иногда не имѣли платья; оттого они нерѣдко, даже при Екатеринѣ, составляли изъ своихъ крестьянъ разбойничьи шайки, а также продавали и укрывали краденое и бѣглыхъ. Послѣ „вольности", дарованной Петромъ III, дворянство окончательно погрязало въ порокахъ — и Екатерина постановила, что дворяне, не дослужившіеся до первыхъ чиновъ, лишаются выборныхъ правъ, а семья, не служившая въ теченіе трехъ поколѣній, совсѣмъ теряетъ дворянство. Понятно, каковы были провинціальныя власти, принадлежавшія къ тому же дворянству. Не лучше были нравы духовенства. Даже ученые попы не могли сочинять проповѣдей; остальные ограничивались, при поставленіи въ санъ, зубреніемъ букваря и особо изданной тетрадки. Оттого при Елизаветѣ мордва возстала отъ жестокости архіерея, назначеннаго для усиленнаго распространенія христіанства. При Екатеринѣ синодъ требовалъ пытки для Мировича и преслѣдованій раскольниковъ. Въ Сибири миссіонеры крестили пьяныхъ, потомъ подкидывали имъ „болвановъ" (идоловъ) или привозили въ постъ посуду, намазанную масломъ, и истязали туземцевъ, уличая ихъ въ отступленіи отъ православія. Въ Москвѣ, у церквей, толпились пьяные праздные попы для найма къ служенію, причемъ бранились и дрались между собой, и напрасно ихъ били плетьмъ за это. Купцы сами подрывали обманами торговлю съ азіятами; при Екатеринѣ II одинъ президентъ магистрата былъ атаманомъ разбойниковъ. Особенно тиранствовали заводчики: они нещадно били, за опаздываніе, крестьянъ, жившихъ иногда за нѣсколько сотъ верстъ, и заставляли покупать у себя все необходимое. О грубости низшаго класса можно судить по ужасамъ пугачевщины. Есть одно только указаніе на смягченіе нравовъ толпы. Она такъ досадовала на то, что голова Остермана только полежала на плахѣ, но не была отрублена, что ее пришлось усмирять войсками; а когда она, стоя на мосту, увидала голову Мировича въ рукахъ палача, то такъ содрогнулась, что мостъ поколебался и перила обвалились.

223. **Понятія.**—Въ умственной сферѣ сохранялись еще всѣ пережитки; но новыя понятія уже успѣшнѣе боролись съ ними, по крайней мѣрѣ въ интеллигентномъ кругу, который расширялся. Особенно сильны были національно-религіозная исключительность и недовѣріе къ просвѣщенію. Съ Петра II замѣчается даже легкій поворотъ къ старинѣ: верховники принадлежали къ старой знати; Ѳеофанъ подвергся нападкамъ; синодъ издалъ „Камень Вѣры" (§ 192), — это знамя реакціи; принимались

крайнія мѣры противъ перехода смоленской шляхты въ католицизмъ. При Аннѣ Ѳеофанъ одержалъ верхъ надъ стариной, но лишь особымъ стараніемъ выказаться вполнѣ православнымъ. Тогда же стали преслѣдовать разводъ; одинъ чиновникъ избилъ плетьми нѣмца за Лютера; флотскій капитанъ былъ сожженъ за переходъ въ еврейство, вмѣстѣ съ совратившимъ его евреемъ. При Елизаветѣ особенно развилась религіозная исключительность. Духовенство проповѣдовало, что нужно охранять древнее благочестіе отъ иновѣрцевъ — и солдаты били иностранцевъ. Архіереи преслѣдовали школы, тѣмъ болѣе, что въ нихъ все еще учили „черкасишки". Тогда ломали мечети у татаръ и даже упразднили армянскія церкви въ столицахъ; насильно крестили инородцевъ; распространяли „Камень Вѣры"; горячо вступались за диссидентовъ въ Польшѣ изъ однихъ религіозныхъ видовъ и чуть не поссорились съ Австріей изъ-за „трансильванскихъ жителей греческой вѣры". Елизавета штрафовала родителей, не учившихъ своихъ дѣтей катехизису; всегда оправдывала синодъ и возвратила ему доходы съ церковныхъ имуществъ, уничтоживъ коллегію экономіи. Тогда же установилась цензура: сенатъ сталъ просматривать академическія изданія, а синодъ — запрещать переводы не только богословскихъ, но и свѣтскихъ книгъ; однажды онъ арестовалъ въ таможнѣ фарфоровыя писанки съ изображеніемъ святыхъ. Наконецъ, Елизавета велѣла всѣмъ евреямъ выѣзжать изъ Россіи и, на замѣчаніе сената, что это погубитъ торговлю, отвѣчала: „отъ враговъ христовыхъ не желаю интересной прибыли". Съ Петра III правительство становится вѣротерпимо. Но суевѣрія и недовѣріе къ наукѣ сохранялись въ теченіе всего періода, отчасти даже въ высшемъ обществѣ. При Аннѣ, пятнистый тифъ въ Москвѣ объясняли тѣмъ, что ночью привели на спящихъ людей слона изъ Персіи; Татищева считали еретикомъ за его познанія; военныя власти обращали лекарей въ своихъ камердинеровъ и парикмахеровъ. При Елизаветѣ генералы вѣрили въ колдуновъ и архіереи запечатывали медикаменты; а народъ, при переписи, даже въ Москвѣ прятался, разбѣгался, или избивалъ ревизоровъ. Во время чумы 1770 г. москвичи бунтовали противъ разумныхъ мѣръ врачей, полиціи и Амвросія, который стоялъ за регламентъ, воспрещавшій чудеса; они избѣгали карантиновъ и осмотровъ, тайно хоронили чумныхъ на дворахъ, чтобы скрыть ихъ платье, требовали распечатать бани. Книги издавались только правительствомъ и не покупались; ихъ частью дарили служа-

щимъ, частью отдавали въ счетъ жалованья или приказывали покупать купцамъ. Но рядомъ укрѣплялись новыя понятія, которыя вторгнулись въ нашу жизнь при Петрѣ I и вызывали умственное движеніе, даже борьбу разныхъ взглядовъ. Если сначала возобладали „старые русскіе", захватившіе въ свои руки верховный тайный совѣтъ, то при Аннѣ новое направленіе уже доказало свою силу. Оно сосредоточивалось въ *ученой дружинѣ*, главою которой былъ Ѳеофанъ, а первыми бойцами Кантемиръ и Татищевъ—всѣ трое противники ограниченія самодержавія верховниками; его поддерживали протестанты (нѣмцы). Во главѣ старины стояли друзья Яворскаго, издавшіе теперь его „Камень Вѣры"; ее поддерживали католики. Новизна одолѣла: защитники „Камня Вѣры" попали въ казематы и въ Сибирь; правительство стало исполнять мѣры Петра противъ духовенства; *Кантемиръ*, во имя науки и Петра, казнилъ въ сатирахъ священство и старую знать. Такими же взглядами отличался *Татищевъ*. Выставляя идеаломъ Петра, онъ горячо изобличалъ роскошь, бездѣльничанье и лицемѣріе придворныхъ, зловредность монаховъ, облыжность купцовъ; онъ требовалъ учить крестьянъ грамотѣ, щадить ихъ силы, имѣть въ деревнѣ лекаря и аптеку; женщину онъ считалъ „не рабой, а товарищемъ и помощницей", и указывалъ примѣръ молодой жены, которая долго, но тщетно заботилась обучить своего мужа. При Аннѣ же видимъ крупнаго представителя новизны въ политикѣ—*Волынскаго*, на могилу котораго многіе приходили при Екатеринѣ. Елизавета, не смотря на свою набожность, насаждала европейскую образованность: она сама писала стихи, также какъ и Ив. Шуваловъ, который учился риторикѣ у Ломоносова и не разставался съ книгой. Эта образованность — французское *просвѣщеніе*, полное понятій новыхъ даже для Запада. Русскіе увлекались даже крайностями новаго направленія—книгой Гельвесіуса; а Вольтеръ сталъ царемъ нашей интеллигенціи. Въ *Моск. Вѣд.*, рядомъ съ главными политич. извѣстіями, сообщались распоряженія Вольтера относительно своей воспитанницы; его сдѣлали почетнымъ членомъ академіи наукъ; дали ему матеріалъ для исторіи Петра, и когда она вышла, послали автору шубы. Даже мелкіе помѣщики и чиновники читали „господина Вольтера", сидѣли въ „вольтеровскихъ креслахъ", гордились названіемъ „вольтеріанцевъ"; невѣріе распространялось отъ унтеръ-офицеровъ гвардіи до оберъ-прокуроровъ синода. Тогда же воспитывалась Екатерина на Вольтерѣ, Монтескье, Дидро, Даламберѣ и Беккаріи.

Вступивъ на престолъ, она завела переписку съ Вольтеромъ и др.; предлагала издавать „Энциклопедію“ Дидро, запрещенную въ Парижѣ; призывала Даламбера „со всѣми его друзьями“ воспитывать Павла; дорого купила у Дидро библіотеку, не взявши ея, и назначила ему пенсію. Екатерина хотѣла быть не только „философомъ на тронѣ“, но и вождемъ всего „просвѣщенія“; на первыхъ порахъ она думала перестроить всю Россію по „аксіомамъ“ новой философіи, какъ свидѣтельствуетъ „Наказъ“. Это направленіе стало тогда душой интеллигенціи и привело къ началу самосознанія—къ господству сатиры въ литературѣ. При Екатеринѣ уже являются такіе просвѣщенные іерархи, какъ Платонъ, Амвросій, Сѣченовъ. Въ массу народа не проникали новыя понятія путемъ литературы за ея безграмотностью. Но они развивались въ ней путемъ сектъ, изъ которыхъ важны, въ этомъ смыслѣ, духоборцы.

§ 224. **Просвѣщеніе.**—Просвѣщеніе развивалось въ духѣ Петра, хотя сначала медленно, отчасти вслѣдствіе скудости средствъ: такъ, для сокращенія расходовъ, соединяли свѣтскія школы съ церковными, и академія наукъ дѣлилась своею типографіей съ синодомъ. Екатерина I открыла *академію наукъ*, по плану Петра (1725), пригласивъ иностранныхъ ученыхъ. При Петрѣ II исполнилась другая мысль преобразователя: посланный имъ *Берингъ* открылъ, что Азія не соединяется съ Америкой. До Елизаветы прибавилось мало школъ, и то только для дворянства. При Петрѣ II были устроены школы при монастыряхъ въ Смоленскѣ, чтобы шляхта не учила своихъ дѣтей у католиковъ; а Анна основала шляхетскій *кадетскій корпусъ* съ гимназическимъ отдѣленіемъ, чтобы готовить дворянъ къ военной и гражданской службѣ. Преподаваніе вообще было жалкое. Въ слав.-лат. академіи, гдѣ учителями были монахи, царствовала схоластика и не было библіотеки. Въ свѣтскихъ школахъ было запустѣніе: то родители не отдавали дѣтей, то ученики разбѣгались отъ тиранства и бездарности педагоговъ, нерѣдко пьяницъ и даже убійцъ. Дѣвочекъ же совсѣмъ негдѣ было учить: домашнее воспитаніе ограничивалось сельскимъ пономаремъ или же иностранцемъ-лакеемъ, парикмахеромъ, комедіантомъ, ссыльнымъ. Печально было и положеніе академіи наукъ. Ею заправляла канцелярія, во главѣ которой стоялъ Шумахеръ, невѣжа и интриганъ, который привлекъ къ себѣ дворъ услужливостью и угнеталъ ученыхъ, представляя ихъ людьми „безпокойными“; такъ какъ, сверхъ того, между академиками царствовали раз-

доры, доходившіе до драки, то многіе изъ нихъ возвратились за-границу. Академія вовсе не занималась обученіемъ дѣтей: ея университетъ и гимназія бездѣйствовали. Она больше помогала европейской наукѣ, чѣмъ Россіи: издавала только лат. „Комментаріи", а для народа только календарь да нѣкоторые переводы. При Елизаветѣ просвѣщеніе замѣтно двинулось впередъ. Въ академіи наукъ появились уже русскіе ученые, съ Ломоносовымъ во главѣ; къ сожалѣнію, имъ приходилось вести тяжелую борьбу съ нѣмцами, въ особенности же съ Шумахеромъ, причемъ опять многіе академики уѣхали за-границу, а Ломоносовъ сидѣлъ „колодникомъ" подъ арестомъ. Вообще академики горячо отстаивали свою независимость, держали себя гордо передъ канцеляріями и требовали самоправленія. Но академія, развиваясь какъ ученое учрежденіе, забывала о своей учебной задачѣ; а кадетскій корпусъ, родъ гимназіи и университета, долженъ былъ учить не только наукамъ, но и военному дѣлу. Отсюда потребность въ отдѣльныхъ высшихъ и среднихъ школахъ. Въ 1755 г. явился *московскій университетъ* — дѣло Ломоносова и Ив. Шувалова. Онъ назначался для всѣхъ русскихъ, кромѣ крѣпостныхъ. Профессора были одарены льготами и подчинялись только сенату и университетскому суду. Они составляли 3 факультета (философскій, юридическій и медицинскій) и должны были читать лекціи только на рус. или лат. яз. Студентамъ давали чины, льготы и и другія поощренія. При университетѣ устроили библіотеку, типографію и книжную лавку: до тѣхъ поръ была только академическая лавка въ Петербургѣ. Тотчасъ же явились частныя пожертвованія на университетъ, и публика, даже дамы стали ходить на *публичные курсы*, открытые нѣкоторыми профессорами. Университетъ сталъ центромъ умственнаго оживленія той эпохи и чисто русскимъ учрежденіемъ; даровитые студенты отправлялись за-границу и занимали потомъ каѳедры. При университетѣ основали 2 *гимназіи*, одну для дворянъ, другую для разночинцевъ; потомъ была устроена гимназія въ Казани. На первыхъ порахъ профессорами были иностранцы, а учителями въ гимназіяхъ — пьяницы, буяны и невѣжи. Спеціальныхъ школъ было мало (морская, артиллерійская, инженерная и медицинская), и онѣ едва существовали отъ недостатка учителей и учениковъ. При Елизаветѣ появились частные пансіоны иностранцевъ, такихъ невѣждъ, что вскорѣ вышелъ законъ объ экзаменѣ для полученія диплома на званіе домашняго учителя. Тогда же русскіе вновь стали стремиться за-границу для ученія и покупать

тамъ себѣ библіотеки: изрѣдка ѣздили даже купцы; правительство отправляло даже въ Англію семинаристовъ обучаться богословію. При Екатеринѣ развивался планъ просвѣщенія, начертанный Петромъ и Елизаветой. Возникло два ученыхъ общества — *Вольное Экономическое* и *Новиковское*. Объ университетахъ Екатерина думала, но отложила ихъ прибавленіе. Она обращала особенное вниманіе на среднее и низшее образованіе, хотя и здѣсь сдѣлала мало, за недостаткомъ средствъ (§ 209). При ней роль Ив. Шувалова игралъ Бецкій, который долго прожилъ во Франціи и былъ близокъ къ вождямъ „просвѣщенія". Педагогическій идеалъ Екатерины ясенъ изъ словъ Бецкаго: „Петръ I создалъ людей въ Россіи, Екатерина влагаетъ въ нихъ души", т.-е. даетъ имъ не прикладное знаніе, а общее образованіе. Въ гимназіяхъ предполагалось преподавать математику, естествознаніе, словесность и искусства. Взглядъ Екатерины виденъ также изъ ея заботъ о воспитаніи Павла. Его главнымъ учителемъ былъ математикъ *Порошинъ*, оставившій записки. Порошинъ былъ даровитъ, зналъ языки, любилъ вождей „просвѣщенія", старался увлечь ученика сочиненіями Монтескье, Вольтера, Гельвесіуса. Религіозное образованіе Павла было поручено Платону. Впрочемъ, черезъ 4 г. Порошинъ былъ внезапно и безпричинно удаленъ и вскорѣ умеръ.

§ 225. **Характеръ письменности до Екатерины II.** — Литература этого періода отличается полнымъ подавленіемъ церковнаго интереса *свѣтскимъ*. Если сначала церковная письменность и имѣла нѣкоторое значеніе, то лишь по своей связи съ политикой. Именно была борьба изъ-за „Камня Вѣры", какъ знамени старины. Это сочиненіе не было напечатано при Петрѣ I, потому что Яворскій былъ врагомъ Ѳеофана. Потомъ, при временномъ усиленіи старины, стали кричать объ „освобожденіи" книги и едва не возстановили патріаршества, въ лицѣ Яворскаго, а Ѳеофана притѣсняли. Но „Камень Вѣры" былъ изданъ (1728), уже по смерти автора, его пріятелемъ *Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ*. При Аннѣ настало господство протестантовъ: они писали за-границей противъ книги; а дома разстригали и заключали Ѳеофилакта и его друзей. Оттого русскіе восторженно отнеслись къ Елизаветѣ, которая освободила Ѳеофилакта и „Камень Вѣры": проповѣдники, съ *Сѣченовымъ* во главѣ, открыто и страстно громили политику Анны, называя по именамъ „сатану и всѣхъ его ангеловъ". Но то же самое говорила свѣтская письменность — Кантемиръ, Ломоносовъ, Тредьяковскій, Сумароковъ.

Всюду вспоминали Петра, какъ „воскресеніе, пробужденіе, пакибытіе“ Россіи; его „дщерь“ прославляли, какъ просвѣщенную патріотку, начиная академическими рѣчами, кончая надписями на иллюминаціяхъ. На первый планъ выдвинулась *сатира*, слѣды которой были уже въ народныхъ пѣсняхъ, въ интермедіяхъ и у Ѳеофана. Она была вызвана борьбой новизны со стариной: пробужденный Петромъ умъ русскій становился на стражѣ просвѣщеннаго патріотизма въ борьбѣ съ домашнимъ невѣжествомъ и съ эгоизмомъ иноземцевъ. Отецъ нашей сатиры, *Кантемиръ*, жилъ въ до-елизаветинскую эпоху, когда тяжелѣе всего приходилось національному просвѣщенію († 1744). Человѣкъ европейски образованный, долго жившій въ Лондонѣ и Парижѣ, другъ Монтескье, живой, но болѣзненный Кантемиръ всей душой стоялъ за идею Петра и сталъ отцомъ „ученой дружины“, которая была загнана стариной. Для него ни откуда „не было свѣта: все ненастье“, и онъ „не могъ ни хвалить, ни молчать“. Кантемиръ оплакивалъ „ободранную науку“ и безпощадно клеймилъ духовенство съ его обрядностью и суевѣріями (особенно „Камень Вѣры“) да „нахаловъ съ мѣднымъ лицомъ, воспитанныхъ съ псарями“ (знать, особенно Ив. Долгорукова), а также „квасной“ патріотизмъ. Его сатиры ходили по рукамъ анонимно, въ рукописяхъ. Онѣ не столько поэтичны, сколько умны и правдивы; написаны онѣ силлабическимъ стихомъ и безъ паѳоса. Это французскій *ложный классицизмъ* (§ 158) по формѣ, но чисто-русскія творенія по содержанію и благородному патріотизму. Сатирическое направленіе, и съ тѣми же самыми идеями, проходитъ по всей литературѣ того періода: не говоря про второго сатирика, Сумарокова, оно ясно у Ломоносова, Тредьяковскаго, Татищева, а также въ журналахъ. По своимъ задачамъ, это та же *публицистика*, начавшаяся въ Россіи уже при Иванѣ IV (§ 143). Во главѣ публицистовъ стоялъ *Татищевъ* († 1750), человѣкъ также образованный, жившій за-границей. Служа, по горному дѣлу, въ Сибири и на Волгѣ или въ Швеціи, онъ вездѣ неутомимо работалъ на пользу Россіи, проповѣдуя необходимость науки, школъ, очищенія рус. языка. Это — также патріотъ, но просвѣщенный, руководимый критикой: въ его историческихъ трудахъ живыя выходки противъ духовенства и невѣжества. Среди публицистическихъ статей Татищева выдаются: „Разсужденіе“ противъ верховниковъ (§ 198) и „Экономическія записки“, гдѣ много свѣтлыхъ мыслей о крестьянствѣ. Къ публицистикѣ относятся, по содержанію, оды Ломоносова: ихъ идея—научное

и національное развитіе Россіи, ея роль на Вост. и Зап., значеніе Ивана IV, Петра и Елизаветы; это — смѣлые совѣты правительству. Такое же значеніе имѣютъ его письма къ Шувалову, особенно о размноженіи населенія, гдѣ вѣрно указаны причины побѣговъ крестьянъ и раскольниковъ и вредъ отъ постовъ. Во всѣхъ журналахъ обращалось большое вниманіе на вопросы публицистики.

§ 226. **Русскій языкъ и словесность.** Кромѣ сатиры, для борьбы со стариной необходимо было орудіе просвѣщенія—письменный яз. и литературная форма. *Русскій языкъ* становился книжнымъ лишь съ Петра I, который требовалъ переводить именно не на церк.-славянскій (§ 148): на немъ уже писались тогда правительственныя и дѣловыя бумаги, отчего его называли „языкомъ посольскаго приказа". Но при Петрѣ ученые еще гнушались этимъ „подлымъ" (народнымъ) языкомъ, да еще искажали его полонизмами и латинизмами: они приходили изъ ю. и з. Россіи. Но затѣмъ друзья преобразованій сознательно потребовали развитія и очищенія рус. яз.: славянскій становился непонятенъ и „жестокъ ихъ ушамъ". Татищевъ всегда писалъ „Екатерининскъ" вм. „Екатеринбургъ"; даже Остерманъ старался писать болѣе чистымъ, петровскимъ языкомъ. Первый изъ русскихъ профессоровъ въ моск. университетѣ, Поповскій, возсталъ даже противъ латыни, утверждая, что „нѣтъ мысли, которой нельзя бы-было передать по-русски". При Аннѣ въ академіи образовалась особая конференція изъ переводчиковъ для обработки русскаго яз. и слога, подъ именемъ *Россійскаго Собранія.* Во главѣ ея стоялъ первый академикъ изъ русскихъ, *Тредьяковскій*—почтенная личность, птенецъ Петра, по своимъ стремленіямъ. Онъ бѣжалъ изъ дому, изъ Астрахани, чтобы учиться въ Москвѣ, потомъ въ Голландіи, откуда онъ пѣшкомъ пробрался въ Парижъ; возвратившись, онъ много претерпѣлъ, его бранили, били; подобно Ломоносову, онъ съ трудомъ попалъ въ академію, и то благодаря двору, и потомъ былъ вытѣсненъ нѣмцами, съ которыми горячо боролся. Но Тред. все сносилъ изъ жажды знанія и изъ желанія просвѣщать Россію. Онъ зналъ языки; обладалъ многостороннею ученостью; иногда нищенствовалъ, истративъ все свое жалованье на изданіе книгъ. Тр. былъ жалокъ, какъ „піита", какъ творецъ „Телемахиды" и похвальныхъ одъ, надъ которыми онъ „много пролилъ пота"; но когда онъ начиналъ, другаго русскаго писателя не было. Переводы же его весьма полезны, и они выше другихъ по вѣрности и

точности. Его ученые труды отличаются здравымъ смысломъ и мѣткими взглядами. Тр.—*творецъ русскаго яз. въ теоріи:* онъ потребовалъ писать свѣтскія книги разговорнымъ языкомъ и замѣнить силлабическое стихосложеніе, принесенное малороссами, тоническимъ, сохранившимся въ народныхъ пѣсняхъ. Но *творцомъ русскаго языка на практикѣ* былъ *Ломоносовъ* († 1765), сынъ холмогорскаго рыбака, бѣжавшій 20-ти л. въ Москву для ученія. Онъ 5 л. учился въ заиконоспасской школѣ, питаясь хлѣбомъ съ квасомъ и нося отъ товарищей имя „большаго болвана". При Аннѣ его послали, для горнаго дѣла, въ Германію, откуда онъ прислалъ „Оду на взятіе Хотина", которая составила эпоху въ исторіи русской письменности: то было первое приложеніе идей Тредьяковскаго о русск. яз. и тоническомъ размѣрѣ. По возвращеніи изъ-за-границы, Ломоносовъ, тѣснимый нѣмцами, съ трудомъ сталъ академикомъ по каѳедрамъ естествознанія и словесности. Тогда людей было мало, и раздѣленія труда не существовало; естественникъ по призванію, Ломоносовъ постоянно трудился, какъ литераторъ, и принесъ здѣсь много пользы. Онъ написалъ первую граматику и риторику на русск. яз. и участвовалъ въ составленіи рус. лексикона. Какъ ораторъ, обладавшій смѣлостью и громкимъ голосомъ, онъ произносилъ академическія рѣчи на актахъ, которыя были литературными произведеніями, и первый открылъ *публичныя лекціи* (по физикѣ) на рус. яз., который отличается у него точностью и выразительностью. Особенно хорошъ этотъ языкъ въ *одахъ*, которыя отличаются легкостью и благозвучіемъ стиха, иногда годнаго и для нашего времени. За нихъ Ломоносова называли „русскимъ Пиндаромъ" и „отцомъ россійской словесности". Эти оды—ложный классицизмъ по формѣ, хотя въ нихъ и встрѣчаются проблески истинной поэзіи; но онѣ высоки по содержанію. Здѣсь сказался благородный характеръ и патріотизмъ автора: это—упорная защита русской науки и горячая вѣра въ нее, а также обличеніе невѣжества, особенно духовенства. Борьба съ нѣмцами и завистниками доводила этотъ гордый духъ до нахальства, а въ патріотизмѣ онъ доходилъ до фанатизма. Какъ литераторъ, съ Ломоносовымъ могъ соперничать только *Сумароковъ* († 1777). Придворный человѣкъ, воспитанникъ корпуса, онъ началъ съ эротическихъ пѣсенокъ, которыя пѣлись знатными дамами; затѣмъ появилось много его трагедій, комедій, басенъ (изъ Лафонтена), журнальныхъ статей. Все это было написано живо, искренно; стихи отличались легкостью и остро-

уміемъ. Тогда энциклопедизмъ былъ важнѣе учености. Требовалась популяризація знаній и идей, и Сумароковъ сталъ кумиромъ общества: его стихи заучивались наизусть; его драмы привлекали много зрителей. Онъ заслуживалъ этого, какъ поборникъ прогресса, не смотря на то, что его драмы — ложный классицизмъ по формѣ, и его называли „россійскимъ Расиномъ". У него всюду умная сатира, полная огня и современнаго интереса; это—общественная критика той эпохи и публицистика въ подраженіе Вольтеру. Его главные враги—невѣжи и суевѣры, „крапивное сѣмя, хамово отродье" (подъячіе), „напудренныя скотины-петиметры" (свѣтскіе франты и французоманы до обезьянства), педанты (даже Ломоносовъ, какъ риторъ). Съ именемъ Сумарокова связано также основаніе *русскаго театра*. При Аннѣ были только итальянская опера съ балетомъ да нѣмецкая труппа, которая, съ воцареніемъ Елизаветы, замѣнилась французскою. Но въ Ярославлѣ даровитый купецъ *Волковъ* завелъ домашній театръ. Его труппу привезли въ Петербургъ, поучили въ корпусѣ—и въ 1756 г. явился русскій императ. театръ, подъ дирекціей Сумарокова. Сумароковъ уже прежде ставилъ свои трагедіи въ корпусѣ съ помощью кадетовъ. Такъ какъ онъ началъ нашу драматургію (трагедіей „Хоревъ", 1747), то его назвали „установителемъ русскаго театра". При Елизаветѣ уже явились „комедійные дома" въ Петербургѣ и Москвѣ.

§ 227. **Наука и журналистика.** — Наука сразу привилась, благодаря усиліямъ Петра I. При Елизаветѣ выдвинулся русскій ученый, затмившій первыхъ, иностранныхъ, ученыхъ въ Россіи. Пушкинъ мѣтко назвалъ *Ломоносова* „первымъ нашимъ университетомъ". Ломоносовъ имѣлъ значеніе даже въ европейской наукѣ: онъ развилъ теорію Франклина объ эликтричествѣ, и Эйлеръ сказалъ про него: „нынѣ такіе умы весьма рѣдки". Ломоносовъ былъ рѣдкимъ ученымъ энциклопедистомъ: любя особенно физику и химію, онъ много сдѣлалъ также въ минералогіи, металлургіи, астрономіи. Онъ считалъ необходимымъ для тогдашней Россіи быть въ одно время и теоретикомъ, и практикомъ: вмѣстѣ съ важными изслѣдованіями, онъ приготовлялъ простые матеріалы (водки, соли, краски); завелъ фабрики цвѣтныхъ стеколъ и мозаики; составлялъ планы географическихъ экспедицій, а также географическій и статистическій атласъ Россіи; училъ пробирному искусству; его ученики измѣряли наши земли; ему же принадлежитъ мысль о проходѣ въ Америку по

сѣв. океану. Ломоносовъ все стоялъ за „естественныхъ вещей познаніе, ибо въ пространной Россіи хранятся неоцѣненныя сокровища“; а незадолго до него Крижаничъ считалъ естествознаніе „дьявольскою ересью“. Въ то же время Ломоносовъ занимался русскою филологіей и исторіей и руководилъ академическимъ университетомъ и гимназіей. Науки нравственныя развивались слабѣе естественныхъ. Наиболѣе занимались *русскою исторіей*. „Древняя росс. исторія“ Ломоносова — самое слабое изъ его произведеній: она полна ложнаго патріотизма и риторства. Главнымъ историкомъ былъ *Татищевъ* (§ 225): его „Исторія россійская“ — дѣльный сводъ лѣтописей съ примѣчаніями, идея которыхъ та, что умъ есть двигатель исторіи; здѣсь устранено много суевѣрныхъ толкованій и данъ богатый матеріалъ, съ трудомъ собранный дома и заграницей; здѣсь впервые оцѣненъ Несторъ и сохранены извѣстія изъ погибшихъ лѣтописей. Такъ какъ въ трудѣ Татищева не было „сладкорѣчія“, а были выходки противъ духовенства, то онъ не былъ изданъ при жизни автора. Академикъ *Байеръ* первый высказалъ мнѣніе о скандинавскомъ происхожденіи варяговъ, въ отпоръ которому Тредьяковскій и Ломоносовъ выставили патріотическое ученіе о славянскомъ происхожденіи Руси. Другой нѣмецъ, любившій Россію, гордый и даровитый *Миллеръ*, оставилъ болѣе глубокій слѣдъ. Онъ 10 л. изучалъ Сибирь, собралъ много матеріаловъ для исторіи и географіи Россіи, написалъ много полезныхъ журнальныхъ статей, хотя ему мѣшала цензура. Онъ поддерживалъ норманскую теорію, за что̀ много претерпѣлъ отъ крайнихъ патріотовъ, въ томъ числѣ отъ Ломоносова. Миллеръ почиталъ Татищева и продолжалъ его исторію (съ Годунова): его трудъ — первый опытъ новой русской исторіи, съ критической оцѣнкой лицъ и событій. Миллеръ выписалъ, въ помощь себѣ, *Шлёцера*, человѣка очень ученаго и даровитаго, который поставилъ русскую исторію на научную почву: онъ требовалъ критики частностей, знанія визант. литературы и слав. нарѣчій; онъ же требовалъ краткаго изложенія наукъ для народа и самъ составилъ первые учебники русской географіи и статистики. *Записокъ* современниковъ, этого важнаго подспорья исторіи, было мало. Къ первой половинѣ 18 в. относятся симпатичныя записки *Натальи Долгорукой* (§ 222) и горячаго приверженца Петра I, *Неплюева*. При Елизаветѣ писали неподкупный *Шаховской* (§ 203) и майоръ *Даниловъ*, обрисовавшій воспитаніе помѣщика при Аннѣ (типы Простаковой и Митрофанушки). Началомъ нашей журналистики были

Ежемѣсячныя Сочиненія Миллера (1754)—первый „толстый", учено литературный журналъ, въ которомъ участвовали Ломоносовъ, Сумароковъ, Суворовъ; не смотря на стѣсненія, это былъ полезный сборникъ разнообразныхъ статей, на подобіе англійскихъ журналовъ; онъ имѣлъ большой успѣхъ. Съ 1756 г. при моск. университетѣ стали издаваться *Моск. Вѣдомости* — скучный, офиціальный органъ, не имѣвшій успѣха. Вслѣдъ затѣмъ появились *Трудолюбивая Пчела* Сумарокова, *Полезное Увеселеніе* Хераскова и нѣсколько др. журналовъ, на подобіе „Ежемѣс. Соч". Всѣ они существовали недолго. Лучше всѣхъ была „Пчела", выказавшая всѣ достоинства таланта Сумарокова, но скоро погибшая отъ цензуры академиковъ, которыхъ она называла „блохами". Ко времени Екатерины II образовалось много разнообразныхъ *переводовъ:* тутъ видимъ Цицерона и Марка-Аврелія, Вобана и Гуго-Гроція, Роллена и Лесажа, Попе и Локка, Боссюета и Буало. При Елизаветѣ уже не одна академія съ университетомъ издавали переводы: правительство вызывало переводчиковъ черезъ газеты; книжныя лавки дѣлали имъ заказы, платя книгами. Особенно распространялись переводные романы — зло, противъ котораго уже возставалъ чуткій Сумароковъ.

§ 228. **Характеръ письменности при Екатеринѣ II.** — Съ воцаренія Екатерины началось небывалое умственное движеніе, которое особенно развивалось въ первую половину царствованія. Оно было плодомъ „просвѣщенія" и стремленій самой императрицы. Тогда каждый интеллигентный человѣкъ хотѣлъ быть „философомъ", а это значило благоговѣть передъ *наукой*, *филантропіей* (человѣколюбіе) и *свободой мысли*, иначе — горячо бороться съ предразсудками, суевѣріями и варварствомъ. Всѣ заботились о воспитаніи, которое должно было создать „санъ человѣка" — для дѣтей путемъ школъ, для взрослыхъ путемъ литературы: тогда возникла казенная система „народныхъ" школъ и не мало частныхъ, а также появилось много журналовъ (до 20). Здѣсь на первомъ планѣ стоятъ труды самой императрицы и Новикова. Екатерина высказывала свои воспитательные планы и прямо (Инструкція Салтыкову для обученія внуковъ), и въ своихъ учебникахъ и журнальныхъ статьяхъ (о рус. исторіи, о рус. сказкахъ и пословицахъ); Новиковъ составилъ, въ Москвѣ, *Дружеское Ученое Общество* (1782), цѣлью котораго было воспитаніе народа посредствомъ изданія книгъ и устройства училищъ. Такъ какъ въ Обществѣ были богатые люди, то оно арендовало типографію моск. университета; издало

много книгъ, которыя продавало дешево и разсылало даромъ по училищамъ; заводило школы для бѣдныхъ и книжныя лавки и типографіи по провинціямъ; устроило даровую публичную библіотеку; издавало журналы, въ томъ числѣ первый педагогическій (Дѣтское Чтеніе). Оттого даже въ провинціяхъ стали встрѣчаться образованные люди, которые или дѣлали мѣстныя изданія, или писали въ столичныхъ журналахъ. Начала работать умственно и *женщина:* жена Хераскова, дочь Сумарокова участвовали въ журналахъ; Екатерина печатала много дѣльнаго; Дашкова была главой академіи наукъ, сотрудничала въ журналахъ, оставила любопытныя записки на англ. яз. Литература развивалась быстро и всесторонне: явилась масса книгъ по разнымъ отраслямъ наукъ и словесности, и все увеличивалось число самостоятельныхъ произведеній. Во всѣхъ родахъ письменности возникли болѣе или менѣе крупные таланты. Направленіе сначала было почти одинакое у всѣхъ. Французская философія вліяла не въ силу одной моды: она подходила къ складу русскаго ума; ея основой былъ *реализмъ*, господство ума надъ чувствомъ и фантазіей, которое называли тогда *раціонализмомъ*. Если начиналось и *англійское* вліяніе, то въ лицѣ Локка, Попе, Адиссона, державшихся того же направленія; во главѣ этого вліянія стоялъ *Муравьевъ*—благородный Меценатъ, какъ попечитель моск. унив., учитель Александра I и товарищъ министра при немъ. Оттого съ Сумарокова уже осмѣиваютъ риторику „одохватовъ", не исключая Ломоносова, особенно въ сатирѣ Дмитріева „Чужой толкъ". Вообще тогда господствовала *сатира*. Она замѣтна всюду — какъ у поэтовъ, такъ и у ученыхъ, въ формѣ лиризма, драмъ, басенъ, журналовъ. Въ литературѣ сатира возставала противъ неестественности и склонялась къ народной простотѣ; она осмѣивала, рядомъ съ одами, героическій эпосъ, въ формѣ „ирои-комической поэмы" или пародіи (Энеида Котельницкаго и Котляревскаго; поэмы Майкова) съ героями-ямщиками, и возстала противъ ложно-классической драмы. Но болѣе всего сатира отличалась *публицистическимъ* характеромъ. Она сильнѣе и разумнѣе прежняго казнила общественные и даже политическіе пороки Россіи, въ особенности невѣжество и лжеобразованіе, т.-е. духовенство, чиновниковъ и петиметровъ. *Журналы* были попреимуществу сатирическіе и процвѣтали въ 1769—1774 г. Они напоминали изданія Миллера и Сумарокова даже по названіямъ (Трудолюбивый Муравей, Полезное съ Пріятнымъ и проч.); но сатира въ нихъ злѣе и трезвѣе, безъ

идеализаціи. Они стояли за русскую самобытность и за низшіе классы: оттого ихъ читали даже мѣщане, и ихъ успѣхъ былъ обширенъ. Лучшими были „Трутень“ и „Живописецъ“ Новикова; противъ обезьянства и искаженія русской рѣчи особенно возставала „Почта духовъ“ Крылова и Радищева.

§ 229. **Екатерина, Фонвизинъ, Капнистъ, Хемницеръ.**—Къ вождямъ литературы того времени должно отнести, прежде всего, императрицу. Екатерина долго не измѣняла принципу свободы мысли: въ 1783 г. вышелъ указъ, дозволявшій повсюду частныя типографіи, которыя были заведены даже по селамъ помѣщиками-писателями; цензура была постоянно легка. Реализму же Екатерина никогда не измѣняла: даже въ концѣ, при политической реакціи, она возставала противъ суевѣрій, въ формѣ мистицизма масоновъ; въ принципѣ стояла за просвѣщеніе; уважала англ. политическій строй. Екатерина важна и какъ писатель: это—умный, высокообразованный публицистъ на тронѣ, до того чуткій и живой, что наблюдательность иногда возмѣщала у него недостатокъ художественнаго таланта. „Наказъ“ былъ ея политическою, инструкція Салтыкову—педагогическою исповѣдью: здѣсь полное *вольтерьянство*—идеи энциклопедистовъ (§ 155), Локка и Руссо. Екатерина мечтала объ участіи народа въ управленіи; для этого она хотѣла освободить крестьянъ и создать „третій чинъ“ (среднее сословіе, самое дѣльное и образованное на Зап.). Она требовала создавать „людей“, а не спеціалистовъ, болѣе воспитывать умъ и волю, чѣмъ учить, и возставала противъ розги, убивающей самостоятельность ребенка и унижающей его. „Были и небылицы“—мѣткая и веселая сатира на высшее общество, съ англ. юморомъ. Комедіи Екатерины—такая же сатира, гдѣ уже выступаютъ типы будущихъ героевъ Фонвизина. Ея историческія драмы напоминаютъ Шекспира по формѣ: это протестъ противъ ложно-классической трагедіи въ пользу простоты и здраваго смысла. Во всѣхъ сочиненіяхъ Екатерины, не исключая дѣтскихъ сказокъ, въ основѣ лежатъ идеи „просвѣщенія“. Ту же задачу преслѣдовалъ умный и европейски образованный *Фонвизинъ* († 1792), отличавшійся большимъ талантомъ. Человѣкъ богатый, онъ часто бывалъ заграницей и собиралъ вокругъ себя литераторовъ. Въ своихъ глубокомысленныхъ сочиненіяхъ (особ. въ „Вопросахъ Екатеринѣ“) онъ требовалъ политической науки въ университетѣ, гласности суда, свободы слова и вѣрно осуждалъ недостатки Зап., благоговѣя предъ его просвѣщеніемъ. Его комедіи, „Не-

доросль" (1782) и „Бригадиръ", были мѣткою сатирой на общество, раскрывали пороки, какъ домашняго, такъ и ложно-европейскаго воспитанія. Онѣ пользовались небывалымъ успѣхомъ: имена ихъ героевъ стали нарицательными, а нѣкоторыя выраженія — ходячими. Не ниже „Недоросля" была „Ябеда" *Капниста* (1796), чисто русское твореніе по типамъ и языку; она бичевала сильнымъ, злымъ стихомъ всю администрацію; нѣкоторые стихи ходятъ и теперь, какъ пословицы („законы святы, да исполнители лихіе супостаты"). Менѣе таланта, но не менѣе сатиры въ комедіяхъ *Княжнина:* здѣсь тѣ же темы и типы Фонвизина, отчасти даже Гоголя; есть и нападки на сантиментальность, порожденную напыщенными эклогами и романами. Послѣ этихъ комедій слѣдуютъ, по силѣ сатиры, басни *Хемницера*, который много заимствовалъ у Лафонтена и Геллерта. Отецъ русской басни былъ человѣкъ крайне скромный, честный и правдивый; онъ бѣдствовалъ весь свой вѣкъ — и основная идея его трудовъ та, что дуракамъ и подлымъ счастье. Хемницеръ казнилъ „большихъ воровъ" и злодѣевъ „высшихъ степеней": поэтому скрылъ свое имя при изданіи своихъ басенъ (1779), отличіе которыхъ — простота, задушевность и горячее негодованіе.

§ 230. **Драма, опера, романъ.** — Реальное направленіе отразилось въ драмѣ. Между тѣмъ, какъ въ Петербургѣ Княжнинъ писалъ ложно-классическія трагедіи въ духѣ Сумарокова, въ Москвѣ обратили вниманіе на переворотъ въ зап. драмѣ Тогда въ Англіи, вмѣстѣ съ „семейными романами", появилась *мѣщанская трагедія* или *драма*, какъ протестъ противъ псевдоклассицизма. Она руководилась Шекспиромъ, искала простоты и будничной прозы, описывала бытъ низшихъ классовъ, доходя иногда до слезливости и растрепанности страстей. Она утвердилась также въ Германіи, благодаря Лессингу, Шиллеру и Гёте. У насъ сначала еще стояли за франц. вліяніе и называли Шекспира авторомъ „рынковъ и кабаковъ". Но потомъ, именно въ эпоху процвѣтанія сатирическихъ журналовъ, стали прославлять Шекспира: Карамзинъ называлъ его „натуры другомъ"; Екатерина подражала ему. Всѣ заговорили о необходимости создать „третій чинъ", среднее сословіе, и изображать нравы простыхъ русскихъ людей. Стали переводить Шекспира, Гете, Шиллера; потомъ подражать и передѣлывать на народные нравы. Переходомъ къ самобытнымъ пьесамъ служили *комическія оперы* крѣпостнаго *Матинскаго* („Гостинный дворъ"), *Княжнина* („Сбитеньщикъ") и *Аблесимова* („Мельникъ"); онѣ сопровождались

народными пѣснями и куплетами; актерами были подъячіе да фабричные. Публика ломилась на представленія; многіе куплеты (въ томъ числѣ изъ оперъ Екатерины) перешли на улицу; завелся-было народный театръ въ Петербургѣ, впрочемъ вскорѣ закрытый правительствомъ. Тогда же начали обращать вниманіе на народную поэзію—Екатерина на русскія пословицы, Чулковъ—на пѣсни и сказки, Львовъ—на мелодіи. Реализмъ проявился и въ *повѣсти* и *романѣ*, только-что возникшихъ тогда. Сначала они были переводные и писались то съ философскою или политическою цѣлью (Телемакъ), то ради поученія. Послѣдніе служили сатирѣ и были весьма популярны: „Приключенія маркиза Г. (Глаголя)“ читались даже низшими классами. Потомъ явились оригинальныя произведенія. Огромнымъ успѣхомъ пользовался „Евгеній или пагубныя слѣдствія дурнаго воспитанія“ *Измайлова*: тутъ всѣ герои Фонвизина и Капниста, а реализмъ доходитъ до цинизма,

§ 231. **Державинъ. Эпосъ. Наука.**—Новое направленіе видно даже въ старомъ литературномъ родѣ - въ торжественной лирикѣ. *Державинъ* († 1816) называется „пѣвцомъ Екатерины“ точно также, какъ Ломоносовъ—„пѣвцомъ Елизаветы“. Но этотъ горячій и словоохотливый сановникъ называется еще „установителемъ новаго вкуса“ въ стихахъ. Онъ покинулъ „пышное“ пареніе и миѳологическіе образы „одохватовъ“, сталъ воспѣвать болѣе просто, часто даже „забавнымъ русскимъ слогомъ“, сталъ „истину царямъ съ улыбкой говорить“: это особенно замѣтно въ „Фелицѣ“ (1782). У Державина вездѣ, рядомъ съ идеаломъ, сатира, какъ у Горація, котораго онъ придерживался. Его основная идея та же, что у другихъ сатириковъ того времени: онъ подавалъ благородные совѣты просвѣщенія и гуманности. Отъ ложно-классицизма осталось только излишество силы (гиперболизмъ), риторство и дидактизмъ: у Державина было слишкомъ много фантазіи и горячности, въ ущербъ широтѣ развитія и образованія. Онъ возводилъ въ герои фаворитовъ двора и впалъ въ мистицизмъ: писалъ, подъ конецъ, оды-проповѣди противъ науки и мрачныя подражанія Оссіану; Наполеонъ вышелъ у него апокалипсическимъ звѣремъ. Эти недостатки ложно-классицизма преобладали у отца нашего эпоса, *Хераскова*. Его „Россіада“ лишена поэзіи, высокопарна; только стихъ плавенъ: это—подражаніе Вергилію, Тассу, Буало. Идея Россіады—величіе Грознаго, взявшаго Казань - навѣяна греческимъ проектомъ (§ 212). Херасковъ важенъ, какъ благородная личность

и ученый Меценатъ: онъ издавалъ полезные журналы; будучи кураторомъ моск. университета, устроилъ при немъ „благородный пансіонъ“ и учительскую семинарію; помогалъ даровитымъ студентамъ, въ томъ числѣ Новикову; многіе писатели отдавали свои сочиненія, до печати, на судъ этому „старостѣ литературы“. Но въ одно время съ Россіадой явилась „Душенька“ *Богдановича*, вносившая реализмъ и въ эпосъ. Это пустая легкомысленная и лишенная поэзіи поэма; но она была передѣлкой „Психеи и Купидона“ Лафонтена, который переложилъ Апулеева „Золотаго осла“ на франц. нравы, замѣнивъ классическую миѳологію шутками и забавностью. Душенька—пародія на древнія вѣрованія, и она русская дѣвица. Это—первое крупное сочиненіе въ области легкой поэзіи, убивавшее напыщенность эпиковъ и одохватовъ простотой, игривостью, даже цинизмомъ содержанія, а также пріятностью и разнообразіемъ стиха, замѣнившаго тяжелый четырехстопный ямбъ и александрійскій стихъ. Отсюда громадный успѣхъ „Душеньки“: ее учили наизусть; нѣкоторые изъ ея стиховъ вошли въ пословицу. Въ *наукѣ* не было ничего крупнаго; но важны собранія матеріаловъ для всесторонняго изученія Россіи. Этимъ занималась академія. Она снарядила (1768—1774) 4 *экспедиціи* (Палласъ, Гмелинъ, Рычковъ), „Путевыя записки“ которыхъ представляютъ богатый запасъ свѣдѣній по географіи, статистикѣ, этнографіи и естествознанію нашего сѣвера, востока и юга. По мысли Дашковой, академія наукъ издавала полезный журналъ „Собесѣдникъ“, съ участіемъ Екатерины, Фонвизина, Державина и др., и напечатала 43 тома „Россійскаго ѳеатра“. Основанная при ней (1783) *Россійская академія*, подъ предсѣдательствомъ Дашковой, занималась очищеніемъ рус. языка и издала 6 том. „Словопроизводнаго словаря“. Академія наукъ оказала еще большія услуги Россіи своимъ *переводнымъ департаментомъ*: тогда вообще было переведено большинство древнихъ и новыхъ авторовъ, въ особенности франц. писателей 18-го в. и англійскихъ 17 и 18-го. Изъ частныхъ лицъ замѣтныя услуги наукѣ оказалъ *Новиковъ* своею „Древнею росс. Вивліоѳикой“ и „Словаремъ о росс. писателяхъ“. Онъ же и *Чулковъ* составили первые сборники русскихъ пѣсенъ.

§ 232. **Реакція и народность. Искусство.**—Просвѣтительное движеніе не прекращалось до конца періода, но постепенно ослабѣвало и вырождалось: наставала умственная *реакція*. Немного уцѣлѣло такихъ твердыхъ „философовъ“, какъ Екате-

рина; въ обществѣ же проявлялся умственный застой, вслѣдствіе искаженія, доведенія до крайностей выводовъ „просвѣщенія“. Такъ, въ педагогіи, возставая противъ схоластическаго „ученія“, требовали нравственнаго „воспитанія“; но это привело къ „благонравію“, къ „поведенію“ и вліянію духовенства, а также къ дурному мнѣнію о знаніяхъ, о наукѣ, и къ „закрытымъ“ школамъ для противодѣйствія „безнравственному“ вліянію семьи и общества. Замѣтивъ крайности раціонализма, приписали его вліянію легкость нравовъ—и отъ разумной сатиры на петиметровъ перешли къ отрицанію науки, къ пренебреженію зап. образованностью: познанія стали развратомъ, свобода мысли—вольнодумствомъ, космополитизмъ — бездѣльемъ; названіе „вольтерьянецъ“ стало браннымъ и небезопаснымъ; на мѣсто разсудка поставили чувство и фантазію, науку замѣнили суевѣріями, дошедшими до мистицизма въ лицѣ масоновъ. Въ силу реализма, справедливо обратились къ *народности* повсюду, но затѣмъ, негодуя на обезьянство, особенно на французоманію, стали впадать въ квасной патріотизмъ, восхваляя все домашнее и гнушаясь всѣмъ западнымъ, даже образованностью: какъ до Петра все чужеземное считалось ересью, такъ теперь — развратомъ и ложью. Екатерина и здѣсь оставалась вѣрна новому направленію: она полемизировала съ Западомъ и съ самимъ Вольтеромъ, но только защищая Россію отъ клеветъ иностранцевъ. Но уже въ заграничныхъ письмахъ умнаго Фонвизина проскользнула мысль о томъ, что на Западѣ нѣтъ ничего хорошаго, и Россія должна жить собственными силами: „мы начинаемъ, а они кончаютъ“, сказано тамъ. Впрочемъ, еще прославляли Петра, признавая, что нужно пользоваться европ. просвѣщеніемъ. Затѣмъ уже стали говорить (даже Дашкова), что реформа Петра, была вредна, такъ какъ до него наши предки отличались степенностью и добронравіемъ, которыхъ насъ лишили нѣмцы и французы. Этотъ взглядъ рѣзко высказалъ *Щербатовъ* (О поврежденіи нравовъ въ Россіи) и *Болтинъ* (Примѣчанія на „Русскую исторію“ Леклерка), такъ что Карамзинъ, въ своихъ путевыхъ запискахъ (1790), долженъ былъ выступить съ горячею защитой Петра I. Упорно держался этого взгляда Новиковъ и его кружокъ, связанный съ *масонствомъ*. Слабое начало масонства было еще при Аннѣ; но первая Великая Ложа, съ гросмейстеромъ Елагинымъ во главѣ, явилась въ 1772 г. Масонство утвердилось съ переселеніемъ Новикова въ Москву. Вмѣстѣ съ своимъ другомъ, профессоромъ мистической филосо-

фіи въ моск. университетѣ, *Шварцемъ*, онъ превратилъ Дружеское Общество въ центръ масонства. Они издали много „душеспасительныхъ“ книгъ и мистическихъ журналовъ; сочиненія Лопухина, Гамалеи, И. Тургенева были переведены на иностранные языки и высоко цѣнились зап. масонами. Все это было направлено противъ „вольномысленныхъ мудрецовъ“ и противъ иноземщины. Масоны стремились къ нравственному совершенствованію путемъ одного религіознаго чувства (они были деисты). Вскорѣ они дошли до крайняго мистицизма съ нелѣпой обрядностью, напоминая ученіе Кульмана (§ 189) и сливаясь частью съ берлинскими розенкрейцерами, иллюминатами и мартинистами, частью съ каббалистами, астрологами, алхимиками: тогда въ Россіи развелись спиритизмъ и месмеризмъ; тогда же пріѣзжалъ шарлатанъ *Каліостро*, пріобрѣвшій много поклонниковъ въ Петербургѣ. Лопухинъ и Новиковъ, который не зналъ языковъ и не кончилъ курса въ университетѣ, особенно возставали противъ астрономіи и химіи, какъ наукъ противныхъ Богу, и искали философскаго камня: они справедливо называли себя „невѣжами и самоучками“. Мистицизмъ доходилъ у нихъ до того, что появились ученыя сатиры противъ масонства со стороны раціоналистовъ; нѣкоторые даже покидали масонство, уважая лично его лучшихъ представителей. Екатерина, какъ философъ, писала противъ масонства; затѣмъ она выступила противъ него съ своею властью, хотя его догматомъ было повиновеніе власти. Она подчинялась духу *политической* реакціи, который овладѣвалъ тогда Европой, подъ вліяніемъ ужасовъ франц. революціи. Новикова посадили въ крѣпость и лишили имущества; его друзей сослали по деревнямъ, книги сожгли. Павелъ, въ сношеніяхъ съ которымъ подозрѣвался Новиковъ, освободилъ всѣхъ и наградилъ. Въ то же время Фонвизину не разрѣшили издавать журналъ; новый переводъ Вольтера подвергли духовной цензурѣ; закрыли частныя типографіи; ограничили ввозъ иностранныхъ книгъ; завели цензуру въ 5 городахъ. Былъ сосланъ въ Сибирь европейски образованный *Радищевъ* за свое „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“, гдѣ осмѣивался мистицизмъ и современный общественный строй, а также указывалось на пользу отмѣны крѣпостнаго права. При Павлѣ реакція продолжалась. Державинъ воспѣвалъ Эрота, подражая Анакреону, осуждалъ потомъ либерализмъ Александра, стоялъ за крѣпостничество и за до-петровскую Русь, вмѣстѣ съ Шишковымъ. Херасковъ писалъ противъ своеволія французовъ и изображалъ Павла спасителемъ Европы отъ этой

язвы. Явились такія книги, какъ „Вольтеръ изобличенный“, „В. обнаженный“. Духовенство, съ Платономъ во главѣ, громило философію въ проповѣдяхъ.—Новое русское *искусство* только зарождалось въ этомъ періодѣ, особенно благодаря *академіи художествъ* (1757), которую основали потому, что иностранцы брали много денегъ и ничему не научали русскихъ. До тѣхъ поръ было лишь нѣсколько иностранныхъ художниковъ, работавшихъ для двора и вельможъ. Не говоря уже про ваяніе, особенно не давалось намъ зодчество: въ Кремлѣ все еще падали стѣны и башни. Но въ живописи уже при Елизаветѣ славился придворный портретистъ *Вишняковъ*. При Екатеринѣ, не жалѣвшей денегъ на академію и на собраніе лучшихъ европейскихъ картинъ въ *Эрмитажѣ*, явился цѣлый рядъ талантливыхъ живописцевъ (Волковъ, Угрюмовъ, Лосенко). Но это были придворные мастера, воспитанные на иностранномъ же классицизмѣ, презиравшемъ реальную голландскую школу; только портретъ, при всей своей придворной парадности, уже блисталъ правдой и силой (Левицкій, Боровиковскій). Тогда же появляются и русскіе архитекторы. Не было только скульпторовъ: Екатерина заказала статую Петра Фальконету. Случайно развивалась одно время *мозаика*, благодаря Ломоносову, который завелъ цѣлую фабрику, работавшую даже картины. Центромъ искусства, при Екатеринѣ, былъ образованный по-европейски *Львовъ*, руководившій художниками и даже лучшими писателями. Онъ издалъ русскія пѣсни, положенныя на музыку.

§ 233. **Значеніе періода**.—Описываемый періодъ (1645—1800) имѣетъ первостепенное значеніе. Тогда началась *новая* русская исторія, смыслъ которой состоитъ въ усвоеніи зап. цивилизаціи: тогда Россія превратилась изъ восточной державы въ *европейскую*. Впрочемъ, существенная разница между старою и новою Россіей замѣчается только въ культурѣ. Въ политикѣ она менѣе значительна. Измѣнились только *внѣшнія* задачи: утвердившись со стороны Востока, мы перешли въ наступленіе относительно Запада; на первый планъ выступили вопросы польскій, шведскій и восточный, связанный съ славянствомъ. Оттого Россія съ Петра I стала частью европейской политической системы, а съ Елизаветы начала серьезно вліять на дѣла Германіи, пользуясь борьбой между Пруссіей и Австріей. Вопросы польскій и шведскій были покончены; но восточный остался въ разгарѣ, тѣмъ болѣе, что къ концу періода только начиналось развитіе южн. славянъ. Меньше всего измѣнилась *внутренняя* политика,

вслѣдствіе обширности и разноплеменности государства, которыя требовали сильной центральной власти. Самодержавіе даже усилилось въ томъ смыслѣ, что развивалась *централизація* и оказались безуспѣшными попытки передать часть дѣлъ обществу: выборное начало вышло неудачнымъ; планы верховниковъ были вредны для народа; первоначальные замыслы Екатерины II были безплодны по незрѣлости общества. Управленіе улучшилось только относительно внѣшняго благоустройства, особенно при Екатеринѣ; но не было умѣлости въ главныхъ дѣлахъ— въ вопросахъ экономическихъ, особенно финансовыхъ. Весьма плохо было провинціальное управленіе: сильное развитіе чиновничества, которое отличалось отъ администраціи старой Руси только именами, вызвало злую сатиру, названіе „крапивнаго сѣмени". Внутреннему развитію Россіи препятствовали *реакціи*, наступавшія послѣ рѣзкихъ преобразовательныхъ движеній, причемъ усиливались пережитки въ формѣ „кваснаго" патріотизма или недовѣрія къ зап. образованности, чѣмъ пользовались корыстолюбцы, частью иностранные (при Аннѣ), частью свои. Но сознаніе необходимости политическаго развитія проходитъ по всему періоду: имя великаго преобразователя употреблялось, какъ щитъ, даже его врагами; каждый новый правитель обѣщалъ „идти по стопамъ Петра I". Отступленія отъ идей преобразователя были лишь частныя и недолгія: о серьезномъ поворотѣ къ старой Руси никто не думалъ. Въ *общественномъ* отношеніи развитіе было слабо. Только наверху замѣтно измѣненіе: знать изъ родовой стала служебною и придворною. Сначала дворянство было просто высшимъ чиновничествомъ, закрѣпощеннымъ на службѣ у государства; потомъ ему прибавляли „вольности", и при Петрѣ III и Екатеринѣ оно получило значительныя права безъ обязанностей. Но дворяне не образовали сильнаго сословія, вслѣдствіе своей лѣни, невѣжества и раздоровъ; крѣпостное право дѣлало ихъ врагами крестьянъ и друзьями правительства. О среднемъ сословіи заботилось правительство, давшее ему болѣе правильную организацію; но оно слабо развивалось, погрязая въ невѣжествѣ и не понимая политики: его надежды могли заключаться не столько въ купечествѣ и мѣщанствѣ, сколько въ болѣе образованномъ мелкомъ чиновничествѣ. Въ концѣ періода только разсуждали о созданіи „третьяго чина". Такъ горожане не могли быть руководителями массы, также какъ и духовенство, которое утратило тогда свои послѣднія права и не могло имѣть нравственнаго вліянія, вслѣдствіе своего невѣжества и нищеты.

Массу могъ поддерживать только высшій классъ; но между этими двумя частями общества образовалась небывалая бездна, вслѣдствіе просвѣщенія, котораго былъ лишенъ мужикъ, и усиленія крѣпостнаго права. Положеніе крестьянства, угнетеннаго помѣщикомъ и чиновничествомъ, было такъ печально, что частыя мѣстныя возстанія перешли наконецъ въ пугачевщину. Мало измѣненій произошло въ области религіи и нравовъ. Православіе не измѣнялось внутри и мало распространялось; въ то же время быстро росли секты. Нравы смягчились только наверху, у двора и знати, и именно начиная съ Елизаветы, т.-е. прямо подъ франц. вліяніемъ; масса же и низшее чиновничество погрязали въ старыхъ порокахъ, во главѣ которыхъ стоялъ животный эгоизмъ или отсутствіе единства (солидарности), т.-е. ссоры, драки, зависть, сплетни, подкапываніе другъ подъ друга. Печальна была судьба *выборнаго начала* и *частнаго почина*. Выборныя власти оказывались хуже казенныхъ, и сами выборщики просили правительство о лишеніи ихъ этого политическаго права. Частная предпріимчивость была такъ мало развита, что правительство само отдавало купцамъ свои заводы и фабрики, даже съ денежною помощью, но обыкновенно брало ихъ назадъ въ казну, и. ч. дѣло совсѣмъ не шло. Слабы были и мѣры для развитія *просвѣщенія*: до Екатерины онѣ ограничивались почти однѣми столицами и преимущественно дворянствомъ; для народнаго же образованія ничего не было сдѣлано, что увеличивало бездну между массой и верхнимъ слоемъ и нарушало связь между престоломъ и народомъ. Оттого и наука была лишь въ зародышѣ и въ рукахъ иностранцевъ, причемъ спеціализація была слаба: Ломоносовъ работалъ всюду, какъ энциклопедистъ. Самую блестящую сторону періода составляетъ *умственное развитіе*, которое все время шло подъ разными зап. вліяніями. Петръ безъ разбора бралъ культуру у сосѣдей, нѣмцевъ; а у нихъ, мало развитыхъ теоретически, были только прикладныя знанія, ремесла, что и требовалось тогда для Россіи. Затѣмъ, Россія почувствовала потребность въ теоретическомъ, литературно-научномъ образованіи и въ развитіи общественности; а это могла дать только Франція, стоявшая тогда во главѣ европейскаго просвѣщенія: отсюда смѣна у насъ нѣмецкаго вліянія французскимъ. Сила этихъ вліяній свидѣтельствовала о высокихъ дарованіяхъ русскаго человѣка. Едва Петръ завелъ зап. просвѣщеніе, да и то лишь въ практическомъ примѣненіи, какъ явилась европейская знаменитость въ наукѣ, Ломоносовъ. Лишь

только завелся университетъ и академія художествъ, какъ (при Екатеринѣ) уже большинство профессоровъ и художниковъ были русскіе; и правительство, начиная съ Елизаветы, всегда отдавало высшія вліятельныя мѣста русскимъ. Лишь только стали знакомиться съ иностранными книгами, какъ вдругъ расцвѣла богатая литература во всѣхъ родахъ. Благодаря переводамъ, къ концу періода Россія усвоила почти все вѣковое умственное богатство Европы, а въ журналистикѣ превзошла всѣ страны. Важнѣе всего, что съ Анны явились признаки зрѣлости литературы: 1) умная сатира, которая уже при Елизаветѣ бичуетъ недостатки даже новаго направленія, 2) стремленіе къ народности, т.-е. къ самобытности, 3) реализмъ въ направленіи умовъ. Но развитіе совершалось такъ быстро, что вскорѣ настала реакція въ умахъ, не привыкшихъ къ напряженію: они впадали въ мистицизмъ и квасной патріотизмъ. Впрочемъ, большинство, съ Екатериной во главѣ, не измѣняло реализму, который остался основою духовной жизни Россіи: онъ подходилъ къ складу русскаго ума.

VII. Девятнадцатый вѣкъ.

234. **Романцы и германцы.**—Французская революція (1789—1804) привела къ возстановленію абсолютизма, въ формѣ *первой имперіи* или военной диктатуры Наполеона I (1804—1815). Но она продолжалась во внѣшней дѣятельности Бонапарта, который велъ безпрерывныя войны со всею Европой, разрушая троны и старое политическое равновѣсіе. Въ особенности пошатнулось тогда господство Габсбурговъ, что подготовляло возвышеніе Пруссіи, тѣмъ болѣе, что Нѣмецкая имперія была уничтожена (1808), и Германія стала союзнымъ государствомъ. Вѣнскій конгрессъ (1815) установилъ новое политическое положеніе Европы; но въ его созданіи были сѣмена безпорядковъ. Будучи выразителемъ *реакціи*, наставшей въ умахъ послѣ бурь революціи, онъ заботился только о возстановленіи *легитимизма* (абсолютизма) и внѣшняго порядка, забывая объ интересахъ народовъ и мысли. Его дѣло продолжалъ *Священный Союзъ*, состоявшій изъ монарховъ Россіи, Австріи и Пруссіи. Этотъ союзъ, одушевленный мистицизмомъ, руководимый крайнимъ реакціонеромъ, *Меттернихомъ*, поставилъ себѣ цѣлью, для успо-

коенія Европы, всюду поддерживать тишину и существующій порядокъ (консерватизмъ) полицейскими строгостями и подавлять оружіемъ всякое проявленіе мысли и народныхъ желаній. Противъ этого направленія возсталъ *либерализмъ*, требовавшій свободы политической (конституціи) и умственной для дальнѣйшаго развитія. Насталъ рядъ волненій повсюду, такъ какъ жизнь уже выработала новыя силы: *буржуазія* стремилась къ упраздненію дворянства и къ самоправленію; *національности* стремились разбить оковы, наложенныя на нихъ вѣнскимъ конгрессомъ, который опредѣлялъ границы государствъ механически, а не этнографически. Отсюда возстаніе *Греціи* противъ Порты, *Бельгіи* противъ Австріи и *поляковъ* противъ Россіи, а также рядъ тайныхъ политическихъ обществъ и возмущеній на материкѣ. Во Франціи же, гдѣ деспотизмъ *реставраціи* (возстановленія Бурбоновъ) достигалъ крайней степени среди просвѣщенной націи, вспыхнула іюльская революція (1830), которая низвергла старый, аристократическій строй и установила буржуазную монархію *Луи-Филиппа Орлеанскаго*. Но буржуазія вскорѣ сама стала гнетомъ относительно низшихъ классовъ, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ богатства: отсюда развилось ученіе *соціалистовъ* (Сен-Симонъ, Фурье), которые требовали болѣе равномѣрнаго распредѣленія имуществъ между всѣми сословіями и не сочувствовали либераламъ, стоявшимъ за благополучіе личности и принадлежавшимъ къ буржуазіи. Такъ какъ, вслѣдствіе широкаго развитія фабрикъ и машинъ, особенно тяжело было положеніе рабочихъ (городскаго пролетаріата) или *четвертаго чина*, то произошла соціальная *февральская революція* (1848): орлеанская династія была изгнана; ее замѣнила новая республика, которая вскорѣ (1852) должна была уступить мѣсто *второй имперіи*, въ лицѣ Наполеона III. Чтобы утвердиться на престолѣ, Наполеонъ, съ помощью Англіи, Италіи и Турціи, устроилъ крымскую кампанію, которая дорого стоила Россіи, но привела ее къ новымъ преобразованіямъ. Онъ же помогъ итальянцамъ свергнуть австрійское иго и создать единое *Итальянское королевство* (1859). Февральская революція отразилась почти на всемъ материкѣ возстаніями, которыя разрушили дѣло Свящ. Союза. Такъ, въ первой половинѣ 19 в. первая роль въ политикѣ принадлежала романцамъ, въ лицѣ Франціи. Изъ германскихъ державъ выдвигалась только Англія, которая упорно боролась съ Наполеономъ I и либеральными мѣрами сдерживала внутри волненія рабочихъ. Во второй половинѣ выступаютъ впередъ германцы,

въ лицѣ *пруссаковъ*, которые сначала побили Данію, потомъ разгромили Австрію (1866) и Францію (1870). Въ то же время развивался *славянскій* вопросъ въ связи съ восточнымъ, такъ какъ онъ касался Турціи и Россіи. Еще болѣе блеска и движенія представляетъ 19-й в. на Западѣ въ культурномъ отношеніи, причемъ новыя идеи возникали преимущественно въ Англіи, всегда уважавшей свободу мысли, и развивались во Франціи и Германіи. Европа пережила много умственныхъ направленій, руководимыхъ крупными талантами. Сначала господствовалъ *романтизмъ*, какъ реакція псевдо-классицизму въ словесности и матеріализму въ философіи; онъ стремился къ естественности и *народности*, но находилъ ихъ въ „растрепанности чувствъ и въ средневѣковой дали". Развивался крайній идеализмъ, который выразился особенно въ лицѣ нѣмецкихъ метафизиковъ (Фихте, Гегель, Шеллингъ). Постепенно романтизмъ сталъ вырождаться: онъ впалъ въ сантиментализмъ, въ квасной патріотизмъ и въ мистицизмъ, сталъ орудіемъ реакціи и отупѣнія. Между тѣмъ созрѣвалъ *реализмъ*, характеризующій вторую половину 19 в. во всѣхъ отношеніяхъ. Въ поэзіи это — господство общественныхъ и политическихъ мотивовъ, въ наукѣ—господство точныхъ наукъ, особенно естествознанія. Послѣднее дало, въ лицѣ *Дарвина* (съ 1859), цѣлую реальную философію, замѣнившую метафизику. Основы этой философіи развиваются теперь во всѣхъ сферахъ умственной жизни, подъ именемъ „теоріи развитія" (эволюціонизмъ). Реализмъ связанъ съ *демократизмомъ*, т.-е. съ стремленіемъ всѣхъ благъ цивилизаціи проникнуть во всѣ классы и во всѣ страны: этому способствуетъ тѣсное сближеніе между людьми путемъ торговли, пароходовъ, желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ, телефоновъ. Рядомъ съ литературнымъ и научнымъ движеніемъ шло сильное развитіе *искусствъ*, особенно живописи и музыки; здѣсь господствуетъ общее направленіе (реализмъ) въ формѣ жанра въ въ живописи и „музыки будущаго" (вагнеризмъ), которая отличается демократическими и соціальными мотивами.

§ 235. **Западные славяне.**— Въ исторіи славянъ 19-й в. должно назвать эпохой возрожденія: у всѣхъ у нихъ обнаружилось значительное культурное развитіе; нѣкоторые (южные слав.) пріобрѣли политическую независимость. Поляки и чехи не могли возвратить свою самостоятельность, несмотря на рядъ попытокъ; но они не умерли духовно даже въ Пруссіи, гдѣ употребляютъ искусныя мѣры для ихъ онѣмеченія (нѣмецкое земле-

владѣніе, нѣм. яз. въ школахъ). *Польская* литература двинулась впередъ еще съ половины 18 в., подъ вліяніемъ „просвѣщенія“; тогда она проповѣдовала франц. идеи и бичевала сатирой пороки общества—духъ раздоровъ, угнетеніе крестьянъ, своеволіе шляхты и нетерпимость іезуитовъ; она требовала реформъ политическихъ (монархизма) и соціальныхъ. Много пользы принесла Эдукаціонная Коммиссія (1783), которая преобразовала академіи (университеты) въ Краковѣ и Вильнѣ и основала рядъ гимназій и низшихъ школъ; ея уставъ послужилъ образцомъ учебной системѣ Александра I. Въ 1815—1830 гг. былъ основанъ варшавскій университетъ и процвѣталъ виленскій, при попечительствѣ Адама Чарторыжскаго. Здѣсь развивалось чувство польской народности; въ наукѣ господствовалъ протестъ противъ метафизики, въ поэзіи—романтизмъ; студенты составляли общества раціоналистовъ и патріотовъ. Во главѣ умственнаго движенія находились виленскій историкъ, демократъ и патріотъ, *Лелевель* († 1862) и поэтъ *Мицкевичъ* († 1855), сидѣвшій годъ въ тюрьмѣ, когда арестовывали виленскихъ студентовъ (1824). Другъ Пушкина, Мицкевичъ былъ послѣднею умственною связью между поляками и Россіей; послѣ возстанія 1831 г., польская литература развивалась въ Галиціи (отчасти въ Познани), въ особенности же въ Парижѣ, среди эмигрантовъ; она подготовляла возстаніе 1863 г. Здѣсь пріобрѣли извѣстность сатирикъ Словацкій, буколикъ Ленартовичъ, критикъ Клячко. Въ русской Польшѣ писатели группировались вокругъ журнала „Библіотека Варшавска“ (съ 1841 г.), во главѣ ихъ — романистъ Корженевскій, поэтъ Кондратовичъ (подъ псевд. Сырокомли), романистъ и историкъ Крашевскій, живущій теперь въ Германіи, юристъ Мацѣевскій. Въ послѣднее время развивается, рядомъ съ повѣстью (писательница Оржешко, Ежъ) драма и исторія, послѣдняя особенно при университетѣ и институтѣ Оссолинскихъ во Львовѣ: изъ историковъ выдаются Шайноха и Шуйскій. Польская словесность отличается чувствомъ, и именно болѣзненно-патріотическимъ, доведшимъ Мицкевича до мистицизма; въ ней мало общечеловѣческаго и нѣтъ общеславянской идеи. Въ послѣднее время замѣчается объективизмъ, а также болѣе разнообразія въ публицистикѣ. У чеховъ умственное возрожденіе началось, при Іосифѣ II (§ 158), съ *Добровскаго*, этого отца славяновѣдѣнія: подъ его вліяніемъ чехи, мораване и словаки начали издавать старинные памятники, переводы, народныя книжки; они создавали новый чешскій языкъ и открыли (1817)

Краледворскую рукопись — древнѣйшія пѣсни, которыя обратили на чеховъ вниманіе всей Европы. Чешскій патріотизмъ утвердился съ основанія Чешскаго Музея (1818), при которомъ устроилось ученое общество съ своимъ журналомъ (Часописъ) и съ издательской компаніей (Матица). Чешская публика росла (читали даже въ селахъ) — и изъ народа явились даровитые вожди интеллигенціи. Во главѣ ихъ стоитъ отецъ ученыхъ славистовъ, *Шафарикъ* († 1861), съ своими капитальными трудами по древностямъ и этнографіи всего славянства. Это — основатель „панславизма" — идеи единства всѣхъ славянъ, выработанной чехами. Еще болѣе горячимъ панславистомъ былъ знатокъ чешскихъ древностей, *Ганка*: онъ даже мечталъ о всеславянскомъ языкѣ и возлагалъ большія надежды на Россію. Тѣмъ же духомъ былъ проникнутъ отчасти историкъ *Палацкій*, а также первые чешскіе поэты — *Колларъ* и *Челаковскій*. Только два замѣчательныхъ филолога, *Копитаръ* и *Миклошичъ*, оба словинцы, были противъ панславизма. Чешскій патріотизмъ и панславизмъ, съ прибавкой нѣмцеѣдства, составляютъ основу и дальнѣйшей литературы чеховъ, которая принесла много пользы также массой переводовъ, особенно съ славян. нарѣчій. Наиболѣе оживилась она въ 1848 г., когда Богеміи дана была конституція: тогда возникло много политическихъ клубовъ, газетъ, пѣсенъ; во главѣ шелъ *Гавличекъ*, талантливый издатель „Народныхъ Новинъ". Но съ 1849 г. началась реакція: Гавличка сослали въ Тироль; полиція и цензура преслѣдовали все національное и не дозволяли ввоза многихъ иностранныхъ, даже русскихъ книгъ. Чешская письменность продолжалась, но уже безъ прежняго одушевленія: она собирала народныя пѣсни и сказки, описывала простой бытъ (Нѣмцова), вдавалась въ личную лирику съ оттѣнкомъ разочарованія и мистицизма; на первый планъ выступили точныя науки и педагогія. Новая конституція (1860) нѣсколько оживила чеховъ, хотя нѣмцы не отказались отъ мысли германизовать ихъ. Чехи стали много писать въ повѣствовательномъ и даже драматическомъ родѣ и построили національный театръ. Но особенно выдвинулись науки (при пражск. универс.) и публицистика, съ *Ригеромъ* и *Грегромъ* во главѣ. Чехи упорно отстаиваютъ свою народность и въ литературѣ, и въ вѣнскомъ парламентѣ; но панславизма и влеченія къ Россіи у нихъ уже почти нѣтъ. Сверхъ того, развилась горячая борьба между „старо"-и „младочехами". Подъ вліяніемъ идеи народности и венгерскаго гнета, *словаки*, эта отрасль чеховъ, начали, съ 1830-хъ годовъ, созда-

вать особую словацкую письменность; во главѣ движенія стояли *Штуръ* и *Гурбанъ*, которые руководили и возстаніемъ словаковъ противъ венгерцевъ въ пользу Габсбурговъ, въ 1849 г. Вскорѣ послѣдовалъ расколъ между словаками: почти каждый литераторъ старался возвести говоръ своего села въ книжное нарѣчіе, и католики хотѣли имѣть отдѣльный языкъ отъ протестантовъ. Чехи возстали противъ этого сепаратизма, и теперь словацкая литература влачитъ жалкое существованіе только среди католиковъ. Важнѣе умственное движеніе среди *малороссовъ* восточной *Галиціи* (русиновъ). Оно поддерживается гнетомъ поляковъ и украинской литературой Россіи. Начавшись въ 30-хъ г., оно стало развиваться съ конституціи 1848 г., когда была основана во Львовѣ Матица. Галичанамъ пришлось начинать съ установленія азбуки и правописанія, причемъ обнаружился расколъ. Ихъ литература состоитъ попреимуществу изъ букварей, грамматикъ, переводовъ съ русскаго, проповѣдей и одъ. Въ послѣднее время появилось нѣсколько журналовъ („Слово") и ученыхъ (Головацкій). Руководимые духовенствомъ, русины заботятся о сохраненіи своей старины; они не лишены вліяній панславизма. Необыкновенный примѣръ народной живучести представляютъ *лужичане* (всего 150 т.), живущіе въ Лузаціи, особенно въ городѣ Будишинѣ (нѣм. Бауценъ). Ихъ языкъ сохранился, благодаря усиліямъ духовенства, особенно проповѣдямъ. Съ 30 гг. у нихъ появилось, подъ чешскимъ вліяніемъ, нѣсколько усердныхъ писателей, во главѣ ихъ—*Смолеръ*: онъ собралъ народныя пѣсни и учредилъ Матицу, которая издавала журналъ, этнографію, статистику и словарь лужичанъ. Въ 1848 г. лужичане были противъ революціи и получили за это признаніе своего языка въ школѣ и судѣ. Но ихъ литература ограничивается учебниками для сельскаго люда; къ тому же и у нихъ существуетъ расколъ между верхними (саксонскими) и нижними (прусскими) лужичанами.

§ 236. **Южные славяне, турки, румыны.**—У южн. славянъ умственное возрожденіе наиболѣе связано съ политическими событіями. До 1848 г. *хорваты* (въ Кроаціи; центръ—Загребъ, нѣм. Аграмъ) и *словинцы* (хорутане—въ Каринтіи, Крайнѣ и Истріи; центръ—Любляны, нѣм. Лайбахъ) спокойно жили подъ владычествомъ Венгріи (§ 33), управляясь собственными „банами" (намѣстниками). Подчинившись католицизму, они писали по-латыни. Не то было на слав. побережьѣ Адріат. м., которое все, кромѣ Дубровника (§ 33), подчинилось Венеціи въ

концѣ 17-го в. Здѣсь итальянское вліяніе стало смѣняться нѣмецкимъ съ вѣнскаго конгресса, который присоединилъ *Далмацію* и *Дубровникъ* къ Австріи. До 1815 г. умственное развитіе сербовъ проявлялось въ богатой далматинской письменности, центромъ которой была Рагуза: здѣсь, въ 15—17 вв., повторялись, подъ вліяніемъ Италіи, всѣ черты Возрожденія: была масса переводовъ древнихъ и итальянскихъ классиковъ и множество поэтовъ, писавшихъ по-хорватски, но лат. азбукой. Но съ конца 18 в. далматинская литература падаетъ: это была только поэзія (прозой писали на лат. и итал. яз.), притомъ застывшая на идеяхъ и формахъ Возрожденія. Она служила только аристократіи; народъ же пробавлялся застарѣлой глаголицей (особая слав. азбука, изобрѣтенная въ Далмаціи), которою печатали только богослужебныя книги, да и та теперь почти вытѣснена католическою латынью. Въ 19 в. умственное движеніе стало переходить къ другимъ сербамъ. Раньше всего оно проявилось у хорватовъ, отчасти подъ вліяніемъ чешскаго панславизма, но больше какъ отпоръ мадьяризаціи, которою задались венгерцы въ 19 в., что привело къ возстанію хорватовъ, а также словаковъ и православныхъ трансильванскихъ сербовъ (1849). Во главѣ національнаго движенія стоялъ *Гай*, который перемѣнилъ (1835) неразвитое хорватское нарѣчіе на богатое далматинское и, назвавши его *иллирскимъ*, объединилъ литературно всѣхъ католическихъ австрійскихъ славянъ сербской отрасли. Къ нему присоединилось много публицистовъ и поэтовъ, которые горячо писали о панславизмѣ, и Загребъ, съ своими „Иллирскими новинами“, сталъ соперничать съ Прагой по значенію въ слав. мірѣ. „Иллиры“ устроили Матицу, завели много читаленъ, патріотическихъ обществъ, носили національный костюмъ. Имъ помогало правительство, опасавшееся силы венгерцевъ. Но когда оно, съ помощью славянъ, подавило мадьяръ (1849), иллиризмъ стали преслѣдовать: Австрія взялась за германизацію „иллировъ“. Славяне помогали ей своими раздорами: православные сербы ссорились съ католическими хорватами; далматинцы и даже словинцы, обладающіе только календарями да народными книжками, не хотѣли признавать первенства загребской литературы. Между тѣмъ началось возрожденіе придунайскихъ *сербовъ*, которые возстали, съ *Кара-Георгіемъ* во главѣ, и, съ помощью Россіи, освободились отъ Турокъ (1806). Но во время войны Россіи съ Портой (1809) турки снова овладѣли ими, а Георгій бѣжалъ въ Австрію. Лишь въ 1830 г., послѣ

войны съ Россіей, султанъ призналъ богатаго купца, *Милоша Обреновича,* княземъ Сербіи, оставивъ за собой только крѣпости и дань. Попытки Порты возвратить власть разрушены окончательно, съ помощью Россіи, въ войнѣ 1876 г. Послѣ борьбы Карагеоргіевичей съ Обреновичами, послѣдніе утвердились на престолѣ; теперь царствуетъ *Миланъ*, внукъ Милоша. Сербія пользуется конституціей: власть князя ограничена скупштиной (парламентомъ). Въ ней заведены училища и „великая школа" (университетъ). Въ то же время развивалось умственное движеніе. Оно началось, съ конца 18 в., у трансильванскихъ сербовъ (центръ—Новый Садъ, нѣм. Нейзацъ) и держалось у нихъ до освобожденія Сербіи отъ турокъ. Сначала было русское вліяніе, даже писали на церк.-слав. языкѣ, мало понятномъ народу. Первый *Обрадовичъ* началъ писать народнымъ сербскимъ языкомъ; а въ 1814 г. явились первые труды *Вука Караджича* († 1864), который издалъ сербскія пѣсни, сказки, грамматику и перевелъ Новый Зав.; въ 1825 г. въ Пештѣ была основана Сербская Матица, которая помогла началу сербской журналистики, поэзіи и педагогіи. Съ 1833 г. сербск. литература, не прекращавшаяся въ Австріи, зародилась и въ Сербіи, гдѣ явилось уже много поэтовъ, драматурговъ, ученыхъ и педагоговъ, особенно благодаря университету и Дружству Словесности въ Бѣлградѣ. Вся Европа обратила вниманіе на сербовъ за ихъ народныя, особенно *юнацкія* (героическія) пѣсни, сохранившіяся въ безпримѣрной чистотѣ. Сербская литература возникла и въ *Черногоріи,* въ лицѣ владыки *Петра II* (ок. 1850), который завелъ школы и типографію въ Цетиньѣ и былъ первымъ поэтомъ Черногоріи. Съ этимъ владыкой окончилась ѳеократія: явился титулъ „князей". Тогда же связи съ Россіей стали тѣснѣе, и черногорцы начали усиленно бороться съ турками (во время Крымской кампаніи), даже помогая герцеговинцамъ и боснякамъ (возстаніе Луки Вукаловича 1857 г.). При *Николаѣ I*, обучавшемся въ Парижѣ, явилось европейское вооруженіе и улучшено правленіе, особенно послѣ пораженія, нанесеннаго черногорцамъ Омеромъ-пашей (1863). Литература развилась, благодаря прибытію далматинскаго поэта *Сундечича*; возникъ даже славянофильскій журналъ, въ которомъ главнымъ сотрудникомъ былъ самъ Николай. Возрожденіе *болгаръ* относится также къ 30-мъ гг. До тѣхъ поръ они безпрерывно испытывали гнетъ Порты и особенно фанаріотовъ, которыхъ турки наиболѣе поддерживали, начиная съ усиленія Россіи (съ половины 18 в.). Фанаріоты не только гра-

били болгаръ, но и вводили греч. языкъ въ ихъ церкви и школы и истребляли ихъ рукописи. Болгары стали думать о себѣ съ появленія книги *Венелина*, совпадавшей съ русскими побѣдами (1829). Они начали возставать и заводить народныя школы, гдѣ преподавала молодежь, получавшая образованіе въ Россіи, Сербіи и Германіи. Въ то же время переводились книги (особенно русскія), издавались учебники и даже журналы (въ Лейпцигѣ, Смирнѣ, Москвѣ); завелись и собственные поэты (Геровъ); печатались древнія пѣсни, близкія къ сербскимъ. Все это преимущественно съ помощью Россіи, которая, наконецъ, освободила западную Болгарію въ 1878 г. Россія же продолжала помогать *румынамъ*, которыхъ Европа взяла подъ свое покровительство послѣ Крымской войны. Въ 1859 г. Молдавія и Валахія объединились подъ именемъ королевства *Румыніи*. По полученіи конституціи страна стала поправляться, какъ матеріально, такъ и умственно. Вслѣдствіе освобожденія румынъ и южн. славянъ, а также Египта, *Турція* утратила свое значеніе въ Европѣ. Она поддерживалась, въ теченіе 19-го в., только покровительствомъ Запада, опасавшагося успѣховъ Россіи, и дипломаты назвали ее „больнымъ человѣкомъ". Внутри Порта представляетъ застой, не смотря на прививку зап. цивилизаціи. Даже конституція, введенная англичанами въ 1877 г., не поправила дѣла: она осталась на бумагѣ, и Порта потерпѣла жестокое пораженіе отъ русскихъ въ 1878 г.

§ 237. **Александръ I. Первыя преобразованія.**—Красивый, кроткій и привѣтливый *Александръ I*, воспитанный Екатериной и чувствительнымъ швейцарскимъ республиканцемъ *Лагарпомъ* въ духѣ франц. философіи, былъ идеалистомъ: онъ посвящалъ себя служенію своему народу на основахъ свободы и гуманности и объявилъ, что будетъ „управлять по законамъ и по сердцу своей бабки". Но у него не было солидныхъ познаній; его рано женили на *Елизаветѣ Алексѣевнѣ* баденской. Доброта доходила у него до сентиментализма, а идеализмъ до наклонности къ мистицизму: не желая обижать, онъ бывалъ нерѣшителенъ и давалъ власть взаимнымъ врагамъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Натянутыя отношенія между бабкой и родителями развивали въ немъ недовѣріе даже къ себѣ самому. Преобразовательная идея новой Россіи принимала тогда нѣсколько иную форму: къ французъ. вліянію присоединялось, въ политикѣ, *англійское*, которое началось въ литературѣ при Екатеринѣ (§ 228); Александра и его кружокъ называли англоманами или представите-

лями либерализма (§ 234) у насъ. Этотъ кружокъ, мечтавшій о коренномъ преобразованіи Россіи, состоялъ изъ „тріумвировъ", молодыхъ друзей императора—*Новосильцева*, *Строгонова* и Адама *Чарторижскаго*, къ которымъ примыкалъ племянникъ Безбородко, *Кочубей*. Люди образованные и идеалисты, они преклонялись предъ англ. конституціей, предъ Монтескье, Руссо и Мирабо; самымъ дѣльнымъ и болѣе практическимъ изъ нихъ былъ Новосильцевъ, 4 г. прожившій въ Англіи. Всѣ они были русскими патріотами, за исключеніемъ Чарторижскаго, который стремился къ возстановленію Рѣчи Посполитой и воспитывалъ польскій патріотизмъ въ Литвѣ, когда сталъ попечителемъ виленскаго учебнаго округа; подъ его вліяніемъ, самъ Александръ думалъ возстановить Польшу, впрочемъ безъ русскихъ областей. Старые дѣятели (Панинъ, Паленъ, Зубовъ, Беннигсенъ) были удалены, и тріумвиратъ сталъ рѣшать дѣла въ личныхъ бесѣдахъ съ государемъ. Желая сразу взяться за великія преобразованія, Александръ заключилъ миръ съ Франціей и договоръ съ Англіей, отказавшись отъ мальтійскаго ордена и отъ вооруженнаго нейтралитета. Тогда же послѣдовалъ рядъ либеральныхъ мѣръ: возвратили изъ Сибири пострадавшихъ при Павлѣ, уничтожили тайную канцелярію и отмѣнили указъ объ одеждѣ; открыли частныя типографіи, ослабили цензуру, дозволили ввозъ иностранныхъ книгъ и выѣздъ за-границу. Были возстановлены права дворянства, духовенства и городскихъ думъ, данныя Екатериной. Для поднятія экономическаго быта дозволили купцамъ и крестьянамъ покупать ненаселенныя земли, рыли каналы. Обратили вниманіе на торговое значеніе Чернаго м.; по предложенію академіи, назвали татарскія деревушки *Севастополемъ*, *Евпаторіей* и *Одессой*; Таганрогу и Одессѣ даровали важныя льготы, подчинивъ ихъ непосредственно сенату; правителемъ Одессы назначили добраго и просвѣщеннаго эмигранта, *герцога Ришелье*, при которомъ городъ быстро развивался, съ помощью греч., итал., англ. и нѣм. колонистовъ; въ остальную Новороссію привлекли до 20 т. нѣм. и румын. поселенцевъ. Мечтая объ освобожденіи крестьянъ, Александръ дозволилъ отпускать на волю цѣлыя деревни и награждалъ орденами отпускавшихъ; въ Остзейскомъ краѣ были опредѣлены барщины и ограничена власть помѣщиковъ (1804); было запрещено продавать крестьянъ безъ земли, а также дарить и продавать государственныя земли, причемъ свободные крестьяне обращались въ крѣпостныхъ; относительно раскольниковъ были предписаны „единое забвеніе, добрый примѣръ и терпимость".

Наконецъ, осуществили широкій образовательный планъ Екатерины. Имперію раздѣлили на нѣсколько *учебныхъ округовъ*; по всѣмъ губерніямъ завели *гимназіи*, *уѣздныя* и *приходскія училища;* а для приготовленія учителей основали два *педагогическихъ института* въ столицахъ. Гимназіи были общеобразовательными заведеніями по образцу нѣмецкихъ (классическія). Началомъ реальнаго образованія, по примѣру Наполеона, могутъ считаться *Царскосельскій лицей* (1810), съ новыми языками, и спеціальныя школы—лѣсная, горная, путей сообщенія, медико-хирургическая академія. Уставъ 1803 г. организовалъ высшее образованіе, по образцу Германіи, гдѣ университетская жизнь получила наибольшее развитіе: были основаны *университеты* въ *Харьковѣ*, *Казани*, *Вильнѣ* и *Дерптѣ*, чему много помогли дворянство и купечество пожертвованіями. Было приведено въ систему и образованіе духовенства. „Коммиссія духовныхъ училищъ" выработала планъ, схожій съ планомъ свѣтскихъ школъ: *духовныя академіи* соотвѣтствовали университетамъ, *семинаріи*—гимназіямъ, *духовныя училища*—уѣзднымъ и приходскимъ училищамъ. Александръ исполнилъ и мысль Екатерины о кругосвѣтномъ плаваніи: *Крузенштернъ* моремъ прибылъ въ Камчатку, а до тѣхъ поръ рѣдко русскія суда появлялись даже въ Средиз. м. Александръ коснулся и высшаго управленія. Въ 1801 г. былъ учрежденъ *государственный совѣтъ*—правильное, постоянное учрежденіе, раздѣляющее съ государемъ управленіе страной. Въ 1802 г. устарѣлыя коллегіи были замѣнены *министерствами*, что, вмѣстѣ съ совѣтомъ, сближало Россію съ Западомъ относительно государственной формы; только не было взаимности (солидарности) между министерствами: они не составляли, какъ въ Европѣ, „кабинета", который руководится извѣстною идеей и выходитъ въ отставку при противорѣчіи съ политикой государя. Каждый министръ работалъ отдѣльно съ царемъ и получалъ отъ него приказанія; совѣта министровъ не было. Сверхъ того, министрами пришлось назначить пожилыхъ, сановитыхъ людей (Державинъ, Мордвиновъ, Воронцовъ, Никол. Румянцевъ, сынъ фельдмаршала); но помощниками ихъ стали друзья государя, которые все дѣлали; иностранную политику велъ Чарторижскій.

§ 238. **Внѣшнія дѣла и состояніе Россіи до 1812 г.**—Болѣе глубокимъ преобразованіямъ препятствовали войны, которыя почти не прекращались въ первой половинѣ царствованія, вслѣдствіе потрясенія Европы Бонапартомъ. Александръ опа-

сался честолюбія Наполеона, который притомъ раздражалъ его лично своимъ высокомѣріемъ: онъ видѣлъ необходимость поддерживать Германію для спасенія Россіи. Но Австрія и Пруссія поступали также недальновидно, какъ при Павлѣ. Онѣ продолжали соперничать между собой и давали возможность Наполеону бить ихъ поодиночкѣ. При такихъ союзникахъ, наши войска, изумившія Наполеона своею стойкостью, но также плохимъ устройствомъ и невѣжествомъ офицеровъ, терпѣли пораженія въ обѣ первыя войны. Первая изъ нихъ, въ союзѣ съ Австріей, окончилась жестокимъ пораженіемъ Кутузова при *Аустерлицѣ* (1805); вторая, въ союзѣ съ Пруссіей, привела къ горячей нерѣшительной битвѣ у *Эйлау* и къ пораженію Беннигсена подъ *Фридландомъ*. Такъ какъ тогда же (съ 1806) мы вели войну съ *Портой*, поднятой Наполеономъ, то Александръ долженъ былъ заключить миръ въ *Тильзитѣ* (1807), который измѣнилъ нашу политику. Потерявшій вѣру въ своихъ союниковъ и обвороженный Наполеономъ, Александръ сталъ другомъ завоевателя, который предложилъ подѣлить миръ: Франціи—Европа, Россіи—Турція, Финляндія и Востокъ. Сверхъ того, Россія обязалась помогать Наполеону въ его войнахъ и выступить противъ Англіи, а также пристать къ *континентальной системѣ*, введенной тогда Наполеономъ, т.-е. прекратить торговыя сношенія съ Англіей. Она признала также *герцогство Варшавское*, устроенное Наполеономъ изъ польскихъ владѣній Пруссіи, съ его орудіемъ, саксонскимъ королемъ, во главѣ. Тильзитскій миръ привелъ къ войнѣ съ *Англіей* и съ *Швеціей*, болѣзненный король которой, Густавъ IV, ненавидѣлъ Наполеона, какъ личнаго врага. Нашъ балтійскій флотъ долженъ былъ скрыться, а средиземная эскадра сдалась англичанамъ; но наша армія поразила шведовъ и взяла „сѣверный Гибралтаръ"—Свеаборгъ; въ 1809 г., по миру въ *Фридрихсгамѣ*, Россія получила всю Финляндію, до Торнео. Въ то же время успѣшно продолжалась турецкая война: Порта, истощенная мятежами янычаръ, принуждена была уступить намъ Бессарабію, по миру въ *Букарештѣ* (1812). Счастливо шла и война съ *Персіей*, которая хотѣла захватить Грузію. А между тѣмъ дружба съ Франціей разстроилась вскорѣ послѣ тильзитскаго свиданія императоровъ, не смотря на новое свиданіе въ Эрфуртѣ. Наполеонъ не исполнялъ своихъ обѣщаній и становился все надменнѣе. Онъ помогалъ скорѣе туркамъ, чѣмъ намъ, а русскіе скорѣе помогли австрійцамъ, чѣмъ ему въ войнѣ 1809 г. Въ 1810 г. Россія запретила ввозъ предме-

товъ роскоши (франц. товары) и дозволила привозъ колоніальныхъ товаровъ (англійскихъ) подъ нейтральнымъ флагомъ, что почти равнялось отмѣнѣ континентальной системы; къ тому же колоніальные товары провозились изъ Риги и Петербурга въ Австрію чрезъ Броды. Тогда Наполеонъ и Александръ уже совсѣмъ готовились къ борьбѣ, и часть русскихъ войскъ была передвинута съ Дуная къ Вислѣ. А между тѣмъ Россія дошла до печальнаго состоянія, вызывавшаго всеобщее недовольство. Внѣшнею политикой были недовольны даже передовые люди (Карамзинъ, Мордвиновъ). Послѣ Аустерлица говорили, что мы жертвуемъ собой ради нѣмцевъ, которые измѣняютъ намъ, и въ угоду „англоманамъ"; ужъ если воевать, то слѣдовало идти на Константинополь. Наоборотъ, послѣ Тильзита упрекали правительство въ галломаніи: петербургская знать не принимала къ себѣ француз. посланниковъ, а нашъ посланникъ въ Парижѣ выказывалъ вражду къ Наполеону, отъ котораго ждали нападенія на Россію, съ помощью возстанія поляковъ и крѣпостныхъ. Тильзитскій миръ казался подчиненіемъ Наполеону и измѣной союзникамъ и преданіямъ: герцогство Варшавское считалось форпостомъ Франціи и шагомъ къ возстановленію Польши. Франц. эмигранты, вліятельные въ Петербургѣ, раздували это чувство, когда Александръ изгналъ Бурбоновъ изъ Митавы. Недовольство росло подъ вліяніемъ континент. системы: остановился вывозъ нашихъ сырыхъ продуктовъ, которые поэтому пали въ цѣнѣ, между тѣмъ какъ иностранные товары дорожали за отсутствіемъ англійскихъ; правительство лишилось также важнаго таможеннаго дохода. Отсюда разореніе многихъ семействъ и новое паденіе цѣны ассигнацій, которую могло поддержать только развитіе внѣшней торговли. Ассигнаціи и безъ того становились бѣдствіемъ страны. Къ нимъ прибѣгали свободно для покрытія постоянныхъ недочетовъ: при Павлѣ ихъ было уже на 213 милл. При Александрѣ войны и реформы потребовали массу денегъ, которыхъ нельзя было занять за-границей, при плохомъ кредитѣ и при враждѣ съ Англіей, обладательницей капиталовъ—и въ 1810 г. ассигнацій было на 577 мил., а бумажный рубль палъ до 25 коп. серебрянаго. Тогда же былъ сдѣланъ тайный внутренній заемъ въ 100 милл: брали частные капиталы, сложенные въ банкахъ. При такихъ условіяхъ, правительству тяжело было платить иностранные долги и дѣлать казенныя покупки. Если текущіе расходы администраціи уплачивались ассигнаціями, зато чиновничество, теряя $^3/_4$ жалованья, должно было прибѣ-

гать къ казнокрадству и взяточничеству: эти пороки никогда еще не развивались до такой степени, тѣмъ болѣе, что никто не могъ знать законовъ, состоявшихъ изъ 70.000 противорѣчивыхъ указовъ (съ Алексѣя). Уже вслѣдствіе паденія ассигнацій, которыми собирали налоги, требовалось сильное увеличеніе доходовъ, а податей нельзя было возвышать, при обѣднѣніи страны отъ континент. системы. Нельзя было и сокращать расходы: армію нужно было еще увеличивать (уже взяли 600 т. лишнихъ рекрутъ, въ видѣ „милиціи"); а чиновничества нельзя было сократить, такъ какъ это была каста, которая жила только службой и ни къ чему болѣе не готовила своихъ дѣтей. Реформы прививались плохо. Государственный совѣтъ былъ лишь на бумагѣ; министры ссорились съ сенатомъ, власть котораго Александръ хотѣлъ поднять. Лишь нѣсколько придворныхъ отпустили на волю крестьянъ, въ угоду царю; продолжалась продажа крѣпостныхъ безъ земли, посредствомъ обхода закона, продажа на ярмаркахъ, кучами, въ цѣпяхъ. Ученіе шло плохо. Приходскія школы поручили священникамъ, лишеннымъ досуга и образованія; учителя гимназій отличались невѣжествомъ и пьянствомъ; профессора въ университетахъ, призванные изъ Германіи, не знали порусски; Чарторижскій ввелъ польскій яз. въ школы не только въ Литвѣ, но и въ Бѣлоруссіи, и энергично полонизовалъ край. Не смотря на привлеченіе молодежи разными льготами, въ университетахъ было мало студентовъ, да и тѣ предавались кутежу: знать отдавала своихъ сыновей въ пажи, откуда они выходили въ гвардію, или готовила дома, у француза-гувернера, въ камер-юнкеры; а мелкое дворянство зачисляло своихъ дѣтей въ кадеты или помѣщало писцами въ канцеляріи. Всѣ эти недостатки приписывались правительству. Больше всѣхъ роптали старики-патріоты, особенно гордые екатерининцы, удаленные отъ дѣлъ и сидѣвшіе въ Москвѣ, съ Растопчинымъ во главѣ. Они опасались отмѣны крѣпостнаго права и называли тріумвиратъ (§ 237) „комитетомъ общаго блага", намекая на франц. революцію. Поддерживаемые духовенствомъ, они негодовали на иностранцевъ и заморскія идеи и почти не считали Александра русскимъ (басня Крылова „Воспитаніе льва"). Александръ самъ началъ сомнѣваться въ своихъ первыхъ друзьяхъ, видя мало результатовъ отъ ихъ дѣятельности. Иностранныя дѣла перешли къ *Румянцеву*, поклоннику Наполеона; военнымъ министромъ сталъ *Аракчеевъ* за свою исполнительность, которой

онъ достигалъ жестокостью и неутомимостью. Но душой правленія сталъ *Сперанскій*.

§ 239. **Реформы Сперанскаго.**—Сперанскій—первый истинно государственный человѣкъ въ Россіи, какъ Суворовъ былъ первымъ истиннымъ полководцемъ. Сынъ сельскаго священника, онъ всѣмъ былъ обязанъ своимъ дарованіямъ и трудолюбію. Онъ отличался находчивостью въ дѣлахъ, умѣньемъ обобщать и придавать форму идеямъ, смѣлостью и энергіей въ широкой постановкѣ вопросовъ. Спер. былъ сначала учителемъ семинаріи въ Петербургѣ, потомъ секретаремъ у Куракина и Кочубея, который указалъ на него Александру. Онъ оказался такимъ дѣльнымъ докладчикомъ и такъ умѣлъ понравиться царю, искусно придавая форму его неяснымъ идеямъ и стремленіямъ, что былъ сдѣланъ секретаремъ государственнаго совѣта; Сперанскій сталъ единственнымъ помощникомъ царя во всемъ, правителемъ Россіи. При немъ развилась преобразовательная дѣятельность Александра; но англійское вліяніе смѣнилось французскимъ: Спер. былъ поклонникомъ Монтескье, Кондорсе и законодательства Наполеона (Code Napoléon). Нужно было начинать съ казны; но Спер. представилъ (1809) планъ преобразованія всего государственнаго строя, безъ чего не поправить финансовъ. Александръ оставилъ въ тайнѣ этотъ планъ, основанный на идеѣ всеобщаго подчиненія законамъ: рѣшились исполнить его незамѣтно, по частямъ. Въ 1810 г. дѣйствительно открылся *государственный совѣтъ* (по образцу Наполеоновскаго), раздѣленный на 4 департамента, съ общимъ собраніемъ подъ предсѣдательствомъ императора: онъ заготовлялъ проекты законовъ и указовъ, а также разсматривалъ ежегодные отчеты министровъ. Число министерствъ (они были основаны также по плану Спер.) было увеличено: введено и министерство полиціи, по примѣру Наполеона. Былъ внесенъ порядокъ въ занятія министровъ. Но дальнѣйшія реформы высшаго управленія остались на бумагѣ: совѣтъ, состоявшій изъ 35 придворныхъ, генераловъ и адмираловъ, опасался, что онѣ произведутъ смуту. Относительно финансовъ Спер. впервые смѣло объявилъ, что они испорчены прежними ошибками и что для поправленія ихъ требуются жертвы, труды, терпѣніе и рѣшительныя мѣры; онъ же первый объяснилъ, что бумажки—государственный долгъ и что ихъ паденіе неизбѣжно, но также неизбѣжно и справедливо возвысить подати, собираемыя бумажками. Манифестъ возвѣстилъ, что ассигнаціи признаются долгомъ, обезпеченнымъ всѣмъ государственнымъ богатствомъ, и что новыхъ

не будутъ дѣлать, а станутъ уничтожать старыя, сожигая ихъ и выдавая за нихъ серебро; съ этою цѣлью учреждается *Коммиссія погашенія долговъ*, сокращаются расходы, дѣлается внутренній заемъ, продается часть государственнныхъ имуществъ безъ крестьянъ (лѣса, мельницы и т. под.) и увеличивается подать съ крѣпостныхъ на треть (на 50 коп.), только на одинъ годъ. Чтобы ослабить значеніе бумажекъ и неудобной мѣди, выпустили серебряную размѣнную монету нетолько въ рубляхъ, какъ прежде, но и въ мелочи, до пятачка. Чтобы помочь обѣднѣвшему населенію, понизили иностранный тарифъ (Сперанскій, изучавшій Адама Смита, былъ сторонникомъ свободной торговли); а ввозъ колоніальныхъ товаровъ сдѣлалъ Россію транзитнымъ путемъ для Запада (§ 238). Чтобы ослабить зло чиновъ и возвысить образованіе, стали давать чины камер-юнкерамъ и камергерамъ только тогда, когда они занимали должности; а чинъ коллежскаго ассессора (VIII кл.), дававшій потомств. дворянство, связали съ университетскимъ дипломомъ или съ особымъ экзаменомъ. Наконецъ Сперанскій вступилъ въ *законодательную коммиссію*, устроенную еще въ 1801 г., гдѣ безполезно трудился ничтожный, корыстолюбивый и злой Розенкампфъ, не знавшій рус. языка. Онъ быстро повелъ дѣло, положивши въ основаніе Code Napoléon. Такія важныя реформы не могли привиться сразу, особенно при отсталости общества. Такъ камергеры получали чины, номинально причисляясь къ должностямъ; а экзамены на чинъ колл. ассес. обратились въ формальность. Государственныя имущества покупались плохо: капиталовъ было мало, и они лежали въ банкахъ, откуда правительство уже взяло ихъ. Внутренніе займы шли вяло, и деньги вносились облигаціями банковъ. Серебра выпустили мало, и при большихъ уплатахъ за-границу оно быстро исчезло. Все это могло колебать довѣріе впечатлительнаго Александра къ Спер А у Спер. была масса враговъ. Собственно за него могли стоять только крѣпостные: онъ твердилъ открыто, что спасеніе Россіи въ отмѣнѣ крѣпостнаго права. Но они знали только, что при немъ возвысилась подать, которую удержали по истеченіи перваго года. Въ то же время была возвышена подать съ государств. крестьянъ и съ горожанъ, а также увеличена цѣна соли и гербовой бумаги; пониженіе же тарифа подрывало заводчиковъ. Экзаменъ на чинъ озлоблялъ мелкое дворянство, привыкшее получать потомственное званіе за „выслугу“ въ канцеляріяхъ. Но больше всего роптала знать, начиная съ министровъ, которые

не хотѣли подчиняться госуд. совѣту. Она образовала въ Москвѣ партію „патріотовъ“, которые негодовали на выскочку и „якобинца“, желавшаго ввести всеобщее равенство и не знавшагося съ ними (Спер. женился на бѣдной англичанкѣ). Пользуясь добродушіемъ и боязливостью Александра, патріоты начали открыто говорить объ „измѣнѣ“ Сперанскаго, будто бы передавшагося Наполеону; появились „афишки“ Растопчина— грубые памфлеты въ народномъ духѣ противъ правителей-измѣнниковъ; въ Петербургѣ скоплялись просьбы и жалобы провинціальнаго дворянства. Но главнымъ выразителемъ мнѣній патріотовъ оказался мягкій, безхарактерный *Карамзинъ*: стала ходить въ рукописи его записка „О старой и новой Россіи“, гдѣ горячо отстаивался старый порядокъ и осмѣивались мѣры Сперанскаго, въ особенности „плохой переводъ книжки“ (Code Nap.), составленной нѣсколькими „экс-якобинцами“. Патріоты склонили на свою сторону остроумную и красивую Екатерину Павловну, которая проживала въ Твери, гдѣ было устроено свиданіе Карамзина съ императоромъ (1811). Александръ понялъ интригу—и Спер. уцѣлѣлъ. Но весной 1812 г. на царя подѣйствовалъ доносъ Розенкампфа и его пріятеля, министра полиціи: Спер. былъ сосланъ въ Пермь, безъ суда. Розенкампфъ сталъ опять начальникомъ законодательной коммиссіи; а государственнымъ секретаремъ сдѣлали набожнаго, но бездарнаго „патріота“, писателя Шишкова. Впослѣдствіи Спер былъ генералъ-губернаторомъ Сибири.

§ 240. **Отечественная война; низверженіе Наполеона.**—Сперанскій палъ жертвой ненависти русскихъ не только къ реформамъ, но и къ Наполеону. Тогда наши отношенія къ Франціи уже приходили къ разрыву: Наполеонъ придвигалъ войска къ Польшѣ и захватилъ, вопреки тильзитскому договору, владѣнія родственника Александра, герцога Ольденбургскаго. У насъ не было союзниковъ: мы были въ войнѣ съ Англіей и Турціей; въ Швеціи царствовалъ родственникъ Наполеона, Бернадотъ, а Пруссія, Германія и Италія находились въ его рукахъ; Австрія негодовала на насъ за 1809 г. и за успѣхи на Дунаѣ. Александръ думалъ поднять поляковъ, надѣясь, что эта „нравственная революція“ подѣйствуетъ и на порабощенныхъ нѣмцевъ: онъ хотѣлъ исполнить свою старую мысль о возстановленіи Польши съ условіемъ соединенія польской и русской короны въ одномъ лицѣ. Но Чарторижскій уже оставилъ русскую службу, и поляки стали за Францію. Такъ, Россія могла выставить только

200 т. плохо вооруженныхъ солдатъ, когда Наполеонъ перешелъ Нѣманъ (1812) съ полмилліономъ прекраснаго войска. Рѣшились вести оборонительную войну. Подражая Веллингтону, укрѣпились въ лагерѣ на Дриссѣ, подъ начальствомъ *Барклая де Толли*; но должны были покинуть его, тѣмъ болѣе, что часть арміи, съ *Багратіономъ* во главѣ, пришлось выдвинуть южнѣе, противъ Австріи, которая присоединилась къ французамъ. Но обѣ арміи должны были отступать, пока не соединились подъ Смоленскомъ, а потомъ по дорогѣ къ Москвѣ, давая мелкія, но жестокія битвы. Между тѣмъ, русскими овладѣвалъ поразительный патріотизмъ: дворянство выставляло цѣлые полки; купцы дѣлали огромныя пожертвованія; крестьяне бѣжали отъ непріятеля въ лѣса и въ глубину Россіи, ведя народную войну и уничтожая все добро. Начали негодовать на отступленіе и требовать смѣны иностранцевъ, такихъ же „измѣнниковъ", какъ Сперанскій. Александръ принужденъ былъ назначить генералъ-губернаторомъ Москвы *Растопчина*, а Барклая замѣнить старымъ и болѣзненнымъ генераломъ, *Кутузовымъ*. Кутузовъ уже по требованію всей націи не могъ отдать Москвы безъ боя и, въ 40 вер. отъ нея, далъ генеральную битву (22 авг.) подъ *Бородинымъ*: она была нерѣшительна, но русскіе должны были отступить на другой день. Французы вошли въ *Москву*, но сожженную Растопчинымъ. Наполеонъ думалъ, что, какъ нѣмцы, русскіе попросятъ мира, но тутъ оказалась его главная ошибка: онъ не зналъ характера русскихъ. Наряду съ обширностью и бѣдностью страны, его погубила стойкость непріятеля и упорство, дошедшее до фанатизма, до самоистребленія: эта война справедливо названа *Отечественною*. Александръ переродился, подъ вліяніемъ обстоятельствъ и всеобщаго энтузіазма: онъ объявилъ, что скорѣе отроститъ себѣ бороду и будетъ питаться чернымъ хлѣбомъ въ Сибири, чѣмъ сложитъ оружіе, пока хотя одинъ врагъ останется въ Россіи. Наполеонъ тщетно ждалъ мира, въ теченіе $1^1/_2$ мѣсяца—и долженъ былъ возвращаться съ обносившимися и голодными войсками, при наступающей зимѣ, которая впрочемъ запоздала и не была сурова. Онъ хотѣлъ пойти по неопустошенной дорогѣ, на Кіевъ; но его остановила тяжелая нерѣшительная битва у *Малоярославца*. Затѣмъ началось печальное бѣгство разстроенной „великой арміи", которая все еще удачно отбивалась, тѣмъ болѣе, что русскіе также истощились и не могли преслѣдовать ее энергично. Наша армія желала даже мира, но Александръ понялъ, что война можетъ

окончиться только съ паденіемъ высокомѣрнаго Наполеона—и 1 янв. 1813 русскіе перешли границу. Но они были такъ слабы (многіе полки были не больше батальоновъ), что не могли воевать безъ помощи Пруссіи, Австріи и поляковъ. Александръ снова пообѣщалъ возстановленіе Польши; но Чарторижскій требовалъ немедленнаго объявленія, что обидѣло бы Пруссію и Австрію, и возведенія на польскій престолъ не самого императора, а Михаила Павловича. Поляки болѣе довѣряли Наполеону, хотя онъ уже доказалъ, что они служатъ ему лишь орудіемъ: ихъ войска остались при французахъ—и герцогство Варшавское стало русскимъ завоеваніемъ. Русскіе не разъ были разбиты (Бауценъ) даже послѣ присоединенія къ нимъ пруссаковъ. Это заставило Австрію вступить въ союзъ съ ними; но союзники потерпѣли жестокое пораженіе подъ *Дрезденомъ*; они уничтожили Наполеона, у *Лейпцига*, только тогда, когда у нихъ скопилось гораздо больше войска, чѣмъ у него. Въ 1814 г. союзники низвергли Наполеона, который успѣлъ нанести имъ еще нѣсколько пораженій, и возстановили Бурбоновъ. При этомъ Александръ нравственно игралъ первую роль. Онъ поразилъ всѣхъ своимъ рыцарскимъ благородствомъ въ обращеніи съ парижанами и заставилъ Людовика XVIII подписать „хартію", т.-е. дать конституцію французамъ. Александръ тогда еще считалъ своимъ долгомъ быть главою либерализма въ Европѣ и негодовалъ на Австрію, которая была вождемъ консерватизма, въ лицѣ своего императора, *Франца I*, и *Меттерниха*.

§ 241. **Мистицизмъ и либерализмъ.** — Но вскорѣ въ Александрѣ произошелъ нравственный переворотъ. Напряженіе ума и душевныя волненія при борьбѣ съ Наполеономъ убили его слабую волю и развили природную мечтательность. Александръ впалъ въ *мистицизмъ*, который овладѣвалъ тогда и зап. обществомъ. Но на Зап. это настроеніе проявлялось въ усиленіи католичества, въ возвращеніи къ среднимъ вѣкамъ; у Александра же оно болѣе напоминало масонство и протестантскій піетизмъ, особенно ученіе моравскихъ братьевъ. Александръ былъ равнодушенъ къ существующимъ религіямъ: онъ мечталъ объ евангельской жизни, о водвореніи мира и добра путемъ самоотреченія. Этотъ путь указалъ ему, когда горѣла Москва, другъ его дѣтства, мистикъ *Голицынъ*. На медали, въ память изгнанія французовъ, было изображено око Провидѣнія, съ надписью: „не намъ, не намъ, а имени Твоему". Тогда же возникло *Библейское Общество*, по примѣру англичанъ, для распространенія

Библіи на всѣхъ языкахъ, и во главѣ его сталъ императоръ. На пути въ Парижъ, Александръ встрѣтился съ болѣзненною пророчицей, баронессой *Крюденеръ*, которая утвердила его въ мистицизмѣ. Отсюда идея *Священнаго Союза* (1815) между государями для управленія въ духѣ христіанской любви и миролюбія. Возвратившись домой, Александръ былъ пораженъ разстройствомъ страны и казнокрадствомъ, развившимся при войнахъ, а также всеобщимъ недовольствомъ противъ него, какъ либерала и друга поляковъ. Имъ еще болѣе овладѣли апатія и самоотреченіе. Онъ сталъ уединяться: его, также какъ и скромной Елизаветы Алексѣевны, не было замѣтно въ придворной жизни, которая сосредоточивалась только вокругъ Маріи Ѳедоровны. Онъ проводилъ время въ меланхолическихъ мечтаніяхъ и уклонялся отъ дѣлъ, интересуясь только парадами. Сначала новое направленіе соединялось у Александра съ старымъ. Онъ отстаивалъ „либеральныя учрежденія“ во Франціи, Испаніи и Германіи, причемъ боролся съ Англіей, гдѣ консервативное (торійское) министерство старалось задержать развитіе материка; увлеченный этою задачей, онъ не обращалъ вниманія на восточный вопросъ, къ неудовольствію „патріотовъ“. Александръ все мечталъ осчастливить поляковъ, освободить крестьянъ и преобразовать Россію; его довѣреннымъ лицомъ былъ *Каподистрія*, просвѣщенный и либеральный грекъ, управлявшій внѣшними дѣлами вмѣсто Румянцева. Въ 1819 г. былъ основанъ *петербургскій университетъ* и составлялись планы отмѣны крѣпостничества. Тогда же пало значеніе іезуитовъ, которое развивалось сначала, съ помощью ловкаго сардинскаго посланника, *де-Местра*. Іезуиты вліяли на знать своею проповѣдью противъ „опасныхъ“ идей, а на Александра – увѣреніями, что они хотятъ просвѣщать народъ, вносить цивилизацію среди инородцевъ. Они обратили въ католичество нѣсколько знатныхъ дамъ, въ томъ числѣ жену Растопчина и вліятельную при дворѣ Нарышкину; за нихъ стояли поляки, франц. эмигранты, даже Голицынъ и Кочубей. У нихъ было 14 т. душъ крестьянъ, много миссій и резиденцій отъ Риги до Одессы и Астрахани; Груберъ (§ 221) сталъ генераломъ ордена и завелъ обширную школу въ Петербургѣ, гдѣ заставлялъ дѣтей русской знати участвовать въ католическомъ богослуженіи; а полоцкая коллегія получила университетскія права. Но въ 1815 г. іезуиты, вмѣстѣ съ де-Местромъ, были изгнаны изъ столицъ, а потомъ и изъ Россіи, когда они обратили въ католичество племянника Голицына и возстали противъ

Библейскаго Общества; затѣмъ католическая церковь въ Россіи была подчинена императору, по примѣру Наполеона. Тогда же (1815) Александръ, вопреки другимъ державамъ, образовалъ *Царство Польское* изъ герцогства Варшавскаго и даровалъ ему конституцію. При открытіи сейма (1818) онъ горячо говорилъ за конституцію, обѣщая ввести ее и въ Россіи. Подъ вліяніемъ этой рѣчи, въ нашемъ обществѣ послышались слабые голоса въ пользу либерализма. Уваровъ (попечитель петерб. учебн. округа) и Куницынъ (профес. царскосельск. лицея) прославляли конституцію; Пушкинъ писалъ „вольные" стихи; Библейское Общество не только распространяло Библію (до милл. экземп.), но перевело Новый Завѣтъ на рус. яз. и основало много сельскихъ школъ.

§ 242. **Реакція.**—Но рядомъ обнаруживалась реакція, которая усиливалась, особенно съ 1818 г., когда Александру впервые донесли о возникновеніи тайныхъ обществъ въ Россіи, что глубоко оскорбило его. Мистицизмъ самъ по себѣ велъ къ этому, въ особенности подъ вліяніемъ духа реакціи, который пробудился тогда въ русскомъ обществѣ и въ правительствахъ Запада. Тогда Меттернихъ выдвигался на первый планъ. Уже въ 1813 г., вслѣдствіе слабости Россіи и Пруссіи предъ Наполеономъ, Австрія потребовала искорененія „опасныхъ принциповъ" (призывъ нѣмцевъ возстать противъ французовъ), и Александръ долженъ былъ уступить. Затѣмъ Меттернихъ сдѣлалъ Свящ. Союзъ орудіемъ абсолютизма и старины: Россія, Австрія и Пруссія составили группу „сѣверныхъ державъ", враждебныхъ либерализму. Россія содѣйствовала ему усмирять либераловъ въ Германіи, Италіи, Испаніи и Португаліи, участвуя въ реакціонныхъ конгрессахъ (1818—1822). Меттернихъ даже убѣдилъ Александра не помогать грекамъ, какъ бунтовщикамъ, когда они возстали (1821) противъ турокъ. Въ Польшѣ, вслѣдствіе смѣлыхъ рѣчей на сеймѣ, предписано было *Константину Павловичу* управлять помимо конституціи. Внутри Россіи не была безплодна проповѣдь іезуитовъ. „Патріоты" встревожились отъ варшавской рѣчи императора. Карамзинъ предостерегалъ отъ мысли объ освобожденіи крестьянъ и презиралъ конституцію, что отразилось и на его „Исторіи" (1818); Растопчинъ опасался революціи, тѣмъ болѣе, что въ Семеновскомъ полку вспыхнуло неудовольствіе противъ жестокости командировъ (1820); архимандритъ *Фотій* прямо говорилъ царю то же самое, „какъ возвѣститель Откровенія Божія". Каподистрію замѣнилъ

другъ Меттерниха, *Нессельроде*; по внутреннимъ дѣламъ выдвинулись *Голицынъ* и *Аракчеевъ*. Голицынъ управлялъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, съ которымъ соединили духовныя дѣла для утвержденія „христіанскаго благочестія" (1817); онъ раздавалъ мѣста роднымъ и друзьямъ г-жи Крюденеръ, которая поселилась въ Петербургѣ. Голицынъ обратилъ Библ. Общество въ казенное учрежденіе для развитія благочестія, издавалъ мистическія книги, выписывалъ западныхъ проповѣдниковъ. Въ то же время стали выдвигать военную службу предпочтительно передъ гражданской; а просвѣщеніе было въ застоѣ (на все министерство отпускалось только $1^1/_2$ милл. р.). Въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ не было учителей; приходскія училища числились только по имени, такъ какъ въ нихъ должны были даромъ преподавать священники. Болѣе заботились о высшемъ образованіи: кромѣ петербургскаго, былъ основанъ варшавскій университетъ, а также ришельевскій лицей въ Одессѣ (1817), что́ вызвало пожертвованія Демидова и Лазарева (Демидовскій лицей въ Ярославлѣ и Лазаревскій институтъ въ Москвѣ). Но, отыскивая всюду „вольнодумство", Голицынъ обратилъ университеты почти въ монастыри, съ помощью *Магницкаго* и *Рунича*—суровыхъ и рѣшительныхъ попечителей въ Казани и Петербургѣ. Многіе профессора были удалены или вышли въ отставку; Пушкинъ былъ отправленъ на службу въ Екатеринославъ; цензура дошла до того, что даже Карамзинъ считалъ литературу невозможною. Матеріальное положеніе народа было столь же печально. Крестьяне получили свободу только въ Эстляндіи и Лифляндіи (1819), и только личную: имъ не дали земли, и они очутились въ рукахъ землевладѣльцевъ, которымъ еще была предоставлена вотчинная полиція. Народъ былъ истощенъ податями, развитіемъ виннаго откупа и рекрутчиной (въ 1805—1815 гг. было взято $1^1/_2$ милл. рекрутъ). Духовенство негодовало на подчиненіе синода Голицыну, который притомъ былъ ближе къ протестантизму, чѣмъ къ православію. Фотій соединился съ „патріотомъ" Шишковымъ и съ Аракчеевымъ — и Голицынъ палъ, какъ человѣкъ опасный (1824). Его мѣсто занялъ *Шишковъ*, который считалъ орудіями вольнодумства Библ. Общество, русскій переводъ Библіи и Катехизисъ Филарета, получившій награду отъ синода. Но душой правленія, подобно Сперанскому, сталъ *Аракчеевъ*, крайне суровый и подозрительный формалистъ, который не зналъ языковъ и не прочелъ ни одной

книги. Онъ устроилъ (1816), по примѣру Австріи, безполезныя *военныя поселенія* (въ Новгор. губ. и на югѣ), бывшія новымъ крѣпостничествомъ, и такимъ, что черезъ годъ поселенцы возстали противъ жестокостей начальниковъ. Тогда возникли тайныя политическія общества, желавшія частью конституціи, частью республики. Среди болѣе умѣренныхъ выдавался *Николай Тургеневъ*, среди революціонеровъ — *Пестель*. Послѣ смерти Александра (въ Таганрогѣ, въ концѣ 1825), революціонеры могли воспользоваться тѣмъ, что онъ не успѣлъ обнародовать своего рѣшенія передать престолъ младшему брату, Николаю, такъ какъ старшій, Константинъ, отрекся отъ своихъ правъ.

§ 243. **Николай I. Персія и Турція; польское возстаніе.**— 14-го дек. 1825 часть гвардейцевъ взбунтовалась, подъ вліяніемъ революціонеровъ, принадлежавшихъ къ знати: они требовали „Константина" и „конституціи". Мятежъ былъ немедленно подавленъ: 5 *декабристовъ* (Пестель, Рылѣевъ, Муравьевъ-Апостолъ и др.) были казнены; остальныхъ сослали въ Сибирь. Сразу установилось твердое правленіе. *Николай I* предпочиталъ европейскому образованію національную простоту, православіе и военное дѣло и не довѣрялъ интеллигенціи. Онъ обладалъ желѣзнымъ характеромъ, энергіей, трудолюбіемъ и гордостью; цѣня порядокъ выше всего, онъ былъ необыкновенно строгъ и высоко ставилъ свою власть и могущество Россіи. Отсюда программа его царствованія — „православіе, самодержавіе и народность". Бунтъ декабристовъ, потомъ польское возстаніе и волненія на Западѣ укрѣпляли твердое направленіе Николая, которое раздѣляла его супруга, *Александра Ѳедоровна* прусская. Николай содѣйствовалъ возобновленію Свящ. союза на конгрессѣ сѣв. державъ въ *Мюнхенгрецѣ* (1833), направленномъ противъ либерализма и свободы печати, и сталъ вождемъ консерватизма и абсолютизма въ Европѣ, особенно послѣ паденія Меттерниха (1848). Такъ какъ не могло происходить внутреннихъ преобразованій, и Николай пристрастился къ военному элементу, то его царствованіе отличалось воинственнымъ характеромъ, причемъ *иностранная политика* была *національна:* въ интересахъ Россіи, онъ даже бросилъ голштинскій вопросъ и сталъ за Данію противъ нѣмцевъ. Тотчасъ по вступленіи на престолъ пришлось бороться съ *Персіей*, которая напала на Кавказъ и подняла грузинъ, считая Россію разслабленною декабрьскимъ бунтомъ. *Паскевичъ* „эриванскій" нанесъ персіянамъ нѣсколько пораженій, взялъ главную крѣпость, Эри-

вань, и вторгнулся въ ихъ собственные предѣлы. По миру въ *Туркманчаѣ* (1828) мы пріобрѣли Эривань и Нахичевань; армянскій патріархъ, жившій въ Эчміадзинѣ, сталъ русскимъ подданнымъ. Вслѣдъ затѣмъ Николай, въ союзѣ съ Франціей и Англіей, выступилъ на защиту Греціи. Русскіе взяли много турецкихъ крѣпостей у Дуная (Силистрія), на зап. и вост. берегу Черн. м. (Варна, Анапа) и въ Азіи (Карсъ, Ахалцыхъ); *Дибичъ* „забалканскій" перешелъ Балканы. По *адріанопольскому* миру (1829) мы получили устья Дуная, вост. берегъ Чернаго м. и Ахалцыхъ, а также покровительство надъ румынами и сербами; Греція была признана независимой. Вслѣдъ затѣмъ вспыхнуло *польское* возстаніе. Обладая, въ силу конституціи, собственнымъ управленіемъ и арміей, поляки энергически готовили умы къ возстановленію своего отечества (§ 235). Подъ вліяніемъ строгости Николая, іюльской революціи да обѣщаній Франціи и Англіи, они возстали, въ концѣ 1830 г., требуя отъ Константина возстановленія всей Рѣчи Посполитой; но онъ удалился, едва спасшись отъ смерти. Тогда назначили временное правительство (Лелевель, Чарторижскій и др.) и отвергли русскій царствующій домъ. Сначала поляки имѣли успѣхъ даже въ битвахъ: нашихъ войскъ было немного, и среди нихъ появилась холера, сразившая Константина и Дибича; польскія диверсіи въ Подолію и особенно на Литву (Гельгудъ и графиня Платеръ) производили волненіе между шляхтой. Но народъ не пошелъ за поляками, которые тогда же отвергли на сеймѣ идею освобожденія крестьянъ; русскіе получили подкрѣпленія, и имъ помогли Пруссія и Австрія; а Франція съ Англіей, занятыя внутренними дѣлами и возстаніемъ бельгійцевъ, ничего не сдѣлали для поляковъ. Въ упорныхъ битвахъ при *Гроховѣ* и *Остроленкѣ* поляки потерпѣли жестокія пораженія, и Паскевичъ взялъ Варшаву (1831). Николай уничтожилъ конституцію, закрылъ варш. и вилен. университеты и назначилъ *Паскевича* намѣстникомъ Царства Польскаго, предписавъ ему самыя строгія мѣры.

§ 244. **Англія, Кавказъ и Востокъ.** – Въ 1833 г. Николай снова вмѣшался въ дѣла Порты, переживавшей кризисъ. Тогда быстро возвысился умный и просвѣщенный хедивъ (намѣстникъ) Египта, *Мехмедъ-Али*, которому помогалъ его сынъ, даровитый полководецъ, *Ибрагимъ-паша*. Онъ ввелъ у себя европейскія порядки, завоевалъ Сирію, Аравію, часть Архипелага и рѣшился стать главой исламизма вмѣсто падающей Порты. Идея Нико-

лая въ вост. вопросѣ требовала поддержанія распадающейся Турціи, которую легко было ослаблять постепеннымъ образованіемъ мелкихъ, не опасныхъ Россіи, государствъ на Балкан. полуостровѣ. Русскія войска двинулись на помощь Портѣ и, безъ битвъ съ египтянами, добились договора въ *Ункіаръ-Скелесси*, по которому Дарданеллы были закрыты для военныхъ судовъ всѣхъ державъ, кромѣ Россіи. Здѣсь начало упорнаго соперничества Запада, особенно Англіи, съ Россіей въ *восточномъ вопросѣ*: опасаясь усиленія Россіи насчетъ Порты, Европа стала защищать турокъ и подавлять развитіе славянъ, въ которыхъ она видѣла орудіе нашей дипломатіи. Англія начала всячески вредить Россіи, поддерживая кавказскихъ горцевъ, подрывая нашу политику на Востокѣ и интригуя въ Портѣ. Она продлила нашу борьбу съ *горцами*, которая была неизбѣжна сама по себѣ. Тогда, съ утвержденіемъ нашего владычества среди грузинъ и армянъ и на вост. берегу Чернаго м., горцы становились уединеннымъ разбойничьимъ гнѣздомъ. Передъ своею погибелью они сдѣлались опасными. Прежде горцы были разъединены различными вліяніями (§§ 166, 177); при *Ермоловѣ* военно-грузинская дорога была безопасна, и все было спокойно вокругъ крѣпостей по Кубани и Тереку. Но ок. 1830 г. восточные горцы (чеченцы и лезгины Дагестана) были объединены религіозно-демократическимъ ученіемъ, *мюридизмомъ*, и ихъ первый „имамъ“, *Кази-Мулла*, объявилъ борьбу съ русскими до послѣдняго издыханія; поднялись и зап. горцы, встревоженные нашимъ появленіемъ на берегу Чернаго м. Кази-Мулла успѣлъ принести много вреда (взялъ даже Кизляръ), пока не уничтожили его, разрушивши аулъ Гимры (1832). Его замѣнилъ болѣе даровитый и упорный *Шамиль*; когда было взято его укрѣпленіе, Ахульго (въ Чечнѣ), онъ утвердился въ Дарго, откуда дѣлалъ набѣги даже на Терекъ, поразилъ русскихъ въ нѣсколькихъ битвахъ и взялъ нѣсколько укрѣпленій съ пушками: весь Дагестанъ снова подчинился мюридамъ (1843). Тогда, въ намѣстничество *Воронцова* (1846—1856), стали вести систематическую борьбу: подвигались въ горы постепенно, вырубая лѣса, строя дороги и укрѣпленныя „линіи“, развивая торговыя сношенія съ горцами. Шамиль уже рѣдко отваживался на большіе набѣги. Но намъ все еще приходилось содержать до 200 т. войска на Кавказѣ, тѣмъ болѣе, что и зап. горцы не безъ успѣха боролись съ нашими черноморскими укрѣпленіями (Анапа, Сухумъ, Поти), получая боевые припасы изъ Англіи, чему не могла по-

мѣшать наша ничтожная эскадра. Въ то же время Англія вмѣшалась въ дѣла *Афганистана* и поставила тамъ своего князька; а Николай послалъ отрядъ Перовскаго въ *Хиву* (1839), которая грабила нашихъ купцовъ. Вслѣдствіе суровой природы, экспедиція Перовскаго была неудачна; но испуганный ханъ выказалъ покорность; въ то же время англичане были изгнаны изъ Афганистана. Англія работала противъ насъ также въ Персіи и Китаѣ, но безуспѣшно. Персія страшилась нашего оружія; а китайцы дружили съ нами (допустили даже нашу миссію въ Пекинѣ), вслѣдствіе вражды къ англичанамъ, которая привела даже къ „войнѣ за опіумъ". Если Англія пріобрѣла (1842) право опаивать китайцевъ опіумомъ и открытіе 4 портовъ, зато Россія пріобрѣла ихъ довѣріе, запретивши своимъ купцамъ торговлю опіумомъ. Но главная борьба между Россіей и Англіей происходила въ Портѣ. Николай собирался уничтожить Мехмеда-Али и захватить все вліяніе въ Константинополѣ; но англичане поддержали хедива и взяли въ свои руки Египетъ, а потомъ и Турцію. Борьба двухъ дипломатій особенно разгорѣлась съ вступленіемъ въ министерство смѣлаго *Пальмерстона* (1846), который былъ притомъ вождемъ революціонеровъ на материкѣ. Между тѣмъ, какъ англ. посланникъ, *Редклифъ*, лично ненавидѣвшій русскихъ, сильно вредилъ намъ въ Портѣ, Николай грозилъ выгнать всѣхъ англичанъ изъ Россіи (1850).

§ 245. **Законы, финансы, крестьяне, унія.** — Во внутреннихъ дѣлахъ развивались главные изъ прежнихъ вопросовъ, но въ консервативномъ духѣ, особенно послѣ польскаго мятежа. Это видно уже изъ судьбы *Сперанскаго*, который продолжалъ свой законодательный трудъ, но какъ чернорабочій, какъ чиновникъ *II-го отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи*. Самый этотъ трудъ былъ исполненіемъ программы Николая: въ немъ не допускалось ничего иностраннаго. *Сводъ законовъ* (1833) былъ выборкой изъ 45 томовъ *Полнаго собранія законовъ*, начиная съ Алексѣя. Онъ былъ слишкомъ обширенъ (15 том.) и не вполнѣ систематизованъ: самъ Сперанскій собирался усовершенствовать его. Значеніемъ пользовался трудолюбивый и упорный нѣмецъ, *Канкринъ*, который смотрѣлъ на государственную задачу Россіи иначе, чѣмъ Сперанскій. Это былъ противникъ либеральнаго направленія и протекціонистъ (врагъ свободной торговли) въ экономическихъ вопросахъ. Онъ не связывалъ финансовъ съ реформами, а поправлялъ ихъ временно, добросовѣстно, но по старому способу. Канкринъ сталъ министромъ финансовъ

еще въ 1823 г., когда бумажекъ было уже болѣе, чѣмъ на 800 милл., когда приходилось платить 5 милл. однихъ процентовъ по внѣшнимъ займамъ, а кругомъ были банкротства, недоимки, милліонныя растраты казенныхъ суммъ. Онъ ввелъ порядокъ и экономію, обогатилъ промышленниковъ высокимъ тарифомъ, усилилъ добываніе золота въ Сибири (до 1 т. пудовъ вмѣсто 70); курсъ возвысился, и появилась иностранная звонкая монета. Затѣмъ была введена (1839) новая монетная единица, *серебряный рубль* (3 р. 50 к. ассигн.). А когда появилось много металла въ обращеніи и бумажками стали дорожить, Канкринъ началъ обмѣнивать звонкую монету и слитки на „депозитки" (госуд. обязательства), которыя были замѣнены потомъ (1843) *кредитными билетами.* Но Канкринъ не улучшилъ податной системы, тяготѣвшей на бѣдныхъ, которые обогащали также фабрикантовъ, не боявшихся соперничества иностранныхъ товаровъ. Онъ возстановлялъ откупа, особенно покровительствуя винному, былъ врагомъ малѣйшей гласности въ финансахъ и желѣзныхъ дорогъ: первая, *николаевская, дорога* (на 600 вер. отъ Москвы до Петерб.) была устроена (1851) лишь по настоянію Николая; притомъ, при казенной постройкѣ, она обошлась такъ дорого, что ее можно бы было довести до Крыма. Такъ, страна оставалась бѣдною. Особенно тяжело было положеніе крестьянъ: казеннымъ крестьянамъ мало помогло учрежденіе *министерства государственныхъ имуществъ* (1837), требовавшее новыхъ расходовъ; а участь крѣпостныхъ не могла быть облегчена мелкими мѣрами для ограниченія власти господъ, тѣмъ болѣе, что помѣщики наполовину владѣли всего 10—20 душами, которыми старались прокормиться. Секретные комитеты, которыхъ было нѣсколько до 1848 г., не приводили ни къ чему, кромѣ безплодныхъ записокъ (Кисилева, Перовскаго) о подготовкѣ освобожденія крестьянъ. Во все царствованіе Николая не прекращались бунты крестьянъ, по самымъ нелѣпымъ слухамъ; въ Оренбургской губ. (1843) мятежники сражались даже съ войсками. Сильно волновались крестьяне въ Эстляндіи и Лифляндіи: надѣясь избавиться отъ помѣщиковъ, они массами переходили въ православіе; но ихъ постигали за это жестокія экзекуціи. Только въ зап. краѣ, послѣ 1831 г., была улучшена участь крѣпостныхъ, чтобы отвлечь ихъ отъ поляковъ: тамъ строго вводились *инвентари* или опредѣленіе барщинъ, причемъ особенною твердостью отличился любимецъ Николая, кіевскій генералъ-губернаторъ, *Бибиковъ.* Тяжелое положеніе массъ, въ

связи съ невѣжествомъ, вызвало бунты, по поводу *холеры* 1831 г.: народъ вообразилъ, что поляки подкупили врачей и начальство отравлять его. Въ Петербургѣ мятежъ былъ усмиренъ только личнымъ мужествомъ государя; въ новгород. военныхъ поселеніяхъ пострадало много суровыхъ начальниковъ. Сильно развивалось недовольство и между *раскольниками*: ихъ преслѣдовали; тайные комитеты ревностно отыскивали всякія секты. Но полицейскія мѣры только усиливали взяточничество; а расколъ сдѣлалъ тогда большіе успѣхи (§ 254). Стремленіе утверждать православіе выразилось и въ зап. краѣ. Тамъ, передъ паденіемъ Рѣчи Посполитой, русское населеніе было сильно ополячено, какъ видно изъ судьбы *уніатовъ*. Унія совсѣмъ превращалась въ католичество, особенно благодаря уніатскимъ монахамъ, базиліанамъ, чему помогало и пристрастіе Павла къ іезуитамъ. При Александрѣ обратили вниманіе на уніатовъ: для нихъ было устроено особое управленіе, въ которомъ участвовалъ преданный Россіи митроп. литовскій, *Сѣмашко*. Николай уничтожилъ орденъ базиліанъ и основалъ училища для уніатовъ въ православномъ духѣ. Въ 1839 г. произошло *уничтоженіе уніи*, которая сохранилась только въ холмской епархіи; немногіе изъ священниковъ, не желавшихъ присоединиться къ православію, были высланы внутрь Россіи.

§ 246. **Просвѣщеніе и реакція.** Много было сдѣлано относительно просвѣщенія, благодаря образованному и мягкому министру, *Уварову* (1833—1849); но здѣсь же яснѣе всего видно направленіе царствованія. Въ 1828 г. явился *уставъ гимназій* и *училищъ*. Гимназіи (съ лат. и новыми языками) были преобразованы въ 1849: въ однѣхъ былъ введенъ греч. яз., въ другихъ естествознаніе; съ IV класса онѣ распадались на 2 отдѣленія— съ лат. яз. для идущихъ въ университетъ и съ законовѣдѣніемъ для поступающихъ на службу Хотя гимназіи, также какъ и университеты, были открыты для всѣхъ сословій, кромѣ крѣпостныхъ, правительство заботилось о выдѣленіи дворянства, какъ главной опоры престола. Оно выдвигало *благородные пансіоны*, надѣляя ихъ особыми правами и стѣсняя частныя училища; а купцовъ и мѣщанъ старались не пускать дальше уѣздныхъ училищъ: имъ дали здѣсь нѣкоторыя права, ихъ завлекали учрежденіемъ реальныхъ классовъ; при поступленіи же въ гимназію отъ нихъ требовали трудно добываемыя „увольнительныя свидѣтельства“ отъ ихъ обществъ. При Уваровѣ явился *университетскій уставъ* (1835), близкій къ нѣмецкимъ порядкамъ: онъ

доставлялъ профессорской корпораціи свободу преподаванія и самостоятельность, увеличивалъ средства университетовъ и число каѳедръ. Тогда же появились *Археографическая коммиссія, Пулковская* (николаевск.) *обсерваторія*, рядъ ученыхъ экспедицій на сѣверъ и на Кавказъ, а въ 1833 г. основанъ *кіевскій университетъ* вмѣсто виленскаго; при университетахъ образовались реальные курсы (по сельск. хозяйству). Попечители, обыкновенно изъ строгихъ военныхъ, а также генералъ-губернаторы отличались крайнею заботливостью относительно внѣшняго порядка, соблюденія формы и проведенія офиціальной программы (§ 243). Въ зап. и остзейск. краяхъ особенно замѣчалось стремленіе къ обрусѣнію посредствомъ школъ. Консерватизмъ развивался въ сферѣ просвѣщенія, особенно съ 1845 г., когда возвысили плату въ университетахъ и гимназіяхъ, а затѣмъ (1849) ограничили число студентовъ въ каждомъ университетѣ до 300. Нѣкоторые университеты подчинили генералъ-губернаторамъ; въ другихъ приказали попечителямъ и ректорамъ требовать отъ профессоровъ программъ; также строго слѣдили за духомъ преподаванія во всѣхъ заведеніяхъ, не исключая частныхъ. Въ 1850 г., пользуясь раздѣленіемъ философскаго факультета на историко-филологическій и физико-математическій, поручили читать философскія науки профессорамъ богословія. Въ 1854 г. въ университетахъ и гимназіяхъ были введены маршировка, строевой уставъ, преподаваніе артиллеріи и фортификаціи. Тогда же были затруднены поѣздки за-границу (за паспортъ брали 250 р.); цензура, усиленная уже въ 1828 г. высшимъ комитетомъ для надзора за самими цензорами, стала еще суровѣе съ передачею ея изъ мин. нар. просв. министерству внутр. дѣлъ; а *III Отдѣленіе* собств. е. в. канцеляріи (тайная полиція съ 1826 г.) стало необыкновенно ревностно и бдительно. Развитіе реакціи происходило отчасти подъ вліяніемъ волненій на Зап., которыя привели къ февральской революціи (§ 234) и едва не коснулись Царства Польскаго. Польская эмиграція въ Парижѣ работала энергично, съ помощью либеральныхъ правительствъ. Она устроила богатую школу, издавала журналъ и много брошюръ, которыя ввозились въ Польшу, особенно черезъ ксендзовъ. Она доходила въ своихъ мечтахъ до мистицизма: было общество *мессіанцевъ* (Мицкевичъ, Товіанскій), возвѣщавшее что русскіе—финны и татары, а истинные славяне—поляки, и они обновятъ даже Зап. съ помощью новаго Мессіи, предтечей котораго былъ Наполеонъ. Въ 1846 г. эмиграція, съ *Мѣрослав-*

скимъ во главѣ, сосредоточилась въ вольномъ городѣ Краковѣ и произвела мятежъ въ Познани и Галиціи, надѣясь перейти оттуда въ Россію. Но въ Познани крестьяне остались равнодушными и пруссаки посадили Мѣрославскаго въ тюрьму; а въ зап. Галиціи (въ восточную эмигранты не посмѣли показаться) они возстали противъ мятежниковъ и пановъ и избили ихъ до 10 т.; въ Краковъ же пришли русскія войска, и онъ былъ присоединенъ къ Австріи. Въ 1848 г. нѣмецкіе либералы помогли Мѣрославскому сдѣлать новую попытку въ Познани и Краковѣ; но ему пришлось бѣжать. Тогда эмигранты примкнули къ возстанію венгерцевъ, которые хотѣли отдѣлиться отъ Австріи, пользуясь революціей въ Вѣнѣ. Это возстаніе казалось Николаю приближеніемъ революціи къ Россіи. Когда венгерцы поразили войска австрійскаго императора, онъ вмѣшался, воспользовавшись, какъ предлогомъ, участіемъ поляковъ въ возстаніи. Паскевичъ принудилъ венгерцевъ къ капитуляціи въ Виллагошѣ (1849)—и консервативная Австрія была спасена. Когда потомъ (1850) конституціонная Пруссія двинулась-было противъ Габсбурговъ, Николай снова спасъ ихъ своимъ вмѣшательствомъ. А между тѣмъ, Австрія тогда уже выступила противъ насъ въ вост. вопросѣ: она остановила успѣхи Омера-паши въ Черногоріи (1853), чтобы разрушить русское вліяніе среди балканскихъ славянъ.

§ 247. **Крымская война.**—Вмѣшательство Австріи въ дѣла Турціи было первымъ признакомъ европейской войны изъ-за вост. вопроса. Вторымъ признакомъ было желаніе Франціи пріобрѣсти вліяніе на Востокѣ, въ лицѣ Наполеона III, ставшаго тогда императоромъ. Наполеонъ принялъ жалобы католиковъ на притѣсненія ихъ богомольцевъ въ Іерусалимѣ со стороны православныхъ, которымъ всюду энергично помогалъ Николай. Наполеонъ заставилъ Порту передать ключи отъ церкви Гроба Господня католич. патріарху. Тогда нашъ посолъ *Меньшиковъ* грозно потребовалъ у султана *Абдулъ-Меджида* подтвержденія протектората Россіи надъ всѣми православными въ турецкой имперіи. Это было предлогомъ къ *Крымской* войнѣ, которую подготовила главнымъ образомъ Англія (§ 244). Наши войска (Горчаковъ) заняли Молдавію и Валахію и осадили Силистрію за Дунаемъ; въ Азіи они разбили турокъ, при Башъ-кадыклярѣ, а Нахимовъ уничтожилъ ихъ флотъ у *Синопа* (1853). Тогда Франція, Англія и Сардинія вступились за Порту, а Австрія выставила армію въ Галиціи и заняла Молдо-Валахію; русскія

же войска отступили за Прутъ. Англо-франц. флотъ бомбардировалъ Одессу, разрушилъ Керчь и безполезно появлялся у Кронштадта, на Бѣломъ м., подлѣ Камчатки. Союзныя войска собрались въ Варнѣ и Добруджѣ, чтобы оттуда проникнуть въ Россію; но, потерявши много людей отъ болѣзней, отплыли въ Крымъ. У р. *Альмы* они принудили къ отступленію корпусъ Меньшикова и подошли къ *Севастополю*. Но русскіе затопили свой военный флотъ у входа въ гавань и окружили городъ сильными укрѣпленіями, благодаря инженеру Тотлебену († 1884). Послѣ неудачной бомбардировки и нѣсколькихъ битвъ (Инкерманъ), гдѣ англичане терпѣли пораженія, а французы и турки брали верхъ, союзники приступили къ правильной осадѣ Севастополя, которая длилась около года. Отразивъ нападеніе русскихъ у *Черной Рѣчки*, они взяли *Малаховъ курганъ* (главное укрѣпленіе)—и Севастополь палъ, разрушенный 3-недѣльною бомбардировкой (27 авг. 1855). Но русскіе утвердились на сторонѣ гавани и въ горахъ, а Муравьевъ взялъ *Карсъ*; союзники же были истощены; ихъ флотъ не могъ даже разрушить военныя сооруженія въ Николаевѣ. Паденіе Севастополя и Карса удовлетворяло честь обѣихъ сторонъ. Въ Россіи былъ уже новый императоръ: Николай I умеръ (февр. 1855) отъ огорченія и излишнихъ трудовъ. Въ 1856 г., въ Парижѣ былъ заключенъ миръ. Союзники возвратили все завоеванное, но получили протекторатъ надъ румынами и христіанами на Востокѣ, обязавши Порту даровать имъ права наравнѣ съ магометанами. Россія возвращала Портѣ Карсъ и уступала устья Дуная съ частью Бессарабіи; она обязалась содержать въ Черномъ м. флотъ не болѣе турецкаго и не возводить на его берегахъ военныхъ сооруженій; судоходство по Дунаю было объявлено свободнымъ для всѣхъ.

§ 248. **Преобразованія Александра II.**—Прекративши Крымскую войну, *Александръ II* посвятилъ себя внутреннему развитію Россіи: его царствованіе было *преобразовательное*. Это соотвѣтствовало его миролюбивому, гуманному характеру и гражданскому воспитанію, которымъ руководилъ Жуковскій; этого требовали и обстоятельства. Царствованіе Николая было посвящено преимущественно развитію военныхъ силъ и внѣшней политики; а Крымская война доказала, что и здѣсь Россія далеко отстала отъ Зап.; она обнаружила также наше экономическое безсиліе, наши умственные и нравственные недостатки. Александръ долженъ былъ начать съ коренной причины всего—съ *крѣпостничества*, отмѣна котораго снискала ему имя

Освободителя. Были составлены дворянскія собранія по губерніямъ, отзывы которыхъ разсматривала *редакціонная коммиссія* (предсѣдатель Ростовцевъ), гдѣ особенно работали Милютинъ, Юрій Самаринъ и Черкасскій. Этимъ лицамъ, съ помощью министра внутр. дѣлъ, Ланского, удалось умѣрить требованія помѣщиковъ и выработать болѣе справедливое *Положеніе* объ освобожденіи 22 милл. крѣпостныхъ. По Положенію 19-го февр. 1861 г. только дворовые не получали ничего, кромѣ личной свободы; остальнымъ давалась земля съ усадьбой (среднимъ числомъ до 4 десятинъ), но съ условіемъ выкупить ее, почему они были названы „временно-обязанными". Помѣщики должны были въ 2 г. составить „уставныя грамоты", опредѣляющія размѣры земли и выкупа; для рѣшенія споровъ назначались *мировые посредники*, избираемые дворянствомъ,—должность, отмѣненная въ 1875 г. Для облегченія выкупа казна заплатила сразу помѣщикамъ (выкупными процентными свидѣтельствами) сумму (ок. 750 милл.), которую крестьяне должны были возвратить ей въ теченіе 50 л. Освобожденіе крестьянъ, на тѣхъ же основаніяхъ, было распространено и на Царство Польское, послѣ возстанія 1863 г. Положеніе 19-го февр., совершенно измѣняя бытъ Россіи, вело къ ряду другихъ крупныхъ преобразованій. Когда оно вырабатывалось, Ланской съ Милютинымъ подготовляли устройство *земскихъ учрежденій*, которыя были введены въ 1864 г. Губернскія и уѣздныя земскія „собранія" и „управы", состоящія изъ землевладѣльцевъ всѣхъ сословій, стали помогать правительству въ управленіи мѣстными, особенно хозяйственными дѣлами. Земства подчиняются надзору губернаторовъ, которые могутъ иногда останавливать ихъ рѣшенія. Преобразованіе Городоваго Положенія Екатерины (§ 209) явилось позже, въ 1870 г, и только для важнѣйшихъ городовъ. Оно основано на уничтоженіи корпоративности: въ *думахъ* участвуютъ не одни „городскія сословія", но всякій, имѣющій недвижимую собственность въ городѣ. Думы подчинены надзору *губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія*, подъ предсѣдательствомъ губернатора. Раньше произошла судебная реформа. *Судебный уставъ* 1864 г. составленъ по иностраннымъ образцамъ. Въ его основаніе положены главныя европейскія идеи—гласность, устность, независимость (несмѣняемость) судей и даже судебныхъ слѣдователей, отдѣленіе суда отъ администраціи, равенство всѣхъ предъ закономъ, участіе народа (присяжные засѣдатели и выборъ мировыхъ судей), защита подсудимаго (присяжные повѣренные или

адвокаты). Обыкновенные суды устроены, какъ во Франціи: окружной судъ—tribunal d'arrondissement, судебная палата—chambre d'appel, сенатъ—cour de cassation; присяжные допускаются только въ уголовныхъ дѣлахъ (въ Англіи и въ гражданскихъ). Мировые суды—подражаніе Англіи; судьи выбираются земствами, а въ большихъ городахъ—думами; ихъ рѣшенія подлежатъ обжалованію въ мировыхъ съѣздахъ (изъ мировыхъ и почетныхъ судей). Мировыя учрежденія подчиняются сенату (на Зап. обыкновеннымъ судамъ). Точно также самостоятеленъ волостной судъ, который рѣшаетъ дѣла даже не по Своду Законовъ, а по обычному праву. Остались особые суды—духовные (епархіальныя консисторіи и синодъ) военные и коммерческіе. Въ военныхъ судахъ были введены гласность и защита обвиняемаго. Къ числу важнѣйшихъ реформъ относится *цензурный уставъ* 186 г. Онъ отмѣнилъ спеціальныя цензуры разныхъ вѣдомствъ (кромѣ духовной и театральной) и ввелъ систему Наполеона III, который впрочемъ тогда отказывался отъ нея Предварительная цензура сохранялась только въ провинціяхъ: въ столицахъ же ей подвергались только желающіе: впрочемъ, она была уничтожена только для большихъ книгъ (оригинальныя болѣе 10 листовъ, переводы болѣе 20) и сохранена для рисунковъ. Карательная цензура состояла въ наказаніяхъ, налагаемыхъ судомъ (безъ присяжныхъ), и въ министерскихъ „предостереженіяхъ" для періодической печати, которыя вели къ пріостановкѣ или закрытію изданій. Иностранная цензура была ослаблена. Много было сдѣлано относительно *просвѣщенія*. Явился (1863) новый университетскій уставъ, который увеличилъ число каѳедръ и возвысилъ профессоровъ, какъ матеріально, такъ и нравственно. Въ 1864 г. было издано положеніе о классическихъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ, а съ 1871 г., благодаря министру графу Толстому, дано рѣшительное преобладаніе классицизму въ нашемъ среднемъ образованіи. Затѣмъ явилась цѣлая система женскихъ гимназій, а также народныхъ школъ и учительскихъ семинарій. Весьма важенъ уставъ о *воинской повинности* (1874), который сдѣлалъ ее всеобщею и понизилъ срокъ службы до 7 лѣтъ (4 г. въ арміи, 3—въ запасѣ). Въ финансовомъ отношеніи важно стремленіе правительства отступать отъ откупной системы, начиная съ виннаго откупа, отмѣненнаго въ 1862 г.

§ 249. **Восточный вопросъ.** — При такихъ широкихъ преобразованіяхъ, внѣшняя дѣятельность должна была сосредоточиваться на усиліяхъ *дипломатіи* охранять интересы Россіи и

пользоваться замѣшательствами на Зап. для ихъ удовлетворенія. Канцлеръ *Горчаковъ* († 1883) усердно исполнялъ эту задачу. Мы прямо не участвовали въ великой борьбѣ націй 1859, 1866, 1870 годовъ (§ 234), но нравственно поддерживали возникающія державы—Италію и Пруссію, причемъ безъ крови добились права (1871) содержать въ Черномъ м. неограниченное число военныхъ судовъ. Особенныя симпатіи Александра II къ Пруссіи (въ 1870 Россія хотѣла помочь ей, въ случаѣ неудачи во Франціи) объясняется, помимо родства, помощью, оказанною намъ при польскомъ возстаніи, да враждебною ролью Австріи въ Крымской кампаніи и ея соперничествомъ съ Россіей въ *вост. вопросѣ*. На этомъ вопросѣ сосредоточивалось наше вниманіе, по требованію обстоятельствъ: ради него образовался (1870) союзъ трехъ императоровъ или „сѣверныхъ державъ", которому Александръ II остался вѣренъ до конца. Порта не исполняла условій Парижскаго трактата относительно райи (§ 247): защитники реформъ, образованные паши Фуадъ и Митхадъ, подвергались изгнанію. Турки постарому угнетали христіанъ, доводя ихъ до такихъ упорныхъ возстаній, какъ на Критѣ (1866) и въ Босніи и Герцеговинѣ (1875). Рѣзня болгаръ заставила вооружиться сербовъ и черногорцевъ, опасавшихся той же участи. *Турецко-славянская война* 1876 г. окончилась пораженіемъ сербовъ и черногорцевъ: ихъ менѣе 2 милл., а турокъ—45 милл., и Англія снабжала Порту деньгами, оружіемъ, офицерами; сербамъ помогали только русскіе „добровольцы", съ *Черняевымъ* во главѣ. Но когда турки собирались уже взять Бѣлградъ, Александръ остановилъ ихъ, выставивъ арміи въ Кишиневѣ и Александрополѣ; а Англія уговорила новаго султана, *Абдулъ-Гамида*, даровать своей имперіи конституцію, которая должна была успокоить райю и подорвавать вліяніе Россіи. Но конституція осталась на бумагѣ; Порта и Россія вооружались; Австрія собиралась помогать туркамъ, что подрывало союзъ трехъ императоровъ, бывшій залогомъ мира. Въ 1877 г. разразилась *турецкая война*, сначала весьма тяжелая: мы выставили мало войскъ въ сравненіи съ многочисленною и хорошо вооруженною арміей врага. Дорого стоили битвы въ Азіи, у *Зивина* и Цихедзири, въ особенности же нападенія на укрѣпленный лагерь Османа-паши подъ *Плевной*. Но турками овладѣла паника, когда были двинуты свѣжія войска и гвардія. Послѣдовали блестящіе переходы черезъ Балканы (Шипка) и преслѣдованіе врага до Адріанополя, а въ Азіи взятіе крѣпостей Ардагана, Баязета

и *Карса*. Русскіе собирались уже вступить въ беззащитный Константинополь; но угрожающее положеніе Европы остановило ихъ и заставило принять берлинскій договоръ, составленный державами (1878). Мы возвратили часть Бессарабіи, уступленную въ 1856 г., и пріобрѣли Карсъ съ Батумомъ. Въ эту войну особенно отличились *Скобелевъ* († 1882) и др. генералы. При Александрѣ II Россія также успѣшно дѣйствовала на дальнемъ Востокѣ. Она постоянно подвигалась впередъ въ Туркестанѣ (Черняевъ взялъ Ташкентъ, а Скобелевъ — Геокъ-Тепе; затѣмъ пала и Хива. Китай уступилъ намъ Амурскій край, а Японія — о. Сахалинъ, который сталъ мѣстомъ ссылки. Въ 1859 г., послѣ взятія аула Гуниба, Шамиль былъ сосланъ въ Калугу. Горцы оказали послѣдніе признаки жизни въ 1877 г.; но ихъ множество сослали внутрь Россіи и тѣмъ ослабили навсегда.

§ 250. **Внутреннія безпокойства.** — Вост. вопросъ потребовалъ много жертвъ. Особенно разстроились (отъ большаго выпуска бумажекъ) финансы, которые страдали также отъ дорогихъ преобразованій. Послѣднія были задержаны внутренними безпокойствами, начиная съ 1863 г., когда вспыхнуло *польское возстаніе*. Послѣ 1831 г. (§ 243) польская эмиграція не переставала подготовлять новую попытку возстановить Рѣчь Посполитую. Она надѣялась на сочувствіе польскихъ крестьянъ и общественнаго мнѣнія на Западѣ. Европа (въ особенности Наполеонъ III) обѣщала помочь ей. Поляки невозстали въ Крымскую войну только вслѣдствіе угрозъ Пруссіи. Но реформы Александра II были для нихъ опаснѣе мѣръ Николая: онѣ (особенно освобожденіе крестьянъ) могли навсегда привлечь польскій народъ. Въ 1861 г. поляки получили особый государственный совѣтъ, во главѣ котораго стоялъ аристократъ *Велепольскій*, желавшій личной уніи. Но демократы (ксендзы и шляхта), руководимые *Замойскимъ*, хотѣли полнаго возстановленія Рѣчи Посполитой. Они обѣщали свободу крестьянамъ; но тѣ не повѣрили и сохранили спокойствіе. Начались демонстраціи; новый намѣстникъ, *Константинъ Николаевичъ*, былъ встрѣченъ выстрѣломъ. Чтобы удалить опасные элементы, въ началѣ 1863 г. ввели рекрутскій наборъ; но рекруты бѣжали въ лѣса и составили первыя „банды“ или отряды „повстанцевъ“, а въ Варшавѣ явился „центральный комитетъ“, который назначилъ диктаторомъ *Мѣрославскаго* (§ 246), а потомъ *Ланґевича*. Поляки были разбиты въ нѣсколькихъ стычкахъ, особенно при *Радзеёвѣ*. Въ то же время союзъ съ Пруссіей помогъ намъ от-

клонить грозныя ноты Англіи, Франціи и Австріи. Повстаніе было окончательно подавлено строгостями Муравьева (въ Литвѣ) и Берга (въ Варшавѣ). Тотчасъ же было уничтожено крѣпостное право. „Царство Польское“ превратилось въ 10 рус. губерній (1866). Монастыри были закрыты, а духовенство стало получать жалованье изъ казны; много имѣній было конфисковано, а ихъ владѣльцевъ сослали въ Сибирь и внутрь Россіи; рус. яз. сталъ правительственнымъ и обязательнымъ въ школахъ; въ Варшавѣ открыли университетъ съ рус. профессорами. Постепенно вводились и нѣкоторыя изъ общихъ реформъ, хотя съ ограниченіями (судъ безъ присяжныхъ). Послѣ польскаго мятежа оказались признаки революціонной партіи внутри Россіи (покушеніе Каракозова, 1866, и заговоръ Нечаева). При Николаѣ I идеи декабристовъ (§ 243) не исчезали. Онѣ поддерживались рукописною литературой въ Россіи и эмигрантами за-границей. Въ началѣ 50-хъ годовъ *Герценъ* основалъ типографію въ Лондонѣ и издавалъ газету „Колоколъ“, которая была убита реформами въ началѣ царствованія Александра II. Заграничныя газеты возобновились съ 1870 г. въ Женевѣ, отчасти подъ вліяніемъ другаго русскаго выходца, анархиста *Бакунина*; тогда же въ Россіи началось „хожденіе въ народъ“ революціонеровъ, которые назвали себя „соціалистами“, такъ какъ они проповѣдовали западныя идеи о всеобщемъ равенствѣ (§ 234). Такъ какъ народъ не слушалъ ихъ, то изъ нихъ выдѣлилась партія „террористовъ“ или анархистовъ, совершившая рядъ преступныхъ покушеній (1878—1882). Жертвой заговора этой партіи палъ Царь Освободитель 1 марта 1881 г. Ему наслѣдовалъ нынѣ благополучно царствующій императоръ *АЛЕКСАНДРЪ III*, короновавшійся 15 мая 1883 г.

§ 251. **Земля, населеніе; внѣшній бытъ.**—Въ 19 вѣкѣ границы Россіи расширились пріобрѣтеніемъ Царства Польскаго, Финляндіи, части Бессарабіи, Эривани, Батума и Карса, части Туркестана (до Мерва) и Китая. Населеніе быстро возростало: въ началѣ столѣтія считалось 22 мил., теперь — ок. 100; впрочемъ, точной цифры все еще нѣтъ: научная, *статистическая перепись* началась лишь въ 1869 г. и пока примѣнена лишь къ нѣсколькимъ городамъ. Но населеніе распредѣлено неравномѣрно: при множествѣ пустыхъ земель на с., в. и ю., оно такъ густо внутри, что все ростетъ выселеніе оттуда въ Сибирь и на Кавказъ. *Переселенческій вопросъ* составляетъ теперь предметъ занятій особой коммиссіи; онъ тѣмъ болѣе важенъ, что есть много пре-

пятствій для правильнаго распредѣленія жителей: административныя стѣсненія, паспортная система, отчасти скудость средствъ сообщенія. Изъ старыхъ язвъ, мѣшавшихъ развитію матеріальнаго благосостоянія, разбойничество исчезло, какъ обычное явленіе; но пожары, скотскій падежъ и болѣзни еще сильны. Такъ какъ села и города попреимуществу представляютъ старый видъ (дерево да солома), то *пожары* истребляютъ ежегодно до 100 милл. капитала, и $^1/_3$ ихъ отъ поджоговъ; еще встрѣчаются деревни, гдѣ лѣтомъ устраиваютъ печи посреди улицы, опасаясь топить избы. Нѣсколько *страховыхъ обществъ* (съ 1827 г.) помогаютъ погорѣльцамъ, но иногда сами разоряются; страхованіе медленно развивается въ селахъ, съ помощью круговой поруки; земства начинаютъ вводить обязательное взаимное страхованіе. *Скотскіе падежи* встрѣчаются часто, особенно отъ „сибирской язвы", которая отчасти переходитъ и на людей. *Неурожаи*, иногда достигающіе размѣра бѣдствій (симбирскій голодъ), зависятъ, кромѣ устарѣлыхъ способовъ земледѣлія, отъ лѣсоистребленія, приводящаго къ засухамъ и обмелѣнію рѣкъ (особенно Волги); на ю. почти не выводятся вредныя животныя (суслики, саранча, хлѣбный жукъ, виноградная филоксера и др.). Неурожаи особенно отражаются на Россіи, которая до сихъ поръ получаетъ иностранные товары преимущественно за хлѣбъ. Зато постепенно, особенно у образованныхъ людей, вводятся земледѣльческія машины; недавно открыто хорошее удобреніе, *фосфоритъ*, находящійся, впрочемъ, въ рукахъ иностранцевъ. Наиболѣе развилось добываніе *каменнаго угля* (особенно на Дону) и *нефти* (въ Баку); но винодѣліе и табаководство (въ Крыму и на Кавказѣ) слабы. Въ то же время увеличивается количество пашенной земли: выкорчевываются лѣса, обводняются степи, осушаются Пинскія болота. *Народное здравіе* страдаетъ не столько отъ повальныхъ болѣзней (чума на ю. въ 1832 г.; холера въ 1823, 1829—1831; почти постоянный дифтеритъ и тифъ), сколько отъ недостатка медицины. Хотя земства особенно заботятся объ этой нуждѣ, врачей не хватаетъ: университеты выпускаютъ ихъ въ небольшомъ числѣ. Но на помощь идутъ земскія школы фельдшерицъ и женскіе медиц. курсы. Замѣтное улучшеніе матеріальнаго быта произошло только въ крупныхъ *городахъ*, хотя ихъ немного (Петерб.—900 т. жит., Москва—ок. 800 т., Варшава—400 т., Одесса—200; до 100 т. въ Харьковѣ, Кіевѣ, Казани, Саратовѣ, Кишиневѣ, Ригѣ, Тифлисѣ, Ташкентѣ). Здѣсь заведены всѣ главныя усовершенствова-

нія—не только телеграфы, но и телефоны, газъ (отчасти электрич. освѣщеніе), желѣзно-конныя дороги, европейскіе дома, мостовыя, водопроводы. Остальная масса городовъ, особенно уѣздныхъ, такъ бѣдна, что думскій доходъ въ нихъ часто не достигаетъ 1 т. р.; многія думы даже въ долгахъ, потому что косвенныхъ налоговъ почти нѣтъ. Много сдѣлано относительно крупныхъ *средствъ сообщенія*, хотя и ихъ недостаточно по обширности имперіи: у насъ теперь ок. 700 в. каналовъ, $23^1/_2$ т. в. желѣзныхъ дорогъ и прекрасное шоссе черезъ Кавказскій хребетъ (военно-грузинская дорога). Ихъ сопровождаютъ телеграфы, идущіе до Кеми, Карса, Хивы и Владивостока на Амурѣ, на протяженіи болѣе 100 т. верстъ. Почта, слѣдующая по этимъ дорогамъ, преобразована по европейскому образцу при Александрѣ II.

§ 252. **Управленіе; экономическій бытъ.**—Высшее управленіе измѣнилось по формѣ съ учрежденіемъ государ. совѣта и министерствъ (§ 237). Сенатъ утратилъ значеніе „правительствующаго", если не считать случайныхъ „сенаторскихъ ревизій": это — только кассаціонный судъ. Государ. совѣтъ только обсуждаетъ законы, причемъ для важныхъ мѣръ назначаются особые комитеты и коммиссіи. Министерства (ихъ 10) привели къ болѣе стройному теченію дѣлъ и къ большей отвѣтственности, чѣмъ при коллегіальномъ устройствѣ. Но, вмѣстѣ взятыя, они не составляютъ одного цѣлаго и не обнимаютъ всей администраціи: есть отдѣльныя вѣдомства—государственный контроль и Собств. Его В. канцелярія съ 3 отдѣленіями; впрочемъ, III-е отдѣленіе присоединено въ 1880 г. къ мин. внутр. дѣлъ, подъ именемъ *департамента государственной полиціи*. Провинціальное управленіе подверглось существеннымъ измѣненіямъ. Въ немъ достигло высшаго развитія *выборное начало*, о которомъ издревле заботилось правительство, особенно съ Петра I: значительное число дѣлъ перешло отъ администраціи къ земствамъ, въ основаніе которыхъ положено еще новое начало, проходящее по всѣмъ реформамъ Александра II — *всесословность*, равноправіе всѣхъ классовъ общества передъ закономъ. Но чиновничество еще многочисленно, и земства введены не вездѣ. Съ 1870 г. права земствъ сокращались въ пользу губернаторовъ и исправниковъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были учреждены генералъ-губернаторства (1879) и возвышена власть администраціи въ формѣ „усиленной и чрезвычайной охраны" (1881). Въ то же время развивалась полиція: въ селахъ введены „урядники" (1878), въ городахъ дворники привлечены къ содѣйствію. *От-*

сутствіе единства замѣтно и въ управленіи различными частями имперіи: не говоря о „великомъ княжествѣ“ Финляндіи, съ ея особымъ управленіемъ (съ 1863 г. она пріобрѣла свой сеймъ, свою монету и армію), многія мѣстности находятся на особомъ положеніи. На Кавказѣ лишь въ 1881 г. отмѣнено намѣстничество; въ польскихъ губерніяхъ дѣйствуетъ Code Napoléon, въ Остзейскомъ краѣ—нѣмецкіе законы, въ волостныхъ судахъ—обычное право; то же у кавказскихъ горцевъ (адаты); не вездѣ есть присяжные, и не всѣ дѣла судятъ они; существуютъ мировые судьи по назначенію отъ правительства; есть и особые суды. Не вполнѣ дѣйствуетъ судебный уставъ 1864 г. и тамъ, гдѣ онъ введенъ во всѣхъ своихъ частяхъ: съ 1870 г. усиливается прокурорскій и губернаторскій надзоръ и сокращается кругъ вѣдомства присяжныхъ; съ 1878 дѣла о чиновникахъ, наравнѣ съ политическими, перенесены въ военный судъ и ведутся при закрытыхъ дверяхъ; вмѣсто судебныхъ слѣдователей, поставленныхъ по закону независимо, назначались исправляющіе должность; аресты и ссылки „административнымъ порядкомъ“ находятся внѣ вѣдомства судовъ, также какъ и пріостановка книгъ и журналовъ. Для обсужденія трудныхъ вопросовъ въ концѣ 1870-хъ годовъ стали призывать въ коммиссіи „свѣдущихъ людей“ изъ земствъ и думъ. Въ 1881 г. открылась коммиссія изъ чиновниковъ для подготовки административной реформы; а съ 1876 г. работаетъ коммиссія для исправленія законовъ. *Военное* дѣло подверглось коренной реформѣ послѣ Крымской кампаніи: оно приблизилось къ прусскому образцу. Не говоря о великомъ значеніи воинскаго устава 1874 г., всѣ роды оружія были поставлены на европейскую ногу, причемъ обращалось много вниманія на просвѣщеніе войска: былъ устроенъ рядъ военныхъ гимназій, съ общеобразовательнымъ курсомъ, и юнкерскихъ училищъ; улучшены военныя академіи; умножены военные журналы; введено обученіе солдатъ грамотѣ и нѣкоторымъ наукамъ. Съ конца 70-хъ годовъ замѣтно стремленіе къ возстановленію корпусовъ и нѣкоторыхъ прежнихъ порядковъ. Теперь Россія можетъ выставить, при войнѣ, болѣе $1^1/_2$ милліона солдатъ (на мирномъ положеніи болѣе 700 т.), вооруженныхъ по лучшимъ системамъ. Она владѣетъ 16 большими крѣпостями, 3 военными гаванями и военнымъ флотомъ, состоящимъ изъ 30 броненосцевъ, не считая мелкихъ судовъ и миноносокъ; сверхъ того, „добровольный флотъ“, созданный обществомъ въ 1877 г., приспособленъ къ военной службѣ. *Финансы,* послѣ широкихъ реформъ и войны 1877 г.,

находятся въ затруднительномъ положеніи. Звонкой монеты мало, и она быстро уходитъ за-границу, вслѣдствіе слабости нашего вывоза; бумажекъ находится въ обращеніи почти на 750 милл. руб., и курсъ ихъ не достигаетъ $^2/_3$ серебрянаго рубля; государственные долги требуютъ ежегодно около 200 милл. р. на проценты и погашеніе; доходы не всегда покрываютъ расходы, доходящіе въ мирное время до 800 милл. Для улучшенія финансовъ введены (1862) единство кассы и государственный контроль. Теперь коммиссіи обсуждаютъ вопросъ о замѣнѣ подушной подати поземельнымъ или подоходнымъ налогомъ. Но этотъ вопросъ связанъ съ общимъ ходомъ развитія: сравнительно съ Зап., Россія все еще страна небогатая, какъ доказываютъ недоимки въ податяхъ и недочеты въ бюджетахъ земствъ. Въ послѣднее время начинаютъ помогать безденежью частные *банки*, преимущественно городскіе (ихъ до 300): появляются банки земскіе и даже казенные сельскіе для крестьянъ. *Торговля и промышленность* развиваются (265 однихъ сахарныхъ заводовъ, и насчитывается до $7^1/_2$ милл. кустарей, производящихъ на 125 милл. р. въ мѣсяцъ), но сравнительно не быстро. Наши фабрики все еще не могутъ соперничать съ европейскими и требуютъ высокаго тарифа, тяжелаго для потребителей. До сихъ поръ Западъ доставляетъ намъ нѣкоторые товары, сдѣланные изъ нашего сырья. Наши товары идутъ главнымъ образомъ въ Азію (ситцы, полотна).

§ 253. **Сословія.** — Въ Россіи *высшій классъ* никогда не имѣлъ значенія западной аристократіи. Онъ поддерживался только правительствомъ, пока былъ нуженъ для государственной службы; его послѣднею и главною привилегіей было крѣпостное право, съ отмѣной котораго дворянство пало фактически, тѣмъ болѣе, что оно не скопило богатствъ: предъ 1861 г. его имущество по большей части было заложено въ казну, и помѣщики обрадовались деньгамъ (выкупнымъ свидѣтельствамъ), которыхъ давно не видали. Вмѣсто обезпеченія себя тѣмъ, что осталось за уплатой долга, они растратили послѣднее, многіе даже продали оставшіяся за надѣломъ земли. Эти земли покупали отчасти крестьяне, но больше купцы, эти единственные капиталисты, которые богатѣли еще больше, отдавая участки въ выгодную аренду мужикамъ. Въ то же время реформы Александра II сравняли дворянъ съ остальными гражданами во всемъ, не исключая военной службы. Такъ исчезло дворянство, сохраняя одно названіе, и стало выдвигаться *купечество* или, вѣрнѣе, капиталисты, такъ какъ и купечество лишено сословныхъ преимуществъ: при своемъ

развитіи оно можетъ имѣть только значеніе денежной силы. Капиталисты получили перевѣсъ только въ думахъ, гдѣ, по прусскому образцу, введено 3 класса по имуществу, и такъ, что большинство голосовъ у богатыхъ. Но на это обращено уже вниманіе: идетъ рѣчь объ избирательныхъ правахъ квартирантовъ. *Духовенство* также лишено привилегій; сверхъ того, оно бѣдно и малообразовано, а потому не имѣетъ вліянія. При такихъ условіяхъ, у насъ нѣтъ господства ѳеократіи, буржуазіи или аристократіи, какъ на Зап. Народъ дѣлится фактически преимущественно на *интеллигенцію* и темную массу крестьянства. Интеллигенція замѣтно развилась въ эпоху послѣднихъ реформъ, въ основѣ которыхъ лежитъ уваженіе къ просвѣщенію: теперь, на ряду съ имущественнымъ цензомъ, всюду выдвигается цензъ образовательный; льготы по воинской повинности главнымъ образомъ связаны съ образованіемъ. *Крестьянство* стало полноправнымъ членомъ государства, послѣ отмѣны крѣпостнаго права и введенія земства съ новыми судами, а путемъ образованія, которое не закрыто для него, оно можетъ достигать высшихъ ступеней государственной лѣстницы. Но плоды реформы 1861 г. обнаружились еще не вездѣ, а связанныя съ нею тяжести чувствуются повсюду. Въ 37 внутреннихъ губерніяхъ еще сохраняются временно-обязанные ($1^1/_2$ милл. мужчинъ), среди которыхъ помѣщикамъ отчасти принадлежитъ даже вотчинная полиція; и помѣщики не желаютъ выкупа, замѣтивши вздорожаніе земли. Многіе приступили къ выкупу только лѣтъ 5 тому назадъ: крестьяне вообще идутъ на него неохотно, ожидая, что имъ даромъ дадутъ землю; добровольныхъ выкуповъ было меньше половины, тѣмъ болѣе, что при принужденіи крестьяне платятъ только $^4/_5$. Выкупившіеся обременены налогами, иногда поглощающими ихъ доходъ: они платятъ государственные и земскіе сборы да еще погашеніе выкупнаго долга казнѣ; въ земство они даютъ $^3/_5$ сборовъ, хотя владѣютъ только $^1/_3$ земли. Отсюда стремленіе къ *отхожимъ промысламъ*, т.-е. къ наемной работѣ на сторонѣ. Вблизи городовъ крестьяне идутъ на фабрики; мѣстами ихъ накопляется такъ много, что, при стѣсненіяхъ отъ фабриканта, являются *стачки* рабочихъ. Но вообще благосостояніе крестьянъ развивается, вмѣстѣ съ успѣхами образованія. Они становятся предпріимчивѣе, бережливѣе, заводятъ даже земледѣльческія машины; послѣ 1861 г. ими прикуплено много земель частью въ одиночку, частью міромъ.

§ 254. **Церковь и расколъ.**—Преобразованія Александра II

коснулись и *церкви*. Высшая іерархія осталась прежняя; но ослаблена власть консисторій, которыя улучшены. Важнѣе всего уничтоженіе замкнутости духовенства: дозволено всѣмъ поступать въ священники, а дѣтямъ духовенства выбирать себѣ родъ занятій. Этому содѣйствовала реформа семинарій, духовныхъ училищъ и академій на общеобразовательныхъ началахъ. Вслѣдствіе недостатка священнослужителей, сокращено число церквей по провинціямъ. Православіе распространилось главнымъ образомъ насчетъ уніатства (§ 245), хотя приходилось суровыми мѣрами возвращать отпавшихъ уніатовъ. При всемъ томъ, благодаря полякамъ, *католическая* церковь обнимаетъ въ Россіи до 10 милл. душъ. Послѣ 1863 г. она находилась въ исключительномъ, стѣсненномъ положеніи, тѣмъ болѣе, что Россія не признавала сношеній съ Римомъ. Въ 1883 произошло соглашеніе съ папствомъ: возстановлена католическая іерархія и возвращены польскіе епископы, сосланные въ 1863 г. Православіе распространялось среди инородцевъ, но медленно. Въ со же время росло сектантство. Расколъ, именуемый старообрядствомъ, развивался безпрерывно, особенно при Николаѣ, когда правительственные тайные комитеты прибѣгали къ суровымъ мѣрамъ. Избѣгая преслѣдованій, раскольники образовали нѣсколько сильныхъ центровъ — Выгорѣцію, Керженецъ (Нижегор. губ.), Стародубье (Черниг.), Вѣтку (Могилев.), по р. Иргизу (заволжскія степи) и на Дону. Здѣсь они составляли свои „соборы“ и писали „тетрадки“ и „окружныя посланія“; отсюда выходили ихъ проповѣдники, въ видѣ офеней (коробейниковъ) и нищихъ. Но множество раскольниковъ проживало повсюду, благодаря богатствамъ, скопленнымъ ими при помощи взаимной поддержки. Средоточіемъ именитѣйшихъ поповцевъ и безпоповцевъ (§ 221) были Рогожское и Преображенское кладбища въ Москвѣ. Поповцы устроили даже собственную епархію (1846) въ *Бѣлой Криницѣ* (въ Буковинѣ), гдѣ ихъ митрополитъ посвящалъ въ епископы и попы; вскорѣ явились ихъ епископы и въ Россіи. Это усилило преслѣдованіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и развитіе раскола, тѣмъ болѣе, что старообрядцы погрязали въ невѣжествѣ: они не отдавали дѣтей въ школы, гдѣ ихъ заставляли учиться у православныхъ священниковъ. Въ 1850 г. оказалось 10 милл. раскольниковъ: теперь насчитывается 8 милл. безпоповцевъ и 3 милл. поповцевъ; есть раскольничья община даже въ Алтаѣ. Безпоповщина развивается насчетъ поповщины: прежде она сосредоточивалась у Бѣлаго м., теперь раскинута повсюду. Въ

ней самой усиливаются крайніе толки, которые отвергаютъ всѣ таинства и обряды, даже Евангеліе и загробную жизнь: таковы *бѣгуны* или странники и *немоляки* или воздыханцы, первые у Ярославля, вторые на Дону. Они отвергаютъ государственную власть, подати и военную службу; имущество у нихъ общее, и общины составляютъ федерацію; женщины вполнѣ равноправны съ мужчинами. По своему раціонализму, эти толки уже составляютъ переходъ отъ раскола къ *духоборцамъ* (§ 221), которыхъ теперь болѣе милліона; духоборцевъ, особенно молоканъ, много на Кавказѣ, куда они частью ссылались, частью сами бѣжали. Въ 60-хъ годахъ въ Малороссіи возникла *штунда*, близкая къ молоканамъ и отличающаяся стремленіемъ къ образованію. Она также быстро распространяется, тѣмъ болѣе, что штундисты не пьютъ и, при взаимной помощи, прекрасно ведутъ хозяйство. Есть еще мало извѣстныя секты, которыя, вмѣстѣ съ хлыстами и скопцами, составятъ не менѣе 1 милл. При Александрѣ I Селивановъ (§ 221) былъ временно освобожденъ—и *скопчество* сильно распространялось даже въ Петербургѣ. Ногти, волосы, мыльную воду „пророка“ разбирали по всей Россіи; ставили свѣчи предъ его портретами, считая его Христомъ и Петромъ III. Въ 1806 г. вышелъ первый указъ противъ скопцовъ. Но дѣло милліонера Плотицына доказало, что эта секта имѣетъ и теперь важное значеніе. Впрочемъ, милосердое царствованіе Александра II, въ особенности же освобожденіе крестьянъ примиряли сектантовъ съ православіемъ. Въ 1883 г. раскольникамъ дали право имѣть свои молельни и школы.

§ 255. **Нравы.** — Нравы значительно смягчились наверху общества, хотя иногда замѣчается дѣйствіе пережитковъ. Александръ I уничтожилъ пытку. Николай I вначалѣ отмѣнилъ кнутъ и безсрочную каторгу, временно возстановленные потомъ. При Александрѣ II, который возвратилъ декабристовъ изъ Сибири, были уничтожены кандалы и палки (сквозь строй). Затѣмъ почти совсѣмъ отмѣнили тѣлесныя наказанія (1863): розга удержана только для штрафныхъ солдатъ, волостныхъ судовъ и тюремъ, и то съ ограниченіями; но она употребляется полиціей, да волостными судами, которые наказываютъ ею даже женщинъ, стариковъ и кончившихъ курсъ въ училищахъ, что воспрещено закономъ, въ особенности же недоимщиковъ, за которыхъ должны платить другіе, въ силу круговой поруки. Смертная казнь исчезла на дѣлѣ даже въ Финляндіи, гдѣ она отмѣнена лишь недавно: Александръ II ми-

ловалъ присужденныхъ къ ней. Въ Россіи она оставалась только въ военныхъ судахъ и была возстановлена (1866) для политическихъ преступниковъ, сначала публично, потомъ (1881) въ стѣнахъ тюрьмы. Смертная казнь замѣнена ссылкой, и преимущественно административной, которая съ начала 19 в. возрасла въ 7 разъ, особенно развиваясь при Николаѣ I и съ 1878 г. При Александрѣ II стали ссылать, вмѣсто Нерчинскихъ рудниковъ, на казенные заводы, и преимущественно въ зап. Сибирь. Вслѣдствіе сильныхъ побѣговъ, важныхъ преступниковъ недавно стали ссылать на о. Сахалинъ. При Александрѣ II обращено вниманіе на улучшеніе тюремъ, чему помогаетъ устройство образцовой тюрьмы (1875) и частныя пожертвованія. Развитіе гуманности ясно и въ отношеніяхъ къ раскольникамъ послѣ Николая I; теперь также рѣдки случаи прежнихъ насильственныхъ обращеній въ православіе (§ 221). Болѣе грубости среди мелкихъ провинціальныхъ чиновниковъ, изъ которыхъ 80% не кончили курса ни въ какой школѣ; но она сдерживается новыми судами, печатью и общественнымъ мнѣніемъ. Смягченіе нравовъ, по степени образованности, проникаетъ во всѣ классы общества, чему много способствуютъ равенство всѣхъ предъ закономъ и новые суды, въ особенности мировые. Отмѣна крѣпостнаго права облагородила дворянъ, которые съ честью исполняли должности мировыхъ посредниковъ и судей. Среди купцовъ, уже отдающихъ своихъ сыновей въ университеты, рѣже встрѣчаются самодуры комедій Островскаго. Возростающее число благотворительныхъ и просвѣтительныхъ обществъ (даже покровительства животнымъ) указываетъ на улучшеніе интеллигенціи, а также на признаки сомосознанія. Развитіе интеллигенціи видно наглядно изъ судьбы идеаловъ Чацкаго (§ 260): теперь это уже не „завиральныя идеи“, не сумасшествіе, а просто образъ мыслей. Но интеллигенція страдаетъ многими старыми недостатками, въ особенности же отсутствіемъ единства: все еще трудно вести частными средствами обширныя общественныя и даже коммерческія предпріятія; даже земства мало интересуются другъ другомъ. Оттого и общественное мнѣніе только слагается: оно еще робко и сбивчиво; слабость сознанія общественныхъ интересовъ видна особенно изъ частыхъ растратъ, какъ казенныхъ, такъ и общественныхъ суммъ. Среди новыхъ капиталистовъ, внезапно поднявшихся, при паденіи дворянства, изъ необразованной среды, развивается стремленіе къ нечестной наживѣ: ихъ называютъ „кулаками“. Кулачество возникаетъ и среди крестьянъ, нравы

которыхъ вообще улучшились послѣ 1861 г.: они стали заботливѣе и бережливѣе; у нихъ появляются общества трезвости, и чай все усиливается насчетъ водки; растетъ и чувство собственнаго достоинства. Пробужденіе общественнаго самосознанія сказывается въ чествованіи вождей мысли (юбилеи и похороны писателей). За дальнѣйшее улучшеніе ручается сильное стремленіе крестьянъ къ образованію: наиболѣе крестьянскія земства (вятское) ставятъ школьный вопросъ на первомъ планѣ и тратятъ на народныя училища больше казны. Другое ручательство — высокое положеніе *женщины* въ Россіи, какимъ она не пользуется на Западѣ: она имѣетъ не только имущественныя права, но и голосъ въ земствѣ и думѣ, наравнѣ съ мужчинами; она пользуется не только среднимъ, но и высшимъ образованіемъ; она занимаетъ казенныя мѣста (учительницъ, фельдшерицъ, врачей, телеграфистокъ) и можетъ быть адвокатомъ. Наша женщина заслужила это положеніе дѣльностью и талантливостью въ наукахъ и искусствахъ, самоотверженностью въ служеніи несчастнымъ (женщины-врачи, фельдшерицы, сестры милосердія).

§ 256. **Просвѣщеніе.** — Просвѣщеніе Россіи — попреимуществу дѣло 19-го в. Систематическое образованіе народа началось собственно при Александрѣ I и развилось при Александрѣ II, когда въ немъ, наряду съ казной, стало принимать участіе общество, въ особенности земства и думы. Раньше и больше всего заботились о *мужскомъ* образованіи, которое находится теперь въ имперіи (за исключеніемъ Финляндіи) въ такомъ положеніи. Съ превращеніемъ Ришельевскаго лицея въ Новороссійскій университетъ (1862), для высшаго *общаго* образованія существуетъ 8 университетовъ и готовъ къ открытію 9-й (въ Томскѣ). Среднему образованію посвящены 339 министерскихъ заведеній (162 гимназіи, 78 прогимназій, 99 реальныхъ училищъ), 53 духовныхъ семинаріи, 27 военныхъ гимназій (переименованы въ корпуса) и до 25 училищъ разныхъ другихъ вѣдомствъ. Для низшаго образованія существуетъ 28,750 министерскихъ школъ (уѣздныя, городскія, начальныя), 4,706 синодскихъ, 250 вѣдомства импер. Маріи, до 50 военныхъ и до 50 разныхъ другихъ вѣдомствъ. Преподавателей и воспитателей во всѣхъ помянутыхъ заведеніяхъ состоитъ приблизительно 110 т. Всѣхъ этихъ заведеній еще недостаточно по количеству населенія (§ 251). Въ университетахъ (при 550 професс. и доцентахъ) обучается только до 12 т. студентовъ (съ 1879 г. принимаются лишь изъ классическихъ гимназій), и по 38 каѳедрамъ нѣтъ лекцій; въ среднихъ заведеніяхъ обучается до 125 т., въ низшихъ—до 1,775,000.

Всюду число учащихся возростаетъ въ большей пропорціи, чѣмъ число учебныхъ заведеній, которыя страдаютъ переполненіемъ. Насколько развивается потребность въ обученіи, видно изъ расширяющихся размѣровъ министерства народнаго просвѣщенія: въ 1862 г. на все министерство расходовалось $4^1/_4$ милл. (въ томъ числѣ на университеты 800 т., на среднее образованіе—$1^1/_4$ милл.); въ 1879 г. потребовалось вчетверо больше (на одни университеты ок. $2^1/_2$ милл., да на среднее образованіе болѣе 7 милл.). И эти расходы все возростаютъ. Сначала преимущественно обращали вниманіе на высшее и среднее образованіе: въ 1864 г. студентовъ въ университетахъ было немного болѣе 4 т., въ 94 среднихъ казенныхъ заведеніяхъ обучалось лишь ок. 27 т.; между тѣмъ, число народныхъ школъ увеличилось, въ послѣднее пятилѣтіе, всего на 1 т. съ небольшимъ. Въ настоящее время правительство озабочено этою послѣднею отраслью просвѣщенія: вводится цѣлая система церковно-приходскихъ школъ и подготовляется развитіе профессіональныхъ, ремесленныхъ школъ. Финансовое положеніе страны не дозволяетъ быстро усиливать средства педагогіи, которую правительство поощрило льготами по воинской повинности, сокращающими срокъ службы на 3, $1^1/_2$ и $^1/_2$ года. Зато общество, послѣ Николая I, пошло навстрѣчу государству въ этомъ случаѣ. Оно дѣлаетъ пожертвованія въ университеты, особенно для стипендій, и само заводитъ школы, причемъ замѣчаются признаки самобытности, впрочемъ слабые, и больше въ формѣ, чѣмъ въ содержаніи. Но для частныхъ лицъ удобнѣе открывать училища по установленнымъ программамъ, причемъ они могутъ получать права казенныхъ заведеній. Въ настоящее время частными усиліями создано много заведеній (больше женскихъ), въ которыхъ до 100 т. учащихся: 5 высшихъ (высшіе женскіе курсы и лицей Цесаревича Николая), до 500 среднихъ и ок. 5 т. низшихъ. Земства, поднимающія даже вопросъ объ обязательномъ обученіи, предпочитаютъ реальную систему, за которую высказывалось и большинство печати. Система классическая (§ 248) затруднялась недостаткомъ учителей древнихъ языковъ; но правительство приглашало чеховъ и посвятило приготовленію учителей историко-филологическіе институты (въ Петербургѣ и Нѣжинѣ), а также усилило стипендіи въ историко-филологическихъ факультетахъ университетовъ и основало филологическую семинарію въ Лейпцигѣ. Для подготовки преподавателей въ низшихъ школахъ устроены учительскіе институты и семинаріи, какъ правительствомъ, такъ и земствами. Входятъ въ обычай

съѣзды народныхъ учителей и учительницъ, отчасти и учителей гимназій. *Спеціальное* образованіе имѣетъ также всѣ степени. Къ высшему относятся: 4 духовныя академіи, 5 военныхъ академій, археологическій институтъ, 4 филологическія заведенія (институты въ Петербургѣ и Нѣжинѣ, Лазаревскій восточныхъ языковъ, семинарія въ Лейпцигѣ), 2 юридическихъ (Яросл. лицей и Школа Правовѣдѣнія), 2 технологическихъ (въ Петербургѣ и Ригѣ; готовъ къ открытію технолог. институтъ въ Харьковѣ), 2 сельско-хозяйственныхъ (Петровская академія и институтъ въ Новой Александріи), 4 ветеринарныхъ, институты лѣсной, горный и межевой, морское училище, академія художествъ, 2 консерваторіи въ столицахъ съ отдѣленіями въ провинціи. Къ нимъ подготовляютъ юнкерскія училища, школы артиллерійскія и инженерныя, медицинскія и ветеринарныя, рисовальныя и музыкальныя, техническія, земледѣльческія, лѣсныя, садоводства и виноделія, ремесленныя. Существуютъ еще школы театральныя, желѣзно-дорожныя, телеграфныя, стенографскія, гимнастическія, училища для слѣпыхъ и глухо-нѣмыхъ, дѣтскіе пріюты и „дѣтскіе сады“ по системѣ Фребеля. Но вообще спеціальное образованіе еще слабо, особенно въ виду обширности и разнообразія естественныхъ условій Россіи; оно ново, и на него сначала мало обращали вниманія. *Женское* образованіе, которое ограничивалось при Николаѣ I институтами да немногими частными пансіонами, быстро развилось въ цѣлую систему, благодаря покровительству государыни Маріи Александровны († 1880). Въ послѣднія 15 лѣтъ образовалось, подъ именемъ *высшихъ женскихъ курсовъ*, 4 университета (въ Петерб., Москвѣ, Казани и Кіевѣ) съ двумя факультетами—плодъ частныхъ усилій университетскихъ профессоровъ и общества: здѣсь обучаются болѣе $1^1/_2$ т. женщинъ. *Медицинскіе курсы* представляютъ медиц. факультетъ для женщинъ, которымъ даются отчасти права врачей. Для средняго образованія существуетъ 313 министерскихъ гимназій и прогимназій, 48 духовныхъ училищъ, 60 институтовъ, гимназій и имъ подобныхъ заведеній вѣдомства импер. Маріи; сверхъ того, болѣе 200 частныхъ заведеній. Для подготовки учительницъ существуютъ педагогическіе курсы и семинаріи; есть еще школы для образованія акушерокъ, фельдшерицъ, „дѣтскихъ садовницъ“. Всего въ среднихъ и низшихъ школахъ обучается до 550 т. дѣвочекъ. Хотя въ настоящее время правительство издерживаетъ 3 милл. на одно среднее женское образованіе (въ 1864 г. въ женскихъ гимназіяхъ было до 10 т., теперь—бо-

лѣе 55 т. дѣвочекъ), и здѣсь замѣчается такая же переполненность, какъ въ мужскихъ школахъ: въ министерскихъ заведеніяхъ изъ однихъ параллельныхъ отдѣленій можно образовать 10 гимназій. Дѣлу образованія помогаютъ, впрочемъ немногія и юныя, *педагогическія общества* (фребелевское, общества грамотности, распространенія полезныхъ книгъ, Педагогическій Музей и др.); они способствуютъ устройству низшихъ школъ и библіотекъ изданіемъ дешевыхъ книгъ и учебныхъ пособій. Болѣе развились *ученыя общества*, посвященныя археологіи, исторіи, филологіи, математикѣ, въ особенности естественнымъ наукамъ. Географическое общество, съ его отдѣленіями, много сдѣлало для изученія Россіи своими изданіями и устройствомъ путешествій; его коллекціи, вмѣстѣ съ этнографическимъ музеемъ въ Москвѣ, имѣютъ важное научное значеніе. Въ послѣднее время стали обычнымъ явленіемъ *публичныя лекціи* по всѣмъ отраслямъ наукъ и *съѣзды* естественниковъ и археологовъ. Число типографій, книжныхъ лавокъ и изданій возростаетъ, но медленно, особенно съ 70-хъ годовъ. Главною умственною пищей все еще служатъ не книги, а *журналы и газеты*. Газеты выдвинулись при Александрѣ II, благодаря реформамъ, телеграфамъ и желѣзнымъ дорогамъ, оживившимъ общество. Въ 1830 г. было 73 періодическихъ изданія, въ 1881—болѣе 600, но много спеціальныхъ. У нѣкоторыхъ газетъ число подписчиковъ переходило за 20 т. Расширялся и кругъ сотрудниковъ: „Сельскій Вѣстникъ“ печаталъ много мужицкихъ писемъ, особенно о кабацкомъ вопросѣ; чиновники объясняли дѣла своихъ вѣдомствъ. Съ 1870 г. число старыхъ изданій стало сокращаться, а новыхъ почти не появляется; кругъ сотрудниковъ и читателей сталъ уменьшаться. Главными двигателями научнаго образованія служатъ университеты. Ихъ профессора поддерживаютъ и академію наукъ, которая все болѣе обращаетъ на нихъ вниманія, отказываясь отъ своей замкнутости и нѣмецкаго характера.

§ 257. **Письменность при Александрѣ I: а) Карамзинъ.**— Письменность 18-го в. (§ 225—232) завѣщала 19-му слѣдующія задачи: 1) развитіе реализма, т.-е. сатирическаго и народнаго элементовъ, что́ требовало борьбы съ лже-классицизмомъ и съ врагами просвѣщенія, а также усиленія наукъ; 2) окончательную выработку книжнаго языка. Вначалѣ эти цѣли преслѣдовалъ, хотя и не вполнѣ, *Карамзинъ*, который отчасти имѣлъ такое же значеніе для эпохи Александра I, какъ Ломоносовъ и Державинъ для временъ Елизаветы и Екатерины II. Карамзинъ († 1826)

былъ сначала представителемъ либерализма Александра I, и въ этомъ смыслѣ его *Вѣстникъ Европы* (1802—1830) можно считать офиціознымъ журналомъ. Воспитавшись на иностранныхъ литературахъ, онъ стоялъ за европейское просвѣщеніе и гуманность, за развитіе общественнаго мнѣнія; „В. Евр.“ былъ первымъ журналомъ на половину политическимъ, притомъ не съ одними извѣстіями, но и съ сужденіями, а также съ вліяніемъ на умы. Карамзинъ же создалъ нынѣшній слогъ: онъ отвергъ „славяно-мудріе“ (славянскія слова и латино-нѣмецкій синтаксисъ) и утвердилъ разговорную рѣчь, внеся въ нее французскую „пріятность“; онъ также удачно изобрѣлъ нѣсколько новыхъ словъ („промышленность“). Въ отпоръ лже-классицизму, Карамзинъ ввелъ *сентиментализмъ* (чувствительность), который господствовалъ тогда на Зап.: его повѣсти были такимъ же протестомъ противъ героическаго романа, какъ мѣщанская драма противъ классическихъ трагедій (§ 230). Карамзинъ былъ прозаикъ, его жизнь была посвящена преимущественно ученому труду, русской исторіи: это уже не „піита“, а „исторіографъ“. Карамзинъ сталъ знаменемъ прогресса, пріобрѣлъ большое вліяніе. Вожди интеллигенціи назывались „карамзинистами“ и составили литературное общество *Арзамасъ*, которому содѣйствовали Каподистрія и Уваровъ: здѣсь господствовало зап. образованіе, критическое направленіе и чутье дѣйствительности; здѣсь участвовали Батюшковъ, Жуковскій, Вас. и Алекс. Пушкины, Вяземскій, Давыдовъ, Воейковъ, которые боролись, въ своихъ журналахъ, съ ретроградами и мистицизмомъ масоновъ сатирой и пародіей. Защитники старины, съ Шишковымъ (§ 242) во главѣ (отсюда „шишковисты“), указывали на „якобинскій ядъ“ у Карамзина и образовали, въ отпоръ Арзамасу, *Бесѣду любителей русскаго слова*, которая издавала свои „Чтенія“. Такъ какъ они стояли преимущественно за старый, церк.-славянскій слогъ, то карамзинисты прозвали ихъ „славянофилами“, а Шишкова министромъ „затменія“. Но самъ Карамзинъ потомъ примирился съ ними. Подобно Александру I, онъ постепенно отступалъ отъ новаго направленія, такъ что арзамасцы стали противъ него. Увлекаясь идеей народной самобытности, онъ выступалъ не только противъ нашего обезьянства, но и противъ реформъ Петра, преувеличивалъ значеніе русскихъ чертъ, отстаивалъ наличный порядокъ и крѣпостное право, наконецъ сталъ впадать въ мистицизмъ. Это отразилось сознательно въ его запискѣ *О старой и новой Россіи* (§ 239) и въ *Исторіи государства Россійскаго*: послѣдняя художественна, но риторична

и ненаучна; въ ней мало критики и ясна тенденція; она посвящена только развитію государственности. Во все царствованіе Александра не прекращалась борьба между двумя направленіями, которыя можно назвать либеральнымъ или европейскимъ и консервативнымъ или народнымъ; послѣднее поддерживалось подъемомъ патріотизма при нашествіи Наполеона и крайностями подражанія иностранцамъ. Но основная черта русскаго ума — стремленіе къ реализму и сатирѣ — проглядываетъ въ обоихъ лагеряхъ; въ этомъ смыслѣ самое начало народности было шагомъ впередъ сравнительно съ классицизмомъ и сентиментализмомъ, которые были лишены реальной почвы; „славянофилы" (вѣрнѣе руссофилы) только впадали въ идеализацію, преувеличивая значеніе народности и съуживая ее рамками древней Россіи.

§ 258. **б) Лжеклассицизмъ, сентиментализмъ, романтизмъ.** — „Славянофилы" (Шишковъ, Державинъ, Ростопчинъ, Хвостовъ, С. Глинка и др.) назывались еще „бесѣдистами": они сосредоточивались въ Бесѣдѣ люб. р. слова, которой покровительствовали важныя лица — Дашкова, моск. попечитель Кутузовъ, министры Мордвиновъ, Завадовскій и др.; самъ Шишковъ занималъ видныя должности и былъ президентомъ Россійской академіи, которая сливалась тогда съ Бесѣдой. Слѣдуя Шишкову, воспитанному на древней, церковной письменности, бесѣдисты считали друзей европеизма и поносителей русскихъ недостатковъ измѣнниками, а своихъ критиковъ требовали подъ судъ. Подъ видомъ очищенія рус. языка, они занимались возстановленіемъ „стараго слога", т.-е. замѣной иностранныхъ словъ церк.-славянскими; но она была неудачна, вслѣдствіе недостатка вкуса и научныхъ знаній. Въ словесности бесѣдисты склонялись къ торжественному *лжеклассицизму,* отчасти даже къ народной поэзіи изъ противодѣйствія Карамзину. Въ началѣ бесѣдисты имѣли нѣкоторое вліяніе. Ихъ поддерживалъ вымиравшій лжеклассицизмъ. Профессора, въ особенности Мерзляковъ, еще проповѣдовали теорію Буало: еще „гремѣли оды", которыми занимался не только Державинъ, но иногда самъ Карамзинъ, Жуковскій и Мерзляковъ; многіе перелагали Псалтырь; „метроманія" (риѳмоплетство) была еще въ модѣ; патріотическія и поздравительныя посланія писались губернаторами, купцами и женщинами; эти „божественные глаголы" списывались и дарились авторами даже на станціяхъ. Въ театрѣ большимъ успѣхомъ пользовались комедіи *Крылова* и трагедіи *Озерова*, враговъ Шекспира, перелагавшихъ французскія пьесы. Борьба съ Наполеономъ

также помогала бесѣдистамъ; въ ихъ духѣ писали иногда „пѣсни воиновъ и бардовъ“ и насмѣшки на французовъ самъ Карамзинъ и его друзья; Державинъ и Озеровъ казнили Наполеона; Ростопчинъ прославился своими афишками и памфлетами, которые походили на тогдашнія лубочныя каррикатуры и отчасти вошли въ пословицу; С. Глинка пріобрѣлъ такое вліяніе своимъ *Рус. Вѣстникомъ*, что ему давали деньги, студенты ходили къ нему за совѣтами. Но старое направленіе постепенно падало въ борьбѣ съ новымъ, на сторонѣ котораго были и таланты, и потребности времени, до того сильныя, что лучшіе изъ бесѣдистовъ отдавали имъ дань. Всѣхъ подкупалъ уже новый слогъ, столь правильный, что онъ удержался доселѣ, особенно когда Дмитріевъ ввелъ его въ стихи, а Жуковскій придалъ ему музыкальность и изобразительность. Холодный, непонятный лжеклассицизмъ также не могъ бороться съ *сентиментализмомъ*, который возвышалъ женщину и трогалъ всѣхъ своею гуманностью и „мѣщанскою“ простотой, тѣмъ болѣе, что Россія не знала господства родовитыхъ аристократовъ. „Бѣдная Лиза“ Карамзина вызывала слезы и странствія къ пруду, гдѣ она утопилась. Къ сентиментализму примыкала литературная знать, которая группировалась, по прекращеніи „Арзамаса“, въ *Обществѣ любителей русской словесности* при моск. университетѣ, гдѣ видимъ и А. Пушкина, и вождей тогдашней науки. Онъ господствовалъ во всѣхъ родахъ поэзіи и прозы, проявлялся даже у враговъ Карамзина: у Озерова легкость языка, чувствительность, одушевленіе, отдѣлка женскихъ характеровъ ввели его стихи въ пословицы и заставляли заучивать его монологи. Новое направленіе особенно овладѣло романомъ и драмой, которые становились тогда главной силой. Здѣсь было множество переводовъ и передѣлокъ зап. сентименталистовъ, въ особенности нѣмца *Коцебу*. Сентиментализмъ быстро дошелъ до крайности — до безсмысленной слащавости Шаликова. Въ то же время *Жуковскій* († 1852) перенесъ къ намъ нѣмецкій *романтизмъ*, въ которомъ чувствительность соединялась съ мечтательнымъ идеальничаньемъ, приводившимъ къ унылости и фантастичности. По идеямъ, Жуковскій приближался къ бесѣдистамъ: онъ не думалъ объ улучшеніи настоящаго и объ обществѣ; для него существовали только прошедшее и будущее и только личное счастье; онъ не видѣлъ ничего дальше семьи и родины, былъ крайне патріотиченъ, а подъ конецъ впалъ въ мистицизмъ. Но Жуковскій былъ врагомъ лжеклассицизма и развивалъ на-

правленіе Карамзина: онъ выдвинулъ внутреннюю сторону, психологію, чувство; оттого къ его „Марьиной Рощѣ“ и „Людмилѣ“ (1808) перешло вліяніе „Бѣдной Лизы“. Жуковскій былъ переводчикъ; но онъ вѣрно и искусно передавалъ новыя стороны европейской литературы, освобождавшейся отъ оковъ лжеклассицизма.

§ 259. в) **Реализмъ и сатира.**—Романтизмъ, способствуя паденію лжеклассицизма, ускорилъ и паденіе новаго направленія въ литературѣ, которое также не соотвѣтствовало *реальному* складу русскаго ума. Чутье дѣйствительности ясно выступало при Екатеринѣ II въ стремленіи къ народности, раціонализму и публицистикѣ, въ сатирѣ, мѣщанской драмѣ и легкой поэзіи. Оно развивалось при Александрѣ I и быстро обратилось противъ обоихъ направленій, соперничавшихъ въ литературѣ. Сентиментализмъ называли „педантствомъ чувствительности“ и „коцебятиной“, а романтизмъ—„задумчивыми враками“, Карамзина—Ахалкинымъ, а Жуковскаго—Фіалкинымъ; „прежде—говорили—у насъ гремѣли оды, потомъ мы ахали, а нынѣ летимъ въ туманную даль, съ отцвѣтшею душой“. Оба направленія начинали осмѣивать въ комедіяхъ и романахъ и бить въ умныхъ критическихъ статьяхъ. Личный и туманный лиризмъ Жуковскаго остался одинокимъ: при немъ было лишь нѣсколько плохихъ подражателей, а послѣ него выступили новыя, общественныя задачи. Совсѣмъ не привились у насъ и такіе искусственные роды литературы, какъ идиллія и описательная поэзія; изъ дидактической поэзіи встрѣчается только болѣе простой видъ—посланіе. Въ то же время поднимались строгіе голоса противъ нѣмецкой метафизики, которую отчасти обвиняли въ созданіи романтизма; а мистицизмъ осуждался почти вездѣ, какъ „вздорологія“. Реализмъ проявлялся во всѣхъ родахъ литературы, особенно въ *сатирѣ*, связанной съ содержаніемъ изъ русской жизни. Цѣлый рядъ умныхъ и талантливыхъ писателей спеціально разрабатывалъ сатиру. Тутъ были люди разныхъ званій и убѣжденій—и арзамасцы, и бесѣдисты, и элегантные писатели, и циники; во главѣ ихъ стояли Дмитріевъ, Долгорукій (губернаторъ), Горчаковъ (отецъ крымскаго), Воейковъ, Нахимовъ, Вяземскій. Ихъ стихи заучивались наизусть, становились пословицами. Кромѣ лжеклассицизма, сентиментализма и романтизма, они казнили чиновничество; оттого многіе ихъ стихи ходили только въ спискахъ; особенно мало печаталъ Горчаковъ, который напоминалъ Чацкаго злыми выходками противъ ка-

знокрадовъ, откупщиковъ и подрядчиковъ. Тѣ же черты видимъ въ *баснѣ*, которая поэтому и процвѣтала тогда. Элегантныя басни Дмитріева и циническія Измайлова читались наравнѣ съ баснями Крылова, которымъ онѣ не уступали въ достоинствѣ. *Крыловъ* (первыя басни въ 1809), который наравнѣ съ Лафонтеномъ, стоитъ во главѣ этого рода поэзіи, особенно типиченъ. Бесѣдистъ, врагъ Шекспира и лжеклассикъ, лукавый поклонникъ старины и практической мудрости пословицъ, лѣнтяй и невѣжа, глумящійся надъ наукой, изобрѣтеніями и свободой мысли, онъ однако казнилъ не однихъ петиметровъ, но и взяточниковъ, помѣщиковъ, плутовъ-купцовъ, дурное начальство, военщину, законы, писанные „волками"; тѣ же черты въ его комедіяхъ и журналахъ. Съ Крыловымъ окончилась басня: требовались болѣе серьезныя формы для сатиры; на первый планъ выдвинулись романъ и драма. Правда, въ массѣ *романовъ*, почти все переводныхъ, господствовалъ сентиментализмъ: таковы были романы „чувствительные" (Коцебу) и „семейные" (нѣмецъ Лафонтенъ), имѣвшіе значеніе мѣщанской драмы, „нравоучительно-философскіе" (г-жа Жанлисъ, Дюкре-Дюминиль), отчасти „ужасно-чудесные" (г-жа Редклифъ). Но ихъ подражатели уже примѣнялись къ русскому быту, и многіе уже осмѣивали ихъ. *Измайловъ* горячо возставалъ противъ нихъ и самъ писалъ русскіе бытовые романы, проникнутые сатирой (§ 230), доходящей до цинизма. Еще важнѣе рядъ романовъ *Нарѣжнаго* (Росс. Жилблазъ, Бурсакъ, Два Ивана и др.), бичующихъ бесѣдистовъ, метафизику, мистицизмъ, крѣпостное право, пороки администраціи; здѣсь встрѣчаются первообразы героевъ Гоголя. Нарѣжный такой же циникъ, какъ Измайловъ: это—наши Теньеры. *Театръ* процвѣталъ. Подъ вліяніемъ Дмитревскаго, образовались истинные артисты (Каратыгинъ, Мочаловъ, Щепкинъ, Семенова); они были приняты въ лучшихъ домахъ, и вельможи женились на актрисахъ; литераторы дружили съ артистами и просвѣщали ихъ; явились „театралы", провинціальные театры, „благородные (любительскіе) спектакли", *Драматическій Вѣстникъ*, Дирекція императорскихъ театровъ (1806) и театральная школа; директоры сами были драматургами и артистами; актеровъ обезпечивали хорошимъ жалованьемъ и пенсіей. Подлѣ Озерова, смѣнившаго Сумарокова и Княжнина, господствовала мѣщанская драма; но она стремилась къ изображенію русскихъ нравовъ и къ сатирѣ, что́ и привлекало публику. Глава сцены, *Шаховской*, былъ ко-

микъ; въ веселыхъ, легкихъ пьесахъ онъ выводилъ живыя лица, клеймилъ спѣсь помѣщиковъ, погоню за чинами и титулами, а также сентиментализмъ. То же видимъ у его друга, Загоскина, и у Крылова (Урокъ дочкамъ, Модная лавка); „Честный секретарь“ Судовщикова напоминаетъ „Ябеду“. Тогда же явился *водевиль*: „Казакъ-Стихотворецъ“ Шаховскаго долго имѣлъ успѣхъ, какъ національное произведеніе. Этотъ же веселый тонъ и русскій колоритъ замѣтны въ *легкой поэзіи*, продолжавшей дѣло Богдановича (§ 231): сюда относятся мелкіе разсказы, стишки, сказки, въ особенности же пѣсни и романсы Дмитріева, Нелединскаго-Мелецкаго, Мерзлякова, которые прошли въ толпу и поются теперь. Легкая поэзія, имѣвшая въ виду особенно дамъ, связана съ *женскимъ вопросомъ*, выдвинутымъ карамзинистами. Тогда женщина становилась культурною силой. Она участвовала на литературныхъ вечерахъ и въ изданіяхъ (Макарова, Трубецкая и др.); Оленина помогала своему мужу въ руководствѣ писателями; у Волконской литераторы доказывали исторически даровитость женщинъ; журналы дорожили ихъ похвалой и требовали для нихъ высшаго образованія; появились дамскіе журналы, а у консерваторовъ—насмѣшливое прозвище ученыхъ дамъ, „синій чулокъ“. Тогда же Лупалова, которая пришла изъ Сибири и выпросила прощеніе у царя своему отцу-преступнику, стала героиней французскихъ романовъ и „Параши Сибирячки“ Полеваго.

§ 260. **г) Классицизмъ и народность. Грибоѣдовъ и Пушкинъ.** — Реализмъ проявлялся также въ стремленіи изображать дѣйствительность античную, истинно классическую, въ отпоръ лжеклассицизму. Значеніе *классицизма*, какъ жизненной правды просвѣщенныхъ народовъ древности, было впервые указано въ умныхъ статьяхъ ученаго Муравьева-Апостола (1811), переводчика „Облаковъ“ Аристофана: возставая и противъ лжеклассиковъ, и противъ Карамзина, онъ требовалъ слога, выработаннаго на изученіи классиковъ, и введенія древнихъ языковъ въ гимназіи. Тѣ же мысли развивали Гнѣдичъ и Уваровъ. Въ то же время возникли переводы классиковъ: Мерзляковъ исказилъ много произведеній греч. и лат. поэтовъ; бездарный Мартыновъ издалъ 26 том. тяжелыхъ переводовъ Гомера, Софокла, Геродота и др.; позднѣе появились „Иліада“ Гнѣдича (1829), тяжелый и риторическій, но добросовѣстный трудъ, и художественная, но неточная „Одиссея“ Жуковскаго (1849). Образовался и самобытный талантъ античнаго характера: нашъ Тибуллъ,

реалистъ и эпикуреецъ, *Батюшковъ*, проводилъ древній, чувственный взглядъ въ превосходныхъ по формѣ стихахъ и переводахъ съ лат. Самъ Жуковскій посвятилъ себя подъ конецъ классицизму. Осмѣивая лжеклассицизмъ и „метафизическую поэзію“ сентиментализма, классики негодовали на иностранное вліяніе и отчасти принадлежали къ бесѣдистамъ. Они поддерживали стремленіе къ *народности*, которое начало проявляться тогда разумно, какъ одна изъ сторонъ реализма. Крыловъ — чисто народный типъ; отчасти таковы же Измайловъ, Нарѣжный, особенно Долгорукій, который называлъ себя „балалайкой“, а свою поэзію „мурныканьемъ“. Народный языкъ слышимъ даже у лжеклассиковъ, Озерова и Мерзлякова; оттого стихи многихъ писателей всѣхъ направленій становились пословицами, а пѣсни Мерзлякова поются народомъ. Въ то же время стали собирать памятники народнаго творчества: Жуковскій, Пушкинъ и Снегиревъ записывали сказки, пѣсни, пословицы; Общество любителей рос. словесности издало Областной Словарь; ученые вчитывались въ русскія лѣтописи. Высшимъ проявленіемъ народной самобытности и реализма были, въ концѣ періода, Грибоѣдовъ и А. Пушкинъ. Пріятель бесѣдистовъ, врагъ Карамзина и Жуковскаго, но очень образованный человѣкъ, знавшій много языковъ, *Грибоѣдовъ* возставалъ противъ рабскаго подражанія иностранцамъ: онъ требовалъ самобытности, но какъ плода европейскаго образованія, а не возвращенія къ старинѣ. „Горе отъ ума“ (1823)— высшее развитіе нашей сатиры въ драматической формѣ: она направлена противъ пороковъ общества и правительства. Монологи Чацкаго доказываютъ, до какой высоты сознанія и просвѣщенія дошла наша мысль въ теченіе первой четверти 19-го в. Здѣсь уже не литературные, эстетическіе, а политико-общественные интересы, которые своеобразно сказывались тогда же въ жизни (§ 242). Къ тому же времени выработался *Пушкинъ*. Сначала онъ подражалъ; какъ ревностный арзамасецъ, подчинялся вліянію Державина, Карамзина и Жуковскаго, а также разсѣянности свѣтской жизни; потомъ увлекался байронизмомъ. Ссылка на югъ и потомъ жизнь въ деревнѣ заставили его много думать и учиться, чтобъ „въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ“. Но уже въ лицейскихъ стихотвореніяхъ пробивается струя реализма—простота, живость, увлеченіе сказками няни. Предъ ссылкой (1820) явился, въ „Русланѣ и Людмилѣ“, протестъ противъ лжеклассицизма и сентиментализма, какъ по формѣ, такъ и по содержанію, почерпнутому изъ народности.

Тогда же Пушкинъ негодовалъ на „неправое величіе злодѣя иль глупца“, мечталъ видѣть „рабство, падшее по манію царя“; онъ и пострадалъ за „правду пылкую“. Байронъ привлекалъ его, какъ врагъ новыхъ оковъ — пороковъ цивилизаціи: въ его байроническихъ пьесахъ то же стремленіе къ простотѣ, къ дѣтямъ природы („Кавказ. плѣнникъ“); его элегическій тонъ— та же правда, только психологическая, и она разрѣшается отрадой здоровой натуры. Вскорѣ исчезли послѣдніе слѣды подражанія, и показался полный, самобытный реализмъ: „Евгеній Онѣгинъ“ (начало въ 1823)—простая, но сатирическая картина пустоты современной свѣтскости; „Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ“ и „Борисъ Годуновъ“ (1825)—вѣрное изображеніе старой русской жизни.

§ 261. д) **Характеръ умственнаго развитія.** — Эпоха Александра I отличалась умственнымъ оживленіемъ. Издавалось много книгъ и журналовъ; переводились многіе иностранные авторы, даже итальянскіе. Въ письменности шла борьба нѣсколькихъ направленій, и она затрогивала всю интеллигенцію, не исключая женщинъ и юношества; студенты и гимназисты дѣлились на карамзинистовъ и шишковистовъ, составляли литературныя общества, издавали рукописные журналы; театры были полны; у вельможъ и писателей составлялись литературные вечера; было нѣсколько литературныхъ обществъ, издававшихъ свои сборники. Развивалась книжная торговля: первые 8 томовъ исторіи Карамзина (1816—1818) разошлись въ 25 дней въ 3 т. экземпляровъ, а 2-е изданіе было продано книгопродавцу за 50 т. р. Званіе писателя становилось почетнымъ и самостоятельнымъ. Карамзинъ и Жуковскій пренебрегали службой, считая „авторство службой отечеству“ и серьезно „готовясь“ къ нему; нѣкоторые вполнѣ посвящали себя изданію журналовъ. Дворъ поднималъ значеніе писателя. Александръ часто бесѣдовалъ и переписывался съ Карамзинымъ, самъ былъ его цензоромъ, награждалъ его чинами и пенсіей, далъ 60 т. на печатаніе его исторіи; Елизавета Алексѣевна и Екатерина Павловна давали Карамзину поправлять свои переводы и упражненія въ рус. яз.; Марія Ѳедоровна сдѣлала Жуковскаго своимъ чтецомъ и учителемъ, а потомъ наставникомъ будущаго Александра II, а Александръ I давалъ ему деньги, ордена, чины, пенсіи; то же было съ Крыловымъ. По желанію царя, къ 1815 г. были переведены такіе замѣчательные авторы, какъ Бентамъ, Смитъ, Беккарія, Монтескье. Вообще до 20-хъ гг. „либерализмъ“ господство-

валъ, по примѣру Александра. У сатириковъ всѣхъ направленій и даже у проповѣдниковъ встрѣчается критика администраціи, иногда выходки даже противъ Аракчеева: Воейковъ заявлялъ горячее сочувствіе Сперанскому; Вяземскій выступалъ противъ цензуры и кваснаго патріотизма; въ журналахъ понемногу разбирали дѣйствія администраціи и намекали на политическое развитіе. Чѣмъ дальше, тѣмъ серьезнѣе становилось общество. Реализмъ выдвигался насчетъ лжеклассицизма и сентиментализма. Наука выступала въ литературныхъ кружкахъ и журналахъ. Мерзляковъ, Жуковскій, Вяземскій вводили, на мѣсто стилистическихъ разборовъ, серьезную литературную критику, сравнительную теорію словесности, Востоковъ — филологію, Каченовскій, Калайдовичъ и Снегиревъ—критическое изученіе исторіи, археологіи и народности; недоставало только опытныхъ и точныхъ наукъ, но уже поговаривали о нововведеніяхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, даже о замѣнѣ трехпольной системы плодопеременной, а Врангель и Коцебу изучали с. и ю. океаны. Интеллигенція уже искала серьезныхъ книгъ и подсмѣивалась надъ журналами, изъ которыхъ прочно держались только „Вѣст. Евр.“ да „Сынъ Отечества“ Греча (съ 1812): „журналовъ тысячи, а книги ни одной“, говорилъ Горчаковъ. Литературный, эстетическій интересъ уступалъ мѣсто политико-общественному. Образовались разсуждающіе кружки, о которыхъ можно судить по Чацкому. Здѣсь толковали, особенно послѣ царской рѣчи 1818 г. (§ 241), о государствѣ и освобожденіи крестьянъ, о Бентамѣ и Бенжаменѣ Констанѣ, о необходимости политическихъ наукъ въ образованіи. Этому способствовало возвращеніе изъ-за границы нашихъ войскъ, среди которыхъ было много просвѣщенныхъ людей, писателей. Военные переродились: „Жомини да Жомини (военный ученый), а объ водкѣ ни полслова“. Они читали серьезныя сочиненія, заводили ланкастерское обученіе солдатъ грамотѣ, образовали общество, издававшее *Военный Журналъ*. Среди такого-то движенія началась реакція (§ 242). Съ 1815 г. развивался мистицизмъ, во главѣ котораго стоялъ масонъ Лабзинъ, съ своимъ „Сіонскимъ Вѣстникомъ“; возростало число его журналовъ, книгъ, особенно переводовъ, въ которыхъ громили волтерьянство и „завиральныя идеи“ либераловъ. Мистицизмъ проникалъ даже въ искусство; ему подчинялся Сперанскій; дѣти навязывали его своимъ родителямъ. При дворѣ читали „Сіон. Вѣстн.“; правителями, помимо Аракчеева, стали Голицынъ, потомъ Шишковъ. Такъ какъ тогда въ Варшавѣ

образовалось тайное политическое общество и произошли безпорядки въ университетѣ, то были заподозрѣны всѣ университеты, а также литература, даже масоны и Филаретъ, по указанію Фотія. Былъ сосланъ Пушкинъ; Батюшковъ сошелъ съ ума; многія статьи журналовъ, сатиры Вяземскаго, конецъ Жилблаза Нарѣжнаго не могли появиться въ печати; „Горе отъ ума“ долго ходило въ рукописи; даже прописи передѣлывались въ мистическомъ смыслѣ. Тогда изъ либеральныхъ кружковъ выдѣлилась крайняя партія. Она составила *Союзъ Благоденствія* (съ отдѣлами — сѣвернымъ, южнымъ, соединенныхъ славянъ) и выработала проектъ, въ основаніе котораго положено: освобожденіе крестьянъ, гласный судъ съ присяжными, всеобщая воинская повинность, равенство передъ закономъ, свобода слова и совѣсти и т. д. Союзъ состоялъ почти изъ однихъ военныхъ и моряковъ (болѣе 120), среди которыхъ было много князей, генераловъ, полковыхъ командировъ (Трубецкой, Нарышкинъ, Оболенскій, Долгорукій, Муравьевы, Волхонскій, Барятинскій и др.). Союзъ думалъ представить свой планъ Александру, который самъ поручалъ Сперанскому и Новосильцеву начертать политическій проектъ. Но въ 1822 г. явился приказъ о закрытіи всякихъ тайныхъ обществъ, не исключая 32 масонскихъ ложъ, къ которымъ принадлежали многіе вельможи и высокія лица. Тогда Союзъ превратился въ революціонное общество, стремившееся къ федеративной республикѣ, и соединился съ поляками, обѣщая имъ возстановленіе Рѣчи Посполитой. Заговорщики были выданы однимъ изъ товарищей; но ихъ не успѣли арестовать, какъ послѣдовала смерть Александра.

§ 262. **Письменность 30-хъ годовъ: а) поэзія.**—Въ 30-хъ годахъ развивалось *реальное* направленіе. Сентиментализмъ и романтизмъ совсѣмъ исчезли. Изображеніе дѣйствительности становилось глубже и расширялось, постепенно захватывая низшіе слои общества: рядомъ съ этимъ, въ поэзіи и въ наукѣ яснѣе выступали идея „народности“ и критическій духъ, который утвердился, наконецъ, въ формѣ кружка Бѣлинскаго. Сверхъ того, подъ вліяніемъ тяжелыхъ обстоятельствъ, поэзія сопровождалась элегическимъ тономъ. Всѣ эти черты были уже у *Пушкина*, который становился все серьезнѣе, реальнѣе и задушевнѣе: стихи его дошли до разговорной легкости; онъ даже покидалъ риѳму и брался за прозу, образцовую по простотѣ и краткости. Пушкинъ одинаково правдиво, объективно описывалъ бытъ разныхъ народовъ и временъ, но особенно изучалъ рус-

скую жизнь. „Онѣгинъ“ (1830)—вѣрная картина нравовъ дворянства 20-хъ гг. Въ лицѣ Евгенія впервые очерчена даровитая, широкая натура, лишенная воли и содержанія отъ барства, отъ недостатка дѣятельности и воспитанія это — начало типа „лишняго человѣка“ или русскаго гамлетства. Татьяна—начало типа серьезной русской женщины, которая сильнѣе мужчины характеромъ и высокими стремленіями, но также страдаетъ отъ невѣжества и уродливой жизни. Въ лицѣ Ленскаго Пушкинъ убилъ романтизмъ, также какъ и лжеклассицизму былъ нанесенъ послѣдній ударъ его „Борисомъ Годуновымъ“ (1831). „Онѣгинъ“—сатира на великосвѣтское, столичное общество; но Пушкинъ началъ затрогивать и болѣе низкіе слои — бѣдныхъ чиновниковъ, мелкое дворянство и злоупотребленія властей въ провинціи. Къ крестьянамъ онъ обращался только въ формѣ сказокъ, народныхъ даже по складу стиха и по языку. У Пушкина вездѣ гуманность и сочувствіе прогрессу: онъ не любилъ Москвы и превозносилъ Петербургъ, благоговѣя предъ Петромъ за то, что онъ далъ просвѣщеніе и „гражданство“ Россіи; онъ сочувствовалъ прогрессивнымъ стремленіямъ Екатерины II, Годунова и Лжедимитрія. Критическій духъ не покидалъ его: за годъ до смерти, въ 1836, онъ основалъ *Современникъ*, посвященный критикѣ. Пушкинъ былъ хладнокровенъ; онъ вращался въ большомъ свѣтѣ, подъ конецъ впадалъ въ патріотическо-религіозный тонъ; онъ получалъ награды отъ Николая I, который самъ цензуровалъ его сочиненія. Онъ съ презрѣніемъ смотрѣлъ на толпу и видѣлъ призваніе поэта не въ жизненной борьбѣ, а въ „звукахъ сладкихъ и молитвахъ“, въ идеальномъ служеніи искусству для искусства. Протестомъ противъ олимпійскаго спокойствія художника былъ *Лермонтовъ* († 1841), поэзія котораго—отчаянный вопль нѣжной, но болѣзненной души, ищущей борьбы, но лишенной дѣятельности. Это—жестокая сатира на все поколѣніе, въ которомъ озлобленный юноша не видѣлъ ничего, кромѣ лжи, тупоумія и низкихъ побужденій. Здѣсь глубоко затронуты пороки общества и страстно выражена любовь къ независимости, правдѣ, просвѣщенію, ради которыхъ поэтъ готовъ перевернуть всю жизнь. По этимъ чертамъ, Лермонтовъ — Байронъ, „но только съ русскою душой“. Самъ онъ, съ его стихомъ, „облитымъ горечью и злостью“, представляетъ русскую интеллигенцію той эпохи, съ ея безплодной жаждой дѣятельности, съ желаніемъ сбросить оковы искусственной жизни. За свое отрицательное направленіе, за ядовитые разговоры онъ

смолоду считался „безпокойнымъ человѣкомъ“, былъ дуэлистомъ и погибъ въ ссылкѣ. Поэзія Лермонтова—реальное изображеніе русской жизни, съ вѣрными описаніями природы и съ тонкимъ психологическимъ анализомъ. Здѣсь развился типъ Онѣгина. Печоринъ („Герой нашего времени“, 1840) уже анализируетъ себя, сознаетъ свои недостатки; но это — поколѣніе, падающее подъ бременемъ знанія и сомнѣнія („Дума“): оно также бездѣльничаетъ, хандритъ и живетъ эгоизмомъ, прикрывая его напускнымъ разочарованіемъ и резонерствомъ. Лермонтовъ особенно описывалъ лжепросвѣщеніе барской интеллигенціи, „къ добру и злу постыдно-равнодушной“. Онъ лишь затрогивалъ село и крестьянина въ своихъ правдивыхъ, печальныхъ картинахъ; но онъ могъ вполнѣ понять народъ, какъ доказываютъ „Бородино“ и „Пѣсня про купца Калашникова“. Для полнаго торжества реализма оставалось расширить картину русской дѣйствительности—вывести провинцію и крестьянство съ крѣпостнымъ правомъ. Это сдѣлали Кольцовъ съ Гоголемъ. *Кольцовъ* († 1842)—само крестьянство, сама народная пѣсня, доведенная до художественности и снабженная критическою мыслью. Его поэзія — образецъ правды и простоты: здѣсь вся русская природа и вся душа мужика—кроткая, набожная, унылая, но здоровая и глубокая; здѣсь же весь бытъ народа, его нищета, невѣжество и забитость. Народъ отразился и въ оригинальныхъ „думахъ“ Кольцова, гдѣ нѣтъ вѣры въ торжество правды и одни вопросы безъ отвѣтовъ. *Гоголь* считается отцомъ реализма или *натуральной школы* въ нашей изящной словесности, но лишь потому, что онъ разработалъ мелочи жизни и выставилъ ихъ съ небывалой откровенностью, за которую даже школа Пушкина называла его грязнымъ. Для вскрытія этихъ мелочей, изъ которыхъ собственно и слагалась дѣйствительная жизнь Россіи, онъ анализировалъ критически не столицы, а провинцію, не интеллигенцію, а мелкое чиновничество, захолустное барство и отчасти крестьянство: оттого у него воскресли типы даже Елизаветинскихъ временъ, чему многіе не повѣрили. Сатира приняла у Гоголя новый видъ—*юмора*, свойственнаго малороссамъ. Это—„видимый міру смѣхъ и незримыя слезы“, т.-е. насмѣшка, озаренная любовью автора къ своимъ жалкимъ героямъ, этимъ жертвамъ печальной среды: изученіе *среды*, условій жизни, а не однихъ лицъ съ ихъ романами — въ этомъ главная новизна и глубина поэзіи Гоголя. Это отразилось уже въ первыхъ повѣстяхъ Гоголя изъ малороссійскаго быта: „Вечера на хуторѣ“

(1831) — картина народныхъ нравовъ, вѣрованій и преданій; „Тарасъ Бульба“—украинскій народный эпосъ; „Старосвѣтскіе помѣщики“ — реальная картина быта мелкопомѣстнаго барства. Повѣсти изъ петербургской жизни—также цѣлая эпопея быта мелкаго департаментскаго чиновничества; причемъ („Шинель“) является злая сатира и на „значительныя лица“, т.-е. начало „обличительной“ литературы. „Ревизоръ“ (1835)—это вся наша провинція, въ особенности помѣщики и мѣстная администрація, съ ея взяточничествомъ, невѣжествомъ, самоуправствомъ. Общественное значеніе этой комедіи, возбужденное ею броженіе умовъ ясно изъ толковъ въ „Театральномъ разъѣздѣ“. Реализмъ сказывался тогда и въ появленіи *историческаго романа* (Загоскинъ, Лажечниковъ, Полевой и др.), который былъ очень популяренъ, не смотря на слабость талантовъ его представителей.

§ 263. б) **Критика и наука.**—Это богатство изящной словесности связано съ небывалымъ умственнымъ движеніемъ, которое совершалось тогда, подъ вліяніемъ Запада. Такъ какъ книгъ все еще было весьма мало, то это движеніе сосредоточивалось въ *журналистикѣ*. По числу подписчиковъ, на первомъ планѣ стояли „Сынъ Отечества“ *Греча*, „Сѣверная Пчела“ *Булгарина* и „Библіотека для Чтенія“ *Сенковскаго*. Они читались даже людьми полуграмотными въ провинціи, такъ какъ содержаніе ихъ было пусто, легко, а форма отличалась площаднымъ шутовствомъ. Сверхъ того, въ нихъ былъ „квасной патріотизмъ“ (слово Вяземскаго), а публика считала ихъ выразителями программы министра Уварова (1833), требовавшей, „чтобы народное образованіе совершалось въ духѣ православія, самодержавія и народности“. Но эти журналы, основанные изъ выгоды, не вліяли на интеллигенцію: они были лишены идей; ихъ критика состояла въ личной брани и произвольныхъ разборахъ стиля. Болѣе серьезенъ былъ, примыкавшій къ Пушкину, „Телеграфъ“ *Ник. Полеваго*, который во имя романтизма боролся съ остатками лжеклассицизма и стоялъ за прогрессивныя стремленія; но онъ вскорѣ прекратился (1834); его замѣнилъ „Современникъ“ Пушкина, также не имѣвшій успѣха, по своей безцвѣтности. Первымъ образчикомъ истиннаго журнала, съ серьезнымъ направленіемъ, былъ „Телескопъ“ моск. профессора *Надеждина* (1831—1836). Основательно знакомый съ зап. наукой, талантливый Надеждинъ ввелъ истинную литературную критику, положивъ въ ея основаніе философское обобщеніе и реальный историческій взглядъ. Онъ расчищалъ поле Гоголю, возставъ противъ

романтизма во имя дѣйствительности; онъ критически относился къ нашей гражданственности, начиналъ русскую исторію съ Петра, требовалъ развитія зап. просвѣщенія и общественной жизни. Онъ напечаталъ рѣзкій протестъ противъ недостатковъ Россіи—„Письмо“ Чадаева, за которое „Телескопъ“ былъ закрытъ, а редакторъ былъ сосланъ на годъ. Но отъ Надеждина ведутъ свое начало и западничество, и новое славянофильство, такъ какъ онъ требовалъ самобытности и народности. Онъ—основатель изученія русской народности: его статьи по этнографіи, статистикѣ, географіи Россіи отчасти имѣютъ значеніе и теперь; онъ составилъ для Географич. Общества программу собиранія этнографическихъ свѣдѣній, которая доставила богатый матеріалъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи. Дѣло Надеждина продолжали его университетскіе слушатели, изъ которыхъ образовалось два молодыхъ кружка въ Москвѣ. Кружокъ *Станкевича* (Бѣлинскій, Боткинъ, Константинъ Аксаковъ, потомъ Грановскій) Кудрявцевъ, воспитался подъ нѣмецкимъ вліяніемъ. Онъ увлекался метафизикой Гегеля (отчасти Шеллинга) и посвящалъ себя художественному идеализму, исключительно литературному интересу; въ остальномъ онъ былъ консерваторомъ, подчиняясь ученію Гегеля о разумности всего существующаго Но здѣсь впервые явилась теорія, солидное образованіе и горячее стремленіе къ истинѣ; здѣсь выработались художественный вкусъ и глубокомысліе Бѣлинскаго. Кружокъ *Герцена* (Бакунинъ, Огаревъ, Пассекъ) Чадаевъ, увлекался Франціей, г-жею Жоржъ-Зандъ и сен-симонистами. Примыкая къ либерализму 20-хъ гг. (§ 261), онъ посвящалъ себя вопросамъ политико-историческимъ и общественнымъ; здѣсь впервые стали заниматься и естествознаніемъ. Связью между обоими кружками служили: глубокое знакомство съ наукою и даже жизнью Запада, пылкое стремленіе къ истинѣ и критическое отношеніе къ разнымъ сторонамъ нашей дѣйствительности. Оттого у нихъ были общіе враги, покровительствуемые цензурой: въ Петербургѣ - „Сынъ Отечества“, „Сѣверная Пчела“ и „Библіотека“, въ Москвѣ—„Моск. Наблюдатель“ профессоровъ *Шевырева* и *Погодина*. Сначала кружокъ Герцена имѣлъ менѣе вліянія; къ тому же, въ 1835 онъ былъ разсѣянъ, а у другого кружка выдвинулся (1834) безпощадный критическій талантъ, *Бѣлинскій*, который сразу объявилъ, что „у насъ нѣтъ литературы“, и тѣмъ возстановилъ противъ новаго направленія даже кружокъ Пушкина. Несмотря на увлеченіе Гегелемъ, которое приводило его иногда къ мыслямъ,

близкимъ къ направленію его враговъ, Бѣлинскій встревожилъ всѣхъ своимъ литературнымъ отрицаніемъ, своимъ страстнымъ и высокимъ тономъ благородства, своимъ протестомъ противъ ходячей морали. Тогда же онъ сразу объявилъ Гоголя началомъ новой, „натуральной", школы и установилъ оцѣнку Лермонтова, Кольцова, Баратынскаго, Пушкина и др. Кружокъ Станкевича постепенно освобождался отъ увлеченія метафизикой и къ 1839 г. слился съ другимъ кружкомъ. Бѣлинскій особенно рѣзко повернулъ на политико-общественную, реальную точку зрѣнія и переселился въ Петербургъ работать въ *Отечественныхъ Запискахъ*, основанныхъ тогда Краевскимъ. Оба кружка представляли также характеръ науки того времени. За исключеніемъ Герцена („Письма объ изученіи природы"), рѣдко кто занимался опытными или точными науками: на первомъ планѣ были вопросы философскіе, историческіе, отчасти филологическіе. Болѣе всего работали надъ изученіемъ русской народности, во главѣ котораго стоялъ Надеждинъ. Тогда возобновились собранія этнографическихъ матеріаловъ (сказки, пѣсни и пр.) Снегирева, Сахарова, Срезневскаго, Пассека, Даля, Максимовича. Въ русской исторіи явилось оживленіе, благодаря „скептической школѣ" *Каченовскаго*, который требовалъ пересмотра ея источниковъ, начиная съ Нестора, не лишеннаго сказочныхъ вставокъ.

§ 264. **Письменность 40-хъ годовъ.**—Сороковые годы особенно богаты мыслью и литературными талантами, которые развивались въ реальномъ направленіи, подъ вліяніемъ Гоголя и зап. просвѣщенія, проводимаго наиболѣе Бѣлинскимъ. Послѣ сліянія московскихъ кружковъ, новое направленіе стало ясною, твердою идеей, принявъ названіе *западничества*. Бѣлинскій объявилъ метафизическія увлеченія „китаизмомъ", а „родную дѣйствительность ужасною"; его „обхватила идея общества"; онъ сталъ за Шиллера, Ж.-Занда и Гюго, за „юную Германію" съ Гейне во главѣ и за „лѣвую сторону" гегеліанства, которую преслѣдовали въ Пруссіи за либерализмъ; онъ началъ говорить и о „народѣ", въ смыслѣ его просвѣщенія и освобожденія отъ крѣпостничества. „Западники" группировались вокругъ Бѣлинскаго и „Отеч. Записокъ", гдѣ печатались труды новыхъ талантовъ (Панаева, Тургенева, Некрасова, потомъ Достоевскаго, Гончарова, Григоровича, а также Кавелина, Соловьева и др. ученыхъ) и переводы изъ Ж.-Занда, Беранже, Диккенса, а также указывалось на Луи-Блана, Литтре, Конта, Штрауса,

Фейербаха, и др. Вскорѣ они стали „людьми 40-хъ годовъ“, вождями интеллигенціи, общественнымъ мнѣніемъ. Гречъ, Булгаринъ и ихъ сотрудники пали сами собой. Но ихъ замѣнилъ болѣе серьезный и благородный противникъ западниковъ — *славянофильство*, которое примыкало къ „Москвитянину“, замѣнившему „Моск. Наблюдатель“. Славянофилы (Хомяковъ, Юр. Самаринъ, Кирѣевскіе) стояли за народность въ духѣ программы Уварова и объявили, что Западъ гніетъ, а славянамъ суждено спасти человѣчество; они признавали русскую исторію только до Петра и отрицали ея „петербургскій періодъ“, испорченный иностраннымъ вліяніемъ. Люди образованные и смѣло отстаивавшіе свои идеи, они постоянно вызывали западниковъ на серьезную борьбу, тѣмъ болѣе, что приносили пользу изученіемъ народнаго быта и нашей древней исторіи. Стараясь поднять и освободить славянъ отъ ига нѣмцевъ и турокъ, славянофилы признавали литературу галичанъ, а слѣд. и малорусскую, которую презирали западники, какъ „провинціализмъ“. Ихъ поддержало основаніе каѳедръ славистики при университетахъ (1838); къ нимъ перешли Конст. Аксаковъ и Пассекъ. Но помимо нихъ шло литературное развитіе, которое началось тогда главнымъ произведеніемъ Гоголя—„Мертвыми Душами“ (1842), этой эпопеей полнаго реализма, коснувшагося здѣсь небывалыхъ мелочей въ описаніи быта и души разныхъ сословій русской провинціи. Затѣмъ „натуральная школа“ выставила рядъ крупныхъ талантовъ, избравшихъ своею формой „нравоописательный“ романъ и повѣсть, которые стали уже не роскошью, а потребностью общества и орудіемъ просвѣщенія. Ея характеръ публицистическій и критическій. Она рисовала не столько лица, сколько *среду*, въ формѣ типовъ и ихъ исторіи; она расширяла рамки Гоголя, выдвинувъ крестьянство и затронувъ крѣпостное право. Смѣло, правдиво, съ глубокой любовью къ народу раскрывая отрицательныя стороны нашей жизни, чтобы подготовить преобразованія, новая школа частью не находила положительныхъ типовъ среди интеллигенціи, частью не могла изображать ихъ, особенно при усиленіи реакціи; но она раскрыла, среди забитости, грязи и невѣжества, человѣчныя черты массъ, которыя недавно считались то романтическими пейзанами, то „подлою чернью“. Особенно глубоко затронутъ бытъ народа и крѣпостничество у Ив. *Тургенева* („Записки Охотника“, 1847), *Григоровича* („Деревня“, 1846), *Даля*, а также въ стихахъ начинавшаго *Некрасова* и *Шевченка*. Къ этимъ писателямъ примыкалъ

Достоевскій своею первою повѣстью—„Бѣдные люди“ (1845), похожею на „Шинель“ Гоголя, но проникнутою болѣе глубокимъ чувствомъ къ забитому человѣку. *Герценъ* („Кто виноватъ“? 1845) и *Дружининъ* („Полинька Саксъ“) поднимали женскій вопросъ въ духѣ Ж.-Занда, причемъ опять появлялся гамлетскій типъ нашей интеллигенціи. „Обыкновенная Исторія“ *Гончарова* (1846) рисовала университетскаго юношу, который недолго идеальничалъ фразами, подъ вліяніемъ лекцій „профессора эстетики“, и быстро успокоился на карьерѣ, подобно опытному чиновнику. Тогда же у Тургенева мужикъ радовался на „университетскихъ“ баръ, но замѣчалъ, что они „дѣла-то настоящаго не смыслятъ“. Съ 1847 г. литературное движеніе пріостановилось до 1855, подъ вліяніемъ реакціи (§ 246). Былъ сосланъ Шевченко; вышелъ въ отставку попечитель моск. округа, Строгановъ; „негласный комитетъ“ слѣдилъ за самими цензорами и назывался „хозяиномъ рус. литературы“; ему помогалъ моск. митрополитъ Филаретъ. Вмѣсто имени Бѣлинскаго, смерть котораго была ускорена пессимизмомъ (1848), говорили „критикъ сороковыхъ годовъ“. Гоголь впалъ въ полупомѣшательство, сжегъ 2-ую часть „Мертв. Душъ“ и издалъ жалкую „Переписку съ друзьями“; Пассекъ впалъ въ мистицизмъ. Герценъ, Бакунинъ, Огаревъ эмигрировали за-границу. Наука развивалась въ прежнемъ направленіи. Точныя и опытныя науки только-что начинали выдвигаться, хотя уже выставили европейскія имена *Остроградскаго* и *Бэра*. Болѣе всего занимались историческими вопросами. Всеобщая исторія, въ лицѣ *Грановскаго*, читавшаго и публичныя лекціи, имѣла воспитательное значеніе для общества и была популяризаціей лучшихъ сторонъ зап. науки. Особенно выдвинулась русская исторія, достигшая самостоятельнаго значенія, также подъ вліяніемъ зап. методовъ, какъ свидѣтельствуютъ имена западниковъ—*Кавелина, Соловьева, Рѣдкина, Буслаева*. Первые двое выставили плодотворную теорію родоваго быта и начали рядъ серьезныхъ работъ, на основаніи строгой критики и талантливаго изученія источниковъ. *Погодинъ* и *Шевыревъ* помогали изслѣдованіями мелочей русской исторіи и литературы; славянофильскій кружокъ обобщалъ ихъ въ духѣ своей теоріи и своею полемикой поддерживалъ энергію западниковъ. Въ то же время развивалась собирательная работа на поприщѣ изученія русской этнографіи, чему способствовала дѣятельность Географическаго Общества и основаніе *Археографической Экспедиціи* и *Коммиссіи* (1843). Здѣсь дѣйствовали уже

попреимуществу серьезные труженики — Аѳанасьевъ, Востоковъ, Бодянскій, Срезневскій, Ундольскій, Максимовичъ, Костомаровъ. Многіе изъ собирателей примыкали къ „Маяку“ Бурачка, раздѣлявшему воззрѣнія „Москвитянина“. Здѣсь была и „школа Венелина“, враждебная норманистамъ (§ 227), всюду видѣвшая славянъ (Савельевъ, Вельтманъ. Морошкинъ). Здѣсь же помѣщались начатки малорусской литературы — повѣсти *Основьяненка*, стихи *Шевченка* и *Артемовскаго-Гулака*.

§ 265. **Письменность при Александрѣ II.** При Александрѣ II развились таланты, выступавшіе въ 40-хъ годахъ. При всемъ ихъ разнообразіи, они дѣлали одно дѣло—утверждали реализмъ. Въ изящной словесности развивалась *натуральная школа*, задача которой становилась все шире и глубже, при постоянномъ преслѣдованіи общественной, публицистической цѣли. Здѣсь видимъ изощреніе анализа, входящаго въ поразительныя мелочи быта и психологіи, и стремленіе осмыслить правдивые факты, указать причины явленій, генеалогію типовъ. Область наблюденій расширяется, захватывая всевозможныя стороны общества, причемъ особенно выдвигается изученіе народнаго быта, иногда сливающееся съ научной этнографіей. У новѣйшихъ беллетристовъ стремленіе къ правдѣ въ мелочахъ доходитъ до фотографической точности, причемъ рисуются даже областные говоры; съ другой стороны, встрѣчаются тенденціозные романы, гдѣ жизнь умышленно рисуется невѣрно, ради проведенія извѣстной идеи, что объясняется борьбой разныхъ направленій общественной мысли. Но таланты, начавшіе въ 40-хъ годахъ, болѣе склонны къ художественному изображенію типовъ, попрежнему отрицательныхъ: попытки схватить мужскіе положительные типы почти всѣ неудачны; но хорошіе типы женскіе изображаются блистательно. Самымъ разнообразнымъ, глубокомысленнымъ и просвѣщеннымъ изъ этихъ талантовъ должно считать *Тургенева* († 1883), который своею поэтичностью и гуманностью снискалъ такую же любовь публики, какъ нѣкогда Пушкинъ. Онъ изображаетъ самые разнообразные и широкіе типы и картины природы одинаково реально, просто и кратко, иногда озаряя мягкимъ юморомъ глубину своего міровоззрѣнія; его основная задача—ловить новыя направленія въ нашей жизни и философски допытываться ихъ причинъ и слѣдствій. Тургеневъ, этотъ твердый западникъ, высоко цѣнитъ народъ и критически относится къ интеллигенціи: „у насъ еще нѣтъ людей; нигдѣ время такъ не бѣжитъ, какъ въ Россіи“ отъ бездѣлья и безплодной болтовни. Но онъ не

пессимистъ: онъ вѣритъ въ будущность Россіи, особенно послѣ освобожденія крестьянъ; и есть развитіе въ его главномъ типѣ „лишняго человѣка“ или русскаго „гамлетика“, вскормленнаго барствомъ, отсутствіемъ гражданской жизни и безжизненностью нашего научнаго преподаванія. Вокругъ этого типа группируется исторія нашей интеллигенціи. Онъ ярко очерченъ въ „Рудинѣ“ (1855), который не только рисуется и ораторствуетъ, но и анализируетъ, бичуетъ себя, относится отрицательно къ русскимъ порядкамъ. Въ „Дворянскомъ Гнѣздѣ“ (1858) онъ—симпатичный „байбакъ“, человѣкъ искренній, сознательный, который кончилъ тѣмъ, что сталъ пахать съ мужикомъ; здѣсь же изображена его исторія въ дворянскихъ типахъ временъ Елизаветы, Екатерины и Александра I. Въ „Накапунѣ“ (1859) выражается надежда на исчезновеніе „рудинства“: Елена болѣе другихъ женщинъ Тургенева ищетъ дѣятельной, общественной любви, не удовлетворяясь „однимъ чтеніемъ“; но „перваго человѣка, который не только говоритъ, но и дѣлаетъ“, она встрѣчаетъ въ иностранцѣ. „Отцы и дѣти“ (1860) уже выставляютъ русскаго врага рудинства; въ силу реакціи, Базаровъ не только ненавидитъ фразерство съ его метафизикой и эстетикой, но ничего не признаетъ, кромѣ научнаго труда. Онъ врагъ стиховъ и искусства (какъ Инсаровъ съ Еленой) и изъ наукъ признаетъ одно естествознаніе; бѣднякъ и труженикъ, онъ близокъ къ народу, прямодушенъ до грубости и ежеминутно работаетъ, не дозволяя себѣ мечтать даже о будущности Россіи. Но Базаровъ теоретикъ: его роль—„расчистить мѣсто“ для новаго русскаго человѣка, посредствомъ науки освободить умы отъ мрака преданій, за которыя онъ презираетъ не только славянофиловъ, но и нашъ народъ, отчасти даже Западъ. По его мнѣнію, „теперь полезнѣе всего отрицаніе“: оттого отцы назвали его „нигилистомъ“, а мужикъ считалъ его чудакомъ, который „ничего не понимаетъ“. Эти отцы также не похожи на дѣдовъ: это еще байбаки, воспитанные крѣпостничествомъ; но они либералы, мечтающіе о замѣнѣ барства англійскою аристократіей. Въ „Дымѣ“ (1872) изображена вся пустота барскаго и чиновнаго либерализма, а въ „Нови“ (1877) Тургеневъ пытался изобразить новаго русскаго человѣка, переходящаго отъ теоріи къ практикѣ (Соломинъ). *Гончаровъ* (род. 1812) отличается однообразіемъ и неплодовитостью, но поражаетъ отчетливостью въ отдѣлкѣ мелочей, полнотою реализма и психологическаго анализа. Онъ изобразилъ въ „Обломовѣ“ (1858) нѣкоторыя особенности „лиш-

няго человѣка“ съ такой пластичностью, что слово „обломовщина“ стало нарицательнымъ. Здѣсь вся глубина горестнаго положенія русской широкой натуры, благородной, даровитой, начитанной, но погубленной барствомъ и узкостью жизни. Обломовъ презираетъ мелкую дѣятельность. Ему нужны подвиги и міровая философія, но по вдохновенію, безъ труда: лѣнь такъ одолѣла его, что онъ боится даже женитьбы и не можетъ связать фактовъ, наполняющихъ его голову; его культомъ стала халатность, лежебочничанье; онъ „приросъ больнымъ мѣстомъ къ ямѣ“. Но Ольга—наиболѣе удачный типъ русской женщины, которая не удовлетворяется однимъ личнымъ счастьемъ, и правдиво, безъ аффектаціи, требуетъ сначала семейнаго, потомъ и общественнаго дѣла. Въ „Обрывѣ“ (1871) повторяются тѣ же типы, но Обломовы хватаются за работу, которую скоро бросаютъ, какъ „неудачники“. Попытка вывести новаго человѣка привела къ неудачной каррикатурѣ на Базарова. *Достоевскій* († 1880), самъ испытавшій ссылку, поднималъ исключительно соціальные вопросы, описывалъ глубину общественныхъ бѣдствій — то дно жизни, гдѣ изнываютъ въ нищетѣ и неволѣ и доходятъ до сумасшествія и преступленій „униженные и оскорбленные“, гдѣ даже дѣти—уроды съ озлобленной душой и съ смертельной болѣзнью въ груди; но это—жертвы общественныхъ неустройствъ; въ нихъ много человѣческаго, даже героизма, самопожертвованія. Новое поколѣніе рисуется въ видѣ особаго рода рудинства: кромѣ безхарактерности и непрактичности, у него „фантазія, раздраженная до сумасшествія“ отъ одиночества, бездѣйствія и „чужихъ книжекъ“. Близкій къ славянофиламъ, Достоевскій считалъ „чужія“ идеи причинами, которыя дѣлаютъ людей „бѣсноватыми или сумасшедшими“. Въ „Идіотѣ“ и „Бѣсахъ“ (1874, 1878) изображены болѣзненные уроды, которые сначала болтаютъ, потомъ совершаютъ преступленія. Здѣсь много однообразія, неестественности и невыдержанности: Достоевскій реаленъ и художественъ, особенно въ психологическомъ анализѣ, только въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ („Бѣдные Люди, Записки изъ мертваго дома, Преступленіе и наказаніе“). Основная задача Достоевскаго отразилась и въ стихотворной формѣ, въ лицѣ *Некрасова* († 1878). Лермонтовъ и байронисты описывали страданія развитой и забитой личности; некрасовская „муза мести и печали“ воспѣвала „славу страданья“ всего народа — сначала крѣпостное иго, потомъ нужду, невѣжество, непосильный трудъ крестьянина, фабричнаго, бурлака, а также пороки чиновниче-

ства и высшаго свѣта. Подобно Тургеневу, Некрасовъ слѣдилъ за новыми типами, но все съ мрачной стороны: послѣ 1861 г. онъ клеймилъ своею сатирой новыхъ „героевъ времени"—Гарантію и Субсидію, „юбиляровъ и тріумфаторовъ". Но у него встрѣчаются и свѣтлыя черты: онъ радуется реформамъ, благоговѣетъ предъ русскою женщиной, воспѣваетъ тѣхъ, „кто жизнь свою всецѣло отдаетъ на борьбу за брата-человѣка". Представителемъ сатиры въ прозѣ служитъ *Щедринъ*, посвятившій себя преимущественно публицистической задачѣ. Его сочиненія—зеркало отрицательной стороны нашего развитія, въ которомъ отражаются послѣдовательно новые типы общественной и оффиціальной Россіи, съ ихъ генеалогіей и причинами: это художественная и ѣдкая газета, характеризующая малѣйшія движенія государственной машины и ихъ дѣйствіе на общество. Щедринъ началъ съ провинціи („Губернскіе Очерки", 1856), которую затронулъ въ духѣ Гоголя, если не такъ художественно, то глубже и шире; здѣсь уже является его основный типъ—„благонамѣренный" человѣкъ, прикрытый личиной нравственности и защиты „основъ" общества. Послѣ 1861 (Сатиры въ прозѣ, Невинные разсказы) сатирикъ описываетъ „конфузъ" Россіи, такъ какъ новое вино (реформы) вливалось въ старые мѣха, проходило черезъ руки новыхъ Хлестаковыхъ и Рудиныхъ — „глуповцевъ". Талантъ Щедрина особенно проявился въ описаніи духа времени съ 1870 г. (Признаки времени, Дневникъ Провинціала, Ташкенцы, Благонамѣренныя рѣчи, Убѣжище Монрепо и др.). Сатирикъ иногда впадаетъ въ горячій лиризмъ, въ которомъ теплится любовь къ народу, вѣра въ его силы и въ новыхъ людей. Этой черты нѣтъ у *Писемскаго* († 1879), который рисуетъ только мрачныя стороны нашей интеллигенціи. По пластичности изображенія жизненной пошлости, Писемскій ближе всѣхъ къ Гоголю; но онъ односторонѣнъ и поверхностенъ. Въ „Людяхъ 40-хъ годовъ" изображены одни болтуны да себялюбцы; люди 50-хъ годовъ—все Калиновичи („Тысяча душъ") или благонамѣренные Чичиковы, не попадающіе въ острогъ; эпоха реформъ—это „Взбаламученное море" и „Водоворотъ" съ людьми, испорченными „модными идейками"; только женщина и здѣсь представляетъ болѣе свѣтлое явленіе. Реализмъ и общественная задача отразились и въ драмѣ, въ лицѣ *Островскаго* (род. 1832), который съ первой своей комедіи (Свои люди—сочтемся, 1853) сталъ раскрывать „темное царство"—купцовъ-самодуровъ, сохранившихъ

нравы древней Москвы, да мелкихъ чиновниковъ стараго закала. Здѣсь глубокій анализъ быта и психологіи и народный языкъ (Бѣдность—не порокъ, Доходное мѣсто и др.); есть и комедіи изъ крестьянскаго быта (Гроза и др.), и историческія драмы (Козьма Мининъ, Василиса Мелентьева). Жалкіе герои автора озаряются его гуманностью и указаніемъ на причины пороковъ. Драма поддерживается сценическими талантами, которые стали выдвигаться съ Николая I (Каратыгинъ, Мочаловъ, Самойловъ, Щепкинъ, Шумскій, Садовскій, Самаринъ и др.) Особнякомъ стоитъ *Левъ Толстой*, объективный художникъ, рисующій картины (Дѣтство и Отрочество, Казаки) съ поразительной реальностью, но безъ отношенія къ общественнымъ вопросамъ. Оттого ему удалась историческая эпопея „Война и миръ" (1872), гдѣ величаво и правдиво описана борьба съ Наполеономъ I и свѣтское поколѣніе 1812 года; но она искажена вставками туманной философіи съ оттѣнкомъ славянофильства. Вокругъ этихъ крупныхъ вымирающихъ талантовъ тѣснится много второстепенныхъ дарованій той же „натуральной школы" и того же общественнаго направленія. Они не столько схватываютъ типы, сколько рисуютъ мелочи и отдѣльныя явленія съ добросовѣстностью, спеціализуясь на разныхъ сторонахъ быта, по преимущественно народнаго; тонъ ихъ гуманный и элегическій; у нихъ любовь къ массѣ и вѣра въ ея силы. Сюда относятся: давно замолкшій *Григоровичъ*, *Крестовскій* (псевдонимъ Хвощинской), *Помяловскій*, *Рѣшетниковъ*, *Мельниковъ* (Печерскій), *Г. Успенскій*, *Златовратскій*, *Гаршинъ*, *Бѣлинскій* и др. Тенденціозный романъ касается преимущественно „нигилизма", въ формѣ протеста противъ него и отчасти противъ полонофильства: это замѣтно уже у Гончарова (Обрывъ), въ особенности же у Достоевскаго (Идіотъ, Бѣсы), Писемскаго (Въ водоворотѣ), Стебницкаго (Некуда), Клюшникова (Марево), Всев. Крестовскаго (Панургово Стадо) и др. Слабѣе стихотворная поэзія: натуральная школа не представляетъ ничего особеннаго послѣ Некрасова; народный поэтъ *Никитинъ* гораздо ниже Кольцова; вымираютъ и остатки Пушкинской школы—Тютчевъ, Алексѣй Толстой, Майковъ, Полонскій. Въ критикѣ преемникомъ Бѣлинскаго былъ, похожій на него по направленію и страстности, *Добролюбовъ* († 1861), и др. *Наука* имѣетъ еще недостаточное количество представителей: она все еще сосредоточивается на университетскихъ каѳедрахъ, да и тѣ замѣщаются съ трудомъ. Но она вполнѣ усвоила европейскіе пріемы, распро-

странилась на всѣ отрасли знанія и извѣстна на Западѣ, частью по статьямъ нашихъ ученыхъ въ заграничныхъ изданіяхъ, частью по переводамъ ихъ трудовъ на иностранные языки. Особенно двинулось впередъ естествознаніе (Менделѣевъ, медикъ Пироговъ, Сѣченовъ и др.) и отчасти точныя науки (Чебышевъ, Струве и др.). Наряду съ ними развивалась русская исторія (Соловьевъ, Кавелинъ, Рѣдкинъ, Калачовъ, Погодинъ, Костомаровъ, Забѣлинъ и др.). Продолжалась разработка русской этнографіи (Надеждинъ, Аѳанасьевъ, Даль, Кирѣевскій, Якушкинъ, Рыбниковъ, и др.), и выдвинулась археологія (Уваровъ, Забѣлинъ, и др.). Появились извѣстные слависты (Срезневскій, Бодянскій, Григоровичъ, и др.) и даже византинисты и оріенталисты, а также самостоятельныя изслѣдованія объ исторіи и литературахъ Запада. Географическое Общество и Археографическая коммиссія продолжаютъ изучать Россію и Востокъ (путешествія Миклухи-Маклая, Пржевальскаго и др.). Различнымъ отраслямъ наукъ посвящаются особыя общества и спеціальныя изданія. Устроенъ (1860) литературный фондъ для поддержки бѣдныхъ писателей или ихъ семействъ Но все еще преобладаютъ переводы, и книгъ издается недостаточно. Все еще *журналистика* имѣетъ выдающееся значеніе. Она была особенно оживлена въ эпоху реформъ, когда въ ней сосредоточивалось бойкое умственное движеніе, овладѣвшее обществомъ. Она частью „обличала“ пороки администраціи и язвы общества, частью разрабатывала всевозможные текущіе вопросы: новѣйшія реформы, не въ примѣръ прежнимъ, были въ значительной степени дѣломъ журналистики, какъ органа общественнаго мнѣнія. Во главѣ ея стояли: изъ газетъ—*Спб. Вѣдомости* (В. Корша) *Голосъ*, *Моск. Вѣд.*, *День*; изъ журналовъ—сначала *Современникъ*, *Русскій Вѣстникъ* и *Рус. Бесѣда*, потомъ *Вѣстникъ Европы* и *Отеч. Записки*. Эти и другія періодическія изданія (ихъ было особенно много въ первой половинѣ царствованія Александра II) представляютъ различные оттѣнки русской мысли, которые сводятся къ двумъ обычнымъ направленіямъ—консервативному и прогрессивному. Къ первому вообще болѣе наклонно славянофильство, ко второму—западничество, хотя между ними уже нѣтъ такой рѣзкой разницы, какъ прежде. Славянофильство отказывается отъ нѣкоторыхъ крайностей, а народность, въ смыслѣ національной самобытности, становится идеей всей интеллигенціи. Оттого новое славянофильство болѣе распространено, чѣмъ прежнее, но имѣетъ болѣе политическое, чѣмъ культурное значеніе: оно устроило (1837), съ помощью правительства, *славянскій комитетъ*

въ Москвѣ (съ отдѣленіями по главнымъ городамъ), который созвалъ славянскій съѣздъ во время этнографической выставки (1867). Комитетъ помогаетъ славянамъ деньгами, книгами и церковными принадлежностями; въ особенности онъ дѣйствуетъ въ минуты кровавыхъ столкновеній Россіи и балканскихъ славянъ съ турками.

§ 266. **Искусство: а) Живопись.**—Искусство представляетъ быстрое и замѣчательное развитіе съ половины 19-го в.; во главѣ его идетъ *живопись*. При Александрѣ I и Николаѣ I продолжала господствовать *академическая школа лжеклассицизма*, съ примѣсью романтизма (Бруни, Егоровъ, Шебуевъ, Тонъ и др.). Она жила казенными заказами, расписывала Исакія, отличаясь иконностью, холодностью и условностью. Она служила „высокому" искусству ради искусства въ итальянскомъ стилѣ, изображала только „великіе" и баснословные сюжеты—рыцарей, центавровъ, Психей, Ахилловъ-натурщиковъ и т. под.; здѣсь была и ложная исторія („Осада Пскова" Брюллова), и казенные баталисты („Худож. Листокъ" Тимма въ Крымскую войну). Но эта школа достигла высокаго развитія, особенно при Николаѣ I, который не щадилъ средствъ на посылку художниковъ въ Италію и на расширеніе Эрмитажа, также какъ на пенсіи писателямъ: *Брюлловъ* († 1853; его „Послѣдній день Помпеи") пріобрѣлъ европейскую извѣстность. Гораздо выше его сверстникъ, *Ивановъ*, служащій переходомъ къ новой школѣ: какъ академикъ, онъ признавалъ только „великіе" сюжеты, но былъ реалистъ по исполненію; въ своей геніальной картинѣ (Явленіе Христа народу, 1858) онъ впервые внесъ исторію и этнографію въ библейское содержаніе, правдиво изобразилъ еврейскіе типы и обстановку. Въ его духѣ пишетъ талантливый *Семирадскій*, рисующій классическую древность (Свѣточи христіанства, 1877) съ эффектнымъ колоритомъ. Нѣкоторые (Венеціановъ) брали даже реальное содержаніе, но только копировали національную внѣшность по-академически; съ конца 50-хъ годовъ сама академія задавала для медалей темы не изъ классической, а изъ русской исторіи. Но раньше всего реализмъ проникъ въ портретъ, который и при Николаѣ I имѣлъ достойныхъ представителей (Кипренскій, Брюлловъ, Зарянко). Отцомъ новой, *русской* или *реальной*, школы былъ поклонникъ голландцевъ, *Ѳедотовъ*, затронувшій типы Гоголя и Островскаго (Свѣжій кавалеръ и Сватовство маіора, 1848—1849). Но классики и цензура пріостановили дѣло: оно утвердилось съ 1855 г. Новые художники—

самобытные труженики: пренебрегая заказами, академическими наградами и посылкой въ Италію, они изучали Россію и составили свою артель (1863), которая привела (1870) къ *Товариществу передвижныхъ выставокъ*. Ихъ задача та же, что и у натуральной школы въ литературѣ. Свободные отъ преданій, они реально рисуютъ національную жизнь, относясь къ ней критически, частью съ злой сатирой, частью съ потрясающимъ юморомъ; они стараются уловить ея главные типы и направленія, преимущественно въ низшихъ сферахъ (мелкое чиновничество и духовенство, темное царство, крестьянство). Глубинѣ содержанія не соотвѣтствуетъ техника, особенно колоритъ; но и они все улучшаются: теперь русская школа заняла почетное мѣсто на иностранныхъ выставкахъ, дающихъ ей иногда первыя награды, а нѣкоторые изъ ея вождей считаются главами всего современнаго искусства. Новая школа почти исключительно посвящена жанру (бытовой живописи) и портрету. *Жанръ* представляетъ поразительное богатство сюжетовъ, а также глубину чувства, мысли и изученія жизни. Жанристовъ такъ много, что трудно перечислить картины даже лучшихъ изъ нихъ. Во главѣ ихъ и всей русской школы стоятъ Перовъ, Рѣпинъ и Вас. Верещагинъ. *Перовъ* († 1878) прямо продолжалъ Ѳедотова въ „Пріѣздѣ становаго на слѣдствіе“ (1858); затѣмъ онъ написалъ много образцовыхъ картинъ, какъ малыхъ, такъ и большихъ (Птицеловъ, Охотники на Привалѣ и др., 1870 — 1875). *Рѣпинъ* (р. 1843) изображаетъ массы, крупные сюжеты съ силой Рубенса, съ совершенствомъ техники и колорита: его „Бурлаки на Волгѣ“ (1873) имѣли такое же потрясающее значеніе, какъ „Послѣдній день Помпеи“ для своего поколѣнія; важны и его Протодіаконъ, Крестный ходъ (1883) и др. Еще выше такой же живописецъ массъ и великихъ общественныхъ трагедій, полный силы и огня, *Верещагинъ*, замѣчательный своею техникой, плодовитостью и разнообразіемъ: не считая массы этюдовъ, онъ написалъ множество капитальныхъ картинъ, все совершенствуясь въ теченіе 20 л. До 1870 г. это были сцены, типы и пейзажи Кавказа (Духоборцы на молитвѣ), потомъ Туркестана, Индіи и болгарской войны (20 картинъ, не считая цѣлой выставки этюдовъ). Верещагинъ особенно изображаетъ ужасы войны, протестуя противъ нея: его выставки, и у насъ, и на Западѣ, посѣщаются десятками тысячъ даже простаго народа. Изъ массы остальныхъ жанристовъ выдаются: главный преемникъ Перова, Влад. *Маковскій* (Пріемная у доктора, Любители соловьевъ, Крахъ

банка и др.), *Прянишниковъ* (Гостиный дворъ въ Москвѣ), *Ярошенко* (Заключенный, Курсистка, 1883), *Васнецовъ* (Преферансъ), *Клодтъ*, *Лемохъ* (крест. дѣти), *Якоби* (арестанты), *Трутовскій* (малорос. бытъ) и мн. др., въ томъ числѣ женщины (Кочетова, Бёмъ и др.). Въ послѣднее время стремятся къ крупному жанру, напоминая Рѣпина по глубинѣ мысли и силѣ таланта: *Мясоѣдовъ* (Чтеніе манифеста, Засуха), *Савицкій* (Встрѣча иконы), *Максимовъ* (Колдунъ на свадьбѣ), и др. *Портретъ* достигъ замѣчательнаго развитія и разнообразія, овладѣвъ лицами всѣхъ сословій, притомъ и женскими, и дѣтскими. Послѣ учениковъ Брюллова, первымъ выступилъ К. *Маковскій* (элегантные портреты аристократовъ). Затѣмъ главою портретистовъ сталъ *Перовъ* (Достоевскій, Островскій и др.); съ нимъ соперничаютъ *Крамской* (Шевченко, Гончаровъ) и *Рѣпинъ* (композиторы Рубинштейнъ и Мусоргскій). Послѣ жанра и портрета наиболѣе развился *пейзажъ* (видъ), который давно славится и на Западѣ. Уже при Николаѣ I были извѣстны даровитые подражатели Пуссена, Клодъ-Лоррена, потомъ Калама. При Александрѣ II блестящій и плодовитый маринистъ *Айвазовскій* создалъ оригинальный, неподражаемый родъ, изображая особенно Черное море. Затѣмъ среди массы пейзажистовъ выдвинулись: *Боголюбовъ* (виды Петербурга, Венеціи, Парижа) и его ученикъ *Бегровъ*, *Клодтъ* (сельскіе виды), *Шишкинъ* (лѣса), *Саврасовъ* (Грачи прилетѣли). *Куинджи* создалъ новый родъ пейзажа съ поразительными эффектами солнца и луны (Ночи на Украйнѣ и на Днѣпрѣ, Березовая роща). Изъ пейзажистокъ извѣстны: *Шишкина*, *Маковская*, *Юнге*. *Историческая* живопись сдѣлала менѣе успѣховъ, но она также замѣтна: во главѣ ея стоитъ одинъ изъ крупныхъ талантовъ, *Шварцъ* († 1869), исчерпавшій эпохи Грознаго и Алексѣя (Грозный въ Александр. Слободѣ). Исторіей занимались попреимуществу жанристы, но лишь мимоходомъ или по заказу, и это слабѣйшіе изъ ихъ трудовъ: *Рѣпинъ* (Царевна Софья), *Мясоѣдовъ* (Побѣгъ самозванца), *Васнецовъ* (Витязи) и др. Крымской войнѣ посвящены рисунки, безъ красокъ, Прянишникова и Влад. Маковскаго. Важнѣйшими послѣ Шварца историками можно считать *Семирадскаго*, *Гуна* (Капунъ Варѳолом. ночи), *Якоби* (Робеспьеръ, Шуты Анны Иван.), *Флавицкаго* (Княжна Тараканова), *Ге* (Петръ и царевичъ Алексѣй). Зато замѣтно развивается *декоративная* живопись: хороши и пейзажныя, и архитектурныя декораціи (Шишковъ) при постановкѣ русскихъ оперъ и историческихъ драмъ. Гораздо слабѣе

религіозная живопись, хотя и здѣсь проявляется реализмъ—внесеніе исторической обстановки. Она почти ограничивается заказами для соборовъ Исакія и Спаса и отзывается академичностью. Изъ отдѣльныхъ картинъ выдѣляются только „Христосъ въ пустынѣ“ *Крамского*, „Тайная вечеря“ *Г'е*, да „Христосъ и грѣшница“ *Семирадскаго*. У насъ мало развито *иллюстрированіе* лучшихъ писателей (рисунки перомъ Шварца къ „Князю Серебряному“ А. Толстаго и къ „Сказкѣ про купца Калашникова“); въ послѣднее время дѣлаются попытки каррикатурныхъ иллюстрацій (басни Крылова и Хемницера, типы Гоголя, Островскаго и др.). *Лубочныя* (народныя) *картины* не прерывались съ 17 в. и особенно развились въ 1812 г.; до 1839 г. онѣ не подвергались цензурѣ. Ихъ главное собраніе (Снегирева) вошло въ составъ Публичной Библ. Онѣ изданы *Ровинскимъ* (1881).

§ 267. б) **Ваяніе, зодчество.**—*Скульптура* далеко отстала отъ живописи. До Александра II она принадлежала иностранцамъ, жила казенными заказами („монументами“ и работами для Исакія) и отличалась академическою театральностью и колоссальностью: люди изображались въ тогахъ, латахъ или мундирахъ (Мининъ и Пожарскій, въ Москвѣ, *Мартоса*), а историческимъ дѣятелямъ придавались нынѣшнія черты (*Витали* придалъ, въ Исакіи, Ѳеодосію, его женѣ и царедворцамъ лица Николая I, его супруги и придворныхъ). Сверхъ того, лжеклассицизмъ господствовалъ въ скульптурѣ упорнѣе, чѣмъ въ живописи. Даже въ 50-хъ годахъ изображали героевъ и гладіаторовъ, коней, фавновъ и Психей съ крыльями бабочки. Въ памятникѣ 1000-лѣтія Россіи *Микѣшина* (въ Новгородѣ), представляющемъ колоколъ и державу, видимъ Россію со щитомъ и геній Петра, а въ его памятникѣ Екатеринѣ II—театральность. Признаки реализма замѣчаются только у *Клодта* (фиг. Николая I, на Исак. площади, а также кони на Аничк. мосту естественны; Крыловъ явился впервые въ будничной обстановкѣ, среди вѣрно изображенныхъ животныхъ) и особенно у *Пименова* (впервые жанръ въ скульптурѣ—Парень, играющій въ бабки), хотя Пименовъ больше работалъ въ старомъ стилѣ, а Клодтъ окружилъ Николая I классическими фигурами добродѣтелей съ лицами Александры Ѳедоровны и ея дочерей. Отцомъ реально-національной школы въ ваяніи былъ *Каменскій* (Мальчикъ-скульпторъ, 1863; Вдова съ ребенкомъ). Вслѣдъ затѣмъ выступилъ, напоминающій Верещагина и Рѣпина, *Антокольскій*, котораго признали (на всемірной выставкѣ 1878) главой всего современнаго ваянія. Начавъ

(1864) съ мелкихъ работъ (еврейскіе типы, на деревѣ), онъ дошелъ до своего знаменитаго „Ивана Грознаго“ (1871), отливокъ съ котораго поставленъ въ Кенсингтонскомъ музеѣ; затѣмъ послѣдовали Петръ I, Ярославъ, Иванъ III, Христосъ передъ судомъ народа, а съ 1876 г. мрачные сюжеты (смерть Сократа; Мефистофель; Спиноза, 1882) и статуи-портреты, чѣмъ дальше, тѣмъ совершеннѣе. Наша новая живопись и ваяніе заслуживаютъ особаго музея: Эрмитажъ посвященъ преимущественно старымъ школамъ. Покуда славятся частныя картинныя собранія Третьякова, Солдатенкова, Боткина, Прянишникова. Передвижныя выставки отчасти восполняютъ недостатокъ художественныхъ музеевъ въ провинціи. *Архитектура* также двинулась впередъ, но слабо и поздно. До послѣдняго времени казенныя зданія отличались казарменностью; только дворцы да храмы *Исакія* и *Спаса*, начатые при Александрѣ I, выдѣлялись своею колоссальностью и подражаніемъ лучшимъ иностраннымъ стилямъ. Въ соборѣ Исакія (оконч. въ 1855; планъ Монферрана) двери и колонны величайшія въ мірѣ, а также самые дорогіе камни и мозаики. Соборъ Спаса сначала строили по мистическому плану даровитаго *Витберга*, сосланнаго потомъ въ Вятку, гдѣ есть его красивая церковь; потомъ онъ былъ сломанъ и вновь заложенъ въ византійскомъ стилѣ (открытъ при коронаціи 1883 г.; планъ Тона). При Александрѣ II началъ выдвигаться *русскій стиль*—возстановленіе пошиба древней Россіи съ нѣкоторыми улучшеніями; теперь онъ распространяется, какъ въ общественныхъ зданіяхъ, такъ и въ домахъ богачей. Онъ щеголяетъ пестрымъ стариннымъ *узоромъ*, который сталъ проникать даже въ иллюстраціи и въ одежду, особенно въ Малороссіи. Его образцомъ служатъ *Романовскія Палаты* въ Москвѣ, возстановленныя въ 1859 г. Передъ тѣмъ, при Николаѣ I, Снегиревъ и Мартыновъ занимались описаніемъ нашей монументальной древности, въ особенности московской. По его желанію и на казенныя средства, было сдѣлано роскошное художественное изданіе—„Древности россійскаго государства“ (съ 1849).

§ 268 **в) Музыка.**—Музыка представляетъ столь же замѣчательное развитіе, какъ живопись, и относится почти вся къ 19 в. Въ 18 в. были только иностранныя аріи въ опереткахъ да *народныя пѣсни*, которыя уже тогда начали собирать. По пѣснямъ, русскіе выдаются среди всего славянскаго племени, которое славится своею музыкальностью. Эти пѣсни отличаются разнообразіемъ и самобытностью мотивовъ: здѣсь звучитъ то ди-

кое неистовство, то граціозность, то бурное веселье, то безысходная тоска. Замѣчательна также оригинальность въ строеніи пѣсни, именно полная свобода ритма, доходящая до капризности: здѣсь музыка подчиняется смыслу словъ. Сверхъ того, часто въ самой короткой пѣснѣ встрѣчаются неожиданные переходы отъ мажорнаго тона въ минорный и обратно. Рядомъ съ новѣйшими, драматическими темами попадаются отголоски глубокой древности—лидійскаго и дорическаго склада. Трудно сказать, какихъ пѣсенъ больше — хоровыхъ или одноголосныхъ, точно также, какъ еще не опредѣлено, преобладаютъ-ли мотивы веселые или унылые. Наконецъ, пѣсни разнообразятся по областямъ: особенно выдѣляются пѣсни малороссовъ, полныя южной страсти и историческихъ воспоминаній. Все это устраняетъ монотонность и выдвигаетъ нашу пѣсню изъ ряда посредственности. Ее оцѣнили не только наши, но и западные композиторы: Бетховенъ бралъ ея мотивы для своихъ квартетовъ. Къ сожалѣнію, мѣстами начинаютъ распространяться безобразные городскіе напѣвы, и немузыкальная *гармонія* вытѣсняетъ *балалайку* съ *бандурою*. Нашъ *романсъ* (искусственная пѣсня) соперничаетъ съ наиболѣе развитымъ, нѣмецкимъ романсомъ (Шубертъ, Шуманъ, Листъ). Его начало (Алябьевъ, Варламовъ) важно по мелодіи, но слабо по техникѣ. Его отцомъ считается *Глинка*, у котораго глубина содержанія соединяется съ искусной декламаціей. Выше стоитъ *Даргомыжскій*, рѣдкій музыкальный психологъ. Новая русская школа обогатила романсъ техникой — богатствомъ гармоніи и аккомпанимента. Переходомъ къ ней служитъ *Балакиревъ*, издавшій также лучшій сборникъ народныхъ пѣсенъ (1866). *Мусоргскій* († 1881) отличается крайнимъ трагизмомъ и новизной (Дѣтская); *Чайковскій*—меланхоличностью до однообразія. Даргомыжскій изобрѣлъ родъ жанра въ музыкѣ, *романсъ - сцены*, съ Гоголевскимъ юморомъ; хороши и пьесы Мусоргскаго „Классикъ“ и „Раекъ“. Развивается и пѣніе драматическое или *опера*. Сначала у насъ была только иностранная, итальянская опера, возникшая при Аннѣ Ивановнѣ. При Елизаветѣ появились русскіе тексты (либретто) и пѣвцы для исполненія иностранныхъ оперъ. Екатерина II сама написала тексты для 5 оперъ. Первою національною оперой была „Аскольдова Могила“ *Верстовскаго* (1835), болѣе похожая на водевиль: она наполнена народными пѣснями. Отцомъ нашей оперы, какъ и всей нашей музыки, признается *Мих. Глинка* († 1857), который почиталъ Берліоза и „возненавидѣлъ модную итальянскую музыку“. Онъ написалъ до

100 романсовъ и фортепьянныхъ пьесъ и 2 оперы. Это —необыкновенно свѣжій, оригинальный и широкій талантъ. Глинка—и неистощимый мелодистъ, и богатый, смѣлый гармонистъ, и ловкій владыка оркестра, и вѣрный выразитель національнаго, мѣстнаго колорита. Онъ объяснилъ намъ сущность испанской, финской и персидской музыки; въ польской онъ не уступаетъ Шопену; русская же впервые выдвинута имъ сознательно. Наконецъ, у этого замѣчательнаго мелодиста видимъ начало речитатива (разговора), этой основы новой музыки. Опера „Жизнь за царя" (1836), полная національныхъ (рус. и польск.) чертъ, выдержала болѣе 500 представленій, и многіе ея мотивы перешли въ музыкальный обиходъ общества. Въ „Русланѣ" (1842) музыка еще выше. Она такъ богата и оригинальна, что ея не поняли: публика встрѣтила ее насмѣшками—и Глинка пересталъ писать оперы. „Русланъ" былъ переходомъ къ *новой русской школѣ*, отцомъ которой считается *Даргомыжскій* († 1868), написавшій болѣе 100 романсовъ и пьесъ и 3 оперы. Даргомыжскій слабѣе Глинки относительно мелодіи и оркестровки, но онъ развилъ основу новой школы—*реализмъ*. Реализмъ стремится превратить оперу въ правдивую музыкальную *драму:* отсюда полное соотвѣтствіе между музыкой и текстомъ, что приводитъ къ замѣнѣ арій (пѣсенъ) мелодическимъ *речитативомъ* и декламаціей, а также къ преобладанію *гармоніи* надъ мелодіей и къ высокой роли инструментовки. Здѣсь всѣ части оперы—пѣніе, музыка и драма—составляютъ неразрывное жизненное цѣлое. Здѣсь опера воспроизводитъ *національныя* черты: отсюда большое значеніе мѣстнаго колорита, хора и исторической вѣрности внѣшней обстановки (костюмы и декораціи). Всѣ эти черты новой школы находятся въ зародышѣ въ „Русалкѣ" Даргомыжскаго (1855), который оказался здѣсь великимъ драматическимъ поэтомъ и смѣлымъ новаторомъ въ гармоніи. Но публика приняла „Русалку", какъ „Руслана",—и Даргомыжскій лишь черезъ 13 л. написалъ новую замѣчательную оперу (Каменный Гость), состоящую исключительно изъ речитативовъ и декламаціи. Даргомыжскаго оцѣнили послѣ его смерти: „Русалка" выдержала уже до 200 представленій. *Сѣровъ* († 1870) отличался ученостью и критическимъ талантомъ, а также высотой идей и силой въ оркестровкѣ; но онъ увлекался Вагнеромъ и черезчуръ смѣло распоряжался гармоніей, даже подражалъ какофоніямъ. Его „Юдиѳь" (1863)—сильное подражаніе Вагнеру; болѣе оригинальна самая любимая изъ его оперъ, „Рогнѣда"; „Вражья Сила" (1871) принадлежитъ уже вполнѣ новой рус-

ской школѣ. Собственно эту школу образовалъ (1856) кружокъ молодыхъ музыкантовъ, съ Балакиревымъ во главѣ—Мусоргскій, Римскій-Корсаковъ, Кюи и Бородинъ. Ея первою оперой былъ „Ратклифъ" *Кюи* (1867); ея главное произведеніе—„Каменный Гость" *Даргомыжскаго* (1872); извѣстны также „Псковитянка" и „Снѣгурочка" (1881) *Римскаго-Корсакова*, „Князь Игорь" *Бородина* и „Борисъ Годуновъ" *Мусоргскаго* (1874), отличающагося крайнею смѣлостью въ новизнѣ. Новая школа встрѣтила неодобреніе и сверху, и снизу; ея композиторы не могутъ жить своими трудами (Кюи и Бородинъ—профессора фортификаціи и химіи). Къ ея противникамъ принадлежатъ два крупныхъ таланта, стоящихъ особнякомъ—Антонъ Рубинштейнъ и Чайковскій. *Рубинштейнъ*—плодовитый космополитъ; въ оперѣ онъ придерживается старины; главныя изъ его оперъ—„Демонъ", „Маккавеи" и „Неронъ" (1884). У *Чайковскаго* есть слѣды вагнеризма; но онъ отрицаетъ новую русскую школу и отличается богатствомъ мелодій, впрочемъ, все съ романическимъ характеромъ; его оперы (Опричникъ; Вакула; Мазепа, 1884) слабѣе другихъ его произведеній. *Инструментальная* музыка развилась менѣе вокальной. Фортепьянный отдѣлъ слабъ качественно: здѣсь важны лишь немногія пьесы Глинки, Даргомыжскаго (Тарантелла), Балакирева, особенно Чайковскаго. Камерная музыка только-что зарождается, благодаря квартетамъ Чайковскаго. Важнѣе симфоническій отдѣлъ, который почти весь относится къ *програмной* музыкѣ, т.-е. написанъ на опредѣленное содержаніе. Здѣсь выдаются замѣчательныя произведенія Глинки (Мадридск. ночь, Камаринская), Даргомыжскаго (Казачокъ, Чухонская фантазія), Балакирева (Лиръ, Исламей, Тамара), Римскаго-Корсакова (Садко, Антаръ), Бородина, Направника (Демонъ), Рубинштейна (Иванъ Грозный), въ особенности же Чайковскаго (увертюры „Ромео" и „Буря" Шекспира). Въ послѣднее время наши пьесы стали появляться въ концертахъ на Западѣ; европейскіе знатоки, особенно Листъ, высоко ставятъ новую русскую школу. Русскіе проявили способности, какъ исполнители. Ант. Рубинштейнъ признанъ царемъ виртуозовъ повсюду: пользуются европейскою извѣстностью и другіе пьянисты (Ник. Рубинштейнъ, Лешетицкій) и пьянистки (Есипова, Тиманова), а также скрипачи (Контскій, Венявскій, Бродскій), віолончелисты (Давидовъ), пѣвицы (Лавровская, Леонова, Меншикова). Музыкальному развитію помогаетъ, основанное (1859) А. Рубинштейномъ, *Русское Музыкальное Общество* въ Петербургѣ, съ

отдѣленіями въ Москвѣ, Харьковѣ, Кіевѣ и другихъ городахъ Оно даетъ серьезные концерты, помогаетъ талантамъ и устройству музыкальныхъ обществъ. Оно основало *консерваторіи* въ Петербургѣ (1862), Москвѣ и Варшавѣ. Непризнанная имъ новая школа завела свою „безплатную музыкальную школу" въ Петербургѣ съ концертами. Есть общественныя школы въ другихъ городахъ. Существуетъ и музыкальная *критика*, отличающаяся рѣзкостью сужденій (біографъ Моцарта—Улыбышевъ, Сѣровъ, Кюи). Оперныхъ театра 2 въ Петербургѣ и 1 въ Москвѣ. Они казенные и руководятся старыми правилами. Сначала покровительствовали итальянской оперѣ; но въ послѣднее время обращено вниманіе на русскую, которую хорошо обставили. Частныя постановки оперъ встрѣчаются во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ. Въ послѣдніе годы, наряду съ малороссійскою драмой, стала выдвигаться малороссійская опера (Лысенко).

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА.

До Р. Х.

годы.		стран.
Ок. 3000	Арійцы въ Туркестанѣ	2
Ок. 2500	Выселеніе арійцевъ изъ Туркестана	2
Ок. 2000	Начало бронзоваго вѣка въ Европѣ	2
Ок. 1500—500	Кельты и германцы на югѣ Россіи	3
Ок. 1000	Начало желѣзнаго вѣка въ Европѣ	2
Ок. 500	Появленіе литовцевъ и славянъ въ Россіи . .	3

По Р. Х.

476	Паденіе Западной Римской имперіи	11
Ок. 500—900	Византійская эпоха	10
Ок. 550	Юстиніанъ I	11
Ок. 650	Завоеваніе южныхъ славянъ болгарами . . .	4
Ок. 700	Основаніе чешскаго государства	4
Ок. 850	Основаніе хорватскаго государства	4
Ок. 850	Начало династіи Пястовъ	5
Ок. 850	Уничтоженіе иконоборства Ѳеодорой	11
Ок. 860	Кириллъ и Меѳодій у восточныхъ славянъ . .	20
862	Обращеніе моравань въ православіе	22
862	Начало государства у восточн. славянъ . . .	24
865	Крещеніе Михаила болгарскаго	21
865	Походъ Руси подъ Царьградъ	24
Ок. 900	Паденіе моравскаго царства	22
Ок. 900	Венгры уничтожаютъ хорват. государство . .	22
912	Договоръ Олега съ греками	25
966	Начало христіанства у поляковъ	23
980	Единодержавіе Владиміра св.	25

годы.		стр
988	Крещеніе Руси	29
Ок. 1000	Обращеніе венгровъ въ католичество	22
1000—1139	Эпоха Болеславовъ въ Польшѣ	23
1015	Смерть Владиміра св.	30
1019	Присоединеніе Болгаріи къ Византіи	21
Ок. 1050	Образованіе сербскаго царства	22
1050	Основаніе Печерской лавры	89
1054	Смерть Ярослава I	33
1056	Остромірово Евангеліе	92
1073	Изборникъ Святослава	94
1076	Изборникъ Святослава	94
1093	Смерть Всеволода I	56
1097	Съѣздъ въ Любечѣ	57
Ок. 1110	Хожденіе игумена Даніила	95
1110	Конецъ Несторовой лѣтописи	96
1111	Пораженіе половцевъ Мономахомъ	59
1125	Смерть Владиміра Мономаха	61
1130	Грамота Мстислава Юрьеву монастырю	97
1139	Смерть Болеслава Кривоустаго	49
1146	Смерть Всеволода II	62
1147	Первое упоминаніе о Москвѣ	65
Ок. 1150	Темучинъ	114
1150	Появленіе нѣмцевъ въ Ливоніи	79
1154	Смерть Изяслава II	66
1169	Паденіе Кіева	68
1174	Смерть Андрея I Боголюбскаго	71
1185	Походъ Игоря сѣверскаго противъ половцевъ	70
1186	Освобожденіе болгаръ отъ Византіи	21
1186	Асѣнь I болгарскій	48
1200	Основаніе Риги	80
Ок. 1200	Венеціанцы на Черномъ и Азовск. моряхъ	84
1204	Основаніе Латинской имперіи	46
1212	Смерть Всеволода III	72
1224	Битва у р. Калки	76, 115
1238	Битва у Сити	116, 122
1240	Взятіе Кіева татарами	116
1240	Невская битва	123
1240	Основаніе Валахіи	106
Ок. 1250	Прекращеніе усобицъ у чеховъ	107
Ок. 1250	Начало государства литовцевъ въ южной Руси	110

ГОДЫ.		СТР.
1253—1263	Великій князь Александръ Невскій	125
1282	Кормчая книга	148
Ок. 1300	Прекращеніе рода Премыславичей	107
1300—1310	Присоединеніе къ Москвѣ Переяславля, Можайска и Коломны	131
Ок. 1300	Перенесеніе митрополіи изъ Кіева во Владиміръ	146
1303	Смерть Даніила московскаго	127
1315	Избраніе Гедимина	111
1320	Завоеваніе Волыни и Кіева Гедиминомъ	111
1328	Москва—стольный городъ	128
1340	Смерть Узбека	117
1340	Завоеваніе Галича Казиміромъ	131
1341	Смерть Ивана I Калиты	134
1348	Основаніе пражскаго университета	107
Ок. 1350	Стефанъ Душанъ	105
Ок. 1350	Черная смерть въ Европѣ	103
Ок. 1350	Казиміръ III Великій	109
1364	Основаніе краковскаго университета	109
1372	Покореніе Рязани Москвою	137
1375	Покореніе Твери Москвою	137
1375	Казнь Карпа стригольника	153
1380	Куликовская битва	117, 138
1386	Бракъ Ягелло съ Ядвигой	110
1389	Битва на Косовомъ полѣ	104
1391	Смерть Сергія Радонежскаго	150
Ок. 1400	Ипатьевская лѣтопись	156
Ок. 1400	Начало года переносится съ марта на сентябрь	156
Ок. 1400	Первые часы въ Москвѣ	158
Ок. 1400	Списокъ „Слова о Полку Игоревѣ“	95
Ок. 1400	Завоеваніе Болгаріи турками	105
Ок. 1400	Валахія и Молдавія—вассалы турокъ	107
1410	Грюнвальдская битва	112
1413	Унія въ Городлѣ	112
1415	Сожженіе Гуса	108
1439	Львовское братство	254
1439	Флорентійскій соборъ и унія	104
1444	Битва подъ Варной	105
1448	Независимый русскій митрополитъ	140
Ок. 1450	Тамерланъ	117
1453	Взятіе Константинополя турками	106

ГОДЫ.		СТР.
1458	Избраніе Юрія Подѣбрада	108
1459	Завоеваніе Сербіи турками	106
1462	Вступленіе на престолъ Ивана III	140
1466	Торунскій миръ	164
1472	Бракъ Ивана III съ Софьей Палеологъ	169
1478	Паденіе Новгорода	169
1480	Прекращеніе татарскаго ига	173
1480	Успенскій соборъ	247
1485	Присоединеніе Твери къ Москвѣ	167
1491	Первая книга у южныхъ славянъ	106
1492	Пасхальныя таблицы	244
1497	Судебникъ Ивана III	170
1499	Синодальный списокъ Библіи	246
1499	Ведрошская битва	174
Ок. 1500	Русь переходитъ въ наступательное положеніе относительно Запада	74
Ок. 1500	Усиленіе власти сейма въ Польшѣ	165
1504	Осужденіе жидовства на соборѣ	172
1505	Смерть Ивана III	175
1510	Паденіе Пскова	175
1512	Начало приказовъ	232
1514	Битва у Орши	177
1516	Прекращеніе рода Черноевичей	106
1525	Образованіе герцогства Пруссіи	165
1526	Воцареніе Габсбурговъ въ Чехіи	163
1533—1538	Правленіе Елены Глинской	178
1538—1547	Правленіе бояръ	178
1547	Иванъ IV — царь	179
1547	Земскій соборъ	180
Ок. 1550	Сулейманъ Великолѣпный	162
1550	Судебникъ Ивана IV	185
1551	Соборъ и Стоглавъ	187
1552	Паденіе Казани	118, 180
1553	Великія Четіи-Минеи	246
1556	Паденіе Астрахани	180
1559	Образованіе курляндскаго герцогства	165
1564	Опричнина	182
1564	Первая русская книга	241
1569	Люблинская унія	165
1570	Опустошеніе Новгорода и Твери	184

ГОДЫ.		СТР.
1571	Лепантская битва	162
1572	Прекращеніе династіи Ягеллоновъ	166
1581	Первая славянская печатная Библія	258
1582	Грегоріанскій календарь	161
1584	Смерть Грознаго	185
1584	Завоеваніе Сибири	188
1587	Годуновъ—правитель	191
1589	Учрежденіе патріаршества	194
1591	Гибель царевича Димитрія	195
1595	Наливайко въ Бѣлоруссіи	257
1595	Унія	252
1596	Соборъ въ Брестѣ	253
1597	Начало крѣпостнаго права	194
1598	Воцареніе Годунова	195
1604	Появленіе Лжедмитрія I	197
1605	Смерть Годунова	198
1606	Гибель Лжедим. I и воцареніе Вас. Шуйскаго	201
1608	Появленіе Лжедимитрія II	203
1610	Низложеніе Василія Шуйскаго	206
1611	Первое русское ополченіе	208
1612	Второе ополченіе, Мининъ и Пожарскій	210
1613	Избраніе Михаила Романова на царство	212
1617	Столбовскій миръ	217
1618	Возстаніе Павлюка	257
1619	Грамматика Смотрицкаго	259
1620	Православный митрополитъ въ Кіевѣ	254
1620	Бѣлогорская битва	164
1632	Основаніе тульскаго завода	230
1633	Основаніе греко-латинскаго училища	239
1634	Первое путешествіе Олеарія	231
1634	Миръ у Поляновки	216
1636	Второе путешествіе Олеарія	231
Ок. 1645	Сибирскій походъ Пояркова	281
1645	Смерть Михаила Ѳеодоровича	266
1648	Открытіе Берингова пролива Дежневымъ	281
1648	Начало казацкихъ войнъ	167
1648	Земскій соборъ и Уложеніе	267
1648	Вестфальскій миръ	262
1648—1653	Казацкія войны	276
1649	Зборовскій миръ	277

ГОДЫ.		СТР.
1650	Первая англійская революція	263
1650	Бунтъ въ Новгородѣ и Псковѣ	273
1652	Никонъ—патріархъ	268
1654	Соборъ и исправленіе церковныхъ книгъ	269
1654	Присоединеніе Малороссіи	278
1655	Исправленіе церковн. книгъ	324
1660	Осужденіе раскольниковъ на соборѣ	272
1663	Московская Библія	324
1664	Бѣгство Котошихина въ Швецію	322
1666	Осужденіе Никона на соборѣ	271
1667	Андрусовское перемиріе	279
1671	Казнь Разина	276
1672	Рожденіе Петра I	283
1680	Миръ съ турками при Ѳедорѣ	280
1682	Смерть Ѳеодора	285
1682	Первый стрѣлецкій бунтъ	286
1683	Осада Вѣны турками	263
1686	„Вѣчный“ миръ съ Польшей	287
1688	Вторая англійская революція	263
1689	Женитьба Петра на Евдокіи Лопухиной	288
1689	Начало единодержавія Петра	288
1695	Первый азовскій походъ	289
1697	Петръ за-границей	290
1698	Второй стрѣлецкій бунтъ	286
1699	Миръ въ Карловцѣ	263
1700	Смерть послѣдняго патріарха	311
1700	Прусское королевство	262
1700	Битва подъ Нарвой	298
1700	Новый годъ съ 1-го января	323
1700—1721	Сѣверная война	298
1700—1718	Карлъ XII	262
1701	Первая побѣда надъ шведами	298
1702	Преображенскій приказъ	294
1702	Метрическія книги	308
1703	Ариѳметика Магницкаго	326
1703	Основаніе Петербурга	293
1703	Русскія Вѣдомости	323
1705	Первое русское сукно	309
1708	Битва у Лѣснаго	299
1708	Дѣленіе на губерніи при Петрѣ I	306

ГОДЫ.		СТР.
1708	Гражданская азбука	323
1709	Полтавская битва	299
1711	Учрежденіе сената	306
1711	Прутскій походъ Петра	264, 299
1714	Утрехтскій миръ	262
1714	Ганноверская династія въ Англіи	263
1716	Воинскій уставъ	307
1717	Основаніе коллегій	306
1719	Первая ревизія	303
1719	Подушная подать	308
1721	Ништадтскій миръ	300
1721	Магистраты	310
1721	Учрежденіе синода	312
1722	Табель о рангахъ	304
1723	Пріобрѣтеніе Дербента, Баку и др.	301
1722—1723	Война съ Персіей	301
1724	Указъ Петра I объ академіи наукъ	324
1725	Открытіе академіи наукъ	377
1726	Верховный тайный совѣтъ	370
1727	Смерть Екатерины I	331
1728	Изданіе „Камня Вѣры“	379
1730	Смерть Петра II	332
1731	„Кабинетъ“ Анны Ивановны	367
1733	Смерть Августа II и борьба за польск. престолъ	338
1737	Война Россіи съ Портой	264
1735—1740	Турецкая война	338
1740	Ледяной Домъ	336
1740	Казнь Волынскаго	337
1740	Рожденіе Ивана VI	339
1740	Смерть Анны Ивановны	339
1740	Воцареніе Маріи-Терезіи	265
1740	Воцареніе Фридриха II и война за австрійское наслѣдство	262, 344
1741	Воцареніе Елизаветы	340
1741	Ревизія	363
1743	Миръ въ Або	344
1744	Оренбургская губернія	362
1744	† Кантемиръ	380
1746	Союзъ съ Австріей	345
1747	„Хоревъ“, трагедія Сумарокова	383

ГОДЫ.		СТР
1750	† Татищевъ	380
1754	Возвращеніе башкирцевъ въ Азію	363
1754	„Ежемѣсячныя Сочиненія“ Миллера	385
1754	Отмѣна смертной казни	344
1755	Московскій университетъ	344
1756	Начало русскаго театра	383
1756	„Московскія Вѣдомости“	385
1756	„Московскія Вѣдомости“ и „Ежемѣсячныя Сочиненія“	344
1756—1763	Семилѣтняя война	262, 345
1757	Битва у Гросъ-Егерсдорфа	346
1757	Академія художествъ	393
1758	Битва у Цорндорфа	346
1759	Битва у Кунерсдорфа	346
1761	Смерть Елизаветы	346
1762	Воцареніе Екатерины II	349
1762	Государственный банкъ	369
1763	Августъ IV польскій	355
1763	Смерть Августа III польскаго	266
1763	Воспитательные дома	352
1764	Коммиссія для составленія новаго Уложенія и Наказъ	351
1764	Отобраніе церковныхъ имуществъ въ казну	351
1764	Отмѣна гетманства	352
1765	† Ломоносовъ	382
1767	Число жителей въ Петербургѣ	363
1767	Алеутскіе острова	362
1768	Оспопрививаніе	352
1768—1774	Турецкая война	356
1768—1774	Ученая экспедиція	390
1769	Ассигнаціи	381
1769—1774	Журналы	386
1770	Чума въ Москвѣ	363, 375
1771	Бунтъ въ Москвѣ	354
1772	Первая Великая Ложа	391
1772	Первый раздѣлъ Польши	266, 355
1772	Галиція — австрійское владѣніе	131
1773	Уничтоженіе ордена іезуитовъ	263
1774	Казнь Пугачева	354
1774	Кайнарджійскій миръ	264

годы.		стр.
1775	Учрежденіе для управленія губерній	352
1777	† Сумароковъ	382
1778	Образованіе Соединенныхъ Штатовъ	263
1779	Басни Хемницера	388
1780	Вооруженный нейтралитетъ	356
1781	Дружеское Ученое Общество	353, 385
1781	Австрійскій союзъ	357
1782	„Недоросль“ и „Фелица“	388, 389
1783	Черноморскій флотъ	356
1783	Россійская Академія	390
1783	Присоединеніе Крыма	118, 264, 356
1783	Эдукаціонная коммиссія	399
1783	Указъ о частныхъ типографіяхъ	387
1785	Жалованная грамота дворянству	352
1785	Городовое положеніе	352
1787—1791	Вторая турецкая война	357
1789—1804	Французская революція	263, 396
1790	Верельскій миръ	357
1790	Путевыя записки Карамзина	391
1791	Майская конституція	357
1791	Ясскій миръ	265
1792	† Фонвизинъ	256, 387
1793	Второй раздѣлъ Польши	358
1795	Третій раздѣлъ Польши	266, 358
1796	Ябеда	388
1796	† Екатерина II	359
1797	Учрежденіе объ императорской фамиліи	360
1799	Итальянскій походъ Суворова	361
1800	Изданіе списка „Слова о полку Игоревѣ“	59
1800	† Суворовъ	362
1801	† Павелъ I	362
1801	Присоединеніе Грузіи	362
1801	Государственный совѣтъ	406
1801	Законодательная коммиссія	411
1802	Министерства	406
1802—1830	„Вѣстникъ Европы“	444
1804	Отмѣна барщины въ Остзейскомъ краѣ	405
1804—1815	Наполеонъ I—императоръ	396
1805	Аустерлицъ	407
1806	Освобожденіе сербовъ	402

ГОДЫ.		СТР.
1806	Первый указъ противъ скопцовъ	438
1806	Дирекція императорскихъ театровъ	448
1806—1812	Турецкая война	407
1807	Тильзитскій миръ	407
1808	Паденіе Нѣмецкой имперіи	396
1808	Присоединеніе Дубровника къ Австріи	49
1808	„Людмила“ Жуковскаго	447
1809	Подчиненіе сербовъ туркамъ	402
1809	Миръ въ Фридрихсгамѣ	407
1809	Преобразованія Сперанскаго	410
1809	Война Наполеона съ Австріей	412
1809	Басни Крылова	448
1810	Царскосельскій лицей	406
1810	Запрещеніе ввоза предметовъ роскоши	407
1810	Количество ассигнацій	408
1810	Государственный совѣтъ	410
1811	Свиданіе Карамзина съ Александромъ I.	412
1811	Муравьевъ-Апостолъ о классицизмѣ	449
1812	Миръ въ Букарештѣ	407
1812	Ссылка Сперанскаго	412
1812	Отечественная война	413
1812	„Сынъ Отечества“	452
1812	Рожденіе Гончарова	462
1813	Переходъ русскихъ за-границу	414
1814	Вукъ Караджичъ	403
1814	Низверженіе Наполеона	414
1815	Вѣнскій конгрессъ	396
1815	Священный союзъ	415
1815	Изгнаніе іезуитовъ изъ Россіи	415
1815	Царство Польское	416
1815—1830	Развитіе польской народности	399
1816	† Державинъ	389
1816	Военныя поселенія	418
1816—1818	„Исторія“ Карамзина	416, 451
1817	Краледворская рукопись	399
1817	Соединеніе духовныхъ дѣлъ съ народнымъ просвѣщеніемъ	417
1817	Ришельевскій лицей	417
1818	Чешскій музей	400
1818	Открытіе варшавскаго сейма	416, 452

ГОДЫ.		СТР.
1818—1822	Реакціонные конгрессы	416
1819	Петербургскій университетъ	415
1819	Освобожденіе крестьянъ въ Остзейск. краѣ	417
1820	Безпорядки въ Семеновскомъ полку	416
1820	„Русланъ и Людмила“	450
1821	Греческое возстаніе	416
1822	Закрытіе масонскихъ ложъ	453
1823	Канкринъ и количество бумажекъ	422
1823	Холера	432
1823	„Горе отъ ума“	450
1823	„Евгеній Онѣгинъ“	451
1824	Аресты студентовъ въ Вильнѣ	399
1824	Паденіе Голицына	417
1825	Сербская Матица	403
1825	† Александръ I	418
1825	Бунтъ декабристовъ	418
1825	„Борисъ Годуновъ“	451
1826	Тайная полиція	424
1826	† Карамзинъ	443
1827	Страховыя общества	432
1828	Миръ въ Туркманчаѣ	419
—	Уставъ гимназій и училищъ	423
—	Высшій цензурный комитетъ	424
1829	Венелинъ о болгарахъ	404
—	Миръ въ Адріанополѣ	419
—	„Иліада“ Гнѣдича	449
1829—1831	Холера	423, 432
1830	Іюльская революція	397
—	Милошъ Обреновичъ въ Сербіи	402
—	Польское возстаніе	419
—	Количество журналовъ	443
—	„Евгеній Онѣгинъ“	454
Ок. 1830	Мюридизмъ	420
1831	Польское возстаніе	399, 430
—	Взятіе Варшавы	419
—	„Борисъ Годуновъ“	454
—	„Вечера на хуторѣ“	456
1831—1836	„Телескопъ“	456
1832	Взятіе аула Гимры	420
—	Чума	432

ГОДЫ.		СТР.
—	Рожденіе Островскаго	464
1833	Начало сербской письменности въ Сербіи	403
—	Конгрессъ въ Мюнхенгрецѣ	418
—	Николай I противъ Мехмеда-Али	419
—	Сводъ законовъ	421
—	Кіевскій университетъ	424
—	Программа Уварова	456
1833—1849	Министерство Уварова	423
1834	Прекращеніе „Телеграфа“	456
—	Бѣлинскій	457
1835	Иллирское нарѣчіе и Гай	402
—	„Ревизоръ“	456
—	Прекращеніе кружка Герцена	457
—	„Аскольдова Могила“	472
1836	„Современникъ“ Пушкина	454
—	Опера „Жизнь за царя“	473
1837	Министерство государственныхъ имуществъ	422
—	Славянскій комитетъ	466
1838	Каѳедры славистики	459
1839	Походъ Перовскаго въ Хиву	421
—	Серебряный рубль	422
—	Уничтоженіе уніи	423
1840	„Герой нашего времени“	455
1841	„Библіотека Варшавска“	399
—	† Лермонтовъ	454
1842	Война Англіи съ Китаемъ	421
—	† Кольцовъ	455
—	„Мертвыя Души“	459
—	Опера „Русланъ“	473
1843	Мюридизмъ въ Дагестанѣ	420
—	Кредитные билеты	422
—	Оренбургскіе бунты	422
—	Археографическая Экспедиція и Коммиссія	460
—	Рожденіе Рѣпина:	468
1845	Возвышеніе платы за ученіе	424
—	„Бѣдные люди“	460
—	„Кто виноватъ“	460
1846	Пальмерстонъ	421
—	Польское возстаніе въ Познани и Галиціи	424
—	Епархія поповцевъ въ Бѣлой Криницѣ	437

ГОДЫ.		СТР.
—	„Деревня“ Григоровича	459
—	„Обыкновенная Исторія“ Гончарова	460
1846—1856	Намѣстничество Воронцова	420
1847	„Записки Охотника“ Тургенева	459
1848	Февральская революція	397
—	Конституція въ Австріи	400, 401
—	Признаніе лужицкаго нарѣчія	401
—	Паденіе Меттерниха	418
—	Возстаніе Мѣрославскаго	425
—	† Бѣлинскій	460
1848—1849	Картины Ѳедотова	467
1849	Реакція въ Австріи	400
—	Возстаніе славянъ противъ венгерцевъ	401, 402
—	Возстаніе венгерцевъ	402
—	Преобразованіе гимназій	423
—	Ограниченіе числа студентовъ	424
—	Капитуляція въ Виллагошѣ	425
—	„Одиссея“ Жуковскаго	449
—	„Древности Россійскаго государства“	471
1850	Начало письменности въ Черногоріи	403
—	Угроза выслать англичанъ изъ Россіи	421
—	Профессора богословія на каѳедрѣ философіи	424
—	Помощь Николая I Габсбургамъ	425
—	Число раскольниковъ	437
1851	Николаевская дорога	422
1852	Вторая имперія во Франціи	397
—	† Жуковскій	446
1853	Побѣды Омера-паши въ Черногоріи	425
—	Синопская битва	425
—	„Свои люди—сочтемся“, комедія	464
—	† Брюлловъ	467
1854	Маршировка и военныя науки въ школахъ	424
1855	† Мицкевичъ	399
—	Паденіе Севастополя	426
—	† Николай I	426
—	„Рудинъ“ Тургенева	462
—	Русская школа въ живописи	467
—	Исаакіевскій соборъ	471
—	„Русланъ“, опера Даргомыжскаго	473
1856	Парижскій миръ	426, 430

годы.		стр.
—	„Губернскіе Очерки“ Щедрина	464
—	Русская школа въ музыкѣ	474
1857	Возстаніе Луки Вукаловича	403
—	† Михаилъ Глинка	472
1858	„Дворянское Гнѣздо“ Тургенева	462
—	„Обломовъ“ Гончарова	462
—	Картина „Явленіе Христа народу“	467
—	Картина „Пріѣздъ становаго на слѣдствіе“	468
1859	Итальянское королевство	397, 429
—	Книга Дарвина	398
—	Румынское королевство	404
—	Плѣненіе Шамиля	430
—	„Наканунѣ“ Тургенева	462
—	Романовскія Палаты	471
—	Русское Музыкальное Общество	474
1860	Новая конституція въ Австріи	400
—	„Отцы и дѣти“ Тургенева	462
—	Литературный фондъ	466
1861	† Шафарикъ	400
—	Освобожденіе крестьянъ	427, 436
—	Государственный совѣтъ въ Польшѣ	430
—	† Добролюбовъ	465
1862	† Лелевель	399
—	Отмѣна виннаго откупа	428
—	Единство кассы и государственный контроль	435
—	Новороссійскій университетъ	440
—	Расходы министерства народнаго просвѣщенія	441
—	Консерваторія въ Петербургѣ	475
1863	Польское возстаніе	399, 430
—	Побѣды Омера-паши въ Черногоріи	403
—	Освобожденіе крестьянъ въ Польшѣ	427
—	Университетскій уставъ	428
—	Особое управленіе Финляндіи	434
—	Ссылка польскихъ епископовъ	437
—	Отмѣна тѣлесныхъ наказаній	438
—	Артель русскихъ художниковъ	468
—	Статуя „Мальчикъ-скульпторъ“	470
—	„Юдиѳь“, опера Сѣрова	473
1864	† Вукъ Караджичъ	403
—	Земскія учрежденія	427

ГОДЫ.		СТР.
—	Судебный уставъ	427, 434
—	Положеніе о гимназіяхъ и реал. училищахъ	428
—	Число студентовъ въ университетахъ	441
—	Число гимназистокъ	442
—	Начало работъ Антокольскаго	471
1866	Война Пруссіи съ Австріей	398, 429
—	Цензурный уставъ	428
—	Возстаніе на Критѣ	429
—	Уничтоженіе „Царства Польскаго“	431
—	Смертная казнь для политическихъ преступниковъ	439
—	„Народныя пѣсни“ Балакирева	472
1867	Славянскій съѣздъ въ Москвѣ	467
—	„Ратклифъ“, опера Кюи	474
1868	† Даргомыжскій	473
1869	Первая статистическая перепись	431
—	† Шварцъ живописецъ	469
1870	Война Пруссіи съ Франціей	398, 429
—	Городовое положеніе	427
—	Союзъ трехъ императоровъ	429
—	Заграничныя русскія газеты	431
—	Усиленіе власти прокуроровъ и губернаторовъ	434
—	Товарищество передвижныхъ выставокъ	468
—	† Сѣровъ	473
1870—1875	Картины Перова	468
1871	Классицизмъ въ гимназіяхъ	428
—	Право содержать воен. суда въ Черномъ м.	429
—	„Обрывъ“ Гончарова	463
—	„Иванъ Грозный“, статуя Антокольскаго	471
—	„Вражья Сила“, опера Сѣрова	473
1872	„Дымъ“ Тургенева	462
—	„Война и миръ“ Л. Толстаго	463
—	„Каменный Гость“, опера Даргомыжскаго	474
1873	„Бурлаки на Волгѣ“, картина Рѣпина	468
1874	Уставъ о воинской повинности	428, 434
—	„Идіотъ“ Достоевскаго	463
—	„Борисъ Годуновъ“, опера Мусоргскаго	474
1875	Отмѣна мировыхъ посредниковъ	427
—	Возстаніе въ Босніи и Герцеговинѣ	429
—	Образцовая тюрьма	439
1876	Славянская война	403, 429

годы.		стр.
—	Коммиссія для исправленія законовъ	434
1877	Конституція въ Турціи	404
—	Турецкая война 429,	434
—	Возстаніе горцевъ.	430
—	Добровольный флотъ.	434
—	„Новь“ Тургенева	462
—	„Свѣточи Христіанства“, картина Семирадскаго	467
1878	Освобожденіе Западной Болгаріи	404
—	Турецкая война	404
—	Берлинскій договоръ.	430
—	Урядники и дворники	433
—	Военный судъ для чиновниковъ	434
—	Административная ссылка	439
—	„Бѣсы“ Достоевскаго.	463
—	† Некрасовъ	463
—	† Перовъ.	468
—	Всемірная выставка	470
1878—1882	Покушенія анархистовъ	431
1879	Генералъ-губернаторства	433
—	Ограниченіе пріема въ студенты гимназистами.	440
—	† Писемскій.	464
1880	Департаментъ государственной полиціи . . .	433
—	† Марія Александровна	442
—	† Достоевскій	463
1881	† Александръ II.	431
—	Усиленная и чрезвычайная охрана.	433
—	Отмѣна кавказскаго намѣстничества	434
—	Коммиссія административной реформы . . .	434
—	Отмѣна публичной смертной казни.	439
—	Число періодическихъ изданій	443
—	Лубочныя картины	470
—	† Мусоргскій	472
—	„Снѣгурочка“ Римскаго-Корсакова	474
1882	† Скобелевъ	430
—	„Спиноза“, статуя Антокольскаго	471
1883	† Канцлеръ Горчаковъ	429
—	Коронованіе Императора Александра III. . .	431
—	Соглашеніе съ папствомъ	437
—	Дарованіе правъ раскольникамъ.	438
—	† Тургеневъ	461

ГОДЫ.		СТР.
—	„Крестный ходъ“ карт. Рѣпина.	468
—	„Курсистка“ картина Ярошенко.	469
—	Открытіе собора Спаса	471
1884	† Тотлебенъ	426
—	„Неронъ“ оп. Рубинштейна	474
—	„Мазепа“ оп. Чайковскаго.	474

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ И ТЕРМИНОВЪ *).

Абдулъ-Гамидъ, султанъ, 429.
Абдулъ-Меджидъ, султанъ, 425.
Абеляръ, ученый: значеніе, 48; паденіе, 102.
Аблесимовъ, драматургъ, 389.
Або, гор.: Петръ I, 300, 302; Елизав. 345.
Абсолютизмъ (Д): Франція, Бранденбургъ, Англія, 263; Богемія, 265, 266; Петръ I, 292; свящ. союзъ, 404, 416; Николай I, 418.
Авангардъ: удѣльный періодъ, 82; значеніе, 114.
Авары: зап. славяне, Византія, 4; истребленіе, 4.
Аввакумъ, протопопъ: жизнь, 271; характеристика, 272; послѣдователи, 313; сочиненія, 325.
Августъ (Д). 1) *II*, король: Карлъ XII, 265, 266; Петръ I, 298; смерть, 337.—2) *Августъ III*, король: Польша, 266; Анна Иван. 338; Екат. II, 357, 358.—3) *Августъ IV*, король: Екат. II, 355; Павелъ I, 358.
Авдій: ваятель, 97.
Австрія: начало, 11; монархизмъ, 102; эрцгерцогство, 102; Оттокаръ II, 107; Галиція, 131; Кіевъ и Новгородъ, 144; Габсбурги, 161; начало сношн. съ Россіей, 171; Мих. Ѳед. 216, 217; Фридрихъ II Пруск. 263; славяне, 264; Петръ I, 300, 302; союзъ съ Рос., 338; Анна Леоп. 340: война за австр. наслѣдство, 344; Елизав. 345; Екат. II, 355, 359; Павелъ I, 362; Пруссія, 398; конституція, 401; иллиризмъ, 402; Алекс. I, 408—416; воен. поселенія, 418; Никол. I, 419; венгерцы, 402, 425; крым. война, 425, 429; Ал.екс II, 431.
Автобіографія (Д): начало, 272; Аввакумъ 327.
Адамъ: его пониманіе, 320.
Адаты: знач. слова, 434.
Адашевъ: характеристика, 180; паденіе, 181; Курбскій, 242.
Адвокатство (Д): Алекс. I, 428; женщина, 440.
Адда, р., битва, 361.
Адиссонъ, журналистъ: вліяніе въ Рос. 386.
Администрація (Д): Екат. II, 352, 353; Алекс. II, 427; Алекс. III, 432; XIX в., 433; ссылка, 439; сатира, 448, 451; журналы, 452; обличеніе, 456, 466.
Адмиралы: государственный совѣтъ, 410
Адріанополь (Д): граница Болгаріи, 4; миръ, 419: русскіе, 429.
Адріанъ (Д). 1) Монахъ, 91, 92.—2) Патріархъ, 312.
Адріатическое м. (Д): хорваты, 4; Венеція, 402.
Адъ (Д): славяне, 16, 152; Данте, 155.
Азбука (Д): еврейская, греческая, армянская, 21; начало, 244; гражданская, 323; въ Галиціи, 401; хорваты, 402. См. *Кириллица, Глаголица.*
Азбуковники: при татарахъ, 155; знач. для рус. яз., 249, 250; въ ю.-з. Руси, 259; въ воспитаніи, 318.
Азиі-Гирей, ханъ, 117.
Азія (Д): желтые, 1; бѣлые, 1, 2; Византія, 10; славяне, 14; арабы, 46; рус. товары, 435.
Азовское м. (Д): ясы, косоги, Святославъ, 26.
Азовъ (Д): греч. колоніи, 10; границы

*) Слова, при которыхъ стоитъ знакъ (Д), встрѣчаются въ 1-й части учебника, посвященной *древней* исторіи.

Руси, 35; донцы, 217, 290; купцы, 230; пѣсни, 245; Петръ I, 289, 290; Анна Иван. 338; Екат. II, 356.
Азъ, буква: значеніе у раскольн., 268, 269.
Академія (Д): московская, 284, 322, 323, 377; кіевская, 323; французъ. 323; морская, 323; наукъ, 324, 353, 372, 378, 382' 384, 390, 391, 443; художествъ, 344, 393, 442, 466, 467; Россійская, 353, 390; духовныя, 360, 406, 437, 442; медико-хирургич. 406; военныя, 434, 442; Петровская, 442.
Акавистъ: значеніе 154; въ житіяхъ, 154; Петръ I, 321.
Акиръ Премудрый, сказка, 245.
Аккерманъ (д): греческ. колоніи. 10.
Аккомпаниментъ: руск. школа, 472.
Акростихъ (Д), 259, 260.
Аксаковъ Конст., ученый; Станкевичъ, 457; славянофилы, 459.
Аксіома, 377.
Актеры (Д): Екат. II, 389; Алекс. I, 448; Ник. I и Алекс. II, 464.
Актрисы (Д): въ Россіи, 448.
Акты: юридическіе, 156.
Акушерство: школы, 442.
Алаунская возвышенность, 5.
Албазинъ, городъ, 281.
Албанія (Д): сербы, 106.
Алданъ, р. 281.
Алебарда: происхожд. слова, 250.
Александра Ѳедоровна, императрица: значеніе, 418; ваяніе, 470.
Александрія: русскіе, 84.
Александровская Слобода: Ив. IV, 183, 184.
Александрополь, гор.: Алекс. II, 429.
Александръ. 1) *I*, императоръ: характеристика, 404; царств. 404—418; Екат. II, 404; смерть, 418; нравы, 438; образованіе, 440; Карамзинъ, 443; писатели, 451; революція, 453; живопись, 466; соборы, 470.—2) *II*, императоръ: преобразованія, 426; смерть, 431; почты, 433; секты, 438; нравы, 438; смертная казнь, 438; ссылка, 439; образованіе, 440; газеты, 443; Жуковскій, 451; письменность, 460—466; журналы, 466; живопись, 466: рус. стиль, 471.—3) *III*, императоръ; коронованіе, 431, 471; города, 432, 433; матеріал. цивилизація, 433; думы, управленіе, 433, 434; Остзейск. край, 434; законы, суды, 434; войско, флотъ, 434; финансы, 434, 435; торговля, промышл. 435; купцы, 435; духовенство, 436; крестьяне, 435, 436; рабочіе, 436; католичество, 437; расколъ, 437; секты, 438; нравы, 438, 439, 440; православіе, 439; женщина, 440; просвѣщеніе, 440—443; искусство, 468, 469.—4) *III*, папа, 46.—5) Литовскій, 164.—6) Македонскій (Д): въ сборникахъ, 94; Александръ Невскій, 157; сказки, 245.—7) *Михайловичъ* тверской: княженіе, 127, 128; въ сказаніяхъ, 157.—8) *Невскій*: характер. 122, 201; шведы, 123; нѣмцы, 124; вел. князь, 125: значеніе, 130, 131; сказанія, 157.—9) *Поповичъ*, богатырь, 115.
Алексѣй. 1) Митрополитъ: Москва, 136; русск церковь, 147; житія, 154.—2) Царевичъ: Петръ I, 291; характеристика, 294; смерть, 297; живопись, 469.—3) *Михайловичъ*, царь: начало Новой Рос., 262; характеристика, 266, 267; царствованіе, 268—283; законы, 421; живопись, 469.
Алекторъ: значеніе слова, 269.
Алеутскіе остр.: Павелъ I, 362.
Алеша Поповичъ, богатырь: значеніе, 18; христіанство, 42.
Алимпій Печерскій, живописецъ, 98.
Алкоранъ Магометовъ, сочиненіе, 258.
Аллегорія: ю.-з. Россія, 258; Петръ I, 328.
Аллилуія: соборъ 1551 г. 238; Никонъ, 269.
Алтарь (Д): начало, 2.
Алтай, горы (Д): 113; расколъ, 437.
Алтайцы (Д): опредѣленіе, 2; болгары, 7; кочевники ю. Руси, 55.
Алтынъ: происхожденіе слова, 119; знач. слова, 144; монета, 309.
Альбертъ. 1) Великій, ученый, 48.—2) Епископъ, 79.
Альбигойцы, секта: значеніе, 48; истребленіе, 102.
Альбрехтъ Бранденб., герцогъ, 165.
Альдерманы: Петръ I, 311.
Альма, р.: битва, 426.
Альманахъ: значеніе, 244.
Альпы (Д): появленіе, 1; Суворовъ, 362.
Альта, р.: Борисъ Владиміровичъ, 31; битва, 31, 55.
Алый: происхожд. слова, 119.
Алфавитъ (Д): при татарахъ, 155.
Алхимія: Мих. Ѳед., 218; масоны, 392.
Алябьевъ, композиторъ, 471.
Амвросій (Д), архіеп: Екат. II, 354; чудеса, 375, 376; просвѣщеніе, 377.
Америка (Д): завоеваніе, 188; англ. колоніи, 263; Екат. II, 359.
Амстердамъ, гор.: Петръ I, 323.
Амурскій край: Алексан. II., 430.
Амуръ, р.: Аввакумъ, 272; появленіе русскихъ, 281; Владивостокъ, 433.

Анаграмма, 259, 260.
Анакреонъ (Д), лирикъ: Державинъ, 392.
Анализъ (Д): Лермонтовъ, 454; Гоголь, 455; письменность при Алексан. II, 461; Гончаровъ, 462; Достоевскій, 463; Островскій, 464.
Аналогія: ю.-з. Русь, 259.
Анапа, гор.: Никол. I, 419, 420.
Анархисты: Алекс. II, 431.
Анастасія Романовна, царица: бракъ съ Ив. IV, 179; смерть, 181; Ѳедоръ, 189; Романъ Юрьевичъ, 190; значеніе, 212.
Анатомія (Д): Алекс. Мих. 326; Петръ I, 290.
Ангелъ: драма, 259.
Англія (Д): варяги, 9; начало, 12; Россія, 32; классицизмъ, 47; славяне, 49; монархизмъ, 101, 161; протестантизмъ, 162; Мих. Ѳед., 218; торговля, 231; промышл. 231; Бурбоны, 262; возвышеніе, 263; просвѣщеніе, 263; Петръ I, 291, 300, 302; Екат. I, 338; Елизав. 346; Екат. II, 359; Павелъ I, 362; вліяніе въ Россіи, 386; Алекс. I, 404, 405, 407, 408, 410—416; Никол. I, 418, 420; Афганистанъ, 421; крымск. война, 397. 425, 426; суды, 428; Порта, 429; Алекс. II, 431.
Англоманія, 405.
Англы (Д): значеніе, 34.
Андреевщина: секта, 313.
Андрей. 1) Король, 76.—2) *I*, Боголюбскій: Рязань, 65; характеръ, 66; сѣв. Русь, 67; Владиміръ на Клязьмѣ, 68; Кіевъ, Ростовъ, Смоленскъ, 69; Новгородъ, 70; смерть, 71; церковь, 85; посты, 87.—3) *II*, вел. князь: борьба съ Невскимъ, 122; княженіе, 125.—4) *III*, великій князь: княженіе, 126, 127.—5) *Первозванный*, орденъ, 305.—6) Углицкій, 167.
Андроновъ Ѳедька, 207.
Андрусово, село: перемиріе, 280.
Анна. 1) Греч. царевна: бракъ съ Владимір., 28, 29; Борисъ, 30.—2) Глинская, 181.—3) *Ивановна*, императрица: майоратъ, 305; Митава, 332, 339; воцареніе 333; характеристика. 334; царствованіе, 334—339; живопись, 469; опера, 472.—4) *Леопольдовна*, правительница; происхожд., 302; бракъ, 338; характеристика, 339; паденіе, 340.—5) *Петровна*: Екатер. I, 330; Меншиковъ, 331.
Антаръ, музык. сочин., 474.
Антверпенъ, гор.: рус. купцы, 230.
Антитеза: ю.-з. Русь, 258.
Антихристъ: Никонъ, 271; расколъ, 271; Петръ I, 293, 313.
Антокольскій, ваятель, 470.
Антоній (Д) св.: пещера, 40; Изяславъ I, 55, 88, 89: отшельничество, 88; печеряне, 89.
Антонъ, герц. брауншв.: Анна Леопольд. 302; Биронъ, 339; ссылка, 340.
Апокалипсисъ (Д): Никонъ, 270.
Апокрифы: Стоглавъ, 187; въ повѣстяхъ, 245; смутное время, 245; Полоцкій, 325.
Апостолъ: первые князья, 41; суевѣрія, 238; первая рус. книга, 241; Четіи-Минеи, 247.
Апоѳеоза (Д): Петръ I, 328.
Апраксины. 1) Царица, 285.—2) Адмиралъ, 298.—3) Генералъ. 346.
Аптека: Петръ I, 303; 324.
Аптекарь: Мих. Ѳед., 218.
Апулей, поэтъ, 390.
Арабы (Д): Новгородъ, 6; хозары, 8; классицизмъ, 10, 12, 47; Испанія, 19; паденіе, 46; враги, 91; Бухара, 115.
Аравія (Д): Египетъ, 419.
Аракчеевъ: Павелъ I, 360; Алекс. I, 410, 417; сатира, 451; реакція, 452.
Аральскія степи: татары, 104.
Арбузъ: происхожд. слова, 119.
Ардаганъ, крѣп.: русскіе, 429.
Аренда (Д): евреи, 251; купцы 435.
Аресты: Алекс. III, 434; живопись, 468.
Арзамасъ, общество: начало, 444; сентиментализмъ, 446; сатира, 447.
Аристократія (Д): Византія, 10; феодализмъ, 19; болгары, 21; венгры, 22; чехи, 23; западн. славяне, 45; панство, 47; Дубровникъ, 49; привилегіи на Зап. 99; румыны, 107; поляки, 24, 107, 109, 164; Англія, 225; Швеція, 262, 333; Россія, 333, 364, 446; Франція, 397; хорваты, 402; знач. на Зап. 435, 436; живопись, 468. См. *Бояре*, *Магнаты*, *Паны*, *Феодализмъ*.
Аристотелевы Врата, сочиненіе, 238.
Аристотель (Д), ученый: арабы, 12; сборники при удѣлахъ, 94; схоластика, 102; Возрожденіе, 103; Россія 16-го в. 243.
Аристофанъ (Д), драматургъ: рус. переводъ, 449.
Ариѳметика (Д): Петръ I, 305; Магницкій, 328.
Аріане, секта (Д): Византія, 10.
Аріи, арійцы (Д): опредѣленіе, 1; прибытіе въ Европу, 2; Кавказъ. 280.
Арія: въ 18 в., 471; паденіе, 472.
Арка (Д): первые князья, 43; удѣлы, 97.
Арканъ: печенѣги, 8; татары, 114.
Армія (Д) см. *Войско*.
Армяне (Д): удѣлы, 91; Галиція, 130; при татарахъ, 144; Петръ I, 301; Елизавета, 376; Николай I, 420.

Арпадъ, вождь венгровъ: славяне, 22.
Арсеній, архіеп.: Екат. II, 353. 366.
Артель: на Западѣ, 48; странники, 95; иконописцы, 157; живопись, 467.
Артемьевъ, дьяконъ: Петръ I, 320.
Артиллерія (Д): Ив. IV, 189, 235; Брюсъ, 296; Петръ I, 290, 298, 323; Екат. II, 353; Никол. I, 424; школы; 442.
Архангельскъ, гор.: въ смуту, 230; Алекс. Мих., 281; Петръ I, 288, 312.
Археографическая Коммиссія: начало, 424, 460; Алекс. II, 465.
Археографическая Экспедиція: основаніе, 460.
Археологія (Д): доисторическая, 1; Петръ I, 323; институтъ, 442; общества, 443; съѣзды, 443; Алекс. I, 452; Алекс. II, 465.
Архимандритъ: знач. въ монастырѣ, 187.
Архипелагъ (Д): славяне, Византія, 3; Екат. II, 356; Павелъ, 362; Египетъ, 419,
Архитектура (Д) см. *Зодчество*.
Архіепископство: Магдебургъ, 23; Гнѣзно, 24; Новгородъ, 73; Годуновъ, 194, 197, 198; Львовъ, 251; въ смуту, 226; уніаты, 372.
Архіерей: при татарахъ, 145.
Аршинъ: происхожд. слова, 119.
Асаулъ см. *Есаулъ*.
Аскетизмъ (Д): при татарахъ, 154; Нилъ Сорскій, 172; Ив. IV, 242; хлысты, 370, 371.
Аскольдова Могила, опера, 472.
Аскольдъ, варягъ, 24, 25.
Ассессоръ: при Петрѣ I, 306.
Ассигнаціи: начало въ Россіи, 369; Алекс. I, 408, 409.
Ассистенція: происхожд. слава, 250.
Астрахань: хозары, 8; татары, 118; присоедин. къ Москвѣ, 180; крымцы, 189; Марина Мнишекъ, 213, 217; промыслы въ смуту, 230.
Астрологія (Д): Мих. Ѳед. 218; Максимъ Грекъ, 240; Брюсъ, 296; масоны, 392.
Астрономія (Д): Мих. Ѳед. 239; въ ю.-з. Руси, 257; Ломоносовъ, 383; масоны, 392.
Асѣнь I, царь, 48.
Атаманъ; опредѣленіе, 146; тушинцы, 204; запорожцы, 259; пѣсни, 273.
Атлантич. ок. (Д): арійцы, 2; франки, 3.
Атласъ географич.: Ломоносовъ, 383.
Афганистанъ (Д): Англія, 421.
Афиши: Ростопчинъ, 412, 446.
Афоризмъ: опредѣленіе, 258; ю.-з. Русь, 258.
Африка (Д): открытіе, 103.
Ахалкинъ, прозвище, 446.
Ахалцыхъ, гор.: Никол. I, 419.
Ахиллесъ (Д): Александръ Невскій, 157; живопись, 466.
Ахматъ, ханъ: Иванъ III, 173; смерть, 174.
Ахулго, аулъ: Шамиль, 420.
Айвазовскій, живописецъ, 468.
Аѳанасьевъ, ученый: 40-е годы, 460; Алекс. II, 465.
Аѳонъ, гора (Д): Антоній, 40; переводы съ греч. 41; Войшелкъ, 110; татары, 153; Пахомій, 154; Нилъ Сорскій, 172; Макс. Грекъ, 176.

Баба: каменная, 55.
Баба-яга: миѳологія, 16; сказки, 42.
Бабка, повивал: удѣльн. пер., 88.
Баварія: начало, 47; таборитъ, 108.
Багдадъ, гор. (Д): славяне, 14; Турція, 162.
Багоръ: меря, 7.
Багратіонъ: отечеств. война, 413.
Багряница: знач. слова, 44.
Баденъ: Александръ I, 404.
Баднякъ: миѳол., 17.
Базаровъ, герой романа: Тургеневъ 462; Гончаровъ, 463.
Базаръ: происхожд. слова, 119.
Базиліане, монахи: Павелъ I, Ник. I, 423.
Баку (Д): присоед. къ Рос., 301; нефть, 432.
Бакунинъ, эмигрантъ: журналы, 431; эмигриров., 460; Герценъ, 457.
Балакиревъ. 1) Шутъ, 301, 336.—2) Композиторъ, 472, 473, 474.
Балалайка: первобытн. славяне, 3; миѳологія, 18; смута, 260; Долгорукій, 450; значеніе, 471.
Балетъ (Д): начало въ Россіи, 282, 328.
Балканск. полуостр. (Д): начало славянъ, 3; Николай I, 419, 420.
Балканы, горы (Д): Николай I, 419; Алекс. II, 429.
Балтійск. м. (Д): желтые, 2; начало славянъ, 3; зап. славяне, 4; знач. слова, 9; поляки, 23, 164; Русь, 25, 35; Влад. св. 28; датчане, Ганза, 50; Москва, 165; Иванъ IV, 181; Петръ I, 292, 293, 300; Екат. II, 355.
Балъ: Анна Ив., 335; Елизав., 341.
Балыкъ: происхожденіе слова, 119.
Бандура, музыкальн. инструментъ, 260, 471.
Банды: знач. слова, 430.
Банкетъ: происхожд. слова, 250.

Банкротство: первые князья, 39; Николай I, 422.
Банкъ (Д): Елизавета, 343; Петръ III, 347; ассигнаціонный, 349, 351, 369; Алекс. I, 408, 411; Алекс. II и III, 435.
Банъ: Сербія, 105; хорваты, 401.
Баня (Д): начало у славянъ, 15, 43; Лжедимитрій, 201; Екат. II, 375.
Барабинская степь, 281.
Барановичъ Лазарь, ученый, 258, 325.
Баратынскій, поэтъ; Бѣлинскій, 457.
Барельефъ (Д): удѣльн. пер., 97, 98.
Барклай де Толли, 413.
Бармы: Мономахъ, 61, 179.
Барсъ, 26.
Бархатъ, 44, 275, 286.
Баршина: Турція, 162; Литва, 228; Австрія, 265; Малороссія, 289; Павелъ I, 360; XVIII в., 367; Александръ I, 405; Николай I, 422.
Баръ, гор.: конфедерація, 355.
Барятинскій: Алекс. I, 453.
Басарабъ, вождь румыновъ, 106.
Баскакъ: знач. слова, 118; характеръ, 119, 120, 126.
Басмановы, 183, 184, 198.
Басня (Д): знач. слова въ древн. Руси, 154; Эзопъ, 259; Сумароковъ, 382; Хемницеръ, 388; Крыловъ, 448.
Баталисты, живописцы, 467.
Батоги: въ смуту, 224; Аввакумъ, 272; Балакиревъ, 301; Биронъ, 334.
Баторій, король: Иванъ IV, 189; календарь, 252.
Батумъ, гор.: присоед. къ Рос., 430, 431.
Батуринъ, гор.: казацк. столица, 278; Петръ I, 299.
Батый, ханъ: румыны, 106; Россія, 115—117; Ярославъ II, 122; Алекс. Невскій, 125; Данило галицк. 130; Москва, 137; сказанія, 157.
Батюшковъ, поэтъ: Карамзинъ, 444; классицизмъ, 449, 450; реакція, 452.
Бауценъ, гор.: лужичане, 401; битва, 414.
Бахчисарай: Анна Ив., 338.
Башкинъ, еретикъ, 240.
Башкиры: Алекс. Мих., 281; Анна Ив., 335, 362; Елизав., 363.
Башмаки: удѣлы, 83.
Башня (Д): начало у славянъ, 13; при татарахъ, 158; Мих. Ѳед. 215; Кремль, 247; Петръ I, 329.
Башъ-кадыкляръ, битва, 425.
Баязетъ. 1) Султанъ: знач. 104; драма, 328.—2) Крѣпость: взятіе русскими, 429.
Баянъ, поэтъ, 42.
Байеръ, историкъ, 384.
Байковъ, путешеств., 326.
Байронъ, поэтъ: Пушкинъ, 450, 451; Лермонтовъ, 454; Некрасовъ, 463.
Бегировъ, живописецъ, 469.
Беглукъ: опредѣленіе, 162.
Бегъ (Д): хозары, 8.
Безбородко: Павелъ I, 360.
Беззубцевъ, бояринъ, 190.
Безкоролевье: Польша, 166.
Безпоповщина: начало, 312; иконоборство, 320; 18-й в., 370; Алекс. III, 437.
Беккарія, ученый: Екат. II, 351, 376; рус. переводъ, 451.
Беклемишевы, 222.
Беконъ, ученый, 161.
Бельгія: Габсбурги, 262; въ XIX в. 397; Николай I, 419.
Бемъ, ученый, 319.
Бёмъ г-жа, живописецъ, 468.
Бенедиктинцы: просвѣщеніе, 47.
Бенжаменъ Констанъ, ученый: Алекс. I, 452.
Беннигсенъ: Пав. I, 362; Алекс. I, 405, 406.
Бентамъ, ученый: рус. переводъ, 451.
Беранже, поэтъ: рус. переводъ, 458.
Бергъ: Польша, 431.
Бергъ-коллегія, 308.
Береза: славян. миѳол., 17.
Березовая Роща, картина, 469.
Березовъ: Меншиковъ, 332; Долгорукіе, 334; Остерманъ, 340.
Берендеи, кочевники, 55.
Беринговъ прол., 281.
Берингъ, ученый, 377.
Берладъ, городъ, 64.
Берлинъ: Петръ I, 290, 300; Елизав. 346.
Берліозъ, композиторъ, 472.
Бернадотъ, король, 412.
Бесермены: опредѣленіе, 125.
Бессарабія: румыны, 106; крым. война, 426; присоед. къ Рос., 407. 430, 431.
Бестія: происхожд. слова, 250
Бестужевъ - Рюминъ: характеристика, 339; Елиз., 342; Пруссія, 345; Екат. II, 346; Петръ III, 347; Панинъ, 348.
Бесѣда, мебель, см. *Лавка*.
Бесѣда любителей рус. слова, общество, 444, 445.
Бесѣдисты: знач. слова, 445; Жуковскій, 446; сатира, 447, 448; Крыловъ, 448; классицизмъ, 450; Грибоѣдовъ, 450.
Бетховенъ, композит: рус. пѣсня, 471.
Бецкій, 353, 379.
Бибиковъ. 1) Полководецъ, 354. — 2) Ген.-губернаторъ, 422.
Библейское Общество: начало, 414; іезуиты, 416; Алекс. I, 417.

Библіотека (Д): удѣльн. пер. 88, 91; на Зап., 102, 103; смутн. вр. 241; Ѳеофанъ, 296; Дим. Рост., 297; Ал. Мих., 321, 322; синодальная, 323; Петръ I, 324; Дидро, 377; XVIII в., 377—379; публичная въ Рос., 386, 469; Алекс. II и III, 442.
Библіотека Варшавска, журналъ, 399.
Библіотека для чтенія, журналъ: 30-е годы, 456; Герценъ, 457.
Библія (Д): еретики, 48; рус. проповѣдь, 93; синодальн. списокъ, 246; Острожскій, 258; первая въ Москвѣ, 324; Елизавета, 344; Алекс. I, 415; рус. переводъ, 417; живопись, 467.
Билеты: кредитные, 422.
Биліардъ: начало въ Рос., 364.
Биргеръ, 123, 124.
Биржа, 310.
Бироновщина, 336.
Биронъ: характеристика, 334, 335; Анна Ив. 336—339; Елизавета, 341; Петръ III, 347, Екат. II, 355, 358.
Бисеръ: начало у славянъ, 14.
Біармія: царство, 7; славяне, 14.
Біографія (Д) см. *Жизнеописаніе*.
Благонамѣр. Рѣчи, сочиненіе, 464.
Благотвореніе: Годуновъ, 192; братства, 253; Петръ I, 318; Елизавета, 343; Екат. II, 349; Марія Ѳед., 360; Алекс. III, 439.
Благотворит. учрежденія: удѣльн. пер. 88; Валахія, 265.
Благочестивый рабъ, притча, 245.
Благочестіе: начало на Руси, 40; удѣл. пер., 86, 87; смута 237; сказанія, 244; Алекс. Мих., 266; Алекс. I, 417.
Блины: славян. миѳологія, 17.
Блюдо, посуда, 248.
Бляха: меря, 7.
Бобровники, 143.
Боброкъ, 138.
Бобры, 142, 150.
Бова-королевичъ, сказка, 245.
Богадѣльня: начало въ Рос., 39; удѣлы, 88; при татарахъ, 149; Стоглавъ, 187; Троицк. лавра. 209; Ал. Мих., 282; Петръ I, 303, 318; Елизав. 344.
Богатыръ: финны, 7; славяне, 18; Влад. св., 28; въ поэзіи, 42; паденіе, 82; татары, 115; смута, 273, 275.
Богдановичъ поэтъ: значеніе, 390; преемники, 449.
Богдыханъ (Д): Ал. Мих., 281.
Богемія: поляки, 23; королевство, 107; татары, 116; нѣмцы, 265.
Боги (Д): арійцы, 2; славяне, 17.
Боги поганые, соч., 258.
Боголюбово, село, 68, 71.
Боголюбовъ, живописецъ, 469.
Богомилъ, попъ, 21.
Богомилы: секта, 48; въ Россіи, 92.
Богородица: вертепъ, 259; икона при Петрѣ III, 348; хлысты, 370.
Богословіе: на Зап., 47, 103; Петръ Могила, 254; польск. Русь, 257; Крижаничъ, 321; моск. академія, 322; Петръ I, 324, 325; 18-й в., 379; Ник. I, 424.
Богослуженіе (Д): начало у слав., 18; чехи, 107; румыны, 163.
Бодричи: франки, 4.
Бодянскій, ученый: 40-е годы, 460; Алекс. II, 465.
Божія Матерь: икона, 68.
Божница, 158.
Бокалъ, 248.
Болванъ см. *Идолъ*.
Болгары (Д). 1) Камскіе: начало, 3; ославяненіе, 4; Новгородъ, 6; Святославъ, 26; Влад. Св. 28; граница Руси, 35; Мономахъ, 60; Андрей Богол., 67, 68; татары, 115; Юрій II, 122.—2) Дунайскіе: опредѣл. 3; княжество, 4; Византія, 21; Святославъ, 26; Кіевъ, 28; царство, 48; вліяніе въ Рос., 41, 92; сборники, 94; бѣлый камень, 97; Турція, 104, 105, 162; румыны, 106, 163; Кормчая, 148; житія св., апокрифы, 154; 19-й в. 403, 404; Алекс. II, 429; живопись, 468.
Болеславъ. 1) *Храбрый*, 23, 30, 31.—2) *Смѣлый*, 23, 55, 56.—3) *Кривоустый*, 23, 49.
Болонья: университетъ, 47.
Болота: Европа, 2; Россія, 5; Литва, 3, 8; удѣльн. пер., 98.
Болотниковъ, 202, 203.
Болтинъ, ученый, 391.
Больница: начало въ Рос., 39; Троицк. лавра, 209; Екат. II, 351, 364.
Большое Гнѣздо см. *Всеволодъ III*.
Большой Чертежъ: Мих. Ѳед., 219, 244.
Болѣзни: 18-й в., 363; 19-й вѣкъ, 431, 432.
Бомбардиръ; Петръ I, 288.
Бонапартъ см. *Наполеонъ I*.
Бонякъ, ханъ, 59.
Борецкіе, 168, 169.
Боривой, князь, 23.
Борисъ Владиміровичъ, 30, 31, 40, 86; Житія Св., 94; преданія, 95, 123.
Борисъ Годуновъ: драма, 451, 454; опера, 473.
Борисѳенъ, рѣка (Д), см. *Днѣпръ*.
Боровиковскій, живописецъ, 393.
Борода: крашеніе, 15; начало у славянъ, 44; налогъ, 308; церковь, 311; Крижаничъ, 321; Петръ III, 348. См. *Брадобритіе*.

Бородино. 1) Битва, 413.—2) Сочиненіе, 455.
Бородинъ, композиторъ, 473, 474.
Бортъ см. *Пчеловодство.*
Боснія: сербы, 4, 48; турки, 105; бѣгство славянъ, 264; въ XIX в., 403 Алекс. II, 429.
Боссюетъ, проповѣдникъ: переводъ на рус. яз., 385.
Ботвинья: откупъ, 234.
Боткинъ, писатель: Станкевичъ, 457; картины, 470.
Ботническій зал: Густавъ-Адольфъ, 217.
Ботъ: перв. въ Рос., 282; Петръ I, 288.
Бродскій, скрипачъ, 474.
Броненосцы: Алекс. III, 434.
Брошюры: польскія, 424.
Бруни, живописецъ, 466.
Брюлловъ, живописецъ, 466, 467, 568.
Бояре: Болгарія, 21; начало въ Россіи; 36; Суздаль, 68; Андрей Богол. 70, 71; Новгородъ, 74; Галичъ, 76, 78, 79, 129; удѣлы, 86, 88, 90; Сербія, 105, 106; румыны, 107; Литва, 110, 112; Москва, 132, 133, 136; Донской, 139; татары, 143, 145, 149, 152; Ив. III, 169, 170; Вас. III, 175, 176; правл. бояръ, 178; Ив. IV, 181, 182, 186; Ѳедоръ, 189; Годуновъ, 191, 196; смута, 200, 204—208, 221—225, 227, 228, 232, 236, 237, 241; пѣсни, 245; Разинъ, 275; старина, 284, 285; Алекс. Мих., 303; Петръ I, 290, 304, 305 духовенство, 311.
Бояринъ ближній великій: Годуновъ, 191.
Боярскія дѣти: опредѣленіе, 36; Василій III, 175, 176.
Боярыни: мѣстничество, 186.
Бой: кулачный, 86, 221, 273, 316, 372; дрекольный, 151; въ часахъ, 158.
Бойница, 215.
Брага: откупъ, 234.
Брадобритіе: начало у славянъ, 26; 44; Годуновъ, 192. 292; расколъ, 271; при Софьѣ, 285; Петръ I, 291, 292.
Бракъ (Д): начало на Руси, 39; удѣлы, 82; пошлина, 142; Ив. IV, 183; смута, 221, 236; расколъ, 312; Петръ I, 321.
Бранденбургъ: марка, 11; государство, 47; таборитъ, 108; курфюршество, 160; Василій III, 177; возвышеніе, 262, Петръ I, 292.
Браницкіе: Августъ II, 266; Екат. II, 358.
Бранкованъ, господарь, 264.
Браслетъ: славяне, 15.
Братство: Лжедимитрій I, 200; польская Русь, 254.
Братъ: старшій въ родовомъ быту, 12, 31, 32, 33, 52.
Братчина: опредѣл., 236.
Брауншвейгская фамилія: Ив. VI, 339; Елизавета, 340, 345.
Бременъ, гор. 79.
Бретиславъ, князь, 49.
Бригадиръ, комедія, 388.
Бритты (Д): значеніе, 34.
Бродники, 63.
Броды, гор., 407.
Бронза (Д): Скандинавія, 9; западная у славянъ, 14. См. *Вѣкъ.*
Бронь см. *Панцырь.*
Брюсовъ календарь, 296.
Брюсъ, ученый: характеристика, 296.
Брюховецкій, гетманъ, 279, 280.
Буало, ученый: значеніе, 263; переводъ на рус. яз., 385; Херасковъ, 390 Мерзляковъ, 445.
Бубенъ (Д): начало у славянъ, 3.
Бугры Разина, 275.
Бугъ, р.: волыняне, 6.
Будишинъ, гор., 401.
Бузулукъ, р., 294.
Букарештъ, гор., 163; миръ, 407.
Букварь: въ ю.-з. Руси, 259; Петръ I, 323; въ XVIII в, 374; Галиція, 401.
Буквы: въ уставѣ, 91.
Буковина: рус. расколъ, 437.
Буколика (Д): Польша, 399.
Булавинъ, 294.
Булгаринъ, журналистъ: 30-е годы, 456; паденіе, 458.
Бумага (Д). 1) *Писчая*: начало, 47; татары, 153, 156; смутн. вр. 232. — 2) *Хлопчатая*, 91. — 3) *Гербовая*: начало въ Рос. 308; Сперанскій, 411.
Бумажныя деньги: Сперанскій, 411; Николай I, 422; Алекс. II, 431; Алекс. III, 435. См. *Ассигнація.*
Бунты: удѣлы, 82; рус. церковь, 147; смута, 228; Соловки, 272; Ал. Мих., 272—274; Разинъ, 275, 276; стрѣльцы, 286, 291; Петръ I, 291, 294; церковь, 311; крѣпостные, 313; Анна Ив. 335; Елизав., 343; Петръ III, 347; Екат. II, 354, 359, 375; 18-й в., 363, 366; духоборцы, 371; мордва, 374; 19-й в., 397; гвардія, 416; Алекс. I, 418; Никол. I, 418, 422, 423.
Бурачекъ, журналистъ, 460.
Бурбоны: Габсбурги, 262; турки, 266; Павелъ, 361; возстановленіе, 397; Александръ I, 408, 414.
Бургомистръ: Петръ I, 310, 315.
Бургъ: значеніе, 11.
Бурдюгъ: значеніе слова, 114.
Буржуазія: Франція, 397; значеніе на Зап. 436.
Бурлаки. 1) Рабочіе: пѣсни, 260; Не-

красовъ, 463; живопись, 468.—2) Картина, 468.
Бурса: Петръ Могила, 255.
Бурсакъ, сочиненіе, 448.
Буря, музык. сочиненіе, 474.
Буряты, 281.
Буслаевъ. 1) Герой былинъ, 95.—2) Ученый: 40-е годы, 460; Алекс. II, 465.
Бусурмане: знач. слова, 126; татары, 138, 141; казаки, 146.
Бусы (Д): первобытные славяне, 15.
Бухара (Д): татары, 114.
Быдло: знач. слова, 250.
Были и небылицы, соч., 387.
Былина (Д): опредѣл., 95; скандинавы, 9.
Бѣглые: казаки, 146; запорожцы, 166; Годуновъ, 194, 197; Лжедимитрій, 199; въ смутн. вр. 214, 220, 228; интеллигенція, 239; Сѣчь, 256; Ал. Мих., 273, 274; Петръ I, 294, 314; Елизавета, 343; въ XVIII в., 363, 366; расколъ, 370; Екат. II, 374.
Бѣгуны, секта: начало, 370; опредѣленіе, 438.
Бѣдная Лиза, повѣсть, 446, 447.
Бѣдность—не порокъ, драма, 464.
Бѣдные Люди, романъ, 459, 463.
Бѣлая Гора: битва, 164.
Бѣлая Криница, гор.: расколъ, 437.
Бѣлая Церковь: миръ, 277.
Бѣлгородъ: основаніе, 229.
Бѣлградъ, гор.: просвѣщеніе, 403; Алекс. II, 429.
Бѣлинскій. 1) Критикъ: Станкевичъ, 457; значеніе, 458; 40-е годы, 458; смерть, 460; преемники, 465. —2) Романистъ, 465.
Бѣлка, 44.
Бѣлое м: Новгородъ, 6; Трифонъ, 227; портъ, 231; Никонъ, 267; Разинъ, 276; крым. война, 426; безпоповщина, 437.
Бѣлоозеро, городъ: удѣльн. пер., 66; княжество, 120, 121; св. Кириллъ, монастырь, 150, 271; Романовы, 196; Вас. Голицынъ, 288.
Бѣлоруссы: начало, 6; вліяніе зап., 250; поляки. 252—257; запорожцы, 257; Екат. II, 355; польск. яз., 409.
Бѣлые: начало въ Европѣ, 1; значеніе 2.
Бѣльскіе: Иванъ IV, 178, 190; Годуновъ, 196; Лжедимитрій, 199; Иванъ III, 224.
Бѣсы. 1) Злое начало: въ началѣ Руси, 27, 41; Петръ I, 319, 321.—2) Сочиненіе, 463, 465.
Бэръ, ученый, 460.
Бюджетъ: земства, 435.
Бюрократія (Д.) см. *Чиновничество*.
Вагнеръ, композиторъ: его школа на Зап., 398; Сѣровъ, Чайковскій, 473.
Вадимъ. 1) Храбрый, 24.—2) Сочиненіе, 359.
Вакула, опера, 472.
Валахія: княжество, 106; турки, 107, 162; Молдавія 163; Румынія, 404; крым. война, 425.
Валъ: Владим. св., 30; смута, 215.
Вальденсы, секта, 48.
Вампиръ (Д) см. *Упырь*.
Варвары (Д): государства, 3; христіанства, 11; классицизмъ, 12.
Вареніе: начало, 44.
Варлаамъ и Іосафатъ, сочиненіе 152.
Варламовъ, композиторъ, 471.
Варна, крѣп.: древн. болгары, 4; битва, 105; Ник. I, 419; крым. война 426.
Варта, рѣка: появленіе поляковъ, 5.
Варшава: начало 166; казаки, 257; Екат. II, 358; Александръ I, 452; Николай I, 419; Алекс. II, 431; Алекс. III, 432; консерваторія, 475.
Варяги: происхожденіе, 7, 384; вост. славяне. 9; Византія, 11; появл. въ Новгор. и Кіевѣ, 24; паденіе, 28.
Варяги-Русь, см. *Русь*.
Варѳоломеевская ночь, картина, 469.
Василиса Мелентьева, сочин., 464.
Василій I. 1) *I*, вел. князь: княженіе 139; изображеніе, 158; Романовы, 190.—2) *II*, вел. князь: княженіе, 139, 140; казачество, 145; церковь, 147; леченіе, 153.—3) *III*, вел. князь: юность, 170; княженіе, 175—178; Романовы, 190; сказанія иностранцевъ, 231. —4) *Блаженный*, 237.—5) *Болгаробоецъ*, императоръ, 21. — 6) *Великій*, 94.—7) *Костромской*, 126.
Василько: изгой, 54; съѣздъ въ Любечѣ, 57; ослѣпленіе, 58; Галичъ, 78
Васнецовъ, живописецъ, 468, 469.
Вассалы: опредѣл., 19.
Вассіанъ, монахъ: Ив. IV, 181.
Вассіанъ Косой, монахъ: Василій III, 176; Курбскій, 242.
Вассіанъ Рыло, архіепископъ, 173
Васька Усъ: Разинъ, 275.
Вася Хромоногій: пѣсни, 245.
Ватага: значеніе слова, 142.
Вацлавъ см. *Вячеславъ* король.
Ваяніе (Д.): Византія, 10; начало въ Рос., 43; Западъ, 48, 161; удѣлы, 97, 98; смута, 249; XVIII-й в., 393; XIX-й в, 469, 470.
Ввозъ. См. *Торговля*.
Вдова съ ребенкомъ, статуя, 470.
Ведрошъ, рѣка: битва, 174, 177.
Веласкезъ, живописецъ, 161.
Велепольскій, маркизъ, 430.
Великая Болгарія: опредѣленіе, 7.

Великая Ложа: масоны, 392.
Великая Польша: опредѣленіе, 24.
Великіе Болгары, гор.: опредѣл., 7; Святославъ 1, 26.
Великій, титулъ: въ Россіи, 81.
Великій князь: опред., 24, 34; отнош. къ удѣльнымъ, 62; ростовскій, суздал., 69; удѣльные, 81; Литва, 110, 111; родов. бытъ, 131; всея Руси, 142.
Великій магистръ: Павелъ I, 361.
Великій Орелъ, кубокъ, 317.
Великое Зерцало, сборникъ, 259.
Великоруссы: опредѣл., 6; Юрій Долгорукій, 66.
Веллингтонъ: Алекс. I, 413.
Вельтманъ, ученый, 460.
Вельяминовы: Дим. Донской, 136.
Венгрія, венгерцы (Д): опредѣл. 2; хозары, начало государства, 8; южн. и зап. славяне, 21, 22, 49, 400—402; нѣмцы, католичество, 23; Ярославъ I, 32; Василько, 58; Изяславъ II, 63—66; Галичъ, 75, 76; турки, 105; румыны, 106, 163; половцы, татары, 116; торговля съ Рос., 144; Сулейманъ, 162; Ив. III, 174; осада Вѣны, 263; Габсбурги, 264; возстаніе, 425.
Венды: происх. слова, 3; Вольдемаръ II, 50.
Венелинъ, ученый: болгары, 404; норманисты, 460.
Венеціановъ, живописецъ, 467.
Венеція (Д). 1) Городъ: венгры, 49; Черное м. 84; Россія, 171; Алекс. Мих. 281; славяне, 401.—2) Картина, 469.
Венявскій, музыкантъ, 474.
Вербное воскресенье: обрядъ, 246.
Вервь: опредѣл, 24; первые князья, 38.
Вергилій (Д), поэтъ: Херасковъ, 389.
Веревка: печеряне, 89; москвичи, 137.
Верельская долина: миръ, 357.
Верещагинъ, живописецъ, 467, 470.
Верея, гор.: присоед. къ Москвѣ, 167.
Вериги: опредѣленіе, 40.
Версаль: Елизавета, 341.
Верстовскій, музыкантъ, 472.
Вертепъ: знач. слова, 259.
Верфь: Петръ I, 288, 290, 298, 309.
Верховники: опредѣленіе, 330; воцареніе Анны Ив., 332—334; старина, 374.
Верховный тайный Совѣтъ: Екат. I, 330; уничтоженіе, 334; значеніе, 367.
Верховой народъ: опредѣленіе, 35.
Весна: въ миѳологіи, 17.
Вестфальскій миръ, 262.
Ветеринары: школы, 442.
Ветхій Завѣтъ. См. *Завѣтъ*.
Вечера литературные: Алекс. I, 451.
Вечера на хуторѣ, сочин. 455.
Вечеря Душевная, сочин. 325.
Взбаламученное море, сочин. 464.
Взяточничество (Д): начало, 151; Геннадій, 173, 174; Лжедим. I, 200; смута, 232, 233; Морозовъ, 267; Петръ I, 302; Волынскій, 336; П. Шуваловъ, 342; Екат. II, 351; 18-й в. 368, 373; Алекс. I, 409; Ник. I, 423; Крыловъ, 448; обличеніе, 456.
Византинисты, ученые, 465.
Византія (Д): начало, 3; хозары, 8; процвѣтаніе. 10; паденіе, 20; поляки, 23; варяги, 28; крестоносцы, 46; славяне, 49, 105; Мономахъ, 60; Ззападъ, 100; турки, 105; тѣлесн. наказ., 119; рус. церковь, 147; женщина, 151; Россія, 161, 232; смута, 230; Ив. IV, 242; вліяніе въ древн. Рос., 260; Екатер. II, 357.
Визби, поселеніе: торговля съ Рос., 79.
Визирь: опредѣленіе, 162.
Викентій изъ Бове, ученый, 259.
Викинги: опредѣл., 9; прекращеніе походовъ, 34.
Виклефъ, ученый, 107.
Вилка (Д): первые князья, 44.
Виллягоша, битва, 425.
Вильна: начало, 111; Кейстутъ, 112; москов. купцы, 230; братства, типографія, 254; старопеч. книги, 258; Екат. II, 358; университетъ, 406.
Виніусъ: тульскій заводъ, 230; Морозовъ, 266; Петръ I. 309.
Вино: первые князья, 44; удѣлы, 83; смута, 204, 248; Петръ I, 317; Екат. II, 351; Елизав., 368; Ломоносовъ, 383; Алекс. III, 433; Алекс. I, 417, 452.
Виноградъ (Д): Алекс. Мих. 303.
Винодѣліе (Д): 19-й вѣкъ, 432; школы, 442.
Вира: опредѣл., 35; Рус. Правда, 38; женщина, 39; удѣлы, 82.
Виртуозы, 474.
Вирши: опред., 259; Москва, 328.
Висла (Д): Болеславы, рус. князья, 23; тевтон. орденъ, 47; устья у поляковъ, 164.
Витали, ваятель, 470.
Витбергъ, архитекторъ, 470.
Витебскъ, гор.: Миндовгъ, 111; присоед. къ Россіи, 355.
Витійство: житія, 154; сказанія. 156; лѣтопись, 243; Полоцкій, 283.
Витовтъ: Ягелло, 111; нѣмцы, 112; независимость, 113; татары, 139.
Витязь: Святославъ, 26; живопись, 469.
Витязь и смерть, притча, 245.
Вице-губернаторъ: Петръ I, 306,
Вишневецкій: Адамъ, 197; гетманъ, 260.

Вишняковъ, живописецъ, 393.
Віолончель, 474.
Владивостокъ, гор.: телеграфъ, 433.
Владиміркo, князь: Галичъ, 78; характеристика, 86.
Владимірская Божія Матерь, икона: появленіе, 68; въ Москвѣ, 140.
Владиміръ, драма, 328.
Владиміръ Андреевичъ, князь. 1) Двоюродный братъ Донскаго: Кулик. поле, 138; дядя и племянникъ, 139.—2) Двоюр. братъ Ивана IV: Сильвестръ, 181; смерть 184.
Владиміръ Волынскій, гор.: татары, 129.
Владиміръ Мономахъ, вел. князь: при отцѣ, 54, 56; Святополкъ II, 57, 58; половцы, 59; характеристика, 59, 60; смерть, 61; съѣзды князей, 62; поученіе, 94.
Владиміръ на Клязьмѣ, гор.: раскопки, 7; начало, 66; Андрей Богол., 67; татары, 120, 126; паденіе, 121; присоед. къ Москвѣ, 131; Димитрій, 135.
Владиміръ Св.: богатырь, 18; язычество, 27; поляки и греки, 28; христіанство, 29; смерть, 30; образованіе, 32; славянинъ,34; благочестіе,40.
Владиміръ Ярославичъ: изгон, 52.
Владиславъ. 1) *Варнинскій*, король, 105.—2) *IV*, король: бѣдствія Польши, 167; моск. бояре, 205, 206; паденіе въ Москвѣ, 207; лисовчики, 214; въ Тушинѣ, 215; миръ съ Москвой, 216.— 3) *Локотокъ*, король, 108.
Владыка: Новгородъ, 73; Черногорія, 106; Стоглавъ, 187; передъ Петромъ I, 31I; Меншиковъ, 331.
Властели: въ Сербіи, 105.
Внѣшній бытъ (Д): первобытн. европейцы, 1; первые князья, 43, 44; удѣлы, 98, 99; татары, 158; смута, 247—249; преобразованія, 329, 363, 364; XIX-й вѣкъ, 432, 433.
Вобанъ, ученый: рус. переводъ, 385.
Водевиль: начало въ Рос., 449; въ оперѣ, 472.
Водка. См. *Вино*.
Водопроводъ (Д): при татарахъ, 158; Екат. II, 368; Алекс. III, 433.
Водяной: миѳологія, 16.
Воеводы: чехи, поляки, 23; первые князья, 34, 36; Трансильванія, 105; румыны, 107, 109; Ив. IV, 185, 186; Лжедим. II, 207; ополченіе, 210; Мих. Ѳед., 219, 224; религія, 227; города, 228; смута, 231; пограничные, 233; Малороссія, 278—280; Петръ I, 302, 306; купцы, 310; Елизавета, 344; XVIII-й вѣкъ, 367, 368.
Военныя поселенія: Екат. II, 363; Австрія, 418; начало въ Россіи, 418; бунтъ, 423.
Военный Журналъ: Алекс. I, 452.
Воейковъ, поэтъ: Карамзинъ, 444; сатира, 447; либерализмъ, 451, 452.
Вождь по жизни, сочин., 244.
Воздыханцы, секта, 438.
Возрожденіе наукъ и искусствъ (Д): первое, 47; классицизмъ, 103, 159, 161; Польша, 164, 250.
Возы: знач. слова въ древности, 44.
Воинская повинность: начало, 35; Годуновъ, 227; горожане, 229; смута, 234, 235; Елизав., 343; Алекс. II, 436, 441; Союзъ Благоденствія, 453.
Волга (Д): финны, 3; вятичи, 6; хозары, 8; хлѣбъ, 132; казаки, 146; Разинъ, 275; обмелѣніе, 432.
Волковъ, актеръ: Екатер. II, 348; начало театра, 383, 393.
Волконская: литература, 449.
Волконскій: Союзъ Благоденствія, 453.
Волкъ: миѳологія, 33; пословицы, 42; Исидоръ, 147.
Вологда: при татарахъ, 144.
Володарь: Тмутаракань, 54; Галичъ, 78.
Волоки: опредѣленіе, 5.
Волокита въ судахъ: смута, 230; приказы, 232.
Волоколамскъ, монастырь, 172.
Волосатовщина, секта, 313.
Волосы (Д): меря, 7; первые князья, 44.
Волостель: татары, 143; у митрополита, 149; судьи, 170; Иванъ IV, 185; въ лѣтописяхъ, 231; смута, 231—233.
Волости: новгородскія, 74; татары,144.
Волхвы: финны, 7; опредѣл. 18; Новгородъ, 29; Ростовъ, 39, 86; св. Стефанъ, 150.
Волховъ, рѣка: начало новгородцевъ, 5; значеніе, 73; Ив. IV, 184.
Волынскій: Анна Ив., 334; характеристика, 336; знач. 380.
Волынь: начало, 6; поляки, 23; Олегъ, 25; Кіевъ, 53; Давидъ, 57, 58; Василько, Володарь, 58; Святоп. II, 58; княжество, 69; Мстисл. Удалой, Даниило, 75; Изяславъ II, 78; Романъ, 78, 79; Гедиминъ, 111; татары, 116, 129; паденіе, 131; подч. Польшѣ, 166.
Вольдемаръ II, король, 50.
Вольница: казаки, 146, 235.
Вольнодумство: Екат. II, 391, 392; Алекс. I, 417.
Вольное Экономическое Общество: Екатерина II, 351, 379.
Вольности: казаковъ, 280, 354; дворянъ, 347, 365.

Вольтеръ, ученый: Западъ, 263; Екатерина II, 345, 359, 377; Порошинъ, 379; Сумароковъ, 383; Павелъ, 392; реакція, 393.
Вольтерьянство: опредѣленіе, 387; Алекс. I, 452.
Вооруженный нейтралитетъ: Екат. II, 356; Павелъ I, 362; Алекс. I, 405.
Вопросы Екатерины, сочиненіе, 387.
Воробьево, село: Ив. IV, 179.
Воровскіе казаки. См. *Донцы*.
Воровство: Русс. Правда, 38; татары, 113.
Ворожба (Д): финны, 7; первобытн. славяне, 18; Ив. III, 169; Годуновъ, 197; Вас. Шуйскій, 205.
Воронежъ (Д): степи, 5; Годуновъ, 229; Петръ I, 289, 290.
Вороноград, оракулы, 238.
Воронцовы. 1) Бояре, 225. — 2) Михаилъ: Елизавета, 340, 342, 345; Екатерина II, 346; Петръ III, 347; Дашкова, 348; Алекс. I, 406. — 3) Намѣстникъ кавказ., 420. — 4) Елизавета: Петръ III, 345; Дашкова, 347.
Ворота: удѣлы, 98; татары, 157.
Воротынскіе, князья: Ив. IV, 180; Скопинъ-Шуйскій, 205.
Ворскла, р.: битва, 112.
Воръ: смута, 202, 204, 208, 211, 214; Никонъ, 270. См. *Лжедимитрій II*.
Воскресеніе: первобытные славяне, 16.
Воскресенскій списокъ, лѣтопись, 243.
Воскъ: первобытн. славяне, 14; Даніилъ Заточникъ, 95; Рязань, 132.
Воспитаніе (Д): смута, 237; передъ Петромъ I, 326; Екат. II, 386, 391; чехи, 400; сербы, 403; Алекс. III, 438, 440.
Воспитаніе льва, сочин., 410.
Воспитательные дома (Д): Екатерина II, 352, 353.
Востоковъ, ученый, 452, 460.
Востокъ (Д): торговля съ Россіей, 229. См. *Азія*.
Восточная Пруссія: Петръ III, 347.
Восточная римская имперія (Д). См. *Византія*.
Восточный вопросъ: Иванъ III, 173; Алекс. Мих. 281; ПетрЪII, Анна Ив., 337; Екат. II, 357; 18-й в. 393; 19-й в., 398; Алекс. I, 415; Николай I, 420, 425; Алекс. II, 429, 430.
Вотчины: Западъ, 11; чехи, 49; Москва, 135; татары, 143; Василій III, 176; Стоглавъ, 187; Ив. IV, 223.
Войдылло: Ягелло, 111; Кейстутъ, 112.
Война и миръ, сочин. 464.
Война за испанское наслѣдство, 300.
Войны (Д): городскія на Западѣ, 101; гуситскія, 108; при татарахъ, 151; религіозн. 160; турки, 162; смута, 221; Петръ I, 317; польскія, 327; въ живописи, 467, 468.
Войско (Д): первобытн. славяне, 15; татары, 114; Ив. IV, 186, 188, 189; смута, 234—236; Петръ I, 304, 305, 307; 18-й в. 368; Алекс. I, 409, 452; Ник. I, 418; Алекс. II, 428, 434; дисциплина, 438; образованіе, 442; политика, 453.
Войшелкъ, велик. кн.: Миндовгъ, 110; смерть, 111.
Вражья сила, опера, 473.
Врангель, ученый, 452.
Врачи (Д): первобытн. славяне, 18; удѣлы, 88, 91; Ив. III, 171, 175; Годуновъ, 192; Петръ I, 324; Екат. II, 351; Ник. I, 423; XIX-й в., 432; женщины, 440, 442.
Временникъ, лѣтопись: Несторъ, 96.
Временщикъ: знач. слова, 330; Меншиковъ, 331, 332. См. *Фаворитизмъ*.
Всеволодъ. 1) *I*: бракъ, 32; права, 52; характеристика, 54; Святославъ, 55; вел. кн., 56; просвѣщеніе, 90.—2) *II*: характеристика, 62.—3) *III*: характеристика, 71, 72; Новгородъ, 75; зодчество, 98; потомство, 121.
Всеславичи: Полоцкъ, 52; удѣлы 61.
Всеславъ: характеристика, 33; Полоцкъ, 53; Ярославичи, 54; Изяславъ, 55; св. Антоній, 88.
Всесословность: Алекс., II, 433.
Встрѣча: знаменіе, 152.
Встрѣча иконы, картина, 468.
Вукаловичъ, 403.
Въ водоворотѣ, сочин., 464, 465.
Выборгъ, гор.: Петръ I, 300.
Выборное начало (Д): Ив. IV, 187, 229; смута, 232, 233; Петръ I, 303, 305—307, 310, 316; Екат. II, 351; 18-й вѣкъ, 365, 367, 368, 374, 394, 395; 19-й в., 433.
Вывозъ см. *Торговля*.
Выговскій, гетманъ: въ пѣсняхъ, 260; Алекс. Мих. 279.
Выгорѣція: расколъ, 312, 437.
Выгъ; рѣка: расколъ, 312.
Выкупъ: плѣнные, 132; земля, 436.
Вырываніе ноздрей: Петръ I, 315.
Выселеніе: изъ Россіи, 431.
Выставки: этнографическая, 466; картинъ, 467, 468; всемірныя, 470; передвижныя, 470.
Высшіе женскіе курсы, 441, 442.
Выходъ: знач. слова, 126; Ив. I, 133; Ив. III, 173, 233.
Вышгородъ: Борисъ, Глѣбъ, 87.
Вѣдомство импер. Маріи: Алекс. II, 440; Алекс. III, 442.

Вѣдунъ: знач. слова, 18; Годуновъ, 197; смута, 238.
Вѣдьмы: миѳологія, 15; на Зап. 103; татары, 152; Марина Мнишекъ, 214.
Вѣжа: знач. слова, 13.
Вѣкъ (Д): каменный, 1, 2, 7; бронзовый, 2; желѣзный, 2, 3.
Вѣна: Порта, 162, 263; Василій III, 177; Габсбурги, 264, 281; Петръ I, 290; возстаніе, 425.
Вѣнецъ. 1) Корона: брачный, 17; Мономаха, 61, 179.—2) Сборникъ, 258.
Вѣнецъ Вѣры, сочиненіе, 325.
Вѣники: Литва, 8; Яросл. I, 32.
Вѣно: опредѣленіе, 14.
Вѣнокъ (Д): славянск. миѳологія, 17.
Вѣнскій конгрессъ: значеніе, 396; національности, 397; Далмація, 402.
Вѣнчаніе. 1) На царство: Византія, 10; Мих. Ѳед. 213; Ив. III, 221. 2) Брачное: язычество, 152.
Вѣротерпимость: первобытн. славяне, 28; венгры, 49; удѣлы, 79; у татаръ, 113, 119; Лжедим. I, 200; исчезновеніе, 226; Ѳеофанъ, 296; Елизавета, 375.
Вѣстникъ Европы, журналъ: Карамзинъ, 444; Алекс. I, 452; Алекс. II, 466.
Вѣсъ (Д): гривна, 44; первые князья, 39.
Вѣтка: расколъ, 437.
Вѣче: первобытн. славяне, 12; Ярославъ I, 31; родовой бытъ, 34; удѣлы, 51; Смоленскъ, 77; Галичъ, 78; князья, 81; значеніе, 99; Владиміръ и Москва, 125; Новгородъ и Псковъ, 73, 74, 132, 169; паденіе, 143; Полоцкъ, 144; смута, 228. См. *Рада*.
Вѣшій: знач. слова, 5; Любуша, 5; первобытн. славяне, 14; Олегъ, 25; христіанство, 39.
Вѣщунъ: знач. слова, 18.
Вяземскій. 1) Аѳанасій: Иванъ IV, 183, 184.—2) Поэтъ: Карамзинъ, 444; сатира, 447, 452; критика, 452; реакція, 453; квасной патріотъ, 456.
Вязьма, гор.: Мих. Ѳед., 216.
Вятичи: начало, 6; Влад. Св., 28.
Вятка: моск. княжество, 131; духовенство, 151; Радищевъ, 359; земство, 440; Витбергъ, 470.
Вячеславъ. 1) король, 23.—2) Ярославичъ, 52.

Габсбурги: начало, 102; чехи, 107, 163; Бурбоны, 262; турки, 263; Венгрія 264; Елизав., 344; 19-й вѣкъ, 396; Пруссія, 425.
Гавань (Д): Алекс. III, 434.
Гавличекъ, журналистъ: чехи, 406.
Гагаринъ, губернаторъ, 315.
Гаданіе (Д): первобытн. славяне, 15, 17; смута, 238; преобразованія, 318.
Гадячъ: договоръ, 279.
Газеты: Петръ I, 323; Елизавета, 344; Алекс. II, 431, 443, 466.
Галилей, ученый, 161.
Галиція: Влад. Св. 28; Ярославъ I, 32; Кіевъ, 53; поляки, 56, 108; Святоп. II, 57; княжество, 52, 69, 78; Всевол. III, 72; Мстисл. Удалой, 75, 76; Даниило, 75; Романъ, 78, 79; татары, 116, 120; паденіе, 129, 131; Вас. II, 140; Хмѣльницк. 276; польск. письменность, 399; малороссы, 401; Крымск. война, 425; славянофилы, 459.
Галицкое княжество см. *Галиція*.
Галичъ см. *Галиція*.
Галлерея: картинная, 266, 470.
Галломанія: Алекс. I, 408.
Галлы (Д): значеніе, 34.
Гамалея: масонъ, 392.
Гамлетство: Пушкинъ, 453; 40-е годы, 459; Тургеневъ, 461.
Ганза: Новгородъ, 34; Вольдемаръ II, 50; значеніе, 101.
Ганка, ученый, 400.
Ганноверъ: династія, 263; Петръ I, 300.
Гарантія: Некрасовъ, 463.
Гардарика: въ преданіяхъ, 9.
Гаремъ (Д): Турція, 162.
Гармонія (Д). 1) Инструм., 471. — 2) Въ музыкѣ: руск. школа, 472; Глинка, 472; Даргомыжскій, 472, 473; Сѣровъ 473.
Гаршинъ, писатель, 465.
Гатчина: Павелъ I, 362.
Гай, ученый, 402.
Гайдамаки: опредѣл. 276; погибель, 352; возстаніе, 355.
Гайдуки: опредѣленіе, 163
Гвардія (Д): Византія, 11; политич. значеніе въ Россіи, 329; Екат. I, 330, 331; Анна Иван., 334, 339; Елизав. 340; Петръ III, 348; Екат. II, 349, 353; Павелъ I, 360; Ник. I, 418; Алекс. II, 429.
Гвельфы, 47.
Ге, живописецъ, 469.
Гегель, ученый: на Западѣ, 398; 30-е годы, 457; Бѣлинскій, 458.
Гедиминовичи: татары, 143; Ив. III, 176; Ив. IV, 178; Ѳедоръ, 190; смута, 224.
Гедиминъ: избраніе, 111; Волынь 131; Новгородъ, 134; лѣтопись, 156.
Геллертъ, писатель, 388.
Гельвесіусъ, ученый: значеніе, 263; 18-й в. 376; Павелъ I, 379.

Гельгудъ: возстаніе 1831 г., 419.
Генеалогія: значеніе, 53.
Генералитетъ: опредѣл. 330; воцареніе Анны Ив., 333.
Генералъ-губернаторъ: начало, 306; Екат. II, 352; Ник. I, 424; Алекс. II, 433.
Генералъ-прокуроръ: значеніе, 316; Шаховской, 343.
Генералы: Госуд. Совѣтъ, 410; политика, 453.
Геннадій, архіепископъ: характеристика, 171; жидовство, 172; смерть, 173; нравы, 237; старина, 241; сочиненія, 246.
Геннинъ: Петръ I, 309.
Генрихъ IV. 1) Нѣм. императоръ: Германія, 19; Изяславъ I, 56.—2) Франц. король: Лжедим. I, 200.
Генрихъ VII, король, 160.
Генуэзцы: Мамай, 138.
Географич. общество: 19-й вѣкъ, 443; Надеждинъ, 457; 40-е годы, 460; Алекс. II, 465.
Географія (Д): начало въ Россіи, 244; Брюсъ, 296; Полоцкій, 325; Алекс. Мих. 326; Екат. II, 345; Ломоносовъ, 383; Миллеръ, 384; академія наукъ, 390; Надеждинъ, 457.
Географусъ: Мих. Ѳед. 218.
Геодезисты: Петръ I, 324.
Геологія (Д): опредѣленіе, 1.
Геокъ-Тепе, битва, 430.
Геометрія (Д): Петръ I, 287, 305, 324.
Георгій Амартолъ, лѣтописецъ. 96.
Георгъ Голштинскій: Петръ III, 347.
Герберштейнъ, посолъ: Василій III, 177; сочиненія, 231.
Гербы: Польша, 109; у татаръ, 118; ю.-зап. Русь, 259; Алекс. Мих. 329.
Германизація: русск. языкъ, 250; зап. славяне, 398, 399, 400; хорваты, 402.
Германцы (Д): первобытн. славяне, 3; Швеція, 9; въ 850—1050 г. 19; въ 1050—1250 г., 46, 47; въ 1250—1450 г., 100—103; въ 1450—1650 г., 160, 161; въ 1650—1800 г., 262, 263; въ 19 в., 396—398.
Германія (Д): Карлъ Вел., 12, 19; средніе вѣка, 47; монархизмъ, 101; феодализмъ, 102; искусство, 161; протестантизмъ 161; Габсбурги, 262; Петръ I, 300; Елизав. 344, 345; Екат, II, 350, 354; Іосифъ II, 357; Напол. I, 396; новыя идеи, 398; Алекс. I, 467, 312; либерализмъ, 415; реакція, 416; рус. университеты, 423.
Гермогенъ, патріархъ: Шуйскій, 202; Сигизмундъ, 206; грамоты, 207; смерть 208; Діонисій, 209.
Гернгутеры, секта, 108.
Геровъ, поэтъ, 404.
Геродотъ (Д), ученый: рус. переводы, 449.
Герои (Д): ваяніе, 470. См. *Богатыри*.
Геронтій, митрополитъ, 226.
Герой нашего времени, сочин., 454.
Герцеговина: сербы, 4; Неманъ, 48; венгры, 49; турки, 106; Петръ III, 254; Алекс. II, 403, 429.
Герценъ, журналистъ: Ник. I, 431; кружокъ. 457; естествознаніе, 458; эмигрантъ, 460; 40-е годы. 459.
Герцогство Варшавское: основаніе, 407; недовольство русскихъ, 408; завоеваніе русскими, 414; конституція, 416.
Гёте, поэтъ: руск. переводы, 388.
Гетманъ: опредѣл. 256; поляки, 257; пѣсни, 260; казацкія войны, 276—279; Петръ II, 331; Анна Ив. 335; Елизав. 344; Екат. II, 352; Павелъ I, 361.
Гейне, поэтъ: Бѣлинскій, 458.
Гейстербахъ, писатель, 259.
Гибралтаръ (Д): Порта, 162; Англія, 263.
Гиль, гильшикъ: значеніе, 273.
Гильдіи: начало въ Рос. 310; Екат. II, 353.
Гильтяевъ, бояринъ: Вас. I и III, 190.
Гилянь: присоед. къ Россіи, 301.
Гимназія (Д): румыны, 163; при акад. наукъ, 322, 378; Елизав. 344; Екат. II, 353, 359; Анна Ив. 377; Алекс. I, 406, 409, 417, 451; Польша, 399; Ник. I, 423, 424, 425; Алекс. II, 428, 434, 440; женскія, 442, 443; классицизмъ, 449.
Гимнастика (Д): школы, 442.
Гимры, аулъ, 420.
Гиперболизмъ: Державинъ, 389.
Гипподромъ (Д): Византія, 10.
Гиреи, ханы: начало 117; Ив. III, 118, 174.
Глава: на церкви, 158.
Глаголица: опредѣленіе, 402.
Гладіаторы (Д): ваяніе, 470.
Глазуръ (Д) см. *Эмаль*.
Гласность: Фонвизинъ, 387; Николай I, 422; Алекс. II, 427, 428; Союзъ Благоденствія, 453.
Глина: посуда, 44.
Глинка. 1) Журналистъ: Шишковъ, 445; вліяніе, 446. — 2) Музыкантъ: романсъ, 471; значеніе, 472; фортепьяно, 473; програмн. музыка, 474.
Глинскіе, князья: Елена, 176—179; Михаилъ, 177, 178; Ив. III, бояре, 224.
Глухо-нѣмые: школы, 442.

Глѣбъ, князь. 1) Владиміровичъ: смерть, 31; благочестіе, 40; святой, 86; житія св., 94; сказанія, 95; преданіе, 123. - 2) Святославичъ, 54.
Глюкъ, пасторъ, 301.
Гмелинъ, путешеств: Екат. II, 390.
Гнѣдичъ, ученый: классицизмъ, 449; Иліада, 449.
Гнѣзно: основаніе, 5; Велик. Польша, 24.
Гогенштауфены: значеніе, 47.
Гоголь, поэтъ: Княжнинъ, 388; Нарѣжный, 448; значеніе, 454; Надеждинъ, 456; Бѣлинскій, 457; 40-е годы, 458, 459; реакція, 460; Щедринъ, 464; Писемскій, 464; живопись, 467; плюстрація, 469; музыка, 472.
Годуновы. 1) Борисъ: характеристика, 191, 192, 193; Ѳедоръ I, 190; крѣпостничество и патріаршество, 194, 227; царствованіе, 194—198; Романовы, 212; вымираніе, 225; лѣтопись, 243; сказанія, 244; Пушкинъ, 454. — 2) Ѳедоръ: характеристика, 198; смерть, 199.—3) Ирина, царица, 190, 191, 195.—4) Ксенія. 199.
Годунъ, прозвище, 191.
Годфридъ: театръ, 282, 328.
Голицыны: Сигизмундъ III, 207; смута, 212; Софьи, 285, 287, 288; Мазепа, 289; Петръ I, 297, 298; іезуиты 320; Екат. I, 330; Анна Ив. 332. 333, 234, 336; Алекс. I, 415, 417, 452.
Голландія (Д): Новгородъ, московск. купцы, 231; Петръ I, 290, 300; Павелъ I, 362; живопись, 467.
Голова: стрѣльцы, 215; кружечный дворъ, 310; дума, 352.
Головацкій: ученый, 401.
Головины: бояре, 225.
Головкинъ: Петръ I, 296; Анна Ив. 334.
Голодъ: удѣлы, 75, 84; татары 141; Ив. IV, 180, 184; Годуновъ, 197; Гермогенъ, 208; смута, 221; Алекс. II, 431.
Голосъ, газета, 466.
Голубиная Книга, сочиненіе, 42.
Голубь (Д): Алекс. Мих. 321.
Голутвенные см. *Голытьба*.
Голштинія: датчане, 50; Мих. Ѳед., 218; Петръ I, 300; Анна Петр. 302; Екат. I, 330; Петръ III, 345; Ник. I, 418.
Голытьба: Алекс. Мих., 273, 307; Разинъ, 274, 275; Петръ I, 294.
Голь см. *Голытьба*.
Голятовскій, ученый, 258, 259.
Гомеръ (Д): лѣтопись, 9[illegible], 156; Византія, 104; рус. переводы, 449.
Гонецъ: начало, 248; княжій, 148.
Гонсѣвскій: Москва, 207; Ляпуновъ, 208.
Гонта: гайдамаки, 355.
Гончаровъ, писатель: Отеч. Зап., 458; Алекс. II, 462; тенденція, 465; портретъ, 468.
Горацій (Д): Державинъ, 389.
Горбатые, князья: Иванъ III, 224.
Гордонъ: Петръ I, 287.
Горе-Злосчастіе, сочиненіе: Алекс. Мих. 273, 327.
Горе отъ ума, сочин.: значеніе, 450; реакція, 453.
Горное дѣло: начало въ Рос. 171; смута, 231, 247; Петръ I, 309; Елизав., 343, 344; Алекс. I, 406; Алекс. II и III, 442.
Городище: опредѣленіе, 12.
Городло: унія, 112.
Городовое положеніе: Екат. II, 352; Александръ II, 427.
Городъ (Д): первобытн. славяне, 13, 14; Польша, 23, 50, 109, 165; Олегъ, 25; первые князья, 35—37: чехи, 50, 107; удѣлы, 51, 84, 98; с.-в. Русь, 68, 131, 144, 145; Западъ, 101, 261; Скандинавія, 102; Сербія, 105; румыны, 107; татары, 114, 143; Галичъ. 129, 130; Литва, 144; на Зап. 159, 160; Ив. III, 170; Годуновъ, 191; сѣверскіе, 198; Мих. Ѳед., 219; смута, 221, 229—236, 247; Ив. IV, 233; ю.-з. Русь, 251, 254; малорос., 278; Донъ, 294; Екат. II, 364; Алекс. I, 405, 411; Алекс. II, 427; 19-й в., 431, 432; Алекс. III, 433, 435.
Горожане: на Зап. 159, 160; смута, 229; Петръ I, 310, 311. См *Купечество*, *Мѣщане*, *Посадскіе*.
Горцы: Алекс. Мих. 280; Ник. I, 420; Алекс. II, 430; Алекс. III, 434.
Горчаковъ. 1) Генералъ: крымск. война, 425. 2) Канцлеръ: Алекс. II, 429. 3) Поэтъ: сатира, 447; журналы, 451.
Горшокъ: прахъ, 19.
Госпиталь (Д): Петръ I, 303, 310; Екат. II, 351.
Господарь: Черногорія, 106, 264; румыны, 107, 264; въ Москвѣ, 142; Молдавія, 174.
Господинъ, титулъ: Новгородъ, 72, 73: Москва, 81.
Господское сословіе см. *Помѣщики*.
Гостепріимство: вост. славяне, 14.
Гости, сословіе (Д): опредѣленіе, 13.
Гостинница: монастырь, 88; татары, 149; начало въ Рос., 364.
Гостиный дворъ. 1) Комедія, 388. 2) Картина, 468.
Государственный совѣтъ: Польша, 430; Алекс. III, 433.

Государство (Д): южн. славяне, 20; чехи, поляки, 23; начало въ Рос. 24, 34; первые князья, 34, 37, 45; удѣлы, 67, 80—83, 99, 100; румыны, 107; Литва, 110; татары, 142, 159; Ив. III, 170; смута, 221—224; древн. Россія, 260, 261; Петръ I, 292, 304; Екат. II, 364, 365; 18-й в., 394; 19-й вѣкъ, 433, 434; расколъ, 438.
Государь, титулъ: Калита, 142; всея Руси, Иванъ III, 174.
Готландъ, островъ: нѣмцы, 79.
Гравировка (Д): ю.-з. Русь, 258; Петръ I, 290.
Градъ см. *Городище*.
Градъ царскій, сочин. 326.
Гражданская палата: Екат. II, 352.
Гражданственность см. *Цивилизація*.
Грамматика (Д): Курбскій, 242; начало на с.-в. 244, 250; Смотрицкій, 249, 326; Полоцкій, 319; Петръ I, 305, 323; Алекс. Мих. 326; Крижаничъ, 326; Ломоносовъ, 382; лужичане, 401.
Граматично изказаніе, сочин. 326.
Грамота: льготная, 33, 73; Новгородъ 74; духовенству, 85, 97, 149; киноварь, 91; разнымъ лицамъ, 156; дворянству, 352, 365; Василій II, 140; митрополитъ, 149; договорная, правая, 156; Ив. IV, 182, 222, 223; Лжедим. I, 197, 198; смута, 202, 207, 209, 210, 211, 246; Мих. Ѳед. 212, 215, 219; Ив. III, 226; откупная, 232; духовенство, 237; расколъ, 272; уставн. 156, 427.
Грамотность: Западъ, 47, 102, 103; удѣлы, 83, 90, 91; татары, 152; Мининъ, 210; Ив. IV, 224; братства, 255; Петръ I, 318, 322; 18-й в., 377; Алекс. II, 434; общества, 443; войско, 452.
Грамотый, см. *Писатель*.
Границы Россіи: первые князья, 34, 35; удѣлы 84; татары, 140, 141; смута, 220; древн. Россія, 261; Петръ I, 302; 18-й вѣкъ, 362; Алекс. II, 431.
Грановитая палата: Ив. III, 248; Софья, 286.
Грановскій, ученый: Станкевичъ, 457; 40-е годы, 460.
Грачи прилетѣли, картина, 469.
Грай, птичій, 152.
Гребни: на крышахъ, 44.
Греки (Д): первобытн. славяне, 3, 8; культура, 10; Кіевъ, 28; новые, 104; румыны, 106; рус. духовенство, 147; Софья Палеологъ, 169; Мих. Ѳед., 269; Екат. II, 356; Алекс. I, 405, 416.
Греко-италики (Д): начало, 2.
Греко-Латинское училище: основаніе, 220; значеніе, 239; Сатановскій, 269.
Гренадеры: Елизавета, 340.
Греція (Д): первобытн. славяне, 3; Ив. III, 171; независимость, 397; Николай I, 418.
Греческій проектъ: Екатер. II, 357.
Гречъ, журналистъ, 451, 456, 458.
Грейгъ, адмиралъ: Екат. II, 356.
Грибоѣдовъ, поэтъ: значеніе 449.
Гривенникъ: Петръ I, 309:
Гривна: опредѣленіе, 44; удѣлы, 64; татары, 144.
Григорій. 1) *III*, папа: значеніе, 19; Изясл. I, 56.—2) XIII, папа, 252.—3) *Богословъ*; Четіи Минеи, 247.—4) *Вологодскій*, 150.
Григоровичъ. 1) Поэтъ: Отеч. Записки, 458; 40-е годы, 459; Алекс. II, 465.—2) Ученый, 465.
Гридь: опредѣленіе, 36.
Гридница: опредѣленіе, 36.
Гробница (Д): начало въ Европѣ, 1; Мстиславъ Храбрый, 74; удѣлы, 98.
Гробъ (Д): откупъ, 308.
Гробъ Господень: католики, 95; Москва, 281; крымск. война, 425.
Гродно: губернія, 130.
Гроза, сочин., 464.
Грозный, прозвище. 1) Иванъ III, 175.—2) Иванъ IV: значеніе слова 183.
Громникъ, сочиненіе: 15—17-й вѣка. 238.
Громъ (Д): миѳологія арійцевъ, 1; славянъ, 18.
Гросъ-Егерсдорфъ, битва, 346.
Гросмейстеръ: масоны, 392.
Гроховo, битва, 419.
Груберъ, іезуитъ: Павелъ I, 371; Алекс. I, 415.
Грузія (Д): татары, 115; Порта, 162, 357; Алекс. Мих. 280; Петръ I, 301; Персія, 359; присоед. къ Рос., 362; Алекс. I, 407; Ник. I, 418, 420.
Грушецкая: царица, 285.
Грюнвальдъ: битва, 112.
Губернаторъ: начало, 306; Петръ I, 307, 315; Анна Иван. 335; Екат. II, 350, 352, 368; Елизав. 367; Алекс. II, 427, 433, 434; стихи, 445.
Губернія: начало, 306; Екат. II, 352, 353; Алекс. II, 431, 434; вятская, 131; калужск. 131; кіевская, 278, 299, 352; костром. 66, 131; курск. 197; нижегород. 131, 437; новгород. 418; олонецк. 309; оренбур. 343, 422; орловск. 197; пермск. 7; подольск. 278; рязан. 131; саратов. 363; твер. 60, 131; тульск. 131; черниговъ. 197, 278; ярослав. 66, 131.
Губернскіе Очерки, сочиненіе, 464.
Губернское по город. дѣламъ присутствіе, 427.
Губернское правленіе: Екат. II, 352.

Губка: первобытн. славяне, 14.
Гувернеръ: Алекс. I, 409.
Гуго Гроцій, ученый: переводы, 326, 385.
Гугулевичевна: кіев. братство, 254.
Гультяи: опредѣленіе, 278.
Гуманизмъ: знач. слова, 103.
Гуманность: (Д): Ив. Шуваловъ, 342; Елизавета, 344; Петръ III, 347; Екат. II, 349, 372; Державинъ, 389; Алекс. I, 404; Алекс. II и III, 439; Карамзинъ, 444; сентиментализмъ, 446; Пушкинъ, 454; Тургеневъ, 461; Островскій, 464; романы, 465.
Гунибъ, аулъ: Алекс. II, 430.
Гуніадъ, 105.
Гунъ, живописецъ, 469.
Гурбанъ, писатель, 401.
Гусары: Сапѣга, 203.
Гуси (Д): славянская мифол., 16; первые князья 44; блюдо, 248.
Гуситы: Подѣбрадъ, 163; Іосифъ II, 265.
Гусли: удѣлы, 86.
Густавъ III, 357.
Густавъ-Адольфъ: Польша, 166; Мих. Ѳед. 216.
Гусъ, 108.
Гюго, поэтъ: Бѣлинскій, 458.
Гяуръ: значеніе слова, 162.

Давидовичи, 62—65.
Давидовъ, музыкантъ, 474.
Давидъ Игоревичъ: характеристика, 57, 58.
Давыдовъ, поэтъ: Карамзинъ, 444.
Дагестанъ (Д): Алексѣй Мих., 280; Ник. I, 420.
Дажь-Богъ, 17.
Даламберъ, ученый: значеніе, 263; Екат. II, 376, 377.
Далмація (Д): задруга, 13; хорваты, 22; венгры, 49; татары, 116; присоед. къ Австріи, 402.
Даль. 1) Писатель: народность, 458; 40-е годы, 459.—2) Ученый, 465.
Дани: Влад. Св., 30; дары, 35; татары, 119, 125; хивинскіе купцы 126; Новгородъ, 135, 144; смута, 229, 234.
Даниловъ: Записки, 384.
Данило Романовичъ: характеристика, 131.
Даніилъ (Д). 1) Заточникъ, 94.—2) Князь моск., 126, 127.—3) Романовичъ: Кіевъ, 69; венгры. 75; Мстиславъ Удалой, 76; князь галицкій, 79; Миндовгъ, 110; характеристика, 129; княженіе, 130, 131.
Данія: Вольдемаръ II, 50; Новгородъ, 84; Эстляндія, 102; Ив. III, 171; Ив. IV, 189; Петръ I, 298, 300; Петръ III, 347, 349; Пруссія, 398; Николай I, 418.
Дантъ: апокрифы, 155.
Данцигъ: Петръ I, 300.
Дарвинъ, ученый, 398.
Дарго, аулъ: Шамиль, 420.
Даргомыжскій, музыкантъ: начало, 472; знач., 473; програм. музыка, 474.
Дарданеллы (Д): Николай I, 420.
Дары см. *Дани*.
Дашкова: характеристика, 348; писательница, 386; журналы, 390; Петръ I, 392; реакція, 445.
Два Ивана, сочин., 448.
Двоевластіе (Д): Мих. Ѳед., 219.
Двоевѣріе: начало, 152.
Дворецкій: значеніе, 142.
Дворецъ (Д): первые князья, 43; Юрій Долгор. 66; Лжедимит. I, 200; Мих. Ѳед. 213; Алекс. Мих. 303; Петръ I, 304; Петръ III, 349; зодчество, 470
Дворники: Алекс. II, 433.
Дворскій, см. *Дворецкій*.
Дворъ (Д): начало въ Россіи, 35; дружина, 36; архіепископъ, 73; удѣлы, 81—83; при татарахъ, 142; митрополитъ, 148; Годуновъ, 192; Ив. III, 221; Вас. III, 222; Ив. IV, 223; Петербургъ и Москва, 293; Петръ I, 304; 18-й в., 373; Алекс. I, 451; мистицизмъ, 452.
Дворянское Гнѣздо, сочиненіе, 462.
Дворянство (Д): дружина, 73; знач. слова, 83; у татаръ, 118; Ив. IV, 183; Годуновъ, 193; Мининъ, 213; Петръ I, 304, 305, 323; Анна Ив. 333—335; Петръ III, 347; Екат. II, 351—353, 359; Павелъ, 360, 362; 18-й вѣкъ, 365, 373, 374; Алекс. I, 405, 409; Сперанскій, 411, 412; Отеч. война, 413; Николай I, 423; освобожд. крестьянъ, 427; 19-й вѣкъ, 435, 439; Пушкинъ, 453, 454; Тургеневъ, 462.
Двуперстное сложеніе: Стоглавъ, 238; расколъ, 269.
Дева (Д), божество, 2.
Деготь: откупъ, 234.
Деисты: масоны, 392.
Декабристы: Николай I, 418, 431; Алекс. II, 438.
Декартъ, ученый, 161.
Декламація (Д): музыка, 472; Даргомыжскій, 472, 473.
Декорація (Д): 19-й вѣкъ, 469; Даргомыжскій, 473.
Демидовы: Петръ I, 309; крестьяне, 366; Алекс. I, 417.
Демократія (Д): 19 й вѣкъ, 398; горцы, 420; Польша, 430.
Демонстрація: Польша, 430.

Демонъ. 1) Опера, 473. 2) Програмное музык. сочиненіе, 474.
Демоны (Д) см. *Духи*.
Денежка: древняя Россія, 308; Петръ I, 309.
День, газета. 466.
Деньга, монета: происхожд. слова, 119; знач. слова, 144; древняя Россія, 308.
Деньги (Д): Годуновъ, 192; Ив. IV, 234, 235; Алекс. Мих. 274; Екат. II, 351; Алекс. I, 411; Алекс. III, 435.
Департаменты: сенатъ, 367; переводный, 390; госуд. совѣтъ, 410; госуд. полиція, 433.
Депеши (Д): начало, 243; Екат. II, 350.
Депозитка: знач. слова, 422.
Депутаты: Ѳедоръ, 284; Екат. II, 351.
Дербентъ (Д): Алекс. Мих., 280; Петръ I, 301.
Дербентскіе Ворота: татары, 115.
Деревня, сочиненіе, 459.
Дерево: первые князья, 43, 44; удѣлы, 65; татары. 150, 157, 158; Ив. IV, 186; смута, 248; рѣзьба, 470.
Держава, знакъ власти: Византія, 10; ваяніе, 469.
Державинъ, поэтъ: характеристика 389; журналы, 390; реакція, 392; министръ, 406; Екат. II, 443; бесѣдистъ, 445; оды, 445; патріотизмъ, 446; Пушкинъ, 450.
Державы: Швеція, 262; Франція, Англія, Пруссія, 263; Россія, 263, 300; сѣверныя, 429.
Дерптъ: основаніе, 79; Адашевъ, 181; Павелъ I, 361.
Деспотизмъ (Д): Византія, 11; феодалы, 99; Сербія, 106; татары, 117; румыны, 163, 264; Ив. IV, 180; Стоглавъ, 187; Мих. Ѳед. 223; Турція, 264; Потемкинъ, 358; Франція, 397.
Десятильникъ: знач. слова, 187
Десятина (Д): татары, 116 ,118; Турція, 162.
Десятскіе: значеніе, 36; митрополитъ, 149; Стоглавъ, 187.
Deus (Д) см. *Дева*.
Джучи, ханъ: Кипчакъ, 115; династія, 117.
Дибичъ: Николай I, 419.
Диванъ (Д): значеніе у турокъ, 162.
Диво, чудовище (Д): славянск. миѳологія, 15.
Дивы (Д): славян. миѳологія, 15.
Дидактизмъ: Державинъ, 389.
Дидактическая поэзія (Д); въ XIX в. въ Россіи, 447.
Дидро, ученый, 263, 376, 377.
Дикари (Д): Ярославъ I, 32; Тмутаракань, 54; монголы, 113; Сибирь, 120.
Дикая вира: опредѣленіе, 38.
Диккенсъ, писатель: русск. переводы, 458.
Диктатура (Д): верховники, 330; Наполеонъ I, 396; Польша, 430.
Димитрій (Д). 1) Александровичъ: борьба за вел. княженіе, 126.—2) Грозныя Очи: татары, 127.—3) Донской: Мамай, 117; малолѣтство, 135: Тверь, 136; Рязань, 137; татары, 138; значеніе, 139; церковь, 147; св. Сергій, 150; стригольники, 153; сказанія, 157.—4) Ивановичъ: рожденіе, 169; Иванъ III, 170, 175; Вас. III, 176; смерть, 177.—5) Ростовскій: церк.-слав. языкъ, 249; характер. 297; расколъ, 320; писатель, 324, 325.—6) Суздальскій: Дим. Донской, 135, 136.—7) Сѣченовъ, 348.—8) Угличкій, 189—190, 194—197.—9) Шемяка: Вас. IV, 140.
Династія (Д): Македонская, 20; Джучи, 117; Биргеръ, 123; Кантакузены, 163; ганноверск. 263; Орлеанская, 397.
Дипломатія (Д): удѣлы, 63, 66; Владиміръ, 78; Алекс Невскій, 122; Австрія, 217; малорос, казаки, 279; Нащокинъ, 282; Шафировъ, 296; Остерманъ 296 331; Бестужевъ, 339; Екат. II, 354; Ник. I, 421; Алекс. II, 428.
Директорія: Павелъ I, 361.
Дирекція императ. театровъ, 448.
Диръ: Кіевъ. 24, 25.
Диспуты: кіевская коллегія, 255.
Диссиденты: опредѣленіе, 266; Екат. II, 355; Елизавета, 375.
Дисциплина (Д): татары; 114; Минихъ, 337; Алекс. II. 438.
Дифферитъ: XIX в., 432.
Діогенъ, философъ: юродивые, 257.
Діонисій (Д). 1) Митрополитъ. 190.—2) Архимандритъ: смута, 208, 209, 211; исправл. книгъ. 220.
Дмитревскій, актеръ, 448.
Дмитріевъ, писатель: Ломоносовъ, 386; языкъ, 446; сатира, 447; басни, 448; романы. 449.
Дмитровъ: присоед. къ Москвѣ, 167.
Дневникъ (Д): Петръ I, 326.
Дневникъ Провинціала, сочин. 464.
Днѣпръ (Д): лѣса, 5, 6; древляне, 6; хозары, 8; начало Руси, 25; крещеніе Руси, 29; Ярославъ I, 31, 32; первые князья, 35; удѣлы, 51, 66; татары, 129; казаки, 146, 255; Сѣчь, 256; поляки, 257; Разинъ, 275; Хмѣльницкій, 277, 278; Москва, 279; граница Россіи, 302; пейзажъ, 469
Добровольцы: въ Сербіи. 429.
Добровскій, ученый: 265, 399.
Добролюбовъ, критикъ, 465.

Доброписцы: Петръ I, 322.
Добруджа: крымск. война, 426.
Добрыня Никитичъ, богатырь: значеніе, 18; Владиміръ, 27; Новгородъ, 29.
Догматизмъ (Д): проповѣдь при удѣлахъ, 93; юго-зап. Русь, 257; Полоцкій, 325.
Догматы: папство, 47.
Договоръ (Д): Олегъ, Игорь, 25, 37; Святославъ, 41; удѣлы, 61, 84; Димитрій Донской, 137; при татарахъ, 142; грамоты, 156; Хмѣльницкій, 277, 279; гадяцкій, 279; Петръ II, 337; Ункіаръ-Скелесси, 420; берлинскій, 430.
Дозорщики: Мих. Оед., 219.
Докторъ: происхожд. слова, 250. См. *Врачъ, Лекарь*.
Документъ (Д): первые князья, 41; Несторъ, 96.
Долгорукіе: Петръ I, 297; Екат. I, 330; Петръ II, 331, 332; Анна Ив., 333, 334, 336; Екат. II, 356, 372, 380; Наталья, 384; поэтъ, 447, 450, 453. См. *Юрій I*.
Долгъ государственный: Екат. II, 369; Алекс. I, 408; Сперанскій, 410, 411; Алекс. II, 435; дворянство, 435; крестьяне, 436.
Должники (Д): первые князья, 37; татары, 127.
Долмень (Д): опредѣленіе, 2; въ Россіи, 2.
Доминиій бытъ см. *Внѣшній бытъ*.
Доминиканцы: начало, 47; Польша, 50; Москва, 172.
Домнино, село: Мих. Оед. 212.
Домовой: старшина, 12; духъ, 15, 16.
Домострой: начало, 94; Сильвестръ, 236, 237, 244.
Домъ (Д): удѣлы, 98; татары 157, 158; смута, 247, 248; XVIII-й вѣкъ, 329; Екат. II, 364; XIX вѣкъ, 433.
Доносъ: Новгородъ, 144; Годуновъ, 196 Лжедмитрій, I, 199; Алексѣй, 274; Петръ I, 294, 316; бироповщина, 336.
Донъ (Д): печенѣги, 25; половцы, 55; Дим. Донской, 138; городовые казаки, 146; Петръ I, 294; Разинъ 274, 275; камен. уголь, 432; расколъ, 437, 438.
Донцы см. *Казаки донскіе*.
Дорійцы: музыка, 471.
Дороги (Д): Юрій Долгор. 66; начало въ Россіи, 248; значеніе желѣзныхъ, 398; Кавказъ 420; Николаевская, 422; желѣзныя въ Россіи, 433, 442, 443; военно-грузинская, 433.
Доростолъ, крѣпость: болгарское княжество. 4; Святославъ, 26.
Дорошенко: въ пѣсняхъ, 260; гетманъ, 280; Мазепа, 289.
Достоевскій, писатель: Отеч. Записки, 458; 40-е годы, 459; Алекс. II, 463; тенденція, 465; портретъ, 468.
Доходное Мѣсто, сочин. 464.
Доходы государственные: Алекс. III, 435; крестьяне, 436.
Доцентъ: Алекс. III, 440.
Драгуны: начало, 307.
Драконъ: (Д): царская печать, 249.
Драма (Д): зачатки, 246; кіевская коллегія, 255; классическая на Зап., 263; начало въ Москвѣ, 328; Сумароковъ, 383; Екат. II, 387, 388; сербы, 388; мѣщанская, 388, 444, 447, 448; сентиментализмъ, 446; Алекс. I, 448; Грибоѣдовъ, 450; Алекс. II, 464; декорація, 469; музыка, 471, 472; пѣніе, 472; Даргомыжскій, 473.
Драматизмъ: Несторъ, 96.
Драматич. Вѣстникъ, журналъ, 448.
Драчунъ-дубинка: сказки, 42.
Древляне: начало, 6; нравы, 15; Олегъ, Игорь, 25.
Древности Росс. Государ., сочин. 471.
Древняя росс. Вивліоѳика, сочин. 390.
Древняя росс. исторія, сочиненіе. 384.
Дрезденъ: битва, 414.
Дрисса: Отечеств. война, 413.
Дроги: первые князья, 44.
Дружеск. ученое общество: Новиковъ, 353; значеніе, 385, 386; масоны, 392.
Дружество Словесности: сербы, 403.
Дружина (Д): ятвяги, варяги, 9; Германія, 11; опредѣленіе, 13; варяжская, 24; Игорь, 25; Владиміръ, 27, 29; Святославъ, 28, 29; устройство, 36; Всеволодъ, 56; Изяславъ II, 66; Андрей Богол., 71; удѣлы, 83, 84, 85; странники, 95.
Дружининъ, писатель: 40-е годы, 459.
Друковать: знач. слова, 250.
Дубинка: Петръ I, 296.
Дубровникъ см. *Рагуза*.
Дума. 1) Боярская: Вас. III, 175, 176; Ив. IV, 180, 181, 483; Ив. III, Вас. III, 190; Лжедим., 199; Вас. Шуйскій, 206; передъ Петромъ I, 305, 306.—2) Городская: Екат. II, 352; Алекс. II, 427, 428; 19-й в.; 433; свѣдущіе люди, 434; капиталисты, 436; женщина, 440; образованіе, 440.—3) Земская см. *Соборъ земскій*.
Думцы: первые князья, 36, 39; татары, 143.
Думы, поэзія: малороссійскія, 260; Хмѣльницкій, 277; Лермонтовъ, 455; Кольцовъ, 455.

Дунай (Д): начало славянъ, 3; Византія, 3; болгары, 4; печенѣги, 25; Святославъ, 26, 27; Золотая Орда, 117; Польша, 164; Анна Ив., 338; Алекс. I, 408, 412; Ник. I, 418; крымск. война, 426.
Духи (Д): финны, 7; славян. миѳологія, 15, 16,
Духоборцы: начало, 371; значеніе, 377; Алекс. III, 438; живопись, 468.
Духоборцы на молитвѣ, картина, 468.
Духовенство (Д): мораване, 22; Византія, 10, 104; первые князья, 37—39, 45; Западъ, 48, 101; Польша, 23, 24, 49, 50, 251; удѣлы, 85, 91, 92; Сербія, 105; ю.-з. Русь, 130; татары, 132, 147—154; Ив. III, 172; Ив. IV, 187, Годуновъ, 192, 194; смута, 225—227, 237, 238; Острожскій, 253; братства, 254; Никонъ, 268, 270; Малороссія, 278; Петръ I, 293, 295, 311—313, 318, 323; Елизав. 341, 344; Петръ III, 347, 348; Екат. II. 349, 351; Павелъ I, 360; 18-й в., 366; сатира, 376, 380; Татищевъ, 384; Галиція, 401; Алекс. I, 405, 409, 417; Алекс. II, 431, 437; Алекс. III, 436, 442; живопись, 467.
Духовн. регламентъ: Петръ I, 312, 326.
Духъ Св: унія, 147.
Души (Д): славянск. миѳологія, 15; крестьянскія, 373.
Душенька, сочиненіе, 390.
Дымъ, сочин. 462.
Дьяволъ: лѣтопись, 96; на Зап. 103.
Дьяконъ (Д): смута, 237.
Дьякъ: знач. слова, 96; татары, 142, 148; Василій III. 175, 177, 222; Ив. IV, 223; смута, 226, 229, 231, 232.
Дѣвица: первобытные славяне, 14, 17; Алекс. Мих., 318.
Дѣвочки: смута, 236; Анна Ив., 377; Алекс. III, 442.
Дѣдъ: старшина, 12. См. *Житный дѣдъ*.
Дѣла Римскія, сочин. 259.
Дѣти (Д): древн. славяне, 14; первые князья, 39; Домострой, 237; Екат, II, 353; Анна Ив., 377; живопись, 468.
Дѣти боярскія: опредѣленіе, 143; Ив. IV, 183; Годуновъ, 193.
Дѣтинецъ см. *Кремль*.
Дѣтская, музык. сочиненіе, 472.
Дѣтство и Отрочество, сочин. 464.
Дѣянія Павла: апокрифы, 154.
Дѣйствительный тайный совѣтникъ: начало, 305.
Дѣйство: опредѣленіе, 259.
Дюкре-Дюминиль, писатель, 448.
Дюмурье, генералъ: Польша, 355.
Дядя: родовой бытъ, 51, 52; удѣлы, 62, 63.

Ева: Полоцкій, 320
Евангеліе (Д): первые князья, 41, удѣлы, 91; Остроміръ, 92; апокрифы, 154; Четіи-Минеи, 247; молоканс, 371; безпоповщина, 438.
Евгеній, сочиненіе: Измайловъ, 389.
Евгеній Онѣгинъ, сочин.: Пушкинъ, 451; 30-е годы, 453, 454; Лермонтовъ; 454.
Евдокія: Петръ 1, 288, 301.
Евнухъ (Д): Турція, 162
Евпаторія: начало, 405.
Евреи (Д): хозары, 8; Польша, 23, 50, 109; Владим. Св. 28; Святополкъ II, 57; Русск. Правда, 82; преслѣд. на Зап. 103; Галиція, 130; Литва, 141, 144; ю.-з. Русь, 251; гайдамаки, 276; Екатерина II, 355; 18-й вѣкъ, 363; Анна Ив. 375; Елизавета, 375; живопись, 467; ваяніе, 470.
Европа (Д) см. *Западъ*.
Евфимія: Годуновъ, 194, 195.
Египетъ (Д): славяне 49; независимость, 404; Мехметъ-Али, 419, 420; Англія, 421.
Егорій Храбрый: богатырь, 18; духовн. пѣсни, 245.
Егоровъ, живописецъ, 466.
Единодержавіе: первые князья, 24—27; возстановл., 31—32; начало у славянъ. 45; подготовка на Руси, 100.
Единство: начало на Зап. и у славянъ, 45; Мстиславъ Вел., 61; церковь при удѣлахъ, 93; Несторъ, 96; усобицы, 100; Франція, 101; Чингисъ-ханъ, 114; Галиція, 129; турки. 161; Мих. Ѳед. 211; правы. 395; управленіе, 434; касса, 435; интеллигенція, 439.
Единство церкви Божіей, соч. 252.
Единей, ханъ, 112.
Ежемѣсячн. Сочиненія, журналъ, 344.
Ежъ, писатель, 399.
Екатерина. 1) *I*: характеристика, 301; Петръ I, 302; царствованіе, 329—331; 1-ое апрѣля, 364; верховный тайный совѣтъ, 367; кулачн. бой, 372; акад. наукъ, 377.— 2) *II*: паденіе Крыма, 117; Волынскій, 337; характ., 345, 346; воцареніе, 348, 349; царствов., 349—359; иностранцы, бунты, 363, голодъ, 364; управленіе, 364, 365, 368; духовенство, 366. 367, 370; казна, войско, 369; флотъ, 370; расколъ, іезуиты, 371; правы, 372—374; просвѣщ., 376, 377, 379; письменность, 385—387, 389, 390; реакція, 391; масоны, 392; искусство, 393; значеніе, 394—396; реализмъ, 447; Пушкинъ, 454; памятникъ, 470; опе-

ра, 472—3) *Ивановна*: Мекленбургъ, 300; потомство, 302.—4) *Павловна*: Александръ I, 412; Карамзинъ, 451.
Екатеринбургъ: основаніе, 309.
Екатеринославъ: Пушкинъ, 417.
Екатеринствовать, 373.
Елагинъ, масонъ, 392.
Елена (Д). 1) Молдавская, 174, 175.—2) Героиня романа, 462.
Елизавета: 1) *Алексѣевна*, императрица: Алекс. I, 404, 415; Карамзинъ 451.—2) *Англійская*: Иванъ IV, 184, 189.—3) *Петровна*: Петръ I, 302; знач. царствованія, 330; Екат. I, 331; Петръ II, 332; характер. 340; царствов. 341—347; просвѣщеніе, 380; Ломоносовъ, 381; опера, 472.
Енисейскъ: основаніе, 281.
Епанча: знач. слова, 44.
Епархія см. *Епископъ*.
Епископъ (Д): Влад. Св. 29; Яросл. I, 33; первые князья, 38, 39; Андрей I, 70; удѣлы, 85, 86, 90, 92, 93; татары, 118, 148; унія, 147; Ив. IV, 186; смута, 226; ю.-з. Русь, 254; молокане, 371; Польша, 437; расколъ, 437.
Епитемія: удѣлы 90.
Еретикъ, еретица см. *Ереси*.
Ереси (Д): Западъ, 48, 102; начало на Руси, 91; Мартинъ, 92; леонтиніанство, 87, 92; Гусъ, 108; Исидоръ, 147; стригольники. 153, 160; жидовство. 171—173, 239, 240; Вассіанъ Косой, 177; Лжедим. I, 201, 245; Марина, 214; смута, 239, 241, 246; преобразованія, 270, 272, 319, 322; моск. акад. 284; Ѳеофанъ, 296; хлѣбопоклонная, 320; Ѳеофанъ, 326; Татищевъ, 375.
Ермакъ, 187, 188.
Ермоловъ: Николай I. 420.
Есаулъ: казаки, 256; Разинъ, 275.
Есипова, пьяниства, 474.
Естествовѣдѣніе см. *Естествознаніе*.
Естествознаніе (Д): начало на Зап. 103; смута, 244; 1650—1800. гг. 263; Петръ I, 290; Алекс. Мих. 326, Екат. II, 379, 390; Ломоносовъ, 382; 384; 19-й вѣкъ, 398; Ник. I, 423; общества и съѣзды, 443; Герценъ, 457; Базаровъ. 462; Александръ II, 465.
Естествословецъ: знач. слова, 319.
Есть: знач. слова, 234.

Жаворонокъ: слав. миѳологія, 17.
Жалованная грамота: духовенству и монастырямъ, 149; въ польск. Руси, 228; остзейск. нѣмцамъ, 300; дворянству, 352, 365.
Жалованье: дружина, 36; служилые, 228, 235; чиновники, 305, 308; войско, 307, 314; духовенство, 351; книгами, 376.
Жанлисъ, писательница, 448.
Жанръ (Д): Западъ, 398; опредѣленіе, 467; русская школа, 468, 469; ваяніе, 470; музыка, 472.
Жареніе: начало въ Рос. 44.
Жаръ-Птица: сказки, 42.
Жареный, дьякъ, 222.
Жезлъ: воспитаніе, 237.
Жезлъ Правленія, сочин., 272, 325.
Желтые: начало въ Европѣ, 1; значеніе, 2.
Желтыя Воды: битва, 277.
Желѣзныя Ворота см. *Устьсысольскъ*.
Желѣзнякъ: гайдамаки, 355.
Желѣзо (Д): начало въ Европѣ, 2; славяне, 3; меря, 7; скандинавы, 9; привозъ къ славян. 14; судебн. испытаніе, 38; начало въ Рос., 44; удѣлы, 64, 82; татары, 157; Ив. IV, 185, 188; Мих. Ѳед. 218; смута, 227, 230; Петръ I, 309, 312. См. *Вѣкъ*.
Жемчугъ: Святославъ, 26; удѣлы, 99; смута, 208, 233, 244.
Женщина (Д): Литва, 9; древн. слав. 14, 19; перв. князья, 39, 40; удѣлы, 86, 87; сатира, 94; Польша, 110, 165; татары, 113, 119; суд. поле, 151; затворнич., 151; турки, 162; правленіе, 178; Лжедим. I, 200; смута, 204, 208, 236; Матвѣевъ, 282; передъ Петромъ I, 317; Петръ I, 318, 319; Крижаничъ, 322; воспит. въ 18-мъ в., 377; писательница, 386; Алекс. II, 428; медицина, 432, 449; расколъ, 438; Алекс. III, 440; 19-й в., 443; сентиментализмъ, 446; карамзинисты, 449; Алекс. I, 451; русск. письменность, 454, 461—464; 40-е годы, 459; живопись, 468.
Жеребья, монеты, 308.
Жертвоприношеніе (Д): арійцы, 2; литовцы, 9, 110; славяне, 12, 18; Ольга, 25; Влад. Св., 27; удѣлы, 86; татары, 113.
Жестикуляція: Яворскій, 325.
Живописецъ: греки въ Рос., 43; греки на Зап., 47; журналъ, 387.
Живопись (Д): Византія, 10; Западъ, 48, 103, 161, 398; Польша, 109; начало на Руси, 43; удѣлы, 98; татары, 157; Стоглавъ, 187; смута, 248, 249; Петръ I, 329; 18-й в., 393; Алекс. I, Ник. I, 466; академическ. школа, 466, 467, 469; рус. школа, 467, 468.
Животныя (Д): начало домашнихъ, 1;

боготвор. у литовцевъ, 9; покровительство, 439; ваяніе, 470.
Жидовство, ересь, 171—175, 239, 240, 241.
Жизнеописанія (Д): житія Святыхъ, 154; Аввакумъ, 272, 327.
Жизнь за Царя, опера, 472.
Жилблазъ, сочиненіе, 453.
Житія Святыхъ: Новгородъ, 74; начало въ Рос. 94; татары, 153, 154; исправленіе, 173; Ив. IV, 183; еретики, 240; Степен. Книга, 243; духовн. пѣсни, 245; смута, 246, 247.
Житный Дѣдъ: опредѣл., 16, 17.
Жмудь, народъ, 112.
Жолкѣвскій. гетманъ, 206, 207.
Жомини, ученый, 452.
Жоржъ Зандъ, писательница: Герценъ, 457; Бѣлинскій, 458; рус. переводы, 458; вліяніе въ Россіи, 459.
Жрецъ (Д): арійцы, 2; древн. славяне, 18; татары, 113.
Жуковскій, писатель: Алекс. II, 426; Карамзинъ, 444; романтизмъ, 446, 447; Одиссея, 449; Грибоѣдовъ, Пушкинъ, 450; дворъ, 451; критика, 452.
Жукъ: хлѣбный, 432.
Жупа: опредѣленіе, 12.
Жупанъ: опредѣленіе, 12; Сербія, 105.
Журналистика см. *Журналы*.
Журналы (Д): удѣлы, 94; сатира, 382, 386, 388; отъ Петра I до Екат. II, 384—385; Новиковъ, Дашкова, 386; Херасковъ, 390; Акад. наукъ, 390; мистическіе, 392, 452; періодъ преобраз., 396; поляки, 399, 424; чехи, 400; Галиція, 401; лужичане, 401; иллиры, 402; сербы, черногорцы, 403; болгары, 404; Алекс. II, 428, 443, 466; запрещеніе, 434; военные, 434; Карамзинъ, 434; Крыловъ, 438; женщина, 439; Алекс. I, 451, 452; реакція, 453; 30-е годы, 456.

Забрало, 82.
Забѣлинъ, ученый, 465.
Завадовскій, министръ, 445.
Заводъ: Византія, 10; нач. въ Рос. 218, 230; Петръ I, 309, 312, 314; Анна Ив. 335; Елизав., 344; 18-й в., 365; 435; крѣпостничество, 374; Алекс. I, 411; Алекс. III, казна, 439.
Заволочье, 133.
Завѣтъ. 1) Ветхій: сборники, 94. — 2) Новый: сербы, 403.—3) Адама: апокрифы, 154.—4) Моисея: апокрифы, 154.—5) 12-ти патріарховъ: апокрифы, 154.
Завѣтъ Мнихамъ, сочиненіе, 151.
Завѣщаніе (Д): Русская Правда, 38; вдова, 39; престолы, 81; Дим. Донской, 139; Ив. IV, 223.
Загадка: начало, 42.
Заговоръ: суевѣріе, 42; политическій, 431.
Загоскинъ, писатель, 449, 456.
Загребъ, гор.: хорваты. 401; иллиры, 402.
Загробная жизнь: древн. славяне, 16; татары, 113; стригольники, 153; расколъ, 438.
Задруга: община, 12; ея быть, 13.
Задушеніе: Бѣльскій, 178; св. Филиппъ, 184; Годуновы. 199.
Засмъ: татары, 156; начало государственнаго на Руси, 218; Екат. II, 368; Алекс. I, 408, 411; Ник. I, 422.
Закавказье: Игорь, 25.
Заиконоспасская школа см. *Академія московская*.
Закладничество, *закладни*: татары, 146; горожане, 229; отмѣна, 310.
Заклинанія (Д): финны, 7; начало на Руси, 42.
Заключенный, картина, 468.
Законникъ: сербскій, 105; черногорскій. 264.
Законовѣдѣніе: гимназіи, 423
Законъ. религія: Моисеевъ, 8.
Законы (Д): франки, 11; Ярославъ I, 33; начало на Руси, 37—38; Сербія, 105; Польша, 109; церковные, 148; Алекс. Мих., 267; Алекс. I, 409, 411, 412; Напол. I, 410, 411; госуд. совѣтъ, 410, 433; Ник I, 421; нѣмецкіе, 434; Крыловъ, 448.
Закупничество: начало, 37.
Залѣсскій: знач. слова, 51.
Замокъ: меря, 7; татары, 113.
Замойскій: Алекс. II, 430.
Заонежье: Романовы, 196.
Западная а р.: ея область, 6.
Западная Пруссія: поляки, 164.
Западная римская имперія (Д): паденіе, 3.
Западничество: Надеждинъ, 457; опредѣленіе, 458; 40-е годы, 459; Тургеневъ, 461; прогрессъ, 466.
Западный край: крѣпостничество, 422; православіе, 423; обрусѣніе, 424.
Западъ (Д): появленіе, 1; народы, 2—5; норманы, 9; Византія, 10; варвары, 12; арабы, 12; славяне, 14; феодал., папство, 19; язычество, 86; снош. съ Рос., 100; культура въ Польшѣ, 109, 165; отличіе отъ вост. Европы, 158, 159; Новгородъ, 160; смута, 230, 241, 247—249, 250; Алекс. Мих. 266, 281; Петръ I, 290, 291; вліяніе въ Рос. 456, 458, 460; Надеждинъ, 456; Станкевичъ, Герценъ, 457; славянофилы. 58; Базаровъ, 462; рус. наука, 465.

Запасъ: церковное знач. слова, 318; армія, 428.
Записи, акты: при татар. 156; боярскія, 182; Шуйскаго, 201, 225.
Записки (Д): современниковъ, 326, 327; о стрѣлецк. бунтѣ, 327; Наталья Шереметьева, 372; Нат. Долгорукая, Неплюевъ, Шаховской, Даниловъ, 384; Дашкова, 386; Карамзинъ, 391; крѣпостничество, 422.
Записки изъ мертваго дома, сочиненіе, 463.
Записки охотника, сочиненіе, 459.
Запольскій Ямъ: перемиріе, 189.
Запонка: меря, 7; удѣлы, 83.
Запорожцы: начало, 166; знач. слова, 256; возстаніе, 257; Мазепа, 289; Булавинъ, 294; Петръ I, 299; присоед. къ Россіи, 338; Екатер. II, 352
Заруцкій, 206—208, 213, 214.
Зарянко, живописецъ, 467.
Засада: древн. слав., 15; татары., 114; Кулик. поле, 138.
Заставы: отъ заразы, 221; въ смуту, 247.
Застой (Д): Византія, 100, 104; татары, 120, 159; Екат. II, 391; Турція, 404.
Застѣнокъ: Петръ I, 294, 315.
Засуха, картина, 468.
Засѣка: знач. слова, 82.
Затворничество: женщина, 151.
Затмѣнія (Д): солнечныя, 152.
Захарьины-Кошкины, 180, 181, 190.
Захребетники, 229.
Захудалость: рода, 210.
Зазѣжаніе: рода, 224.
Зборовъ: миръ, 277.
Звѣзда: преданія, 54; сочиненіе, 258.
Звѣздочетье: оракулъ, 238.
Звѣринецъ (Д): Анна Ив., 335.
Звѣроловство: древляне, 6; пословицы, 42.
Зеленыя Святки: опредѣленіе, 17.
Зелье: колдовство, 236.
Землевладѣніе: общинное, 12, 50; чехи, 105; татары, 145; епископы, 186; Алекс. II, 427; дворянство, 435.
Земледѣліе (Д): начало въ Европѣ, 1; поляне, 6; финны, 7; начало на Руси, 37; при татарахъ, 141; XIX в., 432; машины, 436; школы, 442.
Землемѣріе: Мих. Ѳед., 218; оракулъ, 238; въ смуту, 239.
Земля: татары, 140; смута, 220; въ 1645—1725 г., 302; XVIII в., 362; XIX в., 431, 432; вздорожаніе, 436
Земля св. Софіи, 74.
Земство (Д): Алекс. II, 427, 428, 433; страхованіе, медицина, 432; свѣдущіе люди, 434; банки, 435; значеніе, 436; единство, 439; просвѣщеніе, женщина, 440; образованіе, 441.
Земщина: опредѣленіе, 36; первые князья, 45—46; Новгородъ, 72; удѣлы, 84, 99; Ив. IV, 183, 185; смута, 208, 211, 229.
Зеркало (Д): передъ Петромъ I, 329.
Зернь, карты, 236.
Зерцало, сочиненіе, 258.
Зета, р., 106.
Зетское княжество см. *Черногорія*.
Зивинъ, битва, 428.
Зима: славянск. миѳологія, 17.
Зима Настасья, ересница, 320.
Зимнянки, пѣсни, 42.
Зипунъ: казаки, 275.
Златая Цѣпь, сборникъ, 94, 155.
Златоврацкій, писатель, 465.
Златоструй, сборникъ: начало, 244; Четьи-Минеи, 247.
Златоустъ: Кириллъ туровскій, 93; Четьи-Минеи, 247.
Златой Бисеръ, сборникъ, 94.
Змѣя (Д): слав. миѳологія, 15; татары, 113.
Змѣй Горынычъ: сказки, 42.
Знаменія, суевѣріе, 152, 196.
Знаменская Божія Матерь, икона, 70.
Знамя: начало на Руси, 36; Разинъ, 275.
Знать: смута, 224, 225; Ник. I, 418.
Знахарь (Д) см. *Колдунъ*.
Зодіакъ (Д), 239.
Зодчество (Д): визант. стиль, 10; Ярославъ, 43; готикъ, 48; удѣлы, 97; татары, 157—158; 18-й в., 393; декораціи, 469; 19-й в. въ Россіи, 470.
Зодчій: греки въ Рос., 43, 97; нѣмцы въ Рос., 97; начало русскихъ, 97; Иванъ III, 171.
Золотая Легенда, сочиненіе, 259.
Золотая Орда см. *Орда*.
Золотникъ: монета, 14.
Золото (Д): меря, 7; Византія, 10, 14; Влад. Св., 27; дружина, 36; одежда, 44; монета, 44; удѣлы, 64, 83, 99; при татарахъ, 113, 139, 142, 157; смута, 213, 248; Ѳед., 286; Петръ I, 299, 303, 309, 329; Николай I, 422.
Золотой Осель, сочин., 390.
Золотыя Ворота: въ Кіевѣ, 43.
Золотыхъ дѣлъ мастеръ: въ смуту, 231.
Золоченіе: Польша, 109.
Зоологія (Д): въ смуту, 244.
Зотовъ, дьякъ, 287.
Зрѣлища (Д): Византія, 10.
Зубовы: Екат. II, 350; Павелъ I, 360, 362; Алекс. I, 405.
Зыряне: св. Стефанъ, 150.

Ибрагимъ-паша, 419.
Ивангородъ: Густ. Адольфъ, 217.
Ивановъ, живописецъ, 467.
Иванъ. 1)—*I*: Тверь, 127, 128; княженіе, 133—134; лѣтописи, 156; печать, 158.—2) *II*: княженіе, 135; церковь, 147.—3) *III*: женитьба, 140; Тверь, 167; Новгор. 168; самодержавіе, 169; Западъ, 171; жидовство, 172; татары, 173; Литва, 174; смерть, 175; бояре, 190; Геронтій, 226; статуя, 470.—4) *IV*: Казань, 117; Нарва, 166; воспитаніе, 178; характеристика, 179, 183, 184; царь, 179; Сильв. и Адашевъ, 180, 181; Курбскій, 181, 182, 241, 242; опричнина, 182—185; политика внутр. 185—187; внѣшняя, 187—189; Годуновъ, 191; мнимые сыновья, 203; сказанія, 243; пѣсни, 244, 245; Ломоносовъ, 381; Херасковъ, 389; живопись, 469; статуя, 470. См. *Грозный*.—5) *V*: характеристика, 284; Петръ I, 285; Софья, 286; царь, 288.—6) *VI*: Петръ I, 302; Анна Иван., 338; императоръ, 339; смерть, 341; Екат. II, 348, 353.—7) Самозванецъ, 203.—8) *Берладникъ*: характеристика, 64; Владиміркo, 78.—9) *Ивановичъ*, сынъ Грознаго, 185.—10) *Ивановичъ Молодой:* его мать и сынъ, 169; вдова, 171; Елена Молдавская, 174.—11) *Юрьевичъ*: Святославъ Ольговичъ, 63; смерть, 64.
Иванъ Великій, колокольня, 248.
Иванъ Грозный, музыкал. сочин. 474.
Иванъ Купало: миѳологія, 17.
Ивашка Хмѣльницкій, 288.
Иверская Божія Матерь, икона, 279.
Иго см. *Татары*.
Игорь, опера, 473.
Игорь. 1) Ольговичъ, 62—65.—2) Рюриковичъ, 25, 35.—3) Святославичъ, 70.—4) Ярославичъ, 52.
Игрища: опредѣленіе, 14; первые князья, 41.
Игры (Д): погребальныя, 18; словами, 258; карточныя, 373.
Игуменъ: удѣлы, 86; Ѳеодосій, 89; знач. слова, 187; торговая казнь, 226.
Идеализмъ см. *Идеалъ*.
Идеалъ (Д): первые князья, 40; удѣлы, 87, 90; татары, 152; Нилъ Сорскій, 172; Авр. Палицынъ 209; смута, 236, 237; Курбскій, 242; Малорос. 279; Петръ I, 292; Крижаничъ, 321; Зап. въ 19 в. 398; Алекс. I, 404; Чацкій, 439; 30-ые годы, 457.
Идея (Д): Петръ I, 390—293; завиральныя, 439.
Идиллія (Д): въ Россіи, 447.
Идіотъ, сочиненіе, 463, 465.
Идолопоклонство (Д): древн. слав., 18.
Идолъ (Д): финны, 7; Игорь, 25; Влад. Св., 27; истребленіе, 29; удѣлы, 86; Литва, 110; татары, 113; XVIII в., 374.
Изба: камен. вѣкъ, 1; знач. слова, 3; начало, 14; первые князья, 43; удѣлы, 98; татары, 158; смута, 248; земская, 306.
Изборникъ: Святослава, 94, 98; Симеона болгар., 94; рус. языкъ, 249.
Изборскъ, гор.: начало, 6.
Избраніе: герм. императоръ, 19; власти при перв. князьяхъ, 33; князья при удѣлахъ, 61; князья въ Новгородѣ, 72; церковь рус. 73, 86, 149; Черногорія, 106; чехи, 108; Польша, 165; Ив. IV, 185; Вас. Шуйскій, 206; Мих. Ѳед., 211, 212, 213; стрѣльцы, 215.
Изводъ см. *Редакція*.
Извозъ, извозчикъ: откупъ въ смуту, 234.
Изгой: опредѣл., 39; князья, 52; Ростиславъ Влад-чъ и Всеславъ полоцкій, 53—56; Олегъ Свят-чъ и Давидъ Игор-чъ, 57; церковь, 85.
Измаилъ, крѣпость, 357.
Измарагдъ, сборникъ, 244.
Измайлово: Петръ I, 288.
Измайловъ, писатель: Фонвизинъ, 389; значеніе, 448; народность, 450.
Изобрѣтенія: Западъ, 103, 161.
Изразцы (Д): удѣлы, 98.
Изумрудъ, 244.
Изяславъ. 1) Владиміровичъ, 27, 33.—2) Ярославичъ: Новгородъ, 34; Кіевъ, 53; изгои, 54; половцы и поляки, 55; смерть, 56; Антоній, 88.—3) Мстиславичъ, 62—66, 85.
Иконы: первыя на Руси 29; Владимірская, 68; Знаменская, 70; удѣлы, 98; татары, 151; смута, 237, 239, 248, 249; еретики, 240, 371; Иверская, 279; Петръ I, 321; Петръ III, 348; живопись, 468.
Иконоборство: Византія, 10; его уничтож., 11; въ Россіи, 320, 321.
Иконопись см. *Живопись*.
Илектронъ: знач. слова, 269.
Иліада (Д): рус. переводъ, 449.
Илларіонъ, митрополитъ, 33, 38; сочиненія, 41.
Иллиризмъ, 402.
Иллирія (Д): татары, 116.
Иллирскія Новины, журналъ, 402.
Иллиры: опредѣленіе, 402.
Иллюминаты, 392.
Иллюминація: Анна Ив., 335.
Иллюстраціи: 19-й в., 460; узоръ, 471.

Ильмень оз.: его область, 5; слав.-фин. граница, 7; хлѣбъ, 132.
Илья Муромецъ: опредѣл., 18; христіанство, 42; пѣсни, 157, 327.
Имамъ: Порта, 162; Шамиль, 420.
Имеретія: Алекс. Мих., 280.
Императоръ (Д): Германія, 19, 102, 262; Лжедим., 200, 221; начало въ Рос., 300.
Имущество. 1) Церковное: начало вопроса, 172—173; Вас. III, 176; Стоглавъ. 187; тарханы, 228; полемика, 241; Елизавета, 343; Петръ III, 347, 348; Екат. II, 351, 366.—2) Государственное: Алекс. I, 411; расколъ, 438.
Инвалиды: домъ, 344.
Инвентарь: опредѣленіе, 422.
Ингигерда, княгиня, 30, 32, 33.
Ингрія: Петръ I, 299, 300.
Индія (Д): славяне, 14; путь въ нее, 103; русскіе, 155; Порта, 162; англ. компанія, 188; Никитинъ, 244; Петръ I, 301; Павелъ, 362; живопись, 468.
Индостанъ (Д): Тамерланъ, 104.
Индра, божество, 2.
Индъ, р.: Чингисханъ, 115.
Инженерное искусство (Д): Петръ I, 323; Екат. II, 353; школы, 442.
Инквизиція: начало, 102; Геннадій, 246; синодъ, 315.
Инкерманъ, битва, 426.
Иннокентій III, папа, 46.
Иновѣрцы: смута, 227; 18-й в., 370; гоненіе, 375.
Инородцы: сибирскіе, 2, 281, 362; Разинъ, 275; Екат. II, 354; бунты, 363; Елизав., 372; православіе, 437.
Иностранцы: мастера при татар., 158; Ив. III, 170, 171, 175; Годуновъ, 192; Лжедим. 200; Вас. Шуйскій, 201, 202; Скопинъ-Шуйскій, 205; Мих. Ѳед. 215, 218; смута, 226, 230, 231; моск. войско, 235; пѣсни, 245; Софья, 247; Морозовъ, 266; Петръ I, 289, 290, 295; 18-й в., 363; Алекс. I, 409, 413; 19-й вѣкъ, 432.
Иночество: Болгарія, 21; удѣлы, 88.
Инсаровъ, герой романа, 462.
Институты: Оссолинскихъ, 399; педагогическій, 406; Лазаревскій, 407, 442; филологич. 441, 442; учительскіе, 441; археологич. 442; технологическіе, 442; сельско-хоз., лѣсной, горный, межевой, ветерин., 442; женскіе, 442.
Инструкція (Д): Екат. II, 350; для обуч. внуковъ, 385, 387.
Инструментовка: Даргомыжскій, 472.
Инструменты (Д); музыкальные, 473.
Интеллигенція (Д): знач. слова, 90; Зап., 103; Византія, 104; нач. въ Рос., 171; Малороссія, 279; Елизав. 344; 18-й в., 373, 374, 376; чехи, 399; Ник. I, 418; Алекс. II, 436, 466; Алекс. III, 439; Карамзинъ, 443; Алекс. I, 451, 452; Лермонтовъ, 454; Гоголь, 455; 30-е годы, 456; 40-е годы, 458; натуральн. школа, 459; Тургеневъ, 461; Писемскій, 464.
Интендантство: Екат. II, 369.
Интермедія, 328.
Интрига: придворная, 117; Годуновъ, 193.
Ипсиланти, князь Валахіи, 265.
Ираклій, царь, 357.
Иргизъ, рѣка: расколъ, 437.
Иркутскъ: основаніе, 281.
Иродъ (Д): суевѣрія, 152; драма, 259.
Иронія (Д): Ив. IV, 242; лѣтопись 243.
Иртышъ, р.: Ермакъ, 188; Алексѣй Мих., 281.
Исидоръ, митрополитъ, 147, 152.
Искра, старшина, 289.
Искусство (Д): Византія, 10; начало на Руси, 43, 44; первые князья, 45, 46; удѣлы, 97, 98; Западъ, 103; татары, 157, 158; возрожденіе, 161; смута, 247—249; паденіе въ Европѣ, 263; Петръ I, 329; гимназія, 379; въ 1725—1800 г., 393; 19-й в на Зап. 398; академія, 442; мистицизмъ, 452; Пушкинъ, 454; Базаровъ, 462; 19-й в. въ Россіи, 466.
Исламей, музыкальн. сочиненіе, 474.
Исламъ см. *Магометанство*.
Испанія (Д): арабы, 12; въ 9—11 в., 19; монархизмъ, самозванцы, 160; искусство, 161; Бурбоны, 262; либерализмъ, 415; реакція, 416; Глинка, 472.
Испанскіе Нидерланды см. *Бельгія*.
Исправникъ: Алекс. III, 433.
Исторія (Д): начало въ Рос., 243; польск. Русь, 257; Петръ I, 323; начало въ Рос. 326; Елизав. 344; Екат. II, 345, 385; Ломоносовъ, 384; новая русская, 393; Польша, 399; чехи, 400; общества. 443; Карамзинъ, 443; Алекс. I, 452; Надеждинъ, 456; 30-е годы, 458; славянофилы, 458, 459; 40-е гг. 460; Островскій, Л. Толстой, 464; Алекс. II, 465; живопись, 466, 467, 469; ваяніе, 469; пѣсни, 471; Даргомыжскій, 473.
Исторія Варлаама и Іосифа, сказка, 245.
Исторія государства Россійскаго, сочин., 416, 443, 451.
Исторія князя вел. Московскаго, сочиненіе, 242, 243.
Исторія Россійская, сочин. 384.
Исторія Флорентійскаго Собора, сочин., 242.

Исторія о Фролѣ Скобѣевѣ, сочин., 327.
Истрія: славяне, 401.
Истуканъ см. *Идолъ*.
Исусъ: расколъ, 270.
Италія (Д): Карлъ Вел., 12; въ 9—11 в., 19; классицизмъ, 47, 103; Кіевъ, 144; искусство, 161; Польша, 165; Росс. въ смуту, 239, 250; университетъ, 250; обученіе русскихъ, 322; Павелъ, 361; крым. камп., 397; королевство, 397; реакція, 416; Алекс. II, 428; русск. художники, 467; музыка, 472.
Итальянцы (Д): чехи, 50; Россія въ смуту, 231, 247; Алекс. I, 405.
Итиль, гор.: хозары, 8; Святославъ, 26.

Іаковъ (Д). 1) I, король, 218.—2) Мнихъ, 93.
Іезуитъ: начало, 161; чехи, 164; Польша, 166, 265; Ив. IV, 189; Лжедим., 200; смута, 207, 226; ю.-зап. Рос., 250—254; уничтож. 263; Іосифъ II, 265; Вас. Голицынъ, 285; Петръ I, 320; Полоцкій, 325; Екат. II, 355; 18. в., 371—372; сатира, 399; Алекс. I, 415, 416; Павелъ I, Ник. I, 423.
Іерархія (Д): начало въ Рос., 38; Алекс. II, 436; католичество, 437.
Іеремія (Д): патріархъ, 194.
Іерусалимъ (Д): русскіе, 90, 95; Никонъ, 268; крымск. война, 425.
Іисусъ (Д) см. *Христосъ*.
Іоакимъ. 1) Лѣтописецъ, 41.—2) Патріархъ, 285, 288, 311.
Іоанниты, рыцари: Павелъ, 361.
Іоаннъ. 1) *Креститель*: миоол., 17; Курбскій, 242.—2) Экзархъ, 21.—3) Митрополитъ, 93
Іовъ: митроп., 191; патріархъ, 194, 197, 198, 226; Лжедим., 199.
Іона, митрополитъ, 140, 147.
Іорданъ, р. (Д): Никонъ, 268.
Іосифъ (Д). 1) *II*, императоръ: чехи, 265, 399; Екат. II, 357.—2) Прекрасный: Невскій, 157.
Іудейство: удѣлы, 93.

Кабакъ: происхожд. слова, 119; въ смуту, 236; Алексѣй Мих., 267; Екат. II, 364; журналы, 443.
Кабала: въ смуту, 210, 240.
Кабанъ: охота, 60.
Кабарда: Петръ I, 301.
Киббала: Екат. II, 392.
Кабинетъ, учрежденіе: Петръ I, 306; Анна Ив. 334; Елизав., 343; въ 18 в., 367; знач. на Зап., 406.
Кабинетъ-министръ: Анна Ив., 334.
Кабинетъ-секретарь, 306.
Кавалерія (Д) см. *Конница*.
Кавелинъ, ученый: Отеч. Записки, 458; 40-е годы, 460; Алекс. III, 465.
Кавказская порода см. *Бѣлые*.
Кавказскій Пленникъ, сочин., 451.
Кавказъ (Д): граница Руси, 35; удѣлы 84; христіанство, 88; Алекс. Мих. 280; Петръ I, 301; Ник. I, 418, 420; ученая экспед. 424; выселеніе изъ Россіи, 431; вино, табакъ, 432; шоссе, 433; Алекс. II, 434; духоборцы, 438; живопись, 468.
Кагальникъ, гор., 275, 276.
Каганъ: хозары, 8, 31.
Кагулъ: битва, 356.
Кадетъ: Алекс. I, 409.
Кадій: турки, 162.
Кадлубекъ, историкъ, 50.
Казаки: бродники, 63; происхожд. слова, 119; знач. слова, 146; начало казачества, 145, 146; Годуновъ, 194; въ смуту, 204. 206, 208, 210, 211, 214; малороссійскіе, 166, 167, 180, 203, 215, 217, 231, 254, 255—257, 276—279; 289; донскіе, 188, 198, 203, 215, 217, 231, 274—277, 291, 294, 354, 361, 363; сѣверскіе, 198; въ Сибири, 219, 281; пѣсни, 259; московскіе, 235; старые, 274, 275; воровскіе, 274; яицкіе, 294, 354; гребенскіе 294; черноморскіе, 352.
Казаки, сочиненіе, 464.
Казакъ-Стихотворецъ, сочин. 449.
Казань: Вел. Болгары, 7; потомки болгаръ, 8; татары, 117, 118; Сарай, 173; Иванъ III, 174; присоед. къ Москвѣ, 180; Пугачевъ, 354; гимназія, 378; универс. 406; Алекс. III, 432; высш. женск. курсы, 442.
Казарма: Екат. II, 363.
Казачекъ, музык. сочиненіе, 474.
Казенная палата: начало. 352.
Казиміръ. 1) *III Великій*: Польша, 108; Галичъ, 131.—2) *IV*, 164.—3) *Литовскій*: Тверь, 167; Новгородъ, 168; Ахматъ, 173.
Кази-Мулла: Ник. I, 420.
Казна (Д): знач. слова, 119; татары, 142; Годуновъ, 193; Лжедим. I, 199; въ смуту, 213, 215, 233; Мих. Ѳед. 220; Петръ I, 292; Петръ III, 347; Екат. II, 349.
Казначей: татары, 142; Мининъ, 210.
Казначейство: уѣздное, 352.
Казнодѣй см. *Проповѣдь*.
Казнокрадство: Анна Ив., 336; Алекс. I, 409, 415; Алекс. III, 439; сатира, 448.
Казнь (Д): Влад. Св. 29, 30; Иванъ III

170; Вас. III, 147; Иванъ IV, 183—185; Годуновъ, 196; торговая, 226; въ смуту, 236; Ник. I, 418; Алекс. III, 438, 439.
Казуистика (Д): Иванъ IV, 242.
Какофонія: Сѣровъ, 473.
Каламъ, живописецъ, 468.
Калачовъ, ученый, 465.
Калайдовичъ, ученый, 452.
Калевала: поэма, 7.
Календарь (Д): грегоріанскій, 161, 252; альманахъ, 244; Петръ I, 323; стихи, 328; 18-й в. 378; ю. славяне, 402.
Калики перехожіе, 42.
Калинъ, царь, 157.
Калита: знач. слова, 119; Иванъ I, 133, 134.
Каліостро: Екат. II, 392.
Калка, р: битва, 76, 77, 115; сказанія, 157.
Калміусъ, р. 115.
Калмыки (Д): опредѣл., 2; Кавказъ, 280; Сибирь, 281; Анна Ив. 362.
Калуга: Лжедим. II, 205; Шамиль, 430.
Кальвинизмъ: начало, 161; въ смуту, 238; въ Россіи, 320.
Кама, р: болгары, 3, 7; начало христіанства, 85; Строгоновы, Ермакъ, 188; соль, 230; Разинъ, 276; воен. поселеніе, 363.
Камаринская, музыкальн. соч. 474.
Каменный Гость, опера, 473.
Каменскій, ваятель, 470.
Камень (Д): божество, 7; драгоц., 14; перв. князья, 43; Польша, 50, 109; удѣлы 84, 97; бѣлый, 97; татары, 158; въ смуту, 248; 18-й в., 366; философскій, 392. См. *Вѣкъ*, *Урал. горы*.
Камень Вѣры, сочиненіе: старина, 326; борьба съ новизной, 374—376; значеніе, 379; сатира, 380.
Камень Перуновъ, 18.
Камень Тмутараканскій, памятникъ, 54.
Каменьщикъ: греки, 43; на Зап., 48; удѣлы, 98; Иванъ III, 171.
Камергеръ: Алекс. I, 411.
Камеръ-юнкеръ: Алекс. I, 409, 411.
Камышинъ, гор., 275.
Камчатка: появл. русскихъ, 406; крымск. война, 426.
Каналы (Д): Петръ I, 290, 301; Алекс. I, 405; Алекс. III, 433.
Кандалы: смута, 184; Алекс. II, 438.
Канкринъ, министръ: характеристика, 421; финансы, 422.
Кантакузены: Сербанъ II, 163.
Кантемиръ. 1) Господарь, 264.—2) Антіохъ, писатель: Анна Ив., 333, 336, 376, 379, 380.
Канцелярія (Д). 1) Императора: Петръ I, 306; собственная его величества, 421, 433.—2) Розыскныхъ дѣлъ: Анна Иван. 336, 373.—3) Опекунства иностранныхъ, 363.
Канцлеръ: Польша, 23; нач. въ Рос., 282; Елизав., 342, 346.
Капелла: Меншиковъ, 295.
Капиталисты (Д): Алекс. III, 435, 436, 439.
Капище: знач. слова, 18.
Капнистъ, писатель, 388, 389.
Каподистрія, министръ: Алекс. I, 415; реакція, 417; Карамзинъ, 444.
Карагеоргіевичи, 403.
Кара-Георгій, 402.
Караджичъ, ученый, 403.
Каракозовъ, 431.
Каракорумъ, гор.: столица, 115; Батый, 117; Ярославъ II, 122, 124; Ал. Невскій, 125.
Карамзинисты, 444, 451.
Карамзинъ, писатель: Шекспиръ, 388; Петръ I, 391; Наполеонъ I, 408; Сперанскій, 416; цензура, 417; Алекс. I, 443, 451; журналы, 444; исторія, 444, 451; бесѣдисты, 445; оды, 445; патріотизмъ, 446; Жуковскій, 447; Муравьевъ-Апостолъ, 449; Грибоѣдовъ, Пушкинъ, 450.
Карантинъ: нач. въ Рос., 375.
Каратыгинъ, актеръ: значеніе 448; Ник. I, 464.
Караулъ: знач. слова, 114, 119.
Кардиналъ: Москва, 169.
Карета: Анна Ив., 335.
Каринтія: Габсбурги, 102; славяне, 401.
Карій: происхожд. слова, 119.
Карликъ: миѳол. славянск., 16.
Карловацъ, гор.: миръ, 263.
Карлсбадъ: Петръ I, 300.
Карлъ. 1) *I*, Стюартъ, 160.—2) *IV*, нѣмецк., 107.—3) *V*, франц., 91.—4) *IX*, шведскій, 166.—5) *XII*, шведскій: значеніе, 262; Августъ II, 265; Петръ I, 298—300.—6) *Великій*: славяне, 4; знач. 11.
Карлъ-Фридрихъ голшт.: Анна Петровна, 302; Екат. I, 330.
Карнизъ: начало, 44.
Карпаты, горы: начало славянъ, 3; поляки, 23; Владим. Св., 28; граница Руси, 35; татары, 129.
Карпъ, еретикъ, 153.
Карпы см. *Хорваты*.
Каррикатура: Напол. I, 446; 19-й вѣкъ, 469.
Карсъ: Ник. I, 419; крым. война, 426; присоед. къ Россіи. 430, 431; телеграфъ, 433.

Картины: начало въ Россіи, 43; Алекс. Мих. 282; лубочныя, 249, 287, 329, 469; русск. школа, 467—469; собранія, 470.
Картофель: нач. въ Рос., 351.
Карты (Д). 1) Географическія: Петръ I, 324. См. *Книга Большой Чертежъ*. — 2) Игральныя: Лжедим. I, 200; Тушино, 204; въ смуту, 236; Анна Ив. 335.
Каспійское м. (Д): болгары, 7; хозары, 8; Игорь, 25; Иванъ IV, 180; порты въ смуту, 231; Разинъ, 275; Петръ I, 301.
Каста (Д), *кастичность*: духовенство, 225; бояре, 304.
Каталогъ (Д): Петръ I, 323.
Катехизисъ: Петръ Могила. 254; Елизав., 344, 374; Филаретъ, 417.
Католичество (Д): начало, 11; хорваты, 20, 21; поляки, 23; чехи, 20, 23, 27; венгры, 22; крестовые походы, 46; Іерусал., 95, 425; Литва, 112; нѣмцы, шведы, 123, 124; Галиція, 130; Вас. III. 177; въ смуту, 207; польск. Русь, 253; Петръ I, 325, 326; въ Рос. въ 18-мъ в., 371 — 372, 376; 19-й в., 414; Алекс. I, 415, 416, 423; Алекс. III, 437.
Каторга: Анна Ив. 337; Екатер. II, 367; 19-й вѣкъ, 438.
Кафа, гор.: москов. купцы, 230.
Кафли см. *Изразцы*.
Кафтанъ: начало, 3, 15; удѣлы, 83; Иванъ IV, 183; Петръ I, 286, 291, 292.
Кахетія: Мих. Ѳед., 280; Алексѣй Мих. 281.
Качели (Д): суевѣріе, 319.
Каченовскій, ученый: значеніе, 452; рус. исторія 458.
Каша: знач. слова, 142.
Кашинъ: княжество, 136.
Каѳедра: ученая, 103; университетъ, 424, 428, 440; славистика, 469.
Кайнарджи: миръ, 264, 356.
Квартетъ: Бетховенъ, 471; Чайковскій, 473.
Квасъ: начало, 44; въ смуту, 209, 227; откупъ, 234; патріотизмъ, 452, 456.
Квестія: происхожд. слова, 250.
Келаръ: смута, 209, 212.
Кельты (Д): начало, 2; ю. Рос. 3.
Кембриджъ: университетъ, 47.
Кемь: телеграфъ, 433.
Кенигсбергъ: основаніе, 107.
Кереметь, божество, 7.
Керженецъ, р: расколъ, 312, 437.
Керченскій прол. (Д): измѣреніе, 54.
Керчь (Д): греч. колонія, 10; Екат. II, 356; крым. война, 426.
Кетлеръ: герцогство Курляндія, 165; вассалъ Польши, 188; вымираніе, 338.
Кейстутъ, князь литов., 111.
Кибитка (Д), 8, 113.
Кизляръ: Кази-Мулла, 420.
Киноварь: опредѣленіе, 91.
Кипренскій, живописецъ, 467.
Кипріанъ (Д), митрополитъ, 172.
Кипчакъ: опредѣл. 115; основаніе, 125
Киргизы (Д): Анна Ив., 335, 362; Елизав., 363.
Кириллица, азбука, 21, 106, 250.
Кириллъ. 1) Просвѣтитель славянъ, 20—22.—2) Бѣлозерскій: значеніе, 150; посланія, 153; житія, 154.—3) Митрополитъ, 151.—4) Туровскій, 93.
Кириловъ - Бѣлозерскій монастырь: Нилъ Сорскій, 172.
Кирка см. *Церковь*.
Кирпичъ (Д): происхожд. слова, 119.
Кирѣевскіе, ученые: славянофильство, 458, 465.
Киселевъ: крѣпостничество, 422.
Кисель: начало, 44.
Кистень: Годуновъ, 197.
Китай, китайцы (Д): опредѣл., 2; татары, 114, 115, 117, 118; Алекс. Мих., 281; Петръ I, 301, 326; Петръ II, 337; Екат. II, 350; Ник. I, 421; Алекс. II, 430, 431; свойства, 458.
Китоврасъ: въ апокрифахъ, 245.
Кичка, уборъ: меря, 7.
Кишеневъ: Алекс. II, 429; Алекс. III, 432.
Кіевъ: степь, 5; преданія, 6; печенѣги, 8, 26, 32; древн. торговля, 13, 14; миѳологія, 15, 18; поляки, 23; Аскольдъ и Диръ, 24; Олегъ, 25; Ярополкъ, 27; Владим. Св., 28—30; Святоп. I, 30, 31; городъ, 43; характеръ области, 51; столица, 53; Всевол. I и папа, 56; Святоп. II, 57; Мономахъ, 59—61; Мстиславъ, 61; Изясл. II, Юрій Долгорукій, 62 67; паденіе, 68, 69; Всевол III, 72; Романъ, 79; зап. купцы, 84; знач. паденія, 100; Гедиминъ, 111; татары, 116, 120, 144; послѣ паденія, 121, 128, 129; подчин. Польшѣ, 166; культ. значеніе, 250; братства, 254; возвращеніе къ Рос., 265; казаки, 278; присоед. къ Москвѣ, 279, 287; высш. женск. курсы, 442; Алекс. III, 432; музык. общество, 475.
Кій: преданіе, 6, 42.
Кладъ: Пермь, 7; древн. слав. 14.
Классикъ, музыкал. сочиненіе, 472.
Классицизмъ (Д): Византія, 10, 20; арабы, 12; Западъ, 20, 161; первые

князья, 45—46; возрожд., 47, 103; процвѣт. на Зап., 100; паденіе, 102; татары, 155; Полоцкій, 325; Екат. II, 393; хорваты, 402; рус. гимназіи, 406, 428; опредѣленіе, 449; Алекс. I, 450; Полевой, 456; живопись, 467.
Классъ: въ чиновничествѣ, 305; въ школѣ, 423; въ думѣ, 436.
Классы (Д) см. *Сословія*.
Клеркъ: знач. слова, 148.
Клешнинъ, 195.
Клеймленіе: лошадь, 142; татары, 151; Алекс. Мих., 274; Петръ I, 315.
Кликунъ, опредѣленіе, 273.
Кликуша, 321.
Климентъ (Д). 1) Митрополитъ, 85.—2) *Святой*, 29.
Клинокъ: дамаскій, 14.
Клиръ (Д) см. *Духовенство*.
Клобукъ: опредѣл., 44; удѣлы, 89; татары, 147; раскольники, 286, 312.
Клодтъ. 1) Ваятель, 470.—2) Живописецъ, 468, 469.
Клодъ-Лоренъ, живописецъ, 468.
Ключникъ: татары, 142.
Ключниковъ, писатель, 465.
Клячко, писатель, 399.
Клѣть: начало, 43.
Кметъ: начало, 23; при удѣлахъ, 50.
Книга Большой Чертежъ, 244.
Князь (Д): Влад. Св., 29; Ярославъ, 32; перв. князья, 41; греч. на Зап., 47; удѣлы, 90—92; болгары въ Рос., 92, 96; турки, 105; сожженіе, 138, 392; татары, 152, 153; чехи, 164; поляки, 166; Москва, 169, 171; Саншъ, Геннадій, 172; разрядныя, 186; Стоглавъ, 187; въ смуту, 239; исправленіе, 220, 240, 269—272, 324, 176; первыя русскія, 241; въ польск. Руси, 253; старопечатныя, 258; румынскія, 264; богослужебныя, 269, 324; польскія въ Москвѣ, 283; метрическія, 308; осужденіе, 320; иностр. въ Россіи, 321; Петръ I, 326; потѣшныя, 327; Павелъ I, 361; хлысты, 370; 18-й в., 375; Новиковъ, 385, 386; Екат. II, 386; Алекс. I, 405, 451, 452; Алекс. II, 428, 434, 443, 446, 466.
Книгопечатаніе (Д): начало на Зап., 103, 161; Мих. Ѳед., 219; Ив. IV, 240, 241; польск. Русь, 258; Петръ I, 323.
Книгохранилище см. *Библіотека*.
Кнутъ: происхожд. слова, 34; татары, 118, 119, 151; Иванъ III, 175; въ смуту, 222, 226, 234, 236; Алекс. Мих., 284; Петръ I, 313, 315, 316; Екат. II, 366; 18-й в. 372; Ник. I, 438.
Княгиня: дружина, 36; значеніе въ древн., 40; удѣлы, 82, 89, 90; Иванъ III, 169; въ смуту, 239.
Княжества см. *Князья*, *Области*.
Княжна: удѣлы, 82, 90, 91.
Княжнинъ, писатель, 359, 388, 448.
Князь (Д): опредѣленіе, 2; древн. слав., 12, 13; имена, 39; первые кн., 45—46; отнош. удѣльныхъ къ великому, 52, 81; образецъ, 59; удѣлы, 82—83, 86, 89—91; въ письменности, 92; Литва, 112; „всея Руси“, 134; бракъ, монашество, 142; землевладѣлецъ, 145; татары, 152; въ смуту, 221, 224, 237; Сербія и Черногорія, 403; Союзъ Благоденствія, 453.
Князь-папа, 288, 321.
Князь Серебряный, романъ: иллюстрація, 469.
Кобза: опредѣленіе, 260.
Коби, степь, 113.
Кобылины-Кошкины, бояре: значеніе, 190; вымираніе, 225.
Ковры (Д): начало у слав., 14; въ Россіи, 44; въ смуту, 233.
Ковшъ: ваяніе, 249.
Code Napoléon: въ Россіи, 434.
Кожа: камск. болгары, 7; печенѣги, 8; начало у славянъ 37; татары, 114.
Кожухъ: начало, 44; татары, 158.
Козельскъ, гор., 116.
Козьма Мининъ, сочиненіе, 464.
Козьма Пражскій, историкъ, 50.
Кола, экипажъ: знач. слова, 44.
Кола, гор.: въ смуту, 227.
Колдовство (Д): начало у славянъ, 18; Всеславъ, 33; чудь, 86; удѣлы, 91; татары, 113, 152; Софья Палеологъ, 169; лопари, 227; въ смуту, 336, 338; Польша, 266; Алексѣй Мих., 275, 319; въ 18 в., 375.
Колдунъ на свадьбѣ, картина, 468.
Колесо: печенѣги, 8.
Колесованіе: Петръ I, 315.
Колесо счастья, гаданье, 240.
Колларъ, писатель, 400.
Коллегіальность: ея замѣна, 433.
Коллегія. 1) Школа: польск. Русь 254; Кіевская, 255, 284, 323; іезуитскія, 266, 371, 372, 415.—2) Правит. мѣсто: Петръ I, 306, 307, 367, 368; Елизавета, 343; экономіи, 347, 349, 351, 375; отмѣна, 406.
Коллежскій ассессоръ: Алекс. I, 411.
Коллежскій регистраторъ, 305.
Коллекціи: ученыя, 443.
Коловратъ, богатырь, 157.
Колодцы: въ смуту, 247.
Колоколъ: при удѣлахъ, 64; Кіевъ, 69; вѣче, 73, 133, 169, 175; татары, 158; опричнина, 183; въ смуту, 247; Петръ I, 298; ваяніе, 470.
Колоколъ, газета, 431.
Колокольня: Иванъ Вел. 133.

Коломна: присоед. къ Москвѣ, 131; Марина, 213.
Колоніи (Д): греч., 9; древ. славяне, 13; монастыри, 68; римскія, 106; Новгородъ, 140; с.-в. Россія, 145; степи, 146; нѣмцы у чеховъ, 164; Кама, 188; Годуновъ, 192; въ смуту, 227; Англія, 263; раскольники, 312; зап. въ Россіи, 351; Одесса, 405; товары, 408, 411.
Колоритъ (Д): живопись, 467, 468; музыка, 472, 473.
Колпакъ: происхожд. слова, 119.
Колумбъ, 161.
Колчанъ: татары, 114.
Коль: сажаніе на, 151, 264, 277.
Кольбель: пѣсни, 42, 260.
Кольбергъ, крѣпость, 346.
Кольцо, атаманъ, 188.
Кольцовъ, поэтъ: крѣпостничество, 455; Бѣлинскій, 457; Никитинъ, 465.
Кольнопреклоненіе: Петръ I, 304.
Коляда, праздникъ, 16.
Колядованье, 17, 259, 260.
Комедіантъ (Д): удѣлы, 86.
Комедія (Д): начало въ Россіи, 282; Анна Иван., 335; Сумароковъ, 382; Екат. II, 387, 388; Крыловъ, 445, 448; романтизмъ, 446; Шаховской, 449; Гоголь, 456; Островскій, 464.
Комедійная хоромина, 328.
Комедійныя дѣйства см. *Комедія*.
Комедійный домъ, 328, 383.
Комета: Годуновъ, 196.
Комитеты: общаго блага, 409; крѣпостничество, 422; расколъ, 423, 437; цензура, 424; центральный въ Польшѣ, 430; законы, 433, 434; негласный, 460; славянскій, 466.
Комендантъ: начало, 307.
Комментаріи, сочин. (Д), 378.
Коммерцъ-коллегія: Петръ I, 310.
Коммиссаръ: сенатъ, 306.
Коммиссія (Д): законодат., 180; о коммерціи, 343, 365; для составл. новаго уложенія, 351, 366; духов. училищъ, 406; погашенія долговъ, 411; законодательная, 411, 412; археографич. 424; редакціонная о крестьянахъ, 427; переселеніе, 431; законы, 433, 434; административ. реформа, 434; финансы, 435.
Комнены: династія, 46; Алексѣй, 46; литература, 48; Влад. Моном., 60.
Компанія: индійская, 188; англійская въ Россіи, 230; Петръ I, 289, 290, 308; Екат. II, 365.
Компасъ (Д): изобрѣтеніе, 103.
Композиторъ: происхожд. слова, 250; на Западѣ, 471; новая школа, 473.
Конашевичъ Сагайдачный, гетманъ: пѣсни, 215.
Конгрессъ: реакція, 416.
Кондиціи: Анна Ив., 333, 334.
Кондорсе, писатель, 410.
Кондратовичъ, писатель, 399.
Конекъ: архитектура, 43.
Конецъ: въ Новгородѣ, 74.
Конина: Святославъ, 26; древн. славяне, 44.
Конисскій, епископъ, 357.
Конклюзія: происхожд. слова, 258.
Конница (Д): начало, 36; удѣлы, 82; въ смуту, 235; Петръ I, 307.
Конокрадство, 38.
Конопля, 364.
Конрадъ, князь, 50.
Консерватизмъ (Д): опредѣл., 397; Алекс. I, 414; Англія, 415; Ник. I, 418, 421, 424; Алекс. I, 445: женщина, 449; Станкевичъ, 457; журналы, 466.
Консерваторія, 442, 475.
Консисторія духовная: Алекс. II, 428, 437.
Константинополь (Д): Екат. II, 350; Ник. I, 421; Алекс. II, 430. См. *Византія*.
Константинъ (Д). 1) *Великій*: самодержавіе, 10.—2) *Мономахъ*, 20, 32; Влад. Мономахъ, 60. — 3) *Всеволодовичъ*, 76.—4) Послѣдній визант. императоръ, 105. — 5) Павловичъ. Византія, 357; Польша, 416, 419; отреченіе, 418. — 6) *Николаевичъ*: Польша, 430.
Констанцскій соборъ, 108.
Конституція (Д): начало, 101; чехи, 108; Англія, 263, 387, 405; Панинъ, 348; Польша, 357; либерализмъ, 397; чехи, 400; Австрія, 401; сербы, 403; Румынія, Турція, 404; Франція, 414; Царство Польск., 416; Карамзинъ, 416; Алекс. I, Ник. I, 418; Польша, 419; Пруссія, 425; Порта, 429.
Консулъ: Наполеонъ I, 362.
Континентальная система, 407—409.
Контора (Д): медицинская, 324.
Контрибуція: Мих. Ѳед. 216; Елизав. 346.
Контроль: государственный, 433, 435.
Контскій, музыкантъ, 474.
Контъ: вліяніе въ Россіи, 458.
Конфедерація: въ Польшѣ, 166, 265; Екат. II, 357, 358.
Конференція: Екат. II, 367.
Конфискація: Анна Ив., 335; Алекс. II, 431.
Концертъ: рус. музык. общество, 475.
Кончака, ханша, 127.
Конь: славянская миѳол., 19; татары, 113; ваяніе, 470.
Конюшій: удѣлы, 81; Иванъ III, 170; Годуновъ, 191.

Копенгагенъ: москов. купцы, 230; Петръ I, 300.
Коперникъ, 161, 165.
Копейщикъ: удѣлы, 82.
Копитаръ, ученый, 400.
Копорье: Густавъ Адольфъ, 217.
Копье (Д): печенѣги, 8; начало у славянъ, 36; татары, 151. См. *Приступъ*.
Копѣйка: Петръ I, 308.
Корабль (Д): нач. въ Рос., 282; Петръ I, 287, 290, 298, 307, 309; Екат. II, 356; хлысты, 370.
Коранъ: значеніе, 161, 162.
Корела: Густавъ Адольфъ, 217.
Корелія: Петръ I, 300.
Корженевскій, писатель, 399.
Корзна: знач. слова, 44.
Кормилецъ, должность, 82.
Кормленіе: начало, 36; татары, 143; въ смуту, 233.
Кормчая Книга: знач. слова, 148.
Корнель, поэтъ, 263.
Коробейники: расколъ, 437.
Коробъ, коробочка: знач. въ древн. Рос., 248.
Королевецъ, см *Кёнигсбергъ*.
Король (Д): начало на Зап., 101; поляки, 23, 108, 109, 357; Литва, 113.
Корона: Византія, 10; чешская, 265.
Коронованіе: царицы, 302; Алекс. III, 471.
Коростень, гор.: начало, 6; Ольга, 25.
Корпорація: профессора, 424; города, 427.
Корпусъ кадетскій: Анна Ив., 337; Екат. II, 353; 18-й в., 365, 377, 378; Алекс II, 434; Алекс. III, 440.
Корреджіо, живописецъ, 161.
Корректура: происхожд. слова, 250.
Корсунь: битва, 277.
Корсунь см. *Севастополь*.
Кортецъ, 161, 188.
Корчма: значеніе слова, 251.
Косарь: въ пѣсняхъ, 260.
Космографія: Мих. Оед., 220; въ смуту, 239, 244.
Космополитизмъ (Д): Екатер. II, 391; Рубинштейнъ, 473.
Косово Поле: битва, 104.
Косоги: кочевники, 26; Мстиславъ, 31.
Костелъ: въ польск. Руси, 251.
Костеръ: миѳол. слав. 17; татары, 113.
Костомаровъ, ученый: 40-е годы, 460; Алекс. III, 465.
Кострома: городъ, 126; княжество, 121; возвышеніе, 122; соперничъ съ Владиміромъ, 132; Дим. Донской, 138; Мих. Ѳед. 212.
Кость (Д): археологія, 1; мощи, 32; игра, 204, 236.
Костюмъ: въ оперѣ, 473.
Косцюшко, 358, 360.
Котельницкій, писатель, 386.
Котляревскій, писатель, 386.
Котошихинъ, писатель, 322.
Котянъ, ханъ, 75, 76, 116.
Кофе: 18-й вѣкъ, 364.
Коцебу. 1) Писатель: вліяніе въ Росс., 446; сентиментализмъ, 448.—2) Путешественникъ, 452.
Кочевники (Д): обры, 4; венгры, печенѣги, 8; ясы и косоги, 26, 31; при удѣлахъ, 54—56; Трансильванія, 106; Азія, 114, 115; татары, 125; зауральскіе, 138; казаки, 146.
Кочетова, живописецъ, 468.
Кочубей. 1) Старшина, 289.—2) Министръ: Алекс. I, 405; Сперанскій, 410; іезуиты, 415.
Кошевой, атаманъ, 256.
Кошки, плети: Анна Ив., 336, 372.
Кошкинъ: Захаръ, 190.
Кошъ: опредѣленіе, 256.
Кощей: миѳол. славянъ, 16, 42.
Кравчій: татары, 142.
Краевскій, журналистъ, 458.
Краесогласіе см. *Рифма*.
Краковъ: начало, 24; татары, 50, 116; паденіе, 166; вліяніе на Рос., 250; Екат. II, 358; университетъ, 399; польск. возстаніе, присоедин. къ Австріи, 425.
Краледворская рукопись, 400.
Крамола, крамольникъ: горожане, 143; лѣтописи, 156, 182, 183.
Крамской, живописецъ, 468.
Краска (Д): Ломоносовъ, 383.
Красная Горка, праздникъ, 17.
Красная Площадь: Иванъ IV, 180; Годуновъ, 198; Лжедим. I, 201; мистеріи, 246.
Красная Русь см. *Галиція*.
Красная строка: знач. слова, 91.
Красное Солнышко, прозвище, 30.
Краснорѣчіе (Д): Ломоносовъ, 382, 383.
Красноярскъ: основаніе, 281.
Крахъ банка, картина, 468.
Крашевскій, 399.
Крайна: славяне, 401.
Кредитъ: Алекс. I, 408.
Кремль: знач. слова, 13; удѣлы, 84; Иванъ I, 133; Дим. Донской, 137; Тохтамышъ, 138; татары, 157; Годуновъ, 198; въ смуту, 208, 210—112; 247; Иванъ III, 226; мистеріи, 246, раскольники, 286; Алекс. Мих. 303; Петръ I, 329.
Кресла: начало въ Рос., 248; Алекс. Мих., 329; вольтеровскія, 376.
Крестный ходъ. 1) Обрядъ, 321.—2) Картина, 468.

Крестовскій. 1) Писатель, 465.—2) Писательница (псевд.), 465.
Крестовые походы: значеніе, 46, 101; русск. сказки, 245.
Крестоцѣлованіе, см. *Крестъ.*
Крестъ (Д): присяга, 58, 63, 78, 86; у меченосцевъ, 80; католич. 147; въ смуту, 237; 4—и 8-конечный, 270, 271.
Крестьяне (Д): поляки, 24, 165, 266, 419, 430: чехи, 164; Западъ, 101; Иванъ IV, 182; переходъ, 145; Годуновъ. 192, 193; на соборѣ. 212; бояре, 225; въ смуту, 228, 236; польск. Русь, 251; унія, 254; въ древн. Руси., 261; абсолютизмъ на Западѣ. 263; Алекс Мих., 273. 274; Петръ I, 293, 311, 314: Булавинъ, 294; Алексѣй Мих., 313; Посошковъ, 323; Анна Ив., 335; Елизав., 343; Екат. II, 353, 374, 387, 388; экономическіе, 351; XVIII-й вѣкъ, 366, 367; Татищевъ, 380; преобразованія. 395; Алекс. I, 405, 417; Сперанск., 411; въ 1812 г., 413; Ник. I. 422; банки, 435; Алекс. III, 435, 436; значеніе реформъ Алекс. II, 436; кулачество, 439; образованность, 440; Пушкинъ, 453; Лермонтовъ, Кольцовъ, Гоголь, 455; натур. школа, 459; Тургеневъ, 459; Островскій, 464; живопись, 467; долги, доходы, 436.
Кречетъ: древн. славяне, 14.
Крещеніе: Руси, 29; Остзейскій край, 80; язычники, 227; зап. христіане въ Рос., 238.
Криве, князь, 8, 9.
Кривичи: варяги, 9.
Крижаничъ: славянофилъ, 281, 321, 322; расколъ. 325; грамматика, 326; естествознаніе. 384.
Критика (Д): начало въ Россіи, 242—244; на Западѣ, 263; Крижаничъ, 321; Елизав. и Екат. II объ управленіи, 367; Татищевъ, 380; Сумароковъ, 383; Миллеръ, Шлецеръ, 384; Польша, 399; Карамзинъ. 443; романтизмъ, 446; Алекс. I, 451, 452; 30-е годы, 453, 456; Пушкинъ, 453; Кольцовъ, 455; Надеждинъ, 456; Герценъ, Бѣлинскій, 457; натур. школа, 459; 40-е годы, 460; Алекс. II, 465; живописецъ, 467; музыка, 473, 474.
Критъ, остр. (Д): турки, 429.
Кроація (Д): славяне, 401.
Кровать, 329.
Кровопусканіе, 303.
Крокодилъ (Д): лѣтопись, 79.
Крокъ, князь, 5.
Кромвель, 160.
Кромы, гор.: основаніе, 229.
Кронштадтъ: начало, 293; крымск. война, 426.
Круговая порука: страхованіе, 432; розга, 438.
Кругъ: казацкій, 146, 278; стрѣльцы, 286.
Кружева: меря, 7; древн. славяне, 14; Елизавета, 364.
Кружечный дворъ. 310.
Кружка: древн. Рос., 248.
Кружокъ: литература, 451; Бѣлинскій, 453; Станкевичъ, 457, 458; Герценъ, 458; музыка, 473.
Крузенштернъ, путешеств., 406.
Кручина см. *Меланхолія.*
Крыло: въ войскѣ, 82.
Крыловъ, писатель: журналы, 387; Алекс. I, 409; лжеклассицизмъ, 445; басни, 448; комедія, 449; народность. 450; дворъ, 451; иллюстрація, 469; памятникъ, 470.
Крыльцо: начало, 43.
Крымская война: Наполеонъ III, 397; черногорцы, 403; событія, 425, 426; Австрія, 429; поляки. 430; значеніе, 434; живопись, 467, 469.
Крымъ (Д): хозары, 8; Святосл., Влад. Св., 28; татары, 117, 118; Мамай, 138; рус. купцы, 144; Порта, 162; поляки, 165; борьба съ Сараемъ, 173; Иванъ III, 174; Вас. III, 177; Иванъ IV, 178, 180, 181, 182, 188; Мих. Ѳедор., 215, 216; запорожцы, 256, 280; турки, 264; Разинъ, 275; Хмѣльницкій, 276, 277; Ѳедоръ, 280; Софья, 287; присоед. къ Рос., 356, 357; крым. война. 426: вино, табакъ, 432.
Крымцы см. *Татары крымскіе.*
Крыса, 113.
Крыша: обдѣлка, 158.
Крѣпостничество (Д): Византія, 10; Зап., 19, 99; венгры, 22; первые князья, 45, 46; чехи, 49, 163, 164; отмѣна на Зап., 101; Сербія. 105; румыны, 107; поляки, 24, 109, 431; подготовка въ Рос., 145; духовенство, 148; начало въ Рос., 193, 194, 221; въ смути. вр., 206, 207, 227, 228; отмѣна въ Австріи, 265; Алексѣй Мих., 273, 274, 313, 314; Петръ I, 311, 312, 314; Елизав.. 342; Петръ III, 347; Екат. II, 350, 351, 353, 354, 359, 363, 365; 18-й в., 372, 373, 378; Радищевъ, Державинъ, 392; преобразованія. 394, 396; Алекс. I, 405, 409, 415; Сперанскій, 411; іезуиты, 415; военныя поселенія, 418; Ник. I, 422, 423; отмѣна въ Рос., 426, 427, 430; ея значеніе, 435, 436; секты, 438; правы, 439; Карамзинъ, 444; сатира, 448; Алекс. I, 452; Союзъ Благоденствія,

453; Колоцъв, ь455; Бѣлинскій, 458; натурал. школа, 459; Тургеневъ, 461, 462; Некрасовъ, 465.
Крѣпость (Д): Западъ, 11; начало въ Россіи, 13, 15, 25, 30, 43; Ярославъ, 32; татары, 157; Тоболъ, 188; Мих. Θед. 215; воевода, 233; Сибирь, 281; Алекс. III, 434.
Крюденеръ, г-жа: Алекс. I, 415, 417.
Крючкотворство: приказы, 232.
Ксендзъ: знач. слова, 251; запорожцы, 257, 276; польск. возстаніе, 424; Алекс. II, 430.
Кто виноватъ? сочиненіе, 459.
Кубанцы: Петръ I, 301.
Кубань, р.: хозары, 8; косоги, 31; нач. христ., 85; Разинъ, 275; некрасовцы, 294; воен. поселенія, 363; Николай I, 420.
Кубокъ: древн. Рос., 248; ваяніе, 249.
Кудесникъ: финны, 7, 18.
Кудрявцевъ, ученый: Станкевичъ, 457.
Куинджи, живописецъ, 468, 469.
Кукла (Д): въ вертепахъ, 259.
Кукуруза: румыны, 163.
Кукуй, ручей, 231.
Кукуй-городокъ: начало, 231; Петръ I, 287.
Кулачество: знач. слова, 439.
Кулачный бой (Д) см. *Бой*.
Куликово поле: битва, 138; сказаніе, 157.
Кульманъ, мистикъ, 319, 392.
Культура (Д): начало, 1; Китай, 115; зап. въ 19 в., 398; матеріальная въ Россіи, 43, 44, 98, 99, 364, 431.
Куманы, кочевники, 107.
Кумиръ см. *Идолъ*.
Кумпанство, см. *Компанія*.
Кумушка-Лиса, сказка, 48.
Кумыки: Кавказъ, 280.
Кумысъ, 113.
Кунерсдорфъ: битва, 346.
Куницынъ, профессоръ, 416.
Куницевичъ, епископъ, 254.
Куны, монеты: начало, 44.
Купалье, праздникъ, 17.
Купель Душевная: сборникъ, 94.
Купечество: камск. болгары, 8; удѣлы, 84; путеш. 90; Западъ, 101; Ив. IV, 182, 189; Θедоръ, 190; въ смуту, 230, 231; Алексѣй Мих., 273; Разинъ, 275; Петръ I, 293, 310; Елизав., 344; Екат. II, 352, 353; 18-й в., 365, 374, 394; сатира, 376; Алекс. I, 406; въ 1812 г., 413; Николай I, 423; Алекс. II, 435; образованіе, 439; стихи, 445; Крыловъ, 448; Островскій, 464; живопись, 467.
Купленные: татары, 146.
Куплетъ: опера, 389.
Куполъ (Д): начало, 10; перв. князья, 43.
Купчая, бумага, 156.
Кура, р. (Д): Игорь, 25.
Куракинъ: Сперанскій, 410.
Куранты, газета, 243, 282.
Курбатовъ, 308, 315.
Курбскіе, князья: Семенъ, 176; Андрей, 180, 182, 203; Ив. III, 224; Максимъ Грекъ, 241; переводы, 246, 324; Острожскіе, 253.
Курганъ (Д): финны, 7.
Курень: опредѣленіе, 256.
Курляндія: герцогство, 165, 188; Анна Ив., 300, 334; Августъ III, 338; Биронъ, 338; Екат. II, 355; присоед. къ Рос., 358.
Курсистка, картина, 468.
Курскъ: степь, 5; Θеодосій, 40; Годуновъ, 191; въ смутн. вр., 229; граница, 220.
Курсы: публичные, 378; денежные, 422, 435; реальные, 424; женск. медиц., 432, 442; высшіе женскіе, 441, 442; педагогическіе, 442.
Курфюрстъ: опредѣленіе, 19; Богемія 50; Габсбурги, 262.
Куры, народъ: опредѣленіе, 8.
Кустари: древн. Россія, 230; Алекс. III, 435.
Кутайсовъ, 360.
Кутузовъ: характеристика, 407; Бородино, 413; бесѣдистъ, 445.
Куфическій: значеніе слова, 14.
Кухня: въ смуту, 236.
Куцовлахи, народъ, 106.
Кучка, Степанъ, 65.
Кучковичи, 71, 135.
Кучково, село, 65.
Кучукъ-Кайнарджи см. *Кайнарджи*.
Кучумъ, ханъ: знач., 188; потомки, 281.
Кюи, музыкантъ: значеніе, 473; критика, 475.
Кюмень, р.: Елизавета, 344.
Кяхта: Петръ II, 338.

Лаба см. *Эльба*.
Лабзинъ, масонъ, 452.
Лавка (Д): происхожденіе слова, 34; мебель, 44; книжная, 378, 386.
Лавра. 1) Кіевская: основаніе, 87—89; значеніе, 150; Петръ Могила, 254.— 2) Троицкая: основаніе, 136, 150; Сергій, 147; смутное время, 208—210; Петръ I, 288.
Лавровская, пѣвица, 474.
Лаврентій: византъ. хронографъ, 156.
Лагарпъ, ученый: Алекс. I, 404.
Лагерь (Д): значеніе слова, 114; Тушино, 204; смута, 235, 236. См. *Станъ*.

Ладога, гор.: Старая, 9; Густавъ—Адольфъ, 217.
Ладожскій Каналъ, 308.
Ладожское озеро: варяги, 9; граница ок. 1650 г., 220; Петръ I, 298.
Ладонка: суевѣрія, 152.
Лажечниковъ, писатель, 456.
Лазаревы: Грузія, 362; институтъ, 417.
Лазарь, царь, 104.
Лагевичъ, 430.
Ландратъ: начало, 307.
Ландрихтеръ: Петръ I, 307.
Ланской: освобожд. крестьянъ, 427.
Лапти: первые князья, 28.
Ларга: битва, 356.
Ларь: происхожденіе слова, 34; смута, 248.
Ласточка: славянск. миѳологія, 16.
Латинизмы: Курбскій, 242; рус. языкъ 249; ю.-з. Русь, 258; 18-й вѣкъ, 381.
Латинская Имперія: основаніе, 46; феодализмъ, 104.
Латинство, латиняне: борьба съ нимъ, 93; Сербія, 105, 207; смута, 238; полемика, 246. См. *Католичество*.
Латы (Д): ваяніе, 469.
Латынь (Д): преобразованія, 283; южн славяне, 401; гимназіи, 423.
Латыши: опредѣленіе, 8.
Лафонтенъ. 1) Баснописецъ: Сумароковъ, 382; Хемницеръ, 388; Богдановичъ, 390.—2) Романистъ: рус. переводы, 448.
Лайбахъ, городъ, 401.
Лебедь: пища, 248.
Левинъ: расколъ, 292.
Левицкій, живописецъ, 393.
Левъ, животное: лѣтопись, 79.
Левъ (Д) *Даниловичъ*: Литва, 110, 111; Львовъ, 130.
Легатъ: Исидоръ, 147; Иванъ III, 169.
Легитимизмъ: на Западѣ, 396.
Ледовое побоище, 124.
Ледяной домъ, 336.
Лезгины: Петръ I, 301; Николай I, 420.
Лекарь: татары, 153; Мих. Ѳедор., 218; Екат. II, 364; XVIII-й вѣкъ, 375. См. *Врачъ*.
Лексиконъ: Петръ I, 322; греко-славянскій, 326; Ломоносовъ, 381.
Лекціи (Д): публичныя, 382, 443, 459.
Лелевель, ученый: значеніе, 399; возстаніе 1831 г. 419.
Лембергъ см. *Львовъ*.
Лемохъ, живописецъ, 468.
Лена, р.: Сибирь, 281.
Ленартовичъ, поэтъ, 399.
Ленскій, герой романа, 454.
Ленъ, ленникъ: начало въ Европѣ, 12; значеніе, 12; развитіе, 19; торговля, 230.
Леонова, пѣвица, 474.
Леонъ, епископъ, 87, 92.
Лепанто: битва, 162.
Лермонтовъ: значеніе, 454, 455; Бѣлинскій, 457; Некрасовъ, 463.
Лесажъ, писатель: рус. переводы, 384.
Лессингъ, ученый: значеніе, 388.
Лестокъ: Елизавета, 340, 342, 345; Петръ III, 347.
Лефортъ: Петръ I, 287; характеристика, 289; Азовъ, 290.
Лешетицкій, музыкантъ, 474.
Лещинскій: Анна Ивановна, 337, 338.
Лейбницъ, ученый: чиновничество въ Рос. 304; коллегіи, 306.
Лейпцигъ: болгары, 404; битва, 414; филологич. семинарія, 441, 442.
Лжедимитрій. 1) *I*: начало имени, 198; царствованіе, 199—201; Вас. Шуйскій, 202; Скопинъ-Шуйскій, 205; лѣтопись, 243; пѣсни, 245; Пушкинъ, 454; живопись, 469.—2) *II*: характеристика, 203; Тушино, 204, 206.—3) *III*: казаки, 210.
Лжеклассицизмъ см. *Псевдоклассицизмъ*.
Лже-Себастіанъ, 160.
Либерализмъ: Державинъ, 392; опредѣленіе, 397; Алекс. I, 405, 414, 415, 416, 445, 450; реакція, 416, 453; Ник. I, 418; Канкринъ, 421; поляки, 424; Западъ, 425; Карамзинъ, 443; мистицизмъ, 452; Герценъ, 457; Пруссія, 458; Тургеневъ, 462.
Liberum veto: поляки, 166.
Либретто (Д): начало, 472.
Ливій, писатель: Длугошъ, 164.
Ливонія: торговля, 37; подчиненіе Польшѣ, 166; Баторій, 166; Иванъ IV, 181, 188; присоед. къ Швеціи, 265.
Ливонскіе рыцари: начало, 80; Иванъ III, 174; Иванъ IV, 181, 188.
Ливреи: Петръ I, 309.
Ливы: опредѣленіе, 8; русскіе, 79.
Лигницъ: битва, 116.
Лидія (Д): музыка, 471.
Лимонарь, сочиненіе, 154.
Линаръ: Биронъ, 339.
Линіи сторожевыя: Мих. Ѳед., 219; Кавказъ, 420.
Липица, р.: битва, 76.
Лирика (Д), *лиризмъ*: Кіевск. коллегія, 255; ю.-з. Русь, 259, 260; Державинъ, 389; чехи, 400; Жуковскій, 446; Щедринъ, 464.
Лиръ, король: музыкал. сочиненіе, 474.
Лисовскій: значеніе, 203; Троицкая лавра, 204; смерть, 214.
Лисовчики: знач. слова, 214.
Листъ, музыкантъ: значеніе, 471; рус. музыка, 474.

Литва: Ярославъ, 32; Мстиславъ, 61; начало, 80; 13—15-й в. 110—113; русское вліяніе, 111; Польша, 112; татары, 120; Новгородъ, 123, 168; Александръ Невскій, 123; Александръ Михайловичъ, 128; Кіевъ, 129—131; Дим. Донской, 136, 137; Василій I, 139; ю.-з. Россія, 141; Москва, 144; русск. церковь, 148; люблинск. унія, 165; Иванъ III, 174; Иванъ Иван. Рязанск., 175; Василій III, 176; крѣпостничество, 228; торгов. путь въ смуту, 230; башкирцы, 240; присоед. къ Россіи, 358; Чарторижскій, 405; польскій языкъ, 419; Ник. I, 419; Алекс. II, 431.
Литература (Д): въ Польшѣ, 166; вечера, 448; реакція, 452; фондъ, 466. См. *Письменность*.
Литейщики (Д): Иванъ III, 171; смута, 231.
Литовцы (Д): начало въ Европѣ, 2; кривичи, 6; бытъ, 8, 9. См *Литва*.
Литтре, ученый: вліяніе въ Россіи, 458.
Лифляндія: Петръ 1, 300; крестьяне, 417; крѣпостничество, 422.
Лихачевъ: Ѳедоръ Мих. 285.
Лихорадка: знач. слова, 152.
Лихуды, ученые: призваніе въ Москву, 287; хлѣбопоклонная ересь, 320; первые ученые въ Москвѣ 322; рус. переводы, 324.
Лицей (Д): Царскосельскій, 406; Ришельевскій, 417, 440; Демидовскій, 417, 442; Цесаревича Николая, 441.
Личина см. *Забрало*.
Лобное мѣсто, 212.
Ловчій: при татарахъ, 142.
Логинъ, монахъ, 240.
Лодки: первоб. славяне, 3, 5; варяги, 24; крытыя, 66; казаки 217.
Ложи: масоны, 453.
Ложка (Д): начало на Руси, 44.
Локкъ, ученый: переводы, 384; вліяніе въ Россіи, 386.
Ломбардія (Д): государство, 3.
Ломоносовъ: латин. школа, 322; Елизавета, 344, 443; правъ, 372, 373; просвѣщеніе, 376, 378, 380; сатира, оды, 380; значеніе, 383; журналы, 384; осмѣяніе, 386; поэтъ, 389.
Лондонъ: Петръ I, 290; рус. типографія, 431.
Лопари: опредѣл., 7; Трифонъ, 227; торговля, 230.
Лопатинскій, ученый: Яворскій, 379.
Лопухины. 1) Евдокія, 288, 291, 301.— 2) Масонъ, 392
Лосенко, живописецъ, 393.
Лось: охота, 60.
Лотерея: Елизавета, 347, 368.
Лошадь (Д): литовцы, 8.
Луба: самозванецъ, 216.
Лужичане: начало, 4; 19-й в., 400.
Луи-Бланъ, ученый: вліяніе въ Россіи, 458.
Луи-Филиппъ Орлеанскій, 397.
Лука, евангелистъ, 68.
Лука Жидята: епископъ, 89; проповѣдь, 93.
Лукъ: древн. славяне, 15; у татаръ, 114; Иванъ IV, 185.
Лупа (Д): исламъ, 162.
Лупалова: Параша Сибирячка, 449.
Лукидарій, сочиненіе, 244.
Лукъ: Терлецкій, 252.
Лучшіе: въ Новгородѣ, 74, 75, 168.
Лыко: знач. въ Литвѣ, 32.
Лысая Гора: суевѣрія, 15.
Лысенко, музыкантъ, 475.
Лыцарство: Сѣчь, 256.
Львовъ, гор: основаніе, 130; типографіи, 254; Хмѣльницкій, 277.
Львовъ, музыкантъ: мелодія, 389; пѣсни, 393; матица, 401.
Льготы: городамъ на Зап., 101; городамъ и крестьянамъ въ Россіи, 144, 145; духовенству, 147, 228; монастырямъ, 150; разнымъ лицамъ, 156; Годуновъ, 192; Сигизмундъ III, 206; стрѣльцамъ, 215, 286; окраинамъ, 219; казакамъ, 256, 257, 299; иностранцамъ, 309; промысламъ, 343; колонистамъ, 351; дворянству, 352; раскольникамъ, 354; бѣглымъ, 363; университетамъ, 378; военная служба, 436.
Лѣсоводство: Петръ I, 309; Алекс. I, 406; школы, 442.
Лѣсной: битва, 299.
Лѣствичное восхожденіе: Черниговъ, 77; Волынь, 78; паденіе, 62, 81; татары, 121; Москва, 131.
Лѣстница родовая, 13.
Лѣсъ: первобытный на Зап. и въ Россіи, 2, 5; въ Литвѣ, 8; боготвореніе, 9; удѣлы, 51, 98; татары, 141; смута, 220, 221; Алекс. I, 410; Кавказъ, 420; истребленіе, 431; 19-й в., 432; пейзажъ, 469.
Лѣтопись (Д): договоръ Олега, 38; начало, 41; Польша, 50; Мономаховичи, 62; крест. походы, 90; тіунъ. посадникъ, 92; сказанія, 95; удѣлы, 95—97; Димитрій Донской, 136; татары, 155—157; румыны, 163; Иванъ IV, 184; смута, 231, 238, 239, 243; Никонъ, 326; Татищевъ, 384; Алекс. I, 450.
Лѣчецъ см. *Врачъ*.

Лѣшій: первобытн. славяне, 16.
Любекъ: Новгородъ, 144; московскіе купцы, 231.
Любечъ: битва, 31; съѣздъ князей, 57.
Любители соловьевъ, картина, 468.
Любушинъ Судъ, пѣсня, 5.
Люди см. *Мужики*.
Люди сороковыхъ годовъ, сочин. 464.
Людмила. 1) Княгиня, 23.—2) Сочиненіе, 446.
Людодерство: знач. слова, 321.
Людовикъ. 1) XI: абсолютизмъ, 160.—2) XIV: значеніе, 262, 263; идея, 292; Екат. I, 304;—3) XVI, 263.—4) XVIII: Павелъ I, 361; Алекс. I, 414.—5) *Венгерскій*: призваніе въ Польшу, 109; Ядвига, 110.
Лютеранс: начало, 161; въ Россіи, 320.
Лютеръ: смута, 238; Анна Иван. 375.
Лютичи: франки, 4.
Ляпуновы: Лжедимитрій I, 198; Прокопій, 202—210.
Ляхи см. *Поляки*.
Ляхъ, герой преданія, 5.
Ляшенки: брань, 319.

Магазины: хлѣбные при Екат. II, 364.
Магдебургъ: архіепископство, 23, 24; право, 109, 144, 229, 251, 310.
Магелланъ, путешественникъ, 161.
Магистраты (Д): начало, 310; Екат. II, 350, 352.
Магистръ: меченосцы, 80.
Магнаты: Венгрія, 22, 265; Галичъ, 78.
Магницкій. 1) Ученый, 326.—2) Попечитель, 417.
Магнусъ, король, 189, 194.
Магометанство (Д): камск. болгары, 8; хозары, 8; Кіевъ, 28; татары, 118, 125; Порта, 162; смута, 227; Кавказъ, 280; Екат. II, 363; Египетъ, 419.
Магометъ II, султанъ, 105.
Мадридская ночь, музыкал. сочиненіе, 474.
Мадьяры см. *Венгры*.
Мазандеранъ: присоед. къ Рос., 301.
Мазепа, опера, 473.
Мазепа, гетманъ: пѣсни, 260; характ. 287; Петръ I, 289; Карлъ XII, 299.
Мазовія, 50.
Макарій: Степенная Книга, 243; Четіи-Минеи, 246.
Макарова, писательница, 448.
Макаровъ, кабинетъ-секретарь, 306.
Македонія (Д): сербы, 106.
Македонцы, византт. династія, 20.
Макіавель, ученый, 161.
Маккавеи, опера, 473.
Маковница см. *Глава*.
Маковская, живописецъ, 469.
Маковскіе, живописцы, 468, 469.
Максимовичъ: народность, 458; 40-е годы, 460.
Максимъ. 1) Митрополитъ, 146. — 2) *Грекъ*: Аѳонъ, 176; Ив. IV, 181; суевѣрія, 240; старина, 241; духовенство, 242; значеніе, 261.
Малаховскій: раздѣлъ Польши, 357.
Малаховъ курганъ, битва, 426.
Малая Азія (Д): славяне, 3; сельджуки, 46; татары, 104.
Малая Польша: начало, 24.
Малороссія: начало имени, 278; Кіевск. губ., 299; коллегія, 299; Елизавета, 344; Екат. II, 352; Павелъ I, 361; крѣпостничество, 367; штунда, 438; живопись, 468; узоръ, 471; опера, драма, 475.
Малороссы: начало, 6; удѣлы, 66, 100; черкасы, 192; западн. образованіе, 250; поляки, 252—257; ученые, 266; присоед. къ Москвѣ, 276—279; въ синодѣ, 370; Галиція, 401; юморъ, 455; славянофилы, 459; литература, 460; пѣсни, 471.
Малорусская губ.: Екат. II, 352.
Малоярославецъ, битва, 413.
Малыя Четьи-Минеи, сочин., 324.
Мальвазія, вино, 248.
Мальта (Д): Павелъ I, 361, 362.
Мальчикъ-Спульпторъ, статуя, 470.
Малюта Скуратовъ: опричнина, 183, 184; дочь, 191, 205; пѣсни, 245.
Мамай, ханъ, 117, 136—138, 141.
Мамонтъ (Д): кость у славянъ, 14.
Мандаринъ (Д), 115.
Манихейство (Д), ересь: Болгарія, 21.
Маргаритъ, сборникъ: начало, 244; Четіи-Минеи, 247.
Марево, сочиненіе, 465.
Маріенбургъ: Екат. I, 301.
Марія. 1) Тверская, 140, 169. — 2) Жена Ив. IV-го, 181.—3) Нагая, 184; монахиня Мароа, 199, 201, 202.—4) Владиміровна, 194, 195.—5) Милославская: Алекс. Мих. 267; Петръ I, 283.—6) Ѳедоровна: 360, 372; Алекс. I, 416; Жуковскій, 450.—7) Александровна, 442.
Марія-Терезія: значеніе, 265; Остерманъ, 340; Елизав., 345.
Марка, область: франки, 11.
Маркъ-Аврелій (Д): императоръ: рус. переводъ, 385.
Мартинисты, мистики, 392.
Мартинъ, еретикъ, 92.
Мартосъ, ваятель, 469.
Мартъ (Д): начало года, 156.
Мартыновы: классицизмъ, 449; рус. древности, 471.

Марьина Роша, сочиненіе, 446.
Маршировка: Николай I, 424.
Марфа. 1) Посадница см. *Борецкіе*.— 2) Романова, 196, 212, 213, 218, 219. 3) См. Марія Нагая.
Маскерадъ: Анна Иван. 335.
Маски (Д): Лжедим., 201, 202.
Масло: деревянное, 14; льняное, конопляное, 309.
Масляница: древн. славяне, 17; мистеріи, 246.
Масоны: Екат. II, 353, 359, 387, 392; Алекс. I, 414, 444, 452; реакція, 452; прекращеніе, 453.
Массена, генералъ: Суворовъ, 361, 362.
Мастеровые, мастеръ: франки, 12; татары, 114; Галиція, 130; знач. слова, 157; Ив. III, 171; Ив. IV, 181; Петръ I, 290, 328.
Мастрюкъ Темрюковичъ, 245.
Матвѣевъ Артамонъ: характ., 282; значеніе и преслѣдов., 284; возвышеніе, 285; смерть, 286; Мазепа, 289; писатель, 327.
Математика (Д): Западъ, 47, 161, 263, Вас. III, 244; Петръ I, 290, 323; передъ Петромъ I, 326; гимназіи; 379; общества, 443.
Матерая вдова: значеніе, 14; первые князья, 39.
Матеріализмъ (Д): смута, 237; Западъ, 398.
Матеріальный бытъ (Д) см. *Культура*.
Матинскій, писатель, 388.
Матица, общество: чехи, 400; Львовъ, 401; лужичане, 401; иллиры, 402; сербы, 403.
Мать-Сыра-Земля (Д): божество у древн. славянъ, 16.
Махметъ-Аминь, ханъ, 174.
Мацѣевицы, битва, 358.
Мацѣевичъ, см. *Арсеній*.
Мацѣевскій, ученый, 399.
Машины (Д): военныя, 114, 223; промышлен. 263; 19-й в., 397; земледѣліе, 432, 436.
Маякъ, журналъ, 460.
Майковы, писатели: Екат. II, 386; Алекс. II, 465.
Майоратъ: знач. слова, 224; Петръ I, 305.
Мебель (Д): начало въ Россіи, 44; Алекс. Мих., 282.
Медвѣдевъ, Сильвестръ: Софья, 287; казнь, 288; писатель, 327.
Медвѣдица, р.: Булавинъ, 294.
Медвѣдь (Д): божество, 7; охота, 60; мясо, 93; татары, 150; смута, 236; Елизав., 372.
Медицина (Д): Западъ, 47; Петръ I, 303, 323, 324; Екатер. II, 351; 18-й вѣкъ, 378; 19-й вѣкъ, 432; школы, 442; Алекс. II, 465.
Медуша: опредѣленіе, 43.
Медъ: начало въ Рос., 2; Литва, 8; древн. славяне, 14, 44; славян. миѳол., 17; Влад. Св., 30; удѣлы, 64, 79, 83; Рязань, 132; татары, 142; смута, 204, 227, 234, 248.
Междоусобіе: родовой бытъ, 13, 24; Святославичи, 27; поэзія, 42; ю. и з. славяне, 49, 50; причины въ Рос., 51—53; удѣлы, 61, 62, 84, 93, 96, 99, 100, 120; прекращ. на сѣв. 72, 121, Скандинавія, 102, 123; чехи, 107; поляки, 108; татары, 113, 117; Москва, Псковъ, 132; Новгородъ, 135, 168; Орда, 136, 173, 174; нравств. вліяніе, 151; западъ, 47, 99, 160, 161; древняя Россія, 260, 261.
Межеваніе: Елизавета, 344; Екатер. II, 352; 18-й вѣкъ, 368; школы, 442.
Мекленбургъ: Смоленскъ, Полоцкъ, 144; Екат. Ив., 300.
Меланхолія: Дм. Пожарскій, 213; Мих. Ѳед., 219; музыка, 472.
Мелодія: народная, 389; романсъ, 471; Глинка, Даргомыжскій, 472; Чайковскій, 473.
Мельниковъ, писатель, 465.
Мельникъ, комедія, 388.
Мельница: удѣлы, 98.
Мемуары (Д) см. *Записки*.
Менгли-Гирей, ханъ, 174.
Менделѣевъ, ученый, 465.
Менезіусъ: Петръ I, 287.
Меншикова. 1) Дочь Александра, 331.— 2) Пѣвица, 474.
Меншиковъ. 1) Александръ: характеръ, 295, 296; Петръ I, 298, 301; Екатер. I, 330; Петръ II, 331, 332; Курляндія, 334.—2) Генералъ: крым. война, 425, 426.
Меньшіе люди: Новгородъ, 74, 75, 168; мѣстничество, 224.
Мервъ (Д): присоед. къ Россіи, 431.
Мерзляковъ, профессоръ: лжеклассицизмъ, 445; оды, 445; романсы, 448; классицизмъ, 449; знач. пѣсенъ, 450; критика, 452.
Мерикъ Джонъ, купецъ, 218.
Меркантилизмъ, 369.
Меркаторъ, географъ, 244.
Мертвыя Души, сочиненіе: появленіе, 459; сожженіе, 460.
Меря: культура, 7; удѣлы, 66.
Месмеризмъ, 392.
Мессіанцы: поляки, 424.
Мессія (Д): поляки, 424.
Мессія Праведный, сочин. 258.
Местръ (де), писатель, 415.

Месть, кровная: древніе славяне, 12, 38; Ольга, 25; удѣлы, 82.
Металлургія: Ломоносовъ, 383.
Металлъ (Д): камск. болгары, 7; смута, 236: 18-й вѣкъ, 366; Ник. I, 422.
Метафизика (Д): Западъ, 398; Польша, 399; начало въ Россіи, 446; сатира, 448; классицизмъ, 450; 30-е годы, 457; Бѣлинскій, 458; Базаровъ, 462.
Метла: татары, 158; опричнина, 183, 184.
Меттернихъ: значеніе, 396; Алекс. I, 415, 416; Нессельроде, 417; паденіе, 418.
Мефистофель, статуя, 470.
Механика: Петръ I, 323.
Мехметъ-Али, 419, 421.
Меценатство (Д): Августъ III польскій, 265; Екат. II, 386. 390.
Меченосцы: начало, 80; Алекс. Невскій, 124; Литва, 135; Казиміръ, 168.
Меченоши, придворные: удѣлы, 81.
Мечеть: камск. болгары, 8; смута, 227.
Мечиславъ I, король, 23.
Мечъ (Д): меря, 7; скандинавы, 9; древн. славяне, 15, 36; кладенецъ, 42; меченосцы, 80.
Меѳодій, святой, 20—22.
Мейнгардъ, епископъ, 79.
Мизія (Д): болгары, 4.
Миклошичъ, ученый, 400.
Миклуха-Маклай, путешественникъ, 465.
Микула Селяниновичъ, богатырь, 18.
Микѣшинъ, ваятель, 470.
Миланъ, князь: Габсбурги, 262; Сербія, 403.
Милиція: Алекс. I, 409.
Миллеръ, ученый, 384, 385.
Милонѣгъ, зодчій, 97.
Милославскіе: Алекс. Мих., 267; Никонъ, 268; возвышеніе, 283; значеніе, 284, 286; Петръ I, 291.
Милошъ, князь, 403.
Милютинъ: освобожд. крестьянъ, 427.
Миля: происхожд. слова, 250.
Миндовгъ: характеристика, 110; Даниило галицкій, 130
Минералогія: Ломоносовъ, 383.
Минеральныя воды: начало, 324.
Мининъ Козьма: дѣятельность, 209—213; статуя, 469.
Министерства: приказы, 170; начало, 406; Алекс. I, 409, 410; госуд. совѣтъ, 410—412; народн. просвѣщенія, 417, 424, 441; госуд. имуществъ, 422; внутр. дѣлъ, 424, 433.
Минихъ: Петръ I, 296; Анна Ив., 335—340; Петръ III, 347, 349.
Миніатюра: Византія, 10; начало въ Россіи, 98; Польша, 109; смута, 249.
Миннезенгеры, поэты, 48. 103.
Миноноски: Алекс. III, 434.
Минскъ: Всеславъ полоцкій, 33.
Мирабо: Алекс. I, 405.
Мировичъ: Иванъ VI, 341; Екат. II, 374.
Мировой посредникъ: начало, 427; дворянство, 439.
Мировой судья: Алекс. II, 427; нравы, 429.
Миссіи: іезуитскія въ Россіи, 371, 416.
Миссіонеры: 18-й вѣкъ, 374.
Мисы, посуда, 248.
Мистеріи (Д): начало въ Рос., 246; польск. Русь, 259.
Мистика: Западъ, 103; Петръ I, 319.
Мистицизмъ (Д): Екатер. II, 387; Державинъ, 389; масоны. 391, 392: преобразованія, 396; 19-й вѣкъ, 396; Западъ, 398; Польша, 399; чехи, 400; Алекс. I, 404, 414—416, 444, 447. 452; Голицинъ, Шишковъ, 417; поляки, 424; Карамзинъ, 444; Жуковскій, 446; сатира, 448; Николай I, 460; искусство, 470.
Митава, гор.: Анна Иван., 332; Людов. XVIII, 361; Бурбоны, 408.
Митрополитъ (Д): кіевскій. 70, 226, 252, 253, 287; удѣлы, 85; переходъ въ Москву, 134, 146; унія. 140; татары, 146, 148, 149; Василій III, 177; Годуновъ, 194; смута, 225, 226, 239; унія, 252—254; католич. въ Рос., 371; расколъ, 437.
Митрополія (Д): начало въ Россіи, 29, 38; Ярославъ, 33; галицкая, 251.
Мишрофанушка, типъ: Даниловъ, 384.
Митрофанъ, епископъ, 297.
Митхадъ-паша, 429.
Митяй, попъ, 147.
Михаилъ. 1) III, визант. императоръ, 11, 20.—2) Болгар. князь, 21.—3) Сербск. царь, 22.—4) Митрополитъ, 29.—5) Черниговскій. 77; сказанія, 157.—6) Ярославичъ тверской, 127, 134, 136, 137; сказанія, 157.—7) Архангелъ, 155.—8) Борисовичъ тверской, 167.—9) Ѳедоровичъ: Годуновъ, 196; смута, 211; избраніе, 212; задачи, 214; Польша, 215, 216; Швеція, 216—217; Азовъ, 217; Западъ, 218; внутр. политика, 219, 220.—10) Павловичъ, 414.
Мицкевичъ, поэтъ: значеніе, 399; мистицизмъ, 424.
Мишка Черкашенинъ, 245.
Миѳологія (Д): славяне, 154; классическая въ польск. Руси, 258; Петръ I, 328; Екат. II, 389, 390.

Міръ. 1) Сельскій: Ив. IV, 229; Алекс. II, 436,—2) Городской: Ив. IV, 229.
Миръ Ликійскій, 258.
Младо-чехи, партія. 400.
Мнишки, паны: смута, 197, 201, 203, 204; Юрій, 197, 203; Марина, 197, 201—208, 213, 214.
Многоженство (Д): древн. славяне, 14; Влад. Св., 27; первые князья, 39; удѣлы, 86; татары, 151.
Могила (Д): славян. миѳологія, 17, 18; Аскольдъ, 24.
Могила Петръ, 254.
Могилевъ: типографія, 254; Карлъ XII, 299; губернія, 355; Екат. II, 357; католики, 371; расколъ, 437.
Модная Лавка, сочиненіе, 448.
Моды: Франція, 263.
Можайскъ: присоед. къ Москвѣ, 131.
Мозаика (Д): Византія, 10; начало въ Россіи, 43; удѣлы, 98; Ломоносовъ, 383, 393; Исак. соборъ, 470.
Моисей, пророкъ (Д): хозары, 8.
Молдавія: княжество, румыны, 106; турки, 107; Галиція, Подолія, 144; Порта, 162; Валахія, 163, 265; запорожцы, 256; Ив. III, 174; Анна Ив. 338: бѣглые русскіе, 363; Румынія, 404; крым. война, 425.
Молельня: расколъ, 438.
Моленіе Даніила Заточника, сочин., 94, 95.
Молитва (Д); арійцы, 2; древн. славяне, 18: первые князья, 40; татары, 152.
Молитвенникъ: удѣлы, 91.
Молнія: арійцы, 2; славян. миѳол., 18, 113.
Молога, р., 133.
Молоканс: начало, 371; Алекс. III, 438.
Мольеръ (Д), поэтъ: Петръ I, 328.
Монархизмъ (Д): Карлъ Вел., 19; начало на Зап., 101; Германія, 102; чехи, 107; развитіе на Зап., 159, 160; Польша, 164, 166, 399; Павелъ I, 361.
Монастыри: Олимпъ, 20; Ярославъ, 32; удѣлы, 86; колонизація, 88, 227; начало женскихъ, 88; уставъ, 89; земля, 145; татары, 149; свѣтская власть, 150; Бѣлозерскій, 150; Ипатьевскій, 156; села, 172, 173; крѣпостничество, 228, 312, 343, 351; каменные, 247; польская Русь, 251; Петръ Могила, 255; Польша, 431.
Монастырскій приказъ: Петръ I, 312.
Монахи: рыцари, 47; удѣлы, 88; татары, 151; смута, 205, 208, 209, 237; исправл. книгъ, 269; кіевскіе въ Москвѣ, 283.
Монахиня: Яросл. I, 28.
Монашество: на Зап., 12, 47; начало въ Россіи, 40; удѣлы, 87—89; князья, 142; татары, 149—150; громотность, 152; еретики, 240; Петръ I, 312, 321; сатира, 376.
Монголы (Д): раздѣленіе, 2; Чингизъ ханъ, 46; монг. иго, 115, 117; его слѣдствія, 119—120; Кавказъ, 280. См. *Татары*.
Монеты (Д): начало у славянъ, 9, 14, 44; Польша, 109; татары, 144; Ив. III. 171; смута, 247; Алекс. Мих., 274; разбойники, 302; Петръ III, 347; Екат. II, 351; 18-й в., 368; Алекс. I, 411; Ник. I, 422; Финляндія, 434; Алекс. III, 435.
Монологи: Озеровъ, 446; Чацкій, 450.
Мономаховичи: борьба съ Ольговичами, 62; междоусобія, 65; Мстисл. Удалой, 75.
Мономахъ. 1) Константинъ, 20.—2) Владиміръ: половцы, 59; преданія, 59; вел. князь, 59—61; пѣсни, 61; князь всея Руси, 81; писатель. 90; Никифоръ, 92; Несторъ, 96; шапка, 179.
Монополія (Д): Ив. IV, 189; Мих. Ѳед., 220; смута, 230, 234; Алекс. Мих., 267, 308; 18-й в., 365.
Монсъ, царедворецъ, 301.
Монтескье, ученый: Западъ, 263; Екат. II, 345, 376, 379; Наказъ, 351; Алекс. I, 405; Сперанскій, 410; рус. переводы, 451.
Монферранъ, архитекторъ, 470.
Монументъ (Д): см. *Памятникъ*.
Мораване: опредѣл. 4; христіанство, 22; чехи, 23; поляки, 24.
Моравія: заселеніе, 22; венгры, 22; татары, 116.
Моравскіе братья, 108, 414.
Моргъ, р.: суевѣріе, 152.
Мордва (Д): опредѣл. 2; финны, 7.
Мордвиновъ, министръ: Алекс. I, 406; Наполеонъ I, 408; значеніе, 445.
Моржъ: клыки у древн. славянъ, 14.
Морильщики, секта: Петръ I, 313.
Мориць саксонскій: Курляндія, 334.
Морозовы: смута, 212; вымираніе, 225; Алексѣй Мих., 266, 267; зап. вліяніе, 266; бунтъ, 273; женщина, 317; толпа, 319.
Морошкинъ, ученый: Венелинъ, 460.
Морской царь: пѣсни, 42.
Моръ, моровая язва: удѣлы, 84, 86; татары, 141, 153; Годуновъ, 196; смута, 221.
Москаль: знач. слова, 279; преслѣдованіе, 280.
Москва, р.: граница славянъ, 7; удѣлы, 65.
Москва, гор.: преданіе, 65; основаніе,

66; Ольгердъ, 111; Тверь, 121; возвышеніе, 122; Даніилъ, 126—128; причины усиленія, 131, 132; Ив. Калита, 133, 134; Ив. II, Донской, 134—139; Вас. I и II, 139—140; торговля, 144; татары, 116, 120, 144, 147; Сергій, 150; Сербія, Черног., Румынія, 163; Баторій, 166; Ив. III, 167—174; смута, 189, 229, 230, 247, 248; запорожцы, 256, 257; Алекс. Мих. 267, 274; Разинъ, 276; Хлѣбницк. 277—279; Петербургъ, 293; Петръ I; 302, 313, 329; болгары, 404; Напол. I, 413; Никол. дорога, 422; Алекс. III, 432; высш. женск. курсы, 442; этнографія, 443; Пушкинъ, 454; купечество, 464; слав. комитетъ, 466; Романовскія палаты, 471; консерваторія, 475.

Москвитянинъ, журналъ: значеніе, 458; 40-е годы, 460.

Московская губ.: финны, 66; моск. княжество, 131.

Московскія Вѣдомости, 344, 385, 466.

Московскій Наблюдатель, журналъ, 457, 458.

Мостовая: начало въ Россіи, 158; смута, 247; Петръ I, 303; Алекс. III, 433.

Мостъ (Д): начало въ Россіи, 35; удѣлы, 98; татары, 158; смута, 247.

Мотивы: рус. музыка, 471; Глинка, 472.

Моцартъ, музыкантъ, 475.

Мочаловъ, актеръ, 448, 464.

Мошкарникъ: знач. слова, 243.

Моши: Климентъ. 29, 87; печеряне, 89; татары, 151; Ив. IV, 183; смута, 237; Филиппъ, 268.

Мраморъ (Д): начало въ Рос., 33, 43; татары, 157; красный, 158.

Мстиславичи: Новгородъ, 70.

Мстиславскіе, бояре: Ѳедоръ, 190, 191, 206; Лжедимитрій, 198; Ив. IV, 224; вымираніе, 225.

Мстиславъ. 1) Тмутараканскій характ. 31—32; поэзія, 42.—2) Великій: характер. 61; потомство, 69; грамота, 97.—3) Храбрый: характ., 69, 74; Андрей Богол., 70, 71.—4) Удалой: характ. 69, 74; Новгор. и Галичъ, 75, 76.—5) Черниговскій, 77.

Мужи: знач. въ древности, 24, 36.

Мужики: знач. слова, 36; Сербія, 105; Лжедим. II, 202; пашенные, 228; журналы, 443; Кольцовъ, 455.

Музеи (Д): естественный, 424; археологическій, 324; чешскій, 400; этнографія, 443; Кенсингтонъ, 470.

Музыка (Д): удѣлы, 82; Лжедим., 200; Алекс. Мих., 283; Петръ I, 288; роговая, 341; рус. пѣсни, 393; Западъ, 398; школы, 442; русская, 471; новая. 472; инструментальная, камерная, 473; програмная, 474.

Мулла: татары, 113.

Мундиръ: начало, 304; Петръ III, 348; Екатер. II, 349; ваяніе, 469.

Муравьевы: писатель, 386; крым. война, 426; Польша, 431; Союзъ Благоденствія, 453.

Муравьевъ-Апостолъ: декабристъ, 418; ученый, 449.

Мурадъ, султанъ, 104.

Мурза: знач. слова, 133; боярство, 143.

Мурильо, живописецъ, 161.

Мурманскій берегъ: Петръ I, 288.

Муроль: знач. слова, 247.

Мурома, народъ: финны, 7.

Муромъ, гор.: знач. слова, 7; Глѣбъ, 31; Черниговъ, 53; Мономахъ, 57; Олегъ Святославичъ, 57; Ярославъ Свят., 77; Суздаль, 77; татары, 116.

Мусія см. *Мозаика*.

Мускусница, посуда, 248.

Мусоргскій, музыкантъ: портретъ, 468; значеніе, 472, 473.

Мусульманство см. *Магометанство*.

Муттенъ, битва: Суворовъ, 362.

Муфти: опредѣленіе, 161.

Мученики (Д): начало въ Рос., 27.

Мушкетъ: Мих. Ѳед. 215, 307.

Мыло: древн. славяне, 14; смута, 234.

Мыта см. *Пошлины*.

Мышь: преданіе, 5; татары, 141; смута, 221; Аввакумъ, 272.

Мѣдь (Д): удѣлы, 64; татары, 158; Ив. III, 171; Ив. IV, 186; Мих. Ѳед., 218; Алекс. Мих. 274; Петръ I, 307, 309; Алекс. I, 411.

Мѣра (Д): начало въ Россіи, 39.

Мѣрославскій, 424, 425, 430.

Мѣста правительственныя: Петръ I, 306; Екат. II, 352.

Мѣстничество: опредѣл., 186; смута, 224, 235; отмѣна, 284.

Мѣсяцъ: славян. миѳологія, 17.

Мѣха: финны, 7; древн. славяне, 14, 37; удѣлы, 83; татары, 142; смута, 230, 233; Алекс. Мих. 281; 18-й вѣкъ, 367.

Мѣшане: начало у славянъ, 13; Ѳедоръ, 190; Лжедим. II, 202; польск. Русь, 253, 254; Екат. II, 352; журналы, 387; Николай I, 423.

Мюнстеръ: Смоленскъ, Полоцкъ, 144.

Мюнхенгрецъ: конгрессъ, 418.

Мюридизмъ, 420.

Мясо: древн. славяне, 44; Ив. IV, 185; смута, 230.

Мясоѣдовъ, живописецъ, 468, 469.

Мятежъ см. *Бунтъ*.

Наборъ: смута, 235; Петръ I, 307, 314; Анна Иван. 335; Елизав. 343; Алекс. II, 430. См. *Рекрутчина*.
Наводненіе: при татарахъ, 141.
Навуходоносоръ (Д): суевѣріе, 239; Никонъ, 270.
Нагая, Марія: Ив. IV, 184; Дим. царевичъ, 189, 190; его воспитаніе, 195.
Надеждинъ, профессоръ: журналы, 456; народность, 458; значеніе, 465.
Наемники (Д): Византія, 11; первые князья, 36; Ив. IV, 235.
Назаретъ: Никонъ, 268.
Наказъ, сочиненіе: крѣпостничество, 366; Екатер. II, 377; значеніе, 351, 387.
Наканунѣ, сочиненіе, 462.
Наливай-городъ, 222.
Наливайко, гетманъ: почести, 257; пѣсни, 260.
Наличники: на окнахъ, 44.
Налоги: Византія, 8; татары, 143; Мих. Ѳед. 215, 220; иностранцы, 231; смута, 233, 234; польск. Русь, 251; 17-й вѣкъ, 307; Петръ I, 308, 310, 311; Екат. II, 349; расколъ, 370; Алекс. I, 409; косвенные, 433; поземельн. и подоходные, 435; государств. и земскіе, 436.
Намѣстники (Д): татары, 143; чехи, 164; моск. въ Новгор. 169; Судебникъ, 170; Василій III, 175; Иванъ IV, 185, 223; епископскіе, 187; царство Каз. и Астрах. 191; смута 232—234; Кавказъ, 434.
Наперсникъ, 169.
Напитки: Владим. Св. 39; первые князья, 44; смута, 248.
Наполеонъ. 1) I: знач. для Россіи, 359; Павелъ I, 361, 362; Державинъ, 389; имперія, 396; Алекс. I, 407—416; поляки, 424; руск. патріотизмъ, 445, 446; Л. Толстой, 364.—2) III: имперія, 397; крым. война, 425; цензура, 428; поляки, 430.
Направникъ, музыкантъ, 474.
Нарва: Ив. IV, 165; Петръ I, 298.
Народность: при татарахъ, 119; чехи, 164; древн. Россія, 261; Анна Леопол. 340; Елизав. 341; Екат. II, 349, 350, 354, 387, 447; 18-й вѣкъ, 396; Западъ, 398; поляки, 399; чехи, 400; Ник. I, 418, 456; письменность, 443; Карамзинъ, 444; значеніе, 445; драма, 448; классицизмъ, 450; Пушкинъ, 450; изученіе, 452; 30-е годы, 453, 458; Надеждинъ, 456, 457; славянофилы, 458; Алекс. II, 461, 466; Тургеневъ, 461, 462; живопись, 467, 468; ваяніе, 470; Глинка, 472; Даргомыжскій, 473.
Народныя Новины, журналъ, 400.
Народъ: начало русскаго, 34, 100; Алекс. I, 415; письменность, 464, 465; живопись, 468.
Наррація: происхожд. слова, 258.
Нарышкины: Наталья Кирил. 282, 283, 285; преслѣдованіе, 284, 286; правленіе, 288; Алекс. I, 415; Союзъ Благоденствія, 453.
Нарѣжный, писатель: значеніе, 448; народность, 450; реакція, 453.
Нарѣчіе: кіевск., новгород., московск., 249—250; обще-славянское, 321.
Нарядникъ: значеніе слова, 25; Ярославъ I, 32.
Нарядъ: государство, 80; одежда, 99. См. *Артиллерія*.
Населеніе: удѣлы, 84; Иванъ I, 132; татары, 140; смута, 220, 221; въ 1645—1725 г., 302, 303; 18-й вѣкъ, 362, 363; 19-й вѣкъ, 431.
Наслѣдство: вдова, 39; престолъ, 61; области 81.
Настоятели: опредѣленіе, 187.
Наталья Алексѣевна: Петръ I, 301; Петръ II, 331, 332; значеніе, 372.
Натуральная школа: поэзія, 455; происхожд. слова, 457; 40-е годы, 459; Алекс. II, 461, 465; живопись, 467.
Наузы: значеніе слова, 152.
Наука (Д): начало въ Россіи, 41; при татарахъ, 155; Западъ 161; Польша. 164; Годуновъ, 192; смута. 239; Курбскій, 242; польск. Русь, 257; 17-й вѣкъ, 318; Петръ I, 322; Елизав. 344; 18-й вѣкъ, 375, 378, 380, 383—385, 395; Екатер. II, 390; сербы, 403; общества, 443; Алекс. I, 452; опытныя, 452, 458, 460; 30-е годы, 453, 458; 40-е годы, 460; Алекс. II, 465.
Наушники, одежда: удѣлы, 83.
Нахимовъ. 1) Адмиралъ, 425.—2) Писатель, 447.
Нахичевань: присоед. къ Россіи, 419.
Національность: удѣлы, 92; чехи, 107; Петръ I, 295; 19-й вѣкъ, 397.
Начальные люди, 252.
Нашокинъ: характер., 282; сынъ, 303; горожане, 310, 316; пѣсни, 327.
Наѣздъ: княжіе люди, 151.
Найденъ, намѣстникъ, 175.
Наймитство: опредѣл. 36; начало, 39; татары, 145, 149.
Неаполь (Д): варяги, 9; норманны, 46; Бурбоны, 262; Алексѣй царевичъ, 295.
Небо: славянск. миѳологія, 17.
Небо Новое, сочиненіе, 259.
Нева: битва, 123; Петербургъ, 293.
Невинные разсказы, сочиненіе, 464.
Невѣста: первобытные славяне, 14; первые князья, 39; татары, 113, 118;

смута, 246; передъ Петромъ I, 317; Петръ I, 318.
Недоимки: 18-й вѣкъ, 307, 310, 314; Елизав. 343; Екат. II, 366; Ник. I, 422; Алекс. III, 435, 438.
Недоросли: Петръ I, 318.
Недоросль, сочиненіе, 387, 388.
Нежить: опредѣленіе, 16; удѣлы, 86.
Некрасовцы, 294.
Некрасовъ. 1) Казакъ, 294.—2) Поэтъ: Отеч. Зап., 458; 40-е годы, 459; Александръ II, 463.
Некуда, сочиненіе, 465.
Нелединскій-Мелецкій, писатель, 448.
Неманичи, сербск. династія, 48.
Немеза, р.: битва, 33.
Немоляки, секта. 438.
Неплюевъ: записки, 384.
Непрядва р.: битва, 138.
Неронъ (Д), опера, 473.
Нерчинскъ: рудники, 439.
Нессельроде, канцлеръ, 417.
Несторъ (Д), лѣтописецъ: житія святыхъ, 94; лѣтопись, 95, 96; апокрифы, 154; Татищевъ, 384; Каченовскій, 458.
Неурожай: 18-й в. 302; 19-й в. 432.
Нефть (Д): Кавказъ, 432.
Нечаевъ, заговорщикъ, 431.
Нечай, полковникъ, 276.
Нечистый см. *Бѣсъ*.
Нейзацъ, гор., 403.
Нигилизмъ: Базаровъ, 462; романъ, 465.
Нидерланды: протестантизмъ, 162.
Нижній земскій судъ, 352.
Нижній Новгородъ: основаніе, 122; торговля, 144; Сергій Радонежскій, 150; смута, 209, 210; возвышеніе, 229; торговля въ смуту, 230.
Никита. 1) *Пустосвятъ*: справщикъ, 270; расколъ, 271; стрѣльцы, 286; Полоцкій, 319.—2) *Романовичъ*: въ пѣсняхъ, 212, 245.
Никитинъ. 1) Путешественникъ, 244.—2) Поэтъ, 465.
Никифоръ. 1) Императоръ, 20.—2) Митрополитъ, 92.
Никола, юродивый, 185, 187.
Николаевъ, гор.: крым. война, 426.
Николай.—1) Папа, 11.—2) Императоръ: Митрофаній, 297; черногорцы, 403; царствованіе, 418—426; расколъ, 437, 439; нравы, 438; ссылка, 439; Пушкинъ, 454; театръ, 464; живопись, 466, 467; ваяніе, 470; рус. древности, 471.—3) Святоша, 89.
Никоніанство, 271.
Никонъ: характеристика, 267, 268; исправленіе книгъ, 269; его дѣло, 269–271; Аввакумъ, 272; Новгородъ, 273; лѣтописи, 326.
Никулинъ: расколъ, 312.
Нилъ Сорскій: характеристика, 172; церк. имущества, 173; Вассіанъ Косой, 176; духовенство, 237.
Ништадтскій миръ, 300.
Нищенство: 18-й вѣкъ, 303; расколъ, 437.
Новая Александрія: институтъ, 442.
Новая Сербія: начало, 264; Елизавета, 343.
Новгородъ: начало, 5; варяги, 9; Рюрикъ, 24; Ярополкъ, Влад. св., 27; христіанство, 29; Ярославъ, 30, 31, 33; Всеславъ, 33; независимость, 53; 57; Суздаль, 65—70; быть, 72—74, Мстиславъ, 74—76; волхвы, 85, 86; характеръ жителей, 93; разложеніе, 121; Невскій 122–126; татары, 116, 126; Ив. I, 133, 134; Семенъ, 135; Шемяка, 140; вѣче, 143; богатство, 144; Москва, 149, 168, 169, 171; Ив. IV, 184; шведы, 216; смута, 247; паденіе, 229; лѣтопись, 243; ваяніе, 470.
Новгородъ-Сѣверскъ: удѣлы, 64; Лжедимитрій, 198.
Нови: битва, 361.
Новизны: Алекс. Мих. 282, 283; Софья, 285; Петръ I, 325, 328; 18-й вѣкъ, 376, 377, 380; музыка, 472, 473.
Новиковское общество см. *Дружеское ученое общество*.
Новиковъ: Екатерина II, 353, 359; просвѣщеніе, 385; журналы, 387; Херасковъ, 390; масоны, 392.
Новогродокъ, 110.
Новодѣвичій монастырь: Годуновъ, 195; Софья, 288, 291.
Новокрещены: опредѣленіе, 227; 18-й вѣкъ, 370.
Новороссія: Александръ I, 405.
Новосильцевъ: тріумвиратъ, 405; политика, 453.
Новый Годъ (Д): мартъ, 17; сентябрь, 156; январь, 323.
Новый Завѣтъ (Д): рус. переводъ, 416.
Новый Іерусалимъ: Никонъ, 268, 270.
Новый Садъ, гор. 403.
Новый Свѣтъ (Д): открытіе, 161.
Новый Стиль: начало, 161.
Новшества: опред. 270; расколъ, 271.
Новь, сочиненіе, 462.
Ногаты, монеты, 44.
Ногай, ханъ, 117.
Ногайцы: начало, 117; Иванъ IV, 180.
Ножъ (Д): древн. славяне, 15; столовый, 44; смута, 183.
Номоканонъ: Владим. Св. 37; удѣлы, 85; опредѣленіе, 148.
Норвегія (Д): германцы, 9; Ярославъ I, 32.

Норманисты, ученые: 40-е годы, 460.
Норманы: значеніе слова, 9; Новгородъ, 34.
Ноты: Павелъ I, 361.
Ночь на Днѣпрѣ, картина, 469.
Ночь на Украйнѣ, картина, 469.
Нравы (Д): первые князья, 39, 40; удѣлы, 85—87; сербы, 106; татары, 118, 120, 150—153; смута, 225, 236, 237; Петръ I, 295, 314—318; 18-й вѣкъ, 344, 372—374, 391, 395; Александръ II, 439; Алекс. III, 436, 438.
Нунцій: Екатер. II, 371.
Нѣгоцъ, господарь, 264.
Нѣжинъ: историко-филолог. институтъ, 441.
Нѣманъ р.: литовцы, 3; финны, 7; Влад. Св. 28; поляки, 164; Напол. I, 413.
Нѣмецкая имперія: начало, 19; Бурбоны, 262; 19-й вѣкъ, 396.
Нѣмецкая слобода: еретики, 240; Петръ I, 309.
Нѣмцова: писательница, 400.
Нѣмцы: моравапе, 22; чехи, 23, 107, 163; поляки, 23, 49, 50, 109; появл. въ Рос., 49; меченосцы, 80; Литва, 110, 112, 144; Новгородъ, 123; Галиція, 130; татары, 141; румыны, 163, Лжедим. I, 201; слобода, 231, 309, 382, 384; польск. Русь, 251; Петръ I, 287, 293, 294, 322; театръ, 328; Анна Ив., 334, 336; Елизав. 341; Екат. II, 355, 363; академія, 377, 378; Ломоносовъ, 382; Ник. I, 418; вліяніе въ Россіи, 457; славянофилы, 459.
Нѣти: опредѣленіе, 234.
Нѣтчикъ: опредѣленіе, 234.

Оберъ-прокуроръ: Петръ I, 316; Елизав., 343.
Обитель см. *Монастырь*.
Облака, сочиненіе, 449.
Областное правленіе: смута, 232, 233; Петръ I, 305, 306; 18-й вѣкъ, 352, 367, 368; Алекс. II, 427, 433, 434
Областной Словарь, 450.
Область: водная, 5; значеніе слова, 13; первые князья. 35, 53; обособленіе при удѣлахъ, 62, 77, 78, 81; прибалтійскія, 84; смута, 232, 233, говоры, 461.
Обливанники, брань, 319.
Обличительная литература: опредѣленіе, 454; Алекс. II, 466.
Обломовъ, сочиненіе, 462.
Оболенскіе: Иванъ III, 224; Иванъ IV, 178; Александръ I, 453.
Оборона: первобытные славяне, 13, 15; Влад. Св. 30; великоруссы при удѣлахъ, 72; у татаръ, 114.
Оборотень: значеніе, 15; обряды, 16.
Обрадовичъ, писатель, 403.
Образованность: первые князья, 41; удѣлы, 88, 90; татары, 152, 158, 159; смута, 239, 240, 252; древняя Россія, 261; эпоха преобразов., 284, 321, 322, 376; Петръ I, 323, 324; Елизавета, 344; Екат. II, 353; Алекс. I, 405, 406, 417; Ник. I, 423; Алекс. II, 428, 436; 19-й вѣкъ, 440—443.
Обреновичи, династія, 403.
Оброкъ: татары, 142, 145; смута, 228, 233, 234.
Обронныя украшенія: удѣлы, 97.
Обрусѣніе: литовцы, 111; зап. и остзейск. край, 424.
Обры, народъ: значеніе, 8; поэзія, 42.
Обрывъ, сочиненіе, 462, 465.
Обряды (Д): у древн. славянъ, 16; удѣлы, 39, 42, 86; смута, 238, 240; Петръ I, 321; духоборцы, 371; 18-й вѣкъ, 380; масоны, 392; раскольники, 438.
Обсерваторія (Д): Брюсъ, 296; Пулково, 424.
Общее Собраніе Госуд. Совѣта, 410.
Общежитіе (Д) см. *Братство*, *Монашество*.
Общества: ученыя, 353, 378, 400, 443, 445, 466; литератур., 402, 444, 446, 451; политическія, 397, 416, 418, 453; мистич., 424; страховыя, 432; благотворительныя, 439; покровит. животнымъ, 439; трезвости, 440; педагогич., 443; военное, 452; художеств., 468; музыкальн., 474, 475.
Общественное мнѣніе (Д): начало на Зап., 103; Александръ III, 439; 40-е годы, 458; Александръ II, 466.
Общество (Д): удѣлы, 85, 86; татары, 151; смута, 236, 237, 238, 241; Петръ I, 292, 295, 316, 317, 318; 18-й вѣкъ 372, 394; Александръ I, 414, 452, флотъ, 434; образованіе, 440, 441; женскіе курсы, 442; Лермонтовъ, 454; Герценъ, 457; Бѣлинскій, 458; Достоевскій, 463; Щедринъ, 463, 464; драма, 464; обличеніе, 466.
Община (Д): у славянъ, 12; городская, 13; паденіе, 34; въ Новгородѣ, 72; въ Сербіи, 105; расколъ, 438.
Объединеніе Руси: начало, 35; удѣлы, 88, 100; татары, 120; ю.-зап. Русь, 128; Димитрій Донской, 139; Ив. III, 167; Годуновъ, 191; смута, 260, 261.
Обыкновенная Исторія, сочиненіе, 459.
Обыскъ: судебный, 186.
Обычай (Д): первобыт. славяне, 14, 15; первые князья, 38,39; татары, 113, 151; Годуновъ. 192; смута, 238, 246.

Обычное право: Русская Правда, 38; 19-й вѣкъ, 434.
Обьдъ: татары, 113; смута, 236, 248.
Обътъ душевный, сочиненіе, 325.
Овесъ: начало, 2; смута, 234.
Овощи: начало у славянъ, 3; первые князья, 44.
Овца (Д): въ пословицахъ, 42; шлепская, 309.
Овчина-Телепневъ-Оболенскій, 178.
Огаревъ, писатель: Герценъ, 457; эмиграція, 460.
Огненный бой. 281.
Огонь (Д): божество, 9; славян. миѳологія, 16, 17; греческій, 25, 114; татары, 113, 122; ересь, 240.
Огородничество (Д): начало въ Россіи, 247.
Ода (Д): Симеонъ Полоцкій, 284; передъ Петр. I, 328; Ломоносовъ, 380, 382; Тредьяковскій, 381; Державинъ, 390; Галиція, 401; Александръ I, 445, 447.
Одежда (Д): первые князья, 44; удѣлы, 99; татары, 142; смутэ, 248; Петръ I, 291, 292, 329; узоръ, 471.
Одеръ, рѣка (Д): начало славянъ, 3; Карлъ Вел., 4; татары, 117.
Одесса: литовско русская гавань, 144; начало, 405; іезуиты, 415; лицей, 417; крым. война, 426; Александръ III, 432.
Одиссея (Д), сочиненіе: русск. переводъ, 449.
Одноглавіе: храмовъ, 97.
Однодворцы: опредѣленіе, 314.
Одоевскіе, 180.
Одохваты: опредѣленіе, 386; Державинъ, 389, 390.
Ожерелье (Д): первобытн. славяне, 15.
Озеровъ, писатель: лжеклассицизмъ, 445, 446; сентиментализмъ, 446; пресмники, 448; народн. языкъ, 450.
Ока р. (Д): граница славянъ, 3; Новгородъ, 6; Разинъ, 276; первый корабль, 282.
Окапываніе, казнь: отмѣна, 287; мужеубійцы, 317.
Окаянный. прозвище: Святополкъ, 31.
Океанъ (Д): первобытный, 1; сѣверный, 384; южный, 4с2.
Окладъ: иконный, 249.
Околица: опредѣленіе, 145.
Оковы: Годуновъ, 196.
Окольничій: начало, 143; опредѣленіе, 170; Адашевъ, 180; приказы, 232; прекращеніе, 305.
Окраины: удѣлы, 85; татары, 146; Мих. Ѳедор., 219; христіанство въ смуту, 227.
Округъ учебный: Александръ I, 406.
Оксамитъ: значеніе слова, 44.
Оксфордъ: университетъ, 12, 47.
Олеарій: Мих. Ѳед., 231; просвѣщеніе, 239; крестьяне, 248.
Олегъ. 1) Вѣщій, 24—27; преданія, 42.—2) Ивановичъ рязан., 137.—3) Святославичъ: характер. 56, 57; потомки, 62; Новгородъ-Сѣверскъ, 77.
Оленина: знач. въ литературѣ, 448.
Олень: миѳологія, 15; охота, 60.
Олимпъ (Д): монастырь, 20.
Олицетвореніе: проповѣдь, 93, 94; апокрифы, 245.
Олово (Д): удѣлы, 98.
Ольвія (Д): греч. колонія, 10.
Ольга. 1) Великая княгиня, 25, 26; Ярополкъ, 27; христіанство, 28.—2) Жена Гедимина, 111.—3) Героиня романа, 462.
Ольгердъ: характеристика, 111.
Ольговичи: борьба съ Мономаховичами, 62—65; Всеволодъ III, 72; Черниговъ, 77.
Ольденбургъ: Александръ I, 412.
Омеръ-паша: Черногорія, 403, 425.
Онежское оз.: расколъ, 312
Онѣмеченіе см. *Германизація*.
Опера (Д): Анна Иван., 383; Екатер. II, 389; декорація, 469; опредѣленіе, 472; Глинка, 472; новая школа, 473; русская, 474, 475.
Оперетка: въ Россіи, 471.
Описаніе походовъ Алексѣя Михайловича, сочиненіе, 267.
Опись: земель, 143.
Опіумъ (Д): Англія и Россія, 421.
О поврежденіи нравовъ, сочин., 392.
Ополченіе: Польша, 165; смута, 208, 210, 211; Екатер. II, 357.
Ополяченіе: юго-западный край, 250; сѣв.-западн. край, 423.
Оппозиція (Д): древняя Россія, 261.
Опричникъ, опера, 473.
Опричнина: Иванъ IV, 182—184; лѣтопись, 243; значеніе 261.
Опроверженіе Соловецкой челобитной, сочиненіе, 325.
Оракулы (Д): смута, 238.
Ораніенбаумъ: Петръ III, 349.
Ораторство (Д) см. *Краснорѣчіе*.
Органщикъ: Мих. Ѳед., 218; смута, 247.
Органъ: начало, 248.
Орда (Д): половцы, 55; татары въ Азіи, 113; начало въ Россіи, 117; Золотая, 136, 173, 174.
Ордена. 1) Награды; начало, 305; св. Георгія, 370; писатели, 451.—2) Монашескіе: пруссскіе, 47, 102; ливонскій, 189; нѣмецкій, 164; мальтійскій, 361, 371, 405; см. *Меченосцы*.
Ордынецъ: значеніе слова, 132.

Орелъ. 1) Городъ: смута, 214.—2) Птица (Д): преданія, 5; лѣтопись, 79; гербъ, 109, 170, 249.—3) Корабль, 282.
Оренбургъ: начало, 335; школы, 344; казаки, 361.
Оржешко, писательница, 399.
Оріенталисты, ученые: Алекс. II, 465.
Оркестровка: Сѣровъ, 473.
Оркестръ (Д): Глинка, Даргомыжскій, 472.
Орленая бумага: Петръ I, 308.
Орловы: Петръ III, 348; Екатерина II, 349, 350, 356; Павелъ I, 360, 372, 378.
Орнаментъ (Д): русскій, 97. См. *Узоръ*.
Орудія (Д): каменныя, 1, 2; желѣзныя, 3, 7; стѣнобитныя, 116.
Оружейники: смута, 231.
Оружіе (Д): Византія, 10; древніе славяне, 15; дружина 36; огнестрѣльное, 188.
Орѣхи: грецкіе, 14.
Осада Пскова, картина. 466.
Освободитель, прозвище: Алекс. II, 427.
Осель: мистеріи, 245.
Осифляне: опредѣленіе, 172; значеніе, 176; Ив. IV, 181; Курбскій, 242.
Ославяненіе: болгары, 4; финны, 7, 66; варяги, 34.
Ослѣпленіе: Василька, 87; сербы, 106; Василій Косой, Василій II, 140; татары, 126, 150; Болотниковъ, 203; поляки, 277.
Османліи (Д) см. *Османскіе турки*.
Османскіе турки: начало, 104; Византія, 105; сербы, 106; румыны, 107; единство, 161; изнѣженность, 162; въ 1650—1800 г., 263—265; 19-й вѣкъ, 402—404.
Османъ-паша: Плевна, 429.
Осмина, мѣра, 186.
Осмогласникъ, 106.
Основьяненко, писатель, 460.
Оспопрививаніе (Д): начало, 351; Екатерина II, 364.
Оссіанъ (Д): Державинъ, 390.
Оссолинскіе, 399.
О старой и новой Россіи, сочиненіе, 444.
Остерманъ: Петръ I, 296; Екат. I, 330; характ., 331; Петръ II, 332; Пруссія, 345; Анна Иван. 374; рус. языкъ, 381.
Остзейскій край: Петръ I, 298, 299, 300; Павелъ I, 361; крѣпостничество, 405, 422; обрусѣніе, 424; Алекс. III, 434.
Островскій, писатель: самодуры, 439; значеніе, 464; живопись, 467; портретъ, 468; иллюстрація, 469.
Остроградскій, ученый, 460.
Острогъ. 1) Городъ: князья Острожскіе, 253.—2) Тюрьма: удѣлы, 84; татары, 158.—3) См. *Крѣпость*.
Острожки: Олегъ, 25; Владим Св., 30.
Острожскіе, князья: борьба съ русскими, 174, 177; борьба съ поляками, 252, 253; запорожцы, 257; славянск. Библія, 258.
Остроленка: битва, 419.
Остромірово Евангеліе: значеніе, 92; языкъ, 249.
Остроміръ, посадникъ, 34.
Осѣдлость (Д): начало, 2; вост. славяне, 15; венгры, 22; татары, 125; казаки, 146.
Отецъ: значеніе въ родовомъ быту, 52; у раскольниковъ, 286.
Отеческія писанія: Петръ I, 324.
Отечественная война, 413—414.
Отечественныя Записки, журналъ: западники, 458; Алекс. II, 466.
Отечество: лѣтопись, 243; присяга Петра I, 304.
Отечникъ, см. *Патерикъ*.
Открытія: Возрожденіе, 103, 161.
Откупъ (Д): подати, 119; Мих. Ѳед., 220; смута, 230; намѣстничій, 234; пошлины, 234; передъ Петромъ I, 307, 308; Екат. II, 349; винный, 351; 364, 369, 417, 422, 428; сатира, 448.
Отрава: удѣлы, 86; Ярославъ II, 122, Кончака, 127; Мамай, 138; Шемяка, 140; Митяй, 147; Баторій, 166; Елена Глинская, 178; жены Ивана IV, 184; Годуновъ, 198; Скопинъ-Шуйскій, 205; Ртищевъ, Славинецкій, 283; жены, 317; Бибиковъ, 354.
Отрепьевъ: начало, 197; Гришка, 198, 199; происхожд. прозвища, 202; пѣсни, 245.
Отреченныя книги см. *Апокрифы*.
Отрокъ: княженіе, 36; митрополита, 149.
Отрѣзываніе носа: татары, 150; смута, 238.
Отцы и дѣти, сочиненіе, 462.
Отцы церкви (Д): въ сборникахъ, 94.
Отчина: татары, 149; смута, 168.
Отшельникъ: начало, 40; удѣлы 88.
Отъѣзды: дружинниковъ, 83; право бояръ, 132, 133, 143, 182, 224.
Офени: расколъ, 437.
Офицеръ: 18-й вѣкъ, 365, 369; Алекс. I, 407.
Оффиціальность: знач. слова, 314.
Охота (Д): Владиміръ Св., 28; начало, 44; Мономахъ, 60, 73; удѣлы, 83; у татаръ, 113, 142, 145; Лжедим., 200; царь, 304, 332; Анна Ивановна, 335; Елизав. 342.

Охотники на привалъ, картина, 468.
Охотское море, 281.
Охочіе: опредѣленіе, 235.
Охрана: усиленная, 433.
Очагъ (Д): славянск. миѳологія, 18.
Очаковъ: Анна Ивановна, 338; Екат. II, 357.

Павелъ I: Петръ III, 348; самозванцы, 353; Костюшко, Августъ IV, 359; Екатер. II, 359; царствованіе, 360—362; указы, 364; папство, іезуиты 371, 372, 423; воспитаніе, 379; масоны, 392; реакція, 392.
Павлюкъ, гетманъ, 257.
Паволока, матерія: меря, 7; Византія, 10; древніе славяне, 14; первые князья, 44.
Падежи скота: 18-й в., 363; 19-й в., 432.
Палаты (Д). 1) Зданіе: каменныя, 158; золотая, 213.—2) Учрежденіе: уголовная, 352; судебная, 428.
Палацкій, историкъ, 400.
Паленъ: Павелъ I, 360, 362; Алекс. I, 405.
Палеологи: начало, 46; паденіе, 104.
Палеонтологія (Д): опредѣленіе, 1.
Палермо: славяне, 49.
Палестина, страна (Д), 268.
Палея: сборникъ, 94.
Палицинъ, Авраамій: характер. 209; смута, 210—212; писатель, 244.
Палій, гетманъ, 260.
Палки: Александръ II, 438.
Палласъ, ученый, 390.
Паломникъ Даніила, сочиненіе, 95.
Паломничество: значеніе слова, 90; удѣлы, 93; татары, 155; Четіи-Минеи 247.
Памфлеты (Д): Курбскій, 252; Ростопчинъ, 446.
Памятникъ (Д): скандинавы, 9; тысячелѣтіе Россіи, Екат. II, 470.
Панаевъ: Отеч. Записки, 458.
Панегирикъ (Д): юго-зап. Русь, 259; Петръ I, 328.
Паникадило: удѣлы, 98.
Панины. 1) Никита, 348—350.—2) Его племянникъ: Петръ III, 362; самодержавіе, 364, 367; Наказъ, 373; Алекс. I, 405.
Пансіонъ: Елизавета, 378; моск. университетъ, 390; Никол. I, 424; Алекс. II, 443.
Панславизмъ: опредѣленіе, 400; чехи, 400; русины, 401.
Пантикапея (Д) см. *Керчь*.
Панурговo стадо, сочиненіе, 465.
Панцырь (Д): первые князья, 36; татары, 114; Сибирь, 281.
Паны: чехи, 49, 163, 265; Польша, 50, 109, 163—166, 266; Галичъ, 78; Литва, 113; Лжедимитрій, 197, 203, 204; Сѣчь, 256; избіеніе въ Галиціи, 425.
Папертъ: начало, 10.
Папство (Д): начало, 11; 9—11-й вв. 19; мораване, 22; чехи и поляки, 23, 24, 107, 163, 165; первые князья, 43—46; процвѣтаніе, 46, 99; паденіе 48, 101, 161; вліяніе, 102; румыны, 106; Даніилъ галиц. 130; Ив. III, 169; Василій III, 177; Ив. IV, 189; Лжедим. 200; древняя Россія, 251, 252; Алекс. Мих. 282; Павелъ I, 361, 371; Алекс. III, 437.
Параскева, святая, 245.
Параша Сибирячка, сочиненіе, 449.
Парацельсъ, ученый, 160.
Парень, статуя, 470.
Парижъ (Д): университетъ, 47; Максимъ Грекъ, 176; вліяніе на Россію, 250; Петръ Могила, 254; Петръ I, 300; поляки, 399, 424; Алекс. I, 414, 415; миръ, 426; пейзажъ, 469.
Парламентъ (Д): Англія, 159, 160.
Паровикъ: начало, 263.
Пародія (Д): Энеида, 386; „Душенька", 390; журналы при Алекс. I, 444.
Парсуна: значеніе слова, 329.
Партія (Д): Византія, 10; старина въ 18 вѣкѣ, 293, 331; нѣмецкая, 334; новая русская, 336.
Парча: первые князья, 44; удѣлы, 98.
Паскевичъ: Персія, 418; Варшава, 418. 419; венгерцы, 425.
Паспортъ: Лжедимитрій I, 199; Николай I, 424; Алекс. III, 432.
Пассекъ: Герценъ, 457; народность, 458; славянофилы, 459; реакція, 459.
Пастушество (Д): поэзія, 42.
Пасха (Д): древніе славяне, 17.
Патерикъ: печерскій, 89, 94; синайскій, 154; скитскій, 154; Димитрій Ростовскій, 324.
Паткуль, 298.
Патрикѣевы, князья: Иванъ III, 176, 224.
Патріаршество: Константинополь, 10, 11, 20, 21, 29, 85, 225, 269; болгары, 21, 48; сербы, 105; начало въ Россіи, 194, 226; мистеріи, 246; унія, 253, 254; Востокъ 254, 269, 271, 307, 320; самодержавіе, 268, 271, 317; расколъ, 286; отмѣна, 311; 18-й в., 366, 379; армяне, 419.
Патріотизмъ (Д): лѣтопись, 156, 243; сказанія, 157; Мих. Ѳед. 215; пѣсни, 245; Петръ I, 292; Крижаничъ, 321; Анна Иван. 336; Екат. II, 350, 357; Польша, 357, 358, 400, 405; Елизав.

380; Ломоносовъ, 382, 384; квасной, 391, 398; чехи, 400; Алекс. I, 405, 415; Сперанскій, 412, 413, 445; реакція, 416; Жуковскій, 446; Вяземскій, 452; Пушкинъ, 454; журналы, 452, 456.
Патронатъ (Д): ю.-з. Россія, 251, 252.
Пахарь: славян. миѳологія, 18.
Пахомій: Сербъ, 154.
Паша: Порта, 162, 163.
Пашенные: смута, 220, 238; Сибирь, 281; передъ Петромъ I, 314.
Пашни: въ настоящее время, 432.
Педагогическіе курсы, 443.
Педагогія (Д) см. *Воспитаніе*.
Педантизмъ: Ив. IV, 241; Сумароковъ, 383.
Пекинъ (Д): моск. послы, 281; Николай I, 421.
Пелымъ, городъ: Минихъ, 341.
Пенсія: начало, 368; Дидро, 377; актеры, 448; писатели, 451, 452, 467.
Регламентъ (Д): Западъ, 47; удѣлы, 91; Никонъ, 269.
Переводный департаментъ, 390.
Переводчикъ: придворный, 172.
Переводы: Св. писанія на болгарск. языкъ, 21; съ греческаго, 35, 41, 92; Всеволодъ, 54; удѣлы, 92; Западъ, 103; на зырянскій языкъ, 150; при татарахъ, 153, 155; Лаврентьевская лѣтопись, 156; византійскіе хронографы, 156; Библія на русск. языкъ, 163; съ латинскаго и еврейскаго, 172; Василій III, 176; церковн. книги, 187; свѣтскія книги, 220; Курбскій, 242; отцы церкви, 246; съ еврейск. на русскій, 250; съ рус. на европейскіе, 254; съ польск. на бѣлорус. 258; Симеонъ Полоцкій, 284; Петръ I, 323; академія, 378; Тредьяковскій, 381; 18-й в., 384, 396; чехи, 400; Галиція, 401; сербы, 403; болгары, 404; цензура, 428; расколъ, 448; Коцебу, 446; Жуковскій, 446, 447; классики, 419; Алекс. I, 451, 452; мистицизмъ, 452; 40-е годы, 458; рус. наука, 466.
Передняя Азія (Д): арійцы, 2; татары, 115; Порта, 162.
Передъ см. *Авангардъ*.
Пережитокъ (Д): родовой бытъ въ Сербіи, 105; въ Суздалѣ, 120; Ив. III, 167; мѣстничество, 186; Годуновъ, 191; братчины, 236; феодализмъ, 262; вѣра въ чорта, 319; 18-й в., 374, 394; нравы, 438.
Перекопъ: появленіе русскихъ, 287.
Перекрестокъ: славян. миѳологія, 16, 19.
Перелеты: значеніе слова, 204.
Переписка: Западъ, 47; удѣлы, 93; Ив. IV, 182, 241, 242; Алекс. Мих. 267.
Переписка съ друзьями, сочиненіе, 459.
Переписываніе см. *Списываніе*.
Перепись (Д): татары, 119; Ив. III, 170; Мих. Ѳед. 219; Петръ I, 303; городская, 310; расколъ, 313; 18-й в., 375; статистика, 431.
Переплетъ: удѣлы, 88, 89, 91; смута, 246.
Переживаніе: древн. славяне, 16, 17; Петръ I, 288.
Переселеніе: народовъ (Д), 3; 19-й в., 431.
Переяславецъ, 26.
Переяславское оз.: Петръ I, 288.
Переяславль: начало, 6; характ. области, 51; княжество, 54, 120; Мономахъ, 57, 58; Юрій Долгор. 63; удѣлы, 66; Кіевъ, 77; Москва, 127, 131; присоедин. къ Москвѣ, 278.
Періоды (Д), въ рус. исторіи: значеніе 1-го періода, 34, 44, 46, 80; значеніе 2-го періода, 99, 100; значеніе 3-го періода, 120, 140; монгольскій и удѣльный, 120; значеніе татарскаго 158—160; значеніе смутъ, 260—262; значеніе періода преобразованій, 393 - 396; петербургскій, 458.
Пермь (Д): финны, 7; серебро, 133; христіанство, 150; Сперанскій, 412. См. *Біармія*.
Перовскій: хивинскій походъ, 421; крѣпостничество, 422.
Перовъ, живописецъ, 467.
Персія (Д): древніе славяне, 8; искусство, 97; Чингисханъ, 115; татары, 117; Москва, 144; Порта, 162; Мих. Ѳед. 218; Разинъ, 275; Кавказъ, 280; Петръ I, 301; Анна Иван. 327—329; Екат. II, 359; Павелъ I, 360, 362; Алекс. I, 407; Николай I, 418, 421.
Перспектива (Д): живопись, 98.
Перстни: древніе славяне, 15.
Перунъ (Д), божество: значеніе, 18; Владим. Св. 27; уничтоженіе, 29.
Перчатки: начало, 99; Иванъ III, 169.
Пессимизмъ: Бѣлинскій, 459; Тургеневъ, 461.
Пестель: Александръ I, 418.
Петербургъ: основаніе, значеніе, отношеніе къ Москвѣ, 293; каторга, 313; 18-й в., живопись, 329; Екатер. II, 363; университетъ, 406; Никол. дорога, холера, 423; Алекс. III, 432; скопцы, 438; институты, 441, 442; женск. курсы, 443; Пушкинъ, 454; славянофилы, 459; пейзажъ, 469; музык. общество, 474; консерваторія, театры, 475.
Петергофъ: Екат. II, 349.
Петиметры: Сумароковъ, 382; сатира, 386; Крыловъ, 448.
Петлицы: первые князья, 44.
Петрарка, поэтъ, 103.

Петропавловская крѣпость: основаніе, 293.
Петръ 1) I: Годуновъ, 191, 193; Черногорія, 264; Августъ II, 265; рожденіе, 283; Софья, 284, 285; воцареніе, 287, 288; царствованіе, 289—302; взглядъ на самодержавіе, 304; слогъ, 323; исторія, 327; пѣсни, 327; Елизавета, 332; Минихъ, 337; Бестужевъ, 339; Екат. II, 359; Ломоносовъ 381; 18-й в., 394; выборы, 433; Карамзинъ, 445; Надеждинъ, 456; славянофилы, 459; живопись, 469; статуя, 470.—2) II: рожденіе, 301; старина, 330; царствованіе, 331, 332; Китай, 337.—3) III: Елизавета, 342; Пруссія, 345; царствованіе, 347—349; самозванцы, 353, 354; Павелъ I, 360; указы, 364; хлысты, скопцы, 371, 438; расколъ, 372.—4) Митрополитъ: переходъ въ Москву, 134, 146; житія, 154.—5) Черногорскій, 264, 403.
Петръ-Златые Ключи, сказка, 245.
Печалованіе: значеніе, 92; татары, 149; Иванъ IV, 226; Никонъ, 268.
Печать. 1) Для бумагъ (Д): Польша, 109; Новгородъ, 140; митрополитъ, 148; княжеская, 158; Мих. Ѳед. 223; царская, 249; Нащокинъ, 282. — 2) Сочиненія: Николай I, 418; нравы, 439; школа, 441; Алекс. I, 453.
Печеніе: начало въ Россіи, 44.
Печенѣги (Д): Византія, 8; Святославъ, 20, 25, 27, 28; Владиміръ Св., 30; Святополкъ, 31; истребленіе, 32, 55.
Печерскій см. *Мельниковъ*.
Печерскій монастырь: половцы, 59; суздальцы, 69.
Печерянс: значеніе слова, 89; Несторъ, 96.
Печора: граница Руси, 35, 220; серебро, мѣдь, 171.
Печоринъ, типъ, 454.
Пешть: сербы, 403.
Пещера: археологія, 1; Антоній и Ѳеодосій, 43; удѣлы, 89.
Пейзажъ: опредѣленіе, 468; 19-й в. въ Россіи, 468,
Пиво: смута, 234.
Пизарро, 188.
Пименъ: митрополитъ, 147.
Пинскія болота, 432.
Пироговъ, ученый, 465.
Пиръ: Владим. Св. 28, 30; первые князья, 36; Юрій Долгорукій, 65; удѣлы, 82, 86; Литва, 110, 112; татары, 142; смута, 221; Петръ I, 288, 289, 317.
Писарь, въ Малороссіи: Выговскій, 279; Мазепа, 289.
Писатель (Д): начало, 41; чествованіе, 440; Алекс. I, 451; войско, 452; Алекс. II, 466.
Писемскій, писатель, 464.
Писецъ (Д): при татарахъ, 143; Мих. Ѳед., 219.
Письма (Д): Ломоносова, 381; Фонвизина, 392.
Письма объ изученіи природы, сочиненіе, 458.
Письменность (Д): болгары, 21; начало въ Рос., 41; сербы, 48, 403; чехи, 50, 164; поляки, 50; удѣлы, 90, 92—97; татары, 152—157; языкъ въ древней Рос., 249; смута, 241—247; ю.-з. Русь, 254, 255, 257—260; въ 1650—1725 гг. 324—328; Елизав. 342; 18-й в., 379—393, 396; Черногорія, 403; Алекс. I, 443—453; 30-е годы, 453—458; 40-е годы, 458—460; Малороссія, 460; Алекс. II, 460—466.
Письмо (Д): удѣлы, 90; смута, 250. См. *Азбука*, *Скоропись*, *Уставъ*.
Письмовникъ: Петръ I, 323.
Письмоводство: татары, 148.
Писцовыя книги: начало, 170.
Питейный домъ: Мих. Ѳед., 220.
Питиримъ, епископъ, 313.
Пиша (Д): древніе славяне, 8; первые князья, 39; татары, 113; лебедь, 248.
Пишаль: Василій III, 175; смута, 235.
Піетизмъ: Алекс. I, 414.
Пінты, 381.
Пінтика: ю.-з. Русь, 259.
Планеты (Д), 239.
Пластичность: Писемскій, 464.
Платеръ, графиня, 419.
Платокъ: начало въ Росс., 44.
Платонъ. 1) Философъ (Д): Западъ, 47; удѣлы, 94; смута, 243; Екат. II, 345.—2) Митрополитъ: Екат. II, 377; Павелъ I, 379; реакція, 393.
Платье: для иностранцевъ, 289; нѣмецкое, 292; налогъ, 308.
Плачъ: значеніе слова, 260; передъ Петромъ, 328.
Плашъ (Д): первые князья, 44; меченосцы, 80, 83,
Племя: древніе славяне, 12; варяги, 34; княжеская линія, 52; Владиміровo, 61.
Племянникъ: значеніе въ родовомъ быту, 51, 52; монашество, 187.
Плеть: татары, 118; смута, 237; передъ Петромъ I, 268, 270, 277, 317; 18-й в., 374.
Плешеевы, 135.
Плиній Младшій, писатель: рус. переводъ, 326.
Плотицыны: скопцы, 438.
Плотники: удѣлы, 84.
Плугъ (Д): удѣлы, 79; чехи, 164.

Пѣшные: первые князья, 37; татары, 151.
Пляска мертвыхъ: картина, 329.
Пляски: смута, 236.
Побирохинъ: духоборство, 371.
Повозъ: значеніе слова, 35.
Поволжье: волхвы, 85; Екат. II, 353.
Повольники: опредѣленіе, 6; Буслаевъ, 95; разбои, 141.
Повстанцы: значеніе слова, 430.
Повѣсть: начало, 245; передъ Петромъ I, 327; Екат, II, 389; Польша, 399; чехи, 400; Карамзинъ, 443; 40-е годы, 459; Малороссія, 460.
Повѣсть временныхъ лѣтъ см. *Временникъ*.
Повѣсть о Бражникѣ, сочиненіе, 328.
Повѣсть о Горѣ-злосчастіи, сочиненіе, 327.
Повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ, сочиненіе, 138.
Повѣсть о Митѣ, сочиненіе, 157.
Повѣсть о Хмѣлѣ, сочиненіе, 328.
Поганые: пѣсни, 260.
Поговорки см. *Пословицы*.
Погодинъ, ученый: Герценъ, 457; славянофилы, 459; рус. исторія, 465.
Погостъ: Ольга, 25; первые князья, 35.
Погребеніе (Д): древніе славяне, 18; стригольники, 153.
Погребъ: тюрьма, 98; храмъ, 247; Никонъ, 272.
Подать (Д): Западъ, 19; начало, 11; первые князья, 36; татары, 143; Ив. III, 171; Мих. Ѳед., 219; польск. Русь, 251; подушная, 308, 314, 368; расколъ, 313, 353, 438; Елизав., 343; Никол. I, 422; Алекс. I, 410; Алекс. III, 435. См. *Дань*.
Подвижничество: первые князья, 40; удѣлы, 87—89; смута, 172; юродивый, 237.
Подданные (Д): Андрей Богол., 67; удѣлы, 81; татары, 134; Дмитр. Донской, 139; Ив. III, 170; Вас. III, 177; Ив. IV, 185.
Поджоги: 19-й в., 432.
Подлинники: Византія, 98; начало въ Рос., 249; Стоглавъ, 187.
Подноготная: значеніе слова, 236.
Подолія: Польша, 166; Николай I, 419.
Подражаніе Христу; сочиненіе, 259.
Подручникъ: удѣлы, 69, 71, 77; татары, 133, 137, 142; смута, 189.
Подряды: сатира, 448.
Подсвѣчникъ: начало, 24[illegible].
Подъячій: Ив. IV, 223, 224; горожане, 229; значеніе, 232; въ смуту, 232, 233; театръ, 328, 389; сатира, 383.
Подъѣздъ Юрій, 108.
Поединокъ: судебный, 38.
Пожарные (Д): начало въ Рос., 248; стрѣльцы, 286.
Пожарскіе: татары, 121. Димитрій: характеристика, 210; казаки, 211; избраніе Михаила, 212; болѣзнь, 213; статуя, 469.
Пожаръ: удѣлы, 84, 98; татары, 141; Ив. IV, 179; Москва, 248, 267; Петръ I, 303; 18-й в., 363; 19-й в. 432.
Познань: польская письменность, 399.
Позолота: рукописи, 91.
Покойники: древн. славяне, 16, 17.
Покрывало, 83.
Поле. 1) Судъ: татары, 151; поученія, 154; Ив. III, 170; отмѣна, 186. — 2) Военный терминъ, 235 См. *Поединокъ*.
Полевой. 1) Божество: древніе славяне, 16.—2) Писатель: Параша Сибирячка, 449; историч. романъ, 456; журналъ, 456.
Полезное съ пріятнымъ, журналъ, 386.
Полезное Увеселеніе: журналъ, 385.
Полемика: смута, 241; церковная, 246, 325; Петръ Могила, 255; ю.-з. Русь, 257; публицистика, 327.
Полинька Саксъ, сочиненіе. 460.
Политика: Андр. Богол. 67; Всевол. III, 72; удѣлы, 92; лѣтопись, 96; владим. князья, 124; моск. князья, 125, 132; митроп. Петръ, 134; Василій III, 177; Годуновъ, 192; Лжедим., 200; смута, 241; Софья, 287; Петръ II, Анна Иван., 337; Анна Леопол. 340; Елизавета, 341, 342, 344; Петръ III, 347; Екат. II, 354—358; Павелъ I, 361; 18-й вѣкъ, 393; Алекс. I, 406, 408, 450—452; журналы, 444, 452; общества, 452; Герценъ, 457; Бѣлинскій, 458; славянофилы, 466.
Полиція (Д): начало, 39; Польша, 109; стрѣльцы, 286; Петръ I, 303; Екат. II, 352, 364; Павелъ I, 360; 19-й вѣкъ, 397; министерство, 410; вотчина, 417, 436; расколъ, 423; тайная, 424; Алекс. III, 433; розга, 438.
Полканъ, богатырь, 245.
Полковникъ: стрѣльцы, 286.
Полководецъ (Д): Алекс. Невскій, 122; Анна Иван. 343.
Полкъ: древнее значеніе, 36; архіепископъ, 73; удѣлы, 82; города, 229; казаки, 256: Преображенскій, 288; Семеновскій, 288.
Полное собраніе законовъ, 421.
Половцы (Д): богатыри русскіе, 18; Святославичи, 55; Мономаховичи, 56, 57; сила и паденіе, 59, 60; Юрій

Долгорукій, 63, 64; опустош. кіевск. земли, 69; Романъ волынскій, 79; число набѣговъ, 84; Венгрія, 116; Золотая орда, 117.
Положеніе объ освобожденіи крестьянъ, 427.
Полонизмы: Курбскій, 242; древн. Русь, 250; кіев. коллегія, 255; 18-й вѣкъ, 381.
Полонофильство: романы, 465.
Полонскій, поэтъ, 465.
Полотно (Д): русское въ Азіи, 435.
Полоцкій, ученый: значеніе, 283; женщина, 317; воспитаніе, 319; суевѣрія 319; хлѣбопоклон. ересь, 320; расколъ, 321; проповѣдь, стихи, 328.
Полоцкъ: начало, 6; Рогвольдъ, Владиміръ, 27; независимость, 33; отдѣльное княжество, 52, 53, 57; Всеславъ, 55; Всеславичи, 61, 77; преданія, 77, 78; меченосцы, 80; литовцы, 110, 123; Алекс. Невскій, 123; вѣче, 143; богатство, 144; Москва, 165; Баторій, 166; Иванъ IV, 188, 189; Кунцевичъ, 254; уніаты, 371.
Полтава: битва, 299.
Полтинникъ: Петръ I, 309.
Полубогъ см. *Богатырь*.
Полуставъ, 153.
Полушка: значеніе слова, 44; Петръ I, 309.
Польша, поляки: камен. вѣкъ, 2; знач. слова, 5; Болеславы, 23; Влад. св., Галиція, 28, 31; усобицы, 49; Изяславъ I, 55, 56; Василько, 58; Мономахъ, 60; Изяславъ II, 63; Мстисл. Удалой, 75; Романъ волын., 79; чехи, 108; 13—15-й вѣка, 108—110; Данило Ром., 130; Кіевъ, 144; Порта, 162, 263, 264; румыны, 163; Ягеллоны, 164—166; Ив. III, 174; Москва въ смуту, 201, 204, 205, 214—216; Густавъ-Адольфъ, 217; вліяніе въ Россіи, 239, 250—255; Пруссія, 263; въ 1650—1800 гг. 265, 266; раздѣлы, 266, 279, 355—358, 362; Хмѣльницкій, 276; образованность, 284, 319; Петръ I, 298, 300, 320; Анна Иван. 337; Елизавета, 343; Павелъ I, 360; преобразованія, 393; 19-й вѣкъ, 397—399; возстаніе 1831 г. 399, 419; славяне, 402; Алекс. I, 407, 408, 413, 414; крѣпостничество, 422; холера, 423; теорія Товіанскаго, 424; возстаніе въ Познани и Галиціи, 425; возстаніе 1863 г. 427, 430, 431; Алекс. II, 428, 434; крестьяне, 430; католичество, 437; Союзъ Благоденствія, 453; Глинка, 472.
Полюдье: опредѣленіе, 13; значеніе слова, 35.
Поляне: торговля, 6; исчезновеніе, 100.
Поляновка, р.: миръ, 216.
Померанія: Польша, 164; присоед. къ Пруссіи, 262; русскіе, 349.
Поминаніе: Польша, 109.
Поминки, 118. См. *Даръ*.
Поморяне: князьки, 24; нѣмцы, 50.
Помѣстье: Западъ, 12; начало въ Рос., 143; Васил. III, 176; Годуновъ, 193; значеніе, 228; служилые, 234; Петръ I, 304.
Помѣщикъ: Польша, 109; значеніе имени, 145; Василій III, 176; Лжедим., 202; царь, 226; смута, 228, 236; польск. Русь, 251; казаки, 276; Петръ I, 304; Анна Иван., 384; Алекс. III, 436; сатира, 448; обличеніе, 456.
Помяловскій, романистъ, 465.
Понятія: удѣлы, 87, 92; Западъ, 103; татары, 152, 153; смута, 237, 239—241; Петръ I, 318—322; 18-й вѣкъ, 374—377.
Понятовскій Станиславъ: воцареніе, 266; Екат. II, 345, 355.
Попе, писатель: русскіе переводы, 385; вліяніе въ Россіи, 386.
Попель, польскій князь, 5.
Попечитель: учебнаго округа, 424.
Поповичи: древняя Русь, 39; Ив. IV, 223.
Поповскій, профессоръ, 381.
Поповщина, секта: опредѣленіе, 313; Алекс. III, 437.
Популяризація (Д): Грановскій, 459.
Попъ см. *Священникъ*.
Пороги, днѣпровскіе: граница Руси, 25; Святосл., 27; первые князья, 34.
Порокъ, орудіе, 117.
Порохъ (Д): начало, 103; Годуновъ, 192; Мих. Ѳед., 215.
Порошина: Павелъ I, 379.
Порта: знач. слова, 162; Крымъ, 174; Мих. Ѳед., 217; въ 1650—1800 г., 263—265; рускіе плѣнные, 302; Анна Иван. 338; Екатер. II, 356, 357; Николай I, 419, 420; крым. война, 425.
Портретъ (Д): передъ Петромъ, 329; Виниковъ, 393; скопцы, 438; Николай I, 467; новая школа, 468, 469.
Португальцы: открытія, 103.
Портъ (Д): смута, 231; Китай, 421.
Порты, одежда: древніе славяне, 3.
Посадникъ: значеніе, 33; опредѣленіе, 36; въ пригородахъ, 68; характеръ при удѣлахъ, 81, 82; въ Новгородѣ, 73, 109; татары, 143.
Посадскіе: Иванъ IV, 223; передъ Петромъ I, 313.
Посадъ: Москва, 133, 137; Иванъ III 170; патріархъ, 270.

Посвященія: вирши, 328.
Посланія: Никифора, 92; къ папѣ, къ Іакову Мниху, 93; татары, 153, 154; Сапинъ, 172; Кир.-Бѣлозер. монастырь, 242; смута, 246; Острожскій, 252; Никонъ, 270; расколъ, 437; лжеклассицизмъ, 445; 19-й вѣкъ, 447.
Посланникъ: франц. въ Москвѣ, 218; русскіе въ Европѣ, 222.
Пословицы (Д): начало, 42; удѣлы, 79, 95; татары, 119; Екат. II, 385, 389; Ростопчинъ, 446; Озеровъ, 446; Александръ I, 447; Крыловъ, 448; собираніе, 449.
Послѣдній день Помпеи, картина: значеніе, 467; Рѣпинъ, 468.
По-солонъ, обрядъ, 238.
Посолъ: у княгини, 40; у архіепископа, 73; татары, 142.
Посольская изба, 165.
Посольскій приказъ, 243.
Посольство (Д): паны къ Алекс. Невскому, 124; соборное, 213; политич. значеніе, 329; Елизавета, 344.
Посохъ: владыка, 226.
Посошковъ, писатель: нравы при Петрѣ I, 316; грамотность, 323; публицистика, 327.
Посполитое рушенье: значеніе слова, 165.
Поссевинъ, Антоній: Иванъ IV, 189, 242; писатель, 251, 252.
Поставецъ: значеніе слова, 248.
Постельничій: Иванъ III, 170.
Постригъ: опредѣленіе, 82.
Постъ: первые князья, 40; удѣлы, 87; леонтиніанск. ересь, 92; Лжедим., 201; Петръ I, 321; Екат. II, 348.
Посуда: начало въ Россіи, 44; татары, 142.
Посулъ см. *Взятка*.
Потанъ: смута, 230.
Потемкинъ: Петръ III, 349; Екат. II, 350, 358; Крымъ, 357, 358; іезуиты, 371.
Потоцкіе: диссиденты, 266; Игнатій, 357; Феликсъ, 358.
Потѣха: бѣсовская, 238; Анна Иван., 373.
Потѣшные: полки, 288.
Поученіе: Мономахъ, 60, 94; удѣлы, 82, 88, 90, 93; тіунъ, посадникъ, 92; татары, 152, 155; Димитрій ростов. 297. См. *Домострой*.
Почта (Д): начало въ Россіи, 282; Екат. II, 364; Алекс. III, 433.
Почта духовъ, журналъ, 386.
Пошибъ см. *Стиль*.
Пошлина: первые князья, 37; татары, 118, 142; обычай, 143; торговая, 144, 148, 171, 234; Новгородъ, 169; судебная, 170, 186, 234; епископъ, 186; Лжедим. I, 199; Мих. Ѳед. 218; смута, 231; соль, 267; Петръ I, 309; Петръ III, 347; Алекс. I, 448.
Поэзія (Д): первые князья, 25, 41, 42; Западъ, 48; удѣлы, 93—96; апокрифы, 154, 155; Польша, 165; смута, 244—246; Малороссія, 259, 260; въ 1650—1725 г. 327, 328; Кантемиръ, 380; Ломоносовъ, 382; Екат. II, 387—390; чехи, 400; сербы, 403; черногорцы, 403; болгары, 404; легкая, 447, 449; дидактическая, 447; 30-е годы, 453; Пушкинъ, Лермонтовъ, 454; Кольцовъ, Гоголь, 455; Тургеневъ, 461; Некрасовъ, его преемники, 465.
Поэма: проп-комическая, 386.
Поясъ: начало у славянъ, 14; удѣлы, 83, 97; татары, 139, 151, 158.
Права: школы, 423, 441; женщина, 440.
Правда. 1) Идеалъ, 87.—2) Законъ: первобытн. славяне, 13; первые князья, 24, 35; удѣлы, 75.
Правда воли монаршей, сочин. 302.
Праведникъ, 87.
Правежъ: происхожденіе, 127; недоимки, 307; отмѣна, 315; Анна Иван., 373.
Правила: церковное, 93.
Правительств. мѣста: Алес. III, 440.
Правительство: нравы въ смуту, 286; лѣтопись, 243; Щедринъ, 463, 464.
Право (Д): магдебургское, 10; римское, 10, 47, 101, 164; складочное, 109; обычное, 428, 434.
Православіе (Д): Болгарія, Сербія, 21; Влад. Св. 28; католичество, 46; румыны, 106; Галиція, чехи 108; Литва, 111; отличія, 152; Новгородъ, 171; Вас. Шуйскій, 202; бояре, 206, 207; знач. слова, 238; Курбскій, 242; польская Русь, 251, 252; древняя Россія, 260, 261; московск. академія, 284, 322; 18-й в., 395; Алекс. I, 417, 418; остзейск. край, 422; Николай I, 423, 456; Іерусалимъ, 425; Алекс. II, 437; секты, 438.
Правосудъ, прозвище, 33.
Прага: основаніе, 5; нѣмцы, 50; университетъ, 107, 108; вліяніе въ Россіи, 250.
Празднества (Д): древн. славяне, 16, 17; первые князья, 31; Лжедим. 201; смута, 238; царскія, 270; Петръ I, 319; Елизавета, 342.
Пращуръ: значеніе слова, 15.
Преданія (Д): Олегъ, 25; Всеславъ, 33; историческія, 42; Александръ Невск., 122, 123; Александръ Тверск., 128; Гоголь, 455; Базаровъ, 462.

Предводитель дворянства: Екатер. II, 352.
Предокъ (Д): славян. миѳологія, 15, 16.
Предостереженіе: цензура, 428.
Предслава, княжна, 31.
Президентъ: республика, 33; коллегія, 306.
Премыславичи: вымираніе, 107.
Премыслъ, князь, 5.
Преніе живота со смертью, притча, 329.
Преображенскій приказъ: начало, 294 Петръ II, 372.
Преображенское. 1) Село: дѣтство Петра, 284; Петръ I, 287, 288; Алексѣй Царевичъ, 295.—2) Кладбище: расколъ, 437.
Преобразованія: Польша, 108, 109; жидовство, 171; потребность въ Россіи, 276; Лжедмитрій, 200; Алексѣй Мих. 282, 283; Нарышкины, 284; періодъ преобразованій, 262 — 396; Софья, 285; Петръ I, 291 — 298, 302 — 329; птенцы Петра I, 295—298; Крижаничъ, 321, 322; письменность 18-го в., 326—328; Елизав. 330, 341; Минихъ, 337; Петръ III, 347; Екат. II, 350 — 353, 359, 365; іерархи, 366; армія, 370; реакціи, 394; Алекс. I, 404 — 406; Сперанскій, 410 — 412; Алекс. II, 426 — 428, 430; поляки, 430, 431; финансы, 435; натуральная школа, 459.
Престолонаслѣдіе: Ярославъ, 33; удѣлы, 81; Дмитрій Донской, 139; при татарахъ, 142; Иванъ III, 170; Петръ I, 302, 304; Екат. I, 330; Петръ II, 331; Анна Иван., 332; Елизав., 342; Павелъ I, 360; 18-й в., 364; Алекс. I., 418.
Престолъ: значеніе слова, 44; Андрей Богол. 67, 71; Москва, 182; смута, 221, 222.
Преступленіе и наказаніе, соч., 463.
Пресуществленіе: Полоцкій, 320.
Преферансъ, картина, 468.
Прейсъ-курантъ: начало, 308.
Пржевальскій, путешественникъ, 465.
Прибыльщикъ: Петръ I, 308.
Привидѣніе: древніе славяне, 15.
Привилегія (Д): феодалы, 99; бояре, 225; остзейск. край, 361; заводы, 365; русскіе въ Азіи, 435; духовенство, 436.
Привѣски: у образовъ, 321.
Пригородъ: опредѣл., 13; с.-в. Русь, 68, 71; Новгородъ, 74; Москва, 126.
Приданое: удѣлы, 82; татары, 121; появленіе слова, 151.
Придворный: Византія, 10; Иванъ III, 175; Петръ III, 348; сатира, 376; госуд. совѣтъ, 410.
Признаки времени, сочиненіе, 464.
Приказный: Михаилъ Ѳед., 219; смута, 231.
Приказъ: знач. слова, 170; Мих. Ѳед. 219; Ив. IV, 223; начало, 231; дворцовый, 232; стрѣлецкій, 235; тайныхъ дѣлъ, 274,303; передъ Петромъ I, 305; монастырскій, 312; преображенскій, 315, 336; посольскій, 326; домочный, 335.
Приключеніе маркиза Г. романъ, 389.
Прильпокъ см. *Барельефъ*.
Примасъ: Польша, 24.
Примѣты: древн. славяне, 16; Петръ I, 319.
Примѣчанія на Леклерка, сочин. 391.
Припять р.: древляне, 6; см. *Туровъ*.
Природа (Д): ея образованіе, 1; характеръ въ Европѣ, 5; славян. миѳологія, 16, 17, 113; искусство, 48; вліяніе русской, 151; Лермонтовъ, 454; Кольцовъ, 455; Тургеневъ, 461.
Прислуга: начало, 36.
Присяга (Д): начало, 38; татары, 119; Петръ I, 304; духоборство, 371.
Присяжные: горожане, 310; повѣренные, 427, 428, 434; засѣдатели, 427; Союзъ Благоденствія, 453.
Притча: начало, 42; сборники, 94; смута, 245; о витязѣ и смерти, 329.
Причастіе: чехи, 108; татары, 147; сретики, 240.
Пріемная у доктора, картина, 468.
Пріѣздъ становаго на слѣдствіе, картина, 468.
Пріюты: дѣтскіе, 443.
Проба: Петръ I, 309.
Пробирное искусство: Ломоносовъ, 383.
Провинція (Д): начало въ Россіи, 306; 18-й вѣкъ, 394; образованіе, 386; 19-й вѣкъ, 433; Алекс. III, 439; театръ, 448; Пушкинъ, 453; Гоголь, 455, 459; обличеніе, 456; журналы, 456; западники, 459; Щедринъ, 464; искусство, 470.
Проводы масляницы, драма, 246.
Прогимназіи: Алекс. III, 440; женскія, 442, 443.
Программы: политика, 424; школы, 441; этнографія, 457.
Прогрессъ (Д): значеніе слова, 102; преобразованія, 329, 331; 18-й в., 373; русскій, 383; Карамзинъ, 444; Пушкинъ, 454; Полевой, 456; журналы, 466.
Проза (Д): начало въ Россіи, 41; смута, 243, 244; ю.-з. Русь, 259; Алекс. Мих., Петръ I, 326, 327; Карамзинъ, 444; сентиментализмъ, 446; Пушкинъ, 453; Щедринъ, 464.

Прозрительный: знач. слова, 245.
Прокоповичъ Ѳеофанъ: характеристика, 296; расколъ, 320; проповѣди, 325, 326; исторія, 327; драмы, 328; Екат. I, 330; Петръ II, 331, 374; Анна Иван. 333, 334, 336, 375; сатира, 380.
Прокуроры: Алекс. III, 434.
Пролетаріатъ (Д): 19-й в., 397.
Пролетъ см. *Арка*.
Прологъ: сборникъ, 94.
Пролубное, налогъ: Михаилъ Ѳедор., 220.
Промыслы (Д): Новгородъ, 5; финны, 7; начало у славянъ, 13, 14; нѣмцы, венгры, 23; удѣлы, 84; татары, 143; горные, 171; Лжедим. 199; смута, 229, 230, 231; Англія, 263; Австрія, 265; Петръ I, 308—310; Елизав. 343; Никол. I, 422; Алекс. II, 435; происхожд. слова, 444.
Промышленность см. *Промыслы*.
Пронскіе, князья: Рязань, 137.
Прописи: мистицизмъ, 453.
Проповѣдничество: печеряне, 89; удѣлы, 93; Лука Жидята, 93; татары, 153, 154; смута, 238; кіев. коллегія, 255; ю.-з. Русь, 257, 258; Полоцкій, 284; Прокоповичъ, Яворскій, Дмит. Ростов., 297; Москва, Пермь, 325; Елизав., 342; 18-й в., 374, 379; лужичане, 401; Алекс. I, 417; расколъ, 437; либерализмъ, 451.
Пророчество (Д): смута, 237, 238; хлысты, 370; женщина, 415; скопцы, 438.
Просвира: начало, 38, 40; удѣлы, 91; смута, 237.
Просвѣтитель: сочиненіе, 172. См. *Луцидарій*.
Просвѣтители: Соловецкіе, 74.
Просвѣщеніе начало въ Рос., 41; чехи, поляки, 50; удѣлы, 90—92; Западъ, 15, 102, 103; татары, 148, 149, 152; Годуновъ, 192; Филаретъ, 220; смута, 239—241; польск. Русь, 255; 18-й в. на Зап., 263; румыны, 264; Іосифъ II, 265; Оед. Алекс., 284; передъ Петромъ I, 321, 322; Петръ I, 322—324; Елизавета, 341, 344; Дашкова, 348; Екат. II, 345, 350, 353, 376—379, 385, 390; 18-й в., 395; Алекс. I, 406, 417; Никол. I, 423, 424; Алекс. II, 428; войско, 434; реформы, 436; общество, 439; 19-й в., 440—443; Пушкинъ, 454; Лермонтовъ, 454; Надеждинъ, 456.
Простакова, 384.
Простолюдинъ: опредѣленіе, 36.
Протекторатъ: русскіе въ Турціи, 425; европейцы въ Турціи, 426.
Протекціонизмъ: Канкринъ, 421.
Протестантизмъ: гуситы, 108; начало, 161; чехи, 164; Польша, 165; Швеція, 166, 216; Россія, 231; Іосифъ II, 265; полемика, 325, 326; 18-й вѣкъ, 376, 379; Алекс. I, 414, 417.
Протодіаконъ, картина, 468.
Профессоръ: чехи, 164; Италія, 164; 18-й в., 378; Алекс. I, 417; Никол. I, 424; Алекс. II, 428; Варшава, 431; Алекс. III, 440; женскіе курсы, 442; университетъ, 445.
Процентъ (Д): удѣлы, 82; смута, 230; Елизавета, 343; Екат. II, 369; Николай I, 422; госуд. долгъ, 435.
Пруссія: значеніе слова, 9, 50; начало, 160; королевство, 262; великая держава, 263; Австрія, 265, 340; Петръ I, 300; Биронъ, 338; Анна Леопол., 340; Елизавета, 342, 344, 345; Петръ III, 347; Екат. II, 355, 357—359; Павелъ I, 361, 362; 19-й вѣкъ, 396, 398; Алекс. I, 407, 412, 414; Никол. I, 419; Алекс. II, 428; поляки, 430; вліяніе въ Россіи, 434, 435.
Пруссы: начало, 9; Тевтонскій орденъ, 47; нѣмцы, 80; Оттокаръ II, 107; Литва, 123.
Прутъ: Петръ I, 299; крым. война 426.
Прѣслава, болгар., столица, 4.
Пряничниковъ: живопись, 468—470.
Пряности (Д): древн. славяне, 14.
Псалтырь: первые князья, 41; переводы на рус. яз., 250, 324; Алекс. I, 445.
Псевдоклассицизмъ: опредѣленіе, 263; Кантемиръ, 380; Ломонос., 382; Сумароковъ, 383; сатира, 386; Екат. II, 387; Княжнинъ, 388; мѣщанск. драма, 388; Державинъ, 389; 19-й вѣкъ, 398; Алекс. I, 443; Карамзинъ, 444; славянофилы, 445; сентиментализмъ, 446; романтизмъ, сатира, 447; Крыловъ, 448; классицизмъ, 449, 450; паденіе, 447, 452; Пушкинъ, 450, 454; живопись, 466; ваяніе, 470.
Психея: живопись, 467; ваяніе, 470.
Психея и Купидонъ, поэма, 390.
Психологія (Д): Жуковскій, 447; Пушкинъ, 451; Лермонтовъ, 454; Алекс. II, 460; Гончаровъ, 462; Достоевскій 463; Островскій, 464.
Псковитянка, опера, 473.
Псковское оз.: битва, 124.
Псковъ: начало, 6; Ольга, 25, 26; удѣлы, 74, 75; нѣмцы, 124; Тверь, 128; Новгородъ, 134; подчин. Москвѣ, 140; вѣче, 143; богатство, 144; ми-

трополитъ, 149; стригольники, 153; присоедин. къ Москвѣ, 175; Ив. IV, 184, 185; смута, 210, 231; шведы, 216; граница Рос., 220; внѣшній видъ, 247; Алекс. Мих. 273.
Птенцы Петра I: характеристика, 295—298, 315, 318; въ пѣсняхъ, 327; Анна Иван., 333.
Птицеловъ, картина, 468.
Птичьи чары: оракулъ, 238.
Публицистика (Д): начало въ Росс. 241; Крижаничъ, Котошихинъ, 321, 322; Петръ I, Посошковъ, 327; Татищевъ, 380; журналы 18-го в., 380, 381; Сумароковъ, 383; сатира, 386; Екат. II, 387, 447; чехи, 400; натуральная школа, 459; Алекс. II, 460; Щедринъ, 463, 464.
Пугачевщина: значеніе слова, 354; характеръ, 374.
Пункты: Анна Иван., 333, 334.
Пуссенъ, живописецъ, 468.
Пустыня (Д): идеалъ при татарахъ, 152; Стоглавъ, 187.
Путевыя замѣтки, сочиненіе, 390.
Путешествіе изъ Петербурга въ Москву, сочиненіе, 392.
Путешествія (Д): характеръ въ древней Россіи, 60; смута, 244; заграничныя, 290, 378, 405, 424; кругосвѣтныя, 406; Геогр. Общество, 443.
Путики: опредѣленіе, 14.
Пути сообщенія (Д): удѣлы, 98; татары, 141; смута, 231; 18-й в., 364; Алекс. III, 433.
Путь: ловчій, сокольничій, 142, 143.
Путь-дорога: значеніе слова, 14.
Путята, тысяцкій, 29.
Пуффендорфъ, ученый: русскіе переводы, 326.
Пушка: начало въ Росс. 158; Строгоновы, 188; Лжедим. 201; Мих. Ѳед. 215; смута, 236; Фіоравенти, 248; расколъ, 272; Разинъ, 275; Албазинъ, 281; Софья, 286; Петръ I, 291, 294, 298, 307, 309, 329; Екат. II, 363, 366.
Пушкарь: смута, 235.
Пушкинъ. 1) Александръ: Ломоносовъ, 383; Мицкевичъ, 399; либерализмъ, 416; ссылка, 417, 450, 453; Карамзинъ, 444—446; народная поэзія, 449; 30-е годы, 453, 454; его школа, 455, 465; Полевой, 456; Современникъ, 456; Бѣлинскій, 457; Тургеневъ, 460.—2) Василій: Арзамасъ, 444.
Пчела: сборникъ, 94, 155.
Пчеловодство (Д): начало у славянъ, 3; татары, 143.
Пшеница: подольская, 144.
Пытка (Д): начало, 170; Иванъ III, 175; Ив. IV, 183; Годуновъ, 196; смута, 236; Алекс. Мих., 274; Петръ II, 291, 295, 315—317; Анна Ив., 336; Елизав. 343, 372, 374; Екат. II, 349, 350; Алекс. I, 438.
Пышность: болгары, 21; татары, 115; Ив. III, 170; смута, 221, 222; Екат. II, 350, 351, 353, 358.
Пьянистка: въ Россіи, 474.
Пьянистъ: Рубинштейны, Лешетицкій, 474.
Пьянство: первые князья, 39; удѣлы, 86; Литва, 110, 112; татары, 113, 142, 151; смута, 236; Петръ I, 288, 289, 295, 302, 317; въ пѣсняхъ, 327, 328; 18-й в., 364; штунда, 438.
Пѣвцы: Владиміръ св., 28; удѣлы, 95.
Пѣніе (Д): церковное, 41, 42; 19-й в., 472; Даргомыжскій, 473; пѣвицы, 474.
Пѣсни (Д): духовныя, 42, 245; народныя, 41, 42, 95, 119, 157, 259; Романовы, 212; смута, 236; историч. 244, 245; хороводн., 246; паденіе, 327; опера, 389; Чулковъ, 389; Львовъ, 392; чехи, 399; лужичане, 401; сербы, 403; болгары, 404; Алекс. I, 449; Кольцовъ, 455; собираніе, 458; характеристика народныхъ, 471; преданія, 472.
Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ, соч. 451.
Пѣснь про купца Калашникова, сочиненіе, 455.
Пѣхота: начало, 36; удѣлы, 82; смута, 235.
Пяты: начало, 5; размноженіе, 50; прекращеніе, 109.
Пятачокъ, монета: начало, 411.
Пятина: значеніе слова, 74.
Пятница. 1) День: постъ, 87.—2) Святая: суевѣрія, 238; апокрифъ, 245; церкви, 245.

Рабочіе: въ 18 в. въ Рос., 363; въ 19 в. на Западѣ, 397.
Рабство (Д): древн. славяне, 14, 19, 37; первые князья, 27; Польша, 50; удѣлы, 64, 70, 75; церковь, 93; румыны, 107; Литва, 111; татары, 118; Ив. IV, 185, 186; смута, 228, 240; Пушкинъ, 450.
Равенство (Д): передъ закономъ, 372, 410; имущественное, 397; Александръ II, 427, 433; соціализмъ, 431; Алекс. III, 439; декабристы, 453.
Равнина: русская, 2; ея характеръ, 5.
Равноапостольный, прозвище: Влад. Св. 30.
Равновѣсіе политическое (Д): Германія, 345, 355; Наполеонъ I, 396.

Рагоза, митрополитъ, 252, 253.
Рагуза, республика: присоед. къ Австріи, 49; славяне, 402.
Рада, сходка: казаки, 277, 279.
Радзеево: битва, 430.
Радзивилы, 266.
Радимичи: начало, 6; Влад. Св. 28.
Радищевъ, писатель: Екат. II, 359; журналы, 387; ссылка, 392.
Радонежъ, гор.: Св. Сергій, 150.
Раскъ, музык. сочиненіе, 472.
Разбои: поморяне, 4; Западъ, 101; Сербія, 106; Иванъ I. 133; при татарахъ, 141, 149; Ив. IV, 188; Годуновъ, 194, 197; смута, 214, 221, 230, 236; Мих. Θед. 219; приказъ, 232; Алекс. Мих., 273, 274; Петръ I, 302, 303; 18-й в., 363, 366; Екат. II, 374; 19-й в., 432.
Разбойныя дѣла см. *Уголовщина*.
Разбойный приказъ, 232.
Разводъ: при татарахъ, 151; Θеофанъ, 296; Анна Ив., 375.
Разговоръ Іосафа съ пустыней, духовный стихъ, 245.
Разговоръ о владѣтельствѣ, сочиненіе: Крижаничъ, 321.
Разговоры о чудесахъ, сочин., 259.
Разины, казаки: Степанъ, 275—276; малороссы, 280; пѣсни, 327.
Разрядныя книги: опредѣленіе, 186; сожженіе, 284.
Разрядный приказъ: смута, 232.
Разрядъ см. *Чинъ*.
Разсказы: народные, 327.
Разсольникъ, посуда, 248.
Разсужденіе, сочин.: Татищевъ, 380.
Разсужденія о причинахъ войны съ Карломъ XII, сочин.: Петръ I, 327.
Разумовскіе: Алексѣй, 340, 342, 347; Кирилла, 344, 348.
Рака: удѣлы, 87.
Рало см. *Соха*.
Ранги см. *Чины*.
Расинъ, поэтъ: значеніе, 263; Сумароковъ, 383.
Расколъ: подготовка, 226; начало, 267, 271, 272; Разинъ, 273, 275; Симеонъ Полоцкій, 284; стрѣльцы, 286; Петръ I, 293, 302, 311—313, 320, 324, 325, 327: Булавинъ, 294; Димитрій ростов. 297, 325; Петръ III, 347; Екат. II, 354; Елизав. 372; Павелъ I, 360; 18-й в., 363, 370, 371; Алекс. I, 405; Николай I, 423; 19-й в., 437; Алекс. II и III, 439.
Раскопки (Д): Яросл. и Влад. губ., 7; отъ Волги до Вислы, 14; с.-вост. Россія, 66.
Раскраска: удѣлы, 97.
Растенія (Д): появленіе домашнихъ, 1; миѳологія у славянъ, 16.
Растрелли, зодчій, 329.
Расходы: государственные, 435.
Ратклифъ, опера, 473.
Ратманъ: Петръ I, 310.
Ратники, ратные, рать см. *Войско*.
Ратное дѣло см. *Военное искусство*.
Ратуша: начало, 310.
Рафли, оракулъ, 238.
Раціонализмъ (Д): русскія секты, 371; опредѣл., 386; Екат. II, 391; масоны, 392; Польша, 399; расколъ, 438; Екат. II, 447.
Рай (Д): древн. славяне, 16, 18; Юрій Долгорукій, 66.
Райя: знач. слова, 162; Порта, 163; Александръ II, 428.
Реакція (Д): знач. слова, 102; Западъ, 102, 396, 398; Екат. II, 387, 390—393; періодъ преобраз., 393, 396; чехи, 400; Алекс. I, 416, 452; Никол. I, 424, 460; натуральн. школа, 459.
Реализмъ (Д): Западъ, 322, 398; Петръ I. 324; опредѣл., 386; Екат. II, 387, 391; искусство, 393; періодъ преобраз., 396; Алекс. I, 406, 445, 447, 452; Екат. II, 447; Николай I, 423, 424; Алекс. II, 441; 19-й в., 443; Карамзинъ, 444; классицизмъ, 449, 450; Пушкинъ, 450, 451; 30-е годы, 453, 454, 456; Лермонтовъ, 454; Надеждинъ, 456; Бѣлинскій, 458; 40-е годы, 458; Гоголь, 459; Алекс. II, 460; Тургеневъ, 461; Гончаровъ, 462, Достоевскій, 463; драма, Л. Толстой, 464; живопись, 467; ваяніе, 470; Даргомыжскій, 472.
Ревель, городъ: Ив. IV, 184.
Ревизія: первая, 303; Петръ I, 314; Елизав., 343; Анна Ив., 363; 18-й в., 368; сенаторская, 433.
Ревизоръ. 1) Генеральный, 315. — 2) Сочиненіе, 454.
Революція (Д): Англія, 160, 263; Турція, 162; Франція, 263, 358, 396; Екат. II, 359, 392; Павелъ I, 361; іезуиты, 371; польская, 397; февральская, 397; Алекс. I, 409, 418, 453; Николай I, 418; іюльская, 419; Пальмерстонъ, 421; февральская, 424; Александръ II, 431.
Регаліи: значеніе въ Византіи, 10.
Регенсбургъ, гор.: Кіевъ, 84.
Регентъ: Биронъ, 339.
Регламентація: знач. слова, 308.
Редакція: лѣтописи, 156.
Редедя, богатырь, 31.
Редклифъ. 1) Посланникъ, 421. — 2) Писательница, 448.
Реестры: казаки, 166, 256, 257.
Резиденты: шведскій въ Москвѣ, 218; знач. слова, 231; Алекс. Мих. 281.

Рзеиденціи: іезуитскія въ Россіи, 371, 372, 415.
Резонерство: Лермонтовъ, 455.
Рекрутство: начало, 227; 18-й в. 369; Алекс. I, 417; Алекс. II, 430.
Ректоръ: универс. при Ник. I, 424.
Религія (Д): литовцы, скандинавы, 9; древн. славяне, 15—19; Ярославъ, 28; знач. въ древн. Руси, 38; Ив. III, 171; Петръ I, 312; передъ Петромъ, 320; Пушкинъ, 454; живопись, 469.
Ремень: меря, 7; изъ спины, 15; татары, 137; смута, 211.
Ремесла (Д): Польша, 50, 109; Андрей Боголюб., 71; Западъ, 101; магометане, 115; Галиція, 130; Мих. Ѳед. 218; Петръ I, 287; Екат. II, 352; школы, 441, 442.
Репнинъ: Петръ I, 297; Екат. II, 355; Павелъ I, 360.
Репня-Оболенскій, князь: Вас. III, 175.
Республика (Д): Новгородъ, 33; Дубровникъ, 49; Франція, 397; Алекс. I, 418, 453.
Реставрація (Д): значеніе слова, 397.
Ретроградство (Д): Алекс. I, 444.
Реформатство: начало, 161; монархизмъ, 161.
Реформы (Д): Николай I, 421, 422; Алекс. II, 434, 435; газеты, 442; Некрасовъ, 463; Щедринъ, Писемскій, 464; журналисты, 466.
Речитативъ: Глинка, 472; Даргомыжскій, 472, 473.
Рейнъ (Д): франки, 3; русскіе, 338.
Рейтары: Петръ I, 307.
Рейхлинъ, ученый, 161.
Ржевускій, 355.
Рига: начало, 80; при татарахъ, 144; Алекс. I, 408; іезуиты, 415; Алекс. III, 432; технол. институтъ, 442.
Риеръ, публицистъ, 400.
Ризы иконъ: удѣлы, 98.
Римскій-Корсаковъ. 1) Генералъ, 362.—2) Музыкантъ: значеніе, 473; программная музыка, 474.
Римъ (Д): восточные славяне, 14; Россія, 171; Екат. II, 371; Алекс. II, и III, 437.
Рисованіе: школы, 442.
Рисунки: цензура, 427.
Ритмъ: русскія пѣсни, 471.
Риторика (Д), наука: Полоцкій, 319; Петръ I, 324; Ломоносовъ, 382.
Риторство (Д): проповѣдь при удѣлахъ, 93; Греція, 154; Курбскій, 242; польск. Русь, 257—259; Сумароковъ, 383; Ломоносовъ, 384; паденіе, 386; Державинъ, 389; Карамзинъ, 444; Гнѣдичъ, 449.
Ришелье. 1) Кардиналъ, 160.—2) Герцогъ, 405.
Рифма: пословицы, 94; пол. Русь, 259; Пушкинъ, 453, 454; бесѣдисты, 445.
Робеспьеръ: живопись, 469.
Ровинскій: лубочныя картины. 469.
Ровоамъ, царь: Никонъ, 270.
Рогатки: смута, 248.
Рогвольдовичи, князья, 33.
Рогнѣда. 1) Княгиня, 27, 30, 33.—2) Опера, 473.
Рогожники, секта, 313.
Рогожское кладбище: расколъ, 437.
Рогъ (Д). 1) Музык. инструментъ: начало у славянъ, 3.—2) Турій, 28.
Родители (Д): ихъ умерщвленіе, 9; древніе славяне, 14; въ миѳологіи см. *Покойнички*.
Родительская недѣля, 17.
Родовой бытъ (Д): арійцы, 2; древн. славяне, 12, 13; паденіе на Руси, 34, 35, 37; родъ, честь, 40; пословицы, 42; перв. князья, 43—46; знач. при удѣлахъ, 51—54; разложеніе, 62, 66; Сербія, 105; Литва, 110; татары, 113; прекращ. въ Россіи, 120, 121, 131, 139; пережитокъ, 186; Кавказъ, 280; изученіе, 460.
Родословная книга: начало, 284.
Родосъ, остр. (Д): Олегъ Святославичъ, 57.
Родъ, божество, 15.
Родъ-племя, см. *Племя*.
Рождество, праздникъ: Коляда, 17; обычаи, 238; мистеріи, 246.
Роженица, божество, 15.
Розги (Д): передъ Петромъ, 318; 18-й вѣкъ, 387; Алекс. II, 438.
Розенкампфъ, 411, 412.
Розенкрейцеры: Екат. II, 392.
Розы: начало въ Россіи, 247.
Розыскъ, сочин.: Димитрій Рост., 325.
Ролленъ, писатель: переводъ на рус. яз., 385.
Романовскія палаты, 471.
Романовы: происхожденіе имени, 190; Годуновъ, 196; Лжедимитрій I, 199; смутное время, 211; бояре, 212; въ пѣсняхъ, 212.
Романовы-Захарьины-Юрьевы: происхожденіе имени, 190; Ив. IV, 224.
Романовы-Юрьевы, бояре: Ѳедоръ I, 190; вымираніе, 225.
Романсъ (Д): опредѣл., 471; въ Россіи, 472; Даргомыжскій, 472; Чайковскій, 473.
Романсъ-сцены: опредѣленіе, 472.
Романтизмъ (Д): Западъ, 398; Польша, 399; начало въ Россіи, 446; паденіе, 447; 30-е годы, 453; Пушкинъ 454; Полевой, 456; Надеждинъ, 456; живопись, 466.

Романцы (Д): опредѣленіе, 19; румыны, 106; въ 1650—1800 гг. 262—263; 19-й в., 396—398.
Романъ. 1) Князь волын., 78, 79.—2) Кн. смоленскій, 90.—3) Даниловичъ, 130.—4) Митрополитъ, 147.—5) Юрьевичъ Захар.-Кошкинъ, 179, 190.
Романъ (Д), сочиненіе: рыцарскій, 327; переводы западныхъ, 384; сентиментализмъ, 388,446,448; семейный, 388; Екат. II, 389; Польша, 399; героич. 444; реализмъ, 447; Алекс. I, 448; историч. 456; нравоописат. 459; Алекс. II, 465.
Ромайкосъ см. *Языкъ ново-греческій.*
Ромео, музыкальное сочиненіе, 474.
Ромодановскій: Петръ I, 294, 317.
Ропша, дворецъ, 349.
Роскошь (Д): Византія, 10, 20; удѣлы, 98; Анна Ив., 335; Елизав., 341; Екат. II, 364; 18-й в., 372.
Россіада. сочиненіе: Херасковъ, 389.
Россія (Д): появленіе, 1; камени. вѣкъ, 2; арійцы, 3; начало славянъ, 3; вост. славяне, 5; варяги, 9; Западъ, 32, 90, 100, 171, 177, 261, 281, 395, 402; отличіе отъ Запада, 260; болгары, 40, 404; Польша, 173, 174, 261; границы и населеніе, 34, 35, 140, 141, 220, 221, 302, 303, 362, 363, 431; знач. древней, 260—262; отличіе новой отъ древней, 261; европ. государство, 261, 300; Пруссія, 262; велик. держава, 263, 300, 393; Турція, 264, 404; сербы, 402, 403; черногорцы, 403; румыны, 404; Франція, 410; изученіе, 467; памятникъ, 470; музыка, 471—474.
Россія въ царствованіе Алексѣя Михайловича, сочин.: Котошихинъ, 322.
Россійская Академія: Екат. II, 353; Дашкова, 390; Шишковъ, 445.
Россійскій Жилблазъ, сочиненіе, 448.
Россійскій Ѳеатръ, сочиненіе: росс. академія, 390.
Россійское собраніе: Анна Ив., 381.
Ростиславичи: Галичъ, 61; Смоленскъ, 77.
Ростиславъ. 1) Князь моравскій, 22.—2) Владиміровичъ, 52, 54.
Ростовцевъ: освобожд. крестьянъ, 426.
Ростовщичество: при татарахъ, 151; смута, 237.
Ростовъ: вятичи, 6; Борисъ, 30, 66; волхвы, 39, 85; часть переяслав. княжества, 54; Мономахъ, 58; великоруссы, 51; Юрій Долгорукій, 67; характеръ области, 67, 68; старина, 71; татары, 116, 126; независ. княжество, 120; подчиненіе Москвѣ, 133; св. Стефанъ, 150; Филаретъ, 206.
Ростопчинъ: Екат. II, 360; Алекс. I, 409, 445; Сперанскій, 412; Наполеонъ I, 413; іезуиты, 415; реакція, 416; патріотизмъ, 446.
Ртищевъ, бояринъ: исправл. книгъ, 269; посол. приказъ, 282; крѣпостничество, 313, 318; отношеніе толпы, 319; школа, 322.
Ртуть: удѣлы, 91.
Рубаха: начало у славянъ, 3, 15; первые князья, 44; удѣлы, 98.
Рубенсъ, живописецъ, 469.
Рубинштейнъ. 1) Антонъ, музыкантъ: портретъ, 468; значеніе, 473; программная музыка, 474.—2) Николай, пьянистъ, 474.
Рубишники, секта, 313.
Рублевъ, живописецъ, 157, 249.
Рубль: начало, 144; Алекс. Мих. 274; Петръ I, 308, 309; бумажный, 369, 408; Никол. I, 422; Алекс. III, 435.
Рувимъ, владыка черногорскій, 106.
Руга: значеніе слова, 311.
Ругательства: первые князья, 39; удѣлы, 86; татары, 113, 151.
Руда см. *Горное дѣло.*
Рудинъ, сочиненіе: значеніе, 461; Достоевскій, 463; Щедринъ, 464.
Рудники: Нерчинскъ, 439.
Рудознатцы см. *Горное дѣло.*
Рудольфъ, императоръ: значеніе, 102; Оттокаръ II, 107.
Ружье: фитильное, 215; Тула, 309.
Рукава: начало въ Россіи, 44.
Рукавицы перстатыя см. *Перчатки.*
Рукодѣлье: смута, 236.
Рукописаніе Магнуша, сочин. 157.
Рукопись (Д): удѣлы, 92; Николай I, 431; Горчаковъ, 447; Горе отъ ума, 453.
Румыны (Д): начало, 106; турки, венгры, поляки, 163; въ 1650—1800 гг., 264—265; Россія, 264, 404; Екат. II, 356; 19-й в., 404; Алекс. I, 405; Николай I, 419; европейскій протекторатъ, 426.
Румянцевъ: полководецъ, 346, 350, 356, 369; министръ, 406, 409.
Руничъ: Александръ I, 417.
Руны (Д): опредѣленіе, 9.
Русалка. 1) Духъ, 15, 17.—2) Опера, 473.
Русины: опредѣленіе, 401.
Русланъ и Людмила. 1) Сочин., 450.—2) Опера, 472, 473.
Русская Бесѣда, журналъ, 466.
Русская Исторія, сочин.: Леклеркъ, 391.
Русская Правда, законы: составленіе, 33; содержаніе, 38; языкъ, 41; Влад. Мономахъ, 60; удѣлы, 82.

Русская школа: живопись, 467; зодчество, 471; музыка, 472.
Русскія Вѣдомости, 323.
Русскій Вѣстникъ, журналъ: Глинка, 446; Алекс. II, 466.
Русское м. см. *Черное* м.
Русское музыкальное общество, 474.
Руссо, писатель: значеніе на Западѣ, 263; Алекс. I, 405.
Руссофильство: Александръ I, 445.
Русь: преданія, 6.
Русь: происхожд. имени, 9; начало, 24; Олегъ, 25; Влад. Св. 27, 28; крещеніе, 29; Ярославъ, 30; вост. славяне, 34; кіевская земля, 67, 69; происхожденіе, 384.
Рухлядь: опредѣленіе, 233.
Рыбниковъ, ученый, 465.
Рыболовство: древніе славяне, 44; при татарахъ, 142, 143; смута, 230.
Рыло см. *Вассіанъ*.
Рылѣевъ: Николай I, 418.
Рымникъ, битва, 357.
Рында: опредѣленіе, 224.
Рысь, звѣрь: лѣтопись, 79.
Рыцари: опредѣд., 19; Польша, 23; ливонскіе, 80; тевтонскій орденъ, 80; Западъ, 101; Литва, 110–112, 135; татары, 116, 124; смута, 227; іоанниты, 361; живопись, 466.
Рычковъ, путешественникъ, 390.
Рѣдкинъ, ученый: 40-е гг., 460, 465.
Рѣзань, монета, 44.
Рѣзы (Д). 1) Письмо у древн. славянъ, 21.—2) См. *Процентъ*.
Рѣзьба (Д), на деревѣ: нач. у славянъ, 3; Польша, 109; предъ Петромъ I, 329.
Рѣка: знач. въ Рос., 5; удѣлы, 98.
Рѣли: значеніе слова, 319.
Рѣпинъ, живописецъ: значеніе, 467, 469; Антокольскій, 470.
Рѣчи и Вопросы, сочиненіе: Иванъ IV, 242.
Рѣчь: разговорная, 249; академическая, 380, 382.
Рѣчь Посполитая см. *Польша*.
Рѣшетниковъ, писатель, 465.
Рюгенъ, островъ, 4.
Рюриковичи: при татарахъ, 143; Ив. IV, 178; Ѳедоръ, 190; вымираніе, 211; Пожарскіе, 210; наплывъ въ Москву, 224.
Рюрикъ: появленіе въ Россіи, 24; Ив. IV, 179.
Рядъ. 1) Завѣщаніе, 38.—2) Договоръ: съ князьями, 72, 81, 143, 144.
Ряженые: драма, 246; Петръ I, 288.
Рязань: часть черниговъ. княжества, 53; Мономахъ, 57; Суздаль, 64, 65, 72, 77; княжество, 77; татары, 116; Москва, 137; значеніе, 132; подчиненіе Москвѣ, 137, 140, 167, 175; казаки, 146, 235; св. Сергій, 150; Ляпуновы, 198, 202, 206, 207; смута, 214.
Ряполовскіе, князья: Иванъ III, 224.
Ряса: Иванъ IV, 183; расколъ, 312.

Сабля: татары, 114; Мих. Ѳед., 215.
Сава, р.: хорваты, 4.
Савельевъ, ученый: Венелинъ, 460.
Савицкій, живописецъ, 468.
Саврасовъ, живописецъ, 469.
Сагайдачный, гетманъ: пѣсни, 260.
Садко. 1) Былина, 95.—2) Музыкальное сочиненіе, 474.
Садоводство (Д): татары, 142; нѣмцы и греки, 158; начало въ Россіи, 247; смута, 248; школы, 442.
Садовскій, актеръ, 464.
Садъ: дѣтскій, 442.
Сажаніе. 1) На колъ: древн. славяне, 15; Святославъ Игоревичъ, 26; Петръ I, 315.—2) На столъ: удѣлы, 82.
Саксонія: славяне, 22; нѣмецкое государство, 47; онѣмеченіе, 50; Польша, 265, 266; Карлъ XII, 298; Наполеонъ I, 407.
Салатъ: начало въ Россіи, 247.
Салерно: университетъ, 47.
Салтыковы, бояре: Мих. Ѳед., 219; вымираніе, 225; Анна Иван., 334; Елизав., 346; Салтычиха, 373; Екат. II, 385, 387.
Самаринъ, 1) Писатель: значеніе, 427; славянофильство, 458.—2) Актеръ, 464.
Самовластецъ, титулъ, 81.
Самодержавіе: причина силы въ Рос., 5; Византія. 10, 19; начало на Зап., 11; чехи, 23; первые князья, 38, 43—46; зап. славяне, 49, 50; Андрей Богол., 67, 70; Всеволодъ III. 71, 72; духовенство, 85; лѣтописи, 97; удѣлы, 99, 100; Западъ, 99, 101; Сербія, 105; Польша, 109; Семенъ Гордый, 134, 135; Дим. Донской, 136; татары, 142, 159; казаки, 145; церковь, 148; турки, 161; Ив. III, 169, 170; Вас. III, 175, 177; Ив. IV, 181, 182; Годуновъ, 191; возстановленіе, 211; смута, 167, 221—229; Курбскій, 242; древн. Россія, 260, 261; патріаршество, 268, 311; Алекс. Мих., 272; въ 1650—1725 г., 303, 304; Петръ I, 306; ограниченіе, 333, 334; 18-й в., 364, 367, 376; Екат. II, 370; преобразованія, 394; Николай I, 418, 456.
Самодержецъ, титулъ: начало, 142; Мих. Ѳед., 223, 224.
Самодуры: опредѣленіе, 439.

Самозванцы: Западъ, 160; Лжедим. I, 197—201; мелкіе, 203; Лжедим. II, 200—206; Лжедим. III, 210; послѣ смуты, 216; Черногорія, 264; Алекс. Мих., 274; Петръ I, 295; Анна Ив. 336; Екат. II, 353, 354.
Самоправленіе (Д): Новгородъ, 72; Польша, 109, 144.
Самосожженіе: раскольники, 272, 370.
Самосудъ: начало въ Россіи, 37.
Самойловичъ, гетманъ, 280; Софья, 287.
Самойловъ, актеръ, 464.
Самсонъ (Д): Алекс. Невскій, 157.
Санк: нач. у славянъ, 44; Ольга, 26.
Санинъ Іосифъ: характеристика, 172; Нилъ Сорскій, 173; Вассіанъ Косой, 176; духовенство, 237.
Санкт.-Петерб. Вѣдомости: Алекс. II, 466.
Санскритъ, языкъ (Д): значеніе, 2.
Сапоги: камскіе болгары, 28; первые князья, 44; удѣлы, 83.
Сапѣга Янъ: тушинцы, 203; Троицкая лавра, 204.
Саранча: татары, 141; 19-й вѣкъ, 432.
Саратовъ: Годуновъ, 191, 229; Булавинъ, 294; Пугачевъ, 354; Алекс. III, 432.
Сарай, гор.: столица татаръ, 117; епархія, 148; разрушеніе, 174.
Сардамъ, гор.: Петръ I, 290.
Сардинія (Д): крымская война 425.
Сарепта: Екат. II, 363.
Саркофагъ (Д): первые князья, 43.
Сарматы (Д): происхожд. имени, 3.
Сатана: Западъ, 103.
Сатановскій, ученый, 269; переводы, 326.
Сатира (Д): Западъ, 48; Даніилъ Заточникъ, 94; Ѳеоф. Прокоп., 326, 328; народн. разсказы, 327, 328; Елизав. 344; Кантемиръ, 376; значеніе, 376; 18-й в., 380; Сумароковъ, 383; Екат. II, 386, 387; Фонвизинъ, Капнистъ, Княжнинъ, Хемницеръ, 388; романъ, 389; Державинъ, 389; масоны, 392; преобразованія, 396; Польша, 399; 19-й вѣкъ, 443; Алекс. I, 444—448; Екат. II, 447; драма, 448; Грибоѣдовъ, 450; Пушкинъ, 451; либерализмъ, 451; Пушкинъ, 454; Лермонтовъ, 454; Гоголь, 455; Некрасовъ, 463; Щедринъ, 463, 464; живопись, 467.
Сатиры въ прозѣ, сочиненіе, 464.
Сафьянъ: начало у славянъ, 14; первые князья 44; стрѣльцы, 286.
Сахалинъ, остр.: Алекс. II, 430; ссылка, 439.
Сахаровъ, ученый: народность, 458.
Сахаръ: заводы, 435.
Сбитеньщикъ, комедія: Аблесимовъ, 388.
Сборники: хронографы, 41; Святославъ, 90; удѣлы, 94; лѣтописи, 96, 243, 326; татары, 153, 155; смута, 244; чудеса. 258; Симеонъ Полоцкій, 283; передъ Петр. I, 326; русскихъ пѣсенъ, 390; литературные, 451.
Сборщикъ податей: у татаръ, 118; при татарахъ, 143; смута, 234.
Свадьба: древніе славяне, 42; драматизмъ, 245; пѣсни, 260.
Сварогъ (Д): божество, 17.
Сварожичи, божества, 17.
Сватовство маіора, картина, 467.
Свайныя постройки, 1.
Свеаборгъ, крѣпость, 407.
Свидѣтель: начало въ Рос., 38.
Свидѣтельство: увольнительное, 423; выкупное, 427, 435.
Свинецъ: древніе славяне, 14; Годуновъ, 192.
Свинья (Д): древніе славяне, 44.
Свирговскій, гетманъ: пѣсни, 260.
Свирѣль: славян. миѳологія, 18.
Свита, одежда: первые князья, 44.
Сводъ въ архитект. (Д): начало въ Россіи, 43.
Сводъ законовъ: Петръ I, Екат. II, 351; Николай I, 421.
Свои люди—сочтемся, сочин., 464.
Свѣдущіе люди: Алекс. II, 434
Свѣжій кавалеръ, картина, 467.
Свѣтопреставленіе: татары, 152.
Свѣточи христіанства, картина, 467.
Свѣтскость: начало на Западѣ, 100, 103; письменность въ смуту, 241; въ языкѣ, 249; письменность въ 1650—1725 г., 324; 18-й в., 379.
Свѣчи: секты, 438.
Святки: древніе славяне, 17.
Святогоръ, богатырь, 18.
Святополкъ. 1) Князь моравскій, 22.—2) Владиміровичъ: княженіе, 30—31.—3) Изяславичъ, 57—59.
Святорусская земля: Курбскій, 242.
Святославичи: Мономахъ, 59; Черниговъ, 61; борьба съ Мономаховичами, 62—65.
Святославъ. 1) Игоревичъ: болгары, 20, 21; княженіе, 25—28.—2) Ярославичъ: княженіе, 53—56, 88, 90.—3) Ольговичъ, 62—65.—4) Черниговскій: характеръ, 53; Изборники, 94.
Святой Духъ: голуби, 321.
Святцы: начало, 41; удѣлы, 96; греческія, 82.
Святые: удѣлы, 86; Алекс. Невскій 122; смута, 237; у еретиковъ, 240; Елизавета, 375.
Святыя мѣста: удѣлы, 90, 95.

Священники: начало на Руси, 29; торговая казнь, 226; смута, 237, 238; уніатскій, 254; раскольники, 437.
Священное писаніе: нѣм. переводъ, 12; болгарскій переводъ, 21; зырянскій, 150; стригольники, 153; Геннадій, 172.
Священнослужитель: Алекс. II, 437.
Священный Союзъ: начало, 396, 397; идея, 415; реакція 416; Николай I, 418.
Севастополь (Д): греки, 10; Владим. Св., 28, 29; Ростиславъ Владиміровичъ, 54; флотъ, 356; Алекс. I, 405; крымская война, 426.
Секретарь: въ древности, 96; госуд. совѣтъ, 410, 412.
Секты: Византія, 10; богомилы, 21; 18-й вѣкъ, 370; преобразованія, 395; Александръ III, 437, 438.
Селедка: древніе славяне, 14.
Селивановъ, скопецъ: значеніе, 371; Александръ I, 438.
Селитра: Годуновъ, 192; смута, 230; Петръ I, 309.
Село: церковное, 85; черное, 313; 19-й вѣкъ, 432; банки, 435; Лермонтовъ, 454; пейзажъ, 469.
Сельджуки (Д), турки: ихъ гибель, 104.
Сельскій Вѣстникъ, журналъ, 443.
Сельское хозяйство (Д): университеты, 424; школы, 442; Алекс. I, 452.
Сельчане см. *Крестьяне*.
Семенова, актриса, 448.
Семеновскій полкъ: бунтъ, 416.
Семенъ, вел. князь: княженіе, 134, 135; бояре, 190.
Семилѣтняя война: Фридрихъ II, 262; Елизав., 345, 346; знач. для Рос., 369.
Семинарія. 1) Духовная: начало, 297, 379; Алекс. I, 406; Алекс. II и III, 437, 440.—2) Учительская: Екат. II, 352, 390; Алекс. II и III, 428, 441, 442. 3) Филологическая, 441, 442.
Семирадскій, живописецъ, 467, 469.
Семья (Д): археологія, 1; первобытн. славяне, 2, 14; первые князья, 37, 39; смута, 236.
Сенатъ (Д): Польша, 165; Лжедим. I, 199; Петръ I, 304, 306, 307, 315; Екат. I, 330; Анна Иван., 333, 334; Елизав., 343; Петръ III, 347; Екат. II, 349; въ 18 в., 367, 368; католики, 371; Алекс. I, 409; миров. судьи, 428; Александръ III, 433.
Сен-Готардъ: Суворовъ, 362.
Сенковскій, журналистъ, 456.
Сен-симонизмъ: Герценъ, 457.
Сен-Симонъ, 397.
Сентиментализмъ: начало въ Рос., 388; на Зап. 398; Алекс. I, 404; знач. слова, 444; Карамзинъ, 444; народность, 445; женщина, 446; паденіе, 447, 452; сатира, 448; классицизмъ, Пушкинъ, 450; 30-е годы, 453.
Сентябрь: начало года, 156.
Сербанъ II, князь румынскій, 163.
Сербія (Д): начало, 4; Стеф. Немань, 48; Мурадъ, 104; Душанъ, 105—106; турки, 106; монастыри, 153; житія, апокрифы, 154; турки, 163; Москва, 163; бѣгство славянъ, 264; рус. просвѣщеніе, 323; Анна Иван., 338; Николай I, 419; турецко-слав. война, 429.
Сербы: опредѣл., 3; появл. на Балк. полуостр., 4; христіанство, 21; греки и болгары, 22; государство, 22; въ Босніи и Герцеговинѣ, 48; Елиз. Петр. 343, трансильванскіе, 402, 403; 19-й в., 402, 403.
Сергій Радонежскій: самодержавіе, 136; Дим. Донской, 138, 147; Троицкая лавра, 150; житія, 154.
Серебро (Д): первобытн. славяне, 7; Владим. Св., 27, 36, 41; перв. князья, 44; удѣлы, 98; закамское, 133, 134; татары, 144; Ив. III, 171; смута, 246, 248; Алекс. Мих., 274, 277; Петръ I, 307, 309, 329; Алекс. I, 411.
Серебряный, князь: Ив. IV, 180; въ романѣ, 470.
Серпуховъ, гор.: Владиміръ Андреевичъ, 138.
Серпъ: меря, 7.
Серыи: древн. славяне, 15; Святославъ Игор., 26.
Сестренцевичъ, митрополитъ, 371.
Сестры милосердія, 440.
Сеймики: Польша, 165.
Сеймъ. 1) Учрежденіе: Венгрія, 49; чехи, 49, 164, 265; Польша, 165, 355, 419; нѣмой, 265; Крижаничъ, 322; Лифляндія, 331; Финляндія, 434 — 2) Рѣка, 51.
Сибирская язва, 432.
Сибирь (Д): желтые, 1; камен. бабы, 55; Ив. I, 133; Ермакъ, 188; ссылка, 196; Мих. Ѳед. 220; смута, 230; Алекс. Мих. 274, 280; восточная, 281; крестьяне, 313; дѣленіе на вост. и зап. 336; воен. посел., 363; хлѣбъ, 364; Миллеръ, 384; Сперанскій, 412; Николай I, 422; Алекс. II, 431; выселеніе изъ Рос. 431; декабристы, 438; ссылка, 439; Лупалова, 449.
Сиверсъ: Екат. II, 350, 363.
Сигизмундъ: 1) II, *Августъ*, король пол., 165.—2) III, кор. пол.: правленіе, 166; Лжедим. I, 197; Москва, 205—207, 216.
Силезія: монголы, 46; опѣмеченіе, 50; татары, 116.

Силистрія, крѣп.: болгары, 4; Николай I, 419; крымск. война, 425.
Силлабизмъ (Д): польск. Русь, 258, 259; въ Москвѣ, 328; Кантемиръ, 380; Тредьяковскій, 382.
Силуанъ: Максимъ Грекъ, 241.
Сильвестръ. 1) Игуменъ, 96.—2) Священникъ: Ив. IV, 179—181; Курбскій, 242; писатель, 244. — 3) См. *Медвѣдевъ*.
Симбирскъ: Разинъ, 276.
Символизмъ (Д): проповѣдь, 93; Полоцкій, 325.
Символъ Вѣры, 269.
Симеонъ. 1) Царь болгар., 21, 94.—2) Іеромонахъ: записки, 155. —3) Бекбулатовичъ, 185, 192.—4) См. *Полоцкій*.
Симфонія: въ Россіи, 473
Синеусъ, князь варяжскій, 24.
Синодъ (Д): начало, 312; проповѣдь, 325; Анна Ивав. 333; Елизав., 375; Алекс. I, 417; судъ, 428; школы, 440.
Синопъ (Д): битва, 425.
Синтаксисъ: Карамзинъ, 444.
Сирія (Д): Египетъ, 419.
Сироты (Д): удѣлы, 93; татары, 145; Екат. II, 352.
Система (Д): рѣчная, 9; школьная, 192, 353, 440, 441, 442; откупная, 220, 234, 428; правительств. 306; женск. гимназіи, 428; паспортная, 432; вооруженія, 434; классическая, 441; сельск. хозяйства, 452.
Ситецъ: русскій въ Азіи, 435.
Сить, р.: битва, 116.
Сиѳова молитва, апокрифъ, 154.
Сіонскій Вѣстникъ, журналъ, 452.
Скавронская Марта: Петръ I, 301.
Сказанія: опредѣл., 95; татары, 156; иностранцы, 231; смута, 243; духовныя см. *Притчи*.
Сказка (Д): начало въ Россіи, 42; Ив. IV, 183—185; литовскія, 179; книжная, 245; Елизав., 341; Екат. II, 385, 387; Чулковъ, 389; сербы, 403; Алекс. I, 448; собираніе, 450, 458; Пушкинъ, 450, 454; Несторъ, 458.
Сказка про купца Калашникова, сочиненіе: иллюстрація, 469.
Скальды: скандинавы, 9.
Скандинавія (Д): Новгородъ, 6; значеніе, 9; начало государства, 12; викинги, 34; феодализмъ, 102; протестантизмъ, 161.
Скарбница, сочиненіе, 259.
Скарга, писатель, 252.
Скачки: Византія, 10.
Скептицизмъ (Д): рус. исторія, 458.
Скипетръ (Д): Византія, 10; Ив. IV, 190.
Скитъ: опредѣленіе, 172.
Скиѳы (Д): происхожд. имени, 3.
Складочное право: Польша, 109.
Скобелевъ, генералъ, 430.
Скоморохи (Д): удѣлы, 86; смута, 236.
Скопинъ-Шуйскій, 203, 205, 210, 212 въ пѣсняхъ, 245.
Скопчество: начало, 371; Александръ III, 438.
Скорина, писатель, 258.
Скоропадскій, гетманъ, 299.
Скоропись (Д): Петръ I, 323.
Скотоводство (Д): печенѣги, 8; славян. миѳол., 18; удѣлы, 83; татары, 113, 142; Петръ I, 309; Петръ III, 347.
Скрипачи, 474.
Скрипка, 474.
Скудость и Богатство, сочин., 327.
Скульптура (Д) см. *Ваяніе*.
Скупштина: начало, 403.
Славинецкій, ученый: значеніе, 269, 283, 317; хлѣбопоклон. ересь, 320; невѣжество, 321; расколъ, 320; исправленіе книгъ, 324; проповѣди, 325; переводы, 326.
Славистика: начало, 459; Алекс. II, 465.
Славяне (Д). 1) Первобытные, 1—19; раздѣленіе, 3; происхожд. имени, 3; Карпаты, 3; христіанство, 11; полабскіе, 50; румыны, 106; въ 1650—1800 г., 264—266; Петръ I, 301; Екат. II, 356; онѣмеченіе, возрожденіе, 398—403; Николай I, 420; славянофилы, 458, 459; Венелинъ, 460; слав. комитетъ, 466; музыкальность, 471. — 2) *Восточные*: опредѣленіе, 3; начало, 5, 6; бытъ, 12—19. См. *Русскіе*.—3) *Западные*: опредѣл. 3, 4; бытъ, 15—18; въ средн. вѣка, 107—110; 19-й в., 398—401.—4) *Южные*: опредѣл. 3; Мизія, 4; болгары, 4; бытъ, 12—16; 1650—1800 г., 264; 19-й в., 401—404.
Славяновѣдѣніе: начало, 399, 400.
Славяно-греко-латинская академія см. *Академія* московская.
Славянофилы: Черногорія, 403; происхожд. слова, 444; Алекс. I, 445; Надеждинъ, 456; 40-е годы, 458, 459, 460; Базаровъ, 462; Достоевскій, 463; Л. Толстой, 465; консерватизмъ, 466.
Славянскій Букварь: первая азбука, 244.
Слобода: опредѣл., 13; московская въ Новгородѣ, 133; новокрещены, 227; стрѣлецкая, 286.
Слова и рѣчи, сочиненіе: Ѳеофанъ Прокоповичъ, 296.
Словаки: опредѣл., 4; чехи, 23; поляки, 24; 19-й в., 400; венгерцы, 402.
Словарь (Д): татары, 155; лужичане, 401.

Словарь о россійскихъ писателяхъ, сочиненіе, 390.
Словацкій, писатель, 399.
Словесность: гимназіи, 379.
Словинцы: опредѣл. 4; присоед. къ Венгріи, 49; въ 19 в., 400, 401, 402.
Слово, журналъ, 401.
Слово (Д) см. *Проповѣдь*.
Слово Даніила Заточника: политика, 92.
Слово и дѣло: Алекс. Мих., 303; Петръ I, 315; Петръ III, 347; Елизав., 372.
Слово о полку Игоревѣ, сочин., 70, 72, 95; подражанія, 156; языкъ, 249.
Слово отца къ сыну, сочин., 94.
Словопроизводный Словарь, сочин., 390.
Слово Христолюбца, сочин., 154.
Слонъ (Д): суевѣрія, 375.
Слуга (Д): князя, 143; митрополита, 149.
Служба: церковная, 154; береговая, 234; сторожевая, 234; польская, полевая, 235; военная 307, 428; флотъ, 434.
Служилые, сословіе: начало, 143; татары, 145, 148; Ив. IV, 183; у епископа, 186; на соборѣ, 188; Годуновъ, 193, 194; Лжедим. I, 199; Мих. Ѳед., 215; смута, 225, 227, 22-, 234, 235; передъ Петромъ I, 304, 305.
Слуцкъ, гор.: конфедерація, 355.
Слѣдователь: начало, 34.
Слѣпые: школы, 442.
Смердъ: опредѣл., 36; удѣлы, 81.
Смертная казнь: начало въ Россіи, 37; Москва, 136; татары, 151; Ив. III, 175; Софья, 287; Петръ I, 314; Елизав., 344, 372; Екат. II, 349, 351.
Смирна (Д), гор.: Петръ I, 301; болгары, 404.
Смитъ Адамъ, ученый: Алекс. I, 411; рус. переводъ, 451.
Смоленскъ: начало, 6; характеръ области, 51; часть кіев. княжества, 53; Мономахъ, 57, 58; Олегъ Святосл., 57; княжество, 69; Мстиславы, 69; Андрей Боголюб. 70; Всевол. III, 72; Ростиславичи, старина, 77; Ольгердъ, 111; литовцы, 123, 165; Дим. Донской, 137; татары, 141, 144; присоед. къ Москвѣ, 177, 265; Сигизм. III, 207, 216; лисовчики, 214; граница, 220; моск. казаки, 235; видъ въ смуту, 247; Алекс. Мих., 279; католичество, 375; школы, 377; Напол. I, 413.
Смолеръ, писатель, 401.
Смольный монастырь: начало, 353.
Смотрины невѣстъ, 222, 303.
Смотрицкій, ученый, 249, 254, 258, 259, 326.
Смута: Москва, 139, 140; опредѣленіе, 167; начало, 169; вліяніе на письменность, 241; Малороссія, 279.
Смутное время: опредѣл., 167; начало, 197—198; Лжедим. I, 199—201; Лжедим. II, 202—206; поляки и ополченія, 206—211; сказанія, 243; пѣсни, 245; значеніе, 261.
Снегиревъ: народн. поэзія, 450; археологія, 451; народность, 458; лубочн. картины, 469; рус. древности, 471.
Снурки: меря, 7.
Снѣгурочка, опера, 473.
Собака (Д): славян. миѳол., 19; первые князья, 44; удѣлы, 83; татары, 151.
Собесѣдникъ, журналъ, 390.
Соболь: перв. князья, 37; татары, 154; Мих. Ѳед., 215, 217; Алекс. Мих., 279; стрѣльцы, 286.
Соборы (Д). 1) *Церковные*: начало, 33; вселенскіе, 47, 154; альбигойцы, 48; Кіевъ, 87; удѣлы, 92; Флоренція, 104, 155; Констанцъ, 108, 155; татары, 147, 148, 151, 152; жидовство, 172; въ 1504 г., 172; Ив. IV, 180, 187; смута, 237, 238, 244; Брестъ, 253; исправл. книгъ, 269 270; Никонъ, 271; расколъ, 272, 437; хлѣбопокл. ересь, 320.—2) *Земскіе*: Ив. IV, 180, 185, 188; Годуновъ, 195; смута, 211, 212, 223; Мих. Ѳед., 215, 217, 219; горожане, 229; значеніе, 261; Алекс. Мих., 267, 274, 277, 278, 279, 305 пѣсни, 327.—3) *Служилыхъ*, 284.—4) *Храмы*: Софіи, 10, 32, 33, 43; Дмитріевскій, 98; Архангельскій, 133; Успенскій, 133, 226, 246, 247, 271; Благовѣщенскій, 179, 248; Казанскій, 349; Исаакія, 466, 469, 470; Спаса, 469, 470.
Собранія: дворянскія, 352; земскія, 427.
Собственность (Д): общинная, частная при удѣлахъ, 86; татары, 145, 149.
Собѣскій Янъ, король польск. 265.
Современникъ, журналъ: Пушкинъ, 454; 30-е годы, 456; Алекс. II, 466.
Совѣтъ (Д): Новгородъ, 73; чрезвычайный при Елиз., 341, 367; государственный, 406, 409, 410, министровъ, 406.
Согласіе см. *Толкъ*.
Содомъ, 269.
Соединенные Славяне, общество, 453.
Соединенные Штаты (Д): начало, 263.
Сожженіе: трупы, 18, 201, 221; Византія, 92; вѣдьмы, 103; 319; сербы, 106; Гусъ, 108; Литва, 110—112; колдуны, 152; книги 164, 266, 269, 284, 319; Ив. III, 172, 175; Ив. IV, 184; смута, 236; типографія, 241; зараженныхъ, 248; женщинъ, 257; раскольниковъ, 272; еретиковъ, 284; пытка, 315; языковъ, 316; жидов-

ствующихъ, 375; ассигнаціи, 411; Москва, 413.
Сожъ, р.: радимичи, 6.
Созерцательность: удѣлы, 88.
Соколъ: первые князья, 44.
Сокольничій, чинъ: татары, 142, 143.
Сократъ (Д), статуя, 470.
Солдатенковъ: картины, 470.
Солдаты: Мих. Ѳед. 215; Петръ I, 288, 291, 307; 18-й в., 369; Алекс. III, 434; Алекс. II, 438; Алекс. I, 452.
Солидарность: знач. слова, 395; Александръ I, 406.
Солнце (Д): славян. миѳологія, 17.
Солнцестояніе: славян. миѳол., 16.
Соловецкій монастырь: Сильвестръ, 181; мощи Филиппа, 268; исправл. книгъ, 270; Разинъ, 275; расколъ, 272, 312; пѣсни, 327; Толстой, 330.
Соловецкій остр.: граница, 220.
Соловей. 1) Волхвъ, 29.—2) Разбойникъ, 42.
Соловьевъ, ученый: Отечеств. Записки, 458; 40-е годы, 460; Алекс. II, 465.
Солома: постель, 158; крыши, 432.
Соломинъ, герой романа, 462.
Соломонъ (Д): Андрей Боголюб., 67; Алекс. Невскій, 157; апокрифъ, 245.
Солтыкъ, епископъ, 355.
Солунь, городъ, 20.
Соль: татары, 142; Мих. Ѳед., 220, 222; морская, 230; Алекс. Мих., 267; Петръ I, 308; Елизав., 343; элтонская, пермская, 364; 18-й в., 368; химическая, 383; Александръ I, 411.
Соляная варница: начало, 142; Иванъ IV, 188.
Сонникъ, оракулъ, 238.
Сора, р.: скитъ, 172.
Сословіе (Д) см. *Аристократія*, *Бояре*, *Горожане*, *Дворяне*, *Духовенство*, *Крестьяне*, *Купечество*, *Магнаты*, *Мѣщане*, *Паны*, *Помѣщики*, *Служилые*.
Сосуды: для праха, 16; церковные, 150; татары, 158; ваяніе въ смуту, 249.
Сосѣди: горожане, 229.
Сотникъ: казаки, 256.
Сотскій: значеніе слова, 36; Новгородъ, 73.
Софа: Порта, 162.
Софійскій Временникъ, 243.
Софоклъ (Д), писатель: рус. переводъ, 449.
Софья. 1) *Витовтовна*, 139, 158.—2) *Палеологъ*, 169—176.—3) *Алексѣевна*: начало новой Рос., 262; Ѳедоръ, 284; Нарышкины, 285; правительница, 286—288; Петръ I, 291; Толстой, 296; хлѣбопоклонная ересь, 320; живопись, 469.
Соха: начало, 2; меря, 7; славянская миѳологія, 18; въ управленіи, 170, 234, 235.
Соціализмъ: на Западѣ, 397; Александръ II, 431.
Союзъ Благоденствія, общество, 453.
Союзы: рус. князей, 61; Россіи съ Пруссіей, 355, 407, 430; съ Австріей, 345, 357, 407; съ Франціей, 362; трехъ императоровъ, 428. См. *Священный*.
Спа, городъ: Петръ I, 300.
Спальникъ, придворный чинъ, 81.
Спальня: въ 18 в., 373.
Спаржа: начало въ Россіи, 247.
Спаситель, икона: Петръ III, 348.
Спасово согласіе, секта, 370.
Спектакль: любители, 448.
Сперанскій: Александръ I, 410—412; Николай I, 421; Воейковъ, 452; мистицизмъ, 452; политика, 453.
Спеціализація: образованіе, 442; журналы, 443; письменность, 465.
Спиноза, статуя, 470.
Спиридовъ, адмир.: Екат. II, 356.
Спиритизмъ: Екатер. II, 392.
Списатель см. *Переписчикъ*.
Списки: классики, 47; Русская Правда, 90; Даніилъ Заточникъ, 95; Слово о полку Игор., 95; Несторъ, 96; апокрифы, 154; лѣтописи, 156; Библія, 246.
Списываніе рукописей: Византія, 10; Западъ, 12, 47; Ярославъ, 32; значеніе, 41, удѣлы, 89, 90, 91; татары, 153; сказки, 245.
Справщики книгъ, 269, 270, 272, 322.
Спѣсь: боярская, 224.
Сребренникъ: первые князья, 44.
Среда. 1) *День*, 87.—2) *Условія* (Д): опредѣленіе, 455; изученіе, 455; натуральная школа, 459.
Средиземное м. (Д): желѣзн. вѣкъ, 1; арійцы, 2; Порта, 162; Екат. II, 350, 356; Павелъ I, 362; начало русской торговли, 366.
Средніе вѣка (Д): опредѣленіе, 46; Екат. II, 387, 388; Алекс. I, 414.
Средства сообщенія: Елизавета, 364; Алекс. I, 406; 19-й вѣкъ, 432; Алекс. III, 433.
Срезневскій, ученый: народность, 458; 40-е годы, 460; Алекс. II, 465.
Ссылка (Д): Иванъ IV, 178, 182; Годуновъ, 190, 191, 196; Мих. Ѳед., 216, 220; Алекс. Мих., 272, 274; Анна Иван., 336, 337; Екат. II, 353, 355, 359, 392; 18-й в., 367, 370, 371, 376; Алекс. I, 412; Николай I, 418; Алекс. II, 430, 431; Алекс. III, 434; расколъ, 438; 19-й в., 439; Пушкинъ, 450; Лермонтовъ, 454; Надеждинъ,

456; Достоевскій, 462; Витбергъ, 470.
Ставръ: былины, 95.
Ставучаны, битва, 338.
Станица: Владим. Св., 30; Годуновъ, 192, смута, 235.
Станкевичъ, ученый, 457.
Станъ: войско, 82; управленіе, 145.
Старая и новая Россія, сочиненіе: Карамзинъ, 412.
Старая Ладога: варяги, 9.
Старая Суса: варяги, 9.
Старина: Вас. Шуйскій, 201; смута, 238, 240, 241; искусство въ смуту, 249; стрѣльцы, 284, 285; моск. академія, 284; Петръ I, 290, 293, 294, 326; патріаршество, 311; преобразованія, 329, 331; Екат. II, 350; въ 18 в., 366; послѣ Петра I, 374, 379, 380, 381; Алекс. I, 409, 412, 444; Свящ. союзъ, 416; Алекс. II и III, 434; Карамзинъ, 444; бесѣдисты, 446; Крыловъ, 448; Грибоѣдовъ, 450.
Старовѣры см. *Расколъ*.
Стародубъ: княжество, 120.
Стародубье: расколъ, 437.
Старообрядцы см. *Расколъ*.
Старопечатныя книги: письмо, 250.
Старосвѣтскіе помѣщики, соч., 455.
Староста: Польша, 109; излюбленный, 185; поповскій, 187; земскій, 209; мірской, 229; братство, 253; земскій, 306; цеховой, 311.
Старо-чехи, партія, 400.
Старуха: суевѣрія, 39.
Старцы: городскіе, 28, 34; заволжскій, 240.
Старшина. 1) Родовой: варяги, 9; древн. славяне, 12; поляки, 23; паденіе, 34; татары, 113.—2) Въ артели: живопись, 157; казаки, 278.
Старые русскіе, партія: 297, 331, 332, 334, 376.
Статейные списки: опредѣл., 243.
Статистика (Д): Ломоносовъ, 383; Екат. II, 390; лужичане, 401; Надеждинъ, 457.
Статуи (Д): Перунъ, 18; въ Холмѣ, 158; Петръ I, 329; рус. школа, 470.
Статуи-портреты, 470.
Стачки рабочихъ: начало въ Рос., 366; Алекс. II, 436.
Стебницкій, писатель: тенденція, 465.
Стекло (Д): Мих. Ѳед., 218; смута, 231; цвѣтное, 383.
Стенографія: школы, 442.
Степанъ Малый, самозванецъ, 264, 353.
Степенная Книга, сочиненіе, 243.
Степные казаки см. *Вольница*.
Степь: ю. Россія, 5; воронежская, 51; 19-й в., 432; заволжская, 437.
Стефанъ. 1) Немань, 48.—2) Венгерскій, 22, 49.—3) Душанъ, 105, 106.—4) Пермскій, 150; житія, 154.—5) Баторій, 166.—6) См. *Яворскій*.
Стиль (Д): искусство, 10; романскій, 50, 97; византъ., 50, 97, 471; персидскій, 97; суздальскій, 97, 98, 158; готическій, 109; итальянскій, 466; русскій, 470, 471; литературный, 452.
Стипендіи: университеты, 441.
Стихи (Д). 1) Духовные: начало, 42; о пустынѣ, 152; смута, 245, 260.—2) Свѣтскіе: польская Русь, 258, 259; Алекс. Мих. 267; Елизав., Шуваловъ, 376; александрійскіе, 390; Алекс. II, 465.
Стихосложеніе: силлабическое, 258, 259; тоническое, 260, 382.
Стоглавъ: составленіе, 187; искусство, 249; церковный соборъ, 321.
Стокгольмъ: желтые, 2; перв. князья, 37; основаніе, 123; Новгородъ, 144
Столбики: зодчество при удѣлахъ, 97.
Столбово, село: миръ, 217, 218.
Столбы (Д): первые князья, 43.
Столица: значеніе въ Россіи, 293; цензура, 428; консерваторія, 442.
Столъ: стулъ, 44; учрежденіе, 306. См. *Престолъ*.
Стольникъ, придворный чинъ: татары, 142.
Сторожа: смута, 248.
Сторожевые казаки см. *Казаки* городовые.
Сторожы: въ войскѣ, 82.
Странники: при первыхъ князьяхъ, 39, 40; удѣлы, 95; татары, 149, 151; секта, 438.
Страннопріемница см. *Гостинница*.
Страхованіе: начало, 432.
Страшный Судъ: духовный стихъ, 42, 245; обрядъ, 246.
Стремена: меря, 7.
Стригольники, секта: начало, 151, 153.
Стрижка волосъ: значеніе, 10; удѣлы, 82; Ѳедоръ, 285.
Строгоновы: Ив. IV, 187, 188; Петръ I, 309; Александръ I, 405; Никол. I, 460.
Строй военный: Мих. Ѳед., 215, 235; Петръ I, 307.
Струве, ученый, 465.
*Струг*ъ, судно, 275.
Стручки цареградскіе: древніе славяне, 14.
Стрѣлецкая Слобода: Софья, 286.
Стрѣлы (Д): печенѣги, 8; древн. славяне, 15; Перунъ, 18; первые князья, 36; татары, 113; Сибирь, 281.
Стрѣльница см. *Башня*.
Стрѣльцы: удѣлы, 82; Ив. IV, 183, 184, 186; Годуновы, 198; смута, 214,

248; Мих. Θед., 215; наборъ, 235 Разинъ, 275; старина, 284, 285; Софья, 285, 286, 288; Петръ I, 290—292, 319.
Студенты: 18-й вѣкъ, 377; Николай I, 424; Алекс. III, 440; Глинка, 446; Алекс. I, 451.
Стулъ: происхожденіе слова, 34.
Стѣнопись: начало въ Россіи, 43; удѣлы, 98.
Стѣны: первые князья, 43; удѣлы, 98; татары, 133, 158.
Стюарты, династія, 160, 263.
Стягъ: происхожд. слова, 34; начало, 36; Мстиславъ Удалой, 75.
Субсидія: Некрасовъ, 463.
Субудай, татар. вождь, 115.
Суворовъ: Екат. II, 350, 357; Пугачевъ, 354; Пав. I, 360—362; значеніе, 369; журналы, 385; Сперанскій, 410.
Суда (Д): смута, 217; начало иностранныхъ въ Рос., 293; Алекс. III, 434.
Судебникъ: Иванъ III, 170, 228; Ив. IV, 185, 193, 231.
Судебный слѣдователь: Алекс. II, 427; Алекс. III, 434.
Судки, судочки: смута, 248.
Судовщиковъ, писатель, 448.
Судъ (Д): арійцы, 2; древн. славяне, 12; Ольга, 25; начало въ Рос., 35, 36; первые князья, 37—39; Мономахъ, 60; Новгородъ, 73; удѣлы, 82; Польша, 109; у татаръ, 118, 127; Шемякинъ, 140; помѣщичій, 145; церковный, 148, 226; Ив. III, 170; Ив. IV, 185, 186; епископъ, 186; Лжедим. I, 199; смута, 230, 231; братства, 254; малор. казаки, 278; слав.-греколат. академія, 284; Петръ I, 307; купеч., 310; нижніе земскіе, 352; уѣздные, 352; дворянск., 352; у средн. сосл., 352; выборные судьи, 365; сенатскій, 368; университетскій, 378; Алекс. II, 427, 428, 436; окружной, 428; волостной, 428, 434, 438; духовный, коммерческій, 428; военный, 428, 434, 439; Польша, 431; кассаціонный, 433; мировой, 434; нравы, 439; Союзъ Благоденствія, 453.
Судья: выборный, 365; несмѣняемость, 428; почетный мировой, 427.
Сусвѣрія (Д): татары, 152; Максимъ Грекъ, 176; смута, 237, 238, 240; въ 18 в., 375, 380; сатира, 383; Татищевъ, 384; Екатер. II, 385, 387, 391.
Суздаль: великоруссы, 51; часть переяслав. княжества, 54; Мономахъ, 57; Юрій Долгор., 62, 63, 65; Рязань, 64, 65; Новгородъ, 65, 76; удѣлы, 66—68; старина, 71; торговля, 84; волхвы, 85; самодержавіе, 100; татары, 116, 120, 126; усобицы, 122; Андрей II, 125; подчиненіе Москвѣ, 133; Димитрій, 135; Василій I, 139; Вас. II, 140; поляки, 214.
Сукно: древніе славяне, 14; румыны, 163; Годуновъ, 192; Петръ I, 309; Анна Иван., 366.
Сулейманъ, султанъ, 162.
Султанъ (Д): татары, 115; Мих. Θед., 217; въ 1650—1800 г., 264.
Сумарокова, писательница, 386.
Сумароковъ, писатель: Елизав., 344; крѣпостничество, 366; Анна Иван., 379, 380; значеніе, 382, 383; журналы, 385; Озеровъ, 448.
Сумы, гор.: основаніе, 277.
Сундечичъ, поэтъ, 403.
Сундукъ: меря, 7; происхожд. слова, 119; смута, 248.
Сусанинъ Иванъ, 212, 213.
Суслики, 432.
Сухарева Башня: суевѣрія, 296.
Сухорукъ, прозвище Минина, 209.
Сухотка, 153.
Сухумъ (Д), гор.: Николай I, 420.
Схарія, еретикъ, 240.
Схизма: значеніе слова, 251
Сходка (Д): казаки, 146; братства, 253. См. *Вѣче*.
Сходцы: въ 18 в., 363.
Схоластика: опредѣл., 47, 103; паденіе, 102; кіев. коллегія, 255; моск. академія, 322; въ 18 в., 377; въ педагогіи, 391.
Сцены: живопись, 468.
Съѣзды: княжескіе, 52, 57, 58, 62; значеніе, 81; мировые, 428; педагоговъ, 441; ученыхъ, 443; славянскіе, 466.
Сынъ Отечества, журналъ: Гречъ, 452; 30-е годы, 456; Герценъ, 457.
Сырокомля, писатель, 399.
Сыръ: древніе славяне, 44.
Сырье, товаръ: вывозъ въ 18 в., 366; Алекс. III, 435.
Сѣверная война: Петръ I, 298—300.
Сѣверная Двина: Біармія, 7; серебро, 133; англичане, 189.
Сѣверная Пчела, журналъ: 30-е годы, 456; Герценъ, 457.
Сѣверная Русь: собираніе, 159, 167, 175; сплоченность, 160.
Сѣверный океанъ: Ломоносовъ, 384; изученіе, 452.
Сѣверская область: отдѣленіе отъ Черниг., 77; Лжедим. II, 203; поляки, 216; Алекс. Мих. 279. См. *Черниговъ*.
Сѣверская Украйна: опредѣленіе, 197; Лжедим. I, 198; Лжедим. II, 202; города, 204.
Сѣверяне: начало, 6; Олегъ, 25.
Сѣдельникъ, придворный чинъ, 81.

Съдло (Д):начало у славянъ, 44; Юрій II, 76; Ив. IV. 183.
Съмашко, митрополитъ, 423.
Сьни: начало, 43.
Сьра: удѣлы, 91.
Сьровъ, музыкантъ: оперы, 473; критика, 475.
Сьтка: желѣзная, 82.
Сьченовъ. 1) Архіепископъ: Петръ III, 348; Екат. II, 349; просвѣщеніе, 376; Анна Иван. 379.—2) Ученый, 465.
Сьчь: значеніе слова, 256; Богд. Хмѣльницкій, 276; гультяи, 278; Мазепа, 289; Петръ I, 299; разрушеніе, 352.
Сюзеренъ: опредѣленіе, 19; вассалы, 99; превращеніе въ короля, 101.

Табакъ: начало въ Рос. 238, 247: Алекс. Мих. 267; Петръ I, 309; 19-й в. 432.
Табель о рангахъ: начало, 304; въ 18 в., 373.
Таблицы (Д): пасхальныя, 41, 244.
Таборитъ, 108.
Таврическій полуостр. см. *Крымъ*.
Таганрогъ: Алекс. I, 418.
Тагинства: татары, 152; расколъ, 438.
Талисманъ (Д): древн. славяне, 15.
Талицкій: расколъ, 293.
Тамань (Д): греч. колонія, 10; начало, 26; Екат. II, 352.
Тамара, музыкал. сочиненіе, 474.
Тамбовъ: основаніе, 219.
Тамерланъ: знач. 104; сказанія, 157.
Таможня: на Зап. 99; внутреннія въ смуту, 230; Елизав., 344; отмѣна внутреннихъ, 365.
Танаисъ (Д) см. *Азовъ*.
Танцы (Д): Лжедим. I, 200; Петръ I, 318; Елизав, 341.
Танцы смерти, 103.
Тараканова, картина, 469.
Тарантелла, музыкальн. сочиненіе, 473.
Тарарый, прозвище: Хованскій, 285.
Тарасъ Бульба, сочиненіе, 455.
Тарговицы, гор.: конфедерація, 358.
Тарифъ: Алекс. I, 411; Николай I, 422; Алекс. III, 435.
Тарки: шамхалъ, 280.
Тарханы: опредѣленіе, 228.
Тассъ, поэтъ: Херасковъ, 389.
Татарва: знач. слова, 119, 146.
Татаршина: значеніе, 100, 159; дани, 118; тѣлесн. наказ., 119; прекращеніе, 174.
Татары (Д): опредѣл., 2; камскіе болгары, 8; славян. богатыри, 18; Польша, 50; появл. въ Россіи, 76; турки, 104, 264; Тамерланъ. 104; Ольгердъ, 111, 112; характеръ, 113; Батый, 115, 116; Западъ, 116; судьба и бытъ въ Рос. 117—119; вліяніе въ Рос. 119—120; Юрій II, Яросл. II, Невскій, 122; Галичъ, Владиміръ, 125, 130; Ив. I, 133; Ив. II, 135; Рязань, Дим. Донской, 137; казаки, 145, 146; св. Сергій, 150; пѣсни, 157; Ив. III, 173, 174; Вас. III, 177; Ив. IV. 178, 180, 189; Мих. Ѳед. 215, 216; Уралъ, 188; смута, 227, 256; Разинъ. 275; Ѳед. I, Дорошенко, Кавказъ, 280; Петръ I, 299; Анна Иван. 338, 375; Екатер. II, 356; Товіанскій, 424. См. *Казанцы*, *Крымцы*, *Ногайцы*.
Татищевъ: Петръ I, 308; Анна Иван., 233, 234; научное значеніе, 344; его взгляды, 376; сатира, 380; рус. языкъ, 381; исторія, 384.
Татьяна: Евгеній Онѣгинъ, 453.
Ташкентъ: Елизав., 343, 344; Александръ II, 430; Алекс. III, 432.
Ташкенцы, сочиненіе, 464.
Тайная вечеря, картина, 469.
Тайная Канцелярія: начало, 294; отмѣна, 347, 405.
Тверитиновъ: ересь, 320.
Тверь: начало княжества, 120, 126; Москва, 121, 127; возвышеніе, 122; Ярославъ III, 126; татары, 127, 128; главн. князья, 127, 128; Владиміръ, 132; подчиненіе Москвѣ, 133—137, 140; Новгородъ, 134; митрополитъ, 134, 147; паденіе, 167; Ив. IV, 184.
Театральный разъѣздъ, сочин., 456.
Театръ (Д): Алекс. Мих. 266, 282, 283; царица, 304; Петръ I, 318, 328; Елизав. 344; Сумароковъ, 383; народный, 389; чехи, 400; школы, 442; Алекс. I, 445, 448, 451; оперный, 475.
Тевтонскій орденъ: начало, 47; Мазовія, 50; соедин. съ меченосцами, 80; паденіе, 112; Вас. III, 176.
Телеграфъ (Д): Западъ, 398; Алекс. III, 433; женщины, 440; школы, 442; газеты, 443.
Телеграфъ, журналъ, 456.
Телемакъ, сочиненіе, 389.
Телемахида, сочиненіе, 381.
Телескопъ. журналъ, 456.
Телефонъ: Западъ, 398; Алекс. III, 433.
Тельга (Д): начало, 2; первые князья, 35; татары, 116.
Телятина: начало употребленія, 201.
Темникъ: татары, 126.
Темучинъ см. *Чингисханъ*.
Темы: музыка, 471.
Тенденціозность: Карамзинъ, 444; романы, 461, 465.
Теньеръ, живописецъ, 448.

Теорія (Д): Западъ, 350; словесность, 452; Станкевичъ, 457; славянофилы, 460; Базаровъ, 462.
Терекъ, р.: хозары, 8; ссылка, 274; Разинъ, 275; Алекс. Мих. 280; Николай I, Шамиль, 420.
Теремъ: знач. слова, 43; удѣлы, 66; татары, 119; начало на Руси, 151; Петръ I, 318.
Терлецкій, епископъ: унія, 252, 253.
Терново, гор.: Болгарія, 48.
Террористы: Алекс. II, 431.
Тетрадки: раскольничьи, 437.
Техника (Д): живопись, 467, 468; музыка, 472.
Технологія: школы, 442.
Тибуллъ (Д), поэтъ, 449.
Тиверцы: начало, 6.
Тильзитъ, гор.: миръ, 407, 408.
Тиманова, піанистка, 474.
Тиммерманъ: Петръ I, 287.
Тиммъ, живописецъ, 467.
Тимофеевъ: типографія, 241; Острожскіе, 253.
Типографія: Черногорія, 106, 403; румыны, 163; начало въ Рос., 241; польск. Русь. 251; Острогъ, 253; братства, 254; кіев. коллегія, 255; Петръ I, 323; Павелъ I, 361; въ 18 в., 377, 378; Новиковъ, 385, 386; Екат. II, 387, 392; Алекс. I, 405; рус. въ Лондонѣ, 431; Алекс. II и III, 443.
Типы (Д): натуральная школа, 459; Тургеневъ. 461; Гончаровъ, 462; Некрасовъ, 463; Щедринъ, 463; Александръ III, 465; живопись, 467, 468; ваяніе, 470.
Тира см. *Аккерманъ*.
Тисса, р.: начало славянъ, 3, 4; венгры, 8; Австрія, 263.
Титулъ: начало, 81; Польша, 109; татары, 118; Ив. IV, 223; Алекс. Мих., 266; Елизав., 372; сатира, 449.
Титулярный совѣтникъ, чинъ: начало, 305.
Тифлисъ: Алекс. III, 432.
Тифъ: начало, 375; 19-й вѣкъ, 432.
Тиціанъ, живописецъ, 161.
Тіунъ: опредѣл., 25; происхожд. слова, 34; первые князья, 36; пригороды, 68; удѣлы, 81—82; поученія, 88; письменность, 92; татары, 143.
Ткани (Д): индійск. и кит. у славянъ, 14; начало въ Европѣ, 1; станокъ, 263.
Тмутаракань: ясы, косоги, 26; Мстиславъ, 31; часть черниг. княжества, 53; Святославичи, 54, 56, 57; отпаденіе отъ Руси, 84.
Тоболъ, р.: Ив. IV, 188; Алекс. Мих., 281.
Тобольскъ: Крижаничъ, 322.
Товарищество передвижныхъ выставокъ, 467.
Товаришъ: губернатора, 368.
Товаръ (Д): финны, 7; Византія, 10; древн. славяне, 14; удѣлы, 84; Алекс. I, 408, 411; Алекс. III, 435.
Товіанскій, писатель: мистицизмъ, 424.
Толкъ въ расколѣ: Петръ I, 313; 18-й в., 370; Алекс. II, 437.
Толстой. 1) Министръ, 428.—2) Левъ, писатель, 464, 465.—3) Алексѣй, писатель, 465.
Толстые: Петръ I, 296, 326; Екат. I, 330.
Томскъ: университетъ, 440.
Тонъ. 1) Живописецъ, 467.—2) Архитекторъ, 471.
Тоны: музыка, 471.
Топоръ: меря, 7; древн. славяне, 15; удѣлы, 76; татары, 114.
Торговля (Д): вост. славяне, 6, 13, 14; поморяне, 4; нѣмая, 7, 230; мѣновая, 7; камск. болгары, 7, 8; хозары, 8; литовцы, 9; скандинавы, 9; Византія, 9; славян. миѳол., 18; венгры, 23; рабы, 14, 37; начало въ Рос., 37; первые князья, 44; удѣлы, 84; Запада съ Вост., 101; Сербія, 105; Польша, 109; Москва при татар., 132, 133, 144; Новгородъ, 184; Лжедим. I, 199; Тушино, 204; смута, 229, 230; знач. Англіи, 263; Австрія, 265; Петръ I, 301, 308—309; уставъ 310; Елизав., 343, 344; Алекс. I, 408, 411; Кавказъ, 420; Николай I, 421; Алекс. III, 435; книжная, 443, 451.
Торжокъ, гор.: основаніе, 6; удѣлы, 75.
Торіи, партія, 416.
Торки, кочевники, 55.
Торнео, р.: Алекс. I, 407.
Торнъ, гор.: конфедерація, 355.
Торопецъ: удѣлы, 75.
Торунъ, гор.: миръ, 164.
Торческъ, гор., 55.
Тотлебенъ: крым. война, 426.
Тохтамышъ, ханъ, 117; Мамай, 138, 139; Москва, 153; сказанія, 157.
Точныя науки (Д): Западъ, 263, 398; чехи, 400; Алекс. I, 452; 30-е годы, 458; 40-е годы, 460; Алекс. II и III, 465.
Трава: славян. миѳологія, 16.
Трагедія (Д): Сумароковъ, 382, 383; лжеклассицизмъ, 387, 388; мѣщанская, 388; классицизмъ, 444; Озеровъ, 445; живопись, 468.
Трагедокомедія: Петръ I, 328.
Трагизмъ: музыка, 472.
Трактатъ (Д): парижскій, 429.
Транзитъ: значеніе Россіи, 411.

Трансильванія: болгары, 4; Гуніадъ, 105; румыны, 106; Баторій, 166; Австрія, 263; православные, 375; сербы, 402, 403.
Трапеза: монастырь, 149; Троицк. лавра, 209.
Траянъ, императоръ, 106.
Трезвость: Александръ III, 440.
Треба: значеніе слова, 18.
Требище: значеніе слова, 18; истребленіе, 89.
Требія, р.: битва, 361.
Тредьяковскій: Волынскій, 336, 373; Анна Иван. 379; сатира, 380; рус. языкъ, 381, 382; варяги, 384.
Третники: татары, 145.
Третье Отдѣленіе соб. Е. В. канцеляріи: Ник. I, 424.
Третьяковъ: картины, 470.
Тридцатилѣтняя война, 160, 161, 164, 215—217.
Тризна (Д): знач. слова, 18; Ольга, 25.
Трифонъ, проповѣдникъ: лопари, 227.
Тріумвиратъ (Д): Алекс. I. 405, 409.
Тріумфъ (Д): Петръ I, 328; Некрасовъ, 463.
Троица св.: еретики, 240.
Троицкая недѣля: славян. миѳол., 17.
Троицко-Серг. лавра: основ. 136, 150; Вас. II, 140; Ив. IV, 181; Лжедим. II, 204, 205; ополченіе, 208, 210; исправл. книгъ, 240; Софья, 286; Петръ I, 288; крѣпостные, 312.
Тропарь: Новгородъ, 70.
Троянская война (Д): сборники, 94; сказки, 245.
Труба, инструментъ: начало, 36; удѣлы, 86; татары, 122.
Трубадуры, поэты, 48, 102.
Трубежъ, р.: въ с.-в, Россіи, 67.
Трубецкая, писательница, 449.
Трубецкіе: смута, 208, 211, 212.
Трубецкой: Союзъ Благоденствія, 453.
Труворъ, князь, 24.
Трудолюбивая Пчела, журналъ, 385.
Трудолюбивый Муравей, журналъ, 386.
Труппа театрал.: начало, 282, 283; Петръ I, 328; Анна Иван., Елизав 383.
Трутень, журналъ, 387.
Трутовскій, живописецъ, 468.
Трутъ: лекарство, 153.
Трясавица: значеніе слова, 152.
Тугаринъ Змѣевичъ, 42.
Туземцы: заволжскіе, 187, 188.
Тула: желѣзо въ смуту, 230; заводъ, 230; москов. казаки, 235.
Тунгузы: Алекс. Мих. 281.
Тургеневъ. 1) Масонъ, 392.—2) Николай, 418.—3) Иванъ, писатель: Отеч. Записки, 458; 40-е годы, 459; Александръ II, 461; Некрасовъ, 463.
Туркестанъ (Д): арійцы, 2; Золотая Орда, 117; Алекс. II, 430; присоед. къ Рос., 431; живопись, 468.
Турки (Д): опредѣл., 2; покор. болгаръ, 6; сельджуки, 46; османскіе, 104—107; румыны, 106; Марина Мнишекъ, 214; въ моск. войскѣ, 235.
Туркманчай: миръ, 419.
Туровъ, гор.: Святополкъ, 30; часть кіев. княжества, 53; характ. области, 51; Святополкъ II, 57; значеніе, 77.
Турція: начало имперіи, 162; ослабленіе, 162; Россія, 171; Лжедим. I, 200; Мих. Ѳед. 215; запорожцы. 256; Россія въ 18 в., 264; Богд. Хмѣльн. 277; Дорошенко, 280; Кавказъ, 280; некрасовцы, 294; Карлъ XII, 299; Петръ I, 300; Анна Иван., 338; Екат. II, 356, 359; Павелъ I, 361, 362 крым. кампанія, 397; сербы, 402, 403; черногорцы, болгары, 403; 19-й в., 404; Алекс. I, 407, 412; Никол. I, 421, 425; Алекс. II, 429; славянофилы, 459.
Туръ, звѣрь: рогъ, 28; охота, 60; лѣтописи, 79.
Тучковы, бояре: вымираніе, 225.
Тушино, село: Лжедим. II, 204—209; Владиславъ, 215.
Тысяцкій: опредѣл., 36; Новгородъ, 73; Москва, 135, 136; татары, 143.
Тысяча душъ, сочиненіе. 464.
Тысяча и одна ночь (Д), сочиненіе: сборники, 94; сказки, 245.
Тьма: значеніе слова, 114.
Тѣлесныя наказанія (Д): начало въ Рос., 37; татары, 118, 119, 151; смута, 237; Екатер. II, 365; отмѣна, 438.
Тѣлохранители (Д): начало въ Рос., 36; смута, 222.
Тѣнь (Д): живопись, 98.
Тюдоры, династія, 160.
Тюлень: жиръ, 230.
Тюрьма (Д): удѣлы, 98; Алекс. II, 438, 439.
Тютчевъ, поэтъ, 465.
Тюфякъ: происхожденіе слова, 119.
Тягло. городское, 229.
Тяглые: начало, 143; татары, 145, 148; приказы, 232; стрѣльцы, 286.
Тягости: значеніе слова, 143.

Убіеніе: Борисъ и Глѣбъ, 87; Хвостъ, 135; царевичъ Димитрій, 195, 196; Лжедим. I, 201; Ляпуновъ, 208; Сусанинъ, 213; управители, 231; Нарышкины, Матвѣевъ, Языковъ, 286; Алекс. II, 431.

Убрусъ: значеніе слова, 44.
Убѣжище Монрепо. сочиненіе, 464.
Уваровъ. 1) Министръ: значеніе, 416, 423; Карамзинъ, 444; классицизмъ 449 программа, 456; славянофилы, 458—2) Ученый, 465.
Угедей, ханъ, 115.
Угличи: знач. слова, 6; Олегъ, 25.
Угличъ, гор.: удѣлы, 66; княжество, 120; присоед. къ Москвѣ, 167; царевичъ Димитрій, 190. 194, 195, 202.
Угодники: удѣлы, 94.
Уголовщина: при татарахъ, 148; Ив. IV, 185; Екат. II, 352; Алекс. II, 428.
Уголь: каменный, 432.
Угощеніе: обряды, 17.
Угра, р.: Ив. III, 173.
Угры см. *Венгры*.
Угрюмовъ, живописецъ, 393.
Удѣлы: начало, 33; чехи, поляки, 49—50; на Руси, 50—100.
Ужинъ: смута, 248.
Узбекъ, ханъ, 117, 127, 128.
Узда: начало, 44.
Узорочье см. *Узоръ*.
Узоръ (Д): начало въ Россіи, 43, 44; ваяніе и одежда при удѣлахъ, 97, 98; при татарахъ, 158; ваяніе, 249; смута, 248; Алекс. Мих. 266; зодчество, 471.
Указы (Д): первые о крѣпостныхъ, 194; сенатъ, 306; Петръ I, 308; Елизав., 347; Петръ III, 347, 364; Екат. II, 350; Павелъ I, 364; Алекс. I, 405, 409; госуд. совѣтъ, 410; скопцы, 438.
Уклеинъ: молоканство, 371.
Украинская линія: школы, 344.
Украинцы см. *Казаки* малороссійскіе.
Украшенія (Д): бронзовыя, 2; меря, 7; Византія и славяне, 14.
Украйна: на Западѣ, 11; знач. слова, 146; Годуновъ, 192; Отрепьевъ, 197; казацкія возстанія, 257: Богданъ Хмельницкій, 276; сословія, 278; идеалъ, 279; восточная, 279; западная, 280; Карлъ XII, 299; Екат. II, 355; присоед. западной къ Рос., 358; пейзажъ, 469.
Уланъ: значеніе слова, 146.
Улемы: Порта, 162, 264.
Улита, дочь Кучки, 65.
Улицы (Д): Москва, 248.
Уложеніе Алексѣя Мих: составленіе, 267; Никонъ, 270; значеніе, 303; бѣглые, 314.
Улу-Махметъ, ханъ, 117.
Улусъ: значеніе слова, 117, 119.
Улыбышевъ, музыкал. критикъ, 475.
Умственное движеніе: при татарахъ, 152, 153; Ив. III, 171—173; Василій III, 176; Ив. IV, 185; смута, 240, 241; древн. Россія, 261; Петръ I, 320; въ 18 в., 376, 378; Екат. II, 385; періодъ преобраз., 395; Польша, 399; Галиція, 401; сербы, 402, 403; Алекс. I, 451; Гоголь, 30-е годы, 456; 40-е годы, 458; Алекс. II, 466.
Умыканіе: опредѣленіе, 14; первые князья, 39.
Ундольскій, ученый: 40-е годы, 460.
Университетъ (Д): Оксфордъ, 12; арабы, 12; Западъ, 47, 102; Прага. 107, 164, 265, 400. Краковъ, 109; Италія, 164; подготовка въ Рос., 255, 284; Петръ I, 324; московскій, 344, 446; Екат. II, 353; дерптскій, 361; въ 18 в., 378, 379; Ломоносовъ, 384; варшавскій, 399, 417, 419; виленскій, 399, 419, 424; львовскій, 399; Сербія, 403; Алекс. I, 406, 409. 417; петербургскій, 415; Николай I, 423, 424; кіевскій, 424; Алекс. II, 428, 465; врачи, 432; купечество, 439; новороссійскій, 440; 19-й вѣкъ, 440, 441; женскіе, 442; значеніе, 443; реакція, 452; славистика, 459; эстетика, 459; народъ, 460.
Уничижительныя имена: Петръ I, 104.
Унія. 1) Церковная: начало, 104, 147; 252; русскій митрополитъ, 149; іезуиты, 166; Москва, 169; Острожскій, 253; пѣсни. 260; Екат. II, 355, 371; Алекс. I, Николай I, 423; уничтоженіе, 423; Алекс. II. 437.—2) Политическая: Городло, 112, 113; Люблинъ, 165; личная въ Польшѣ, 430.
Ункіаръ-Скелесси: договоръ, 420.
Управа: земская, 427.
Управда см. *Юстиніанъ I*.
Управленіе: Византія, 20; удѣлы, 81; лѣтописи, 96; татары, 118; ихъ вліяніе, 120; духовенство, 148; смута, 231—236; древняя Россія, 261; Алекс. Мих. 273; малорос. казаки, 278; Петръ I, 305—307; въ 18 в., 367—368; періодъ преобраз., 393; 19-й вѣкъ, 433.
Упырь: миѳологія славянъ, 15.
Уралъ, рѣка: Разинъ, 276; военыя поселенія, 363.
Уральскія горы (Д): появленіе, 1; Біармія, 7; Ив. IV, 188; присоед. къ Рос., 220; заводы при Петрѣ I, 309.
Уральцы (Д): опредѣленіе, 1.
Урокъ: знач. въ древности, 25, 35.
Урокъ дочкамъ, сочиненіе, 449.
Урѣзываніе: языка, 236, 272.
Урядники: Алекс. II, 433.
Усадьба: освобожд. крестьянъ, 427.
Усобицы см. *Междоусобія*.
Успеніе, праздникъ, 269.
Успенскій, писатель, 465.
Уставъ. 1) Письмо: начало, 21; опредѣ-

леніе, 91.—2) Правило: Ольга, 25, 35; церковные суды, 37; удѣлы, 85; монастыри, 89; опричнина, 183; престолонаслѣдіе, 302; воинскій, 307, 428, 434; Петръ I, 308; торговый, 310, 316; университетскій, 406, 423, 428; гимназическій, 423; строевой, 424; судебный, 427, 434; цензурный, 428.
Устность: судъ, 427.
Устьсысольскъ, гор.: начало, 32.
Устюгъ Великій: при татарахъ, 150.
Утварь (Д): церковная, 29.
Утопія: русскія пѣсни, 273.
Утрехтъ: миръ, 262.
Учебники: проповѣдь, 258; Петръ I, 323; передъ Петромъ, 326; Шлецеръ, 384; Екат. II, 385; лужичане, 401; болгары, 404; Алекс. II и III, 443.
Ученая дружина, 376, 380.
Ученіе: церковное, 88; ланкастерское, 452. См. *Школа*.
Ученое братство: Ртищевъ, 282.
Ученые (Д): у франковъ, 12; при перв. князьяхъ, 41; удѣлы, 91; магометане, 115; поляки, 165; Ив. IV, 181; Мих. Ѳед. 220; смута, 226; Софья, 287; малорос. въ Москвѣ, 319, 322; греч. въ Москвѣ, 322; въ 18 в., 384.
Училища, см. *Школы*.
Учитель: передъ Петромъ I, 321, 322; Елизав., 344; въ 18 в., 378; Алекс. II, 441.
Учительница: Александръ III, 440; подготовка, 442.
Учрежденія. 1) Для управл. губерній, 352.—2) Касающіяся до воспитанія, 353.—3) Объ императ. фамиліи, 360.
Учтивство: Ив. Шуваловъ, 342.
Ушаковъ: Петръ I, 294; Анна Ив., 336.
Ушкуи, лодки, 6.
Уѣздъ: знач. слова, 144; Екат. II, 352.

Фабрики: румыны, 163; Петръ I, 309; крѣпостные, 347; въ 18 в., 365; въ 19 в., 397; Николай I, 422; Алекс. III, 435, 436; Некрасовъ, 463.
Фавны (Д): ваяніе, 470.
Фаворитизмъ: знач. слова, 332; Анна Иван., 336, 338, 339; Елизав., 342, 344, 346, 348; Екатер. II, 350, 358; въ 18 в., 364, 373; Державинъ, 389.
Факультетъ: моск. универс. 378; историко-филологич., 424, 441; физико-математич., 424; женскіе курсы, 442.
Фальконетъ, ваятель, 393.
Фанагорія (Д) см. *Тамань*.
Фанаріоты: опредѣл., 21; греч. политика, 105; болгары, 162, 403, 404; румыны, 264; 265.
Фанатизмъ: Польша, 166.
Фарисейство: Петръ I, 321.
Фарфоръ (Д): начало въ Рос., 366; Елизавета, 375.
Федерація (Д): расколъ, 438; Алекс. I, 453.
Фелица, сочиненіе, 389
Фельдмаршалъ: начало, 331.
Фельдшерицы: Александръ III, 440; школы, 442.
Феодализмъ: опредѣл. 19; Венгрія, 22; Чехія, 23; первые князья, 36; развитіе на Зап., 43—47, 99, 100; осмѣяніе, 48; паденіе, 101, 102, 159, 160; Византія, 104; южные славяне, 105, 106; Россія, 119; искорененіе, 262.
Фердинандъ Католическій, 160.
Фетишизмъ (Д): татары, 113.
Фейербахъ, ученый: вліяніе въ Рос., 458.
Фейерверкъ: Петръ I, 288, 318.
Фигуры: ваяніе, 248.
Физика, наука (Д): Брюсъ, 296; Ломоносовъ, 382, 383.
Физическая сила: значеніе при первыхъ князьяхъ, 39.
Физіологія: значеніе въ смуту, 244; польская Русь, 257.
Филантропія (Д): значеніе слова, 385; начало въ Рос., 385.
Филаретъ. 1) Романовъ: постриженіе, 196; митрополитъ, 199; Сигизм. III, 206, 207; у поляковъ, 212, 213, 216; государь, 219, 220; исправленіе книгъ, 269; церковный соборъ, 321.—2) Митрополитъ: Шишковъ, 417; реакція, 452, 460.
Филиппъ, митрополитъ: Иванъ IV, 184; печалованіе, 226; мощи, 268.
Филоксера: 19-й вѣкъ, 432.
Филологія (Д): юго-зап. Русь, 259; чехи, 265, 400; Ломоносовъ, 384; школы, общества, 442; Востоковъ, 452; 30-е годы, 458.
Философія (Д): начало на Зап. 161; Курбскій, 242, 243; польск. Русь, 257; Полоцкій, 319; Алекс. Мих. 521; Петръ I, 324; Екатер. II, 345, 350, 377, 386; въ 18 в., 378, 385; масоны, 392; реализмъ, 398; Алекс. I, 404; Николай I, 424; Надеждинъ, 456; 30-е годы, 458; Тургеневъ, 461; Гончаровъ, 462; Л. Толстой, 465.
Философъ: значеніе слова въ древней Руси, 153.
Финансы (Д): татар. вліяніе, 120; Мих. Ѳед., 220; смута, 233, 234; Петръ I, 307, 308; Елизав. 343; Екат. II, 350—352, 359; въ 18 в., 368, 369; періодъ преобраз., 393; Алекс. I, 410, 411; Николай I, 421, 422; Алекс. II, 428;

430; Алекс. III, 434, 435; педагогія, 441.
Финифты: храмы, 98.
Финляндія: появл. Руси, 32; шведы, 102, 123; новгородцы, 123; Петръ I, 300; Елизав., 344; Екат. II, 357; присоед. къ Рос, 407, 431; Алекс. II, 434; смертная казнь, 438; образованіе, 440.
Финны (Д): опредѣл., 2; кривичи, 6; происхожд. слова, 7; варяги, 9; Святославъ, 26; Изяславъ II, 63, 66; Товіанскій, 424; Глинка, 472.
Финскій заливъ: варяги, 9; Вас. Шуйскій, 205.
Фискалъ: значеніе слова, 301; Петръ I, 315.
Фихте, философъ, 398.
Фіалкинъ, прозвище, 446.
Фіезоле, живописецъ, 103.
Фіоравенти, зодчій, 247.
Флавицкій, живописецъ, 469.
Флорентійскій соборъ: значеніе, 104; Исидоръ, 147; католич. обычаи, 152.
Флоренція (Д): Алекс. Мих. 281.
Флотъ (Д): начало въ Россіи, 288; Петръ I, 289, 290, 307; Митрофанъ, 297; черноморскій, 356; военный, 370; балтійскій, 407; турецкій, 425; англо-франц., 426; Никол. I, 426; Алекс. II, 428; Алекс. III, 434; добровольный, 434.
Флягелянты см. *Хлысты*.
Фокшаны: битва, 357.
Фонари: начало въ Россіи, 364.
Фонвизинъ, писатель: сочиненія, 387, 388; типы, 389; журналы, 390; Западъ, 391; цензура, 392.
Форма: мундиръ, 424.
Фортепіано, 473, 474.
Фортификація: Петръ I, 287; Николай I, 424; музыка, 473.
Фосфоритъ: открытіе, 432.
Фотій. 1) Патріархъ: ученость, 10; папство, 11; св. Кириллъ, 20.—2) Архимандритъ: Алекс. I, 416; Голицынъ, 417; реакція, 452.
Фотографія: письменность, 461.
Франки (Д): королевство, 3, 11; хорваты, 4; Карлъ Вел., 12, 19; значеніе, 34.
Франклинъ, ученый, 383.
Францисканцы: 47, 50.
Франція (Д): варяги, 9; Карлъ Вел., 12; королевство, 19; Русь, 32; классицизмъ, 47; папство, 101; монархизмъ, 101, 160; Мих. Ѳед. 218; казаки, 257; абсолютизмъ, 262; революція, 263; Петръ I, 300; Елизавета, 341, 342, 344; Екат. II, 355; Павелъ I, 360—362; Напол. I, 396, 397; крымская война, 397, 425; Пруссія, 398; Алекс. I, 405, 407, 408, 412; либерализмъ, 415, Николай I, 419; суды, 428; Алекс. I, 428, 431; Герценъ, 457.
Французоманія: Сумароковъ, 383; народность, 391.
Французы (Д): Лжедимитрій I, 201; Василій Голицынъ, 285.
Францъ I, императоръ Алекс. I, 414.
Фребель: система, 442; общество, 443.
Фрески (Д) см. *Стѣнопись*.
Фридландъ, битва, 407.
Фридрихсгамъ, гор.: миръ, 407.
Фридрихъ II: возвышеніе Пруссіи, 263; Елизавета, 344, 345, 346; Петръ III, 347; Екат. II, 354, 355.
Фридрихъ Вильгельмъ II: Екат. II, 358.
Фронда, 160.
Фрязинъ: значеніе слова, 247.
Фуадъ-паша, 428.
Фурье, писатель, 397.
Фюрсты: значеніе, 262.

Хаджи-бей см. *Одесса*.
Халатъ: происхожд. слова, 119.
Халдей, халдейка (Д): ругательство, 239; въ драмѣ, 246.
Халифатъ: крестовые походы, 46.
Ханжество: Западъ, 48, 102; Нилъ Сорскій, 173.
Ханша: значеніе у татаръ, 113; митроп. Алексѣй, 136.
Ханъ: камск. болгары, 8; половцы, 59, 64; опредѣл., 113; татары, 114, 118; великій, 114, 115; владѣт. князья, 125; сарайскій, 131; Иванъ III, 173; Бекбулатовичъ, 185; Мих. Ѳед., 217; Хива, 421.
Харатья см. *Пергаментъ*.
Харачъ: опредѣленіе, 162.
Хартія. 1) Конституція: Людовикъ XVIII, 414.—2) См. *Грамота*.
Харьковъ: основаніе, 277; университетъ, 406; технол. институтъ, 442; музык. общество, 475.
Хвалиссы: опредѣленіе, 7.
Хвалынское м.: опредѣленіе, 7.
Хворостининъ, князь: Мих. Ѳед. 223; значеніе, 239.
Хвостовъ, бесѣдистъ, 445.
Хвостъ: бояринъ, 135.
Хвощинская см. *Крестовскій*.
Хедивъ: знач. слова, 419; Англія, 421.
Хемницеръ, писатель: басни, 388; иллюстрація, 469.
Хераскова, писательница, 386.
Херасковъ, писатель: журналы, 384; Россіада, 389; меценатство, 390; реакція, 392.

Херсонесъ Таврическій (Д) см. *Севастополь.*
Херсонъ, гор.: начало, 356.
Хива (Д): купцы въ Россіи, 125; Петръ I, 301; Никол. I, 421; Алекс. II, 430; телеграфъ, 433.
Химія: Ломоносовъ, 383; масоны, 392; музыка, 473.
Хитрость: значеніе при первыхъ князьяхъ, 39.
Хлестаковъ: Щедринъ, 464.
Хлопка Косолапъ, 197.
Хлыстовщина: Западъ, 102; значеніе слова, 313; Елизавета, 370; Петръ III, 371; Алекс. III, 438.
Хмѣлъ (Д): арійцы, 2; начало у славянъ, 3; первые князья, 44; удѣлы, 64; Польша, 164; Годуновъ, 192; Петръ III, 347; въ 18 в., 364; 19-й вѣкъ, 432.
Хмѣлопоклонная ересь: начало, 320; борьба съ нею, 325.
Хмѣль: смута, 234, 238.
Хмѣльницкіе. 1) Богданъ: пѣсни, 260; характеристика, 276—279.—2) Юрій: пѣсни 260.
Хмѣльные напитки: начало у славянъ, 18; первые князья, 28.
Хованскій: стрѣльцы, 285, 286.
Ховарезмъ: татары, 114; Золотая Орда, 117.
Ховрины, бояре: вырожденіе, 225.
Ходкѣвичъ: Москва, 210, 211; Владиславъ, 215.
Хожденіе Аѳанасія Никитина, сочиненіе, 155.
Хожденіе Богородицы, сочин., 155.
Хожденіе за три моря, сочин., 244.
Хожденіе къ св. мѣстамъ см. *Паломничество.*
Хозарское м.: опредѣленіе, 8.
Хозары: Новгородъ, 6; бытъ, 8; христіанство, 20; печенѣги, 25; Святославъ, 28; Мстиславъ, 31; Олегъ Святославичъ, 57.
Холера: Николай I, 419, 423.
Холмогоры: смута, 229; Анна Леопольдовна, 340.
Холмскіе, князья: Ив. III, 224.
Холмъ, гор.: основ. 130; татары, 158; унія, 423.
Холопъ: первые князья, 37, 39; Польша, 50; удѣлы, 83; Дим. Донской, 139; татары, 142, 143, 145; казаки, 146; Вас. III, 177; Ив. IV, 185; Лжедим. I, 199; Лжедим. II, 202; смута, 214, 221, 222, 223, 228, 232, 240, 248; Алекс. Мих. 273, 274; Екат. II, 372.
Холстъ (Д): начало у славянъ, 3; на Руси, 37; Петръ I. 309.
Хомяковъ: славянофилы, 458.
Хоперъ, р.: Булавинъ, 294.
Хорваты: появленіе, княжество, 3, 4, 21, 22; христіанство, 21; венгры, 22, 49; татары, 116; въ 19 в., 401, 402; венгерцы, 402.
Хоревъ, трагедія, 383.
Хоривъ: преданія, 6.
Хороводъ: поэзія, 42; суевѣрія, 319.
Хоромы: начало, 43.
Хортица, остр., 256.
Хорутане, народъ, 401.
Хоръ (Д): польск. Русь, 258; пѣсни, 471; Даргомыжскій, 473.
Хоры, архитект.: начало, 10; первые князья, 43.
Хотинъ, крѣп.: Анна Иван. 338.
Хохолъ: значеніе слова, 279.
Храбръ Черноризецъ, писатель: болгары, 21.
Храмъ (Д): Византія, 10; древн. славяне, 18; удѣлы, 97; татары, 133, 158.
Хрестьяне: значеніе слова, 145.
Христіанство (Д): хозары, 8; Западъ, 19, 43—46; начало у славянъ, 20; хорваты, 21; чехи, поляки, 23; начало на Руси, 24; Игорь, Ольга, 26; Ярополкъ 27; Влад. Св. 28—30; госуд. религія, 38; вліяніе, 39, 41—43; Остз. край, 80; удѣлы, 85, 88; Литва, 110; татары, 113, 118, 119, 133, 150; монашество, 149; смута, 238; въ 18 в., 370; Востокъ, 426; турки, 428.
Христовщина, секта: Петръ I, 313.
Христородица: секты, 313.
Христосъ (Д): еретики, 240; драма, 259; хлысты, 370; скопцы, 438; статуя, 470.
Христосъ въ пустынѣ, картина, 469.
Христосъ и грѣшница, картина, 469.
Хроника (Д), см. *Лѣтопись.*
Хронографъ: Византія, 20; имя Руси, 24; опредѣл. 41; рус. сборникъ, 94; въ рус. лѣтописи, 96, 97; визант. въ Россіи, 156.
Хронологія (Д): лѣтописи, 96.
Художественный Листокъ, журналъ: рисунки, 467.
Художество см. *Искусство.*
Художники (Д): магометане, 115; смута, 231.
Худородные: значеніе слова, 304.

Царевококшайскъ, гор.: Годуновъ, 191.
Царевъ, гор.: татары, 117.
Царица (Д): западное вліяніе, 283.
Царицынъ, гор.: Годуновъ, 191; Разинъ, 275.
Царственная книга, сочиненіе, 243.
Царство Польское: начало, 416; Ни-

колай I, 419, 424; освобожд. крестьянъ, 427; Алекс. II, 431.
Царь (Д): начало, 66; удѣлы, 81; Ив. III, 170; Ив. IV, 179, 223, 225; смута, 221.
Царьградъ: знач. слова, 10; славян; купцы, 13; Аскольдъ и Диръ, 24; Олегъ, Игорь, 25; Ольга, 26; Ярославъ, 32; Всеславичи, 61; Кіевъ, 144.
Царь-пушка: Ив. III, 171.
Царь турецкій Магметъ, сказаніе: смута, 244.
Цвѣты: славян. миѳологія, 16.
Цезарь (Д). 1) Титулъ: Лжедимитрій, 200.—2) Драма, 328.
Цензура (Д): чехи, 164; Павелъ I, 361; начало, 375; Миллеръ, 384; Сумароковъ, 385; Екат. II, 387, 392; Алекс. I, 405, 417, 451, 452; Ник. I, 424, 460; Алекс. II, 428; Пушкинъ, 454; Герценъ, 457; живопись, 467; лубочныя картины, 469.
Цензъ (Д): имущественный, 436; образовательный, 436.
Центавръ (Д): апокрифы, 245; живопись, 467.
Централизація (Д): Бранденбургъ, 292; Петръ I, 292, 306; 18-й вѣкъ, 368, 393, 394.
Цербстъ: Елизавета Петр. 342.
Церемоніальность (Д): Китай, 115; Ив. III, 170; Петръ I, 318,
Церковь. 1) Учрежденіе: роль въ Византіи, 10; раздѣленіе, 11, 20; начало католичества, 11; независ. отъ Византіи, 33, 140; государство, 38; татары, 146—148; распаденіе, 146, 147; московск. 148; Ив. IV, 185; восточныя, 225; крестьяне, 228; имущество, 228, 241, 351, 366; Петръ I, 304; Екат. II, 351; 18-й вѣкъ, 370; духоборство, 371; Алекс. II, 436, 437. — 2) Храмъ: могила Аскольда, 24; Св. Ильи, 26; Десятинная, 29, 43; Бориса и Глѣба, 87; Ярославъ I, 32; первые князья, 43; Ивана въ Москвѣ, 133; Спаса на бору, 133; пятницкія, 245; теплая, 247; польск. Русь, 251; Петръ III, 348; Вятка, 470.
Цетинье, городъ, 403.
Цехъ: Петръ I, 310; Екат. II, 352; 18-й вѣкъ, 365.
Цивилизація (Д) см. *Образованность*.
Цивильскъ, гор.: Годуновъ, 191.
Цимисхій, императоръ: значеніе, 20; Святославъ, 26.
Цинизмъ: Измайловъ, 389, 390; Богдановичъ, 390; Алекс. I, 447, 448.
Цинцары: Румынія, 106.
Циркумстанціи: слово въ польской Руси, 258.
Цифиръ: Петръ I, 324.
Цихедзири: битва, 428.
Цицеронъ (Д): Екат. II, 345; рус. переводъ, 385.
Цорндорфъ: битва, 346.
Цухтгаузъ: Петръ I, 310.
Цыклеръ: стрѣльцы, 290, 291.
Цѣловальникъ: значеніе слова, 185; передъ Петромъ I, 305, 310.
Цѣпь. 1) Украшеніе: первобытн. славяне, 15; удѣлы, 99. — 2) Кандалы: смута, 223; Никонъ, 268; Аввакумъ, 272; Разинъ, 276; Анна Иван. 335; Алекс. I, 409.

Чадаевъ, писатель: Надеждинъ, Герценъ, 457.
Чарка: смута, 248.
Чародѣйство: удѣлы, 86; митрополитъ Алексѣй, 136; Годуновъ, 192; смута, 236, 245.
Чарторижскіе, князья: Августъ III, 266; Екат. II, 355; Адамъ, 399, 405, 406, 409, 412, 414; польское возстаніе, 419.
Часовня: татары, 158.
Часовщикъ: Мих. Ѳед., 218; смута, 231.
Часописъ, журналъ, 400.
Часословъ: первые князья, 41.
Частоколъ: Влад. Св. 30; удѣлы, 82.
Часы (Д): начало въ Россіи, 158; Мих. Ѳед., 218; Алекс. Мих., 282; Петръ I, 319.
Чацкій, герой комедіи: идеалы, 439; Горчаковъ, 447; значеніе, 452.
Чаша: причащеніе, 47; памятники, 55; Гусъ, 108; татары, 147; смута, 248.
Чашка: у идоловъ, 7
Чашникъ. 1) Чинъ: Германія, 49; татары, 142.—2) Секта, 108.
Чай (Д): Александръ III, 440.
Чайка: лодка, 256.
Чайковскій, музыкантъ: знач. 472; опера, 473; програмн. музыка, 474.
Чебышевъ, ученый, 465.
Чекулатъ: значеніе слова, 364.
Челаковскій, поэтъ, 400.
Чело, въ войскѣ: опредѣленіе, 82
Челобитныя: старовѣры, 325.
Челобитье: начало, 38; татары, 142; Иванъ III, 170.
Человѣколюбіе: Петръ I, 303; Екат II. 385. См. *Филантропія*.
Челядь: опредѣленіе, 83; удѣлы, 84, 85; монастыри. 89.
Чемоданъ: происхожд. слова, 119.
Чепракъ: происхожд. слова, 119.
Червенскіе города см. *Галиція*.
Червонная Русь см. *Галиція*.
Червонцы: Петръ I, 309.
Червь: татары, 141, 152.

Черемисы (Д) см. *Финны*.
Черкаскъ, гор.: Булавинъ 294.
Черкасскіе князья: Ив. IV, 181; Анна Иван. 333, 334; освобожденіе крестьянъ, 427.
Черкасы: опредѣленіе, 192; смута, 214; Мих. Ѳед., 215; донцы, 217; смута, 230; значеніе слова, 255; горскіе см. *Черкесы*.
Черкесы: крещеніе, 227; черкасы горскіе. 280; знач. слова, 280.
Черная Рѣчка: битва, 426.
Черная смерть: Западъ, 103; Димитрій Донской, 139.
Чернецъ см. *Монахъ*.
Черниговъ: начало, 6; Тмутаракань, 31; княжество, 53; Святославъ Ярославичъ, 54, 55; Всеволодъ, 56; Мономахъ, 56, 57; Олегъ Святославичъ, 57, 58; Давидовичи, 62—65; Ольговичи, 77; Николай Святоша, 89; Ольгердъ, 111; Батый, 116; Галичъ, 129; Ив. III, 174; поляки, 216; москов. казаки, 235; присоединеніе къ Россіи, 265; расколъ, 437.
Чернила: удѣлы, 91.
Чернильница: Петръ I, 329.
Чернобогъ, божество, 16.
Черногорія: сербы, 4, 48; венгры, 49; княжество, 106; гайдуки, 163; Москва, 163; турки, 264, 428; вліяніе Рос., 264; Петръ I, 301; самозванцы, 353; 19-й вѣкъ, 403; Омеръ-паша, 425.
Черноевичи: Черногорія, 106.
Черное м. (Д): граница Польши, 164; турки, 264; Екат. II, 356, 357; Алекс. I, 405; Ник. I, 419, 420; крым. война, 426; Алекс. II, 428; живопись, 469.
Черноземъ: южная Русь, 5.
Черноклижіе: Лжедим., 201, 243; смута, 238; Брюсъ, 296; Петръ I, 319.
Чернорабочіе: Петръ I, 311.
Черные Клобуки, народъ: опредѣл. Изясл. II, 63; кіевск. князья, 69; удѣлы, 84.
Черные люди: удѣлы, 74, 81; татары, 145.
Черный боръ: опредѣленіе, 144.
Черный недугъ: Пожарскій. 213.
Чернь: знач. слова, 81; Малороссія, 277, 278; Мазепа, 289; Булавинъ, 294; Алексѣй царевичъ, 295; литература, 459.
Черняевъ, генералъ, 428.
Черты, письмо: древн. славяне, 21.
Чесма: битва, 356.
Честный секретарь, сочиненіе, 449.
Четвертакъ: Петръ I, 309.
Четвертованіе: Разинъ, 276; отмѣна, 284; Петръ I, 315; Анна Иван., 334, 337, 373.
Четіи-Минеи. 1) Великія: Макарій. 246.—2) Малыя: Димитрій Рост., 324.
Четъ, мурза: Иванъ I, 133; Годуновъ, 191.
Четь: въ управленіи, 170.
Чехи: опредѣленіе, 4; авары, 4; государство, 5; моравае, 22; христіанство, 23; самодержавіе, 23; Кіевъ, 28; усобицы, королевство, 49; Изясл. II, 63; Оттокаръ, Габсбурги, 107, 163; въ 1650—1800 г. 265; 19-й вѣкъ, 399, 400; въ рус. школѣ, 441.
Чехъ, герой преданія, 4.
Чеченцы: Николай I, Шамиль. 420.
Чешскіе братья, секта, 108.
Чешуя: въ архитектурѣ, 158.
Чигиринъ, городъ, 278.
Чингисханъ (Д): халифатъ, 46; татары 114; завоеванія, 115; распаденіе державы, Тохтамышъ, 117.
Чиновничество (Д): Византія, 10; начало придворнаго, 81; Сербія, 105; Польша, 109; Бранденбургъ, 292; Петръ I, 292, 305; сенатъ, 306; характеръ, 314—316; Екат. II, 354; 18-й вѣкъ, 365, 368, 394; сатира, 386, 447; Алекс. I, 409; Алекс. III, 433, 434, 439; журналы, 443; Пушкинъ, 454; Гоголь, 455; Тургеневъ, 462; Некрасовъ, 463; Островскій, 465; живопись, 467.
Чинъ (Д): ангельскій, 93; придворные, 142, 170, 221, 222, 304; посольскій, 222, 223; знач. слова, 284; 18-й вѣкъ, 368, 373, 374; третій, 387, 388; четвертый, 397; Сперанскій, 411; сатира, 449; писатели, 451.
Чинъ пешнаго дѣйства, обрядъ, 246.
Численникъ: опредѣленіе, 119.
Численные: татары, 145.
Читальня: пиры, 402.
Чичиковъ, герой романа, 464.
Чолханъ: Тверь, 127.
Чортъ: первые князья, 42.
Чохъ: суевѣрія, 152.
Чтеніе: удѣлы, 90, 92.
Чтеніе манифеста, картина, 468.
Чтенія Бесѣды любителей русскаго слова, журналъ, 444.
Чуваши: начало, 8.
Чудеса: Новгородъ, 73; удѣлы, 87; печеряне, 89; житія святыхъ, 94, 154; лѣтопись. 96; татары, 151; Нилъ Сорскій, 173; Ив. IV, 183; сборники. 258; Амвросій, 375.
Чудовище: ваяніе, 98.
Чудовъ монастырь, 197.
Чудовское оз.: область, 6; Ярославъ I, 32.
Чудь: Мономахъ, 60; Мстиславъ Вел. 61; Мстисл. Удалой, 75; удѣлы 86.

Чужебѣсіе: Крижаничъ, 322.
Чужой толкъ, сатира, 386.
Чулковъ: пѣсни, 389, 390.
Чума: Западъ, 103; Екат. II, 354, 363; 18-й вѣкъ, 375.
Чумакъ: пѣсни, 260.
Чуръ см. *Щуръ*.
Чухна см. *Финны*.
Чухонская фантазія, музыкальное сочиненіе, 474.
Чучело: славянская миѳологія, 17; татары 114; Петръ I, 329.

Шабашъ: вѣдьмы, 15.
Шагинъ-Гирей, 118.
Шалашъ: древніе славяне, 13.
Шаликовъ, писатель, 446.
Шаманъ (Д): татары, 113.
Шамиль: Николай I, 420; подчиненіе, 430.
Шамхалъ: Алекс. Мих., 280.
Шандалъ: значеніе слова, 248.
Шапка: Криве, 8; первые князья, 44; удѣлы, 55, 83; Мономаха, 61; Годуновъ, 195.
Шаровары: удѣлы, 83.
Шатеръ: татары, 125; Порта, 162; Лжедимитрій, 199.
Шафарикъ, ученый, 400.
Шафировъ: Петръ I, 296.
Шахматы: Лжедимитрій, 200; смута, 236; Алекс. Мих, 266.
Шаховской. 1) Яковъ, знач. 343; Петръ III, 347; записки, 384.—2) Писатель: комедіи, 448; водевиль, 449.
Шахъ: Марина, 214.
Шайноха, историкъ, 399.
Шварнъ: Литва, 110; Данило галицкій, 130.
Шварцъ. 1) Масонъ, 392. — 2) Живописецъ, 469.
Шведы: въ Финляндіи, 102; Новгородъ, 123, 124; Вас. Шуйскій, 205; смута, 210, 231; характеристика, 357, 407.
Швеція: германцы, 9; Ингигерда, 30; Русь, 32; Андрей II, 125; Нарва, 166; протестантизмъ, 166; Польша, 166; Ив. IV, 189; Мих. Ѳед., 216, 217; Карлъ XII, Фридр. II прус., 262; Алекс. Мих. 279; Петръ I, 298—300; Котошихинъ, 322; Анна Леопольд., 340; Елизавета, 344; Петръ III, 345; аристократія, 348; Екат. II, 357—359; преобразованія, 393; Алекс. I, 407, 412.
Швейцарія: протестантизмъ, 161; Павелъ I, 361, 362.
Шебуевъ, живописецъ, 467.
Шевкалъ см. *Шамхалъ*.
Шевченко, поэтъ: 40-е годы, 459; ссылка, 460; портретъ, 468.
Шевыревъ, ученый: Герценъ, 457; значеніе, 460.
Шеинъ, бояринъ, 216; Филаретъ, 219.
Шеколадъ: 18-й вѣкъ, 364.
Шекспиръ: Екат. II, 387, 388; его враги, 445, 448; музыка, 474.
Шелкъ (Д): меря, 7; Византія, 10; древн. славяне, 14; первые князья, 44; Разинъ, 275; Петръ I, 309; Елизавета, 341, 364.
Шеллингъ, философъ: Западъ, 398; 30-е годы, 457.
Шелонь р.: битва, 168.
Шемаха: Алекс. Мих., 280.
Шемяка: Григорій Св. 150.
Шемякинъ судъ: опредѣленіе, 151.
Шереметевы, князья: Ив. IV, 180; Петръ I, 296, 298; дневникъ, 326; Наталья, 372.
Шерсть (Д): матеріи, 3; первые князья 44.
Шествіе на осляти, обрядъ, 246.
Шетарди: Елизавета, 340, 344, 345.
Шигона Поджогинъ: Василій III, 175.
Шиллеръ, поэтъ: русскій переводъ, 389; Бѣлинскій, 458.
Шинель, сочиненіе, 455, 459.
Шипка: битва, 428.
Шишкина, живописецъ, 469.
Шишкинъ, живописецъ, 469.
Шишковисты, 444, 451.
Шишковъ. 1) Писатель: Державинъ, 392; госуд. секретарь, 412; министръ, 417; старина, 441; бесѣдистъ, 445; реакція, 452.—2) Живописецъ, 469.
Шкатулка: Петръ I, 329.
Шкиперъ: Петръ I, 288.
Школа (Д): камск. болгары, 8; франки, 12; начало въ Россіи, 29, 41; Ярославъ, 32; удѣлы, 88, 90, 91; начало высшихъ, 90; греко-латин., 220; Западъ, 47, 50; татары, 152; чехи, 164; Польша, 166, 399; Геннадій, 172; Стоглавъ, 187; Годуновъ, 192; польскія въ Рос. 251; латинскія и русскія въ польск. Руси, 251 253; высшая въ Острогѣ, 253; братства, 254, 255; Валахія, 265; Ртищевъ, 283, 322; Полоцкій, 283; Брюсъ, 296; Прокоповичъ, 296; Петръ I, 310, 312, 316—318, 323, 324, 326; театральная, 328; живописи, 329; Елизавета, 344; Екат. II, 353, 364, 385, 391; 18-й в., 375, 377, 378; Новиковъ, 385, 386; въ живописи, 393, 466, 467; Сербія, 403; Черногорія, 403; болгары, 404; Алекс. I, 405, 406, 409, 417; іезуитскія, 415; Библ. общество, 416; уніаты, 423; Ник. I, 423, 424, 431, 434; расколъ, 437, 438; 19-й в., 440, 441; церк.-приходскія, профессіональныя, 441; пра-

вовѣдѣнія, 442; Алекс. II, Алекс. III, 428, 440, 442, 443; театральныя, 448; Пушкина, 455, 465; натуральная, 455; скептическая, 458; Венелина, 460; въ музыкѣ, 473, 474; музыкальныя, 475.
Шлемъ (Д): Всеволодъ III, 72; удѣлы. 82; татары, 114.
Шлецеръ, ученый, 384.
Шлиссельбургъ: Иванъ VI, 341.
Шлягъ, монета, 14.
Шляхетство: Петръ I, 305.
Шляхта: начало, 23, 24; удѣлы, 50; Ягелло, 110, 112; высшее развитіе, 164 — 166; служилые, 227; преобладаніе, 265, 266; казаки, 278; Екат. II, 357, 358; сатира, 399; Ник. I, 419; Алекс. II, 430.
Шопенъ, музыкантъ, 472.
Шоссе (Д): Кавказъ, 433.
Шотландцы (Д): смута, 235.
Шпага: Петръ I, 307.
Шпіонство (Д): Ив. IV, 178; Годуновъ, 191; Петръ I, 308, 316; Анна Иван. 336.
Штирія: Габсбурги, 102.
Штраусъ, ученый: вліяніе въ Рос., 458.
Штрафъ: начало, 35; побои, 37; раскольники, 370.
Штунда: опредѣленіе, 438.
Штуръ, писатель, 401.
Шубертъ, музыкантъ, 471.
Шубка: начало, 37.
Шуваловы. 1) Петръ: Елиз. Петр. 340; характеръ, 342, 343; Петръ III, 347; лотерея, 368.—2) Иванъ: Елизавета, 342, 344, 372; Петръ III, 347, 348; просвѣщеніе, 376; моск. университетъ, 378.
Шуманъ, музыкантъ, 471.
Шумахеръ: академія наукъ, 377, 378.
Шумскій, актеръ, 464.
Шутъ: Петръ I, 328; Анна Иван. 335; Елизавета, 372.
Шуйскіе. 1) Князья: Ив. IV, 178, 179; Ѳедоръ I, 190, 191; Годуновъ, 195; Лжедим. I, 199, 200, 201, 205; царь, 200—207; Пожарскій, 210; Романовы, 212; Ив. III, 224; вымираніе, 225.— 2) Историкъ, 399.

Щедринъ, писатель, 463, 464.
Щекъ, герой преданія, 6.
Щелканъ: татары, 157.
Щепкинъ, актеръ, 448, 464.
Щербатовъ, ученый: Екат. II, 391.
Щитный Ѳома, ученый, 107.
Щитъ (Д): начало, 36; удѣлы, 82; ваяніе, 470.
Щуръ, божество, 15.

Ѣда: татары, 113.
Ѣзда: смута, 248; Анна Иван. 372.
Ѣздокъ: гонецъ, 148.

Эвклидъ, ученый (Д): рус. переводъ, 326.
Эволюціонизмъ: значеніе, 398.
Эгоизмъ (Д): Лермонтовъ, 455.
Эдукаціонная коммиссія: Польша, 399.
Эзель, остр.: датчане, 189.
Эзопъ, писатель (Д): польск. Русь, 259.
Экзекуція: Анна Иван. 335; Николай I 422.
Экзерциція: Петръ III, 348; Павелъ I, 362.
Экипажъ: Алекс. Мих. 283.
Эклога: 18-й вѣкъ, 388.
Экономическія записки, сочин., 380.
Экономическій бытъ (Д): Екат. II, 350; Николай I, 421; крымская война, 426.
Экономія: коллегія, 351; Николай I, 422.
Экспедиція: ученая, 383, 390, 424.
Элегія (Д): Пушкинъ, 451; 30-е годы, 453; Алекс. II, 465.
Электричество (Д): 18-й вѣкъ, 38[illegible].
Эллинизмъ (Д): на Западѣ, 102, 103; Византія, 104; Италія, 104; Россія, 320.
Элтонъ оз.: Елизавета, 343.
Эльба р.: начало славянъ, 3, 4; знач. слова, 4; поляки, 23; торговля, 37.
Эмиграція: Павелъ I, 361; поляки, 399, 424, 430; французы, 405, 408, 415; русскіе, 431.
Энеида (Д): пародія, 386.
Энциклопедизмъ: 18-й вѣкъ, 395.
Энциклопедисты, философы (Д): Франція, 263; въ Россіи. 283; Екат. II, 387.
Энциклопедія (Д): духовная, 246; французская, 263; Дидро, 377.
Эпикурейство: Батюшковъ, 449.
Эпилогъ: польская Русь, 259.
Эпиръ (Д): сербы, 106.
Эпосъ (Д): животный, 42; малороссы, 259; героическій, 386; Херасковъ, 389, 390; Гоголь, 455, 459; Л. Толстой, 464.
Эпоха (Д): археологія, 1; византійская, 10; Болеславовъ, 23; переходъ къ нов. исторіи, 100; папская, 102; классическая, 102.
Эразмъ, ученый: значеніе, 161; рус. переводъ, 326.
Эривань: присоединеніе къ Россіи, 418. 419, 431.
Эрмитажъ (Д): Екат. II, 393; Николай I, 467; значеніе, 470.
Эротъ: божество, 392.
Эрфуртъ: Александръ I, 407.
Эстетика (Д): Александръ I, 450, 452; университеты, 459; Базаровъ, 462.

Эстляндія: датчане, 50, 102; Петръ I, 300; крестьяне, 417; крѣпостничество, 422.
Эсты: опредѣленіе, 7; русскіе, 79
Этажерка: смута, 248.
Этнографія (Д): татары, 140, 159; Екат. II, 390; 19 й вѣкъ, 397; Шафарикъ, 400; лужичане, 401; Алекс. III, 443; Надеждинъ, 457; 30-е годы, 458; 40-е годы, 460; Алекс. II, 461, 465; выставка, 466; живопись, 467.
Этюды: живопись, 468.
Эчміадзинъ: Николай I, 419.
Эйлау: битва, 407.
Эйлеръ, ученый, 383.

Юбилей: писатели, 440; Некрасовъ, 463.
Югра: Новгородъ, 74; серебро, 133.
Юдиѳь, опера, 473.
Южная Русь: собираніе, 111, 175; борьба съ сѣв. 111; Кипчакъ, 115; разрывъ съ сѣв. 120; татары, 120; подчин. Польшѣ, 159; Западъ, 160; борьба съ поляками, 250—257.
Южный океанъ: изученіе, 452.
Юмала, божество, 7.
Юморъ: малороссы, 259; Екат. II, 387; Гоголь. 455; Тургеневъ, 461; живопись, 467; музыка, 472.
Юная Германія: Бѣлинскій, 458.
Юнге, г-жа, живописецъ, 469.
Юнкеръ: просвѣщеніе, 434; школы, 442.
Юридическія науки: 18-й вѣкъ, 378; Польша, 399; Алекс. III, 442.
Юристы: Западъ, 101, 103; Польша, 109, 164.
Юрій. 1) I Долгорукій: половцы, 59; Суздаль, Переяславль, 62; Давидовичи, 63—65; Кіевъ, 65—68; Волынь, 78; князь всея Руси, 81; церковь, 85.—2) II: борьба за престолъ, 76; татары, 115, 116, 122.—3) Даниловичъ, 127, 137.—4) Дмитріевичъ, 139.—5) Васильевичъ, 178.
Юродивый: Иванъ IV, 185, 187; значеніе, 237.
Юрта (Д): удѣлы, 55; татары, 113.
Юрьевъ, гор.: начало, 32.
Юрьевъ день, 193, 194.
Юрьевъ монастырь: удѣлы, 97.
Юрьевъ Польскій: начало, 66.
Юсупова: Анна Иван. 336.
Юстиніанъ I, императоръ: значеніе, 3; возстаніе, 11.
Юфть: Петръ I. 309.

Ябеда, сочиненіе, 388, 449.
Ябедникъ: происхожд. слова, 34; новый смыслъ, 81.
Яблоко: суевѣрія, 152; державное, 190.
Явленіе Христа народу, картина, 467.
Яворскій, Стефанъ: характеристика, 297; патріаршество, 311; старина, 376.
Ягелло: начало, 110; царствованіе, 111, 112; Москва, 138.
Ягеллоны: начало, 112; чехи, 163; Польша, 164; Венгрія, 164; прекращеніе, 166.
Ягужинскій: характеръ, 296; Екат. I, 330; Петръ II, 331; Анна Иван. 333, 334.
Ядвига: Ягелло, 110.
Ядро: Мих. Ѳед. 215.
Ядъ: удѣлы, 54, 64.
Языковъ: Ѳедоръ Алексѣевичъ, Апраксина, 285; убіеніе, 286.
Языкъ (Д): славянскій, 2; финскій, 9; древнеболгарск. 20. 249, 250; церк.-славянскій, 20, 96, 107, 249, 403; ново-болгарскій, 21, 105, 163; скандинавскій, 34, 41; русскій книжный, 41, 92, 255; греческій, 41, 47, 54, 90, 91, 150, 163, 255, 264, 324; новые на Западѣ, 48; провансальскій 48, 103; нѣмецкій, 50, 103, 107; родство въ русскомъ, 53; Лука Жидята, 93; Житія святыхъ, 94; Несторъ, 96; французскій 103, 322, 372; англійскій, 103; ново-греч., 104; румынскій. 106, 163; чешскій, 108, 164, 265, 399; русскій въ Литвѣ; 111, 156; татарск. 117; зырянск., 150, итальянск., 165; бѣлорусскій, 222; русскій въ древности, 249, 250, 262; москов. нарѣчіе, 249; славяно-русскій, 249; новый церк.-сла-вянскій, 249, 255, 325, 381, 444, 445; вліяніе Запада на рус. яз., 249; польскій въ Рос., 251, 283, 285; латинскій въ Россіи, 255, 258; ломоносовскій, 255; книжный въ польск. Руси, 258; полоцкій, 283; голландск. 295; турецкій, 323; персид. 323; еврейскій, 324; Екат. II, 353; Татищевъ, 380; русскій въ 18 в., 380; Россійская академія, 390; всеславянскій, 400; лужицкій, 401; хорватскій, 402; итальянскій у ю. славянъ, 402; иллирскій, 402; сербскій, 403; греческій у болгаръ, 404; новые при Алекс. I, Ник. I и Алекс. II, 406, 423, 441; польскій въ с.-з. краѣ, 409; русскій Польшѣ, 431, 445; восточные при Алекс. II, 441; рус. книжный при Алекс. II, 443; Карамзинъ 444; народный 450, 464.
Язычество (Д): Влад. Св., 27, 28; Ярославъ I, 39; нар. поэзія, 41, 42; первые князья, 43—46; эсты, ливы, 79; удѣлы, 85; Западъ, 86; татары, 152; смута, 227. 236, 237, 238, 240; духовныя пѣсни, 245.

Яикъ р.: смута, 214; бунты при Елизаветѣ, 363.
Яицкъ, гор.: основаніе, 229.
Якоби, живописецъ, 468, 469.
Якобинство: Павелъ I, 361; Сперанскій, 412; Карамзинъ, 444.
Яковъ де Ворагине, писатель, 259.
Якорь: происхожденіе слова, 34.
Якутскъ, якуты: появленіе русскихъ, 281.
Якушкинъ, ученый, 465.
Ямбъ (Д): Богдановичъ, 390.
Ямщикъ: татары, 143; Екат. II, 364.
Ямъ, гор.: Густавъ-Адольфъ, 217.
Ямы: значеніе слова, 248.
Январь (Д): Петръ I, 323.
Янтарь (Д): древніе славяне, 14; церковныя книги, 269.
Янъ-Альбрехтъ, 164.
Янъ Вышатичъ, 87.
Янъ Собѣскій, король: Кіевъ, 287.
Янычары: начало, 104; значеніе, 162; своеволіе, 264; Петръ I, 300; 19-й в., 407.
Японія (Д): Александръ II, 430.
Ярило, божество, 17.
Ярлыкъ: происхожд. слова, 119; значеніе. 121; Невскій, 125; Тверь, 127, 128, 136; Суздаль, 135; Дим. Донской, 136; духовенство, 148.
Ярмарки: моложская, 133; казанская, 229; макарьевская, 229; Петръ I, 310.
Ярополкъ, великій князь, 27.
Ярославичи: Всеславъ, 33.
Ярославль: начало, 32; удѣлы, 66; татары, 116; княжество, 120, 121; Мнишки, 201; смута, 210, 230; Биронъ, 341; театръ, 383; лицей, 417; бѣгуны, 438.
Ярославъ. 1) I: гречанка, 28; княженіе, 30—33; варяги, 34; поэзія, 42; статуя, 470.—2) Святославичъ муромскій, 77—3) Осмомыслъ, 78.—4) II Всеволодовичъ, 122, 124.—5) III Ярославичъ, 126.
Ярошенко, живописецъ, 468.
Яса, законы: Чингисханъ, 114; татары, 118.
Ясакъ: опредѣленіе, 118; Тверь, 127; Ермакъ, 281.
Ясельничій: Иванъ III, 170.
Яссы, гор.: миръ, 267, 357.
Ястребъ: первые князья, 44; удѣлы, 83.
Ясы, кочевники, 26.
Ятвяги: опредѣленіе, 9; Владиміръ Св., 28; Романъ волын., 79; Данило галицкій, 130.
Ячмень: начало, 2.

Ѳедоровъ, печатникъ: Москва, 241; Острожскіе, 253.
Ѳедоръ см. *Ѳеодоръ*.
Ѳедотовъ, живописецъ, 467, 468.
Ѳеодора, императрица, 11.
Ѳеодоръ. 1) Епископъ: Андрей Боголюб. 70; казнь, 85.—2) Студитъ, 89.—3) Тверской князь, 128.—4) I Ивановичъ: царствованіе, 189—191; его дочь, 195; самозванецъ, 203; холопы, 228.—5) Алексѣевичъ: Дорошенко, 280; крымцы, 280; характеристика, 283; волосы и одежда, 285; царствованіе, 283—285.
Ѳеодосія (Д): греческая колонія, 10.
Ѳеодосій. 1) Отшельникъ: значеніе, 40; Святославъ, 88; печерянинъ, 89; Житія святыхъ, 94; пьянство, 154.—2) Императоръ (Д): ваяніе, 470.
Ѳеократія (Д): Черногорія, 106, 403; значеніе на Западѣ, 436.
Ѳеофанъ см. *Прокоповичъ*.
Ѳессалія (Д): сербы, 106.
Ѳессалоника см. *Солунь*.
Ѳома Аквинскій: значеніе, 102.
Ѳома Кемпійскій, писатель, 259.
Ѳомизмъ: опредѣленіе, 102.
Ѳриносъ, сочиненіе, 258.
Ѳукидидъ (Д), историкъ: русскій переводъ, 326.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Отъ автора . . . . . III.

I. Первобытные славяне и ихъ сосѣди . . . . . 1—19

§ 1. Первобытные европейцы, 1. — § 2. Арійцы. Начало славянства, 2.—§ 3. Южные и западные славяне, 3.—§ 4. Восточные славяне, 5.—§ 5. Сосѣди вост. славянъ. а) Монголы, 7.—§ 6. б) Литовцы и варяги, 8. — § 7. Византійская эпоха, 9.—§ 8. Римско-католическій западъ, 11.—§ 9. Родовой бытъ, городъ, дружина, торговля у славянъ, 12.—§ 10. Нравы и обычаи у славянъ, 14.—§ 11. Духи предковъ и природы, 15.—§ 12. Празднества и обряды, боги и богатыри, 16.

II. Начало государства и христіанства у славянъ . . . . 19—46

§ 13. Романцы, германцы и Византія, 19.—§ 14. Кириллъ и Меѳодій, 20.—§ 15. Христіанство и государства у южн. славянъ, моравянъ и венгровъ, 21.—§ 16. Христіанство и государство у чеховъ и поляковъ, 23.—§ 17. Начало государства у вост. славянъ. Первые русскіе князья, 24.—§ 18. Святославъ, Ярополкъ, 26.—§ 19. Владиміръ Святой, 27.—§ 20. Христіанство при Владимірѣ и его смерть, 29.—§ 21. Святополкъ I Окаянный и Мстиславъ Тмутараканскій, 30.—§ 22. Ярославъ I, 32.—§ 23. Полоцкъ и Новгородъ, 33.—§ 24. Варяжество и государство на Руси, 34.—§ 25. Дружина и земщина, 35.—§ 26. Законы, судъ и церковь, 37.—§ 27. Христіанство и нравы, 39.—§ 28. Письменность и народная поэзія, 41.—§ 29. Искусство и внѣшній бытъ, 42.—§ 30. Значеніе періода 44.

III. Удѣльныя усобщины. . . . . . 46—100

§ 31. Романцы, германцы и греки, 46.—§ 32. Просвѣщеніе Запада, 47.—§ 33. Южные славяне, 48.—§ 34. Западные славяне, 49.—§ 35. Причины удѣльныхъ усобицъ на Руси, 50.—§ 36. Племянники и дяди, 53.—§ 37. Изгои и половцы, 54.—§ 38. Братья-соперники. Всеволодъ I и Святославичи, 55.—§ 39. Внуки-соперники. Давидъ и Василько, 57.—§ 40. Половцы и Мономахъ, 58 —§ 41. Мстиславъ Великій. Разгаръ усобицъ, 61.—§ 42. Ольговичи и Мономаховичи, 62.—§ 43. Давидовичи и Ольговичи, 63.—§ 44. Борьба между Мономаховичами. Сѣверная Русь и Великоруссы, 65.—§ 45. Андрей Боголюбскій. Подготовка самодержавія, 67.—§ 46. Паденіе Кіева, 68.—§ 47. Андрей I Боголюбскій и Мстиславъ Храбрый, 70.—§ 48. Всеволодъ III Большое

Стран.

гнѣздо, 71.—§ 49. Господинъ Великій Новгородъ, 72.—§ 50. Мстиславъ Храбрый и Мстиславъ Удалой, 74.—§ 51. Мстиславъ Удалой, Юрій II и татары, 75.—§ 52. Мелкія княжества, 77.—§ 53. Галичина или Червонная Русь, 78.—§ 54. Нѣмцы, 79.—§ 55. Государственный нарядъ, 80.—§ 56. Князь, 82.—§ 57. Дружина и „люди", 83.—§ 58. Церковь, 84.—§ 59. Нравы и понятія, 85.—§ 60. Монашество и Кіево-Печерская Лавра, 87.—§ 61. Просвѣщеніе, 90.—§ 62.—Церковная письменность, 92.—§ 63. Свѣтская письменность и народная поэзія, 94.—§ 64. Лѣтопись, 95.—§ 65. Искусство и внѣшній бытъ, 97.—§ 66. Значеніе періода, 99.—

IV. Татары и Москва . . . . . 100—160

§ 67. Романцы и германцы, 100.—§ 68. Просвѣщеніе Запада, 102.—§ 69. Византія и турки, 104.—§ 70. Южные славяне и румыны, 105.—§ 71. Чехи, 107.—§ 72. Послѣдніе Пясты, 108.—§ 73. Великое княжество Литовское, 110.—§ 74. Татары, 113.—§ 75. Нашествіе татаръ на Европу, 115.—§ 76. Судьба и бытъ татаръ на Руси, 117.—§ 77. Слѣдствія татарщины на Руси, 119.—§ 78. Борьба за первенство въ с.-в. Руси, 120.—§ 79. Юрій II и Ярославъ II, Невскій въ Новгородѣ, 122.—§ 80. Новая политика и Александръ, 124.—§ 81. Борьба Москвы съ Тверью, 126,—§ 82. Юго-зап. Русь при татарахъ. Данило, 128.—§ 83. Причины усиленія Москвы, 131.—§ 84. Иванъ I Калита, 133.—§ 85. Семенъ Гордый и Иванъ II. Борьба двухъ Димитріевъ, 134.—§ 86. Покореніе Твери и Рязани Москвою, 136.—§ 87. Димитрій Донской и татары, 137.—§ 88. Василій I и Василій II Темный, 139.—§ 89. Земля и населеніе, 140.—§ 90. Начало самодержавія, 141.—§ 91. Бояре и тяглые люди, 143.—§ 92. Казачество, 145.—§ 93. Церковь, 146.—§ 94. Духовенство, 148.—§ 95. Нравы, понятія, просвѣщеніе, 150.—§ 96. Церковная письменность, 153.—§ 97. Свѣтская письменность, 155,—§ 98. Искусство и внѣшній бытъ, 157.—§ 99. Значеніе періода, 158.

V. Самодержавіе и смута . . . . . 160—262

§ 100. Романцы и германцы, 160.—§ 101. Турки, южные славяне и румыны, 161.—§ 102. Чехи и поляки, 163.—§ 103. Иванъ III. Паденіе Твери и Новгорода, 167.—§ 104. Софья, самодержавіе и Западъ, 169.—§ 105. Геннадій, Іосифъ Санинъ и Нилъ Сорскій, 171.—§ 106. Прекращеніе татарскаго ига и наступленіе противъ Литвы, 173.—§ 107. Василій III, Вассіанъ и Максимъ Грекъ, 174.—§ 108. Первый царь и его воспитаніе, 178.—§ 109. Добрая пора.—Сильвестръ и Адашевъ. 180.—§ 110. Подготовка бѣдствій, Курбскій, 181.—§ 111. Опричнина и пора казней, 182.—§ 112. Внутренняя политика, 185.—§ 113. Сибирь, Ливонія и Польша, 187.—§ 114. Ѳедоръ I и бояре, 189.—§ 115. Борисъ Годуновъ—правитель, 191.—§ 116. Крѣпостничество и патріаршество, 193.—§ 117. Борисъ-царь, 194.—§ 118. Гришка Отрепьевъ и гибель Годуновыхъ, 197.—§ 119. Лжедимитрій I, 199.—§ 120. Василій Шуйскій и Болотниковъ, 201.—§ 121. Тушинскій воръ, 203.—§ 122. Скопинъ-Шуйскій. Гибель Тушина и царя Василія, 205.—§ 123. Поляки и русское ополченіе, 206.—

Стран.

§ 124. Ляпуновъ и Заруцкій; троицкіе люди, 208.—§ 125. Очищеніе Руси; Мининъ и Пожарскій, 209.—§ 126. Избраніе Михаила Романова, 211.—§ 127. Истребленіе „воровъ", 213.—§ 128. Польскія войны, 214.—§ 129. Швеція, Австрія и азовское сидѣніе, 216.—§ 130. Далекій Западъ и иностранцы въ Москвѣ, 217.—§ 131. Двоевластіе; правленіе Филарета, 219.—§ 132. Земля и населеніе; 220.—§ 133. Самодержавіе 221.—§ 134. Боярство, 224.—§ 135. Духовенство, 225.—§ 136. Служилые и крестьяне, 227.—§ 137. Горожане и иностранцы, 228.—§ 138. Управленіе, 231.—§ 139. Казна и войско, 233.—§ 140. Нравы, 236.—§ 141. Понятія, 237.—§ 142. Просвѣщеніе 239.—§ 143. Характеръ письменности с.-в. Руси. Публицистика, 241.—§ 144. Свѣтская проза, 243.—§ 145. Поэзія, 244.—§ 146. Церковная письменность, 246.—§ 147. Искусство и внѣшній бытъ, 247.—§ 148. Языкъ древней Руси, 249.—§ 149. Поляки, іезуиты и унія въ юго-зап. Руси, 250.—§ 150. Константинъ Острожскій и Курбскій, 252.—§ 151. Братства и кіевская коллегія, 253.—§ 152. Малороссійскіе казаки, 255.—§ 153. Письменность юго-зап. Руси, 257.—§ 154. Значеніе періода и древней Россіи, 260.

VI. Преобразованія и Западъ (ок. 1650—1800 г.). . . . . 262—396

§ 155. Романцы и германцы, 262.—§ 156. Турки, южные славяне и румыны, 263.—§ 157. Чехи и поляки, 265.—§ 158. Царь Алексѣй, бояринъ Морозовъ и патріархъ Никонъ, 266.—§ 159. Исправленіе церковныхъ книгъ, 268.—§ 160. Дѣло Никона, 269.—§ 161. Расколъ-старообрядство. Аввакумъ, 271.—§ 162. Мелкіе бунты, 272.—§ 163. Бунтъ Разина, 274.—§ 164. Присоединеніе Малороссіи къ Москвѣ, 276.—§ 165. Войны съ Польшей, Швеціей и Турціей, 279.—§ 166. Кавказъ, Сибирь и Западъ, 280.—§ 167. Кружокъ преобразователей, 282.—§ 168. Ѳедоръ, Милославскіе и Нарышкины, 283.—§ 169. Софья и Нарышкины, 285.—§ 170. Развитіе и воцареніе Петра, 287.—§ 171. Петръ подъ Азовомъ и за-границей; его идея, 289.—§ 172. Значеніе и характеръ преобразованій Петра, 291.—§ 173. Старина и царевичъ Алексѣй, 293.—§ 174. Сотрудники Петра, 295.—§ 175. Сѣверная война, 298.—§ 176. Прутскій походъ; значеніе войнъ Петра, 299.—§ 177. Востокъ и смерть Петра, 301.—§ 178. Земля и населеніе, 302.—§ 179. Самодержавіе, 303.—§ 180. Дворянство, 304.—§ 181. Управленіе, 305.—§ 182. Войско и казна, 307.—§ 183. Торговля и промыслы. Иностранцы, 308.—§ 184. Горожане, 310.—§ 185. Духовенство и расколъ, 311.—§ 186. Крестьяне, 313.—§ 187. Нравы правительства, 314.—§ 188. Нравы общества, 316.—§ 189. Старыя понятія, 318.—§ 190. Новыя понятія, 320.—§ 191. Просвѣщеніе, 322.—§ 192. Церковная письменность, 324.—§ 193. Свѣтская проза, 326.—§ 194. Поэзія, 327.—§ 195. Искусство и внѣшній бытъ, 328.—§ 196. Екатерина I, 329.—§ 197. Петръ II, Остерманъ, Долгорукіе, 331.—§ 198. Воцареніе Анны Ивановны, 332.—§ 199. Анна и Биронъ, 334.—§ 200. Бироновщина и Волынскій, 335.—§ 201. Минихъ, Польша и Турція,

Стран.

337.—§ 202. Иванъ VI и Анна Леопольдовна, 338.—§ 203. Елизавета и ея сотрудники, 341.—§ 204. Внутреннія дѣла, 343.—§ 205. Иностранная политика и молодой дворъ, 344.—§ 206. Петръ III, 347.—§ 207. Воцареніе Екатерины II, 348.—§ 208. Законодательство и экономическія мѣры, 349.—§ 209. Администрація, сословія, просвѣщеніе, 352.—§ 210. Внутреннія волненія, 353.—§ 211. Германія и польскій вопросъ, 354.—§ 212. Войны съ Турціей и Швеціей, 356.—§ 213. Паденіе Польши, 357.—§ 214. Конецъ царствованія Екатерины, 358.—§ 215. Павелъ I, 359.—§ 216. Земля и населеніе. Внѣшній бытъ, 362.—§ 217. Самодержавіе. Дворяне и купцы, 364.—§ 218. Духовенство и крестьяне, 366.—§ 219. Управленіе, 367.—§ 220. Казна и войско, 368.—§ 221. Церковь, расколъ, католичество, 370.—§ 222. Нравы, 372.—§ 223. Понятія, 374.—§ 224. Просвѣщеніе, 377.—§ 225. Характеръ письменности до Екатерины II, 379.—§ 226. Русскій языкъ и словесность, 381.—§ 227.—Наука и журналистика, 383.—§ 228. Характеръ письменности при Екатеринѣ II, 385.—§ 229. Екатерина, Фонвизинъ, Капнистъ, Хемницеръ, 387.—§ 230. Драма, опера, романъ, 388.—§ 231. Державинъ. Эпосъ. Наука, 389.—§ 232. Реакція и народность. Искусство, 390.—§ 233. Значеніе періода, 393.

VII. Девятнадцатый вѣкъ . . . . . 396—47

§ 234. Романцы и германцы, 396.—§ 235. Западные славяне, 398.—§ 236. Южные славяне, турки, румыны, 401.—§ 237. Александръ I, Первыя преобразованія, 404.—§ 238. Внѣшнія дѣла и состояніе Россіи до 1812 г., 406.—§ 239. Реформы Сперанскаго, 410.—§ 240. Отечественная война; низверженіе Наполеона, 412.—§ 241. Мистицизмъ и либерализмъ, 414.—§ 242. Реакція, 416.—§ 243. Николай I. Персія и Турція, польское возстаніе, 418.—§ 244. Англія, Кавказъ и Востокъ, 419.—§ 245. Законы, финансы, крестьяне, унія, 421.—§ 246. Просвѣщеніе и реакція, 423.—§ 247. Крымская война, 425.—§ 248. Преобразованія Александра II, 426.—§ 249. Восточный вопросъ, 428.—§ 250. Внутреннія безпокойства, 430.—§ 251. Земля, населеніе; внѣшній бытъ, 431.—§ 252. Управленіе; экономическій бытъ, 433.—§ 253. Сословія, 435.—§ 254. Церковь и расколъ, 436.—§ 255. Нравы, 438.—§ 256. Просвѣщеніе, 440.—§ 257. Письменность при Александрѣ I: а) Карамзинъ, 449.—§ 258. б) Лжеклассицизмъ, сентиментализмъ, романтизмъ, 445.—§ 259. в) Реализмъ и сатира, 447.—§ 260. г) Классицизмъ и народность. Грибоѣдовъ и Пушкинъ, 449.—§ 261. д) Характеръ умственнаго развитія, 451.—§ 462. Письменность 30-хъ годовъ: а) поэзія, 453.—§ 263. б) Критика и наука, 456.—§ 264. Письменность 40-хъ годовъ, 458.—§ 265. Письменность при Александрѣ II, 461.—§ 266. Искусство: а) живопись, 467.—§ 267. б) Ваяніе, зодчество, 470.—§ 268. в) Музыка, 471.

Хронологическая таблица 476
Указатель именъ и терминовъ 4 3

Центральная библиотека
39989

ГЛАВНЫЯ ОПЕЧАТКИ И ПОПРАВКИ.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно читать.*
4	32	па о. Рюгенѣ	у устьевъ Одера
17	17	Іорки	Горки
19	25	государей, исключая	государей, не исключая
43	26	укращеній	украшеній
47	6	бенедиктинскій	доминиканскій
69	30	Іалицкаго	Галицкаго
76	15	липецкой	липицкой
81	5	Монамаха	Мономаха
94	36	заточника	Заточника
117	36 и 41	Тохматыша	Тохтамыша
119	37	аршинъ, базаръ	аршинъ, багоръ, базаръ
157	28	домашній	внѣшній
178	10	Ивану-Овчинѣ	Ивану Овчинѣ
191	14	Іодуна	Годуна
195	19	монахини	монахини, подъ именемъ Марѳы
204	17	прогоняли	пригоняли
226	37	архіерея	архіепископа
231	25	Іерберштейнъ	Герберштейнъ
235	8	пореходила къ росударю	переходила къ государю
237	17	сподвиж-	подвиж-
241	21	Іеннадій	Геннадій
264	послѣд.	княземъ	господаремъ
269	18 и 23	греко-слав.	греко-лат.
273	31	§ 195	§ 194
—	35	„смирителей-лиходѣевъ“	„смирителей лиходѣевъ“
296	13	Іоловкинъ	Головкинъ
297	35	Іолицыныхъ	Голицыныхъ
320	33	начетница	начетчица
328	15	Готфрида	Годфрида
346	15	Гросъ-Ггерсдорфа	Гросъ-Егерсдорфа
360	26	Растопчинъ	Ростопчинъ
365	39	§ 180	§ 209
371	31	академіей	академіей наукъ
377	30	слав.-лат.	слав.-греко-лат.
380	24	§ 158	§ 155
385	38	1782	1781
406	13	Дерптѣ	Петербургѣ
407	18	миръ	міръ
429	2	Іорчаковъ	Горчаковъ
430	10	Хива	Хива)
460	послѣд.	1843	1834
472	предпосл.	Ілинка	Глинка

40000=

1234 год. битва на Воже

1480 год освобождение от татар.

1649 год Алексей отнял в Молдавии, крп. арабс.

1785 год Османская граница Екатерина утверждает власть над крестьянами

Воспрещение крестьян помещиков с 19 века. 1803 году разрешено отпускать их на волю.

1861 года 19 февраля Освобождение крестьян.

650